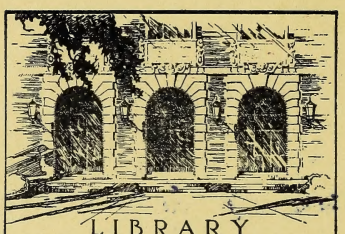

LIBRARY
OF THE
UNIVERSITY
OF ILLINOIS

140
N58p
v.1-2

The person charging this material is responsible for its return to the library from which it was withdrawn on or before the **Latest Date** stamped below.

Theft, mutilation, and underlining of books are reasons for disciplinary action and may result in dismissal from the University.

To renew call Telephone Center, 333-8400

UNIVERSITY OF ILLINOIS LIBRARY AT URBANA-CHAMPAIGN

APR 06 1986

DEC 20 1985

FEB 19 ENT'D

L161—O-1096

Digitized by the Internet Archive
in 2016 with funding from
University of Illinois Urbana-Champaign

https://archive.org/details/pozitivnaiafilos00nika

ПОЗИТИВНАЯ ФИЛОСОФІЯ

И

СВЕРХЧУВСТВЕННОЕ БЫТІЕ.

СОЧИНЕНІЕ

ЕПИСКОПА НИКАНОРА.

ТОМЪ I.

ФУНДАМЕНТАЛЬНОЙ БИБЛІОТЕКИ ПЕРВОЙ МОСКОВСК. ГИМНАЗІИ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ТОВАРИЩЕСТВА «ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА»,
по мойкѣ, № 5.

1875.

Printed in Russia

Отъ С.-Петербургскаго Комитета Духовной цензуры, печатать дозволяется.
С.-Петербургъ, Февраля 18 дня 1873 г.

Цензоръ Архимандритъ *Арсений*

140
Y58p
v.1-2

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Изъ всѣхъ движеній, какія чувствуются въ нашей душѣ въ эту минуту, когда мы взялись за перо, чтобъ написать это собственно *послѣсловіе* къ нашему многолѣтнему тяжолому труду, ясно выдѣляется одно господствующее, именно желаніе послѣдовать примѣру нашихъ стародавнихъ предшественниковъ, по званію и по книжному дѣлу, и совершенно искренно попросить христіанскаго прощенія у возможнаго нашего читателя,—попросить, чтобъ онъ былъ «милостивъ къ намъ и незазорливъ, аще обрящетъ нѣчто погрѣшено, ради малоумѣтельства ума нашего: обыче бо нѣчто сицево бывати въ таковыхъ, понеже писа не ангелъ, но рука грѣшна и бренна». Прости намъ, читатель, самую отвагу взяться за предметъ, который, на пространствѣ вѣковъ, былъ не многимъ по силамъ. Мы осмѣлились приступить къ нему по стеченію обстоятельствъ нашей жизни и служенія и въ-виду того плачевнаго результата, что между многими изъ насъ повально распространяются, легко на лету схватываемые, погрѣшительные выводы, а между-тѣмъ не многіе берутъ на себя не легкій трудъ вдуматься въ основанія поражающихъ современныхъ заблужденій. Прости намъ, читатель, смиренное наше, почти что, рабство, съ какимъ мы заботливо, почти до боязливости, придерживаемся за признанные авторитеты новѣйшей философской и естественной науки. Съ одной стороны, нашему духу далеко не сродно желаніе вообразить

себя даже предъ самимъ собою, а тѣмъ болѣе выставить себя предъ другими хозяиномъ въ этихъ отрасляхъ знанія, хотя мы посильно и изучали ихъ въ-теченіи всей нашей жизни; а съ другой стороны, мы сознательно усиливались итти по слѣдамъ извѣстнѣйшихъ представителей науки нашихъ дней, какъ можно далѣе и неотступнѣе, чтобъ сдѣлать свои собственные шаги, какъ можно, тверже и показать ихъ другимъ, какъ можно болѣе благонадежными, пока не чувствовали въ себѣ нужды и силы повернуть чужую современно-научную мысль въ сторону нашихъ собственныхъ коренныхъ убѣжденій. Прости намъ, читатель, и то, что мы воспользовались не всѣми, относящимися къ дѣлу, научными авторитетами. Извѣстно всякому, что вообще наука обширна, а жизнь короткая.—Исчерпать всю науку трудно,—и кромѣ того почти всякій авторъ, въ своихъ работахъ, управляется болѣе или менѣе независящими отъ него обстоятельствами, къ какимъ можно отнести и то, что иной приступилъ къ ученой работѣ при средствахъ одной изъ богатыхъ общественныхъ библіотекъ, а, продолжая работу, вынужденъ былъ ограничиться способами библіотеки только своей собственной, да и то наскоро составленной. Въ этомъ случаѣ насъ ободряла увѣренноеть, что современные писатели извѣстной категоріи, изучая другъ друга, послѣдующіе своихъ предшественниковъ, почти всегда и вездѣ повторяются. Прости намъ, читатель, несоизмѣримость частей и пристройки, плеоназмы и повторенія въ нашемъ трудѣ. Извѣстно, что, когда домъ выстроенъ, то, послѣ этого, всякому, а въ-особенности самому строителю и хозяину, не достатки и неудобства зданія становятся ясны; а между-тѣмъ въ зданіи многосложномъ и многолѣтнемъ это даже неизбѣжно. Математически ясная логичность въ трудахъ, которые разсуждаютъ

самыхъ крайнихъ основахъ человѣческой мысли и знанія, свидѣ-
льствовала бы, по нашему мнѣнію, скорѣе объ односторонности,
бмъ о вѣрности воззрѣнія, — такъ-какъ неизслѣдимо сложная ма-
ина нашего ума слишкомъ далека отъ сходства съ шахматною дос-
ю и даже съ таблицею умноженія, на которой 2×2 всегда рав-
ются 4, а не 5.—Прости намъ, читатель, и бѣдность результа-
овъ нашего изслѣдованія, остановленнаго пока только на дока-
ательствѣ сверхчувственности матеріи, — бѣдность, которая пока-
ется тебѣ, быть можетъ, даже удивительною скудостью. Но мы
амѣренно медлили оставаться во мракѣ гносеологической глуби,
тобы всмотрѣться въ перво-источное начало той порчи, которая
верху, на-виду всѣхъ, поражаетъ гнилью и сушью все много-
ѣтвистое дерево человѣческаго знанія, а начинается въ темной
езднѣ, съ самыхъ дальнихъ, глубоко врывшихся въ землю, ши-
око развѣтвившихся, измельчавшихъ до незамѣтности и, по ви-
имому, даже незначительныхъ для жизни цѣлаго дерева корешч-
овъ. Нашею задачею было показать не-только точки соприкосно-
енія, но и совершенное единство корней, въ гносеологическихъ
снованіяхъ, у естественно-философской науки съ богословскою.
Насъ побудило къ этому труду сознаніе долга предъ прошедшимъ
ашего поколѣнія, которое выдержало небывалую въ нашемъ оте-
ествѣ бурю идей, враждебныхъ священнѣйшимъ завѣтамъ на-
пихъ отцовъ; сознаніе этого долга побудило насъ выступить, съ
ыводами вынесенной нами умственной борьбы, предъ очи поко-
нія нараждающагося. Мы сочтемъ себя вознагражденными, если
отя самыми недостатками нашего труда намѣтимъ правый путь
уху и генію нашихъ преемниковъ, будущихъ тружениковъ на-
ки и поборниковъ вѣры, въ убѣжденіи, что и несовершенное

дѣйствіе можетъ иногда возбуждать плодотворную реакцію. М
почувствуемъ себя вознагражденными въ совѣсти, глубоко и о
радно, если хоть одной душѣ, томительно колеблемой сомнѣніям
и заблужденіями, поможемъ стать твердо на пути истины, вѣру
въ божественное слово, что такой пособникъ *спасетъ* собствен
ную *душу отъ смерти и покроетъ множество* своихъ собствен
ныхъ *грѣховъ* (Іак. 5, 19—20).

НИКАНОРЪ,
Епископъ Аксайскій,
Докторъ Богословія.

1874 г. Марта 8-го.
Ново-Черкаскъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

—

Предисловіе.

Введеніе (стр. I—II).

Съ позитивно-философской точки зрѣнія, понятіе объ истинномъ знаніи, о
аніи позитивномъ, реально-объективномъ. Понятіе о реальномъ, объективномъ
чувственномъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

О

ЗНАНІИ ОБЪЕКТИВНОМЪ.

Все ли чуственное, чувствомъ постигаемое, объективно?

Глава I (стр. 4—12).

О внѣшнемъ чувствѣ. Объективно ли его свидѣтельство? Субъективность дан-
ыхъ, получаемыхъ изъ ощущеній внѣшнихъ чувствъ. Чувствуетъ собственно
нтральное чувствилище, мозгъ. Представленія и понятія никогда не бываютъ
эквatны воспринимаемымъ предметамъ. Общій принципъ, по которому при-
ается что-либо объективнымъ, въ сферѣ дѣятельности внѣшнихъ чувствъ.

Глава II (стр. 13—17).

О чувствѣ внутреннемъ. Классификація внутреннихъ ощущеній. Низшая
ласть ощущеній физическихъ. Высшая область ощущенія движеній и дѣятель-
остей душевныхъ. Объективно ли свидѣтельство этихъ внутреннихъ ощущеній
вопервыхъ, чувства низшаго физіологическаго? Какія свойства это чувство
крываетъ въ предметахъ? Указанія внутренняго физіологическаго чувства
лѣе объективны и обще-субъективны, чѣмъ свидѣтельства чувствъ внѣшнихъ.

Глава III (стр. 17—27).

Что въ сферѣ душевныхъ дѣятельностей и силъ должно назвать чувствомъ?
рактическая и теоретическая сторона чувства. Чувство—коренная сила души,

*

Эстетическій вкусъ, совѣсть и сознаніе суть разныя проявленія единаго коренного душевнаго чувства,—суть чувства, какъ и физіологическія внутреннія, какъ и внѣшнія чувства единой цѣлостной души. Какія свойства открываются душевнымъ чувствомъ въ предметахъ? Объективны ли его показанія? Есть ли въ объектахъ, внѣ мыслящаго субъекта находящихся, свойства, открываемыя этими чувствами? Есть ли внѣ чувствующаго субъекта предметы, возбуждающіе въ немъ ощущенія прекраснаго, благаго, истиннаго? По объективности своего свидѣтельства, внутреннее душевное чувство совершенно аналогично съ чувствами, какъ внутреннимъ органическимъ, такъ и внѣшнимъ, и въ однихъ отношеніяхъ равнозначительно съ ними, а въ другихъ выше ихъ, выше ихъ уже какъ корень, гнѣздилище, фокусъ всѣхъ отправленій чувства.

Глава IV (стр. 27—38).

Есть ли, въ показаніяхъ внутренняго душевнаго чувства, что-либо обще-субъективное? Есть ли что-либо обще-признанное въ сферѣ эстетическаго вкуса, совѣсти и сознанія? Есть ли что-либо общепризнанное за истинное въ сферѣ высшаго душевнаго чувства, въ признаніи чего за таковое чувства низшія принимали бы наименѣе участія? Объ апріорности понятій и прирожденности идей, о способности ума имѣть трансцендентальныя, независимыя отъ внѣшняго опыта, понятія. Апріорность математическихъ понятій и высшихъ категорій. Прирожденность идеи безконечно-совершеннаго. Отличіе разсудочнаго понятія о безконечномъ отъ разумной идеи безконечнаго. Прирожденность частнѣйшихъ нравственныхъ и эстетическихъ идей. Въ душевномъ чувствѣ покоится послѣднее основаніе того, почему что-либо признается человѣчествомъ за истинное.

Глава V (стр. 38—43).

Отношеніе высшаго душевнаго чувства къ низшимъ, внутреннему органическому и внѣшнему. Сознаніе, или вообще, внутреннее душевное чувство есть совершенно аналогичное внѣшнему, внутреннее зрѣніе, или вообще чувство, и, въ тоже время, корень, центръ и душа всѣхъ низшихъ чувствъ. Выводъ относительно сравнительнаго значенія свидѣтельства чувствъ внѣшняго и внутренняго, низшаго органическаго и высшаго душевнаго.

Глава VI (стр. 44—59).

Возможно-связный отвѣтъ на вопросъ: все ли чувственное объективно? Объективность показаній внѣшняго чувства, основательно и разносторонне разрушаемая разсудочнымъ анализомъ. И внутреннее физіологическое чувство не даетъ, адэкватнаго неуловимой текучести органическихъ бытій и процессовъ, знанія. И въ душевномъ чувствѣ усматривается безконечно-пестрое и быстрое мельканье ощущеній, представленій, образовъ, понятій, не адэкватныхъ безпрерывному, безконечно-пестрому міровращенію. Человѣческое Я—центръ міросозерцанія. Основная тенденція ума—противопоставить неподвижность міросозерцанія быстротечно-

сти бытія, рядомъ съ требованіемъ ума, чтобы наше міросозерцаніе было, по возможности, точнымъ отображеніемъ міробытія.

Глава VII (стр. 59—69).

Возможна ли истина міросозерцанія именно-объективная, адэкватная объекту, дѣйствительному образу міробытія? Мѣрило истины, какъ субъективной, отношенія извѣстнаго предиката къ субъекту, такъ и объективной, отношенія извѣстнаго предиката къ объекту,—есть наше-же внутреннее душевное чувство. Болѣе непосредственно прилагаемое къ самому чувству, это мѣрило даетъ безпредѣльную область истинъ субъективныхъ-практическихъ, истинъ практическаго разума, наиболѣе непогрѣшимыхъ, непререкаемыхъ и принудительно достовѣрныхъ. Условія всеобщей обязательности практическихъ истинъ. Объективная, достижимая для человѣка, истина есть таже субъективная; она измѣряется тѣмъ-же послѣднимъ мѣриломъ, внутреннимъ нашимъ душевнымъ чувствомъ истины; всякое признаніе чего-либо за истину есть извѣстное чувствованіе, или, что тоже, извѣстное состояніе моего Я, принудительно дѣйствующее на мое убѣжденіе.

Глава VIII (стр. 70—85).

Какими пріемами и способами человѣкъ строитъ свое неподвижное міросозерцаніе, среди абсолютной движимости во вселенной? Сѣть категорій разсудка, протянутая во всѣ стороны, на-основаніи прирожденныхъ законовъ мышленія. Разсудочная абстракція живыхъ недѣлимыхъ объектовъ есть отвлеченіе жизни. Объекты тѣмъ болѣе удаляются отъ жизни, чѣмъ болѣе обобщаются. А самое высшее общее понятіе бытія тождественно съ небытіемъ. Тѣмъ не менѣе объекты, соотвѣтствующіе не-только индивидуальнымъ, но и общимъ, видовымъ и родовымъ, понятіямъ, существуютъ реально; но существуютъ не въ понятіяхъ отвлекающаго разсудка, а въ идеяхъ созерцающаго въ живомъ цѣломъ разума. Платонова идея, въ реальномъ фактѣ, и отдѣльна, и отлична отъ понятія. Всякій предметъ, не-только общій видъ, или родъ предметовъ, но даже индивидуумъ имѣетъ свою идею. Идеи, какъ индивидуумовъ, такъ и родовъ, имѣютъ гораздо болѣе объективнаго, реальнаго значенія, чѣмъ общія и вообще всякія, какъ общія, такъ и индивидуальныя, понятія. Реально-идеальное восхожденіе отъ жизней единичныхъ къ единству жизни универсальной, съ одной стороны, аналогично разсудочно-логическому дедуктивно-индуктивному восхожденію отъ понятій конкретныхъ и индивидуальныхъ къ общимъ-абстрактнымъ, видовымъ и родовымъ, а съ другой стороны, отлично отъ него до противоположности. Адэкватно объективному бытію идеальное созерцаніе.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

О РЕАЛЬНОМЪ, О РЕАЛЬНОМЪ ЗНАНІИ.

Все ли чувственное реально и все ли реальное чувственно?

Глава IX (стр. 88—101).

Историческая постановка вопроса о томъ, что такое реально, что дѣйствительно существуетъ, что есть сущее (το ὄν), въ-противоположность только бывающему и являющемуся,—что есть (ἐστί), а не-только бываетъ, становится, возникаетъ и исчезаетъ (γίνεται), или является, кажется (φαίνεται), что есть первое, среди измѣненій, постоянное начало, основа существованія вещей, у Гиликовъ-Іонійцевъ, Пиѳагорейцевъ, Елейцевъ, у Гераклита, Empедокла, Демокрита, Анаксагора, у Софистовъ, у Платона и Аристотеля, у Греческихъ скептиковъ, у Декарта, Малебранша, Лейбница, Берклея, Спинозы, Канта, Якоби, Фихте, Шеллинга и Гегеля, у Бэкона, Локка и Юма, у Кондильяка и французскихъ энциклопедистовъ, у новѣйшихъ нѣмецкихъ матеріалистовъ и, наконецъ, у позитивистовъ. Двѣ крайнія школы, по рѣшенію вопроса о реальномъ, съ одной стороны, атомистическій матеріализмъ, а съ другой, идеализмъ Фихте и Гегеля. Воевать съ признанными крайностями системъ Фихте и Гегеля излишне, тогда-какъ, наоборотъ, наша задача—сопоставить такъ называемый супра-натуральный, метафизическій взглядъ съ взглядомъ новѣйшихъ позитивистовъ, который, переходя къ крайностямъ натурализма, больше граничитъ съ матеріализмомъ, даже атомистическимъ, чѣмъ съ противоположною крайностію идеализмовъ, субъективнаго, Фихтевскаго, и абсолютнаго, Гегелевскаго.

Глава X (стр. 101—108).

Естественный переходъ отъ реальнаго, по разумѣнію философіи позитивной, къ реальному матеріально-атомистическому. Что, въ данномъ матеріальномъ предметѣ, реально, независимо отъ нашего чувства, отъ нашего субъективнаго воззрѣнія на него? О какихъ проявленіяхъ его можно рѣшительно сказать, что они принадлежатъ ему, какъ его части, или качества, или дѣйствія, а не нашему чувству и, вообще, субъективному воззрѣнію, какъ видоизмѣненія этого послѣдняго, какъ неустранимому ингредіенту во всякое явленіе, вступающее въ наше сознаніе? Во всѣхъ проявленіяхъ нормально дѣйствующаго, внѣшняго ощущенія, коренная причина всѣхъ измѣненій нашего чувствилища, какъ наиболѣе независимая отъ него реальность, есть только движеніе частицъ вещества. Отсюда логическая неизбѣжность дальнѣйшаго вопроса не-только метафизики, но и физики: что-же тутъ далѣе реально, вещество или движеніе? Что существуетъ, какъ res, или ens, или субстанція, или субстратъ, и что—какъ дѣйствіе, или качество, или проявленіе?

ОТДѢЛЪ I.

Существуютъ ли атомы, какъ субстратъ вещества?

Глава XI (стр. 108—117).

Въ рѣшеніи вопроса о бытіи атомовъ, какъ субстрата вещества, нужно придерживаться признанныхъ естественно-научныхъ выводовъ. Результаты статьи *Страхова* (напечатанной въ Русскомъ Вѣстникѣ за 1860, т. XXVII): *объ атомистической теоріи вещества*. Разсужденія, по тому же капитальному вопросу, метафизика матеріалиста *Бюхнера* и геолога *Фридриха Мора*.

Глава XII (стр. 117—123).

Атомы не существуютъ, по взгляду и химиковъ. Выводы, по этому предмету, взятые изъ статьи (напечат. въ Кіевскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ, 1871 г. Апрѣль) *Базарова*: о строеніи нѣкоторыхъ азотистыхъ соединеній, и изъ цѣлой эмпирической химіи *Менделѣева*. Разсужденіе медика—біолога *Вирхова* объ атомахъ и недѣлимыхъ.

Глава XIII (стр. 123—127).

Взглядъ метафизика—атомиста *Ульрици* на бытіе атомовъ. Мнѣніе біолога—позитивиста *Герберта Спенсера*.

Глава XIV (стр. 128—139).

Теорія *Д. С. Милля* о непознаваемости атомовъ, какъ послѣдней сущности вещества, какъ и всякихъ сущностей вообще Отзывъ *С. В. Томсона*, въ рѣчи предъ Съѣздомъ (1871 года) Британскихъ естество-испытателей, о сложности атомовъ.

Глава XV (стр. 139—146).

Критическій обзоръ вышеизложенныхъ ученій о бытіи атомовъ, какъ реальной основы сущаго. Обзоръ теорій химическихъ, какъ болѣе эмпирическихъ и потому наиболѣе позитивныхъ. Сущность атомистическаго ученія. Сравненіе новѣйшаго атомизма съ древнимъ, *Демокритовымъ*. Атомъ, безконечно—малую частицу, въ опытѣ получить нельзя. Бытіе атомовъ можно доказывать только дедукціею отъ наблюденія надъ тѣлами, надъ ихъ строеніемъ. Раздѣленіе тѣлъ на простыя и сложныя. Дѣйствительно ли вся совокупность химическихъ знаній заставляетъ допускать коренное различіе и неизмѣнность простыхъ тѣлъ и, по дедукціи, неизмѣнность самыхъ атомовъ? Есть ли такія тѣла, о которыхъ можно было бы рѣшительно утверждать, что они суть чистые неразложимые элементы? Отъ какихъ причинъ происходятъ существенныя видоизмѣненія въ тѣлахъ эле-

ментарныхъ? Существованіе молекулъ и атомовъ. Сложность молекулъ. При дознанной дѣлимости молекулъ, подтверждается ли эмпирическими наблюденіями недѣлимость и неизмѣняемость самыхъ атомовъ?

Глава XVI (стр. 147—154).

Распредѣленіе молекулъ и атомовъ въ тѣлахъ сложныхъ. *Дальтоновъ* законъ кратныхъ отношеній. Предѣлы атомности. Атомный вѣсъ. Соединенія тѣлъ въ неопредѣленныхъ отношеніяхъ. Измѣненіе атомности. Измѣненіе атомнаго вѣса. Атомы сложены изъ ультиматовъ. Свободныя сродства. Безграничное число сродствъ. Измѣнчивость числа сродствъ. Понятіе объ атомности шатко и неопредѣленно. Химическій опытъ вынуждаетъ признать измѣнчивость не-только молекулъ, но и атомовъ. Трудно рѣшить, существуетъ ли граница для разнородныхъ химическихъ превращеній, или онѣ безграничны. Значеніе атомистической теоріи въ современной химіи.

Глава XVII (стр. 154—168).

Разсмотрѣніе того же вопроса, о бытіи или небытіи атомовъ, съ философской точки зрѣнія. Теорія *Ньютона*, который заключалъ отъ недѣлимости атомовъ къ одинаковости строенія тѣлъ во всѣ времена и обратно. Утвержденіе физика *Біо*, что на земномъ шарѣ частицы не распадаются, не измѣняются, не превращаются другъ въ друга. Введеніе между атомами притягательной и отталкивающей силы, а также средопроводнаго эѳира, ни-мало не помогаетъ атомистической гипотезѣ. Атомистическая теорія опирается не на опыты, а на метафизическія основанія. Она противорѣчитъ другимъ основоположеніямъ нашего ума. Неощущаемое въ атомѣ совпадаетъ съ немыслимымъ. Теорія безконечной дѣлимости атомовъ, по *Ульрици*, *Г. Спенсеру*, *Страхову*. Физическіе атомы *Либиха*.

Глава XVIII (стр. 168—179).

Простыя бытія *Фехнера*. Непротяженные пункты *Босковича*. Центры силъ, по *Ульрици*. Крайне позитивная доктрина *Д. С. Милля*, по томуже вопросу бытія или небытія атомовъ. Дѣлимость вещества безконечна, или конечна? Необходимость безконечной, или конечной дѣлимости—альтернатива, къ веществу неприменимая, потому-что вещество въ себѣ превышаетъ возможную мѣру нашихъ знаній.

ОТДѢЛЪ II.

Существуетъ ли вещество само въ себѣ? Существуетъ ли внѣшній міръ?

Глава XIX (стр. 179—192).

Понятіе объ относительности человѣческаго знанія. Что именно мы способны знать о внѣшнихъ объектахъ и въ-силу какой очевидности знаемъ это?

Можемъ ли и какъ увѣриться, что внѣ нашего чувства существуютъ объекты, какъ реальные субстраты феноменовъ, отождествляющихся въ субъектѣ съ субъективными ощущеніями? Различныя формы, въ какія вылилось рѣшеніе этихъ вопросовъ. Идеально скептическая форма ученія *Берклея и Юма*, по которой ощущенія внѣшняго чувства суть все, существованію чего мы имѣемъ право довѣрять. Реалистическая форма, по которой разница между Я и Не—я означаетъ двѣ реальности, существующія независимо одна отъ другой, хотя вещи и находятся за феноменами,—которая, вслѣдствіе разногласія относительно источника формъ времени и пространства, а также разсудочныхъ категорій, распадается на двѣ школы, съ одной стороны, *Канта* съ послѣдователями, а съ другой *Джемса Милля* и другихъ.

Глава XX (стр. 192—203).

Третья форма философскаго ученія, объ относительности нашего знанія, съ *С. В. Гамильтономъ* во главѣ, провозглашающая не-только существованіе вещей самихъ въ себѣ, но и познаваемость ихъ въ такъ-называемыхъ первичныхъ свойствахъ. Что разумѣютъ подъ первичными, вторичными и вторично-первичными свойствами вещества? Неосновательность этого ученія.

Глава XXI (стр. 204—210).

Итогъ обзора, представленныхъ въ краткомъ очеркѣ у *Д. С. Милля*, новѣйшихъ философскихъ ученій объ относительности человѣческаго знанія.

Глава XXII (стр. 210—219).

Критическій анализъ теоріи *Д. С. Милля*, опредѣляющей возможную мѣру нашихъ знаній. Критерій всякой истины и достовѣрности. Факты, въ которыхъ нельзя сомнѣваться, суть акты внутренняго сознанія. Разладъ философскихъ мнѣній касается вопроса, что такое суть тѣ вещи, о которыхъ свидѣтельствуетъ сознаніе. Двѣ школы, психологическая и интроспективная, или интуитивная. По психологической теоріи *Д. С. Милля*, довѣріе къ внѣшнему міру не есть внутренно-усматриваемое, но пріобрѣтенный продуктъ. Законы ассоціаціи или содружества идей. Идея внѣшней субстанціи. Группы постоянныхъ возможностей ощущенія. Двусмысленность языка *Д. С. Милля*. Существуютъ ли реальности внѣ нашихъ ощущеній? Прочіе люди отличны ли отъ моего ощущенія, или фундаментъ своей реальности имѣютъ только въ моемъ ощущеніи? Происхожденіе понятія о Я и Не—я, о субъектѣ и объектѣ.

Глава XXIII (стр. 220—227).

Сущность теоріи *Д. С. Милля*. Истинное существованіе субъекта и объекта есть отношеніе между двумя отношеніями. Приговоръ *Льюиса* о такомъ ученіи. Совпаденіе *Д. С. Милля* съ *Гегелемъ*. Устанавливаемое *Д. С. Миллемъ* опредѣленіе духа и матеріи. Умствованіе *Д. С. Милля* о несуществованіи какихъ бы то ни было субстратовъ и ноуменовъ.

Глава XXIV (стр. 227—243).

Доказалъ ли *Д. С. Милль*, что довѣріе къ внѣшнему міру не есть внутренно-усматриваемое, но пріобрѣтенный продуктъ? Онъ доказалъ нѣчто обратное. Серія основоположеній его теоріи. *Д. С. Милль* самъ, въ сущности дѣла, есть интроспективистъ. Его взглядъ на критерій истины, заключающійся въ необходимости мыслить что-либо такъ, а не иначе. Онъ самъ допускаетъ истины вполнѣ всеобщія, исключеніе изъ которыхъ безусловно неимовѣрно. Разница его съ интроспективистами заключается собственно въ основоположеніи, что всякое вѣдѣніе въ человѣкѣ, даже въ своихъ основахъ, даже въ такъ, называемыхъ законахъ и формахъ мышленія, даже въ математическихъ аксіомахъ, даже въ довѣріи къ существованію внѣшняго міра, есть продуктъ опыта.

Глава XXV (стр. 243—255).

Прирожденность основъ нашего мышленія и познанія, доказываемая системами крайнихъ эмпириковъ позитивистовъ: *Кабаниса и Дарвина.*

Глава XXVI (стр. 256—265).

Прирожденность, или наслѣдственная передача между людьми не-только инстинктивныхъ знаній, но и умственнаго склада, по физіологіи *Д. В. Дрэпера.* Воззрѣнія на тотъ-же предметъ физіолога *Льюиса.*

Глава XXVII (стр. 265—277).

Отрицаніе прирожденности основныхъ формъ умственной дѣятельности есть явленіе, въ наши дни странное. Самъ *Д. С. Милль* implicite эту прирожденность допускаетъ, допуская природные законы непосредственнаго знанія, составляющіе часть универсальныхъ законовъ природы,—допуская инстинктивность, прирожденность вѣры въ единообразіе законовъ природы. Что должно разумѣть подъ прирожденною идеею? Что именно душѣ человѣческой и, въ-частности, уму нашему прирождено? Новѣйшіе физіологи признаютъ прирожденными нашей душѣ большее число формъ душевной дѣятельности, чѣмъ признавали старые философы. Въ порядкѣ наиболѣе безусловныхъ единообразій человѣческаго знанія, наиболѣе обще-обязательныхъ органическихъ догматовъ нашей природы, одно изъ первыхъ мѣстъ принадлежитъ убѣжденію въ существованіи внѣшняго міра.

Глава XXVIII (стр. 277—291).

Даже *Ульрици* какъ-будто отрицаетъ прирожденность идей и всякихъ представленій. Но этимъ вербальнымъ отрицаніемъ онъ только противорѣчитъ самъ себѣ. Онъ допускаетъ животные инстинкты, низшіе и высшіе, съ способностію

у животныхъ изыскивать средства для цѣли, съ руководящею инстинктами самопроизвольностію; а огромная часть инстинктивныхъ знаній и соотвѣтствующихъ имъ мозговыхъ отправленій у животныхъ, какъ отчасти и у человѣка, прирождена. Какъ спиритуалистъ, Ульрици не могъ не признать и признаетъ прирожденность, апріорность, имманентность апріорическихъ идей, началъ, законовъ и нормъ (категорій) нашего ума, и провозглашаетъ ихъ conditio sine qua non—всякаго мышленія, познанія и знанія, прирожденнымъ основоположеніемъ всякаго довѣрія нашего къ реальному бытію и внѣ насъ существующему міру.

Глава XXIX (стр. 292—311).

Критическое обсужденіе воззрѣній психолога *Вундта* на тотъ-же предметъ. По *Вундту*, понятія могутъ составляться только посредствомъ опыта и сознаніе у человѣка не есть что-либо врожденное; даже математическія аксіомы суть продуктъ опыта; даже общій законъ причинности не можетъ быть закономъ въ полномъ смыслѣ, потому-что и онъ познается посредствомъ опыта, а опытъ никогда не исчерпывается; идея—продуктъ безсознательнаго познанія; нравственная идея добра и зла получается путемъ индукціи, точно также, какъ идеи эстетическая и интеллектуальная. Но въ то-же время, *Вундтъ* допускаетъ инстинкты и инстинктивныя познанія, какъ у животныхъ, такъ и у человѣка, допуская и врожденность ихъ, въ-видѣ потенцій или способностей. Допуская же прирожденность инстинктовъ, *Вундтъ* принимаетъ врожденность и высшихъ человѣческихъ идей, которыя считаетъ инстинктивными. Онъ соглашается, что въ насъ, въ нашей природѣ, лежитъ эстетическій законъ формы, тождественный съ закономъ изящнаго, лежащаго въ природѣ,—что намъ прирождена идея изящнаго, тождественная съ идеями интеллектуальною, нравственною и религіозною, служащая въ нашей душѣ прирожденнымъ отраженіемъ міроваго порядка, универсальной красоты и правды космоса. Онъ-же сознается, что критерій довѣрія къ дѣйствительному бытію внѣшняго міра лежитъ также внутри насъ, въ нашей природѣ.

Глава XXX (стр. 311—322).

Результатъ изслѣдованія о прирожденности основъ нашего мышленія и познанія, и, прежде всего, о прирожденности довѣрія къ внѣшнему бытію. Рѣчь доктора *Карпентера* предъ Съѣздомъ Британскихъ естествоиспытателей (въ 1872 г.), въ которой онъ доказываетъ, что интеллектуальныя воззрѣнія (intuitions) одного поколѣнія суть воплощенные опыты поколѣнія предшествовавшаго,—что не можетъ быть сомнѣнія въ наслѣдственной передачѣ склада мыслей и, вообще, первоначальныхъ инстинктовъ человѣчества. Въ послѣднее время, самъ *Д. С. Милль* заявилъ о своемъ переходѣ въ школу интуиціоналистовъ или интроспективистовъ. Заключеніе: необходимо признать за констатированный научный фактъ, что коренное содержаніе нашего ума намъ прирождено и къ числу наиболѣе коренныхъ, прирожденныхъ, убѣжденій нашей души принадлежитъ довѣріе къ бытію внѣшняго міра.

ОТДѢЛЪ III.

Что въ мірѣ существуетъ? Что въ немъ реально? Если слѣдовать такъ называемой психологической (не интроспективной) позитивной школѣ и экспериментально-индуктивному методу, то ничто не существуетъ.

Глава XXXI (стр. 322—329).

Результаты предъидущаго изслѣдованія. Реальное имѣетъ разныя степени. По природной структурѣ нашего интеллекта, мы вынуждаемся мыслить болѣе объективными и, въ-смыслѣ объективности, болѣе реальными тѣ свойства объектовъ, которыя мы усматриваемъ въ нихъ нашимъ внутреннимъ чувствомъ, чѣмъ тѣ, которыя ощущаемъ въ нихъ органами нашихъ внѣшнихъ чувствъ. Доказательства этой темы изъ науки, наиболѣе объективной,—изъ химіи. Отношенія между физическими и химическими свойствами веществъ, по химіи *Бутлерова*: оказывается, что свойста вещества, о которыхъ свидѣтельствуютъ намъ наши внѣшнія чувства, не-только переходчивы, но даже вовсе не принадлежатъ веществу въ себѣ, веществу въ его основѣ. Даже болѣе того, химія и физика низводятъ до несуществованія, въ основѣ вещества, не-только такъ-называемыя вторичныя, но и самыя первичныя качества вещества, какова непроницаемость. По *Джону Тиндалю*, вѣсомыя монады не отличаются существеннымъ образомъ отъ невѣсомыхъ. Химія и физика находятъ въ основѣ вещества только движеніе монадъ.

Глава XXXII (стр. 329—352).

Отвѣтъ позитивной психологіи на тотъ-же вопросъ: принадлежатъ ли веществу и въ какой мѣрѣ принадлежатъ чувственныя свойства—цвѣта, запаха и проч.? Отвѣты *Вундта и Карпентера*. По *Вундту*, основаніемъ внутреннему опыту служитъ нѣчто, лежащее внѣ его,—это—мыслительные и физическіе процессы въ развитіи души; первичныя сужденія состоятъ изъ матеріальныхъ процессовъ; матеріальный и психическій процессы, при ощущеніи, суть одинъ и тотъ-же процессъ; предметы, о которыхъ говоритъ ощущеніе, суть дѣйствительность. Между-тѣмъ, противоположность между мышленіемъ и бытіемъ не устранена. Ощущеніе не есть ни внѣшнее движеніе, ни процессъ въ нервахъ, но психологическій фактъ. И по *Льюису*, для объясненія явленій ощущенія, нужно искать причину психологическую, вмѣсто всякой анатомической. И по *Д. С. Миллю*, ощущеніе не можетъ быть объяснено никакимъ закономъ движенія. И по *Дюбуа Реймону*, движеніе матеріи не объясняетъ происхожденіе сознанія. Громадное количество фактовъ показываетъ, что свойства объектовъ, находимыя въ нихъ субъективными ощущеніями, существуютъ только въ субъектѣ, но не въ объектахъ, или даже представляются въ измѣненномъ и превратномъ видѣ, сравнительно съ болѣе, или менѣе, объективною реальностію. По *Карпентеру* и другимъ, міръ вытекаетъ изъ глубины нашего собственнаго сознанія, есть скорѣе идеальный, чѣмъ дѣйствительный міръ.

Глава XXXIII (стр. 352—355).

Если послѣдній критерій истины поставить въ свидѣтельствѣ нашихъ внѣшнихъ чувствъ,—то этотъ критерій убѣждаетъ насъ въ несуществованіи внѣшняго міра и самаго вещества: по свидѣтельству внѣшнихъ чувствъ, не существуетъ весь внѣшній міръ, въ цѣломъ и частяхъ. Логически вѣрное выясненіе безъисходности этого замкнутаго круга у *Д. С. Милля*: тѣлесная сущность есть неизвѣстная причина нашихъ ощущеній, сущность духовная есть неизвѣстный пріемникъ ихъ. Всѣ свойства бытія (качества, отношенія и количества) суть для насъ нечто иное, какъ наши ощущенія. Каждый объективный фактъ основывается на соотвѣтственномъ ему субъективномъ, и, внѣ этого послѣдняго, не представляетъ намъ ничего, кромѣ названія того неизвѣстнаго и неизслѣдимаго процесса, которымъ субъективный или психологическій фактъ порождается. Сущность всякаго дѣйствительнаго бытія тождественна съ частичнымъ строеніемъ тѣлъ, упираясь въ атомы; но лишь-только мы поставили для своей мысли вопросъ о бытіи атомовъ, какъ сущности всего, вмѣстѣ съ тѣмъ, мы перешли въ область не познаваемаго.

Глава XXXIV (стр. 356—365).

Логически вѣрное выясненіе безъисходности того-же логическаго круга у *Вундта*: мышленіе начинается съ умозаключеній, приходитъ къ сужденію, а изъ нѣсколькихъ сужденій составляетъ понятіе. Понятіе составляется нетолько послѣ представленій, но и изъ представленій. Частныя представленія образуются изъ признаковъ, или даже совпадаютъ съ признаками. Признаки совпадаютъ съ чувственными впечатлѣніями. Каждое чувственное впечатлѣніе происходитъ изъ многихъ сужденій утвердительныхъ и отрицательныхъ, и есть нечто иное, какъ умозаключеніе, выведенное изъ этихъ сужденій, изъ сравненія даннаго впечатлѣнія съ другими. Эти элементарныя умозаключенія, сужденія, признаки или качества ощущеній или ощущаемыхъ явленій, несомнѣнно не реальны въ объектѣ,—самыя же первичныя впечатлѣнія не существуютъ и въ сознаніи, значитъ, не реальны и въ субъектѣ; между-тѣмъ изъ этихъ не реальныхъ элементовъ складывается все наше представленіе о реальномъ. Образованіе понятій идетъ путемъ индукціи и дедукціи, синтеза и анализа, и притомъ такъ, что понятіе о предметѣ, начиная отъ самаго частнаго и до самаго общаго, составляется посредствомъ отвлеченія. На индуктивно-дедуктивной лѣстницѣ всѣхъ человѣческихъ представленій и понятій, не-только самое высшее общее понятіе бытія оказывается тождественнымъ съ отрицаніемъ бытія, но и низшимъ, болѣе или менѣе обобщеннымъ, понятіямъ и представленіямъ не оказывается въ реальномъ фактѣ соотвѣтствующихъ объектовъ.

Глава XXXV (стр. 365—381).

Современный научный методъ, уничтожая границу между родами и видами, стремится къ уничтоженію, съ одной стороны, индивидовъ также, какъ и видовъ

и родовъ, а съ другой, не-только индивидовъ, но и частей ихъ, до атомовъ. По *Вундту*, всякое индивидуальное представленіе оказывается общимъ въ-отношеніи къ своимъ частямъ и качествамъ, какъ представленіямъ частнѣйшимъ; даже наиболѣе несомнѣнный индивидуумъ, наше Я, распадается на большое множество отдѣльныхъ процессовъ, отдѣльныхъ существъ, даже отдѣльныхъ субъектовъ, судящихъ и умозаключающихъ субъектовъ. И по *Вирхову*, единство индивида основывается на общности частей; Я—только собраніе частей, индивидуумъ существуетъ только какъ общность, какъ собраніе живыхъ самостоятельныхъ существъ; Я—философовъ есть слѣдствіе—Мы—біологовъ. И по *Г. Спенсеру*, особь, индивидъ вовсе не есть понятіе, а просто субъективное представленіе о дѣйствительномъ предметѣ, съ точки зрѣнія даннаго видоваго понятія, и только отъ этого послѣдняго зависитъ, будетъ ли предметъ особью, или нѣтъ. Законы органической интеграціи и дезинтеграціи, исчезанія омологовъ и концентрированія органовъ, спеціализованія и раздѣленія физіологическаго труда, органическаго равновѣсія и антагонизма между органами, по *Н. Вагнеру*. Индивиды сводятся къ ничтожеству двумя путями: анатомико-физіологическимъ и логико-психологическимъ.

Глава XXXVI (стр. 381—389).

И атомъ дробится на части вдвойнѣ, какъ и бытіе, и представленіе. Безконечная твердость, непроницаемость, невѣроятна ни въ какомъ конечномъ тѣлѣ. Наблюденія не открыли въ атомахъ ни одного неизмѣннаго свойства. Всѣ простыя тѣла сложны. Атомистическая гипотеза не-только не доказана, но даже опровергнута, какъ ложная въ самомъ существѣ. Атомъ есть единица только мысленная, противоположная индивиду, единицѣ дѣйствительной.

Глава XXXVII (стр. 389—407).

И матерія, съ разсудочно аналитической точки зрѣнія, какъ суррогатъ внѣшнечувственныхъ впечатлѣній, не существуетъ. Какими чувственными признаками опредѣляется принадлежность предмета къ числу матеріальныхъ вещей? Можно ли назвать свѣтъ, теплоту и электричество веществами? Отвѣты *Д. С. Милля*, *Вундта*, *Ульрици*, *Джона Тиндаля* и др. Проявленія эѳира безспорны по тому, что подлежатъ нашимъ чувствамъ, а бытіе его самаго, какъ вещества, подвергается современною наукою серьезному сомнѣнію. Неопредѣленность критерія матеріальности. Сѣдалище самыхъ коренныхъ, самыхъ первичныхъ свойствъ матеріи, корень самаго основнаго критерія матеріальности находится въ субъектѣ, но не въ объектѣ. Въ объективномъ бытіи не-только фигуральность и протяженность, но и тяжесть и даже ощутительное сопротивленіе, необходимо предполагая въ объектѣ сложность, могутъ опираться только на ультиматъ непроницаемости; но абсолютная непроницаемость въ объективномъ бытіи невозможна.

Глава XXXVIII (стр. 407—410).

Выводы изъ предъидущаго относительно небытія объектовъ, соотвѣтствующихъ общимъ понятіямъ, какъ и индивидовъ, атомовъ и самой матеріи.

Глава XXXIX (стр. 410—433).

Теорія *М. Троицкаго* о небытіи чего бы то ни было реальнаго. Его крайніе отзывы о философахъ разныхъ временъ и народовъ, особенно же о философіи нѣмецкой. Что не существуетъ ничто, именно это самое М. Троицкій проповѣдуетъ, какъ самый научный выводъ; а реализмъ, допускающій бытіе вещества или даже самаго духа, внѣ потока нашихъ ощущеній, онъ провозглашаетъ не заслуживающимъ имени науки. Идеи имѣютъ свою ближайшую причину въ рефлексіи, а дальнѣйшую въ ощущеніи. Рефлексія имѣетъ свою ближайшую причину въ ощущеніи. Все наше знаніе ограничено одними нашими собственными состояніями духа; научнаго выхода изъ этихъ внутреннихъ состояній не существуетъ. Внѣшній міръ есть только видоизмѣненіе нашего собственнаго сознанія; вещество, матеріальный міръ суть только наши внѣшнія ощущенія. И самый духъ не существуетъ внѣ нашего собственнаго ощущенія; идеи суть самый духъ, подлежащій какому-нибудь впечатлѣнію. Для нашего знанія не существуютъ и способности духа, какъ особые агенты, скрытые за явленіями. Существуютъ не духъ и тѣло, или вещественный міръ, а только два порядка явленій, вещественныхъ и духовныхъ. Контрастъ Я и Не-Я образуется, одновременно, изъ одной тождественной причины, изъ ощущенія. Анализъ и критика уничтожаютъ феноменъ Я и Не-Я. Развитіе духа по предначертаніямъ *М. Троицкаго*: первопричина всего—ощущеніе; идея времени, разнообразіе ощущеній, идея мѣста или пространства, ощущенія периферическія и отраженныя внутрь, идея внѣшности, Не-Я и феноменъ Я. Все, что есть, есть только въ ощущеніи, и существуетъ только, пока есть ощущеніе, а внѣ ощущенія нѣтъ ничего. Сопоставленіе этой самоновѣйшей философіи съ древне-греческою софистикою.

Глава XL (стр. 434—454).

Критика системы М. Троицкаго. Онъ допускаетъ безусловность закона причинности,—допускаетъ, хотя и не безъ противорѣчій себѣ, причинное вліяніе тѣла и вообще внѣшняго духу міра на образованіе идей, ощущеній, впечатлѣній,—допускаетъ противоположность между порядками явленій вещественныхъ и духовныхъ; объясняя же происхожденіе этихъ противоположныхъ явленій только ихъ преемствомъ, или взаимными отношеніями преемственнаго ихъ возникновенія, заставляетъ предполагать, что не-только первооригинальное ощущеніе, но и все безконечное разнообразіе ощущеній послѣдующихъ возникаютъ безъ предварительной причины. Онъ-же допускаетъ дистинкцію между знаніемъ и убѣжденіемъ, и убѣжденіе въ существованіи внѣшнихъ причинъ помѣщаетъ въ числѣ жизненныхъ началъ нашей духовной конституціи. Даже безусловно отрицая существованіе сверхъ-опытныхъ, апріорныхъ, прирожденныхъ знаній и идей, онъ противорѣчитъ себѣ, допуская бытіе въ человѣкѣ убѣжденій типическихъ, бытіе началъ, которыя входятъ въ типъ духовной конституціи человѣка, началъ универсальныхъ и необходимыхъ, допуская прирожденность инстинктовъ, и, слѣд., апріорность. Распадающійся отъ внутренняго противорѣчія, результатъ теоріи *М. Троицкаго*:

«мы знаемъ, что міръ не существуетъ; мы носимъ въ своей конституціи универсальное, типическое, болѣе всякаго знанія крѣпкое, убѣжденіе, что міръ существуетъ».

Глава XLI (стр. 454—459).

Новѣйшій пропагандистъ теоретическаго и практическаго нигилизма въ Германіи, *Эдуардъ Гартманъ*, и совпаденіе его въ принципѣ съ М. Троицкимъ. Начало и конецъ всего—ничто, или безсознательное, проявляющееся въ двухъ аттрибутахъ: волѣ и разумѣ. Весь міровой процессъ имѣетъ цѣлью самоуничтоженіе, чрезъ сотвореніе атомовъ и матеріи, индивидуацію, сознаніе и чрезъ развитіе человѣчества. Волею человѣчества, убѣдившагося въ иллюзіи существованія, вселенная вдругъ исчезнетъ, и останется ничто, чистая потенція воли. Это твореніе Эдуарда Гартмана принимается какъ важнѣйшее произведеніе новѣйшей философіи, какъ вѣрнѣйшее проявленіе ея современнаго состоянія, въ Германіи, Франціи, Англіи, Америкѣ и у насъ въ Россіи! И къ такому душевредному ученію о самоуничтоженіи ведетъ, строго логически, пресловутый индуктивизмъ.

ВВЕДЕНІЕ.

Позитивная философія принимаетъ только *реальное, объективное знаніе за истинное знаніе,* — доступнымъ истинному познанію считаетъ только то, что или непосредственно основывается на опытѣ, наблюденіи, свидѣтельствѣ чувствъ, или что логически вѣрно, что строго-позитивнымъ, индуктивно-дедуктивнымъ, методомъ вытекаетъ изъ непосредственнаго опыта, наблюденія и свидѣтельства чувствъ и что въ выводѣ своемъ можетъ быть повѣрено тѣмъже способомъ, т. е. опытомъ, наблюденіемъ и свидѣтельствомъ чувствъ.

Такимъ образомъ позитивное, реально-объективное знаніе, какъ источникомъ своимъ, такъ и критеріемъ имѣетъ опытъ, наблюденіе и свидѣтельство чувствъ, т. е. эмпирическое, чувственное.

Что мы называемъ *реальнымъ*? То, что есть *in re*, что существуетъ въ дѣйствительности.

Что называется *объективнымъ*? На философскомъ языкѣ субъектомъ называется мыслящая личность, а объектомъ—мыслимый предметъ. Субъективнымъ понятіемъ или представленіемъ называется понятіе или представленіе, соотвѣтствующее только законамъ мышленія мыслящаго субъекта, безъ соотношенія понятія или представленія къ мыслимому или представляемому, внѣ мыслящаго ума существующему, объекту. Субъективнымъ знаніемъ или истиною называются знаніе или истина, соотвѣтствующія только законамъ мышленія и познанія, безъ соотношенія къ законамъ бытія предметовъ; а знаніемъ или истиною объективными называются знаніе или истина, которыя

соотвѣтствуютъ сколько законамъ мышленія и познанія, столько-же законамъ и дѣйствительнаго бытія мыслимыхъ и познаваемыхъ предметовъ.

Что мы называемъ *чувственнымъ?*—То, что подлежитъ чувствамъ или дѣйствуетъ на чувства.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

О ЗНАНІИ ОБЪЕКТИВНОМЪ.

Все ли чувственное, чувствомъ постигаемое, объективно?

Для возможно-точнаго анализа, рѣшенію этого вопроса мы должны предпослать другіе вопросы:

1) *Сколько у насъ чувствъ и какія* именно?

Чувства раздѣляются на *внѣшнія и внутреннія*. Раздѣленіе это, съ эмпирической точки зрѣнія, не строго точно. Въ-отношеніи къ воспринимающему *субъекту*, всѣ чувства суть внутреннія, внутри субъекта дѣйствующія, какъ физіологически, такъ и психологически: всѣ ощущенія суть дѣятельности, происходящія внутри субъекта. Только въ-отношеніи къ воспринимаемымъ *предметамъ* это раздѣленіе чувствъ на внѣшнія и внутреннія можетъ быть удержано: изъ предметовъ, дѣйствующихъ на чувства, одни находятся внѣ чувствующаго субъекта, а другіе внутри его.

Къ такъ-называемымъ *внѣшнимъ чувствамъ* обыкновенно относятся пять: зрѣніе, слухъ, вкусъ, обоняніе и осязаніе, при чемъ осязаніе должно быть понимаемо широко, какъ общая, въ разныхъ мѣстахъ разностепенная, воспріимчивость всей поверхности человѣческаго тѣла.

Къ внутреннему чувству, понимаемому въ обширномъ смыслѣ,— какъ оно является не въ школьныхъ системахъ, а въ фактѣ ощущенія, — должно отнести: 1) низшую степень ощущенія физическаго, какъ-то: боли, голода, усталости и т. п. и 2) высшую степень ощущенія душевныхъ движеній и дѣятельностей: страха, радости, тоски умиленія, любви,, разнообразныхъ движеній воли и мысли,—

и самаго ощущенія, которое въ этой сферѣ, въ сферѣ мышленія, переходитъ въ сознаніе и самосознаніе.

2) Вопросъ: *все ли чувственное объективно* — значитъ: такъ ли существуютъ въ дѣйствительности предметы, какъ свидѣтельствуютъ намъ наши чувства,—имѣютъ ли объекты въ себѣ тѣ свойства, какія придаются имъ ощущеніями?

Здѣсь нуженъ точный анализъ.

ГЛАВА I.

Сначала разсудимъ *о внѣшнемъ чувствѣ: объективно ли его свидѣтельство?*

Свойства предметовъ, открываемыя въ нихъ *чувствомъ вкуса, совершенно субъективны.* Ощущенія вкуса: сладкое, кислое, горькое и т. п.,—это состоянія, принадлежащія ощущающему рту; онѣ свидѣтельствуютъ объ объектѣ только то, что онъ имѣетъ въ себѣ какое-то свойство, въ данный моментъ, способное производить въ моемъ рту извѣстное ощущеніе. Крайняя субъективность свойствъ, открываемыхъ въ предметахъ чувствомъ вкуса, доказывается тѣмъ, что 1) у одного и тогоже человѣка, въ разныхъ возрастахъ, положеніяхъ и состояніяхъ, ощущенія вкуса, какъ по степени, такъ и по привлекательности и даже по значенію своему, весьма измѣнчивы, — 2) у разныхъ людей, по различію расъ, развитія и состояній, различны и 3) у животныхъ, какъ, напр., у лошади, свиньи и т. п., отличны отъ ощущеній у человѣка.

О свойствахъ, открываемыхъ въ предметахъ *чувствомъ обонянія*, должно сказать тоже самое, что и о чувствѣ вкуса. Запахи суть возбужденія обонятельнаго нерва какимъ-то свойствомъ частицъ, механически отдѣляющихся отъ обоняемаго тѣла: эти ощущенія у животныхъ, у людей и даже у одного и тогоже человѣка различны.

Свойства, открываемыя въ предметахъ *чувствомъ слуха*, субъективны до того, что въ предметахъ, можно сказать, не существуютъ. Звукъ въ звучащемъ предметѣ есть только движеніе частицъ, которое становится звукомъ только въ слуховомъ нервѣ, сотрясаемомъ этимъ движеніемъ. Въ природѣ же, внѣ слуховаго нерва, нѣтъ звуковъ; нѣмая, она только движется. Субъективность свойствъ, открываемыхъ

этимъ чувствомъ, видна изъ того, что 1) у животныхъ, у которыхъ слуховой органъ устроенъ далеко не сходно съ нашимъ, какъ-то у рыбъ, ощущенія звука должны быть весьма отличны отъ нашего, тѣмъ болѣе, что на значеніе звука у водяныхъ животныхъ должна много вліять среда, въ которой онѣ живутъ; 2) у животныхъ высшихъ, каковы птицы и млекопитающія, ощущенія звука должны быть не одинаковы по напряженію (собака, кошка слышатъ, что нужно имъ слышать, лучше человѣка) и привлекательности (если животныя и могутъ различать тоны, чего отрицать нельзя, то едвали эти тоны имѣютъ для внутренняго ощущенія животнаго тоже значеніе привлекательности, какъ для человѣка; можно даже сказать рѣшительно, что не имѣютъ); 3) у разныхъ людей ощущенія звука различны по степени напряженія, по значенію (нѣкоторые, и при томъ весьма многіе, люди мало воспріимчивы къ различенію тоновъ, напр., дикари, огрубѣлые поселяне), по привлекательности (дикарямъ, даже нерѣдко нашимъ поселянамъ, нравятся безмѣрно нескладныя сочетанія звуковъ въ мѣстныхъ народныхъ пѣсняхъ, и, конечно, рѣшительно непонятны сонаты Бетховена и т. п.); 4) у одного и тогоже человѣка эти ощущенія могутъ разнообразиться, опускаться и подниматься въ своемъ качествѣ весьма много,—съ одной стороны, до глухоты и нѣмоты, а съ другой—до крайней степени тонкости и раздражительности слуховаго нерва.

Подобнымъ-же образомъ и свойства, открываемыя въ предметахъ *чувствомъ зрѣнія*, также весьма субъективны, и субъективны во многихъ и разнообразныхъ отношеніяхъ. 1) Нѣтъ возможности повѣрить, одинаково ли, по размѣрамъ, по цвѣту, и даже по формѣ, не говоря уже о привлекательности цвѣтовъ и сочетаній ихъ, представляются предметы животнымъ и человѣку. Несомнѣнно, что нѣкоторымъ животнымъ, напр., ночнымъ птицамъ, нетопырямъ и т. п., предметы должны представляться иначе, чѣмъ человѣку. 2) Въ-отношеніи къ человѣку, на свойства предметовъ, открываемыя зрѣніемъ, вліяетъ, во-первыхъ, внѣшняя среда, чрезъ которую смотримъ: а) день свѣтлый, или пасмурный,—б) лунное и солнечное затмѣнія,—в) времена дня: день и ночь, утро и вечеръ,—г) времена года: весна и осень, лѣто и зима,—д) географическіе поясы и страны свѣта,—е) положеніе зрителя въ разныхъ слояхъ атмосферы: у горизонта, на высотѣ полета аэростатовъ, на крайнемъ предѣлѣ атмосферы, гдѣ исчезаетъ свѣтъ: внѣ атмосферы нѣтъ ни солнца, ни звѣздъ, а въ атмосферѣ онѣ являются всегда и неизбѣжно подъ вліяніемъ атмо-

сферной аберраціи; 3) ...вліяетъ среда зрительнаго органа: доказано, что отпечатокъ предмета, дѣйствующій на зрительный нервъ, получается именно въ глазѣ и притомъ чувствуется въ глазѣ,—отпечатокъ представляется въ обратномъ видѣ, движеніе отпечатка въ глазѣ происходитъ обратно движенію предмета въ дѣйствительности, отпечатокъ предмета всегда бываетъ меньше предмета и больше, или меньше, смотря по разстоянію, — однимъ словомъ, зритель, касаясь падающаго отъ предмета свѣтоваго луча, по отраженію этого луча на зрительномъ нервѣ, субъективно пріучается приписывать предметамъ величину, извѣстное положеніе и извѣстное движеніе; 4) доказано, что цвѣта вовсе не принадлежатъ предметамъ: имъ принадлежитъ только способность принять свѣтящій лучь, всегда часть его поглотить и за-тѣмъ, преломивъ его, отразить въ одномъ ли то направленіи (какъ отражаютъ полированныя плоскости, хотя и тѣ никогда не отражаютъ лучь абсолютно въ одномъ направленіи), или въ разныхъ направленіяхъ,—отразить лучь въ возможно цѣлостномъ его видѣ, или разложивъ его на элементарные цвѣта, — отразить всѣ разложенные элементарные цвѣта, или только нѣкоторые или даже одинъ только лучъ, въ чистомъ ли видѣ одного изъ радужныхъ лучей, или въ смѣшанномъ; 5) не говоримъ уже о напряженіи ощущеній зрѣнія, о значеніи и привлекательности какъ отдѣльныхъ цвѣтовъ, такъ и сочетанія ихъ у разныхъ людей: у одного и тогоже человѣка эти ощущенія бываютъ различны по возрасту, душевному развитію, по состоянію, здоровому, или болѣзненному, по внѣшней средѣ, чрезъ которую человѣкъ смотритъ: — очки, зрительныя трубы и т. п.

Наконецъ, самое, повидимому, непосредственное чувство осязанія— и то даетъ намъ свойства предметовъ больше субъективныя, чѣмъ объективныя, такъ-что и здѣсь трудно, если только возможно, опредѣлить, что есть здѣсь объективнаго и что субъективнаго. Этимъ чувствомъ мы опредѣляемъ въ предметахъ степень температуры, гладкость и шероховатость, упругость, твердость и фигуру. Но 1) *тепло и холодъ*, степени температуры, въ природѣ не существуютъ: тамъ есть только движеніе частицъ тѣла, большее или меньшее расширеніе, или сжатіе ихъ; 2) ощущеніе степеней температуры, гладкости и шероховатости, даже упругости, твердости и фигуральности тѣлъ у разныхъ людей, и даже у одного и того же человѣка, въ разныхъ положеніяхъ, весьма различны; а у человѣка и животныхъ различны до того, что нѣкоторыя изъ названныхъ свойствъ животнымъ

болѣе или менѣе недоступны, по несуществованію у нихъ спеціальнаго чувствилища осязанія, подобнаго нашимъ пальцамъ: атласистая гладкость тѣлъ для животныхъ не существуетъ; упругость воды и воздуха для рыбъ, плавающихъ и летающихъ птицъ, для животныхъ живущихъ на сушѣ, весьма различна; даже фигуральность тѣлъ для одного осязанія животныхъ, внѣ связи съ чувствомъ зрѣнія, должна быть весьма мало доступна. Самымъ объективнымъ ощущеніемъ для чувства осязанія остается ощущеніе твердости тѣлъ, когда оно переходитъ въ ощущеніе неподатливости тѣла (упругости), непроницаемости. Но и это ощущеніе, разсматриваемое только какъ ощущеніе, не касаясь его субъективности, его существованія только внутри чувствующаго субъекта, у разныхъ ощущающихъ существъ, человѣка, или животныхъ (наприм. медвѣдя, гнущаго въ дугу дубину, какъ прутикъ), должно быть различно. Субъективность ощущенія даже твердости, непроницаемости тѣлъ тѣмъ несомнѣннѣе, что абсолютная непроницаемость тѣла до сихъ поръ есть только физическое предположеніе, но не эмпирическій фактъ, такъ-какъ предѣлъ сжимаемости тѣлъ, подъ вліяніемъ холода, съ одной стороны, а съ другой (наприм., въ сжимаемости глины) подъ вліяніемъ высокой температуры,—а также подъ вліяніемъ высокаго давленія, наприм., въ сжимаемости воздуха въ трубкѣ подъ вліяніемъ внѣшняго давленія, пока еще не установленъ. Можно мыслить даже то, что если-бы въ природѣ абсолютно воцарился холодъ,—сила тожественная міровой силѣ притяженія и противоположная міровой расширяющей силѣ тепла,—то все міровое вещество сжалось бы до атома, иначе сказать,—до ничтожества...

Субъективность данныхъ, получаемыхъ изъ ощущеній внѣшнихъ чувствъ, доказывается еще тѣмъ, что, какъ доказано теперь наукою, чувствуетъ въ насъ собственно центральное чувствилище, головной мозгъ съ своимъ продолженіемъ, — спиннымъ мозгомъ, хотя намъ кажется, будто ощущеніе получается на конечныхъ узлахъ чувствующихъ нервовъ: въ глазахъ, ушахъ, пальцахъ, ноздряхъ, во рту, на поверхности кожи, будто именно эти нервы прикасаются къ объектамъ, тогда-какъ, отдѣленные отъ общаго чувствилища, они не чувствуютъ, и объекты, со своими свойствами, перестаютъ для нихъ существовать. И на-оборотъ, общее чувствилище можетъ быть возбуждаемо не въ самыхъ органахъ внѣшнихъ чувствъ, а получать ощущенія какъ-будто въ самыхъ органахъ, наприм., ощущеніе свѣта въ зритель-

номъ нервѣ, безъ свѣтящаго предмета и отраженія его въ глазѣ, ощущеніе осязанія предметовъ, когда пальцы отрѣзаны и т. п.

Крайне ненормальное развитіе подобной неправильно-дѣйствующей чувствительности оканчивается болѣзненными галлюцинаціями чувствъ, и не одного, но всѣхъ чувствъ, не-только вкуса и обонянія, но и слуха, и зрѣнія и даже осязанія. При этомъ сознаніе чувствующаго, большею частію, или, по крайности, весьма часто, никакъ не можетъ отрѣшиться отъ увѣренности въ бытіи ощущаемыхъ предметовъ съ ихъ свойствами.

Итакъ, принимая во вниманіе, что 1) всѣ ощущенія внѣшнихъ чувствъ суть дѣятельности внутреннія, совершающіяся внутри чувствующаго субъекта, что 2) формулируются онѣ въ опредѣленныя, доступныя сознанію, ощущенія не иначе, какъ въ центральномъ чувствилищѣ головнаго мозга съ его продолженіемъ,— спиннымъ мозгомъ, 3) формулируются въ опредѣленныя ощущенія, какъ-бы воспринимаемыя отъ существующихъ вовнѣ предметовъ, нерѣдко при несуществованіи не-только предметовъ, но и самыхъ подлежащихъ органовъ чувствъ,—4) что цѣлыя области свойствъ, открываемыя чувствами въ предметахъ, или не принадлежатъ предметамъ, или имѣютъ въ дѣйствительности иную форму существованія, напр., а) свойства, относящіяся къ опредѣленію температуры, въ объективномъ бытіи, суть только разныя перемѣщенія частицъ тѣла; б) цвѣта суть движеніе эѳира, возбуждаемаго свѣтящими тѣлами, или даже истекающаго изъ свѣтящихъ тѣлъ, а въ тѣлахъ темныхъ цвѣтовъ нѣтъ; съ другой стороны, если свѣтъ свѣтящихъ тѣлъ не отражается въ не свѣтящихъ, то и свѣтящія тѣла для нашего чувства исчезаютъ: внѣ темной земной атмосферы нѣтъ ни солнечнаго, ни звѣзднаго свѣта; в) звукъ въ природѣ есть только извѣстнаго рода нѣмое движеніе частицъ тѣла: звука въ природѣ, внѣ чувствъ слуха, нѣтъ; г) точно также, внѣ чувствъ вкуса и обонянія, нѣтъ ни горькаго, ни кислаго, ни благовоннаго, ни зловоннаго; есть только опять-таки только извѣстнаго рода перемѣщеніе частицъ, при чемъ ощущаемый предметъ въ ощущеніи перестаетъ быть тѣмъ, чѣмъ былъ до ощущенія, механически и химически соединяясь съ соками рта, или носа; 5) для чувства животныхъ многія свойства тѣлъ или не существуютъ, или существуютъ иначе, нежели для человѣка. Такъ: а) вкусы и запахи для животныхъ имѣютъ иное значеніе; даже невозможно увѣриться, существуютъ-ли для птицъ, рыбъ и пресмыкающихся сладкое, кислое,

горькое, розовое, фіалковое и т. п.; б) для рыбъ, не говоря о пресмыкающихся, звуки должны имѣть иное значеніе; в) для рыбъ, нетопырей, ночныхъ птицъ и т. п. цвѣта должны имѣть иное значеніе, а нѣкоторые цвѣта, безъ сомнѣнія, вовсе не существуютъ; картинность, какъ и музыкальность, для животныхъ, даже высшихъ, едвали существуютъ; г) для рыбъ, птицъ и четвероногихъ животныхъ степени температуры и упругости должны быть различны, а свойства гладкости, шероховатости, фигуральности для животнаго осязанія, если и существуютъ, то въ весьма малой мѣрѣ; 6) и у людей, и даже у одного и того же человѣка, въ разныхъ положеніяхъ, ощущенія различны и переходчивы, такъ-что, можно сказать, нѣкоторыя свойства предметовъ для цѣлыхъ классовъ людей, въ извѣстныхъ состояніяхъ, не существуютъ: а) для людей, живущихъ въ зловоніи, зловонное не зловонно, сильное благовоніе только благовоніе, тонкое благовоніе не существуетъ; б) для рта грубыхъ людей тонкости гастрономіи неуловимы; в) картинность, высокая музыкальность для нихъ вовсе непостижима; г) атласистость поверхностей, тонкая фигуральность (въ родѣ грамоты доступной для слѣпцовъ) недоступны; 7) для самаго обширнаго по дѣятельности въ сферѣ опыта и наиболѣе изученнаго чувства зрѣнія существуютъ не предметы съ ихъ свойствами, а отображенія ихъ на сѣтчатой нервной оболочкѣ глаза, отображенія въ уменьшенномъ, сравнительно съ предметами, видѣ и обратномъ положеніи, отображенія, движущіяся на нервной оболочкѣ обратно движенію предметовъ и существующія не иначе, какъ внутри глаза, на сѣтчатой оболочкѣ, хотя отображенный предметъ и отстоялъ бы отъ глаза такъ далеко, кахъ самое дальнее изъ туманныхъ звѣздныхъ пятенъ; представленія же величины, разстоянія, положенія и движенія предметовъ суть только чисто субъективныя умозаключенія, какія человѣкъ привыкаетъ дѣлать на-основаніи отпечатковъ видимыхъ предметовъ въ глазу,—принимая все это во вниманіе, мы должны утвердительно сказать, что *всѣ свойства, приписываемыя объектамъ на-основаніи ощущеній внѣшняго чувства, рѣшительно субъективны, такъ-что о нѣкоторыхъ нельзя сказать, существуютъ ли онѣ въ извѣстномъ объектѣ, или нѣтъ, о другихъ же можно сказать, что существуютъ только въ субъектѣ, но не въ объектѣ.*

Но этого мало. Извѣстно и очевидно, что *ощущеніе*, само по себѣ, какъ ощущеніе, безсознательно; сознательнымъ становится оно съ того только момента, какъ, посредствомъ чувственнаго *воззрѣнія или воспріятія*,

оно, въ-видѣ *представленія*, является въ области сознанія, гдѣ воспринятыя чрезъ ощущеніе отдѣльныя черты предметовъ мгновенно сливаются въ *конкретъ*, который, въ дальнѣйшей дѣятельности разсудка, становится *конкретною схемою*, поставленною подъ извѣстное, *видовое или родовое и т. д., понятіе*. Это превращеніе чувственнаго воспріятія въ конкретное представленіе, въ обособленный индивидуумъ, оттѣненный видовою и родовою схемою, совершается въ нашемъ сознаніи, съ быстротою молніи, двумя путями или методами: 1) путемъ восхожденія, собиранія, *индукціи*,— и 2) нисхожденія, аналогіи, *дедукціи*: наприм., этотъ лимонъ желтъ, бугристъ, киселъ, пахучъ, оваленъ; другой лимонъ желтъ, бугристъ, киселъ, пахучъ, оваленъ,—слѣд., всѣ лимоны кислы, пахучи, бугристы, желты, овальны,—индукція; дедукція, аналогія: этотъ предметъ желтъ, бугристъ, оваленъ, значитъ и киселъ, и пахучъ, значитъ это лимонъ, при чемъ подъ этотъ конкретъ мгновенно подкладываются схемы: тропическій, садовый, фруктъ, растеніе, органическое, матеріальный предметъ извѣстнаго времени, пространства и т. д.,—при чемъ всѣ общія свойства видовъ и родовъ, подъ которые мы подводимъ этотъ индивидуумъ, мы мгновенно усвояемъ и ему, хотя бы въ немъ непосредственнымъ воспріятіемъ и не усмотрѣли этихъ общихъ видовыхъ и родовыхъ свойствъ. Не будемъ здѣсь [1]) воскрешать столькоже старый, сколько и неразрѣшимый, и потому безплодный, между номиналистами и реалистами, равно-какъ современными намъ идеалистами и позитивистами, споръ о томъ, прирождены, или нѣтъ, общія схемы, категоріи понятій, или пріобрѣтаются нами изъ опыта,—существуетъ ли, наприм., въ природѣ время и пространство, или это только общія, прирожденныя человѣку, формы чувственнаго воззрѣнія. Но тодознано и общепринято, равно-какъ и очевидно, что 1) съ одной стороны, ни одинъ конкретъ не можетъ быть адекватенъ представляемому предмету, что чѣмъ индивидуальнѣе предметъ, тѣмъ необъятнѣе содержаніе соотвѣтствующаго ему понятія, неуловимѣе, безмѣрнѣе количество принадлежащихъ ему свойствъ и признаковъ,—что наиболѣе конкретныя понятія мыслятся въ нашемъ умѣ не иначе, какъ подъ болѣе или менѣе обобщенною схемою, наприм., Зефировъ—III курса студентъ Казанской Духовной Академіи, духовный, воспитанникъ, русскій, европеецъ, XIX вѣка, человѣкъ и т. д., а 2) съ другой стороны, никакое родовое, или видовое понятіе не можетъ быть представляемо

[1]) Ниже объ этомъ предметѣ мы произнесемъ свое сужденіе болѣе обстоятельно

въ нашемъ сознаніи иначе, какъ въ конкретированной, ни одному индивидууму точно не соотвѣтствующей, субъективно-формулированной формѣ; наприм., человѣкъ не можетъ быть представленъ только какъ животное-разумное, но безъ носа, головы, рукъ, ногъ и т. д., и именно извѣстныхъ носа, головы, рукъ, ногъ и т. д. Отсюда слѣдуетъ, что ни наиболѣе конкретное понятіе не бываетъ такъ полно по содержанію, какъ представляемый предметъ, ни самое высшее общее понятіе такъ скудно по содержанію, какъ хотѣлъ бы того разсудокъ;— тѣ и другія понятія не адекватны своимъ предметамъ, иначе сказать—не объективны, но формулируются въ насъ произвольно-субъективно,—иначе сказать,—*всѣ наши понятія, представленія предметовъ, какъ индивидуальныя, такъ и общія, какъ конкретныя, такъ и отвлеченныя, субъективны.*

По всѣмъ этимъ соображеніямъ оказывается, что res in se, объекты, съ реальными ихъ свойствами, для насъ недоступны, какъ учитъ *Кантъ*, послѣ котораго *Фихте* утверждалъ, что разумъ нашъ есть сила не теоретическая, а практическая, творящая не-только субъективный, но и объективный міръ, по прирожденнымъ ей законамъ мышленія, — въ-слѣдъ за-чѣмъ, вынуждаемый крайностью теоріи, измышленной *Фихте*, *Шеллингъ* провозглашалъ теорію абсолютнаго тожества, равновѣсія въ универсѣ объективнаго и субъективнаго, что, въ свою очередь, вынудило *Гегеля* утверждать, что идеи и объекты соотносительны, что ни субъектъ, ни объектъ не реальны, а реально только отношеніе ихъ, идея, — что все есть идея, отчуждающаяся отъ себя въ формѣ инобытія въ природѣ, возвращающаяся къ себѣ въ формѣ для себя — бытія въ абсолютномъ сознаніи истины всего бытія. Во всякомъ случаѣ, позитивный анализъ дѣятельности нашихъ внѣшнихъ чувствъ и основанной на нихъ первичной работы разсудка вынуждаетъ сознаться, что *внѣшнія наши чувства свидѣтельствуютъ не о свойствахъ бытія объектовъ, но о свойствахъ, производимыхъ объектомъ въ субъектѣ, внутреннихъ состояній, на основаніи которыхъ разсудокъ, составляя понятія объ объектахъ, формулируетъ ихъ по законамъ мышленія не адекватно дѣйствительному бытію предметовъ, т. е. опять не объективно, а субъективно.*

Такимъ образомъ, что же можно, если только можно что-либо, признать объективнымъ въ сферѣ дѣйствія внѣшнихъ чувствъ, въ области внѣшняго опыта?—1) Доказано, что чисто объективнаго по-

нятія ни у одного человѣка нѣтъ ни одного; 2) опытъ показываетъ и греческая философія справедливо провозгласила еще искони, что человѣкъ есть мѣра всѣхъ вещей; 3) это совершенно справедливо, во-первыхъ, въ-отношеніи къ каждому частному лицу: каждый человѣкъ невольно вѣритъ тому, о чемъ настойчиво свидѣтельствуютъ ему его внѣшнія чувства,—и это справедливо до того, что даже высоко развитымъ людямъ часто трудно бываетъ убѣдиться разумнымъ сознаніемъ въ доказанной свидѣтельствомъ другихъ галлюцинаціи чувствъ; 4) человѣчествомъ же признается за объективное то, что *обще-субъективно*; но при этомъ должно сдѣлать слѣдующее различеніе понятій: а) нѣтъ ни одного ощущенія, которое было бы абсолютно тожественно и само себѣ равно у всѣхъ людей; б) относительно ощущеній, которыя признаются наиболѣе тожественными, невозможно увѣриться, что онѣ тожественны у всѣхъ людей, потому-что для подобнаго увѣренія нѣтъ масштаба; даже можетъ быть мыслимо, что напряженіе и даже, быть можетъ, значимость чувствительности въ человѣческомъ родѣ измѣняется: у дикарей граничащія съ животными инстинктами чувства несравненно острѣе, даже инороднѣе, чѣмъ у цивилизованныхъ; за-то, въ свою очередь, у цивилизованныхъ развились такія тонкости чувствъ, какихъ у людей не развитыхъ, наиболѣе близкихъ къ матеріальной природѣ, можно сказать, нѣтъ и не было; в) *относительно простыхъ ощущеній обыкновенно признается объективнымъ то, что одинаково чувствовалось всегда и чувствуется вездѣ большинствомъ здоровыхъ людей*; г) *относительно же высшихъ, сложныхъ ощущеній признается объективнымъ то, что чувствуется большинствомъ болѣе развитыхъ людей.* Такъ, въ тонкостяхъ вкусовъ, напр., гастрономическихъ, въ тонкостяхъ запаховъ, напр. косметическихъ, въ музыкальности звуковъ, въ привлекательности цвѣтовъ и сочетаній видимыхъ формъ объективно не то, что чувствуетъ, или, лучше сказать, чего не чувствуетъ масса неразвитыхъ людей, но то, что чувствуетъ болѣе развитое, утонченное меньшинство человѣческаго рода, и противъ ихъ ощущенія хотя бы стояла съ отрицаніемъ вся масса огрубѣлаго человѣчества, начиная отъ первыхъ потомковъ Каина и кончая сотнями милліоновъ дикарей и современныхъ простецовъ Европы, Азіи, Африки, Америки и Австраліи, должно быть признано *объективнымъ то, что открывается въ предметѣ чувствами лучшей части человѣчества, особенно если оно опирается на свидѣтельство чувствъ лучшей части человѣчества всѣхъ вѣковъ.*

ГЛАВА II.

II) Перейдемъ теперь *къ внутреннему чувству* и сравнимъ его свидѣтельство съ свидѣтельствомъ чувства внѣшняго, въ-отношеніи къ объективности, или субъективности.

А) Раздѣливъ внутренее чувство на двѣ области: 1) *низшую область физическихъ ощущеній* и 2) *высшую область ощущенія движеній и дѣятельностей душевныхъ* и полагая источникомъ этихъ ощущеній, вложенныя въ нашу природу, тѣлесныя и душевныя потребности, мы усматриваемъ слѣдующіе виды ощущеній: 1) *въ низшей области*: а) проистекающія изъ потребности питанія, ощущенія голода и утоленія его, также ощущенія жажды и утоленія ея; б) изъ потребности дыханія легкими и всею поверхностію кожи, особое ощущеніе спокойствія при дышаніи, посредствомъ дыхательныхъ органовъ и кожи, благорастворенныхъ воздухомъ, и ощущеніе асфиксіи при затрудненіи или остановкѣ дыханія; в) изъ потребности движенія, ощущенія особаго удовольствія, или неудовольствія при умѣренномъ движеніи и усталости, при недостаткѣ или избыткѣ движенія; г) изъ потребности правильнаго хода всѣхъ жизненныхъ отправленій тѣла, извѣстныя ощущенія здоровья, спокойствія, или страданія, боли и т. п.; 2) *въ высшей душевной области*: а) происходящія изъ потребностей *высшаго душевнаго эстетическаго чувства*, въ-случаѣ ихъ удовлетворенія, ощущенія душевной тишины, веселія, радости, восхищенія, восторга, привязанности, любви, самоотверженія, умиленія, благоговѣнія, всесовершеннаго погруженія въ созерцаемое, при созерцаніи прекраснаго, благороднаго, великаго, высокаго, безконечнаго, и обратнаго свойства ощущенія при неудовлетвореніи сердечныхъ потребностей; б) проистекающія изъ потребностей *воли*, ощущенія спокойствія и одобренія *совѣсти*, при созерцаніи въ себѣ ли, или въ другихъ, хорошаго нравственно поступка, и обратныя ощущенія при нарушеніи нравственнаго идеала; в) наконецъ, изъ потребностей *ума*, проистекающія ощущенія удовлетворенія, при сознаніи правильнаго и успѣшнаго хода умственныхъ работъ, и неудовлетворенія, при разстройствѣ, ложномъ направленіи и безплодности этихъ работъ. Надъ всѣми же этими, какъ низшими, такъ и высшими, ощущеніями должно поставить особое чувство внутренняго душевнаго зрѣнія: *сознаніе и*

самосознаніе, которымъ субъектъ прикасается къ своимъ собственнымъ состояніямъ, какъ-будто внѣ его существующимъ объектамъ.

Б) *Объективно ли свидѣтельство этихъ внутреннихъ ощущеній?* Это значитъ: имѣютъ ли въ себѣ объекты тѣ свойства, какія придаются имъ этими ощущеніями? Скажемъ рѣшительно, что свидѣтельства этихъ чувствъ болѣе объективны, по крайней мѣрѣ, болѣе общесубъективны, чѣмъ свидѣтельства чувствъ внѣшнихъ. И утверждаемъ это относительно чувствъ не только а) низшихъ физіологическихъ, но и б) высшихъ душевныхъ.

а) Сначала оцѣнимъ достовѣрность свидѣтельства *низшаго физіологическаго чувства*.

аа) *Какія свойства это чувство открываетъ въ предметахъ?* 1) Чувство, проистекающее изъ потребности питанія, открываетъ предметы, имѣющіе свойство утолять физіологическій голодъ и жажду; 2)—проистекающее изъ потребности дыханія открываетъ предметы, имѣющіе свойство поддерживать дыханіе легкое, правильное, а съ другой стороны, предметы, имѣющіе свойство асфиксировать или портить дыханіе, какъ въ легкихъ, такъ и на поверхности кожи; 3)—проистекающее изъ потребности движенія—открываетъ предметы или акты, имѣющіе свойство утолять томительное чувство недостатка, или избытка движенія; 4) наконецъ, разнообразныя чувства, проистекающія изъ потребности общаго благосостоянія чувствующей особи, открываютъ въ предметахъ свойства и условія, содѣйствующія этому благосостоянію, или подрывающія его, или даже разрушающія.

бб) Утверждаемъ, что *указанія этихъ чувствъ наиболѣе объективны*. Это видно изъ того, что никакимъ разсудочнымъ отвлеченіемъ нельзя подвергнуть сомнѣнію принадлежность предметамъ тѣхъ свойствъ, какія открываются въ нихъ этими чувствами. Напротивъ того, болѣе чѣмъ что-либо несомнѣнно, что предметамъ, которымъ названными чувствами приписываются подлежащія свойства, эти свойства дѣйствительно принадлежатъ: 1) утоляющимъ голодъ и жажду — свойство утолять голодъ и жажду,—2) поддерживающимъ правильное дыханіе—свойство поддерживать правильное дыханіе,—3) утоляющимъ потребность движенія—свойство утолять эту потребность,—4) соотвѣтствующимъ потребности родопродолженія — свойство соотвѣтствовать этой потребности,—5) поддерживающимъ общее благосостояніе организма и отвращающимъ отъ него всякаго рода искаженія и страданія—свойство поддерживать общее благосостояніе чувствующей особи и от-

странять отъ нея разныя страданія. —Здѣсь представляется вопросъ: *отчего происходитъ сравнительно болѣе близкая объективность свидѣтельства этихъ чувствъ, чѣмъ указаній чувствъ внѣшнихъ?* Отъ двухъ главныхъ, очевидныхъ причинъ: отъ того 1) что внутреннія физіологическія чувства наиболѣе непосредственно соприкасаются съ дѣйствующими на нихъ предметами, — гораздо непосредственнѣе, чѣмъ чувства внѣшнія: отъ зрѣнія видимые предметы часто отстоятъ на безпредѣльное разстояніе, непосредственно же у глаза вовсе не могутъ быть видимы; отъ слуха звучащіе предметы находятся, большею частію, вдали и иногда весьма далеко, а звучащіе непосредственно около самаго уха производятъ фальшивое ощущеніе; изъ внѣшнихъ чувствъ наиболѣе соприкасающіяся съ предметами чувства осязанія, обонянія и вкуса, совершенно почти сливаются въ своихъ отправленіяхъ съ отправленіями внутренняго органическаго чувства, и имѣя спеціальное назначеніе, на-ряду съ чувствомъ внутреннимъ, служить общему благосостоянію организма, наименѣе даютъ матеріала для познанія и имѣютъ наболѣе *животнопрактическій характеръ*; оттого и показанія ихъ ближе къ объективности и менѣе могутъ быть подвергаемы оспориванію посредствомъ разсудочнаго анализа, чѣмъ показанія чувствъ наиболѣе дающихъ матеріала для познанія, именно чувствъ слуха и зрѣнія; оттого 2) что внутреннія физіологическія чувства имѣютъ почти исключительно *животно-практическій* характеръ, приближаясь къ чувствамъ вкуса, обонянія и осязанія, и наименѣе *теоретическій*, свойственный чувствамъ зрѣнія и слуха, руководствуясь въ своей дѣятельности задачею разобрать не столько то, что такое вещь сама въ себѣ и для себя, Ding an und für sich, сколько то, что такое вещь для насъ, въ-отношеніи къ чувствующему субъекту. На этотъ-то практическій вопросъ физіологическое чувство и отвѣчаетъ съ наибольшею непогрѣшимостью, что т. е. «данный предметъ дѣйствуетъ на чувство какимъ-то извѣстнымъ образомъ». Имѣетъ ли оно, однакоже, какое-нибо теоретическое значеніе, открываетъ ли въ предметѣ какое-нибо объективное свойство? Безспорно, открываетъ большую область дѣйствительно реально принадлежащихъ предметамъ свойствъ дѣйствовать на чувство извѣстнымъ образомъ,— и принадлежащихъ тѣмъ болѣе непререкаемо, что въ отправленіяхъ физіологическаго чувства непосредственно дѣйствующій на него объектъ, въ наибольшей части случаевъ, переставая быть самимъ собою, сливается съ чувству-

щимъ субъектомъ, слѣдовательно, субъектъ, въ моментъ такого слитія, начинаетъ знать объ объектѣ непосредственно, какъ о себѣ самомъ. *Въ самоощущеніи же человѣкъ не обманывается*, такъ-что самый скептическій идеалистъ можетъ быть вынужденъ согласиться, *что ощущеніе есть ощущеніе и что извѣстный объектъ дѣйствуетъ на него извѣстнымъ чувствуемымъ образомъ.*

вв) Утверждаемъ, что указанія внутренняго физіологическаго чувства какъ болѣе объективны, точно также *и болѣе обще-субъективны, чѣмъ свидѣтельства внѣшнихъ чувствъ.* Не говоримъ: 1) о согласіи ни всѣхъ безъ исключенія, ни огромнаго большинства людей въ признаніи извѣстныхъ предметовъ имѣющими способность удовлетворять требованіямъ физіологическаго чувства въ человѣческомъ организмѣ; 2) не говоримъ о томъ, что и животныя ближайшаго къ человѣческому органическаго строенія признаютъ, очевидно, тѣже, или аналогичные предметы способными удовлетворять тѣмъже самымъ, или аналогичнымъ съ ними потребностямъ; 3) но кромѣ того утверждаемъ, что здѣсь есть больше возможности повѣрить согласіе или даже тождественность ощущеній у разныхъ людей, чѣмъ тамъ, въ отправленіяхъ чувствъ внѣшнихъ. Никакой нѣтъ возможности увѣриться, что А) мое зрѣніе видитъ предметы на томъже разстояніи, въ тѣхъ же размѣрахъ и въ тѣхъ же цвѣтахъ, какъ эти предметы представляются другимъ людямъ; напротивъ того, опыты показываютъ, что болѣе выпуклымъ, близорукимъ глазамъ предметы должны казаться ближе и больше, чѣмъ дальнозоркимъ, плоскимъ; — острому зрѣнію предметы представляются яснѣе, свѣтлѣе, чѣмъ тупому; разноцвѣтно окрашеннымъ внутри глазамъ предметы должны представляться болѣе или менѣе оттѣненными разноцвѣтностію, какъ это замѣчается иногда даже у одного и тогоже субъекта, при различіи въ устройствѣ одного глаза отъ другаго. — Невозможно увѣриться, что Б) моему слуху звуки представляются не только въ одинаковомъ напряженіи, но и на одинаковой высотѣ: опытъ не рѣдко заставляетъ предполагать противное. Такъ, въ вокальныхъ хорахъ слишкомъ часто замѣчается явленіе, что извѣстные слухи, голоса въ пѣніи, *не доносятъ*, по техническому въ хорахъ термину, а другіе *переносятъ*,—явленіе отражающееся въ голосѣ, но корень свой, по тѣсной связи голосовыхъ нервовъ съ нервами слуха, имѣющее, безъ сомнѣнія, въ слухѣ, и именно въ томъ, что одному слуху извѣстные тоны слышатся выше, а другому ниже, чѣмъ всѣмъ прочимъ пѣвчимъ.

В) Относительно остальныхъ трехъ чувствъ: вкуса, обонянія и осязанія должно сказать тоже. Факты показываютъ значительное неравенство въ чувствительности органовъ этихъ чувствъ, такъ-что нѣкорыя ощущенія, существующія для большинства людей, не существуютъ для меньшинства; и, наоборотъ, ощущенія меньшинства не существуютъ для большинства. Господствующая же тожественность ощущеній внутренняго физіологическаго чувства нагляднѣе и принудительнѣе, чѣмъ тожественность ощущеній чувства внѣшняго, можетъ быть повѣрена: 1) тожественностью явленій предшествующихъ, сопутствующихъ и послѣдующихъ удовлетворенію чувства, напримѣръ, чувствъ голода, жажды, асфиксіи, изнуренія отъ утомленія, болѣзни и т. п., а потомъ 2) особенно рѣзко и принудительно сказывающимся сочувствіемъ одного чувствующаго субъекта съ другимъ въ тожественномъ или аналогичномъ состояніи чувства. Такимъ образомъ; *въ отправленіяхъ именно этихъ внутреннихъ органическихъ чувствъ единство законовъ природы сказывается наиболѣе, или просто—безусловно принудительнымъ образомъ, какъ явленіе нетолько субъективное, или болѣе или менѣе обще-субъективное, но непрекаемо объективное, которое становится основаніемъ вѣры, начальнымъ исходнымъ пунктомъ убѣжденія, что тѣмъже единствомъ законовъ природы проникнуты отправленія и внѣшнихъ чувствъ во всемъ человѣческомъ родѣ, не-смотря на разныя проявленія въ нихъ значительной разностепенности, недоразвитости, угнетенія и аномалій.*

ГЛАВА III.

б) Приступимъ теперь къ оцѣнкѣ достовѣрности, т. е. большей или меньшей объективности и общесубъективности свидѣтельства *внутреннихъ душевныхъ чувствъ.*

аа) Первымъ дѣломъ здѣсь, съ наибольшею позитивною точностью, слѣдуетъ опредѣлить, *что въ сферѣ душевныхъ дѣятельностей и силъ должно назвать чувствомъ.* Какъ въ дѣятельности разныхъ силъ природы, какъ, напр., напритяженія или отталкиванія электричества, магнетизма и т. д., замѣчается полярнзація, т. е. такое коренное свойство, по которому каждая изъ этихъ силъ, будучи сама въ себѣ единствомъ,

проявляется въ дѣятельности болѣе или менѣе сказывающимся двойствомъ двухъ противоположностей,—точно также нѣчто подобное замѣчаемъ мы и въ дѣятельности единой силы человѣческаго чувства, именно, при основномъ единствѣ, нѣкоторое ощутительное двойство, двѣ стороны единой дѣятельности и силы: *теоретическую силу и практическую*, которыя, будучи существеннымъ единствомъ, въ проявленіи взаимно себя связываютъ, проникаютъ и опредѣляютъ. *Одна изъ этихъ силъ*, сила *теоретическая, опредѣляетъ, что такое предметъ есть; а другая, практическая, — какъ предметъ относится къ чувствующему субъекту.* Такъ 1) въ *чувствахъ внѣшнихъ*, каждое изъ нихъ есть единство той и другой силы: теоретической и практической; тѣмъ не менѣе, въ нѣкоторыхъ чувствахъ, именно въ чувствѣ вкуса и обонянія, ощутительно преобладаніе характера практическаго, — въ чувствѣ зрѣнія и слуха преобладаніе характера теоретическаго, а въ осязаніи какъ-бы равновѣсіе того и другаго; 2) въ отдѣльныхъ проявленіяхъ *внутренняго физіологическаго чувства*, хотя не замѣчается такъ отчетливо преобладаніе одной изъ этихъ сторонъ надъ другою какъ въ отдѣльныхъ проявленіяхъ чувства внѣшняго, т. е чтобы въ одномъ изъ особаго рода внутреннихъ органическихъ чувствъ преобладалъ характеръ практическій, а въ другомъ теоретическій,—тѣмъ не менѣе, однакожъ, мы ощутительно замѣчаемъ въ нихъ тѣже двѣ стороны дѣйствія ихъ: при господствѣ практической стороны, которая опредѣляетъ, или скорѣе *пассивно ощущаетъ*, какъ предметъ дѣйствуетъ на чувство, замѣчаемъ дѣйствіе и теоретической стороны чувства, которая, посредствомъ *свободнаго чувственнаго воззрѣнія*, на основаніи пассивныхъ чувственныхъ воспріятій, опредѣляетъ, какъ предметъ есть; 3) туже аналогію усматриваемъ мы въ отправленіяхъ *и душевнаго чувства*: въ его цѣлостномъ единствѣ видимъ раздвоеніе его на тѣже двѣ стороны: практическую и теоретическую, изъ которыхъ одна опредѣляетъ пассивно, какъ предметъ чувствуется въ душѣ, а другая, свободнымъ воззрѣніемъ, какъ предметъ есть. Но здѣсь, въ душевномъ чувствѣ, раздвоеніе этихъ сторонъ чувствуется еще рѣзче, чѣмъ во внутреннемъ физіологическомъ чувствѣ, и, по меньшей мѣрѣ, также ощутительно, если только еще не ощутительнѣе, чѣмъ въ чувствѣ внѣшнемъ. Именно, въ области душевныхъ дѣятельностей, отнесенныхъ къ сферѣ сердца или *эстетическаго вкуса*, мы видимъ преобладаніе характера практическаго, пассивно указывающаго, какъ предметы относятся къ

общему строю нашего душевнаго благосостоянія, при чемъ теоретическій анализъ ощущенія противоборствуетъ ему, ослабляя его цѣльность; въ области дѣятельностей, отнесенныхъ къ сферѣ воли, видимъ равновѣсіе характеровъ, практическаго и теоретическаго, гдѣ, *при посредствѣ совѣсти*, взвѣшивается, какъ извѣстный нравственный актъ относится къ душевному нашему ощущенію и каковъ потому онъ самъ по себѣ; наконецъ, въ области дѣятельностей, отнесенныхъ къ сферѣ познавательной силы, видимъ преобладаніе характера теоретическаго, который, *при посредствѣ сознанія*, опредѣляетъ, какъ предметъ самъ въ себѣ есть, хотя не исключаетъ, а, напротивъ того, въ корнѣ всякаго убѣжденія, предполагаетъ рѣшеніе и практическаго вопроса: какъ познаніе извѣстнаго предмета относится въ насъ къ чувству истины, удовлетворяющимъ, или раздражающимъ образомъ. При этомъ слѣдуетъ помнить, что, при дробленіи душевныхъ силъ, весьма важномъ и нужномъ въ школахъ и системахъ, въ дѣйствительности является единая, разносторонне, неуловимо-раздѣльно и неуловимо-слитно, проявляющаяся душа. Въ системахъ принято раздѣленіе души на три главныя области: познавательную, желательную и чувствующую, и принято, конечно, только въ-видахъ возможно-обстоятельнаго обслѣдованія, по господству въ извѣстной области душевныхъ явленій характера познавательнаго, въ другихъ желательнаго, а въ третьихъ чувствующаго. Но, на самомъ дѣлѣ, всѣ эти три силы взаимно себя проникаютъ, и коренная сила души есть чувство, такъ-какъ, по божественно-философскому изреченію божественной премудрости, *отъ сердца исходятъ помышленія злая, убійства, прелюбодѣянія, любодѣянія, татьбы, лжесвидѣтельства, хулы.* Это, на школьномъ языкѣ, значитъ, что и умъ, и воля, въ корнѣ своемъ, суть чувство. Умъ есть сила, имѣющая свои стремленія, чувствующая свои потребности; и воля есть сила, имѣющая свои стремленія, чувствующая свои потребности, точно также какъ и сердце; равнымъ образомъ и то, и другое, и третье (и умъ, и воля, и сердце) испытываютъ, каждое по своему, ощущеніе удовлетворенія при удовлетвореніи своихъ потребностей, при достиженіи цѣли своихъ прирожденныхъ стремленій, и обратное ощущеніе неудовольствія при неудовлетвореніи потребностей. Чувство сердца есть, какъ принято называть, *вкусъ*, чувство воли — *совѣсть*, чувство ума—*сознаніе. Эстетическій вкусъ, совѣсть и сознаніе суть разныя проявленія единаго кореннаго душевнаго чувства, суть*

чувства, точно также, какъ физіологическія внутреннія, и какъ внѣшнія чувства единой цѣлостной души.

бб) *Какія свойства открываются этими чувствами въ предметахъ?*—Всякое чувство указываетъ предметъ, ему подлежащій, тогда какъ, наоборотъ, предметы, не подлежащіе ему, для него не существуютъ, и успокоивается, или даже сочувственно возбуждается, когда открываетъ въ предметахъ стороны ему самому (чувству) сродныя, сочувственныя, нужныя и способныя удовлетворить его. Такимъ образомъ, 1) чувство сердца или, въ обширномъ смыслѣ понимаемый, *эстетическій вкусъ* ищетъ и открываетъ въ предметахъ *прекрасное въ разнообразныхъ его видахъ;* 2) *чувство воли*, совѣсть, ищетъ и указываетъ *нравственно-доброе;* а 3) *чувство познавательной силы* ищетъ и открываетъ къ предметахъ *истинное, согласное съ законами мышленія и бытія, дѣйствительно-сущее реальное, соотвѣтствующее въ предметахъ требованіямъ нашего ума, объективное, исключающее всякія несовпаденія объективнаго съ обще-субъективнымъ, абсолютное.*

вв) *Объективны ли показанія внутренняго душевнаго чувства?* Есть ли въ объектахъ, находящихся внѣ мыслящаго субъекта, свойства, открываемыя этими чувствами? Есть ли внѣ человѣка прекрасное, нравственно-благое, истинное? Или эти ощущенія прекраснаго, благаго, истиннаго суть только состоянія, происходящія внутри чувствующаго субъекта? Но этотъ вопросъ равняется аналогичному вопросу относительно какъ внѣшняго, такъ и внутренняго органическихъ чувствъ: есть ли внѣ чувствующаго субъекта, въ объектахъ, кислое, или горькое, благовонное, или зловонное, атласистое, или шероховатое, дискантовое, или басовое, голубое, или зеленое, хлѣбное, по вкусу, или рыбное, жгучее, или нѣжащее и т. д.? Обо всѣхъ подобныхъ, чисто физическихъ, ощущеніяхъ должно сказать, что онѣ суть состоянія, происходящія внутри чувствующаго субъекта,—и хотя въ большей части случаевъ онѣ производятся прикасающимися къ чувству предметами, но, тѣмъ не менѣе, не могутъ быть приписаны, въ цѣльномъ своемъ видѣ, предметамъ, какъ свойства, имъ присущія независимо отъ чувствующаго субъекта, а, напротивъ того, иногда посредствомъ разсудочнаго анализа можно доказывать, что находимыя чувствомъ въ предметѣ свойства ему рѣшительно не принадлежатъ, какъ, наприм., звукъ звучащему тѣлу, цвѣтъ предмету красному, а только отражающему солнечный красный цвѣтъ, гладкость гладкому предмету, который, подъ микроскопомъ, является изрѣзаннымъ горами и рытвинами, ущеліями и долинами. По этой, строго позитивной,

аналогіи, точно также и *о свойствахъ предметовъ, открываемыхъ душевнымъ чувствомъ, справедливо спрашивать не то, есть ли эти свойства въ предметахъ, а то, есть ли внѣ чувствующаго субъекта предметы, возбуждающіе въ немъ опредѣленныя душевныя чувствованія, соотвѣтствующія ощущеніямъ прекраснаго, нравственно добраго и истиннаго?* На этотъ вопросъ человѣчествомъ уже отвѣчено, что такіе объекты есть. Внѣ меня, во внѣшней природѣ и въ человѣческомъ обществѣ, есть предметы, возбуждающіе во мнѣ ощущенія, соотвѣтствующія присущей моему духу идеѣ прекраснаго, благаго, истиннаго. При этомъ *въ объективности этихъ свойствъ, въ существованіи ихъ внѣ меня, я убѣждаюсь*: 1) *совпаденіемъ отраженія названныхъ идей въ явленіяхъ природы и человѣческаго общества съ отраженіемъ ихъ въ моей собственной дѣятельности.* Такъ, наприм., а) если извѣстный предметъ является моему *вкусу* красивымъ въ природѣ, напр., картина вечерней зари, то, осуществляя самъ эту идею въ томъ же очертаніи, я создамъ живописную или описательную картину вечерней зари; если построенный мною домъ или храмъ кажутся мнѣ грандіозными, то подобное и во внѣшней природѣ представляется мнѣ грандіознымъ, напр., вѣковой раскидистый дубъ, гора, небесный сводъ; б) если моей *совѣсти* чувствуется не хорошо, когда я дерусь на смерть съ своимъ братомъ, а, напротивъ того, хорошо, когда я берегу и защищаю ближняго, — то подобное, не только въ человѣческомъ обществѣ, но и во внѣшней природѣ, производитъ на меня ощущеніе міроваго зла, когда напр., два родственныхъ животныхъ дерутся на смерть, и міроваго добра, когда, напр., мать питаетъ, грѣетъ и защищаетъ своихъ дѣтенышей; в) если моему *сознанію* обидно, что я 20 лѣтъ раздѣлялъ съ другими убѣжденіе въ истинности лапласовой и дарвиновой теорій, которыя ниспровергнуты теперь фактически,—то мнѣ также мучительно сознаніе, что эта юная особа ищетъ своего счастія тамъ, гдѣ даже нельзя найти забвенія ожидающаго ее горя, какъ обидно также глядѣть на мечущуюся во время пожара скотину, неудержимо рвущуюся въ пылающій уже хлѣвъ; 2) въ объективности этихъ свойствъ меня убѣждаетъ *невозможность подвергнуть сомнѣнію, посредствомъ разсудочнаго анализа, принадлежность этихъ свойствъ предметамъ*, въ которыхъ открываетъ ихъ мое чувство, подобно свойствамъ предметовъ, открываемымъ посредствомъ внутренняго физіологическаго чувства. Какъ невозможно доказывать мнѣ, вопреки настойчимому свидѣтельству моего физическаго чувства, что извѣстный предметъ утоляетъ мой голодъ

и жажду, извѣстный затрудняетъ мое дыханіе, извѣстный жжетъ, точно также абсолютно невозможно доказать, что данный предметъ, въ данную минуту, въ данномъ состояніи моего духа, не производитъ во мнѣ душевнаго восторга, нравственнаго успокоенія, умственнаго удовлетворенія. Если же и возможно самообольщеніе, въ которомъ мнѣ чувствуется, будто извѣстное душевное ощущеніе происходитъ во мнѣ отъ извѣстнаго предмета, тогда-какъ оно происходитъ отъ другаго, внѣ или внутри меня находящагося, то подобное-же самообольщеніе возможно въ ощущеніяхъ и внутренняго органическаго, и внѣшняго чувствъ. Самообольщеніе это можетъ касаться не ощущенія моего самаго въ себѣ, какъ ощущенія, а только связи его, какъ извѣстнаго явленія, или дѣйствія, съ тою или другою причиною: чувство мое открываетъ во мнѣ извѣстное явленіе ощущенія, указывая для него и причину извѣстную; здѣсь чувство, какъ чувство, не ошибается, подобно и внѣшнему чувству, которое въ красномъ предметѣ чувствуетъ источникъ краснаго цвѣта, происходящаго отъ солнца, а ошибается разсудочный анализъ, который, если ему угодно, нужно и возможно, долженъ изыскать другую вѣрную причину несомнѣннаго факта ощущенія, которое приписываетъ извѣстному предмету извѣстное объективное свойство извѣстнымъ образомъ дѣйствовать на чувство субъекта; 3) если преимущественную предъ свидѣтельствомъ внѣшняго чувства объективность свидѣтельству внутренняго органическаго чувства мы приписываемъ, между прочимъ, по тому, что ощущенія этого чувства имѣютъ господствующій *животно-практическій характеръ*, руководствуясь въ своей дѣятельности задачею разобрать не столько то, что такое вещь сама въ себѣ и для себя, сколько то, что такое вещь для чувствующаго субъекта, приближаясь къ внѣшнимъ чувствамъ вкуса, обонянія и осязанія и отдаляясь отъ чувствъ, имѣющихъ болѣе теоретическій характеръ: слуха и зрѣнія,—то тоже преимущество должны мы приписать и душевнымъ ощущеніямъ *эстетическаго вкуса и совѣсти*, изъ которыхъ въ первомъ мы нашли преобладаніе, а во второй—равновѣсіе съ теоретическимъ, *характера практическаго, направленнаго къ различенію въ предметѣ того, что такое онъ не какъ* res in se, *но какъ вещь для чувствующаго субъекта*. При чемъ на этотъ практическій вопросъ и душевное чувство, подобно внутреннему органическому, должно отвѣчать съ наиболѣе непререкаемою непогрѣшимостью, что данному предмету принадлежитъ свойство дѣйствовать на чувство извѣстнымъ образомъ.

Если же, при этомъ, въ третьей, спеціально-познавательной, области душевнаго чувства, *сознаніи*, преимуществуетъ характеръ *теоретическій*, направленный къ разрѣшенію вопроса, что такое res in se,— то должно сказать, что вообще душевное чувство имѣетъ наивысшее преимущество предъ чувствами не только внѣшнимъ, но и внутреннимъ органическимъ; 4) *въ преимущественной непосредственности соприкосновенія чувствующаго субъекта съ чувствуемымъ объектомъ.* Эта преимущественная непосредстеенность открывается изъ того, что а) *въ дѣятельности внѣшняго чувства*, отъ двухъ, самыхъ важныхъ въ теоретическомъ отношеніи, чувствъ: зрѣнія и слуха, предметы отстоятъ, большею частію, далеко. Всѣми пятью внѣшними чувствами душа прикасается къ внѣшнему міру только съ внѣшней его стороны, при чемъ чистому отраженію и этой внѣшней стороны въ чувствѣ и сознаніи часто препятствуетъ среда, чрезъ которую предметы дѣйствуютъ на чувство,—и при томъ для болѣе правильнаго и сильнаго дѣйствованія чувства зрѣнія нужны бываютъ телескопы и микроскопы и разнаго рода увеличительныя и уменьшающія зрительныя стекла съ искусственнымъ освѣщеніемъ,—для слуха нужны слуховыя трубы и другіе акустическіе инструменты,—неточность ощущеній осязанія должно поправлять зрѣніемъ, особенно же усиленнымъ зрительными инструментами, такъ-что гдѣ палецъ не ощупываетъ, да и простой глазъ не видитъ ничего, тамъ, какъ, напр., въ незамѣтной капелькѣ воды, вооруженный глазъ открываетъ цѣлыя семейства инфузорій; тупость указаній вкуса и обонянія необходимо бываетъ изощрять разными чистительными химическими средствами; для возможнаго проникновенія внутрь чувственной природы ее нужно бываетъ анатомировать, разсѣкать, разчленять, разлагать химически, при чемъ чувство опять—таки проникаетъ только до поверхности уже разчлененной природы, которую разчленить до послѣднихъ, уже болѣе недѣлимыхъ, частей ея до сихъ поръ пока не удалось. При этомъ нашему чувству подлежитъ только безконечно малая часть и этой поверхностной стороны вселенной, такъ-какъ и на этой пылинкѣ универса, на землѣ, чувству доступна только поверхность ея; внутренность же, глубже нѣсколькихъ сотъ футовъ, останется навсегда недоступною; а поверхъ земли, за атмосферною ея оболочкою, только чувство зрѣнія ловитъ мелькающую тѣнь исчезающаго въ безпредѣльной дали бытія, для прочихъ же чувствъ вкусы и запахи, температура и упругость веществъ даже ближайшаго къ намъ небеснаго тѣла, луны, гадательно уловляемые только разсудочнымъ

анализомъ, навсегда, останутся неуловимыми—равно-какъ и ухо наше никогда не услышитъ гармоніи небесныхъ, сферъ которую душевнымъ слухомъ слышалъ *Пивагоръ*. Въ этомъ отношеніи душу не безъ основанія сравнивали съ хозяйкою безъисходно пребывающею въ домѣ, въ тѣлѣ, на землѣ, изъ котораго она соприкасается съ внѣшнимъ міромъ не иначе, какъ посредствомъ пяти внѣшнихъ чувствъ, какъбы окошекъ въ домѣ, проводовъ и продушинъ: что и какъ прикоснется къ этимъ проводамъ и продушинамъ, что и какъ видно изъ этихъ окошекъ, то, такъ и въ такой степени становится доступно и сознанію души. А *Платонъ* еще глубже философски сравнивалъ душу съ узницею въ пещерѣ, прикованною цѣпями къ стѣнѣ такъ, что лицемъ она обращена не къ отверстію пещеры, а къ стѣнѣ, при чемъ она видитъ мелькающія на тускло чрезъ отверстіе освѣщаемой стѣнѣ тѣни бытія и по нимъ гадаетъ объ истинно сущемъ. Это глубоко-философское сравненіе совершенно точно не-только относительно свидѣтельства нашихъ внѣшнихъ чувствъ о неизмѣнной и непостижимой сущности бытія,—по-отношенію идеямъ, но также и по-отношенію безпредѣльности бытія къ малости того, что доступно нашему внѣшнему чувству. По мелькающему отраженію несущейся мимо насъ количественной и качественной безпредѣльности бытія въ ничтожно малой сферѣ земной атмосферы, внѣ и мимо которой ничто даже зрѣнію нашему,—не говоря о прочихъ внѣшнихъ чувствахъ, — недоступно, въ безмѣрно малѣйшей еще сферѣ нашего тѣла, съ его чувственными органами, узникъ прикованный къ стѣнѣ тускло освѣщенной пещеры, или точнѣе, заключенный въ стеклянный тусклаго матоваго стекла шаръ, или еще точнѣе, въ тѣсную съ тусклыми закоптѣлыми окошечками темницу,—мыслящій духъ гадаетъ о дѣйствительномъ бытіи безграничнаго универса. б) Въ *дѣятельности внутренняго органическаго чувства* оказывается другая своя невыгодная сторона: при непосредственности соприкосновенія съ ощущаемымъ предметомъ, особенная *тусклость и слитность* чувственнаго свидѣтельства, такъ-что всѣ органическіе процессы, возбуждающіе это чувство, подлежатъ ему только самою незначительною своею долею и отраженіемъ своимъ въ чувствѣ даютъ, положимъ, самую важную, но количественно весьма скудную долю матеріала для своего опредѣленія въ области разсудочнаго анализа. Въ чемъ, наприм., состоятъ процессы питанія, пищеваренія, кровотворенія, кровообращенія и выдѣленія изъ крови, — процессы дыханія, окисленія крови кислородомъ, выдѣленія

воздушнаго азота и угля крови въ-видѣ углекислоты и другихъ частей тѣла въ-видѣ испареній кожи,—процессы мускульнаго движенія, плодотворенія, нервнаго ощущенія и т. д., это непосредственному внутреннему ощущенію опредѣлить крайне трудно: можно только весьма немногое, хотя и самое существенное, все же остальное должно опредѣлять по наблюденію, посредствомъ внѣшнихъ чувствъ, надъ строеніемъ органовъ и совершеніемъ аналогичныхъ процессовъ, какъ въ человѣческомъ, такъ и въ другихъ животныхъ тѣлахъ,—по наблюденію, которое раздвигаетъ область познаній о внутреннихъ органическихъ нашихъ процессахъ безмѣрно далѣе предѣловъ, очерчиваемыхъ непосредственнымъ внутреннимъ ощущеніемъ. в) *Въ дѣятельности же душевнаго чувства* эти неудобства чувствъ внѣшняго и внутренняго органическаго не существуютъ: въ этой области *чувствующій субъектъ и чувствуемый объектъ суть единство*, самъ человѣческій духъ съ своими проявленіями и дѣйствіями, силами и законами. Если же здѣсь предметомъ ощущенія бываетъ и то, что проявляется во внѣшнемъ мірѣ, въ природѣ и человѣческомъ обществѣ, то прекрасное, благое и истинное внѣ меня тожественно съ прекраснымъ же, благимъ и истиннымъ внутри меня, а не тожественное не можетъ для меня существовать: внѣ меня отражающаяся идея чувствуется мною настолько, насколько сливается съ моею аналогичною идеею. И потому здѣсь никакая среда, никакое разстояніе не отдѣляетъ субъектъ отъ объекта, не затемняетъ, не окрашиваетъ объекта несвойственнымъ ему свѣтомъ: можетъ окрашивать только разсудочный анализъ, на-основаніи ложно понятаго чувства, но не самое чувство. Субъектъ насквозь пронизываетъ, въ каждомъ пунктѣ проникаетъ и собственнымъ свѣтомъ озаряетъ чувствуемый объектъ: никакіе вспомогательные, увеличивающіе чувствительность, инструменты здѣсь абсолютно не умѣстны,—никакое анатомированіе или химическое разложеніе, никакое разчлененіе души, возможное для разсудочнаго анализа, для чувства невозможно; возможно только развѣ болѣе тщательное и точное чувственное воззрѣніе въ извѣстный, менѣе другихъ освѣщенный сознаніемъ, уголъ души. Но и здѣсь это освѣщеніе опять-же ни подъ какимъ видомъ не можетъ быть позаимствовано извнѣ, а должно быть неиначе, какъ изъ тогоже чувства, хотя и можетъ быть усилено особымъ, даже искуственнымъ (какъ, напр., въ сомнабулизмѣ) возбужденіемъ чувствъ. Наконецъ, если и возможно въ дѣлѣ изученія душевныхъ процессовъ

вспоможеніе душевному чувству со-стороны чувствъ внѣшняго и внутренняго физіологическаго, посредствомъ наблюденія надъ отраженіемъ моей собственной души въ моемъ тѣлѣ, равно-какъ и надъ проявленіями души въ другихъ людяхъ,—то внѣшнее и внутреннее физіологическое чувство во мнѣ самомъ, какъ неотдѣлимое въ дѣйствительности продолженіе единаго моего чувства, настолько помогаетъ въ познаніи души, какъ и во всякомъ другомъ, чувству спеціально душевному, насколько отражается въ общемъ фокусѣ чувствъ,—въ сознаніи; а въ наблюденіяхъ надъ проявленіями души другихъ людей помогаетъ настолько, насколько эти проявленія могутъ если не точно-тожественно повториться, то, по закону однородности человѣческихъ душъ, хотя блѣдно отразиться аналогичными ощущеніями въ моемъ собственномъ чувствѣ: безъ этого же отраженія, чуждыя душевныя состоянія были бы абсолютно недоступны и сознанію моему, и разсудочному анализу. — Наконецъ, сверхъ всего этого, внутреннему душевному ощущенію *не полагается никакихъ предѣловъ*: отъ центральнаго фокуса внутренняго субъективно-реальнаго міра въ сознаніи, по распространяющимся во всѣ стороны безконечнымъ радіусамъ, душевное чувство, не стѣсняясь, углубляется до недоступнаго всякому другому чувству центра земли и всякаго атома, пронизываетъ насквозь луну и солнце, звѣзды и туманныя звѣздныя пятна и летитъ, за предѣлы міроздапія, въ идеально-реальную безпредѣльность, съ своимъ непреложнымъ и безконечнымъ математическимъ вычисленіемъ, съ своими непререкаемыми разсудочными категоріями, съ своими неотступными, не уступающими никакому скептицизму идеями, постулятами, ощущеніями единаго безконечнаго, высокаго, прекраснаго-блаженнаго, благаго-праведнаго-святаго, истиннаго идеально и реально всевѣдущаго-всепроницающаго-творческаго, неизмѣннаго-перво-источнаго корня и центральнаго фокуса всякаго бытія, абсолютнаго, — смѣло прикладывая законы бытія субъективнаго къ условіямъ бытія объективнаго и получая, при строгомъ мышленіи, нерѣдко результаты сколько изумительные, столько-же и непреложные, силясь увлечь за собою иногда, быстрѣйшее и обширнѣйшее и изъ внѣшнихъ чувствъ, чувство зрѣнія и, во многихъ случаяхъ, какъ показалъ прогрессъ науки, не безъ успѣха, такъ-что прежде непроглядная для всего человѣчества даль, или малость вселенной, становилась физически прозрачною, открывая изумленному взору неисчислимые, безпредѣльно великіе и безпредѣльно малые, міры, оправ-

дывая объективными открытіями идеальныя гаданія и предчувствія души, и, что всего цѣннѣе,—утверждая вѣру нашей души въ непреложность всѣхъ ея законовъ и основныхъ чаяній.

Такимъ образомъ оказывается, что, *по вопросу объективности своего свидѣтельства, внутреннее душевное чувство совершенно аналогично съ чувствами какъ внутреннимъ органическимъ, такъ и внѣшнимъ, и въ однихъ отношеніяхъ равнозначительно съ ними, а въ другихъ—выше ихъ, выше ихъ уже какъ корень, какъ гнѣздилище, какъ фокусъ всѣхъ отправленій чувства.* Разсудочная же повѣрка достовѣрности душевнаго, равно-какъ и органическаго внутренняго и внѣшняго чувствъ, возможна не-столько въ области объективнаго прикладыванія ощущеній къ предметамъ, сколько въ области общесубъективнаго признанія, что именно извѣстные предметы имѣютъ свойство производить именно извѣстныя душевныя ощущенія.

ГЛАВА IV.

гг) Но *есть ли въ показаніяхъ внутренняго душевнаго чувства что-либо обще-субъективное?*—Есть ли что-либо общепризнанное: 1) *въ сферѣ эстетическаго вкуса, въ области ощущеній собственно сердца?*—Есть, и это доказывается существованіемъ въ родѣ человѣческомъ обще-признанныхъ идеаловъ прекраснаго, высокаго, дивнаго, осуществленныхъ и осуществляемыхъ въ архитектурѣ, пластикѣ, живописи, поэзіи, вообще въ словѣ, въ снарядѣ всякихъ житейскихъ удобствъ, въ устроеніи общественнаго и въ общемъ частнаго человѣческаго счастія, въ культурномъ эстетическомъ развитіи частныхъ лицъ, народовъ и всего человѣчества, въ религіозныхъ учрежденіяхъ, какъ въ цѣлыхъ церквахъ, такъ и въ особыхъ съ возвышеннѣйшими цѣлями и характерами религіозныхъ общинахъ,—существованіемъ обще-признанныхъ идеаловъ прекраснаго, величественнаго, высокаго, цѣлесообразнаго, приспособленнаго къ обще-человѣческому счастію, созерцаемыхъ въ извѣстныхъ опредѣленныхъ явленіяхъ внѣшней природы, — наконецъ, существованіемъ обще-признанныхъ идеаловъ божественно-прекраснаго, всесовершеннаго, безконечно-блаженнаго, вседовольнаго безболѣзненнаго, безмятежнаго, безпечальнаго, безсмертнаго, вѣчнаго, всѣмъ человѣчествомъ чаемыхъ въ жизни гор-

ней.—2) Есть ли что-либо обще-признанное *въ сферѣ ощущеній, испытываемыхъ человѣческою совѣстію?* Есть больше, чѣмъ въ какой-либо другой сферѣ, или, по крайнѣй мѣрѣ, столько-же, что доказывается основнымъ единствомъ обще-человѣческой морали, поразительнымъ сходствомъ основъ нравоученія и законодательства во всѣ вѣка и у всѣхъ цивилизованныхъ народовъ, — общимъ непререкаемымъ признаніемъ высоко-нравственныхъ идеаловъ, какова, напр., истинно Бого-человѣческая жизнь Искупителя человѣческаго рода, и другихъ менѣе совершенныхъ идеаловъ праведника, подвижника, безстрастнаго, нестяжательнаго, милосердаго, самоотверженнаго, любвеобильнаго, героя, патріота, гуманнаго, честнаго, рыцаря безъ страха и упрека, истиннаго философа — мудреца, не-смотря на различіе въ этихъ идеалахъ національныхъ и вѣроисповѣдныхъ оттѣнковъ, будь это Сократъ, или Наѳанъ мудрецъ, Саладинъ, или Баярдъ, Конфуцій, или Вашингтонъ, Галилей, или Ньютонъ, Сперанскій или Филаретъ, — наконецъ, всеобщимъ возношеніемъ общечеловѣческаго духа къ премірному небесному идеалу всесовершеннаго, всесправедливаго, всеблагаго, безконечнаго милосердія, безпредѣльной любви. 3) *Есть ли, наконецъ, что-либо обще-признанное въ сферѣ сознанія?*—Да,—все, что обще-признано человѣчествомъ за истинное въ сферѣ всѣхъ трехъ чувствъ, какъ внѣшняго, такъ и внутренняго, внутренняго какъ низшаго физіологическаго, такъ и высшаго душевнаго, потому-что признаніе самаго конкретнаго простѣйшаго чувственнаго представленія за истинное составляется, положимъ, при помощи чувства внѣшняго, но не иначе, какъ въ сферѣ чувства высшаго, душевнаго, — въ сознаніи. Но *есть ли что-либо обще-признанное за истинное въ сферѣ именно этого высшаго душевнаго чувства, въ признаніи чего за истинное низшія чувства принимали бы наименѣе, или даже нимало не принимали бы участія?*

Здѣсь нужно коснуться спора между матеріалистами и идеалистами, метафизиками и позитивистамио такъ-называемой *апріорности понятій, прирожденности идей, о способности* человѣческаго ума имѣть *трансцендентныя, независимыя отъ внѣшняго опыта, познанія.* Это споръ старый, какъ старо въ человѣчествѣ начало философствующей мысли и даже до настоящаго времени неоконченный,—явный знакъ, что—и безплодный. *Сократу* и *Платону* казалось, что основныя понятія, идеи, мы приносимъ съ неба въ высшей части человѣческой души, вселяемой въ вещественное тѣло; а *Аристотелю* уже приписывается, хотя и ложно,

ученіе o tabula rasa и положеніе: nihil est in intellectu, quod non fuerit in sensu. Зная это, какъ и всю предшествующую философію, *Кантъ* допускалъ апріорныя понятія; позитивисты же ихъ отрицаютъ, утверждая, что даже *математическія понятія* человѣкъ пріобрѣтаетъ изъ опыта,—даже *высшія категоріи*, какъ, напр., категорію *причинности*, отвлекаетъ отъ внѣшнихъ явленій,—не говоря уже объ *идеяхъ*, которыя въ нѣкоторыхъ развитыхъ людяхъ суть продуктъ долгаго культурнаго развитія всего человѣчества, а въ большинствѣ человѣческаго рода вовсе не существуютъ,—что, однимъ словомъ, *никакихъ прирожденныхъ идей или понятій въ душѣ человѣка нѣтъ*. Весь этотъ старый безконечный споръ ведется, съ той и другой стороны, не отъ недостатка эрудиціи, наблюденій, данныхъ опыта, но отъ различнаго толкованія непосредственныхъ данныхъ опыта, многочисленныхъ, сдѣланныхъ надъ познавательною силою, непосредственныхъ наблюденій. Но такъ-какъ здѣсь различно толкуются самыя непосредственныя опытныя воззрѣнія, то намъ съ надеждою на безусловную побѣду продолжать этотъ споръ, эту и безъ того безконечную серію опроверженій и доказательствъ, не приходится [1]),—а остается только стать подъ то, или другое, или третье знамя, по непосредственному влеченію нашего личнаго сочувствія,—что мы и сдѣлаемъ. Итакъ наше сочувствіе клонитъ насъ *пройти срединою между крайними идеалистами и позитивистами*, не теряя, однако-же, надежды, что мы и здѣсь останемся на строго позитивной почвѣ. *Есть ли врожденныя представленія у животныхъ?* Вотъ этотъ цыпленокъ, вылупившійся изъ яйца безъ матери, всматривается пристально въ раскрошенныя передъ его клювомъ печоныя яйца, въ ползающую предъ его клювомъ муху, или мелкое насѣкомое, — и вдругъ у него раждается представленіе, что ихъ можно съѣсть, тогда—какъ ничто несъѣдомое, очевидно, не возбуждаетъ въ немъ подобной идеи. Въ первый разъ выпускаютъ его на дворъ и, увидѣвъ соръ, онъ, очевидно, комбинируетъ въ своей головѣ представленіе, что этотъ соръ можно рыть ногами, что тамъ окажется червякъ, котораго можно будетъ съѣсть, котораго онъ дѣйствительно и отыскиваетъ и съѣдаетъ, тогда-какъ о самомъ сорѣ онъ, очевидно, знаетъ, что глотать его не слѣдуетъ. Эта ласточка, оторванная отъ родителей, отъ гнѣзда, осенью, безъ всякаго ученія, комбинируетъ идею, что надо

[1]) Впрочемъ, ниже это будетъ разъяснено обстоятельнѣе.

улетѣть на югъ и летитъ по прямой линіи меридіана къ экватору а весною, по той же прямой линіи, возвращается не въ иное мѣсто, какъ именно въ Казань, или въ другую подобную мѣстность. На основаніи безчисленнаго ряда подобныхъ фактовъ, мы своимъ сочувствіемъ располагаемся утверждать, что животнымъ почти всѣ ихъ представленія прирождены и что онѣ, при благопріятныхъ данныхъ, непремѣнно и совершенно правильно у нихъ и развиваются до извѣстной, указанной природою, грани. *Есть ли прирожденныя идеи у растеній?* Эта груша, своевременно на одномъ сучкѣ привитая отросткомъ отъ другой, хорошо во многихъ поколѣніяхъ воспитанной, груши, даетъ, въ благопріятный годъ, съ привитаго сучка груши добраго качества, а съ непривитаго груши же, но дикаго качества,—во всякомъ же случаѣ, никакъ не капусту; а въ другой благопріятный годъ она не даетъ ни того, ни другаго; а вотъ другая груша выросла, отъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, совершенно безплодною. На основаніи безчисленнаго ряда подобныхъ фактовъ, мое сочувствіе нудитъ меня утверждать, что грушѣ прирожденъ законъ, вложена въ ея природу предначертанная высшимъ творческимъ разумомъ идея производить, по роду своему, конечно, безсознательно, именно груши, а не капусту, и культированной грушѣ—груши хорошаго качества, а дикой—дикія груши; но тойже самой породы груша, при неблагопріятствующихъ обстоятельствахъ, не приноситъ своихъ плодовъ, несмотря на лежащій въ ея природѣ законъ, несмотря на прирожденную ей творческую идею проносить плодъ по роду своему. *Въ этомъ же смыслѣ наше сочувствіе побуждаетъ насъ признать многое прирожденнымъ и человѣку.* Развѣ человѣкъ не есть существо органическое, подобно растенію и животному? На это и самый строгій позитивизмъ долженъ отвѣчать утвердительно. Развѣ нѣтъ въ природѣ человѣка предначертанныхъ Зиждителемъ природы идей, которыя человѣкъ осуществляетъ въ жизни то безсознательно, какъ груша, то полусознательно, какъ цыпленокъ или ласточка, то сознательно, какъ существо высшее всѣхъ существъ видимой природы, существо разумное? Безсознательно въ подробностяхъ развитія осуществляетъ онъ законъ или прирожденную идею плодоприношенія по роду своему, подобно грушѣ, и другіе подобные, — съ чѣмъ и позитивизмъ не можетъ не согласиться. Сначала безсознательно, а потомъ полусознательно ребенокъ,—что очевидно и для позитивиста, — носитъ прирожденную ему творческую идею питательной матерней груди, которую съ великою прирожденною

ловкостью и эксплуатируетъ въ-пользу продолженія своей жизни, а если дадутъ ему въ ротъ что-либо непитательное, онъ кричитъ, выражая ощущеніе неудовольствія, что ему даютъ не то, что слѣдуетъ. И подобныхъ инстинктовъ у человѣка не мало. Безсознательно, полубезсознательно и, наконецъ, сознательно человѣкъ носитъ въ своей природѣ и осуществляетъ въ жизни *прирожденные ему законы и формы мышленія,* относительно которыхъ питаетъ прирожденную ему вѣру, что они, при правильномъ приложеніи, непремѣнно должны совпадать съ природными законами и формами объективнаго бытія; прилагая же одни къ другимъ, первые къ послѣднимъ, по прирожденному ему стимулу развивать свое познаніе, подобно прирожденному ласточкѣ стимулу вить гнѣздо, воздвигаетъ въ себѣ громадное зданіе субъективнаго, соотвѣтствующаго объективному бытію, міра, въ основу и расчлененіе котораго, какъ черты основнаго плана, кладутся наиболѣе общія схемы понятій: категоріи разсудка, когда, въ то же время, животворящею душею, основнымъ стимуломъ и верховною цѣлью является въ этомъ умственномъ мірѣ *идея безконечно-истиннаго и вообще безконечно-совершеннаго.* Ясно, что въ этомъ строеніи умственнаго нашего міра есть и прирожденное, и благопріобрѣтенное изъ опыта; неразрѣшимое же затрудненіе заключается только въ томъ, какъ отличить одно отъ другаго. Пускаясь за разрѣшеніемъ этого неразрѣшимаго затрудненія въ частности, позитивисты утверждаютъ, что и *математическія понятія не суть апріорныя понятія,*—что и онѣ извлекаются не чисто изъ природы человѣческаго ума, а непремѣнно изъ внѣшняго опыта,—съ чѣмъ и мы согласны, но только на половину, полагая, что *эти понятія,* по единству и совпаденію законовъ природы и ума, *суть апріорныя и апостеріорныя,* въ чемъ, мы убѣждаемся тѣмъ, что человѣкъ, въ исторіи развитія своего ума, настроилъ много математическихъ, совершенно непогрѣшимыхъ комбинацій, которыя взялъ чисто изъ своего ума, какъ въ свою пору доказывали еще *Сократъ* и *Платонъ,*—изъ гипотетическаго склада умственныхъ предгаданій, которыя только уже впослѣдствіи и часто не вдругъ блистательно оправдались въ приложеніи и къ опыту. *Льюису* и другимъ позитивистамъ угодно производить математическія понятія изъ опыта по тому, что человѣкъ научается считать: два, три, четыре, 375 и 375 по сложеніи 750, а не 740; извѣстному же *Кантомъ* доказанному положенію, что всѣ, безъ исключенія, математическія, разумѣется, правильныя положенія

всеобщи и безусловно категоричны, позитивисты противопоставляютъ положеніе, что всякая и опытная истина, напр., что огонь жжетъ человѣческое тѣло, всеобща и категорична также, какъ и математическая. А намъ представляется, что Кантово положеніе позитивными соображеніями не опровергнуто. Это видно изъ того, что не-только простыя и ясныя сами по себѣ математическія положенія, но и самые тонкіе и сложные математическіе выводы, какъ тѣ, какіе уже сдѣланы человѣчествомъ до настоящаго времени, такъ и тѣ, какіе еще будутъ когда-либо вновь сдѣланы, если только были и будутъ сдѣланы, по логическимъ законамъ, математически-правильно, были и будутъ безусловно всеобщи всегда и вездѣ, тогда-какъ объ опытныхъ наиболѣе всеобщихъ положеніяхъ *Кантъ* утверждалъ, что въ отношеніи къ нимъ всегда мыслится возможность исключеній. И это совершенно основательно. Возьмемъ одно изъ наиболѣе всеобщихъ опытныхъ положеній, что огонь жжетъ человѣческое тѣло, а вода топитъ, какъ и воздухъ на себѣ не держитъ. Тѣмъ не менѣе здѣсь возможны тысячи исключеній въ отношеніяхъ нашего чувства и вообще нашего существа къ предметамъ. Всегда ли огонь жегъ человѣческое тѣло, всегда ли будетъ жечь? Всегда ли у всѣхъ людей ощущеніе жженія было, есть и будетъ тожественно? Ощущеніе жженія есть ощущеніе прикосновенія высокой температуры къ человѣческому тѣлу. Но всегда ли и у всѣхъ ли людей тѣло относилось, относится и будетъ относиться къ степенямъ температуры одинаковымъ образомъ? Извѣстно, что это и прежде бывало, и теперь бываетъ не всегда. Негръ выноситъ свой тропическій жаръ, въ которомъ лапландецъ растаялъ бы, а лапландецъ выноситъ холодъ полюсовъ, въ которомъ негръ замерзъ бы. Ощущеніе температуры извѣстнымъ образомъ относится къ температурѣ крови; но температура крови у всѣхъ ли людей была, есть и будетъ одинакова? Теперь, извѣстно, она неодинакова, хотя разность эта и незначительна, колеблясь между извѣстными, высшимъ и низшимъ, градусами средней температуры. Но позитивисты, утверждая чуть не вѣчное существованіе человѣческаго рода, по крайней мѣрѣ современность его съ мамонтами, въ тоже время утверждаютъ, что на землѣ были періоды и высокаго тропическаго жара и такъ-называемый ледяной. Ужели же оба эти періода,—продолжительность которыхъ позитивисты опредѣляютъ, по меньшей мѣрѣ, десятками тысячъ лѣтъ, — люди, или вообще — животныя, и температуру крови имѣли всегда одинаковую и относились своимъ ощущеніемъ къ тем-

пературѣ внѣшней совершенно одинаково? Ужели вообще, на всемъ пространствѣ органическаго бытія животнаго и человѣческаго царствъ, всегда отношеніе животнаго — человѣческаго чувства къ свойствамъ вещей было не только равнокачественно, но и равномѣрно? Вѣдь *Дарвинъ*, и по принципамъ, и по методу изслѣдованія, хочетъ же быть позитивистомъ, и позитивисты преклоняются же предъ его авторитетомъ. Но если такъ, то ужели сотни тысячь лѣтъ тому назадъ, когда, по Дарвину, природа только еще приспособлялась сдѣлать только первую завязь нервной системы, что и тогда уже первые зачатки человѣческаго организма также относились своимъ чувствомъ къ свойствамъ предметовъ, какъ относятся теперь вполнѣ развитые человѣческіе нервы? Да на этотъ вопросъ впрочемъ, не ходя такъ далеко, за сотни вѣковъ назадъ, приблизительный отвѣтъ мы можемъ получить и изъ современнаго намъ опыта. Растенія въ огнѣ горятъ, но не чувсвуютъ жженія; подобнымъ же образомъ и человѣкъ, если существовалъ на свѣтѣ когда-либо съ крайне слабо развитою нервною системою [1]), безъ сомнѣнія, имѣлъ слабѣйшую воспріимчивость въ-отношеніи къ вліяніямъ внѣшней природы, сравнительно съ воспріимчивостью нервовъ въ настоящемъ состояніи. А дважды два четыре было аксіомою, какъ и всѣ математическія положенія были непреложными категорическими положенія и въ тѣ доисторическіе періоды, и будутъ такими же всегда, даже въ тотъ чаемый позитивистами золотой вѣкъ, когда человѣческій организмъ такъ утончится, что станетъ далеко выше настоящаго вреднаго вліянія стихій, когда и огонь не станетъ такъ жечь и вода, напротивъ того, равно-какъ и воздухъ станутъ носить на себѣ паровидное, свѣтовое человѣческое тѣло.—Крайнимъ позитивистамъ хотѣлось бы также, *чтобы* всѣ такъ-называемыя *категоріи человѣкъ производилъ также изъ опыта*,— чтобы, напримѣръ, *категоріи причинности и цѣлесообразности* опытно пріучался извлекать изъ простѣйшаго природнаго явленія, изъ *простой послѣдовательности явленій одного послѣ другаго* которыя безпрерывнымъ своимъ послѣдовательнымъ учащеніемъ пріучаютъ человѣка впадать въ обольщеніе, будто нѣкоторыя явленія вытекаютъ не-только *послѣ другихъ*, но именно *изъ другихъ и для другихъ* явленій. Мы же опять склоняемся нашимъ сочувствіемъ приписывать и категоріямъ нѣкоторую долю прирожденности по тому, что,

[1]) Все подобное говоримъ ad hominem.

не-смотря, напр., на такую простую очевидность—постоянной *послѣдовательности* нѣкоторыхъ явленій *одного за другимъ*, человѣкъ не можетъ отрѣшиться отъ стимула искать именно *причинной и цѣлесообразной связи* явленій, происхожденія *одного изъ другаго и для другаго*,—тѣмъ болѣе, что дѣйствительно, тогда-какъ нѣкоторыя явленія вынуждаютъ его усматривать между ними связь только *послѣдовательности*, другія вынуждаютъ, именно вынуждаютъ, видѣть между ними связь *не только послѣдовательности, но и причинности, и цѣлесообразности*. Напр., птица свила гнѣздо подъ окномъ дома и домъ загорѣлся,—здѣсь только послѣдовательность; птица свила гнѣздо и снесла яйцо, изъ котораго, вывела птенца,—здѣсь и причина, и цѣлесообразность,—еще тѣмъ болѣе, что, послѣ безплодныхъ усилій въ безчисленныхъ случаяхъ связать явленія нитью причинности и цѣлесообразности, человѣкъ, не-смотря на это, испоконъ-вѣка силится связать нитью разумности все міросозерцаніе и міробытіе, въ чемъ успѣть когда-либо и не отчаявается.—Касаясь существованія въ нашемъ сознаніи *идеи бозконечно-истиннаго* и вообще *безконечно-совершеннаго*, позитивисты желали бы, чтобы эти идеи были не болѣе, какъ безсодержательнымъ отвлеченіемъ отъ конечнаго и, въ той силѣ, какъ это угодно идеалистамъ, чтобы вовсе не существовали, будучи представленіями чисто отрицательными, т. е. будто бы мы можемъ имѣть представленія только о конечно-великомъ и большемъ и большемъ безъ конца, но всегда и исключительно только о конечномъ; о безконечномъ же не можемъ имѣть будто бы никакого представленія. Но наше сочувствіе клочитъ насъ въ самой сущности этого возраженія видѣть его логическое ниспроверженіе и подтвержденіе нашего убѣжденія *въ прирожденности идеи безконечнаго, въ возникновеніи ея именно изъ нѣдръ человѣческаго духа, а не изъ отвлеченія отъ опытныхъ наблюденій надъ природою*: въ этомъ убѣждаемся мы соображеніемъ, что дѣйствительно, мысля ли безконечное въ его цѣлости, разчленяя ли его на частнѣйшія понятія *безконечно-истиннаго, безконечно-добраго, безконечно-прекраснаго*, мы получаемъ представленія только большаго и большаго, высшаго и высшаго, совершеннѣйшаго и совершеннѣйшаго, но не безконечнаго, т. е. представленія (въ актѣ самаго мышленія, а не слововыраженія) *отрицательныя не безконечныя*. Однакожъ, при всемъ томъ, въ актѣ составленія такихъ отрицательныхъ представленій большаго и большаго, а не безконечнаго, мы, въ каждый моментъ остановки полета нашей мысли въ разностороннюю безпредѣльность,

сравниваемъ пройденное великое не безконечное съ не пройденнымъ безконечнымъ и *положительно усматриваемъ*, что пройденное еще не безконечно, а не пройденное впереди еще также велико, какъ-будто мы и не начинали идти, т. е. безконечно. Имѣемъ ли мы, послѣ этого, *положительное представленіе о безконечномъ?* Очевидно, имѣемъ, — хотя очевидно и то, что вошедшее въ предѣлы нашего представленія, несмотря на всю свою громадность, которую мы можемъ увеличить безъ конца, не безпредѣльно. Эту коллизію, повидимому, несовмѣстныхъ противорѣчій философы издревле мирили въ человѣческомъ сознаніи тѣмъ, что отдѣляли разсудокъ отъ разума и затѣмъ отличали *разсудочное понятіе о безконечномъ отъ разумной идеи безконечнаго*, считая первое разсудочное отрицательное понятіе отвлеченіемъ отъ опытнаго наблюденія надъ великими и высокими предметами, *а разумную идею прирожденною человѣческому разуму.* И дѣлали это не безъ основанія, такъ-какъ несомнѣнно существующую въ разумѣ положительную идею безконечнаго отвлечь изъ ограниченнаго во всѣхъ отношеніяхъ предѣлами опытнаго міра никакимъ образомъ невозможно,—хотя, въ тоже время, учили и всячески доказывали, что безконечное и конечное неразрывно связаны какъ въ мышленіи, такъ и въ бытіи, что безконечное становится доступнымъ сознанію чрезъ отрицаніе себя, чрезъ постановленіе себѣ предѣла, чрезъ ограниченіе,— что, такимъ образомъ, чрезъ отрицаніе абсолюта, ограниченіе абсолютнаго бытія абсолютнымъ небытіемъ, чрезъ соприкосновеніе безконечнаго съ своимъ ограниченіемъ, чрезъ умноженіе безконечнаго на ничто, происходитъ бытіе ограниченное, что—въ самой крайней глубинѣ человѣческаго мышленія подтверждается, въ нѣкоторомъ родѣ, математически аксіоматическимъ, хотя и непостижимымъ положеніемъ, что какъ $\frac{1}{\infty} = 0$, такъ и $\infty . 0 = 1$, и опять $\frac{1}{0} = \infty$; что, однимъ словомъ, и безконечное становится доступнымъ сознанію чрезъ отрицаніе себя, чрезъ конечное,—и конечное становится бытнымъ, а слѣдовательно и сознанію доступнымъ, не иначе, какъ чрезъ отрицаніе, или, что тоже, чрезъ ограниченіе безконечнаго, какъ учили *древніе неоплатоники*, а изъ новѣйшихъ *Яковъ Бемъ*, *Фихте*, *Шеллингъ*, *Гегель* и разныя древнія религіозныя философемы.—Въ томъ же направленіи, на подобныхъ-же основаніяхъ, философы и всякіе высшіе мыслители учили, что идея *высшаго блага* есть премірная идея, что человѣкъ природою, а не навыкомъ научается цѣнить изящное, не навыкомъ научается приходить

*

въ восторгъ при видѣ ночнаго яснаго неба, или прекраснаго весенняго утра, которымъ, очевидно, восторженно сочувствуютъ и безсмысленныя животныя, — что отъ высокой музыки можетъ придти въ восхищеніе развитый человѣкъ, который прежде не слыхалъ никакой музыки,—что голосъ совѣсти есть голосъ Божій,—что глаголъ Божій близокъ природѣ человѣка, что онъ вмѣщенъ во устахъ его и сердцѣ его,—что нравственный законъ начертанъ въ сердцахъ людей, — что нѣкоторыя сочувственныя намъ проявленія міроваго добра возникаютъ и изъ животной природы, гдѣ все не искалѣченное искусственнымъ вліяніемъ человѣка прирождено. Такъ, мы видимъ, что и животнымъ убійство однородныхъ противоестественно, а, напротивъ того, естественно защищать другъ друга въ опасности, естественно питать и беречь дѣтей; въ значительной части животныхъ родовъ естественно цѣломудріе, парность и вѣрность половъ, при чемъ рѣзко проявляющаяся ревность мужскаго пола безсознательно знаетъ физіологическій законъ, что безразборное смѣшеніе съ другимъ поломъ вредитъ не только крѣпости, но и чистотѣ прокреаціи,—что смѣшеніе двухъ половъ есть совокупленіе въ единство существенно-важное не только для взаимнаго вліянія другъ на друга двухъ особей, мужеской и женской, но и для продолженія рода, какъ показываютъ зоологическіе факты, что самка, имѣвшая первый плодъ отъ одного вида, а потомъ понесшая отъ другаго вида, раждаетъ и второй плодъ иногда съ рѣзкимъ отраженіемъ перваго вида, что можно объяснить не иначе, какъ существеннымъ вліяніемъ перваго мужскаго вида на самую природу женскаго, чѣмъ даже въ царствѣ животныхъ подтверждается и выясняется божественное слово, изреченное относительно людей: *будета два въ плоть едину, Богъ сочета*, — со всѣми относящимися сюда предписаніями божественнаго закона, имѣющаго, очевидно, вопреки тенденціямъ современнаго позитивизма, свою основу въ природѣ вещей; равно-какъ очевидно въ природѣ-же человѣка лежатъ заповѣди почитать родителей, не убивать и не обижать ближнихъ, заповѣди относительно умѣренности и обузданія страстей и т. д., со всѣми относящимися сюда развѣтвленіями нравственнаго закона.

Теперь, разлагая на элементы общій выводъ, который мы считаемъ достаточно позитивно обоснованнымъ, изъ всего этого разсужденія *о прирожденности высшему душевному чувству человѣка и вытекающей оттуда общесубъективности высшихъ идей, понятій* и т. п., мы усматриваемъ въ нихъ слѣдующія частнѣйшія положенія: А) какъ въ

природѣ растеній есть прирожденныя творческія идеи или законы, выполняемые ими въ своемъ развитіи безсознательно,—какъ въ природѣ животныхъ есть подобныя-же прирожденныя творческія идеи или законы, выполняемые ими въ своей жизни полу-безсознательно,—такъ и въ природѣ человѣка есть прирожденныя идеи, выполняемыя имъ то безсознательно, то полу-сознательно, то вполнѣ сознательно. Б) Прирождены человѣку коренные законы и формы мышленія, высшія понятія, категоріи разсудка и высшія основныя идеи разума. В) Прирожденность ручается и за всеобщность ихъ, т. е. не только за существованіе ихъ во всѣхъ людяхъ, но и за общеобязательность ихъ для всѣхъ людей. Несуществованіе ихъ, напримѣръ, идеи безконечнаго, или сложныхъ математическихъ понятій, необязательность ихъ, напр., законовъ мышленія, у нѣкоторыхъ людей и для нѣкоторыхъ людей, напр., простецовъ и дикарей, доказывается у новѣйшихъ позитивистовъ такими поверхностными и ребяческими соображеніями, которыя не только послѣ *Канта*, но и послѣ *Платона и Аристотеля*, повторять стыдно, безъ опасенія повергнуть серьезную мысль въ опасеніе, что умъ человѣческій, какъ расплывающаяся вода, ширясь, испаряется и мельчаетъ,—тогда-какъ существованіе идеи безконечнаго у самыхъ неученыхъ людей доказывается невольнымъ пареніемъ мысли, даже дѣтской, далеко—далеко, высоко—высоко, безъ конца, — доказывается строеніемъ безмѣрно разнообразныхъ воздушныхъ замковъ, къ которому способенъ всякій дикарь, — доказывается безграничною туманностью миѳовъ всѣхъ самыхъ дѣтскихъ народовъ, туманностью, упирающеюся въ безпредѣльныя идеи хаоса, Кроноса, Паркъ, Рока, Судьбы, Нирваны, Будды, китайскаго неба и т. д.,—тогда-какъ *Кантъ* доказалъ трансцендентную категоричность, безусловную общеобязательность для ума человѣческаго не только законовъ и правильныхъ формъ мышленія, что извѣстно еще со временъ *Аристотеля*, но и безконечнаго ряда математическихъ понятій, все равно, ясно ли онѣ представляются сознанію извѣстнаго человѣка, или не ясно: выясненныя, онѣ безусловно обязываютъ человѣческій разсудокъ, и, что всего важнѣе, категорически исключая всякія исключенія. Г) Вообще можно рѣшительно сказать, что *если бы прирожденные законы и формы мышленія, основныя категоріи разсудка и высшія идеи разума не были общеобязательны для человѣчества, — то тогда ничего въ нашемъ умѣ не было бы общеобязательнаго, никакого Stand-Punct-а для установки обще-человѣческой мысли, никакой надежды найти*

общепризнанную истину. Д) Будучи же обще-обязательными, прирожденные законы и формы мышленія, коренныя категоріи и идеи, хотя въ цѣлое зданіе умственнаго міра развиваются при помощи какъ внѣшняго, такъ и внутренняго физіологическаго чувства, но сами въ своемъ бытіи и проявленіяхъ обнаруживаются, главнымъ образомъ, если только не исключительно, внутреннему душевному чувству, равно-какъ *тому-же чувству подлежитъ и самый субстратъ* не только всякаго, внѣшняго и внутренняго, чувства, но и всѣхъ душевныхъ силъ, и свойствъ, и законовъ и внутренняго идеальнаго содержанія, т. е. *человѣческая душа.* Е) Не предрѣшая здѣсь вопроса, что такое человѣческая душа, есть ли она особое субстанціальное существо, самостоятельный субстратъ и носитель душевныхъ дѣятельностей и состояній, или только конгрегатъ душевныхъ явленій, субстанціальное сѣдалище которыхъ есть не иное что, какъ человѣческій организмъ, но ставя только вопросъ, *какимъ чувствомъ душа чувствуетъ себя: высшимъ ли душевнымъ, или внутреннимъ органическимъ, или даже внѣшнимъ*, скажемъ положительно, стоя на позитивной точкѣ зрѣнія, что душа чувствуетъ себя и *внѣшнимъ чувствомъ*, въ той мѣрѣ, въ какой она-же—душа видитъ, слышитъ, осязаетъ, обоняетъ и различаетъ вкусы, и *внутреннимъ органическимъ*, въ той мѣрѣ—въ какой она—же ощущаетъ и голодъ, и жажду, потребности дыханія и движенія, здоровье и боль и прочія органическія состоянія. Но какъ сила сознающая, самосознающая, мыслящая, нравственно-дѣятельная, эстетически-чувствующая, душа чувствуетъ себя, безспорно, *внутреннимъ высшимъ душевнымъ чувствомъ.* Слѣдовательно, есть, безспорно, цѣлая и громадная *область мыслимыхъ предметовъ, подлежащая, то главнымъ образомъ, то исключительно, высшему душевному чувству, и въ этой области не только есть весьма много обще-признаннаго всѣмъ человѣчествомъ за истину, но здѣсь покоится послѣднее основаніе того, почему что-либо признается человѣчествомъ за истинное.*

ГЛАВА V.

III) Чтобы теперь освѣтить *отношеніе высшаго душевнаго чувства къ низшимъ*: къ внутреннему органическому и внѣшнему, и чтобы показать общеобязательную и общесубъективную достовѣрность пока-

заній перваго, должно сказать, что а) не внѣшнее и не внутреннее низшее чувство есть носитель высшаго душевнаго, а, наоборотъ, высшее душевное—носитель низшихъ чувствъ. Это открывается изъ того физіологическаго факта, что какъ внѣшнее, такъ и внутреннее физіологическое чувство чувствуетъ не органами, въ которыхъ, повидимому, сосредоточивается чувствительность, не глазомъ свѣтлое, не пальцами шероховатое, не желудкомъ голодъ, даже не сердцемъ радость или печаль, а центральнымъ чувствилищемъ,—мозгомъ. Это доказывается тѣмъ, что когда у животныхъ срѣзывается извѣстная часть мозга, то въ животномъ прекращается всякое ощущеніе и сознаніе, хотя на нѣкоторое время и остается еще жизнь, т. е. кровообращеніе и движеніе организма. Эти опыты показываютъ не только то, что сѣдалище чувствительности находится въ мозгу, но и то, что чувство и сознаніе суть единство, что *сознаніе есть чувство и чувство — сознаніе*, — что какъ чувствительные нервы концентрируются въ мозгу, безъ котораго не могутъ исполнять надлежащихъ отправленій, такъ и разнородныя чувства тѣла концентрируются въ сознаніи, безъ котораго перестаютъ быть чувствами, тогда-какъ сознаніе безъ многихъ, если не безъ всѣхъ, чувствъ, продолжаетъ еще быть сознаніемъ, что подтверждается состояніемъ летаргіи, сомнамбулизма, лунатизма, глубокой задумчивости и т. п. — б) что даже низшія чувства: внѣшнее и внутреннее органическое, болѣе суть душевныя чувства, чѣмъ органическія, такъ-какъ всѣ онѣ показываютъ не столько, даже крайне мало, то, какой при извѣстномъ ощущеніи происходитъ процессъ въ организмѣ (какъ, наприм., при зрѣніи преломляется и отражается видимый лучь въ глазу, какъ при ощущеніи вкуса элементы вкушаемаго химически разлагаются и соединяются съ соками языка, какъ при насыщеніи — пища соединяется съ соками желудка и т. д.), сколько то, какъ извѣстное ощущеніе и воспринимаемое имъ свойство предмета отражаются въ высшемъ душевномъ чувствѣ, которое, въ свою очередь, имѣя своимъ непосредственнымъ органомъ центральное чувствилище, мозгъ, вовсе не интересуется происходящими въ немъ при душевной дѣятельности процессами, даже не особенно способно чувствовать ихъ безконечное разнообразіе, кромѣ развѣ общаго ощущенія возбужденія мозга при началѣ работы пріятной и утомленія при концѣ работы долгой, процессы же собственно душевные, при всемъ безконечномъ разнообразіи и безпрерывной текучести отправленій мышленія, желанія, чувствованія, проникаетъ

всѣ насквозь, осматривая ихъ всесторонне, и въ безпредѣльной дробности, и въ общихъ схемахъ, и въ господствующихъ характерахъ, служащихъ основаніемъ къ различенію въ душѣ главныхъ способностей, и въ основныхъ законахъ и главныхъ цѣляхъ каждой изъ этихъ силъ, какъ-бы внутреннимъ душевнымъ зрѣніемъ. в) Отсюда открывается, *что сознаніе или вообще внутреннее душевное чувство есть совершенно аналогичное внѣшнему внутренее зрѣніе, или вообще чувство, —и, въ тоже время, корень, центръ и душа всѣхъ низшихъ чувствъ, и производимое ими ощущеніе есть въ собственномъ смыслѣ ощущеніе, воззрѣніе есть чувственное воззрѣніе, наблюденіе есть чувственное непосредственное наблюденіе, а разсудочно скомбинированная совокупность этихъ наблюденій есть внутренній душевный психологическій опытъ. И все, что открывается этимъ внутреннимъ опытомъ, имѣетъ, по меньшей мѣрѣ, столько же общесубъективнаго, равно-какъ и объективнаго значенія, сколько принадлежитъ его и низшему чувственному, внутреннему органическому и внѣшнему, опыту, или даже еще больше значенія.*

Подведемъ здѣсь нѣсколько итоговъ всему вышесказанному о *сравнительномъ значеніи свидѣтельствъ чувствъ внѣшняго и внутренняго, низшаго органическаго и высшаго душевнаго; проведемъ между ними нѣсколько параллелей.* 1) Что внутреннее душевное чувство можетъ открывать въ предметахъ объективныя свойства, въ этомъ мы убѣждаемся невозможностью подвергнуть, посредствомъ разсудочнаго анализа, сомнѣнію принадлежность свойствъ предметамъ, въ которыхъ наше душевное чувство ихъ открываетъ, подобно свойствамъ предметовъ, открываемымъ посредствомъ внутренняго физіологическаго чувства, — тогда — какъ относительно свидѣтельствъ внѣшняго чувства эта возможность есть даже тогда, когда оно дѣйствуетъ совершенно нормально. Это преимущество внутренняго душевнаго чувства предъ внѣшнимъ проистекаетъ изъ преимущественной непосредственности соприкосновенія чувствующаго субъекта съ чувствуемымъ объектомъ, такъ—какъ отъ двухъ, самыхъ важныхъ въ теоретическомъ отношеніи, чувствъ, зрѣнія и слуха, предметы отстоятъ большею частію вдали, при чемъ чистому ихъ дѣйствованію сколько помогаетъ, столько и препятствуетъ среда,—всѣми пятью внѣшними чувствами душа прикасается къ внѣшнему міру только съ внѣшней его стороны, между-тѣмъ—какъ и этой поверхностной стороны вселенной имъ подлежитъ только безконечно малая

часть. Ощущенія внутренняго органическаго чувства, при непосредственности соприкосновенія чувства съ ощущаемымъ предметомъ, тусклы и слитны, такъ-что всѣ органическіе процессы, возбуждающіе это чувство, подлежатъ ему только незначительною, по количеству, своею долею; въ дѣятельности же душевнаго чувства чувствующій субъектъ и чувствуемый объектъ суть единство — самъ человѣческій духъ, внѣшніе возбуждающіе это чувство объекты должны быть тождественны съ такими же внутренними и чувствуются въ такой степени, въ какой—они сливаются въ это тожество:—субъектъ насквозь пронизываетъ, въ каждомъ пунктѣ проникаетъ и собственнымъ свѣтомъ озаряетъ чувствуемый объектъ. Сверхъ всего этого, когда прочія чувства, внѣшнія и внутреннее физическое, ограничены опредѣленными, болѣе или менѣе тѣсными, сферами, внутреннее душевное чувство не встрѣчаетъ себѣ окончательнаго предѣла нигдѣ, ни на землѣ въ земномъ, ни выше земли въ небесномъ, ни, наконецъ, въ духѣ и въ сферѣ духовъ, чувствуя въ себѣ аналогичность видимыхъ міровъ съ землею, а относительно міра духовъ аналогичность ихъ съ человѣческимъ духомъ, и непреложность въ приложеніи основныхъ законовъ и формъ, коренныхъ категорій и высшихъ идей человѣческаго разума даже къ самымъ отдаленнымъ и таинственнымъ сферамъ міробытія. 2) Что въ свидѣтельствѣ высшихъ душевныхъ чувствъ есть показанія обще-субъективныя, обще-обязательныя, обще-признанныя, это доказывается существованіемъ обще-признанныхъ идеаловъ прекраснаго и высокаго въ сферѣ эстетическаго вкуса, въ области собственно сердца,—единствомъ основъ морали и законодательства всѣхъ вѣковъ и народовъ, равно какъ и существованіемъ обще-признанныхъ нравственныхъ идеаловъ праведнаго и святаго, — словомъ, всѣмъ, что признано человѣкомъ за истинное въ сферѣ сознанія, въ области всѣхъ трехъ чувствъ внѣшняго и внутренняго, низшаго и высшаго,— доказывается въ сферѣ особенно высшаго душевнаго чувства безспорнымъ существованіемъ прирожденныхъ обще-обязательныхъ законовъ и формъ мышленія, основныхъ категорій разсудка и высшихъ идей разума. 3) При этомъ должно имѣть въ-виду, что, чувствуя себя, и внѣшнимъ чувствомъ и внутреннимъ органическимъ, какъ сила видящая, слышащая, осязающая, ощущающая голодъ и жажду и т. д., душа, какъ сила самосознающая, мыслящая, нравственно дѣятельная, эстетически чувствующая, чувствуетъ себя собственно высшимъ душевнымъ чувствомъ. Это душевное чувство есть носитель низшихъ

чувствъ, внутренняго физическаго и внѣшняго, что доказывается физіологическими опытами отдѣленія чувствующихъ нервовъ отъ мозга и срѣзываніемъ мозга, откуда открывается не только то, что сѣдалище чувствительности находится не въ органахъ чувствъ, а въ мозгу, но и то, что чувство и сознаніе суть единство и что чувства безъ сознанія перестаютъ быть чувствами, тогда-какъ сознаніе безъ многихъ, если только не безъ всѣхъ, внѣшнихъ чувствъ, по крайней мѣрѣ, съ сильнымъ ослабленіемъ ихъ и задержкою, какъ, наприм., въ летаргіи, продолжаетъ еще быть сознаніемъ. Даже и низшія чувства суть болѣе душевныя чувства, чѣмъ органическія, такъ-какъ всѣ три чувства, весьма мало способныя опредѣлять происходящіе при ощущеніяхъ органическіе процессы, безмѣрно способнѣе указывать то, какъ воспринимаемое ими свойство предмета отражается въ высшемъ душевномъ чувствѣ и въ фокусѣ его, сознаніи: откуда открывается, что сознаніе или вообще внутреннее душевное чувство есть совершенно аналогичное внѣшнему внутреннее зрѣніе или вообще чувство и, въ тоже время, есть корень, центръ и душа всѣхъ низшихъ чувствъ. 4) Если въ сферѣ высшаго душевнаго, равно-какъ и въ сферѣ внѣшняго чувства, съ одной стороны, можно сказать, нѣтъ ни одного ощущенія абсолютно-тожественнаго, самому себѣ равнаго у всѣхъ людей,—то и съ другой стороны также справедливо сказать о немъ, какъ и о чувствѣ внѣшнемъ, что объективнымъ, въ сферѣ простѣйшихъ душевныхъ ощущеній, должно признавать то, что одинаково чувствовалось и чувствуется всегда и вездѣ большинствомъ здоровыхъ людей, какъ, напр., восхитительность хорошаго весенняго утра, а въ сферѣ болѣе сложныхъ душевныхъ ощущеній—то, что чувствуется большинствомъ болѣе развитыхъ людей (какъ, напр., безусловная обязательность всѣхъ положеній чистой математики), особенно же если оно опирается на свидѣтельство чувствъ лучшей части человѣчества всѣхъ вѣковъ (какъ, наприм., въ признаніи обязательности нравственной идеи вообще, или закона цѣломудрія въ-частности). 5) Въ тоже время справедливо и то сказать о высшемъ душевномъ чувствѣ, какъ сказано о чувствѣ внутреннемъ физіологическомъ, что тожественность высшихъ душевныхъ ощущеній у разныхъ людей можетъ быть, наглядно и принудительно для каждаго личнаго чувства, повѣрена тожественностью явленій предшествующихъ, сопутствующихъ и послѣдующихъ удовлетворенію потребностей чувства, а также особенно рѣзко и принудительно сказывающимся сочувствіемъ одного чувствующаго субъекта съ другимъ

въ тожественномъ или аналогичномъ состояніи чувства (какъ, наприм., въ состояніи религіозной экзальтаціи, театральныхъ увлеченій, народныхъ торжествъ и т. п.). 6) Если, поэтому, въ отправленіяхъ внутренняго органическаго чувства единство законовъ природы сказывается безусловно-принудительнымъ образомъ, какъ явленіе не только субъективное, или болѣе или менѣе обще-субъективное, но и какъ непререкаемо объективное, которое принудительно становится основаніемъ вѣры, что тѣмъ же единствомъ законовъ природы проникнуты отправленія и внѣшнихъ чувствъ во всемъ человѣческомъ родѣ и что вообще вся природа своимъ бытіемъ и свойствами соотвѣтствуетъ отраженію ея въ человѣческомъ чувствѣ;—то тѣмъ съ большею настоятельностью должно сказать тоже о высшемъ душевномъ чувствѣ, потому во-первыхъ, что А) именно это чувство, какъ доказано, есть носитель и объединитель, корень и центръ не-только внѣшняго, но и внутренняго органическаго чувства, слѣдовательно, единый основной законъ ихъ общаго дѣйствованія долженъ имѣть свой источникъ именно въ высшемъ душевномъ чувствѣ;—далѣе по тому, что Б) именно этимъ чувствомъ ощущаются прирожденные человѣку всеобщіе общеобязательные, принудительно дѣйствующіе законы и формы мышленія, коренныя категоріи разсудка и высшія идеи разума;—и, наконецъ, по тому, что В) именно этимъ чувствомъ носится наиболѣе ясное, наиболѣе неотступное, наиболѣе тожественное и себѣ равное у всѣхъ людей, наиболѣе коренное—центральное ощущеніе,—это именно ощущеніе Я съ коренными принудительно опредѣляющими дѣятельность этого Я его законами и требованіями, съ возникающими изъ исполненія этихъ коренныхъ законовъ и потребностей коренными ощущеніями этого Я, изъ которыхъ самымъ первичнымъ ощущеніемъ одинъ великій мыслитель (*Декартъ*) призналъ: «*Я мыслю, слѣдовательно, существую*»; а другой (*Фихте*): «Я есмь Я,—Я есмь»,—справедливо видя въ этомъ первичномъ положеніи абсолютную истину, основаніе и критерій всякой истины, а въ основанномъ на немъ законѣ тожества—первичный абсолютной законъ не только познанія, но и бытія.

ГЛАВА VI.

Постараемся теперь дать возможно связный, съ строго позитивной точки зрѣнія, отвѣтъ на вопросъ: *все ли чувственное объективно?*

Чувствъ три: *внѣшнее*, область котораго ограничивается, съ одной стороны, туманными звѣздными пятнами, а съ другой—поверхностію человѣческаго тѣла, — *внутреннее органическое*, область котораго ограничивается внѣшнею сферою и центральною осью человѣческаго организма, — и *высшее душевное*, область котораго начинается отъ центра души и теряется въ безпредѣльности. Всю чувственную область, крайнею границею которой можно признать туманныя звѣздныя пятна, мы можемъ раздѣлить на двѣ части, изъ которыхъ *одна лежитъ по сю сторону очерченной нами сферы туманныхъ пятенъ, а другая по ту сторону.*

Начнемъ съ первой, которая по эту сторону. Отдѣлимъ область чувства зрѣнія отъ другихъ чувствъ. Центромъ области зрѣнія будетъ человѣческій глазъ, а крайнею сферою проведенная нами тамъ, гдѣ крайнія туманныя пятна, черта. *Въ этой области зрѣнія все чувствуемое или чувственное, въ объективномъ смыслѣ, есть чувственная фикція.* Прежде всего, въ этомъ геометрически правильномъ шарѣ два центра, два зрачка глаза,—что составляетъ математическій абсурдъ, тогда-какъ чувствуется одинъ центръ; предметы отражаются въ глазахъ вдвойнѣ; если же отображеніе получается одиночное, то это только навыкъ умозаключенія, который нѣкоторымъ людямъ, при безпечности или недостаточной концетраціи глазъ, и измѣняетъ такъ, что предметы представляются вдвойнѣ. Кажется, будто чувствуетъ глазъ и именно его поверхность, тогда-какъ чувствуетъ сѣтчатая оболочка внутри глаза, или лучше-мозгъ. Кажется, будто чувствуется предметъ, тогда-какъ чувствуется отображеніе предмета въ глазу, такъ-что ощущенія разстоянія предмета,—при существованіи отображенія внутри глаза,—величины, при сравнительной малости отображенія,—движенія и положенія, при движеніи и положеніи отображенія внутри глаза обратномъ движенію и положенію предмета, суть чувственныя фикціи. Чувствуется бытіе во вселенной тихаго свѣта, тогда-какъ свѣта, и особенно тихаго стоячаго свѣта, въ природѣ нѣтъ;

есть, или основательно предполагается, только чрезвычайно быстрое движеніе эѳира, возбуждаемое раскаленнымъ состояніемъ свѣтящихъ тѣлъ, происходящимъ отъ высокой температуры веществъ свѣтящаго тѣла, возбуждаемой силою въ большихъ массахъ сконцетрированнаго въ солнцѣ электричества, или магнетизма; тогда-какъ опять магнетизмъ и электричество, будучи тоже, что теплота и свѣтъ, являются чувству нетожественными; тогда-какъ высокое каленіе, высокая температура есть опять нѣчто отличное по природѣ отъ ощущаемаго, есть только извѣстное движеніе частицъ вещества. Чувствуется мгновенное распространеніе свѣта, тогда-какъ ему нужны промежутки времени для прохожденія пространствъ. Чувствуется, что все пространство до солнца и звѣздъ свѣтло, тогда-какъ, на самомъ дѣлѣ, это не такъ: свѣтло только въ области мрака — темныхъ тѣлъ, въ низшихъ слояхъ атмосферы, верстъ до 10 вверхъ, не больше, — а далѣе совершенно темно, и ни солнца, ни звѣздъ не видно. Атмосфера кажется, по большей части, голубою, иногда сѣрою, иногда красною, лиловою и т. д., — тогда-какъ она сама ни свѣтла, ни сѣра, ни красна, а просто темна, — разность же ея цвѣтовъ есть только различное разложеніе въ ней солнечнаго луча, бѣлаго въ своей цѣльности. Гдѣ съ высоты полета аэростатовъ чувствуется прекращеніе освѣщенной атмосферы, тамъ это не значитъ, что атмосфера прекращается, такъ-какъ тою же атмосферой, только въ болѣе разрѣженномъ видѣ, наполнено все небесное пространство, — даже не значитъ, что тамъ прекращается и свѣтъ, а значитъ только, что въ изрѣженной атмосферѣ небеснаго пространства нашъ глазъ не видитъ свѣта равно — какъ и грудь наша въ изрѣженной атмосферѣ не можетъ дышать. Чувствуется, въ концѣ атмосферы и притомъ весьма не далеко, свѣтло-голубая плотная сфера неба, по которой, на одинаковой дальности отъ земли, раскиданы солнце, луна и звѣзды, — тогда-какъ нѣтъ ни плотнаго неба, ни свѣтло-голубой сферы, тогда-какъ небесныя свѣтила свѣтятъ на землю не съ гладкой свѣтло-голубой поверхности неба, а изъ безпредѣльныхъ глубинъ небеснаго мрака, отстоя одно отъ другаго на безмѣрныя разстоянія. Однѣ и тѣ же небесныя свѣтила, въ разныя времена дня и года и въ разныхъ пунктахъ земныхъ поясовъ, кажутся разноцвѣтными, тогда-какъ эта разноцвѣтность происходитъ не отъ нихъ, а отъ состоянія атмосферы; — кажутся самосвѣтящими, тогда-какъ многія изъ нихъ темны. Звѣзды и планеты кажутся только свѣтящими точками, а луна и солнце незначительными и почти оди-

паковой величины кругами, тогда-какъ всѣ онѣ суть шары громадныхъ размѣровъ и крайне различной величины. Звѣзды кажутся почти одноцвѣтными, тогда-какъ онѣ весьма разноцвѣтны,—кажутся одиночными, тогда-какъ между ними много двойныхъ—кажутся по числу весьма исчислимыми, тогда-какъ онѣ безчисленны. Метеоры представляются столь-же, или даже еще болѣе, и блестящими, и большими, чѣмъ звѣзды, тогда-какъ они и свѣтятъ свѣтомъ заимствованнымъ, или даже свѣтомъ каленія, происходящаго отъ тренія ихъ въ атмосферѣ, и по размѣрамъ своимъ въ дѣйствительности весьма малы. Кометы кажутся такими же большими, какъ и звѣзды, и столько же, или еще больше яркими, тогда-какъ онѣ и свѣтятъ свѣтомъ заимствованнымъ, и гораздо менѣе по размѣрамъ, равно-какъ и меньшую имѣютъ плотность. Звѣзды кажутся меньшими по размѣрамъ и по свѣтлости не-только въ сравненіе съ солнцемъ, но и съ луною, тогда-какъ всѣ онѣ безмѣрно больше луны, а нѣкоторыя больше и свѣтлѣе и самаго солнца. Туманныя пятна кажутся только блѣдными пятнами свѣта, тогда-какъ онѣ суть цѣлыя міріады міровъ, и такими пятнами застлана, какъ бисернымъ ковромъ, вся крайняя сфера, отдѣляющая чувственную область отъ недосягаемой для тѣлеснаго чувства. Хотя чувству чувствуются, въ голубой сферѣ неба, большіе, ничѣмъ будто бы не наполненные, промежутки, однакожъ, направляясь по безконечнымъ радіусамъ отъ центра нашего глаза, ни на одну точку неба нельзя указать, чтобы не встрѣтить цѣлаго міра въ каждой точкѣ. За крайнюю сферу крайнихъ туманныхъ пятенъ уже не проникаетъ ни зрѣніе, ни другое какое-либо изъ внѣшнихъ чувствъ: тамъ чувствуется пустота; но и это опять несправедливо, такъ-какъ и тамъ должна быть безпредѣльная полнота.... Полетимъ назадъ на землю, остановимся, на-минуту, чтобъ успокоиться. Вотъ всѣ эти міріады свѣтилъ испускаютъ лучи по прямой линіи къ центру моего глаза; но и это опять обманъ: только вотъ эта одна звѣздочка, стоящая прямо надъ головою, пускаетъ свой лучъ по прямой линіи радіуса; всѣ же прочія испускаютъ свои лучи по изогнутой атмосферическою аберраціею круговой; но и это только при неподвижномъ состояніи атмосферы, чего не бываетъ почти никогда, такъ-какъ атмосфера волнуется то общими пассатными, то частными и мѣстными теченіями вѣтра, — колебаніе же атмосферы доноситъ лучъ до глаза по линіи спиральной и даже изломанной, чего уже не избѣгаетъ и эта одна, прямо въ зенитѣ стоящая, звѣздочка. Звѣзды, и солнце кажутся съ земли стоящими на опредѣленномъ мѣстѣ; но и это обманъ чувствъ:

онѣ не тамъ, гдѣ видятъ ихъ глазъ. Въ звѣздныхъ разстояніяхъ эта разстоянія громадныя, неизмѣримыя даже милліонами миль. Въ данномъ мѣстѣ эта полярная звѣзда чувствуется въ нѣсколькихъ аршинахъ отъ зенита, на сѣверномъ полюсѣ, въ зенитѣ у экватора она исчезаетъ, а за экваторомъ не можетъ быть и видима. Равнымъ образомъ и солнце въ Казани въ полдень равноденствія видится приблизительно на половинѣ прямаго угла, образуемаго линіями вертикальною и горизонтальною, у экватора въ зенитѣ, а у полюсовъ—почти у горизонта. Вотъ съ палубы корабля видится, что солнце взошло; но это обманъ: оно еще за горизонтомъ и по прямой линіи видимо быть не можетъ, —а вечеромъ хотя и видится, что солнце еще не потонуло въ морѣ, но и это опять обманъ: уже нѣсколько минутъ тому назадъ оно потонуло. Луна,или лучше—атмосфера на-счетъ времени восхожденія и захожденія луны—обманываетъ также, какъ и видимость солнца. А съ звѣздами она поступаетъ еще хуже, не дозволяя имъ будтобы, какъ видится глазу, доходить и до горизонта, тогда-какъ онѣ доходятъ, но только у горизонта бываютъ слабо или вовсе не видны отъ густоты атмосферы и слабости свѣтовыхъ лучей. Въ небесномъ же звѣздномъ времени и отношеніи его къ звѣзднымъ пространствамъ, эта чувствуемая разность времени и мѣста съ временемъ и пространствомъ дѣйствительными ведетъ къ большимъ результатамъ въ-отношеніи даже къ ближайшимъ свѣтиламъ: лунѣ и солнцу; въ-отношеніи же къ дальнѣйшимъ, неподвижнымъ звѣздамъ, ведетъ къ обману едва вообразимому по своимъ размѣрамъ, но тѣмъ не менѣе, однакожъ, несомнѣнному. Такъ-какъ свѣту нужно время для прохожденія извѣстнаго пространства, между-тѣмъ-какъ чувствуется будто бы онъ распространяется мгновенно, — то вотъ это туманное пятно свѣтитъ моему глазу, точно-также, какъ свѣтятъ и солнце и луна теперь, но это опять обманъ: отъ луны этотъ свѣтлый лучъ отдѣлился, положимъ, теперь, отъ солнца нѣсколько минутъ назадъ, а отъ туманнаго пятна нѣсколько тысячъ лѣтъ тому назадъ. Вотъ эта неподвижная звѣзда, загорѣвшись яркимъ свѣтомъ, потухла, — полагаютъ, — отъ великой катастрофы, отъ возгорѣнія на ней водорода. Случилось это, повидимому, сегодня; но и здѣсь обманъ и притомъ громадный: свѣтъ отъ этой звѣздочки доходитъ до земли въ 3000 лѣтъ; звѣзда эта потухла 3000 лѣтъ тому назадъ, и, потухши, свѣтила человѣческому глазу цѣлыхъ 3000 лѣтъ! Изъ этихъ міріадъ одновременно теперь свѣтящихъ звѣздъ многія тысячи, безъ со-

мнѣнія, уже цѣлыя тысячи лѣтъ назадъ потухли; вмѣсто ихъ другія тысячи загорѣлись на доступномъ земному зрителю разстояніи, но для нашего глаза еще не горятъ и не будутъ горѣть еще тысячи лѣтъ, потому-что отъ нихъ свѣтъ доходитъ до земли въ тысячи лѣтъ и пока еще не дошелъ! *Итакъ глазъ видитъ то, что не существуетъ, а того, что существуетъ, не видитъ.* Если при этомъ взять безмѣрно разныя разстоянія небесныхъ свѣтилъ отъ земли, то настоящій чувственный видъ звѣзднаго неба есть невообразимый обманъ, въ каждомъ своемъ пунктѣ, въ соотношеніи каждой звѣзды къ каждой другой относительно мѣстъ и времени. Что было и исчезло, или перемѣстилось въ каждую изъ минутъ, составляющихъ цѣлыя тысячелѣтія, то наше чувство пригвоздило въ опредѣленный занимаемый будто-бы и до настоящаго времени пунктъ пространства и въ одинъ будто-бы настоящій моментъ времени! Но спустимся опять, изъ этой превыспренней сферы хаотическаго обмана, внизъ, въ атмосферу. Здѣсь, въ атмосферѣ только и видимъ, что эти громады облаковъ, такія грозныя массивныя твердыни; но это обманъ: это туманъ, улетучивающійся по мѣрѣ нашего къ нему приближенія. Больше въ атмосферѣ мы не видимъ ничего; сама она, для нашего зрѣнія, нѣчто не существующее до самой поверхности земли. Намъ кажется, будто мы видимъ предметы въ атмосферѣ; а не атмосферу, но это также обманъ: атмосфера не только существуетъ, но и есть грубо матеріальное тѣло, способное механически производить тѣ ужасныя сокрушительныя дѣйствія, какія мы видимъ въ буряхъ, вихряхъ и ураганахъ; во всякое-же вообще время она обнаруживаетъ страшное давленіе на всѣ находящіеся на землѣ предметы. И всѣ небесные цвѣта суть цвѣта атмосферы, такъ-какъ она преломляетъ и разлагаетъ солнечные лучи, наровнѣ со всѣми прозрачными тѣлами, водою, стекломъ и т. п. Но, что всего поразительнѣе, атмосфера есть тѣло переполненное неизмѣримыми массами воды и землистыхъ веществъ, неисчислимыми мірами растительныхъ и животныхъ споръ, цѣлыми родами летучихъ растеній и инфузорій. Вотъ глазъ опять видитъ и признаетъ за дѣйствительно существующее безмѣрное разнообразіе цвѣтовъ, представляемыхъ безмѣрнымъ разнообразіемъ предметовъ; новый грубѣйшій обманъ: предметы, быть можетъ, и существуютъ, но не для глаза,—а что для глаза въ нихъ существуетъ, т. е. цвѣта, то въ нихъ не существуетъ, то есть аттрибутъ солнечнаго свѣта, только отражаемаго, такъ сказать —отталкиваемаго прочь отъ себя предметами. На поверхности земли все такъ, по-

видимому, мирно, спокойно, довольно неподвижно, — опять обманъ невообразимый. Въ этихъ такъ — называемыхъ твердыхъ, повидимому — наиболѣе неподвижныхъ въ своемъ составѣ, тѣлахъ, въ каждый моментъ времени, миріады частицъ твердыхъ, жидкихъ и газообразныхъ механически и химически разлагаются, смѣшиваются, улетучиваются, поступаютъ вновь; въ жидкихъ и газообразныхъ тѣлахъ, при общей ихъ текучести, частныя смѣшенія и разложенія совершаются еще съ большею и совершенно невообразимою быстротою и повсюдностію. Эта гладкая неподвижная поверхность моря,—эта обозрѣваемая глазомъ вдаль и вширь волнующаяся даль суши, то зеленая отъ общаго колорита зелени, то желтая отъ массы солнечныхъ лучей, отражающихся на пескѣ, или на созрѣвшей нивѣ, то тускло-сѣрая суглинисто-черноземная, — эта сумрачная глубь нѣдръ земныхъ, освѣщаемая, большею частію, искусственными свѣтильниками, изрѣдка у поверхности земли или въ выносимыхъ на свѣтъ божій своихъ частяхъ освѣщаемая солнечнымъ свѣтомъ,—та, и другая, и третья, во всякомъ случаѣ, довольно однообразная,—какое закрываетъ она отъ глазъ невообразимое количество всякихъ механическихъ измѣненій, химическихъ процессовъ, органическихъ рожденій и смертей, возрастаній и разложеній! Вотъ эта морская поверхность издаетъ по ночамъ сильный сплошной свѣтъ: это миріады инфузорій, изъ которыхъ ни одной нельзя видѣть простымъ глазомъ. Вотъ бѣлая мѣловая гора: это не что иное, какъ миріады панцырей миріадъ инфузорій, нѣкогда жившихъ, которыя и подъ микроскопомъ различаются плохо. Вотъ листья этихъ растеній покрылись красноватымъ отблескомъ: — это, миріады живыхъ сплошною массою залегшихъ микроскопическихъ паразитовъ! На какомъ-нибудь едва замѣтномъ для глаза паразитѣ свои паразиты, едва замѣтные для микроскопа, а на тѣхъ свои паразиты весьма даже замѣтные для сильнаго микроскопа и такъ дальше, безъ конца, и цѣлые міры этихъ существъ съ своею весьма сложною организаціею, съ своимъ размноженіемъ, развитіемъ, моментальною жизнію, исчезновеніемъ. И все это простой невооруженный глазъ давно уже, на предѣлѣ еще весьма крупныхъ сравнительно существъ, пересталъ видѣть; все это для него гладь и небытіе, какъ небытіе начинается для него и съ того предѣла крайней, весьма не глубокой, сравнительно съ длиною земнаго радіуса, глубины, до которой человѣкъ успѣлъ врыться въ землю. Тамъ для глаза преисподній аидъ, не имѣющій и тѣней блуждающихъ. Возникая оттуда вверхъ опять, мы

видимъ, что земля стоитъ спокойно и неподвижно, а небесная сфера совершаетъ вокругъ нея свое суточное вращеніе и совершаетъ такъ медленно, что это вращеніе едва едва можетъ быть замѣчено въ теченіи цѣлыхъ часовъ, по медленному перемѣщенію свѣтилъ въ отношеніи къ неподвижнымъ пунктамъ на землѣ, причемъ всѣ части небесной сферы хранятъ между собою вѣковѣчно пропорціональное и почти неподвижное положеніе; все это обманъ невообразимо грубый, такъ какъ земля безпрерывно движется и, качаясь окружностью по меридіану взадъ и впередъ и, въ то же время, вращаясь на своей оси, она бѣжитъ впередъ всею своею массою, со скоростью десятковъ верстъ въ секунду, совершая годичное свое теченіе вокругъ солнца, въ тоже время, со скоростью еще не измѣренною и неизмѣримою, бѣжитъ вслѣдъ за солнцемъ, какъ луна вслѣдъ за землею, вокругъ другаго невѣдомаго средоточнаго свѣтила, или просто вокругъ центральнаго для самаго солнца пункта небеснаго равновѣсія,—вслѣдъ за этимъ центромъ, быть можетъ, опять бѣжитъ около другаго массивнѣйшаго или могущественнѣйшаго безъ массы центра небеснаго тяготѣнія и т. д. И все это, всѣ эти до единаго небесныя тѣла несутся и несутся со скоростію буквально не вообразимою, дѣйствительно даже не мыслимою, не только-что не чувствуемою, но тѣмъ не менѣе несомнѣнно дѣйствительною, такъ-что для человѣческаго глаза нигдѣ во вселенной нѣтъ пункта стоянія. Если же глазъ такіе пункты указываетъ, то обманываетъ!... И счастье наше, что обманываетъ, что глазъ чувствуетъ то, чего нѣтъ, и не чувствуетъ того, что есть. Иначе у человѣка закружилась бы голова отъ этого всеобщаго, повсюднаго, всесторонняго, неудержимаго движенія, какъ кружится на увлекаемомъ быстрымъ полетомъ аэростатѣ...

Счастливъе ли въ своей области ухо? — Область чувства слуха простирается отъ уха человѣческаго, какъ центра, до сферической окружности, заканчиваемой высотою разряженія электричества въ громовыхъ тучахъ и разрыва аеролитовъ, а также высотою поднятія аеростатовъ и незначительною высотою надъ ними, съ которой могутъ быть слышны на аеростатахъ рѣдкіе звуки происходящіе въ высшихъ слояхъ атмосферы, которыми можетъ быть только трескъ разрывающихся аеролитовъ. Въ этой звуковой сферѣ фикціи ощущеній весьма аналогичны съ фикціями ощущеній зрѣнія. Во-первыхъ, въ слуховой правильно геометрической сферѣ два центра, два слуховыхъ органа у одного и тогоже человѣка. Если звуки въ слухѣ человѣка не

двоятся, то причина этому не въ двухъ его ушахъ, а наоборотъ, не смотря на два его уха, въ единствѣ центральнаго чувствилища, въ мозгѣ. Тѣмъ не менѣе бываетъ, что звуки двоятся въ ушахъ, при разности одного уха отъ другаго въ чувствительности, что́ случается весьма часто, — а также при рѣдкой, но возможной, разности самаго значенія звуковъ для каждаго изъ ушей одного и того-же человѣка. Вся совокупность звуковъ, почти безъ изключенія, происходитъ на дѣлѣ не такъ, какъ отражается въ нашемъ чувствѣ,—не въ той силѣ, степени, даже значимости. Вотъ раздаются, напр., въ ушахъ, въ одномъ или обоихъ, звуки трубъ и литавръ, тогда-какъ причина всему этому нѣсколько лишнихъ капель крови, беззвучно приливающей къ головѣ. Вотъ раздается трескъ, будтобы медвѣдь въ лѣсу ломаетъ сучья чащи; но это мелкое насѣкомое ворочается, случайно заползши въ ухо. Вотъ раздается выстрѣлъ изъ пушки; но и это опять кто-либо заговорилъ надъ самымъ ухомъ. Не въ одинаковой силѣ звуки чувствуются не только у разныхъ людей, при разной остротѣ слуха, но и у одного и тогоже человѣка, при неодинаковой чувствительности того уха и другаго. Мыслимо, хотя и не можетъ быть повѣрено, по недостатку масштаба для подобной повѣрки, что одинъ и тотже звукъ чувствуется разными людьми не въ одинаковой значимости, наприм., нѣсколько выше, или нѣсколько ниже, что́ можетъ быть ощущаемо и однимъ человѣкомъ, при различной чувствительности одного уха сравнительно съ другимъ, что обнаруживается также и въ томъ фактѣ, что одни и тѣже звуки одному и томуже человѣку кажутся чище и гармоничнѣе въ томъ состояніи его здоровья, когда его собственный голосъ чище, сильнѣе и свободнѣе, и, наоборотъ, менѣе гармоничными и чистыми, когда его собственный голосъ не чистъ и горло затруднено, что зависитъ отъ связи голосовыхъ нервовъ съ слуховыми. Большею частію также звуки чувствуются не въ тоже время, когда происходятъ въ природѣ, такъ-какъ дрожащей волнѣ воздуха нужно извѣстное время, чтобы пройти извѣстное простанство и достигнуть слуха, и не въ томъ соотношеніи звуковъ, какъ устанавливается оно въ природѣ, потому-что правильному отраженію массы звуковъ въ слухѣ мѣшаетъ разность времени, нужнаго для достиженія уха звукамъ не только ближайшимъ и дальнѣйшимъ, но и сильнѣйшимъ и слабѣйшимъ, высшимъ и низшимъ, мѣшаетъ разность и разное состояніе среды, чрезъ которую звукъ проходитъ, такъ-какъ проводящими звукъ средами бываютъ, кромѣ воздуха, вода, земля, металлы, камень. Въ свою очередь, воздухъ можетъ быть чистъ или на-

полненъ парами и пылью, можетъ быть теплый и холодный, спокойно; стоящій или находящійся въ движеніи; а всѣ эти состоянія вліяютъ на разность передачи звука, равно-какъ на тоже вліяютъ и разныя расположенія около нашего уха разныхъ отражателей. Вотъ, напр., послѣдній отчаянный крикъ утопающаго; но вы слышите его лишь тогда, когда человѣкъ уже утонулъ. Вотъ звукъ выстрѣла; но онъ достигаетъ слуха пораженнаго этимъ выстрѣломъ уже тогда лишился жизни послѣдній. Вотъ молнія уже пролетѣла по комнатамъ и только послѣ этого уже громъ потрясаетъ стѣны вашего дома. Вотъ издали долетаетъ до слуха гармонія, но несовсѣмъ ясная именно по тому, что звуки долетаютъ до слуха смѣшанными вліяніемъ среды, которую имъ нужно было проникнуть, чтобы достигнуть уха. Вотъ страшный вопль въ лѣсу, раздающійся хохотомъ лѣшаго; но это разносимый лѣснымъ эхомъ голосъ самой невинной птицы. Наконецъ, звукъ есть величайшая изъ загадокъ природы и науки, потому-что звука въ природѣ нѣтъ; тамъ есть только дрожательное, въ разныя стороны распространяющееся, движеніе частицъ вещества. Въ безвоздушномъ пространствѣ, въ верхнихъ слояхъ атмосферы звукъ ослабѣваетъ, или со всѣмъ даже исчезаетъ, какъ и свѣтъ: на вершинѣ высокихъ горъ выстрѣлъ раздается не слышнѣе хлопанья въ ладоши; подъ воздушнымъ колоколомъ, при вытягиваніи воздуха, звукъ колокольчика ослабѣваетъ, а потомъ почти совсѣмъ исчезаетъ; на аеростатахъ, чтобы одинъ человѣкъ услышалъ другаго, нужно кричать надъ самымъ ухомъ. Въ извѣстныхъ предѣлахъ, царство звука, царство сущаго для человѣческаго слуха оканчивается, оканчивается тамъ, гдѣ въ дѣйствительности, безъ сомнѣнія, не оканчивается,—а, наоборотъ, гдѣ едвали не начинаются двѣ великія гармоніи природы, одна въ маломъ, а другая въ великомъ: съ одной стороны тотъ гармоническій говоръ растущей травы, который слышенъ былъ вѣщему уху *Одина*, который слышенъ и нашему уху въ тихую весеннюю ночь, тогда-какъ днемъ его не слышно, а съ другой стороны, та «божественная гармонія небесныхъ сферъ», которую слышалъ *Пиѳагоръ*, гармонія не только поэтическая, но и дѣйствительно позитивная, такъ-какъ земля и міріады другихъ громаднѣйшихъ небесныхъ тѣлъ, разсѣкая, невообразимою быстротою своего полета и громадностію массъ, атмосферу, разлитую вездѣ въ небесныхъ пространствахъ, должны производить невообразимую массу дрожательныхъ волнъ не только въ этой атмосферѣ небесныхъ пространствъ, но и въ собственномъ составѣ, подобно летящимъ

бомбамъ,—та радужно-гармоническая музыка солнечныхъ лучей, которая съ восходомъ солнца слышалась въ статуѣ Мемнона, которую могли бы слышать всѣ и вездѣ, если бы люди выучились дѣлать такіе же микроскопы для уха, какіе изобрѣтены для глаза,—такъ-какъ масса солнечныхъ лучей, распространяясь дрожательными волнами съ необычайною быстротою, пронизывая атмосферу, приводитъ въ движеніе и трепетный восторгъ не-только всякую жизнь на землѣ, но и самую землю, какъ и другія тѣла солнечной системы,—та божественная гармонія, которую поютъ, въ хвалу Богу, солнце и луна, всѣ звѣзды и свѣтъ, какъ и все сотворенное, которую слышалъ вдохновенно-вѣщимъ ухомъ и Давидъ пророкъ. А наше грубо позитивное ухо для этихъ наиболѣе таинственныхъ звуковъ тупо: для него они не существуютъ.

Сфера чувства осязанія, начинаясь поверхностію человѣческаго тѣла, оканчивается тѣми предѣлами, какихъ можетъ достигнуть человѣческая рука с ь своими средствами изслѣдованія, т. е. оканчивается извѣстною глубиною морскаго дна и разрытыхъ нѣдръ земли, а съ другой стороны, извѣстною высотою полета аэростатовъ. Подобно чувствамъ зрѣнія и слуха, и это чувство не мало обманываетъ насъ въ указаніи объективныхъ свойствъ предметовъ, такъ-какъ степени температуры въ природѣ не существуютъ: тамъ, вмѣсто того, есть только большее или меньшее расширеніе и сжатіе частицъ вещества; да и, кромѣ того, собственно ощущаемое осязаніемъ расширеніе, или сжатіе частицъ вещества происходитъ не въ прикасающемся къ нашему тѣлу предметѣ, но, вслѣдствіе этого прикосновенія, внутри нашего тѣла. Другія производимыя этимъ чувствомъ ощущенія фигуральности предметовъ, шероховатости, или гладкости, даже упругости и мягкости, будучи разнозначущи у разныхъ людей, очень рано оканчиваются у всѣхъ,—такъ что это чувство отказывается служить человѣку тамъ, гдѣ чувство вооруженнаго зрѣнія только-что начинаетъ указывать цѣлые микроскопическіе міры. Такъ, палецъ, напр., едва ощущаетъ на гладкой поверхности сырость, которая кишитъ микроскопическими животными,—рука ощущаетъ только легкое прикосновеніе разбѣгающагося, вдыхаемаго и выдыхаемаго человѣкомъ, воздуха, будучи вовсе неспособна найти въ немъ что-либо осязаемое, тогда-какъ каждый вздохъ несетъ опять міріады микроскопическихъ существъ; даже вообще тупо чувствуется осязаніемъ матеріальность и самое бытіе воздуха, когда онъ тихъ и имѣетъ подходящую къ человѣче-

скому тѣлу температуру, не говоря уже о безконечномъ разнообразіи его содержанія.

Сфера чувствъ обонянія и вкуса, начинаясь внутренними оболочками носа и рта, какъ центральными пунктами, ограничивается тѣми же крайними предѣлами, какими ограничивается сфера и осязанія. Тогда-какъ въ чувствахъ зрѣнія и слуха преобладаетъ теоретическій характеръ, направленный къ рѣшенію вопросовъ, что такое res in se (вещь въ существѣ своемъ), въ этихъ двухъ чувствахъ вкуса и обонянія начинаетъ преобладать характеръ практическій, направленный къ рѣшенію вопроса, что такое вещь не столько въ себѣ и для себя, сколько для насъ; между-тѣмъ-какъ въ чувствѣ осязанія видится равновѣсіе обоихъ характеровъ. Но и эти чувства въ-отношеніи къ рѣшенію вопроса: принадлежатъ ли предметамъ тѣ свойства, которыя имъ приписываются, обнаруживаютъ свои неудобства въ томъ, что у различныхъ людей онѣ значительно разностепенны и даже разнозначущи. Кромѣ того, онѣ вводятъ насъ въ обольщеніе тѣмъ, что относятъ къ предметамъ свойства, которыя больше, если только не исключительно, суть *состоянія субъекта*, чѣмъ свойства объекта, — которыя, по крайней мѣрѣ, единственно и исключительно суть *отношенія между субъектомъ* и перестающимъ быть собою *объектомъ*, какъ, напримѣръ, сладость сахара есть свойство не того сахара, который мы держимъ въ рукахъ, но того химическаго соединенія, которое совершилось на языкѣ, съ разрушеніемъ почувствованной нервами языка части сахара.

Такимъ образомъ, объективность показаній внѣшняго чувства, основательно и разносторонне разрушаемая разсудочнымъ анализомъ, который справедливо показываетъ, что это чувство, большею частію, съ предметомъ непосредственно не соприкасается и что приписываемыя имъ свойства предметамъ не принадлежатъ, была бы крайне сомнительна,—если бы дѣятельность этого чувства не была тѣсно связана съ дѣятельностью чувства внутренняго физіологическаго, если бы непрекаемая достовѣрность показаній этого послѣдняго чувства не переносилась, въ нѣкоторой мѣрѣ, и на первое т. е. внѣшнее чувство.

Относительно достовѣрности показаній *внутренняго физіологическаго чувства* сомнѣваться труднѣе, потому-что никакимъ разсудочнымъ анализомъ нельзя подвергнуть сомнѣнію принадлежность предметамъ тѣхъ свойствъ, какія открываются въ нихъ этимъ чувствомъ. Это чувство наиболѣе непосредственно соприкасается съ дѣйствующими на него предметами и, нося въ себѣ, главнымъ образомъ, прак-

тическій характеръ, съ задачею рѣшать о предметѣ не-столько то, что такое онъ самъ въ себѣ, сколько то, какъ онъ относится именно къ чувству, въ самоощущеніи не ошибается тѣмъ болѣе, что дѣйствующій на него предметъ, въ наибольшей части случаевъ, переставая быть самимъ собою, сливается съ чувствующимъ субъектомъ. Въ отправленіяхъ этого чувства единство законовъ природы сказывается безусловно принудительнымъ образомъ, какъ явленіе не только субъективное, или болѣе или менѣе обще-субъективное, но непремѣнно объективное. Оно-то принудительно становится основаніемъ философской вѣры, что тѣмъже единствомъ законовъ природы проникнуты отправленія и внѣшнихъ чувствъ, во всемъ человѣческомъ родѣ, и что вообще вся природа своимъ бытіемъ и свойствами соотвѣтствуетъ отраженію ея въ человѣческомъ чувствѣ. Но, въ то же время, внутреннее физіологическое чувство даетъ показанія о явленіяхъ, внутри человѣческаго организма происходящихъ, тусклыя и слитныя, такъ-что всѣ возбуждающіе его ощущеніе органическіе процессы подлежатъ ему только весьма малою своею долею, узнаются же больше посредствомъ внѣшнихъ чувствъ. Сверхъ того, область этого чувства переполнена такимъ же неисчислимымъ количествомъ бытій и процессовъ, какъ и область внѣшняго чувства: части человѣческаго организма, то существенно къ нему относящіяся, то паразитныя въ неизмѣримомъ количествѣ, ежеминутно мѣняются, вновь поступаютъ, образуются, отлагаются, и исчезаютъ; органическіе, химическіе и механическіе процессы, въ неуловимомъ разнообразіи, безъ остановки несутся чрезъ тѣло человѣка одинъ за другимъ, одинъ въ другомъ и одинъ вопреки другому, рядомъ съ полетомъ самаго времени; общеорганическое человѣческое чувство проносится надъ ними — нельзя сказать—весьма поверхностно, но весьма обще, не имѣя способности даже прикоснуться къ милліонамъ внутреннихъ бытій и совершающихся въ нихъ измѣненій, а не то, что раздѣльно освѣтить ихъ для сознанія. Въ тоже время, при милліонахъ бытій и процессовъ въ области этого чувства, самыя ощущенія его, какъ и прочихъ чувствъ, опять мелькаютъ безпрерывною слитною вереницею, при чемъ даже въ одномъ человѣкѣ одно индивидуальное ощущеніе абсолютно не можетъ быть адекватно другому, — а индивидуальное представленіе о каждомъ отдѣльномъ ощущеніи еще менѣе можетъ быть адекватно представляемому, — а тѣмъ менѣе можетъ быть адекватно цѣлому возбуждающему отдѣльныя ощущенія процессу, какъ необъятной

суммѣ отдѣльныхъ измѣненій, происходящихъ въ необъятной-же суммѣ отдѣльныхъ, участвующихъ въ процессѣ, бытій. Поэтому и внутреннее физіологическое чувство не давало бы намъ не только объективнаго, адекватнаго неуловимой текучести включенныхъ въ нашъ организмъ бытій и процессовъ, но положительно никакого разумнаго познанія, если бы дѣятельность этого чувства не была органически связана съ дѣятельностью высшаго внутренняго, душевнаго чувства.

Но *душевное чувство* въ своей области находитъ уже не одинъ особый міръ души, а цѣлыхъ три міра: подлежащій внѣшнему чувству внѣшній міръ, подлежащій внутреннему физіологическому чувству міръ органическихъ процессовъ и частей человѣческаго тѣла, наконецъ, спеціально подлежащій душевному чувству міръ души, съ взаимными ихъ, т. е. всѣхъ этихъ трехъ міровъ, отношеніями и отраженіемъ въ сознаніи. Но этого мало. Душевному чувству, и ему одному исключительно, подлежитъ особый міръ чувственнаго небытія и бытія абсолютнаго. Область этого чувства, начинаясь отъ центральнаго сѣдалища человѣческой души,— центральной оси человѣческаго тѣла, простираясь далѣе чрезъ внутренность и самый центръ, равно-какъ и внѣшнюю атмосферическую оболочку земнаго шара, чрезъ поверхности, внутренности и центры всѣхъ подлежащихъ и не подлежащихъ внѣшнему зрѣнію міровъ небеснаго пространства, объемля всѣ неорганическія и органическія находящіяся на этихъ мірахъ существа, съ законами и свойствами ихъ бытія, простирается до сферы дальнѣйшихъ доступныхъ зрѣнію туманныхъ пятенъ, но не останавливается и здѣсь, а устремляется въ безбрежную даль безпредѣльности, гдѣ чувство допытывается, что такое тамъ, конецъ ли матеріальнаго міра, или только берегъ новаго безбрежнаго океана матеріальныхъ міровъ,—есть ли что-либо помимо матеріальнаго бытія, т. е. есть ли міры чисто духовные, съ живыми существами аналогичными нашему духу, проходитъ ли по всему этому безконечному разнообразію бытій единство бытія,— царитъ ли надъ множественнымъ бытіемъ единое, надъ измѣняющимся неизмѣнное, надъ ограниченнымъ безпредѣльное, надъ условнымъ безусловное. И что именно чувствуетъ это чувство въ своей безграничной области? Что чувствуетъ *внѣшнею своею стороною, внѣшнимъ чувствомъ*? Замѣтимъ, что ощущенія внѣшняго, точно также какъ и внутренняго чувства, будучи внутренними состояніями чувствующаго субъекта, свидѣтельствуютъ, всѣ до одного, о томъ, какъ объектъ дѣйствуетъ на чувство, а не о томъ, что онъ

такое какъ res in se,—что зрѣніе и слухъ не соприкасаются съ самыми предметами,—что осязаніе, подходя къ предмету, повидимому, ближе нѣкоторыхъ чувствъ, касаясь его почти непосредственно, опредѣляетъ тонкости подлежащихъ ему свойствъ хуже даже не вооруженнаго, а не только-что вооруженнаго зрѣнія,—что обоняніе и вкусъ, касаясь предметовъ непосредственнѣе прочихъ чувствъ, разрушаютъ его механически и химически и ощущаютъ собственно не предметъ, а смѣсь объекта и субъекта,—что свойства, открываемыя внѣшнимъ чувствомъ въ объектахъ, могутъ быть отъ объекта отдѣляемы и оспориваемы, какъ имъ не принадлежащія,—что внутреннее органическое чувство даетъ показанія о предметахъ его области слитныя, тусклыя и общія, весьма мало проникая въ совершающіеся въ человѣческомъ организмѣ процессы, весьма мало прикасаясь къ находящимся въ немъ особымъ бытіямъ. При всѣхъ этихъ ограниченіяхъ, стѣсняющихъ возможность получить внѣшнею своею стороною, т. е. внѣшнимъ чувствомъ, объективную и вообще какую бы то ни было истину, чувство душевное испытываетъ безконечное количество отдѣльныхъ ощущеній, соотвѣтствующихъ безмѣрному количеству отдѣльныхъ бытій внѣшняго міра, съ безпрерывнымъ ихъ и повсюднымъ теченіемъ, такъ-какъ, не стоя ни секунды, луна бѣжитъ около земли, а земля, въ свою очередь, качаясь на полюсахъ, вертясь около оси, бѣжитъ кругомъ солнца, — солнце аналогичнымъ образомъ бѣжитъ около своего центра,—неисчислимыя міріады видимыхъ и невидимыхъ солнцевъ бѣгутъ за своими центрами куда-то въ безбрежную даль, безъ какого бы то ни было пункта стоянія въ универсѣ, — точно также, какъ въ этихъ далекихъ мірахъ, и на нашей землѣ все, равнымъ образомъ, не стоя ни мгновенія, движется; силы земныя: магнитизмъ, теплота, электричество и другія только и знаютъ, что двигаться и двигать; атмосфера во всѣхъ своихъ частяхъ движется; твердыя, жидкія и газообразныя тѣла безпрерывно мимо другъ друга и внутри другъ друга движутся; организація, жизнь потому и есть жизнь, что въ міріадахъ существъ, органическихъ частей и процессовъ происходитъ разнообразное движеніе. *Вездѣ внѣ человѣка головокружащее движеніе.* Но не можетъ ли голова отдохнуть *на самомъ человѣкѣ, на человѣческомъ организмѣ?* Нѣтъ. И здѣсь тоже головокружащее движеніе. Въ дыханіи человѣка, въ крови, во всѣхъ жидкостяхъ міріады паразитныхъ живыхъ существъ, какъ рыбъ въ морѣ, — міріады органическихъ особей, принадлежащихъ къ строенію самаго организма,—ми-

ріады особыхъ, и собственныхъ, и паразитныхъ органическихъ процессовъ: во всѣхъ этихъ отправленіяхъ безконечно больше движенія, чѣмъ сколько можно вообразить. *Но нѣтъ ли тишины, покоя, отдохновенія хотя въ глубинѣ человѣческаго духа?*—Нѣтъ, и здѣсь тоже безконечно пестрое и безконечно быстрое мельканіе ощущеній, представленій, образовъ, понятій, желаній, стремленій, и здѣсь вѣчное, безконечное вращеніе, и ни секунды стоянія! При такомъ вѣчномъ и безконечно-пестромъ міровращеніи, при взаимной условности всѣхъ частей міробытія и міросозерцанія, ни одно индивидуальное явленіе, какъ и соотвѣтствующее ему отраженіе его въ нашемъ духѣ, не можетъ быть абсолютно тожественно съ другимъ; ни одно индивидуальное представленіе, соотвѣтствующее индивидуальному ощущенію, по безмѣрному количеству относящихся къ нему въ самомъ изслѣдуемомъ фактѣ признаковъ, не можетъ быть адекватно ощущенію; предметъ несется мимо ощущенія и не точно отражается въ немъ; ощущеніе пронеслось мимо представленія и не точно отразилось въ немъ; на представленіи обосновалось понятіе и опять не во всей точности согласно съ представленіемъ. Духъ человѣческій вѣчно кружится въ сферѣ мелькающихъ тѣней, клубящагося тумана, одуряющаго чувственнаго обмана.... О томъ ли тутъ спрашивать, такъ ли все это существуетъ какъ чувствуется? Не скорѣе ли о томъ, существуетъ ли все это, или только исчезаетъ, какъ спрашивали первые философствующіе мыслители, древніе греки?! Да остановись же исчезающее, не бѣгите тѣни.... Но, увы, *все течетъ*, — плакался еще древній мыслитель *Гераклитъ*. За что же ухватиться, чтобы сдержать неудержимый бѣгъ увлекающей и самого человѣка и человѣческое чувство необъятной вселенной?... За Я. Вотъ центръ моего міросозерцанія, если не міробытія. Все течетъ, но въ моемъ духѣ все течетъ мимо моего Я, — говорятъ, новѣйшія отраженія Гераклита, *Фихте*, *Шеллингъ и Гегель*. Вотъ наиболѣе центральное, тожественное, наиболѣе само себѣ равное, наиболѣе въ своемъ стержнѣ неизмѣнное, наиболѣе принудительное, для меня лично наиболѣе объективное, въ человѣчествѣ наиболѣе обще-субъективное, наиболѣе безусловно категоричное, наименѣе терпящее ограниченій и исключеній, ощущеніе: это ощущеніе Я, съ первичною завязью концентрирующихся около него ощущеній, понятій и сужденій: «*Я, Я есмь Я, Я есмь, Я существую, Я мыслю, Я чувствую, Я стою среди враще-*

нія всего внутри и внѣ меня». Вотъ ощущенія, понятія, сужденія наименѣе пререкаемыя, наиболѣе основныя, непосредственно безусловныя.

Отъ этого центра протянуты, сквозь сумракъ мелькающихъ ощущеній и явленій, неподвижныя нити въ-видѣ прямолинейныхъ радіусовъ, а поперегъ ихъ концентрическіе круги болѣе и болѣе расширяющіеся и теряющіеся въ безбрежной дали міросозерцанія и міробытія. Въ эти круги, въ эти формы мое Я вкладываетъ текучее, исчезающее міробытіе и, такимъ образомъ, созидаетъ свое, по возможности, неподвижное міросозерцаніе. Такая *основная тенденція ума: противопоставить неподвижность міросозерцанія быстротечности бытія* — и отразилась въ исторіи развитія философствующей мысли, ясно сознанная еще первыми греческими мыслителями, какъ сознавалась и до ближайшихъ къ намъ временъ *Гегеля*, какъ сознается и до нашихъ дней самими позитивистами, которые, вслѣдъ за всѣми естественниками, силятся уловить, среди бѣга природы, не иное что, какъ всеобщіе основные законы и нормальныя формы бытія.

Но не удаляется ли, въ этомъ случаѣ, умъ нашъ отъ цѣли, вмѣсто того, чтобы идти къ цѣли? Да. Эта основная тенденція всѣхъ познавательныхъ работъ человѣческаго ума показываетъ, что онъ стремится какъ-будто въ противоположную сторону отъ направленія міроваго бытія: міръ бѣжитъ, а умъ хочетъ хотя внутри себя его остановить. Тѣмъ не менѣе, однакожъ, въ нашемъ духѣ лежитъ другое основное требованіе, чтобы наше міросозерцаніе было, по возможности, точнымъ отображеніемъ міробытія. Отсюда-то и истекаетъ требованіе истины міросозерцанія и истины именно объективной, по возможности, адекватной объекту, дѣйствительному образу міробытія.

ГЛАВА VII.

Возможна ли истина адекватная предмету? Достижима ли она? Рѣшенію этого вопроса мы должны предпослать разрѣшеніе другого, именно: *что служитъ въ духѣ человѣческомъ мѣриломъ истины?* — Не иное что, какъ *душевное* чувство, *чувство истины.* Какъ мѣриломъ объективности основнаго понятія *Я*, равно-какъ и наиболѣе основныхъ, непосредственно безусловныхъ, сужденій о *Я*: «*Я есмь Я, Я есмь, Я*

существую, Я мыслю, Я чувствую», служитъ не иное что, какъ непосредственное ощущеніе моего *Я* и связи его не-только съ самимъ собою въ-видѣ предиката: *Я есмъ Я*, но и съ другими непосредственно ощущаемыми въ немъ предикатами: *Я есмъ*, *Я существую*, *Я чувствую*, *Я мыслю*:—подобнымъ-же образомъ мѣриломъ и всякой другой истины, какъ субъективной (отношенія извѣстнаго предиката къ субъекту), такъ и объективной (отношенія извѣстнаго предиката къ объекту), служитъ наше-же внутреннее душевное чувство. Разница въ приложеніи этого мѣрила къ истинамъ заключается только въ томъ, что къ истинамъ одного рода мѣрило чувства истины прилагается болѣе непосредственно, а къ другимъ болѣе посредственно.

Болѣе непосредственно мѣрило душевнаго чувства истины прилагается именно къ самому чувству, при чемъ опредѣляется отношеніе даннаго предмета къ чувствующему субъекту, иначе сказать,—къ самому чувству. *Это область истинъ субъективныхъ*, истинъ практическихъ, истинъ того разума, который *Кантъ* [1]), а за нимъ *Фихте*, называли *разумомъ практическимъ*. Это область истинъ наиболѣе непогрѣшимыхъ, наиболѣе непосредственныхъ, наиболѣе непререкаемыхъ и принудительно достовѣрныхъ,—и область, по размѣрамъ своимъ, не-только громадная, но безпредѣльная, проникающая дѣятельность всѣхъ трехъ чувствъ души, внутренняго, собственно душевнаго, внутренняго физіологическаго и внѣшняго, область, включающая въ себѣ именно ту сторону дѣятельности всѣхъ трехъ чувствъ, которую мы назвали выше стороною практическою, которая опредѣляетъ не то, какъ предметъ есть въ себѣ, но то, какъ предметъ относится къ нашему чувству. Въ рѣшеніи этой практической задачи принудительно достовѣрны и непогрѣшимы всѣ три чувства, не-только внутреннія: душевное и физіологическое, но и внѣшнее,—и каждое изъ этихъ чувствъ непогрѣшимо во всѣхъ своихъ обособленныхъ проявленіяхъ, именно: въ проявленіяхъ какъ чувства собственно душевнаго, въ сознаніи, совѣсти и въ эстетическомъ вкусѣ,—такъ и въ проявленіяхъ внутренняго физіологическаго чувства, проистекающихъ изъ органическихъ потребностей — питанія, дыханія, движенія и другихъ, — и даже чувства внѣшняго: не только въ обоняніи и вкусѣ, но и въ осязаніи и даже въ слухѣ и зрѣніи. Какъ внутреннія органическія обособленныя чувства и ближайшія къ нимъ, по сродству

[1]) Впрочемъ Кантъ слишкомъ стѣснялъ область практическаго разума, ограничивая его ощущеніями только высшаго моральнаго чувства.

ству, чувства внѣшнія: вкусъ и обоняніе, непогрѣшимы въ рѣшеніи вопроса, какъ подлежащіе имъ объекты на нихъ дѣйствуютъ, въ опредѣленіи свойствъ этаго дѣйствованія, что именно такой-то предметъ производитъ ощущеніе сладкаго, другой ощущеніе запаха розоваго, третій, четвертый и пятый разнообразныя ощущенія утоленія голода, жажды и т. д., подобнымъ-же образомъ въ рѣшеніи этого практическаго вопроса непогрѣшимы и осязаніе, и слухъ, и зрѣніе, и именно въ опредѣленіи подлежащихъ качествъ дѣйствованія на нихъ подлежащихъ имъ предметовъ. Такъ: наприм., и осязаніе непогрѣшимо въ опредѣленіи подлежащихъ ему качествъ предметовъ: шероховатости, извѣстной фигуральности и т. д., и слухъ въ опредѣленіи качествъ звука, музыкальности, или трескучести, извѣстной тонкости, или грубости, — извѣстной высоты, или низости звука и т. д., и зрѣніе въ опредѣленіи цвѣтовъ, а по цвѣтамъ, — фигуральности предметовъ, прозрачности, плотности, качествъ поверхности предметовъ и т. д. Подобнымъ-же образомъ обособленныя отрасли и внутреннѣйшаго душевнаго чувства, не только эстетическій вкусъ и совѣсть, но и сознаніе, непогрѣшимы въ опредѣленіи тѣхъ качествъ, какими подлежащіе предметы, внѣ ли, или внутри чувствующаго субъекта находящіеся, производятъ подлежащія ощущенія, именно въ опредѣленіи того, что, наприм., извѣстный объектъ производитъ въ эстетическомъ вкусѣ ощущеніе восхитительнаго, въ совѣсти — такое или другое ощущеніе добраго, достойнаго, праведнаго,—въ сознаніи—такое или другое ощущеніе такой, или другой являемости предмета въ сознаніи. Однимъ словомъ, въ опредѣленіи практическихъ свойствъ, какими предметы относятся къ нашему чувству, принудительно-обязательное мѣрило истины есть чувство, — и для каждаго отдѣльнаго субъекта его личное чувство, — для цѣлаго общества одинаково культированныхъ людей одинаковое у нихъ обще-субъективное чувство, — для всего человѣчества обще-субъективное, обще-человѣческое чувство. Но такъ-какъ, при разностепенности во всемъ человѣчествѣ разныхъ чувствъ до безусловной тождественности того или другаго чувства у всѣхъ людей добираться трудно, — то, въ такомъ случаѣ, обще-обязательнымъ показаніемъ должно быть признано общепринудительное ощущеніе лучшей, болѣе нормальной и культированной части человѣчества, у которой извѣстныя чувства находятся на высшей степени нормальнаго развитія, что обыкновенно, большею частію, и признается за обще-обяза-

тельное не только въ сферѣ дѣятельности душевнаго внутрянняго чувства, наприм., въ признаніи общеобязательности законовъ и формъ мышленія, высшихъ нормъ или идей истиннаго, добраго и прекраснаго, — но и въ сферѣ чувства внутренняго органическаго, напр., въ признаніи большей питательности животныхъ питательныхъ веществъ сравнительно съ растительными, что лучше чувствуется утонченными желудками, или въ признаніи большей годности для дыханія воздуха чуждаго животныхъ испареній, сравнительно съ воздухомъ нечистымъ, что опять также лучше чувствуется тонкими нервами, — и даже въ сферѣ дѣятельности такъ-называемаго внѣшняго чувства, наприм., въ признаніи видимости предметовъ, слышимости звуковъ, обоняемости запаховъ, которые могутъ быть чувствуемы только изощреннымъ, близкимъ къ нормальному животному, чувствомъ людей наиболѣе близкихъ къ природѣ, — въ признаніи видимости тонкихъ оттѣнковъ въ сочетаніи фигуръ и цвѣтовъ, слышимости тонкихъ качествъ отдѣльныхъ звуковъ и сочетаній ихъ,—въ ощутимости тонкихъ вкусовъ и запаховъ,—въ осязаемости малѣйше замѣтныхъ шероховатостей на наиболѣе гладкихъ поверхностяхъ, какія могутъ быть ощущаемы только утонченными высшею культурою нервами, — въ признаніи видимости предметовъ и слышимости звуковъ, которые видятся и слышатся экзальтированному, особеннымъ образомъ возбужденному чувству сомнамбулъ, вѣщихъ людей, даже иногда и самыхъ обыкновенныхъ здоровыхъ людей въ особомъ настроеніи и напряженіи чувствительности, когда видимое и слышимое такими людьми подтверждается несомнѣнными свидѣтельствами,—наконецъ, въ признаніи видимости предметовъ и слышимости звуковъ, которые ощутительны зрѣнію и слуху только при содѣйствіи усиленныхъ искусственныхъ средствъ съ помощію зрительныхъ и слуховыхъ инструментовъ. И, обратно, если за обще-обязательную истину признается ощущаемое лучшею, болѣе нормальною и образованною частью человѣчества въ области дѣйствій даже внѣшняго чувства,—то самая справедливая аналогія требуетъ признать за обще-обязательную истину и то, что чувствуется лучшею, болѣе нормальною и по-человѣчески образованною частію человѣчества и въ спеціальной сферѣ дѣйствій высшаго душевнаго чувства, въ признаніи свойствъ истиннаго, добраго и прекраснаго, открываемыхъ въ предметахъ высшимъ вкусомъ, совѣстью и сознаніемъ. Принудительная обязательность практическихъ истинъ проистекаетъ изъ сущности ихъ практическаго характера, по которому чувство, не опре-

дѣляя ни того, что такое объектъ, какъ res in se, ни даже того, что такое субъектъ, какъ res in se, опредѣляетъ только *взаимное отношеніе* субъекта и объекта. Одно это *отношеніе между субъектомъ и объектомъ, идею, идеальное Гегель* и считалъ сколько истиннымъ, столько-же и реальнымъ, тогда-какъ *Шеллингъ* утверждалъ, что истинное въ субъектѣ должно быть истинно и въ объектѣ, по абсолютному тожеству обѣихъ этихъ реальностей, субъекта и объекта, во всемъ реальномъ и идеальномъ,—тогда-какъ напротивъ того, *Фихте* утверждалъ, что мы не можемъ знать и не знаемъ никакого объекта, который потому для насъ и не существуетъ, какъ по тому-же самому не существуетъ и объективная теоретическая истина, что потому-то именно для насъ существуетъ только истина практическая, субъективная, такъ-какъ несомнѣнно существуетъ только субъектъ,—Я съ своими аттрибутами; тогда-какъ *Кантъ* училъ, что практическая истина истинна для насъ только въ постулятѣ, въ реальномъ же бытіи она, быть можетъ, и не истинна, такъ-какъ и можетъ быть повѣрена чувственнымъ (разумѣется—низшимъ) опытомъ,—истинна же только теоретическая истина, не субъективная и тѣмъ болѣе не объективная, но представляющая химическое соединеніе непремѣнно двухъ факторовъ: чувственныхъ воспріятій и прирожденныхъ разсудочныхъ формъ мышленія; тогда-какъ позитивисты, очевидно, гонятся за объективною истиною, хотя и своеобразно понимаютъ ее, считая всякую настоящую истину продуктомъ здраваго опыта и признавая философскимъ излишествомъ допытываться, почему, на какомъ метафизическомъ основаніи объективная опытная истина признается за такую истину. Въ этомъ, какъ показываетъ предшествующій анализъ, позитивисты, очевидно, сильно заблуждаются: опытное чувственное далеко не всегда истинно.

Итакъ возможна ли объективная истина?:—Вопросъ этотъ выяснится когда выяснимъ себѣ другой вопросъ: въ чемъ заключается *существенное отличіе объективной истины отъ субъективной*,—разница, существующая въ фактѣ, а не основанная только на игрѣ школьныхъ понятій и терминовъ? Мы стоимъ на томъ, что *достижимая для человѣка объективная истина есть также субъективная истина*, только болѣе или менѣе обще-субъективная,—что она измѣряется и принимается за истину *тѣмъ-же послѣднимъ мѣриломъ,—внутреннимъ нашимъ душевнымъ чувствомъ истины*, какъ и субъективная истина, съ тою только разницею, что къ субъективнымъ истинамъ это мѣрило прилагается болѣе непосредственно, а къ объективнымъ, и то не всѣмъ, а только

нѣкоторымъ, болѣе посредственно, — что истины изъ области такъ-называемаго *теоретическаго разума*, въ концѣ концевъ, суть истины изъ области *разума практическаго*,—что основательное, правильное отношеніе извѣстнаго предиката къ объекту, требуемое объективною истиною, есть, въ концѣ концевъ, отношеніе того же предиката къ дѣйствованію объекта на субъектъ, иначе сказать, — къ чувству субъекта, при чемъ истина теряетъ искомый теоретическій и пріобрѣтаетъ чисто практическій характеръ. Если же получаетъ она и теоретическій характеръ, то не иначе, какъ въ практическомъ, въ ближайшемъ, возможно непосредственномъ отношеніи предмета къ чувству субъекта, — что *помимо этого чисто-субъективнаго ощущенія возможно-непосредственнаго отношенія субъекта къ объекту нѣтъ другой истины*, какъ доказали *Фихте* и *Гегель*,—или лучше, *истая, существенная истина чувствуется всегда впереди, но въ настоящемъ состояніи человѣка она недостижима*, какъ училъ *Платонъ* и какъ учитъ Божественное Откровеніе. Представимъ позитивныя доказательства тому, что именно всякая объективная истина, въ концѣ концовъ, есть субъективная, и, наоборотъ, обще-субъективная истина есть объективная, что, однимъ словомъ,—*безусловно непререкаемое и единственное мѣрило истины есть чувство человѣка*, но чувство не внѣшнее, а именно внутреннее, котораго само внѣшнее чувство составляетъ, какъ доказано, только внѣшнюю, а вовсе не коренную, центральную часть. Такъ 1) изъ отраслей спеціальнаго душевнаго чувства, эстетическій вкусъ говоритъ, что весеннее утро прекрасно,—совѣсть говоритъ, что актъ спасенія утопающаго стороннимъ человѣкомъ, съ рискомъ для собственной жизни, есть поступокъ хорошій. Въ этихъ показаніяхъ мое чувство свидѣтельствуетъ о собственныхъ благопріятныхъ, удовлетворяющихъ его состояніяхъ; — эти показанія для моего сознанія суть, конечно, истины субъективныя, но, въ тоже время и по тому же самому, и объективныя, такъ-какъ я самъ не могу, въ данную минуту, сознавать эти предметы такими и не такими. Эти-же самыя показанія, сдѣланныя чувствами другаго, третьяго и четвертаго человѣка, становятся истинами обще-субъективными, а въ тоже время, въ-силу того же признанія, и непререкаемо объективными,—конечно, объективными только въ томъ, а не иномъ смыслѣ, что данный предметъ имѣетъ свойство, въ данныхъ тожественныхъ обстоятельствахъ, производить возможно-тожественное ощущеніе на обще-человѣческое чувство. 2) Объ отношеніи *чувства внутренняго*

органическаго къ признанію истины, по возможности, обще-субъективной объективною должно сказать тоже, что сказано о чувствѣ спеціально душевномъ. 3) Переходя къ анализу *внѣшняго, чувства его отношеній къ другимъ чувствамъ и, частнѣе, къ анализу тѣхъ случаевъ, когда субъективная истина не признается объективною*, здѣсь усматриваемъ мы три рода случайностей: А) когда свидѣтельство одного чувства повѣряется и поправляется тѣмъ же самымъ чувствомъ, тщательнѣе, непосредственнѣе приложеннымъ къ объекту,—Б) когда свидѣтельство одного чувства повѣряется свидѣтельствомъ другаго чувства, также непосредственнѣе приложеннаго къ объекту,—В) наконецъ, когда свидѣтельство чувства одного субъекта повѣряется свидѣтельствомъ чувствъ другихъ субъектовъ. Такъ, *въ первомъ родѣ случаевъ, при повѣркѣ одного чувства болѣе тщательнымъ непосредственнымъ приложеніемъ тогоже самаго чувства*, прикладывая, напр., обоняніе къ розѣ, я получаю ощущеніеизвѣстнаго запаха; завтра, послѣ-завтра—тоже, но на четвертый день получаю ощущеніе отсутствія этого запаха, положимъ—отъ разстройства обонянія, на пятый—присутствіе запаха и т. д.;—изъ многихъ случаевъ узнаю, что отсутствіе извѣстнаго запаха въ розѣ есть мое фальшивое, или не точное, не здоровое ощущеніе, откуда получаю субъективное убѣжденіе въ свойствѣ розы производить извѣстное ощущеніе на мое нормально-дѣйствующее чувство,—а отсюда принудительно получаю вѣру и въ объективную принадлежность розѣ этого свойства. Подобнымъ-же образомъ сами собою повѣряются ощущенія и чувствъ вкуса, осязанія, слуха и зрѣнія. Но почему подвергается преимущественному сомнѣнію объективность свойствъ, открываемыхъ именно чувствами слуха и зрѣнія?—Прежде всего, по болѣе тщательному, всестороннѣе приложенному къ объектамъ, ощущенію тѣхъ же чувствъ. Такъ, напримѣръ, слухъ говоритъ, что дрожащій отъ ударовъ колокольчикъ звенитъ; но слухъ-же свидѣтельствуетъ, что тотъ же колокольчикъ, поставленный подъ воздушный колоколъ, или поднятый на аэростатѣ въ разрѣженную атмосферу, дрожа отъ ударовъ по-прежнему, перестаетъ звучать, потому-что ухо не воспринимаетъ его дрожанія въ волнахъ дрожащаго воздуха. Отсюда заключеніе, что колокольчикъ, звуча, дрожитъ, но не всегда, дрожа, звучитъ... Зрѣніе говоритъ, что извѣстное дерево зелено; но тоже зрѣніе говоритъ, что въ пасмурный день дерево выглядываетъ тусклѣе, при ночномъ свѣтѣ кажется такимъ, при ночномъ лунномъ другимъ, а при освѣщеніи темноты огненными свѣ-

тильниками еще иным, въ высшихъ же слояхъ атмосферы, гдѣ исчезаетъ солнечный свѣтъ, тускнѣетъ еще особымъ образомъ, — откуда проистекаетъ субъективное убѣжденіе въ томъ, что первичный источникъ цвѣта заключается не въ немъ самомъ, не въ деревѣ, а въ томъ или другомъ самосвѣтящемъ тѣлѣ, свѣтъ котораго извѣстнымъ образомъ въ деревѣ преломленъ, разложенъ и отраженъ. *Во второмъ родѣ случаевъ, при повѣркѣ одного чувства другимъ*, не касаясь слишкомъ извѣстныхъ обыденныхъ обмановъ чувствъ, повѣряемыхъ одно другимъ, — болѣе общія явленія, напр., то, что въ ощущеніяхъ слуховыхъ принадлежность звучащимъ предметамъ, напр., струнѣ, собственно движенія, а не самаго звука, повѣряется чувствомъ зрѣнія, — что точно также чувствомъ зрѣнія исправляются не точныя показанія чувства осязанія, наприм., въ вопросѣ о гладкости, или шероховатости предметовъ, даже о бытіи предметовъ, наприм., инфузорій, — что, въ свою очередь, осязаніе, кромѣ безчисленнаго множества обыденныхъ случаевъ, помогаетъ зрѣнію въ безчисленныхъ тоже случаяхъ миражей, въ опредѣленіи плотности предметовъ и даже бытія ихъ, напр., въ случаяхъ галлюцинацій, — всѣ эти явленія показываютъ, что, въ безчисленныхъ случаяхъ, одно и тоже объективное явленіе, подлежа ощущенію разныхъ чувствъ, къ одному изъ чувствъ можетъ быть приложено непосредственнѣе, чѣмъ къ другому, при чемъ наше внутреннѣйшее чувство истины склоняется болѣе вѣрить чувству, болѣе непосредственному, чѣмъ менѣе близкому къ предмету, напримѣръ, въ явленіяхъ миражей вѣритъ больше чувству осязанія, а въ явленіяхъ микроскопическаго міра, напротивъ того, болѣе чувству зрѣнія. *Третій родъ случаевъ, при повѣркѣ свидѣтельства чувствъ одного человѣка свидѣтельствомъ чувствъ другихъ людей*, когда первый перестаетъ считать свое субъективное убѣжденіе за объективное, на-основаніи субъективныхъ-же убѣжденій другихъ людей, слишкомъ извѣстенъ. Но слѣдуетъ замѣтить, при этомъ, что и здѣсь человѣкъ перестаетъ считать свое субъективное убѣжденіе за объективное не иначе, какъ увѣрившись собственнымъ-же чувствомъ, посравненію условій правильнаго его дѣйствованія съ даннымъ случаемъ, въ ненормальности его дѣйствованія въ этомъ случаѣ, т. е. опять-же путемъ субъективнымъ. Если же въ субъективныхъ состояніяхъ собственнаго чувства онъ не находитъ никакого основанія для признанія извѣстныхъ свойствъ въ предметѣ, то эти свойства навсегда останутся недоступны его сознанію. Такъ человѣкъ ослѣпшій вѣритъ отно-

сительно видимости предметовъ не своему ощущенію, но ощущенію зрячихъ людей, потому-что собственное зрѣніе, нѣкогда здоровое, теперь у него уже не дѣйствуетъ; но люди слѣпые, глухонѣмые, отъ рожденія лишенные обонянія, безсильны даже при усиліяхъ сознанія исправить свое убѣжденіе относительно свойствъ предметовъ, которыя ихъ собственному ощущенію никогда не были доступны. Тѣже три случая повѣрки чувствъ, чрезъ болѣе тщательное непосредственное приложеніе одного чувства другимъ, чрезъ повѣрку чувствъ одного человѣка чувствами другихъ людей, имѣютъ мѣсто въ дѣятельности чувствъ не только внѣшняго, но и внутренняго, внутренняго не только физіологическаго, но и душевнаго. При этомъ скептическій умъ, на всемъ пространствѣ исторіи человѣческаго развитія, обнаруживалъ слабость повѣрять высшія чувства низшими. Ошибка капитальная, указывающая нужду предосторожностей, чтобы относительно высшихъ чувствъ строгій смыслъ поступалъ съ справедливостію аналогичною отношеніямъ его къ чувствамъ низшимъ: именно а) чтобы болѣе тщательное и непросредственное приложеніе одного и тогоже душевнаго чувства было именно такимъ, именно болѣе тщательнымъ и болѣе непосредственнымъ, имѣя въ-виду аналогію, что, напр., глазъ не будетъ непосредственнѣе приложенъ къ подлежащему предмету, если предметъ далѣе извѣстной линіи будетъ придвинутъ къ глазу, или удаленъ,—затемненъ, или фальшиво освѣщенъ, или-же отцвѣченъ; такъ и душевное чувство можетъ быть фальшиво направлено, поставлено и освѣщено; б) чтобы одно чувство повѣрялось другимъ относительно свойствъ, которыя подлежатъ этому послѣднему и подлежатъ болѣе, чѣмъ первому, имѣя въ-виду аналогію, что, напр., слухомъ нельзя опредѣлять питательность извѣстнаго предмета, или изящество картины; точно также несправедливо повѣрять предметы и свойства, подлежащіе душевному чувству, чувствомъ внѣшнимъ; — в) чтобы чувства одного человѣка повѣрялись чувствами другихъ людей нормальнѣе развитыхъ и культированныхъ,— имѣя въ-виду аналогію, что тонкія свойства предметовъ не существуютъ даже для внѣшнихъ чувствъ загрубѣлыхъ людей, наприм., извѣстныя сочетанія цвѣтовъ, формъ и звуковъ, извѣстные тонкіе вкусы и запахи, извѣстная нѣжность поверхностей, объективное существованіе которыхъ, однакожъ, невозможно отрицать; точно также возвышеннѣйшія и тончайшія душенныя ощущенія не всегда бываютъ доступны чувствамъ людей дикихъ, огрубѣлыхъ, оземленившихся, погрязшихъ въ грубой чувственности... Во всякомъ случаѣ ясно,

*

что *признаніе истины за объективную основывается на субъективномъ признаніи того, что извѣстному предмету принадлежитъ свойство, въ извѣстныхъ условіяхъ, извѣстнымъ образомъ дѣйствовать на чувство субъекта,—на субъективномъ признаніи извѣстнаго отношенія объекта къ субъекту; всякое признаніе чего-либо за истину есть извѣстное чувствованіе или, что тоже, извѣстное состояніе моего Я, принудительно дѣйствующее на мое убѣжденіе; усвоеніе извѣстнаго предиката объекту есть не иное что, какъ усвоеніе тогоже предиката чувствующему субъекту.* Напримѣръ, ощущеніе и, вслѣдствіе того, усвоеніе извѣстнаго состоянія блѣднаго свѣта самому дальнему изъ туманныхъ пятенъ есть ощущеніе извѣстнаго состоянія зрительныхъ нервовъ въ глазу, чувствующихъ нервовъ въ мозгу, воспринимающей силы въ сознаніи. Но не умѣстно ли здѣсь различеніе, что объектъ есть дѣятельная, а субъектъ пассивная причина извѣстнаго ощущенія? Нѣтъ, и то излишне, такъ-какъ всякое, самое грубое, ощущеніе есть продуктъ смѣшенія двухъ факторовъ, извѣстныхъ свойствъ объекта и субъекта. Какъ извѣстное ощущеніе обонянія, или вкуса, съ одной стороны, есть продуктъ смѣси изъ частицъ и свойствъ объекта, а съ другой—,извѣстныхъ соковъ и свойствъ чувствующихъ нервовъ въ субъектѣ, такъ и ощущеніе зрѣнія есть продуктъ смѣси изъ дрожанія свѣтовой волны и аналогичнаго дрожанія зрительнаго нерва, — и ощущеніе слуха есть смѣсь изъ дрожанія звучащей воздушной волны и аналогичнаго дрожанія слуховаго нерва, — ощущеніе осязанія есть продуктъ взаимнаго дрожательнаго задѣванія осязательныхъ нервныхъ сосковъ и выпуклостей матеріальныхъ поверхностей,—равно-какъ и всѣ прочія ощущенія. Однимъ словомъ, *всѣ свойства объектовъ суть состоянія субъекта; во всѣхъ, производимыхъ объектами, ощущеніяхъ, субъектъ чувствуетъ самаго себя.* Въ абсолютномъ, широкомъ смыслѣ, *безъ чувствующаго субъекта нѣтъ въ объектѣ никакихъ свойствъ,* безъ зрительнаго нерва, нѣтъ ни цвѣтовъ, ни свѣта, безъ слуховаго нерва нѣтъ звуковъ, безъ осязательныхъ нервовъ нѣтъ ни твердаго, ни жидкаго, ни газообразнаго, нѣтъ ни гладкаго, ни шероховатаго, — нѣтъ ни теплаго, ни холоднаго; безъ нервовъ обонянія и вкуса нѣтъ ни вкусовъ, ни запаховъ; безъ внутреннихъ органическихъ чувствъ нѣтъ подлежащихъ имъ свойствъ въ предметахъ; безъ чувствъ душевныхъ, безъ сознанія ограниченнаго ли то, или абсолютнаго нѣтъ ни цѣли, ни гармоніи, ни смысла ея вселенной. Если бы было поспѣшностью здѣсь сказать, что безъ разума нѣтъ бытія, то совершенно умѣстно и спра-

ведливо сказать, какъ говорили древніе греки, какъ учили отцы Церкви, что безъ νοῦς-а, безъ λόγος-а, нѣтъ κόσμος-а. Какъ душа есть душа человѣческаго тѣла, такъ человѣкъ, разумное существо, есть, въ извѣстномъ относительномъ смыслѣ, душа міра и міръ есть тѣло человѣка, тѣсно органически связанная съ нимъ его оболочка. Какъ всякій предметъ природы есть продуктъ взаимодѣйствія всѣхъ силъ природы, — такъ еще тѣмъ болѣе человѣкъ: *человѣкъ есть центральный фокусъ отраженія всѣхъ силъ природы.* Какъ самосознаніе нашего *Я* есть центральный фокусъ всѣхъ чувствъ, всѣхъ измѣненій сознанія, такъ и человѣческое разумное сознаніе—есть самоощущеніе міра. *Я* есть центральный фокусъ всего отражающагося въ центральномъ чувствующемъ мозгу; мозгъ есть центральный фокусъ всего отражающагося въ цѣлой системѣ нервовъ, распространенной отъ центральной оси до поверхности человѣческаго тѣла. Система нервовъ, распространенныхъ по поверхности человѣческаго тѣла, есть центральное чувствилище всей жизненности, разлитой на поверхности земнаго шара, до крайнихъ слоевъ земной атмосферы. Между шаро-и-стекловидною атмосферою и человѣческимъ глазомъ есть близкая аналогія: какъ въ томъ, такъ и въ другой лучи свѣта, чтобы быть видимыми, должны преломиться и отразиться; — какъ безъ глаза, такъ и безъ атмосферы нѣтъ свѣта, и свѣтъ мы чувствуемъ сперва чрезъ посредство атмосферы, а потомъ чрезъ посредство глаза. Далѣе шаровидная поверхность земнаго шара есть центральное чувствилище всѣхъ жизненныхъ вліяній, какія только вмѣстѣ съ свѣтомъ доходятъ до земли, отъ самыхъ крайнихъ туманныхъ пятенъ; проведенная нами по отдаленнѣйшимъ видимымъ туманнымъ пятнамъ сфера есть центральное чувствилище всѣхъ матеріальныхъ жизненныхъ вліяній, разлитыхъ въ міровой безграничности. Однимъ словомъ, *мое Я есть центральный фокусъ міросозерцанія: Я созерцаю міръ въ самомъ себѣ.* Все это и сознавалось философами искони. Въ личномъ человѣческомъ *Я* видѣли центральный фокусъ міросозерцанія, высшее отображеніе всѣхъ силъ природы, микрокосмъ, совершеннѣйшій образъ абсолютнаго, всѣ великіе мыслители, отъ *Платона* и до *Фихте*, *Шеллинга и Гегеля*, что, въ извѣстномъ смыслѣ, не противно и Божественному Откровенію.

ГЛАВА VIII.

Какими же, спрашивается, *пріемами и способами человѣкъ строитъ свое неподвижное міросозерцаніе, среди абсолютной движимости во вселенной?* Какъ онъ устанавливаетъ неподвижность умственнаго міра, среди подвижности міра объективнаго и, въ то же время, достигаетъ, если только достигаетъ, сходства одного съ другимъ? И ни, несмотря на принудительное влеченіе его чувства *вѣрить въ совпаденіе субъективнаго убѣжденія съ объективнымъ бытіемъ, умъ человѣческій находится въ безвыходномъ самообольщеніи и объективная истина ему абсолютно недоступна?* Нѣтъ, объективная истина доступна. Но, чтобы яснѣе представить это, употребимъ здѣсь сравненіе, хотя несовсѣмъ эстетическое, но не негодное къ объясненію кое-чего. Побуждаемый влеченіемъ своей природы, паукъ концентрическими кругами растягиваетъ, извнутри себя самого, свою паутину, для ловли мухъ, и, поймавъ муху, съѣдаетъ ее не всю, по тому, что не можетъ и не хочетъ, такъ-какъ не нуждается въ этомъ, а высасываетъ изъ нея только самую суть, нужную для поддержанія его собственной жизни. Побуждаемый внутренними потребностями своей природы, человѣкъ отъ своего *Я*, какъ неподвижнаго центра, извнутри самаго себя, во всѣ стороны, въ безпредѣльную даль пространства и времени, безконечности и вѣчности, протягиваетъ, для ловли истины, умственныя нити, которыя, на-основаніи прирожденныхъ его уму законовъ и формъ мышленія, онъ тчетъ изъ основныхъ категорій разсудка. Въ эту безпредѣльную, всестороннюю, умственную сѣть несутся искомые предметы, безконечною вереницею. Это безпрерывный рядъ впечатлѣній человѣческаго чувства, получаемыхъ отъ міра какъ внѣшняго, такъ и внутренняго, эмпирическаго — органическаго и душевнаго. И нами выше раскрыто, и въ философіи принято, что въ эмпирическомъ мірѣ все течетъ и движется, все бѣжитъ и исчезаетъ. Эмпирическій міръ — это необозримое множество вещей и явленій, ощущеній и воспріятій, ежеминутно происходящихъ, непрестанно измѣняющихся и то исчезающихъ, то убѣгающихъ отъ нашего чувства, чтобы снова и въ новомъ видѣ поразить его въ другое время. Уловить міръ въ его бѣгѣ, въ его измѣнчивости, въ его неуловимомъ разнообразіи, умъ не можетъ. А чтобы въ непрестанной текучести

предметовъ схватить и удержать въ сознаніи хоть что-либо, умъ долженъ поступать такъ, какъ поступаетъ живописецъ, т е. долженъ брать каждый предметъ, или его свойство 1) въ то самое *мгновеніе*, когда усмотрѣнъ объектъ, потому-что въ другое мгновеніе чувству пришлось бы найти его инымъ, — 2) въ томъ самомъ *мѣстѣ*, гдѣ усмотрѣнъ объектъ, потому-что въ другомъ мѣстѣ чувство нашло бы его въ другихъ отношеніяхъ и съ измѣнившимися въ цѣломъ признаками, — и 3) въ томъ самомъ *образѣ*, въ какомъ усмотрѣнъ объектъ, потому-что объектъ, измѣнившій свою форму, въ-отношеніи къ чувству, есть уже иной объектъ. Такимъ образомъ, уже въ этомъ первичномъ актѣ умственной обработки, выхваченный изъ эмпирическаго міра объектъ является уже инымъ, чѣмъ былъ въ объективномъ бытіи,—является какъ бы мухою безъ свободы и движенія, со спутанными умственною паутиною разсудочныхъ категорій крыльями, начинаетъ подвергаться разсудочной абстракціи, — начинаетъ умирать, переставая быть живымъ. Разсудочная абстракція живыхъ недѣлимыхъ объектовъ есть отвлеченіе жизни. И тѣмъ болѣе объекты удаляются отъ жизни, отъ живыхъ, въ эмпирическомъ мірѣ являющихся, индивидуальныхъ типовъ, чѣмъ болѣе обобщаются въ мышленіи. Но въ разсудочной обработкѣ понятій, построеніе даже наиболѣе конкрентнаго, наиболѣе индивидуальнаго понятія, есть уже абстракція, исключеніе изъ умопредставляемаго объекта безчисленнаго количества свойствъ и принадлежностей эмпирическаго объекта. Возьмемъ наиболѣе конкрентное понятіе—опредѣленнаго человѣка, напр., *Зефирова*. Это понятіе есть уже обобщенная схема, такъ-какъ въ немъ, — будь оно основано даже на самомъ близкомъ знакомствѣ съ предметомъ и обнимай собою даже наиболѣе полное и всестороннее содержаніе предметныхъ признаковъ, — во всякомъ случаѣ, будутъ только нѣкоторые, хотя и весьма многіе, признаки предмета, но не всѣ. А что они будутъ не всѣ—это произойдетъ отъ того, что 1) ограниченный человѣческій умъ абсолютно безсиленъ обнять всѣ признаки индивидуума, такъ-какъ это доступно только уму абсолютному, потому-что количество признаковъ во всякомъ индивидуальномъ предметѣ безпредѣльно, и постигнуть Зефирова во всѣхъ его признакахъ—это значило бы не только проникнуть умственнымъ зрѣніемъ каждый атомъ его тѣлеснаго состава и каждый изгибъ его души, но схватить всевѣдѣніемъ всѣ измѣненія составляющихъ его элементовъ, на пространствѣ цѣлой вѣчности, —

отъ того далѣе, что 2) человѣческій умъ, не имѣя силы, по ограниченности своей, и не хочетъ, не чувствуетъ нужды обнимать индивидуальный предметъ, абсолютно во всѣхъ его проявленіяхъ, — напримѣръ, относительно даннаго индивидуальнаго предмета не чувствуетъ потребности изучать этого человѣка, Зефирова, въ каждомъ атомѣ, въ каждой чертѣ его существа, напримѣръ, въ составѣ только-что выдохнутаго имъ воздуха, который секунду тому назадъ вращался въ крови его, принадлежалъ къ его существу, но силится узнать въ немъ только *существенное*. Это существенное въ индивидуальномъ предметѣ будетъ не общее только, хотя общее, видовое и родовое, въ-отношеніи къ индивидууму, непремѣнно будетъ и существеннымъ, но и частное, характерное, отличающее именно этотъ предметъ, напр., этого Зефирова, отъ всѣхъ другихъ однородныхъ предметовъ, — хотя самыя частности его непремѣнно должны быть больше или меньше обобщены, скомпонированы въ одинъ опредѣленный характерный образъ, напр., извѣстныя болѣе выдающіяся черты лица, звукъ голоса, складъ ума и характера и т. п. Такимъ образомъ,—въ строеніи одного этого понятія мы исключили уже безчисленное множество частнѣйшихъ жизненныхъ признаковъ объекта, какъ для насъ необъятное и непосредственно-ненужное, а оставили въ понятіи только опредѣленное количество признаковъ обобщенныхъ, общихъ и частныхъ, — только *существенное*. Здѣсь само собою очевидно, какъ выше было замѣчено, что это понятіе, какъ и всѣ самыя конкрентныя и недѣлимыя понятія, не адекватно предмету, какъ субъективная абстракція. Но чѣмъ выше обобщеніе предметовъ, тѣмъ опустошительнѣе должна быть абстракція. Въ понятіи — Зефировъ, объемъ понятія заключается въ одномъ индивидуумѣ, а содержаніе признаковъ огромно; въ понятіи видовомъ — студентъ XV (по счету, отъ начала Академіи) курса Казанской Духовной Академіи—объемъ понятія 20-ть индивидуумовъ, а содержаніе общихъ признаковъ будетъ уже меньше; въ понятіи — студентъ Казанской Духовной Академіи — объемъ дойдетъ до нѣсколькихъ сотъ индивидуумовъ, а содержаніе общихъ признаковъ еще сократится; въ понятіи—студентъ—обратно-пропорціональная разность между объемомъ и содержаніемъ раздвинется еще больше; въ понятіи—образованный молодой человѣкъ, затѣмъ,—молодой человѣкъ—еще больше; въ понятіи,—человѣкъ, объемъ будетъ состоять изъ билліоновъ единицъ, а количество признаковъ, еще весьма великое, еще болѣе сократится; въ

понятіяхъ — органическое существо, земное существо, матеріальное существо, реальное существо, а не идеальное, объемъ будетъ разширяться до неисчислимости, а содержаніе будетъ стѣсняться до крайней ограниченности, такъ-какъ, напр., понятіе—существо реальное, а не идеальное, въ объемѣ будетъ содержать всю безчисленность существъ реальныхъ, а въ содержаніи только — существующій реально, а не идеально, и только,—больше этихъ трехъ, или двухъ признаковъ, или даже одного поло-жительнаго признака: существа реальнаго, найти здѣсь ничего нельзя, значитъ, понятіе не даетъ о своемъ предметѣ почти никакого понятія, не приписываетъ объекту никакого предиката, а развѣ только повторяетъ въ опредѣляющемъ предикатѣ значеніе самаго подлежащаго, самаго объекта. А самое высшее общее понятіе *бытія*, бытія, ни реальнаго, ни идеальнаго, при абсолютно-безграничномъ объемѣ, не заключаетъ уже ни одного положительнаго признака, или, точнѣе, заключаетъ одинъ только положительный признакъ — *бытіе есть бытіе*,—который уничтожается въ понятіи равнозначущимъ ему отрицательнымъ признакомъ, такъ-какъ *бытіе есть и небытіе*, потому-что и небытіе (въ идеальномъ смыслѣ) есть, въ свою очередь, бытіе.

Вотъ значеніе самой строгой, самой правильной, самой логической разсудочной работы! Вотъ что стоитъ въ концѣ строжайшаго позитивнаго метода, самаго правильнаго восхожденія, по лѣстницѣ индукціи, до высшаго понятія бытія! Тамъ ничтожество, тамъ смерть, тамъ бездна не-бытія и лжи, чисто субъективной фикціи, абсолютнаго отсутствія какой бы то ни было объективности, сходства міросозерцанія полнаго смерти и ничтожества съ міробытіемъ полнымъ жизни и жизней!

Здѣсь-то, въ этой прирожденности естественной лживости самому правильному, строго-логическому, мышленію лежитъ тотъ краеугольный камень претыканія и соблазна, о который претыкались и разбивались въ-прахъ, до абсолютнаго скептицизма, самые крѣпкіе умы, со временъ Аристотеля и даже раньше Аристотеля, до нашихъ дней. Въ самой строгой логикѣ гордаго холоднаго разсудка нѣтъ истины! *Разумъ кичитъ, любы созидаетъ. Богъ любы есть. Не любяй Бога, не позна Бога истины....* Нѣтъ въ такой логикѣ истины не только объективной, но и субъективной, отъ которой въ системѣ *Гегеля* съ отвращеніемъ отвернулись всѣ умы, какъ отъ чего-то сатанински-гордаго и холоднаго, адски-лживаго и пустаго, мертваго и всемертвящаго.... На этомъ камнѣ столкнулись *Аристотель* съ *Платономъ*, средневѣковые номи-

налисты съ реалистами, матеріалисты конца XVIII вѣка съ идеалистами начала XIX вѣка, какъ и нынѣ сталкиваются позитивисты послѣднихъ дней съ метафизиками всѣхъ вѣковъ.

Было бы, конечно, нескромностью, да и поздно, мирить *Аристотеля* съ *Платономъ*, равно-какъ не менѣе безплодною и неумѣстною была бы попытка помирить и номиналистовъ съ реалистами среднихъ вѣковъ. Тѣмъ не менѣе, однакожъ, съ позитивной точки зрѣнія новѣйшей науки, можно усматривать пунктъ соприкосновенія между этими старыми борцами, какъ и новѣйшими продолжателями ихъ борьбы,—пунктъ, которому прежде, по-видимому, не давали достаточнаго значенія, по недостатку естественно-научныхъ данныхъ. Говоря прямѣе, мы намѣрены утверждать здѣсь ни болѣе, ни менѣе, какъ то, что *объекты, соотв пѣствующіе не только индивидуальнымъ, но и общимъ видовымъ и родовымъ понятіямъ, существуютъ реально*, хотя утверждаемъ это и не безъ оговорки: *существуютъ реально, но не въ понятіяхъ отвлекающаго разсудка, а въ идеяхъ созерцающаго въ живомъ цѣломъ разума.* Извѣстно, что, не-смотря на усилія не только позднѣйшихъ историковъ философіи, но и самого *Аристотеля*, представить его систему, особенно въ ученіи объ идеяхъ, какою-то противоположностью системѣ *Платона*, та и другая системы, въ существенныхъ положеніяхъ міросозерцанія, даже относительно значенія идей въ міросозерцаніи, совершенно сходны. 1) у Аристотеля матерія — нѣчто совершенно безкачественное, неопредѣленное, безразличное, субстратъ измѣненія, въ возможности все, въ дѣйствительности—ничто, нѣчто противоположное формѣ (идеѣ); и у Платона тоже; 2) у Аристотеля форма (εἶδος) есть то, что дѣлаетъ матерію различнымъ, опредѣленнымъ, качественнымъ, дѣйствительнымъ, сила, дѣятельность, душа вещи, источникъ движенія и образованія; у Платона тоже — идея (εἶδος); 3) у Аристотеля — лѣстница восхожденія формъ, такъ-что низшая форма бываетъ матеріею формы высшей, а высшая формою формы (εἶδος εἴδους); — у Платона такая же лѣстница идей; 4) у Аристотеля—послѣдняя высшая форма формъ, первое движущее, источникъ всякой дѣйствительности, отрицаніе всякой безкачественной матеріальности и матеріальной безкачественности, высшій абсолютный разумъ, безусловная истина — Богъ;—у Платона тоже идея идей, разумъ, высшее благо, Богъ. Отсюда ясно, что самыя идеи въ системахъ обоихъ философовъ, въ послѣднихъ выводахъ, имѣютъ одинаковое значеніе. Тѣмъ не менѣе, въ гносеологическихъ основаніяхъ

своихъ, эти системы различны. По крайней мѣрѣ, *Аристотель* усиливался отвергать гносеологическія основанія *Платоновой* системы, — ученіе именно объ идеяхъ. У *Платона*, идеи суть реальныя сущности, отражающіяся въ вѣчно текучемъ матеріальномъ бытіи, но не измѣняемыя имъ, вѣчно себѣ равныя; при этомъ Платонъ доказывалъ бытіе особой, отличной отъ чувственнаго измѣнчиваго бытія, идеи не только для всякаго рода, или вида существъ, но и для каждаго индивидуума. *Аристотель* же утверждалъ реальное бытіе чувственныхъ вещей, а Платоновы идеи считалъ общими понятіями, — «увѣковѣченными вещами», которыя не существуютъ. За Аристотелемъ и позднѣйшіе изслѣдователи утверждали, какъ и утверждаютъ, что Платоновы идеи суть тѣ же общія понятія, которыя, при реальномъ существованіи одиночныхъ вещей, реальнаго существованія не имѣютъ, за что такъ долго и упорно ратовали средневѣковые номиналисты,— за что, какъ за наиболѣе очевидную истину, находятъ даже уже излишнимъ ратовать новѣйшіе реалисты, считая всякую погоню человѣческаго ума за идеальнымъ, за истинно сущимъ, за сущностями, абсолютно—безплодною. Тѣмъ не менѣе, однакожъ, мы утверждаемъ, что 1) *Платонова идея, въ реальномъ фактѣ, и отдѣльна, и отлична отъ понятія*, — 2) что *всякій предметъ, не-только общій видъ, или родъ предметовъ, но даже индивидуумъ, имѣетъ свою идею*, и 3) что *идеи какъ индивидуумовъ, такъ и видовъ и родовъ, имѣютъ гораздо болѣе объективнаго реальнаго значенія, чѣмъ общія и вообще всякія, какъ общія, такъ и индивидуальныя, понятія.*

Выше уже поставленъ въ-ясность признанный психологическій гносеологическій фактъ, что всякое, самое конкрентное, самое индивидуальное понятіе есть уже болѣе или менѣе обобщенное понятіе, — что оно заключаетъ въ себѣ только нѣкоторые, хотя часто и весьма многіе признаки индивидуальнаго предмета — что быть абсолютно-полнымъ, равнымъ предмету оно абсолютно не можетъ,— что оно не адекватно предмету, и, значитъ, не объективно. Въ тоже время, въ фактѣ мышленія о томъ же предметѣ, наприм., объ этомъ человѣкѣ, Зефировѣ, мы, кромѣ разсудочнаго понятія, имѣемъ другое представленіе, которое отлично отъ понятія и всегда впереди его,— представленіе, съ которымъ мы сравниваемъ наше понятіе и находимъ, что понятіе не достигло до цѣльной полноты этого предшествующаго представленія, — къ которому наше понятіе мы силимся приблизить больше и больше, но, въ каждый моментъ такого прибли-

женія, видимъ, что понятіе, хотя дѣлается полнѣе и полнѣе, ближе и ближе къ объективности, однакожъ также далеко отстоитъ отъ того представленія, какъ и при началѣ своего къ нему приближенія. *Это-то представленіе и есть идея, сущность абсолютно адекватная объекту, абсолютно-объективная.* Этотъ психологическій фактъ еще яснѣе обозначается въ сопоставленіи общаго видоваго или родоваго понятія съ идеею вида, или рода. Извѣстно, что разсудочное логическое понятіе вида, или рода извѣстныхъ предметовъ, включая въ свое содержаніе только общее, должно исключать изъ себя всѣ частные признаки этихъ объектовъ. Такъ, наприм., въ общее родовое понятіе—*человѣкъ* входятъ немногіе родовые признаки, отличающіе этотъ предметъ отъ однородныхъ, соподчиненныхъ высшему родовому понятію, предметовъ: *разумное, животное, извѣстнаго органическаго строенія*; но не могутъ войти въ это понятіе признаки частные, наприм., цвѣтъ кожи, или волосъ, даже самые волоса на головѣ по тому, что человѣкъ бываетъ и лысъ и т. д. Такое понятіе, какъ абстракція отъ жизни, существуетъ только въ логическомъ построеніи мышленія, но не въ реальной дѣйствительности, и, значитъ, какъ такое, оно не адекватно предмету, не объективно. Таковъ уже всеобщій законъ міробытія, что всякое отраженіе должно быть слабѣе, блѣднѣе отражаемаго предмета: мышленіе, какъ отраженіе міробытія, должно быть блѣднѣе дѣйствительности, а слово, составляющее отраженіе мышленія, блѣднѣе и мертвѣе самаго мышленія. Отсюда-то и проистекаетъ та печальная неизбѣжность, что совокупность словъ человѣческаго языка не можетъ быть адекватна своему первообразу, совокупности логическихъ понятій, а совокупность логическихъ понятій, въ свою очередь, безсильна быть адекватною своему первообразу, системѣ міробытія. Такимъ-то образомъ и по этому именно, словесное опредѣленіе человѣка, какъ выраженіе общаго понятія: *человѣкъ, разумное животное извѣстнаго органическаго строенія*, есть не болѣе, какъ скудное отраженіе понятія, показывающее скорѣе, что такое человѣкъ не есть, т. е. его отрицательную сторону, чѣмъ положительную, т. е. что онъ такое есть, какъ и принято въ логикѣ и метафизикѣ признавать, что *всякое опредѣленіе есть отрицаніе*; а понятіе въ умѣ, въ мысли есть крайне блѣдное и скудное отраженіе предмета въ дѣйствительности. Точнѣе же нужно сказать, что точно соотвѣтствующій этому понятію живой предметъ въ дѣйствительности не существуетъ, даже болѣе,—*живое представленіе такого отвлечен-*

наго общаго предмета въ психическомъ фактѣ невозможно. Въ фактѣ
динственно возможно только конкретированное представленіе вся-
аго самаго отвлеченнаго, наиболѣе общаго понятія. Возьмемъ тоже
понятіе—*человѣкъ*. Человѣка я вынуждаюсь представлять съ головою,
огами, руками и т. д. и притомъ съ извѣстнаго рода головою, руками,
огами;—могу также представить его и безъ головы, и безъ рукъ, и
безъ ногъ, но опять не иначе какъ въ конкретированномъ очертаніи
не другаго какого-нибудь предмета, а именно человѣка. Возьмемъ
овсѣмъ абстрактное понятіе: *слышимость*. Это понятіе я опять вынуж-
даюсь представлять въ видѣ ли то какого-либо конкретнаго предмета
вучащаго, прикладываемаго конкретнымъ образомъ къ извѣстному
конкретному уху, или въ видѣ конкретной литеральности этого слова,
отраженія его въ извѣстной формѣ буквъ, или иначе какъ-нибудь,—
но непремѣнно подъ конкретною формою. Самыя высшія абстракт-
ныя понятія: *бытіе и небытіе* мы представляемъ опять-таки не ина-
ше, какъ подъ дѣйствительно существующею какою-либо конкретною
формою, наприм., цѣлаго міра, или мрачной пустоты опредѣленныхъ
очертаній. Въ тоже время, въ каждый моментъ мышленія объ извѣст-
номъ видѣ или родѣ объектовъ, мы сравниваемъ какъ самое логи-
ческое понятіе объ объектѣ, такъ и это образное фантастическое
представленіе понятія или объекта съ другимъ, присущимъ нашей
душѣ, *внутреннѣйшимъ представленіемъ объекта*, и усматриваемъ,
что и то, и другое,—и логическое понятіе, и образное представленіе
объекта,—безконечно далеко отстоятъ отъ этого послѣдняго внутрен-
нѣйшаго представленія. *Оно-то и есть платоновская идея, сущ-
ность вида, или рода.* И эта идея, сущность рода, или вида, адек-
ватна объекту, объективна, тогда-какъ общее логическое понятіе,
какъ мертвая абстракція, не объективно, не адекватно объекту,
и тѣмъ менѣе адекватно объективности, чѣмъ абстрактнѣе. Этого
мало. Тогда-какъ родовое или видовое понятіе въ дѣйствительности
не существуетъ, *идея, сущность вида, или рода, реальна точно
также, какъ идея, сущность, и всякаго индивидуальнаго предмета.*

Нѣсколько новой и достаточно основательной постановкѣ этого
рѣшенія помогла новѣйшая естественная наука, раскрывъ, теоріею
происхожденія видовъ, что каждая *видовая или родовая особь*, про-
исходя изъ одного корня, существуетъ отдѣльною реальною жизнію,
какъ и *индивидуальная особь*, — что индивидуальная особь можетъ
жить не иначе, какъ жизнію особи родовой, и не для чего инаго,

какъ для поддержанія этой родовой жизни, — индивидуальная особь иногда бываетъ такъ тѣсно привязана къ видовой или родовой особи, что трудно указать предѣлъ, гдѣ оканчивается одна — индивидуальная, видовая или родовая, особь—и начинается другая,—что есть поразительные случаи, въ которыхъ индивидуальная особь является не инымъ чѣмъ, какъ не отдѣлимымъ членомъ видовой или родовой особи, — что, въ подобныхъ случаяхъ, какъ обособленные члены имѣютъ свой источникъ въ общемъ стволѣ и корнѣ ихъ семьи, такъ и обособленные индивидуумы всѣхъ видовъ и родовъ, прикрѣпляясь къ общему стволу, имѣютъ свой жизненный источникъ въ общемъ корнѣ вида, или рода, — что между видовыми и родовыми особями, даже между царствами природы, невозможно положить точной грани,— что всякая обособленная жизнь и сила восходятъ къ единству жизни и силы, къ единой міровой сущности.—Вотъ, напр., относящееся сюда самое обыденное явленіе: самое обыкновенное зерно, лопнувъ въ нѣдрахъ почвы, выпускаетъ два ростка, одинъ вверхъ, а другой — внизъ. Наукою дознано, что эти два ростка въ строеніи своемъ совершенно аналогичны, откуда слѣдуетъ, что корни растенія аналогичны по своему строенію съ вѣтвями; вышедшій изъ почвы ростокъ выглядываетъ на Божій свѣтъ первымъ листкомъ, а за нимъ вторымъ, третьимъ и т. д., изъ которыхъ каждый будетъ тожественъ съ первымъ листкомъ, при чемъ изъ наслоенія ихъ будетъ образовываться главный стволъ дерева, аналогичный по своему строенію съ первымъ, вторымъ и т. д. листками, изъ которыхъ, аналогичнымъ-же образомъ, развиваются вѣтви, изъ вѣтвей новые тожественные съ первыми листки, изъ листковъ аналогичные со всѣми цвѣты и плоды, чѣмъ и завершается годичный, а иногда и весь вообще циклъ жизни растенія; многолѣтнія же растенія продолжаютъ тотъ-же процессъ образованія новыхъ листьевъ, стволовъ, вѣтвей, цвѣтовъ и плодовъ въ другой, третій и т. д. годы. Спрашивается теперь: это упавшее съ дерева яблоко есть ли индивидуумъ? Есть, и притомъ индивидуумъ аналогичный всей этой яблони. А это висячее на деревѣ яблоко? Тоже. А этотъ отпавшій листъ? Тоже. А этотъ висячій на деревѣ листъ? Тоже. А эта отломанная вѣтка? Тоже. А эта не отломанная? Тоже. А этотъ стволъ? Тоже. А этотъ корень? Тоже. Выходитъ, что эта яблонь есть совокупность совершенно аналогичныхъ индивидуумовъ, изъ которыхъ каждый живетъ своею индивидуальною жизнію,—есть цѣльное обобщеніе аналогичныхъ индивидуальностей.

А сама эта яблонь есть ли индивидуумъ? Безъ сомнѣнія. Есть ли реальный предметъ? Безъ сомнѣнія. Представимъ примѣръ болѣе поразительный, — сдѣлаемъ *выписку изъ одной самой современной естественно-научной статьи* [1]). «Теперь уже никто не сомнѣвается въ томъ, что *понятіе о животномъ и растительномъ царствахъ не соотвѣтствуетъ какому-нибудь рѣзко очерченному кругу явленій.* Въ настоящее время всюду проникло убѣжденіе, что *границы между животными и растеніями не существуетъ*, — что эти два такъ-называемыя царства связаны другъ съ другомъ множествомъ переходныхъ формъ, которыя, въ однихъ случаяхъ, носятъ на себѣ нѣсколько болѣе растительный, авъ другихъ нѣсколько болѣе животный характеръ. Нѣкоторыя низшія растенія (наприм., водоросли) имѣютъ подвижное состояніе, когда онѣ быстро плаваютъ въ водѣ, съ помощію мерцательныхъ волосковъ. Но, въ то время, какъ эти самыя растенія большую часть жизни проводятъ въ неподвижномъ вегетативномъ состояніи, цѣлый рядъ другихъ переходныхъ организмовъ превращается изъ подвижнаго въ вегетативное состояніе сравнительно очень на короткій срокъ. Тоже самое мы видимъ и у нѣкоторыхъ простѣйшихъ животныхъ, изъ классъ инфузорій. У нихъ также есть подвижное и вегетативное состояніе, но у нихъ преобладаетъ первое, а у растеній — второе. Различіе, въ этомъ отношеніи, является только количественнымъ, и, подобно всѣмъ количественнымъ отличіямъ, постепенно сглаживается... *Къ сходному результату приходитъ наука и относительно отношенія неорганическаго міра къ органическому.* Въ настоящее время извѣстно нѣсколько кристаллическихъ веществъ, которыя образуются внутри клѣточекъ и которыя состоятъ изъ бѣлковинныхъ веществъ, сходныхъ съ *жизненной матеріей, протоплазмой.* Извѣстно также, что неорганическія вещества (наприм., известь) могутъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, получать строеніе, сходное съ строеніемъ крахмальныхъ зеренъ... Современная наука показываетъ, что не-только *такія общія понятія, какъ понятія объ органическомъ мірѣ, о животномъ и растительномъ царствахъ, связаны переходами,* но что и понятія, повидимому, гораздо болѣе опредѣленныя также не имѣютъ рѣзкихъ границъ... Сначала *понятіе—видъ* казалось чѣмъ-то очень опредѣленнымъ, но потомъ мало по-малу обнаружилось, что всѣ въ-отдѣльности взятые

[1]) Вѣстникъ Европы, 1871, апрѣль: *Задачи современной біологіи*, стр. 765—770.

аттрибуты его не представляютъ ничего специфическаго. Оказалось, что понятіе о видѣ, съ одной стороны, непосредственно переходитъ *въ понятіе о родѣ*, тогда-какъ, съ другой стороны, столь-же незамѣтно переходитъ *въ понятіе разновидности*. Научное изслѣдованіе убѣждаетъ и въ томъ, что *понятіе объ индивидуумѣ не представляетъ рѣзкихъ границъ, непосредственно переходя, съ одной стороны, въ понятіе о двойнѣ и колоніи, а съ другой—въ понятіе объ органѣ*. Между низшими животными существуетъ множество *колоніальныхъ формъ*, размножающихся продольнымъ дѣленіемъ тѣла, которое, въ различныхъ случаяхъ, останавливается на болѣе или менѣе поздней *стадіи развитія*. Такое размноженіе представляютъ намъ полипы, живущіе (за немногими исключеніями) цѣлыми колоніями, имѣющими всегда *общее нераздѣльное основаніе. Въ такихъ случаяхъ отдѣльные члены колоніи почти ничѣмъ не отличаются отъ настоящихъ индивидуумовъ особняковыхъ полиповъ*. Но дѣло совершенно измѣняется въ тѣхъ случаяхъ, когда члены колоніи соединяются другъ съ другомъ не-только *общимъ основаніемъ*, но еще и *частью туловища:* при этомъ только верхнія половины тѣла каждаго члена остаются свободными, *все же остальное составляетъ общее достояніе*. Наконецъ, въ третьяго рода примѣрахъ, мы видимъ, что дѣленіе остановилось еще на болѣе *ранней стадіи*, вслѣдствіе чего только *верхніе концы членовъ колоніи представляютъ намъ нѣкоторую индивидуальность*. Очевидно, что всѣ эти примѣры полиповъ указываютъ намъ на существованіе переходовъ между настоящими особями, или настоящими колоніями. Тоже самое доказывается и многими уродствами различныхъ высшихъ животныхъ и, между прочимъ, человѣка. Постепенное увеличеніе частей зародыша ведетъ къ тому, что у него сначала появляются лишніе пальцы, потомъ лишнія конечности (руки и ноги); при дальнѣйшемъ развитіи уродства, развиваются голова и нѣкоторыя части туловища. Вслѣдствіе такихъ процессовъ, мы получаемъ такого рода *двойниковыя уродства*, какъ, напр., *сіамскіе близнецы*. Если же въ этомъ случаѣ мы можемъ говорить о двухъ особяхъ,—то мы не имѣемъ никакого права смотрѣть, какъ на *двойню*, на такихъ уродовъ, у которыхъ существуютъ одно туловище и двѣ головы, или одна голова и двойное туловище и проч. Послѣдніе примѣры будутъ, очевидно, *переходными формами между особью и двойнею, соотвѣтственно нормальнымъ явленіямъ у полиповъ*. Подобно тому, какъ *особь* можетъ переходить, съ одной стороны, въ

двойню (т. е. *въ колонію, состоящую изъ двухъ членовъ*), также точно она, съ другой стороны, связана *переходными формами съ органами*. Наиболѣе ясные примѣры подобныхъ переходовъ представляютъ намъ низшіе организмы, называемые *гидрополипами*. Эти животныя образуютъ почки, которыя, въ однихъ случаяхъ, превращаются *въ самостоятельныя особи*, въ *медузы*, а въ другихъ — *въ бугорки, похожіе по устройству на медузъ*, но не имѣющіе всѣхъ аттрибутовъ ихъ; въ третьихъ случаяхъ почки *еще ранѣе останавливаются въ развитіи и соотвѣтствуютъ раннимъ стадіямъ медузы;* наконецъ, въ четвертыхъ, *сходныя почки имѣютъ видъ простыхъ бугорковъ, представляющихъ настоящіе половые органы*. Собственно говоря, гидрополипы представляютъ даже не четыре, а гораздо болѣе различныхъ формъ, показывающихъ, со всею очевидностію, что *между полною особью* (*медузою*) *и пузыреобразнымъ органомъ* (*половымъ органомъ*) *существуетъ неразрывная цѣпь переходныхъ состояній*. Тоже самое доказывается такого рода уродствами, когда зародышъ, вслѣдствіе усиленной деградаціи, превращается въ безформенную массу, похожую на нѣкоторыя опухоли. Въ результатѣ выходитъ, что *въ-сущности понятіе объ особи отличается только количественно, а не качественно, отъ сосѣднихъ понятій о колоніи и объ органѣ*, также точно, какъ количественно отличаются другъ отъ друга тепло и холодъ, свѣтъ и тьма и проч... Современная біологія должна быть полнымъ рядомъ доказательствъ, что *всѣ наши понятія соединены другъ съ другомъ неразрывной цѣпью переходовъ, которые только могутъ дать надлежащее представленіе объ общемъ развитіи*».—Это именно и нужно для нашей цѣли,—именно, что современная наука показываетъ, что понятіе о родѣ существъ иногда незамѣтно переходитъ въ понятіе о видѣ, или о разновидности, далѣе — въ понятіе колоніи, двойни, развитой особи, недоразвитой особи и, наконецъ, даже въ понятіе объ органѣ, откуда слѣдуетъ обратное, совершенно позитивное, заключеніе, что какъ отдѣльный членъ и недоразвитая и развитая особь суть предметы реальные, живущіе своею обособленною жизнію, какъ каждая двойня и каждая колонія есть предметъ не-только реальный, но и индивидуальный, живущій своею обособленною жизнію, — такъ и семейство каждой разновидности и видъ, или даже родъ, есть предметъ нетолько реальный, но и индивидуальный, живущій своею обособленною жизнію. Такъ, органъ медузы есть предметъ реальный и индивидуальный, недоразвитая медуза тоже, развитая медуза тоже, колонія поли-

повъ, соединненыхъ нижними концами въ общее туловище, — тоже, — колонія цѣлыхъ полиповъ, имѣющихъ одно общее основаніе,—тоже. Каждый видъ, каждый родъ, имѣющій, въ концѣ концевъ, общій корень происхожденія, есть точно также — предметъ не только реальный, но даже индивидуальный, живущій обособленною жизнію. Листъ кактуса есть объектъ реальный и индивидуальный, кустъ кактуса тоже, дерево кактуса тоже, лѣсъ кактуса тоже, видъ или родъ кактуса тоже — предметъ реальный и индивидуальный, живущій обособленною жизнію. Тоже видимъ и въ человѣкѣ: листъ кактуса, раздвояющійся на два кактуса, есть точная аналогія матери, носящей и износящей плодъ своего чрева. Родъ человѣческій есть тоже предметъ не-только реальный, но и индивидуальный, развивающійся родословнымъ деревомъ изъ одного корня, изъ одной пары прародителей, сплетающійся единою общею жизнію не-только въ этомъ корнѣ, въ прародителяхъ, но и въ главныхъ вѣтвяхъ, въ смѣшеніи крови народовъ, и въ отдѣльныхъ вѣтвяхъ, семейныхъ родословныхъ деревахъ, наконецъ, въ листьяхъ и въ плодахъ, отдѣльныхъ лицахъ, въ которыхъ одна и таже кровь, одна и таже жизнь переливается милліонами каналовъ, перепутывается милліонами узловъ, во всѣхъ индивидуальныхъ единицахъ, какъ и въ цѣломъ человѣческомъ родѣ, направляясь къ единой цѣли: поддержанію единой во всѣхъ, общей всѣмъ, родовой жизни. Такъ связуются между собою индивидуальные члены и виды и прочихъ животныхъ родовъ, — прежде всего и неизбѣжно, въ единствѣ сѣмени и корня, а потомъ въ половомъ скрещиваньи и т. п. Отдѣльные роды животныхъ, сходясь въ единствѣ корня, сближаясь въ переходныхъ граняхъ, замыкаютъ собою единое царство животныхъ. Это царство, въ свою очередь, сближаясь въ переходныхъ граняхъ, сходясь въ единствѣ сѣмени и корня съ царствомъ растительнымъ, вмѣстѣ съ этимъ послѣднимъ замыкаютъ собою единое царство органическое. Органическій міръ, сближаясь переходными гранями съ міромъ неорганическимъ, снова сближается съ этимъ міромъ въ общемъ источникѣ физико-химическихъ, міровыхъ планетныхъ силъ: притяженія, отталкиванія, свѣта, теплоты, электричества, магнетизма и т. д. Различно проявляясь для нашего чувства, эти міровыя силы, въ свою очередь, опять, какъ показываетъ естественная наука, сближаются переходными гранями въ единство, исходя разными руслами или вѣтвями изъ единаго корня или источника единой планетной силы, которая, въ свою очередь, снова слагаясь изъ планетной земной, планетной—

лунной, марсовой, венериной, солнечной и т. д. силъ, представляетъ въ источникѣ единую міровую силу, которая движетъ, организуя и воодушевляя, всю матеріальную вселенную.

Это реально-идеальное восхожденіе отъ единичныхъ жизней къ единству жизни универсальной будетъ, съ одной стороны, весьма аналогично разсудочно-логичному индуктивно-позитивному восхожденію отъ понятій конкретныхъ и индивидуальныхъ къ общимъ—абстрактнымъ видовымъ и родовымъ, а съ другой—, и отлично отъ него, до противоположности. Именно, какъ въ разсудочно-логическомъ восхожденіи отъ низшихъ частныхъ къ высшимъ общимъ понятіямъ больше и больше исключаются абстракціею признаки наиболѣе случайные, измѣнчивые, частные, и оставляются только признаки болѣе и болѣе обобщающіеся, постоянные, существенные, такъ и въ идеально-разумномъ восхожденіи отъ жизней наиболѣе частныхъ къ жизнямъ болѣе и болѣе обобщающимся, до слитія ихъ въ единствѣ универсальной жизни, всякая индивидуальная пестрота, всякая измѣнчивость, всякая кажущаяся случайность сливаются въ единство универсальнаго закона проявленій единой универсальной силы. Это—сходство одного восхожденія съ другимъ,—логическаго съ идеальнымъ. Но вотъ и различіе, простирающееся до противоположности. Уже въ первичномъ разсудочномъ обобщеніи отдѣльныхъ чувственныхъ воспріятій,—понятіи индивидуальномъ, оставляются только болѣе постоянные признаки, тогда-какъ безконечное множество другихъ, кажущихся болѣе случайными, исключается изъ понятія; въ видовомъ же понятіи оставляются только видовые признаки, а частные исключаются, всѣ до одного; точно также въ родовомъ — оставляются только родовые, а всѣ даже видовые признаки должны быть исключены; наконецъ, эта абстракція, восходя выше и выше, дѣлается опустошительною до того, что высшее родовое понятіе: понятіе *бытія* исключаетъ совершенно все, такъ-что это бытіе равняется ничтожеству: *бытіе есть бытіе*, т е. *ничто*, — какъ доказалъ *Гегель* и какъ показано выше. Въ идеальномъ же восхожденіи мы видимъ совершенно обратное. Но раскрытіе этой тонкости лучше начать съ совершенно близкаго сравненія. Міровую жизнь можно представить подъ видомъ единой равнодѣйствующей силы, разложенной, по извѣстному физико-математическому механическому закону разложенія силъ, на безконечное множество и разнообразіе частныхъ жизней. Идеальное восхожденіе слагаетъ всю совокупность этихъ силъ, по закону сложенія разложенныхъ силъ, въ единство,—

*

при чемъ двѣ силы, будучи сложены, равняются, съ математическою точностію, своей равнодѣйствующей, — двѣ другія, сложенныя точно такимъ-же образомъ, равняются своей равнодѣйствующей, — каждыя двѣ другія, изъ всей этой неизчислимости силъ, своей равнодѣйствующей, — равняются, опять повторимъ, съ точностію математическою. Далѣе идетъ сложеніе первой градаціи равнодѣйствующихъ въ слѣдующую высшую градацію равнодѣйствующихъ; за-тѣмъ продолжается сложеніе этой второй градаціи снова въ высшую градацію равнодѣйствующихъ, пока не дойдемъ до единой универсальной равнодѣйствующей, съ безусловною математическою точностію равняющейся всему безконечному разнообразію всѣхъ міровыхъ силъ и жизней, законовъ и проявленій. Здѣсь, при такомъ восхожденіи отъ множества къ единству, отъ разнообразія къ постоянству, отъ измѣнчиваго къ неизмѣнному, въ идеальномъ созерцаніи единой универсальной силы останутся только наиболѣе близкія къ абсолютности свойства единой, постоянной, неизмѣнной перво-причины, перво-силы, перво-цѣли и т. п.; но, въ тоже время, эта неизмѣнная единая перво-цѣль, перво-сила, перво-причина будетъ съ математическою точностію равняться всей совокупности міроваго разнообразія и условности, съ метафизическою необходимостію будетъ обнимать и содержать въ себѣ все бытное, все происходящее, все случайное, будетъ абсолютно равнодѣйствующею всему абсолютно, безъ всякихъ исключеній.

Намъ кажется, что здѣсь-то именно скрывается и открывается *ключъ къ разгадкѣ совершенно естественныхъ коллизій, искони обнаруживавшихся между позитивною логикою и истинною метафизикою, между разсудочною индуктивно-дедуктивно абстракціею и идеальнымъ созерцаніемъ.* Абстракція, съ каждымъ шагомъ впередъ, подъ ногами теряетъ почву объективности, хотя представляетъ въ себѣ неизбѣжное средство къ обстоятельному изученію законовъ объективнаго бытія, подобно анатоміи, мертвящей живое, но, въ тоже время, представляющей важный способъ къ изученію жизненныхъ отправленій живаго организма; идеальное же созерцаніе, насколько оно доступно ограниченному уму, при всей своей большей или меньшей тусклости, адекватно объективному бытію, такъ-что высшая идея высочайшаго разума, высочайшей истины, высочайшаго блага всегда представлялась всѣмъ высшимъ умамъ содержащею подъ собою и объемлющею собою всю совокупность преходящаго условнаго бытія, при чемъ безусловное свѣтится сквозь условное, и условное созер-

цается, какъ истинное бытіе, а не фикція, не исчезаніе, не ничтожество, не иначе, какъ только въ безусловномъ [1]). Такъ учили *Платонъ*, *Аристотель*, *Декартъ* и *Мальбранш*, *Беркелей* и *Лейбницъ*, а подъ старость также *Фихте* и *Шеллингъ*. Туже идею даетъ и Божественное откровеніе. *Азъ есмь истина, алфа и омега, начатокъ и конецъ, сый, и иже бѣ и грядый Вседержитель...* *Невидимая Его отъ созданія міра твореньми помышляема видима суть, и присносущная сила Его и Божество.*

Такимъ образомъ оказывается, что объективная истина вовсе не тамъ, гдѣ хотятъ искать ее позитивисты, а, напротивъ того, чуть-ли не на противоположномъ концѣ. Посмотримъ далѣе, *счастливѣе ли они въ своихъ поискахъ за знаніемъ реальнымъ* или вообще *за реальнымъ*. Рѣшеніе этого вопроса — *о реальномъ* подведетъ насъ къ рѣшенію нашего главнаго вопроса *о реальномъ бытіи чего-либо сверхчувственнаго.*

---

[1]) Здѣсь считаемъ нужнымъ оговориться, что мы далеки отъ того, чтобы въ универсальной міровой планетной силѣ видѣть абсолютное. Нѣтъ, въ ней мы видимъ только одну изъ двухъ предпослѣднихъ стадій предъ послѣднею ступенью въ восхожденіи къ высшему единству истинно-абсолютнаго, которое, по нашему мнѣнію, въ разсудочномъ мышленіи есть совершенно отличное отъ всѣхъ и отъ всего понятіе, по объему безусловно-единичное, а по содержанію безпредѣльное, съ безусловнымъ исключеніемъ всякаго не-только ограниченія, но и различенія, даже мыслимаго, почему и въ откровеніи даются понятію Богъ опредѣленія: *«Богъ любы есть, Азъ есмь истина»* и под., которыя въ высшей абстракціи могутъ мыслиться не иначе, какъ безусловною единицею, въ которой одно свойство неотдѣлимо отъ другаго, а всѣ въ-совокупности свойства, какъ предикаты, неотдѣлимы отъ своего предмета, подлежащаго: *слыши Израиль: Господь (Сый) единъ есть.* Въ разумномъ же созерцаніи абсолютное есть единая, живая разнодѣйствующая всего идеальнаго и реальнаго, вещественнаго и духовнаго, мыслимаго и непостижимаго, при чемъ если Богъ и является единымъ сущимъ, все проникающею жизнью, то съ рѣшительнымъ устраненіемъ пантеистическаго взгляда и не иначе, какъ въ созерцаніи строго теистическомъ, строго согласномъ съ богооткровеннымъ: *Азъ есмь сый... Азъ есмь жизнь... И будетъ Богъ всяческая во всѣхъ.*

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

О РЕАЛЬНОМЪ ВООБЩЕ И, ВЪ-ЧАСТНОСТИ, О РЕАЛЬНОМЪ ЗНАНІИ.

ВСЕ ЛИ ЧУВСТВЕННОЕ РЕАЛЬНО И ВСЕ ЛИ РЕАЛЬНОЕ ЧУВСТВЕННО?

Вопросъ этотъ, по видимому, такъ простъ и рѣшеніе его, по-видимому, такъ не трудно и такъ наглядно. Все чувственное, что только дѣйствуетъ на чувства, конечно, реально, конечно, существуетъ въ дѣйствительности, — и, обратно, все реальное, все, что существуетъ въ дѣйствительности, конечно, дѣйствуетъ на чувство; а еслибы оно лежало внѣ нашего ощущенія, то, конечно, и не существовало бы, по крайней мѣрѣ, для человѣка. Такъ просто этотъ вопросъ, въ новѣйшее время, дѣйствительно и рѣшается, во-первыхъ, современными намъ матеріалистами, а за-тѣмъ отчасти и позитивистами. Тѣмъ не менѣе, однакожъ, онъ, даже съ позитивной точки современнаго естествовѣденія, представляетъ невыразимыя затрудненія, какія представлялъ и всегда, въ-продолженіи не-только вѣковъ, но и цѣлыхъ тысячелѣтій развитія философствующаго ума.

Предварительно замѣтимъ здѣсь, что этотъ вопросъ тѣсно граничитъ съ вопросомъ о томъ: *все ли чувственное объективно*, — вопросомъ, который отчасти уже разъясненъ нами. Но, съ другой стороны, въ вопросѣ *о реальномъ*, и въ-частности *о реальномъ знаніи*, есть и особенности, разъясненіе которыхъ приблизитъ насъ, на-сколько то возможно, къ разрѣшенію и разъясненнаго уже вопроса *объ объективномъ знаніи*. За тѣмъ утверждаемъ, что *вопросъ о реальномъ, о реальномъ знаніи, о томъ, что есть реальное, знаемъ ли мы что-либо реальное,* составлялъ и составляетъ *главную тему изысканій*

всѣхъ философскихъ умовъ и школъ, начиная отъ древне-греческихъ іонійцевъ и оканчивая новѣйшими позитивистами. Чтобъ оцѣнить его значеніе и освѣтить стороны, съ какихъ слѣдуетъ къ нему подступить, мы представимъ его въ историческомъ его раскрытіи, хотя и съ возможною краткостію.

ГЛАВА IX.

Вопросъ: *что именно реально, что дѣйствительно существуетъ, что есть сущее* (το ὄν), *въ-противоположность только бывающему и являющемуся* (το γινομενον, το φαινομενον), — *что есть* (τι ἐζὶ), *а не-только бываетъ, становится, возникаетъ и исчезаетъ* (γίνεται), *или является, кажется* (φαίνεται), *что есть первое, среди измѣненій, постоянное начало, основа существованія вещей*,—этотъ вопросъ былъ не-только первымъ по времени, но и во всѣ времена основнымъ вопросомъ философствующаго ума. На него отвѣчали: I) *Гилики* [1]) *Іонійцы, Ѳалесъ, Анаксимандръ* и *Анаксименъ* слѣдующимъ образомъ: начало (основа) всего есть вода, изъ которой все произошло и въ которую все возвращается,—вѣчное, безконечное, неопредѣленное, το απειρον,— безпредѣльный, всеобъемлющій, постоянно движущійся воздухъ, — абсолютно-общая сущность, субстратъ матеріальнаго вещества, – вѣчное безконечное неопредѣленное всеобъемлющее, всепроникающее, вѣчно живое, вѣчно движущееся, всепоглощающее.—II) По ученію *Пивагорейцевъ*: сущность вещей есть число и все есть число, основная идея мѣры и гармоніи, законъ вселенной, гармоническаго сочетанія различій и противоположностей, а основа чиселъ — 1, число совершенное, Богъ.—III) *Елейцы* утверждали: есть только бытіе, а небытія, измѣненія нѣтъ,—бытіе чистое, чуждое всякаго измѣненія, исчезновенія и опредѣленія, временности, пространственности, дѣлимости, разнообразія и движенія, бытіе себѣ равное и совершенное, тожественное съ мыслью, Божество.—IV) *Гераклитъ*: есть самое измѣненіе, постоянное теченіе («все течетъ»), единство бытія и небытія, цѣлое и не цѣлое, сходящееся и расходящееся, изъ всего одно и изъ одного все, раздоръ— отецъ всѣхъ вещей, вѣчный огонь, то, воспламеняясь, все по-

---

[1]) Это слово происходитъ отъ греческаго слова ὕλη, вещество, матерія.

жирающій, то, потухая, все созидающій, въ вѣчномъ круговомъ движеніи.—V) *Эмпедоклъ*: отъ вѣка существуютъ четыре самосущія вещества: огонь, воздухъ, вода и земля; надъ ними двѣ движущія силы: любовь и вражда, состоящія въ вѣчной борьбѣ, связующіяся въ сферосѣ, совокупности всего сущаго.—VI) *По Демокриту*: отъ вѣка существуютъ атомы, недѣлимые, неизмѣняемые, безкачественные, различающіеся только величиною, фигурою и тяжестію, составляющіе *бытіе и полноту*, движущіеся въ пространствѣ, которое есть *небытіе и пустота*, движимые нуждою-случаемъ, при чемъ небытіе также реально, какъ и бытіе, и истиннаго нѣтъ ничего, или оно намъ неизвѣстно.—VII) *Анаксагоръ:* отъ вѣка существуютъ безконечно-разнообразныя сѣмена всѣхъ вещей: оміомеріи, которыя изъ хаотическаго неподвижнаго смѣшенія привелъ въ круговое образующее движеніе Νοῦς, самъ въ себѣ недвижимый, но все движущій, душа всего живаго, растеній, животныхъ и людей, принадлежащая имъ въ разной степени.—VIII) *Софисты*, наприм. *Горіасъ*, говорили: οὐδὲν ἐστί, ничто не существуетъ,—а еслибы что-нибудь и существовало, то его нельзя было бы познать,—а еслибы и можно было познать, то нельзя было бы передать этого знанія другимъ; человѣкъ есть мѣра всего существующаго; ощущенія и воззрѣнія безконечно различны у безконечнаго числа наблюдателей, даже измѣняются у одного и тогоже лица; не можетъ быть никакихъ предметныхъ сужденій и опредѣленій.—IX) *Платонъ:* чувственный міръ есть вѣчный потокъ; все, называемое у людей бытіемъ, есть постоянное теченіе, нѣчто постоянно дѣлающееся (γινόμενον); эти переходящія явленія недѣйствительныя существованія, а только образы дѣйствительныхъ существованій; время есть только волнующійся образъ вѣчности; свидѣтельства чувствъ запечатлѣны характеромъ непостоянства и непрочности: усматриваемыя ими свойства и состоянія предметовъ никогда не бываютъ продолжительно равны сами себѣ, но измѣняются въ каждое мгновеніе; чувственное знаніе, какъ знаніе явленій, возникновенія и исчезанія, нельзя назвать и знаніемъ; явленія, составляющія все, что мы знаемъ въ мірѣ, суть только подобія не вѣрныя, мало-причастныя сущности своихъ первообразовъ, мелкающія тѣни ихъ; το ον—τὰ ὄντα, истина, истинное бытіе созерцаются сквозь вѣчно мелькающее теченіе вещественныхъ явленій;—истина, истинное подлинное бытіе,—τα ὄντα, το ὄν, суть идеи, νοούμενα, мыслимые вѣчные первообразы какъ всего міра, такъ и всѣхъ индивидуальныхъ существъ; въ основѣ чувственнаго міробытія лежитъ

міръ идей, рядъ ступеней, въ которомъ всякая высшая идея относится къ низшей, какъ ея основа и условіе, который оканчивается идеей, не требующей для своего оправданія никакой высшей идеи: эта высочайшая идея, послѣдняя въ познаваемомъ, безусловная основа всѣхъ идей, знанія и бытія, есть идея блага,—Богъ Творецъ, которому, съ одной стороны, соприсутствуетъ Νοῦς, Λόγος, міръ идей, всегда равный самому себѣ и вѣчный первообразъ, а съ другой ὕλη, нѣчто неопредѣленное, невидимое и безкачественное, нѣчто не сущее и сущее, ничто. Соединяя эти два элемента (идею и отрицаніе ея, матерію), Творецъ созидаетъ міровую душу, принципъ порядка и гармоніи въ мірѣ, и разбрасываетъ ее по пространству, какъ огромную сѣть, или подмостки, на которыхъ устанавливаетъ вещественный міръ, божественно прекрасный образъ разума, красоты и блага. Съ *Платономъ*, въ общихъ чертахъ міросозерцанія, сходенъ X) и *Аристотель*. И по его воззрѣнію, матерія есть нѣчто совершеннно безкачественное, неопредѣленное, безразличное, субстратъ измѣнчивости, въ возможности все, въ дѣйствительности ничто, нѣчто противоположное формѣ; форма (εἶδος) есть то, что дѣлаетъ матерію качественнымъ (реальнымъ), сила, дѣятельность, душа вещи, источникъ движенія и образованія; въ основѣ міробытія лежитъ лѣстница формъ, такъ—что форма низшая бываетъ матеріею формы высшей, а высшая при этомъ становится формою формы (εἶδος εἴδους); послѣдняя высшая форма, первое движущее, источникъ всякой дѣйствительности, высшій абсолютный разумъ, безусловная истина, мысль мысли (νόησις νοήσεως), личное единство мысли и мыслимаго, абсолютное совпаденіе субъекта и объекта есть Богъ. Развитіе греческой языческой философіи завершилось, предъ явленіемъ христіанства,— XII) *Скептицизмомъ*, который училъ, что познаніе того, что есть на самомъ дѣлѣ, лежитъ внѣ круга нашего вѣденія, такъ-какъ мы видимъ вещи, не какъ онѣ существуютъ, но какъ являются; наши представленія о вещахъ ни истинны, ни ложны; нельзя ни о чемъ утверждать что-либо опредѣленное, и истинная философія состоитъ въ совершенномъ воздержаніи отъ всякаго положительнаго мнѣнія о бытіи вещей.

Въ христіанской философіи, не средневѣковой, которую мы опускаемъ, а въ новѣйшей, въ рѣшеніи вопроса о реальномъ, мы усматриваемъ два направленія: одно съ преобладающимъ характеромъ *идеализма*, а другое *эмпиризма*.

А) Въ первомъ изъ этихъ направленій, подъ преобладающимъ ха

рактеромъ *идеализма*,—XIII) отецъ новой христіанской философіи, *Декартъ*, высказавъ требованіе отреченія отъ всѣхъ предзанятыхъ предубѣжденій, поставивъ на первое мѣсто принципъ самосознанія, выставивъ противоположность между мышленіемъ и бытіемъ и указавъ задачу философіи въ примиреніи этой противоположности, нашелъ въ нашемъ сознаніи три непосредственныя данныя: идею о Богѣ и двѣ субстанціи, изъ которыхъ, однакожъ, Богъ есть единственная, въ высшемъ смыслѣ слова, субстанція, субстанція безконечная, основаніе и причина самаго себя, основаніе бытія двухъ другихъ субстанцій:—мыслящаго духа и матеріи, основаніе всякой достовѣрности въ человѣческомъ духѣ, такъ-какъ Богъ, создатель человѣческаго разума, есть абсолютная истина.—XIV) По *Малебраншу*, Богъ есть абсолютная субстанція, содержащая и созерцающая въ себѣ самомъ всѣ вещи и идеи,—лице, стоящее безпредѣльно выше субстанціальныхъ противоположностей духа и матеріи, и въ немъ-то человѣческій духъ созерцаетъ вещи, въ немъ связь субъективной и объективной истины.—XV) По *Лейбницу*, Богъ есть первоначальная простая субстанція, единственная первобытная монада, чистая, свободная отъ всякой матеріальности дѣятельность, абсолютное всевидѣніе и всевѣдѣніе, первовиновникъ предуставленной въ мірѣ гармоніи, абсолютная причина и первообразъ всей градаціи монадъ, произведеній монады первобытной и образовъ, изъ которыхъ каждая монада имѣетъ большее или меньшее съ нею, первобытною монадою, сходство, есть parvus in suo genere Deus. Разница только въ томъ, что Богъ знаетъ все совершенно ясно, между-тѣмъ-какъ всякая ограниченная монада все представляетъ смутно, одна болѣе, другая менѣе.—XVI) По *Беркелею*, Богъ есть вмѣстилище архетиповъ всего внѣ насъ существующаго бытія и, какъ чистый духъ, производитъ въ нашемъ духѣ чувственныя ощущенія, представленія, понятія и идеи, такъ-что природа, быть можетъ, и реальная внѣ насъ, для насъ и въ насъ есть только теченіе и связь идей, производимыхъ въ нашемъ духѣ Богомъ, абсолютнымъ духомъ.—XVII) По ученію *Спинозы*, можетъ существовать только одна и притомъ абсолютно-безконечная субстанція; данная конечная дѣйствительность необходимо предполагаетъ такуюже безконечную, существующую отъ самой себя, субстанцію; было бы противорѣчіе, еслибы только конечное существовало, а безконечное не существовало, — еслибы существовали только вещи условныя и зависящія отъ другихъ и не было бы того, что существуетъ само чрезъ

себя; напротивъ того, абсолютная субстанція есть реальная причина всего и каждаго существованія; она одна есть дѣйствительное безусловное бытіе и единственная сила бытія, и не-только причина бытія, но сама—все бытіе, причемъ каждое отдѣльное бытіе есть только ея модификація, причемъ сама она, эта суботанція, проявляется въ двухъ основныхъ аттрибутахъ—мышленія (мыслящаго духа) и протяженія (міра матеріальнаго), которые, въ свою очередь, видоизмѣняются во множествѣ частнѣйшихъ модусовъ.—XVIII) По ученію *Канта*, человѣкъ, какъ личность *теоретическая, по разуму теоретическому* ограниченъ міромъ опытовъ, впрочемъ такъ, что всякое познаніе есть продуктъ двухъ факторовъ,—познающаго субъекта и внѣшняго міра: внѣшній міръ даетъ матеріалъ опытовъ, а субъектъ сообщаетъ матеріалу форму; къ доставляемому опытомъ матеріалу разсудокъ присоединяетъ общія формы чувственнаго воззрѣнія,— пространство и время, а также основныя понятія или категоріи разума. Но, привнося къ матеріалу опыта эти субъективныя примѣси, человѣкъ познаетъ только явленія, а не вещи сами по себѣ, о которыхъ, такимъ образомъ, *реальнаго познанія онъ не имѣетъ*; тѣмъ не менѣе только опытъ есть область нашего познанія, и *нѣтъ знанія о безусловномъ*, а трансцендентальныя идеи разума, психологическая, космологическая и теологическая, суть только формальные, а не реальные принципы, не имѣющіе соотвѣтствующаго объекта въ чувственномъ опытѣ. Но какъ личность *практическая, въ области практическаго разума*, человѣкъ опредѣляетъ свои отношенія не къ внѣшнему міру, а къ внутреннему,—къ волѣ, и здѣсь-то трансценденгныя идеи Божества, свободы, безсмертія, безусловнаго блага, высшей цѣлесообразности, становятся непосредственно истинными, имманентнымъ образомъ, не выходя изъ области самосознанія внутренняго опыта, т. е. изъ области *разумной вѣры*, которую XIX) *Якоби* считаетъ единственнымъ источникомъ познанія не-только сверхчувственнаго, но и чувственнаго, тогда-какъ рефлектирующій разсудокъ движется въ цѣпи условныхъ условій, такъ-какъ понять вещь значитъ объяснить ее изъ чего-либо другаго, вывести изъ ближайшихъ причинъ, найти къ дѣйствительному возможность, къ условному условіе, и эта цѣпь условныхъ условій образуетъ механизмъ природы и замыкается безусловнымъ, безконечнымъ, божественнымъ, которое подлежитъ уже не изъясняющему разсудку, но положительно открывающему и безусловно рѣшающему разуму, или разумной вѣрѣ. Считать же истиннымъ только то, что можно доказать дважды: въ чувственномъ воззрѣніи и въ поня-

гіи, въ вещи и ея копіи, — словѣ, видѣть въ этомъ словѣ реальную сущность вещи значитъ отказаться отъ познанія и впасть въ нигилизмъ. — XX) И по *Фихте*, органъ, посредствомъ котораго мы познаемъ реальность, есть не разумъ, не знаніе, предполагающее другое высшее знаніе, на которомъ оно основано, и такъ безъ конца, а вѣра, добровольно почившая на воззрѣніяхъ, естественно намъ представляющихся; мы ничего не знаемъ о Не — Я; мы можемъ знать только то, что сознаемъ, но *въ сознаніи не заключается никакого объекта, ничего кромѣ идеи. Не — Я* есть ни болѣе ни менѣе; какъ постулятъ нашего разума, т. е. продуктъ нашего Я; само Я сознаетъ необходимость Не—Я и создаетъ требуемое Не—Я для удовлетворенія этой необходимости. Если сознаніе, производя образы, вынуждается законами своей природы предположить, что образы имѣютъ субстратъ, — то самое это предположеніе есть новый продуктъ нашего Я. Если Я, сознавая въ себѣ перемѣны, вынуждается приписывать эти перемѣны внѣшней причинѣ,—то это признаніе внѣшней причины есть новый актъ нашего Я, новое измѣненіе въ сознаніи. Всякая субстанція случайностей, ноуменъ феноменовъ, основа свойствъ, которую можно только предполагать, но нельзя познать, есть актъ нашего Я, умственный синтезъ. Мысль и бытіе, сознаніе и существованіе, субъектъ и объектъ тожественны. Съ одной стороны, наше Я даетъ бытіе Не—Я, съ другой—существованіе самаго Я обусловливается бытіемъ Не — Я, такъ-какъ бытіе Я обусловливается сознательностію этого Я; но сознавать свое Я значитъ, въ тоже время, сознавать и Не—Я. Какъ нашему Я, такъ и Не—я, мы приписываемъ реальность актомъ сознанія: Не—я заключается въ актѣ сознанія, какъ реальность, и потому мы не можемъ принимать его за призракъ. Міръ реаленъ, но нельзя сказать, что независимъ отъ ума. Существуютъ *не двѣ отдѣльныя реальности, міръ и духъ, но одна реальность, подъ двойственнымъ видомъ объекта и субъекта.* Внѣ меня существующій объектъ есть только феноменъ, или собраніе феноменовъ, представленій внутри меня, какъ и всѣ отдѣльныя черты феномена, какъ-то: форма, цвѣтъ, плотность, запахъ, суть только ощущенія, находящіяся внутри меня. Если кажется, будто сознаніе говоритъ, что эти внутреннія состоянія произведены чѣмъ-то находящимся внѣ меня, то это только кажется, такъ-какъ сознаніе не можетъ выйдти за предѣлы самого себя, чтобы сказать что-нибудь о томъ, что производятъ эти измѣненія; неодолимая вѣра, будто существуютъ предметы внѣ меня,

справедливая въ томъ отношеніи, что предметы существуютъ, есть только не вѣрный выводъ въ другомъ отношеніи, что они существуютъ именно внѣ меня, вслѣдствіе объективности, придаваемой умомъ чисто внутреннимъ, субъективнымъ ощущеніемъ. Если невозможно представить качества безъ сущности, безъ субстрата, — то эта невозможность опять кажущаяся: качества не нуждаются въ объективномъ субстратѣ, когда у нихъ есть субстратъ субъективный;—онѣ суть измѣненія ощущающаго субъекта, и синтезъ этихъ измѣненій есть единственный субстратъ, въ которомъ онѣ нуждаются. Наше *Я*, по существу своему, есть дѣятельность свободная; но она потерялась бы въ безконечности и осталась бы безъ сознанія, еслибы не реализировала себѣ своего отрицанія, Не—я, какъ объекта, какъ внѣшняго міра, чрезъ реализацію мысли въ бытіе. Самое *Я*, только какъ субъектъ, не существуетъ. Чтобъ существовать, оно должно реализоваться, стать субъектомъ и объектомъ. XXI) По *Шеллингу*, послѣднее основаніе нашего знанія лежитъ въ нашемъ *Я*; но чтобы знаніе было *реально*, необходимъ пунктъ, въ которомъ идеальное и реальное, мышленіе и бытіе совпадаютъ; первое начало какъ понятія, такъ и матеріи, заключается въ свойствѣ и въ возрѣніи человѣческаго духа. Именно духъ есть единство неограниченной и ограничивающей силы, такъ-какъ безграничность дѣлала бы сознаніе невозможнымъ, какъ и безусловная ограниченность. Духъ есть антагонизмъ обѣихъ силъ, переходящій въ единство. Матерія—не масса грубая и инертная, а непрерывно происходящій продуктъ притяженія и отторженія, продуктъ силы не матеріальной, уподобляющейся духу. Духъ и матерія, какъ единство противоположныхъ силъ, соединяются въ высшемъ единствѣ, въ единомъ абсолютномъ,— такъ-что одно и тоже абсолютное проявляется въ природѣ и въ духѣ; природа есть видимый духъ, духъ невидимая природа; — природа двойникъ духа, производимый самимъ духомъ, въ духѣ возвращающійся къ самосознанію, посредствомъ ряда ступеней, чрезъ которыя развивается разумно-организующая міровая душа или разумъ, который есть всецѣлое безразличіе субъективнаго и объективнаго, абсолютное тожество реальнаго и идеальнаго, мышленія и бытія. Бытіе абсолютнаго разума—Бога есть эмпирическая истина и основа всякаго знанія, равно-какъ и бытія. Наконецъ, XXII) по *Гегелю*, *сущность всего состоитъ въ отношеніи*, въ тожествѣ положенія и отрицанія. Такъ, въ фактѣ: «*я вижу дерево*», по психологіи здраваго

смысла, заключаются три данныя: дерево, образъ дерева и умъ,—по субъективному идеализму *Фихте*,—одно бытіе, *Я*,—а дерево и образъ его—модификація нашего *Я*;—по объективному идеализму *Шеллинга*, и дерево и *Я*—проявленіе абсолюта,—по абсолютному же идеализму *Гегеля*, въ этомъ фактѣ реальна только *идея отношенія*, а дерево и *Я* суть лишь два термина отношенія. По мнѣнію *Гегеля*, понятіе *Шеллинга*, который допускалъ реальность субъекта и объекта, а тожество называлъ точкою безразличія между ними,—не точно, такъ-какъ сущность всякаго отношенія — не два относящіеся термина (субъектъ и объектъ), но самое отношеніе, идея; понятіе *Спинозы* о субстанціи грубо: субстанція только одинъ изъ терминовъ отношенія; неправильно и *Кантъ* утверждалъ, будто предметы суть простыя видимости *для насъ*, а реальная природа ихъ недоступна намъ; — нѣтъ, *предметы не-только видимости для насъ*, но и *сами по себѣ суть только видимости*. Міръ есть *міръ идей*; субъектъ и объектъ не существуютъ, а существуетъ только ихъ отношеніе (по крайней мѣрѣ, для насъ существуютъ на столько, насколько чувствуется нами ихъ взаимное отношеніе). Наша мысль — реальность предметовъ: истинное бытіе заключается въ научномъ знаніи; философія есть самосозерцаніе саморазвитія абсолюта. Абсолютное есть не реально-объективное бытіе (въ смыслѣ ученія Спинозы), не отрицательное исчезновеніе бытія и мышленія, реальнаго и идеальнаго въ нейтральномъ третьемъ (согласно съ ученіемъ Шеллинга), — но всобщее, лежащее въ основаніи всего, есть *идея*, и все дѣйствительное есть только реализація идеи. Ни выше идеи, ни внѣ ея, нѣтъ ничего; все реальное есть развивающаяся въ разныя формы идея, — не теряющаяся въ реальности, но возвращающаяся къ себѣ въ мыслящемъ духѣ, чтобы существовать, въ адекватной своему существу формѣ — *сознательной идеи*, въ духѣ, который не есть одна изъ формъ абсолютнаго, но само абсолютное, какъ бытіе для себя. Само абсолютное есть не бытіе, но развитіе, обнаруженіе различій и противоположностей — внутренняго саморазвитія абсолюта,— не есть нѣчто простое, но система понятій, происходящихъ вслѣдствіе отрицанія то всеобщаго, посредствомъ болѣе конкретной опредѣленности, то частнаго, возводимаго къ высшему единству.

Такимъ образомъ, это идеальное направленіе философіи, начавшись *идеальнымъ теизмомъ Декарта*, проходя, на пути своего развитія, наиболѣе характерныя фазы Беркелеева идеализма, реальнаго пан-

теизма Спинозы, критицизма Канта, субъективнаго идеализма Фихте и объективнаго идеализма Шеллинга, кончилось *абсолютнымъ идеализмомъ Гегеля*, который завершилъ рядъ идеалистическихъ философскихъ системъ *отрицаніемъ реальности не-только объекта, но и субъекта, установивъ, вмѣсто этого, реальность только отношенія между ними, реальность идеи.*

Б) Отцемъ *эмпирическаго*, въ развитіи *раціоналистическаго*, а затѣмъ и *отрицательнаго* направленія новой философіи былъ — XXIII) *Бэконъ*, который, подобно современнымъ намъ позитивистамъ, поставилъ основаніемъ научнаго знанія *эмпирическое наблюденіе и индуктивное умозаключеніе*, стараясь очистить разумъ отъ всѣхъ отвлеченныхъ теорій и перешедшихъ по преданію предразсудковъ. Въ дальнѣйшемъ развитіи своего ученія, онъ отвергъ знаніе *первой причины* и начала всѣхъ вещей, утверждая, что естественнымъ путемъ мы ничего не можемъ знать объ абсолютномъ, о Богѣ, хотя и допускалъ познаніе о немъ сверхъ-естественное, откровенное— субботу (шабашъ) человѣческаго знанія.—XXIV) За нимъ *Локкъ*, поставивъ *началомъ познанія чувственное, опытъ* (nihil fit in intellectu, quod non ante fuerit in sensu), хотя и допускалъ знаніе о Богѣ, какъ обще-субъективную, обще-человѣческую истину, но отрицалъ *возможность познанія какой бы то ни было субстанціи*, ограничивая наше знаніе только аттрибутами субстанціи.— XXV) *Юмъ* отрицалъ знаніе не-только субстанціи, но и *причинной связи*, допуская знаніе только *послѣдовательности* фактовъ во времени.—XXVI) *Аббатъ Кондильякъ*, сводя Локковы чувство и рефлексъ *къ одному ощущенію*, не рѣшаясь признать матеріальность души и отвергнуть бытіе Бога, низводилъ уже человѣка на степень высшаго животнаго, приближаясь къ основному положенію матеріализма, что только *чувственное существуетъ, и что нѣтъ другаго бытія, кромѣ бытія матеріальнаго.*— XXV) *Гельвецій*, *Дидро*, *Ля-Метри*, *Даламберъ* съ безпощадною рѣзкостію высказали уже самые крайніе выводы матеріализма, провозгласивъ мѣрою истины только чувство (низшее), *единственнымъ реальнымъ бытіемъ только матеріальное*, а принципомъ морали только чувственное удовольствіе и эгоизмъ, отвергнувъ законы, свободу, бытіе души и Бога. — XXVI) За ними, будто-бы съ послѣднимъ словомъ науки, выступили *Фейербахъ*, *Фохтъ*, *Молешоттъ*, *Бюхнеръ*, повторяя зады не-только своихъ ближайшихъ предмѣстниковъ, французскихъ энциклопедистовъ и англійскихъ скептиковъ XVIII вѣка,

но даже древнихъ греческихъ Скептиковъ, Епикурейцевъ, Софистовъ и Атомистовъ, которые, въ самыхъ разнообразныхъ формахъ и во всѣхъ тонкостяхъ, развили матеріальную доктрину, которую выдаютъ намъ нынѣ опять за послѣднее слово науки XIX вѣка, провозглашая, что сотни разъ провозглашалось и тысячи разъ опровергнуто еще древними греками, будто — «подлинно истиннымъ можно признавать только чувственное, т. е. все подлежащее чувствамъ, въ-слѣдствіе чего, будто бы, *истинное, дѣйствительное и чувственное суть одно и тоже*, — будто-бы только чувственное ясно какъ день, и только тамъ, гдѣ начинается чувственное, кончаются (будто бы?) всѣ споры и сомнѣнія. По ложному взляду этого ученія, самъ человѣкъ есть не что иное, какъ явленіе природы, продуктъ и моментъ жизненнаго круговорота, съ минуты своего рожденія, исчезающій въ морѣ вращающагося вещества; самое сознаніе или самосознаніе есть только свойство матеріи, есть только ощущеніе движеній матеріи, соединяющихся съ нервными электрическими токами и воспринимаемыхъ въ мозгу. Основное положеніе этой системы: нѣтъ силы безъ матеріи, нѣтъ матеріи безъ силы; однимъ словомъ, — существуетъ только матерія, которой принадлежатъ абсолютныя свойства вѣчности, безпредѣльности, неизмѣняемости въ существѣ, при измѣняемости формъ. Впрочемъ, въ крайнихъ выводахъ, крайними матеріалистами, въ-родѣ *Цольбе и геолога Мора*, и эта послѣдняя измѣняемость формъ, по крайней мѣрѣ, главныхъ, отрицается и провозглашается вѣчность уже не только матеріи вообще или частнѣе—всего міра, но и земли, со всѣми главными формами, какъ неорганическихъ образованій, такъ и органическихъ родовъ, существующихъ на ней. —

XXVII) Наконецъ, новѣйшій, современный намъ, *позитивизмъ*, отказываясь отъ всякой метафизической погони за всякими сверхъестественными дѣятелями въ природѣ, *за сущностями, за субстанціями, даже за причинами, объявляетъ* единственнымъ предметомъ знанія, достойнымъ человѣческаго изученія, только *явленія и ихъ законы*, т. е. на предоставленный нами вопросъ: *что реально?* — отвѣчаетъ, что *реальны не метафизическіе, сверхъ-естественные дѣятели въ природѣ,—не сущности, не субстанціи, не причины (по крайней мѣрѣ, о реальности ихъ намъ ничего неизвѣстно), а явленія, т. е. чувственные предметы, съ ихъ свойствами.*

Такимъ образомъ оказывается, что на вопросъ: *что философы разныхъ временъ считали реальнымъ*, отвѣчать не легко; они имѣли

весьма различныя понятія о реальномъ, на разнообразныхъ философскихъ основаніяхъ. Впрочемъ, всѣ эти понятія вращаются въ предѣлахъ двухъ крайностей, *древне-греческаго и новѣйшаго атомистическаго матеріализма*, съ одной стороны, а съ другой —, *субъективнаго и абсолютнаго идеализма Фихте и Гегеля*, къ которымъ, по основамъ своего міровоззрѣнія, примыкаютъ *древне-греческіе Софисты и Скептики*. Крайній *абсолютный идеализмъ Гегеля* разсуждаетъ такъ: *это* — дерево, *а то* — домъ; но если я пойду къ дому, то домъ будетъ *это*, а дерево будетъ *то*; или въ полдень я говорю: *теперь* день, а 12 часовъ спустя я скажу: *теперь* ночь. Итакъ первое мое утвержденіе ложно относительно втораго, а второе ложно относительно перваго. Отсюда ясно, что представленіе даетъ намъ идеи о *теперь*, о *здѣсь*, *это* и т. д.: *это*, *здѣсь*, *теперь* есть общая идея, *реальное бытіе*, независимое отъ всѣхъ частныхъ теперь, здѣсь, это и т. д. *Единственная реальность есть отношеніе*, существующее всегда, при всѣхъ измѣненіяхъ въ терминахъ, будетъ ли то въ объектѣ, или въ субъектѣ, такъ-что, собственно говоря, *не реальны ни субъектъ, ни объектъ; реально только отношеніе между ними, идея.* — Субъективный идеализмъ *Фихте* учитъ, что *реаленъ только субъектъ, наше я,—а объектъ, если имѣетъ реальность, то не иначе, какъ въ субъектѣ.* Такъ, *это дерево*, по Фихте, есть только феноменъ, субъективное представленіе, тожественное съ объектомъ, только названіе нашего внутренняго представленія, такъ-какъ всѣ атрибуты дерева: форма, цвѣтъ, плотность, запахъ, какъ ощущенія субъекта, находятся внутри насъ и не нуждаются въ объективномъ субстратѣ, имѣя субстратъ субъективный въ синтезѣ измѣненій, или, что тоже, ощущеній субъекта, и хотя приписываются внѣшнимъ объектамъ, но существованіе свое имѣютъ только въ субъектѣ. — Полярная же противоположность идеализма, *атомистическій матеріализмъ* учитъ, что реальны не разрушимыя сущности матеріальнаго бытія, атомы, съ своими неизмѣнными свойствами,—что матеріальные предметы это только реальные конгрегаты истинно-реальныхъ сущностей, носителей всегда неотъемлемо принадлежащихъ имъ свойствъ; представленія же предметовъ въ человѣческомъ умѣ это только реальныя воздѣйствія внѣ существующихъ, реальныхъ предметовъ, на нервную систему человѣка и организма, реально отображающую на себѣ реальное бытіе внѣшняго міра.

Отвергнутыя всѣми, системы *Фихте и Гегеля*, конечно, не могутъ

найти себѣ мѣста и въ нашемъ убѣжденіи, хотя и нельзя не сознаться, что объ эти системы, при всѣхъ своихъ крайностяхъ и странностяхъ, заключаютъ въ себѣ, кромѣ глубомыслія въ цѣльности своего построенія, нѣчто глубоко-истинное въ рѣшеніи даже даннаго вопроса *о реальномъ*. «Въ фактѣ: *я вижу дерево*,— говоритъ представитель позитивнаго ученія *Льюисъ*, — «по обыкновенной психологіи, заключаются три вещи: дерево, образъ дерева и умъ, воспринимающій этотъ образъ. *Фихте* говоритъ, что въ этомъ фактѣ есть только одно бытіе: *Ego*,—дерево же и образъ есть одно и тоже и составляетъ модификацію моего ума. Вотъ объективный идеализмъ. *Шеллингъ* говоритъ, что и дерево, и *Ego* суть два бытія, равно реальныя и идеальныя, и оба они ни болѣе ни менѣе, какъ проявленія абсолюта. Вотъ объективный идеализмъ. По ученію *Гегеля*, всѣ эти объясненія ложны. Единственная вещь, реально существующая въ этомъ фактѣ видѣнія дерева, есть *идея*, отношеніе. А *Ego* и *дерево* это лишь два термина отношенія и только отношенію обязаны своею реальностію. Вотъ абсолютный идеализмъ. Изъ всѣхъ трехъ видовъ идеализма, произноситъ о нихъ *Льюисъ* свой позитивный приговоръ,—«послѣдній (Гегелевскій), безъ сомнѣнія, есть самый нелѣпый. Можно ли было хоть на минуту повѣрить въ правильность логики, приводившей къ такому исходу, — можно ли было сразу не отвергнуть посылокъ, изъ которыхъ вытекали такіе выводы»?—Мы, съ своей стороны, утверждаемъ рѣшительно, что нельзя, въ-противность здравому смыслу, утверждать, что въ фактѣ: *я вижу дерево*—реально *только отношеніе* между субъектомъ и объектомъ, то гда-какъ самые объектъ и субъектъ не реальны. Тѣмъ не менѣе нельзя не признать нѣчто истинное и въ этомъ утвержденіи *Гегеля*. Именно, мы признаемъ въ немъ за истину положительную его сторону, что истинное отношеніе между субъектомъ и объектомъ дѣйствительно реально, какъ реальный фактъ,—но отвергаемъ, какъ нелѣпость, какъ очевидное противорѣчіе здравому смыслу, отрицательную сторону этого утвержденія, именно, что, не-смотря на дѣйствительную реальность отношенія между субъектомъ и объектомъ, самые субъектъ и объектъ тѣмъ не менѣе не реальны. Подобнымъ-же образомъ, и въ утвержденіи Фихте, что въ фактѣ: «я вижу дерево» реально — *Я*, субъектъ, а дерево есть представленіе въ субъектѣ, положительная сторона истинна; но ложно дальнѣйшее въ этомъ субъективномъ идеализмѣ, то именно, что такъ-какъ наше *Я* лишено будтобы способовъ увѣриться въ существованіи объекта, дерева, внѣ меня, то по этому

объектъ, дерево, внѣ меня и не существуетъ, не имѣетъ реальнаго бытія, а обязано имъ мнѣ, существуетъ только въ субъектѣ. Считая, съ своей стороны, излишнимъ раскрывать нелѣпость и этого субъективнаго идеализма, замѣтимъ, однакожъ внутреннее, ясное до очевидности, логически-реальное противорѣчіе въ этой будтобы строго логической системѣ: именно, если всѣ объекты, всякое *Не—Я* обязаны реальнымъ бытіемъ моему *Я*, то и другія личныя *Я* другихъ людей обязаны своею реальностію моему же *Я*. Въ свою очередь, и мое *Я*, для всякаго другаго человѣческаго *Я*, есть *Не—Я*, и, значитъ, реальнымъ своимъ бытіемъ обязано этому другому *Я*. Итакъ, мое *Я* есть причина реальнаго бытія всѣхъ другихъ личныхъ *Я* и, въ тоже время, есть продуктъ, дѣйствіе и слѣдствіе этихъ другихъ *Я*, которыя, въ свою очередь, обязаны своею реальностію моему *Я*, какъ причинѣ. И опять, мое *Я*, отрѣшающееся отъ самаго себя и дѣлающее себя предметомъ своего мышленія, становится субъектомъ въ-отношеніи къ себѣ, какъ объекту, такъ-что *Я* бываетъ и объектомъ, и субъектомъ для себя—же самаго, и, слѣдовательно, по системѣ Фихте, *Я*, какъ объектъ, обязано своимъ реальнымъ бытіемъ себѣ-же самому, т. е. тому же *Я*, какъ субъекту, тогда-какъ здравый смыслъ, на-основаніи опыта, говоритъ противное, именно: что такъ-какъ въ насъ сознаніе послѣдуетъ, а не предшествуетъ реальному нашему бытію, т. е. *Я* сознательное возникаетъ изъ напередъ уже существующаго *Я* безсознательнаго, или полу-сознательнаго, то, значитъ, *Я*, какъ субъектъ, обязано своею реальностію тому же *Я*, какъ напередъ данному объекту, а не на-оборотъ [1]). По этому, и къ *Фихте* мы можемъ обратить тѣже слова *Льюиса*, которыя онъ обращаетъ къ *Гегелю*: «можно ли было хоть на минуту повѣрить въ правильность логики, приводившей къ такому исходу,— можно ли было сразу не отвергнуть посылокъ, изъ которыхъ вытекали такіе выводы?»

Нѣтъ сомнѣнія, что хотя Фихтевская система и отличается необыкновенною глубиною и тонкостію мысли, хотя она и вводитъ насъ въ самую темную глубину человѣческой гносеологіи, освѣщая, въ этой области, многое, что до Фихте человѣчество не съ такою ясностію усматривало,— тѣмъ не менѣе, однако-жъ, въ своихъ выводахъ, эта система фальшива, и коренная погрѣшность ея, по нашему сужденію, заключается именно въ

[1]) Обстоятельнѣйшее, возможно всестороннее разсмотрѣніе этого предмета можно видѣть ниже, въ оцѣнкѣ гносеологической теоріи *Д. С. Милля*.

смѣшеніи объективнаго знанія съ реальнымъ бытіемъ. Несомнѣнно, что умъ нашъ знаетъ вещи только въ себѣ самомъ и чрезъ себя. Пусть даже для себя онъ и творитъ вещи въ себѣ самомъ,—тѣмъ не менѣе, однакожъ, вещи существуютъ реально внѣ его, сами по себѣ и, законами своего реальнаго бытія, вынуждаютъ его творить ихъ для себя, по законамъ его познанія, такъ, а неиначе, такъ-что субъектпвное познаніе весьма много условливается объективнымъ реальнымъ бытіемъ;—*реальное бытіе есть условіе субъективнаго знанія*, хотя, конечно, нельзя всецѣло отрицать и противнаго, что, въ свою очередь, *субъективное мышленіе есть отчасти условіе реальнаго бытія*. Но, во всякомъ случаѣ, воевать, въ настоящее время, съ давно признанными крайностями системъ *Фихте* и *Гегеля* значило бы донкихотствовать,—что не входитъ въ наши намѣренія,—тогда-какъ, на оборотъ, задачею для себя мы поставили сопоставить, по возможности, свой такъ-называемый супранатуральный, метафизическій взглядъ съ взглядомъ новѣйшихъ позитивистовъ, который, переходя къ крайностямъ такъ—называемаго натурализма, въ рѣшеніи вопроса о реальномъ, бытіи и знаніи, гораздо ближе подходитъ къ матеріализму, даже атомистическому, далеко еще не всѣми естествовѣдами отвергнутому, чѣмъ къ противоположной крайности *субъективнаго Фихтевскаго и абсолютнаго Гегелевскаго идеализма*. Такимъ образомъ, и здѣсь, *по вопросу о реальномъ*, предстоитъ намъ вести, какъ и прежде, по вопросу объ объективномъ знаніи мы вели, борьбу съ тѣмиже противниками:— позитивистами и возможно—позитивнымъ философскимъ методомъ.

ГЛАВА X.

Реальны, учитъ позитивизмъ, не метафизическіе *сверхъестественные дѣятели въ природѣ, не сущности, не субстанціи*, о которыхъ никто ничего не знаетъ и знать не можетъ, *не причины, а явленія, т. е. чувственные предметы, съ ихъ свойствами*. Значеніе этого положенія, при видимой своей простотѣ и ясности, требуетъ, однакожъ, разъясненія. Когда оно будетъ выяснено, окажется, что оно далеко не просто. Беремъ тотъ-же, вышеприведенный, облюбленный философами, примѣръ: *это дерево*, и спрашиваемъ: *реально ли это дерево, и что въ немъ реально? Что въ немъ самомъ реально, независимо отъ нашего*

чувства, отъ нашего субъективнаго воззрѣнія на него? О какихъ проявленіяхъ его можно рѣшительно сказать, что онъ принадлежатъ ему какъ его части, или качества, или дѣйствія, а не нашему чувству и вообще не субъективному воззрѣнію, какъ видоизмѣненія субъективнаго чувства и воззрѣнія, какъ неотступному и неустранимому ингредіенту, во всякое вступающее въ наше сознаніе явленіе? Въ разъясненіи себѣ этого вопроса мы должны основаться *на выше изложенномъ нами анализѣ объективности чувственнаго свидѣтельства.*

Прежде всего, остановимся на свойствахъ *этого дерева*, открываемыхъ: *1) чувствомъ зрѣнія.*—Принадлежитъ ли *этому дереву* извѣстная, въ данный моментъ являющаяся моему зрѣнію, *фигура*? Древніе греческіе философы отвѣчали, что нѣтъ,—не принадлежитъ, и отвѣчали не безъ основавія. Стоитъ лишь перемѣнить мнѣ точку зрѣнія въ пространствѣ, чтобы фигура дерева была иная; стоитъ пройти моменту времени отъ перваго воззрѣнія, чтобы фигура, открывающаяся при второмъ воззрѣніи, абсолютно не могла быть тожественнымъ повтореніемъ фигуры дерева при первомъ на него воззрѣніи. Несомнѣнно, что, въ каждый данный моментъ, какая-либо фигура дереву принадлежитъ; но какая именно, такая ли, какъ видится моему зрѣнію, или иная, это знать нельзя,—вѣрнѣе же, что не такая. Это древніе греки и называли безпрерывнымъ «теченіемъ», неуловимымъ «исчезаніемъ» чувственнаго. Чтобъ уловить фигуру этого дерева, во всѣхъ тысячеобразныхъ отношеніяхъ его ко времени и пространству, къ окружающей его средѣ, для этого нужно было бы ни болѣе ни менѣе, какъ остановить бѣгъ міра, не только въ цѣломъ его объемѣ, но и во всѣхъ само - малѣйшихъ частяхъ. Однакожъ, тогда мы еще не достигли бы своей цѣли: для этого нужно имѣть абсолютное всевидѣніе.—Принадлежитъ ли дереву извѣстный *цвѣтъ*? Вопросъ объ отношеніи цвѣтовъ къ глазу, къ предмету цвѣтному не свѣтящему, къ предмету источающему свѣтъ, выше проанализированъ нами достаточно. Цвѣтъ, свѣтъ, это возбужденіе зрительнаго нерва какимъ-то дѣйствіемъ, которое названо свѣтомъ, дѣйствіемъ извѣстныхъ тѣлъ, которыя названы свѣтящими,—свѣтомъ принятымъ, разложеннымъ, преломленнымъ и отраженнымъ другими не свѣтящими предметами, напр., этимъ деревомъ. Безъ свѣтящихъ тѣлъ нѣтъ свѣта, внѣ атмосферы нѣтъ свѣта; безъ зрительнаго нерва нѣтъ свѣта; свѣтъ, равно-какъ и цвѣтъ предмета, есть состояніе нашего зрительнаго нерва,—а этому дереву въ явленіи свѣта или цвѣта принадлежитъ только извѣстное разположеніе частицъ древеснаго

состава, которое извѣстнымъ образомъ разлагаетъ, преломляетъ и отражаетъ то, измѣненное состояніемъ атмосферы, дѣйствіе свѣтящихъ тѣлъ, которое въ нашемъ зрительномъ нервѣ производитъ состояніе, сопровождающееся въ центральномъ чувствилищѣ ощущеніемъ свѣта и цвѣта. Другія открываемыя нашимъ зрѣніемъ свойства тѣлъ, какъ-то: твердость, шероховатость, плотность, жидкое состояніе, газообразность, суть только видимости и составляютъ въ-сущности не непосредственныя воспріятія зрѣнія, но посредственный выводъ умозаключенія отъ привычнаго, чрезъ частое повтореніе, совпаденія извѣстныхъ ощущеній зрѣнія съ ощущеніями другихъ чувствъ и, по-преимуществу, осязанія. Итакъ, чтоже реально *въ этомъ деревѣ*, изъ свойствъ, открываемыхъ зрѣніемъ? *Реально присущее ему, какъ и всѣмъ видимымъ предметамъ, свойство, измѣняемымъ и направляемымъ въ немъ, по свойству и расположенію частицъ его состава, движеніемъ свѣтоваго эѳира, возбуждать зрительный нервъ.* — 2) Что реально *въ этомъ деревѣ* изъ свойствъ, открываемыхъ *чувствомъ слуха?* — Звуки, всѣ безъ исключенія, суть извѣстныя состоянія не дерева, не звучащаго предмета, но слуховаго нерва, производимыя дрожательнымъ движеніемъ частицъ дерева, какъ и всякаго другаго изъ звучащихъ предметовъ, движеніемъ, передаваемымъ какою-либо проводящею звукъ средою, такъ-какъ чрезъ пустоту звукъ не передается: *внѣ слуховаго нерва есть въ деревѣ только движеніе частицъ, производящихъ въ ухѣ звукъ,—но нѣтъ звука.* Кромѣ того, для разныхъ слуховъ (людей, животныхъ, и т. д.) одинъ и тотъ же звукъ имѣетъ разное значеніе, даже до положительнаго несуществованія звука для тѣхъ чувствующихъ существъ, которыя имѣютъ слабо развитой слухъ, или вовсе его не имѣютъ. Что же такое извѣстный звукъ самъ въ себѣ,—равно-какъ, что такое извѣстный цвѣтъ самъ въ себѣ? Что такое извѣстный вкусъ, извѣстная плотность (какъ ощущается она разными осязаніями) сами въ себѣ?... 3) Извѣстный запахъ *этого дерева* есть дѣйствіе отдѣлившихся отъ него частицъ, механически и химически соединяющихся съ влагами слизистой оболочки носа и въ этомъ соединеніи прикасающихся къ обонятельному нерву;—это-то возбужденіе обонятельнаго нерва и есть извѣстный запахъ.—4) Извѣстный вкусъ есть также нѣчто аналогичное: это дѣйствіе отдѣлившихся отъ *этого дерева* частицъ, механически и химически соединившихся съ соками слизистой оболочки рта и въ этомъ соединеніи

прикасающихся къ нервамъ, выстилающимъ полость зѣва; извѣстное возбужденіе этихъ нервовъ есть извѣстный вкусъ. — 5) Извѣстныя свойства *этого дерева*, ощущаемыя *осязаніемъ*, какъ-то: извѣстная гладкость, кажущаяся одному осязанію именно гладкостію, а другому шероховатостію,—извѣстная упругость, кажущаяся одному усилію неодолимою твёрдостію, а другому твердостію такъ себѣ, удобо-сгибаемою, или сжимаемою, или растягиваемою,—что такое всѣ эти свойства сами въ себѣ? Что о нихъ опредѣленнаго можно сказать кромѣ того, что онѣ сами въ себѣ суть извѣстное *движеніе или состояніе частицъ* дерева, дѣйствующаго на ощущеніе нашего тѣла? Но какое именно это движеніе, или состояніе,—чувство лишено средствъ дать на это хотя какой-либо, близкій къ абсолютной, всеобъемлющей данное явленіе, объективной истинѣ, отвѣтъ. *Несомнѣнно только, что, по мѣрѣ развитія чувства и сознанія, расширяются не-только объективность міросозерцанія, но и реальность міробытія.* Для безчувственнаго, безсознательнаго, растенія міръ, со всѣмъ своимъ разнообразіемъ, не существуетъ. Для животно-растенія, лишеннаго всѣхъ внѣшнихъ чувствъ, при неуловимости и внутреннихъ его ощущеній для нашего сознанія, міръ съ своимъ проявленіемъ опять-таки существуетъ весьма мало, даже, можно сказать, почти вовсе не существуетъ. Напоенное влагою, въ засуху, дерево веселѣетъ не столько въ собственномъ ощущеніи, сколько въ нашемъ сознаніи; вся безчувственная природа, въ прекрасное весеннее утро, дышетъ жизнью и радостью также почти только въ нашемъ ощущеніи и сознаніи. Это можно сказать объ отношеніи всего безчувственнаго къ чувствующему и сознающему. Для животнаго, лишеннаго чувствъ зрѣнія и слуха, обоняція и осязанія, не существуютъ всѣ проявленія міра, подлежащія этимъ чувствамъ. Даже для высшаго животнаго весьма многія свойства не существуютъ, въ-особенности свойства подлежащія осязанію, когда у животныхъ нѣтъ особаго чувствилища осязанія въ-родѣ нашихъ пальцевъ. Вообразимъ себѣ человѣка, у котораго отъ природы не было бы ни зрѣнія, ни слуха, ни обонянія, ни осязанія, по крайней мѣрѣ, тонкаго. Что для такого урода было бы реально въ мірѣ? Что реально въ мірѣ для человѣка, находящагося въ глубокомъ, безсознательномъ тифѣ?—Сравнимъ общечеловѣческій умъ въ первобытномъ его состояніи невѣденія предѣловъ природы въ великомъ и въ маломъ съ состояніемъ обще-человѣческаго ума въ наши дни и съ тою невообразимою для насъ теперь широтою его развитія, какую, при правильномъ, прогрессивномъ движе-

ніи впередъ онъ пріобрѣтетъ чрезъ тысячелѣтія. Какъ широко уже раздвинулась и еще раздвинется, для обще-человѣческаго сознанія, область не только объективнаго, но и реальнаго! И при этомъ не то мы хочемъ сказать, что существующее отъ начала съ теченіемъ вѣковъ становилось только доступнымъ сознанію. Нѣтъ, самыя свойства бытія возникали съ раскрытіемъ чувствилища и сознанія, такъ-какъ свѣтъ существуетъ только въ зрительномъ нервѣ и вмѣстѣ съ нимъ возникъ въ настоящемъ своемъ видѣ: еслибы не было зрительнаго нерва, то не было бы и свѣта, еслибы существовали только совы и нетопыри, или только рыбы, то въ природѣ существовало бы только то возбужденіе зрительнаго нерва и то освѣщеніе, къ какому способны только эти животныя. Вообразимъ также, что вдругъ возникло бы зрѣніе въ милліонъ разъ болѣе сильное настоящаго человѣческаго зрѣнія; — тогда для, такого зрѣнія, Сиріусъ на землѣ засвѣтилъ бы ярче нашего солнца и вселенная озарилась бы невообразимымъ для насъ блескомъ. Представимъ, въ концѣ концовъ, абсолютное зрѣніе и сознаніе: для такого зрѣнія атомъ существуетъ столько же, сколько и самое крайнее солнце, въ самомъ крайнемъ изъ туманныхъ пятенъ. Для всевидящаго ока видимость міровой дисгармоніи, сплетаясь съ невидимыми для ограниченности предѣлами обще-міроваго-плана, является безконечною гармоніею и все видится *добро зѣло*; для абсолютнаго творческаго сознанія, все, что только есть въ Его умѣ, въ Его мысляхъ, все это есть дѣйствительно существующее; по выраженію *Св. писанія, Богъ не сущее нарицаетъ яко сущее.* Съ этой точки зрѣнія, до *наглядности очевидна зависимость свойства бытія отъ чувствъ и сознанія, такъ-что безъ чувствъ и сознанія (по крайней мѣрѣ, абсолютнаго) нѣтъ свойствъ міробытія.* Къ этому предмету мы еще будемъ имѣть случай воротиться и нужду раскрыть его обстоятельнѣе, какъ уже отчасти и раскрывали; а теперь мы выясняемъ и, надѣемся, достаточно выяснили только то, что *крайне трудно опредѣлить, какія именно свойства въ міробытіи существуютъ сами по себѣ, а не происходятъ отъ нашего чувства, какъ неотступнаго и неустранимаго ингрендіента во всякое явленіе, даже есть ли на самомъ дѣлѣ такія свойства.* Продолжимъ еще нашъ анализъ. 6) Какое реальное свойство открываютъ въ предметѣ, напр., въ плодѣ *этого дерева*, ощущенія утоляемаго имъ *голода*, причиняемой имъ *боли*, проводимаго имъ, чрезъ прикосновеніе къ нашему тѣлу, *тепла*, или *холода?* Ощущеніе утоленія голода производится превращеніемъ

даннаго предмета въ извѣстный желудочный сокъ;—ощущеніе причиняемой боли производится прикосновеніемъ даннаго предмета, разрушающимъ нормальный строй тканей нашего организма; ощущеніе передаваемаго тепла, или холода, производится расширеніемъ, или сжатіемъ частицъ даннаго предмета, производящимъ въ нашемъ организмѣ аналогичное-же движеніе,—расширеніе или сжатіе частицъ организма. Ясно, такимъ образомъ, что *всѣ наши ощущенія, будучи совокупнымъ продуктомъ двухъ причинъ: нашего нерва и даннаго внѣшняго предмета, открываютъ въ этомъ послѣднемъ независимо, реально существующимъ отъ нашего нерва только одно свойство, движеніе частицъ предмета*, при чемъ *всѣ прочія свойства* этого предмета, напр., этого дерева, какъ-то: тепло, или холодъ, питательность, вкусъ и запахъ, шероховатость, шумъ и зелень, *будутъ имѣть мѣсто только въ нервахъ чувства, и, притомъ, въ данномъ качествѣ только, именно* въ нервахъ *человѣческаго чувства, а внѣ ихъ перестанутъ существовать.* Зависимость большей части свойствъ предметовъ отъ разнаго устройства чувствующихъ нервовъ открывается особенно ясно изъ того факта, что движеніе частицъ извѣстной матеріи, часто въ существѣ своемъ единое и цѣльное, какъ это въ настоящее время дознано физиками и физіологами, прикасаясь къ разнымъ ощущающимъ нервамъ, обнаруживаетъ въ себѣ будтобы разныя свойства. Такъ, напр., въ одномъ и томъ-же движеніи электричества, въ которомъ глазъ чувствуетъ свѣтъ, слухъ—трескъ, вкусъ — кислоту, въ немъже обоняніе поражается иногда извѣстнымъ запахомъ, а осязаніе извѣстнымъ болѣзненнымъ ощущеніемъ. Этотъ, давно извѣстный по опыту, но недавно выясненный современною наукою, поразительный фактъ дѣлаетъ довольно вѣроятнымъ и нѣсколько наглядным сравненіе человѣческаго тѣла съ калейдоскопомъ, посредствомъ котораго духъ смотритъ на міръ. Быть можетъ, не-только крайне ограниченное, въ-сравненіи съ кажущеюся безчисленностію, количество реальныхъ если не объектовъ, то ихъ свойствъ, но даже, что всего вѣроятнѣе, и совершенное тожество истинно-объективнаго бытія, абсолютное единство истинно сущаго является нашему сознанію безконечнымъ разнообразіемъ, если не единственно только, то очень много по тому, что это основное единство, кореннымъ, тожественнымъ движеніемъ своимъ, прикасается къ миріадамъ нитей нашего чувствилища, которыя, по природѣ своей собственной разновидной воспріимчивости, издаютъ гармонію, или дисгармонію необъятнаго разнообразія, неисчислимаго содержанія... Впрочемъ, къ этому вопросу: какъ единое основное истинно-сущее является без-

предѣльнымъ разнообразіемъ, отражаясь, съ одной стороны, въ ограниченномъ сознаніи, а съ другой—въ ограниченномъ бытіи, мы еще будемъ имѣть нужду воротиться въ-послѣдствіи. Точно также и къ вопросу: въ какой мѣрѣ независимо отъ нашего ощущенія это послѣднее убѣжище независимой отъ человѣческаго сознанія реальности природы, *коренное свойство всѣхъ свойствъ міробытія, движеніе частицъ вещества*, — мы еще воротимся въ-послѣдствіи. — Теперь же только устанавливаемъ фактъ, что, *во всѣхъ проявленіяхъ нормально дѣйствующаго ощущенія, коренная причина всѣхъ измѣненій нашего чувствилища, какъ наиболѣе независимая отъ него реальность, есть только движеніе частицъ вещества.* Это, въ настоящее время, аподиктическій приговоръ современнаго естествовѣденія, приговоръ, впрочемъ, хотя и обоснованный многими новѣйшими открытіями науки, но въ выводѣ заключающій, очевидно, не болѣе того, что высказано, слишкомъ 2,000 лѣтъ тому назадъ, греческими атомистами. Такимъ образомъ, позитивизмъ, если хочетъ быть естественно—научнымъ, т. е. наиболѣе позитивнымъ, долженъ, волею неволею, спуститься въ ту таинственную область бытія и знанія, въ ту химическую лабораторію природы, въ которой вырабатываются всѣ явленія, съ ихъ свойствами и законами, гдѣ, отрѣшившись отъ всего проявляющагося, преломляющагося и разлагающагося въ призмѣ нашихъ чувствъ, а вмѣсто того, вооруживъ наше умственное око самымъ точнымъ и чистымъ микроскопомъ разсудочнаго анализа, мы стоимъ лицемъ къ лицу только *съ частицами вещества, древними атомами и ихъ движеніемъ.* Только эти два момента всякаго явленія реальны и болѣе или менѣе независимы отъ нашего чувства,— именно: *вещество* и *движеніе.*

Но здѣсь открывается логическая неизбѣжность дальнѣйшаго вопроса, вопроса не только метафизики, но и физики: *что же здѣсь далѣе реально, вещество, или движеніе,—что существуетъ, какъ res, или ens, или субстанція, или субстратъ, и что какъ дѣйствіе, или качество, или проявленіе?*—Простымъ на этотъ вопросъ отвѣтомъ атомистической физики и метафизики испоконъ-вѣку было, что реально существуетъ какъ вещь только вещество, состоящее изъ атомовъ, а движеніе существуетъ только какъ дѣйствіе вещества, совокупности атомовъ, его причины. Такимъ образомъ, открывается дальнѣйшая логическая неизбѣжность вопроса: *реально ли вещество, есть ли оно причина, носитель движенія, какъ своего слѣдствія, а ни подъ какимъ видомъ не*

слѣдствіе, не продуктъ, не обнаруженіе движенія, силы? Существуютъ ли атомы, какъ субстратъ самаго вещества?

ОТДѢЛЪ I.

СУЩЕСТВУЮТЪ ЛИ АТОМЫ, КАКЪ СУБСТРАТЪ САМАГО ВЕЩЕСТВА?

ГЛАВА XI.

Въ разъясненіи этого радикальнаго вопроса всякой, какъ метафизической, такъ и позитивной, философіи мы постараемся обосноваться не на идеальныхъ теоріяхъ величайшихъ мыслителей древности: *Платона и Аристотеля*, которые, на основаніяхъ, выработанныхъ всею предшествовавшею имъ греческою философіею, утверждали, что матерія есть нѣчто хаотическое, безформенное, безкачественное, неопредѣленное, не дѣйствительное, не бытное, не реальное, въ возможности все, а въ дѣйствительности ничто, нѣчто не сущее и сущее ничто; — точно также не будемъ основываться и на какихъ бы то ни было старыхъ метафизическихъ теоріяхъ, даже, напр., на теоріи *Канта*, который, отвергая атомистическую теорію вещества, силился установить динамизмъ. Остановимся только на относящихся къ поставленному вопросу выводахъ новѣйшей естественной науки, какъ наиболѣе близкой къ самому ригористическому позитивизму и вполнѣ обязательной для него. При этомъ признаемъ нужнымъ напередъ заявить, что, блуждая въ этихъ наиболѣе глубокихъ, закрытыхъ и мрачныхъ тайникахъ міроваго бытія и человѣческаго знанія, мы будемъ идти не иначе какъ ощупью, на каждомъ шагѣ стараясь держаться за признанные естественно-научные выводы, чтобъ не сбиться съ позитивно-философской точки зрѣнія и не заблудиться въ трущобахъ ультра-метафизической мечтательности, выдающей галлюцинацію сновидѣній за лучезарное созерцаніе тайнъ истиннаго бытія. И эту оговорку считаемъ тѣмъ болѣе умѣстною, что, въ заключеніи своего изслѣдованія, мы предвидимъ выводъ для общаго смысла странный, хотя и выясняемый новѣйшею наукою съ каждымъ днемъ больше и больше, такъ-какъ онъ выте-

каетъ изъ данныхъ, основанныхъ на научномъ опытѣ, посылокъ съ строго-логическою, ультрапозитивною точностію.

Вотъ результаты одной, строго-научной, статьи, составленной подъ вліяніемъ высшихъ авторитетовъ естествовѣдѣнія, напечатанной въ *Русскомъ Вѣстникѣ за 1860 годъ* (т. *XXVII*), подъ названіемъ: *объ атомистической теоріи вещества.*

Что такое вещество—вопросъ до такой степени общій, что неизбѣжно встрѣчался каждому физіологу, физику, или химику, и былъ постоянно разбираемъ ими, отъ первой эпохи существованія наукъ и до нашихъ дней. Если же около этого вопроса постоянно вращаются эмпирическія изслѣдованія, то не въ-правѣ ли мы ожидать, что онъ постепенно разъяснится? Кому, кажется, лучше знать, что такое вещество, какъ не химику, или физику?—Эмпирическія науки постоянно представляютъ стремленіе рѣшать этотъ вопросъ въ извѣстную сторону: всѣмъ извѣстно, что *въ-отношеніи къ веществу, въ физикѣ и химіи, все больше и больше начинаетъ господствовать атомистическая теорія* [1]). — На самомъ же дѣлѣ легко доказать, что существенный вопросъ этотъ не подвинутъ ни на шагъ, тогда-какъ его рѣшеніе въ извѣстную сторону сдѣлано уже давно, матеріалисты и атомисты существовали уже въ древней Греціи. *Шеллингъ* разсказываетъ, что когда, во время консульства, философъ *Якоби* былъ въ Парижѣ и вмѣстѣ съ другими представлялся первому консулу, Наполеонъ быстро обратился къ нему съ вопросомъ: что такое вещество? Якоби не нашелся что сказать, и Наполеонъ заговорилъ съ другими. Отвѣчать дѣйствительно не легко. Но Наполеонъ едва ли бы не былъ въ большемъ затрудненіи, чѣмъ философъ, если-бы *Якоби* спросилъ его, что собственно онъ хочетъ отъ него узнать? Въ вопросахъ такого рода дѣло идетъ о сущности предмета. Но натуралисты не могутъ рѣшать вопросы о сущности явленій, т. е. именно о томъ, что всего болѣе хотѣлось бы намъ знать. Физики и химики почти единогласно утверждаютъ, что они не знаютъ, что такое матерія. *Грове* выражается: что касается вопроса *о внутреннемъ устройствѣ* вещества, т. е. атомисты ли правы, или ихъ противники, то, вѣроятно, всѣ усилія человѣческаго ума никогда не доведутъ насъ до удовлетворительнаго отвѣта на этотъ вопросъ.

Впрочемъ, *многіе изъ естественниковъ считаютъ вопросы о сущности явленій чѣмъ-то безполезнымъ и мишнимъ, слишкомъ отвлеченнымъ и пустымъ.* Всѣ держатся атомистической теоріи, не подвергая критикѣ ея основаній. Вся масса натуралистовъ убѣждена непоколебимо въ существованіи *атомовъ*. Но если бы *Якоби* на вопросъ Наполеона отвѣчалъ: *вещество есть совокупность атомовъ*, то великій полководецъ едвали бы остался доволенъ. Вѣдь и *атомы состоятъ изъ вещества*, а о немъ-то и спрашивается. Такимъ образомъ, *таинственная сущность, какъ ей и слѣдуетъ, остается при этомъ недостижимою, и весь*

---

[1]) Такъ было въ 1860 году, еще такъ недавно. Теперь же атомистическая теорія рѣшительно изгоняется изъ области эмпирическихъ изслѣдованій.

вопросъ сводится только на то: дѣлимо ли вещество до безконечности, или это дѣленіе имѣетъ предѣлы.

На чемъ основывается допущеніе атомовъ?—Гипотеза атомовъ придумана греками, *Левкиппомъ и Демокритомъ*, но получила особенное развитіе со времени ученія о химическихъ пропорціяхъ, подтверждаемаго точными опытами. Легко показать однако же, что *атомистическая теорія есть предположеніе, опирающееся не на опытахъ, а на метафизическихъ основаніяхъ.* 1) Тѣла состоятъ изъ частей и дѣлятся на части; тѣло не есть что-либо самостоятельное, а только совокупность частей; тѣло, какъ цѣлое, въ собственномъ смыслѣ, не существуетъ, а существуютъ только части; значитъ, эти части не должны уже состоять изъ частей, должны существовать сами по себѣ, должны быть самостоятельными цѣлыми атомами. 2) Тѣло раздѣлено на части; въ частяхъ его есть все, что было въ цѣломъ; въ тѣлѣ есть нѣчто неизмѣнное, постоянно пребывающее; тѣло должно состоять изъ неизмѣнныхъ частицъ, неизмѣнной величины и формы, — *изъ атомовъ*. *Ньютонъ* говоритъ: такъ-какъ частицы вещества остаются во всемъ недѣлимыми, то онѣ и образуютъ, во всѣ времена, тѣла одинаковаго свойства и строенія. Еслибъ онѣ раздробились, то и природа вещей, зависящая отъ нихъ, измѣнилась бы». *Біо* туже мысль выражаетъ такъ: «результаты показываютъ, что на земномъ шарѣ частицы не распадаются, не измѣняются, не превращаются однѣ въ другія, потому-что какой бы химической операціи мы ни подвергали ихъ, въ какое бы соединеніе онѣ ни вошли, онѣ всегда получаются потомъ изъ него съ первоначальными своими свойствами. Безконечное число вліяній, дѣйствовавшихъ на частицы отъ начала міра, кажется, не произвело никакого измѣненія въ ихъ свойствахъ».

Между-тѣмъ *атомистическая теорія*, опираясь на метафизическія основанія, противорѣчитъ другимъ основоположеніямъ нашего ума. 1) *Атомы* представляютъ *неизмѣнную* сущность вещества; никакія перемѣны въ мірѣ явленій до нихъ не касаются; а между тѣмъ сами атомы вещественны: слѣдовательно, вещество не претерпѣваетъ перемѣнъ.—2) Тѣла *дѣлимы*; дѣленіе есть чистая видимость; оно состоитъ только въ удаленіи частей, раздѣльныхъ отъ вѣчности; заключающееся же въ атомахъ вещество не дѣлимо.—3) Тѣла *соединяются*,—двѣ капли ртути сливаются; но слiяніе здѣсь только видимое; атомы не могутъ сливаться, а могутъ только помѣститься возлѣ другъ друга —4) Тѣла *сжимаются и расширяются*; но вещество собственно не сжимается и не расширяется: сжатіе и расширеніе зависитъ только отъ сближенія и взаимнаго отдаленія атомовъ.—5) Тѣла *измѣняютъ форму*; но въ-сущности вещество не способно измѣнять форму:—атомы имѣютъ одну и туже форму отъ вѣчности.— 6) Тѣла *соединяются химически*; вода не есть только *механическое* смѣшеніе кислорода и водорода,—но предполагаютъ что атомы кислорода находятся въ ней только возлѣ атомовъ водорода, не соединенные, не слитые, а только сближенные. — 7) Вездѣ, какое бы глубокое *измѣненіе* ни происходило въ веществѣ, атомистами оно объясняется такъ, что *его въ-сущности нѣтъ*, что измѣняются только пространственныя отношенія атомовъ, а не самое вещество, не атомы. Ясно, что атомистическая теорія отрицаетъ явленія, наблюдаемыя въ тѣлахъ, и полагаетъ, что въ сущности, т. е. въ атомахъ, эти явленія не происходятъ. Отсюда само собою слѣдуетъ, что *никакой*

опытъ не можетъ [1]) *ни опровергнуть этой теоріи, ни доказать ея справедливость.* И обратно, такъ-какъ *свойства атомовъ находятся въ прямомъ противорѣчіи съ свойствами тѣлъ*, то мы, очевидно, никогда не можемъ найти такія маленькія тѣла, какими представляются атомы, и не встрѣтимъ ни одного опыта, въ которомъ тѣла дѣйствовали бы такъ, какъ еслибъ онѣ состояли изъ атомовъ. Атомы намъ нужны для того, чтобъ олицетворить неизмѣнную сущность вещества, и, слѣдовательно, съ ними нельзя встрѣтиться въ мірѣ явленій, въ мірѣ безпрерывныхъ перемѣнъ. Поэтому, какъ бы мы ни дѣлили вещество, въ малѣйшей его части мы все будемъ предполагать атомы, потому-что и малѣйшая часть вещества есть все-таки вещество, измѣнчивое, дѣлимое и проч., такъ-что, по сущности дѣла, мы должны представлять атомы *безконечно малыми*, т. е. *меньше всякой данной величины*; иначе сказать, *мы не можемъ придать имъ ни какой, даже самой малой величины.*

Тѣмъ не менѣе этому *отрицанію всякой величины, всякаго реальнаго бытія* положительно приписываютъ опредѣленныя и самыя реальныя, хотя и не встрѣчающіяся въ природѣ свойства: атомы абсолютно недѣлимы, абсолютно отдѣльны, неизмѣнны, химически не соединимы, не проницаемы, однородны, вопреки свойствамъ всѣхъ тѣлъ. Предъ нами цѣлый міръ необъясненныхъ и необъяснимыхъ свойствъ. Чѣмъ соединены части атома? Почему атомы не сливаются? Почему имѣютъ неизмѣнную форму? и т. д. Всѣ эти вопросы совершенно законны. Атомистамъ остается одно—признать, что на нѣкоторые вопросы, правильные, разумные, нѣтъ и не можетъ быть отвѣта, или, другими словами,—что есть явленія, не имѣющія никакой причины. Такъ и дѣлаютъ они, когда говорятъ, что свойства атомовъ принадлежатъ имъ отъ вѣчности. Такіе отвѣты прямо противны духу научныхъ естественныхъ изслѣдованій. Возьмемъ, напримѣръ, вопросъ о *недѣлимости атомовъ*, вѣчный камень преткновенія *атомистовъ*. Такъ-какъ *атомы протяженны* (суть *тѣла, а не точки математическія*), то они мысленно могутъ быть дѣлимы. Спрашивается, отчего въ дѣйствительности они не дѣлятся? *Либихъ* разсуждаетъ объ этомъ такъ: *для ума совершенно не возможно представить себѣ маленькія частицы вещества, которыя были бы совершенно недѣлимы....* Какъ бы ни была мала частица, мы не можемъ считать невозможнымъ раздробленіе ея на двѣ половины, на три, на сто частей. Но мы можемъ представить себѣ, что эти атомы только физически недѣлимы, что они только въ нашихъ опытахъ являются такъ, какъ будто бы они были неспособны ни къ какому дальнѣйшему дѣленію. *Физическій атомъ*, въ этомъ смыслѣ, представляетъ группу гораздо меньшихъ частицъ, которыя соединены нѣкоторыми силами, болѣе крѣпкими, чѣмъ всѣ силы, какія на земномъ шарѣ могли бы мы употребить для ихъ раздѣленія. Такимъ образомъ, *не отвергая безконечной дѣлимости вещества*, химикъ только признаетъ твердое основаніе, крѣпкую почву своей науки, когда считаетъ существованіе физическихъ атомовъ за неоспоримую истину». И такъ, сохраняя безконечную дѣлимость матеріи, *Либихъ* допускаетъ *Физическіе атомы.* Но какое же различіе между физическими и абсолютными атомами? Очевидно,

---

[1]) Такъ казалось въ 1860 г. Теперь атомистическая теорія опровергается фактически.

никакого. *Физическій атомъ есть группа гораздо меньшихъ частицъ*; въ этихъ частицахъ, очевидно, опять являются только-что изгнанные абсолютные атомы. Таково самое представленіе атомовъ: чуть мы остановимся на атомѣ, какъ онъ уже распадается на частицы; остановитесь на частицахъ, и вы увидите, что онѣ сами состоятъ изъ частицъ еще болѣе мелкихъ и т. д., безъ конца. Если же мы рѣшимся, наконецъ, остановиться, то не избѣжимъ вопроса: отчего же послѣдніе наши атомы недѣлимы? На этотъ вопросъ у атомистовъ нѣтъ отвѣта. Не говоримъ здѣсь о множествѣ другихъ свойствъ, почти каждодневно вновь приписываемыхъ *атомамъ* физиками и химиками: имъ приписываются и двуполярное электричество, и химическое сродство, и множество другихъ свойствъ, а о причинѣ присутствія ихъ въ атомахъ атомисты знаютъ столь-же мало, какъ и о причинѣ недѣлимости ихъ. Чѣмъ подробнѣе разсказываютъ намъ атомисты о расположеніи атомовъ, объ ихъ различныхъ силахъ, о вращательныхъ, колебательныхъ и всякихъ другихъ движеніяхъ, тѣмъ менѣе должны мы этому вѣрить, потому-что каждая черта этого разсказа есть гипотеза, а совокупность множества гипотезъ несравненно менѣе вѣроятна, чѣмъ каждая изъ нихъ взятая въ-отдѣльности. *Ни физика, ни химія не представляютъ ни одного, хотя сколько-нибудь твердаго, доказательства въ-пользу существованія атомовъ.* Атомистика противорѣчитъ опыту и свои неизмѣнныя частицы принуждена сдѣлать невидимыми, неосязаемыми, недостижимыми никакими способами. Атомистика не можетъ объяснить ни одного явленія, потому-что пустая игра атомовъ, простое ихъ передвиженіе не представляетъ никакой возможности вполнѣ исчерпать даже самое простое явленіе. Атомы суть созданія нашего воображенія, нашего мышленія, удаляющія насъ отъ прямаго факта, отъ очевиднаго явленія, останавливающія насъ тамъ, гдѣ именно мы хотѣли бы идти дальше. *Физики и химики-идеалисты*: атомы не изъ опыта, а изъ умозрѣнія, явились у первыхъ греческихъ философовъ, даже раньше, у финикіянъ и индусовъ. Основателемъ новой атомистики должно считать *Декарта*: онъ раздѣлилъ непроходимою бездною духъ и вещество и призналъ особое существованіе вещества. Полное и совершенное опроверженіе атомистики возможно только въ томъ случаѣ, если уничтожить бездну разстоянія между веществомъ и духомъ и слить міръ въ одно цѣлое, такъ, чтобы самостоятельность частей зависѣла отъ самостоятельности цѣлаго, а не на-оборотъ,—чтобы существенно существовали только атомы, чтобы только частное было самостоятельно, цѣлое же и общее чтобы было только случайною, преходящею и исчезающею совокупностью частей и качествъ. Чтобы видѣть, къ чему ведетъ подобный атомистическій взглядъ, стоитъ только вспомнить міросозерцаніе *Епикура и Лукреція*, у которыхъ онъ былъ раскрытъ совершенно послѣдовательно. Въ философіи, какъ и въ высшихъ сферахъ жизни, такой взглядъ одностороненъ, ничтоженъ, скользитъ только по поверхности вещей, ведетъ къ матеріализму, убійству духа, и фетишизму, убійству жизни.

Ясно, что *атомы не существуютъ*. Что же существуетъ? Вещество съ его превращеніями и законами,—вещество не атомистическое, твердое и неизмѣнное, но гибкое, живое, дѣйствительно сущее. «Тѣмъ, говоритъ *Гегель*, которые убѣждены въ истинѣ и достовѣрности реализма чувственныхъ предметовъ, можно сказать, что они должны пройти самую низшую школу мудрости, а именно древнія

Елевзинскія мистеріи цереры, должны сперва проникнуть въ таинство ѣды хлѣба и питья вина, потому-что тотъ, кто посвященъ въ эти тайны, не-только начинаетъ *сомнѣваться въ бытіи чувственныхъ вещей, но даже совершенно отчаявается въ этомъ бытіи*, и отчасти самъ производитъ ихъ *ничтожество*, отчасти видитъ, какъ они сами производятъ его. Впрочемъ, самыя животныя не лишены этой мудрости; оказывается даже, что они глубочайшимъ образомъ посвящены въ нее, потому-что они не останавливаются предъ бытіемъ чувственныхъ предметовъ, но, вполнѣ *сомнѣваясь въ ихъ реальности и въ полномъ убѣжденіи въ ихъ ничтожествѣ*, прямо хватаютъ ихъ и пожираютъ. Да и вся природа, подобно этимъ животнымъ, празднуетъ эти открытыя мистеріи, научающія насъ тому, *что есть истиннаго въ чувственныхъ вещахъ*». Дѣйствительно, что въ чувственныхъ вещахъ есть истиннаго и очевидно яснаго для всѣхъ и каждаго, *это безпрерывная измѣнчивость вещества, его сліянія и превращенія, его метаморфоза изъ мертвыхъ тѣлъ въ живыя растенія, изъ растеній въ одушевленныхъ животныхъ, метаморфоза хлѣба и вина въ человѣка и такъ далѣе, до-безконечности.*

Это, повторяемъ, не наше соображеніе, а выводы изъ статьи (г. *Страхова*), напечатанной въ Русскомъ Вѣстникѣ за 1860 годъ, Т. XXVII. И относительно этихъ выводовъ мы пока не произносимъ отъ себя ни да, ни нѣтъ. Обращаемъ же вниманіе только на то обстоятельство, что, по этимъ выводамъ, *атомистическая теорія признается несостоятельною и существованіе атомовъ невозможнымъ.*

Вотъ разсужденія, по тому же капитальному вопросу, одного *метафизика матеріалиста* [1]). Безконечная во времени, матерія не имѣетъ ни начала, ни конца и въ пространствѣ. Привитыя нашему понятію понятія о времени и пространствѣ не прививаются къ матеріи. Къ какому бы протяженію матеріи мы ни обратились, *къ самому ли меньшему, или самому большему, мы никогда не найдемъ конца или послѣдней матеріальной формы.* Какъ только изобрѣтеніе микроскопа открыло намъ неизвѣстныя прежде мѣры, показало глазу наблюдателя до того времени не предполагаемую тонкость формъ органическихъ элементовъ, то *начали питать смѣлую надежду прослѣдить органическую конечную форму и, можетъ быть, даже начало зарожденія.* Надежда эта пропала съ усовершенствованіемъ инструментовъ. Въ сотой долѣ капли воды микроскопъ показываетъ намъ цѣлый міръ мельчайшихъ животныхъ, часто въ рѣзко очерченныхъ формахъ, и эти животныя движутся, ѣдятъ; въ нихъ совершается пищевареніе; онѣ живутъ какъ и другія большія животныя, снабжены органами, которыхъ точное и отчетливое устройство превышаетъ наши догадки. Мельчайшія изъ нихъ, при самомъ сильномъ увеличеніи, видны только по своимъ наружнымъ очертаніямъ; ихъ внутренняя организація совершенно неизвѣстна, но еще менѣе извѣстна организація тѣхъ, которыя могутъ заявить свое существованіе еще въ меньшихъ формахъ. Кружалки, величиной около 10, или 20 части линіи, имѣютъ

[1]) *Бюхнера*, въ извѣстность его матеріалистическомъ катихизисѣ: *сила и матерія.*

глотку, зубчатыя жабры, желудокъ, кишечный каналъ, желѣзы, сосуды и нервы. И въ каплѣ воды такихъ существъ милліоны. Въ водѣ есть инфузоріи, которыя и вооруженному глазу кажутся едва замѣтною блестящею точкою; онѣ такъ малы, что ихъ можетъ умѣститься въ одной кубической линіи болѣе 4000 милліоновъ; тѣмъ не менѣе это животное должно имѣть орудія движенія, и образъ движенія его несомнѣнно доказываетъ, что оно имѣетъ ощущеніе и волю, для чего должны быть также органы, какъ посредники между ощущеніемъ и волею. Какъ эти органы устроены, какія матеріальныя начала лежатъ въ ихъ основаніяхъ, объ этомъ нашъ глазъ до сихъ поръ никакого понятія дать еще не можетъ. Въ Италіи иногда нападаетъ на виноградъ грибовидная болѣзнь, сѣмена которой такъ малы, что шарикъ человѣческой крови въ сравненіи съ ними кажется подъ микроскопомъ громадою, а между-тѣмъ самый шарикъ такъ не великъ, что въ каплѣ крови заключается ихъ болѣе пяти милліоновъ. Въ каждомъ сѣменномъ зернѣ живетъ органическая сила размноженія, особенное расположеніе матеріальныхъ элементовъ, о которомъ мы не можемъ имѣть никакого понятія, потому-что это выходитъ за предѣлы силы нашего зрѣнія. Тѣмъ менѣе подлежатъ нашему ощущенію самые атомы. Атомомъ мы называемъ *малѣйшую матеріальную частицу, которой дальнѣйшую дѣлимость мы представить не можемъ*, и потому полагаемъ, что матерія состоитъ изъ такихъ атомовъ и что взаимнымъ притяженіемъ и отталкиваніемъ этихъ частицъ условливаются существованіе матеріи и ея свойства. *Но слово атомъ есть только выраженіе нами-же къ матеріи приспособленнаго представленія*, въ которомъ мы нуждаемся для извѣстныхъ внѣшнихъ цѣлей. *Настоящаго же понятія о веществѣ, которое мы называемъ атомомъ, у насъ нѣтъ*: мы не знаемъ ни величины его, ни формы, ни взаимнаго соединенія ихъ другъ съ другомъ. *Никто не видалъ атома.* И глубокомысленные философы отрицаютъ существованіе атомовъ, потому-что не допускаютъ, чтобы существовало какое-либо вещество, которое не могло бы дѣлиться. И такъ *ни наблюденія, ни разсужденія относительно матеріи не доводятъ насъ, въ безконечно маломъ, до конечной точки, на которой можно бы остановиться, да и надежды нѣтъ, чтобы когда-нибудь это осуществилось.* Самый сильный микроскопъ,—говоритъ *Валентинъ* (авторъ физіологіи),—никогда не откроетъ формы и положенія молекулярныхъ частицъ матеріи. Крупинка соли, которую мы едва ощущаемъ, содержитъ тысячи милліоновъ атомовъ, которые совершенно недоступны нашему глазу.—И такъ намъ не остается ничего болѣе, какъ только заключить, что *матерія*, а вмѣстѣ съ нею и міръ, безконечны въ безконечно маломъ.

Открывается опять, по взгляду и этого философа — матеріалиста, что *атомовъ нѣтъ и быть не можетъ, что матерія въ маломъ безпредѣльна.*

Послушаемъ рѣчей на ту же тему геологіи, для чего возьмемъ результаты статьи: *молекулярныя явленія при образованіи горъ*, изъ исторіи земли *Фридриха Мора* (Москва 1868). «Молекулярными явленіями», читаемъ мы тамъ, «называютъ сумму фактовъ, относящихся къ взаимнодѣйствію малѣйшихъ частицъ тѣла». *Фридрихъ Моръ* или вовсе избѣгаетъ слова атомъ, или употребляетъ его

не въ первичномъ его метафизическомъ смыслѣ—частицы абсолютно недѣлимой, а только въ-смыслѣ малѣйшей частицы, хотя, безъ сомнѣнія, дѣлимой. *Значеніе слова молекула въ высшей степени неопредѣленно.* Лишь только мы оставляемъ микроскопъ, мы ничего уже не замѣчаемъ, *да и съ микроскопомъ мы до сихъ поръ ничего не открыли. Мы ничего не знаемъ ни о формѣ, ни о величинѣ, ни о твердости этихъ молекулъ*, и стоимъ на той границѣ, гдѣ *Галлеръ* взываетъ: въ тайны природы умъ человѣческій не можетъ проникнуть. Къ молекулярнымъ явленіямъ относятся явленія сцѣпленія, при тѣсномъ сближеніи твердыхъ тѣлъ. *Настоящая причина сцѣпленія намъ неизвѣстна.* Извѣстнымъ тѣламъ присуще свойство принимать кристаллическую форму; всякій видъ подвижности частей, вслѣдствіе ли плавленія, или обращенія въ газообразное состояніе, или растворенія въ жидкостяхъ, способенъ вызвать кристаллизацію; но нѣкоторая подвижность частицъ, способная также вызвать кристаллизацію, существуетъ въ твердыхъ тѣлахъ и безъ перехода ихъ въ жидкое состояніе вслѣдствіе теплоты. *О процессѣ кристаллизаціи мы не имѣемъ опять никакого понятія; самые факты согласить между собою необыкновенно трудно.* Единственное, на этотъ счетъ, выраженное мнѣніе полагаетъ, что *малѣйшія частицы тѣла имѣютъ опредѣленную форму.* Такъ, когда мы видимъ, что поваренная соль, свинцовый блескъ и проч. кристаллизуются кубами и эти кубы легко колются на все меньшіе и меньшіе кубики, то приходимъ къ заключенію, что малѣйшія частицы этихъ тѣлъ, въ свою очередь, кубики, изъ правильнаго соединенія которыхъ происходятъ кубы большаго размѣра. Но въ приложеніи ко всѣмъ фактамъ это заключеніе не рѣдко бываетъ ошибочно: *невозможно составить себѣ никакого понятія, по какимъ побудительнымъ причинамъ природа приняла такой или иной счотъ молекулъ.* Если *кристаллографія* разсматриваетъ только внѣшнія формы кристалловъ, то она, какъ чисто математическая наука, имѣетъ свое основаніе и свои права; но, относительно строенія кристалловъ, она *ничему насъ не научила*: многочисленныя наблюденія кристаллизаціи подъ микроскопомъ не подвинули насъ ни на шагъ впередъ, а скорѣе только сбили съ настоящаго пути. *Понятіе о коренной формѣ молекулъ не можетъ быть согласовано съ диморфизмомъ, или триморфизмомъ*, такъ-какъ нѣкоторыя тѣла, при одинаковомъ составѣ, являются въ двухъ различныхъ формахъ, которыя не переходятъ одна въ другую, напр., гранатъ и одокразъ, известковый шпатъ и аррагонитъ, титановая кислота, сѣра и проч. *Изоморфія обманула надежды*, которыя подавала: замѣчено, что нѣкоторыя тѣла, сходныя по составу, кристаллизовались въ одну и ту же форму; найдено далѣе, что атомическіе объемы такихъ веществъ были равно велики; такія вещества признаны эквивалентными. Ожидалось, что эти тѣла всегда могутъ замѣщать другъ друга въ соединеніяхъ, безъ измѣненія формы; но оказалось, что въ-отношеніи къ однимъ изоморфнымъ тѣламъ это справедливо, а въ-отношеніи къ другимъ нѣтъ. Многія заключенія, выведенныя такимъ путемъ, оказались ложными: отсюда слѣдуетъ, что воззрѣніе на изоморфизмъ, основанное на одинаковомъ видѣ и на одинаковомъ объемѣ элементовъ и соединеній, *въ самомъ существѣ своемъ ложно, и что здѣсь, вѣроятно, существуетъ другая, до сихъ поръ еще неоткрытая, причина, почему природа можетъ обходиться столь бѣднымъ числомъ формъ для такого громаднаго количества соединеній.*

*

Краткій итогъ всего этого тотъ, что *объ атомѣ, какъ абсолютно недѣлимой частицѣ, и толковать нечего, — что мы ничего не знаемъ ни о формѣ, ни о твердости, ни о величинѣ молекулъ, — факты сцѣпленія и кристаллизаціи согласить между собою чрезвычайно трудно,—понятіе о коренной формѣ молекулъ не можетъ быть согласовано съ фактами: оно ложно въ самомъ существѣ своемъ*, иначе сказать, что придуманные древними философами *атомы не устояли предъ фактами, разъясненными новѣйшимъ естествовѣдѣніемъ.*

Послушаемъ рѣчей на ту же тему современной *химіи.* Раскрываемъ (впрочемъ, совершенно случайно) нашъ ученый журналъ (Кіевскія университетскія извѣстія, 1871 года, апрѣль) и въ немъ новѣйшаго издѣлія статью по части химіи (*Базарова*): *о строеніи нѣкоторыхъ азотистыхъ соединеній.* Здѣсь нашъ глазъ падаетъ какъ-разъ на слова: «*атомистическая гипотеза не доказана; понятіе объ атомности шатко.*

Что касается до атомистической гипотезы, то вопросъ заключается въ томъ, представляютъ ли атомы кислорода, водорода и другихъ тѣлъ, называемыхъ нами элементами, *частицы абсолютно недѣлимыя.* Элементы отличаются отъ сложныхъ тѣлъ только тѣмъ, что намъ еще до сихъ поръ не удалось разложить ихъ на болѣе простые элементы. Нѣкоторыя тѣла, считавшіяся простыми, были впослѣдствіи разложены. Существуютъ указанія на то, что нѣкоторые элементы, по всей вѣроятности, суть не простыя тѣла. Съ большою вѣроятностію можно предсказать, что со временемъ всѣ наши элементы будутъ разложены и мы, *вмѣсто 65 различныхъ матерій, будемъ признавать только одну матерію*, подобно тому, какъ *физики уже теперь начинаютъ сводить всѣ явленія къ одной общей причинѣ, считая ихъ проявленіемъ одной силы движенія.* Что же касается до *атомности*, то понятіе объ этомъ довольно шатко и неопредѣленно, чему яснымъ доказательствомъ служитъ то, что *химики на-счетъ этого держатся весьма различнаго мнѣнія.* Одни полагаютъ, что каждому элементу соотвѣтствуетъ только одна степень соединенія съ другими элементами, и всѣ соединенія, противорѣчащія такой неизмѣнной атомности, причисляютъ или къ разряду такъ-называемыхъ молекулярныхъ соединеній, или къ ненасыщеннымъ, принимая въ нихъ свободныя единицы сродства. Другіе полагаютъ, что *атомность можетъ мѣняться въ извѣстныхъ предѣлахъ*, что углеродъ можетъ быть то двухъ, то четырехъ-атомнымъ,—азотъ то трехъ, то пяти-атомнымъ. Но *ни то, ни другое представленіе объ атомности не можетъ объяснить намъ строеніе всѣхъ химическихъ соединеній* уже по тому, что ни одно изъ нихъ непримѣнимо къ такъ-называемымъ молекулярнымъ соединеніямъ. Лучше всего строже придерживаться фактовъ и понятіе объ атомности, напр., углерода, или азота выражать такимъ образомъ: углеродъ обыкновенно дѣйствуетъ четырьмя единицами сродства, рѣдко двумя; азотъ обыкновенно тремя, но часто и пятью. До сихъ поръ нѣтъ никакихъ

фактовъ, которые бы заставляли насъ принять какое-либо различіе между отдѣльными единицами сродства какого-нибудь элемента. Напротивъ, нѣкоторые опыты, произведенные для рѣшенія этого вопроса, убѣждаютъ насъ въ совершенномъ тожествѣ ихъ. Но, въ этомъ отношеніи, еще далеко не всѣ элементы изслѣдованы съ достаточною тщательностію. На-основаніи предположенія о сложности элементовъ, можно заключить, что *различіе единицъ сродства не только возможно, но и вѣроятно.* Дѣйствительно, существуютъ нѣкоторыя указанія на это, примѣромъ чему можетъ служить азотъ, одна изъ пяти единицъ сродства котораго, повидимому, представляетъ нѣкоторыя отличія отъ остальныхъ четырехъ.

Не вникая въ химическія тонкости, мы получаемъ изъ вышеприведеннаго ученаго отрывка слѣдующіе, ходячіе въ современной химіи, выводы, что *атомистическая гипотеза не доказана, — понятіе объ атомности шатко,—самые элементы, вѣроятно, будутъ разложены, вмѣсто 65 элементовъ мы, вѣроятно, получимъ одну матерію, всѣ проявленія которой происходятъ отъ одной силы движенія, — вѣроятно, что атомность, самое коренное свойство сродства атомовъ извѣстнаго элемента съ атомами другихъ элементовъ, можетъ мѣняться въ извѣстныхъ предѣлахъ, т. е. свойства атомовъ не абсолютно неизмѣнны,—вѣроятно даже, что есть разница свойствъ между атомами одного и того же элемента, напр., азота.*

ГЛАВА XII.

Ужели, наконецъ, эмпирическая истина то, что *атомы не существуютъ*? — Всматриваемся пристально въ химію (*Менделѣева* 1869—1871 г. С.П.б.). Въ этомъ сочиненіи мы читаемъ, что «одно собраніе химическихъ фактовъ, даже очень обширное, одно накопленіе ихъ не даетъ еще обладанія наукою, не даетъ ни ручательства за дальнѣйшіе успѣхи химіи, ни даже права на имя науки», — что «въ лабиринтѣ фактовъ, безъ плана, безъ общаго міросозерцанія на предметъ химіи, легко заблудиться»,—что «природа элементовъ намъ еще вовсе неизвѣстна» и что вообще «построенія теоріи химіи нужно ждать еще отъ будущаго; нынѣ же кругозоръ химиковъ ограничивается только понятіемъ объ элементахъ, какъ о послѣднихъ граняхъ научнаго анализа».

Конечно, если самому химику, хозяину своего предмета, въ настоящее время, трудно установить общее міросозерцаніе на изслѣду-

емый въ химіи предметъ, въ самомъ основаніи котораго скрываются вопросы о природѣ вещества, объ атомахъ, объ атомности, — если достигнутые до сихъ поръ наукою выводы эмпирическаго рѣшенія этихъ вопросовъ исполнены пока неразрѣшимыхъ противорѣчій, — то тѣмъ труднѣе установить общее эмпирикохимическое воззрѣніе на этотъ предметъ намъ, какъ не спеціалистамъ дѣла. Тѣмъ не менѣе, для уясненія предмета, попытаемся представить выводы эмпирической химіи (взятые нами изъ вышеуказанной химіи Менделѣева), относительно занимающаго насъ вопроса объ атомахъ, въ возможно краткой логической связи.— Вотъ эти выводы:

1) Всѣ тѣла раздѣляются на простыя и сложныя. Ва настоящее время, простыхъ тѣлъ считается 63 — 70. Возможно, что тѣла, считаемыя нынѣ за простыя, современемъ будутъ разложены. Разнородности простыхъ тѣлъ нѣтъ возможности подтвердить, по недостатку данныхъ.—2) Ни одного чистаго элементарнато тѣла въ опытѣ получить нельзя: чистое элементарное тѣло есть не болѣе, какъ отвлеченное понятіе. Такъ, напр., углеродъ является въ формѣ угля, алмаза, графита и т. д., но никогда не получается въ чистомъ видѣ простаго элемента; такъ и кислородъ, какъ кислородный газъ и какъ озонъ, есть тѣло, а кислородъ—элементъ, подобно углероду, есть скорѣе отвлеченное понятіе о веществѣ. Въ опытѣ мы получаемъ только измѣненія элементарныхъ тѣлъ. 3) Природа тѣла, даже простаго, видоизмѣняется безъ измѣненія его состава, и это химическое превращеніе называется *изомеріею*, какъ, напр., въ озонѣ и кислородѣ, или въ углѣ, алмазѣ и графитѣ. При этомъ одно и тоже элементарное тѣло претерпѣваетъ измѣненіе въ цвѣтѣ, въ полярности (въ-отношеніи къ дѣйствію электричества), въ степеняхъ температуры, переходитъ въ состоянія газообразныя, жидкія и твердыя, твердыя,—то мягкія—тягучія, то крѣпкія,—пріобрѣтаетъ то кристаллическую форму, то аморфный видъ,—въ кристаллической формѣ является тѣломъ диморфнымъ и даже триморфнымъ, вообще претерпѣваетъ измѣненія не только въ физическихъ, но и въ химическихъ свойствахъ.—4) Такія измѣненія въ элементахъ происходятъ отъ степени нагрѣванія, отъ вліянія гальванизма—электричества и отъ дѣйствія свѣта. Всѣ явленія суть разныя формы движенія: нагрѣваніе есть извѣстная напряженность колебанія частей тѣла; явленія свѣта и тепла суть движеніе частицъ; вліяніе электричества—гальванизма есть особый видъ частичнаго движенія; теплотное состояніе матеріи—опредѣленное состояніе движенія; *теплородъ не матерія, а явленіе,—не вѣсомое начало, а различное напряженіе и различное время колебаній частицъ матеріи*; перемѣна температуры мѣняетъ частичное устройство, физическое строеніе, состоящее то *въ различномъ распредѣленіи молекулъ, то въ распредѣленіи атомовъ въ молекулѣ.* — 5) Химія заставляетъ допустить непремѣнное существованіе атомныхъ группъ, имѣющихъ извѣстную степень постоянства: такія группы атомовъ, недѣлимыя механически и раздѣляющіяся только при химическихъ процессахъ, называются частицами, *молекулами.* Понятіе сложности, дѣлимости, измѣняемости входятъ въ самое понятіе молекулы. Но подтверждается ли эмпирическими

наблюденіями несложность, недѣлимость и неизмѣняемость самыхъ *атомовъ*, которые такими должны бы быть по отвлеченному понятію объ атомахъ? — 6) Нѣтъ. Емпирическія наблюденія показываютъ, напротивъ, что хотя вещество атомовъ простыхъ тѣлъ и одинаково, но атомы могутъ быть и не одинаковы, какъ, напр., въ озонѣ, въ которомъ только одинъ изъ трехъ атомовъ кислорода дѣйствуетъ окислительно, и въ азотной кислотѣ три атома кислорода едвали одинаковы между собою, и два атома въ частицѣ водорода едвали обладаютъ одинаковыми свойствами. Молекулы измѣняются, когда атомы внутри молекулы принимаютъ иное положеніе, или иную форму движенія (что называется *метамерностію*),—или когда число атомовъ, образующихъ молекулу, перемѣняется, (*полимерность*),—или котда атомы распредѣляются въ новыя молекулы, не тожественныя съ прежними (*химическія превращенія*: *соединенія*, *распаденія*, *двойное разложеніе*). Тѣмъ не менѣе, всѣ эти гипотезы не исчерпываютъ и не объясняютъ всѣхъ родовъ частичныхъ измѣненій, вынуждая предполагать, что «атомы простыхъ тѣлъ суть сложныя существа, образованныя нѣкоторымъ сложеніемъ еще меньшихъ частей (ультиматовъ),—что называемое нами недѣлимымъ, (атомъ) недѣлимо только обычными химическими силами, какъ молекулы недѣлимы, въ обычныхъ условіяхъ, физическими силами. Къ такому предположенію невольно склоняется умъ, т. е. измѣнчивость и дѣлимость не только молекулъ, но и атомовъ невольно навязывается на признаніе, вынуждая въ основѣ самыхъ атомовъ искать еще какихъ-то «ультиматовъ». — 7) Когда молекулы однородны, получается простое тѣло, а когда разнородны — сложное. Элементарныя тѣла соединяются между собою по *Дальтонову закону кратныхъ отношеній*, по которому 1 атомъ вещества можетъ соединяться только цѣлымъ своимъ составомъ съ 1, 2, 3-мя атомами другаго тѣла, но не съ $^1/_3$, въ другой разъ съ $^1/_5$, въ третій съ $^1/_8$ и т. д.; вытѣсненіе же одного элемента другимъ слѣдуетъ *закону эквивалентовъ*, по которому 1, или нѣсколько атомовъ даннаго тѣла становятся на мѣсто 1, или нѣсколькихъ атомовъ другаго элемента. — 8) Каждому элементу свойственъ свой предѣлъ атомности. Такъ углеродъ, котораго 1 атомъ соединяется съ 4 атомами водорода, называется *4-хъ атомнымъ элементомъ*; кислородъ, соединяющійся съ 2 атомами водорода, есть элементъ *2-хъ—атомный*; хлоръ, соединяющійся съ 1 атомомъ водорода (1 на 1), есть элементъ *1—атомный*; азотъ есть элементъ *3-хъ* и *5-ти атомный*, самый водородъ считается элементомъ *1—атомнымъ*.—Такой послѣдовательности *въ атомности* аналогична послѣдовательность и *въ атомномъ вѣсѣ*: водородный атомъ принимаютъ вѣсящимъ 1, а водороднаго газа частица содержитъ 2 атома водорода; кислородъ, элементъ, представляетъ атомный вѣсъ 16, кислороднаго газа частица вѣситъ 32, а частица озона вѣситъ 48; вѣсъ атома углерода принимается за 12, а вѣсъ частицы угля долженъ быть весьма великъ.— 9) Въ элементахъ, сходственныхъ между собою по своему химическому характеру, эквивалентность слѣдуетъ *закону кратныхъ отношеній или атомности*; сходственныя соединенія отличаются между собою физическими свойствами въ томъже самомъ порядкѣ, въ какомъ онѣ отличаются и *атомнымъ вѣсомъ*. — Но 10) вообще установлять атомность элемента, т. е. опредѣлять количество сродствъ, которыми онъ обладаетъ, и тѣмъ предугадывать его опредѣленныя аналогіи, не только невозможно, но, вѣроятно, и совершенно ошибочно. Кромѣ опредѣленныхъ

химическихъ соединеній, существуетъ рядъ другихъ химическихъ явленій, именно *соединенія тѣлъ въ неопредѣленныхъ отношеніяхъ*. Если въ одномъ ряду химическихъ явленій (по закону *Дальтона*) нельзя прибавлять одной изъ составныхъ частей въ любомъ количествѣ, то въ другомъ ряду—можно (вопреки закону *Дальтона*) прибавлять одного изъ составныхъ веществъ по-немногу, по произволу. Вслѣдствіе этого, дѣленію тѣлъ по атомности не придаютъ большаго значенія; представленіе объ атомности не во всѣхъ своихъ выводахъ достовѣрно: 1 и 2-хъ хлористый водородъ есть вещество уже замкнутое, *насыщенное*, однакожъ, между образующими его элементами можно втиснуть еще значительное количество кислорода; марганецъ есть элементъ не только 1 или 2-хъ атомный, но и 3, 4 и 6-й атомный; мѣдь элементъ 1 и 2-хъ атомный; хромъ 2, 3, 4, 5 и 6-ти атомный; сѣра 2 и 6-ти атомна. Наблюденія заставляютъ отрицать и неизмѣнную полярность элементовъ и постоянную атомность. Даже для углерода постоянную атомность (C=4) принять нельзя (въ CO углеродъ 2—атоменъ); можно допустить, что сѣра имѣетъ шесть сродствъ неодинаковыхъ между собою. Соединенія ванадія представляютъ разительный примѣръ *измѣненія атомности*. Въ соединеніяхъ платины несомнѣнно *правильное и постоянное измѣненіе въ величинѣ атомнаго вѣса*, которое влечетъ за собою правильное и постоянное измѣненіе какъ въ качественной, такъ и въ количественной способности элементовъ къ соединеніямъ, и притомъ здѣсь есть *періодическая повторяемость и качественныхъ, и количественныхъ признаковъ, согласная съ постояннымъ возрастаніемъ атомнаго вѣса*. Это есть выводъ всѣхъ сличеній, сдѣланныхъ въ этомъ отношеніи, открывающій новую точку зрѣнія на элементы. Этотъ-то по-преимуществу выводъ, при знакомствѣ съ химіею, невольно склоняетъ умъ къ предположенію, что *атомы простыхъ тѣлъ суть сложныя существа, образованныя сложеніемъ нѣкоторыхъ еще меньшихъ частей (ультиматовъ),—что называемое нами недѣлимымъ (атомъ) недѣлимо только обычными химическими силами*, какъ молекулы недѣлимы въ обычныхъ условіяхъ химическими силами. Выставленная здѣсь періодическая зависимость между свойствами и вѣсомъ потверждаетъ эту гипотезу. Эта періодичность есть пока самое таинственное явленіе: кажется, что *объясненіе здѣсь возможно только въ-смыслѣ динамическаго представленія*. По духу ученія объ атомности элементовъ, нужно предполагать, что въ водѣ и другихъ *насыщенныхъ тѣлахъ* есть еще сродства, которыя надо предполагать связанными въ соединяющихся частицахъ. Но допустить, что есть *свободныя сродства* въ водѣ и въ другихъ насыщенныхъ соединеніяхъ, значитъ разрушить всѣ представленія объ атомности. Если же сдѣлать это, то гдѣ, спрашивается, тогда остановиться въ установленіи безграничнаго числа сродствъ? И если оно въ самомъ дѣлѣ безгранично, то какое право имѣемъ мы устанавливать опредѣленныя сродства въ тѣхъ, или другихъ случаяхъ? Вообще если допустить измѣнчивую атомность, то нѣтъ границы для этой измѣнчивости. Тогда основныя понятія о томъ, что соединенія совершаются посредствомъ насыщенія сродствъ соединяющихся между собою атомовъ, совершенно рушатся и отъ ученія объ атомности элементовъ не останется ничего. И дѣйствительно, ученіе объ атомности рѣзко вредитъ въ пониманіи неразрывной связи между соединеніями, изъ которыхъ однѣ считаются за атомныя, а другія за молекулярныя. Искуственно полагаемыя между молеку-

лярными и атомными соединеніями границы положительно вредятъ правильному ходу науки. — Отвергая справедливость того, что въ елементахъ замѣчается ограниченное и опредѣленное число сродствъ, какъ полагаютъ послѣдователи ученія объ атомности, мы утверждаемъ,—гласитъ наша химія,—«что есть цѣлыя группы тѣлъ одного и того же простаго тѣла, которыя заставляютъ признавать въ элементахъ большее число сродствъ, чѣмъ общепринято». Даже иногда нужно бываетъ «согласиться, что *число сродствъ элемента можетъ сильно мѣняться. Измѣнчивость же числа сродствъ показываетъ, что это число не составляетъ кореннаго свойства атомовъ*. Образованіе» нѣкоторыхъ «тѣлъ заставляетъ или въ H (водородѣ) предположить болѣе одного сродства (это тѣло избирается для сравненія и есть условная единица), или въ O (кислородѣ) принять болѣе общепринятыхъ 2-хъ сродствъ (а тогда даже вода не есть тѣло предѣльное,—значитъ, гдѣ же искать и найти предѣлъ?), или-же допустить, что въ *соединеніи могутъ развиваться сродства помимо тѣхъ, которыя принадлежатъ образующимъ его элементамъ. Всѣ эти и еще нѣкоторыя подобныя допущенія рушатъ все строеніе, основанное на допущеніи атомности элементовъ. Это безъисходной кругъ*... 10) Отсюда слѣдуетъ, что хотя атомность атомовъ вообще принято предполагать неизмѣнною, такъ-какъ предполагается, что въ матеріи, доведенной до неизмѣнной простоты элемента, должно допускать только прочныя постоянныя свойства,—однакоже *химическій опытъ вынуждаетъ признать измѣнчивость не-только молекулъ-частицъ, но и атомовъ, и химическія наблюденія до сихъ поръ не открыли въ нихъ ни одного кореннаго неизмѣннаго свойства*. — 11) Эмпирическое наблюденіе надъ химическими процессами ведетъ даже къ признанію того, что химическія явленія сопровождаются полнымъ измѣненіемъ природы тѣлъ, такъ-что трудно рѣшить, существуетъ ли граница для разнородныхъ химическихъ превращеній, или онѣ безграничны? Существуетъ ли вѣчное безконечное превращеніе одной матеріи во всѣ другія, или кругъ этихъ превращеній ограниченъ? На-основаніи нѣкоторыхъ соображеній можно допустить возможность подобнаго превращенія,—и химія стремится къ постиженію того однообразія, которое кроется во множествѣ сложныхъ тѣлъ. Химикъ видитъ на каждомъ шагу, что не всѣ возможныя превращенія совершаются по закону вѣчности силъ и матеріи. Во всѣхъ случаяхъ химическаго соединенія, составныя части (наприм., въ водѣ) никогда не входятъ со всѣми своими свойствами; напротивъ, составная часть теряетъ часть своего существованія, перестаетъ быть тѣмъ, чѣмъ была. Такъ, наприм., чистый водородъ ни подъ какимъ давленіемъ не превращается въ жидкость, между-тѣмъ чрезъ соединеніе съ другимъ газомъ,—кислородомъ, образуетъ воду, а что еще страннѣе, самъ по себѣ есть металлъ. Такъ, въ изомерныхъ тѣлахъ природа тѣла, даже простаго, видоизмѣняется безъ измѣненія его состава; причина изомеріи лежитъ глубоко въ сущности природы вещества и ея изслѣдованіе приводитъ къ множеству результатовъ огромнаго теоретическаго значенія. Быть можетъ, *простыя тѣла суть только изомерныя видоизмѣненія другъ друга*; можно представить себѣ, что изомерныя тѣла отличаются другъ отъ друга только кратностію паевъ (что, наприм., H = 1, а O = 8). Такъ озонъ болѣе сгущенъ, чѣмъ кислородъ, а именно 3 объема кислорода сгущенные даютъ два объема озона. Всѣ тѣла представляютъ нѣсколько аналогич-

ныхъ группъ, между которыми мы видимъ большое сходство. — Такъ А) Озонъ показываетъ великое сходство съ цѣлымъ рядомъ другихъ окисляющихъ веществъ. Б) Съ перекисью водорода есть много аналогичныхъ веществъ, точно также какъ и водѣ соотвѣтствуетъ цѣлый рядъ металлическихъ соединеній. В) Есть тѣла совершенно различныя по свойствамъ, при одномъ и томъ же составѣ, и, обратно, совершенно сходныя по свойствамъ, при различномъ составѣ, при чемъ характеръ вещества измѣняется по степени сжатія, отъ количества тепла, отъ дѣйствія электричества, отъ вліянія свѣта, котораго дѣйствія особенно благопріятствуютъ такъ-называемой *металепсіи*, замѣщенію одного тѣла другимъ, каково замѣщеніе водорода хлоромъ, который и соединяется съ водородомъ, и замѣщаетъ его. — Г) Натрій, представитель цѣлаго ряда простыхъ тѣлъ, значительно распространенъ во вселенной, какъ и водородъ. — Д) Мѣдь, въ своихъ соединеніяхъ, представляетъ поразительное сходство съ серебромъ. — Е) Отъ желѣза и мѣди представляютъ переходъ кобальтъ и никкель. — Ж) Какъ натрій есть представитель особаго самобытнаго ряда простыхъ тѣлъ, такъ и желѣзо. З) Сѣра представляетъ качественное и количественное сходство съ кислородомъ и съ разнообразными другими элементами; — И) Силицій или кремній весьма близко стоитъ къ углероду;—составъ кремнезема едва ли не полимерная форма углекислаго газа и т. п. 12) На-основаніи цѣлаго ряда подобныхъ аналоговъ и превращеній, развилась *знаменитая гипотеза Прута*, по которой всѣ элементы, при всемъ своемъ матеріальномъ различіи, образованы одною матеріею, различнымъ образомъ сгущенною, или сгруппированною *въ постоянныя, не разрушающіяся въ нашихъ условіяхъ группы, которыя мы называемъ атомами простыхъ тѣлъ*; существуетъ какая-то матерія, изъ которой составлены и водородъ, и всѣ другія простыя тѣла, всѣ простыя тѣла сложны,—гипотеза, которую однакоже нельзя пока ни отрицать, ни подтвердить, по недостатку данныхъ, хотя и обратное заключеніе, о коренной разнородности и неизмѣнности простыхъ тѣлъ, нѣтъ возможности чѣмъ-либо подтвердить.

Вообще же атомное ученіе, по взляду разсматриваемой нами химіи, нужно принимать только какъ пріемъ, подобный тому, какой употребляетъ математикъ, когда сплошную кривую, или круговую линію разбиваетъ на множество прямыхъ.

Присоединимъ къ этому разсужденіе *Медика-Біолога, знаменитаго Вирхова, объ атомахъ и недѣлимыхъ*.—«Слова *атомъ* и *индивидуумъ* значатъ одно и тоже, но имѣютъ совершенно различный смыслъ. Греческое слово *атомъ* означаетъ вещь, которую нельзя уже болѣе разрѣзать, которую ни рука, ни умъ не могутъ подвергать дальнѣйшему анатомическому разложенію. Латинское слово —*индивидуумъ*, въ буквальномъ смыслѣ, означаетъ то, что не можетъ быть раздѣлено. Слово *индивидуумъ* на греческій языкъ можно перевести только словомъ—*атомъ* въ значеніи *индивидуума*. Оба слова означаютъ: *недѣлимое, единое, единицу*. Съ древнѣйшихъ временъ греческой философіи, слово —*атомъ* означаетъ малѣйшую послѣднюю единицу матеріи, *которая, на самомъ дѣлѣ, никогда не можетъ быть получена, потому-что эти единицы находились бы за предѣлами чувственнаго воспріятія*. Но атомы не составляютъ послѣднихъ частей тѣла; — они суть по-

слѣднія части элементовъ, составляющихъ тѣла. Единица есть *монада*; но много нужно къ этому выраженію прибавить, чтобъ обозначить ту особую монаду, которую называютъ—*атомъ*. Новѣйшая наука приписала монадамъ новыя особенности, и философскія *монады Лейбница* далеки отъ *тѣлесныхъ монадъ Эренберга*. Между-тѣмъ-какъ монады философовъ примыкаютъ къ *идеальнымъ атомамъ* химиковъ и физиковъ, монады естествоиспытателей примыкаютъ къ индивидууму. Что такое *индивидуумъ?* Индивидуумы не суть послѣднія, не разлагаемыя части, находящіяся внѣ области чувственнаго воспріятія, напротивъ, они могутъ считаться составленными изъ многочисленныхъ атомовъ; индивидуумы—не единицы дѣленія, но не дѣлимыя единицы; индивидуумъ, недѣлимое, есть единица, которую *не должно* дѣлить, тогда-какъ атомъ *невозможно* дѣлить. Недѣлимое есть единое цѣлое, въ которомъ всѣ части дѣйствуютъ сообща, для одной цѣли, по опредѣленному плану,—нѣчто измѣнчивое, временное, тогда-какъ атомъ—неизмѣнное, постоянное; *недѣлимое* составляетъ само для себя цѣль и мѣру *и составляетъ единицу дѣйствительную, въ-противоположность атому, единицѣ только мысленной.* Понятіе объ атомѣ, какъ о послѣдней *мысленной* части, прочно и неизмѣнно; *но за-то* оно *не выведено изъ непосредственнаго опыта*, какъ понятіе о недѣлимомъ, сдѣлавшееся, съ расширеніемъ опыта, слишкомъ шаткимъ и обширнымъ.

Отсюда слѣдуетъ, что *атомъ есть понятіе идеальное, не выведенное изъ опыта,—единица, которая, на самомъ дѣлѣ, никогда не можетъ быть получена по тому, что находится за предѣлами чувственнаго воспріятія,—единица только мысленная, въ-противоположность индивидууму, единицѣ дѣйствительной.*

ГЛАВА XIII.

Перейдемъ далѣе къ *метафизику—атомисту Ульрици* [1]) и постараемся вникнуть, какъ онъ смотритъ на разсматриваемый нами предметъ бытія и небытія атомовъ. — Этотъ замѣчательный новѣйшій мыслитель Германіи допускаетъ реальное бытіе атомовъ;—но въ какомъ смыслѣ?

1) Всеобщій субстратъ явленій природы—всего подлежащаго чувствамъ, и прежде всѣхъ—чувству осязанія, матерія дѣлится механически на части, а химически на молекулы и атомы.—2) На дробныя части дѣлится матерія не только вѣсомая, но и невѣсомая, эѳиръ.—3) Ни о формѣ атомовъ, ни о разстояніи между ними ни физика, ни химія не знаютъ ничего, такъ-какъ молекулы существуютъ въ свободномъ состояніи и при химическихъ превращеніяхъ измѣняются, атомовъ же въ изолированномъ состояніи не можетъ быть; они могутъ существовать только въ соединеніи, не менѣе какъ попарно.—4) Такимъ образомъ *субстратъ суб-*

[1]) Его сочиненія: 1., Богъ и природа и 2., Тѣло и душа. Оба эти сочиненія есть въ русскомъ переводѣ.

страта вещей, матеріи, истинно-сущее, въ физическомъ смыслѣ, *атомы недоступны для воспріятія*; такимъ образомъ осязаемое въ природѣ состоитъ изъ неосязаемаго, или лучше, само въ себѣ есть нѣчто неосязаемое,—воспринимаемое есть нѣчто не воспринимаемое, являющееся—нѣчто не являющееся, дѣлимое—нѣчто недѣлимое, *чувственное—существенно нечувственное или сверх-чувственное*: понятія—матерія и атомъ—совершенно противоположны: одно есть отрицаніе другаго. — 5) Какъ же связываются противоположности атома и матеріи? — *Матерія сама проявляется только какъ сила или обнаруженіе силы.* Всѣ извѣстныя опредѣленія матеріи, что она есть «абсолютно самое общее, бытіе или сущее, условіе всякой силы и дѣятельности, нѣчто покоющееся, причина силы, сопротивленіе инерціи, нѣчто непроницаемое, наполняющее пространство, сѣдалище силы, то на чемъ сила держится, откуда исходитъ дѣятельность», — суть тавтологія, отожествленіе силы и матеріи, потому-что вещество въ себѣ, особенно внѣ силы, мы не можемъ ни мыслить, ни наглядно видѣть, а то, что мы знаемъ о различныхъ веществахъ посредствомъ опыта, то повсемѣстно является только какъ *разность присущихъ имъ силъ, дѣятельностей, движеній, процессовъ.* — 6) Такимъ образомъ матерія не отлична отъ силы, а есть только обнаруженіе одной силы, центральной и сопротивленія, которая дѣйствуетъ не какъ безразличное общее, но во многихъ центрахъ, въ которыхъ много-различныя силы одною силою удерживаются вмѣстѣ и поддерживаются въ своемъ бытіи. — 7) Существуетъ ли атомъ, безусловно недѣлимая, непроницаемая и неизмѣнная реальность? Имѣютъ ли атомы какую-либо величину и протяженность, или тожественны съ математическою точкою? Если атомъ—величина, то можетъ быть дѣлимъ до безконечности; если же—математическая точка, то изъ атомовъ не могла бы образоваться протяженная масса. 8) Думать ли, что атомы суть простыя бытія, занимающія мѣсто, но не имѣющія протяженія, изъ которыхъ, вслѣдствіе разстоянія между ними, образуются системы, имѣющія протяженіе? Но непротяженное, нуль протяженности, помѣщаемое въ протяженность, есть противорѣчіе; незамѣтные, какъ непротяженныя точки, атомы не могутъ быть замѣтными и съ разстояніями своими, пустымъ пространствомъ.—9) Или полагать, что атомы, простыя бытія, наполняютъ пространство и время, абсолютную пустоту, не сами собою, *но движеніемъ своимъ*? Но міріады непротяженныхъ точекъ не могутъ наполнить пространство, какъ и одна точка;—способныя слиться въ одну точку, онѣ неспособны оказать сопротивленіе ни сами по себѣ, ни чрезъ свое соединеніе. Въ подобныхъ рѣшеніяхъ, заключающихъ неизбѣжное логическое противорѣчіе, заключается и смѣшеніе понятій.—10) Не будетъ никакого противорѣчія въ допущеніи существованія предметовъ, которые, хотя какъ простыя количества и дѣлимы до безконечности, но качественность которыхъ дѣлаетъ невозможною эту, только повидимому возможную. дѣлимость, или ограничиваетъ ее такимъ образомъ, что она, на извѣстномъ пунктѣ, становится дѣйствительною недѣлимостью; можно представить атомы такъ: что онѣ, какъ простыя количества, должны бы считаться дѣлимыми, но какъ они составляютъ не количества только, а единицы извѣстнаго качества, то на самомъ дѣлѣ недѣлимы,—тѣмъ болѣе, что 11) предполагаемая дѣлимость до безконечности даже сама вызываетъ необходимость того, чтобы, если уже существуетъ протяженное, было принято и продолженіе существованія его до безконечности, т.

е. всегда вслѣдствіе безконечной дѣлимости могутъ произойти только безконечно малыя частицы, протяженное безконечно-малой протяженности, но никогда не могутъ уничтожиться всякія части, всякая протяженность. — 12) Каждый атомъ проявляется какъ точка соединенія многихъ силъ, какъ центръ, окруженный периферіею дѣйствій, отличаясь отъ всѣхъ этихъ силъ, какъ *сила ихъ связующая и удерживающая*, которую можно назвать *субстанціею атома*, которая, дѣйствуя только внутри, является во-внѣ *покоемъ, косностію, неподвижностію* и, въ тоже время, *сопротивленіемъ и отталкиваніемъ* въ-отношеніи къ другимъ подобснымъ центрамъ (атомамъ), соединяющимъ въ себѣ иныя силы и инымъ образомъ, отъ чего всѣ атомы и являются *опредѣленными и различными веществами*.—Но 13) никакъ нельзя принять за аксіому, что атомы совершенно неизмѣнны; измѣненіе формы въ нихъ (открывающееся изъ нѣкоторыхъ опытовъ) есть измѣненіе и силы; атомы не могутъ ни оказывать какое-либо дѣйствіе, ни претерпѣвать какое-либо вліяніе, такъ, чтобы не измѣниться въ немъ и съ нимъ, по крайней мѣрѣ временно, какъ, напримѣръ, въ кислородѣ и водородѣ, соединяющихся въ воду, особенно же въ органическихъ соединеніяхъ, въ которыхъ химическая сила переходитъ въ жизненную.

Выслушаемъ мнѣнія біолога нозитивиста *Герберта Спенсера* по тому же вопросу:—*Существуютъ ли атомы?* — 1) По природѣ своей матерія абсолютно непонятна; реально понять безконечную дѣлимость матеріи значило бы умственно прослѣдить дѣленіе до безконечности, а для этого потребовалось бы безконечное время; съ другой стороны, немыслимо и существованіе атомовъ по тому, что каждая изъ такихъ недѣлимыхъ частей должна бы имѣть верхнюю и нижнюю поверхность, правую и лѣвую стороны, и могла бы разсѣкаться плоскостію дѣленія.—Абсолютно-твердая матерія была бы не сжимаема; а такъ-какъ она сжимаема, то, по теоріи *Ньютона*, она состоитъ изъ атомовъ не соприкасающихся, окруженныхъ атмосферою силъ. Но при этомъ остается вопросъ: каковъ составъ этихъ единицъ? Если смотрѣть на нихъ чрезъ умственный микроскопъ, то каждый атомъ явится массою, субстанціею, способною къ дальнѣйшему дѣленію. По теоріи *Босковича*, составныя части матеріи суть центры силъ, точки безъ протяженія; но предположить центральныя силы пребывающими въ точкахъ не безконечно малыхъ, хотя и не занимающихъ пространства, имѣющихъ только положеніе и не различающихся отъ точекъ, которыя не суть центры силъ, — предположить это выше человѣческихъ силъ. По гипотезѣ *Ньютона*, атомы дѣйствуютъ другъ на друга чрезъ пространство абсолютно пустое, почему и вводится между атомами гипотетическая жидкость эѳира; но и эѳиръ должно представлять не иначе, какъ состоящимъ изъ атомовъ, между которыми должны быть тѣ же непроходимые промежутки пустоты, при чемъ сила должна дѣйствовать чрезъ пространство абсолютно пустое,—что немыслимо. Если атомы, согласно теоріи *Босковича*, суть центры силъ, измѣняющихся по квадратамъ разстоянія,—то, находясь въ равновѣсіи, атомы должны бы всегда оставаться на ихъ настоящихъ разстояніяхъ; матерія не могла бы ни расширяться, ни сжиматься, ни оказывать сопротивленіе,—что опять нелѣпо.—2) Чтоже, послѣ этого, лежитъ въ основѣ бытія, что существуетъ?—Что значитъ слово *реально*? *Подъ реальностію мы разумѣемъ устойчивость сознанія*: въ-случаѣ сомнѣнія о дѣйствительности, или обманчивости того или другаго впечатлѣнія, дѣло рѣшается тѣмъ, что

мы стараемся убѣдиться, *устоитъ* ли впечатлѣніе при ближайшемъ наблюденіи, и при полной устойчивости впечатлѣнія мы утверждаемъ его дѣйствительность или реальность.—3) Когда критика доказала, что существующее реальное, какъ мы сознаемъ его, не есть объективно-реальное,—то понятіе объ объективно-реальномъ является понятіемъ о чемъ-то абсолютно-устойчивомъ, при всевозможныхъ измѣненіяхъ рода, формы, или проявленія. Мы имѣемъ неопредѣленное сознаніе объ абсолютной реальности, стоящей внѣ всякихъ отношеній и измѣненій, и въ тоже время имѣемъ опредѣленное сознаніе объ относительной, безпрерывно-мѣняющей свои формы, реальности и можемъ понимать ее только въ-связи съ абсолютною реальностію.—4) Матерія есть относительная реальность, которая мыслится (а мыслится все не иначе, какъ отношеніями) нами подъ отношеніями двоякаго рода: послѣдовательности, и сосуществованія, причемъ абстрактъ всѣхъ послѣдовательностей есть время, а всѣхъ сосуществованій пространство: понятіе о матеріи есть понятіе о сосуществующихъ положеніяхъ, представляющихъ сопротивленіе, въ-противоположность понятію о пространствѣ, въ которомъ сосуществующія положенія не представляютъ сопротивленія; понятіе о тѣлѣ есть понятіе о чемъ-то ограниченномъ сопротивляющимися поверхностями и состоящемъ сплошь изъ такихъ частей; универсальная форма чувственнаго опыта заставляетъ насъ мыслить конечные элементы матеріи протяженными и сопротивляющимися: атомистическая гипотеза есть просто необходимое развитіе тѣхъ универсальныхъ формъ, которыя выработались въ насъ дѣйствіями непознаваемаго абсолютнаго.—5) Итакъ, сопротивленіе и протяженіе суть неразлучные элементы понятія о матеріи, — и такъ-какъ матерія, сопротивляясь нашимъ мускульнымъ усиліямъ, непосредственно представляется сознанію въ опредѣленныхъ выраженіяхъ силы, — то силы, состоящія между собою въ извѣстныхъ соотношеніяхъ, составляютъ все содержаніе нашей идеи о матеріи: въ окончательномъ результатѣ мы приходимъ къ силѣ, какъ концу всѣхъ концовъ между научными идеями; какъ мы знаемъ ихъ, матерія и движеніе суть различнымъ образомъ обусловленныя проявленія силы, суть конкреты различныхъ умственныхъ отношеній, а пространство и время суть абстракты формъ этихъ отношеній, суть условія проявленій силы.—6) Относительная реальность, которую мы называемъ движеніемъ, никогда не начинаетъ и не перестаетъ существовать;—это истина, заключающаяся въ самой природѣ нашего сознанія. Мыслить о движеніи, какъ о чемъ-то могущемъ быть созданнымъ, или уничтоженнымъ,—мыслить, будто ничто можетъ перейти въ нѣчто, а нѣчто стать ничѣмъ, значитъ устанавливать въ сознаніи отношеніе между двумя членами, изъ которыхъ одного нѣтъ въ сознаніи,—а это невозможно. Непрерывность движенія, какъ и неуничтожаемость матеріи, извѣстны намъ въ выраженіяхъ силы, которую нѣтъ возможности уничтожить въ мышленіи: намъ нетрудно вообразить себѣ замедленіе и остановку движенія, какъ результатъ дѣйствія посторонихъ силъ; но эту силу мы принуждены представить себѣ вліяющею въ-виду противодѣйствія. А неуничтожаемость силы есть неуничтожаемость вещества, которая оказывается абсолютнымъ единообразіемъ въ сферѣ нашего опыта, при чемъ *абсолютнымъ единообразіемъ опыта порождается абсолютное единообразіе мышленія.* Конечная несжимаемость матеріи, непрерывность движенія и постоянство силы есть признанный законъ мышленія.—7) Если въ различныхъ группахъ кон-

кретныхъ явленій: механическихъ, химическихъ, термическихъ, электрическихъ и проч., мы замѣчаемъ нѣкоторыя единообразія дѣйствія, общія всѣмъ имъ, то мы имѣемъ важное основаніе для заключенія, что единообразіе дѣйствія обнимаетъ всю природу. Силы же природы дѣйствительно эквивалентны: такъ, всякое начинающееся движеніе существовало прежде подъ видомъ силы, а задержанное движеніе производитъ силу: теплоту, электричество, магнитизмъ, свѣтъ и т. п., теплота бываетъ пропорціональна утраченному движенію; гдѣ есть треніе, тамъ однимъ изъ результовъ бываетъ электрическое раздраженіе; магнетизмъ получается изъ электрическихъ токовъ, добытыхъ чрезъ движеніе; теплота есть молекулярное движеніе; сама она переходитъ въ механическое движеніе, наприм., въ паровой машинѣ, въ электричество, въ химическихъ соединеніяхъ—въ свѣтъ, въ каленіе и т. д. Очевидно, что физическія силы стоятъ нетолько въ качественномъ соотношеніи, но и въ количественномъ; силы обнаруживающіяся вытекаютъ изъ существовавшихъ прежде и даютъ бытіе другимъ преобразованнымъ; силы существующія находятся въ-связи съ предшествующими и послѣдующими; силы органическія зависятъ отъ силы химической и, обратно, реагируютъ на нее. Однимъ словомъ, знакомство, какого достигли люди съ проявленіями электричества, теплоты и всякой другой силы, заставляетъ предполагать, что если найдется болѣе глубокое объясненіе этихъ явленій,—то оно будетъ состоять не въ чемъ иномъ, какъ въ обнаруженіи нѣкотораго, въ высшей степени общаго, факта касательно состава матеріи,—факта, по-отношенію къ которому химическіе, электрическіе и всякіе другіе факты будутъ только различными проявленіями единства.—8) Сила, постоянство которой мы утверждаемъ, есть та абсолютная сила, о которой мы имѣемъ неопредѣленное сознаніе, какъ о необходимомъ соотносительномъ силы извѣстной намъ. Подъ постоянствомъ силы мы разумѣемъ въ-сущности постоянство нѣкоторой силы, превышающей наше знаніе и пониманіе: ея проявленія, какъ онѣ происходятъ въ насъ и внѣ насъ, непостоянны; постоянна только неизвѣстная причина означенныхъ проявленій. Утверждать постоянство силы значитъ, иными словами, утверждать существованіе не обусловленной реальности безъ начала и конца. Обѣ стороны, обусловленную и не обусловленную реальность, мы обязаны считать одинаково реальными. Сила, какъ мы понимаемъ ее, можетъ быть разсматриваема только какъ извѣстное обусловленное дѣйствіе безусловной причины, какъ относительная реальность, указывающая намъ на реальность абсолютную, о которой мы въ-состояніи сказать только, что она есть нѣкоторый видъ не познаваемаго, который относится къ матеріи доступной нашему знанію, какъ причина относится къ дѣйствію. Постоянство вселенной есть постоянство тойже неизвѣстной Причины, Власти или Силы, которая обнаруживается намъ во всѣхъ явленіяхъ.—Таково, по словамъ Г. Спенсера, основаніе всякой возможной системы положительнаго знанія: единственная истина, превосходящая данныя опыта, тѣмъ самымъ, что она лежитъ въ основѣ ихъ, есть постоянство силы.

ГЛАВА XIV.

Выслушаемъ по тому-же вопросу, о существованіи атомовъ и вообще о существующемъ, т. е. о томъ, что именно существуетъ, мнѣніе другаго, самаго крайняго позитивиста, *Джона Стюарта Милля*. Чтобы въ краткомъ и сжатомъ очеркѣ представить возможно-вѣрный отчетъ относительно весьма широкой и, въ оттѣнкахъ, весьма тонкой, крайне позитивной системы *Д. С. Милля*, относительно философскаго воззрѣнія его на существующее вообще и въ-частности на существованіе матеріальной основы, атомовъ, постараемся стать, сколько то возможно, на точку его міросозерцанія, и потому, не выхватывая изъ его твореній частныхъ положеній, наиболѣе годныхъ для нашего воззрѣнія, послѣдуемъ, въ нижеслѣдующемъ краткомъ очеркѣ его системы, логическому развитію главнаго философскаго его сочиненія: *Обзоръ философіи С. В. Гамильтона* [1]), подкрѣпляя, гдѣ нужно, его выводы положеніями его *Логики* [2]).

1) Высокими философскими авторитетами освящено положеніе, что *знаніе человѣческое относительно*. Это значитъ, что мы знаемъ только нѣчто, зная это нѣчто какъ отличное отъ чего-то другаго, — что всякое сознаніе есть сознаніе разницы,—что вещь считается тѣмъ, что она есть, только по контрасту съ тѣмъ, что она не есть. Это общее значеніе положенія объ относительности человѣческаго знанія.

2) Но вотъ *другое, частнѣйшее* значеніе. Когда говорятъ (какъ, наприм., С. В. *Гамильтонъ*), что человѣческое знаніе относительно, то разумѣютъ отношеніе не между познаваемой вещью и какими бы то ни было другими предметами, *но между познаваемой вещью и познающимъ духомъ*. Каждый языкъ признаетъ различіе между *я* и *міромъ*, и самый основной въ философіи вопросъ касается того: *что именно мы способны знать о внѣшнихъ объектахъ и въ-силу какой очевидности мы знаемъ это?*

3) Всѣ мыслители согласны въ томъ, что матеріальные объекты извѣстны намъ чрезъ чувства; безъ посредства чувствъ мы не знали бы и не подозрѣвали бы ихъ существованія; мы ничего не знаемъ о томъ, что они суть, болѣе того, что говорятъ намъ чувства, и природа не представляетъ намъ какихъ-либо иныхъ средствъ знать болѣе.

4) Но далѣе, касательно того, *что это такое, что чувства говорятъ намъ объ объектахъ*, мнѣнія уже сталкиваются. Нѣтъ спора относительно одной части извѣщенія, которое даютъ намъ чувства, именно: что *они передаютъ намъ*

---

[1]) Переводъ *Хмѣлевскаго*, 1869 г. С.-П.-Б.

[2]) Переводъ *Резенера*, подъ редакц. *Лаврова*, С.-П.-Б. и Москва, 1867 г.

наши ощущенія; по крайней мѣрѣ, нѣкоторую часть того, что мы знаемъ объ объектахъ, составляютъ пораждаемыя ими чувствованія. То, что мы называемъ свойствами какого-либо объекта, суть силы, обнаруживаемыя имъ въ произведеніи ощущеній въ нашемъ сознаніи. Вообще наше знаніе объектовъ и даже воображаемые образы ихъ состоятъ не изъ чего иного, какъ изъ ощущеній, которыя возбуждаются этими объектами, или которыя мы воображаемъ возбуждаемыми чрезъ нихъ въ насъ самихъ.

5) Существуютъ, однакожъ, *двѣ формы* этого ученія, которыя разнятся одна отъ другой.

6) По *одной изъ этихъ формъ*, ощущенія не-только составляютъ все, что мы, вѣроятно, можемъ знать о предметахъ внѣшняго міра, но и суть все, существованію чего мы имѣемъ нѣкоторое право довѣрять; объектъ есть только сложное представленіе, по законамъ содружества образовавшееся изъ идей разнообразныхъ ощущеній, получаемыхъ одновременно; въ этомъ процессѣ реальны только ощущенія, являющіяся въ постоянныхъ группахъ и постоянной послѣдовательности; мы не имѣемъ никакой достовѣрной очевидности того, чтобы что-нибудь, не будучи само ощущеніемъ, было субстратомъ или тайной причиной ощущенія, — чтобы существовала какая-либо соотвѣтствующая субстрату реальность, внѣшняя нашимъ умамъ. Все, что мы имѣемъ возможность знать о чемъ-либо, есть только образъ, какимъ вліяетъ это нѣчто на человѣческія способности, и ничего иного не существуетъ для познанія. Впечатлѣнія человѣческихъ или нѣкоторыхъ другихъ умовъ суть все, что мы можемъ знать, какъ существующее; вещество не существуетъ. Такъ учатъ идеалисты и скептики, послѣдователи *Берклея и Юма*.

7) *Другая форма* ученія объ относительности человѣческаго знанія: разница между *Я* и *Не-Я* обозначаетъ двѣ реальности, самосуществующія и независимыя одна отъ другой. Есть реальный міръ вещей въ себѣ; всякому впечатлѣнію на наши чувства соотвѣтствуетъ какая-либо вещь въ себѣ, находящаяся за феноменомъ. Но *что такое* эта *вещь въ себѣ*, мы, за неимѣніемъ никакого иного органа для сообщенія съ ней, кромѣ нашихъ чувствъ, можемъ знать о ней только то, что говорятъ намъ наши чувства,—и какъ они говорятъ намъ только о впечатлѣніяхъ, производимыхъ вещью на насъ, и больше ничего, — то мы вовсе не знаемъ, что такое вещь въ себѣ, но все извѣстное о ней есть только относительное къ намъ, состоящее въ способности вещи извѣстными путями вліять на насъ, или, какъ это называется технически, производить феномены. Внѣшнія вещи существуютъ и имѣютъ внутреннюю природу; — но она недоступна для нашихъ способностей.

8) Но сторонники и этой доктрины подраздѣляются *на нѣсколько школъ*.

9) По *Канту*, которому слѣдовали многіе позднѣйшіе германскіе, англійскіе и французскіе мыслители, одни только наши ощущенія и невѣдомая, производящая ихъ, внѣшняя причина не составляютъ всего въ относительномъ нашемъ знаніи. Приписываемые внѣшнимъ вещамъ аттрибуты содержатъ, кромѣ ощущеній и непознаваемой ихъ причины, еще другіе элементы, которые добавляются познающимъ духомъ, и принадлежатъ не вещамъ, а нашимъ воспріятіямъ и, представленіямъ вещей. Однѣ свойства, безъ которыхъ мы можемъ представить себѣ объекты, какъ-

напр., сладость или горечь, твердость или мягкость, теплота или холодность, бѣлизна или краснота, существуютъ только въ нашихъ ощущеніяхъ; но такіе аттрибуты, какъ занятіе пространства или существованіе во времени, не суть свойства нашихъ ощущеній въ ихъ сыромъ видѣ, но опять и не свойсгва объектовъ. Кромѣ того, когда мы утверждаемъ о вещи, что она одно или многое, цѣлое или часть, субстанція или акциденція, причина или дѣйствіе, — то это суть свойства не ощущеній и не вещей, но нашего способа представлять ихъ. Эти аттрибуты суть законы нашей интеллектуальной, а не чувствующей способности, и технически обозначаются *категоріями разсудка.*

10) Но, по доктринѣ *Джемса Милля*, *Бэна* и другихъ, нѣтъ необходимости приписывать духу извѣстныя врожденныя формы, въ которыхъ объекты выливаются въ извѣстныя видимости; такъ-называемыя категоріи мѣста, протяженія, субстанціи, причины и остальныя суть представленія, совокупно истекающія изъ идей ощущенія, по извѣстнымъ законамъ содружества,

11) Между этими двумя воззрѣніями существуетъ *немало промежуточныхъ системъ*, изъ которыхъ каждая приближается болѣе или менѣе къ тому или другому воззрѣнію, смотря—по тому, болѣе или менѣе приписываетъ первоначальному врожденному содержанію нашего духа, съ одной стороны, или-же содружествамъ, порождаемымъ чрезъ опытъ, съ другой.—Всѣ же эти воззрѣнія утверждаютъ совершенную недосягаемость для нашихъ способностей какого-либо иного познанія вещей, кромѣ тѣхъ впечатлѣній, которыя порождаются ими въ нашемъ умственномъ сознаніи. Можно при этомъ статъ и на такую точку зрѣнія, что мы можемъ смотрѣть на вещи въ себѣ, но лишь чрезъ несовершенныя очки. То, что мы видимъ, можетъ быть подлинною вещью;—но краски и формы, которыя стекло среды ощущенія и представленія передаетъ намъ, могутъ быть отчасти оптическимъ обманомъ. Во всякомъ же случаѣ, наше знаніе естъ только феноменальное знаніе явленій, знаніе относительное.

12) Но по доктринѣ *С. В. Гамильтона*, согласнаго въ этомъ случаѣ съ большинствомъ метафизиковъ, мы можемъ знать извѣстныя свойства вещей, какъ онѣ существуютъ въ самыхъ вещахъ, не-только по непосредственному сознанію, или воспріятію, но можемъ познать эти свойства въ вещахъ и по доказательству a priori. Такъ познаемъ мы *первичныя качества вещей*, тогда—какъ качества вторичныя суть только впечатлѣнія, производимыя объектами на человѣческій духъ. Когда дано понятіе вещества, то каждое первичное свойство можетъ быть раскрыто изъ этого понятія, какъ необходимо заключающееся въ немъ, совершенно независимо отъ какого-либо чувственнаго опыта. Наше довѣріе къ первичнымъ качествамъ необходимо въ себѣ, по конституціи нашего духа; *первичныя качества* понимаются, какъ онѣ суть въ тѣлахъ,—*вторичныя* же, какъ онѣ суть въ насъ,—и, наконецъ, *вторично-первичныя* (которыя обнимаютъ механическія свойства тѣла, въ-отличіе отъ геометрическихъ), какъ онѣ суть въ тѣлахъ и въ насъ. Мы знаемъ первичныя качества непосредственно, какъ объекты воспріятія,—вторично—первичныя знаемъ и непосредственно, какъ объекты воспріятія, и посредственно, какъ причины ощущенія, — вторичныя же только посредственно, какъ причины ощущенія; первичныя познаются въ себѣ, вторично-первичныя и въ себѣ, и въ дѣйствіяхъ на насъ,—а вторичныя лишь въ дѣйствіяхъ на насъ. Въ первичныхъ мы соз-

наемъ, какъ объекты, модусы не себя,—во вторичныхъ модусы себя, а во вторично-первичныхъ модусы себя и не себя вмѣстѣ.

13) Эту теорію *В. Гамильтона о непосредственномъ сознаніи или воспріятіи первичныхъ качествъ*, *Д. С. Милль* опровергаетъ егоже собственными ученіемъ и выраженіями объ относительности человѣческаго знанія вообще,—такъ-какъ, по словамъ Гамильтона, «вещество есть для насъ то, что является намъ подъ формами протяженности, твердости, дѣлимости, фигуры, движенія, цвѣта, холода и т. д. Но какъ эти феномены представляются только въ-связи одинъ съ другимъ,—то мы вынуждены мыслить ихъ связанными въ чемъ-либо и чѣмъ-либо, и не можемъ мыслить ихъ проявленіями ничего, напротивъ должны смотрѣть на нихъ, какъ на свойства чего-то, что протяженно, твердо и т. п. Но это нѣчто, разсматриваемое абсолютно и въ себѣ, есть для насъ *нуль, ничто:* оно познаваемо или постижимо *единственно въ качествахъ,* только въ производимыхъ имъ впечатлѣніяхъ, *въ его феноменальномъ или относительномъ существованіи*; И только по закону мышленія, заставляющему насъ мыслить нѣчто абсолютное и неизвѣстное какъ основу и условіе относительнаго извѣстнаго, это нѣчто получаетъ *для насъ родъ непонятной реальности.* То, что обнаруживаетъ свои свойства, называется ихъ *субъектомъ или субстанціей или субстратомъ.* Этому субъекту явленій протяженности, твердости и т. д. придаютъ терминъ *матеріи или матеріальной субстанціи».* Такое ученіе *В. Гамильтона* объ относительности человѣческаго знанія, оказывается такимъ образомъ, несогласнымъ съ его же собственнымъ ученіемъ о познаваемости внѣшнихъ вещей, въ нѣкоторыхъ ихъ сторонахъ, каковы онѣ суть въ себѣ абсолютно.

14) За тѣмъ *Д. С. Милль* строитъ слѣдующую, *свою собственную, крайне позитивную теорію познанія.* Согласно всѣмъ философамъ, свидѣтельство сознанія, если только мы можемъ пріобрѣсть его чистымъ, убѣдительно. Сознаніе утверждаетъ, что мы чувствуемъ, и въ моментъ чувствованія мы знаемъ, что чувствуемъ, мы имѣемъ нѣкоторый родъ увѣренности или убѣжденія въ томъ, что имѣемъ это чувствованіе. *Эта-то увѣренность или убѣжденіе и есть то, что подразумѣвается подъ знаніемъ; — это критерій, по которому мы судимъ о всѣхъ нашихъ другихъ убѣжденіяхъ. Приговоръ сознанія, или наше непосредственное и внутренне усматриваемое убѣжденіе, принимается, со всѣхъ сторонъ, рѣшеніемъ безаппелляціоннымъ.*

15) *Въ чемъ же, или о чемъ должно свидѣтельствовать сознаніе?* Въ числѣ фактовъ, разсматриваемыхъ въ-качествѣ откровеній сознанія, есть *одинъ родъ* (фактовъ), *въ которомъ никто не сомнѣвается, или не можетъ сомнѣваться, и другой родъ, въ которомъ можно сомнѣваться и сомнѣваются.*

16) Факты, въ которыхъ нельзя сомнѣваться, суть *факты внутренняго сознанія,—собственные акты и настроенія духа.* Для насъ невозможно чувствовать и думать, что, быть можетъ, мы и не чувствуемъ, или не чувствовать и думать, что, быть можетъ, мы чувствуемъ; сознанію, въ томъ смыслѣ, который обыкновенно философы соединяютъ съ этимъ словомъ,—сознанію собственныхъ чувствованій и процессовъ духа, нельзя не довѣрять.

17) Но когда сознаніе подразумѣваетъ силу, заявляющую о вещахъ, не составляющихъ феноменовъ нашего духа,—то тотчасъ-же открывается разладъ мнѣній касательно того, *что такое суть тѣ вещи, о которыхъ свидѣтельствуетъ со-*

*

знаніе? Этотъ вопросъ разрѣшается въ философіи *двумя методами*: (*1 интроспективнымъ* и *2) психологическимъ*.

18) Представители *интроспективнаго метода*: *Гамилотонъ*, *Ридъ*, *Стюартъ*, *Кузэнъ*, *Уэвель*, *Гербертъ Спенсеръ*, *Кантъ и друг.* приписываютъ принадлежность какого-либо довѣрія нашему первобытному сознанію, *первоначальному внутреннему усмотрѣнію духа*, *по признаку необходимости мыслить его*: *ихъ доказательство въ подтвержденіе того, что мы должны были всегда съ-изначала имѣть это довѣріе, есть невозможность отдѣлаться отъ него теперь*. Правда, такая невозможность можетъ быть необходимымъ довѣріемъ для тѣхъ, которые мыслятъ его такимъ; но если бы даже она распространилась на весь человѣческій родъ,—то и тогда она могла бы быть просто только слѣдствіемъ сильнаго содружества, подобно невозможности довѣрія къ антиподамъ. Исторія науки изобилуетъ непостижимостями, которыя были побѣждены, и аксіомами, которыя предполагались необходимыми истинами, но которыя сначала перестали считаться необходимыми, потомъ перестали мыслиться истинными, а наконецъ, стали считаться и вовсе невозможными.

19) По теоріи же *психологической, по собственной теоріи Д. С. Милля*, довѣріе къ внѣшнему міру не есть внутренне усматриваемое, но пріобрѣтенный продуктъ. Эта теорія принимаетъ за основаніе слѣдующія психологическія истины, какъ подтвержденныя опытомъ и неоспоримыя: 1) Человѣческій *духъ способенъ къ ожиданію*,—т. е. когда мы имѣли ощущенія дѣйствительныя, то мы способны составить представленіе *объ ощущеніяхъ возможныхъ*, которыя мы должны бы чувствовать, если бы предстояли извѣстныя,изученныя во многихъ другихъ случаяхъ по опыту, условія.—II) Духу человѣческому присущи *законы ассоціаціи или содружества идей, а именно* слѣдующіе: А) подобные феномены склонны быть мыслимы вмѣстѣ; Б) феномены, постигнутые или испытанные въ смежности, имѣютъ тенденцію быть мыслимы вмѣстѣ: такая смежность бываетъ двоякаго вида: одновременность и непосредственная преемственность; В) содружества, порождаемыя смежностію, становятся болѣе несомнѣнны и быстры отъ повторенія; Г) когда содружество идей пріобрѣтаетъ характеръ нераздѣльности, когда скрѣпляется узелъ между двумя идеями,—тогда не-только идея вызываемая становится въ сознаніи нераздѣльною отъ идеи вызывающей,но и отвѣчающіе идеямъ феномены кажутся нераздѣльными въ существованіи, и довѣріе къ ихъ сосуществованію кажется непосредственно усматриваемымъ, хотя на самомъ дѣлѣ это довѣріе есть продуктъ опыта, каково, наприм., воспріятіе разстоянія предмета глазомъ. Такимъ образомъ, *существуютъ содружества идей, естественно и даже необходимо порождаемыя порядкомъ нашихъ ощущеній и воспоминаній ощущенія, которыя неизбѣжно порождаютъ довѣріе къ внѣшнему міру и бываютъ причиною того, что на нихъ смотрятъ, какъ на внутреннее усмотрѣніе*.

20) Это разъясняется слѣдующимъ психологическимъ анализомъ.—А) *Чѣмъ отличается наше ощущеніе отъ внѣшняго по-отношенію къ намъ объекта, или субстанціи?* Наша идея объекта, или субстанціи, есть идея о *нѣчто*, отличающемся отъ нашихъ скоротечныхъ впечатлѣній тѣмъ, что, на языкѣ *Канта*, названо *прочностью*,—о нѣчто, что неизмѣнно остается тѣмъже самымъ и въ то время, какъ наши впечатлѣнія мѣняются,—что существуетъ несмотря-на то, извѣстно ли оно намъ, или нѣтъ,—что *можетъ* производить на насъ извѣстныя впечатлѣнія, если мы поставимъ себя въ извѣстныя условія. *Мое представленіе о существующемъ мірѣ*

въ данный моментъ, содержитъ, вмѣстѣ съ чуствуемыми мною ощущеніями, безчисленное разнообразіе возможностей ощущенія, при чемъ ощущенія оказываются былыми, а возможности ощущеній постоянными. Это первый признакъ различія между ощущеніемъ и объектомъ.—Б) *Другая особенность между ними заключается въ томъ, что постоянныя возможности ощущеній относятся не къ единичнымъ ощущеніямъ, но къ ощущеніямъ соединеннымъ вмѣстѣ, въ группы.* Понятіе о внѣшней субстанціи или тѣлѣ предполагаетъ, что мы имѣли или должны имѣть не одно какое-либо ощущеніе, но неопредѣленное число ощущеній, принадлежащихъ разнымъ чувствамъ. Эта группа ощущеній, въ контрастѣ съ временностію моего тѣлеснаго присутствія и каждаго изъ ощущеній, представляется духу, какъ родъ постояннаго субстрата подъ слоемъ преходящихъ опытовъ или проявленій: *ощущеніе, при скоротечной временности, единично, а субстанція есть постоянная группа ощущеній.* В) Третій признакъ отличія состоитъ въ томъ, что идея субстанціи или вещества предполагаетъ *опредѣленный порядокъ въ нашихъ ощущеніяхъ, порядокъ послѣдовательности, порождающей идею причины и дѣйствія*, именно, порядокъ постояннаго предшествованія и послѣдовательности, существующій *не между ощущеніями, но между группами*, принадлежащій только въ самой малой долѣ настоящему ощущенію, въ наибольшей же части, постояннымъ возможностямъ ощущенія. Отсюда *природа мыслится какъ составленная изъ такихъ группъ возможностей, изъ которыхъ одни группы видоизмѣняются другими, представляясь подлинными реальностями, по-отношенію къ которымъ дѣйствительныя наши ощущенія суть только воспроизведенія, феномены или дѣйствія.* Возможный порядокъ ощущеній образуетъ постоянный фонъ для одного или нѣсколькихъ, въ данный моментъ дѣйствительныхъ, ощущеній: *возможности представляются стоящими къ дѣйствительнымъ ощущеніямъ въ-отношеніи причины къ дѣйствіямъ, или полотна къ рисуемымъ на немъ фигурамъ, или корня къ стволу, листьямъ и цвѣтамъ, или въ-отношеніи нѣкоторой сущности и субстрата къ тому, что служитъ выраженіемъ этой сущности, или, выражаясь трансцендентально, въ-отношеніи матеріи къ формѣ.* Г) Затѣмъ, постоянныя возможности принимаютъ такое несходство отъ дѣйствительныхъ ощущеній по виду, и такую разницу положенія въ-отношеніи къ намъ, что представляются, и притомъ съ довѣріемъ, разнящимися отъ ощущенія, по меньшей мѣрѣ, такъ-же, какъ одно ощущеніе разнится отъ другаго; ихъ фундаментъ въ ощущеніи забывается и онѣ предполагаются чѣмъ-то, въ самой ихъ природѣ отличнымъ отъ него; онѣ независимы отъ нашей воли и нашего присутствія; на нихъ-же, какъ мы видимъ, и другіе люди основываютъ свои ожиданія и свое поведеніе, хотя далеко не всегда испытываютъ дѣйствительныя, одинаковыя съ нами, ощущенія, такъ-что постоянныя возможности ощущенія оказываются у насъ общими съ нашими ближними, а дѣйствительныя ощущенія не общими. Отсюда-*міръ возможныхъ ощущеній, смѣняющихъ другъ друга согласно законамъ, существуетъ на-столько же въ другихъ чувствующихъ существахъ, на-сколько и во мнѣ;—онъ имѣетъ, слѣдовательно, существованіе внѣ меня,—есть внѣшній міръ.* Д) И—такъ, вещество, матерія можетъ быть опредѣлено, какъ постоянная возможность ощущенія; довѣрчивость людей къ реальному существованію видимыхъ и осязаемыхъ предметовъ подразумѣваетъ собою довѣрчивость къ реальности и постоянству возможностей зрительныхъ и осязательныхъ ощущеній,—и, такъ-какъ посто-

янныя возможности упорно держатся въ навязчивомъ контрастѣ съ дѣйствительными ощущеніями, — такъ-какъ идея причины уже пріобрѣтена и, по обобщенію, распространена отъ частей нашего опыта къ цѣлому его аггрегату,—то *постоянныя возможности естественно представляются какъ существованія, которыя генерически отличны отъ нашихъ ощущеній и которыхъ наши ощущенія суть дѣйствія.*

21) Послѣ этого, *отличается ли чѣмъ-либо объектъ отъ субъекта? И какимъ путемъ приходимъ мы къ знанію о нашемъ Я?*—А) По всей вѣроятности, мы не имѣемъ никакого прирожденнаго поонятія о *Не — я* пока не пріобрѣтемъ значительнаго опыта въ возвращеніи ощущеній въ группахъ, согласно опредѣленнымъ законамъ. Безъ понятія же о *Не—я*, мы не можемъ имѣть и противоположнаго ему понятія о *Я*. Неимовѣрно, чтобъ первое испытываемое нами ощущеніе пробуждало въ насъ какое-нибудь понятіе о нѣкоторомъ *Я* или *о себѣ*; познаніе о *Я* образуется отожествленіемъ нѣкотораго настоящаго состоянія съ нѣкоторымъ воспоминаемымъ состояніемъ, познаваемымъ какъ прошлое. *Никакое ощущеніе не можетъ внушить личнаго тожества: сознаніе личнаго тожества требуетъ нѣкоторой серіи ощущеній, которая мыслится какъ образующая нѣкоторую линію преемственности и суммированная въ нѣкоторое единство.*—Б) Какъ-скоро я сформировалъ, съ одной стороны, понятіе постоянныхъ возможностей ощущенія, а съ другой—,*понятіе непрерывной серіи чувствованій, которую я называю моею жизнію*, то оба эти понятія, въ-силу неодолимаго содружества, возраждаются въ памяти каждымъ получаемымъ мною ощущеніемъ и воспроизводятъ двѣ вещи, съ которыми каждое ощущеніе находится въ соотношеніи, и я не могу сознать ощущеніе, не сознавая его въ соотношеніи съ этими *двумя вещами: именно нить сознанія, частью которой я усматриваю ощущеніе, есть субъектъ ощущенія, а группа постоянныхъ возможностей ощущенія, къ которой я отношу эту нить сознанія, есть объектъ ощущенія.* — В) Самое ощущеніе также должно бы имѣть *соотносительное* названіе, или скорѣе, *два такихъ названія: одно, обозначающее ощущеніе по противоположенію его субъекту, а другое, обозначающее его по противоположенію его объекту*, — такъ-какъ объектъ и субъектъ находятся во взаимномъ отношеніи только чрезъ ощущеніе: ихъ отношеніе одного къ другому состоитъ изъ особаго и различнаго отношенія, въ которомъ они, каждый отдѣльно, стоятъ къ ощущенію. — Г) По всему этому, *субъектъ или объектъ, духъ или вещество, мы не можемъ представлять себѣ иначе, какъ нѣчто, къ чему мы относимъ наши ощущенія и въ чемъ мы сознаемъ всякія другія чувствованія. Истинное существованіе ихъ обоихъ, на-сколько оно познается нами, состоитъ лишь въ томъ отношеніи, которое каждый изъ нихъ соотвѣтственно сохраняетъ къ состояніямъ нашего чувствованія. Ихъ взаимное отношеніе есть только отношеніе между двумя отношеніями: непосредственно соотносящіеся не суть пара, объектъ и субъектъ, но двѣ пары,— объектъ и ощущеніе, объективно разсматриваемое,—субъектъ и ощущеніе, субъективно разсматриваемое.* —Д) Существуютъ однѣ извѣстныя ощущенія, которыя мы привыкли разсматривать по-преимуществу объективно, и другія, которыя мы привыкли разсматривать по-преимуществу объективно. Въ-случаѣ первыхъ ощущеній, отношеніе, въ которомъ мы наиболѣе обычно, часто и легко разсматри-

ваемъ ихъ, есть отношеніе ихъ *къ серіямъ чувствованій, которыхъ онѣ составляютъ часть и которыя, собранныя мыслью въ одно представленіе, мы называемъ субъектомъ.*—Такія ощущенія (наприм., наши наслажденія и страданія), по своей интенсивности, заставляютъ насъ сосредоточивать на нихъ вниманіе и порождаютъ *тенденцію относить ихъ къ субъекту.* Въ-случаѣ же вторыхъ ощущеній, отношеніе, въ которомъ мы по-преимуществу обозрѣваемъ ихъ, есть отношеніе *ихъ къ нѣкоторой группѣ постоянныхъ возможностей ощущенія, въ предлежащемъ существованіи которыхъ удостовѣряетъ насъ ощущеніе, чувствуемое нами въ данный моментъ, и которыя мы называемъ объектомъ.* — Такія ощущеиія, сами по себѣ почти безразличныя для органическаго нашего состоянія, моментально относятся къ означаемымъ ими *постояннымъ возможностямъ* и тонутъ въ своемъ чисто умственномъ значеніи для насъ, такъ-что ощущеніе кажется какъ-бы вычеркнутымъ и на его мѣсто поставленнымъ какъ-бы непосредственное воспріятіе.

22) *Разница между этими двумя (объективными и субъектными) классами* нашихъ ощущеній *отвѣчаетъ различію*, дѣлаемому большинствомъ философовъ *между первичными и вторичными качествами вещества*: обыкновенно мы придаемъ большую объективность, равно-какъ и большую реальность *первичнымъ качествамъ тѣлъ, чѣмъ вторичнымъ.* А почему? По тому, что А) ощущенія, соотвѣтствующія тому, что называется первичными качествами, всегда предлежатъ, когда предлежитъ какая-нибудь часть группы первичныхъ качествъ,—тогда-какъ цвѣта, вкусы, запахи и тому подобныя ощущенія, будучи сравнительно бѣглыми, не оказываются въ тойже степени всегда предлежащими, даже въ томъ случаѣ, когда никого нѣтъ, чтобъ воспріять ихъ; ощущенія, отвѣчающія вторичнымъ качествамъ, только случайны, отвѣчающія же первичнымъ качествамъ—постоянны. Б) Сверхъ того, вторичныя качества измѣняются вмѣстѣ съ разными личностями и съ временною чувствительностію нашихъ органовъ,—первичныя же суть однѣ и тѣже для всѣхъ личностей и во всѣ времена.

23) *Какъ относятся первичныя и вторичныя качества между собою? Ощущенія обоняніа, вкуса и слуха,* а также (согласно почти всѣмъ философамъ) ощущенія и *зрѣнія*, группируются вмѣстѣ не непосредственно, но чрезъ связь, которую всѣ онѣ имѣютъ, по законамъ сосуществованія или причинной связи, съ ощущеніями, относимыми *къ чувству осязанія и къ мускуламъ,—съ тѣми ощущеніями, которыя отвѣчаютъ терминамъ. сопротивленіе, протяженіе и фигура.* По тому А) эти послѣднія ощущенія (осязаніе и мускульное чувство) становятся руководящими и выдающимися элементами во всѣхъ группахъ. — Б) Постоянныя возможности ощущеній осязанія и мускуловъ образуютъ нѣкоторую группу внутри группы, — родъ внутренняго зерна или сердцевины, кажущейся *чѣмъ-то болѣе фундаментальнымъ*, нежели все остальное, отъ чего какъ-бы зависятъ всѣ другія возможности ощущенія, входящія въ группу. В) Эти послѣднія являются, съ одной точки зрѣнія, какъ дѣйствія, которыхъ то зерно есть причина, а съ другой—,какъ аттрибуты, которыхъ оно есть субстратъ или субстанція.

24) Такимъ образомъ, *наше понятіе о веществѣ*, въ концѣ концевъ, *является состоящимъ изъ сопротивленія, протяженія и фигуры, вмѣстѣ съ смѣшанными силами, способными возбуждать другія ощущенія.* Эти аттрибуты становятся

существенными его ингредіентами, и тамъ, гдѣ ихъ не находится, мы колеблемся употребить названіе вещества.

25) Которое же изъ этихъ трехъ фундаментальныхъ свойствъ есть самое коренное? — Изъ свойствъ, которыя, въ-силу указаннаго ихъ значенія, названы первичными качествами вещества, *самое фундаментальное есть сопротивленіе, какъ это утверждено многочисленными научными спорами: чувство сопротивленія, или задержаннаго мышечнаго движенія, есть фундаментальный элементъ въ понятіи вещества.* Съ чувствованіемъ сопротивленія одновременно соединяются ощущенія *пассивнаго соприкосновенія* съ тѣлами, безъ мышечнаго дѣйствія, и неразрывное содружество между ними образуетъ *первую фундаментальную группу постоянныхъ возможностей ощущенія и первую основную идею вещества, какъ нѣкоторой сопротивляющейся причины смѣшанныхъ ощущеній.* По содружеству и сосуществованію, ощущенія сопротивленія представляются ощущеніями осязательнымъ и мускульнымъ, а эти послѣднія, осязательное и мускульное ощущенія, переходятъ въ глазахъ, въ чувствѣ зрѣнія, *въ ощущенія цвѣтовыхъ тѣней и растояній.*

26) *О всемъ же, что касается ноуменовъ, послѣднимъ приговоромъ философіи должно быть, что мы совершенно ничего не знаемъ о нихъ. Самое различеніе феноменовъ отъ ноуменовъ праздно:* мы не можемъ ни утверждать, ни отрицать чего-либо иного о ноуменѣ, кромѣ феноменальныхъ аттрибутовъ; самое *существованіе, какъ мы понимаемъ его, есть не болѣе, какъ сила производить феномены. Всякое существованіе доказывается свидѣтельствомъ внѣшнихъ чувствъ;* ничто не обнаруживается внѣшнимъ чувствомъ помимо ощущеній. Опредѣленный связывающій законъ, заставляющій ощущенія наступать совокупно, группами, въ извѣстномъ порядкѣ, не требуетъ непремѣнно того, *что называется поддерживающимъ ощущенія субстратомъ:* еслибы былъ такой субстратъ и, предположимъ, мгновенно уничтожился какимъ-нибудь чудомъ, между-тѣмъ-какъ ощущенія продолжали бы наступать въ прежнемъ порядкѣ,—то какъ сознали бы мы отсутствіе субстрата? Не имѣли ли бы мы столькоже основанія вѣрить, что онъ существуетъ, сколько имѣемъ теперь? А если мы тогда не имѣли бы основанія вѣрить, то какое имѣемъ теперь? Безопасно признать за истину, очевидную по себѣ и не отвергаемую никѣмъ, что о внѣшнемъ мірѣ мы не знаемъ и не можемъ знать ничего, кромѣ получаемыхъ нами отъ него ощущеній.

27) Несомнѣнный фактъ, что наше *понятіе о тѣлѣ* состоитъ изъ понятія о нѣкоторомъ числѣ ощущеній, испытанныхъ нами самими, или другими чувствующими существами, и обыкновенно наступающихъ одновременно. Тѣло не есть что-либо существенно-отличное отъ производимыхъ имъ въ насъ ощущеній, но совокупность ощущеній, соединенныхъ въ сложную идею, по опредѣленному закону. Какъ тѣло мы понимаемъ неизвѣстною возбуждающею причиною ощущеній, такъ духъ понимаемъ пріемникомъ или воспринимателемъ ихъ, и нетолько ихъ, но и всѣхъ другихъ нашихъ чувствъ. Какъ вещество есть таинственное нѣчто, возбуждающее въ духѣ чувства, — такъ духъ есть таинственное нѣчто, которое чувствуетъ и думаетъ. Какъ тѣла проявляются мнѣ только посредствомъ ощущеній, причину которыхъ я въ нихъ вижу,—такъ мыслящее начало или духъ, въ мо-

ей собственной природѣ, обнаруживается мнѣ только сознаваемыми мною чувствами. *Но о природѣ тѣлъ и духа далѣе чувствъ, возбуждаемыхъ первыми и испытываемыхъ вторымъ, мы не знаемъ ничего, согласно лучшему изъ существующихъ ученій.*

28) Всѣ метафизики, до Локка, и многіе позднѣйшіе, придавали большую таинственность существеннымъ свойствамъ. *Сущность вещи*, говорили они, *есть то, безъ чего вещь не можетъ ни существовать, ни быть мыслима существующею.* Свойства, составляющія сущность вещи, назывались *ея существенными свойствами*, а не входящія въ сущность вещи назывались *ея случайностями (акциденталіи)*. Это ученіе унаслѣдовано отъ *Аристотеля*, послѣдователи котораго думали, что всякій предметъ заимствуетъ часть своихъ свойствъ отъ общей сущности (особо реально существующей сущности) классовъ, а остальныя свойства принадлежатъ ему въ-отдѣльности. Отсюда развились схоластическія теоріи о существованіи дѣйствительныхъ бытій (entitates, substantiae, subtantiae secundae, субстанціальныя формы, эссенціи классовъ), соотвѣтствующихъ общимъ названіямъ. Въ XVII столѣтіи, *Локкъ* доказалъ, что эти предполагаемыя сущности (эссенціи классовъ) суть не что иное, какъ значеніе названій этихъ классовъ, а сущности особей суть лишенный значенія вымыселъ, порожденный ложнымъ пониманіемъ сущностей классовъ. *Локкъ* различалъ два рода сущностей предметовъ: *номинальныя и реальныя*; номинальныя были сущности классовъ, реальныя же были сущности отдѣльныхъ предметовъ: это тѣ, которыя онъ признавалъ причинами ощутимыхъ свойствъ этихъ предметовъ. Съ развитіемъ же естественныхъ наукъ, *сущность предметовъ, именно тѣлъ, стала пониматься почти тожественною съ ихъ частичнымъ строеніемъ.* Предложеніе о сущности вещи есть пустое слово, такъ-какъ оно утверждаетъ о предметѣ лишь то, что утверждается за нимъ самымъ фактомъ обозначенія его такимъ, или другимъ, общимъ названіемъ, и потому не сообщаетъ никакого свѣдѣнія, поясняя названіе, а не предметъ, какъ, напр., человѣкъ есть существо разумное; напротивъ, предложенія о случайностяхъ вещи, въ-противоположность словеснымъ, реальны и обогащаютъ наше знаніе, сообщая свѣдѣнія о вещи, не заключающіяся въ ея названіи.

29) *Можно ли какія-либо вещи признать дѣйствительно существующими, независимо отъ нашихъ ощущеній? Доступное нашему знанію существованіе касается только явленій, дѣйствительныхъ, или возможныхъ состояній внѣшняго, или внутренняго сознанія, въ насъ самихъ, или въ другихъ.* Мы называемъ вещь существующею даже тогда, когда она отсутствуетъ и потому не воспринимается и не можетъ быть воспринята,—но *не иначе, какъ по убѣжденію, что мы восприняли бы ее, при извѣстныхъ условіяхъ.* Когда явленіе находится внѣ предѣловъ теперешняго наблюденія, — мы заключаемъ объ его существованіи по признакамъ или доказательствамъ. *Но каковы могутъ быть эти доказательства? — Это другія явленія, относительно которыхъ мы увѣрились наведеніемъ, что они связаны съ даннымъ явленіемъ, либо послѣдовательностію, либо сосуществованіемъ*; все противорѣчущее полному наведенію не заслуживаетъ вѣры. Нельзя придумать опредѣленія невозможности чего бы то ни было, довольно пространнаго на-столько, чтобы оно обняло всѣ виды ея, кромѣ слѣдующаго: *невозможность есть то, истинность чего противорѣчила бы полному наведенію, т. е. наиболѣе убѣди-*

тельному доказательству всеобщей истины, какимъ мы обладаемъ. Единообразія, истинныя относительно всѣхъ, какихъ бы то ни было, вещей, именно законы чиселъ и протяженія, а также законъ связи причины съ слѣдствіемъ, суть, вѣроятно, единственныя, исключеніе изъ которыхъ постоянно и безусловно немовѣрно.

30) *Возможна ли безконечная дѣлимость вещества?* Что вещество должно или представлять предѣлъ дѣлимости, или быть дѣлимо до безконечности, это превышаетъ даже возможную мѣру нашихъ знаній. Во-первыхъ, *вещество, во всякомъ другомъ смыслѣ этого слова, кромѣ явленій, можетъ не существовать*, и едвали кто скажетъ, что небытіе должно или быть дѣлимо до безконечности, или имѣть предѣлъ дѣлимости. Во-вторыхъ, хотя *вещество, какъ скрытая причина нашихъ ощущеній, дѣйствительно существуетъ*,—однако то, что мы называемъ дѣлимостью, можетъ быть аттрибутомъ лишь нашихъ ощущеній зрѣнія и осязанія, а не ихъ неизслѣдимой причины. Предполагаемая необходимость безконечной или конечной дѣлимости можетъ быть альтернативой, къ веществу самому въ себѣ непримѣнимою. Впрочемъ, *Д. С. Миллъ* утверждаетъ, что мы имѣемъ *положительное представленіе о безконечномъ, какъ въ маломъ, такъ и въ великомъ*. Безконечное и абсолютное непознаваемы по тому, что единственныя понятія, которыя мы можемъ имѣть о нихъ, суть чисто отрицительныя: представленіе, составленное изъ отрицанія, есть представленіе ничтожества и вовсе не есть представленіе. Нѣчто же безконечное есть представленіе, которое, подобно большей части нашихъ сложныхъ идей, содержитъ и отрицательный, и положительный елементы: напр., положительный элементъ безконечнаго времени, или пространства, заключается въ томъ, что они больше всякаго даннаго времени и пространства. Это представленіе не адекватно вещи,—но *мы никогда не имѣемъ адекватнаго представленія какой-бы то ни было реальной вещи*. Какъ минимумъ дѣлимости, такъ и дѣлимость безъ предѣла постижимы: *безпредѣльная малость есть на столькоже положительное представленіе, какъ и безпредѣльная великость*; минимумъ видимости мы можемъ неопредѣленно увеличивать посредствомъ дѣйствительныхъ ли то, или чувственныхъ микроскоповъ.

Наконецъ, 31) *Д. С. Миллъ* признаетъ *переходящею изъ состоянія гипотезы* (относящейся къ первичной сущности того, что мы называемъ силами, разсматривая ихъ, какъ вещи сами въ себѣ) *въ состояніе философскаго положенія* теорію, которая признаетъ силу одинаково неуничтожимою съ веществомъ,—которая провозглашаетъ, что всѣ *факторы природы, какъ-то: механическая сила, электричество, магнитизмъ, теплота, свѣтъ, химическое дѣйствіе, жизненная сила суть не столько причины одна другой, сколько обратимы одна въ другую, и что всѣ онѣ суть формы одной и тойже силы, лишь видоизмѣняющейся въ своихъ внѣшнихъ проявленіяхъ.*

Въ заключеніе этого ряда разныхъ, по своимъ источникамъ и характерамъ, теорій *о бытіи или небытіи атомовъ*, замѣтивъ, что *Д. С. Миллъ* (во II части своей логики) называетъ «доктрину о безконечной дѣлимости вещества потерявшею теперь свою популярность», выпишемъ здѣсь отрывокъ изъ рѣчи *Сэра Вильяма Томсона*, президента одного

изъ послѣднихъ съѣздовъ британскихъ естествоиспытателей (Русск. Вѣстникъ 1871 года, августъ), какъ образецъ самаго новѣйшаго воззрѣнія на разсматриваемый нами вопросъ, какъ авторитетнѣйшее слово знаменитаго естествовѣда, произнесенное въ собраніи знаменитѣйшихъ представителей естественной науки, авторитетнѣе котораго, по данному вопросу, въ самое новѣйшее время, нельзя найти.

«Превосходная теорія *Гельмольца*», говоритъ, между прочимъ, въ своей рѣчи, въ своемъ обзорѣ послѣднихъ успѣховъ науки, *Сэръ Вильямъ Томсонъ*,—«теорія Гельмгольца о круговоротныхъ движеніяхъ, можетъ быть, приведетъ къ *полному пониманію свойствъ атомовъ*, осуществляя тѣмъ великую мысль *Лукреція*, который не допускаетъ ни тонкаго эѳира, ни разнообразія элементовъ съ огненными, или водяными, или свѣтовыми, или тяжелыми свойствами,—который не предполагаетъ, что свѣтъ есть одна вещь, огонь другая, электричество-жидкость, магнетизмъ-жизненный принципъ, *но считаетъ всѣ явленія только свойствами или проявленіями простой матеріи*. Существованіе *химическаго атома*, который *самъ по себѣ есть уже сложный маленькій міръ*, весьма вѣроятно, и къ нему удивительно примѣнимо Лукреціево описаніе атома... Химики и другіе естествоиспытатели, въ ученіи *о молекулярномъ строеніи* матеріи, имѣли обыкновеніе обходить вопросы относительно твердости или *недѣлимости атомовъ* тѣмъ, что допускали ихъ безконечно малыми и безконечно многочисленными. Теперь *мы не должны болѣе смотрѣть на атомъ, какъ на мистическій пунктъ, одаренный инерціей и свойствомъ притягивать и отталкивать другіе подобные центры*, съ силою, зависящею отъ разстоянія, и *не можемъ мы* также *согласиться съ тѣми, которые приписывали атому способность занимать пространство съ безконечною твердостію и силою (невѣроятною ни въ какомъ конечномъ пѣлѣ); но мы должны представлять его себѣ, какъ часть матеріи измѣримыхъ размѣровъ, которая имѣетъ форму*, движеніе и законы дѣйствій,—предметы, доступные для научнаго изслѣдованія».

ГЛАВА XV.

Приступимъ теперь къ критическому обзору вышеизложенныхъ ученій *о бытіи атомовъ, какъ реальной основы сущаго*. Начнемъ не съ философскихъ, а съ химическихъ теорій, какъ болѣе эмпирическихъ и потому наиболѣе позитивныхъ.

Сущность атомистическаго ученія состоитъ въ томъ, что вещество предполагается состоящимъ изъ совокупности безконечно малыхъ недѣлимыхъ частей,—атомовъ, которые не могутъ не только дѣлиться, но и вообще измѣняться въ своей формѣ и свойствахъ, такъ-какъ всякое измѣненіе въ атомѣ предполагало бы въ немъ отсутствіе

абсолютной простоты, проницаемость, частичность, а слѣдовательно, и дѣлимость. Предполагается, что формы и свойства веществъ опредѣляются только движеніемъ и расположеніемъ атомовъ въ пространствѣ; а явленія понимаются, какъ перемѣна въ движеніи и взаимномъ положеніи атомовъ, при чемъ всѣ частичныя явленія, совершающіяся на безконечно малыхъ разстояніяхъ, суть только *механическія*, такъ-какъ атомы предполагаются абсолютно простыми и неизмѣнными.

Для ясности, сравнимъ это новѣйшее атомистическое ученіе съ глубоко продуманнымъ древнимъ атомизмомъ *Демокрита*. Истинно и вѣчно сущее, по Демокриту, суть атомы, недѣлимые, неизмѣняемые, протяженные (по современной теоріи, атомы предполагаются безконечно малыми, почему изъ нихъ не можетъ сложиться ничто пространственное), безкачественные, но различающіеся только величиною, фигурою и тяжестію, составляющіе бытіе и полноту (современные безконечно малые атомы не могутъ составить бытіе и полноту), движущіеся въ пространствѣ, которое есть небытіе и пустота, при чемъ бытіе никакъ не реальнѣе небытія (такъ просто разрѣшается вопросъ о реальности пространства: оно хоть и пустота, но тѣмъ не мѣнѣе и реальное бытіе, при чемъ дѣлается не нужнымъ въ теоріи бытіе не вмѣщающагося ни въ какую систему средо-проводнаго частичнаго эѳира), движимые нуждою,—случаемъ. Такимъ образомъ, эта древнегреческая теорія оказывается гораздо замкнутѣе и законченнѣе современнаго намъ своего отродья, какъ это еще яснѣе увидимъ ниже.

Атомъ, безконечно-малую частицу вещества, въ опытѣ получить нельзя. «Къ какому бы протяженію матеріи мы ни обратились»,—пишетъ *Бюхнеръ*,—«къ самому ли меньшему, или къ самому большему, мы никогда не найдемъ конца или послѣдней матеріальной формы. Какъ только изобрѣтеніе микроскопа открыло намъ неизвѣстные прежде міры и показало глазу наблюдателя до того времени не предполагаемую тонкость формъ органическихъ элементовъ, то начали было питать *смѣлую надежду прослѣдить органическую конечную форму и, можетъ быть, даже начало зарожденія*; *но надежда эта пропала* съ усовершенствованіемъ инструментовъ». А химическая неорганическая конечная форма должна лежать глубже всякой органической, въ существѣ своемъ сложной, конечной формы. Какъ же, послѣ этого, доказать бытіе безпредѣльно великаго количества атомовъ, когда и одинъ атомъ въ опытѣ получить невозможно, когда невозможны здѣсь никакія ни наведеніе, ни аналогія? Можно доказывать не наблюденіемъ

собственно надъ атомами, а не иначе, какъ *дедукціею* отъ наблюденія надъ тѣлами и надъ ихъ строеніемъ, такъ-какъ тѣла предполагаются построенными изъ атомовъ. Дедуктивное доказательство важно здѣсь тѣмъ болѣе, что самъ *Д. С. Милль* утверждаетъ не-только равный, но даже преимущественный авторитетъ дедукціи предъ индукціею, и дедуктивному методу пророчествуетъ въ будущемъ даже господство. «На нынѣшней ступени знанія»,—говоритъ *Д. С. Милль* [1]),—«ему (дедуктивному методу) предназначено неизмѣнно господствовать въ научныхъ изслѣдованіяхъ. Въ философіи мирно, быстрѣе и быстрѣе, совершается революція, обратная перевороту, связанному съ именемъ *Бэкона*; этотъ великій человѣкъ *превратилъ методъ наукъ изъ дедуктивнаго въ опытный, а теперь этотъ методъ быстро превращается изъ опытнаго въ дедуктивный*». Такимъ образомъ, далѣе предлежитъ разсмотрѣнію вопросъ: *доказы-вается ли бытіе атомовъ дедукціею отъ строенія тѣлъ?*

Тѣла раздѣляются на простыя и сложныя,—отвѣчаетъ химія. Простыя тѣла составлены изъ атомовъ однородныхъ, а сложныя изъ атомовъ разнородныхъ. Атомистическая теорія полагаетъ, что простыя тѣла, какъ сложныя изъ однородныхъ и неизмѣнныхъ въ себѣ атомовъ, неспособны превращаться другъ въ друга и заставляетъ допускать коренное различіе въ простыхъ тѣлахъ, не позволяя думать, что, въ разныхъ случаяхъ, простое элементарное тѣло перемѣняется, такъ-какъ въ матеріи, доведенной до неизмѣнной простоты элемента, можно допустить только прочныя постоянныя свойства. По этому, далѣе предстоитъ рѣшенію вопросъ: *дѣйствительно ли «вся совокупность химическихъ знаній нашего времени заставляетъ допускать коренное различіе и неизмѣнность простыхъ тѣлъ, неизмѣнность ихъ свойствъ и, по дедукціи, неизмѣнность самыхъ атомовъ»?*

Въ настоящее время, простыхъ тѣлъ считается 63—70. Но возможно, что простыя тѣла будутъ современемъ разложены. Нѣкоторыя тѣла, признаваемыя теперь за простыя, въ соединеніяхъ своихъ до того сходны между собою, что нельзя имѣть увѣренности въ отсутствіи тожества между ними. Не должно думать, что безконечное превращеніе вещества однихъ, повидимому, простыхъ тѣлъ въ другія, которое предполагали алхимики, подобно фантазіямъ старыхъ философовъ, вытекало только изъ воображенія. До сихъ поръ не замѣчено ни одного случая подобнаго превращенія; но на-основаніи нѣкото-

[1]) Логика 1, стр. 552.

рыхъ соображеній можно допустить его возможность. Современная химія также, какъ и позитивная философія, не считаетъ мечтою мысль дѣлать золото. Самъ *Д. С. Миллъ* [1]) говоритъ: ежедневный опытъ показываетъ, что почти каждое изъ отличительныхъ свойствъ всякаго предмета: его твердость, цвѣтъ, вкусъ, запахъ, форма, можетъ быть вполнѣ измѣнено огнемъ, водой, или какимъ-либо другимъ химическимъ дѣятелемъ,—что когда во власти человѣка оказалось произвести, или уничтожить формы всѣхъ этихъ свойствъ, то представляется нетолько отвлеченно, но и практически возможнымъ преобразованіе веществъ, и мы вовсе не намѣрены отвергать, въ неопредѣленномъ будущемъ, возможность дѣлать золото, открывъ въ немъ сперва сложное тѣло, а за тѣмъ сложивъ его различныя начала или составныя части. А въ *Кіевскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ* [2]) «съ большою вѣроятностію предсказывается, что современемъ всѣ наши элементы будутъ разложены и мы, вмѣсто 65-ти различныхъ матерій, будемъ признавать только *одну матерію, подобно тому, какъ физики уже теперь начинаютъ сводить всѣ явленія къ одной общей причинѣ, считая ихъ проявленіемъ одной силы движенія*». Есть ли однако-же такія тѣла, о которыхъ можно было бы рѣшительно утверждать, что онѣ суть чистые элементы, дѣйствительно простыя тѣла, *которыя не могутъ быть разложены?*—Хотя въ настоящее время,—отвѣчаетъ химія,—мы должны отказаться отъ увѣренности въ сложности простыхъ тѣлъ,—однакожъ такую сложность нельзя ни допускать, ни отрицать, по недостатку данныхъ; равно-какъ, и обратно, не должно думать, что простыя тѣла совершенно разнородны и никакой сопзмѣрности не имѣютъ; такое заключеніе нѣтъ возможности чѣмъ-либо подтвердить. Но этого мало, что каждое простое тѣло можно пока мыслить сложнымъ; приходится сдѣлать еще шагъ далѣе.

Чистое элементарное тѣло есть не иное что, какъ отвлеченное понятіе: ни одного чистаго элементарнаго тѣла въ опытѣ получить нельзя. Такъ, во всѣхъ углеродныхъ соединеніяхъ нѣтъ угля: то, что въ нихъ содержится, называютъ *углеродомъ*, который въ опытѣ никогда не получается. Углеродъ есть элементъ общій углю, также веществамъ получаемымъ изъ угля (графиту, алмазу), равно-какъ и веществамъ содержащимъ уголь. Углеродъ, такимъ образомъ, *есть понятіе, а не тѣло*, есть вещество

---

[1]) Въ Логикѣ 11, стр. 323.

[2]) Апрѣль 1871 г.

могущее принять форму угля и другіе виды (угля, алмаза, графита). Точно также понятіе *о кислородѣ элементѣ* нужно отличать отъ понятій о кислородѣ—газѣ и озонѣ. Кислородъ, какъ газъ и озонъ, есть тѣло, а кислородъ элементъ, подобно углероду, *есть скорѣе отвлеченное понятіе о веществѣ.* Относительно водорода и другихъ тѣлъ должно всегда существовать тоже различіе въ понятіяхъ, т. е. что всѣ чистые элементы суть отвлеченныя понятія, а не тѣла, и въ опытѣ получить ихъ нельзя. Въ опытѣ мы получаемъ только измѣненіе элементарныхъ тѣлъ, но не можемъ получить ни одного чистаго элемента, съ неизмѣнными свойствами.

Но и отсюда приходится сдѣлать шагъ еще далѣе и глубже. Природа элементарнаго тѣла, какъ мы получаемъ его въ опытѣ, *видоизмѣняется безъ измѣненія его состава.* И такихъ случаевъ много. Общее названіе для такихъ случаевъ химическаго превращенія есть *изомерія.* Изомерностью называется различіе въ свойствахъ, при одномъ и томъ же составѣ. Такъ одно и тоже элементарное тѣло является въ двухъ состояніяхъ: въ-видѣ озона и кислорода; такъ, углеродъ является въ формѣ чистаго угля, алмаза и графита, которые химически не различаются между собою, въ физическомъ же отношеніи различіе между ними весьма рѣзко.

Какъ же далеко можетъ простираться видоизмѣненіе одного и того-же элемента и какихъ качествъ элемента оно можетъ касаться? При изомеріи, тѣла претерпѣваютъ измѣненія въ цвѣтѣ, въ полярности—въ отношеніи къ дѣйствію электричества, въ степеняхъ температуры, переходятъ въ состоянія газообразныя, жидкія и твердыя, твердыя—то мягкія, тягучія, то крѣпкія; пріобрѣтаютъ то кристаллическую форму, то аморфное строеніе; въ кристаллической формѣ являются диморфными и даже триморфными, вообще претерпѣваютъ глубокія и рѣзкія измѣненія не-только въ физическихъ, но и въ химическихъ свойствахъ. Одно уже то, что «нѣкоторыя тѣла», какъ заявляетъ геологъ *Моръ*, — «при одинаковомъ составѣ, являются въ двухъ, или даже болѣе различныхъ формахъ, которыя не переходятъ одна въ другую, напр., гранатъ и идокразъ, известковый шпатъ и аррагонитъ, титановая кислота, сѣра и проч., — этотъ, такъ-называемый, *диморфизмъ*, или *триморфизмъ, не можетъ быть согласованъ съ понятіемъ о коренной (неизмѣнной) формѣ молекулъ*», — вообще малѣйшихъ частицъ. Точно также, и обратно, «изомерія», — жалуется геологъ *Моръ*, — «обманула надежды, которыя пода-

вала. Замѣчено, что нѣкоторыя тѣла, сходныя по составу, кристаллизовались въ одну и туже форму; найдено далѣе, что атомическіе объемы такихъ веществъ были равно велики. Такія вещества признаны эквивалентными. Ожидалось, что эти тѣла всегда могутъ замѣщать другъ друга въ соединеніяхъ, безъ измѣненія формы; но оказалось, что въ-отношеніи къ однимъ изомернымъ тѣламъ это справедливо, а въ-отношеніи къ другимъ нѣтъ. Многія заключенія, выведеныя такимъ путемъ, оказались ложными. Отсюда слѣдуетъ, что воззрѣніе на изоморфизмъ, основанное на одинаковомъ видѣ и на одинаковомъ объемѣ элементовъ и соединеній, *въ самомъ существѣ своемъ ложно и что здѣсь, вѣроятно, существуетъ другая, до сихъ поръ еще не открытая, причина, почему природа можетъ обходиться столь бѣднымъ числомъ формъ, для такого громаднаго количества соединеній».*

Отъ какихъ причинъ происходятъ столь существенныя видоизмѣнія въ тѣлахъ элементарныхъ?—Такія измѣненія въ элементахъ происходятъ отъ степени нагрѣванія, отъ вліянія гальванизма, электричества и отъ дѣйствія свѣта. Такъ, на прим., озонъ образуется изъ кислорода черезъ электролизъ. Такъ, можно выразиться, что уголь есть соединеніе углерода съ теплородомъ; переходя въ соединеніе, углеродъ отдаетъ, или принимаетъ, часть теплорода. Такъ, хлоръ подвергается химическому измѣненію отъ дѣйствія свѣта, и т. п.

Какое именно непосредственное дѣйствіе эти дѣятели производятъ въ элементахъ, — дѣйствіе, которымъ посредствуются и условливаются вышесказанныя видоизмѣненія въ простыхъ тѣлахъ? Химія на это умѣетъ отвѣчать только, что нагрѣваніе состоитъ въ извѣстной напряженности колебанія частицъ тѣла; между свѣтовыми и теплотными явленіями существуетъ аналогія, выражающаяся тѣмъ, что явленія того и другаго (свѣта и тепла) признаются за движеніе частичекъ; теплотное состояніе матеріи мы не можемъ представить себѣ иначе, какъ опредѣленнымъ состояніемъ движенія; можно думать, что всѣ явленія суть разныя формы движенія. Видоизмѣняясь, углеродъ (какъ и другіе элементы) отдаетъ часть теплорода, или принимаетъ. Конечно, это представленіе есть чисто формальное, потому-что *теплородъ нельзя понимать, какъ матерію: это есть извѣстное состояніе, движеніе, явленіе, а не матерія.* Разсматривая теплоту, какъ колебательное состояніе матеріи, мы можемъ сказать, что углеродъ есть то матеріальное вещество, то вѣсомое начало, которое находится во всѣхъ углеродныхъ соединеніяхъ, которое въ нихъ

имѣетъ *различное напряженіе и различное время колебаній*; *углеродъ можно представить себѣ, какъ атомъ угольной матеріи, а уголь, какъ собраніе такихъ атомовъ въ мелекулу.* Вліяніемъ невѣсомыхъ силъ производится, въ элементарныхъ тѣлахъ, различіе не-только *въ физическомъ строеніи, т. е. въ распредѣленіи молекулъ въ тѣлѣ, но даже несомнѣнное видоизмѣненіе и внутри молекулъ.*

Такимъ образомъ, эмпирическимъ, повидимому, путемъ мы дошли до признанія существованія не-только частицъ, *молекулъ, но и атомовъ.* Вмѣстѣ *съ тѣмъ, дошли до «несомнѣннаго»,*—по взгляду химическому,—«признанія видоизмѣненій внутри частицъ, до признанія *видоизмѣненій въ распредѣленіи не-только молекулъ въ элементѣ, но и атомовъ внутри молекулъ.* Вмѣстѣ съ тѣмъ оказывается, что понятіе сложности, дѣлимости, измѣняемости входитъ въ самое понятіе молекулы. *Что такое молекула?* Молекулы это группы атомовъ, недѣлимыя механически и раздѣляющіяся только при химическихъ процессахъ. Химія заставляетъ предполагать непремѣнное существованіе такихъ атомныхъ группъ, имѣющихъ извѣстную форму постоянства, хотя и измѣняемыхъ. Въ «нынѣшнемъ своемъ видѣ атомистическая теорія,»—по словамъ сэръ *Вильяма Томсона*,—«допускаетъ существованіе химическаго атома, который *самъ по себѣ есть уже сложный маленькій міръ.* Теперь мы не должны болѣе смотрѣть на атомъ, какъ на *мистическій пунктъ*, одаренный инерціей и свойствомъ притягивать и отталкивать другіе подобные центры, и не можемъ также согласиться съ тѣми, которые приписывали атому способность занимать пространство, съ безконечною твердостью и силою *(невѣроятною ни въ какомъ конечномъ тѣлѣ)*, но должны представлять его себѣ, какъ *часть матеріи измѣримыхъ размѣровъ, которая имѣетъ форму, движеніе и законы дѣйствій».*

Спрашивать ли, послѣ этого, о бытіи не молекулъ, а атомовъ, частицъ абсолютно недѣлимыхъ, неизмѣняемыхъ? Но такъ-какъ мы не дошли и до половины пути, то пойдемъ далѣе и, по возможности, до конца.

Подтверждается ли эмпирическими наблюденіями, при дознанной дѣлимости молекулъ, недѣлимость и неизмѣняемость самыхъ атомовъ, которые должны бы быть такими, по отвлеченному понятію объ атомѣ? Нѣтъ. Эмпирическія наблюденія разбиваютъ эту гипозу шагъ за шагомъ.

Казалось бы, вопервыхъ, что атомы одного и тогоже елементар-

наго тѣла должны быть однородны и во всемъ однокачественны? Но на дѣлѣ это, прежде всего, оказывается не такъ. Емпирическія наблюденія показываютъ, что хотя вещество атомовъ простыхъ тѣлъ и одинаково, но *атомы могутъ быть и не одинаковы*, что можно видѣть въ озонѣ, въ которомъ только одинъ изъ трехъ атомовъ кислорода дѣйствуетъ окислительно, при обыкновенной температурѣ. Быть можетъ, и три атома кислорода въ азотной кислотѣ не одинаковы между собою; даже два атома въ частицѣ водорода едва ли обладаютъ одинаковыми свойствами, и т. п.

Вообще химія указываетъ слѣдующіе роды измѣненій атомовъ въ молекулѣ: 1) *метамерность*, когда атомы внутри молекулы принимаютъ иное положеніе, или иную форму движенія, — 2) *полимерность*, когда измѣняется число атомовъ, образующихъ молекулу,—3) *химическія превращенія: соединеніе, распаденіе, двойное разложеніе*, когда атомы распредѣляются въ новыя молекулы, не тожественныя съ прежними. Тѣмъ не менѣе, всѣ эти гипотезы не исчерпываютъ и не объясняютъ всѣхъ родовъ частичныхъ измѣненій, вынуждая предполагать, что «*атомы простыхъ тѣлъ суть сложныя существа, образованныя нѣкоторымъ сложеніемъ еще меньшихъ частей (ультиматовъ),— что то, что мы называемъ недѣлимымъ (атомъ) недѣлимо только обычными химическими силами, какъ молекулы недѣлимы въ обычныхъ условіяхъ физическими силами. Къ такому предположенію невольно склоняется умъ*», т. е. измѣнчивость и дѣлимость не-только молекулъ, но и атомовъ, невольно навязываются на признаніе, вынуждая въ основѣ самихъ атомовъ искать еще какихъ-то «*ультиматовъ*». Химическій атомъ, по словамъ *Сэра Вильяма Томсона*, «самъ по себѣ есть уже сложный маленькій міръ, а не мистическій пунктъ, одаренный безконечною твердостію, есть часть матеріи измѣримыхъ размѣровъ, имѣющая форму».—«Вообще», по словамъ *Ульрици*», новѣйшая химія пришла къ тому взгляду, что отдѣльныхъ атомовъ, въ изолированномъ состояніи, не можетъ быть, что атомы могутъ существовать только въ соединеніи, по-крайней-мѣрѣ, по-парно». Это значитъ, что, насколько доступна химическому наблюденію глубочайшая основа матеріальнаго бытія, и тамъ сложность этого бытія есть неизбѣжное условіе, а несложность—гипотеза, мало того, что не имѣющая ни малѣйшаго фактическаго основанія, но и несогласимая съ наблюдаемыми химіею фактами.

ГЛАВА XVI.

Справедливость послѣдняго положенія обнаружится еще безспорнѣе, когда мы разсмотримъ *распредѣленіе молекулъ и атомовъ въ тѣлахъ сложныхъ.*

Соединеніе или образованіе сложныхъ тѣлъ есть не иное что, какъ, образованіе группы атомовъ изъ разнородныхъ веществъ, при чемъ атомистической теоріи нужно, чтобы *полное сліяніе атомовъ не имѣло мѣста* (такъ-какъ сліяніемъ предполагается измѣненіе абсолютно неизмѣнныхъ атомовъ), *а происходило бы только механическое сопоставленіе.*

И дѣйствительно, атомизмъ нашелъ было для себя подтвержденіе въ такъ-называемомъ *Дальтоновомъ законѣ кратныхъ отношеній.* Этотъ законъ оказался было въ-пользу атомистическаго ученія, по слѣдующему съ нимъ совпаденію. Если дѣлимость каждаго простаго тѣла имѣетъ предѣломъ *атомъ*, то образованіе сложнаго тѣла изъ простыхъ должно состоять въ совокупленіи нѣсколькихъ, именно цѣлыхъ, атомовъ въ одно цѣлое, и такъ-какъ атомы (по своей теоретически предполагаемой абсолютной недѣлимости) могутъ соединяться только цѣлыми своими массами,—то, очевидно, къ соединеніямъ атомовъ между собою долженъ примѣняться законъ не-только постояннаго состава, но и кратныхъ отношеній, т. е. 1 атомъ вещества можетъ соединяться съ 1, 2 и 3-мя атомами другаго тѣла, но не съ $^1/_3$, въ другой разъ — $^1/_5$, въ третій — $^1/_8$ и т. п. Это на самомъ дѣлѣ и оказалось, по открытію *Дальтона.* Оказалось также, что вытѣсненіе одного элемента другимъ слѣдуетъ *закону эквивалентовъ*, при чемъ одинъ или нѣсколько атомовъ даннаго тѣла становятся на мѣсто 1 или нѣсколькихъ атомовъ (непремѣнно въ опредѣленныхъ цѣлыхъ числахъ, а не произвольныхъ дробяхъ) другаго элемента, въ его соединеніяхъ, такъ-что къ опредѣленному химическому соединенію нельзя (такъ сначала казалось) прибавить одной изъ составныхъ частей въ любомъ количествѣ, а можно прибавлять только скачками, извѣстнымъ, болѣе или менѣе значительнымъ, количествомъ атомовъ. Оказалось, что каждому элементу свойственъ свой *предѣлъ атомности.* Такъ, 1 атомъ углерода соединяется съ 4 атомами водорода, почему углеродъ и называется 4-хъ *атомнымъ элементомъ*; кислородъ,

соединяющійся съ 2 атомами водорода, есть *элементъ 2—атомный*: хлоръ, соединяющійся съ 1 атомомъ водорода (1 на 1), есть *элементъ 1—атомный*; азотъ есть элементъ 3 и 5—атомный; самый водородъ считается элементомъ 1—атомнымъ. Такой послѣдовательности въ такъ-называемой *атомности* оказалась *аналогичною* послѣдовательность и *въ атомномъ вѣсѣ*. Водородный атомъ принимается вѣсящимъ 1, а водороднаго газа частица содержитъ уже 2 атома водорода *(одно изъ основаній, почему химія пришла къ выводу, что атомы могутъ существовать только въ соединеніи, по меньшей мѣрѣ—попарно)*. Кислородъ элементъ представляетъ атомный вѣсъ 16, кислороднаго же газа частица вѣситъ 32, а частица озона вѣситъ 48; вѣсъ атома угля долженъ быть весьма великъ. Здѣсь-то скрывается главное основаніе, почему химія пришла къ выводу, что какъ чистое элементарное тѣло есть скорѣе отвлеченное понятіе, чѣмъ фактически данное тѣло, такъ и каждый атомъ, въ чистомъ видѣ, есть отвлеченное понятіе, а не фактически данное нѣчто; и атомъ можетъ существовать только въ соединеніи, не менѣе какъ съ однимъ, другимъ атомомъ, откуда, впрочемъ, не слѣдуетъ, что въ опытѣ можно получить молекулу водорода именно изъ 2-хъ атомовъ соединенныхъ, но слѣдуетъ только, что существованіе молекулы водорода условливается непремѣннымъ соединеніемъ равнаго съ равнымъ количествомъ атомовъ, т. е. 10 съ 10, 20 съ 20, 100 съ 100 и т. д. Оказалось, что *атомности* или *закону кратныхъ отношеній* слѣдуетъ и эквивалентность въ элементахъ, сходственныхъ между собою по химическому характеру: сходственныя соединенія отличаются между собою физическими свойствами въ томъ-же самомъ порядкѣ, въ какомъ онѣ отличаются *и атомнымъ вѣсомъ*. Атомистическая теорія, послѣ *Дальтонова* открытія, казалось, была подтверждена; но такъ казалось только до послѣдующихъ открытій.

Дальнѣйшія наблюденія показали, что *законъ Дальтона допускаетъ очень много исключеній, до того много, что едва ли даже можетъ считаться общимъ правиломъ*,—что вообще установлять атомность элемента, т. е. опредѣлять количество сродствъ, которыми онъ обладаетъ, и тѣмъ предугадывать его опредѣленныя аналогіи, не-только не возможно, но, вѣроятно, и совершенно ошибочно. Кромѣ опредѣленныхъ химическихъ соединеній, существуетъ рядъ другихъ химическихъ явленій, именно, *соединенія тѣлъ въ неопредѣленныхъ отношеніяхъ*. Если въ одномъ ряду химическихъ явленій (по зако-

ну *Дальтона*) нельзя прибавлять одной изъ составныхъ частей, въ любомъ количествѣ, то въ другомъ ряду можно (вопреки закону *Дальтона)* прибавлять одного изъ составныхъ веществъ понемному, по произволу. Вслѣдствіе этого, дѣленію тѣлъ по атомности не придаютъ большаго значенія. Представленіе атомности не во всѣхъ своихъ выводахъ достовѣрно: 1 и 2-хъ хлористый водородъ есть вещество уже замкнутое, *насыщенное*, между-тѣмъ между образующими его элементами можно втиснуть еще значительное количество кислорода. Марганецъ есть элементъ не-только 1 или 2-хъ атомный, но и 3, и 4, и 6-ти атомный, а хромъ 2, и 3, и 4, и 5 и 6—атомный; сѣра 2 и 6—атомна. Наблюденія заставляютъ отрицать и неизмѣнную полярность элементовъ и постоянную атомность. Даже для углерода постоянную атомность (C=4) принять нельзя (въ CO углеродъ 2-атоменъ). Можно также допустить, что сѣра имѣетъ шесть сродствъ, неодинаковыхъ между собою. Соединенія ванадія представляютъ разительный примѣръ *измѣненія атомности.* Въ соединеніяхъ платины несомнѣнно *правильное и постоянное измѣненіе въ величинѣ атомнаго вѣса*, которое влечетъ за собою правильное и постоянное измѣненіе какъ въ качественной, такъ и въ количественной способности элементовъ къ соединеніямъ; и притомъ здѣсь есть *періодическая повторяемость и качественныхъ и количественныхъ признаковъ*, согласная съ постояннымъ *возрастаніемъ атомнаго вѣса.* Это выводъ всѣхъ сличеній, сдѣланныхъ въ этомъ отношеніи, открывающій новую точку зрѣнія на элементы. Этотъ-то, по преимуществу, выводъ, при знакомствѣ съ химіею, «невольно склоняетъ умъ къ предположенію, что *атомы простыхъ тѣлъ суть сложныя существа, образованныя сложеніемъ нѣкоторыхъ, еще меньшихъ, частей (ультиматовъ), — что называемое нами недѣлимымъ (атомъ) не дѣлимо только обычными химическими силами*, какъ молекулы не дѣлимы, въ обычныхъ условіяхъ, физическими силами. Эта періодичность есть пока самое таинственное явленіе. Кажется, что *объясненіе здѣсь возможно только въ-смыслѣ динамическаго представленія.* По духу ученія объ атомности элементовъ, нужно предполагать, что въ водѣ и другихъ *насыщенныхъ тѣлахъ* есть еще сродства, которыя надо предполагать связанными въ соединяющихся частицахъ. Но допустить, что есть *свободныя сродства* въ водѣ и другихъ насыщенныхъ соединеніяхъ, значитъ разрушить всѣ представленія объ атомности. Если же сдѣлать это, то гдѣ, спрашивается, тогда остано-

виться въ установленіи безграничнаго числа сродствъ? И если оно въ самомъ дѣлѣ безгранично, то какое имѣемъ мы право устанавливать опредѣленныя сродства въ тѣхъ, или другихъ, случаяхъ? Вообще, если допустить измѣнчивую атомность, то нѣтъ границъ для этой измѣнчивости. Тогда основныя понятія о томъ, что соединенія совершаются посредствомъ насыщенія сродства соединяющихся между собою атомовъ, совершенно рушатся и отъ ученія объ атомности элементовъ не останется ничего. И дѣйствительно, ученіе объ атомности рѣзко вредитъ въ пониманіи неразрывной связи между соединеніями, изъ которыхъ однѣ считаются за атомныя, а другія за молекулярныя. Искусственно полагаемыя между молекулярнымн и атомными соединеніями границы положительно вредятъ правильному ходу науки. Есть цѣлыя группы тѣлъ одного и того же простаго тѣла, которыя заставляютъ признавать въ элементахъ большее число сродствъ, чѣмъ общепринято». Даже иногда нужно бываетъ «согласиться, что *число сродствъ элемента можетъ сильно мѣняться; измѣнчивость же числа сродствъ показываетъ, что это число не составляетъ кореннаго свойства атомовъ.* Образованіе «нѣкоторыхъ» тѣлъ заставляетъ или въ H (водородѣ) предположить болѣе одного сродства (а это тѣло избирается для сравненія, какъ условная единица), или въ O (кислородѣ) принять болѣе общепринятыхъ 2-хъ сродствъ (а тогда даже вода не есть тѣло предѣльное,—значитъ, гдѣ же искать и найти предѣлъ?), или-же допустить, что въ соединеніи могутъ развиваться сродства помимо тѣхъ, которыя принадлежатъ образующимъ его элементамъ. Всѣ эти и еще нѣкоторыя подобныя допущенія разрушаютъ все строеніе, основанное на допущеніи атомности элементовъ. Это безъисходный кругъ»... Подобнымъ-же образомъ и *Кіевскія университетскія извѣстія* (апрѣль 1871 г.) заявляютъ, что «*понятіе объ атомности шатко и неопредѣленно*, чему яснымъ доказательствомъ служитъ то, что *химики на-счетъ этого держатся весьма различнаго мнѣнія.* Одни полагаютъ, что каждому элементу соотвѣтствуетъ только одна степень соединенія съ другими элементами, и всѣ соединенія, противорѣчащія такой неизмѣнной атомности, причисляютъ или къ разряду такъ-называемыхъ *молекулярныхъ соединеній, или къ ненасыщеннымъ, принимая въ нихъ свободныя единицы сродства.* Другіе полагаютъ, *что атомность можетъ мѣняться, въ извѣстныхъ предѣлахъ. Но ни то, ни другое представленіе объ атомности не можетъ объяснить намъ строеніе всѣхъ химическихъ соединеній,* уже по тому, что ни одно изъ

нихъ непримѣнимо къ такъ-называемымъ молекулярнымъ соединеніямъ. На-основаніи предположенія о сложности простыхъ элементарныхъ тѣлъ, можно заключать, что различіе единицъ сродства не-только возможно, но и вѣроятно».— Отсюда слѣдуетъ, что хотя атомность атомовъ вообще принято предполагать неизмѣнною, такъ-какъ предполагается, что въ матеріи, доведенной до неизмѣнной простоты элемента, должно допускать только прочныя постоянныя свойства, — однакожъ *химическій опытъ вынуждаетъ признать измѣнчивость не-только молекулъ, но и атомовъ, и химическія наблюденія до сихъ поръ не открыли въ нихъ ни одного кореннаго неизмѣннаго свойства.*

Эмпирическое наблюденіе надъ химическими процессами ведетъ даже къ признанію того, что *химическія явленія сопровождаются полнымъ измѣненіемъ природы тѣлъ*, такъ-что трудно рѣшить, существуетъ ли граница для разнородныхъ химическихъ превращеній, или онѣ безграничны,—существуетъ ли вѣчное безконечное превращеніе одной матеріи во всѣ другія, или кругъ этихъ превращеній ограниченъ? На-основаніи нѣкоторыхъ соображеній, можно допустить возможность подобнаго превращенія, и *химія стремится къ постиженію того однообразія, которое кроется во множествѣ сложныхъ тѣлъ.* Химикъ видитъ, на каждомъ шагу, что не всѣ возможныя превращенія совершаются по закону вѣчности силъ и матеріи. Во всѣхъ случаяхъ химическаго соединенія, составныя части (наприм., въ водѣ) никогда не входятъ со всѣми своими свойствами, напротивъ того, составная часть теряетъ часть своего существованія, перестаетъ быть тѣмъ, чѣмъ была. Такъ, наприм., чистый водородъ, ни подъ какимъ давленіемъ, не превращается въ жидкость, между-тѣмъ чрезъ соединеніе съ другимъ газомъ, кислородомъ, образуетъ воду, а что еще страннѣе,—самъ по себѣ есть металлъ. Такъ, въ изомерныхъ тѣлахъ природа тѣла, даже простаго, видоизмѣняется безъ измѣненія его состава. Причина изомеріи лежитъ глубоко въ сущности природы вещества,—и ея изслѣдованіе приводитъ къ множеству результатовъ весьма важнаго теоретическаго значенія. Быть можетъ, *простыя тѣла суть только изомерныя видоизмѣненія другъ друга.* Можно представить себѣ, что изомерныя тѣла отличаются другъ отъ друга только кратностію паевъ (что, наприм., H=1, а O=8). Такъ озонъ болѣе сгущенъ, чѣмъ кислородъ, а именно 3 объема кис. орода, сгущенные, даютъ 2 объема озона. Всѣ тѣла представляютъ нѣсколько аналогичныхъ группъ, между которыми

мы видимъ большое сходство. Такъ, А) озонъ показываетъ великое сходство съ цѣлымъ рядомъ другихъ окисляющихся веществъ; Б) съ перекисью водорода есть много аналогичныхъ веществъ, точно также, какъ и водѣ соотвѣтствуетъ цѣлый рядъ металлическихъ соединеній; В) есть тѣла совершенно различныя по свойствамъ, при одномъ и томъ же составѣ, и, обратно, совершенно сходныя по свойствамъ, при различномъ составѣ,—при чемъ характеръ вещества измѣняется отъ степени сжатія, отъ количества тепла, отъ дѣйствія электричества, отъ вліянія свѣта, котораго дѣйствіе особенно благопріятствуетъ такъ-называемой *металепсіи*, замѣщенію одного тѣла другимъ, каково, напр., замѣщеніе водорода хлоромъ, который и соединяется съ водородомъ, и замѣщаетъ его;—Г) натрій, представитель цѣлаго ряда простыхъ тѣлъ, значительно распространенъ во вселенной, какъ и водородъ; Д) мѣдь, въ своихъ соединеніяхъ, представляетъ поразительное сходство съ серебромъ;—Е) отъ желѣза и мѣди представляютъ переходъ кобальтъ и никкель;—Ж) какъ натрій есть представитель особаго, самобытнаго, ряда простыхъ тѣлъ, такъ и желѣзо;—З) сѣра представляетъ качественное и количественное сходство съ кислородомъ и съ разнообразными другими элементами;—И) силицій или кремній весьма близко стоитъ къ углероду;—составъ кремнезема едва ли не полимерная форма углекислаго газа и. т. п.

На-основаніи цѣлаго ряда подобныхъ аналогій и превращеній, развилась *знаменитая гипотеза Прута*, по которой всѣ элементы, при всемъ своемъ матеріальномъ различіи, образованы одною матеріею, различнымъ образомъ сгущенною или сгрупированною *въ постоянныя неразрушающіяся въ нашихъ условіяхъ группы, которыя мы называемъ атомами простыхъ тѣлъ*,—существуетъ какая-то матерія, изъ которой составлены и водородъ, и всѣ другія простыя тѣла,—всѣ простыя тѣла сложны,—гипотеза, которую, однакожъ нельзя пока ни отрицать, ни подтвердить, по недостатку данныхъ, хотя и обратное заключеніе, о коренной разнородности простыхъ тѣлъ, нѣтъ возможности чѣмъ-либо подтвердить. Химія предсказываетъ, что «со временемъ всѣ наши элементы будутъ разложены, и, вмѣсто 65 различныхъ матерій, мы будемъ признавать только одну матерію, подобно тому, какъ физика уже теперь начинаетъ сводить всѣ явленія къ одной общей причинѣ, считая ихъ проявленіемъ одной силы движенія»; равно-какъ и *Д. С. Милль* признается, что «преобразованіе всѣхъ веществъ представляется, не-только отвлеченно, но и практически, возможнымъ». Точно

также и біологъ *Спенсеръ* пророчествуетъ, что «если въ различныхъ группахъ конкретныхъ явленій, механическихъ, химическихъ, термическихъ, электрическихъ и проч., мы замѣчаемъ нѣкоторыя единообразія дѣйствія, общія всѣмъ имъ, то мы имѣемъ новое и важное основаніе *для заключенія, что единообразіе дѣйствія обнимаетъ всю природу.* Знакомство, какого люди достигли съ явленіями химическаго соединенія, теплоты, электричества и проч., заставляетъ предполагать, что *если найдется болѣе глубокое объясненіе* этихъ явленій,—то оно будетъ состоять не въ чемъ иномъ, какъ *въ обнаруженіи нѣкотораго, въ высшей степени общаго, факта касательно состава матеріи,*— факта, по-отношенію къ которому химическіе, электрическіе и термическіе факты будутъ представлять только различныя проявленія». *Д. С. Миллъ* даже увѣренъ, что такое, болѣе глубокое, общее объясненіе явленій найдется,—что, въ болѣе или менѣе отдаленный отъ насъ періодъ, великія обобщенія, въ-родѣ Ньютоновой теоріи тяготѣнія небесныхъ тѣхъ, будутъ сдѣланы,—что многіе изъ самыхъ общихъ законовъ природы еще не приходили никому въ голову и что многіе другіе, которые должны пріобрѣсти тоже значеніе, если и извѣстны, то единственно какъ законы, или свойства какого-либо ограниченнаго класса явленій.

На-основаніи изложенныхъ соображеній, эмпирическая химія заявляетъ, что атомное ученіе должно быть принимаемо только какъ пріемъ, подобный пріему, который употребляетъ математикъ, когда сплошную кривую раздѣляетъ на множество прямыхъ линій, для того, чтобъ этимъ путемъ дойти до выводовъ свойствъ самой кривой,—послѣ чего оставляетъ эту гипотезу, какъ существенно невозможную, такъ-какъ кривая круговая линія не можетъ состоять изъ прямыхъ: эти два понятія: прямая линія и кривая, взаимно себя исключаютъ. Такъ и химикъ прибѣгаетъ къ атомистическому представленію о строеніи вещества, представляя себѣ матерію составленною изъ безконечно малыхъ недѣлимыхъ частей; съ этимъ предположеніемъ рѣшаетъ онъ многіе вопросы сравнительно простымъ способомъ и затѣмъ можетъ оставить эту гипотезу, не дѣлая ошибки, *и даже долженъ оставить, чтобы не сдѣлать ошибки.* *Геологъ Моръ* провозглашаетъ объясненія, доведенныя до послѣднихъ выводовъ, на-основаніи атомистической теоріи, *въ самомъ существѣ своемъ ложными,* и предполагаетъ другую причину, до сихъ поръ еще не открытую, почему природа можетъ обходиться столь бѣднымъ числомъ формъ, для та-

кого громаднаго количества соединеній. Вообще же, по его мнѣнію, объ атомѣ, какъ абсолютно недѣлимой частицѣ, и толковать нечего: мы ничего не знаемъ ни о формѣ, ни о твердости, ни о величинѣ молекулъ; — факты сцѣпленія и кристаллизаціи, съ атомистической точки зрѣнія, согласить между собою невозможно; — точно также не можетъ быть согласовано съ фактами понятіе и о коренной неизмѣнной формѣ молекулъ: оно ложно въ самомъ существѣ своемъ. А по приговору, изложенному *въ Кіевскихъ университетскихъ извѣстіяхъ*, который можетъ быть итогомъ всего нашего, до этого предѣла доведеннаго изслѣдованія, *атомистическая гипотеза не-только не доказана, но даже отвергнута,—понятіе объ атомности шатко,—самые элементы, вѣроятно, будутъ разложены и мы получимъ одну матерію, всѣ проявленія которой происходятъ отъ одной силы движенія, — есть разница свойствъ между атомами одного и того же элемента, — свойства элементовъ, какъ, напримѣръ, самое коренное свойство атомности и сродства, могутъ мѣняться въ неопредѣленныхъ границахъ.*

ГЛАВА XVII.

Здѣсь можно было бы и кончить изслѣдованіе о бытіи атомовъ, которые на дѣлѣ не оказываются, если бы мы смотрѣли на предметъ только съ естественно-научной точки зрѣнія. Но мы рѣшаемъ философскую задачу и на философскихъ основаніяхъ. Поэтому, съ философской точки зрѣнія, мы обязаны, прослѣдить теорію бытія, или небытія атомовъ до послѣднихъ основаній, до крайнихъ глубинъ, до какихъ только можетъ спуститься, въ этомъ пунктѣ, человѣческая мысль. Но чтобы въ этой наиболѣе таинственной области знанія не сбиться съ дороги строго позитивной дедукціи и чтобъ имѣть право предъявить свои воззрѣнія на выводы именно позитивные, замѣтимъ, что даже такой крайній позитивистъ, какъ *Д. С. Милль*, признаетъ цѣлые классы категорическихъ сужденій, не допускающіе исключеній. Истинныя «однообразія о всѣхъ, какихъ бы то ни было, вещахъ,»—говоритъ онъ,—«именно законы чиселъ и протяженія, а также *законъ связи причины съ слѣдствіемъ*, суть, вѣроятно, единственныя, *исключеніе изъ которыхъ постоянно и безусловно неимовѣрно*». На этихъ-то законахъ чиселъ и протяженія, равно-какъ на законѣ связи причины съ слѣдствіемъ мы и

постараемся обосновать дальнѣйшія гаданія свои о бытіи атомовъ. Такія категорическія сужденія, какъ означенные законы, могутъ быть, безъ всякаго опасенія, приняты за аксіомы, за основаніе для совершенно-благонадежной, строго-позитивной дедукціи.

Мы должны коснуться здѣсь теорій *Ньютона*, *Босковича*, *Фехнера*, *Ульрици и Либиха*, а затѣмъ перейти къ разсмотрѣнію ультра-позитивной теоріи *Д. С. Милля*.

Ньютонъ говоритъ, что «такъ-какъ частицы вещества остаются во всемъ недѣлимыми, то онѣ и образуютъ, во всѣ времена, тѣла одинаковаго свойства и строенія; иначе, еслибъ онѣ раздробились, то и природа вещей, зависящая отъ нихъ, измѣнилась бы». *Біо* ту же мысль выражаетъ такъ: «результаты показываютъ, что на земномъ шарѣ *частицы не распадаются, не измѣняются, не превращаются однѣ въ другія*, потому-что какой бы химической операціи мы ни подвергали ихъ, въ какое бы соединеніе онѣ ни вошли, онѣ всегда потомъ получатся изъ него, съ первоначальными своими свойствами; безконечное число вліяній, дѣйствовавшихъ на частицы отъ начала міра, *кажется*, не произвело никакого измѣненія въ ихъ свойствахъ».—Далѣе *Ньютонъ* предполагалъ, что твердые атомы, изъ которыхъ состоитъ матерія, не соприкасаются другъ съ другомъ, а дѣйствуютъ другъ на друга посредствомъ силы притяженія и отталкиванія, измѣняющейся по разстояніямъ. При этомъ *Ньютонъ* признавалъ себя неспособнымъ представить, чтобы притяженіе одного тѣла другимъ, на томъ или другомъ разстояніи, могло дѣйствовать чрезъ абсолютную пустоту, безъ всякой посредствующей среды. Поэтому и введена посредствующая между атомами, передающая взаимное вліяніе ихъ другъ на друга, *гипотетическая жидкость*, *эѳиръ*, которая кажется даже осуществленною въ томъ, что считается невѣсомыми веществами: въ свѣтѣ, въ электричествѣ и т. п.

Изъ этого оказывается, что *Ньютонъ* заключаетъ отъ недѣлимости частицъ, атомовъ, къ тому, что они «образуютъ во всѣ времена тѣла одинаковаго свойства и строенія,»—и, обратно, отъ того, что «природа вещей, зависящая отъ атомовъ, не измѣняется», заключаетъ къ тому, что, значитъ, «атомы не раздробляются». Но, при такихъ неопредѣленныхъ выраженіяхъ, въ какія великій астрономъ облекаетъ свою химическую мысль, эта мысль, и въ подробностяхъ, и въ общемъ итогѣ, оказывается несостоятельною. Вѣрно ли, что атомы недѣлимы? — Это нужно еще доказывать. Вѣрно ли, что «атомы образуютъ, во всѣ

времена, тѣла *одинаковаго свойства и строенія*?» Но какое разумѣется здѣсь свойство и строеніе, механическое ли, химическое, или органическое? Если первое и третье, т. е. механическое и органическое свойство и строеніе, то геологія и философія, ботаника и зоологія, всею совокупностію фактовъ, подтверждаютъ, что, на пространствѣ многихъ геологическихъ періодовъ, свойство и строеніе вещей, атмосферы, морей, пластовъ, организмовъ животнаго и растительнаго царствъ было не одинаково, а, напротивъ того, измѣнялось, и многократно, и глубоко. Значитъ, вѣрно ли, что» *природа* вещей, зависящая отъ атомовъ, *не измѣняется?*» Но отъ атомовъ зависитъ вся природа, между-тѣмъ вся совокупность опытовъ показываетъ, что природа вещей во многомъ измѣняется.

Мысль *Ньютона* точнѣе выражена въ вышеприведенныхъ словахъ *Біо: «на земномъ шарѣ частицы* (молекулы) *не распадаются, не измѣняются и не превращаются однѣ въ другія»* Но вѣрно ли и это?— «Природа даже простаго тѣла можетъ измѣняться безъ измѣненія его состава», возражаетъ на это самая новѣйшая химія. Видоизмѣненіе несомнѣнно внутри молекулъ:—молекулы распадаются. Неподвижной связи атомовъ въ молекулѣ представить нельзя. При знакомствѣ съ химіею, умъ невольно склоняется къ предположенію, что атомы простыхъ тѣлъ суть сложные предметы, образованные нѣкоторымъ сложеніемъ еще меньшихъ частей (ультиматовъ). Атомность атомовъ измѣнчива до неизвѣстнаго предѣла. Въ измѣнчивости сродствъ атомовъ замѣчается періодичность. Раздѣленіе атомныхъ и молекулярныхъ соединеній положительно вредитъ правильному ходу науки и затемняетъ взглядъ химиковъ. Всѣ элементы, вѣроятно, будутъ разложены,—вѣроятно, могутъ превращаться одни въ другіе и образуютъ единую основную матерію. Всѣ элементы, вѣроятно, изомерныя превращенія одни другихъ». Такимъ образомъ, о химической неизмѣнности частицъ и толковать нечего. Поэтому, самъ *Біо* къ утвержденію своему о неизмѣнности частицъ относится не безъ сомнѣнія; ему только *кажется*, «будто безконечное число вліяній, дѣйствовавшихъ на частицы отъ начала міра, не произвело никакого измѣненія въ ихъ свойствахъ».

Другимъ мыслителямъ это даже не *кажется*, а на-вѣрное, конечно, ни одному изъ смертныхъ неизвѣстно, измѣнились ли, или нѣтъ, свойства элементовъ, отъ начала міра и до настоящаго времени. *Ульрици*, напр., на-основаніи химическихъ опытовъ, утверждаетъ даже, что «атомы *не*

могутъ ни оказывать какое-либо дѣйствіе, ни претерпѣвать какое-либо вліяніе, такъ, *чтобы не измѣниться* въ немъ и съ нимъ, по крайней мѣрѣ, временно, какъ, наприм., въ кислородѣ и водородѣ, соединяющихся въ воду, особенно-же въ органическихъ соединеніяхъ, въ которыхъ химическая сила переходитъ въ жизненную». *Ульрици* предполагаетъ даже, что подобно тому, какъ химическіе атомы, въ органическихъ образованіяхъ, переходятъ въ жизненные, такъ эти послѣдніе, т. е органическіе атомы, могутъ переходить въ психическіе, чувствующіе и сознательные. Новѣйшая химія, по крайней мѣрѣ, положительно утверждаетъ, что настоящее состояніе химіи опредѣляется почти положительнымъ отсутствіемъ примѣненій закона вѣчности силъ къ изученію отдѣльныхъ химическихъ явленій. Химикъ видитъ, на каждомъ шагу, что не всѣ возможныя превращенія совершаются по этому закону, — что т. е. свойства элементовъ въ химическихъ превращеніяхъ измѣняются. *Геологъ Моръ* [1]) утверждаетъ даже не-только то, что, въ древніе геологическіе періоды, количество бывшей въ круговоротѣ углекислоты было больше, чѣмъ теперь, но и то, что сродство угля съ кислородомъ, съ теченіемъ времени, все болѣе и болѣе ослабѣваетъ. Поэтому, утвержденіе *Ньютона и Біо*, что атомы не распадаются и вообще не измѣняются, оказывается гипотезою не-только висящею въ воздухѣ, но положительно рухнувшею. *Сэръ Вильямъ Томсонъ* положительно увѣряетъ, что «*химическій атомъ, самъ по себѣ, есть уже сложный маленькій міръ, часть матеріи измѣримыхъ размѣровъ, имѣющая форму*». А что сложно, то само въ себѣ и частично.

Искони вѣковъ извѣстно затрудненіе, какъ Философовъ, такъ и Физиковъ, въ рѣшеніи вопроса, какимъ бы способомъ изъ атомовъ слѣпить матерію, со всѣми ея проявленіями. Рѣшенію этого вопроса мало помогъ и великій умъ *Ньютона*, введеніемъ между атомами, какъ, изстари извѣстныхъ, притягательной и отталкивающей силъ, такъ и новоизобрѣтеннаго эѳира. Въ пополненіе своей атомистической теоріи, *Ньютонъ* предполагалъ, что атомы не соприкасаются другъ съ другомъ, а дѣйствуютъ другъ на друга посредствомъ *силы притяженія и отталкиванія, измѣняющейся по разстояніямъ*? Дѣйствительно, въ подтвержденіе этой теоріи *механическаго строенія матеріи*, Физики предполагаютъ,—пишетъ *Гербертъ Спенсеръ*,—что единицы

[1]) Стр. 88.

матеріи дѣйствуютъ другъ на друга по тому самому закону, по которому свѣтъ, теплота, тяготѣніе и всѣ центральныя силы измѣняются обратно пропорціонально *квадратамъ разстоянія*. Да онѣ и принуждены это дѣлать, такъ-какъ это законъ не эмпирическій только, но выводимый и математически изъ отношеній пространства, законъ, отрицаніе котораго не понятно. *Но что должно произойти въ какой-нибудь массѣ матеріи, находящейся во внутреннемъ равновѣсіи?* Притяженіе и отталкиваніе составляющихъ ея атомовъ должно бы уравновѣситься; находясь же въ равновѣсіи, атомы должны бы остаться на ихъ настоящихъ разстояніяхъ,—и масса матеріи потеряла бы способность какъ расширяться, такъ и сжиматься. Отсюда слѣдовало бы, что матерія не въ-состояніи была бы принять какую-либо другую плотность, ни оказать сопротивленіе какимъ-нибудь сторонннмъ дѣятелямъ,—что нелѣпо. Дѣйствительно, при такомъ равновѣсіи, давно прекратились бы всякая жизнь и всякое движеніе въ природѣ.

Выясняя свою теорію дѣйствованія атомовъ другъ на друга, присущими имъ силами, чрезъ разстояніе, *Ньютонъ* признавалъ себя неспособнымъ представить, чтобы притяженіе одного атома другимъ, на томъ или другомъ разстояніи, могло дѣйствовать *безъ всякой посредствующей среды, чрезъ пустоту*. Относя эту великую мысль величайшаго мыслителя къ апріорическимъ заблужденіямъ, отважный, но далеко не всегда основательный, мыслитель новѣйшаго времени, *Д. С. Милль* [1]), смѣется надъ нею, въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «немногимъ болѣе полутора столѣтія до нашего времени, никто не опровергалъ и не считалъ требующею доказательства тогдашнюю научную аксіому, что *вещь не можетъ дѣйствовать тамъ, гдѣ ея нѣтъ*. Это ложное предположеніе обмануло самаго *Ньютона*, который выдумалъ тонкій эѳиръ, наполняющій пространство между солнцемъ и землею. «Немыслимо, говоритъ *Ньютонъ*, чтобы неодушевленная грубая матерія могла, безъ посредства чего-либо нематеріальнаго, дѣйствовать и вліять на другую матерію, *безъ взаимнаго соприкосновенія*. Мысль, что тяготѣніе прирождено и присуще матеріи такъ, что одно тѣло можетъ дѣйствовать на другое *на разстояніи, чрезъ пустоту, безъ посредства чего-либо инаго, чьмъ дѣйствіе и сила тѣла могли бы быть передаваемы отъ него другому тѣлу*, кажется мнѣ (Ньютону) такою нелѣпостію, что, по моему мнѣ-

[1]) Логика 11, 309, 310.

нію, въ нее никогда не впадетъ человѣкъ способный разсуждать о философскихъ предметахъ. Но въ наше время, — продолжаетъ *Д. С. Милль*,—соблазнительнѣе обратное заключеніе: *усмотрѣніе нелѣпости въ вещи, столь простой и естественной, скорѣе можно принять за признакъ неспособности правильно разсуждать.* Теперь никто не находитъ невѣроятнымъ, чтобы небесныя тѣла могли дѣйствовать тамъ, гдѣ онѣ тѣлесно не присутствуютъ». Не-смотря на такое отважное увѣреніе *Д. С. Милля*, всѣ, однакожъ, серьезные мыслители, *отъ Демокрита и до Ульрици и Герберта Спенсера*, раздѣляли убѣжденіе *Ньютона*, что одна вещь не можетъ вліять на другую *чрезъ абсолютную пустоту.* Подвергая же посмѣянію эту аксіому, *Д. С. Милль* идетъ на-перекоръ не-только общему мнѣнію величайшихъ мыслителей всѣхъ вѣковъ, но и основоположенію своего собственнаго, ультрапозитивнаго, и всякаго другаго позитивнаго міросозерцанія, именно основоположенію, что «*единообразіемъ опыта порождается единообразіе мышленія*». Вѣдь въ опытѣ не можетъ же быть явленія, чтобы одно тѣло дѣйствовало на другое чрезъ абсолютную пустоту, такъ-какъ *природа дѣйствительно не терпитъ пустоты.* Во-первыхъ, никакимъ, ни физическимъ, ни химическимъ, экспериментомъ, нельзя произвести искусственную пустоту, совершенно освобожденную отъ присутствія какого-либо, хотя бы то самаго утонченнаго, газа, или отъ вліянія безусловно неустранимыхъ планетныхъ факторовъ: свѣта, теплоты, электричества, магнитизма и т. п. А, во-вторыхъ, сколько намъ извѣстно, вездѣ въ природѣ, за предѣлами даже самыхъ дальнихъ туманныхъ пятенъ, распространено вліяніе, по крайней мѣрѣ, одного изъ этихъ факторовъ, свѣта, а съ нимъ, конечно, и всѣхъ другихъ міровыхъ факторовъ, группирующихся въ универсальномъ явленіи всеобщаго тяготѣнія. Сверхъ этого, распространеніе даже того самаго, конечно, крайне утонченнаго атмосфернаго газа, которымъ окружена поверхность земнаго шара, до безвѣстной дали звѣздной системы млечнаго пути, не лишено своего рода доказательствъ. «Нельзя отвергать существованія атмосферы на лунѣ»,—читаемъ въ химіи *Менделѣева* [1]), — «можно думать, что она тамъ существуетъ,—и вслѣдствіе того допускать, *что воздухъ распространенъ повсюду въ небесномъ пространствѣ.* Существованіе атмосферы около солнца и планетъ, судя по астрономическимъ наблюденіямъ, можно считать вполнѣ доказаннымъ. Упругость воздуха въ

[1]) I 354.

нашихъ наблюденіяхъ кажется безконечною: воздухъ долженъ быть газообразенъ и при тѣхъ низкихъ давленіяхъ, которыя онъ долженъ имѣть въ небесномъ пространствѣ. Границы между атмосферами различныхъ небесныхъ тѣлъ, по всей вѣроятности, не существуетъ. Этому всеобщему распространенію воздуха въ пространствѣ, можетъ быть, принадлежитъ и то замедленіе, которое испытываютъ планеты и кометы съ своими движеніями». А геологъ *Фридрихъ Моръ* категорически утверждаетъ [1]), что «міровое пространство должно быть наполнено вѣсомою матеріею. Мы принимаемъ, что это тѣже вещества, изъ которыхъ состоитъ наша атмосфера; въ противномъ случаѣ, давно бы уже въ нашемъ воздухѣ оказалась примѣсь посторонняго тѣла. *Для возможности прямолинейнаго распространенія свѣта и теплоты и для передачи явленій тяготѣнія между небесными тѣлами должно существовать вѣсомое вещество.* О степени разрѣженія воздуха мы не имѣемъ никакого понятія. Распространеніе звуковъ мы можемъ уничтожить въ пустотѣ воздушнаго насоса; даже водородъ значительно его ослабляетъ. *Чрезъ Торичелліеву пустоту не проходитъ электричество*; если же впустить туда самое ничтожное количество газа, то свѣтовые пояса *Румкорфова* снаряда дѣлаются видимыми. *Свѣтъ еще можетъ проникать сквозь эту пустоту. Подобнымъ образомъ сила тяжести и магнетизма нуждаются въ промежуточномъ веществѣ, чтобы дѣйствовать на разстояніи. Въ абсолютной пустотѣ ни одна сила не проявляетъ своего дѣйствія.* Наполненіе міроваго пространства разрѣженною матеріею есть необходимое условіе притяженія». — Итакъ, положеніе, что *въ природѣ нѣтъ пустоты*, что *природа не любитъ пустоты*, можно признать за одно изъ самыхъ непререкаемыхъ единообразій опыта; слѣдовательно, это положеніе должно быть признано также за одну изъ самыхъ непререкаемыхъ аксіомъ. А это показываетъ, что напрасно и неосновательно *Д. С. Миллъ* глумится надъ непреложнымъ приговоромъ истинно великаго Ньютонова ума, что «невозможно, чтобы вещь дѣйствовала на другую на разстояніи, чрезъ абсолютную пустоту, безъ посредства чего-либо, чѣмъ это дѣйствіе могло бы быть передано». Въ-силу этой-то непререкаемой невозможности, *Ньютонъ* не выдумалъ эѳиръ, а призналъ его необходимо существующимъ, какъ между великими міровыми тѣлами: солнцами, планетами и ко-

[1]) Стр. 1.

метами, такъ и между атомами, между которыми эѳиръ посредствуетъ въ передачѣ взаимнаго вліянія ихъ одного на другой. Но введеніе эѳира между атомами помогло атомистической гипотезѣ, опять-таки, весьма мало. «Спрашивается», говоритъ *Гербертъ Спенсеръ*, «какова организація этого эѳира, колебанія котораго, сообразно съ принятой гипотезой, порождаютъ теплоту и свѣтъ и который, вмѣстѣ съ тѣмъ, служитъ проводникомъ тяготѣнія? *Мы должны считать его состоящимъ изъ атомовъ*, притягивающихъ и отталкивающихъ другъ друга, безконечно малыхъ, правда, въ-сравненіи съ атомами обыкновенной матеріи, но все-таки атомовъ».—«Да,—подтверждаетъ *Ульрици*,—физика приводитъ насъ къ принятію *вѣсомой* матеріи, раздѣленной на дробныя части, *между которыми находится невѣсомая субстанція (эѳиръ)*, которую, тѣмъ не менѣе, нужно помѣщать въ пространствѣ и мыслить также раздѣленною на дробныя части». «Помня же, что этотъ эѳиръ есть тѣло невѣсомое»,—продолжаетъ разсуждать *Гербартъ Спенсеръ*,—«мы принуждены будемъ заключить, что отношеніе между промежутками его атомовъ и атомовъ обыкновенныхъ несравненно больше, нежели подобное-же отношеніе въ матеріи вѣсомой,—что безконечно малыя частицы эѳира *дѣйствуютъ другъ на друга опять чрезъ пространства абсолютно—пустыя,—что тѣло дѣйствуетъ тамъ, гдѣ его нѣтъ и гдѣ нѣтъ ничего такого, что могло бы передать его дѣйствіе*. Мы видимъ, слѣдовательно, что дѣйствіе силы между атомами совершенно непостижимо; мы принуждены заключить, что матерія, вѣсомая, или невѣсомая, взятая въ ея совокупности, или въ ея гипотетическихъ единицахъ, дѣйствуетъ (по атомистической теоріи) на матерію чрезъ пространство абсолютно пустое; а такое заключеніе положительно не мыслимо». Древніе греческіе атомисты, болѣе современныхъ отважные и менѣе стѣсненные законами естествовѣденія, разсѣкали этотъ гордіевъ узелъ простымъ утвержденіемъ, что пространство, пустота, небытіе, при своей противоположности бытію, полнотѣ атомовъ, не менѣе реальны, какъ и эти послѣдніе. Но у современныхъ атомистовъ нѣтъ уже отваги соединять подъ понятіемъ реальности двѣ прямыя, отрицающія другъ друга, противуположности: бытіе и небытіе, абсолютную полноту и такуюже пустоту. Отъ этого современные атомы и остались безъ всякой между собою связи, не слѣпивъ изъ себя, въ Демокритовомъ рѣшетѣ, ровно ничего дѣйствительнаго, а, напротивъ того, просѣявшись сквозь него въ бездну ничтожества, всѣ безъ остатка.

«*Грове* утверждаетъ», — пишетъ *Страховъ* [1]), — «что касательно вопроса о внутреннемъ устройствѣ вещества, вѣроятно, всѣ усилія человѣческаго ума никогда не доведутъ насъ до удовлетворительнаго отвѣта. Естественники держутся атомистической теоріи, не подвергая критикѣ ея основаній. Но сказать, что *вещество есть совокупность атомовъ*, значитъ не сказать ничего, такъ-какъ вѣдь и атомы состоятъ изъ вещества, — а о немъ-то и спрашивается. Такимъ образомъ, таинственная сущность, какъ ей и слѣдуетъ, остается при этомъ недостижимою, — и весь вопросъ сводится только на то: *дѣлимо ли вещество до безконечности, или это дѣленіе имѣетъ предѣлъ. Легко показать, однакожъ, что атомистическая теорія есть предположеніе, опирающееся не на опыты, а на метафизическія основанія.* 1) Тѣла состоятъ изъ частей, дѣлятся на части, тѣло не есть что-либо самостоятельное, а только совокупность частей; тѣло, какъ цѣлое, въ собственномъ смыслѣ, не существуетъ, а существуютъ только части; значитъ, эти части не должны уже состоять изъ частей, должны существовать сами по себѣ, должны быть самостоятельными цѣлыми атомами.—2) Тѣло раздѣлено на части; въ частяхъ есть все, что было въ цѣломъ; въ тѣлѣ есть нѣчто неизмѣнное, постоянно пребывающее; тѣло должно состоять изъ неизмѣнныхъ частицъ неизмѣнной величины и формы, изъ атомовъ».— *Вирховъ* также подтверждаетъ «метафизическое происхожденіе понятія: *атома*, малѣйшей послѣдней единицы матеріи, которая, на самомъ дѣлѣ, никогда не можетъ быть получена, потому-что эти единицы находились бы за предѣлами чувственнаго воспріятія. Атомы не составляютъ послѣднихъ частей тѣла; они суть послѣдніе части элементовъ, составляющихъ тѣло. *Индивидуумы* могутъ считаться составленными изъ многочисленныхъ атомовъ: индивидуумы не единицы дѣленія, но дѣлимыя единицы; индивидуумъ, недѣлимое есть единица, которую *не должно* дѣлить, тогда-какъ атомъ *невозможно* дѣлить; недѣлимое есть единое цѣлое, измѣнчивое, временное, тогда-какъ атомъ неизмѣнное, постоянное; *недѣлимое составляетъ единицу дѣйствительную, въ-противоположность атому, единицѣ только мысленной: понятіе объ атомѣ, какъ о послѣдней мысленной части*, прочно и неизмѣнно, *но за-то оно не выведено изъ непосредственнаго опыта*».—Тоже метафизическое происхожденіе понятія атома

[1]) Русскій Вѣстникъ XXVII, 1860.

подтверждаетъ и *Ульрици*. «Физика»,—говоритъ онъ,—«продолжаетъ въ міровыхъ тѣлахъ малаго размѣра видѣть туже самую дѣлимость, какую фактически наблюдаетъ между большими міровыми тѣлами. Но какимъ образомъ образуется эта дѣлимость въ послѣдней инстанціи, этого не могутъ рѣшить ни физика, ни химія, обращаясь въ этомъ случаѣ къ философіи. Такимъ образомъ, нельзя утверждать, что *вещество есть нѣчто доступное чувству*, во-первыхъ, *осязанія*: то, изъ чего состоитъ матерія, субстратъ этого субстрата вещей, истинно сущее въ физическомъ смыслѣ, атомы совершенно недоступны для воспріятія».—Тоже подтверждаетъ *и Г. Спенсеръ*. «Являясь универсальной формой нашего чувственнаго опыта относительно матеріи,—говоритъ онъ,—этотъ родъ представленія матеріи, составленной изъ конечныхъ элементовъ, протяженныхъ и сопротивляющихся, оказывается формою, обойти которую наше понятіе о матеріи не въ-состояніи, какъ бы ни были мелки доли, на какія *мы можемъ умственно подраздѣлить ее*. Атомистическая гипотеза, равно-какъ и сродная ей гипотеза всепроникающаго эѳира, состоящаго изъ молекулъ, суть просто *необходимое развитіе тѣхъ универсальныхъ формъ, которыя выработались въ насъ дѣйствіями непознаваемаго абсолютнаго*». Тоже подтверждаетъ *и Бюхнеръ*. «Атомомъ, говоритъ онъ, мы называемъ малѣйшую матеріальную частицу, которой *дальнѣйшую дѣлимость мы представить не можемъ, и потому полагаемъ, что матерія состоитъ изъ такихъ атомовъ*. Но слово *атомъ* есть только выраженіе нами-же приспособленнаго къ матеріи *представленія, въ которомъ мы нуждаемся для извѣстныхъ внѣшнихъ цѣлей*. Настоящаго же понятія о веществѣ, которое мы называемъ атомомъ, у насъ нѣтъ: мы не знаемъ ни величины его, ни формы, ни взаимнаго ихъ соединенія другъ съ другомъ. Никто не видалъ атома. Ни наблюденія, ни разсужденія относительно матеріи, не доводятъ насъ въ безконечно-маломъ до конечной точки, на которой можно бы остановиться, да и надежды нѣтъ, чтобы когда-нибудь это осуществилось.» — *Фридрихъ Моръ*, въ-качествѣ геолога, а не метафизика, уже вовсе избѣгая слова атомъ, или употребляя его не въ первичномъ метафизическомъ смыслѣ частицы абсолютно недѣлимой, а только въ-смыслѣ малѣйшей частицы, хотя, безъ сомнѣнія, и дѣлимой, говоритъ: «лишь только мы оставляемъ микроскопъ, мы ничего уже не замѣчаемъ. Но и съ микроскопомъ мы до сихъ поръ ничего не открыли относительно молекулъ; мы ничего не знаемъ ни о формѣ, ни о величинѣ, ни о твердости этихъ молекулъ и стоимъ на

*

гой границѣ, гдѣ *Галлеръ* взываетъ: въ тайны природы умъ человѣческій не можетъ проникнуть».

«Между тѣмъ»,—продолжаетъ *Страховъ*,— «*опираясь на метафизическія основанія*, атомистическая теорія *противорѣчитъ другимъ основоположеніямъ нашего ума*. 1) Атомы представляютъ *неизмѣнную* сущность вещества; никакія перемѣны въ мірѣ до нихъ не касаются, а между-тѣмъ сами атомы вещественны: слѣдовательно, вещество не претерпѣваетъ перемѣнъ.—2) Тѣла *дѣлимы*; но дѣленіе есть чистая видимость; оно состоитъ только въ удаленіи частей раздѣльныхъ отъ вѣчности; заключающееся же въ атомахъ вещество недѣлимо.—3) Тѣла *соединяются*; двѣ капли ртути сливаются; но сліяніе здѣсь только видимость; атомы не могутъ слиться, а могутъ только помѣститься возлѣ другъ друга.—4) Тѣла *сжимаются* и *расширяются*; но вещество собственно несжимаемо и нерасширяемо; сжатіе и расширеніе зависитъ только отъ сближенія и взаимнаго отдаленія атомовъ.—5) Тѣла *измѣняютъ форму*; но въ-сущности вещество неспособно измѣнять форму, атомы имѣютъ одну и туже форму, отъ вѣчности.—6) *Тѣла соединяются химически*:—вода не есть только механическое смѣшеніе кислорода и водорода; но въ-сущности предполагается, что атомы кислорода находятся въ ней только возлѣ атомовъ водорода, несоединимые, не слитые, а только сближенные. 7) Вездѣ, какое бы глубокое *измѣненіе* ни происходило въ веществѣ, атомистами оно объясняется такъ, что *его въ-сущности нѣтъ*, что измѣняются только пространственныя отношенія атомовъ, а не самое вещество, не атомы. Ясно, что *атомистическая теорія отрицаетъ явленія, наблюдаемыя въ тѣлахъ, и полагаетъ, что въ-сущности, т. е. въ атомахъ они не происходятъ*».—И въ этомъ опять многіе мыслители согласны, что собственно метафизическая, а не эмпирическая, теорія атомизма противорѣчитъ другимъ основоположеніямъ нашего ума. *Сэръ Вильямъ Томсонъ* говоритъ: «мы не должны смотрѣть на атомъ, какъ на *мистическій пунктъ*, одаренный инерціей и свойствомъ притягивать и отталкивать другіе подобные центры, и не можемъ согласиться съ тѣми, которые приписывали атому способность занимать пространство съ безконечною твердостію и силою, *невѣроятною ни въ какомъ конечномъ тѣлѣ*». *Г. Спенсеръ* утверждаетъ, что «матерія, по природѣ своей, абсолютно непонятна. Сколько бы мы ни строили предположеній, мы найдемъ, разобравъ ихъ посылки, что предположенія эти не оставляютъ намъ ничего, кромѣ выбора между противоположными

нелѣпостями». Въ свою очередь, *Ульрици* рѣшительно утверждаетъ, что «*понятія: матерія и атомъ совершенно противоположны и одно всегда служитъ отрицаніемъ другаго; въ понятіи атома отрицается понятіе матеріи. По атомистической теоріи, осязаемое въ природѣ состоитъ изъ неосязаемаго, или лучше, само въ себѣ есть нѣчто неосязаемое,—воспринимаемое—нѣчто въ себѣ не воспринимаемое,—являющееся—нѣчто не являющееся,—дѣлимое—нѣчто въ себѣ недѣлимое,—чувственное—существенно—нечувственное или сверхъ-чувственное.* Такимъ образомъ, то, изъ чего состоитъ матерія, субстратъ субстрата вещей, истинно существующее въ физическомъ смыслѣ (ὄντως ὄν реальнаго матеріальнаго бытія) составляютъ совершенно неосязаемые и неподлежащіе чувственному воспріятію атомы. Матеріальный атомъ, въ своей абсолютной малости, представляется чѣмъ-то стянутымъ до точечнаго minimum пространства, чѣмъ-то исчезающимъ.... Понимая же атомъ только какъ простѣйшую, малѣйшую, совершенно незамѣтную, часть тѣла, естествознаніе уже этимъ говоритъ, что *атомъ просто не мыслимъ!* Атомъ, вслѣдствіе своей несложности, можетъ быть только созерцаемъ умомъ. А созерцаніе это не можетъ постигнуть того, что опредѣляется только, какъ самое малое и самое простое, такъ-что не можетъ быть уже ничего болѣе малаго и простаго. Слѣдовательно, *неощущаемое совпадаетъ здѣсь съ немыслимымъ.* Кромѣ того, въ понятіи объ атомѣ является противорѣчіе, какъ-скоро оно будетъ приложено къ объясненію явленій. Всѣ вещественные продметы являются протяженными, т. е. имѣютъ пространственную величину, объемъ. Спрашивается, имѣютъ ли атомы также какую-нибудь величину и протяженность, или-же тожественны съ математическою точкою? И то и другое ведетъ къ противорѣчіямъ».

«Если атомъ, продолжаетъ тотъже мыслитель, какъ бы ни былъ малъ, *имѣетъ пространственную величину*, то его нельзя представить чѣмъ-то недѣлимымъ, но слѣдуетъ приписать ему возможность дѣленія, потому-что въ понятіи всякаго количества необходимо заключается возможность дѣленія до безконечности. *Если же атомъ не имѣетъ никакой величины, никакой протяжности,*—то оказывается совершенно непонятнымъ, какимъ образомъ скопленіе не имѣющихъ протяженія точекъ можетъ являться протяженною массою». Матерія, *по Г. Спенсеру,—или дѣлима до безконечности, или нѣтъ.* Если мы скажемъ, что матерія дѣлима до-безконечности, то мы вдадимся въ предположеніе, которое мы не въ-состояніи осуществить въ мысли. При

дѣленіи какого-нибудь тѣла на двое, мы можемъ вести процессъ такъ, чтобы, дойдя до частей тѣла, недѣлимыхъ физически, умственно повторять процессъ безъ конца. Но сдѣлать это еще не значитъ реально понять безконечную дѣлимость матеріи, такъ-какъ *реально понять это значило бы умственно прослѣдить дѣленіе до безконечности, а для этого потребовалось бы безконечное время.* Съ другой стороны, утверждать, что *матерія недѣлима до безконечности*, значитъ утверждать, что матерія можетъ быть раздроблена на части, которыхъ уже никакая мыслимая сила раздѣлить далѣе не можетъ. А это предположеніе не болѣе можетъ быть представлено въ мысли, какъ и предыдущее, потому-что каждая изъ такихъ конечныхъ частей, еслибъ она существовала, должна бы имѣть верхнюю и нижнюю поверхность, правую и лѣвую сторону. Но намъ невозможно вообразить себѣ стороны ея столь близкими, чтобы нельзя было представить между ними плоскости дѣленія. Если смотрѣть на атомы какъ-бы чрезъ умственный микроскопъ, —то каждый атомъ явится частью матеріальной субстанціи. Но совершенно тѣже изслѣдованія могутъ быть сдѣланы и относительно частей, изъ которыхъ состоитъ атомъ, и тѣже самыя трудности стоятъ на пути каждаго отвѣта. Если предположить, что эти гипотетическіе атомы состоятъ изъ атомовъ еще меньшихъ, то затрудненіе, очевидно, явится снова на первомъ-же шагу; отъ затрудненія этого нельзя освободиться даже безконечнымъ рядомъ такихъ предположеній».

«Поэтому, продолжаетъ *Страховъ*, какъ бы мы ни дѣлили вещество, въ малѣйшей его части мы всегда будемъ предполагать атомы, потому-что и малѣйшая часть вещества есть все-таки вещество измѣнчивое, дѣлимое и проч., такъ-что, по сущности, мы должны представить атомы безконечно малыми, т. е. *меньше всякой данной величины*; *иначе сказать, мы не можемъ придать имъ никакой, даже самой малой, величины*, т. е. должны признать ихъ=0. Тѣмъ не менѣе *этому отрицанію всякой величины, всякаго реальнаго бытія*, положительно приписываются опредѣленныя и самыя реальныя, хотя и не встрѣчающіяся въ природѣ, свойства: атомы абсолютно недѣлимы, неизмѣнны, химически несоединимы, непроницаемы, однородны, вопреки свойствамъ всѣхъ тѣлъ. Предъ нами цѣлый міръ необъясненныхъ и необъяснимыхъ свойствъ. Чѣмъ соединены части атома? Почему атомы не сливаются? Почему они имѣютъ неизмѣнную форму и т. п.? Всѣ эти вопросы совершенно законны. Атомистамъ остается одно:

признать, что на нѣкоторые вопросы, правильные, разумные, нѣтъ и не можетъ быть отвѣта,—или, другими словами, что есть явленія, не имѣющія никакой причины. Такъ и дѣлаютъ они, когда говорятъ, что свойства атомовъ принадлежатъ имъ отъ вѣчности. Возьмемъ, напримѣръ, вопросъ *о недѣлимости атомовъ*, вѣчный камень преткновенія атомистовъ. Такъ-какъ *атомы протяженны* (*суть тѣла, а не математическія точки*),—то они мысленно могутъ быть дѣлимы. Спрашивается, отчего-же въ дѣйствительности они не дѣлятся? *Либихъ* разсуждаетъ объ этомъ такъ: *для ума совершенно невозможно представить себѣ маленькія частицы вещества, которыя были бы совершенно недѣлимы.* Какъ бы ни была мала частица, мы не можемъ считать невозможнымъ раздробленіе ея на двѣ половины, на три, на сто частей. Но мы можемъ представить себѣ, что эти атомы только физически недѣлимы, что они только въ нашихъ опытахъ являются такъ, какъ будтобы они неспособны ни къ какому дальнѣйшему дѣленію. *Физическій атомъ*, въ этомъ смыслѣ, представляетъ группу гораздо меньшихъ частицъ, которыя соединены нѣкоторыми *силами, болѣе крѣпкими, чѣмъ всѣ силы, какія на земномъ шарѣ могли бы мы употребить для ихъ раздѣленія.* Такимъ образомъ, *не отвергая безконечной дѣлимости вещества*, химикъ только признаетъ твердое основаніе, крѣпкую почву своей науки, когда считаетъ существованіе физическихъ атомовъ за неоспоримую истину». *Г Спенсеръ*, однакожъ, не находитъ возможнымъ допустить *Либиховы физическіе атомы.* Намъ невозможно, говоритъ онъ, «вообразить себѣ стороны атома столь близкими, чтобы нельзя было представить между ними плоскости дѣленія,—и какъ бы ни была велика предполагаемая сила сцѣпленія, невозможно исключить идею еще большей силы, способной побѣдить ее». — Что *Либихъ* разумѣетъ подъ именемъ *физическаго атома*, то *Вильямъ Томсонъ*, очевидно, называетъ именемъ *атома химическаго.* Но этотъ атомъ, по его мнѣнію, «самъ по себѣ есть уже сложный маленькій міръ, неспособный занимать пространство съ безконечною твердостію и силою, невѣроятною ни въ какомъ конечномъ тѣлѣ, — есть часть матеріи измѣримыхъ размѣровъ, имѣющая форму». Самоновѣйшая химія, какъ мы неоднократно уже видѣли, намѣчаетъ силы, способныя раздѣлять не-только молекулы, но и атомы, отодвигая неизмѣнную сущность вещества уже до какихъ-то ультиматовъ. «Итакъ, продолжаетъ *Страховъ*, *Либихъ* допускаетъ *физическіе атомы*, сохраняя безконечную дѣлимость матеріи. Но ка-

коеже различіе между физическими и абсолютными атомами? Очевидно, никакого. Физическій атомъ есть группа гораздо меньшихъ частицъ: въ этихъ частицахъ, очевидно, опять являются только-что изгнанные абсолютные атомы. Таково самое представленіе атомовъ. Чуть мы остановимся на атомѣ, какъ онъ уже распадается на частицы; остановитесь на этихъ частицахъ, и вы увидите, что онѣ сами состоятъ изъ частицъ (новоизобрѣтенныхъ ультиматовъ) и т. д., безъ конца.»

ГЛАВА XVIII.

Фехнеръ говоритъ, что физическая атомистика, въ концѣ концевъ, сводится *къ простымъ бытіямъ, которыя не имѣютъ уже протяженія, однакожъ занимаютъ еще мѣсто*; но, въ тоже время, онъ утверждаетъ, что, *вслѣдствіе существующаго между ними разстоянія, состоящія изъ нихъ системы имѣютъ протяженіе.* Однако, возражаетъ на это *Ульрици*, «болѣе чѣмъ сомнительно, чтобы можно было говорить о мѣстѣ, о разстояніи совершенно не имѣющихъ протяженія бытій: само непротяженное, ни чего, по своей непротяженности, не наполняя въ пустомъ пространствѣ, слѣдовательно, и не занимая никакого пространства, какъ нѣчто непространственное, не можетъ быть и мыслимо въ пространствѣ. Помѣщать непротяженное въ протяженное, въ пространство, значитъ допускать contradictio in adjecto: *непротяженное, т. е. отрицаніе, нуль протяженности, которое, однакожъ, было бы въ протяженности, было бы очевиднымъ противорѣчіемъ.* Странно предполагать, что пустое пространство, какъ такое, можетъ проявляться, или вызывать явленіе (ощущеніе), становиться замѣтнымъ; слѣдовательно, *если самые атомы, какъ непротяженныя точки, не могутъ быть замѣтными, то, очевидно, они не могутъ быть замѣтными и вмѣстѣ съ пространственными разстояніями между ними, потому-что послѣднія точно также не могутъ быть ощутимыми.* Допуская, что всѣ простыя бытія, взятыя вмѣстѣ, какъ точки, всегда снова соединяются только въ одну точку и потому неспособны сами собою наполнять ни время, ни пространство, *Фехнеръ*, говоритъ, однакожъ, *о наполненіи пространства и времени не самими простыми бытіями, а движеніемъ ихъ.* Но движеніе въ пространствѣ, возража-

етъ *Ульрици*, «вѣдь есть только перемѣна мѣста; а въ какомъ бы мѣстѣ ни находилось представляемое движущимся простое бытіе, оно, *какъ совершенно не имѣющее протяженности*, не можетъ наполнить пространства, потому его движеніе не имѣетъ здѣсь никакого значенія. Если всѣ простыя бытія, какъ точки, *всегда снова соединяются въ одну точку*, то можно говорить только *о движеніи одной точки*, и такое движеніе можетъ описывать различныя линіи,—но никогда не можетъ наполнить пространство. Вѣдь всѣ эти линіи не суть что-либо устойчивое, реальное, и потому оставляютъ пространство такимъже пустымъ, какимъ оно было и безъ нихъ. *Въ указанномъ смыслѣ, атомы совершенно неспособны оказывать сопротивленіе ни сами по себѣ, ни чрезъ свое соединеніе*: 1) *сами по себѣ* по тому, что чрезъ непротяжное, чрезъ математическую точку, всякое движеніе проходило бы насквозь, и вся міровая матерія, еслибы она состояла только изъ точекъ, могла бы быть сжата въ одну точку,—2) *чрезъ свое соединеніе*—по тому, что если мы вообразимъ себѣ хотя бы огромное количество точекъ, то онѣ всегда найдутъ довольно пустаго пространства между собою, въ которомъ могли бы пройти, не касаясь другъ друга,—могли бы пройти даже другъ чрезъ друга такъ же легко, какъ двѣ линіи пересѣкаются въ одной точкѣ. Еслиже, какъ утверждаетъ *Фехнеръ*, *въ атомистическомъ мірѣ невозможно соприкосновеніе, то, очевидно, атомы не могутъ оказать и сопротивленія другъ другу*: точки не суть массы и не образуютъ массы; исчезаетъ самая возможность представить дѣйствующія между ними силы и вывести изъ нихъ движеніе».

Затѣмъ *Ульрици* строитъ свою глубокомысленную теорію атомистики, однакожъ совпадающую если не съ отвергнутою имъ теоріею *Фехнера*, то съ давно оставленною, хотя и не вовсе еще забытою теоріею *Босковича*, или даже съ монадологіею *Лейбница*.

Изложимъ сначала теорію *Босковича*.—По мнѣнію *Босковича*, пишетъ *Д. С. Милль*, «конечными элементами матеріи и тѣлъ будутъ *недѣлимые и непротяженные пункты*, находящіеся на взаимномъ другъ отъ друга разстояніи и одаренные двоякою силой притяженія и отталкиванія. Раздѣляющій ихъ промежутокъ можетъ увеличиваться или уменьшаться ad infinitum, но не исчезаетъ совершенно; по мѣрѣ его уменьшенія, возрастаетъ отталкиваніе; по мѣрѣ его увеличенія, отталкиваніе ослабѣваетъ, а притяженіе стремится приблизить частицы одну къ другой. Протяженность и непроницаемость, относимыя ме-

тафизиками къ числу первичныхъ качествъ вещества, не-только не имѣютъ, по мнѣнію *Босковича*, ничего абсолютнаго, но не суть даже свойства матеріальной субстанціи, на которую мы должны смотрѣть единственно, какъ на силу сопротивленія, способную противодѣйствовать проявляемой нами силѣ сжатія. Но отсюда, — характеризуетъ эту теорію *Д. С. Милль*,—одинъ шагъ до сомнѣнія въ существованіи». *И Г. Спенсеръ* соглашается съ этимъ отзывомъ *Милля*, утверждая даже, что *центръ силы, совершенно не имѣющій протяженія, не мыслимъ*. Предположить, что центральныя силы могутъ пребывать въ точкахъ, не занимающихъ никакого пространства, имѣющихъ только положеніе и ничего такого, что обозначало бы ихъ положеніе,— въ точкахъ, ни въ какомъ отношеніи не различающихся отъ окружающихъ ихъ точекъ, которыя не суть центры силъ, — предположить это выше силъ человѣческихъ».

Что атомы суть именно центры силъ, въ эту теорію *Ульрици* всматривается глубже и всестороннѣе. Спрашивается, говоритъ онъ, «можно ли вообще говорить *о матеріальныхъ точкахъ, т. е. непротяженныхъ веществахъ, или вещественныхъ частицахъ и объ ихъ безконечно малыхъ массахъ? Возможно ли принимать тѣло, имѣющее извѣстное конечное протяженіе, за собраніе безконечнаго множества не имѣющихъ протяженія точекъ? Можно ли представить себѣ, что непротяженные атомы одного тѣла обнаруживаютъ на атомы другаго отталкиваніе и что этимъ объясняется сопротивленіе тѣла*? — Нельзя представить себѣ, отвѣчаетъ *Ульрици*, чтобы 1) сила отталкиванія могла обнаруживаться, если атомы (по Фехнеру) никогда не сходятся, если всегда между ними находится пустое пространство, или сами они—простыя непротяжныя точки; нельзя представить, что 2) масса тѣла содержитъ нѣсколько такихъ точекъ и представляется числомъ ихъ, такъ-какъ непротяженныя точки не могутъ соединиться въ массу и, не замѣтныя сами, сдѣлать что-либо чрезъ свое соединеніе замѣтнымъ. Отсюда неизбѣжно признаніе, что *атомы могутъ быть понимаемы, не какъ простые недѣлимые элементы, но какъ дѣлимые и, слѣдовательно, не какъ атомы*».

Тѣмъ не менѣе, однакожъ, *Ульрици* стоитъ *за недѣлимость атомовъ*. Однакожъ, продолжаетъ онъ, какъ ни правдоподобно положеніе, что все, имѣющее величину, протяженіе, дѣлимо до безконечности, но это *положеніе, направленное противъ естествознательнаго атомизма, основывается только на смѣшеніи понятій*. Дѣйствительно,

понятіе величины, чисто какъ величины, чистаго количества, чистой протяженности, заключаетъ въ себѣ признакъ безконечной дѣлимости. Но, на самомъ дѣлѣ, *нѣтъ никакого простаго, чистаго количества; величина всегда принадлежитъ качеству; въ дѣйствительности нѣтъ никакой чистой протяженности.* Поэтому, и атомъ не есть одна пустая величина. Предѣлъ дѣлимости качества зависитъ отъ его качественности,—почему не будетъ никакого противорѣчія въ томъ, если мы будемъ допускать существованіе предметовъ, *которые, хотя какъ простыя количества и дѣлимы до безконечности, но качественность которыхъ дѣлаетъ невозможною эту, только повидимому возможную, дѣлимость,* — если будемъ представлять, что *атомы, какъ простыя количества, должны бы считаться дѣлимыми дальше, но такъ-какъ они составляютъ не количества только, то на самомъ дѣлѣ недѣлимы».*

Но атомы, по мнѣнію *Ульрици, недѣлимы до безконечности и при понятіи чистой протяженности.* «Такъ-называемое дѣленіе до безконечности, еслибъ оно было продолжено даже въ вѣчность, можетъ только уменьшать величину протяженнаго, но никогда не можетъ уничтожить самое протяженіе. Только ничто, чистый 0, не можетъ дѣлиться. Слѣдовательно, предполагаемая дѣлимость до безконечности, сама вызываетъ и показываетъ необходимость того, чтобы, *если уже существуетъ протяженное, было принято и продолженіе его существованія до безконечности, т. е. всегда, вслѣдствіе безконечной дѣлимости, могутъ произойти только безконечно малыя частицы, протяженное безконечно малой протяженности, но никогда не могутъ уничтожиться всякія части, всякая протяженность».*

Какъ же, въ концѣ концовъ, нужно понимать каждый атомъ?—«Каждый атомъ,» — отвѣчаетъ *Ульрици,* — «обнаруживаетъ не-только сопротивленіе, но обладаетъ еще другими силами, и потому является, какъ точка, въ которой соединяются многія силы,—какъ *центръ, окруженный периферіею дѣйствій,*—какъ нѣчто дѣятельное, какъ исходная точка дѣятельности, какъ особая, отличная отъ другихъ сходящихся въ немъ силъ, сила, соединяющая и удерживающая ихъ вмѣстѣ. *Эту силу можно назвать субстанціею атома. Дѣйствуя только внутри, она вовнѣ* обнаруживается *бездѣйственнымъ покоемъ, косностію, неподвижностью, сопротивленіемъ* всякой другой силѣ, угрожающей объединенію силъ въ атомѣ, и, слѣдовательно, существованію самаго атома, — сопротивленіемъ, которое въ своемъ дѣйствіи обнаруживается *отталкивательною силою».*

Такимъ образомъ, въ анализѣ *Ульрици* мы пришли къ усмотрѣнію въ атомѣ не абсолютнаго единства, но *единства и множества вмѣстѣ*, — къ усмотрѣнію въ атомѣ, во-первыхъ, *единой силы, объединяющей прочія*, составляющей субстанцію атома, обнаруживающейся покоемъ, косностію, неподвижностію, сопротивленіемъ, отталкиваніемъ, и, затѣмъ, къ усмотрѣнію *многихъ другихъ силъ*, объединяемыхъ въ атомѣ этою единою; однимъ словомъ, мы пришли *къ единой и цѣльной идеѣ атома, какъ объединяющаго многія другія силы центра*. Ясно, что идея *Ульрици* совпадаетъ, съ одной стороны, съ идеею *Босковича*, а съ другой —, съ идеею *Либиха*, соединяя ихъ въ одно смѣшанное представленіе,—съ идеею *Босковича* совпадаетъ тѣмъ, что атомъ есть объединяющій центръ силъ, а съ идеею *Либиха* тѣмъ, что атомъ, какъ центръ, окруженный периферіею силъ, не есть математическая точка, но живая пространственная величина.

Но этимъ теорія *Ульрици* не исчерпывается, — и если въ томъ, что выше изложено, она болѣе или менѣе совпадаетъ съ существовавшими уже прежде теоріями атомистики, то въ нижеслѣдующемъ пунктѣ она почти совершенно оригинальна, или если и напоминаетъ какую-либо изъ преждесуществовавшихъ теорій, то только *монадологію Лейбница*. Такъ, по мнѣнію *Ульрици*, «хотя естествознаніе и говоритъ, что вѣсомые атомы, при разложеніи химическихъ соединеній, освобождаются изъ нихъ съ тѣмиже свойствами, въ томъже количествѣ и въ тойже пропорціи, какъ и вступили въ соединеніе, —однакожъ еще не доказано, что тоже самое происходитъ и въ органическихъ соединеніяхъ. Еще менѣе доказано, что это всеобщій законъ, относящійся ко всѣмъ веществамъ и даже къ невѣсомымъ. Напротивъ того, *неизмѣняемость атомовъ*, кажется, *нельзя считать рѣшеннойдаже у вѣсомыхъ веществъ*. По *Муанье*, ей противорѣчитъ тотъ замѣченный *Мичерлихомъ* фактъ, что кристаллы, подъ вліяніемъ теплоты, показываютъ неодинаковое расширеніе, изъ чего французскій физикъ выводитъ заключеніе, что, подъ вліяніемъ теплоты, основныя части атома измѣняютъ свою форму. *Въ атомахъ измѣненіе формы необходимо есть измѣненіе силы: какъ простые центры силъ, атомы не могутъ ни оказывать какое-либо дѣйствіе, ни претерпѣвать какое-либо вліяніе такъ, чтобы не измѣнялись въ немъ и съ нимъ, хотя временно*. Сила, бывшая въ покоѣ и начинающая дѣйствовать, переходитъ изъ одного существованія въ другое, что мы называемъ измѣненіемъ. Но если атомы мо-

гутъ измѣняться временно, то, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, можетъ произойти и *продолжающееся измѣненіе ихъ. Во всякомъ случаѣ, нельзя признать за аксіому, что атомы неизмѣнны.* Не-только логически, но и фактически можно представить, что 1) атомы въ жизни міра пріобрѣтаютъ силы, которыми прежде не обладали,—что 2) совокупное дѣйствованіе различныхъ силъ не всегда производитъ дѣйствованіе внутренне неизмѣнное, а измѣняющееся только внѣшнимъ образомъ,—что это дѣйствіе есть новая сила, которая, присоединяясь своимъ дѣйствованіемъ къ прочимъ силамъ, можетъ быть причиною дальнѣйшаго измѣненія, — что 3) атомы, какъ центры силъ, въ-продолженіи мірового развитія, могутъ производить новыя силы такимъ образомъ, что, вслѣдствіе особыхъ сочетаній (комбинацій), обстоятельствъ и условій, возникаютъ дѣйствія или силы, которыя соединяются съ извѣстнымъ центромъ силы сопротивленія, — что 4) при благопріятныхъ обстоятельствахъ, въ извѣстныхъ химически сродныхъ атомахъ, сродство преобразуется въ жизненную силу. Затѣмъ 5) если допустить (вмѣстѣ съ Фехнеромъ), что растенія обладаютъ нѣкотораго рода ощущеніемъ и что, по этому, на нихъ должно смотрѣть, какъ на одушевленныя существа,— то жизненная сила будетъ представлять первую форму или низшую степень *психической силы* и, при близкомъ сродствѣ той и другой формы бытія, удобно представить, что, *подъ вліяніемъ обстоятельствъ, жизненная сила становится психическою».*

Итакъ, чтоже мы получаемъ въ итогѣ анализа *Ульрици*? – Есть ли, по анализу *Ульрици*, атомъ-единство? — Есть: «атомы недѣлимыя единства». — Есть ли атомъ — множество? Есть: «атомы недѣлимыя единства, которыя связываютъ двѣ силы, или болѣе». — Есть ли атомъ центръ, точка,—не болѣе? Есть: «атомы—суть простые центры силъ». — Есть ли атомъ шаръ, имѣетъ ли онъ периферію? Есть и имѣетъ: «каждый атомъ является какъ точка, въ которой соединяются многія силы, какъ мѣсто, отъ котораго исходятъ различныя проявленія силы,— слѣдовательно, какъ *центръ, окруженный периферіею дѣйствій».*—Чтоже такое атомъ, только ли центръ, точка, или шаръ? Оказывается и то, и другое; но скорѣе послѣднее, скорѣе шаръ. А почему? По тому, что *Ульрици* хочетъ свой недѣлимый, по качественности, атомъ отличить отъ Фехнерова атома,—только непротяженной точки, хотя, въ тоже время, отличаетъ и отъ «такъ-называемой матеріи». Значитъ, по *Ульрици*, атомъ, не будучи точкою, въ тоже время, не есть, и тѣло.—Есть

ли атомъ *Ульрици* величина недѣлимая? Есть: «атомы суть недѣлимыя единства». Есть ли атомъ величина сложная? Есть: «атомы суть недѣлимыя единства, которыя связываютъ двѣ и болѣе, словомъ, многія и разныя силы».—Составляютъ ли эти силы существенное единство съ атомомъ?—Составляютъ: «атомъ есть центръ, объединяющій многія силы».—Составляютъ ли силы, о которыхъ рѣчь, нѣчто разное съ атомомъ? Составляютъ: «объ-единяющая многія, разныя силы и удерживающая ихъ вмѣстѣ сила, сила покоя, косности, неподвижности, сопротивленія, отталкиванія,—эта сила есть собственно субстанція атома. Какъ точка соединенія силъ, атомъ дѣйствительно отличается не-только отъ каждой отдѣльной силы, но и отъ всѣхъ ихъ вмѣстѣ, не по тому, чтобъ онъ былъ чѣмъ-либо противоположнымъ силѣ (*такъ-называемою матеріею*), а скорѣе отъ того, что онъ есть особенная, отъ всѣхъ другихъ отличная, сила».—Однакожъ, привязаны-ль эти силы къ субстанціи атома? Привязаны такъ, что составляютъ въ атомѣ недѣлимое единство: «атомъ—центръ силъ, недѣлимое единство, въ которомъ силою сопротивленія, пунктомъ ихъ посредства и соединенія, связаны многія и разныя силы».—Отдѣлимы ли эти силы отъ субстанціи атома? Отдѣлимы: «не-только логически, но и фактически легко представить, что атомы, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, могутъ пріобрѣтать себѣ силы, которыми прежде не обладали»; значитъ, при неблагопріятствующихъ обстоятельствахъ, могутъ и терять, тѣмъ болѣе, что «существуютъ различные подобные центры,—атомы, въ которыхъ соединены другія силы и инымъ образомъ, и субстанція даннаго атома, объединяя и удерживая свои силы, вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо оказываетъ сопротивленіе всякой другой силѣ, которая стала бы угрожать соединенію въ немъ этихъ силъ и, слѣдовательно, существованію самаго атома,—а поддерживая это соединеніе, поддерживаетъ существованіе самаго атома».—Куда же поступаютъ потерянныя силы? И обратно, откуда берутся вновь пріобрѣтаемыя силы? Берутся ли пріобрѣтаемыя силы изъ ничтожества и поступаютъ ли теряемыя силы опять въ ничтоженство? Или онѣ переходятъ отъ одного атома къ другому? Или сами онѣ суть субстанціи, подобныя субстанціи атома, т. е. силѣ сопротивленія? На это у *Ульрици* нѣтъ отвѣта.—Не могутъ ли, наконецъ, вновь нараждаться самые атомы? По-видимому могутъ: «эти центры силъ (атомы) могутъ производить новыя силы такимъ образомъ, что, вслѣдствіе особыхъ благопріятствующихъ сочетаній (комбинацій), обстоятельствъ и условій, возникаютъ дѣйствія, которыя, въ свою оче-

редь, сами суть силы и которыя соединяются съ извѣстнымъ центромъ силы сопротивленія», т. е. образуютъ новые атомы, новый, отъ старыхъ роевъ, около новой матки, какъ центра, рой пчелъ.—А могутъ ли атомы умирать? Повидимому, при стѣснительныхъ, не благопріятствующихъ обстоятельствахъ, могутъ и умирать: именно, когда «объединяющая и удерживающая вмѣстѣ» свои «силы, сила сопротивленія» даннаго атома оказывается безсильною сопротивляться «всякой другой силѣ, угрожающей соединенію силъ этого атома и, слѣдовательно, существованію самаго атома», когда оказывается она безсильною поддержать «существованіе самаго атома, поддерживая соединеніе его силъ»,—тогда его силы, побораемыя напоромъ силъ чуждыхъ, мало по малу теряются и разлетаются,—тогда коренной объединяющей силѣ атома, его субстанціи, не-чего становится объединять, и атомъ умираетъ, существованіе его потухаетъ. А какъ далеко могутъ атомы восходить при обстоятельствахъ благопріятныхъ? — О! очень далеко! Неорганическіе атомы могутъ развиться въ ограническіе, далѣе въ психическіе, а эти послѣдніе могутъ усовершаться уже до безконечности....

Итакъ, слѣдуя, шагъ за шагомъ, за знаменитѣйшимъ мыслителемъ новой Германіи, за новѣйшимъ апологетомъ стараго атомизма, мы очутились въ области не-только безъисходныхъ противорѣчій на каждомъ шагу, но въ области и вовсе уже не позитивныхъ, чисто фантантическихъ, иллюзій.

Остается перейти къ разсмотрѣнію послѣдней, извѣстной намъ и уже крайне позитивной, доктрины *Д. С. Милля*, по тому же вопросу, относительно *бытія, или небытія* атомовъ, доктрины, съ которою въ недоразвитыхъ своихъ основоположеніяхъ довольно сходна не доношенная философски доктрина и *Герберта Спенсера*.

Во-первыхъ, по словамъ *Д. С. Милля*, «доктрина о безконечной дѣлимости вещества теперь уже потеряла популярность». Итакъ, что же, *дѣлимость вещества безконечна, или не безконечна*? — «Какъ доказательство въ-пользу уже потерявшей теперь свою популярность доктрины о безконечной дѣлимости вещества»,—разсуждаетъ *Д. С. Милль*, — «приводили прежде аргументъ, что *каждая часть вещества, какъ бы мала она ни была, должна же имѣть верхнюю и нижнюю поверхность*» [1]). Этотъ аргументъ дѣйствительно, какъ мы выше видѣли, приводится у *Герберта Спенсера*. Каковъ же этотъ аргументъ, по мнѣнію *Д. С. Милля*? — «Прибѣгавшіе къ этому ар-

[1]) Логика, II, 394.

гументу»,—отвѣчаетъ онъ,—«не замѣчали, что онъ предполагалъ именно то, въ чемъ состоялъ вопросъ, т. е. невозможность достигнуть minimum—а толщины. Если существуетъ minimum, то верхняя и нижняя поверхности будутъ одною и тоюже поверхностью, да и само *minimum* будетъ плоскостію и ничѣмъ болѣе. Аргументъ ссылается на неспособность человѣческаго воображенія представить себѣ minimum и становится *заблужденіемъ предразсудка, что все то, чего нельзя понять, не можетъ существовать*». Итакъ что-же? Безконечная дѣлимость вещества есть *заблужденіе*? Да, по буквальному выраженію *Д. С. Милля,—заблужденіе.*

Но онъже *Д. С. Милль*, въ другомъ мѣстѣ, выражается, какъ мы выше видѣли, буквально и слѣдующимъ образомъ: «*какъ минимумъ дѣлимости, такъ и дѣлимость безъ предѣла постижимы; безпредѣльная малость есть настолькоже положительное представленіе, насколько и безпредѣльная великость*». Это свое положеніе онъ доказываетъ тѣмъ, что «въ этомъ случаѣ имѣетъ мѣсто извѣстная доля протяженія, которая невооруженному глазу представляется недѣлимою точкой, которая была названа философами *минимумомъ видимости*. Но, при помощи оптическихъ инструментовъ, мы можемъ неопредѣленно увеличивать этотъ минимумъ, сдѣлавъ видимыми значительно меньшія составляющія его части; въ каждомъ послѣдовательномъ опытѣ все еще будетъ *минимумъ видимости, нѣчто меньшее прежняго минимума, что, въ свою очередь, можетъ быть увеличено нѣкоторымъ болѣе могущественнымъ инструментомъ*». Этотъ-же аргументъ приводится и у *Герберта Спенсера*. Что-же оказывается? Оказывается именно то, что *Д. С. Милль* противорѣчитъ себѣ: въ одномъ мѣстѣ называетъ *заблужденіемъ* одинъ аргументъ *Г. Спенсера*, именно что minimum видимости долженъ имѣть верхнюю и нижнюю стороны, которыя могутъ дѣлиться среднею плоскостію,—утверждая, что «само minimum будетъ плоскостію, или точкою, и ничѣмъ болѣе»,—а въ другомъ мѣстѣ онъже *Д. С. Милль* признаетъ истиннымъ другой аргументъ *Г. Спенсера* о безконечномъ увеличеніи, посредствомъ дѣйствительныхъ, или воображаемыхъ, оптическихъ инструментовъ, минимума видимости, отъ размѣровъ точки до размѣровъ замѣтной протяженности, при чемъ минимумъ изъ плоскости, или точки, необходимо превратится въ тѣло. Но мало того, что для *Д. С. Милля* «какъ минимумъ дѣлимости, такъ и дѣлимость безъ предѣла постижимы»; для него «безпредѣльная малость, какъ и безпредѣльная великость», есть еще *положительное представленіе*», и съ этимъ названіемъ—*положитель-*

ное представленіе онъ соединяетъ представленіе весьма своеобразное. Нельзя не согласиться съ нимъ въ томъ, что «нѣчто безконечное» есть представленіе, которое содержитъ не-только отрицательный, но и положительный элементъ,—что существованіе отрицательнаго элемента въ представленіи не дѣлаетъ самаго представленія отрицательнымъ и не бытіемъ, — что если это представленіе не адекватно предмету, то и всякое наше представленіе, какой бы то ни было реальности, никогда не бываетъ адекватно ей,—что *представленіе о безконечномъ, какъ о не имѣющемъ ничего большаго себя, отрицательно,—но какъ представленіе о величайшемъ всякаго другаго реальнаго, или доступнаго воображенію, существованія, оно положительно*». Но нельзя согласиться съ дальнѣйшимъ разъясненіемъ у него этой мысли. Онъ самъ себѣ возражаетъ: «говорятъ, что мы не можемъ постигнуть чего-либо безконечнаго, напр., пространства, потому-что для этого потребовалось бы безконечное время»?—«Натурально»,—отвѣчаетъ онъ на это возраженіе ,«натурально потребовалось бы, для того, чтобы провести нашу мысль надъ каждой частью безконечнаго пространства. Но испытаемъ эту доктрину надъ нѣкоторымъ небольшимъ безконечнымъ, наприм., надъ числомъ 695,788. Сколько времени надобно было бы употребить, чтобы пройти мысленно каждую отдѣльно единицу этого цѣлаго»!? *Д. С. Милль* хочетъ сказать, что небольшое безконечное число, напр. 695,788 необъятно для нашей мысли также какъ и настоящее бесконечное (∞). Но принять это сравненіе за истинное уже никакъ нельзя, потому-что между всякимъ конечнымъ и безконечнымъ есть безконечная разница, потому-что 695,788, какъ и всякое великое число, истощить по единицамъ можно, особенно если истощать его увеличенными числовыми единицами, десятками, сотнями и т. д., и ускоренными временными единицами, напримѣръ, $^1/_{10}$, $^1/_{100}$ секунды и т. д.. Напротивъ того, безконечную величину, какими бы то ни было пространственными и временными числовыми, единицами, истощить невозможно,—невозможно, какъ въ великомъ, такъ и въ маломъ, въ безконечной дѣлимости. «Такъ-называемое дѣленіе до безконечности»,—говоритъ *Ульрици*,—«еслибъ оно было даже продолжено въ вѣчность, можетъ только постоянно уменьшать величину протяженнаго, но никогда не можетъ истощить, истребить, уничтожить протяженное». И Г. *Спенсеръ* полагаетъ, что «положеніе: *матерія дѣлима до безконечности* мы не въ-состояніи осуществить въ мысли: понять безконечную дѣлимость значило бы умственно прослѣдить дѣленіе до безконечности,—а для

этого потребовалось бы безконечное время». Такимъ образомъ, другимъ серьёзнымъ мыслителямъ «безконечная дѣлимость, безпредѣльная малость, какъ и безпредѣльная великость», вовсе не кажутся столько удобопостижимыми, сколько кажутся *Д. С. Миллю.*

Однакожъ вопросъ: *допускаетъ ли Д. С. Милль безконечную дѣлимость вещества?* остается пока безъ отвѣта.—Допускаетъ онъ безконечную дѣлимость всякой конкретной реальности, напр., всякой протяжности пространства, или продолжительности времени. Но «*что касается вещества*»,—разсуждаетъ онъ,—«то, не зная, что оно такое въ себѣ, *мы не знаемъ, будетъ ли слово: дѣлимый имѣть какой-либо смыслъ въ утвержденіи о веществѣ въ себѣ.* Считая дѣлимость пріобрѣтеннымъ понятіемъ, составившимся изъ элементовъ нашего чувственнаго опыта, я не могу допустить, что *ноуменъ вещество должно быть или безконечно, или конечно дѣлимымъ.* Единственная противорѣчивая альтернатива, отрицательная сторона которой не содержитъ ничего положительнаго, имѣетъ мѣсто *между бытіемъ и небытіемъ, существующимъ и не существующимъ* и, на-сколько касается этого различія, должно прилагать къ ноуменамъ законъ исключеннаго средняго: *они должны или существовать, или не существовать.* Но что вещество должно или представлять предѣлъ дѣлимости, или быть дѣлимо до безконечности, это даже превышаетъ возможную мѣру нашихъ знаній. Во-первыхъ, *вещество, во всякомъ другомъ смыслѣ этого слова, кромѣ явленій, можетъ не существовать*; а едвали кто скажетъ, что небытіе или должно быть дѣлимо до безконечности, или имѣть предѣлъ дѣлимости. Во-вторыхъ, хотя вещество, разсматриваемое какъ скрытая причина нашихъ ощущеній, дѣйствительно существуетъ, однако то, что мы называемъ дѣлимостью, можетъ быть свойствомъ (аттрибутомъ) лишь нашихъ ощущеній зрѣнія и осязанія, а не ихъ неизслѣдимой причины. Можетъ быть, дѣлимость вовсе нельзя приписывать, въ какомъ-либо понятномъ смыслѣ, вещамъ самимъ въ себѣ, а слѣдовательно, и веществу въ себѣ самомъ, и предполагаемая необходимость безконечной или конечной дѣлимости можетъ быть альтернативою непримѣнимой».

Но здѣсь уже, чтобы понять, что такое *Д. С. Милль* разумѣетъ подъ выраженіями: «вещество, во всякомъ другомъ смыслѣ этого слова, кромѣ явленій, можетъ не существовать, — дѣлимость можетъ быть свойствомъ (аттрибутомъ) лишь нашихъ ощущеній, а не вещества, скрытой ихъ причины, — говоря же яснѣе, вещество не-

сомнѣнно существуетъ только въ явленіяхъ, — дѣлимость есть аттрибутъ нашихъ ощущеній, т. е. явленій, а не вещества самаго въ себѣ, — вещество въ себѣ превышаетъ возможную мѣру нашихъ знаній», мы должны опредѣлить и критически повѣрить: *какую мѣру нашихъ знаній Д. С. Милль считаетъ возможною, — существуетъ ли вещество само въ себѣ и — существуетъ ли внѣшній міръ?*

ОТДѢЛЪ II.

СУЩЕСТВУЕТЪ ЛИ ВЕЩЕСТВО САМО ВЪ СЕБѢ? СУЩЕСТВУЕТЪ ЛИ ВНѢШНІЙ МІРЪ?

ГЛАВА XIX.

Опредѣляя *возможную мѣру человѣческихъ знаній, Д. С. Милль* предпосылаетъ, какъ мы видѣли, своей собственной теоріи *историческій очеркъ новѣйшихъ философскихъ ученій объ относительности человѣческаго знанія.*

Этотъ очеркъ мы уже изложили; теперь же сдѣлаемъ свои критическія замѣчанія на представленныя въ немъ философскія ученія, чтобъ отличить свою точку зрѣнія отъ точки зрѣнія *Д. С. Милля* и другихъ философовъ, которымъ онъ сочувствуетъ, и чтобы, такимъ образомъ, приблизиться къ усмотрѣнію того, что есть истиннаго въ ходячемъ современномъ ученіи *объотносительности человѣческаго знанія.*

«Высокими авторитетами», говоритъ *Д. С. Милль*, «освящено положеніе, что *знаніе человѣческое относительно.* Это значитъ, что мы знаемъ только нѣчто, зная это нѣчто, какъ отличное отъ чего-то другаго,—что всякое сознаніе есть сознаніе разницы,—что вещь считается тѣмъ, что она есть, только по контрасту съ тѣмъ, что она не есть».

По нашему сужденію, это *опредѣленіе относительности человѣческаго знанія* и согласно, и не согласно, съ психологическими фактами. Справедливо, что мы знаемъ по опыту только нѣчто; но, въ этомъ случаѣ, опущено изъ виду, что мы имѣемъ идею знанія абсолютнаго и въ-силу того, что эта идея всегда носится предъ нами, стремимся познать абсолютную полноту бытія.

*

Сомнительно также, что всякое сознаніе есть только сознаніе разницы,—что мы знаемъ вещь, что она есть, только по контрасту съ тѣмъ, что она не есть. Нѣтъ, всякая вещь познается *не-только по различію, но и по сходству.* Изъ абсолютной полноты бытія познавая по опыту только нѣчто, мы познаемъ всякое нѣчто съ двухъ противоположныхъ сторонъ, вопервыхъ, какъ сходное не-только со многимъ другимъ, но и со всѣмъ, и во-вторыхъ какъ отличное и отъ всего, и отъ многаго другаго. Всякое сознаніе чего-либо есть сознаніе, съ одной стороны, этого сходства, а съ другой—,этой разницы; вещь считается тѣмъ, что она есть, не-только по контрасту съ тѣмъ, что она не есть, отъ чего она разнится, но и по логическому, также, какъ и реальному, единству (въ родѣ и корнѣ) со всѣмъ себѣ подобнымъ. Таково должно быть возможно полное опредѣленіе относительности человѣческаго знанія.

Но вотъ, по *Миллю*, другое, *частнѣйшее значеніе относительности знанія*: «когда говорятъ, что человѣческое знаніе относительно, то разумѣютъ отношеніе не между познаваемою вещью и какими бы то ни было другими предметами, *но между познаваемою вещью и познающимъ духомъ.* Каждый языкъ признаетъ различіе между *я* и *міромъ*,— и самый основный въ философіи вопросъ состоитъ въ томъ: *что именно мы способны знать о внѣшнихъ объектахъ и въ-силу какой очевидности знаемъ это*»?

Намъ кажется, что эти два значенія относительности знанія, какъ первое, такъ и второе, близки одно къ другому, если не до тожественности, то до нераздѣльности. Это очевидно изъ того, что основанный на сравненіи разности между *я* и *внѣшнимъ міромъ* вопросъ: *что и почему я знаю о внѣшнемъ мірѣ*, равняется вопросу: *что и почему для меня, какъ субъекта, существуетъ? Что и почему существуетъ для меня, во-первыхъ, во мнѣ самомъ, и, во-вторыхъ, что и почему существуетъ для меня во внѣшнемъ мірѣ*? Какое сходство и различіе существуетъ во мнѣ съ внѣшнимъ міромъ, который, со включеніемъ какъ моего, такъ и другихъ человѣческихъ *я*, является мнѣ, съ одной стороны, нераздѣльнымъ цѣльнымъ единствомъ, а съ другой—, безпредѣльно разнообразнымъ множествомъ? Этотъ же вопросъ, въ свою очередь, нераздѣленъ и почти тожественъ съ вопросомъ: часть ли я только, или половина, или даже абсолютное цѣлое въ-отношеніи къ внѣшнему міру? А весь этотъ міръ, со всею разнообразною полнотою бытія, есть ли только зависимое отъ меня мое порожденіе, не отдѣльное отъ мо-

его ощущенія, или равный мнѣ противоположный полюсъ бытія, или, наконецъ, абсолютное цѣлое, безусловно опредѣляющее не-только бытіе, но и чувствующую дѣятельность этой ничтожнѣйшей песчинки въ мірѣ, которую я называю моимъ *я*, гордо противополагая это *я* всему внѣ меня? Нераздѣльность этихъ вопросовъ фактически и исторически подтверждается тѣмъ, что для рѣшенія кореннаго философскаго вопроса: *что и почему для меня существуетъ?* умъ человѣческій, на пространствѣ всѣхъ вѣковъ, стремился соотнести не-только *все бытіе къ человѣческому Я, но и себя, какъ и все разнообразіе бытія, ко всему, къ цѣлому, къ абсолютному.* Безъ этого же двойственнаго соотношенія невозможны ни мысль, ни наука, ни, въ-частности, философія, ни, еще частнѣе, разрѣшеніе кореннаго въ философіи вопроса: *что и почему для меня существуетъ,—что и почему я знаю о сущемъ?* Эту двойственную относительность: 1) именно, съ одной стороны, относительность бытія къ человѣческому *Я* къ знанію, а 2) съ другой стороны, относительность человѣческаго знанія и *Я*, равно-какъ и всякаго отдѣльнаго бытія ко всему, къ цѣлому и единому, къ абсолюту, намъ необходимо будетъ имѣть въ-виду, при рѣшеніи нашей главной задачи: *существуетъ ли матерія и что въ ней существуетъ? Д. С. Милль* имѣетъ въ-виду, по преимуществу, если только неисключительно, первую относительность нашего знанія, отъ чего все міровозрѣніе у него вышло не-только одностороннимъ, но даже скептическимъ, нигилистическимъ, и міръ оказался у него не-только въ-сущности безъ духа, безъ ноуменовъ, безъ всякихъ субстратовъ, но даже безъ вещества, съ однимъ только, напоминающимъ древнее гераклитовское: «все течетъ», *теченіемъ ощущеній и разнообразнымъ ихъ взаимосоотношеніемъ.*

«Всѣ мыслители», — продолжаетъ *Д. С. Милль*, раскрывая свой взглядъ на относительность знанія, — «всѣ мыслители согласны въ томъ, что *матеріальные объекты* извѣстны намъ *чрезъ чувства;* безъ посредства чувствъ мы не подозрѣвали бы ихъ существованія; мы ничего не знаемъ о томъ, что они суть, болѣе того, что говорятъ намъ чувства, и природа не представляетъ намъ какихъ-либо иныхъ средствъ знать болѣе; существованіе внѣшнихъ предметовъ доказывается свидѣтельствомъ внѣшнихъ чувствъ, и ничто не обнаруживается внѣшнимъ чувствомъ помимо ощущеній».

Это справедливо, но съ ограниченіемъ. Нужно замѣтить, что подъ терминомъ — *матеріальные объекты Д. С. Милль* разумѣетъ единст-

венные, дѣйствительно существующіе объекты, а подъ терминомъ — *чувства* разумѣетъ чувства *только внѣшнія* [1]). Но если разумѣть

---

[1]) Такъ, по крайней мѣрѣ, нужно заключать по духу и складу всей его системы, въ-слѣдствіе чего онъ, употребляя слишкомъ часто слово *чувства и ощущенія*, избѣгаетъ опредѣленія того, что онъ подъ ними разумѣетъ, но почти всегда даетъ разумѣть, что имѣетъ въ-виду исключительно только *чувства внѣшнія* и происходящія отъ нихъ, посредственно, или непосредственно, ощущенія. Но разъ что пришлось ему въ Логикѣ высказать опредѣленно, что именно онъ разумѣетъ подъ словомъ—*чувства* (и ужели только въ показаніяхъ *внѣшняго чувства* онъ видитъ единственный источникъ познанія о вещахъ!), онъ вдругъ заговорилъ нѣчто нескладное, противорѣчущее и общему складу его системы, и сряду же слѣдующимъ частнымъ, его же собственнымъ, выраженіямъ. Такъ, на 92 стр. ч. 1 Логики, онъ говоритъ: «подобно тому, какъ мы приписываемъ духовнымъ сущностямъ свойства на-основаніи идей и душевныхъ движеній, мы можемъ приписывать свойства и тѣламъ, на тѣхъже основаніяхъ, а не вслѣдствіе только ощущеній». Значитъ, мы судимъ о тѣлахъ не-только по *ощущеніямъ*, но и по идеямъ, и по душевнымъ движеніямъ, которыя не суть *ощущенія*. На тойже 92-й страницѣ, *Д. С. Милль* подтверждаетъ такое толкованіе, продолжая: «когда мы говоримъ о красотѣ статуи, это свойство красоты основывается на особомъ *чувствѣ удовольствія*, производимомъ статуею въ нашемъ духѣ; но *чувство это—не ощущеніе, а душевное движеніе*. Ясно, что это *чувство есть чувство удовольствія*, но, въ тоже время, *не ощущеніе удовольствія*, а душевное движеніе. Такъ угодно утверждать *Д. С. Миллю*. —«*Чувства* бываютъ»,—продолжаетъ онъ здѣсь-же,—«четырехъ родовъ: *ощущенія, мысли, душевныя движенія и хотѣнія*». Значитъ, *душевныя движенія*, какъ и мысли, и хотѣнія суть чувства, и вмѣстѣ какъ съ мыслями, такъ и съ ощущеніями, служатъ источникомъ познанія о вещахъ, но не суть ощущенія. Но на слѣдующей 93 стр., *Д. С. Милль* противорѣчитъ себѣ, утверждая, что «о веществѣ, о тѣлахъ, намъ извѣстны *лишь производимыя ими въ насъ ощущенія* и порядокъ наступленія ощущеній, и подобно тому, какъ тѣлесная сущность есть неизвѣстная причина нашихъ *ощущеній*, сущность духовная есть неизвѣстный пріемникъ ихъ». Значитъ, вещество, тѣла извѣстны намъ лишь только по *ощущеніямъ* и производятъ въ насъ только *ощущенія*. Отсюда должно заключить одно изъ двухъ, что или тѣла не производятъ въ насъ душевныхъ движеній, или душевныя движенія суть ощущенія. Но тотъ и другой выводъ буквально противорѣчитъ *вышеприведеннымъ* буквальнымъ выраженіямъ *Д. С. Милля*: 1) «подобно тому, какъ духовнымъ сущностямъ мы приписываемъ свойства *на-основаніи идей и душевныхъ движеній*, мы можемъ *приписывать свойства и тѣламъ на тѣхъ-же основаніяхъ*, а не-только вслѣдствіе ощущеній, 2) *чувство это—не ощущеніе, но душевное движеніе*».—Нужно, впрочемъ, замѣтить, что таковъ онъ вездѣ, во всѣхъ своихъ философскихъ сочиненіяхъ: многословіе самое фельетонное, а точности философской никакой; за нею онъ не гоняется, это презрѣнная схоластика! — «Итакъ»,—продолжаетъ онъ здѣсь-же,—«всѣ свойства вещей суть для насъ не что иное, какъ либо *наши ощущенія и другія состоянія чувства, либо нѣчто нераздѣльно съ нимъ связанное*». Опять буквальное противорѣчіе.

эти термины въ такомъ именно смыслѣ, то явно, что *Д. С. Милль* взводитъ клевету на мыслителей, увѣряя, будто всѣ они, безъ исключенія, согласны съ нимъ касательно этого предмета. Нѣтъ, далеко не всѣ мыслители согласны въ томъ, будто дѣйствительно реальны только такъ-называемые матеріальные объекты, будто единственный источникъ всякаго знанія есть именно только внѣшнее чувство. Ему извѣстно, что многіе мыслители допускали, кромѣ матеріальныхъ, бытіе и спиритуальныхъ объектовъ. Правда, низшій источникъ знанія они видѣли во внѣшнемъ чувствѣ, но высшимъ источникомъ признавали духовное чувство, созерцаніе, идеи и т. д. Что же касается до насъ, то, не касаясь теперь пока перваго предмета: бытія или небытія какихъ-либо объектовъ сверхъ матеріальныхъ, соглашаемся, что *источникъ всякаго знанія есть чувство*, но не исключительно внѣшнее, а *вообще человѣческое чувство*, что мы достаточно раскрыли въ первой части нашего изслѣдованія и подтвердимъ фактами и наиболѣе позитивными соображеніями въ дальнѣйшемъ разсмотрѣніи.

«Мнѣнія философовъ»,—продолжаетъ *Д. С. Милль*,—«сталкиваются касательно того, что *это такое, что чувства говорятъ намъ объ объектахъ*». *Это, положимъ, вѣрно.*

«Нѣтъ спора»,—продолжаетъ онъ,—«касательно одной части свидѣтельства чувствъ, именно касательно того, что *чувства передаютъ намъ наши ощущенія*, что, по крайней мѣрѣ, нѣкоторую часть того, что мы знаемъ объ объектахъ, составляютъ порождаемыя ими чувствованія». Это, дѣйствительно, безспорно. Мы готовы, хотя и не безъ ограниченія, согласиться далѣе даже съ тѣмъ, что «*свойства объекта суть силы, обнаруживаемыя имъ въ произведеніи ощущеній въ нашемъ сознаніи*»,—что «вообще наше знаніе объектовъ и даже воображаемые образы объектовъ состоятъ не изъ чего иного, какъ *изъ ощущеній, которыя возбуждаются этими объектами, или которыя мы воображаемъ возбуждаемыми чрезъ нихъ въ насъ*». Соглашаясь съ этимъ, мы, однакожъ,

---

Выше сказано: «о веществѣ намъ извѣстны *лишь производимыя имъ въ насъ ощущенія*»; здѣсь же дается разумѣть уже, что намъ извѣстны, какъ свойства вещей, не однѣ только ощущенія, но «*ощущенія, другія состоянія чувства*» (которыя не суть ощущенія) и «*нѣчто нераздѣльно съ ними связанное*». Или нужно заключить опять, что эти «*другія состоянія чувства*», какъ и все «*нераздѣльно связанное съ дѣятельностію чувствъ*», суть ощущенія. Таковъ-то этотъ всесвѣтный учитель! И на такихъ-то шаткихъ основаніяхъ, этими ново-явленными учителями человѣчества весь міръ сбивается съ вѣковѣчныхъ основъ здраваго смысла!

разумѣемъ подъ объектами все внѣшнее субъекту, а не одни такъ-называемые матеріальные предметы; подъ ощущеніями же разумѣемъ ощущенія общаго человѣческаго, а не одного только внѣшняго чувства, ощущенія, возбуждаемыя въ насъ *сколько внѣшнимъ опытомъ, столько-же и внутреннею склонностью нашей природы*,—что мы раскроемъ и подтвердимъ въ дальнѣйшемъ разсмотрѣніи.

«Разногласіе же мнѣній», по *Миллю*, «касается другой стороны нашего знанія» *(чисто теоретической, объективной, опредѣляющей, какъ вещь существуетъ въ себѣ)*, «сосредоточиваясь на рѣшеніи вопроса: можемъ ли мы, помимо нашихъ чувствъ, непосредственно умомъ, познавать объективныя свойства вещей,—*можемъ ли и какъ* именно можемъ *увѣриться, что внѣ нашего чувства существуютъ объекты, какъ реальные субстраты феноменовъ, отожествляющихся въ субъектѣ съ субъективными ощущеніями*»? — Здѣсь нужно замѣтить, что въ самой постановкѣ этого вопроса допускается чуждое точной психологической раздѣльности смѣшеніе понятій: именно 1) не опредѣлено, какое чувство здѣсь разумѣется, внѣшнее ли только или внутреннее, или-же то и другое вмѣстѣ,—2) не указано, имѣетъ ли умъ какое-либо тожество, или хоть родство съ чувствомъ, или въ своемъ существѣ и дѣятельности есть нѣчто отдѣльное отъ чувства, такъ-что способенъ совершать свои отправленія внѣ всякаго, не-только внѣшняго, но и внутренняго чувства. При фальшивой же постановкѣ самаго вопроса не могло не оказаться фальшивымъ и рѣшеніе его.

За тѣмъ слѣдуютъ у *Д. С. Милля* различныя формы, въ какія вылилось въ новѣйшей философіи рѣшеніе вопроса объ относительности нашего знанія. 1) Первая форма есть *идеально-скептическая, Берклея и Юма*, которые, выходя съ разныхъ точекъ зрѣнія, сходятся между собою въ томъ, что «*ощущенія внѣшняго чувства суть все, существованію чего мы имѣемъ право довѣрять*», *а вещи въ себѣ и не познаваемы и потому, можно сказать, не существуютъ*. 2) Другая форма, которую, въ-противоположность идеально-скептической, можно назвать *реалистическою*, провозглашаетъ, что «*вещи въ себѣ существуютъ, но находятся за феноменомъ и потому не познаваемы*». Эта форма, по различію воззрѣнія на значеніе основнымъ схемъ мышленія, именно формъ времени и пространства и такъ-называемыхъ категорій разсудка, распадается на двѣ формы ученій: а) *Канта* съ послѣдователями и б) *Джемса Милля, Вундта* и другихъ,—а в) третья форма, представителемъ которой, въ новѣйшее

время, служитъ *сэръ Вильямъ Гамильтонъ, провозглашаетъ, что «вещи въ себѣ не-только существуютъ, но даже познаваемы въ своихъ первичныхъ качествахъ».*

1) «Ощущенія составляютъ все, что мы, вѣроятно, можемъ знать о предметахъ внѣшняго міра»,—гласитъ основное положеніе идеально-скептическихъ системъ *Берклея и Юма.* По нашему же мнѣнію, это не-только *вѣроятно*, а даже безспорно, если только подъ *ощущеніями* разумѣть ощущенія не одного внѣшняго, но цѣльнаго человѣческаго чувства. И на-оборотъ, не только не вѣроятно, но даже прямо ложно положеніе, будто *ощущенія внѣшняго чувства суть все*, существованію чего мы имѣемъ право довѣрять. Нѣтъ; ощущенія не одного внѣшняго, а цѣльнаго человѣческаго чувства, не суть все, а непререкаемо свидѣтельствуютъ о томъ, что существуетъ, — и о чемъ онѣ непререкаемо свидѣтельствуютъ, существованію того мы не имѣемъ не-только права, но даже психической возможности не довѣрять. Можно согласиться, что «объектъ есть сложное представленіе, образовавшееся изъ идей разнообразныхъ ощущеній», однакожъ съ тѣмъ ограниченіемъ, что объектъ, не отдѣльный отъ представленія въ нашемъ сознаніи и тожественный съ нимъ въ сознаніи абсолютномъ, не тожественъ съ нимъ для нашего сознанія въ реальномъ бытіи, какъ непререкаемо свидѣтельствуетъ намъ наше-же сознаніе или чувство. И, напротивъ того, совершенно не вѣрно, будто «въ процессѣ образованія объекта *реальны только ощущенія*»; нѣтъ, по непререкаемому свидѣтельству нашего чувства, внутри насъ реальны ощущенія, а внѣ насъ реаленъ объектъ. А то совершенно ложно, будто «мы не имѣемъ никакой достовѣрной очевидности того, чтобы что-нибудь, не будучи само ощущеніемъ, было субстратомъ или тайною причиною ощущеній». Нѣтъ, по непререкаемому голосу нашего чувства, ощущеніе реально какъ дѣйствіе, а субстратъ реаленъ какъ причина ощущенія. Нельзя сказать, будто «не существуетъ реальность, соотвѣтствующая субстрату, внѣшняя нашимъ умамъ»;— нѣтъ, по непререкаемому голосу нашего сознанія, реальность существуетъ, и нужно бы съ ума сойти, чтобы вообразить, наприм., человѣка, который разговариваетъ со мною, существующимъ только въ звукахъ моего слуха и въ прочихъ впечатлѣніяхъ моихъ чувствъ, а внѣ ихъ вовсе не существующимъ, потому-что тогда съ равною силою слѣдовало бы, что и я существую только въ ощущеніяхъ моего собесѣдника, но никакъ не самъ собою. Нельзя сказать, будто «впечатлѣнія человѣческихъ умовъ суть все, что мы можемъ знать

какъ существующее»; нѣтъ, существуютъ впечатлѣнія, какъ дѣйствіе, и производящій ихъ объектъ и воспринимающій субъектъ, какъ двойственная ихъ причина. Можно было бы принять, хотя и трудно было бы понять, основоположенія этой философской школы въ-отношеніи къ чувству, къ сознанію, къ разуму только абсолютному: ощущенія только этого чувства, впечатлѣнія только этого сознанія, идеи только этого разума дѣйствительно суть все, что существуетъ и внѣ ихъ не существуетъ ничто, никакой внѣшній субстратъ, никакая реальность, никакая сторонняя причина. Къ человѣку же все это можетъ быть отнесено только въ той степени, въ какой его умъ, его сознаніе, его чувство есть отраженіе этого абсолютнаго, универсальнаго чувства, сознанія и разума. Пройти между этою сциллою и харибдою двухъ разныхъ міросозерцаній могъ бы, въ новѣйшее время, развѣ только величайшій и тончайшій умъ *Платона*. Узкая же мысль нашего времени, отрицая въ глубинѣ природы лежащую двойственность нашего духа, отрицая въ немъ бытіе высшаго разума, отражающаго въ себѣ разумъ абсолютный, и относя его созерцанія къ узкимъ опредѣленнымъ отвлеченіямъ разсудка, къ ограниченному свидѣтельству внѣшняго чувства,—современная мысль логически-естественно увлекается въ абсурдъ отрицанія не-только матеріальнаго, но и всякаго бытія, при чемъ, между прочимъ, другія человѣческія *я* оказываются не существующими внѣ меня, какъ и мое *я* не существуетъ внѣ чужихъ *я*... Казалось бы, этимъ нелѣпостямъ стоило только одинъ разъ быть названными, чтобы навсегда быть отвергнутыми. Но на дѣлѣ не то: самъ *Д. С. Милль*, какъ мы видѣли и увидимъ, охотно приближается къ воззрѣнію *Юма*.

2) Школа, которую мы назвали *реалистическою*, допускаетъ, что *разница между Я и Не-я означаетъ двѣ реальности, существующія независимо одна отъ другой*, что, съ своей стороны, мы также допускаемъ, но въ томъ ограниченномъ философскомъ смыслѣ, что ни одна изъ этихъ двухъ реальностей не есть субстратъ или субстанція другой, какъ акциденціи, и если какую-нибудь изъ этихъ двухъ реальностей должно признать болѣе акциденціею, чѣмъ субстратомъ другой, то, конечно, наше *я*. Допускаемъ, согласно съ этою доктриною, и то, что *есть реальный міръ вещей въ себѣ*, и что всякому впечатлѣнію на наши чувства соотвѣтствуетъ какая-либо вещь въ себѣ. Тѣмъ не менѣе, нельзя безъ ограниченія принять отличительное основоположеніе этой доктрины, будто *вещь въ себѣ находится за феноменомъ*». Нѣтъ; непререкаемый голосъ общечеловѣческаго чувства свидѣтельствуетъ,

что вещь *въ себѣ находится за феноменомъ только частью, хотя и большею, лучше же сказать,—безконечно-великою частью, а частью и въ феноменѣ*: за феноменомъ находится на-столько, на-сколько она намъ въ данный моментъ не извѣстна, и въ феноменѣ, на-сколько она намъ въ феноменѣ обнаруживается. Открытая и, въ тоже время, закрытая отъ насъ, она одна и таже, только относится къ нашему сознанію, или даже не къ сознанію, какъ верховному узлу всѣхъ чувствъ, а къ болѣе внѣшней нашей сторонѣ нашего чувства и вообще къ низшей части нашей познавательной способности, двумя своими сторонами, болѣе открытою и болѣе прикрытою, которая, въ свою очередь, прикрыта для нашего сознанія не на-столько, чтобы подъ нею для насъ было голое небытіе. Объяснимся, хотя и въ короткѣ, такъ-какъ въ первой части нашего изслѣдованія мы объясняли и ниже будемъ еще имѣть нужду объяснить эту свою мысль обстоятельнѣе. Слѣдуя глубочайшему созерцанію величайшаго изъ созерцателей, *Платона*, мы полагаемъ, что всякая реальность есть вмѣстѣ и продуктъ, и отраженіе абсолютнаго, что, какъ ограниченное, отраженіе абсолютнаго, она заключаетъ въ себѣ, кромѣ ограниченныхъ, и абсолютныя свойства,—что все, отъ подлежащаго нашему внѣшнему чувству универса, отъ солнца и земли и до этого дерева, и до каждой молекулы, все корнями своего бытія упирается въ безконечное, и адекватное познаніе этой молекулы, или этого дерева, требовало бы прослѣдить бытіе ихъ состава и силъ въ безпредѣльности назади и впереди,—что совокупность ограниченныхъ качествъ данной реальности открыта нашему разсудку, да и то не вполнѣ, такъ-какъ и она упирается въ безпредѣльность,—цѣльность же ея абсолютныхъ качествъ доступна только созерцанію разума, который накладываетъ на нее свою идею и въ идеѣ созерцаетъ ее,—что, наконецъ, въ этой идеѣ мы обнимаемъ необъятное и постигаемъ непостижимое.... *Видимъ нынѣ яко зерцаломъ въ гаданіи*.... Такимъ образомъ, даже абсолютная, идеальная сторона не совершенно сокрыта отъ насъ, не на-столько, по крайней мѣрѣ, сокрыта, чтобъ мы подъ нею не видѣли ничего, кромѣ небытія, напротивъ того, открыта на-столько, что мы видимъ въ ней бытіе неразрывно связанное съ бытіемъ абсолютнымъ — Далѣе мы согласны съ реалистическою доктриною и въ томъ, «что о вещи въ себѣ мы, за неимѣніемъ никакого иного органа для сообщенія съ нею, кромѣ нашихъ чувствъ» (т. е. всей совокупности человѣческихъ чувствъ, какъ внѣшнихъ, такъ и внутреннихъ),» можемъ знать толь-

ко то, что говорятъ намъ наши чувства, и что чувство ничего иного не говоритъ намъ, кромѣ впечатлѣній, производимыхъ вещью на насъ»; но коренное изъ впечатлѣній, производимыхъ вещью на насъ, внушаетъ намъ не-только то, что она существуетъ, но и то, что она существуетъ такъ, какъ отражается въ цѣльномъ человѣческомъ чувствѣ. Поэтому страннымъ представляется дальнѣйшій, дѣлаемый школою, выводъ, будто *мы вовсе не знаемъ, что такое есть вещь въ себѣ*; нѣтъ,—мы знаемъ, что такое эта вещь и въ себѣ и въ насъ, на-сколько она открыта намъ по непререкаемымъ впечатлѣніямъ разносторонняго обще-человѣческаго чувства, зная, въ тоже время, непреложно и то, что въ этой вещи безпредѣльно много есть и такого, что пока отъ насъ сокрыто, но несомнѣнно въ ней есть,—это, съ одной стороны, по-истинѣ безпредѣльное количество ея индивидуальныхъ, отличительныхъ, ограниченныхъ свойствъ, а съ другой—, цѣльное единство ея абсолютныхъ свойствъ. Такъ, наприм., новѣйшая наука утверждаетъ, что ни вещество, ни сила, сгруппированныя въ извѣстной реальности, во вѣки вѣчные не пропадаютъ; между-тѣмъ по опыту мы этого не знаемъ, и внѣшнимъ нашимъ чувствомъ не познаемъ никогда.—Согласны мы также со школою и въ томъ, что «все, извѣстное намъ о вещи въ себѣ, есть *относительное* къ намъ, состоящее въ способности вещи, извѣстными путями, вліять на насъ, или, какъ это называется технически, *производить феномены*», — и самое коренное дѣйствіе реальности на насъ оказывается въ томъ, что она, вліяя на насъ извѣстными путями, производитъ въ насъ непререкаемое убѣжденіе, что она не-только существуетъ, но существуетъ для насъ именно такъ, какъ вліяетъ на насъ, а для другихъ чувствующихъ существъ, какъ и для всѣхъ вещей, существуетъ такъ, какъ вліяетъ на нихъ, и, наконецъ, относится къ абсолютному такъ, какъ это отражается неотразимо въ нашемъ сознаніи. Съ подобнымъ-же анализомъ допускаемъ и то утвержденіе школы, что «внѣшнія вещи существуютъ, но внутренняя природа ихъ недоступна для нашихъ способностей»! Да, существуютъ, и усомниться въ ихъ существованіи значило бы усомниться и въ собственномъ существованіи. Что же касается внутренней природы ихъ, то въ каждой вещи есть, какъ мы уже объяснились, болѣе или менѣе, и доступное, и недоступное,—причемъ недоступное не всегда относится къ внутренней природѣ вещи (наприм., самыя малыя, находящіяся въ человѣческомъ организмѣ, паразитныя инфузоріи, которыя навсегда останутся не недоступны для нашего зрѣнія), и доступное не всегда только случайно, а, напротивъ того, нерѣдко от-

носится къ существеннѣйшей сторонѣ природы вещей, какъ, наприм., то доступное нашему пониманію свойство вещей, что каждая вещь происходитъ изъ примитивной матеріи. Вообще же утверждать, будто внутренняя природа вещей совсѣмъ недоступна для нашихъ способностей, значитъ утверждать противный общечеловѣческому чувству абсурдъ. Потому совершенно уже излишнею мы считаемъ гипотезу этой школы, «что, можетъ быть, вещи и имѣютъ внутреннюю природу, отличную не-только отъ производимыхъ ими впечатлѣній, но и отъ всего того, что онѣ способны производить на какое-либо чувствующее существо, но, по этойже самой причинѣ, эта скрытая природа непостижима не-только для насъ, но и для каждаго другаго созданія, даже для какой бы то ни было самой высшей интеллигенціи» Мы утверждаемъ, что и человѣческій умъ постигаетъ природу вещей и постигаетъ двояко: въ расширяющемся понятіи разсудка, и въ безпредѣльной идеѣ разума; а у болѣе чистыхъ умовъ, высшихъ безплотныхъ духовъ, ограниченное уразумѣніе природы вещей, конечно, далеко уже ближе подвинулось къ неподвижной въ своей безпредѣльности идеѣ. До полнаго же, всецѣлаго единства и природа вещи, и снятіе природы въ абсолютно-полной идеѣ, чрезъ всевидѣніе, достигаютъ только въ умѣ абсолютномъ.

а) Первая изъ двухъ главныхъ формъ этой философской доктрины объ относительности человѣческаго знанія, именно доктрина *Канта*, полагаетъ въ нашемъ знаніи объ объектѣ три элемента, именно: 1) *кромѣ скрытой непознаваемой причины ощущеній* (т. е. кромѣ *вещи въ себѣ*), — 2) такія *свойства нашихъ ощущеній*, безъ которыхъ объекты представить себѣ возможно, наприм., сладость, или горечь,— твердость, или мягкость,—бѣлизна, или краснота и т. п., которыя существуютъ только въ нашихъ ощущеніяхъ, и 3) сверхъ этого, еще такіе *аттрибуты*, которые суть *свойства и не вещей въ себѣ, и не ощущеній нашихъ, а нашего способа представлять ихъ*, каковы аттрибуты занятія извѣстнаго пространства и времени, равно-какъ аттрибуты, что вещь есть одно, или многое,—цѣлое, или часть,—субстанція, или акциденція,—причина, или дѣйствіе,—которыя суть прирожденныя формы нашей интеллектуальной, а не чувствующей, способности и технически обозначены *названіемъ категорій разсудка*. Противъ этого воззрѣнія мы должны сказать, что оно дѣлаетъ коренную погрѣшность именно школьнымъ, педантическимъ, *раздробленіемъ единой и цѣльной человѣческой души* на отдѣльныя, взаимно не сопроникающіяся, области; частнѣе, эта школа погрѣшаетъ рѣшительнымъ

отдѣленіемъ интеллектуальной отъ чувствующей способности души, тогда-какъ *чувство есть коренная способность*, относительно которой самый интеллектъ есть только одно изъ трехъ главныхъ проявленій (что обстоятельнѣе раскрыто нами въ первой части нашего изслѣдованія). При такомъ основномъ взглядѣ нашемъ на воззрѣніе *Канта*, мы полагаемъ, что вещь въ себѣ не есть нѣчто рѣшительно и безусловно отъ насъ сокрытое; напротивъ того, она открыта намъ на-столько, на-сколько мы постигаемъ ее цѣльнымъ человѣческимъ чувствомъ, въ разсудочномъ познаніи и въ идеѣ. Утверждаемъ далѣе (согласно съ предыдущимъ нашимъ изслѣдованіемъ), что свойства сладости или горечи, твердости или мягкости, бѣлизны или красноты, вообще-же *простѣйшія свойства, доставляемыя нашему сознанію внѣшнимъ или внутреннимъ физіологическимъ чувствомъ*, суть не исключительно только свойства ощущеній, но смѣшанный продуктъ чувствующихъ нервовъ и дѣйствующихъ на нервы объектовъ, и потому, принадлежа частію чувствующему нерву, принадлежатъ и объекту, какъ извѣстная способность его, при извѣстныхъ условіяхъ, вліять на чувствующіе нервы, производить извѣстныя особыя ощущенія. Утверждаемъ также, что тѣмъ неотъемлемѣе принадлежатъ, не-только нашему чувству, но и объектамъ, аттрибуты, подходящіе подъ формы *временности, или пространственности, или подъ такъ-называемыя категоріи разсудка*. Такъ, было бы пустымъ, бесплоднымъ и нескончаемымъ вычерпываньемъ воды изъ рѣки посредствомъ рѣшета, продолженіе вѣковыхъ усилій педантическихъ, схоластическихъ умовъ доказать, будто вещи только представляются намъ существующими, на самомъ же дѣлѣ не существуютъ во времени и пространствѣ, тогда-какъ самое бытіе ограниченное, т. е. движеніе и измѣненіе, есть не иное что, какъ обозначеніе въ дѣйствительности и начертаніе въ нашемъ сознаніи времени и пространства. Точно также безцѣльно было бы усиліе доказать и то, что вещь въ себѣ, наприм., дерево, не есть, а только мыслится, какъ одно (одно дерево) и многое (состоящее изъ многихъ частей и аттрибутовъ), какъ цѣлое (дерево), или часть (царства растительнаго, извѣстнаго вида деревъ,— разновидности, класса, под-класса и т. п.) какъ субстанція (единое индивидуальное цѣлое, въ единой цѣлостной жизни котораго развивается необозримое множество аттрибутовъ: зелени, или бѣлизны, крѣпости, гибкости и т. д.,—и частей: корней, вѣтвей, листьевъ, цвѣтовъ, плодовъ, паразитовъ и т. п.), или акциденція (такъ-какъ и дерево есть такая же акциденція въ-отношеніи

къ своему роду, какъ и каждый отдѣльный листъ на немъ самомъ въ-отношеніи къ нему),—какъ причина (наприм., причина всасыванія извѣстныхъ соковъ, выдыханія извѣстныхъ газовъ и т. п.), или дѣйствіе (продуктъ жизненной силы и извѣстныхъ элементовъ, землистыхъ, водныхъ, атмосферныхъ и т. д.); тогда какъ, и въ этихъ отношеніяхъ ограниченное бытіе есть не иное что, какъ движеніе и измѣненіе, слитіе и раздробленіе, производительный процессъ и происхожденіе и т. д. Конечно, для такого отдѣленія разсудочныхъ формъ нашего мышленія отъ дѣйствительнаго бытія есть свое основаніе; но оно лежитъ крайне глубоко въ метафизической темени: отыскать его можно только въ забытомъ новѣйшею философіею разграниченіи разсудочнаго познанія объ ограниченномъ бытіи отъ разумнаго созерцанія бытія абсолютнаго,—въ томъ забытомъ психологическомъ фактѣ, что, съ каждымъ шагомъ нашимъ, отъ разнообразія ограниченнаго бытія, впередъ или назадъ, къ единству бытія абсолютнаго, — бытія, постигаемаго не въ мертвомъ гегелевскомъ отвлеченіи послѣдняго, высшаго и совершенно безсодержательнаго, разсудочнаго понятія о бытіи, но въ разумной идеѣ единаго и послѣдняго корня, источника, причины, правила, цѣли и устья всякаго бытія,—съ каждымъ шагомъ нашимъ впередъ, или назадъ, по направленію къ этому бытію, исчезаютъ всѣ разсудочныя формы пространственности и временности, всякой случайности и измѣняемости, частичности, разнообразія и всякой ограниченности. Въ ограниченномъ же, измѣнчивомъ, частичномъ, текучемъ бытіи возводить умственное отвлеченіе подобныхъ свойствъ отъ бытія вещей въ рѣшительное отрицаніе ихъ реальности — это была и есть радикальная погрѣшность философствующихъ умовъ, погрѣшность, которая, сбивъ изслѣдованіе вещей съ прямого экспериментальнаго пути, породивъ множество странныхъ и взаимно противорѣчивыхъ системъ, ведетъ, какъ и приводила уже много разъ, къ отрицанію самаго бытія вещей, къ сомнѣнію въ самомъ существованіи, къ сведенію всего сущаго на отношеніе отношеній, безъ чего либо взаимно соотносящагося, безъ всякихъ точекъ стоянія не-только въ бытіи, но и въ мышленіи.

б) Потому-то вторая форма этой доктрины касательно относительности нашего знанія, представители которой суть *Гертли, Джемсъ Миллъ*, *Вундтъ* и другіе, дѣлаетъ шагъ впередъ навстрѣчу уже болѣе экспериментальному возрѣнію: провозглашая, вслѣдъ за *Кантомъ*, «совершенную недосягаемость для нашихъ способностей какого-либо иного поз-

нанія вещей въ себѣ, кромѣ тѣхъ впечатлѣній, которыя онѣ порождаютъ въ нашемъ сознаніи», и полагая, что «мы умственно облекаемъ объекты нашихъ воспріятій свойствами, которыя построиваются законами нашего духа», эта школа не признаетъ, однакожъ, необходимымъ приписывать духу извѣстныя *врожденныя формы*, въ которыхъ объекты выливаются въ видимости, но полагаетъ, что «*мѣсто, протяженіе, субстанція, причина и прочее суть представленія, совокупно истекающія изъ идеи ощущенія*», т. е. изъ отраженій дѣйствительнаго бытія въ нашемъ сознаніи, «по извѣстнымъ законамъ содружества и сосуществованія вещей». Эту теорію, съ строго-позитивной фактической точки зрѣнія, принять нѣсколько удобнѣе, чѣмъ теорію *Канта*; но должно прибавить, что такъ-называемыхъ категорій мышленія нельзя не признать не только *наиболѣе общими отраженіями бытія, получаемыми въ нашемъ сознаніи чрезъ непосредственный личный нашъ опытъ, но въ тоже время совокупно и прирожденными формами нашего мышленія.*

ГЛАВА XX.

III) Продолжая отдѣлять, не-только въ умственномъ отвлеченіи, но и въ дѣйствительномъ бытіи, свойства или проявленія отъ вещей самихъ въ себѣ, *третья форма* философскаго ученія объ относительности нашего знанія, *съ Сэръ Вильямомъ Гамильтономъ* во главѣ, допускаетъ не-только *существованіе вещей самихъ въ себѣ*, но и *познаваемость ихъ въ такъ-называемыхъ первичныхъ свойствахъ. С. В. Гамильтонъ* считаетъ первичными свойствами вещества *протяженность, непроницаемость, численность, величину, фигуру* и т. п., отдѣляя отъ первичныхъ качествъ не-только вторичныя, но даже еще вторично-первичныя, полагая, что первичныя свойства мы можемъ не-только познать по непосредственному сознанію или воспріятію, какъ онѣ существуютъ въ самихъ, вещахъ но и вывести ихъ изъ апріорическаго понятія о веществѣ, независимо отъ чувственнаго опыта. Эту теорію *С. В. Гамильтона*, раздѣляемую съ нимъ, впрочемъ, многими философами не только прежняго, но и новѣйшаго времени, — *теорію познаваемости первичныхъ качествъ непосредственно въ вещахъ самихъ въ себѣ*, *Д. С. Миллъ* отвергаетъ, допуская различіе между первичными и вторичными свой-

ствами, хотя, конечно, только съ своей собственной точки зрѣнія, *Д. С. Милль* опровергаетъ основанія этой теоріи, находя ее несообразною съ ученіемъ самаго *С. В. Гамильтона* объ относительности человѣческаго знанія вообще, несообразною съ слѣдующими, наприм., собственными его выраженіями, что «вещество есть для насъ то, что является намъ подъ формами *протяженности, твердости, дѣлимости, фигуры, движенія*» (*такъ-называемыхъ первичныхъ качествъ*), «цвѣта, холода и т. д. Эти феномены мы не можемъ мыслить явленіями ничего, напротивъ того, должны смотрѣть на нихъ какъ на свойства чего-то, чтопротяженно, твердо и т. п.; но *это нѣчто, разсматриваемое абсолютно и въ себѣ, есть для насъ нуль, ничто*». Отсюда открывается, что въ этихъ собственныхъ-же выраженіяхъ С. *В. Гамильтона*, какъ познаваемость первичныхъ качествъ поставлена рядомъ съ познаваемостью качествъ вторичныхъ, такъ и вещество въ себѣ сведено на нуль, въ которомъ непосредственно мы не усматриваемъ ровно ничего. Таково опроверженіе этойтеоріи *С. В. Гамильтона*, съ точки зрѣнія *Д. С. Милля*. Но мы надѣемся опровергнуть эту теорію основательнѣе съ точки зрѣнія болѣе позитивной, болѣе близкой къ психологическому опыту.

Такъ, не болѣе какъ словами безъ фактическаго значенія мы считаемъ всѣ опредѣленія, данныя В. Гамильтономъ этимъ, будтобы различнымъ въ родѣ отъ вторичныхъ, первичнымъ качествамъ.

1) «*Первичныя* качества», по *В. Гамильтону*,—«понимаются, какъ онѣ суть въ насъ».—Но можно ли утверждать, что первичное свойство тѣла, напр., *извѣстная фигура, или сопротивленіе, извѣстной степени и извѣстнаго качества*, есть только въ тѣлѣ, но нѣтъ его во мнѣ, въ моемъ чувствѣ? Можно ли сказать также наоборотъ, что вторичныя свойства, наприм., *вкусъ*, или *цвѣтъ* того или другаго тѣла, находятся только во мнѣ, въ моемъ чувствѣ, но нѣтъ ихъ въ тѣлахъ? Можно ли представить вещества абсолютно безцвѣтныя, безвкусныя, не пахучія, абсолютно покоющіяся и потому неспособныя, возвышеннымъ до степени дрожанія своимъ движеніемъ, производить звуковое ощущеніе, тогда, какъ въ природѣ все однороднымъ, хотя и не одно-степеннымъ образомъ сжимается, расширяется, разлагается, соединяется, движется, дрожитъ, и потому всегда неукоснительно производитъ то дѣйствіе, которое, будучи доведено до извѣстной степени напряженности въ веществѣ, производитъ извѣстныя ощущенія въ нашихъ нервахъ,—ощущенія свѣта, звука, запаха, вкуса, извѣстной степени сопротивле-

нія, извѣстной протяженности, извѣстной фигуры и. т. п? Вѣдь газообразнымъ, тонко изрѣженнымъ, веществамъ, присутствія которыхъ около себя мы глазомъ не видимъ и руками не ощущаемъ, такимъ веществамъ нельзя приписать и фигуру какую-либо, самое по видимому первичное качество, тѣмъ не менѣе, однакожъ, это не значитъ, будто и на всякой степени сжатія эти вещества также не имѣютъ никакой фигуры, будто вообще фигуральность не принадлежитъ имъ, какъ неотъемлемое свойство. Аналогичнымъ-же образомъ и освѣщеніе въ высшихъ слояхъ атмосферы исчезаетъ, что однакожъ не значитъ, будто тамъ оказывается абсолютное отсутствіе свѣта и цвѣта, а значитъ только то, что крайне изрѣженная, хотя и освѣщенная, атмосфера теряетъ тамъ способность раздражать нашъ зрительный нервъ. Отсюда очевидно, что вторичныя свойства, какова, наприм., цвѣтность, въ однородномъ смыслѣ, и отъемлемы, и не отъемлемы отъ тѣлъ, какъ и первичныя свойства, какъ, наприм., фигуральность. А съ другой стороны, и до нашего сознанія доходятъ онѣ однороднымъ-же образомъ,—именно не иначе, какъ чрезъ чувства; слѣд., и тѣ и другія, и вторичныя и первичныя качества, одинаково находятся и въ тѣлахъ, и въ насъ.

2) Справедливо ли, что мы знаемъ первичныя *качества непосредственно, какъ объекты воспріятія*, а вторичныя только *посредственно, какъ причины ощущенія*,—что первичныя познаются въ себѣ, а вторичныя лишь *посредственно, въ ихъ дѣйствіяхъ на насъ?* Но трудно установить фактическую, соотвѣтственную дѣйствительности, точку зрѣнія, чтобы даже опредѣлить для себя значеніе этихъ фразъ *С. В. Гамильтона*. Развѣ извѣстную фигуру тѣла, или извѣсткую степень его непроницаемости, мы познаемъ непосредственно умомъ, а никакъ не посредствомъ чувствъ? Или не допустить ли развѣ того, что извѣстную *частную фигуру*, извѣстную частную степень сопротивленія даннаго тѣла, мы познаемъ посредствомъ чувствъ; но *общія схемы*, именно, что всякому тѣлу принадлежатъ фигуральность, непроницаемость и т. п.,это мы знаемъ непосредственно умомъ? А въ такомъ случаѣ правда ли и это, что эти *общія схемы* суть чистыя созерцанія ума, а не, въ тоже время, и обобщенія опыта? Съ другой стороны, нельзя ли тогоже самаго сказать и о вторичныхъ качествахъ, если только можно сказать о первичныхъ, именно, что *извѣстный* вкусъ, *извѣстный* запахъ, *извѣстный* цвѣтъ даннаго тѣла мы познаемъ посредствомъ чувствъ, но *общую схему*, именно, что всякому веществу, при извѣстной напряженности сочетанія матеріальныхъ частицъ, дол-

жна пранадлежать способность производить вкусовыя, обонятельныя, цвѣтовыя ощущенія и т. п., — *эти общіе аттрибуты* вещества мы знаемъ непосредственно? И точно также можно ли сказать, что запахъ, вкусъ, цвѣтъ *дѣйствуютъ на насъ*, а фигура, непроницаемость, протяжность тѣла *не дѣйствуютъ на насъ*?

3) Можно ли сказать далѣе, что «въ первичныхъ качествахъ мы сознаемъ, какъ объекты, *модусы не себя*, а во вторичныхъ *модусы себя*», т. е. что во вторичныхъ качествахъ, какъ единственнаго видоизмѣняющагося фактора, я сознаю только себя, а первичнымъ качествамъ будтобы я непричастенъ, будтобы онѣ нимало не обязаны мнѣ бытіемъ своимъ и видоизмѣненіями? Въ первой части нашего изслѣдованія мы достаточно уже показали большую или меньшую *зависимость всѣхъ свойствъ объектовъ отъ нашихъ чувствъ*. Нужно ли, послѣ того, здѣсь снова доказывать, что протяженность, фигуральность, непроницаемость (т. е. въ дѣйствительномъ фактѣ, а не въ разсудочномъ отвлеченіи, болѣе или менѣе ощутительная твердость, или упругость тѣлъ), измѣнчивы-если не столькоже, сколько такъ, называемыя вторичныя качества, то однороднымъ съ ними образомъ, и видоизмѣняются не-только отъ присущихъ самимъ тѣламъ причинъ, но и отъ измѣнчивости нашего чувства? Въ тѣлахъ реальныхъ, а не воображаемыхъ геометрическихъ, фигура, протяженность, твердость, упругость измѣняются также моментально-быстро и непрерывно, какъ и матеріальный составъ тѣлъ. Но этого мало; эти свойства измѣняются и въ чувствахъ не-только разныхъ чувствующихъ особей, но даже одного и тогоже человѣка, что подтверждается *фактами разности отраженія размѣровъ въ глазахъ, привыкшихъ къ большимъ размѣрамъ, когда тѣже самые глаза быстро переходятъ къ малымъ размѣрамъ,—а также фактами разности отраженія въ нашемъ чувствѣ размѣровъ, фигуральности, плотности, предметовъ, при дневномъ и ночномъ освѣщеніи, при солнечномъ затменіи, при варіаціи физіологическихъ или психическихъ состояній, при разныхъ профессіяхъ, изощряющихъ, или притупляющихъ чувствительность* и т. п. Напримѣръ, извѣстенъ фактъ, что глазу, привыкшему къ объемистымъ размѣрамъ столичныхъ зданій, но вдругъ перенесенному въ провинцію, все представляется сперва такъ приземисто, такъ жалко, мизерабильно; но томуже глазу стоитъ лишь обжиться въ провинціи, какъ размѣры новой обстановки мало-помалу выростаютъ для него, сравнительно съ первымъ впечатлѣніемъ по

прибытіи изъ столицы. А перенесенный,чрезъ болѣе или менѣе продолжительное время отъ провинціальной приземистости, опять въ столицу онъ, къ изумленію своему, не вѣря самъ себѣ, усматриваетъ, что тѣже столичныя зданія, которыя, до переѣзда на жительство въ провинцію, казались ему столь обыкновенными, теперь вдругъ выросли до грандіозной величавости, какой, слишкомъ приглядѣвшись къ нимъ прежде, онъ вовсе не подозрѣвалъ въ нихъ. Вдругъ фигура какого-нибудь массивнаго зданія, которая этому же глазу, въ деталяхъ, прежде приглядѣлась было до того, что онѣ были для него почти вовсе непримѣтны, теперь, по возвратѣ изъ провинціи, бросается въ глаза крупными очертаніями каждаго карниза, каждой колонны, каждой отдѣльной фигуры, какъ и общимъ ихъ сочетаніемъ. Тѣже предметы, въ дѣйствительности, остались безъ всякаго измѣненія, развѣ только болѣе обвѣтрились и въ дѣйствительности, вросли въ землю однакожъ, въ отражающемся теперь въ сознаніи образѣ, они выросли въ исполина, котораго прежде, приглядѣвшись къ нему, какъ и ко многимъ окружающимъ его чудесамъ, мы, за малостью его, не примѣчали. И дѣйствительно, Исакіевскій Соборъ, поставленный среди исполинскихъ зданій сенатской площади, привычному глазу петербургскаго жителя вовсе не кажется чудомъ, а памятникъ Петру I кажется даже едва замѣтной точкою. Но какъ бы они выросли, какое возбудили бы они удивленіе зрителей, если-бы вдругъ были поставлены среди какого-либо обыкновеннаго селенія! Тоже бываетъ и съ непроницаемостью тѣлъ. И это свойство весьма относительно, не только къ разнымъ факторамъ природы, но и къ человѣческой чувствительности. Желѣзо непроницаемо; но ударъ исполинскаго молота цѣлую массу его сразу расплющиваетъ въ листъ; даже воздухъ въ ураганѣ свиваетъ его въ веревку, а на корабляхъ рветъ какъ нитку. Съ другой стороны, сжимаемость этого самаго воздуха, оказывающаго такое громадное, иногда сокрушительное, давленіе, наука признаетъ безпредѣльною. Если же сжимаемость безпредѣльна, то гдѣ же тогда окажется непроницаемость вещества? Слабый вѣтеръ валитъ съ ногъ слабосильнаго, хвораго человѣка, — вѣтеръ, котораго богатырь человѣкъ даже не замѣчаетъ; а будь крѣпость человѣка крѣпостью утеса, тогда и напряженіе самой свирѣпой бури для него было бы также мало чувствительно, какъ теперь комнатное теченіе воздуха, которое въ каждомъ пунктѣ, въ каждое мгновеніе, совершается непрерывно. Для богатыря, который разгибаетъ подковы и свертываетъ въ трубку металическія тарелки, или монеты, непроницаемость ме-

талловъ кажется не столь не-одолимою, какъ для ребенка. Подобнымъ-же образомъ обще-извѣстно явленіе, что при лунномъ освѣщеніи размѣры предметовъ, наприм., деревьевъ лѣса, выростаютъ и измѣняются нерѣдко такъ, что человѣкъ, слишкомъ хорошо знакомый съ извѣстною мѣстностью, съ трудомъ узнаетъ ее и убѣждается, что это таже самая знакомая ему мѣстность, только по какимъ-либо особенно врѣзавшимся въ памяти примѣтамъ. Такоеже измѣненіе отношеній нашего зрѣнія къ фигурѣ и протяженію предметовъ можно наблюдать и днемъ, при солнечномъ затменіи. Да и при обыкновенномъ дневномъ освѣщеніи, какъ извѣстно изъ многихъ наблюденій, размѣры предметовъ разнымъ зрѣніямъ представляются различными, наприм., съ одной стороны, опытнымъ мореплавателямъ, стрѣлкамъ, пейзажистамъ, а съ другой—неопытнымъ наблюдателямъ морской или насушной дали и выси. Такъ, наприм., иной островъ на морѣ представляется неопытному зрителю такимъ близкимъ, что вотъ только руку подать и достать его, тогда-какъ опытный мореходецъ простымъ взглядомъ опредѣляетъ разстояніе острова десятками миль и многими часами пути. Подобнымъ-же образомъ, простой зритель въ извѣстомъ пейзажѣ природы увидитъ разстояніе какихъ-нибудь пяти верстъ, въ которомъ опытный съемщикъ отличитъ глазомѣромъ, въ натурѣ, и дастъ въ живописномъ пейзажѣ этой же самой дали размѣры нѣсколькихъ десятковъ верстъ. При измѣненіи условій чувственнаго воспріятія, подобныеже факты и относительно и измѣненія качествъ непроницаемости, твердости, плотности и упругости. Не говоримъ уже о слишкомъ извѣстномъ фактѣ, что облака, носясь по землѣ, являются туманомъ, а поднимаясь въ небесную высь оказываются для зрѣнія такими крѣпкими, тяжелыми массами, съ столь измѣнчивыми причудливыми формами; и, на оборотъ, высокія горы, или нѣкоторыя артистическихъ очертаній зданія, когда смотришь на нихъ вблизи, представляются такими тяжолыми массами, тогда-какъ издали выглядываютъ какими-то летящими въ облака воздушными фантазіями. Но вотъ факты болѣе рѣдкіе, хотя стольже несомнѣнные. Одному и тому же пловцу плотность воды не всегда кажется одинаковою, смотря по собственному его физіологическому состоянію; иной человѣкъ, въ физически болѣзненномъ, или душевно экзальтированномъ, состояніи, способенъ разстерзать желѣзные цѣпи; ощущеніе непроницаемости воздуха, т. е. большей или меньшей густоты его, должно быть весьма разностепенно для жителя высокихъ горъ, наприм., швейцарскихъ Альповъ, и для труженника

сибирскихъ рудниковъ, или англійскихъ угольныхъ копей. Извѣстны также факты, характеризуемые русскою поговоркою: «у страха глаза велики», и можно къ этому прибавить: не только у страха, но и у суевѣрія и у невѣжества и т. д. глаза велики, при чемъ многія вещи являются въ измѣненныхъ уродливыхъ условіяхъ плотности, въ неестественныхъ размѣрахъ и съ измѣненными прочими самыми первичными своими качествами. Въ-слѣдствіе этого лучь луннаго свѣта чудится мертвецомъ въ бѣломъ саванѣ, съ жесткими костями, — тѣнь принимается за осязаемое тѣло, лѣсной пень представляется бѣгущимъ сзади громаднымъ медвѣдемъ, или чудовищнымъ лѣшимъ и т. п.

4) *Д. С. Милль*, отвергнувъ *непосредственную познаваемость* первичныхъ качествъ, тѣмъ неменѣе, однакожъ, принимаетъ подъ свою защиту ихъ *существованіе*, увѣряя будто «ощущенія, соотвѣтствующія тому, что называется первичными качествами, *предлежатъ всегда*, когда предлежитъ какая-нибудь часть группы первичныхъ качествъ». — Допустимъ это, на время, чтобы понять, что такое хочетъ сказать *Д. С. Милль* дальше.—Но «цвѣта, вкусы, запахи и тому подобныя ощущенія, продолжаетъ *Милль*,—будучи совершенно бѣглыми, не оказываются въ той-же степени *всегда предлежащими даже тогда, когда никого нѣтъ, чтобы воспріять ихъ*». Здѣсь, очевидно, странная игра словъ, которую трудно соединить съ означаемыми ими понятіями: во вторичныхъ качествахъ «ощущенія не предлежатъ, когда никого нѣтъ, чтобы воспріять ихъ». Понятно, что ощущеній не можетъ быть въ реальномъ фактѣ, когда не имѣется на-лицо ощущающаго субъекта. Но какъ-же понять дальше, что *въ первичныхъ качествахъ*, на оборотъ, «ощущенія предлежатъ всегда, даже когда никого нѣтъ, чтобы воспріять ихъ»? По нашему мнѣнію, ощущеніе въ реальномъ фактѣ не существуетъ, ни тамъ, ни здѣсь,—тогда-какъ возможность ощущенія, для соотвѣтствующихъ нервовъ, существуетъ одинаково какъ тамъ, такъ и здѣсь. Окиньте предметъ глазомъ, и вы замѣтите цвѣтъ, фигуру; прикоснитесь рукою, опять замѣтите извѣстную степень непроницаемости, температуры, гладкости, или шероховатости; глазомъ или осязаніемъ, или тѣмъ и другимъ вмѣстѣ, прослѣдите протяженность, фигуральность. Приблизивъ органъ обонянія, вы втянете въ себя слабо или сильно отдѣляющіяся отъ предмета частицы, дающія безъхарактерный или характерный запахъ; приложивъ языкъ, вы почувствуете опредѣленный или неопредѣленный, слабый или рѣзкій, вкусъ, и такъ-какъ всякій вещественный

метъ есть всегда безусловно и движеніе, то для приближеннаго уха онъ-же всегда безусловно есть и причина происхожденія звука.

5) Не знаемъ, какое понятіе соединить дальше, съ слѣдующимъ у *Д. С. Милля* различеніемъ этихъ качествъ: «ощущенія, отвѣчающія вторичнымъ качествамъ, только *случайны*, отвѣчающія же первичнымъ качествамъ *постоянны*». Ощущенія постоянны, ощущенія случайны;— что это такое? Если это значитъ, что *однѣ ощущенія бываютъ всегда, а другія не всегда*,—то, какъ это уже сейчасъ разъяснено и само по себѣ очевидно, всякія ощущенія бываютъ только въ томъ случаѣ, когда есть ощущающій субъектъ, слѣд., не всегда. Значитъ ли это, что первичныя ощущенія *всегда возможны*, когда есть вещественный предметъ, а вторичныя не всегда возможны? Но едвали нужно повторять, что во всякомъ подлинномъ веществѣ должна заключаться возможность производить не-только первичныя, но и вторичныя ощущенія, такъ-какъ всякое подлинное вещество, при извѣстной степени напряженія въ его частицахъ и надлежащемъ нормальномъ состояніи чувствительности въ субъектѣ, можетъ быть не-только осязаемо, но и видимо, и обоняемо и т. п., и, на оборотъ, тоже самое вещество бываетъ не-только не обоняемо и не видимо, но и не осязаемо, при извѣстныхъ условіяхъ, наприм., при изрѣженномъ газообразномъ состояніи самаго вещества и паралитическомъ, или погруженномъ въ сонъ, въ тифъ, въ самоуглубленіе, въ экзальтацію состояніи осязательныхъ нервовъ. Увлеченнаго въ бою воина пронзаетъ желѣзо, а онъ ничего не чувствуетъ и т. п. Нужно полагать, что *въ веществѣ есть даже свойства нами не воспринимаемыя, бытія которыхъ мы и не подозрѣваемъ*. Еслибъ у насъ вмѣсто пяти внѣшнихъ чувствъ оказалось десять, или еслибъ изъ настоящихъ пяти чувствъ каждое разложилось въ своемъ качествѣ на-двое и на-трое, или увеличилось въ силѣ въ два, три и болѣе разъ, — то мы открыли бы въ веществѣ не отторгаемо принадлежащимъ ему безмѣрное количество новыхъ свойствъ, нами въ немъ не предполагаемыхъ. Такое предположеніе отчасти подтвердилось и фактически устройствомъ телескоповъ и микроскоповъ. *Дарвинъ*, на основаніи нѣкоторыхъ фактовъ, подозрѣваетъ, что всякій ощущающій нервъ можетъ сдѣлаться чувствительнымъ къ свѣту, а тѣмъ болѣе къ грубымъ колебаніямъ воздуха, которыя производятъ звукъ; — значитъ, всякій чувствующій нервъ способенъ пріобрѣсти способность къ ощущеніямъ, какой теперь не имѣетъ [1]).

[1]) *Дарвинъ*, «О происхожденіи видовъ». Пер. *Рачинскаго*, Москва, 1865 года, стр. 151.

Если же это такъ, то можно сказать, что постоянство, или случайность, возможность быть всегда и не быть иногда, прилагаемыя къ понятіямъ первычныхъ и вторичныхъ качествъ вещества, зависятъ не-столько отъ реальнаго бытія вещества, сколько отъ отношенія къ нему чувствующихъ субъектовъ. Еслибы на свѣтѣ существовали только кроты безъ глазъ и съ своимъ настоящимъ, слабо развитымъ въ лапкахъ и когтяхъ, осязаніемъ,—то тогда первичными ощущеніями и качествами вещей было бы то, что теперь называется вторичными ощущеніями и качествами; а настоящія такъ-называемыя первичныя ощущенія и качества почти вовсе не существовали бы, такъ-какъ кроты разсматривали бы всякій объектъ не-столько состоронѣ его протяженности, или фигуральности, сколько со стороны его обоняемости и съѣдобности [1]). И обратно, если бы явились на землѣ существа съ большимъ количествомъ чувствъ, или съ высшею степенью развитія чувствъ сравнительно съ настоящими человѣческими, то снова вышла бы перестановка ощущеній и качествъ вещества постоянныхъ и случайныхъ, первичныхъ и вторичныхъ. Впрочемъ, и безъ этого предположенія, что когда-либо появятся на землѣ существа высшія человѣка, *Д. С. Милль* не безосновательно увѣряетъ (Лог. 1,553), «что многіе изъ самыхъ общихъ законовъ природы», т. е. изъ самыхъ первичныхъ качествъ бытія вещей, «еще не приходили никому въ голову, и что многіе другіе, которые должны пріобрѣсти это значеніе—самыхъ общихъ законовъ природы, если и извѣстны, то единственно какъ законы и свойства какого-либо ограниченнаго класса явленій», т. е. какъ частныя, случайныя и вторичныя свойства вещей,—съ чѣмъ трудно не согласиться.

6) Сверхъ того,—увѣряетъ *Д. С. Милль*,—«вторичныя качества *измѣняются* вмѣстѣ съ разными личностями и вмѣстѣ съ временною чувствительностью нашихъ органовъ; первичныя же суть *одни и тѣже*

---

[1]) «Чувствительность есть общее свойство всякаго животнаго организма»,—пишетъ *Льюисъ* въ своей физіологіи (Москва, 1866 г. Т. II, стр. 255);—«это общее свойство спеціализируется по мѣрѣ того, какъ обособляется и осложняется въ своемъ строеніи самъ организмъ. Моллюскъ чувствуетъ, но очень сомнительно, чувствуетъ ли онъ боль; еще сомнительнѣе, чувствуетъ ли онъ щекотанье. Его чувство зрѣнія, вѣроятно, недалеко ушло отъ простаго различенія свѣта отъ темноты; его чувство слуха, вѣроятно, немногимъ выше способности ощущать колебанія воздуха и т. д. А способенъ ли моллюскъ ощутить размѣры, фигуру, плотность тѣла? ...

для всѣхъ личностей и во всѣ времена». Но распространяться объ этой мнимой разности, послѣ вышесказаннаго, мы находимъ излишнимъ. Мы сказали и показали уже, что первичныя качества, съ разными личностями, съ временною чувствительностію нашихъ органовъ и, сверхъ того, кромѣ условій нашего воспріятія, еще съ разными измѣненіями въ состояніи самыхъ тѣлъ варіируютъ также, какъ и вторичныя [1]).—Въ первой части нашего изслѣдованія, мы замѣчали, что, впрочемъ, и само собою очевидно, что почти вовсе не имѣется масштаба для измѣренія равенства, или разности у разныхъ людей, ощущеній, соотвѣтствующихъ особенно первичнымъ, да и вообще всякимъ качествамъ, напр., для опредѣленія того, выше или ниже представляются мнѣ извѣстная гора или извѣстный домъ, чѣмъ другому человѣку. Скорѣе можно подмѣтить *разность* между ощущеніями одного и другаго человѣка, чѣмъ найти точный критерій для аподиктическаго подтвержденія ихъ *равенства* [2]). Какъ-же, послѣ этого, увѣриться, что первичныя качества и

---

[1]) Въ Русскомъ Вѣстникѣ 1872 г., за мартъ, въ приложеніи, въ сочиненіи *Вильки Коллинза*: *Миссъ Финчъ*, Ч. 11, гл. XXXIX, представленъ остроумный и въ общихъ чертахъ правдивый разсказъ о томъ, какъ слѣпорожденный, но въ зрѣлыхъ лѣтахъ получившій зрѣніе, человѣкъ учится видѣть, при чемъ не умѣетъ зрѣніемъ опредѣлить не-только разстояніе, или цвѣтъ, но и фигуру предметовъ, наприм., не умѣетъ отличить фигуру круглую отъ квадратной, тогда-какъ по осязанію и слуху опредѣляетъ безошибочно не-только фигуру предметовъ, но и разстояніе, и даже цвѣта. Фактическое доказательство того, что отъ варіаціи человѣческаго чувства варіируютъ не только вторичныя, но и первичныя качества.

[2]) *Льюисъ*, въ своей физіологіи, пишетъ (Т. 11, ст. 261): «ухо можетъ быть чувствительно къ простому напряженію звука, къ шуму, и очень мало къ высотѣ и качеству его. Не музыкальное ухо, кажется, почти неспособно различать два звука, разнящіяся между собою только въ высотѣ: существуютъ очень значительныя индивидуальныя разницы въ воспріимчивости къ высотѣ тона. Напр., крикъ летучей мыши такъ высокъ и рѣзокъ, что для многихъ особъ не слышенъ; онъ лежитъ внѣ ихъ звуковыхъ предѣловъ... Мы съ удивленіемъ (стр. 307) слышимъ, что существуетъ много людей, владѣющихъ, повидимому, столь-же хорошими и вѣрными глазами, какъ наши собственные, которые никогда не подозрѣвали, чтобъ они могли ошибаться въ своемъ сужденіи о цвѣтахъ, но которые, по испытаніи, оказываются совершенно неспособными отличить красный цвѣтъ отъ зеленаго, или чернаго, когда предметы этихъ трехъ цвѣтовъ положены рядомъ. Изъ наблюденій надъ 1154 лицами въ одномъ Единбургѣ оказалось, что на каждыхъ 18 человѣкъ приходится по одному болѣе или менѣе страдающему этою цвѣтовою слѣпотою. Изъ нихъ одинъ на 55 смѣшивалъ красное съ зеленымъ; 1 на 60—коричневое съ зеленымъ, и 1 на 46-ть смѣшивалъ голубой цвѣтъ съ зеленымъ».—Ясно, значитъ, что у этихъ здорово—больныхъ людей были пред-

ощущенія суть однѣ и тѣже не-только для всѣхъ личностей, но и во всѣ времена? А съ другой стороны, если позволительно утверждать это о первичныхъ качествахъ, то ужели нельзя утверждать, съ подобною-же основательностію, тоже и о вторичныхъ, т. е. что и вторичныя качества тожественны во всѣ времена? Ужели радуга казалась Ною и сыновьямъ его составленною не изъ тѣхъ-же семи елементарныхъ цвѣтовъ, какъ это кажется и намъ? Ужели медъ производилъ не тоже ощущеніе сладости и роза не тоже ощущеніе аромата въ органахъ вкуса и обонянія Соломона и современниковъ его, какія чувствуются въ тѣхъ-же органахъ и современныхъ намъ людей? Если же, на оборотъ, въ Соломоновомъ храмѣ, этомъ чудѣ свѣта для всего человѣчества, не подозрѣвалъ чуда величавости какой-либо приглядѣвшійся къ нему тупымъ окомъ левитъ, прислужникъ храма,—то тѣже, или аналогичныя, варіаціи въ самыхъ первичныхъ ощущеніяхъ чувствуются и въ наши дни. Безъ сомнѣнія, наразвитый до способности воспринимать изящное, чернорабочій, служащій при Исакіевскомъ соборѣ, не ощущаетъ того величія этого святилища, которое поражаетъ болѣе тонкое чувство развитаго жителя провинціи, которому изрѣдка приходится видѣть эту художественно взгроможденную громаду. Зато томуже чернорабочему провинціальные храмы показались бы уже совсѣмъ незначительными, тогда-какъ жители провинціи находятъ ихъ еще не чуждыми нѣкоторой величественности.

7) Нѣсколько основательнѣе соображено съ дѣйствительными фактами другое различеніе между первичными и вторичными качествами, предлагаемое *Д. С. Миллемъ*, именно, что «это различеніе отвѣчаетъ различію *между двумя классами нашихъ ощущеній, болѣе объективными, или болѣе субъективными.* Есть у насъ ощущенія, отнесеніе которыхъ въ нашемъ сознаніи къ ихъ объекту не играетъ такой видной роли, какъ въ другихъ ощущеніяхъ. Таковы тѣ ощущенія, которыя по своей интенсивности заставляютъ сосредочивать на нихъ наше вниманіе, именно: *наши наслажденія и печали.* При этомъ наше вниманіе отдается больше ощущеніямъ, чѣмъ тому, чего онѣ суть знаки. Мы имѣемъ наибольшую *тенденцію относить ихъ къ субъекту.* Напротивъ того, на тѣхъ ощущеніяхъ, которыя сами по себѣ почти безразличны, наше вниманіе почти не останавливается; сознаніе ихъ слиш-

---

ставленія о цвѣтахъ иныя, чѣмъ у всѣхъ прочихъ людей; а какія именно, для указанія этой разности нѣтъ никакого масштаба.

комъ моментально, чтобы быть различаемымъ, и *мы быстро переходимъ отъ нихъ къ постояннымъ возможностямъ ощущенія*, которыхъ онѣ суть знаки, и которыя однѣ въ этомъ случаѣ важны для насъ. *Не производящее впечатлѣнія* (болѣзненнаго или радостнаго) *органическое ощущеніе тонетъ въ чисто умственномъ внушеніи, и намъ кажется, будто мы непосредственно познаемъ то, что мы мыслимъ только по содружеству»* (по содружеству идей ощущенія и бытія) «и знаемъ только по выводу... Обыкновенно»,—увѣряетъ *Д. С. Миллъ*,—«мы придаемъ большую объективность, какъ и большую реальность, первичнымъ качествамъ тѣлъ, чѣмъ вторичнымъ».—Но и это различеніе едвали строго соотвѣтствуетъ ежедневному опыту. Ужели, наприм., *въ этомъ яблокѣ* для меня болѣе реальны и даже объективны его фигура, размѣръ, плотность, чѣмъ привлекательный цвѣтъ, возбуждающій запахъ и ласкающій вкусъ, а въ-особенности его способность удовлетворить потребности моего желудка, при чемъ бывшее и изчезнувшее яблоко, сразу потерявъ, при жеваніи его, свои первичныя качества, своими вторичными, сосредоточивающимися въ одно, наиболѣе реальное для меня, свойство питательности, на-долго входитъ въ составъ моего собственнаго организма? Да и дѣйствительно, крайне трудно рѣшить, что чего реальнѣе и объективнѣе, гдѣ оканчивается одно и начинается другое, что основаніе чего, что причина и что дѣйствіе,—первичное, или, вторичное качество? Освѣщеніе ли причина фигуры, того, или другаго строенія тѣла, или фигура,—причина освѣщенія, цвѣта тѣла? Есть химическіе факты, въ которыхъ химическое строеніе тѣла оказывается зависящимъ отъ измѣненія свѣта, отъ вліянія разнокачественныхъ лучей свѣта. Температура ли тѣла, или, что тоже, ощущаемое въ немъ присутствіе большей или меньшей степени тепла, или холода, есть основаніе большей или меньшей непроницаемости тѣла, или наоборотъ? Звукъ ли, т. е. до извѣстной степени напряженное движеніе тѣла, отражающееся въ слуховомъ нервѣ, есть причина протяженности, большей или меньшей ширины слышимой звуковой волны, и, слѣд., принимаемой, въ этомъ случаѣ, тѣломъ формы, или, на-оборотъ, величина размаха звуковой волны есть причина ея движенія, т. е. звука въ нашемъ ухѣ?.. Выходитъ, что какъ ни переставляй эти кажущіяся разнообразныя основанія всякаго знанія и относительнаго бытія, — онѣ тѣмъ цѣльнѣе сливаются въ тожество, чѣмъ ближе подходятъ ко всеобъемлющему океану универсальнаго абсолютнаго единства.

ГЛАВА XXI.

Подведемъ теперь *итогъ нашему анализу*, представленныхъ въ краткомъ очеркѣ у Д. С. Милля, *новѣйшихъ философскихъ ученій объ относительности человѣческаго знанія.*

1) *Знаніе человѣческое относительно. Эта относительность* состоитъ въ томъ, что хотя мы и стремимся познать абсолютную полноту бытія, однакожъ, по опыту знаемъ только нѣчто, зная это нѣчто *съ двухъ противоположныхъ сторонъ*, во-первыхъ, *какъ сходное не-только съ многимъ другимъ, но и со всѣмъ, а во-вторыхъ, какъ отличное и отъ всего, и отъ многаго другаго.* Всякое сознаніе чего либо есть сознаніе, съ одной стороны, этого сходства, а съ другой стороны, — этой разницы. Вещь считается тѣмъ, что она есть, не-только по контрасту съ тѣмъ, что она не есть, отъ чего она разнится, но и по логическому, такъ же, какъ и реальному, единству (въ родѣ и корнѣ) со всѣмъ себѣ подобнымъ.

2) Такъ-какъ первый предметъ, корень и факторъ знанія есть наше собственное Я, то *чтобъ имѣть какое-либо знаніе*, чтобы познать, *что и почему для меня существуетъ*, умъ человѣческій, на пространствѣ всѣхъ вѣковъ, силится познать, *съ одной стороны, себя, а съ другой—, внѣшній міръ, опредѣляя между ними взаимное соотношеніе сходства и различія*, рѣшая вопросы: какое сходство и различіе существуетъ во мнѣ съ внѣшнимъ міромъ, который, со включеніемъ моего, какъ и другихъ человѣческихъ, *я*, является, съ одной стороны, нераздѣльнымъ единствомъ, а съ другой—,безпредѣльнымъ множествомъ? Часть ли я только, или половина, или даже цѣлое абсолютное въ-отношеніи къ внѣшнему міру, а весь этотъ міръ, со всею разнообразною полнотою бытія, есть ли только зависимое отъ меня порожденіе мое, не отдѣльное отъ моего ощущенія, или равный мнѣ противоположный полюсъ бытія, или, наконецъ, абсолютное универсальное цѣлое, безусловно опредѣляющее не-только бытіе, но и чувствующую дѣятельность моего *я*, противополагаемаго всему внѣ меня? Однимъ словомъ, умъ всегда стремился и стремится соотнести не-только все бытіе къ человѣческому *я*, но и себя, какъ и все разнообразіе бытія, ко всему, къ цѣлому и единому, къ абсолюту.

3) *Д. С. Милль* имѣетъ въ-виду по-преимуществу, если только не

исключительно, первую относительность нашего знанія, по которой все бытіе относится къ человѣческому *Я*, отъ чего все міровоззрѣніе у него вышло не-только одностороннимъ, но даже скептическимъ и нигилистическимъ.

4) Разъясняя относительность знанія, а съ нимъ и бытія, къ человѣческому *Я*, всѣ мыслители дѣйствительно согласны въ томъ, что *внѣшніе* по-отношенію *ко мнѣ, какъ субъекту, объекты извѣстны мнѣ чрезъ чувство.* При этомъ большинство мыслителей, къ которому и мы примыкаемъ, разумѣютъ подъ чувствомъ всю совокупность человѣческихъ чувствъ, какъ внѣшнихъ, такъ и внутреннихъ, внутреннихъ, какъ физіологическихъ, такъ и собственно душевныхъ. Сталкиваются же мнѣнія философовъ только въ рѣшеніи вопроса: *что такое говорятъ намъ чувства о внѣшнихъ по-отношенію ко мнѣ, какъ субъекту, объектахъ?*

5) Нѣтъ спора касательно одной части свидѣтельства чувствъ (*части субъективной-практической, опредѣляющей не то, какъ вещь существуетъ въ себѣ, но какъ относится къ нашему чувству*), именно касательно того, что чувства передаютъ намъ наши ощущенія, что нѣкоторую и даже огромную часть того, что мы знаемъ объ объектахъ, составляютъ порождаемыя ими чувствованія,— что *огромную часть свойствъ, приписываемыхъ объекту, составляютъ силы, которыя обнаруживаетъ объектъ въ произведеніи ощущеній въ субъектѣ.*

6) Разногласіе же мнѣній касается другой стороны нашего знанія (*чисто теоретической, объективной, опредѣляющей, какъ вещь существуетъ въ себѣ*), сосредоточиваясь на рѣшеніи вопроса о томъ: *можемъ ли мы, помимо нашихъ чувствъ, непосредственно умомъ, познавать объективныя свойства вещей,—можемъ ли и какъ* именно можемъ *увѣриться, что внѣ нашего чувства существуютъ объекты, какъ реальные субстраты феноменовъ, отожествляющіеся въ субъектѣ съ субъективными ощущеніями?*—Здѣсь нужно замѣтить, что въ самой постановкѣ этого вопроса *у Д. С. Милля* допускается чуждое точной психологической дистинкціи смѣшеніе понятій: 1) не опредѣлено, какое чувство здѣсь разумѣется, внѣшнее ли только или внутреннее, или-же то и другое вмѣстѣ; 2) не указано, имѣетъ ли умъ какое-либо тожество, или хоть родство съ чувствомъ, или въ существѣ своемъ и дѣятельности есть нѣчто отдѣльное отъ чувства, такъ-что способенъ совершать свои отправленія внѣ всякаго, не-только внѣш-

няго, но и внутренняго чувства. При фальшивой же постановкѣ самаго вопроса, не могло не оказаться фальшивымъ и рѣшеніе его.

7) На этотъ коренной, въ ученіи объ относительности нашего знанія, вопросъ въ новѣйшей философіи предлагаются слѣдующія главныя формы рѣшенія: 1) первая форма, *идеально-скептическая*, *Берклея и Юма*, которые согласны между собою въ основоположеніи своихъ системъ именно въ томъ, *что ощущенія внѣшняго чувства суть все, существованію чего мы имѣемъ право довѣрять*, а вещи въ себѣ и не познаваемы, и не существуютъ; 2) вторая форма, *реалистическая*, по которой вещи въ себѣ существуютъ, но находятся за феноменами, и потому не познаваемы, которая, по различію воззрѣнія на значеніе основныхъ схемъ нашего мышленія, именно формъ времени и пространства и такъ-называемыхъ категорій разсудка, распадается на двѣ формы: на ученіе *Канта*, съ послѣдователями, и *Джемса Милля*, съ послѣдователями; и 3) третья форма, *Сэръ Вильяма Гамильтона*, по которой *вещи въ себѣ не только существуютъ, но даже познаваемы въ своихъ первичныхъ качествахъ.*

8) Съ одной стороны, согласно, а съ другой, вопреки идеально-скептической школѣ *Берклея и Юма*, можно и должно признать, что ощущенія не одного внѣшняго, въ отдѣльности, но общаго, цѣльнаго человѣческаго чувства составляютъ все, что мы можемъ знать о предметахъ внѣшняго міра, что ощущенія не *суть* все, а непререкаемо *свидѣтельствуютъ* о томъ, что существуетъ, существованію чего мы не имѣемъ возможности не довѣрять, что реальны не-только ощущенія, но, по непреложному свидѣтельству нашего-же чувства, внутри насъ реальны ощущенія, а внѣ насъ реаленъ объектъ, что существуетъ реальность, соотвѣтствующая субстрату, внѣшняя по-отношенію къ нашимъ умамъ, существуетъ ощущеніе, какъ дѣйствіе, и объектъ съ субъектомъ, какъ двойственная причина,—что ощущенія даже суть все, что существуетъ, но на-столько, на-сколько наши ощущенія, впечатлѣнія и идеи служатъ отраженіемъ ощущеній, впечатлѣній и идей (если можно такъ выразиться) абсолютнаго разума, абсолютнаго сознанія, абсолютнаго чувства; отожествленіе же съ бытіемъ узкихъ, мертвыхъ отвлеченій разсудка и ограниченныхъ воспріятій нисшаго психическаго чувства ведетъ къ отрицанію всякаго дѣйствительнаго бытія.

9) Основоположеніе *школы реалистической*, что разница между *Я* и *Не-я* означаетъ двѣ особыя реальности и что есть реальный міръ вещей въ себѣ, вѣрно. Но нельзя безъ ограниченія сказать, будто

вещь въ себѣ находится за феноменомъ. Нѣтъ, вещь въ себѣ находится за феноменомъ только частію, хотя и большею, лучше же сказать, безконечно великою частію, а частію и въ феноменѣ: въ феноменѣ находится на-столько, на-сколько она въ феноменѣ обнаруживается, а за феноменомъ, на-сколько она неизвѣстна. Однако-жъ и эта послѣдняя сторона одной и той же вещи закрыта для нашего сознанія не на-столько, чтобы подъ нею было для насъ голое небытіе. Несправедливо, будто мы вовсе не знаемъ, что такое вещь въ себѣ; нѣтъ, мы знаемъ, что такое эта вещь и въ себѣ, и въ насъ, на-сколько она открыта намъ по непререкаемымъ впечатлѣніямъ разносторонняго обще-человѣческаго чувства, зная, въ тоже время, непреложно, что безпредѣльно много есть въ этой вещи и такого, что пока отъ насъ сокрыто: это — поистинѣ безпредѣльное количество ея индивидуальныхъ, отличительныхъ, ограниченныхъ свойствъ, съ одной стороны, а съ другой—, цѣльное единство ея абсолютныхъ свойствъ, которыми она сливается въ единство съ абсолютнымъ универсальнымъ. Утверждать же, будто внутренняя природа вещей недоступна для нашихъ способностей, значитъ — утверждать противный обще-человѣческому чувству абсурдъ. Умъ человѣческій постигаетъ природу вещи двояко: и въ расширяющемся понятіи разсудка, и въ безпредѣльной, адекватной бытію, идеѣ разума.

10) Отчасти согласно, отчасти вопреки теоріи *Канта*, который въ знаніи объекта признавалъ три елемента: скрытую вещь саму въ себѣ, свойства нашихъ ощущеній и свойства нашего способа представлять вещи,—признавая коренною погрѣшностью этой теоріи *раздробленіе единой, цѣльной, человѣческой души на отдѣльныя, взаимно несопроникающіяся области*, мы полагали и полагаемъ, что вещь въ себѣ открыта обще-человѣческому чувству и въ разсудочномъ познаніи, и въ идеѣ, — что простѣйшія свойства, доставляемыя нашему сознанію внѣшнимъ или внутреннимъ физіологическимъ чувствомъ, суть не исключительно только свойства ощущеній, но смѣшанный продуктъ нашихъ чувствъ и объектовъ, — что тѣмъ неотъемлемѣе принадлежатъ не-только нашему чувству, но и объектамъ, аттрибуты, подходящіе подъ формы временности, или пространственности, или подъ такъ-называемыя категоріи разсудка, такъ-какъ эти коренныя схемы представленія суть только обозначенія отражающагося въ нашемъ сознаніи ограниченнаго бытія, которое состоитъ въ движеніи, измѣненіи, дробленіи, слитіи, произведеніи, происхожденіи

и т. д., — что для такого отдѣленія разсудочныхъ формъ мышленія отъ дѣйствительнаго бытія основаніе можно находить только въ томъ психологическомъ фактѣ, что, съ приближеніемъ нашего ума къ созерцанію бытія абсолютнаго, исчезаютъ всѣ разсудочныя формы пространственности и временности, случайности и измѣняемости, частичности, разнообразія и всякой ограниченности; въ ограниченномъ же бытіи возведеніе разсудочнаго отвлеченія подобныхъ свойствъ въ реальное отрицаніе ихъ ведетъ, какъ не разъ и приводило, къ сомнѣнію въ существованіи всего.

11) Отчасти согласно, отчасти вопреки ученію *Джемса Милля* и другихъ, мы признаемъ общія схемы нашего мышленія, формы времени и пространства, равно-какъ и категоріи разсудка, смѣшаннымъ продуктомъ нашей природы и нашего личнаго опыта, т. е. нетолько наиболѣе общими отраженіями бытія, получаемыми въ нашемъ сознаніи, чрезъ непосредственный, личный нашъ, опытъ, но, въ тоже время, совокупно и прирожденными формами нашего мышленія.

12) Отчасти согласно, а отчасти вопреки теоріи *С. В. Гамильтона*, допуская бытіе вещей въ себѣ, мы отвергаемъ его теорію *познаваемости первичныхъ свойствъ вещества непосредственно умомъ, помимо чувства*, отвергаемъ на слѣдующихъ основаніяхъ. 1) Нельзя сказать, что первичныя качества понимаются, какъ онѣ суть *въ насъ*, а вторичныя, какъ онѣ суть *въ тѣлахъ*, такъ-какъ факты показываютъ, что и вторичныя свойства, какова, наприм., цвѣтность, въ однородномъ смыслѣ, и отъемлемы и неотъемлемы отъ тѣлъ, какъ и первичныя свойства, какова, наприм., фигуральность; а съ другой стороны, какъ тѣ, такъ и другія свойства, однороднымъ-же образомъ, доходятъ до нашего сознанія, слѣдовательно, тѣ и другія одинаково существуютъ какъ въ тѣлахъ, такъ и въ насъ. 2) Нельзя сказать, будто первичныя качества познаются *непосредственно умомъ*, будто фигура, непроницаемость, протяженность тѣла *не дѣйствуютъ на насъ*, на наше чувство, тогда-какъ вторичныя качества познаются только посредствомъ ощущеній, въ своихъ *дѣйствіяхъ на насъ*. Нѣтъ; и тѣ и другія, какъ показываетъ опытъ, познаются посредствомъ опыта, или частнаго, или обобщеннаго, слѣдовательно, посредствомъ чувства, въ своихъ дѣйствіяхъ на насъ. 3) Нельзя сказать, будто въ первичныхъ качествахъ мы сознаемъ *модусы не себя*, тогда-какъ во вторичныхъ сознаемъ *модусы себя*. Факты показываютъ, что первичныя качества измѣнчивы одинаковымъ образомъ съ вторичными, и видоизмѣняются въ

только отъ присущихъ веществу причинъ, но и отъ измѣнчивости нашего чувства, измѣняются въ чувствахъ не-только разныхъ чувствующихъ особей, но даже одного и тогоже человѣка, что подтверждается фактами а) разности отраженія размѣровъ въ глазахъ, привыкшихъ къ большимъ размѣрамъ, когда тѣже самые глаза быстро переходятъ къ малымъ размѣрамъ, и б) разности отраженій въ нашемъ чувствѣ размѣровъ, фигуральности, плотности предметовъ при дневномъ и ночномъ освѣщеніи, при солнечномъ затменіи, при варіаціи физіологическихъ, или психическихъ, состояній, при разныхъ изощряющихъ, или притупляющихъ нашу чувствительность профессіяхъ и т. п. — 4) Нельзя сказать, вслѣдъ за *Д. С. Миллемъ*, будто ощущенія, соотвѣтствующія первичнымъ качествамъ, *предлежатъ всегда*, когда предлежитъ какая-нибудь часть группы первичныхъ качествъ, тогда-какъ ощущенія, отвѣчающія вторичнымъ качествамъ, не предлежатъ, когда никого нѣтъ, чтобы воспріять ихъ». Ощущеніе, въ реальномъ фактѣ, когда нѣтъ чувствующаго субъекта, ни тамъ, ни здѣсь, не существуетъ, а возможность ощущеній для соотвѣтствующихъ нервовъ существуетъ одинаково и тамъ, и здѣсь, такъ-какъ всякое подлинное вещество, при извѣстной степени напряженія въ его частицахъ, должно заключать въ себѣ не только первичныя, но и вторичныя качества, можетъ быть не-только осязаемо, но и видимо, и обоняемо и т. п. Наоборотъ, оно-же бываетъ не-только не обоняемо и не видимо, но и не осязаемо, при извѣстныхъ условіяхъ, въ состояніи какъ самого вещества, такъ и чувствующаго субъекта. 5) Нужно полагать, что веществу неотторгаемо принадлежитъ множество свойствъ даже не воспринимаемыхъ нашимъ чувствомъ и что потому *постоянство*, *или случайность*, *возможность быть всегда*; *или не быть иногда*, прилагаемыя къ понятіямъ первичныхъ и вторичныхъ качествъ вещества, зависятъ не-столько отъ реальнаго бытія вещества, сколько отъ отношенія къ нему чувствующихъ субъектовъ. — 6) Первичныя качества, *вмѣстѣ съ разными личностями и временною чувствительностью нашихъ органовъ*, *варіируютъ* аналогичнымъ-же образомъ, какъ и свойства вторичныя, а съ другой стороны, если позволительно утверждать нѣкоторое, хотя и относительное, постоянство, во всѣ времена, первичныхъ качествъ, то тоже самое сказать должно объ относительномъ постоянствѣ и вторичныхъ качествъ, во всѣ времена, наприм., цвѣтовъ радуги, сладости меда, ароматичности розы и т. п. — 7) Даже съ тѣмъ

вполнѣ согласиться нельзя, будто первичнымъ качествамъ мы придаемъ большую реальность и объективность, чѣмъ вторичнымъ, потому-что, наприм., въ этомъ яблокѣ его питательность для меня чуть ли не реальнѣе, чѣмъ его фигура. Да и вообще трудно рѣшить, что чего реальнѣе и объективнѣе, гдѣ оканчивается одно и начинается другое, что основаніе чего, что причина и что дѣйствіе, первичное ли, вторичное или качество.

ГЛАВА XXII.

Обозрѣвъ представленныя здѣсь теоріи относительности человѣческаго знанія и не раздѣляя вполнѣ ни одной изъ нихъ, точно также, какъ не раздѣляемъ ихъ и мы, *Д. С. Милль* усиливается опредѣлить *возможную мѣру нашихъ знаній и строитъ свою теорію.* Эту теорію мы видѣли уже; теперь же прослѣдимъ ее критическимъ анализомъ.

Нельзя не согласиться съ теоріею *Д. С. Милля* въ томъ, что «*свидѣтельство сознанія, если только мы можемъ пріобрѣсть его чистымъ, убѣдительно,*—что когда мы имѣемъ какое-либо чувствованіе, мы имѣемъ, въ тоже время, и нѣкоторый родъ *увѣренности или убѣжденія* въ томъ, что имѣемъ это чувствованіе,— что *эта увѣренность есть критерій, по которому мы судимъ о всѣхъ нашихъ другихъ убѣжденіяхъ, что приговоръ сознанія, или наше непосредственное и внутренно-усматриваемое убѣжденіе принимается со всѣхъ сторонъ рѣшеніемъ безъапелляціоннымъ*», какъ говоритъ Д. С. Милль. Все это и мы согласны допустить. Но не можемъ не замѣтить при этомъ, что *въ этомъ опредѣленіи критерія всякой истины, всякой нашей увѣренности,* допущены неопредѣленность, неточность и смѣшеніе понятій,— именно: не указано, *какое сознаніе должно назвать чистымъ и что должно назвать чувствомъ: одно ли внѣшнее, или, вмѣстѣ съ нимъ, и внутреннее чувство? Какое убѣжденіе должно назвать непосредственнымъ и внутренно-усматриваемымъ: исходящее ли только отъ внѣшняго чувства, или отъ внутренняго, или отъ того и другаго вмѣстѣ? Однимъ словомъ, гдѣ послѣдній, радикальный критерій убѣжденія,* или увѣренности, *во внѣшнемъ ли чувствѣ, во внутреннемъ ли, или въ цѣльномъ общечеловѣческомъ чувствѣ?*

«*Въ чемъ или о чемъ должно свидѣтельствовать сознаніе?* — спрашиваетъ, выясняя свою мысль, *Д. С. Милль*,—и, въ отвѣтъ на этотъ вопросъ, говоритъ: «въ числѣ фактовъ, разсматриваемыхъ въ-качествѣ откровеній сознанія, есть одинъ родъ, въ которомъ никто не сомнѣвается, и другой родъ, въ которомъ можно сомнѣваться и сомнѣваются». Все это извѣстно и безспорно.

«*Факты, въ которыхъ нельзя сомнѣваться*», продолжаетъ *Д. С. Милль*, «*суть факты внутренняго сознанія, собственные акты и настроенія духа.* Что мы ни чувствуемъ, мы не можемъ сомнѣваться въ актѣ и состояніи чувствованія: сознанію собственныхъ чувствованій и процессовъ духа нельзя не довѣрять».— Это также извѣстно и безспорно.

«Но», продолжаетъ *Д. С. Милль*, «если подъ словомъ сознаніе разумѣть силу, которая можетъ заявлять мнѣ *о вещахъ, не составляющихъ феноменовъ моего собственнаго духа*,—то, въ этомъ случаѣ, открывается разладъ мнѣній касательно того, что такое суть тѣ вещи, о которыхъ свидѣтельствуетъ сознаніе»? — И насчетъ этого нужно сказать, что это также извѣстно.

Эта философская проблемма рѣшается, въ двухъ различныхъ школахъ, двумя различными методами: *интроспективнымъ и психологическимъ*. Себя-самаго *Д. С. Милль* причисляетъ къ школѣ *психологической*, называя такъ свою школу въ-отличіе отъ интроспективной, конечно, на томъ, предполагаемомъ, основаніи, будто *психологическая школа опирается на психологическіе факты, тогда-какъ школа интроспективная невѣрна выводамъ эмпирической психологіи.* А намъ кажется, что здѣсь *Д. С. Милль* впадаетъ въ самомнительное недоразумѣніе; намъ думается, что *здраво—позитивная интроспективная школа есть истинная психологическая*, такъ-какъ она-то и опирается на истинно-психологическіе факты, а *поддерживаемая Д. С. Миллемъ школа есть, допустимъ, и психологическая, но психологическая не доношенная, основанная на односторонне понятыхъ психологическихъ фактахъ и на крайне односторонихъ выводахъ, упирающихся въ безъисходный абсурдъ.* Это мы и намѣрены доказать.

По психологической теоріи,—утверждаетъ Д. С. Милль [1]),—«довѣ-

---

[1]) Не одинъ *Д. С. Милль* такъ учитъ. Согласно съ нимъ учитъ и съ рѣдкимъ въ исторіи философіи единодушіемъ поддерживаетъ такое ученіе почти вся Англійско-Шотландская школа послѣдователей *Локка*, за исключеніемъ развѣ *Рида*,

ріе къ внѣшнему міру не есть внутренно усматриваемое, но пріобрѣтенный продуктъ». Это сущность его теоріи, тема, которую онъ развиваетъ и доказываетъ. Нельзя не отдать справедливости этому пресловутому позитивисту въ томъ, что, гоняясь за предзанятыми предрѣшенными выводами и, въ этомъ стремленіи, поражая противниковъ будтобы громаднымъ множествомъ доводовъ, фактовъ, разнообразныхъ свѣдѣній, онъ не удостоиваетъ большаго вниманія схоластическое требованіе, чтобы философскій языкъ былъ, какъ можно болѣе, точенъ. Напримѣръ, *точноль выражена эта тема его системы, составляющая краеугольный камень его міровоззрѣнія, сущность его теоріи: «довѣріе къ внѣшнему міру не есть внутренно усматриваемое»?*—Такъ какое-же оно? Естественно ждать, что *второю* половиною предложенія будетъ: «но есть внѣшне усматриваемое, тѣмъ болѣе, что этими словами *Д. С. Милль* характеризуетъ *противоположность* между своею психологическою и, отвергаемою имъ, *интроспективною* теоріею. Ожиданіе, однакожъ, напрасное, такъ-какъ у него, вмѣсто выраженія *«внѣшне — усматриваемое»*, стоитъ другое: «но пріобрѣтенный продуктъ». Или выраженія: «довѣріе внѣшне-усматриваемое и пріобрѣтенный продуктъ», у него тожественны. Но если тожественны, то вѣрно ли ихъ тожество, соотвѣтствуетъ ли оно психологическимъ фактамъ?

Прослѣдимъ развитіе представляемыхъ у Д. С. Милла *доказательствъ на тему, что «довѣріе къ внѣшнему міру не есть внутренно усматриваемое, но пріобрѣтенный продуктъ»*, и посмотримъ, куда онъ насъ приведетъ.

Согласимся принять, какъ основанія его теоріи, «слѣдующія психологическія истины, что человѣческій духъ, получивъ *ощущенія дѣйствительныя*, способенъ составить себѣ *представленія ощущеній возможныхъ*, которыхъ мы не чувствуемъ въ настоящій моментъ, но которыя мы могли бы и должны бы чувствовать, еслибы предстояли извѣстныя условія,—что, по законамъ *ассоціаціи или содружества идей*, подобные сложные феномены склонны быть мыслимы вмѣ-

---

С. В. Гамильтона и немногихъ другихъ. Исключительное же вниманіе на теорію *Д. С. Милля* мы обращаемъ по тому, что почти всѣ его сочиненія переведены на русскій языкъ и, сверхъ того, многократно разобранныя, конечно, съ крайнимъ подобострастіемъ и рабскимъ удивленіемъ, въ русскихъ журналахъ, онѣ, болѣе другихъ подобныхъ, доступны не-только намъ, но и всѣмъ русскимъ. Другихъ же философовъ тойже школы коснемся вкороткѣ, впослѣдствіи.

стѣ, — что порождаемыя смежностію содружества становятся болѣе несомнѣнными отъ повторенія,—что не-только вызываемая содружествомъ идея становится нераздѣльною съ идеею вызывавшею, но и отвѣчающіе идеямъ факты кажутся нераздѣльными въ существованіи».

Допустимъ далѣе, *что «нашу идею внѣшней субстанціи* образуетъ идея о чемъ-то такомъ, что отличается отъ нашихъ скоротечныхъ впечатлѣній *прочностію*, что неизмѣнно остается тѣмъже самымъ и въ то время, какъ наши впечатлѣнія мѣняются, что существуетъ, несмотря на то, извѣстно ли оно намъ, или нѣтъ, и сохраняетъ свои свойства, несмотря на то, воспринимаются ли онѣ въ данный моментъ, или нѣтъ, даже восприняты ли когда-нибудь нашимъ ощущеніемъ; допустимъ, что представленіе существующаго міра содержитъ, съ одной стороны, ощущенія, получаемыя мною въ настоящій моментъ, а съ другой стороны содержитъ *безчисленное разнообразіе возможностей ощущенія*,—что эти возможности ощущеній постоянны, тогда-какъ мои настоящія ощущенія бѣглы,—что возможности ощущенія относятся не къ единичнымъ ощущеніямъ, но къ *ощущеніямъ соединеннымъ въ группы*,—что *субстанція* или *тѣло* предполагаетъ *не одно какое-либо настоящее, мимолетное ощущеніе, но группу постоянныхъ возможностей разныхъ ощущеній*,—что эта группа возможностей ощущеній въ цѣломъ представляется моему духу, какъ *постоянная*, въ контрастѣ не-только съ временностію моего тѣлеснаго присутствія, но и съ временнымъ характеромъ каждаго изъ моихъ ощущеній, какъ *родъ постояннаго субстрата, подъ слоемъ преходящихъ опытовъ, или проявленій*,—что эти группы возможностей ощущеній существуютъ *въ извѣстномъ порядкѣ предшествованія и послѣдовательности*, съ которымъ связывается наша идея *причинной связи, силы, дѣятельности*,—что отсюда мы научаемся мыслить природу состоящею изъ группъ возможностей, а дѣятельную силу природы проявляющеюся въ видоизмѣненіи однихъ группъ другими,—что ощущенія, *хотя и первоначальная основа всего*, представляются чѣмъ-то отъ насъ зависящимъ, а возможности *подлинными реальностями*, по-отношенію къ которымъ дѣйствительныя ощущенія суть только *воспроизведенія, феномены или дѣйствія*,—что присутствіемъ дѣйствительнаго ощущенія доказывается присутствіе группы возможностей разныхъ ощущеній,—возможныя ощущенія представляются стоящими къ дѣйствительнымъ ощущеніямъ въ-отношеніи причины къ ея дѣйствіямъ, или полотна къ рисуемымъ на немъ фигуралъ, или корня къ стволу, листьямъ и цвѣтамъ, или въ-отношеніи

сущности (субстрата) къ тому, что простерто на ней,—въ-отношеніи матеріи къ формѣ. За тѣмъ»,—объясняется *Д. С. Милль*,—«постоянныя возможности принимаютъ отъ данныхъ ощущеній такое несходство по виду и такую разницу положенія по-отношенію къ намъ, что представляются намъ, и притомъ съ довѣріемъ, разнящимися отъ ощущенія, по меньшей мѣрѣ, также, какъ одно ощущеніе разнится отъ другаго: *ихъ фундаментъ* въ ощущеніи забывается и ихъ *предполагаютъ* чѣмъ-то, въ самой ихъ природѣ отличнымъ отъ ощущеній».

Не предрѣшая здѣсь загадки, скрывающейся въ этой смутной аргументаціи, замѣтимъ, однакожъ, что подобная аргументація представляетъ рѣдкій образецъ неуловимости философской мысли. Дѣйствительно, еслибъ мы не имѣли въ-виду другихъ, многочисленныхъ и гораздо болѣе опредѣленныхъ, мѣстъ въ обширныхъ сочиненіяхъ *Д. С. Милля*,—то на-основаніи только-что приведеннаго мѣста, составляющаго, однакожъ, ключъ къ его системѣ, трудно было бы рѣшить, къ какой школѣ онъ принадлежитъ, къ *строго ли позитивной, или крайне скептической*? Оказывается, что крайности соприкасаются. Какъ мы видѣли, онъ выражается слѣдующимъ образомъ: «группа возможностей ощущеній представляется, какъ родъ субстрата подъ слоемъ ощущеній; ощущенія, хотя и первоначальная основа всего, представляются чѣмъ-то отъ насъ зависящимъ, а возможности—подлинными реальностями и причинами нашихъ ощущеній; постоянныя возможности ощущеній принимаютъ отъ данныхъ ощущеній такое несходство по виду и отношенію къ намъ, что съ довѣріемъ представляются намъ разнящимися отъ ощущенія: ихъ фундаментъ въ ощущеніи забывается и онѣ предполагаются чѣмъ-то, въ самой природѣ отличнымъ отъ ощущенія». Спрашивается теперь: вѣритъ ли *Д. С. Милль*, что группа возможностей ощущеній дѣйствительно *есть субстратъ* своихъ проявленій, а *не представляется только, какъ родъ субстрата* подъ слоемъ своихъ проявленій, тожественныхъ съ нашими ощущеніями? Существуютъ ли реальности внѣ нашихъ ощущеній? Составляютъ ли реальности причину нашихъ ощущеній, или наше ощущеніе есть основа, причина всѣхъ реальностей, но только, по необъяснимой иллюзіи и *притомъ съ довѣріемъ*, реальность представляется нашему духу причиною, а ощущеніе дѣйствіемъ? Постоянныя возможности ощущеній, иначе сказать, реальности отличны ли отъ нашихъ ощущеній, или только, по необъяснимой иллюзіи *и притомъ съ довѣріемъ*, представляются намъ отличными

отъ ощущенія? По необъяснимой иллюзіи, фундаментъ реальностей въ ощущеніи забывается и реальности предполагаются въ самой природѣ своей отличными отъ ощущеній, тогда-какъ реальности въ самой природѣ своей не отличны отъ ощущеній? Однимъ словомъ вѣритъ ли *Д. С. Милль*, или не вѣритъ тому, что *реальности отличны въ природѣ своей отъ нашихъ ощущеній и относятся къ нимъ, какъ причина къ дѣйствію?* — Оказывается удивительная странность, что у него можно найти положительный отвѣтъ почти на каждый изъ этихъ противоположныхъ вопросовъ. Такъ, наприм., вотъ его собственныя слова: «внѣшняя субстанція есть нѣчто, что существуетъ несмотря на то, извѣстно ли оно намъ, или нѣтъ, и что сохраняетъ свои свойства не-смотря на то, воспринимаются ли онѣ въ данный моментъ, даже восприняты ли когда-нибудь нашимъ ощущеніемъ». Казалось бы, по этому, что внѣшнія субстанціи существуютъ и сохраняютъ свои свойства независимо отъ нашего воспріятія? Такъ нѣтъ-же; вотъ опять собственныя слова *Д. С. Милля*: «ощущенія, хотя *и первоначальная основа всего*, въ-отношеніи къ подлиннымъ реальностямъ, *суть только воспроизведенія, феномены или дѣйствія.*» Такимъ образомъ, чтоже такое, спрашивается, ощущенія, — «*первоначальная ли основа* всего», или «*только воспроизведенія, феномены или дѣйствія реальностей*?— «Постоянныя возможности ощущеній,» — объясняетъ *Д. С. Милль*,— т. е. реальности «представляются стоящими къ дѣйствительнымъ ощущеніямъ *въ отношеніи причины къ дѣйствіямъ*; *ихъ фундаментъ въ ощущеніи забывается* и ихъ предполагаютъ, *и притомъ съ довѣріемъ*, чѣмъ-то въ самой природѣ отличнымъ отъ ощущенія».—Итакъ, что же чего, — спрашивается опять, — причина и основа: реальности ли причина и основа ощущеній, или ощущенія—причина и основа реальностей? На-основаніи его словъ, и то и другое. Въ своей Логикѣ (1,93) *Д. С. Милль* прямо говоритъ: «вещество производитъ въ насъ наши ощущенія,—*тѣлесная сущность есть причина нашихъ ощущеній*», или: «*вещество, разсматриваемое, какъ скрытая причина нашихъ ощущеній, дѣйствительно существуетъ*»; *а здѣсь* выражается на-оборотъ: «*ощущенія—первоначальная основа всего*,—фундаментъ подлинныхъ реальностей въ ощущеніяхъ», хотя это и «забывается»... Ужели, поэтому, довѣріе къ бытію внѣшнихъ реальностей есть не болѣе, какъ *иллюзія*, *а иллюзія есть то довѣріе*, которое *Д. С. Милль* взялся позитивно объяснить и доказать?...

Если же *довѣріе* къ бытію внѣшнихъ реальностей есть только ил-

люзія, если эти реальности суть не причина, а продуктъ моихъ ощущеній, не отличный отъ нихъ, — то естественно задаться вопросомъ: *отличны ли отъ моего ощущенія другіе люди*? Или люди также, какъ и всѣ прочія дѣйствительныя бытія, имѣютъ фундаментъ своей реальности только въ моемъ ощущеніи и только предполагаются отличными отъ моего ощущенія, тогда-какъ въ самой природѣ своей они не отличны отъ него, тогда-какъ мое ощущеніе дѣйствительно есть фундаментъ, причина реальности прочихъ людей? По предыдущимъ выраженіямъ *Д. С. Милля*, слѣдуетъ отвѣтить на этотъ послѣдній вопросъ *положительно*, т. е. что другіе люди, какъ и всѣ прочія реальности, не отличны отъ моего ощущенія, а по нижеслѣдующему выраженію приходится отвѣчать *отрицательно*, т. е. что всѣ другіе люди какъ-будто отличны и существуютъ независимо отъ моего ощущенія: «я приписываю»,—говоритъ *Д. С. Миллъ*,—«нѣкоторымъ другимъ существамъ жизнь подобную моей по тому, что онѣ обнаруживаютъ ее тѣмъже родомъ признаковъ, какимъ обнаруживается и моя жизнь: *на этомъ основаніи я убѣжденъ, что ть и другія явленія (въ нихъ и во мнѣ) возникаютъ изъ одинаковой причины*». Итакъ, чтоже, спрашиваемъ мы опять, существуютъ ли люди? Существуютъ, очевидно, на-столько же, на-сколько и я самъ существую. Но этого мало, что сами они существуютъ; нѣтъ, своимъ бытіемъ, аналогичнымъ съ моимъ, они дѣлаютъ мнѣ еще ту громадную услугу, что помогаютъ мнѣ увѣриться *въ существованіи внѣшняго міра* вообще. «Мы находимъ,»—разсуждаетъ *Д. С. Милль*, —«что постоянныя возможности ощущеній» (т. е. реальности) «настолькоже принадлежатъ другимъ человѣческимъ чувствующимъ существамъ, настолько и намъ самимъ. Міръ возможныхъ ощущеній» (внѣшній міръ), «смѣняющихъ одно другое, согласно опредѣленнымъ законамъ, существуетъ настолькоже *въ другихъ существахъ, на-сколько и во мнѣ; слѣдовательно, онъ имѣетъ существованіе внѣ меня,—онъ есть внѣшній міръ*».

Чтоже это такое? Какъ это понять?—По прежнимъ выраженіямъ *Д. С. Милля* выходило, что всякая внѣшняя реальность имѣетъ свой фундаментъ въ моемъ ощущеніи и по природѣ своей не отлична отъ моего ощущенія, хотя и представляется отличною. Всякій другой человѣкъ, какъ внѣшняя реальность, долженъ бы также имѣть фундаментъ своей реальности въ моемъ ощущеніи и по природѣ своей быть не отличнымъ отъ моего ощущенія, хотя и представляется отличнымъ. Въ свою очередь, и *я*, какъ внѣшняя реальность для всякаго другаго человѣка, имѣю фундаментъ своей реальности въ ощущеніи другаго человѣка и не отличенъ, по своей природѣ, отъ его ощущенія, хотя

и представляюсь ему отличнымъ; реальность всего міра имѣетъ свой фундаментъ *въ ощущеніи моемъ, какъ въ ощущеніи и другихъ людей*, и при этомъ міръ не отличенъ отъ ощущеній человѣческихъ, хотя и представляется отличнымъ по своей природѣ; слѣдовательно.... Но чтоже слѣдуетъ отсюда? Казалось бы то, что міръ, неотличный, по природѣ своей, хотя и представляющійся отличнымъ, отъ моего ощущенія, существуетъ не иначе, какъ только *въ ощущеніи моемъ и другихъ людей, слѣдовательно, есть внутренній міръ, а ни какъ не внѣшній?* Если же представляется внѣшнимъ, то это — *иллюзія, фальшь, обманъ, а не довѣріе?* Нѣтъ, по *Д. С. Миллю*, онъ есть *внѣшній міръ, а не внутренній, и это есть довѣріе, а не обманъ.* Какже такъ? Это непостижимо, удивляемся мы!—Вникните и постигнете. «Нѣкоторыя друдругія существа,—объясняется *Д. С. Милль*, — обнаруживаютъ свою жизнь тѣмъже родомъ признаковъ, какимъ обнаруживается и *моя жизнь; на этомъ основаніи я и убѣжденъ*, что тѣ и другія явленія (въ нихъ и во мнѣ) возникаютъ изъ одинаковой причины; на этомъ основаніи я приписываю другимъ *людямъ жизнь подобную моей*». Такъ существуютъ ли другіе люди? *Существуютъ, какъ существую и я, если только я существую.* Подобнымъже образомъ убѣждаюсь я въ бытіи и внѣшняго міра. «Постоянныя возможности ощущеній,—объясняется *Д. С. Милль*, — настолькоже принадлежатъ другимъ людямъ, насколько и мнѣ,—міръ существуетъ настолькоже и *въ другихъ людяхъ, на-сколько и во мнѣ.* Такимъ образомъ, насколько міръ существуетъ во мнѣ, онъ есть внѣшній для другихъ людей,—а насколько существуетъ въ другихъ людяхъ, *онъ есть внѣшній для меня?* Такъ, отвѣчаемъ мы, хотя и съ крайнимъ удивленіемъ.... Почему же я знаю,— мы спрашиваемъ,—что міръ существуетъ внѣ меня? По тому отвѣчаютъ намъ, что онъ существуетъ въ другихъ людяхъ такъже, какъ и во мнѣ. Почему я знаю, что міръ существуетъ въ другихъ людяхъ такъже, какъ и во мнѣ? По тому, что я приписываю имъ жизнь, подобную моей. На какомъ же основаніи я приписываю имъ жизнь подобную моей? На-основаніи сходственнаго съ моею жизнію обнаруженія ихъ жизни. Но обнаруженіе ихъ жизни тождественно ли съ моимъ ощущеніемъ? Тождественно. Оно существуетъ только въ моемъ ощущеніи, а не внѣ его? Въ немъ, а не внѣ его. Существованіе же міра въ другихъ людяхъ есть только одно изъ обнаруженій ихъ жизни, нераздѣльное отъ моего ощущенія, существующее въ моемъ ощущеніи? Такъ, а не иначе. Значитъ, міръ и въ томъ своемъ проявленіи, по которому бытіе его обнаруживается для меня и въ другихъ,

людяхъ, существуетъ собственно въ моемъ ощущеніи, во мнѣ? Конечно, такъ. И группы возможностей ощущеній, которыя представляются мнѣ людьми, существуютъ собственно во мнѣ, въ моемъ ощущеніи? Конечно. Значитъ, внѣ меня не существуютъ? Да, для васъ, внѣ вашего ощущенія, не существуютъ. А между-тѣмъ, на самомъ дѣлѣ, онѣ существуютъ, какъ существую и я,—имѣютъ жизнь подобную моей? Да. Такъ какъже разгадать все это? Мы не понимаемъ!—А вотъ какъ,—отвѣчаютъ намъ. Спрашивается: существуете ли вы? Этотъ вопросъ разрѣшается тѣмъ, что для другихъ людей вы существуете въ ихъ ощущеніи, а никакъ не внѣ; для себя же вы существуете въ собственномъ ощущеніи, а никакъ не внѣ, какъ и всякая реальность. Такъ чтоже, спрашивается, фундаментъ чего, *я* ли фундаментъ моего ощущенія, или *ощущеніе* фундаментъ моего я? Именно послѣднее: *ощущеніе*—фундаментъ нашего я, ощущеніе есть бытіе, ощущеніе существуетъ.... Но это, вѣдь, сумасшествіе!? — Нисколько. Слушайте и вникайте.

Съ изумленіемъ слѣдуемъ мы дальше за развитіемъ мысли *Д. С. Милля*. «*По всей вѣроятности*, разсуждаетъ онъ, мы не имѣемъ *никакого прирожденнаго понятія о не-я*». Болѣе всего боится онъ чего бы то ни было прирожденнаго въ нашемъ сознаніи [1])! Мы не имѣемъ прирожденнаго понятія о *не—я*, продолжаетъ онъ, пока не пріобрѣтемъ значительнаго опыта въ возвращеніи ощущеній, согласно опредѣленнымъ законамъ, и въ возвращеніи именно въ группахъ. Безъ понятія же о *не-я* мы не можемъ имѣть и противоположнаго ему понятія о—*я*. *Неимовѣрно*, чтобы первое испытываемое нами ощущеніе пробуждало въ насъ какоенибудь понятіе о нѣкоторомъ *я*. Познаніе о *я* образуется отождествленіемъ состоянія ощущенія настоящаго съ воспоминаемымъ состояніемъ ощущеній прежнихъ. Никакое ощущеніе не можетъ (?) внушать личнаго тожества: это требуетъ *нѣкоторой серіи ощущеній, которая образуетъ въ мышленіи нѣкоторую линію (?) преемственности и которая суммирована въ нѣкоторое единство». Оказывается, по Миллю, будто сначала я* формирую, съ одной стороны, *понятіе постоянныхъ возможностей ощущенія*, а съ другой—*непрерывную серію чувствованій, называемую моею жизнію*. Затѣмъ уже оба эти понятія, въ-силу необходимаго

[1]) Замѣтить нужно, однакожъ, что въ самое послѣднее время (въ 1872 г.) *Д. С. Миллъ* нашелся вынужденнымъ признать и прирожденность идей, какъ это будетъ ниже показано.

содружества, возраждаются въ моей памяти каждымъ моимъ ощущеніемъ, такъ-что каждое мое ощущеніе сознается не иначе, какъ въ соотношеніи съ ними, и оба эти понятія воспроизводятъ во мнѣ двѣ вещи: 1) *именно, нить сознанія, которою я усматриваю ощущеніе, оказывается субъектомъ ощущенія (!), а* 2) *группа постоянныхъ возможностей ощущенія, къ которой я отношу эту нить сознанія, оказывается объектомъ ощущенія*».

Что же это такое? Кажется вотъ что: душа человѣка—tabula rasa: нѣтъ въ ней ни *я*, ни *не-я*, какъ нѣтъ и ея самой. Но вотъ получено первое ощущеніе, второе, третье; первое, второе и т. д. ощущенія, по содружеству, выработываютъ *понятіе постоянныхъ возможностей ощущенія*; онѣ — же, первое, второе и т. д. ощущенія, сравниваемыя, какъ настоящее и прошлыя, и суммируемыя въ единство, выработываютъ *понятіе серіи чувствованій, называемыхъ моею жизнію.* По образованіи этихъ двухъ понятій, всякое новое чувствованіе сознается только въ-связи съ ними: нить сознанія, серія чувствованій моей жизни, которою я усматриваю ощущеніе, есть *субъектъ ощущенія*, а группа постоянныхъ возможностей, къ которой я отношу эту нить сознанія, т. е. отношу какъ настоящее, такъ и всѣ прежнія мои ощущенія, *есть объектъ ощущенія.* «Самое ощущеніе, — умствуетъ далѣе *Д. С. Милль*, — должно бы имѣть соотносительное названіе, или скорѣе — должно бы имѣть два такихъ названія, одно, означающее ощущеніе по противоположенію его субъекту, а другое, обозначающее его по противоположенію его объекту. Объектъ и субъектъ находятся *во взаимномъ отношеніи*, но только чрезъ ощущеніе: ихъ *отношеніе* другъ къ другу состоитъ *изъ особаго и различнаго отношенія, въ которомъ они, каждый отдѣльно, стоятъ къ ощущенію: мы не можемъ иначе представить себѣ субъектъ или объектъ, духъ или вещество, развѣ только какъ нѣчто, къ чему мы относимъ наши ощущенія и въ чемъ мы сознаемъ всякія другія чувствованія. Ихъ истинное существованіе*, насколько оно познаваемо нами, *состоитъ лишь въ томъ отношеніи, которое каждый изъ нихъ*, (субъектъ и объектъ) *соотвѣтственно, сохраняетъ къ состояніямъ нашего чуствованія: ихъ* (духа и вещества) *отношеніе есть только отношеніе между двумя отношеніями*; непосредственно соотносящіеся не суть пара, объектъ и субъектъ, но двѣ пары: объектъ и ощущеніе объективно разсматриваемое, — субъектъ и ощущеніе субъективно разсматриваемое».

———

ГЛАВА XXIII.

Изъ предыдущаго открывается, что сущность ученія *Д. С. Милля* такова: *несомнѣнно существуетъ только ощущеніе*; есть ощущеніе первое, второе, третье и т. д. Второе, третье и т. д. ощущенія соотносятся къ первому,—но соотносятся двумя особыми, удобосознаваемыми, но неудобовыражаемыми образами. Соотносимыя однимъ образомъ, онѣ, своимъ взаимнымъ *соотношеніемъ*, образуютъ, по содружеству, *понятіе* постоянной возможности ощущеній, а соотносимыя другимъ образомъ, онѣ, своимъ *соотношеніемъ*, образуютъ *понятіе* суммированной серіи чувствованій, называемыхъ моею жизнію. Первое понятіе есть объектъ (*не—я*), а второе понятіе есть субъектъ (*я*). Какъ-скоро эти два понятія образованы, тогда каждое настоящее чувствованіе неизбѣжно *относится* и къ тому и къ другому понятію, къ объекту и субъекту, къ *я* и *не-я*, но относится особымъ двоякимъ образомъ, такъ, что иначе относится къ субъекту, къ *я*, и иначе къ объекту, къ *не-я*. При этомъ субъектъ и объектъ, *я* и *не—я*, соотносятся другъ къ другу не иначе, какъ чрезъ чувствованіе, относящееся, однакожъ, къ тому и другому двоякимъ различнымъ образомъ, такъ-что соотносящіеся не суть пара: субъектъ и объектъ, по двѣ пары: субъектъ и ощущеніе, субъективно разсматриваемое, объектъ и ощущеніе, объективно разсматриваемое, а въ итогѣ, субъектъ и объектъ (*я* и *не—я*, духъ и вещество) суть только нѣчто, къ чему относятся чувствованія: *ихъ истинное существованіе* состоитъ только *въ соотношеніи* къ чувствованію и чрезъ чувствованіе другъ къ другу, а взаимное ихъ соотношеніе есть *отношеніе между двумя отношеніями.*

Ясно ли все это?—Ясно до очевидности то, что, сбившаяся съ пути истины, западно—европейская мысль тѣмъ неизбѣжнѣе, чѣмъ она утонченнѣе и, повидимому, логичнѣе, въ концѣ концовъ, приходитъ къ выводу безъисходному, который въ *Гегелѣ* признанъ всѣми за крайній радикальный абсурдъ. Казалось бы, за чѣмъ-же и итти въ ту сторону? Такъ нѣтъ-же, идутъ, даже стремительно рвутся, какъ-будто гонимые рокомъ... *Осуетишася помышленіи своими и омрачися неразумное ихъ сердце. Глаголющеся быти мудри объюродѣша. Затвори бо Богъ всѣхъ въ противленіе.*

Приговоръ о такомъ исходѣ ультра-позитивной теоріи пусть произнесетъ *Льюисъ*, самъ также крайній позитивистъ. Объяснивъ методъ философіи Гегеля, Льюисъ спрашиваетъ: «что это такое? Переходъ ли въ область истины, или *въ трущобы нельпости*? Это мы рѣшимъ, какъ-скоро прослѣдимъ, куда приводитъ Гегеля его методъ. Такъ какъ, по ученію Гегеля, все заключаетъ въ себѣ отрицаніе себя и сущность всего состоитъ въ тожествѣ положенія и отрицанія, то, слѣдовательно, Шеллингово понятіе *субъекта и объекта* неточно. *Шеллингъ* признавалъ реальность обоихъ этихъ полюсовъ магнита, а тожество называлъ точкою безразличія между ними. *Гегель* же признаетъ, что *сущность всякаго отношенія, истинное и положительное въ каждомъ отношеніи, состоитъ не въ двухъ соотносящихся терминахъ, а въ самомъ отношеніи.* Для примѣра возмемъ фактъ: я вижу дерево. *Психологи* говорятъ, что въ этомъ фактѣ заключаются *три вещи: дерево, образъ дерева и умъ*, воспринимающій этотъ образъ. *Фихте* говоритъ, что въ этомъ фактѣ есть только *одно бытіе, его* (*я*), а дерево и образъ дерева суть одно и тоже и составляютъ модификацію моего ума: таковъ *субъективный идеализмъ. Шеллингъ говоритъ*, что и дерево и *его* суть *два бытія*, равно реальныя, или идеальныя, и оба суть только проявленія абсолюта: это *объективный идеализмъ.* По ученію же *Гегеля, единственная вещь, реально существующая* въ этомъ фактѣ видѣнія, *есть отношеніе, а его (я) и дерево суть лишь два термина отнотенія, и отношенію обязаны своею реальностію: вотъ абсолютный аделизмъ».* — Если сравнить теорію *Гегеля* съ теоріею *Д. С. Милля*, то не окажутся ли онѣ тожественными не-только по своей сущности, не только въ мысляхъ, но даже въ выраженіяхъ? «*Объектъ и субъектъ*,» — выражается *Д. С. Милль*, «находятся во взаимномъ отношеніи и соотносятся только чрезъ ощущеніе; ихъ *отношеніе* другъ къ другу состоитъ изъ особаго и отличнаго *отношенія* къ ощущенію. Мы не можемъ представлять себѣ *субъектъ и объектъ, духъ и вещество иначе*, развѣ только какъ нѣчто, къ чему мы *относимъ* наши ощущенія и въ чемъ мы сознаемъ всякія другія чувствованія. *Истинное существованіе ихъ обоихъ состоитъ лишь въ томъ отношеніи*, которое каждый изъ нихъ соотвѣтственно сохраняетъ къ состояніямъ нашего чувствованія. *Ихъ взаимное отношеніе есть только отношеніе между двумя отношеніями».* — И вотъ какой приговоръ позитивистъ *Льюисъ* произноситъ надъ подобною теоріею: «изъ всѣхъ трехъ видовъ иде-

ализма, послѣдній» (Гегелевскій, совпадающій съ quasi — позитивизмомъ Д. С. Милля), «*безъ сомнѣнія, есть самый нелѣпый.* Можно ли было хоть на минуту повѣрить въ правильность логики, приводившей къ такому исходу,—можно ли было сразу не отвергнуть посылокъ, изъ которыхъ вытекали такіе выводы? Этотъ фактъ всегда будетъ приводить въ изумленіе всѣхъ здоровыхъ мыслителей и навсегда останется разительнымъ примѣромъ того, до чего можетъ довести довѣріе къ дурной логикѣ». Дурною логику Гегеля Льюисъ называетъ, однакожъ, не по тому, чтобъ она была непослѣдовательна. Нѣтъ; по словамъ Льюиса, «Гегель чрезвычайно послѣдователенъ, послѣдователенъ до дерзости, до нелѣпости; разъ согласясь съ его посылками, вы неудержимо влечетесь къ его выводамъ». Гегелевская логика дурна по тому, что, туманная въ посылкахъ, она ведетъ къ выводамъ совершенно нелѣпымъ, которые поэтому и отвергнуты всѣмъ мыслящимъ человѣчествомъ. «Къ чему приводитъ насъ»,—продолжаетъ *Льюисъ*,—«этотъ абсолютный идеализмъ? *Къ міру отношеній*! Спинозовское понятіе о субстанціи слишкомъ грубо: говорить о субстанціи значитъ говорить объ одномъ лишь терминѣ *отношенія. Міръ есть міръ идей*, которыя, въ одно и тоже время, *и субъективны, и объективны*, такъ-какъ *сущность ихъ заключается въ ихъ взаимномъ отношеніи*. Этотъ абсолютный идеализмъ есть тотъже скептицизмъ Юма. *Юмъ* отрицалъ существованіе *духа и матеріи* и говорилъ, что существуютъ однѣ лишь идеи. *Гегель* отрицаетъ существованіе *субъекта и объекта*» (а *Д. С. Милль*, замѣтимъ, за-одно уже отрицаетъ существованіе какъ духа и матеріи, такъ и субъекта и объекта) «и говоритъ, что *существуютъ только ихъ отношенія*» (равно-какъ *и Д. С. Милль*). «Гегель порицаетъ *Канта* за то, что тотъ утверждалъ, будто предметы суть только простыя *видимости* для насъ, а реальная природа ихъ недоступна намъ. Нѣтъ; по ученію *Гегеля*, реальное отношеніе таково: познаваемые нами предметы *нетолько суть видимости для насъ, но и сами по себѣ суть не что иное, какъ только видимости*; реальная же объективность такова: *наши мысли суть нетолько мысли, но и реальность предметовъ*». Если и есть разница въ этомъ послѣднемъ пунктѣ между *Гегелемъ* и *Д. С. Миллемъ*, то развѣ только въ томъ, что *Милль* на мѣсто Гегелевыхъ *мыслей* или *идей* поставилъ *ощущенія*, которыя однакожъ онъ нерѣдко называетъ и *идеями*. По его ученію, реальная объективность нетолько объекта, но и субъекта, заключается только въ соотношеніи ощущеній; и ощущенія суть нетолько ощущенія (вос-

пріятія, представленія, идеи), но и реальность не только объекта, но и субъекта.—«Грустно подумать»,—заключаетъ позитивистъ *Льюисъ*, «что нетолько одинъ человѣкъ, и притомъ человѣкъ замѣчательно тонкаго ума, но и множество другихъ людей, сотни умовъ, высоко стоящихъ надъ общимъ уровнемъ, могли сдѣлать цѣлью своей жизни занятіе наукой, которая руководится такимъ методомъ. Утверждая, что *единственное реальное положительное бытіе есть отношеніе двухъ терминовъ, духа и матеріи*, такая система не заслуживаетъ вниманія серьезныхъ умовъ, трудящихся на-пользу человѣчества. Она не только безполезна, но она вредна.»—заключаетъ позитивистъ *Льюисъ*. Замѣтимъ кстати, что теорію *Д. С. Милля*, которую самъ онъ провозглашаетъ *психологическою*, въ-контрастъ интроспективной, какъ-будто невѣрной психологическимъ фактамъ, эту теорію позитивистъ *Льюисъ* считаетъ *контрастомъ именно теоріи психологовъ*, такъ-какъ по *Льюису*, въ фактѣ: я вижу дерево, *психологи* допускаютъ три реальности: я, дерево и образъ дерева, какъ отношеніе между субъектомъ и объектомъ, между тѣмъ *Д. С. Милль* допускаетъ здѣсь одну только реальность: отношеніе субъекта и объекта къ ощущенію, или группѣ возможностей ощущеній, называемой деревомъ.

Въ-виду такого страннаго исхода quasi—позитивной теоріи Милля, въ-виду рѣшительнаго совпаденія ея съ отвергнутою всѣми, и прежде всего самимиже позитивистами и даже самимъ *Д. С. Миллемъ*, теоріею *Гегеля*, котораго *Милль* очень не жалуетъ, называя въ своей Логикѣ (II, 313) его теорію мистическою и поставляя ее наряду съ ученіемъ индійскихъ Вѣдъ и греческихъ Платониковъ, при чемъ сущность общаго имъ, т. е. индійскимъ Вѣдамъ, греческимъ Платоникамъ и новѣйшимъ Гегельянцамъ, мистицизма Милль указываетъ въ *приписываніи объективнаго существованія субъективнымъ созданіямъ нашихъ собственныхъ способностей: идеямъ и чувствамъ нашего духа*, т. е. указываетъ въ томъ самомъ, что дѣлаетъ и онъ самъ Д. С. Милль, *приписывая объективное* (реальное) *существованіе субъективнымъ созданіямъ нашихъ собственныхъ способностей: ощущеніямъ и идеямъ нашего духа*,—въ-виду такого совпаденія и оборотнаго самообличенія, мы можемъ оставить безъ особаго вниманія дальнѣйшее, предлагаемое Миллемъ, развитіе понятія о субъектѣ и объектѣ. «Существуютъ однѣ ощущенія, объясняется онъ, которыя мы привыкли разсматривать, по-преимуществу, субъективно, и другія ощущенія, которыя мы привыкли разсматривать, по преимуществу, объективно. Въ случаѣ

первыхъ ощущеній, *отношеніе*, въ которомъ мы наиболѣе часто, обычно и легко разсматриваемъ ихъ, *есть отношеніе ихъ къ серіямъ чувствованій*, которыхъ онѣ составляютъ часть и *которыя, сгруппированныя мыслію въ одно представленіе, мы называемъ субъектомъ*. Въ случаѣ вторыхъ ощущеній, отношеніе, въ которомъ мы по-преимуществу обозрѣваемъ ихъ, *есть отношеніе къ нѣкоторой группѣ, или къ цѣлому роду группъ постоянныхъ возможностей ощущенія*, въ предлежащемъ существованіи которыхъ удостовѣряетъ насъ то ощущеніе, которое мы чувствуемъ въ данный моментъ и которое называемъ *объектомъ*». Это значитъ, что реально существуютъ чувствованія; одно взаимно соотносительное между ними отношеніе, въ которомъ мы обычно разсматриваемъ ихъ, называется субъектомъ, — а другое взаимно соотносительное между ними отношеніе, въ которомъ мы обычно разсматриваемъ ихъ, называется объектомъ: объектъ есть одно, одного извѣстнаго качества, взаимно соотносительное отношеніе чувствованій настоящихъ съ прошедшими, а субъектъ есть другое, другаго извѣстнаго качества, взаимно соотносительное отношеніе чувствованій настоящихъ съ прошедшими. Но какъ субъектъ и объектъ, въ свою очередь, сознаются не иначе, какъ во взаимномъ отношеніи къ чувствованію и, чрезъ чувствованіе, между собою,—то ихъ истинное существованіе, ихъ реальность есть взаимное соотношеніе между этими парными, двойными соотношеніями, *и внѣ этого соотношенія, какимъ-либо инымъ образомъ, субъектъ и объектъ не существуютъ*.

Въ-виду такого страннаго понятія *о субъектѣ и объектѣ*, мы не можемъ дать серьезнаго значенія и предложенному въ Логикѣ *Д. С. Милля опредѣленію матеріи и духа*. «Тѣло,» — увѣряетъ онъ, — «не есть чтолибо существенно отличное отъ производимыхъ имъ въ насъ ощущеній, но есть *совокупность ощущеній*, соединенныхъ въ сложную идею; а духъ есть только рядъ ощущеній, *нить сознанія*, проявляющаяся въ сознаваемыхъ мною ощущеніяхъ». По совѣту и приговору *Льюиса*, мы не можемъ ни на минуту повѣрить въ правильность логики, приводящей къ такому исходу, — а, напротивъ того, должны сразу отвергнуть посылки, изъ которыхъ вытекаютъ такіе выводы, не-смотря на нѣкоторую ихъ благовидную, въ логическомъ отношеніи, обстановку, тѣмъ болѣе, что въ другихъ мѣстахъ своихъ твореній самъ *С. Д. Милль* даетъ болѣе солидную постановку ученію о существованіи тѣлесной и духовной сущности, выражаясь, что «*вещество*, разсматриваемое *какъ скрытая причина нашихъ*

ощущеній, дѣйствительно существуетъ; тѣлесная сущность есть неизвѣстная причина нашихъ ощущеній, а сущность духовная есть неизвѣстный пріемникъ ихъ». При этомъ, однакожъ, нужно имѣть въ виду, что сущность духовная *не есть только пріемникъ, но и производитель ощущеній.* Самъ Милль выражается [1]), что, «говоря о духовной сущности, мы должны» имѣть въ-виду не-только «ея собственныя состоянія, *но и производимыя ею въ другихъ духовныхъ сущностяхъ.* Каждое свойство духа состоитъ въ томъ, что онъ или самъ подвергается извѣстному дѣйствію, *или дѣйствуетъ извѣстнымъ образомъ на другія духовныя сущности.* Въ дополненіе къ тѣмъ свойствамъ духа, которыя основаны на состояніяхъ его собственныхъ чувствъ, ему, *такимъже образомъ, какъ и тѣламъ, могутъ быть приписаны свойства, основанныя на чувствахъ, которыя онъ возбуждаетъ въ другихъ духовныхъ существахъ.* Правда, духовная сущность», по мнѣнію *Милля*, будтобы «не возбуждаетъ ощущеній подобно тѣламъ, но она можетъ возбудить мысли или идеи и душевныя движенія, или хотѣнія», которыя, не будучи *ощущеніями,* по Миллю, суть однакожъ *чувства.* Слѣдовательно, по собственнымъ буквальнымъ мыраженіямъ *Милля, «духовная сущность оказывается дѣйствующею на другія духовныя сущности, возбуждая въ нихъ чувства, и вещество дѣйствительно существуетъ, какъ скрытая причина нашихъ ощущеній».* Значитъ и духовныя сущности, и вещество существуютъ внѣ нашихъ ощущеній и предшествуютъ имъ, какъ внѣшняя ихъ причина.

Что же касается до умствованія *Д. С. Милля о несуществованіи какихъ бы то ни было субстратовъ,* то, по нашему сужденію, оно изъ страннаго переходитъ даже въ забавное. «Всякое существованіе доказывается свидѣтельствомъ *внѣшнихъ чувствъ.* Ничто не обнаруживается внѣшнимъ чувствомъ помимо ощущеній. Эти ощущенія связаны нѣкоторымъ закономъ, соединяются не случайно, но въ систематическомъ порядкѣ. Этотъ *опредѣленный связывающій законъ»,*—умствуетъ *Д. С. Милль* въ своей Логикѣ [2]),—заставляющій ощущенія наступать совокупно, *не требуетъ того, что называется поддерживающимъ ощущенія субстратомъ.* Понятіе о субстратѣ есть лишь одна изъ многихъ возможныхъ формъ, въ которыхъ эта связь представляется нашему воображенію, есть какъбы способъ *воплотить идею. Еслибъ былъ*

[1]) Логика I, 91. [2]) I, 72.

такой субстратъ и, предположимъ, мгновенно уничтожился какимъ-нибудь чудомъ, между-тѣмъ-какъ ощущенія продолжали бы наступать въ прежнемъ порядкѣ, то *какъ сознали бы мы отсутствіе субстрата? Какой знакъ далъ бы намъ возможность открыть его уничтоженіе?* Не имѣли-ль бы мы столькоже основанія вѣрить, что онъ существуетъ, сколько имѣемъ теперь? А еслибы мы не имѣли основанія вѣрить въ его существованіе тогда, то какое имѣемъ теперь»?—Не пускаясь пока въ опроверженіе этой нелѣпости, замѣтимъ, однакожъ, что сущность доказательства, которымъ она подтверждается, заключается въ гипотезѣ, что субстратъ уничтожился, между-тѣмъ-какъ ощущенія отъ него продолжаютъ наступать; т. е. гипотетически предполагается неотразимая невозможность, иначе сказать, берется явный абсурдъ, котораго допущеніе ни подъ какимъ видомъ не возможно, и кладется въ основаніе силлогизма, доказывающаго небытіе субстратовъ. Правда, мы знаемъ факты отдѣленія, въ нашемъ сознаніи, проявленій субстрата отъ дѣйствительнаго его бытія; такъ, наприм., 1) на безмѣрномъ разстояніи звѣзда потухла для нашего зрѣнія навсегда, но субстратъ звѣзды, можетъ быть, и не уничтожился, а только превратился изъ свѣтящаго солнца въ темное тѣло, или загражденъ отъ нашего зрѣнія какой-либо непрозрачною средою; 2) звѣзда для нашего зрѣнія еще горитъ, но она въ реальномъ фактѣ уже 1000 лѣтъ назадъ потухла; горитъ же для насъ только по тому, что свѣтъ отъ нея доходитъ до нашего зрѣнія, примѣрно, въ 1500 лѣтъ; 3) человѣкъ стоялъ, человѣкъ ушелъ, а для нашего зрѣнія (въ галлюцинаціи или экзальтаціи) все еще стоитъ тамъже, гдѣ еще за минуту стоялъ и фактически уже не стоитъ. Но всѣ эти и подобные исключительные факты, имѣющіе для себя натуральное объясненіе, слишкомъ далеки отъ того небывалаго, фактически невозможнаго и немыслимаго чуда, какое угодно *Д. С. Миллю* предполагать возможнымъ, чуда исчезновенія субстрата, при существованіи его проявленій, чуда совершенно тождественнаго съ тѣмъ, еслибъ мы предположили возможными слѣдующія невозможныя чудеса, наприм., положимъ, что 2+2=5, или положимъ, что дѣйствіе существуетъ прежде причины. Да и самъ Д. С. Милль, изгоняя субстратъ, какъ причину ощущеній, или явленій, всеже не можетъ отдѣлаться отъ *опредѣленнаго связывающаго закона, который заставляетъ ощущенія, или явленія наступать совокупно: а этотъ связывающій законъ Милля и есть требуемый общечеловѣческимъ не искалѣченнымъ смысломъ субстратъ.*

Поэтому также мало основательно увѣреніе *Д. С. Милля* касательно и *ноуменовъ*, будтобы они также вовсе не существуютъ, будто «о всемъ, что касается *ноуменовъ*, послѣднимъ приговоромъ философіи должно быть, *что мы совершенно ничего не знаемъ о нихъ*», будто «*самое различеніе феноменовъ отъ ноуменовъ праздно*», будто «мы не можемъ ни утверждать, ни отрицать чего-либо иного о ноуменѣ, кромѣ феноменальныхъ его аттрибутовъ». Такъ-какъ у Милля ноумены тождественны съ субстратомъ, съ вещами въ себѣ, съ реальностями внѣ насъ, съ существующими внѣ насъ объектами, равно-какъ и съ субъектомъ, какъ субстратомъ своихъ чувствованій, то всѣ ноумены должны бы дѣйствительно рухнуть, въ-случаѣ устойчивости всей этой системы. Но какъ на дѣлѣ оказалось противное, т. е. что система Милля рушилась, осужденная имъ самимъ за фальшивое *усвоеніе объективнаго* (реальнаго) *существованія субъективнымъ созданіямъ нашихъ собственныхъ способностей: ощущеніямъ и идеямъ нашего духа*, то ноумены и остаются въ томъже устойчивомъ положеніи, какое имѣли въ человѣческомъ сознаніи всегда, во всѣ вѣка. А что такое ноумены, какъ правильно понимать ихъ, насчетъ этого мы объяснимся ниже.

ГЛАВА XXIV.

Доказалъ ли, однакожъ, Д. С. Милль то, что имѣлъ въ-виду доказать, именно, что *довѣріе къ внѣшнему міру не есть внутренно усматриваемое, но пріобрѣтенный продуктъ*? Намъ представляется, что онъ доказалъ нѣчто совершенно обратное, именно, что 1) *довѣріе къ бытію внѣшняго міра, къ существованію людей внѣ меня, къ существованію даже моего собственнаго я, въ-сущности есть не довѣріе, но иллюзія, фальшь, обманъ*; 2) *если же это довѣріе есть дѣйствительно довѣріе*, т. е. *увѣренность въ истинѣ нашего представленія, то оно пріобрѣтается не иначе, какъ чрезъ внутреннее усмотрѣніе*. Это отчасти уже выяснено въ предъидущемъ нашемъ изслѣдованіи. Тѣмъ не менѣе, для безспорности вывода, мы представимъ здѣсь серію основоположеній и теоріи *Д. С. Милля*. Вотъ логическій ходъ его мыслей:

1) Свидѣтельство сознанія, если только мы можемъ пріобрѣсть его чистымъ, убѣдительно; приговоръ сознанія, или наше непосред-

ственное и внутренно усматриваемое убѣжденіе принимается со всѣхъ сторонъ рѣшеніемъ безъаппеляціоннымъ.

2) Въ числѣ фактовъ, разсматриваемыхъ въ-качествѣ откровеній сознанія, есть одинъ родъ, въ которомъ никто не сомнѣвается, и другой родъ, въ которомъ можно сомнѣваться и сомнѣваются.

3) Факты, въ которыхъ нельзя сомнѣваться, суть факты внутренняго сознанія, собственные акты и настроенія духа; сознанію собственныхъ чувствованій и процессовъ духа нельзя не довѣрять.

4) Разладъ мнѣній касается вещей, которыя уже не составляютъ феноменовъ моего собственнаго духа,—касается вопроса, что такое тѣ вещи, о которыхъ свидѣтельствуетъ сознаніе.

5) По теоріи *Д. С. Милля*, *довѣріе къ внѣшнему міру не есть нѣчто внутренно усматриваемое, но пріобрѣтенный продуктъ,—тема, которую требуется еще доказать.*

6) Мы не имѣемъ никакого прирожденнаго понятія о *не-я*, пока не пріобрѣтемъ значительнаго опыта въ возвращеніи ощущеній, согласно опредѣленнымъ законамъ. Безъ понятія же о *не-я* мы не можемъ имѣть и противоположнаго понятія о *я*. Неимовѣрно, чтобы первое испытываемое нами ощущеніе пробуждало въ насъ какое-нибудь понятіе о нѣкоторомъ *я*; познаніе о *я* образуется отожествленіемъ состоянія ощущенія настоящаго съ воспоминаемымъ состояніемъ ощущеній прежнихъ; никакое ощущеніе не можетъ внушать личнаго тожества.

7) Душа человѣка — tabula rasa; нѣтъ въ ней ни *я*, ни *не-я*, ни сознанія, ни ея самой, но есть только ощущеніе.

8) Вотъ ощущеніе начинаетъ быть: получается первое, второе, третье и т. д. ощущенія.... Когда получены ощущенія *дѣйствительныя*, то возбуждается способность составить представленіе *ощущеній возможныхъ*, которыя не чувствуются въ настоящій моментъ, но которыя могли бы и должны бы чувствоваться, еслибы предстояли извѣстныя условія. По *закону ассоціаціи или содружества идей*, подобныя, какъ дѣйствительныя, такъ и возможныя, чувствованія, или, что тоже, феномены, мыслятся нераздѣльно въ существованіи.

9) По закону ассоціаціи, полученныя ощущенія, первое, второе, третье и т. д., начинаютъ соотноситься между собою.

10) Соотносятся онѣ двумя особыми, удобосознаваемыми, но не опредѣлимыми образами. Соотносимыя однимъ образомъ, онѣ своимъ взаимнымъ соотношеніемъ образуютъ, по закону содружества, понятіе

постоянной возможности ощущеній, — а соотносимыя другимъ образомъ, онѣ своимъ соотношеніемъ образуютъ понятіе *суммированной серіи чувствованій, называемыхъ моею жизнью.* Первое понятіе есть *объектъ* (*не-я*), а второе понятіе есть *субъектъ* (*я*).

11) Какъ-скоро эти два понятія образованы, тогда каждое новое чувствованіе неизбѣжно относится къ тому и другому понятію, къ объекту и субъекту, къ *не-я* и къ *я*,—но относится особымъ двоякимъ образомъ, такъ-что иначе относится къ субъекту — *я*, и иначе къ объекту—*не-я*. При этомъ субъектъ и объектъ, *я* и *не-я* соотносятся другъ къ другу не иначе, какъ чрезъ чувствованіе, относящееся къ тому и другому двоякимъ различнымъ образомъ, такъ-что соотносящіеся не суть пара: субъектъ и объектъ, но двѣ пары: субъектъ и ощущеніе субъективно разсматриваемое, объектъ и ощущеніе объективно разсматриваемое.

12) Въ-случаѣ перваго (*субъективнаго*) отношенія, данное ощущеніе относится къ серіи чувствованій, которыя, отвержденныя, по закону ассоціаціи идей, въ одно представленіе моей жизни, называются *субъектомъ*, и данное (*субъективное*) ощущеніе составляетъ часть этихъ чувствованій. Въ-случаѣ втораго (*объективнаго*) отношенія, тоже данное ощущеніе относится къ составленной, по закону ассоціаціи, группѣ или цѣлой серіи группъ постоянныхъ возможностей ощущеній, которыя мы называемъ *объектомъ*, и въ этомъ случаѣ къ роду ихъ относится (объективною своею стороною) ощущеніе и даннаго момента. Въ томъ и другомъ случаѣ соотносится одно и тоже данное чувствованіе, но соотносимое двояко — различно, къ субъекту и объекту, оно принимаетъ *двояко различный, субъективный и объективный характеръ.*

13) Объективныя, равно-какъ и субъективныя ощущенія мимолетны. Но безпрерывнымъ повтореніемъ своимъ, по закону ассоціаціи, ощущенія, разсматриваемыя по-преимуществу объективно, образуютъ *идею чего-то*, что отличается отъ нашихъ скоротечныхъ впечатленій *прочностію*, что неизмѣнно и остается тѣмъ же самымъ въ то время, какъ наши впечатлѣнія мѣняются,—что существуетъ несмотря на то, извѣстно-ль оно мнѣ, или нѣтъ, и сохраняетъ свои свойтва не-смотря на то, воспринимаются ли онѣ въ данный моментъ, или нѣтъ,—даже восприняты ли когда-нибудь моимъ ощущеніемъ,—что предполагаетъ не одно какое-либо настоящее мимолетное ощущеніе, но цѣлую *группу ощущеній*,—ощущеній, нетолько получаемыхъ мною въ настоящій моментъ, но и полученныхъ прежде, и нетолько дѣйствительныхъ

ощущеній, настоящихъ, или прошедшихъ, но и возможныхъ, которыхъ я не получалъ, не получаю и, быть можетъ, никогда не получу, но которыя, при извѣстныхъ условіяхъ, могъ бы и долженъ бы получить.

14) Такимъ образомъ, изъ ощущеній, по закону ассоціаціи, составляется *идея внѣшней субстанціи или тѣла, какъ группы постоянныхъ возможностей разныхъ ощущеній.* А изъ серіи такихъ группъ образуется *идея внѣшняго міра.*

15) Эта группа или серія группъ постоянныхъ возможностей ощущеній представляется какъ *постоянная*, въ контрастѣ не-только съ временностію моего тѣлеснаго присутствія, но и съ временнымъ характеромъ каждаго изъ моихъ ощущеній,—2) представляется какъ *родъ постояннаго субстрата, подъ слоемъ преходящихъ ощущеній, проявленій, опытовъ*, — 3) представляется существующею въ извѣстномъ *порядкѣ предшествованія и послѣдовательности*, который образуетъ мою *идею причинной связи, силы, дѣятельности*,—4) откуда я научаюсь мыслить природу состоящею изъ группъ возможностей ощущенія, а дѣятельную силу природы состоящею въ видоизмѣненіи однихъ группъ другими.

16) Отсюда происходитъ, что ощущенія, *хотя и первоначальная основа всего*, представляются мнѣ чѣмъ-то отъ меня зависящимъ, а возможности ощущеній *подлинными реальностями*, по-отношенію къ которымъ *дѣйствительныя ощущенія* суть только *воспроизведенія, феномены или дѣйствія*,—что присутствіемъ дѣйствительнаго ощущенія (какъ дѣйствія) доказывается присутствіе группы возможностей разныхъ ощущеній (какъ причины),—что возможныя ощущенія состоятъ къ дѣйствительнымъ ощущеніямъ въ отношеніи *причины къ ея дѣйствіямъ, корня къ стволу и вѣтвямъ, сущности или субстрата къ акциденціямъ, матеріи къ формѣ.*

17) Затѣмъ постоянныя возможности ощущеній принимаютъ отъ данныхъ ощущеній такое несходство по виду и такую разницу положенія по-отношенію къ намъ, что *представляются намъ, и притомъ съ довѣріемъ*, разнящимися отъ ощущенія, по меньшей мѣрѣ, также, какъ одно ощущеніе разнится отъ другаго: *ихъ фундаментъ въ ощущеніи забывается, и предполагаютъ ихъ чѣмъ-то, въ самой природѣ ихъ, отличнымъ отъ ощущенія.*

18) Это значитъ, что вотъ начинаетъ быть и дѣйствовать *первоосновная реальность, ощущеніе.* Къ первому ощущенію соотносимыя второе и третье и т. д. ощущенія, по закону ассоціаціи, образуютъ группу ощущеній дѣйствительныхъ; онѣ-же, дѣйствительныя ощущенія, по спо-

собности духа къ ожиданію, образуютъ группу ощущеній возможныхъ; безпрерывно повторяющіяся ощущенія образуютъ цѣлую серію группъ постоянныхъ возможностей ощущенія. Эту серію группъ, по томуже закону ассоціаціи, наши ощущенія представляютъ существующею въ извѣстномъ порядкѣ предшествованія и послѣдовательности, который порождаетъ идею причины и дѣйствія. *Ясно, что наши ощущенія суть фундаментъ, первоначальная основа всего*, но онѣже, наши ощущенія, представляютъ намъ себя чѣмъ-то отъ насъ зависимымъ, а серію группъ постоянныхъ возможностей подлинными, *будтобы независимыми отъ насъ реальностями.* Мало этого; наши же ощущенія представляютъ намъ себя *будтобы воспроизведеніемъ, феноменомъ или дѣйствіемъ серіи постоянныхъ возможностей, а ее, эту серію, представляютъ причиною, корнемъ, сущностію или субстратомъ, матеріею нашихъ ощущеній, какъ дѣйствій, какъ вѣтвей и листьевъ, какъ акциденціи и формы.* Онѣже, наши ощущенія, въ тоже время *порождаютъ довѣріе*, будто *постоянныя возможности отличны отъ нашихъ ощущеній по виду, по положенію, по отношенію къ намъ, вообще по своей природѣ,—будтобы постоянныя возможности суть даже причина нашихъ ощущеній, тогда-какъ онѣ не отличны по своей природѣ отъ ощущеній, а, на оборотъ, свой фундаментъ, свою первоначальную основу онѣ имѣютъ въ нашихъ ощущеніяхъ.*

Ясно ли, что *наши ощущенія представляютъ намъ всю систему бытія совершенно въ превратномъ смыслѣ?* Ясно ли, что *объщанное Д. С. Миллемъ довѣріе есть очевиднѣйшій обманъ, фальшь, иллюзія?*— Но пойдемъ дальше.

19) Обманывая меня, мои ощущенія представляютъ *мнѣ, собственно внутри меня состоявшуюся, серію постоянныхъ возможностей ощущеній чѣмъ-то мнѣ внѣшнимъ, подлинными внѣшними реальностями, внѣшнимъ міромъ.* Онѣже, мои ощущенія, представляютъ мнѣ, будто внѣ меня существуютъ нѣкоторыя другія существа, имѣющія жизнь подобную моей. На этомъ основаніи, по закону ассоціаціи и созданному имъ закону причинности, я убѣждаюсь, что тѣ и другія явленія, явленія жизни какъ моей, такъ и другихъ чувствующихъ существъ возникаютъ изъ одинаковой причины. Мои-же ощущенія представляютъ, будто постоянныя возможности ощущеній (т. е. внѣшнія реальности) на-столькоже принадлежатъ другимъ чувствующимъ человѣческимъ существамъ на-сколько и мнѣ,—будто міръ возможныхъ ощущеній существуетъ на-столько же въ другихъ существахъ, на-сколько и во мнѣ; откуда я

и заключаю, будто міръ имѣетъ существованіе внѣ меня,—будто онъ есть внѣшній міръ. Но что и въ этомъ случаѣ мои ощущенія представляютъ мнѣ, въ-качествѣ довѣрія, собственно иллюзію, это очевидно изъ того, что всякая внѣшняя реальность имѣетъ свой фундаментъ въ моемъ ощущеніи и по природѣ своей не-отлична отъ моего ощущенія, хотя чувству моему и представляется отличною; другой человѣкъ, какъ внѣшняя реальность, имѣетъ фундаментъ своей реальности въ моемъ ощущеніи и по природѣ своей не отличенъ отъ него, хотя чувству моему и представляется отличнымъ. Въ свою очередь, и я, какъ внѣшняя реальность для всякаго другаго человѣка, имѣю фундаментъ своей реальности въ его ощущеніи, хотя и представляюсь ему отличнымъ; реальность всего міра имѣетъ свой фундаментъ въ ощущеніи моемъ, какъ и другихъ людей, и неотлична отъ него по природѣ, хотя и представляется обще-человѣческому ощущенію отличною. Я знаю о существованіи внѣшняго міра, между прочимъ, по тому, что онъ существуетъ въ другихъ людяхъ также, какъ и во мнѣ. Что міръ существуетъ въ другихъ людяхъ, это я знаю по тому, что другіе люди имѣютъ жизнь подобную моей; что другіе люди имѣютъ жизнь подобную моей, это я знаю по тому, что такою жизнь ихъ обнаруживается въ моемъ ощущеніи, такое обнаруженіе ихъ жизни тожественно съ моимъ ощущеніемъ,—существуетъ только въ моемъ ощущеніи, а не внѣ его. Значитъ, и существованіе міра въ другихъ людяхъ, какъ обнаруженіе ихъ жизни, имѣетъ мѣсто только въ моемъ ощущеніи,—и міръ, насколько онъ существуетъ даже въ другихъ людяхъ, существуетъ собственно въ моемъ ощущеніи; равно-какъ и группы возможностей ощущеній, которыя представляются мнѣ людьми, существуютъ собственно во мнѣ, въ моемъ ощущеніи. Значитъ, внѣ моего ощущенія, внѣ меня, не существуетъ ничто. *А когда ощущенія мои внушаютъ мнѣ довѣріе къ существованію чего-либо внѣ меня, то это довѣріе есть не болѣе, какъ иллюзія.*

20) Этого мало. Я самъ не существую... И это значитъ не-только то, что я не существую внѣ моего ощущенія, но что существую не иначе, какъ только въ ощущеніи,—что существованіе мое не отдѣльно отъ моего ощущенія. Даже болѣе того: нельзя сказать, что существованіе моего *я* тожественно съ ощущеніемъ; нѣтъ, *ощущеніе есть фундаментъ существованія моего я, есть первоначальная основа моего я, причина предшествующая бытію моего я.* Такъ у человѣка только-что родившагося уже есть множество ощущеній; но *я* изъ нихъ еще пока не возникло; а у

человѣка умирающаго еще остается серія ощущеній, но *я* у него уже исчезло. Тоже замѣчается не-только при рожденіи и смерти, но и въ нѣкоторыхъ другихъ обстоятельствахъ жизни человѣка, наприм., во снѣ, въ нѣкоторыхъ болѣзняхъ, въ состояніяхъ глубокой экзальтаціи и т. п.

21) Однимъ словомъ, ощущеніе есть фундаментъ, первоначальная основа всего. Внѣ ощущенія нѣтъ ничего, ни субъекта, ни объекта, которые существуютъ не иначе, какъ въ ощущеніи и чрезъ ощущеніе. Мы не можемъ иначе представить себѣ субъектъ, или объектъ, духъ, или вещество, развѣ какъ только нѣчто, къ чему мы относимъ наши ощущенія и въ чемъ мы сознаемъ всякія другія чувствованія. Истинное существованіе субъекта и объекта состоитъ лишь въ томъ отношеніи, которое каждый изъ нихъ соотвѣтственно сохраняетъ къ состояніямъ нашего чувствованія. Первая и послѣдняя основа всякаго бытія, какъ объекта, такъ и субъекта, всякаго знанія и сознанія, есть ощущеніе; существуетъ одно только ощущеніе.

Если же съ довѣріемъ представляется что-либо существующимъ внѣ ощущенія, какъ внѣшняя реальность, причина, фонъ, корень, матерія, субстратъ, сущность, ноуменъ ощущенія, какъ дѣйствія, отраженія, воспроизведенія, формы, оболочки, случайности, феномена, *то это довѣріе есть ръшительная иллюзія... Но представимъ теперь далѣе и оборотный ходъ этого доказательства.*

22) Наши ощущенія связаны нѣкоторымъ закономъ. Онѣ соединяются не случайно, но въ систематическомъ порядкѣ. Этотъ порядокъ составляетъ часть универсальнаго порядка, установленнаго во вселенной, которому не подчиняться человѣкъ не можетъ. *Порядокъ природы однообразенъ и составляетъ основной законъ, или общую аксіому* [1]). Принципъ единообразія порядка природы оказывается конечною большею посылкою всѣхъ наведеній [2]). Выраженіе: «законъ природы»—не означаетъ ничего, кромѣ существующихъ между естественными явленіями единообразій [3]). *Одни виды единообразій найдены совершенно неизмѣнными, проникающими всю природу*, а другіе оказываются измѣняющимися по различію времени, мѣста и другихъ обстоятельствъ [4]). *Открыто нѣсколько единообразій, которыя въ мѣрѣ достовѣрности, требуемой всѣми человѣческими цѣлями, могутъ быть признаны совершенно достовѣрными и вполнѣ всеобщими* [5]). Такъ, въ законахъ чиселъ и въ законахъ пространства, мы, самымъ

[1]) Лог. 1, 357. [2]) Стр. 358. [3]) Стр. 369. [4]). Стр. 371. [5]) Стр. 373.

несомнѣннымъ образомъ, признаемъ искомую нами всеобщность. Во всѣ времена, эти законы были типомъ достовѣрности; ихъ неизмѣнность до того совершенна, что дѣлаетъ насъ неспособными даже представить себѣ какое-либо исключеніе изъ этихъ законовъ [1]). Точно также, въ единообразіяхъ въ послѣдовательности явленій, всеобщъ законъ связи причины съ слѣдствіемъ: онъ распростирается *на всю человѣческую опытность*, на все поле послѣдовательныхъ явленій, на всѣ, какіе бы то ни было, случаи послѣдовательности [2]). Между явленіями, существующими въ каждое мгновеніе, и явленіями, существующими въ наступающее за тѣмъ мгновеніе, есть неизмѣнный порядокъ послѣдовательности. Неизмѣнно—предшествующій фактъ называется причиной, неизмѣнно-наступающій за нимъ называется слѣдствіемъ. Каковъ бы ни былъ фактъ, если онъ началъ существовать, то былъ предшествуемъ какимъ-либо фактомъ, съ которымъ онъ неизмѣнно-связанъ; *въ этомъ состоитъ всеобщность закона связи причины съ дѣйствіемъ* [3]). Кромѣ того, явленія жизни представляютъ безчисленные примѣры составленія причинъ, соединенія условій; этотъ законъ оказывается одинаково истиннымъ и по-отношенію къ явленіямъ духа [4]). При такомъ совпаденіи, причины бываютъ дѣятельныя и страдательныя, напр., въ зрѣніи является дѣятелемъ не-только свѣтъ, но свѣтъ въ соединеніи съ дѣйствующими свойствами какъ глаза, такъ и видимаго предмета [5]); хотя, впрочемъ, различіе между дѣятельнымъ началомъ и страдательнымъ чисто словесно, такъ-какъ и страдательныя начала всегда дѣятельны. Вообще же *единообразія о всѣхъ, какихъ бы то ни было, вещахъ, именно: законы чиселъ и протяженія, также законъ связи причины съ слѣдствіемъ, суть, вѣроятно, единственныя, исключеніе изъ которыхъ безусловно и постоянно неимовѣрно* [6]).

23) Отправляясь отъ этихъ *посылокъ, психологическая теорія* утверждаетъ, что существуютъ содружества идей, *естественно и даже необходимо порождаемыя порядкомъ нашихъ ощущеній и воспоминаній ощущенія, которыя неизбѣжно порождаютъ довѣріе къ внѣшнему міру и бываютъ причиной того, что на нихъ смотрятъ, какъ на внутреннее усмотрѣніе; да и нельзя иначе смотрѣть на нихъ* по тому, что ощущенія наши происходятъ внутри, а не внѣ насъ.

24) И, во-первыхъ, содружество идей, порождаемое естественно и необходимо порядкомъ нашихъ ощущеній и воспоминаній ощущенія,

---

[1]) Стр. 375. [2]) Стр. 377. [3]) 179). [4]) Стр. 428. [5]) 190. [6]) Лог. 11, 175—166.

порождаетъ въ насъ естественное и необходимое довѣріе къ тому, что, «въ-продолженіи всей нашей жизни, за исключеніемъ первыхъ ея начатковъ, мы неоспоримо относимъ всѣ наши ощущенія къ нѣкоторому *я* и нѣкоторому *не я*», — что, «какъ-скоро *я сформировалъ*,»— употребляемъ подлинное выраженіе Д. С. Милля,—«какъ-скоро я сформировалъ, съ одной стороны, понятіе постоянныхъ возможностей ощущенія, а съ другой — понятіе *непрерывной серіи чувствованій, называемыхъ моею жизнію*» (т. е. я сформировалъ *я*!), то оба эти понятія, *въ-силу неодолимаго содружества, возрождаются въ памяти каждымъ полученнымъ мною ощущеніемъ*», — что «моимъ *я*, субъектомъ, нитью сознанія моей жизни, я *усматриваю* каждое ощущеніе; къ объекту же, къ группѣ постоянныхъ возможностей ощущенія, я *отношу* каждое мое ощущеніе, какъ и всю нить моихъ ощущеній, нить сознанія: *къ я и не-я, къ субъекту и объекту, я отношу всѣ мои ощущенія, сознаю въ нихъ, и не иначе какъ въ нихъ, всякія мои чувствованія*».

25) Это вѣрно. Но спрашивается, чтоже здѣсь чему предшествуетъ? — *Я ли, въ нераздѣльной совокупности съ не-я, предшествуетъ каждому изъ нихъ, и ощущеніе уже послѣдуетъ возникновенію я съ не-я, или наоборотъ?* Что—начало и что продолженіе чего? Что причина и что слѣдствіе? Что производитель и что произведеніе? Что носитель и что носимое, что — субстратъ (хотя, положимъ пока, въ логическомъ, а не въ метафизическомъ смыслѣ) и что аттрибутъ? Что субстанція и что акциденція? Очевидно, что *я* есть субстанція, субстратъ, носитель, производитель, причина, начало каждаго *сознаваемаго* мною ощущенія. А ощущеніе, на-оборотъ, есть произведеніе, носимое, аттрибутъ, акциденція моего *я*, такъ-какъ, въ дѣлѣ сознанія и знанія, *я* безусловно, безъисключительно, всегда предшествуетъ всякому другому *сознаваемому* мною чувствованію, а чувствованіе также безусловно, безъ-исключительно, всегда послѣдуетъ, въ моемъ сознаніи, сознанію *я*. Точно также *не-я*, совокупность всего мнѣ внѣшняго, есть начало, причина, производитель, носитель, субстратъ, субстанція всякаго отражающагося въ моемъ ощущеніи явленія, потому-что въ моемъ сознаніи бытіе универсальной цѣльности всего мнѣ внѣшняго, всего, что есть *не-я*, всегда безусловно и безъ-исключительно предшествуетъ отраженію, въ моемъ ощущеніи и сознаніи, всякаго частнаго явленія.

26) Если же въ этихъ, необходимо вытекающихъ изъ посылокъ системы самого *Д. С. Милля*, выводахъ онъ часто сбивается такъ, что заходитъ отъ прямой дороги въ-сторону, даже прямо противополож-

ную,—то это зависитъ отъ того, что онъ вообще выглядитъ больше физіологомъ и естествовѣдомъ, чѣмъ психологомъ и философомъ. Дѣйствительно, еслибы онъ сказалъ, что, въ опытѣ пробужденія сознанія въ каждомъ дитяти, мы видимъ сначала безсознательныя ощущенія, которыя только съ теченіемъ времени группируются въ сознательное *я*, то нельзя было бы не согласиться, что это дѣйствительно такъ по взгляду физіологическому; но мы прибавили бы, что это далеко не такъ по взгляду *строго психологическому*, который онъ, *Д. С. Милль*, взялся объяснить и защитить. Такъ, вообще антропологическое естествовѣденіе свидѣтельствуетъ намъ, что, по зачатіи человѣка, возникновенію въ немъ нетолько сознанія, но и всякаго ощущенія, предшествуетъ субстратъ того и другаго, т. е. и ощущенія и сознанія, затѣмъ возникаетъ рядъ безсчисленныхъ, хотя и не сознаваемыхъ ощущеній, а наконецъ уже возникаетъ и сознаніе *я*. Но эта строго эмпирическая система развитія нашего сознанія, хотя и подтверждаетъ одну изъ посылокъ quasi—психологической теоріи *Д. С. Милля*, именно возникновеніе сознанія послѣ ощущенія, однакожъ всѣмъ своимъ строемъ радикально противоположна всему строю системы *Милля*,—потому-что указываетъ предшествующіе не-только человѣческому сознанію, но и всякому бытію въ его проявленіи, субстраты, субстанціи, законъ развитія, идею бытія, ноумены... Если же *Д. С. Милль* взялся быть строжайшимъ всѣхъ предшествующихъ философовъ психологомъ, то и долженъ быть психологомъ. Психологія же, отрѣшенная отъ физіологіи, непререкаемо свидѣтельствуетъ, что въ строѣ нашего умственнаго міра сознаніе моего *я*, отличнаго отъ всего *не-я*, предшествуетъ всякому другому частному сознанію, всякому сознаваемому ощущенію, всякому проникающему въ сознаніе явленію. Психологія свидѣтельствуетъ, что предварившій происхожденіе нашего сознанія, рядъ соприкасавшихся съ нашими нервами явленій, которыя даже отражались въ возникавшемъ ощущеніи, весь этотъ рядъ явленій и ощущеній для моего *я* не существуетъ на-столько, на-сколько не отразился въ сознаніи и не сохранился въ личномъ моемъ воспоминаніи; а какъ-скоро моя природа освѣтилась внутреннимъ свѣточемъ, на которомъ загорѣлось личное сознаніе моего *я*, съ тѣхъ, и только съ тѣхъ, поръ началось для моего *я* бытіе не-только универсально общаго *не — я*, но и всѣхъ частныхъ *не-я*, всѣхъ явленій міра, отражающихся въ моемъ ощущеніи. Психологія свидѣтельствуетъ также, что для моего *я*, подобнымъ-же образомъ, не

существуютъ всѣ ощущенія, которыя я получилъ уже и по пробужденіи сознанія, но не созналъ по обстоятельствамъ, наприм., въ состояніи глубокаго сна, въ болѣзни, въ летаргіи и т. п. Всѣ, прикасающіяся, въ подобныхъ состояніяхъ, къ моимъ нервамъ раздраженія начинаютъ для меня существовать не иначе, какъ вслѣдствіе и по мѣрѣ пробужденія возвращающагося во мнѣ сознанія.

27) Эту *дистинкцію воззрѣній, чисто психологическаго отъ физіологическаго и общаго антропологическаго*, которую *Д. С. Милль* не съумѣлъ, или лучше, какъ матеріалистъ, нигилистъ и скептикъ, не захотѣлъ выяснить себѣ,—эту дистанкцію нужно имѣть въ виду, при взвѣшиваніи каждаго изъ его утвержденій, повидимому, строго позитивныхъ и будтобы согласныхъ какъ съ психологическимъ, такъ и со всякимъ другимъ опытомъ, а въ-сущности вносящихъ путаницу въ истинное міросозерцаніе. На примѣръ, онъ спрашиваетъ: «что подразумѣваемъ мы, когда говоримъ, что воспринимаемый нами объектъ внѣшенъ намъ?»— И отвѣчаетъ такъ: «мы подразумѣваемъ подъ этимъ, что *въ нашихъ воспріятіяхъ содержится нѣчто*, что существуетъ, когда мы не думаемъ о немъ, что существовало прежде, чѣмъ мы даже помыслили о немъ, и будетъ существовать, еслибы мы даже уничтожились, — что существуютъ вещи, которыхъ мы не видали, не трогали, *не воспринимали инымъ образомъ*, вещи, которыя даже *никогда не были восприняты человѣкомъ*». Еслибы было прилично, то такое выраженіе, — а изъ такихъ выраженій составлено построеніе всей системы *Д. С. Милля*,— такое выраженіе можно бы назвать философскимъ фокусомъ, благовидной западнею, прикрытымъ капканомъ. Вѣдь кажется вѣрно? А между-тѣмъ въ этомъ выраженіи содержится прямое, даже вербальное логическое противорѣчіе: «*въ нашихъ воспріятіяхъ содержится нѣчто, никогда даже не воспринятое человѣкомъ*»! Нѣтъ, въ нашихъ воспріятіяхъ не содержится то, чего мы не воспринимали, о чемъ не думаемъ, о чемъ не мыслили, что не содержалось, когда мы не существовали, и не будетъ содержаться, когда и если мы уничтожимся; тѣмъ болѣе не содержится то, чего нетолько мы сами никогда не видали, не трогали, не воспринимали инымъ образомъ, но что даже никогда не было воспринято какимъ бы то ни было человѣкомъ. Не такъ бы должно отвѣтить на предложенный вопросъ: *что мы подразумѣваемъ, когда говоримъ, что объектъ внѣшенъ намъ*?—Должно бы отвѣчать: подразумѣваемъ, на-основаніи *непререкаемаго свидѣтельства естественнаго и необходимаго содружества всѣхъ нашихъ воспріятій*, что *внѣ насъ*

существуетъ, (а не въ воспріятіяхъ нашихъ содержится, какъ выражается *Д. С. Милль*) нѣчто, что существуетъ, когда мы не думаемъ о немъ, что существовало прежде, чѣмъ мы помыслили о немъ, и будетъ существовать, еслибы мы даже уничтожились,—что существуютъ вещи, которыхъ мы никогда не видали, не трогали, не воспринимали инымъ образомъ,—даже вещи, которыя никогда не были восприняты человѣкомъ. Такая постановка отвѣта была бы строго позитивна, строго согласна съ воззрѣніемъ нетолько психологическимъ, или физіологическимъ, но и со всякимъ строго эмпирическимъ, а въ тоже время и истинно-философскимъ. Продолжимъ далѣе подобную строго-позитивную перестановку системы *Д. С. Милля*, въ собственныхъ, только нѣсколько переставленныхъ его выраженіяхъ: внѣшній предметъ есть то, съ чѣмъ, по *непререкаемому свидѣтельству естественнаго и необходимаго содружества*, связывается идея «чего-то, что отличается отъ нашихъ скоротечныхъ впечатлѣній *прочностію*, — что болѣе или менѣе неизмѣнно и всегда остается тѣмъже самымъ, тогда-какъ наши впечатлѣнія мѣняются, — что существуетъ, не-смотря на то, извѣстно ли оно намъ, или нѣтъ». *Естественное и необходимое содружество идей* свидѣтельствуетъ далѣе, что «мои настоящія ощущенія и маловажны, и бѣглы, *а то, что внѣ меня, что имѣетъ возможность возбуждать находящуюся внутри меня возможность ощущенія, то постоянно*, — что *возможности явленій* внѣ меня связаны закономъ универсальной жизни, какъ и *внутри меня возможности ощущенія* связаны непреложными законами моего бытія,—связаны въ извѣстныя *группы явленій* и *ощущеній*,—что внѣ меня эти законы, которыми возможности явленій связываются въ опредѣленныя группы, суть то, что мы называемъ субстанціями или субстратами, носителями и причинами подлежащихъ явленій, какъ акциденцій и произведеній, равно-какъ и внутри меня законъ, связывающій всѣ мои ощущенія въ опредѣленную нить моего сознанія, есть субстанція и субстратъ нетолько каждаго изъ моихъ ощущеній, но и самого сознанія, какъ предшественникъ, какъ первоначальникъ и носитель моего сознанія, всѣхъ моихъ дѣйствительныхъ ощущеній и всѣхъ моихъ способностей къ ощущеніямъ возможнымъ. Вслѣдствіе этого, мы научаемся мыслить природу цѣлымъ, составленнымъ изъ такихъ группъ возможностей, а лежащіе въ основѣ этихъ группъ связывающіе законы научаемся мыслить субстратами, дѣятельную силу въ природѣ, проявляющеюся въ видоизмѣненіи однѣхъ изъ этихъ группъ другими, а въ-отношеніи

къ нашимъ ощущеніямъ научаемся мыслить эти группы возможностей подлинными реальностями, по-отношенію къ которымъ ощущенія суть воспроизведенія, феномены или дѣйствія. *Естественное и необходимое содружество идей* убѣждаетъ насъ, что хотя ощущенія и прекращаются, но возможности ощущеній остаются въ существованіи; онѣ независимы отъ нашей воли, нашего присутствія, — что онѣ настолько-же принадлежатъ другимъ человѣческимъ существамъ, насколько и намъ, — міръ возможныхъ ощущеній, смѣняющихъ одно другое согласно универсальнымъ законамъ, настолько-же существуетъ въ другихъ существахъ, насколько и во мнѣ. Слѣдовательно, онъ имѣетъ существованіе внѣ меня, онъ есть внѣшній міръ. *Довѣріе людей къ реальному существованію видимыхъ и осязаемыхъ предметовъ подразумѣваетъ собою и имѣетъ основаніемъ для себя общую довѣренность къ реальности и постоянству зрительныхъ и осязательныхъ ощущеній, когда никакія подобныя ощущенія въ дѣйствительности не были испытаны* (т. е. *довѣріе это, предшествуя опыту, глубоко лежитъ въ природѣ человѣка*). Куда бы мы ни шли, мы уносимъ съ собою наши ощущенія и онѣ никогда не существуютъ тамъ, гдѣ насъ нѣтъ. Но, перемѣняя наше мѣсто, мы не уносимъ съ собою постоянныя возможности ощущенія: онѣ остаются, пока мы не возвратимся; онѣ возникаютъ подъ условіями, по-отношенію къ которымъ *наше присутствіе не имѣетъ никакого значенія: онѣ существуютъ и останутся* и послѣ того, какъ мы перестали чувствовать, постоянными возможностями ощущенія для другихъ существъ. Вообще *постоянныя возможности суть существованія, генерически отличныя отъ нашихъ ощущеній, по-отношенію къ которымъ наши ощущенія суть дѣйствія*».

28) Всѣ эти положенія суть свидѣтельства нашего сознанія, наименѣе пререкаемыя, суть содружества идей самыя естественныя, порождаемыя порядкомъ нашихъ ощущеній и воспоминаній нашего ощущенія, наиболѣе необходимо пораждающія довѣріе къ существованію внѣшняго міра, наиболѣе неизбѣжное. Это суть факты внутренняго сознанія, собственные акты и настроенія нашего духа; это — сознаніе собственныхъ процессовъ нашего духа, которымъ нельзя не довѣрять, въ которыхъ нельзя сомнѣваться; это — свидѣтельство сознанія наиболѣе всеобщее и безъисключительное, наиболѣе чистое и убѣдительное; *это — приговоръ сознанія наиболѣе непосредственный,*

наиболѣе внутренній, который потому и долженъ быть принятъ со всѣхъ сторонъ, какъ рѣшеніе безъапелляціонное.

И этотъ выводъ, нетолько нашъ собственный, но и самого *Д. С. Милля*, составленный изъ собственныхъ его выраженій, тѣмъ болѣе достоинъ вѣры, что на-сторонѣ его истинности стоитъ вся школа философовъ, которую *Миллю* угодно было назвать, въ-отличіе отъ психологической, *интроспективною*; на-сторонѣ его, по словамъ самаго *Милля*, стоятъ *Кантъ, Гамильтонъ, Ридъ, Стюартъ, Кузенъ, Уэвель, Гербертъ Спенсеръ и другіе, которые принадлежность довѣрія къ нашему первобытному сознанію*, первоначальному усмотрѣнію духа, опредѣляютъ по признаку *необходимости мыслить его*. Но если самъ *Милль*, въ-сущности дѣла, такойже интроспективистъ, какъ и всѣ вышеозначенные мыслители, если и посылки, и выводы его системы согласны съ коренымъ воззрѣніемъ прочихъ интроспективистовъ,—то въ чемъже разница?

Разница между такъ-называемою психологическою теоріею самаго Милля и философіею интроспективною заключается въ томъ, что интроспективисты, по словамъ *Милля*, считаютъ *довѣріе* къ *существованію міра самымъ кореннымъ свидѣтельствомъ сознанія, самымъ начальнымъ внутреннимъ усмотрѣніемъ, самою непререкаемою аксіомою, которую необходимо мыслить такъ и нельзя мыслить* иначе,—тогда-какъ *Д. С. Миллю* угодно провозглашать *самое неизбѣжное свидѣтельство внутренняго сознанія, самое естественное содружество идей, наиболѣе необходимо порождаемое законно-универсальнымъ порядкомъ нашихъ ощущеній и воспоминаній ощущенія довѣріе къ существованію внѣшняго міра, не инымъ чѣмъ, какъ посредственнымъ продуктомъ опыта. «Довѣріе къ существованію»*,—по словамъ *Милля*,—*«только кажется непосредственно усматриваемымъ, на самомъ же дѣлѣ есть продуктъ опыта»*.

По словамъ *Милля*, то, что мы должны были *всегда, изначала имѣть довѣріе къ существованію внѣшняго міра*, вышеназванные интроспективисты доказываютъ тѣмъ, что *мы не можемъ отдѣлаться отъ него теперь*. Но этотъ *крайній послѣдній критерій истины*, заключающійся *въ необходимости мыслить что-либо такъ, а не иначе*, *Д. С. Миллю* крайне не нравится и опроверженію его Милль посвящаетъ много страницъ въ разныхъ своихъ сочиненіяхъ. Сущность же всѣхъ этихъ опроверженій заключается въ томъ его соображеніи, что «такая невозможность дѣйствительно можетъ быть необходимымъ довѣріемъ для тѣхъ, которые мыслятъ его такимъ; лично они могутъ

быть совершенно неспособны не мыслить такъ». По нашему мнѣнію, и этотъ критерій, — *критерій необходимости этого довѣрія для тѣхъ, которые не могутъ мыслить его не необходимымъ*, — какъ ни кажется онъ шаткимъ *Д. С. Миллю*, весьма важенъ, даже болѣе, безусловно обще—обязателенъ, потому-что не только мы лично, не только какіе-либо философы интроспективисты лично, но всѣ, безъ исключенія, люди здраваго ума лично неспособны мыслить довѣріе къ бытію внѣшняго міра обманомъ, фальшью: для всѣхъ здравыхъ умовъ это довѣріе есть необходимость настоящая, теперешняя, но была необходимостью и искони, какою, конечно, пребудетъ и всегда. Самъ Милль въ этомъ случаѣ не представляетъ исключенія, такъ-какъ и ему самому это довѣріе кажется «содружествомъ идей, нераздѣльнымъ съ бытіемъ, содружествомъ, внутренно усматриваемымъ, которое *естественно и даже необходимо порождается порядкомъ* нашихъ ощущеній и воспоминаній ощущенія, которое неизбѣжно порождаетъ довѣріе къ внѣшнему міру». Казалось бы, чего-же больше. Но нѣтъ; для *Д. С. Милля* этого мало. Если бы даже эта неспособность мыслить это довѣріе обманомъ чувства распространялась, какъ и дѣйствительно распространяется, «на весь человѣческій родъ, то и тогда», по словамъ *Милля*, «она могла бы быть просто слѣдствіемъ *сильнаго содруженества*, подобно *невозможности довѣрія къ антиподамъ*». Не важно для этого мыслителя то, что самъже онъ считаетъ это довѣріе содружествомъ нетолько сильнымъ, но и порождаемымъ естественно и даже необходимо, неизбѣжно. Наоборотъ, этотъ-то именно примѣръ *невозможности довѣрія къ антиподамъ*», оказавшейся возможностію, важенъ для него въ такой степени, что въ сочиненіяхъ его приводится десятки разъ въ опроверженіе интроспективнаго критерія истины, состоящаго *въ необходимости мыслить такъ и въ невозможности мыслить иначе*. При этомъ *Д. С. Милль* забываетъ, однакожъ, что слово — *антиподы* древне-греческое и что, значитъ, понятіе объ антиподахъ существовало въ древней Греціи болѣе, чѣмъ за полторы тысячи лѣтъ до открытія Америки,—забываетъ, что антиподы являлись возможностію въ греческихъ миѳахъ о загробной жизни, равно-какъ въ миѳахъ и прочихъ первобытныхъ народовъ; въ вѣрованіяхъ же христіанскихъ, да и всѣхъ прочихъ сколько-либо развитыхъ народовъ, представленіе премірнаго пребыванія горнихъ духовъ и отшедшихъ изъ этого міра человѣческихъ душъ стояло, какъ и стоитъ, беспредѣльно выше представленія какихъ-либо какъ антиподовъ, такъ и прямо вертикально стоящихъ существъ,

такъ-какъ ни одинъ сколько-либо развитой умъ никогда не смѣлъ, какъ и не смѣетъ, переносить представленія такого или другаго пространственнаго положенія въ условія премірнаго духовнаго существованія. Даже забавно, что пользующійся такою всесвѣтною извѣстностію мыслитель, каковъ *Д. С. Милль*, вводитъ такой пустѣйшій примѣръ, какъ главное, если только не единственное фактическое доказательство, въ опроверженіе обще-человѣческаго убѣжденія въ необходимости довѣрія къ бытію внѣшняго міра. «Исторія науки»,— продолжаетъ *Д. С. Милль*,—«изобилуетъ непостижимостями, которыя были побѣждены, которыя предполагались сначала необходимыми истинами, но потомъ перестали считаться необходимыми, далѣе перестали мыслиться истинными, а, наконецъ, стали считаться и вовсе невозможными». Пусть и были подобныя заблужденія человѣческаго разума въ области опыта; относительно эмпирической области это вопросъ рѣшенный, не-только со времени Канта, но и искони-вѣковъ, что опытъ не доставляетъ намъ категорическихъ, безусловно-всеобщихъ, безусловно-отрицающихъ всякое исключеніе сужденій. И самъ *Милль* съ этимъ согласенъ, утверждая въ своей Логикѣ [1]), «что единообразіе минувшихъ опытовъ далеко не составляетъ *всеобщаго признака истины*», что т. е. для всякихъ опытныхъ единообразій могутъ найтись, или, по крайнѣй мѣрѣ, могутъ мыслиться и исключенія. Это безспорно. Но объ этомъ ли рѣчь? Вопросъ въ томъ, *есть ли, не въ опытѣ, а въ разумѣ, такія основоположенія мышленія, которыя мыслятся необходимо и безусловно, которыя ни подъ какими условіями не допускаютъ ни измѣненій, ни исключеній?* Отъ *Аристотеля* до *Гегеля* наиболѣе строгая логическая мысль видѣла такія безусловныя основоположенія въ законахъ и формахъ логическаго мышленія. Самъ *Д. С. Милль* хотя и съ пренебреженіемъ отнесся къ подобной обще-человѣческой старинѣ до того, что даже не помѣстилъ въ свою Логику ученія объ извѣстныхъ основныхъ законахъ мышленія, тѣмъ не менѣе и онъ удостоилъ, какъ мы видѣли уже, провозгласить, что «*порядокъ природы единообразенъ и составляетъ основной законъ или общую аксіому*»,— что «нѣкоторые виды единообразій найдены *совершенно неизмѣнными, проникающими всю природу*»,—что «нѣкоторыя единообразія, въ мѣрѣ достовѣрности, требуемой всѣми человѣческими цѣлями, могутъ

[1]) Ч. I. 316.

быть признаны *совершенно достовѣрными и вполнѣ всеобщими*»,—что «законы чиселъ и протяженія, также законъ связи причины съ слѣдствіемъ, суть единообразія, которыя простираются *на всю человѣческую опытность, исключеніе изъ которыхъ безусловно и постоянно неимовѣрно*». Значитъ, *Д. С. Милль* допускаетъ «*истины необходимыя*», которыя *никогда не перестанутъ мыслиться истинными, а тѣмъ болѣе никогда не станутъ считаться невозможными*. Такъ въ томъ ли вопросъ: *принадлежитъ ли довѣріе къ бытію внѣшняго міра къ числу истинъ необходимыхъ?* И не въ томъ опять сущность разнорѣчія между интраспективистами и позитивистами, такъ-какъ относительно этого *Д. С. Милль* выразился положительно, что это довѣріе порождается нетолько естественно, но и необходимо, неизбѣжно. «Интроспективисты,—по его словамъ,—ошибаются въ истинныхъ условіяхъ психологическаго изслѣдованія, когда, вмѣсто того, чтобъ доказывать, что какое-нибудь довѣріе есть первоначальный фактъ сознанія, указаніемъ, что оно не могло быть пріобрѣтено, они заключаютъ, что оно не было пріобрѣтено по той, часто ложной и никогда не подтвержденной достаточно, причинѣ, что наше сознаніе не можетъ отдѣлаться отъ него теперь». Итакъ, по мнѣнію *Д. С. Милля*, интроспективисты должны доказывать, что «*довѣріе къ бытію внѣшняго міра есть первоначальный фактъ сознанія*»,—что «*оно не пріобрѣтено*»; а самъ *Милль* стоитъ на томъ, что «*довѣріе къ существованію только кажется непосредственно усматраваемымъ, на самомъ же дѣлѣ есть продуктъ опыта*». Коренная фактическая основа его міровоззрѣнія состоитъ въ томъ, что «*всякое вѣдѣніе въ человѣкѣ, даже въ своихъ основахъ, даже въ такъ-называемыхъ законахъ и формахъ мышленія, даже въ математическихъ аксіомахъ, даже въ довѣріи къ существованію внѣшняго міра, есть продуктъ опыта*».

ГЛАВА XXV.

Это предметъ уже стократно исчерпанный философами всѣхъ школъ и вѣковъ, раскрытый, полагаемъ, достаточно для непредупрежденнаго убѣжденія и нами, какъ въ предъидущемъ отдѣлѣ этой второй, такъ и въ первой части нашего изслѣдованія, гдѣ мы высказали и общій взглядъ свой на такъ-называемую *апріорность понятій, на прирожденность идей*, на *способность* человѣческаго ума имѣть *трансцен-*

дентныя, въ извѣстномъ смыслѣ, независимыя отъ внѣшняго опыта познанія, и гдѣ показали несостоятельность положительнаго доказательства теоріи *Д. С. Милля*, несостоятельность даннаго имъ изъясненія, какъ изъ ряда ощущеній возникаютъ сознаніе *я* и *не—я*, понятіе субъекта и объекта, довѣріе къ бытію внѣшняго міра и внутренней нашей личности. Возвращаться къ новому положительному раскрытію вопроса *о прирожденности основъ нашего мышленія и познанія*, съ опроверженіемъ частностей теоріи *Д. С. Милля*, было бы непростительнымъ плеоназмомъ. Тѣмъ не менѣе, чтобы основательно покончить съ этимъ вопросомъ и показать непозитивность, или даже скорѣе скептицизмъ этой quasi-позитивной теоріи, сдѣлаемъ нѣсколько относящихся къ разсматриваемому предмету выписокъ изъ сочиненій болѣе или менѣе строгихъ, даже крайнихъ позитивистовъ-физіологовъ *XVIII вѣка: Кабаниса, и XIX вѣка:—Дарвина, Дрэпера и Льюиса*. Наше идеалистическаго направленія утвержденіе будетъ стоять крѣпче, когда опрется на такіе, уважаемые въ сферѣ позитивнаго естествовѣдѣнія, авторитеты. Да и скептицизмъ теоріи *Милля* выставится рѣзче въ контрастѣ съ ученіемъ естественно-научныхъ авторитетовъ,—скептицизмъ, которому смертный приговоръ произнесенъ самимъ *Миллемъ*, въ его словахъ, что «абсолютный скептицизмъ, если еще существуетъ такая вещь, можетъ быть оставленъ безъ изслѣдованія, какъ дающій, въ концѣ концовъ, не идущій къ дѣлу результатъ, такъ-какъ, отрицая всякое знаніе, онъ не отрицаетъ никакого» [1]).

Кабанисъ [2]), какъ натуралистъ-матеріалистъ, доказываетъ ту же самую главную тему, что и *Д. С. Милль*, т. е. что «*душа есть свойство, а не существо*» [3]); слѣдовательно, въ пристрастіи къ нашей коренной идеѣ заподозрить *Кабаниса* никакъ нельзя. Тѣмъ не менѣе, приводимые имъ естественно-научные факты, для нашей цѣли, въ высшей степени важны.

«Жизнь есть рядъ движеній», пишетъ онъ, «вызываемыхъ *впечатлѣніями*, которыя получаются разными органами. *Отправленія души, или разума*, вытекаютъ изъ движеній, производимыхъ головнымъ органомъ, а движенія послѣдняго происходятъ или *отъ впечатлѣній, полученныхъ и переданныхъ въ него чувствующими оконечностями нервовъ различныхъ органовъ, или отъ впечатлѣній,*

---

[1]) Обзоръ философіи *С. В. Гамильтона*, стр. 120.

[2]) Отношенія между физическою и нравственною природою человѣка, перев. *Бибикова*, Спб. 1865 г.

[3]) Ч. I, стр. 93.

возбужденныхъ въ немъ самомъ, повидимому, непосредственно дѣйствующими на него причинами».

«*Безъ чувствительности мы не могли бы составить себѣ понятія о существованіи предметовъ внѣ насъ, не могли бы отличить и нашего собственнаго существованія, т. е. мы и не существовали бы. Но съ той минуты, какъ мы чувствуемъ, мы существуемъ. А съ тѣхъ поръ, какъ сравненіемъ ощущеній, производимыхъ однимъ и тѣмъ-же предметомъ на различные наши органы, или вѣрнѣе — сопротивленій, которыя онъ оказываетъ нашимъ побужденіямъ, мы убѣдились, что причина этихъ ощущеній лежитъ внѣ насъ, мы уже составили себѣ понятіе о томъ, что не—мы: это нашъ первый шагъ при изученіи природы*». Впослѣдствіи мы разберемъ точнѣе, что въ этомъ, весьма близкомъ къ истиному психологическому, взглядѣ на пробужденіе нашего сознанія, вполнѣ и что менѣе точно соотвѣтствуетъ дѣйствительнымъ фактамъ психической жизни.

«Если бы мы испытывали одно только ощущеніе»,—продолжаетъ *Кабанисъ*, «то и получили бы одно только понятіе; а если-бы съ этимъ ощущеніемъ соединено было какое-нибудь побужденіе, исполненіе котораго встрѣтило бы сопротивленіе, то мы узнали бы, что существуетъ что-то независимо отъ насъ; мы ничего не могли бы узнать больше. Но такъ-какъ ощущенія наши отличаются одно отъ другаго и, сверхъ того, такъ-какъ различнымъ ощущеніямъ, полученнымъ въ одномъ нашемъ органѣ, соотвѣтствуютъ, *по неизмѣннымъ законамъ*, различныя ощущенія въ другомъ, или во многихъ другихъ органахъ, — то мы убѣждаемся, что между внѣшними причинами, покрайней мѣрѣ, по-отношенію къ намъ, существуетъ такое-же различіе, какъ между нашими ощущеніями; а такъ-какъ понятія наши (стр. 95) составляютъ только *результатъ сравниваемыхъ нами ощущеній*, то *и полученныя истины могутъ быть только относительныя*, въ-зависимости отъ общаго свойства человѣческой природы воспринимать впечатлѣнія. *Притязаніе узнать самую сущность вещей есть нелѣпость, очевидная при сколько-нибудь внимательномъ наблюденіи*».

Очевидно, такимъ образомъ, что, въ общихъ выводахъ, *Кабанисъ*, столѣтіе тому назадъ, утверждалъ тоже, что въ наши дни пропагандируетъ *Д. С. Милль*. Но когда отъ общихъ выводовъ мы переходимъ къ фактамъ, на которыхъ *Кабанисъ* думаетъ утвердить свою теорію, то, съ первыхъ-же словъ его, видимъ, что онъ стоитъ на сторонѣ мысли, что *человѣческому уму многое прирождено.*

«Люди несомѣнно отличаются другъ отъ друга»,—пишетъ онъ (стр. 95)—,«*способностью чувствовать*: возрастъ, полъ, темпераментъ, болѣзни производятъ въ нихъ замѣчательныя различія. Ясно, что нѣкоторыя понятія могутъ въ разныхъ людяхъ, по-очередно, то вовсе отсутствовать, то становиться господствующими; одинъ человѣкъ можетъ быть подчиненъ впечатлѣніямъ, которыя другой едва ощущаетъ, или даже вовсе не чувствуетъ; изъ-мало сходныхъ, у различныхъ людей, впечатлѣній вытекаютъ совершенно различный образъ мыслей и неодинаковое душевное состояніе (стр. 96). Впечатлительность у людей не-только бываетъ различна, вслѣдствіе первоначальной ихъ организаціи и условій возраста

и пола, *зависящихъ исключительно отъ природы*, но еще могущественно измѣняется климатомъ и другими сколько физическими, столько же и соціальными условіями».

Развитію этой общей мысли посвящено все сочиненіе *Кабаниса*.—«Еще древніе,—пишетъ онъ—[1]), замѣтили, что *извѣстнымъ природнымъ признакамъ*, т. е. извѣстной физіогноміи, росту, тѣлосложенію, цвѣту кожи, свойствамъ тѣла, состоянію кровеносныхъ сосудовъ, *соотвѣтствуютъ*, съ нѣкоторымъ постоянствомъ, *извѣстное направленіе ума, или нѣкоторыя страсти*. Различныя системы органовъ одарены не одинаковою степенью силы, или вліянія у различныхъ людей (стр. 106): у однихъ все привлекаетъ къ себѣ мускульная система, у другихъ главную роль играютъ мозговая и нервная системы; отъ этого проистекаютъ различія не-только въ физической организаціи, но и въ нравственномъ состояніи. «*Природа саздаетъ человѣка съ опредѣленными органами и способностями* (118 стр). Если принять во вниманіе, что физическая организація передается по наслѣдству, — то всѣ аналогіи и множество фактовъ [2]) доказываютъ, что, во многихъ отношеніяхъ, *передается по наслѣдству и извѣстное направленіе мыслей, побужденій и склонностей*. Первоначальнымъ различіямъ, установленнымъ природою, какъ и видоизмѣненіямъ, вносимымъ условіями жизни въ расположеніе органовъ, соотвѣтствуютъ постоянно *различія и аналогическія видоизмѣненія въ образѣ мыслей и въ направленіи страстей*. Одни [3]) изъ мыслителей могутъ принимать, что всѣ побужденія животныхъ *составляютъ результатъ сознательнаго выбора и, слѣд., плодъ опытности*,—другіе могутъ думать, *вслѣдъ за естествоиспытателями всѣхъ вѣковъ*, что многіе изъ этихъ побужденій не могутъ быть отнесены *ни къ какому сознанію, а чаще всего образуются безъ участія воли, по инстинкту*. Не можетъ быть никакого сомнѣнія, что однѣ изъ впечатлѣній вызываются внѣшними предметами, *а другія, зарождающіяся во внутреннихъ органахъ, составляютъ результатъ внутреннихъ жизненныхъ отправленій* [4]). Многія наблюденія доказываютъ, что представленія, склонности, побужденія зависятъ не-только отъ того, что называютъ *ощущеніями, т. е. отъ раздѣльныхъ впечатлѣній, получаемыхъ собственно органами чувствъ*, но что въ нихъ принимаютъ большее, или меньшее участіе впечатлѣнія, производимыя *отправленіями многихъ внутреннихъ органовъ, а иногда, повидимому, онѣ только и зависятъ что отъ внутреннихъ органовъ*» [5]). При этомъ *Кабанисъ*, согласно со всѣми физіологами, учитъ, что «головной мозгъ и хребтовый продолговатый, равно-какъ и нервы, суть истинные или, по крайней мѣрѣ, главные органы чувства [6]). Опыты доказали, что *ощущеніе*, или, по крайней мѣрѣ, *сознаніе о немъ, происходитъ не въ окончности нерва и не въ органѣ*, на который подѣйствовала причина, вызвавшая ощущеніе, *а въ средоточіи, служащемъ источникомъ для всѣхъ нервовъ*, въ которое приходятъ всѣ впечатлѣнія. Несомнѣнно, что мы сознаемъ ощущенія въ головномъ мозгѣ, а вѣроятно также и въ хребтовомъ.

«Въ утробѣ матери [7]), животныя не получаютъ никакого ощущенія, т. е. никакого раздѣльнаго *ощущенія*, которое могло бы вызвать первое *сужденіе*. Окруженныя со всѣхъ сторонъ жидкостію, онѣ привыкаютъ къ впечатлѣнію, произ-

---

[1]) Стр. 97. [2]) Стр. 120. [3]) Стр. 124. [4]) Стр. 135. [5]) Стр. 142. [6]) Стр. 109—110. [7]) Стр. 144.

водимому ею, и не могутъ ее чувствовать. Если при движеніяхъ имъ случается быть сдавленными, то изъ этого, вѣроятно, не вытекаетъ для нихъ никакого понятія, никакого точнаго и раздѣльнаго представленія о внѣшнихъ предметахъ. Во-время [1]) этой первой эпохи, собственное существованіе дитяти ограничивается впечатлѣніями, производимыми развитіемъ органовъ, — *впечатлѣніями, которыя можно разсматривать, какъ внутреннія. Зрѣніе, слухъ, обоняніе и вкусъ еще не вышли въ немъ изъ оцѣпенѣнія, а отправленія внѣшняго сознанія, должно быть, не отличаются отъ осязанія внутренняго общаго. Тѣмъ не менѣе, уже тогда существуютъ въ животномъ побужденія и зараждаются склонности.*—Если ребенокъ бьется, въ послѣднюю эпоху беременности, если онъ двигается тѣмъ съ большимъ безпокойствомъ и постоянствомъ, чѣмъ онъ живѣе и сильнѣе,—то это происходитъ не по тому только, что ему тѣсно и неловко, но по тому, что члены его пріобрѣли извѣстную степень силы и онъ чувствуетъ необходимость въ упражненіи ихъ. Его легкія приняли значительное развитіе: количество кислорода, получаемаго съ кровью матери, уже недостаточно ему болѣе; ему необходимъ воздухъ, и онъ ищетъ его съ жаднымъ безпокойствомъ [2]). Нѣкоторые факты показываютъ, что это *внутреннее существованіе, независимое отъ впечатлѣній, производимыхъ внѣшними предметами,* необходимо для плодотворнаго развитія органовъ, для пріобрѣтенія ими наибольшей чувствительности. Случалось сохранять жизнь преждевременно рожденнаго ребенка, окружая его условіями, приближающимися къ условіямъ природы, т. е. завертывая его въ мягкія пеленки, поддерживая въ нихъ температуру, равную температурѣ человѣческаго тѣла, и необходимую степень влажности и пропуская ему въ ротъ по нѣсколько капель студенистой жидкости. Дѣти, жизнь которыхъ сохранена была такимъ образомъ, оставались въ нѣкотораго рода оцѣпенѣніи до девятаго мѣсяца; по наступленіи же его, къ общему удивленію, онѣ начинали дѣлать движенія, какъ-будто имъ дѣйствительно предстояло родиться». Здѣсь-же у *Кабаниса* [3]) представлены и примѣры подобныхъ искусственныхъ рожденій, чѣмъ доказывается, что въ самой природѣ, при отсутствіи личнаго сознанія, лежитъ *знаніе* того, что рождающемуся существу нужно дѣлать.

«Когда ребенокъ появится на свѣтъ, когда онъ дышетъ, когда дѣйствіе внѣшняго воздуха доставляетъ его органамъ болѣе энергіи, дѣятельности и правильности, то онъ начинаетъ настоящую новую жизнь. *Съ этой уже минуты явственно выражаются въ немъ склонности, зависящія отъ его личной природы, т. е. отъ его организаціи и отъ свойствъ его чувствительности.* Эти склонности обнаруживаютъ въ себѣ *явное послѣдствіе тѣхъ таинственныхъ отправленій*, которыя воспитывались *въ глубокой тишинѣ* (еще въ матерней утробѣ), *направляющими ихъ законами.* Въ самомъ дѣлѣ, прежде чѣмъ ребенокъ началъ сравнивать новыя, осаждающія его толпою, впечатлѣнія, *онъ имѣетъ уже вкусы, побужденія, склонности,* онъ употребляетъ всѣ свои крошечныя средства, чтобы выразить ихъ и удовлетворить имъ. Онъ ищетъ грудь матери, онъ тискаетъ ее своими слабыми ручонками, чтобы выдавить питательную жидкость, онъ умѣетъ уже схватить и сосать ее. Въ глазахъ естествоиспытателя, всегда будетъ достойно удивленія то, что *существо, совершающее такія сложныя движенія, никогда не училось и не пробовало ихъ*

---

[1]) Стр. 145. [2]) Стр. 146. [3]) Стр. 146, 147.

дѣлать. Но что заслуживаетъ еще большаго удивленія, такъ это *существованіе всѣхъ* [1]) *этихъ душевныхъ движеній, которыя такъ быстро слѣдуютъ одно за другимъ и выражаются съ такимъ простодушіемъ на лицѣ ребенка*. Между-тѣмъ-какъ слабые мускулы рукъ и ногъ его едва умѣютъ еще дѣлать нѣсколько неопредѣленныхъ движеній, мускулы лица уже выражаютъ раздѣльными движеніями, не смотря на ихъ несравненно большую сложность, почти *весь строй общихъ душевныхъ движеній, свойственныхъ человѣческой природѣ; — и внимательный наблюдатель легко отличитъ, по этой картинѣ, характеристическія черты будущаго человѣка*».

«*Гдѣ искать причинъ* этого сложнаго умѣнья, этихъ склонностей, слагающихся изъ столькихъ различныхъ побужденій? *Гдѣ искать источника* этихъ душевныхъ движеній? *Разумѣется, не въ новыхъ, столь смутныхъ, впечатлѣніяхъ, производимыхъ внѣшними предметами. Извѣстно, что обонянія, собственно говоря, еще не бываетъ у новорожденныхъ, — что вкусъ ихъ, хотя и развитъ нѣсколько болѣе, едва существуетъ у нихъ,—что ухо ихъ почти ничего не слышитъ,— что зрѣніе ихъ неопредѣленно и не имѣетъ ни малѣйшей точности*. Доказано самыми несомнѣнными фактами, что нѣсколько мѣсяцевъ они не имѣютъ [2]) еще никакого понятія о разстояніи. Осязаніе есть единственное чувство, доставляющее имъ раздѣльныя представленія, вѣроятно, вслѣдствіе того, что оно хотя сколько-нибудь упражнялось ими въ утробѣ матери. Но *понятія*, доставляемыя этими неопредѣленными отправленіями единственнаго чувства, весьма ограниченны и весьма смутны. Разумѣется, онѣ не могутъ вызвать внезапно цѣлый рядъ такихъ разнообразныхъ и сложныхъ выраженій, какія мы читаемъ въ лицѣ ребенка. Мы имѣемъ, стало быть, право утверждать, что *во внутреннихъ впечатлѣніяхъ, въ ихъ симпатическихъ сочетаніяхъ, въ ихъ непрерывающемся дѣйствіи во все время беременности, слѣдуетъ искать источника какъ побужденій, обнаруживающихся въ самую минуту рожденія, такъ и этой игры физігноміи, которою ребенокъ умѣетъ уже выражать ихъ, равно-какъ, наконецъ, и вызываемыхъ ими склонностей. Въ этомъ основномъ положеніи не можетъ быть никакого сомнѣнія*».

Въ жизни новорожденныхъ животныхъ *Кабанисъ* указываетъ «другіе психическіе факты, которые точно такъ же объясняются ихъ особенною организаціею. Птицы большаго семейства *куриныхъ* ходятъ тотчасъ по выходѣ изъ яйца; онѣ проворно бѣгутъ за зерномъ и клюютъ, не дѣлая ошибокъ относительно зрѣнія: это доказываетъ, что онѣ не-только умѣютъ управлять мускулами ногъ, но *имѣютъ и вѣрное сознаніе о каждомъ своемъ движеніи*,—что онѣ также хорошо пользуются своими глазами, какъ точно судятъ и о разстояніи [3]). Многія четвероногія рождаются съ закрытыми глазами; онѣ не могутъ отыскать себѣ пищу, т. е. сосцы своей матери, иначе, какъ при содѣйствіи обонянія и осязанія. Но эти чувства одарены у нихъ необыкновенною остротою. Щенки и котята чувствуютъ издали приближеніе матери и никогда не смѣшиваютъ ее съ другимъ животнымъ той-же породы и того-же пола. Случается, что *котенокъ вытягиваетъ уже шею и тянется къ соску, между-тѣмъ-какъ задъ его и ноги не успѣли еще освободиться изъ рукава матки*», *чему Кабанисъ* самъ былъ личнымъ свидѣтелемъ. Всѣ эти

[1]) Стр. 148. [2]) Стр. 149. [3]) 150.

факты въ высшей степени заслуживаютъ удивленія [1]). Дѣлая наблюденія надъ различными породами животныхъ, *Галлеръ* много разъ замѣчалъ, что новорожденныя овцы и козы, тотчасъ по выходѣ изъ утробы, отправляются за матерью на значительное разстояніе, *прежде чѣмъ опытъ могъ научить ихъ употребленію ногъ, или дать имъ сознаніе, что только мать въ-состояніи удовлетворить ихъ первымъ потребностямъ*. *Галліенъ*, извлекши козленка, вскрытіемъ, изъ утробы матери, положилъ предъ нимъ различныя травы, между которыми случайно былъ и ракитникъ. Обнюхавъ травы, козленокъ презрительно отворачивался отъ нихъ, пока не наткнулся на ракитникъ, который немедленно сталъ жевать своими слабыми челюстями. Количество фактовъ, которые не подлежатъ сомнѣнію и даютъ тотъже результатъ, почти также велико, какъ количество видовъ низшихъ животныхъ: животныя огромнаго числа этихъ видовъ, особенно въ классѣ насѣкомыхъ, производятъ множество сложныхъ движеній, которымъ *никто не училъ ихъ и примѣра которымъ онѣ никогда не видѣли*. Весьма часто онѣ порываются къ нѣкоторымъ движеніямъ прежде, чѣмъ послѣднія вызваны ихъ потребностями [2]). Эти результаты *внутреннихъ впечатлѣній, получаемыхъ животными въ періодъ ихъ утробной жизни*, совершенно рѣшительны и убѣдительны: *они не составляютъ результата ни опыта, ни сознанія, ни выбора, основанныхъ на системѣ органовъ внѣшнихъ чувствъ*».

«По мѣрѣ того, какъ животныя [3]) развиваются, *природа научаетъ* ихъ употребленію новыхъ органовъ. Животное нерѣдко пытается воспользоваться услугами даже такой части тѣла, которая не получила еще надлежащей степени развитія, а иногда даже прежде ея существованія: молодыя птицы шевелятъ своими крыльями, лишенными еще перьевъ и едва покрытыми нѣжнымъ пухомъ. И *нельзя сказать, чтобы онѣ дѣлали это только слѣдуя наставленію или примѣру матери, потому-что* и *выведенныя искусственно обнаруживаютъ тотъ-же самый инстинктъ*. Козлята и ягнята, играя, стараются ударить другъ друга рогами, которыхъ еще не имѣютъ. *Всѣ эти склонности, разумѣется, нельзя объяснить ни опытностію, ни сознаніемъ*. Время [4]), предшествующее воспроизведенію, открываетъ намъ въ животныхъ рядъ дѣйствій, еще болѣе непостижимыхъ. Птицы и четвероногія, въ періодъ оплодотворенія, уже приготовляютъ гнѣзда для будущихъ новорожденныхъ. Тогда птицы приступаютъ сами собою къ самымъ хитрымъ сооруженіямъ, *никогда не учившись ни у кого*,—потому-что птенцы, выведенные искусственно и воспитанные въ клѣткахъ, тоже вьютъ гнѣзда въ періодъ любви. Во всѣ [5]) времена и во всѣхъ странахъ, форма этихъ построекъ неизмѣнна для каждой породы; она наилучшимъ образомъ приспособлена къ сохраненію и удобствамъ птенцовъ, къ климату и къ различнымъ опасностямъ, которыя могутъ угрожать. Ясно, такимъ образомъ [5]), что *побужденія*, совокупность которыхъ обозначается словомъ: *инстинктъ*, точно также какъ и *вызываемыя ими представленія, должны быть приписаны внутреннимъ впечатлѣніямъ, составляющимъ необходимое послѣдствіе различныхъ животныхъ отправленій*. Ясно, что одушевленныя существа [6]) получаютъ *впечатлѣнія, не-только вызываемыя внѣшними предметами, дѣйствующими на органы чувствъ*, но, по ходу жизни, по развитію поддерживающихъ ее отправленій [7]), по разнымъ причинамъ, дѣйству-

[1]) 151. [2]) Стр. 152. [3]) Стр. 153. [4]) 154. [5]) 155. [6]) 172. [7]) 173.

ющимъ *на чувствительность внутреннихъ частей, получаютъ еще другія впечатлѣнія, на которыя внѣшній міръ не оказываетъ непосредственнаго вліянія.*

На-основаніи такихъ соображеній, *Кабанисъ* дѣлитъ впечатлѣнія чувства [1]): *1) на впечатлѣнія, получаемыя внѣшними органами чувствъ, 2) на впечатлѣнія, свойственныя внутреннимъ органамъ, и 3) впечатлѣнія, раждающіяся непосредственно въ глубинѣ самой нервной системы.* Подъ *внутреннимъ чувствомъ Кабанисъ* разумѣетъ всѣ отправленія чувства, не принадлежащія собственно такъ-называемымъ внѣшнимъ органамъ чувствъ [2]). И затѣмъ, многими соображеніями, *Кабанисъ* доказываетъ, что, «еще прежде своего появленія на свѣтъ, зародышъ получаетъ уже въ утробѣ матери [3]) *множество впечатлѣній*, изъ которыхъ уже тамъ образовались въ немъ *цѣлые ряды стремленій;* тамъ уже онъ усвояетъ *привычки*, испытываетъ *позывы*, имѣетъ уже *побужденія*. Эти впечатлѣнія и эти стремленія вовсе не ограничены узкою сферою одного или нѣсколькихъ органовъ. Образовавшись мало-по малу въ общихъ системахъ органовъ, онѣ дѣлаются общими для всего организма. Изъ нихъ-то и вытекаютъ привычки, склонности, побужденія, появленіе которыхъ можетъ быть объяснено только дѣятельностію всего нервнаго аппарата и совокупность которыхъ составляетъ *первоначальный инстинктъ. Въ минуту рожденія, мозговое средоточіе ребенка заключаетъ въ себѣ уже множество впечатлѣній:* оно вовсе не *tabula rasa. Правда, эти впечатлѣнія почти всѣ внутреннія, и, разумѣется, головной мозгъ есть tabula rasa относительно внѣшняго міра. Но не можетъ быть, чтобы ощущенія, побужденія и сужденія, появляющіяся послѣ рожденія, были внѣ зависимости отъ предшествовавшаго состоянія зародыша.* Достаточно немногихъ соображеній, чтобы убѣдиться въ этомъ. 1) *Характеръ и даже родъ ощущеній находится* [4]) *въ-зависимости отъ общаго состоянія нервной системы. 2) Частныя привычки различныхъ органовъ, или составъ органовъ, связанныхъ тѣсною симпатіей съ головнымъ мозгомъ, не могутъ не оказывать вліянія на его отправленіе. 3) Направленіе мыслей и даже характеръ ихъ, до нѣкоторой степени, всегда обусловливаются предшествовавшими побужденіями,—и огромное число сужденій исключительно зависитъ отъ склонностей».* *Кабанисъ* доказываетъ, что «зародышъ въ утробѣ матери уже [5]) получаетъ понятіе *о сопротивленіи, о посторонихъ тѣлахъ и о себѣ самомъ*, потому-что онъ производитъ движенія, ограничиваемыя облекающими его оболочками; онъ имѣетъ потребность и желаніе, т. е. волю производить эти движенія. Для пріобрѣтенія же *сознанія* зародышу достаточно уже ощущеній благосостоянія и неловкости, попытокъ продлить первое и прекратить вторую». Согласно съ *Д. С. Миллемъ* и другими естествовѣдами новѣйшаго времени, *Кабанисъ* полагаетъ, что «для полученія ощущенія отъ встрѣченнаго сопротивленія присутствіе посторонихъ тѣлъ вовсе не необходимо, потому-что вѣсъ нашихъ собственныхъ членовъ и необходимая для приведенія ихъ въ движеніе мускульная сила должны неизбѣжно привести *самосознаніе* въ то положеніе, *изъ котораго вытекаетъ понятіе о посторонихъ предметахъ.* Такимъ образомъ, по мнѣнію *Кабаниса*, *въ головномъ мозгу зародыша существуютъ уже первые слѣды основныхъ поня-*

---

[1]) 217. [2]) 218. [3]) Ч. II, стр. 287. [4]) 288. [5]) 279.

тій, которыя должны, мало-по-малу, развиваться отношеніями его ко всему видимому міру и дѣйствіемъ предметовъ на нервныя его оконечности. *Головному мозгу новорожденнаго знакомы уже сознаніе и воля: въ немъ*, стало быть, *существуютъ уже слабыя понятія*, а возвращеніе ихъ и повтореніе уже вызвало побужденія. *Съ этой точки зрѣнія*,»—утверждаетъ *Кабанисъ*,—«слѣдуетъ отправляться для аналитическаго изслѣдованія разсудочныхъ отправленій, съ цѣлію захватить ихъ дѣйствительное первоначальное происхожденіе. Зародышное состояніе и развитіе, во многихъ отношеніяхъ, общее для цѣлыхъ классовъ животныхъ, видоизмѣняется въ породахъ *общими различіями въ организаціи*, а въ недѣлимыхъ—особенностями, *зависящими отъ организаціи отца и матери. Отъ этихъ вліяній находятся и во всю жизнь будутъ находиться въ зависимости способъ отправленія чувствительности, возникающія сужденія, привычки и стремленія.* Тѣмъ не менѣе, таинственные и первоначальные законы, созидающіе, еще въ утробѣ матерней, эти стремленія нараждающагося человѣка», по мнѣнію Кабаниса, «*останутся на вѣчныя времена предметомъ размышленія для мудреца* [1]).

Такимъ образомъ, у *Кабаниса* мы находимъ слѣдующіе выводы, основанные на физіологическихъ фактахъ: 1) что ощущеніе и сознаніе о немъ происходитъ не въ оконечности нерва и не въ органѣ внѣшняго чувства, на который подѣйствовала причина, вызвавшая ощущеніе, а въ средоточіи, которое служитъ источникомъ для всѣхъ нервовъ, въ которые приходятъ всѣ впечатлѣнія, — 2) что мы чувствуемъ и сознаемъ ощущенія въ головномъ и въ хребтовомъ мозгу, — 3) что впечатлѣнія чувствъ дѣлятся на три рода: а) на впечатлѣнія, получаемыя внѣшними органами чувствъ, б) впечатлѣнія свойственныя внутреннимъ органамъ и в) впечатлѣнія раждающіяся непосредственно въ глубинѣ самой первной системы, — 4) что отправленія чувствительности, возникающія склонности и сужденія человѣка организуются подъ вліяніями общей организаціи рода и частной организаціи отца и матери, — 5) что, въ минуту рожденія, мозгъ ребенка заключаетъ въ себѣ уже множество впечатлѣній, — и не можетъ быть, чтобы ощущенія, побужденія и сужденія, появляющіяся послѣ рожденія, были внѣ зависимости отъ предшествовавшаго состоянія зародыша, — 6) что въ головномъ мозгу зародыша существуютъ уже первые слѣды основныхъ понятій, слѣды сознанія и воли, хотя и смутныхъ, — 7) проявленія же такъ-называемаго инстинкта въ ребенкѣ, а особенно въ новорожденныхъ животныхъ, обнаруживаютъ въ нихъ знанія, которыя получены ни какъ не изъ опыта, — 8) что,

[1]) 284.

еще въ матерней утробѣ, у зародыша составляются понятія о сопротивленіи, о постороннихъ тѣлахъ, о себѣ самомъ,—9) что первичныя основныя понятія, инстинктивныя побужденія и вызываемыя ими представленія должны быть приписаны внутреннимъ впечатлѣніямъ, составляющимъ необходимое послѣдствіе различныхъ жизненныхъ отправленій,— 10) что результаты внутреннихъ впечатлѣній, получаемыхъ еще въ періодъ утробной жизни, совершенно рѣшительны и убѣдительны, не составляя результата ни сознанія, ни выбора, ни опыта, основанныхъ на системѣ органовъ внѣшнихъ чувствъ,— что 11) вообще одушевленныя существа получаютъ впечатлѣнія, которыя вызываются не-только внѣшними предметами, дѣйствующими на органы чувствъ, но, по ходу жизни, по развитію поддерживающихъ ее отправленій, по разнымъ причинамъ, дѣйствующимъ на чувствительность внутреннихъ частей, получаютъ еще другія впечатлѣнія, на которыя внѣшній міръ не оказываетъ непосредственнаго вліянія.— Оказывается, такимъ образомъ, по *Кабанису*, что *человѣкъ получаетъ, кромѣ внѣшнихъ впечатлѣній, и внутреннія и носитъ въ себѣ представленія прирожденныя.*

Нужны ли, послѣ этихъ, сколько простыхъ, столько-же и глубокомысленныхъ, хотя и односторонне гилозоистическихъ [1]), соображеній естествовѣда-позитивиста прошлаго, XVIII вѣка, выписки изъ соображеній *Дарвина*, подобнаго-же естествовѣда-позитивиста нашего времени?

Извѣстно, что вся система *Дарвина* основана на наслѣдственной передачѣ потомкамъ выработанныхъ, милліонами вѣковъ, способностей и склонностей въ предкахъ. Его теорію развитія цѣлаго аппарата нервной системы, въ главныхъ чертахъ, можно прослѣдить въ изложеніи его соображеній относительно спеціальнаго развитія зрительнаго нерва и глаза. По мнѣнію *Дарвина* [2]), «глазъ съ его неподражаемыми аппаратами [3]) для приспособленія къ разнымъ разстояніямъ, къ разнымъ количествамъ свѣта, для поправленія сферической и хроматической аберрацій, могъ сложиться *въ-силу естественнаго подбора*». *Дарвинъ* [4]) подозрѣваетъ, что всякій ощущающій нервъ можетъ сдѣлаться чувствительнымъ къ свѣту, а тѣмъ болѣе къ тѣмъ грубымъ

[1]) Это слово сложное изъ двухъ греческихъ словъ: υλη, вещество, и ζωη, жизнь.
[2]) *Дарвина*, О происхожденіи видовъ перев. *Рачинскаго*, Москва, 1865 года.
[3]) Стр. 150. [4]) Стр. 151.

колебаніямъ воздуха, которыя производятъ звукъ. Устроеніе глаза въ рукахъ творческой природы *Дарвинъ* смѣло сравниваетъ съ устроеніемъ телескопа руками разумнаго человѣка. «Если сравнивать», — пишетъ онъ [1]),—«глазъ съ оптическимъ инструментомъ, то мы должны представить себѣ толстый слой прозрачной ткани, съ полостями, наполненными жидкостію, и подъ ними нервъ, чувствительный къ свѣту. Далѣе мы должны представить себѣ силу (*естественный подборъ*), тщательно подбирающую въ глазахъ всякое видоизмѣненіе, могущее, при разныхъ обстоятельствахъ, въ какой-либо мѣрѣ, служить къ произведенію болѣе яснаго изображенія. Должны представить себѣ, что каждое новое состояніе инструмента *воспроизводится въ милліонъ экземпляровъ* и что каждый изъ нихъ сохраняется, пока не возникнетъ лучшій инструментъ, при чемъ всѣ старые уничтожаются. *Въ живыхъ организмахъ уклоненіе производитъ видоизмѣненія, зарожденіе размножаетъ ихъ до безконечности, а естественный подборъ* выхватываетъ, съ безошибочною точностію, всякое улучшеніе. *Пусть этотъ процессъ продлится милліоны и билліоны лѣтъ*».... и. т. д.—Подобнымъ же образомъ, по теоріи *Дарвина*, объясняется развитіе и другихъ органовъ чувствъ, равно-какъ и всей нервной системы. По словамъ его, «*психологія пріобрѣла теперь новое основаніе въ необходимости постепеннаго, путемъ естественнаго подбора и наслѣдственной передачи, пріобрѣтенія всякой умственной силы или способности*» [2]). По его теоріи, основные законы бытія вещей суть: «развитіе и воспроизведеніе, необходимо связанная съ воспроизведеніемъ наслѣдственность, измѣнчивость, обусловленная прямымъ или косвеннымъ дѣйствіемъ жизненныхъ условій, а также дѣятельностію и бездѣйствіемъ органовъ, и прогрессія размноженія, которая ведетъ къ борьбѣ за существованіе, а, слѣд., и *къ естественному подбору*, съ которымъ неразрывно расхожденіе признаковъ» и т. д.

Мы не раздѣляемъ убѣжденій *Дарвина* относительно сущности его теоріи. Тѣмъ не менѣе нельзя не признать дѣйствительными нѣкоторыхъ изъ приводимыхъ имъ фактовъ и уважительными очевидныхъ изъ нихъ выводовъ. А къ такимъ фактамъ и выводамъ нельзя не отнести, разумѣется, съ осмотрительными ограниченіями, основоположенія его ученія, именно, что: 1) воспроизведеніе и необходимо связанная съ нимъ наслѣдственность есть законъ бытія,—что 2) не-только въ об-

[1]) Стр. 153. [2]) Стр. 168.

ласти всякаго органическаго бытія, но и въ кругѣ явленій психическихъ, путемъ наслѣственной передачи пріобрѣтается умственная сила или способность, и что 3) эта сила наслѣдственно передается не въ-видѣ только не формулированной способности къ умственной дѣятельности, но въ-видѣ способности, уже обставленной готовыми, не только основными, но нерѣдко даже развитыми до подробностей, формулами этой дѣятельности, какъ въ животномъ царствѣ, такъ и въ человѣческомъ родѣ.

Такъ, касаясь умственныхъ способностей животныхъ, *Дарвинъ* подъ именемъ *инстинкта* разумѣетъ «дѣйствіе, которое совершается животнымъ, въ-особенности молодымъ, *безъ всякаго предварительнаго опыта*, и притомъ совершается многими особями *безъ всякаго знанія его цѣли* [1])! Метафизики сравнивали инстинктъ съ привычкою. Это сравненіе, по мнѣнію *Дарвина*, даетъ очень вѣрное понятіе объ умственномъ настроеніи, въ которомъ совершаются инстинктивныя дѣйствія. Если предположимъ, что привычка передалась *наслѣдственно*, — *а можно доказать, что это случается*, — тогда сходство между инстинктомъ и тѣмъ, что первоначально было привычкою, станетъ столь близкимъ, что провести раздѣляющую черту невозможно. Но мы впали бы въ значительное заблужденіе, предположивъ, что большая часть инстинктовъ пріобрѣтена въ-видѣ привычекъ, въ-теченіи одного поколѣнія, и затѣмъ передалась наслѣдственно поколѣніямъ послѣдующимъ [2]). Никакой сложный инстинктъ не можетъ сложиться, путемъ естественнаго подбора, иначе, какъ чрезъ *медленное и постепенное накопленіе* многочисленныхъ, легкихъ, но полезныхъ, уклоненій». *Дарвинъ* приводитъ [3]) «множество любопытныхъ и достовѣрныхъ примѣровъ *наслѣдственности всѣхъ оттѣнковъ въ нравѣ и вкусахъ, а также самыхъ странныхъ повадокъ*. Молодыми животными, по наблюденію *Дарвина*, инстинктивныя дѣйствія совершаются [4]) *безъ всякаго предварительнаго опыта* и почти одинаково каждою особью, — совершаются каждою породою охотно, безъ всякаго понятія объ ихъ цѣли». Въ подтвержденіе этого *Дарвинъ* проводитъ множество примѣровъ. «Молодой пойнтеръ (особенная порода собаки), — пишетъ онъ, — также мало можетъ знать, что онъ помогаетъ своему хозяину, дѣлая стойку, какъ и бѣлая бабочка, почему она кладетъ яйца на капусту. Волки одной породы, еще молодые и не пріученые, останавливаются какъ вкопан-

[1]) Стр. 169. [2]) Стр. 172. [3]) 386. [4]) Стр. 173.

ные, почуявъ добычу, а затѣмъ медленно ползутъ впередъ съ особыми ухватками; а волки другой породы обѣгаютъ стадо. Никто бы никогда не вздумалъ, да и не смогъ бы, выучить турмана (особенная порода голубя) кувыркаться,—дѣйствіе, которое совершается и молодыми птицами, отъ-роду не видавшими кувыркающагося голубя [1]). Молодые цыплята утратили совершенно, въ-силу наслѣдственной привычки, тотъ страхъ собакъ и кошекъ, который первоначально, безъ сомнѣнія, былъ въ нихъ инстинктивенъ, точно также, какъ онъ, очевидно, инстинктивенъ въ молодыхъ фазанахъ, хотябы высиженныхъ курицею. Можно заключить, что инстинкты домашнихъ животныхъ сложились отчасти по упаслѣдованной привычкѣ, отчасти чрезъ подборъ и накопленіе человѣкомъ, въ-теченіи многихъ послѣдовательныхъ поколѣній, особаго умственнаго склада и повадокъ». Есть инстинкты и у человѣка, хотя «у человѣка,» — по словамъ *Дарвина* [2]),— «инстинктовъ менѣе, чѣмъ у ближайшихъ къ нему животныхъ [3]). Многіе изъ простѣйшихъ инстинктовъ граничатъ съ рефлективными движеніями и съ трудомъ могутъ быть отдѣлены отъ нихъ, наприм., сосаніе дѣтей; болѣе же сложные инстинкты зараждаются, кажется, независимо отъ ума. Касательно [4]) наслѣдственной передачи умственныхъ качествъ мы имѣемъ множество примѣровъ между собаками, лошадьми и другими животными: несомнѣнно, переда̀ются между ними понятливость, храбрость, добрый и дурный нравъ, и т. д. У людей мы видимъ подобные-же факты почти въ каждомъ семействѣ; даже геніальность, которая есть не иное что, какъ богатое сочетаніе *высшихъ способностей, способна передаваться потомству,—а съ другой стороны, достовѣрно, что бываютъ наслѣдственны въ семействахъ безуміе и различныя помраченія умственныхъ способостей.* И, очевидно, такое измѣненіе способностей находится въ-зависимости отъ условій, которымъ видъ, или родъ, подвергался въ-продолженіи нѣсколькихъ поколѣній».

---

[1]) Стр. 174. [2]) Происхожденіе человѣка, соч. *Дарвина*, перев. *Благосвѣтлова*, Спб. 1871 г. [3]) Стр. 44. [4]) Стр. 155.

ГЛАВА XXVI.

Прирожденность или, что тоже, наслѣдственная передача между людьми не-только инстинктивныхъ знаній, но и умственнаго склада, полнѣе, шире и ближе къ здравой психологіи раскрывается въ Физіологіи человѣка Д. В. Дрэпера.

«Нѣтъ сомнѣнія», разсуждаетъ въ своей Физіологіи человѣка *Д. В. Дрэперъ* [1]), «что оба родителя принимаютъ участіе въ сообщеніи своему ребенку тѣхъ, или другихъ, отличительныхъ качествъ [2]). Это вліяніе родителей проявляется въ сообщеніи ребенку *и болѣе утонченныхъ, свойственныхъ имъ, особенностей*, производя сходство въ походкѣ, фигурѣ, тѣлодвиженіяхъ и даже *въ умственныхъ качествахъ* и фамильныхъ чертахъ,—сходство, которое встрѣчается намъ ежедневно. Отпечатокъ вліянія родителей гораздо болѣе глубокъ, чѣмъ можно было бы предположить съ перваго раза. Это доказывается и тѣмъ фактомъ, что въ третьемъ поколѣніи проявляются такія особенности, которыя принадлежатъ прародителямъ, хотя во второмъ и не встрѣчаются. Мы замѣчаемъ тѣсную *связь умственныхъ способностей* [3]) *съ тою, или другою степенью тѣлеснаго развитія*. Нужна очень небольшая опытность, чтобы, съ перваго взгляда, отличить человѣка умнаго отъ глупаго и опредѣлить самые незначительные оттѣнки характера, по выраженію лица. Мы постоянно обращаемся къ началамъ френологіи и физіогномики и составляемъ заключенія о характерѣ человѣка, по выраженію глазъ, по очертанію всей фигуры, по внѣшнему виду головы. Въ-теченіи процесса *умственнаго развитія человѣка* [4]), въ немъ постепенно возникаютъ различныя *убѣжденія и вѣрованія, которыя часто приписываются воспитанію и преданію, дошедшему до человѣка отъ его родителей, но истинное начало которыхъ, безъ сомнѣнія, должно искать въ человѣческой организаціи. Тѣ общія идеи, которыя распространены по цѣлому свѣту, между всѣми человѣческими племенами*,—каковъ бы ни былъ климатъ, въ которомъ живутъ люди, каковы бы ни были ихъ соціальное положеніе или религіозныя мнѣнія,—*идеи о добрѣ и злѣ, о добродѣтели, о дѣйствительности раскаянія и молитвы, о наградахъ и наказаніяхъ въ загробной жизни*,—такія идеи, одинаково существующія во всѣ вѣка и во всякой странѣ, *составляютъ слѣдствіе самыхъ свойствъ нашей мозговой организаціи*. Такъ, напримѣръ, противъ ученія [5]) объ уничтоженіи души всегда возставалъ весь родъ человѣческій, и если *подобныя всеобщія впечатлѣнія происходятъ болѣе отъ физической организаціи человѣка*, чѣмъ путемъ преданія, то не будетъ несправедливо сказать, что *ученіе о смерти души несовмѣстно съ самой организаціей человѣка*. Каково бы ни было соціальное положеніе человѣка,—варварское, или цивилизованное,—каковы бы ни были образъ жизни,

---

[1]) Переводъ подъ редак. *Дедюлина*, Спб. 1868.
[2]) Ч. III стр. 147. [3]) 163. [4]) 166. [5]) 147.

форма религіи, наконецъ, климатъ,—признаніе посмертнаго существованія души столь всеобще, что *оно можетъ быть названо однимъ изъ органическихъ догматовъ нашей природы.* Мы можемъ утвердительно сказать, что умъ человѣческій должно много пріучать, обольщать и принуждать для того, чтобъ онъ усвоилъ себѣ противоположное воззрѣніе; но и тогда сомнительно, чтобъ оно удержалось надолго. Нельзя не признать здраваго [1]) основанія въ заключеніи, къ которому родъ человѣческій пришелъ *путемъ простаго инстинктивнаго впечатлѣнія.* Для вѣрованія въ существованіе безсмертнаго духа мы [2]) имѣемъ тоже самое основаніе, какое и для убѣжденія въ существованіи внѣшняго міра. Оба эти явленія принадлежатъ къ одному порядку. Что видимый міръ будетъ существовать, какъ и существовалъ, независимо отъ насъ, въ этомъ мы не сомнѣваемся».

Посвятивъ много страницъ разсужденію о томъ, что вліяніе внѣшнихъ физическихъ агентовъ [3]) дѣлаетъ сильное впечатлѣніе на характеръ людей, даже на развитіе анатомическихъ особенностей у разныхъ народовъ [4]), *Дрэперъ* за тѣмъ доказываетъ, что самыя *«умственныя особенности народовъ происходятъ въ-сущности отъ особенностей анатомическихъ».* Нѣтъ сомнѣнія»,—утверждаетъ онъ,—«что интеллектуальныя качества проявляются въ выраженіи лица и вмѣстительности черепа. Нельзя читать исторію Европы и Азіи, нельзя разсматривать настоящее положеніе этихъ материковъ, не придя къ заключенію [5]), что народы, населяющіе ихъ, обладаютъ различными складами ума. Дѣйствія человѣка имѣютъ такую *связь съ его организаціей, что всеобщую исторію можно признать только главою физіологіи. Признано всѣми,* что между тѣлеснымъ развитіемъ и историческою жизнію существуетъ связь,—что какъ тѣ расы, которыя шли впереди по пути цивилизаціи, такъ и тѣ, которыя остаются еще въ дикомъ состояніи, характеризуются рѣзкими анатомическими особенностями, касающимися преимущественно величины и степени развитія ихъ мозговыхъ полушарій. Такіе общіе выводы подтверждаются наблюденіями и надъ животными породами. Животный инстинктъ есть способность, которая не можетъ развиваться [6]) и которою, однакожъ, обладаетъ каждый индивидуумъ *не вслѣдствіе опыта и подражанія. Строеніе, отправленіе организма и теченіе исторической жизни неразрывно между собою связаны.* Перемѣнѣ въ жизненныхъ привычкахъ у животныхъ всегда предшествуетъ перемѣна въ нервной системѣ [7]). Прогрессъ цивилизаціи въ Европѣ сопровождался абсолютной физіологической перемѣной въ ея обитателяхъ» [8]). Въ тоже время, *Дрэперъ* утверждаетъ, что «человѣкъ вездѣ сформированъ по одному и томуже существенному типу, и потому, съ одной стороны, онъ дѣйствуетъ по неизмѣннымъ правиламъ; но этотъ типъ, въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи, переходитъ много различныхъ формъ, *и потому*, съ другой стороны, *человѣкъ проявляетъ различія въ своихъ рѣшеніяхъ и стремленіяхъ».* *Дрэперъ* многими соображеніями доказываетъ, что «умственныя способности человѣка измѣняются съ формой и величиной его мозга. Видоизмѣненія физическихъ обстоятельствъ должны соотвѣтственно видоизмѣнять *и умственныя наши операціи, образъ нашего мышленія и нашего дѣйствія.*

[1]) 177. [2]) 178. [3]) 209. [4]) 252. [5]) 253. [6]) 274. [7]) 282. [8]) 286.

Эти обстоятельства [1]) имѣли видимое значеніе относительно образованія спеціально мозговой и, слѣд., умственной организаціи у цѣлыхъ расъ и націй, въ-теченіи многихъ поколѣній. При этомъ не должно, однакожъ, забывать, что существуетъ *общій принципъ, вездѣ служащій подкладкою разнообразныхъ человѣческихъ стремленій и рѣшеній,—принципъ, отъ котораго никто не можетъ освободиться.* Его можно различить въ глубинѣ даже самыхъ несходныхъ между собою дѣйствій, подобно тому, какъ мы можемъ открыть основной типъ нашей организаціи въ самыхъ разнообразныхъ формахъ. Такъ-какъ, *вслѣдствіе сходства въ устройствѣ мозговаго аппарата, дѣйствія людей представляютъ однообразіе,* когда совершаются подъ вліяніемъ одинаковыхъ причинъ или побужденій,— то существуетъ сходство между такими дѣйствіями не-только у различныхъ лицъ, но оно замѣчается при сравненіи и націи съ націей, и расы съ расой [2]). *Логика истины вѣчна по тому, что она выражаетъ собою способъ дѣйствія нашего мозговаго аппарата, типъ котораго никогда не измѣняется».*

Такія заявленія физіолога *Дрэпера* о зависимости инстинктовъ, склонностей и даже основныхъ убѣжденій человѣка отъ организаціи, передаваемой по наслѣдству, сколько ясны, столькоже и рѣшительны. За-тѣмъ прослѣдимъ *взгляды на тотъ-же епредметъ Льюиса,* который принадлежитъ на-столькоже къ числу физіологовъ, на-сколько и философовъ, защищая въ философіи крайнія ультра-позитивныя, или, лучше сказать, ультра-эмпирическія воззрѣнія.

«Мозгъ вообще считается единственнымъ органомъ души», пишетъ *Льюисъ* [3]), «единственнымъ центромъ ощущенія и мышленія,—что не вполнѣ основательно. Между-тѣмъ чувствительность [4]) есть свойство, присущее узловой системѣ нервовъ, вообще есть сила, принадлежащая всѣмъ нервнымъ центрамъ, какъ нервность принадлежитъ всѣмъ нервамъ. Чувствилищу или мѣсту чувствительности мы даемъ такое-же большое [5]) пространство, какъ нервнымъ центрамъ. Душа не ограничивается недѣлимою точкою, но *присутствуетъ* [6]), въ одно и тоже время, *во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нервы берутъ свое начало, т. е. въ большей части головнаго и спиннаго мозга.* Всѣ нервные центры одарены чувствительностію [7]). Чувства сами не чувствуютъ, потому-что не замѣчаютъ; только *головной мозгъ имѣетъ это преимущество*[8]), потому-что онъ замѣчаетъ. Имѣть ощущеніе и сознавать его—одно и тоже [9]); но имѣть ощущеніе и обратить на него вниманіе—двѣ вещи разныя. Вниманіе есть только направленіе сознанія, но не само сознаніе. Никакое ощущеніе не оканчивается въ себѣ самомъ: оно должно разрѣшить свое возбужденіе или во вторичное ощущеніе, или въ импульсъ движенія; большею частію, то и другое появляется вмѣстѣ. Одно чувство возбу-

---

[1]) 288. [2]) 289.

[3]) Физіологія обыденной жизни, *Льюиса,* перев. *Трейтера и Смирнова,* Москва, 1866 г., (Т. II, стр. 40).

[4]) 53. [5]) 69. [6]) 70. [7]) 74. [8]) 78. [9]) 79.

ждаетъ посредствомъ рефлекса другое, одна идея вызывается другою [1]). *Привычки, idées fixes и всѣ такъ-называемыя автоматическія дѣйствія основаны на стремленіи всякаго ощущенія разрѣшиться легчайшимъ путемъ.* Когда мы учимся говорить на какомъ-нибудь новомъ языкѣ, или играть на какомъ-нибудь новомъ иструментѣ, или производить какія-нибудь непривычныя [2]) движенія, мы чувствуемъ большія затрудненія, потому-что путь, чрезъ который должны проходить ощущенія, еще не проложенъ; но какъ-скоро частое повтореніе проложитъ дорогу, то препятствія устраняются; дѣйствія будутъ тогда такъ машинальны, что будутъ выполнены, если даже духъ нашъ занятъ чѣмъ-нибудь другимъ, и тогда, разъ начатыя, онѣ продолжаются уже сами собою. Этоже самое можно наблюдать и въ области идей: кто-нибудь можетъ сегодня совершенно убѣдиться въ логикѣ противника, а завтра онъ-же будетъ проводить старыя убѣжденія,—его духъ можетъ двигаться только по старому пути. *Сознаніе* [3]), въ общемъ смыслѣ слова, есть общая сумма всѣхъ нашихъ чувствованій, стокъ многихъ потоковъ ощущенія; сознаніе, въ особенномъ смыслѣ, есть только другое названіе чувствительности,—при чемъ нѣкоторые изъ стекающихся потоковъ такъ слабы, что ихъ даже трудно замѣтить, какъ звѣзды при дневномъ свѣтѣ,—а другіе такъ равномѣрны и постоянны, что привлекаютъ наше вниманіе не ранѣе, какъ нарушится этотъ потокъ. Всѣ ощущенія, добытыя какъ внѣшними чувствами, такъ и внутренностями, группируются въ мозгу, соединяются, измѣняются и переработываются, какимъ-то таинственнымъ образомъ, въ идеи [4]). Опыты показали, что *ощущенія возбуждаются въ центрахъ, къ которымъ принадлежатъ нервы чувства; эти центры снова возбуждаютъ чувствительность большаго центра (большаго мозга), съ которымъ они состоятъ въ связи.* Эти *рефлективныя* или вторичныя ощущенія вызываютъ другія ощущенія (рядъ представленій) и рефлективно дѣйствуютъ на органы движенія [5]). Ощущеніе представляетъ исходную точку впечатлѣній и представленій, инстинктовъ и душевныхъ движеній, умственной и нравственной дѣятельности [6]). Писатели, которые не понимаютъ разности между чувствительностью и особливыми ея формами, признаютъ за ощущенія только *ощущенія пяти органовъ* чувствъ, да ощущенія боли [7]). *Но должно помнить, что есть разнаго рода ощущенія, которыя раздѣляются на двѣ, ясно различныя, группы: 1) ощущенія внѣшняго чувства и 2) системныя (внутреннія). Старая философская поговорка, что въ умѣ нѣтъ ничего, что не было бы прежде въ чувствахъ, можетъ быть, не точна вслѣдствіе неточнаго употребленія слова «чувства». Мышленіе можно считать формою мозговой чувствительности, опредѣляемой соотношеніями мозга съ узлами спеціальныхъ чувствъ, — а душевныя движенія разсматриваются, какъ форма мозговой чувствительности, которая опредѣляется соотношеніями съ узлами внутреннихъ ощущеній* [8]). Внутренности суть главнѣйшій источникъ душевныхъ возбужденій также, какъ органы чувства считаются главнѣйшимъ источникомъ представленій. *Весь организмъ есть сложный органъ, который служитъ* [9]) *душѣ подобно внѣшнимъ чувствамъ, т. е. подобно тому, какъ органы пяти чувствъ*

---

[1]) 82. [2]) 83. [3]) 91, [4]) 113. [5]) Стр. 123. [6]) Стр. 128—129. [7]) Стр. 97. [8]) Стр. 130. [9]) Стр. 149.

служатъ для доставленія идей, такъ и организмъ, при извѣстныхъ условіяхъ, служитъ для развитія извѣстныхъ состояній души.

Вмѣстѣ съ *Кабанисомъ* и *Льюисъ* учитъ, что «произвольныя [1]) движенія существуютъ уже у зародыша прежде, чѣмъ возможно представленіе о томъ, что совершается вслѣдствіе произвольнаго движенія. Зародышъ двигаетъ свои члены не для достиженія какой-нибуть цѣли, но по тому, что можетъ ихъ двигать. *Свѣдѣнія* о перемѣнахъ положенія, вызываемыхъ извѣстными движеніями, *пріобрѣтаются мало-по-малу, чрезъ посредство самыхъ-же движеній. Чрезъ это происходитъ соединеніе извѣстныхъ ощущеній съ извѣстными движеніями въ темномъ сознаніи.* Въ чувствилищѣ [2]) новорожденнаго дитяти есть побужденіе къ сосанію; дитя начинаетъ сосать, когда сосокъ кладется между губами. Это, можетъ быть, совершается вслѣдствіе рефлективной дѣятельности; но что дитя продолжаетъ сосать, пока чувствуетъ ощущеніе голода, и перестаетъ только тогда, когда ощущеніе исчезло, это уже дѣйствіе произвольное. По всей животной жизни, начиная съ самой низшей ступени ощущающихъ существъ, проводится это свойство сознательности и дѣйствуетъ какъ средство упрочить свое сущсствованіе.

«Чувствительность [3]) есть общее свойство всякаго животнаго организма. Это общее свойство спеціализируется по мѣрѣ того, какъ обособляется и осложняется въ своемъ строеніи самъ организмъ. Моллюскъ чувствуетъ; но очень сомнительно, чувствуетъ ли онъ боль; еще сомнительнѣе, чувстуетъ ли онъ щекотанье. Его чувство зрѣнія, вѣроятно, недалеко ушло отъ простаго различенія свѣта отъ темноты; его чувство слуха, вѣроятно, не слишкомъ выше способности ощущать колебанія воздуха. Да и между людьми есть многіе, которые не могутъ отличить красный цвѣтъ отъ голубаго; другіе не могутъ явственно различать запахъ и вкусъ; иные едва могутъ прослѣдить мелодію; одни чрезвычайно щекотливы, другіе нисколько; многіе крайне чувствительны къ боли, другіе очень мало.

«*Не легко точно отвѣтить на вопросъ: сколько у насъ чувствъ?* Всмотрѣвшись въ дѣло, убѣждаемся, что число *пять* для чувствъ или слишкомъ мало, или слишкомъ велико: одинъ и тотъ-же органъ представляетъ большое различіе ощущеній, если на него дѣйствуютъ разнородные стимулы. Если мы спросимъ: сколько имѣемъ мы различныхъ, спеціальныхъ ощущеній?,—то отвѣтъ будетъ, что ихъ *не пять*, а, вѣроятно, *пять дюжинъ* [4]). Каждый знаетъ, что мы чувствуемъ впечатлѣніе въ чувствилищѣ, которому передаетъ это впечатлѣніе нервъ; тѣмъ не менѣе, мы относимъ это впечатлѣніе къ опредѣленному мѣсту на кожѣ [5]). Ощущенія, которыя фактически чувствуются въ центрѣ, непремѣнно относятся къ поверхности. Дитя учится локализировать впечатлѣнія [6]). Ощущенія *нашихъ внутренностей* отдѣляются отъ нервныхъ центровъ и представляются внѣшними для чувствующаго организма. Когда мы прижмемъ зрительный нервъ, то является лучъ свѣта *предъ* глазомъ; если прижмемъ слуховой нервъ, то слышимъ звуки *извнѣ*; паціентъ постоянно чувствуетъ ощущенія *въ пальцахъ отнятой руки, или ноги.* Для объясненія такихъ явленій, *вмѣсто всякой анатомической причины, здѣсь нужно искать причину психологическую* [7]). Хотя то [8]) *объективное нѣчто*, что мы назы-

---

[1]) Стр. 199. [2]) Стр. 200. [3]) Стр. 259. [4]) Стр. 233. [5]) Стр. 268. [6]) Стр. 270. Стр. 505. [7]) Стр. 293. [8]) Стр. 296.

ваемъ *свѣтомъ*, касается всей поверхности тѣла и производитъ въ ней, у многихъ животныхъ, очень замѣтные признаки чувствительности, однакожъ оно только въ сѣтчатой оболочкѣ глаза можетъ возбудить то *специфическое ощущеніе*, которое мы называемъ *зрѣніемъ*. Впрочемъ, и эти изображенія на сѣтчатой оболочкѣ *не могутъ передаваться душѣ какъ изображенія: передается ощущеніе, а не изображеніе*. Происхожденіе изображенія на сѣтчатой оболочкѣ [1]) есть предшественникъ ощущенія зрѣнія, между-тѣмъ само изображеніе не передается головному мозгу; окисленіе летучаго вещества предшествуетъ ощущенію обонянія,— но это окисленіе не передается головному мозгу; разрушеніе ткани, предшествующее ощущенію жженія, не передается мозгу: во всѣхъ этихъ случаяхъ передается только возбужденное ощущеніе. Первоначальное [2]) дѣйствіе лучей солнца на черный пигментъ состоитъ въ томъ, чтобы возвысить его температуру до такой степени, которая находилась бы въ соотвѣтственномъ отношеніи къ ихъ напряженности и цвѣту; этимъ мѣстнымъ нарушеніемъ температуры начинается актъ зрѣнія. Мы не можемъ [3]) полагать, что видимъ самые предметы; наши ощущенія зрѣнія суть просто возбужденныя состоянія нашего чувствующаго организма. Почему двумя глазами, направленными на одинъ предметъ, мы видимъ только одно изображеніе, а не два? Если у насъ два глаза и не двойное зрѣніе, то у насъ также два уха и двѣ ноздри, а все-же одинъ [4]) слухъ и одно обоняніе. Достаточно простой ссылки на такіе факты, чтобы *оставить въ-сторонѣ всѣ анатомическія и оптическія объясненія; причина должна быть здѣсь психологическая* и притомъ общая всѣмъ чувствамъ. Также психологическій, а не оптическій, вопросъ: почему предметы не представляются нашему зрѣнію [5]) въ обратномъ видѣ, когда изображеніе предмета на сѣтчатой оболочкѣ получается въ обратномъ видѣ? Къ тому-же роду явленій [6]) относится и то, что нѣкоторые люди оказываются совершенно *неспособными отличить красный цвѣтъ отъ зеленаго, или чернаго, когда предметы этихъ трехъ цвѣтовъ положены рядомъ*. На каждые 18 человѣкъ приходится по одному, болѣе или менѣе страдающему этою цвѣтовою слѣпотою; а нѣкоторые неспособны къ воспріятію извѣстныхъ звуковъ. Какая разница между музыкальнымъ и немузыкальнымъ ухомъ? Немузыкальное ухо почти неспособно [7]) различать два звука, разнящіеся между собою только въ высотѣ: крикъ летучей мыши такъ высокъ и рѣзокъ, что для многихъ особъ не слышенъ и лежитъ внѣ ихъ звуковыхъ предѣловъ; нижайшій тонъ, слышный еще человѣческому уху, тотъ, при которомъ дѣлаются 32 колебанія въ секунду; высшій слышный тонъ тотъ, при которомъ совершается 48000 колебаній въ секунду.

«Физіологи и психологи странно пренебрегали обширнымъ классомъ ощущеній *системнаго сознанія* [8]), *говоря о душѣ, какъ о простомъ результатѣ дѣятельности пяти чувствъ*. Самый поразительный примѣръ этого можно видѣть въ пресловутой статуѣ *Кондильяка*, которая одаряется пятью чувствами послѣдовательно, при чемъ съ каждымъ чувствомъ постепенно развивается болѣе и болѣе совершенная душа. Въ этой уродливой гипотетической статуѣ представлено только наглядное развитіе понятія, что душа есть комбинація пяти чувствъ.

---

[1]) Стр. 300. [2]) Стр. 301. [3]) 305. [4]) 306. [5]) 307. [6]) 261. [7]) 309.

Но душа есть психическая сторона жизни и на-столько-же сумма всего чувствующаго организма, на-сколько жизнь есть сумма всего живаго организма. *Никто не имѣетъ права отвергнуть тотъ фактъ, что кромѣ ощущеній, получаемыхъ нами чрезъ посредство пяти чувствъ, существуетъ еще обширный классъ ощущеній, получаемыхъ нами чрезъ посредство мускуловъ и внутренностей, ощущеній не менѣе специфичныхъ, не менѣе важныхъ, чѣмъ ощущенія глаза, или уха. Это возможно доказать и притомъ съ такою строгою точностію, какъ существованіе зрѣнія и вкуса.*

Наконецъ, по словамъ *Льюиса*, «физіологія говоритъ намъ [1]), что потомокъ, всегда и необходимо, наслѣдуетъ свою организацію отъ родителей; а если организація передается наслѣдственно, то съ ней должны переходить и ея способности и наклонности. Даже самыя легкія особенности передаются наслѣдственно [2]). Мы знаемъ весьма частые примѣры наслѣдственности *пьянства, или страсти къ игрѣ* [3]). Наклонности къ извѣстнымъ порокамъ, переходя наслѣдственно, проявляются даже въ тѣхъ случахъ, когда ранняя смерть родителей, или отдаленіе отъ нихъ дѣтей, въ самомъ раннемъ ихъ возрастѣ, не допускаютъ предположенія, что эти наклонности привились къ дѣтямъ воспитаніемъ, или вслѣдствіе подражанія родителямъ. Что наклонность къ воровству передается, вмѣстѣ съ организаціей, отъ отца къ сыну, въ цѣлыхъ поколѣніяхъ, это фактъ. Убійство, какъ и таланты, могутъ быть также свойственны цѣлымъ семействамъ. Всякому также извѣстно, что предрасположеніе къ сумасшествію и нервнымъ болѣзнямъ передается наслѣдственно [4]). Все, сказанное о наслѣдственности цѣлой организаціи, можетъ быть одинаково приложено и къ отдѣльнымъ ея частямъ, каковы: *нервная система, система питанія* и т. п. [5]). Оба родителя передаютъ свои организаціи, и вліяніе одного изъ нихъ измѣняетъ вліяніе другаго. Поразителенъ примѣръ семейства *Баховъ*, въ которомъ музыкальныя способности были болѣе или менѣе распредѣлены между *тремя стами Баховъ*, сыновьями весьма разнохарактерныхъ матерей. На-основаніи подобныхъ фактовъ, *Льюисъ* выводитъ слѣдующія важныя положенія: *мы наслѣдуемъ отъ нашихъ родителей общія формы и черты, общее строеніе костей, мускуловъ и желѣзъ*, при чемъ наслѣдуемое бываетъ смѣсью, или распредѣленіемъ органовъ обоихъ родителей. *Съ наслѣдованіемъ организаціи, къ намъ переходятъ и ея наклонности: мы наслѣдуемъ расположеніе къ золотухѣ, падучей болѣзни и сумасшествію; мы наслѣдуемъ нервную систему точно также, какъ мускульную и костную; а съ нервною системою къ намъ переходятъ и ея общія и частныя свойства, т. е. общая чувствительность системы, форма мозга и чувствительныхъ узловъ. Слѣд., ясно, что всѣ тѣ наклонности, которыя зависятъ отъ нервной системы, также могутъ быть переданы наслѣдственно; могутъ перейти по наслѣдству даже спеціальныя способности, каковы: способность къ музыкѣ, къ математикѣ, остроуміе и т. п. Понятно, что отъ родителей набожныхъ можетъ перейти, по наслѣдству* [6]), *и склонность къ набожности, потому-что обусловливавшая ее особенность организаціи можетъ быть передана ребенку».*

---

[1]) 335. [2]) 337. [3]) 342. [4]) 345. [5]) 355. [6]) 361.

Такимъ образомъ, у *Льюиса*, какъ одного изъ представителей позитивнаго взгляда на вещи, мы получаемъ очень много выводовъ, совершенно совпадающихъ съ тѣмъ, что сказано нами, въ первой части нашего изслѣдованія, о *прирожденности инстинктовъ, понятій и идей*, какъ и вообще о познавательной способности человѣка. Въ-короткѣ эти выводы суть слѣдующіе: 1) душа присутствуетъ во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ нервы берутъ свое начало, т. е. въ большей части головнаго и спиннаго мозга;—ощущенія возбуждаются въ центрахъ, къ которымъ принадлежатъ нервы чувства; эти центры снова возбуждаютъ чувствительность большаго центра, большаго мозга, съ которымъ они состоятъ въ-связи; эти вторичныя рефлективныя ощущенія вызываютъ другія ощущенія (рядъ представленій) и рефлективно дѣйствуютъ на органы движенія. 2) Хотя всѣ нервные центры одарены чувствительностью, какъ всѣ нервы одарены нервностью, однакожъ чувства сами не чувствуютъ, потому-что не замѣчаютъ;—только головной мозгъ имѣетъ это преимущество замѣчать ощущенія.—3) Имѣть ощущеніе и сознавать его—одно и тоже: сознаніе, въ общемъ смыслѣ слова, есть общая сумма всѣхъ нашихъ чувствованій, стокъ многихъ потоковъ ощущенія; въ особенномъ смыслѣ, сознаніе есть только другое названіе чувствительности.—4) Чувствительность есть общее свойство всякаго животнаго организма; всѣ нервные центры одарены чувствительностью; весь организмъ есть сложный органъ, который служитъ душѣ подобно внѣшнимъ чувствамъ; т. е. подобно тому, какъ органы пяти чувствъ служатъ для доставленія идей, такъ и весь организмъ, при извѣстныхъ условіяхъ, служитъ для развитія извѣстныхъ состояній души.—5) Это общее свойство чувствительности всякаго животнаго организма спеціализируется по мѣрѣ того, какъ обособляется и осложняется въ своемъ строеніи самый организмъ, такъ-что лѣстница животныхъ организмовъ, отъ низшаго до высшаго, представляетъ постепенную градацію развитія чувствъ.—6) Не легко отвѣтить на вопросъ, сколько чувствъ у человѣка; одинъ и тотъ-же органъ представляетъ большое различіе ощущеній, если на него дѣйствуютъ разнородные стимулы; спеціальныхъ ощущеній мы имѣемъ не пять, но гораздо больше.—7) Разнаго рода ощущенія раздѣляются, однакожъ, на двѣ, ясно различаемыя группы: ощущенія внѣшняго чувства и системныя—внутреннія; старая философская поговорка, что *въ умѣ нѣтъ ничего, что не было бы прежде въ чувствахъ*, можетъ быть не

точна, вслѣдствіе неточнаго употребленія слова «чувства»; физіологи и психологи странно пренебрегали обширнымъ классомъ ощущеній системнаго сознанія, говоря о душѣ, какъ о простомъ результатѣ дѣятельности пяти чувствъ; никто не имѣетъ права отвергать тотъ фактъ, что, кромѣ ощущеній, получаемыхъ нами чрезъ посредство пяти чувствъ, существуетъ еще обширный классъ ощущеній, получаемыхъ нами чрезъ посредство мускуловъ и внутренностей, ощущеній не менѣе специфичныхъ, не менѣе важныхъ, чѣмъ ощущенія глаза, или уха.—8) Внутренности суть главнѣйшій источникъ душевныхъ возбужденій для развитія извѣстныхъ состояній души, подобно тому, какъ органы пяти чувствъ служатъ для доставленія идей и представленій. Впрочемъ, всѣ ощущенія, добытыя какъ внѣшними чувствами, такъ и внутренними, группируются въ мозгу, соединяются, измѣняются и перерабатываются, какимъ-то таинственнымъ образомъ, въ идеи,—такъ-что мышленіе можно считать формою мозговой чувствительности, опредѣляемой соотношеніями мозга съ узлами спеціальныхъ чувствъ, а душевныя движенія суть формы мозговой чувствительности, опредѣляемыя соотношеніями съ узлами внутренностныхъ нервовъ.—9) Самыя внѣшнія чувства больше суть внутреннія, чѣмъ внѣшнія, потому-что чувства сами не чувствуютъ; ощущенія возбуждаются въ центрахъ;—мы чувствуемъ впечатлѣніе въ чувствилищѣ, которому передаетъ это впечатлѣніе возбуждающій нервъ.—10) То, что мы относимъ собственно внутреннее впечатлѣніе къ опредѣленному мѣсту на кожѣ, локализируемъ ощущеніе,—что внутреннія ощущенія, отдѣляясь отъ нервныхъ центровъ, представляются внѣшними для чувствующаго организма,—что душѣ и головному мозгу передается только специфическое ощущеніе, а не изображеніе предмета въ глазу, не окисленіе летучаго вещества въ обоняніи, не дрожаніе воздушной волны въ звукѣ и т. п.,—что, при двухъ глазахъ, ушахъ, ноздряхъ, у насъ не двойные—зрѣніе, слухъ и обоняніе,—всему этому должно искать причину психологическую, оставивъ всякія объясненія анатомическія, оптическія, акустическія и т. п.—11) Никакое ощущеніе не оканчивается въ себѣ самомъ, разрѣшая свое возбужденіе или во вторичное ощущеніе, или въ импульсъ движенія; одно чувство возбуждаетъ посредствомъ рефлекса другое, одна идея вызываетъ другую.—12) Привычки, idées fixes и всѣ такъ-называемыя автоматическія дѣйствія основаны на стремленіи всякаго ощущенія разрѣшиться легчайшимъ путемъ. — 13) Зародышъ, уже во чревѣ

матери, получаетъ множество ощущеній, дѣлаетъ произвольныя движенія и комбинируетъ извѣстныя ощущенія съ извѣстными движеніями въ темномъ сознаніи.—Наконецъ 14), по свидѣтельству физіологіи, потомокъ всегда и необходимо наслѣдуетъ свою организацію отъ родителей; съ унаслѣдованіемъ же организаціи, мы наслѣдуемъ и ея наклонности, наслѣдуемъ нервную систему, а съ нею къ намъ переходятъ и ея какъ общія, такъ даже и частныя свойства, общая чувствительность системы, форма мозга и чувствительность узловъ,—слѣдовательно, всѣ тѣ наклонности, которыя зависятъ отъ нервной системы, даже спеціальныя способности, каковы: способность къ музыкѣ, математикѣ, остроумію, набожности и т. п.,—все это можетъ быть передано наслѣдственно.

ГЛАВА XXVII.

Физіологія не оставляетъ, такимъ образомъ, ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что человѣкъ рождается на свѣтъ съ наслѣдованнымъ отъ родителей организмомъ, съ наслѣдственною нервною системою, съ прирожденнымъ, въ извѣстную сторону направленнымъ, чувствилищемъ, съ готовымъ снарядомъ душевныхъ, умственныхъ и нравственныхъ, способностей и склонностей, иначе сказать,—*съ прирожденными формами душевной дѣятельности*, съ обильнымъ запасомъ ощущеній, накопившихся уже въ зародышѣ, во чревѣ матернемъ, съ зерномъ сознанія, которое уже тамъ проявило первую стадію своего развитія и пустило, въ опредѣленныхъ законами природы формахъ, свой ростокъ.

Это—безмѣрно странное явленіе, что въ наше время не-только западно-европейскіе скептики матеріалисты и quasi — позитивисты, но и русскіе философствующіе мыслители, даже воспитанные на доктринахъ богословскихъ, склонны мыслить человѣческую душу, въ первоначальномъ ея происхожденіи, какъ tabulam rasam, на которой впослѣдствіи только опытъ чертитъ уже тѣ или другіе образы,—склонны принимать старинное присловіе: in intellectu nihil fit, quod non ante fuerit in sensu, въ самомъ ригористическомъ его смыслѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ проводить и то убѣжденіе, что въ умѣ нашемъ нѣтъ никакихъ прирожденныхъ εἴδος-овъ, никакихъ вложенныхъ въ душу *идей*

или формъ мышленія, какъбы боясь, или скорѣе стыдясь, говорить о прирожденности даже законовъ мышленія. Это—какое-то интеллектуальное повѣтріе нашего времени, общее мозговое пораженіе, какая-то философская мода, обязывающая почти принудительно, но странная почти столькоже, сколько и другія низшихъ сферъ моды, которыя заставляютъ видѣть удобство, красоту и обязательное приличіе въ обычаяхъ, стремленіяхъ и привязанностяхъ, осуждаемыхъ классическимъ вкусомъ и здравою гигіеною, исторіею, а нерѣдко и моралью, такъ-что мыслящимъ людямъ, во всѣ вѣка, приходилось, какъ и въ нашъ вѣкъ особенно приходится, задаваться вопросомъ: къ чему выдумана, для чего общепринята та или другая житейская безсмыслица, вопреки разсудку и наперекоръ стихіямъ»?! Говоря о прирожденности душѣ нашей законовъ и формъ ея бытія и дѣятельности, можно спорить о томъ, *какъ понимать эту прирожденность*, равнокакъ недоумѣвать и о томъ, *что именно нашей душѣ прирождено; но отрицать самую прирожденность невозможно.* Самъ *Д. С. Милль* только непослѣдователенъ, когда отрицаетъ прирожденность въ нашей душѣ чего бы то ни было, даже законовъ мышленія; на самомъ же дѣлѣ, эту прирожденность онъ implicite допускаетъ, такъ-какъ обойти, минуть ее, ни подъ какимъ видомъ не возможно. «Ничто не обнаруживается внѣшнимъ чувствомъ»,—пишетъ *Д. С. Милль* [1]),—«помимо ощущеній; эти ощущенія связаны *нѣкоторымъ закономъ*». Спрашивается: гдѣ же лежитъ этотъ законъ? *Д. С. Милль* отвѣчаетъ: «этотъ связывающій законъ составляетъ *часть порядка, установленнаго во вселенной*». Значитъ ли это, что этотъ законъ лежитъ во внѣшней природѣ? Здравый общечеловѣческій смыслъ отвѣчаетъ: *да*, этотъ законъ начертанъ въ природѣ внѣшней, какъ и въ природѣ человѣческаго духа; но, по теоріи *Д. С. Милля*, должно выходить, что этотъ законъ долженъ быть только *въ природѣ духа*, такъ-какъ о бытіи природы и законахъ ея, внѣ нашего ощущенія, мы не знаемъ ничего. «Тѣло»,—говоритъ *Д. С. Милль*,—«не есть что-либо отличное отъ производимыхъ имъ въ насъ ощущеній, но совокупность ощущеній, соединенныхъ *по опредѣленному закону*». А этотъ законъ гдѣ опять? По теоріи *Милля*, нигдѣ больше, какъ въ природѣ нашего духа.—«Предметы суть не что иное, какъ наши ощущенія и *связывающіе ихъ законы*» [2]). Но гдѣ же, спрашивается, эти законы? По теоріи

[1]) Логика, 1, 72. [2]) 74.

Милля, нигдѣ больше, какъ въ нашихъ ощущеніяхъ.—«Безопасно признать за очевидную истину, что о внѣшнемъ мірѣ мы не знаемъ и не можемъ знать ничего, кромѣ получаемыхъ нами отъ него ощущеній, связанныхъ *извѣстнымъ закономъ*: это зависитъ *отъ природы и законовъ непосредственнаго знанія*» [1]); въ этихъ словахъ уже ясно и буквально допускаются *Миллемъ природные законы непосредственнаго знанія*. Въ своемъ *обзорѣ философіи С. В. Гамильтона*, *Д. С. Милль* устанавливаетъ *критерій истины* [2]), говоритъ о законахъ психологіи, провозглашаетъ неоспоримыми «психологическія истины, что человѣческій духъ способенъ къ ожиданію» [3]),—иначе сказать, что въ человѣческомъ духѣ лежитъ этотъ *законъ ожиданія*, равно-какъ въ немъ-же начертаны и *законы ассоціаціи или содружества идей*, которые кладутся въ основу всей нашей умственной дѣятельности; такъ-какъ состоявшіяся на-основаніи этихъ законовъ «содружества идей порождаются порядкомъ нашихъ ощущеній и воспоминаній, то ощущенія естественно и даже необходимо и неизбѣжно порождаютъ довѣріе къ внѣшнему міру [4])». Въ своей Логикѣ, *Д. С. Милль* пространно разсуждаетъ о законахъ природы, которые, по его теоріи, всѣ суть не иное что, какъ прирожденные законы нашего духа.—«Предложеніе: что порядокъ природы однообразенъ», — пишетъ *Д. С. Милль* въ Логикѣ [5]),—«составляетъ основной законъ, или общую аксіому»; а единообразіями бытія природы образовались единообразія умственной дѣятельности нашего духа. Если же на вопросъ: «въ чемъ состоитъ основаніе нашей вѣры въ аксіомы», *Д. С. Милль* отвѣчаетъ: «*онѣ—истины опытныя, обобщенія изъ наблюденія*» [6]), — и затѣмъ продолжаетъ разъяснять свою мысль соображеніями, подобными нижеслѣдующему, что «предложеніе: *двѣ прямыя линіи, встрѣтившіяся однажды, уже не могутъ вновь встрѣтиться*,—предложеніе это есть наведеніе изъ свидѣтельства нашихъ внѣшнихъ чувствъ»,—что «если, кромѣ представляемаго наблюденіемъ, мы не найдемъ какого-либо иного доказательства такой невозможности, то у насъ уже *не будетъ никакого основанія вѣрить этой аксіомѣ*», такъ-какъ «непосредственно за послѣднею точкою, до которой мы прослѣдили двѣ встрѣтившіяся, и расходящіяся прямыя линіи, *онѣ могутъ начать сближаться и, наконецъ, встрѣтиться*» [7]),—что «*всѣ числа должны быть числами чего-либо: такихъ вещей, какъ отвлеченныя числа, не существуетъ*» [8]),

[1]) 77—78. [2]) 120. [3]) 180 [4]) 182. [5]) Ч. I. 357. [6]) Логика Ч. I, стр. 275. [7]) 278. [8]) 302.

—то, прочитавъ цѣлые томы пера *Д. С. Милля*, наполненные подобными соображеніями его головы, только изумляешься тому, что подобнаго писателя могли признать не-только серьезнымъ мыслителемъ, но и главою философской школы, и даже больше того,—моднымъ вождемъ философскихъ воззрѣній вѣка. А между-тѣмъ и самъ онъ, повидимому, не желаетъ, чтобы мы придавали серьезное значеніе его словамъ, по крайней мѣрѣ, самъ онъ не придаетъ серьезности вышеприведеннымъ своимъ словамъ, что и видно изъ слѣдующихъ, сряду тамъже, строкъ, начертанныхъ егоже собственною рукою: «но хотя числа должны быть числа,—должны быть числами чего-либо, однакожъ, онѣ могутъ быть числами всего; поэтому предложенія относительно чиселъ представляютъ ту *замѣчательную особенность, что* онѣ суть *предложенія относительно всѣхъ, какихъ бы то ни было, вещей, относительно всѣхъ предметовъ, относительно всѣхъ бытій*, какого бы то ни было рода»... Ну и остановиться бы здѣсь,—тогда и было бы вѣрно; нѣтъ, онъ и здѣсь искажаетъ совершенно вѣрную мысль, прибавляя:.. «относительно всѣхъ бытій, какого бы то ни было рода, *извѣстныхъ намъ изъ опыта*». Но развѣ числа не могутъ относиться къ бытіямъ *неизвѣстнымъ намъ изъ опыта*, къ произведеніямъ фантазіи, или къ отвлеченіямъ разсудка? Развѣ нельзя сказать: *одна* бука, *двѣ* буки *три* буки,—*одно* небытіе, *два* небытія, *три* небытія, или *одинъ* нуль, *два* нуля, *три* нуля?.. На стр. 316, онъ пишетъ: «*я утверждаю, что единообразіе минувшихъ опытовъ далеко не составляетъ всеобщаго признака истины*», т. е. что опытъ не можетъ доставить намъ сужденій категорическихъ, безусловно-всеобщихъ, безусловно-отрицающихъ всякое исключеніе; а на 373 стр. онъ опровергаетъ свою мысль словами: «о нѣкоторыхъ единообразіяхъ, существующихъ въ природѣ, *удостовѣрились*, что, въ мѣрѣ достовѣрности, требуемой всѣми человѣческими цѣлями, онѣ могутъ быть признаны *совершенно достовѣрными и вполнѣ всеобщими*» (какъ же удостовѣрились? Не иначе, какъ посредствомъ опыта? Значитъ, опытъ можетъ доставлять вполнѣ всеобщія истины?); на стр. же 375 говоритъ: «во всѣ времена, законы чиселъ и геометріи были *типомъ достовѣрности: ихъ неизмѣнность до того совершенна, что дѣлаетъ насъ неспособными даже представить себѣ какое-либо исключеніе изъ этихъ законовъ, и вовлекла философовъ въ ошибочное (какъ я старался показать) признаніе ихъ доказательности, лежащей не въ опытѣ, а въ первобытномъ складѣ нашего ума*». Итакъ, по

словамъ Милля, *безусловная доказательность, несомнѣнная всеобщность* даже математическихъ законовъ лежитъ *не въ первобытномъ складѣ нашего ума, а въ опытѣ*, не-смотря на то, что онъ-же самъ «*утверждаетъ, что единообразіе минувшихъ опытовъ далеко не составляетъ всеобщаго признака истины*», и потому полагаетъ, что «непосредственно за послѣднею точкою, до которой мы прослѣдили двѣ встрѣтившіяся и расходящіяся прямыя линіи, *онѣ могутъ начать сближаться и, наконецъ, встрѣтиться*», т. е. могутъ представить исключеніе изъ математической аксіомы,—«что бы ни говорили намъ наши внѣшнія чувства», — и потому, «кромѣ представляемаго наблюденіемъ, у насъ *нѣтъ никакого основанія вѣрить этой аксіомѣ*». Слѣдовательно, и математическія истины не суть всеобщія истины?!. Если же у насъ есть всеобщія истины, то, очевидно, доказательность ихъ лежитъ не въ опытѣ, а въ первобытномъ складѣ нашего ума, такъ-какъ «единообразіе минувшихъ опытовъ не составляетъ всеобщаго признака истины». А всеобщія истины, безспорно, есть: «единообразія истинныя о всѣхъ, какихъ бы то ни было вещахъ»,—пишетъ *Д. С. Милль* [1]),—«именно законы чиселъ и протяженія, да законъ связи причины съ слѣдствіемъ суть, вѣроятно, единственныя, *исключеніе изъ которыхъ безусловно и постоянно неимовѣрно*». Но, въ тоже самое время, *Д. С. Милль* вѣритъ въ возможность исключенія опять даже изъ этихъ всеобщихъ законовъ, «исключеніе изъ которыхъ безусловно и постоянно неимовѣрно», что видно какъ изъ предыдущихъ его разсужденій, такъ и изъ нижеслѣдующаго соображенія, которое у него, кажется, есть ultima ratio въ доказательствахъ небытія «*прирожденныхъ инстинктивныхъ ассоціацій*. Я убѣжденъ»,—пишетъ *Д. С. Милль* [2]),—«что всякому будетъ не трудно представить себѣ, что, напримѣръ, въ одной изъ многихъ звѣздныхъ сферъ *событія могутъ слѣдовать одно за другимъ случайно, безъ всякаго опредѣленнаго закона*» (Сопоставимъ кстати эти слова съ его-же словами на стр. 364: «въ истинности того, что прямая линія есть кратчайшее разстояніе между двумя точками, мы не сомнѣваемся даже относительно области неподвижныхъ звѣздъ»; значитъ, и въ звѣздныхъ сферахъ этотъ законъ безусловенъ и отступленіе отъ него не мыслимо, и, слѣдовательно, событія тамъ не могутъ располагаться случайно, *безъ всякаго опредѣленнаго закона*). «*Ни въ нашей опытности,*

[1]) Лог. II, 165—6. [2]) Лог. II, 27.

ни въ нашей духовной природѣ, ничто не представляетъ достаточной, или хотя какой-нибудь, причины вѣрить, чтобъ нигдѣ этого не было», т. е. чтобъ «событія слѣдовали одно за другимъ случайно, безъ всякаго опредѣленнаго закона. Предположимъ (и это вполнѣ возможно вообразить), что настоящій порядокъ вселенной окончился и что *наступилъ хаосъ, въ которомъ нѣтъ опредѣленной послѣдовательности событій* и прошедшее не ручается за будущее. Еслибъ какой-либо человѣкъ чудомъ остался живъ и былъ свидѣтелемъ этой перемѣны, *то, навѣрно, скоро пересталъ бы вѣрить въ какое бы то ни было единообразіе*, такъ-какъ *самое единообразіе перестало бы существовать. Если это будетъ допущено*, то или вѣра въ единообразіе не инстинктъ, или она такой инстинктъ, который, подобно всѣмъ прочимъ инстинктамъ, можетъ быть побѣжденъ пріобрѣтеннымъ знаніемъ»... Что сказать на это?! Противъ такой необузданности мысли, противъ такого хаоса сужденій, сказать нечего... Это болѣзнь, это — слѣпота духа, изображаемая священными словами: *«рече безуменъ въ сердцѣ своемъ: нѣсть Богъ... И аще кто изъ мертвыхъ воскреснетъ», не имутъ вѣры»*... Нечего говоритъ противъ такой слѣпоты ума тѣмъ болѣе, что онъ-же самъ, *Д. С. Милль*, утверждаетъ, какъ краеугольный камень своей системы, что «единообразіе порядка природы составляетъ основной законъ или общую аксіому» мышленія и знанія. Такъ къ чему-же толковать о томъ, что вышло бы, еслибъ эта основная аксіома была ниспровергнута?! Изъ немыслимаго и фактически невозможнаго хаоса вышелъ бы хаосъ, не болѣе,—но никакъ не опредѣленное эмпирическое знаніе, которое, будтобы, ниспровергло бы всѣ основныя аксіомы нашего ума. А такъ-какъ такое дикое хаотическое сочетаніе идей, скажемъ мы въ заключеніе, ни подъ какимъ видомъ не можетъ быть допущено, то, значитъ, нужно заключить изъ словъ *Д. С. Милля*, что вѣра въ единообразіе законовъ природы «инстинктивна, прирожденна».

Иное дѣло съ нѣкоторымъ прекословіемъ разсуждать о томъ, *въ какомъ смыслѣ приписывается духу нашему прирожденность чего-либо*, наприм., законовъ и формъ мышленія, или категорій и идей, какъ основъ знанія. Нашъ родной русскій философъ-идеалистъ *В. Н. Карповъ*, въ своей Логикѣ, разсуждаетъ объ этомъ предметѣ такъ: *«откуда законы силы мыслящей?* Гдѣ *скрижаль, на которой они начертаны*? Одни предполагаютъ ее *въ насъ*, другіе *внѣ насъ*. Но предполагать законы мышленія *внѣ насъ* — значитъ допускать,

будто люди по тому только мыслятъ такъ, а не иначе, что мыслить такъ, а не иначе, привыкли подъ вліяніемъ *внѣшнихъ* наставленій, ограниченій и примѣровъ. И тѣ, которые принимаютъ это предложеніе, обыкновенно ссылаются на различіе образовъ мышленія, объ одномъ и томъ-же предметѣ, въ различныхъ человѣческихъ обществахъ. Но въ этомъ случаѣ явно смѣшиваются матерія и форма производимыхъ разсудкомъ сочетаній. Если законы мышленія внѣ насъ, если къ извѣстному сочетанію признаковъ мы ограничиваемся (вынуждаемся) не на какихъ-либо подлежательныхъ (субъективныхъ) нашихъ основаніяхъ, а на на чалахъ внѣшнихъ,—то, конечно, не всѣ люди должны сознавать органичительную (обязательную) силу этихъ началъ, а только тѣ, кому они преподаны. Такъ, говорятъ, и бываетъ: едва лепечущія дѣти и цѣлыя общества дикихъ не имѣютъ никакого понятія о законахъ противорѣчія, достаточнаго основанія и проч.; и это именно служитъ отличительною чертою какъ дѣтства, такъ и дикости. *Но отъ несознаванія законовъ мышленія людьми дикими и дѣтьми заключатъ къ небытію въ нихъ законныхъ ограниченій мыслить такъ, а не иначе, все равно, что, не видя на лозѣ виноградныхъ кистей, полагать, будто виноградныя кисти не развиваются изъ самой лозы органически, а прилепляются къ ней извнѣ».*

Посмотримъ теперь, такъ ли, или иначе, объясняетъ аналогичную прирожденность душевныхъ качествъ біологъ позитивистъ *Спенсеръ*. Въ своихъ «Основаніяхъ Біологіи» [1]), въ статьѣ о наслѣдственности, онъ разсуждаетъ слѣдующимъ образомъ: «лучшіе примѣры наслѣдованія органическихъ видоизмѣненій, происходящихъ отъ видоизмѣненія отправленій, находимъ мы у человѣка. Никакой иной причинѣ нельзя приписать тѣхъ быстрыхъ превращеній, которымъ подвергаются британскія расы, будучи поставлены въ новыя условія мѣста, климата и т. п. Можно привести и нѣкоторыя спеціальныя видоизмѣненія органовъ, причиненныя спеціальными измѣненіями въ ихъ отправленіяхъ. Всѣми признано, что большія руки у мужчинъ и женщинъ составляютъ наслѣдіе предковъ, которые вели трудовую жизнь. Существуютъ нѣкоторыя доказательства того, что и видоизмѣненія глазъ, причиняемыя особеннаго рода ихъ употребленіемъ, передаются *наслѣдственно*. Близорукость, повидимому, рѣдкое явленіе у деревенскихъ жителей; но она часто встрѣчается въ тѣхъ классахъ народа, которые употребляютъ глаза на

[1]) Перев. *Герда*, СПб., 1870 г., т. 1, стр. 180—182.

письмо и чтеніе; и въ этихъ слояхъ общества близорукость бываетъ нерѣдко и прирожденною. Одни *изъ лучшихъ примѣровъ наслѣдственности отправленій представляютъ разныя духовныя особенности человѣческихъ расъ*. Нѣкоторыя изъ способностей, пріобрѣтенныхъ человѣкомъ на пути цивилизаціи, никакъ нельзя истолковать, если не допустить наслѣдственной передачи видоизмѣненій. Такова, напримѣръ, *музыкальная способность. Единственное возможное объясненіе этого состоитъ въ томъ, что постоянное ассоціированіе извѣстныхъ кадансовъ человѣческой рѣчи съ извѣстными душевными ощущеніями медленно установили въ нашей расѣ организованную и унаслѣдованную связь между такими кадансами и ощущеніями*,—что болѣе или менѣе идеализированное сочетаніе такихъ кадансовъ, образующее мелодію, имѣло всегда значеніе для человѣческаго ума только въ-силу того значенія, которое пріобрѣли для него кадансы, и что, такимъ образомъ, *вслѣдствіе постояннаго слышанія и произведенія мелодіи, пріобрѣлась и передалась усиленная музыкальная чувствительность*. Подтвержденіемъ этому могутъ служить частные случаи. Какъ объяснить случаи въ-родѣ представляемыхъ *Бахомъ*, *Моцартомъ* и *Бетховеномъ*, которые всѣ были дѣтьми родителей съ необыкновенными музыкальными способностями, но далеко превзошли ихъ своими собственными? Что сказать о фактахъ, что *Гайденъ* былъ сынъ органиста, *Гуммель*—сынъ учителя музыки и что отецъ *Вебера* былъ замѣчательный скрипачъ? Стеченіе такого множества случайностей въ какомъ-нибудь одномъ народѣ и въ-теченіе короткаго періода времени не можетъ быть приписано совпаденію произвольныхъ измѣненій. Ихъ нельзя ничему иному приписать, какъ унаслѣдованнымъ развитіямъ строенія, причиненнымъ усиленіемъ отправленія». Подобное-же объясненіе прирожденности и наслѣдственной передачи душевныхъ качествъ представляютъ, какъ мы видѣли, и сочиненія физіологовъ *Кабаниса*, *Дрэпера и Льюиса*, равно-какъ и философа натуралиста *Дарвина*.

Послѣ этого, на-основаніи физіологическихъ фактовъ и воззрѣній, можно уже точнѣе обозначить, *что мы разумѣемъ подъ прирожденною идеею*. Взявъ сущность познавательной теоріи хотя одного Льюиса,—теоріи, которая, впрочемъ, совершенно согласна съ теоріями *Кабаниса и Дрэпера*, и даже, можно сказать, и *Дарвина*, именно, что всѣ ощущенія, добытыя какъ внѣшними чувствами, такъ и внутренними системными, группируются въ мозгу и тамъ таинственнымъ образомъ переработываются въ идеи,—что мышленіе есть форма мозговой чув-

ствительности, опредѣляемой соотношеніями мозга съ узлами спеціальныхъ чувствъ, *а душевныя движенія суть формы мозговой чувствительности*, опредѣляемыя соотношеніями съ узлами внутренностныхъ нервовъ,—что никакое ощущеніе не оканчивается въ себѣ самомъ, но возбуждаетъ посредствомъ рефлекса другое, вторичное ощущеніе, одна идея вызываетъ другую,—что привычки, idées fixes и инстинктивныя дѣйствія основаны на стремленіи чувства разрѣшиться легчайшимъ для него путемъ,—что строй ощущеній, склонностей и идей, въ каждомъ человѣкѣ, тѣсно связанъ съ наслѣдственною отъ предковъ организаціею и съ прирожденною организаціею нервной системы,—взявъ все это во вниманіе, *подъ прирожденною идеею нужно мыслить вложенную въ строй нервной системы, какъ и всей организаціи человѣка, форму (Платоновское и Аристотелевское* ἔιδος*), въ которую, при естественныхъ условіяхъ развитія человѣка, естественно развивается его общая, душевная и частная, умственная дѣятельность.* При этомъ нашъ умъ не указываетъ намъ способовъ выдѣлить душевное изъ органическаго. Наше знаніе, наше внутреннее ясновидѣніе безсильны освѣтить ту грань, гдѣ и какъ оканчивается тѣлесное и начинается духовное, равно-какъ и тѣ духовно-тѣлесные приводы, какими органическая машина нашего тѣла приводитъ въ соотвѣтственное своему вращенію движеніе невещественный инструментъ нашей души. При чемъ воображать душевное тѣлеснымъ было бы грубымъ заблужденіемъ, грубою погрѣшностію не-только противъ психологіи, но и противъ физіологіи. Самъ *Д. С. Милль* [1]) попытку «свести всѣ жизненныя явленія на механическіе или химическіе процессы,—состоянія сознанія на состоянія нервной системы,—самое ощущеніе на движеніе, какъ и свѣтъ съ теплотою на движеніе», провозглашаетъ «грубѣйшею формою матеріалистической философіи». «Пусть, напримѣръ»,—говоритъ онъ,—«будетъ доказано, что, производя ощущенія свѣта въ глазу и мозгу, чередуются самые сложные ряды физическихъ причинъ и дѣйствій,—именно: лучи свѣта падаютъ на глазъ, преломляются, сближаются, взаимно пересѣкаются, производятъ опрокинутый образъ на сѣтчатой оболочкѣ, а за тѣмъ движеніе (пусть то будетъ дрожаніе, или токъ нервной жидкости, или чего-либо инаго вдоль по зрительному нерву), пусть производятъ передачу этого движенія самому мозгу и сколько вамъ угодно различныхъ движеній,—

[1]) Логика, II. стр. 349.

все-же *въ концѣ этихъ движеній есть нѣчто, что не движеніе, есть чувство или ощущеніе цвѣта*; въ концѣ ряда этихъ движеній мы найдемъ *въ предшествующемъ движеніе, а въ послѣдующемъ ощущеніе цвѣта*; *и способъ*, которымъ послѣднее движеніе производитъ ощущеніе цвѣта, *не можетъ быть объясненъ никакимъ закономъ движенія*». Вообще *Д. С. Милль*, согласно съ физіологомъ *Льюисомъ*, признаетъ душевныя явленія отличными отъ тѣлесныхъ радикально, т. е. въ качествѣ, а не въ степени [1]), и ощущенія даже внѣшнихъ чувствъ относитъ къ явленіямъ душевнымъ. Въ то же время онъ согласенъ съ Льюисомъ и съ другой стороны, именно въ томъ, что «физическія состоянія нервовъ составляютъ условія не-только нашихъ ощущеній или душевныхъ движеній, но и мыслей» [2]), какъ и Льюисъ утверждаетъ, что всѣ ощущенія нашихъ нервовъ, группируясь въ мозгу, *таинственнымъ образомъ преобразуются въ идеи*. А отсюда становится нѣсколько доступною нашему усмотрѣнію зависимость структуры нашего умственнаго міра отъ структуры нервной системы и обратно,—взаимообратная зависимость, аналогичная съ тѣмъ, что въ зернѣ заключается совокупность нетолько всѣхъ формъ будущаго растенія, но и частей его. При этомъ трудно опредѣлить, что изъ чего развивается: части ли изъ формъ, или формы изъ частей, но то ясно, что въ зернѣ уже включены прирожденныя формы, въ которыя выльется естественно развивающееся растеніе, какъ несомнѣнно и то, что и въ нервномъ зародышномъ узлѣ младенца уже включены общія прирожденныя формы, въ которыя выльется, въ основномъ своемъ строѣ, умственная и вообще душевная дѣятельность будущаго человѣка.

По этой-же причинѣ позволительно, съ нѣкоторыми недоумѣніями, разсуждать и о томъ, *что именно прирождено человѣческой душѣ и въ-частности нашему уму*? Научно философствовали объ этомъ всѣ вѣка, начиная не позже, какъ съ *Сократа и Аристотеля*, и оканчивая *Гегелемъ* и даже *Дарвиномъ*. Возобновлять эту вѣковѣчную старину излишне, тѣмъ болѣе, что и трудно разграничить въ нашей душѣ прирожденное отъ благопріобрѣтеннаго. Но несомнѣнно то, что *новѣйшіе физіологи признаютъ прирожденными душѣ гораздо большее число формъ душевной дѣятельности*, чѣмъ признавали философы прежняго времени. По соображеніямъ самаго *Д. С. Милля*, выходитъ, что къ области инстинктивной прирожденной вѣры нужно отнести, по мень-

[1]) Лог. II. стр. 348 и 350. [2]) Стр. 349.

шей мѣрѣ, *законы чиселъ и геометріи*, а также и *законы причины и слѣдствія*. Посвятивъ, въ первой части нашего изслѣдованія, разсмотрѣнію этого вопроса не одну страницу, мы пришли къ выводу, что *прирожденнымъ человѣческой душѣ, т. е. ея познавательной способности слѣдуетъ признать все, что въ ней признано обще-обязательнымъ для умственной дѣятельности всего человѣчества, именно: коренные законы и главныя формы мышленія, основныя категоріи разсудка и высшія идеи разума.* Возвращаться къ этому вопросу мы не находимъ нужнымъ, тѣмъ болѣе, что, въ данномъ случаѣ, намъ слѣдуетъ доказать только, что человѣческой душѣ прирождено *довѣріе къ бытію внѣшняго міра.* А доказательство на это мы читали у *Кабаниса* и у *Дрэпера.* По словамъ *Кабиниса*, «уже въ утробѣ матерней зародышъ получаетъ первыя впечатлѣнія *о сопротивленіи, о постороннихъ тѣлахъ и о себѣ самомъ*», и эти впечатлѣнія «должны привести *сознаніе* въ то положеніе, изъ котораго вытекаетъ понятіе о постороннихъ предметахъ. Такимъ образомъ, въ головномъ мозгу зародыша уже существуютъ *первые слѣды основныхъ понятій*, которыя должны мало по малу развиваться отношеніями его *ко всему видимому міру* и дѣйствіемъ предметовъ на нервныя его оконечности». По *Дрэперу*, «*тѣ общія идеи, которыя распространены по цѣлому свѣту, между всѣми человѣческими племенами, которыя одинаково существуютъ во всѣ вѣка и во всякой странѣ, — такія идеи составляютъ слѣдствіе самыхъ свойствъ нашей мозговой организаціи,—такія всеобщія впечатлѣнія происходятъ болѣе отъ физической организаціи человѣка, чѣмъ отъ наученія,—такія впрованія могутъ быть названы органическими догматами нашей природы*». При этомъ «не должно забывать, что существуетъ *общій принципъ*, служащій подкладкою разнообразныхъ человѣческихъ стремленій и рѣшеній,—принципъ, отъ котораго никто не можетъ освободиться: его можно различить въ глубинѣ самыхъ несходныхъ между собою дѣйствій, подобно тому, какъ мы можемъ открыть *основной типъ нашей организаціи* въ самыхъ разнообразныхъ формахъ». Не должно забывать, что, «вслѣдствіе сходства въ устройствѣ мозговаго аппарата, дѣйствія людей представляютъ *единообразіе*»,—что «логика истины вѣчна, такъ-какъ она выражаетъ собою способъ дѣйствія нашего мозговаго аппарата, типъ котораго никогда не измѣняется». А въ порядкѣ наиболѣе безусловныхъ единообразій человѣческаго знанія, наиболѣе всеобщихъ впечатлѣній мозговаго аппарата, наиболѣе обще-обязательныхъ органическихъ догматовъ

нашей природы, одно изъ первыхъ мѣстъ принадлежитъ *убѣжденію въ существованіи внѣшняго міра.* Если же кто-либо изъ послѣдователей *Д. С. Милля* возразилъ бы противъ этого, согласно съ теоріею *Дарвина,* что подъ вліяніемъ разныхъ физическихъ условій измѣняется самый основной типъ нервной организаціи человѣка и, значитъ,—самыя основныя, самыя типичныя впечатлѣнія нервной системы, каково, наприм., впечатлѣніе всеобщаго довѣрія къ бытію внѣшняго міра, образуются не иначе, какъ подъ вліяніемъ внѣшняго опыта,—то возражатель долженъ былъ бы удовлетвориться отвѣтомъ *ad hominem,* что самъ *Дарвинъ,* для измѣненія основныхъ органическихъ типовъ, требуетъ не-только милліоновъ, но даже билліоновъ лѣтъ. Если же люди въ-продолженіе, предположимъ (говоря *ad hominem*), хотя одного милліона лѣтъ, если не въ себѣ, то въ своихъ обезьяновидныхъ и еще дальнѣйшихъ, менѣе развитыхъ, предкахъ, уже носили и носятъ въ своей природѣ, въ организаціи своей нервной системы, необходимое довѣріе къ бытію внѣшняго міра, какъ и другія основныя идеи и формы мышленія и знанія,—то, по сравненію со счетомъ годовъ жизни не только одного человѣка, или поколѣнія, но даже всего историческаго человѣчества, этотъ предполагаемый милліонъ лѣтъ значитъ, *всегда* значитъ, что довѣріе къ бытію внѣшняго міра, какъ и другія типическія идеи, были и будутъ прирождены человѣку *всегда*... Отраженіе первоосновной абсолютной силы, творческая природа-мать, съ самаго первоначала, созидая человѣка по своему образу и подобію, воспитывая его въ своемъ лонѣ, своими соками, позаботилась, въ самой основѣ природы своего дѣтища, начертать идею, въ каждой клѣточкѣ его организма вкоренить частичное ощущеніе своей исконности, своей необъятности для него, своей всемощности, своихъ родительскихъ правъ на признаніе себя отъ своего сына, въ-качествѣ именно родительницы и кормилицы, въ-качествѣ виновницы, хотя и посредственной, всѣхъ проявленій его бытія и сознанія, такъ-что никакой выродокъ, пасынокъ природы, никакими ухищреніями изощренной мысли, не силенъ убѣдить здраво разумныхъ чадъ природы въ томъ, что онъ, какъ, напримѣръ, *Д. С. Милль,* съ крошечнымъ его сознаніемъ и самосознаніемъ, есть истинная основа нетолько себя самаго, но и всей природы, съ ея необъятностію, а природа есть продуктъ его эфемерной ничтожности, въ которую самъ онъ догматически вѣруетъ. Если же *взимающемуся на разумъ Божій* превозношенію зазнавшихся умовъ неотступно навязывается искушеніе мы-

слить эфемерное человѣческое сознаніе основою всего сущаго,—то это искушеніе есть только тысячекратное повтореніе того перваго кореннаго искушенія, которымъ *отецъ гордости и лжи* обольстилъ первыхъ людей: *будете яко бози, вѣдуще...* При этомъ нужно имѣть въ-виду, что коварный искуситель говорилъ это не безъ основанія. Законное естественно-фактическое основаніе этой лести искуситель нашелъ, какъ и до настоящаго времени находитъ, въ томъ, что человѣческое сознаніе, даже искаженное грѣхомъ, представляетъ въ себѣ, особенно въ высшей своей части, отраженіе абсолютнаго творческаго сознанія, которое дѣйствительно, творчески неизбѣжно, предшествуетъ всякому, чувствуемому ограниченнымъ сознаніемъ, бытію. Поэтому-то гордымъ умамъ до умопомраченія замечтавшихся мудрецовъ, въ-родѣ *Фихте*, *Гегелей*, *Миллей*, неотвязчиво и грезится, что они не-только *будутъ яко бози вѣдуще*, но и *суть бози*, боги единственные, такъ-что, помимо ихъ, Богъ единый вовсе и не существуетъ, не нуженъ, излишенъ, стоитъ внѣ человѣческаго сознанія, т. е. собственно нигдѣ... И выходитъ, что *безуменъ рече въ сердцѣ своемъ: нѣсть Богъ*. И согласно словамъ св. Писанія, *не только оправдися*, а, наоборотъ, посрамися *премудрость отъ чадъ своихъ*,— отъ заносчивыхъ своихъ служителей. *Глаголющеся быти мудри объюродѣша.*

ГЛАВА XXVIII.

Любопытно и даже удивительно, что даже такой, дѣйствительно глубокій, мыслитель спиритуалистъ, какъ *Ульрици*, какъ-будто *отрицаетъ прирожденность идей*. По крайней мѣрѣ, онъ выражается: «сіяніемъ чудеснаго облекли тотъ процессъ, что новорожденный ребенокъ, безъ обученія и руководства, умѣетъ сосать, или едва вылупившійся цыпленокъ роется, клюетъ и глотаетъ,—безъ околичностей предполагая, что животнымъ присуще *представленіе*, или, покрайней мѣрѣ, *предчувствіе* цѣли, для которой онѣ дѣйствуютъ; но такое предположеніе неосновательно»[1]). «Мы,—продолжаетъ *Ульрици*,—должны возразить и великому *Кювье*, когда онъ полагаетъ, что инстинктивныя явленія

[1]) Тѣло и душа, стр. 267.

основываются на *прирожденныхъ идеяхъ*, которыя, подобно *мечтѣ*, позываютъ къ извѣстнымъ движеніямъ, такъ-какъ есть *прирожденныя*, движущія, возбуждающія, позывающія *силы*, которыя дѣйствуютъ по имманентнымъ (внутренно присущимъ) законамъ или нормамъ (какъ выраженію ихъ собственной опредѣленной природы), а потому есть и *прирожденные законы* [1]). Напротивъ того, ничто не даетъ намъ права предположить *прирожденныя, т. е. никакою психическою дѣятельностію не посредствуемыя идеи.* Со временъ *Аристотеля* [2]), психологія утверждала и все опять и опять доказывала, что *всѣ наши представленія, понятія, идеи* и проч., словомъ, *все, что мы знаемъ о внѣшнемъ мірѣ и нашемъ собственномъ существѣ*, опирается, въ послѣдній элементарной основѣ, на ощущеніи, въ-особенности на внѣшне-чувственномъ ощущеніи и внутреннемъ чувствѣ, иначе сказать,—только посредствомъ ихъ входитъ въ наше сознаніе. Даже *Платонъ* и его послѣдователи должны были признать, что такъ-называемыя *апріорическія, прирожденныя душѣ идеи, понятія, начала, законы и нормы* (категоріи), *хотя бы происходили и не изъ опыта*, могутъ однакожъ достигать сознанія [3]) только *посредствомъ опыта*, т. е. при предположеніи уже находящихся на-лицо сознанныхъ ощущеній и чувствъ, воспріятій и воззрѣній. Это значило бы идти *противъ самыхъ несомнѣнныхъ психологическихъ и физіологическихъ фактовъ*, если-бы этимъ элементамъ, въ тоже время, приписывали принадлежность *апріорическаго, непосредственнаго, первичнаго сознанія.* Каждый знаетъ, по своимъ воспоминаніямъ, и можетъ повѣрить на каждомъ ребенкѣ и взрослomъ, что о томъ, что со временъ *Платона* подчасъ выдавалось за апріорическое достояніе души, мы *первоначально абсолютно ничего не знаемъ*, да у многихъ оно не входитъ въ сознаніе и во всю жизнь. Чувственное ощущеніе и воспріятіе внутренняго чувства образуютъ средство и элементарное вещество всѣхъ нашихъ представленій, понятій и идей».—Въ другомъ своемъ твореніи (Богъ и природа, II), онъ-же *Ульрици* выражается: «истина имманентна не *какъ понятіе, или идея, и не для нашего сознанія* [4]). Идея добра не дана намъ непосредственно, какъ идея, какъ сознательное представленіе [5]). Категорическое понятіе прекраснаго присуще нашему сознанію *не какъ понятіе»* [6]).—Выраженія, повидимому, очень рѣшительныя, показывающія какъ-будто

---

[1]) 270. [2]) 284. [3]) 285. [4]) 167. [5]) 169. [6]) 170.

явную противоположность взгляда, сравнительно съ нашимъ, на прирожденность понятій и идей.

Но стоитъ лишь приглядѣться къ характернымъ особенностямъ языка самаго *Ульрици*, чтобъ эта кажущаяся противоположность взглядовъ сгладилась не-только до сходства, но чуть-ли даже не до тожества. Это открывается изъ слѣдующаго.

Въ животныхъ [1]) и человѣкѣ *Ульрици* допускаетъ, во-первыхъ, «*потребность и позывъ*, какъ *послѣдніе (которымъ уже нельзя указать причины)* импульсы дѣятельности организма». Послѣдними эти импульсы *Ульрици* называетъ по тому, что затрудняется указать имъ иную причину, кромѣ того, что они вложены въ органическую природу. И этими импульсами *Ульрици* думаетъ удовлетворительно объяснить тѣ общеизвѣстные факты, что «новорожденное дитя не-только ищетъ материнской груди, но и можетъ правильно выполнять движенія сосанія, или что едва вылупившійся изъ яйца цыпленокъ, хотя-бы искусственно высиженный и предоставленный самому себѣ, тотчасъ начинаетъ бродить, высматривая пищу, и умѣетъ найти ее,—при чемъ выполняетъ именно тѣ движенія, которыя необходимы для достиженія цѣли,—для отысканія, овладѣнія и проглатыванія пищи, которыя являются совершенно цѣлесообразными» [2]). Цѣлесообразными эти позывы *Ульрици* признаетъ, однакожъ, только въ-той-же крайне ограниченной степени, какъ цѣлесообразны движенія и сердца, дыхательнаго аппарата, или приспособительныя движенія глаза и т. п Мало этого, по его мнѣнію, эти позывы находятся въ подобномъ-же отношеніи къ своему предмету, какъ *массы тѣлъ, взаимно привлекающіяся тяготѣніемъ, или какъ вещества, предназначенныя одно для другаго химическимъ сродствомъ и движущіяся другъ къ другу, или какъ магнитная стрѣлка, постоянно направляющаяся къ сѣверу.* Такими сравненіями *Ульрици* думаетъ объяснить цѣлесообразность и тѣхъ явленій, что молодыя утки, высиженныя хотя бы то курицей, сами собою поспѣшаютъ къ водѣ,—что молодая черепаха, унесенная отъ моря въ мѣшкѣ, умѣетъ опять найти море по самой короткой дорогѣ,—что перелетныя птицы тянутся на зиму къ югу, нѣкоторыя рыбы скачутъ изъ высыхающихъ водъ, по прямому направленію къ большему водоему,—ослы, лошади, собаки съ дальнихъ разстояній умѣютъ найти свой домъ,—пчелы умѣютъ отыскать свою матку, даже когда она

[1]) Тѣло и душа, стр. 258. [2]) 259.

старательно спрятана,—перелетныя птицы, хотя взяты были бы изъ гнѣзда молодыми, становятся безпокойны ко времени перелета на югъ,—молодой быкъ, или баранъ, бьетъ врага лбомъ, на которомъ нѣтъ еще роговъ,—бобръ, поймайный совсѣмъ молодымъ, строитъ въ клѣткѣ свой домикъ.—«Такіе факты»,—по словамъ *Ульрици*,—будто-бы «до-очевидности показываютъ *слѣпоту и непреодолимость позывовъ*», хотя, въ тоже время, «*движенія по позывамъ* онъ разсматриваетъ и какъ *произвольныя*, не только по тому, что они въ существенномъ состоятъ изъ тѣхъ-же актовъ, какіе обыкновенно животное выполняетъ по опредѣленнымъ чувственнымъ ощущеніямъ, воспріятіямъ и представленіямъ, но и особенно по тому, что они нерѣдко измѣняются, при измѣнившихся отношеніяхъ и условіяхъ, и приноравливаются къ измѣнившимся даннымъ».

Кромѣ этихъ позывовъ, *Ульрици* приписываетъ животнымъ организмамъ *инстинкты*, другой рядъ позывовъ, которые возникаютъ *вслѣдствіе предшествующаго ощущенія* и въ проявленіи своемъ опредѣляются какимъ-либо ощущеніемъ,—каковы, наприм., позывы у собакъ ѣсть траву въ шелудивости, зализывать раны и проч.. Такъ, особое ощущеніе, вызываемое созрѣваніемъ яицъ въ яичникѣ, побуждаетъ птицъ къ постройкѣ ихъ гнѣздъ,—живущихъ на берегу улитокъ, раковъ, лягушекъ, жабъ, гонитъ въ воду для кладки яицъ, а морскихъ черепахъ для той-же цѣли гонитъ на берегъ,—при предстоящемъ дождѣ пьявки и гольцы поднимаются къ поверхности воды, жабы днемъ покидаютъ свои норы, пчелы собираются въ свои ульи, муравьи уносятъ свои куколки, пауки прячутся въ свои щели,—инстинкты, которые, по словамъ *Ульрици* [1]), хотя и означаютъ не болѣе, какъ позывы или возбужденіе, однакожъ, изъ сферы органическихъ обнаруженій, уже переносятся въ область познавательной способности.

Кромѣ того, *Ульрици* отличаетъ въ животныхъ *побудки*,—высшіе инстинкты, которые имѣютъ цѣлію *пріисканіе средствъ*, способныхъ удовлетворить господствующей потребности, которыми видоизмѣняются первоначальные позывы, куда онъ отчисляетъ тѣ явленія, что пчелы строятъ соты, для складки въ нихъ пищи на зиму и для заготовленія въ нихъ удобныхъ мѣстъ для кладки яицъ,—муравьи устроиваютъ свои подземные ходы, бобры свои плотины, лисицы свои норы,—

---

[1]) 264.

полевыя мыши выѣдаютъ зародыши изъ хлѣбныхъ зеренъ, чтобы онѣ не проросли,—сибирскій сѣноставъ сушитъ сѣно, складываетъ его въ стоги подъ скалами, для укрытія сѣна отъ дождя и снѣга, и проводитъ къ нимъ изъ норы подземный ходъ [1]),—инстинкты, по которымъ животное направляется *къ изысканію необходимыхъ средствъ для цѣли*». Тѣмъ не менѣе, однакожъ, *Ульрици* «отрицаетъ *представленіе цѣли у животныхъ, даже въ этихъ послѣднихъ случаяхъ,— даже тамъ, гдѣ инстинктивная дѣятельность приноравливается къ обстоятельствамъ и видоизмѣняется сообразно съ ними*,— наприм., если муравьи, при продолжительномъ дождѣ, закрываютъ входъ въ свою постройку кускомъ сланца, или, въ подверженныхъ наводненію странахъ, помѣщаютъ свои постройки на деревьяхъ,—то это, по словамъ *Ульрици*, доказываетъ, что *позывъ направленъ не къ постройкѣ, какъ постройкѣ, а къ продолжительному владѣнію постройкой и къ охраненію владѣнія* [2]).

Это—странное явленіе, что у замѣчательно тонкихъ мыслителей, каковъ *Д. С. Миллъ*, и даже глубокихъ, какъ *Ульрици*, выражаясь пластически по русски, умъ способенъ заходить за разумъ, такъ-что, забываясь въ увлеченіи предзанятою идеею, они допускаютъ, на одной и той-же страницѣ, сряду не-только логическое, но даже вербальное противорѣчіе, и сами того не замѣчаютъ, какъ, наприм., въ въ этомъ выраженіи *Ульрици*: «позывъ муравьевъ (въ данномъ случаѣ) направленъ не къ постройкѣ, какъ постройкѣ, а къ *продолжительному владѣнію и охраненію постройки*», и, однакожъ, «*мы должны здѣсь отрицать представленіе цѣли*»! Въ первой части нашего изслѣдованія, разсуждая о прирожденности нѣкоторыхъ представленій, понятій и идей, мы замѣтили, что многовѣковой споръ по этому предмету ведется не отъ недостатка у той, или другой, изъ спорящихъ сторонъ эрудиціи, наблюденій, данныхъ опыта, но *отъ различнаго толкованія непосредственныхъ данныхъ опыта*. И вотъ тому поразительнѣйшее доказательство. *Дарвинъ*, или *Дрэперъ* и *Ульрици*,—ученѣйшіе наши современники. Однакожъ *Ульрици* видитъ въ дивныхъ инстинктахъ муравьевъ отсутствіе всякаго представленія цѣли, простое тяготѣніе падающаго камня къ землѣ, безсознательное наклоненіе магнитной стрѣлки къ полюсу. Между тѣмъ *Дарвинъ*, именно по этому предмету, выражается такъ: «*умъ высокой степени* вполнѣ можетъ ужи-

[1]) 266. [2]) 267.

ваться съ сложными инстинктами, какъ это мы видимъ *въ пчелахъ, муравьяхъ и бобрахъ* [1]). Съ постепеннымъ развитіемъ различныхъ умственныхъ способностей, конечно, долженъ возрастать и объемъ мозга. Я полагаю, никто не сомнѣвается, что величина мозга у человѣка, относительно остальнаго его тѣла, тѣсно связана съ количествомъ его умственныхъ способностей. У насѣкомыхъ мы встрѣчаемъ факты строго аналогичные съ этимъ. *Такъ у муравьевъ мозговые узлы необыкновенно велики.* Съ другой стороны, никто не станетъ утверждать, что *разумъ двухъ животныхъ, или двухъ какихъ-нибудь человѣкъ*, возможно въ-точности сравнить и опредѣлить кубическою вмѣстимостью ихъ череповъ. Неоспоримо, что, *при чрезвычайной дѣятельности ума*, у животнаго бываетъ безконечно малая доза нервнаго вещества. Такъ, наприм., *всѣмъ извѣстно, какъ разнообразны инстинкты муравья, какъ велики его сообразительность и иныя способности, а между тѣмъ мозговой узелъ его ростомъ меньше четвертой доли мелкой булавочной головки: съ этой точки зрѣнія муравьиный мозгъ есть одинъ изъ удивительнѣйшихъ атомовъ матеріи въ мірѣ и, пожалуй, даже удивительнѣе человѣческаго мозга*» [2]). Оказываются, такимъ образомъ, на одинъ и тотъже фактъ два воззрѣнія и толкованія рѣзко противоположныя. Но еще рѣзче взглядъ физіолога *Дрэпера* на тотъ-же предметъ [3]). «Насѣкомое, говоритъ онъ, представляетъ намъ дѣйствія изумительныя. Насѣкомыя составляютъ общества, съ цѣлью взаимнаго вспоможенія, защиты, нападенія, перехода, простаго удовольствія,—общества, которыя, безъ сомнѣнія, возникаютъ подъ вліяніемъ страстей, каковы любовь и страхъ. Гусеницы ночныхъ бабочекъ, въ своихъ движеніяхъ, руководятся направленіемъ предводителя; термиты повинуются, въ одно и тоже время, королю и королевѣ. Сладость власти чувствуется не въ одной только человѣческой породѣ: королева пчелъ не успокоивается до тѣхъ поръ, пока не умертвитъ свою соперницу. Всѣ насѣкомыя одинаковой породы не родятся равными и не занимаются однѣми занятіями; однѣ ведутъ жизнь полную удовольствій, другія посвящаютъ себя военному ремеслу, а иныя работаютъ. Когда на столицу термитовъ сдѣлано нападеніе,—то рабочіе, какъ не участвующіе въ сраженіи, удаляются, а воины выходятъ на защиту своей родины. Муравьи, съ

---

[1]) Происхожденіе человѣка, стр. 47). [2]) 207—208. [3]) Физіологія человѣка, III, 277—285.

которыми мы болѣе знакомы, занимаются военными и флибустьерскими экспедиціями, дѣлаютъ реконгосцировки, ставятъ часовыхъ, идутъ въ стройномъ порядкѣ, авангардъ чередуется съ арріергардомъ, строго поддерживаются у нихъ линіи сообщенія, и, въ-случаѣ необходимости, проворные курьеры командируются за подкрѣпленіями. Въ-случаѣ побѣды, они не-только уносятъ непріятельскіе запасы, но даже обращаютъ побѣжденныхъ въ настоящее рабство, заставляя ихъ работать, какъ невольниковъ. Они имѣютъ понятіе о собственности, и хотя между нѣкоторыми изъ нихъ въ употребленіи каннибализмъ, но вообще они развлекаются и болѣе веселыми занятіями, прыгаютъ и играютъ, какъ котята, или щенки. Руководимая чувствомъ строгой справедливости, оса, по возвращеніи изъ успѣшнаго похода, дѣлитъ свою добычу между самцами, самками и рабочими своего обиталища; при дѣлежѣ не забываютъ и часовыхъ, которые отправляли свои обязанности на стражѣ. Если, вслѣдствіе военныхъ дѣйствій, или просто отъ какой-нибудь несчастной случайности, кто-нибудь потерпѣлъ серьезное увѣчье, то, у нѣкоторыхъ племенъ, раненому оказывается самое горячее сочувствіе: муравей выноситъ своего раненаго друга изъ пыла бытвы. Но другія племена выказываютъ болѣе римской твердости: товарищи страдальца сами избавляютъ его отъ дальнѣйшихъ мученій. Ожидая нападенія, нѣкоторыя породы насѣкомыхъ запираютъ на ночь входъ въ свое жилище и баррикадируютъ его извнутри, или, если опасность продолжительна, строятъ рядъ маскированныхъ воротъ, съ внутренними стѣнами, защищающими ихъ. Они искусные инженеры. Они могутъ строить и поддерживать въ порядкѣ очень длинныя дороги, съ боковыми, выдѣляющимися изъ нихъ вѣтвями, которыя, въ-случаѣ надобности, самиже и уничтожаютъ. Они переходятъ ручьи, бросаясь въ нихъ сами въ-видѣ подвижныхъ мостовъ, а въ исправленіи вреда, нанесеннаго ихъ землѣ непріятелемъ, выказываютъ весьма замѣчательныя искусство и ловкость. Къ какимъ разнообразнымъ хитростямъ прибѣгаютъ насѣкомыя, для достиженія своихъ цѣлей! Гусеница капустной бабочки дѣлаетъ себѣ лѣстницу и взбирается по ней. Паукъ выпускаетъ изъ себя тонкую нить, чтобы подняться на воздухъ, и, плавая въ немъ, онъ то завертываетъ ее, то распускаетъ и, сообразно съ этимъ, поднимается, или опускается, самъ. Другія насѣкомыя дѣлаютъ водолазные колокола и ныряютъ въ нихъ подъ водой. Ни одна птица не устраиваетъ сѣтей, ни одно животное не ставитъ ловушекъ; люди и на-

сѣкомыя дѣлаютъ то и другое. Толпа матросовъ переноситъ дерево, неся его поперемѣнно на плечахъ; точно также кучка муравьевъ носитъ соломенку, или длиннаго червя. Нѣкоторые пауки выказываютъ такую-же ловкость, какъ индѣйцы, подкрадываясь къ своей добычѣ. Домашнее хозяйство ихъ изумительно. Нѣкоторыя породы строятъ себѣ дома изъ искусственнаго камня, другія изъ папки, которую сами дѣлаютъ. Иныя покрываютъ свои стѣны обоями, другія кладутъ на полу шелковые ковры, привѣшиваютъ на шелковыхъ петляхъ двери такъ, что онѣ закрываются отъ своего собственнаго вѣса. Насѣкомыя дѣлаютъ арки, куполы, колоннады, лѣстницы,—умѣютъ прятать пищу. *Рей*, хорошій наблюдатель и очень честный человѣкъ, разсказываетъ, какъ одна песочная оса притащила гусеницу, въ 15 дюймовъ длины, отодвинула шарикъ, закрывавшій отверстіе ея ямки, сложила туда всю добычу, выпла назадъ, прикатила шарикъ на прежнее мѣсто, наскребла на него пыли, какъ собака, — принесла смолы, чтобъ приклеить его, выровняла почву и положила на это мѣсто двѣ сосновыя иглы, чтобы послѣ снова его найти [1]). Отъ какихъ другихъ органовъ зависятъ, если не отъ головнаго узла, всѣ эти чудные инстинкты, подражающіе въ своемъ дѣйствіи искусству человѣка? Едвали есть какое-нибудь механическое занятіе, въ которомъ бы насѣкомыя не достигли *совершенства*. Они прекрасные ткачи, домостроители, архитекторы. Они обиваютъ свои дома обоями, чистятъ ихъ, вентилируютъ и запираютъ удивительно приспособленными висячими дверями. Они строятъ амбары, запасаютъ въ нихъ пищу, ставятъ самыя разнообразныя западни, — искусно охотятся, разбойничаютъ и грабятъ. Они отравляютъ, рубятъ и наказываютъ своихъ непріятелей. Они имѣютъ свои законы о соціальномъ устройствѣ, общій языкъ, раздѣленіе труда и цѣлую лѣстницу ранговъ. Они содержатъ арміи, ходятъ на войну, высылаютъ на поискъ ведеты, ставятъ часовыхъ, уносятъ съ собою плѣнниковъ, держатъ рабовъ и смотрятъ за домашними животными. Короче, *въ умственномъ отношеніи, это— миніатюрная копія съ человѣка.* Способность воспоминанія у насѣкомыхъ высшихъ породъ не подлежитъ никакому сомнѣнію. Еслибы мы не имѣли никакого другаго факта въ-подтвержденіе этого, то совершенно достаточно было бы и того, что они могутъ узнавать

[1]) Преосвященный *Платонъ*, архіепископъ Донскій, лично наблюдалъ нѣчто весьма схожее.

свои жилища. Когда потревоженный кѣмъ-нибудь паукъ притворяется мертвымъ, чтобъ избѣгнуть вниманія того, кто причинилъ эту тревогу, то онъ проявляетъ свою способность воспоминанія, точно такъже, какъ и въ томъ случаѣ, когда его выманиваютъ изъ его убѣжища, прикосновеніемъ къ паутинѣ. Узнавъ, въ чемъ состоитъ здѣсь обманъ, паукъ въ другой разъ уже не показывается, несмотря на повтореніе подобнаго-же посторонняго прикосновенія. Нельзя, поэтому, говоритъ тотъже писатель,—по крайней мѣрѣ въ-отношеніи болѣе совершенныхъ изъ этихъ породъ, принять взлядъ *Декарта*, считавшаго всѣхъ насѣкомыхъ простыми автоматами. Психологическія способности ихъ находятся въ строгой соразмѣрности съ усовершенствованіемъ ихъ мозговаго механизма».—Мы, съ своей стороны, не выражаемъ здѣсь ни согласія, ни несогласія нашего съ приведенными взглядами *Дарвина*, или *Дрэпера*,—а только показываемъ, что на одинъ и тотъ-же очевидный фактъ, каковы проявленія животныхъ инстинктовъ, взгляды могутъ быть различны до рѣзкой противоположности. Такъ, по взглядамъ позитивиста *Дарвина* и спиритуалиста-физіолога *Дрэпера*, инстинкты животныхъ высоко разумны, а по *Ульрици* менѣе чѣмъ автоматичны, будучи подчинены такимъ-же законамъ механической, физической и химической необходимости, какъ притяженіе тѣлъ къ землѣ, какъ обращеніе магнитной стрѣлки къ полюсу, или химическое сродство.

Въ тоже время, по взгляду не-только *Дарвина* и *Дрэпера*, но и самаго *Ульрици, инстинкты животныхъ, въ большей своей части, прирождены.* Слѣд., если приписать, возбуждаемымъ инстинктами, актамъ животныхъ хотя мамую долю той разумности и сознательности, которою такъ щедро надѣляютъ ихъ *Дарвинъ* и *Дрэперъ*,—если допустить неизбѣжное требованіе физіологіи, что *огромная часть, если только не вся совокупность, намѣренныхъ животныхъ актовъ посредствуется соотвѣтствующими отправленіями въ мозгу и нервахъ животнаго организма,—то въ наглядномъ результатѣ окажется, что огромная часть инстинктивныхъ знаній и соотвѣтствующихъ имъ мозговыхъ представленій у животныхъ несомнѣнно прирождена.* А *болѣе или менѣе значительная часть инстинктивныхъ знаній и соотвѣтствующихъ имъ мозговыхъ движеній, безспорно, принадлежитъ и человѣку;—значитъ, и у человѣка инстинктивныя движенія и связанныя съ ними инстинктивныя представленія нужно считать прирожденными.*

Но послѣдуемъ за *Ульрици*, чтобъ уловить рѣзкое противорѣчіе

въ его собственныхъ словахъ. Тоже самое *отсутствіе представленія о цѣли*, какое усмотрѣлъ у насѣкомыхъ, *Ульрици* видитъ и у птицъ, въ выборѣ матеріала для ихъ гнѣздъ. «Позывъ у нихъ», говоритъ *Ульрици*, «направляется не именно только на этотъ и ни на какой другой матеріалъ, а, напротивъ, *на постройку опредѣленнаго рода гнѣздъ*. Если пчелы перемѣняютъ крышки въ ячейкахъ, сдѣланныхъ для трутней, когда человѣческая рука подмѣняетъ трутней рабочими пчелами,—то это доказываетъ, что *онѣ замѣчаютъ случившееся измѣненіе въ порядкѣ посредственнаго ощущенія*, а вовсе не то, *что у нихъ есть представленіе о цѣли порядка и что онѣ дѣйствуютъ, сообразно съ тѣмъ, для возстановленія его*» [1]). А *Дарвинъ* сказалъ бы именно, что пчелы при этомъ «замѣчаютъ случившееся измѣненіе порядка и дѣйствуютъ съ представленіемъ цѣли для возставленія порядка». «По этому»,—продолжаетъ *Ульрици*,—«можно утверждать, что *здѣсь, какъ и повсюду*, позывъ есть выраженіе той характеризующей живыя существа *самопроизвольности*, которая вызываетъ инстинктивныя движенія животныхъ и *руководитъ ими*». И однакожъ, по словамъ его-же, *Ульрици*, «позывъ, будучи выраженіемъ самопроизвольности, находится въ подобномъ-же отношеніи къ своему предмету, какъ массы тѣлъ, взаимно привлекающіяся тяготѣніемъ, или вещества, движимыя одно къ другому химическимъ сродствомъ; самопроизвольность позыва не-только слѣпа, но и непреодолима» [2]).

Утверждая далѣе, вслѣдъ за *Аристотелемъ*, что «всѣ наши представленія, понятія, идеи и проч., словомъ все, что мы знаемъ о внѣшнемъ мірѣ и нашемъ собственномъ существѣ, въ послѣдней основѣ, *опирается на ощущеніи*, на внѣшне—чувственномъ ощущеніи и внутреннемъ чувствѣ,—утверждая, вопреки *Платону*, что такъ-называемыя *апріорическія, прирожденныя душѣ идеи, понятія, начала, законы и нормы (категоріи)* могутъ достигать въ сознаніе только посредствомъ опыта», *Ульрици*, однакожъ, допускаетъ, что не всѣ онѣ происходятъ изъ опыта, и говоритъ прямо: «и мы признаемъ *апріорическіе элементы нашего мышленія, познанія и вѣдѣнія*; поэтому, по нашему мнѣнію, *значило бы переливать изъ пустаго въ порожнее, если бы мы вздумали снова доказывать, что абсолютно нѣтъ никакого прирожденнаго содержанія сознанія*» [3]). Такимъ образомъ, ока-

---

[1]) Тѣло и душа, 268.

[2]) Тѣло и душа 260—262. [3]) 285.

зывается, что *Ульрици* допускаетъ «*прирожденное содержаніе сознанія, признаетъ апріорическіе элементы нашего мышленія, познанія и вѣдѣнія*».

Въ какомъ же смыслѣ онъ, *Ульрици*, принимаетъ и въ какомъ отрицаетъ «прирожденное содержаніе сознанія, апріорическіе элементы нашего мышленія, познанія и вѣдѣнія»?—Это отчасти объясняетъ онъ въ слѣдующихъ своихъ словахъ: [1]) «истина, въ дѣлѣ стремленія къ знанію, служитъ имманентнымъ моментомъ нашего существа, первоначальнымъ, апріоричнымъ элементомъ нашей души». Сказано какъ нельзя больше рѣшительно. Но сряду-же слѣдуетъ и ограниченіе: «*она имманентна не какъ понятіе или идея, и не для сознанія нашего, а только какъ внутренняя норма, какъ иѳическая категорія*; она руководитъ сначала безсознательно, инстинктивно, нашею познавательною дѣятельностью, т. е. она только даетъ намъ *возможность различать* предметы *относительно истины и неистины*. А какое содержаніе этой *нормы (какъ категорическаго понятія), въ чемъ состоитъ истина*, объ этомъ прямо и непосредственно мы ровно ничего не знаемъ. Но, сообразно съ нею, мы различаемъ предметы и, съ тѣмъ вмѣстѣ, стараемся узнать истинную сущность, причину и цѣль каждаго предмета, что служитъ содержаніемъ понятія истины» [2]). Что же мы здѣсь, въ этихъ словахъ *Ульрици*, получаемъ? Получаемъ рядъ несочетаемыхъ понятій: а) истина—имманентный моментъ нашего существа, первоначальный апріорическій элементъ нашей души; но имманентная нашему существу, нашей душѣ, она имманентна не для сознанія; б) истина имманентна, какъ внутренняя норма, какъ иѳическая категорія, но не какъ понятіе или идея;—в) она (истина) есть возможность различать предметы относительно истины и неистины; но въ чемъ состоитъ истина, мы ровно ничего не знаемъ; г) не имѣя объ истинѣ никакого понятія, сообразно съ нею, однакожъ, мы различаемъ предметы, т. е. мѣряемъ предметы извѣстнымъ масштабомъ истины, не имѣя ровно никакого представленія о самой мѣркѣ; истина есть норма категорія, но не понятіе или идея. — Спрашивается: какъ-же, какимъ яснымъ признакомъ отличить категорію отъ понятія и норму отъ идеи? Истина—норма внутренняя, иѳическая, имманентная нашему существу, нашей душѣ, однакожъ не сознанію, хотя сознаніе и употребляетъ ее какъ норму и категорію, какъ основной масштабъ ис-

[1]) Богъ и природа II. [2]) 167.

тины и неистины,—какъ связать, какъ поставить въ соотношеніе и понять эти несовмѣстимости?—Тѣже коллизіи встрѣчаемъ мы и дальше, въ разъясненіи идеи добра. «Идея истины», — пишетъ *Ульрици*,— «имѣетъ непосредственное отношеніе къ идеѣ добра. *Идея* добра *заключаетъ въ себѣ понятіе* высшей, послѣдней цѣли; а *какое содержаніе идеи добра, объ этомъ мы опять прямо и непосредственно не знаемъ ничего.* Идея добра не дана намъ непосредственно, *какъ идея*, какъ *сознательное представленіе*; но она, какъ имманентная норма, какъ иѳическая категорія, сначала только безсознательно и *инстинктивно руководитъ нашею различающею дѣятельностію, и, сообразно съ нею*, мы различаемъ предметы, равно-какъ чужія и свои дѣйствія. Идея добра, какъ иѳическая категорія, хотя мы первоначально ничего не знаемъ о ея содержаніи, *заключаетъ въ самой себѣ именно содержаніе* высшей цѣли всякаго дѣйствія. *Тоже можно сказать объ идеѣ и прекрасномъ.* Намъ нужна особенная норма для того, чтобъ отличать прекрасное отъ добра и истины и чтобъ имѣть возможность *понимать именно прекрасное.* Этою нормою служитъ *категорическое понятіе* прекраснаго, которое *присуще нашему сознанію не какъ понятіе, но какъ норма нашей различающей дѣятельности*, — которое руководитъ ея дѣйствіями и сливаетъ съ ними первоначальную потребность прекраснаго. Въ этой потребности прекрасное даетъ о себѣ знать, какъ объ идеальномъ — *должно*, по-отношенію къ формѣ. Съ помощію этой нормы, которая сначала невольно, безсознательно *руководитъ какъ нашею способностію различать, сравнивать и обсуживать* данныя явленія, такъ и образованіемъ и видомъ нашихъ собственныхъ произведеній въ области прекраснаго, — *съ помощію этой-то нормы мы и пріобрѣтаемъ отдѣльныя представленія о прекрасныхъ предметахъ, возводимъ ихъ въ конкретныя понятія и окончательно соединяемъ въ родовомъ понятіи о прекрасномъ вообще.* Объ идеѣ прекраснаго составляется такое понятіе, на-сколько оно, будучи выведено *изъ категоріи (нормальнаго понятія)*, связывается съ сознаніемъ долга и съ потребностью прекраснаго, какъ съ идеальною формою вещей». Итакъ, изъ словъ самаго *Ульрици* открывается, что идея истины, добра и красоты имманентна нашей душѣ, есть первоначальный апріорическій элементъ нашего существа, есть внутренняя норма, есть категорія, категорическое нормальное понятіе, которое инстинктивно руководитъ нашею различающею дѣятельностію,— идея, которая въ самой себѣ заключаетъ содержаніе высшей истины,

добра и красоты,—норма, которою мы различаемъ истину отъ добра и прекраснаго,—которая руководитъ нашею способностію различать истину отъ не истины, добро отъ не добра, прекрасное отъ не прекраснаго,—способностію сравнивать и обсуждать данныя явленія,—сообразно съ которою мы различаемъ предметы,—съ помощію которой мы пріобрѣтаемъ отдѣльныя представленія объ истинныхъ, добрыхъ и прекрасныхъ предметахъ, возводимъ эти представленія въ конкретныя понятія и окончательно соединяемъ въ родовомъ понятіи вообще объ истинномъ, добромъ и прекрасномъ. Спрашивается теперь: эта идея, эта норма, это категорическое нормальное понятіе, этотъ основной масштабъ, съ которымъ мы сравниваемъ всякое частное проявленіе истиннаго, добраго и прекраснаго,—сама она имманентна ли нашему сознанію, или не имманентна? *Ульрици* уже отвѣтилъ, что имманентна нашей душѣ, но не для сознанія. А если сознанію не имманентна,—то какъ-же мы сравниваемъ съ нею въ нашемъ сознаніи всякія частныя наши представленія объ истинномъ, добромъ и прекрасномъ? Здѣсь, по нашему сужденію, является затрудненіе безъисходное... Но если бы *Ульрици* сказалъ, что то и другое имманентно нашему сознанію, но только различнымъ образомъ,—что т. е. и идея, какъ идея, имманентна сознанію только отлично отъ присущихъ сознанію частныхъ и общихъ понятій о всемъ истинномъ, добромъ и прекрасномъ,—какъ всегда, съ глубокой древности, и говорили,—то въ этомъ различеніи принадлежности нашему сознанію идеи и понятія и открылся бы единственный, искони дознанный и провѣренный путь къ выходу изъ логическихъ затрудненій въ разрѣшеніи этой психологической проблеммы. Тогда и оказалась бы искони признанная истина, что аналогичное идеѣ понятіе пріобрѣтается аналитически-синтетическою работою разсудка, а коренная идея истины, добра и красоты есть имманентный моментъ нашего существа, есть первоначальный апріорическій элементъ нашей души, есть категорическая норма, есть основная прирожденная принадлежность нашего сознанія. «Если мы соединимъ всѣ наши толкованія», — говоритъ самъ *Ульрици* [1]),—«то ихъ можно будетъ выразить въ слѣдующемъ положеніи: *природа*, при точномъ разсматриваніи, *является руководствомъ къ изслѣдованію истины, первоначальною школою нравственнаго содержанія и художественнаго творчества*, а слѣд. *сокровищ-*

[1]) 174.

нищею нѳическихъ идей. Мы не можемъ обойтись безъ того, чтобъ не принять нѳическія понятія за масштабъ своего сужденія и классификаціи предметовъ; поэтому и оказывается вездѣ *тѣсная, неразрывная связь между областями природы и нравственности, между естественною и нѳическою (философскою) наукою, между реальнымъ и идеальнымъ.* Это не тожественность, но внутреннее первоначальное отношеніе одного къ другому, которое соединяетъ противоположности, которое возводитъ нѳическое до постулята, дѣлаетъ его цѣлью, концомъ естественнаго, а естественное дѣлаетъ фундаментомъ, исходною точкою нѳическаго. Хотя нѳическіе законы (идеи) сознаются человѣческимъ родомъ только постепенно, а слѣд., односторонне, порознь, однакожъ они являются человѣку *нормою, которую не самъ онъ себѣ создалъ и надъ которою онъ не имѣетъ никакой власти. Разумъ вовсе не производитъ нѳическихъ категорій, а скорѣе только предполагаетъ.* Еслибы мы не различали предметовъ, бытія и явленій, случаевъ и поступковъ, *сообразно главнымъ категоріямъ истины, добра, и красоты,—то не могло бы быть и рѣчи ни о разумномъ познаніи, ни о разумной волѣ и дѣйствіяхъ, ни о теоритическомъ и практическомъ разумѣ.* Разумъ есть сила различенія, которая различаетъ именно сообразно нѳическимъ категоріямъ (идеямъ), которая приводитъ къ сознанію содержаніе нѳическихъ идей. Отличительное свойство и способность его основываются только на нѳическихъ нормахъ: *разумъ есть разумъ, когда будутъ напередъ положены существованіе и знаніе этихъ нормъ,*—а разумъ есть только представитель, посредникъ между этими идеями и нашимъ сознаніемъ». Такимъ образомъ, *Ульрици* даетъ намъ, для нашей цѣли, больше, чѣмъ обѣщалъ, больше, чѣмъ можно было ждать, судя по нѣкоторымъ его отрицаніямъ. Начавъ съ отрицанія всякихъ апріорическихъ, прирожденныхъ душѣ, идей, понятій, началъ, законовъ и нормъ (категорій), онъ кончилъ не-только допущеніемъ *имманентности, апріорности, прирожденности главныхъ идей, нормъ, категорій, категорическихъ понятій истины, добра и красоты,* но и признаніемъ, что «еслибы мы не различали предметовъ, бытія и явленій, случаевъ и поступковъ, сообразно этимъ главнымъ категоріямъ, то *не могло бы быть и рѣчи ни о разумномъ познаніи, ни о разумной волѣ и дѣйствіяхъ, ни о теоретическомъ и практическомъ разумѣ».*

Этого мало. По словамъ *Ульрици* [1]), *въ прирожденныхъ законахъ*

[1]) Богъ и природа, II.

и нормахъ лежитъ послѣднее основаніе для научнаго доказательства въ-пользу признанія объективности всякаго чувственнаго воспріятія и согласія его съ реальнымъ бытіемъ,—признанія, которое опирается на проявляющуюся въ этихъ законахъ и нормахъ нашего мышленія имманентную логическую необходимость. «Объективность заручается»,—пишетъ *Ульрици*,—«*логическими законами и нормами нашего мышленія* и, вмѣстѣ съ тѣмъ, *внутреннею необходимостію мысли.* Наши объективныя чувственныя воспріятія различаются отъ другихъ не объективныхъ именно этою, ручающеюся за ихъ содержаніе, необходимостью мышленія. На этомъ основаніи, не-смотря на обманъ чувствъ и другіе какіе-нибудь поводы къ сомнѣнію, *ни одинъ скептикъ, ни одинъ идеалистъ, въ строгомъ смыслѣ, не вѣритъ, что онъ одинъ только существуетъ, а всѣ вещи внѣ его суть призрачное бытіе.* Прикладывая логическую необходимость, мы имѣемъ право говорить, что *наше представленіе должно соотвѣтствовать реальной сущности предмета,*—такъ-какъ мы не въ-состояніи сомнѣваться въ объективности, которую *должны принять, т. е. не въ-состояніи не принять.* Вся естествознательная наука опирается на имманентную логическую необходимость» [1]).

Оказывается, такимъ образомъ, что *Ульрици*, желая быть универсальнымъ, а между-тѣмъ, однакожъ, увлекаясь философскою модою новѣйшаго времени отрицать прирожденность нашему уму какихъ бы то ни было формъ и даже законовъ мышленія, сдѣлалъ усиліе связать два философскіе взгляда, искони взаимно противоположные. Но связь не оказалась, какъ и слѣдовало ожидать, не-только логическою, или фактическою, а даже а вербальною. Какъ философъ новѣйшаго времени, *Ульрици* счелъ своимъ долгомъ отвергнуть всѣ, «такъ-называемыя апріорическія, прирожденныя душѣ, идеи, понятія, начала, законы и нормы (категоріи); а *какъ философъ спиритуалистъ, онъ не могъ не признать ихъ прирожденность, апріорность, имманентность.* Этого мало; *прирожденныя нормы нашего мышленія (идеи, категоріи, законы), согласно съ философами спиритуалистами всѣхъ вѣковъ, онъ провозглашаетъ основою, — conditio sine qua non, — всякаго мышленія, познанія и знанія, прирожденнымъ основоположеніемъ всякаго довѣрія нашего къ реальному бытію, къ внѣ насъ существующему міру.*

[1]) 116.

ГЛАВА XXIX.

Вопросъ о *прирожденности идей* принадлежитъ къ числу самыхъ основныхъ вопросовъ философіи. Наиболѣе основательное и всестороннее раскрытіе его въ философіи существенно необходимо. И потому, полагаемъ, не будетъ излишествомъ, если мы подвергнемъ критикѣ ученіе еще одного отрицателя *прирожденности всякихъ представленій*, именно психолога *Вундта*. Позитивный матеріалистъ *Вундтъ*, по основнымъ своимъ взглядамъ, представляетъ противоположность съ позитивнымъ спиритуалистомъ *Ульрици*. И потому, если, обсудивъ взглядъ *Ульрици* на прирожденность идей, присоединимъ къ этому критическое обсужденіе взглядовъ и *Вундта*,—то, полагаемъ, что разсмотримъ этотъ вопросъ съ всестороннею обстоятельностію, какой только можно желать.

Конечно, *Вундтъ*, какъ позитивный матеріалистъ, долженъ былъ отвергнуть прирожденность всякихъ представленій или идей. Въ своей гносеологіи, онъ приближается къ *Д. С. Миллю*, до тожества въ основоположеніяхъ. Ему [1]) не нравится, что «*Кантъ*, какъ и другіе философы признавали нѣкоторыя понятія прирожденною собственностью нашего ума» [2]). По его мнѣнію и выраженіямъ, «понятія только и могутъ составляться при посредствѣ *опыта* [3]), *только опытъ* научаетъ меня тому, что существуютъ внѣшніе предметы. Къ различенію [4]) внѣшнихъ предметовъ отъ моего *я* пришелъ я тѣмъ—же путемъ, какъ и къ различенію внѣшнихъ предметовъ между собою,—*путемъ опыта*. Этотъ опытъ начался съ тѣхъ поръ, какъ я бросилъ первый взглядъ на предметы, въ первый разъ протянулъ къ нимъ руку. Если чувственное представленіе о внѣшнихъ предметахъ начало развиваться во мнѣ только съ пробужденіемъ моихъ ощущеній, то это значитъ, что до тѣхъ поръ у меня этого представленія не было». *Вундту* не нравится, что «психологи не дѣлаютъ строгаго различенія между развивающимся и вполнѣ развитымъ сознаніемъ и смотрятъ *на развивающееся сознаніе не какъ на процессъ, но какъ на состояніе души, данное съ самаго начала*, и полагаютъ, *будто созна-*

---

[1]) *Вундта*, Душа человѣка и животныхъ, перев. *Кемница*, изд. *Гайдебурова*, Спб. 1868 г. [2]) 1, 5. [3]) 1, 11. [4]) 1, 340.

ніе есть врожденное свойство души, впослѣдствіи только нѣсколько измѣняющееся» [1]),—тогда-какъ, по мнѣнію *Вундта*, «сознаніе есть не что иное, какъ *результатъ умозаключительнаго процесса*, который съ логическою необходимостью подготовляется цѣлымъ рядомъ предыдущихъ психическихъ процессовъ». Эти подготовительные процессы, изъ которыхъ вытекаетъ «умозаключительный процессъ сознанія», *Вундтъ* излагаетъ весьма близко къ изложенію *Д. С. Милля* [2]). По его словамъ, «рядъ умозаключеній, посредствомъ которыхъ мы проводимъ разграничительную черту между нашимъ *я* и внѣшнимъ міромъ, строится постепенно. Но самое разграниченіе всегда бываетъ мгновеннымъ актомъ; это одинъ моментъ, въ который наше *я* вдругъ вспыхиваетъ въ душѣ съ полною ясностію. Но это [3]) самосознаніе въ первое время относится только къ нашему тѣлу: тѣло есть то *я*, которое противополагается внѣшнимъ предметамъ. Только мало-помалу мы отличаемъ однѣ части нашего тѣла отъ другихъ, какъ болѣе существенныя,—одни дѣйствія отъ другихъ, какъ болѣе важныя для насъ, и, такимъ образомъ, включаемъ наше *я* въ болѣе тѣсные предѣлы. Сначала самосознаніе наше сосредоточивается на частяхъ, самыхъ необходимыхъ для жизни. Но потомъ и онѣ кажутся намъ чѣмъ-то внѣшнимъ, въ-сравненіи съ дѣйствіями, посредствомъ которыхъ мы сознаемъ какъ внѣшній міръ, такъ и свое собственное тѣло. Въ-сравненіи съ этою внутреннею дѣятельностію представленія и мышленія, всѣ движенія, совершаемыя членами нашего тѣла, являются внѣшними дѣйствіями и самое тѣло внѣшнимъ предметомъ. Такимъ образомъ, этотъ процессъ образованія самаго сознанія ведетъ къ тому, что *мышленіе кажется самою существенною частью нашей личности* и что мы *относимъ наше я исключительно къ психической дѣятельности, а именно къ высшей сознательной психической дѣятельности*». Вообще, по словамъ *Вундта*, «*у человѣка сознаніе и представленіе не есть что-нибудь врожденное*; а если такъ, то *мы вообще не имѣемъ права говорить о врожденномъ тамъ*, гдѣ видимъ дѣятельность, основанную на сознательныхъ представленіяхъ [4]). Если же нѣкоторые считаютъ мотивами инстинктивныхъ дѣйствій человѣка и животныхъ *врожденныя представленія*, то такое предположеніе представляется» *Вундту* «*страшнымъ*» (буквально) ««*противорѣчіемъ* всѣмъ результатамъ, которые получаются изъ изслѣдованія сознанія и способности

[1]) 1, 368. [2]) См. 1, 353—355, 367—367. [3]) 355 [4]) 1, 389.

представленія. Сознаніе есть продуктъ развитія; представленіе тѣсно связано съ познаніемъ. Поэтому, онъ вездѣ протестуетъ противъ врожденныхъ представленій [1]). *Все воззрѣніе наше»*,—говоритъ онъ [2]), *«рѣшительно не вяжется съ какою бы то ни было врожденностію представленій»*.

Этого мало, что всѣ наши представленія, самосознаніе, самая вѣра въ бытіе внѣшняго міра кажутся *Вундту*, какъ и *Д. С. Миллю*, не инымъ чѣмъ, какъ продуктомъ опыта. Нѣтъ, вмѣстѣ *съ Д. С. Миллемъ*, свое отвращеніе отъ какихъ бы то ни было врожденныхъ представленій онъ простираетъ до нелѣпости, до того, что даже *математическія аксіомы считаетъ продуктомъ опыта*. Этого мало, въ этомъ направленіи онъ идетъ даже далѣе *Д. С. Милля*, отрицая какую бы то ни было абсолютную достовѣрность, не допуская какихъ бы то ни было категорическихъ, всеобщихъ истинъ. По его словамъ, «даже математика есть [3]) есть не болѣе, какъ только рядъ умозаключеній изъ небольшаго числа общихъ законовъ, называемыхъ аксіомами, о множествѣ частныхъ случаевъ. *Самыя аксіомы не вложены въ нашъ умъ природою*, точно также, какъ и положеніе: *всѣ люди смертны*. Что равныя слагаемыя даютъ равныя суммы и что прямая линія есть кратчайшее разстояніе между двумя точками, «это»,—по его словамъ, —«мы узнаемъ изъ опыта. *Достовѣрность* [4]) *никогда не бываетъ абсолютная*, а всегда только относительная, и различается не по качеству, а только по степени. *Всеобщее сужденіе всегда выражаетъ законъ, выведенный изъ отдѣльныхъ фактовъ»*. Такъ и должно быть, если всякое наше знаніе есть продуктъ опыта и ощущенія, потому что для самыхъ ощущеній «не бываетъ а бсолютной величины, [5]) также, какъ не бываетъ и никакой абсолютной мѣры. Не подлежитъ [6]) сомнѣнію, что чувствительность нашихъ органовъ измѣняется. Ощущеніе не есть что-нибудь неизмѣнное; оно [7]) продуктъ умозаключенія, которое измѣняется вмѣстѣ съ моментами, имѣющими на него вліяніе». Такимъ образомъ, *Вундтъ* дошелъ до такого абсурда, какого нашелъ нужнымъ поостеречься самъ *Милль*. Тотъ еще допускаетъ всеобщія истины, не допускающія никакихъ исключеній, къ которымъ относитъ законы чиселъ и причинности; а *Вундтъ* уже за-одно зачеркиваетъ всякую абсолютную достовѣрность, даже математическую, которая у него основана вся на опытѣ... Или-же онъ долженъ впасть

---

[1]) 11, 429. [3]) 11, 450. [3]) 1, 56. [4]) 60. [5]) 121. [6]) 155. [7]) 263.

въ абсурдъ противоположный,—допустить, что опытъ можетъ доставлять истины всеобщія, абсолютно-категорическія,—абсурдъ, отъ котораго опять остерегся самъ *Д. С. Милль*. Впрочемъ нѣтъ: *Вундтъ* безъ малѣйшаго колебанія рѣшительно настаиваетъ на томъ, что «какого бы рода [1]) ни были наши умозаключенія, *всѣмъ имъ свойственна сомнительность, зависящая отъ ограниченности нашего опыта. Какъ бы ни былъ обширенъ нашъ опытъ, онъ все-таки не можетъ исчерпать всѣхъ частныхъ случаевъ. Поэтому, каждое обобщеніе, строго говоря, есть скачекъ отъ несомнѣннаго къ сомнительному*». Поэтому, и математическія аксіомы, какъ выводы изъ опыта, пока еще сомнительны; быть можетъ, и изъ нихъ окажутся въ опытѣ исключенія... Еще страннѣе разсужденія *Вундта о законѣ причинности*. Онъ сознается, что «дѣйствительность этого закона [2]) подтверждается вездѣ, гдѣ только наше изслѣдованіе проникаетъ въ связь вещей,—что онъ выведенъ изъ ряда фактовъ,—что до сихъ поръ его находили *во всѣхъ явленіяхъ, безъ исключенія*,—что такое воззрѣніе на законъ причинности оправдывается историческимъ его развитіемъ, и что предположеніе о причинной связи явленій древнѣе исторіи науки». Тѣмъ не менѣе, по словамъ *Вундта*, этотъ законъ берется для всѣхъ дальнѣйшихъ изслѣдованій именно только «*какъ предположеніе*». И, «хотя это *предположеніе* древнѣе исторіи науки»,—иначе сказать,—хотя оно искони было основнымъ закономъ для человѣческаго мышленія,—тѣмъ не менѣе «*распространеніе этого предположенія на всю сумму изслѣдованныхъ и не изслѣдованныхъ фактовъ еще довольно ново и, нужно сказать правду, до сихъ поръ еще не вполнѣ окончено*». *Вундтъ* высказывается даже рѣшительнѣе, именно, что «*общій законъ причинности* [3]) *не можетъ быть закономъ въ полномъ смыслѣ*». Почему? А по тому, что все познается посредствомъ опыта, «а *опытъ никогда не исчерпывается*. Этотъ законъ есть только требованіе (постулятъ), которое мы можемъ предъявить всякому научному разсматриванію міра. Высказывая его, мы еще не поняли этого верховнаго закона, а *только убѣждены въ его существованіи*». На какомъ же основаніи,—спросимъ мы,—убѣждены всѣ въ его существованіи, какъ закона всеобъемлющаго, если изъ опыта узнать этого мы неможемъ?.. Вотъ почему нельзя не сказать, что здѣсь, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, *Вундтъ* какъ ниже увидимъ, невольно высказывается въ-пользу прирож-

[1]) 1, 485. [2]) 1, 56. [3]) 487.

денныхъ коренныхъ убѣжденій, основныхъ категорій и идей. Здѣсь же мы показываемъ только то, что *Вундтъ способенъ усумниться во всеобщности даже закона причинности и въ непреложности даже математическихъ аксіомъ.*

Что же касается *идей*, то *Вундтъ* относится къ нимъ даже съ большею безпощадностью, нежели къ математическимъ аксіомамъ. Идеи, по ихъ происхожденію, онъ ставитъ въ одинъ рядъ съ чувствами (внутренними), съ настроеніями и аффектами. Но чувства, настроенія и аффекты, по его словамъ, не представляютъ что-либо первоначальное въ душѣ, а производное.—По его словамъ, «только сумма [1]) представленій вызываетъ аффектъ. Физическое впечатлѣніе» будто-бы «никогда не производитъ аффекта прямо, а всегда только посредствомъ ряда возбуждаемыхъ имъ представленій. У животныхъ аффекты точно также происходятъ, частію отъ непосредственнаго возбужденія представленій, частію отъ пробужденія воспоминаній. *Аффектъ и настроеніе всегда имѣютъ свой источникъ въ познавательномъ процессѣ особаго рода.* Основанные на познавательномъ процессѣ, они предполагаютъ *весьма многосложное происхожденіе.* Чувство [2]) заключаетъ въ себѣ безсознательное, инстинктивное *познаніе.* Во всякомъ *чувствѣ*, въ каждомъ аффектѣ, каждомъ настроеніи лежитъ инстинктивное *познаніе.* Самое чувство тождественно съ инстинктивнымъ *познаніемъ*; оно основано, въ безсознательной душѣ, *на тѣхъже процессахъ, которые въ сознательной душѣ образуютъ познаніе.* Процессъ безсознательнаго познанія, открывающійся [3]) въ аффектахъ и настроеніяхъ и даже въ физическихъ чувствахъ, становится еще очевиднѣе въ тѣхъ состояніяхъ души, которыя извѣстны подъ именемъ *чувствъ эстетическихъ, этическихъ и интеллектуальныхъ.* Выраженіе: *чувство*—допускается и въ этихъ высшихъ сферахъ духовной жизни, потому-что чувство всегда основано на инстинктивномъ познаніи; эстетическія, этическія и интеллектуальныя *понятія* произошли изъ чувства. *Идея—такой-же* [4]) *окончательный продуктъ безсознательнаго познанія, какъ понятіе—продуктъ сознательнаго познанія.* Идеею мы называемъ результатъ безсознательнаго познанія, стоящій на равной ступени съ понятіемъ. Идея всегда образуется безсознательнымъ путемъ» [5]). Въ-частности, относительно *нравственной идеи, Вундту* не нравится, что «у *Канта* понятіе [6])

---

[1]) 11, 39. [2]) 11, 56—57. [3]) 58. [4]) 61. [5]) 62. [6]) 11, 129.

добра и зла обратилось въ продуктъ того внутренняго моральнаго закона, который высказывается [1]) въ совѣсти. Считая чувство за причину нравственныхъ поступковъ, *Кантъ* долженъ былъ объявить его первоначальнымъ элементомъ нашего духа, не требующимъ для себя основаній,—а во всеобщей обязательности внутренняго моральнаго закона думалъ найти вѣрное доказательство того, что *этотъ законъ вложенъ въ человѣка заранѣе.* Этимъ»,—по мнѣнію *Вундта*,—«*Кантъ* совершенно исключилъ изъ круга психологическихъ изслѣдованій вопросъ *о происхожденіи нравственнаго чувства: что вложено въ насъ съ самаго начала, то не допускаетъ мысли о постепенномъ происхожденіи.* Вмѣстѣ съ тѣмъ, во всю внутреннюю жизнь внесенъ былъ непримиримый разладъ». По словамъ *Вундта* [2]), здѣсь философія упустила изъ виду возможность процесса происхожденія, скрывающагося въ безсознательной душѣ. Предположеніе это кажется *Вундту* тѣмъ болѣе основательнымъ, что «этотъ нравственный законъ является въ формѣ чувства, а чувство оказывается *результатомъ безсознательнаго познанія.* Не подлежитъ сомнѣнію справедливость принципа, что нравственность заключается единственно въ голосѣ совѣсти. Но это еще не рѣшаетъ вопроса: *вложена ли совѣсть въ каждаго человѣка отъ рожденія и не вырабатывается ли она, хотя и безсознательно, изъ внѣшнихъ возбужденій и основанныхъ на нихъ логическихъ процессовъ*»? На этотъ вопросъ *Вундтъ*, съ своей точки зрѣнія, отвѣчаетъ, что «понятія [3]) добра и зла существуютъ въ насъ, *первоначально, въ видѣ идей, въ-видѣ результатовъ инстинктивнаго познанія. Совѣсть есть* [4]) *дедуктивное умозаключеніе; но ей необходимо должна предшествовать индукція, именно та индукція, которая опредѣляетъ качества нравственнаго и безнравственнаго намѣренія. Идея добра и зла должна быть получена индуктивнымъ путемъ*, прежде нежели совѣсть, опираясь на нихъ, сдѣлаетъ свое дедуктивное умозаключеніе. Первымъ разъясненіемъ *происхожденія нравственныхъ идей и логическаго процесса, на которомъ основано это происхожденіе*, служитъ отвѣтъ на вопросъ: какимъ образомъ наука пришла къ нравственнымъ понятіямъ. Такъ-какъ понятіе есть таже идея, только переведенная на ясный языкъ сознанія, то намъ нужно только перенести процессъ происхожденія понятія въ безсознательную душу, чтобъ узнать способъ образованія

[1]) 130. [2]) 131. [3]) 133. [4]) 137.

идеи. Нравственная жизнь народовъ высказывается въ обычаѣ [1]). Но [2]) *обычай не бываетъ врожденнымъ*. Начало обычая совпадаетъ съ началомъ общества. *Но что получаетъ свой первый толчекъ въ общеніи людей, то не можетъ быть врожденнымъ*. Если нравственныя идеи проистекаютъ изъ обычаевъ и заключаются въ нихъ, то изъ этого необходимо слѣдуетъ, что эти идеи *не могутъ быть врожденною собственностію духа*. Тотъ [3]) психическій процессъ, который сознанію индивидуума и цѣлаго народа говоритъ, что нравственно и что безнравственно, есть одинъ обширный процессъ умозаключенія. Какъ [4]) нравственное, такъ и изящное, равно-какъ и *истина*, первоначально скрываются въ темной области чувства. Интеллектуальное чувство истины [5]) содержитъ въ себѣ инстинктивное *познаніе*. Но откуда [6]) является чувство, которымъ мы угадываемъ истину прежде, нежели узнаемъ ее дѣйствительно? Очевидно, что *это чувство можетъ быть вызвано только рядомъ опытныхъ фактовъ*. Очевидно, что и здѣсь результату должно предшествовать сопоставленіе фактовъ и умозаключеніе. Мы имѣемъ полное право», — утверждаетъ *Вундтъ* [7])—«назвать *процессъ, производящій интеллектуальное чувство, процессомъ безсознательнаго познанія*. Онъ безсознательный процессъ по тому, что мы ничего не знаемъ о его существованіи». Тѣмъ не менѣе *Вундтъ* знаетъ, что «умозаключенія, изъ которыхъ состоитъ процессъ безсознательнаго познанія или процессъ чувства, суть умозаключенія индуктивныя. Каждое интеллектуальное чувство основано на индукціи. Напротивъ того, перенося процессъ безсознательнаго познанія въ сознаніе, мы дѣлаемъ это посредствомъ дедукціи. Тогда какъ индукція, отъ начала до конца, лежитъ въ безсознательной душѣ, этотъ дедуктивный процессъ весь сполна совершается въ сознаніи. Интеллектуальное чувство [8]) въ-сущности основано на одномъ и томъ-же процессѣ, который тождественъ съ процессомъ познанія; все отличіе его состоитъ въ томъ, что онъ совершается въ безсознательной душѣ. Поэтому мы и назвали чувство безсознательнымъ инстинктивнымъ *познаніемъ*. Эстетическія и нравственныя чувства точно также происходятъ *изъ инстинктивнаго познавательнаго процесса, рождающаго чувство* [9]). Различіе, которое мы принимаемъ между чувствами интеллектуальными, эстестическими и нравственными, есть чисто внѣшнее. Всѣ три формы инстинктивнаго

---

[1]) 155. [2]) 159. [3]) 235. [4]) 261. [5]) 262 [6]) 267. [7]) 238. [8]) 276. [9]) 277.

ознанія совпадаютъ между собою. Только въ безсознательной душѣ ги процессы совершаются въ одновременномъ множествѣ индукцій; въ сознаніи, согласно съ его природою, они сливаются въ одну инію дедукціи».

Итакъ, по ученію *Вундта*, ясно, что мы не имѣемъ ни врожденыхъ идей, ни понятій и какихъ бы то ни было представленій. Но дѣсь представляется первая странность: ужели-же онъ *инстинктивное познаніе*, о которомъ такъ много толкуетъ, *не считаетъ прирожденнымъ, тогда-какъ уже испоконъ-вѣка принято признавать инстинкты прирожденными, такъ-что понятія инстинктивнаго и прирожденнаго стали въ словоупотребленіи почти тождественными?*

Допускаетъ ли Вундтъ инстинкты и инстинктивныя познанія? Очевидно допускаетъ, и у человѣка и у животныхъ, считая вообще ушу человѣка и души животныхъ тождественными, различая познанія ивотныхъ отъ человѣческихъ только по степени, а не по роду и качеству, и даже объясняя происхожденіе инстинктовъ, какъ и вообще сѣ психическія явленія въ душѣ животной, аналогичными съ явленіями ъ душѣ человѣческой. *Вундтъ* прямо говоритъ и доказываетъ [1]), удто «ни одно животное [2]) не бываетъ лишено сознанія и у многихъ ивотныхъ оно является даже раньше, чѣмъ у человѣка; изъ наблюенія надъ животными мы» будто бы «не видимъ, чтобы душевныя способности животнаго и человѣка были совершенно различны» [3]). *Вундтъ* тверждаетъ рѣшительно, что у животныхъ есть познавательный [4]) процессъ. Онъ фактами доказываетъ, что пчелы, муравьи, термиты остигаютъ такого умственнаго развитія, которое ставитъ ихъ на-ряду со способнѣйшими изъ позвоночныхъ животныхъ [5]). Ясные слѣды разумной дѣятельности находитъ онъ у бабочекъ, именно еще въ состояніи личинокъ, [6]) слѣды размышленія въ жукахъ [7]). Муравьи, термиты и пчелы, по словамъ *Вундта* [8]), «обладаютъ не только размышленіемъ, способностію дѣйствовать по соображеніямъ разсудка, но и средствами для взаимнаго сообщенія мыслей. Въ особенности явленія общественной жизни ясно указываютъ на существованіе у этихъ животныхъ языка, а языкъ возможенъ только на довольно высокой степени психическаго развитія, которой онъ бываетъ продуктомъ.

---

[1]) Въ какой мѣрѣ основательно или неосновательно онъ доказываетъ это, здѣсь этого вопроса мы не касаемся. [2]) 1,387. [3]) 1,380. [4]) 543. [5]) 545. [6]) 546. [7]) 547. [8]) 549.

Самой [1]) высшей степени умственнаго развитія, въ царствѣ животныхъ, достигаетъ классъ млекопитающихъ, къ которымъ принадлежитъ и человѣкъ. Послѣ обзора духовныхъ явленій въ царствѣ животныхъ, отвѣтъ на вопросъ о качествѣ познавательнаго процесса у животныхъ (будто бы?) не сомнителенъ [2]): познаніе животныхъ отличается отъ познанія человѣка (будто бы?) только степенью своего развитія. Всѣ духовныя различія [3]) суть различія степени, но не качества: бабочка, которая по цвѣту и запаху узнаетъ цвѣтокъ, заключающій въ себѣ медъ, дѣлаетъ (будто бы?) такое-же сужденіе, основанное на умозаключеніяхъ, какъ и ученый, выводящій изъ данныхъ фактовъ общій законъ». По словамъ *Вундта*, «главные пункты, показывающіе успѣхи умственнаго развитія, суть слѣдующіе: различеніе собственнаго существа отъ внѣшняго міра или начало сознанія, потомъ [4]) соединеніе представленій и память и, наконецъ, образованіе понятій и сообщеніе ихъ другимъ. И человѣкъ стоитъ не внѣ этого; ряда развитія, онъ даже не занимаетъ въ немъ особой ступени, а достигаетъ только сравнительно высшей точки, на третьей ступени этого ряда. Ни образованіе понятій, ни языкъ не составляетъ исключительной принадлежности человѣка. Многія дѣйствія [5]) животныхъ, смѣшиваемыя съ инстинктомъ, кажутся *Вундту* очевидными проявленіями разума. Но, тѣмъ не менѣе, рядомъ съ ними самъ-же *Вундтъ* находитъ и такія дѣйствія, которыя хотя и совершенно цѣлесообразны, но никакъ не могутъ быть истолкованы обдуманностію, соображеніемъ. Такъ, устройство птичьяго гнѣзда, тканье паука, строеніе пчелиныхъ сотовъ суть дѣйствія положительно цѣлесообразныя. Но если бы такая дѣятельность была дѣятельностію сознательною,—то она предполагала бы гораздо высшую степень сознательнаго разсужденія, нежели какую мы видимъ въ другихъ дѣйствіяхъ тѣхъ-же животныхъ. Другой, еще болѣе важный, аргументъ, доказывающій, что *эти и подобныя имъ цѣлесообразныя дѣйствія не могутъ быть слѣдствіемъ сознательнаго разсужденія*, *Вундтъ* находитъ въ той строгой правильности, съ какою эти дѣйствія повторяются у отдѣльныхъ индивидуумовъ одного и того-же вида, тогда-какъ между этими индивидуумами далеко не всегда бываетъ такая связь, которою можно было бы сколько-нибудь объяснить эти дѣйствія. *Вундтъ* не отрицаетъ, что, въ безчисленномъ множествѣ случаевъ [6]), индивидуумъ начинаетъ

[1]) 553. [2]) 561. [3]) 562. [4]) 563. [5]) 11,424. [6]) 426, 11.

свою жизнь совершенно самостоятельно. Когда гусеница выходитъ изъ яичка, родителей ея давно уже нѣтъ въ живыхъ; но, несмотря на то, она устроиваетъ себѣ точно такой-же коконъ. *Вундтъ* знаетъ, что, въ очень многихъ случаяхъ, инстинктивное дѣйствіе заключаетъ въ себѣ *рѣшительное предвидѣніе будущаго*; а можетъ ли быть такое предвидѣніе сознательнымъ, если аналогическіе факты не предшествовали ему въ индивидуальной жизни и не были сообщены другими индивидуумами»?

Если, по словамъ *Вундта, инстинктивныя дѣйствія не могутъ происходить отъ сознательнаго разсужденія*, потому-что въ такомъ случаѣ они предполагали бы способность *предвидѣнія, невозможную психологически*,—то точно также не состоятельна и противоположная гипотеза, которая хочетъ вывести всякій инстинктъ [1]) *изъ законовъ физической организаціи*. Если личинка отдѣляетъ свой шелкъ, паукъ свою паутину, пчела свой воскъ, — то это столько — же необходимо физически, какъ и всякое другое выдѣленіе ихъ организма. Но какъ объяснить физическою организаціею то, что эти вещества, по своемъ выдѣленіи, перерабатываются именно въ такіе, довольно замысловатые, продукты? «Однимъ словомъ», сознается *Вундтъ*,—«*тутъ мы имѣемъ дѣло съ такъ—называемыми животными инстинктами*».

Вмѣстѣ съ тѣмъ, *Вундтъ* признаетъ, что «инстинктивныя дѣйствія свойственны не-только животнымъ, но и человѣку. Если [2]) возмемъ инстинктъ въ-смыслѣ цѣлесообразнаго, но безсознательнаго, дѣйствія,— то ежедневный опытъ убѣждаетъ насъ, что многія дѣйствія и *у человѣка производятся совершенно безсознательно*. Мы смѣемся и плачемъ, мы совершаемъ самыя многосложныя мимическія движенія помимо нашей воли и нашего знанія, и даже вопреки имъ. У дѣтей [3]) *инстинктивныя дѣйствія*, очевидно, выходятъ изъ рефлексовъ. Всѣ мимическія движенія суть, въ тоже время, рефлективныя движенія. Они являются [4]) не только при дѣйствіи извѣстныхъ чувственныхъ раздраженій, въ отношеніи которыхъ они служатъ цѣлесообразнымъ отраженіемъ (рефлексомъ), но часто слѣдуютъ даже за чисто психическими аффектами. Такъ, выраженіе лица при ощущеніи кислаго и горькаго происходитъ не только отъ дѣйствія кислыхъ и горькихъ вкусовыхъ раздраженій, но и вообще отъ непріятныхъ возбужденій, напр., презрѣнія, ненависти, отвращенія. Связь [5]) самыхъ первоначальныхъ мимиче-

[1]) 11, 498. [2]) 11, 430. [3]) 11, 431. [4]) 11, 432. [5]) 11, 436.

скихъ движеній съ тѣми внутренними возбужденіями, отъ которыхъ они зависятъ, должна считаться *не иначе, какъ врожденною*». Такимъ образомъ, *Вундтъ* заговорилъ уже и о врожденности.

«Какъ объяснить [1]) *эту врожденную связь*»? спрашиваетъ онъ и отвѣчаетъ: «очевидно, всего естественнѣе вывести ее изъ органической связи нервныхъ волоконъ и нервныхъ клѣточекъ. По общей теоріи рефлекса, мы должны предположить *извѣстное расположеніе, зависящее отъ природной связи волоконъ въ центральной нервной системѣ*. Сказавъ [2]), что связь мимическихъ движеній, съ вызывающими ихъ внутренними возбужденіями должна оставаться врожденною, мы вышли за предѣлы индивидуальнаго существованія. *Была ли эта связь, сообщаемая индивидууму уже въ готовомъ видѣ, выработана въ теченіи многихъ поколѣній, или она заранѣе была вложена въ первое существо и оставалась неизмѣнною до нынѣ*? Рѣшеніе этой альтернативы зависитъ отъ того, каковы наши воззрѣнія относительно великаго вопроса о происхожденіи органическаго міра». Для разъясненія этого вопроса, *Вундтъ* прибѣгаетъ къ Дарвиновой теоріи естественнаго подбора и наслѣдственной передачи. «Если Дарвиновъ принципъ естественнаго подбора»,—пишетъ онъ, «разъясняетъ для насъ много темнаго въ естественной исторіи физическаго организма, то это не менѣе можно сказать и о загадкахъ психическаго развитія [3]). Оба закона, на которыхъ существеннымъ образомъ основанъ этотъ принципъ въ физическомъ отношеніи, законъ измѣненія индивидуальныхъ свойствъ и *законъ наслѣдственной ихъ передачи*, оба они могутъ быть доказаны, въ настоящее время, и въ духовной области. Когда индивидуальныя уклоненія умножаются, при наслѣдственной передачѣ, то происходятъ различія племени, расы и вида. А отъ развитія отдѣльныхъ частей нервной системы и соединенныхъ съ нею органовъ зависитъ способность извѣстныхъ частей приходить въ общее возбужденіе, и слѣд. [4]), наклонность къ сложнымъ отправленіямъ извѣстнаго рода. Вообразимъ себѣ, что существуетъ организмъ съ простѣйшею нервною системою, состоящею изъ одной или нѣсколькихъ клѣточекъ, съ придачею къ нимъ нервныхъ волоконъ. Вскорѣ въ немъ болѣе другихъ разовьются тѣ волокна, которыя чаще подвергаются внѣшнимъ раздраженіямъ. Такимъ образомъ, возникаетъ отдѣльный механизмъ рефлексовъ, который передается по наслѣдству. Когда

[1]) 437, 11. [2]) 438, 11 [3]) 441, 11. [4]) 443, 11.

рефлективныя движенія были регулированы подобнымъ образомъ, изъ взаимодѣйствія этихъ движеній *съ внѣшнимъ міромъ долженъ произойти первый зародышъ сознанія* [1]). Тутъ все, что было произведено процессомъ безсознательнаго познанія, должно было войти въ это сознаніе въ-видѣ результата. Сначала явились физическія чувства, потомъ и аффекты; эти чувства, въ свою очередь, оказывали вліяніе на дѣйствія, и, так. образомъ, произошли тѣ, болѣе сложныя, цѣлесообразныя, но все еще *безсознательныя, движенія, которыя мы называемъ инстинктивными дѣйствіями.* Но такъ-какъ съ сознаніемъ развилось и сознательное познаніе, то послѣднее произвело сознательныя и произвольныя дѣйствія. А эти, въ свою очередь, имѣли сильное вліяніе на физическую организацію. Но при этомъ и цѣли, первоначально бывшія сознательными, могутъ сдѣлаться потомъ безсознательными, и, не-смотря на то, по-прежнему могли продолжаться дѣйствія, выражающія стремленіе къ нимъ. Такимъ образомъ, изъ сознательныхъ дѣйствій снова происходятъ *инстинктивныя. Послѣднія оставались постоянною собственностью духа*, которая умножалась новыми актами сознанія. Центръ [2]) тяжести этой гипотезы опирается на два закона, *вполнѣ доказанные и въ психической области: законъ наслѣдственности, и законъ измѣненія.* Стремленіе родителей передать свои индивидуальныя качества въ наслѣдство потомкамъ и побужденіе послѣднихъ пріобрѣсти новыя индивидуальныя свойства должно представлять себѣ какъ одновременныя и часто другъ другу противодѣйствующія силы. Фактическое развитіе есть не что иное, какъ равнодѣйствующая этихъ силъ».

По видимому, *Вундтъ*, ясно допуская *цѣлый рядъ инстинктивныхъ познаній*, допускаетъ и *врожденность ихъ*? Но здѣсь онъ чувствуетъ себѣ въ большомъ затрудненіи. «Все воззрѣніе наше на духовную жизнь», продолжаетъ онъ [3]),—«рѣшительно не вяжется съ какою бы то ни было врожденностью представленій». Итакъ, что же, врождены ли инстинктивныя познанія, или не врождены?—«Все, что мы можемъ и должны допустить»,—объясняетъ онъ,—«какъ въ тѣлесномъ, такъ и въ духовномъ отношеніи, это *наслѣдственность способностей.* Что наслѣдственность тѣлесныхъ свойствъ состоитъ только въ наслѣдственной передачѣ способности къ развитію извѣстной формы тѣла, это видно изъ непосредственнаго наблюденія. Въ первомъ зародышѣ нельзя за-

[1]) 444,11. [2]) 448,11, [3]) 11,450.

мѣтить ни малѣйшаго слѣда особенностей тѣлеснаго образованія; всѣ эти особенности суть продукты уже самостоятельнаго развитія и потому въ зародышѣ могуть заключаться только потенціально, т. е. *въ-качествѣ способностей*. Примѣняя это къ духовной жизни, мы должны понимать здѣсь *врожденность инстинктовъ не такъ, какъ будто въ каждое животное заранѣе вложенъ образъ его будущихъ жизненныхъ отправленій*, прежде, нежели оно начало совершать эти отправленія; *но мы должны представлять себѣ, что всякое существо, по общей своей организаціи, получаетъ преобладающую наклонность къ извѣстнымъ отправленіямъ*. Въ чемъ именно состоитъ эта наклонность, это расположеніе, это остается для насъ загадкою».

Итакъ ясно, что *Вундтъ*, не-только своими объясненіями психической жизни, но и буквальными выраженіями, допускаетъ *врожденность инстинктовъ*. Если же кажется, что онъ, въ тоже время, какъ-будто и отрицаетъ ее, то это значитъ только, что онъ силится истолковать ее какъ-будто несогласно съ общимъ смысломъ. По его толкованію, *инстинкты врождены не какъ представленія или образы будущихъ жизненныхъ отправленій, но какъ преобладающая наклонность общей организаціи всякаго живаго существа къ извѣстнымъ отправленіямъ, — наклонность, которая, при правильномъ развитіи организаціи, неизбѣжно развиваетъ въ нервной системѣ представленіе или образъ извѣстныхъ жизненныхъ отправленій*. Но въ такомъ толкованіи врожденности инстинктовъ долженъ согласиться съ *Вундтомъ* всякій эмпирическій психологъ, всякій наблюдатель психической жизни.

Въ-частности, допускаетъ ли *Вундтъ*, въ какомъ-либо смыслѣ, *прирожденность высшихъ человѣческихъ идей*? Очевидно, допускаетъ: отрицая на словахъ, допускаетъ на дѣлѣ уже по тому самому, что допускаетъ прирожденность инстинктовъ, а идеи относитъ къ инстинктамъ.

«Чувство заключаетъ въ себѣ»,—по его словамъ, — «*безсознательное, инстинктивное* познаніе. Во всякомъ чувствѣ, въ каждомъ аффектѣ, каждомъ настроеніи лежитъ *инстинктивное* познаніе. Самое чувство тождественно съ *инстинктивнымъ* познаніемъ [1]); но, называя чувство *инстинктивнымъ* познаніемъ [2]), мы говоримъ только, что *оно основано въ безсознательной душѣ* на тѣхъ—же процессахъ, которые

[1]) 11,56. [2]) 11,57.

въ сознательной душѣ образуютъ познаніе». Для насъ не то важно, какъ это видитъ *Вундтъ* въ безсознательной душѣ тѣ познавательные процессы, которые образуютъ чувство, а то, что *оно инстинктивно*. Въ тоже время, *Вундтъ* сознается, что «мы не можемъ разложить чувство на составныя части, *или вывести изъ основаній*, какъ какую-нибудь истину познанія. *Чувство* [1]) *постигаетъ инстинктивно*; *въ чувствѣ проявляется безотчетный голосъ природы*». Ясно, кажется, что *изрекаемый нашимъ чувствомъ голосъ есть голосъ самой природы*, хотя и безотчетный, т. е., съ нашей точки зрѣнія, безотчетный потому, что мы не можемъ дать себѣ отчета, почему чувство наше изрекаетъ такой, а не другой голосъ. И между-тѣмъ «изъ чувства»,—по словамъ *Вундта* [2]),—«произошли *всѣ эстетическія, этическія и интеллектуальныя понятія*: они образовались тогда, когда мышленіе овладѣло чувствами и вывело на свѣтъ сознанія содержащееся въ нихъ *инстинктивное* познаніе. При первомъ взглядѣ на чувство, предчувствуется въ немъ *инстинктивный познавательный процессъ: мы чувствуемъ, что здѣсь есть какое-то познаніе*, а въ то-же время, мы не можемъ проникнуть взоромъ въ дѣйствительный процессъ этого познанія. Отъ чего происходитъ это предчувствіе? *Идеи красоты* [3]), *добра и истины пробуждаются въ насъ такимъ образомъ, что мы не сознаемъ, откуда онѣ явились и на чемъ основаны*. И именно въ этомъ и состоитъ ихъ отличіе отъ познанія. Понятія пріобрѣтаются постепенно, долгимъ трудомъ; но *идеи красоты, добра и истины мы носимъ въ себѣ, задолго до того, какъ возводимъ ихъ въ понятія*. Таковъ существенный смыслъ, который мы должны придать слову *идея*. Для насъ оно такое-же характеристическое выраженіе для окончательнаго продукта безсознательнаго познанія, какъ понятіе—для продукта сознательнаго познанія. Идеею мы называемъ результатъ безсознательнаго познанія, стоящій на равной ступени съ понятіемъ, но не дозволяющій, подобно понятію, видѣть процессъ своего происхожденія... Эти противорѣчія можно легко объяснить *безсознательнымъ происхожденіемъ идеи*. Если идею иногда считали за одно и то-же съ представленіемъ, то въ этомъ виноватъ именно *безсознательный процессъ ея происхожденія, вслѣдствіе котораго идею нельзя было ставить на равнѣ съ понятіемъ*. Отъ понятія она отличается тѣмъ, что послѣднее совершаетъ свои абстракціи сознательно;—тогда-какъ *идея всегда обра-*

[1]) 11,59. [2]) 11,59. [3]) 61.

зуется безсознательнымъ путемъ и только въ готовомъ видѣ переходитъ въ сознаніе. По-этому, идею никогда нельзя разложить, какъ понятіе, на опредѣленное число предикатовъ; при разложеніи идеи на предикаты всегда получается остатокъ, котораго нельзя опредѣлить; ей всегда свойственна та неопредѣленность, которую часто называли безконечностью идеи».

Въ-частности, относительно *нравственной идеи, идеи нравственнаго закона*, *Вундтъ* сознается, что понятія добра и зла существуютъ [1]) въ насъ первоначально въ-видѣ *идей*, въ-видѣ результатовъ *инстинктивнаго познанія, и происхожденіе ихъ скрывается во мракѣ безсознательной души.* Точка [2]) происхожденія нравственной жизни совпадаетъ вообще съ происхожденіемъ человѣческаго рода. Есть нравственныя идеи, безъ которыхъ [3]) не обходится, повидимому, ни одинъ народъ, въ первоначальную пору. Не должно, впрочемъ, забывать, что самая первоначальная пора нравственности, за исключеніемъ развѣ нравственности животныхъ, остается для насъ terra incognita. Было бы несправедливо отказать даже дикарямъ [5]) во всякомъ нравственномъ чувствѣ; напротивъ того оно постоянно возвышало свой голосъ среди всѣхъ звѣрствъ каннибализма, частію стараясь извинить ихъ, частію громко протестуя противъ нихъ. Такимъ образомъ и естественному человѣку нельзя отказать [4]) въ нравственной жизни: *она является съ самаго начала человѣческаго существованія, во всѣхъ своихъ зародышахъ.* Высшія [6]) ступени развитія нравственной жизни имѣютъ *свой зародышъ въ первоначальномъ состояніи естественнаго человѣка;* но цвѣтъ и плодъ созрѣваютъ только въ средѣ народовъ цивилизованныхъ. Такимъ образомъ человѣкъ принимаетъ нравственные законы за норму своихъ поступковъ; а откуда онъ беретъ эти законы, объ этомъ мы непосредственно ровно [7]) ничего не знаемъ. *Самъ нравственный процессъ весь лежитъ въ безсознательной душѣ;* въ сознаніи мы находимъ только его результатъ. Какъ ни разнообразны [8]) измѣненія, которымъ подвергаются нравственныя идеи въ ходѣ всемірной исторіи, — но есть одна субъективная связь, ихъ соединяющая. Нравственныя цѣли, къ достиженію которыхъ стремятся народы, въ-сущности своей всегда одинаковы; обычаи и законы могутъ представлять коренныя различія, а сущность идеи нравственнаго всегда останется одна и та же».

---

[1]) 11, 133. [2]) 11, 152. [3]) 11, 160. [4]) 167. [5]) 178. [6]) 179. [7]) 233. [9]) 234.

Въ-частности *относительно интеллектуальнаго чувства, чувства истины*, *Вундтъ* говоритъ, что оно [1]) содержитъ въ себѣ *инстинктивное познаніе*, что дѣйствительное бытіе вещей соотвѣтствуетъ нашему представленію о нихъ, а въ чувствѣ заблужденія лежитъ *инстинктивное познаніе*, что между тѣмъ и другимъ существуетъ противорѣчіе. Чувство истины сопровождается чувствомъ удовлетворенія. Чувство истины пассивно; оно всегда предшествуетъ [2]) познанію и *инстинктивно заключаетъ его въ себѣ*. Всякое познаніе сначала пріобрѣтается *путемъ инстинкта*. Почти каждое открытіе, каждая новая истина основаны на *безсознательномъ познаніи*. Тотъ *инстинктивный* тактъ, который, приступая къ изслѣдованію, тотчасъ смекаетъ, въ чемъ главное дѣло, который нерѣдко по началу угадываетъ конецъ, основанъ исключительно на чувствѣ, на процессѣ *безсознательнаго познанія*.... Исторія наукъ [3]) показываетъ, какъ *инстинктивное познаніе* всегда предшествуетъ сознательному. Когда приходитъ время проложить новый путь для науки, какое-то *инстинктивное* стремленіе влечетъ сотни умовъ на эту новую дорогу. Вся заслуга великихъ мыслителей [4]) состоитъ въ томъ, что они въ первый разъ съ яснымъ сознаніемъ высказываютъ и оцѣниваютъ вещи, которыя прежде понимались только *инстинктивно*. *Инстинктивное познаніе* само по себѣ не можетъ дать полнаго познанія: оно предшествуетъ познанію и указываетъ ему новыя точки зрѣнія. Истинное познаніе является только тогда, когда въ найденное [5]) *инстинктивно* проникаетъ лучъ яснаго сознанія. Знаніе [6]) всегда начинается съ *инстинктивнаго* нахожденія; но тамъ, гдѣ нужна твердая достовѣрность, оно должно перейти на степень сознательнаго исканія. Хотя и на этой высшей ступени науки *инстинктъ все еще остается первымъ руководителемъ* на пути къ вѣрной цѣли,—но этимъ не должно ограничиваться. Для науки не довольно того, что истина найдена; она спрашиваетъ: почему найденное есть истина. Это доказательство есть дѣло науки».

Наконецъ, въ-частности «эстетическое чувство»,—по словамъ *Вундта* [7]), — «также зависитъ отъ *инстинктивнаго познанія*. Творческое осуществленіе идеи въ художественномъ произведеніи происходитъ совершенно *инстинктивно*; всякое художественное творчество бываетъ въ-началѣ безсознательнымъ. Законы [8]) формы, осуществленіе

[1]) 11, 262. [2]) 263. [3]) 264. [4]) 265. [5]) 266. [6]) 267. [7]) 11, 67. [8]) 124.

которыхъ мы находимъ въ совершеннѣйшихъ произведеніяхъ природы, и тѣ законы формы, которымъ слѣдуетъ наше естественное чувство, одни и тѣже. Что значитъ это совпаденіе? Всего естественнѣе предполагать, что *нашъ эстетическій законъ формы образовался подъ вліяніемъ того закона формы, который мы находимъ въ природѣ»* (иначе сказать — прирожденъ?), «и что намъ кажутся изящными всѣ тѣ пропорціи, которыя соотвѣтствуютъ болѣе совершеннымъ формамъ природы. Но [1]) съ такимъ-же правомъ можно утверждать и на-оборотъ, что *совершеннѣйшія формы природы именно потому и кажутся намъ изящными, что соотвѣтствуютъ лежащему въ насъ»* (*иначе сказать,—лежащему въ нашей природѣ, прирожденному) «эстетическому закону формы.* Въ чемъ [2]) состоитъ то общее, въ которомъ сходны всѣ явленія элементарной красоты? Это, очевидно, понятіе порядка, взятое въ своемъ высшемъ значеніи. Въ каждомъ изящномъ явленіи заключается идея, что міръ не есть грубая масса безсвязныхъ частностей, но что въ нихъ одно имѣетъ связь съ другимъ. Такъ, каждое отдѣльное явленіе уже содержитъ въ себѣ намекъ на правильное міровое цѣлое, на *космосъ*, какъ называли его, съ выразительною многознаменательностію, греки. Но *въ этой сущности идеи изящнаго ясно раскрывается и связь ея съ идеями религіозною, нравственною и интеллектуальною.* Вѣчный порядокъ, отражающійся во всѣхъ вещахъ, представляетъ намъ сущность вещей чѣмъ-то безконечнымъ и непостижимымъ: вотъ идея, въ которой коренится *религіозное чувство.* Внѣшній порядокъ указываетъ на внутренній, и зависимость *отъ внутренняго закона, который съ самаго начала скрывается въ ходѣ міроваго развитія, раждаетъ нравственное чувство.* Наконецъ, изъ *безсознательнаго познанія* правильнаго міроваго устройства проистекаетъ *интеллекшуальное чувство».*

Такимъ образомъ, не-смотря на всѣ свои отрицанія прирожденности идей, представленій и т. п., *Вундтъ* буквально выражается, что *въ насъ, въ нашей природѣ, лежитъ эстетическій законъ формы, внутренній эстетическій законъ, совпадающій, или даже тожественный съ закономъ изящнаго, лежащаго въ природѣ,—что намъ прирождена идея изящнаго, тожественная съ идеями интеллектуальною, нравственною и религіозною, идея, служащая въ нашей душѣ прирожденнымъ отраженіемъ міроваго порядка, универсальной красоты и правды космоса.*

---

[1]) 125. [2]) 127.

А если, въ тоже самое время, *Вундтъ* также положительно говоритъ, что «все воззрѣніе его не вяжется съ какою бы то ни было врожденностью представленій», то здѣсь онъ только противорѣчитъ себѣ, противорѣчитъ другимъ своимъ буквальнымъ-же выраженіемъ. Идеи интеллектуальную и нравственную онъ признаетъ тожественными съ идеею эстетическою; но о послѣдней выражается буквально, что «*въ насъ*» (иначе сказать, въ нашей природѣ) «*лежитъ эстетическій законъ формы*». Вообще о чувствѣ, изъ котораго проистекаютъ всѣ идеи, онъ говоритъ, что «чувство постигаетъ инстинктивно, — *въ чувствѣ проявляется безотчетный голосъ природы*,—и задача науки», по словамъ *Вундта*, «состоитъ въ томъ, чтобы *этотъ безотчетный голосъ природы, проявляющійся въ чувствѣ*, перевести на ясный языкъ мышленія. *Понятіе есть также идея*, только переведенная на ясный языкъ сознанія. Чувство вездѣ есть піонеръ познанія; оно всегда предшествуетъ познанію и *инстинктивно заключаетъ его въ себѣ*. Чувствомъ мы не можемъ познавать никакихъ истинъ; но *оно приготовляетъ намъ познаніе истины*. Чувство дорожный указатель, руководящій нашимъ духомъ; оно побуждаетъ его проникнуть яснымъ понятіемъ въ тѣ области, о существованіи которыхъ само оно можетъ только догадываться. Испытующій умъ долженъ видѣть высочайшую свою задачу въ томъ, *чтобы всюду превратить инстинктивное познаніе чувства въ ясное познаніе понятія*. Познаніе постоянно должно выработываться изъ чувства. *Задача всѣхъ наукъ* состоитъ въ томъ, *чтобы*, на-сколько возможно, *превращать идеи въ понятія*. Науки работаютъ надъ этимъ все время своего существованія и даже можно назвать это ихъ исключительною работою. Но эта задача никогда не можетъ быть рѣшена совершенно; а если бы даже наука и рѣшила ее, то *идея* все-таки *останется для непосредственнаго сознанія тѣмъ-же цѣлымъ*, которое само по себѣ недѣлимо на части, но разлагается только посредствомъ рефлекціи». Идею *Вундтъ* ставитъ вообще въ одинъ разрядъ съ представленіемъ и понятіемъ, хотя и отличаетъ ихъ, какъ и слѣдуетъ, одно отъ другаго. По его выраженіямъ, «какъ представленіе [1]), такъ и идея, являются въ сознаніи готовымъ результатомъ; но *идея стоитъ выше представленія*, по тому, что не занимается, подобно ему, непосредственнымъ созерцаніемъ; *отъ понятія же идея* отличается тѣмъ, что послѣднее со-

[1]) 62, 11.

вершаетъ свои абстракціи сознательно, тогда-какъ идея всегда пріобрѣтается безсознательнымъ путемъ. Идею никогда нельзя разложить, какъ понятіе, на опредѣленное число предикатовъ; при разложеніи идеи на предикаты, всегда получается остатокъ, котораго нельзя опредѣлить;—ей всегда свойственна неопредѣленность, которую называли безконечностью идеи». Но, во всякомъ случаѣ, идея заключаетъ въ себѣ инстинктивное познаніе и тѣсно граничитъ съ представленіемъ и понятіемъ, превосходя ихъ своею сверхчувственностію, безпредѣльностію и неразложимою цѣльностію, т. е. своимъ абсолютнымъ единствомъ. Такимъ образомъ, допуская прирожденность идей, какъ инстинктивнаго познанія, *Вундтъ*, *nolens volens* (волею-неволею), *допускаетъ прирожденность и представленій высшаго порядка.*

Подобнымъ-же образомъ, не безъ противорѣчія коренной тенденціи своей системы, *Вундтъ* сознается, что *и критерій довѣрія къ дѣйствительному бытію внѣшняго міра лежитъ также внутри насъ, въ нашей природѣ.* Согласно съ коренною тенденціею (направленіемъ) своей системы, онъ утверждаетъ, что къ различенію внѣшнихъ предметовъ [1]) отъ моего *я*, какъ и къ различенію внѣшнихъ предметовъ между собою, мы приходимъ не иначе, какъ *путемъ опыта.* Если чувственное представленіе *о внѣшнихъ предметахъ* начало развиваться во мнѣ только съ пробужденіемъ моихъ ощущеній, то это значитъ, что до тѣхъ поръ у меня этого предчувствія не было. Одинъ опытъ научаетъ меня тому, что существуютъ внѣшніе предметы. Но что такое опытъ? *Опытъ есть отраженіе въ зеркалѣ; онъ не реальность*, хотя и не мечта воображенія. Но если опытъ есть зеркальное отраженіе, то ему должны быть свойственны и недостатки зеркальнаго отраженія [2]). И дѣйствительно, опытъ есть ограниченная и отчасти даже измѣненная дѣйствительность. *Но можно ли вообще опытъ назвать дѣйствительностью?* Если только чувства наши имѣютъ измѣняющее вліяніе, то *гдѣ же ручательство, что они не безусловно все измѣняютъ?* Что можетъ увѣрить меня, что то, что я называю дѣйствительностью, не есть просто продуктъ моихъ чувствъ? Это ручательство довѣрія къ свидѣтельству чувствъ, вслѣдъ за всѣми интроспективистами, *Вундтъ* находитъ только внутри человѣческой природы. «*Что во мнѣ есть нѣчто*»,—отвѣчаетъ онъ на коренной вопросъ человѣческой гносеологіи, — «*подтверждающее дѣйствительность ви-*

[1]) 1, 340. [2]) 341.

димаго мною міра, это фактъ, котораго нельзя оспоривать. Дѣйствительный міръ навязывается [1]), принуждаетъ себя чувствовать, — и противъ этого принужденія безсильно *всякое сопротивленіе, всякое отрицаніе. Это единственная истина*, въ которую можно вѣрить, хотя и по принужденію». Точнѣе сказать, это не-столько единственная истина, въ которую можно вѣрить, сколько одна изъ самыхъ коренныхъ, инстинктивныхъ, вложенныхъ въ существо интеллектуальной природы истинъ, въ которую человѣкъ безсиленъ не вѣрить.

ГЛАВА XXX.

Что же мы получаемъ въ результатѣ нашего изслѣдованія *о прирожденности основъ нашего мышленія и, прежде всего, о прирожденности довѣрія къ внѣшнему бытію*? Это слѣдующіе выводы:

1) Разница между такъ-называемою психологической теоріею *Д. С. Милля* и философіею интроспективною заключается въ томъ, что интроспективисты считаютъ довѣріе къ существованію міра самымъ кореннымъ свидѣтельствомъ сознанія, самымъ начальнымъ внутреннимъ усмотрѣніемъ, самою непререкаемою аксіомою, которую необходимо мыслить такъ, и нельзя мыслить иначе. А по *Миллю* самое неизбѣжное свидѣтельство внутренняго сознанія, самое естественное содружество идей, наиболѣе необходимо порождаемое законно-универсальнымъ порядкомъ нашихъ ощущеній и воспоминаній ощущенія, довѣріе къ существованію внѣшняго міра есть не иное что, какъ непосредственный продуктъ опыта. *Миллю* не нравится, у интроспективистовъ, ихъ послѣдній критерій истины, заключающійся въ необходимости мыслить что-либо такъ, а не иначе,—потому что, по его взгляду, если бы неспособность мыслить довѣріе къ внѣшнему бытію обманомъ чувства распространялась даже на весь человѣческій родъ, то и тогда она была бы только слѣдствіемъ сильнаго содружества идей, подобно нѣкогда существовавшей невозможности довѣрія къ антиподамъ, которая впослѣдствіи оказалась возможностію. Нѣтъ нужды, что и самъ *Милль* допускаетъ истины необходимыя, неизмѣнныя, проникающія всю природу, совершенно достовѣрныя и вполнѣ

[1]) 342.

всеобщія: тѣмъ не менѣе коренная фактическая основа его міровоззрѣнія состоитъ въ томъ, что всякое вѣдѣніе въ человѣкѣ, даже въ своихъ основахъ, въ законахъ и формахъ мышленія, въ математическихъ аксіомахъ, равно-какъ и въ самомъ довѣріи къ существованію внѣшняго міра, есть продуктъ опыта.

II) Между тѣмъ физіологическое ученіе *Кабаниса*, *Дарвина*, *Дрэпера* и *Льюиса*, вообще физіологія не оставляетъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что человѣкъ рождается на свѣтъ съ наслѣдственнымъ отъ родителей организмомъ, съ наслѣдственною нервною системою, съ прирожденнымъ, въ извѣстную сторону направленнымъ, чувствилищемъ, съ готовымъ снарядомъ душевныхъ, умственныхъ и нравственныхъ способностей и склонностей, иначе сказать,—съ прирожденными формами душевной дѣятельности, съ обильнымъ запасомъ ощущеній, накопившихся уже въ зародышѣ, во чревѣ матернемъ,—съ зерномъ сознанія, которое уже тамъ проявило первую стадію своего развитія и пустило, въ опредѣленныхъ законами природы формахъ, свой ростокъ.

III) Отрицать прирожденность душѣ нашей законовъ и формъ ея бытія и дѣятельности невозможно, и самъ *Д. С. Милль*, хотя и implicite (по смыслу), не можетъ ее не допускать. По собственнымъ его словамъ, наши ощущенія, помимо которыхъ нашей душѣ не обнаруживается ничто, связаны извѣстнымъ закономъ, который составляетъ часть универсальнаго порядка, что зависитъ отъ природы и законовъ непосредственнаго нашего знанія. Самъ же онъ утверждаетъ, что единообразіе минувшихъ опытовъ далеко не составляетъ всеобщаго признака истины, т. е. что опытъ не можетъ доставить намъ сужденій категорическихъ, безусловно всеобщихъ, безусловно отрицающихъ всякое исключеніе. Въ то же время *Милль* допускаетъ истины совершенно достовѣрныя и вполнѣ всеобщія, исключеніе изъ которыхъ безусловно и постоянно неимовѣрно. Значитъ, вѣра въ эти аксіомы, въ единообразіе законовъ природы, инстинктивна, прирождена.

IV) Въ какомъ смыслѣ приписывается духу нашему прирожденность чего-либо, наприм., законовъ и формъ мышленія, или категорій и идей, какъ основъ знанія? Имѣя въ-виду сущность познавательной теоріи, проводимой физіологами: *Льюисомъ*, *Кабанисомъ*, *Дрэперомъ*, *Дарвиномъ* и другими, именно, что всѣ добытыя чувствами, какъ внѣшними, такъ и внутренними системными, ощущенія груп-

пируются въ мозгу и тамъ таинственнымъ образомъ переработываются въ идеи,—что мышленіе есть форма мозговой чувствительности, опредѣляемой соотношеніями мозга съ узлами спеціальныхъ чувствъ, а душевныя движенія суть формы мозговой чувствительности, опредѣляемыя соотношеніями съ узлами внутренностныхъ нервовъ,—что никакое ощущеніе не оканчивается въ себѣ самомъ, но возбуждаетъ, посредствомъ рефлекса, другое, вторичное ощущеніе, одна идея вызываетъ другую, — что привычки, idees fixes и инстинктивныя дѣйствія основаны на стремленіи чувства разрѣшиться легчайшимъ для него путемъ, что строй ощущеній, склонностей и идей, въ каждомъ человѣкѣ, тѣсно связанъ съ наслѣдованною отъ природы организаціею, съ прирожденною организаціею нервной системы, — подъ прирожденною идеею должно мыслить вложенную въ строй нервной системы, какъ и всей организаціи народившагося человѣка, форму (Платоновское и Аристотелевское (Εἶδος), въ которую, при естественныхъ условіяхъ развитія человѣка, естественно развивается его общая, душевная и частная умственная дѣятельность. При этомъ для насъ непостижимо, какъ органическая машина приводитъ въ соотвѣтственное своему вращенію движеніе невещественный инструментъ души; но самъ *Милль*, согласно съ физіологомъ *Льюисомъ*, признаетъ душевныя явленія радикально отличными отъ тѣлесныхъ, т. е. отличными въ качествѣ, а не въ степени; а съ другой стороны, физическія состоянія нервовъ составляютъ условія не-только ощущеній или душевныхъ движеній, но и мыслей; группируясь въ мозгу, ощущенія нашихъ нервовъ таинственнымъ образомъ преобразуются въ идеи.

V) Поэтому трудно опредѣлить, что именно прирождено человѣческой душѣ и, въ-частности, нашему уму. Новѣйшіе физіологи признаютъ прирожденнымъ душѣ гораздо большее число формъ душевной дѣятельности, чѣмъ философы прежняго времени. Слѣдуетъ признать прирожденнымъ человѣческой душѣ все то, что въ ней признано общеобязательнымъ для умственной дѣятельности всего человѣчества, именно: коренные законы и главныя формы мышленія, основныя категоріи разсудка и высшія идеи разума.

VI) По словамъ *Кабаниса*, уже въ утробѣ матерней, зародышъ получаетъ первыя впечатлѣнія о сопротивленіи, о постороннихъ тѣлахъ и о себѣ самомъ, приводящія сознаніе въ то положеніе, изъ котораго возникаетъ понятіе о постороннихъ предметахъ; въ головномъ мозгу зародыша уже существуютъ первые слѣды основныхъ

понятій, которыя развиваются отношеніями его ко всему видимому міру. По *Дрэперу*, тѣ общія идеи, которыя распространены по цѣлому свѣту, между всѣми человѣческими племенами, которыя одинаково существуютъ во всѣ вѣка и во всякой странѣ, такія идеи составляютъ слѣдствіе самыхъ свойствъ нашей мозговой организаціи,—такія всеобщія впечатлѣнія происходятъ болѣе отъ физической организаціи человѣка, чѣмъ отъ наученія, — такія единообразія въ убѣжденіи людей зависятъ отъ сходства въ устройствѣ мозговаго аппарата, такія общія вѣрованія могутъ быть названы органическими догматами нашей природы. А въ порядкѣ наиболѣе безусловныхъ единообразій человѣческаго знанія, наиболѣе всеобщихъ впечатлѣній мозговаго аппарата, наиболѣе обще-обязательныхъ органическихъ догматовъ нашей природы, одно изъ первыхъ мѣстъ принадлежитъ убѣжденію въ существованіи внѣшняго міра.

VII) Если же и *Ульрици* какъ-будто соглашается съ *Д. С. Миллемъ*, какъ-будто отрицая прирожденность идей и утверждая, что всѣ наши представленія, понятія и идеи, словомъ все, что мы знаемъ о внѣшнемъ мірѣ и нашемъ собственномъ существѣ, опираются въ послѣдней элементарной основѣ на ощущеніе,—что это значило бы идти противъ самыхъ несомнѣнныхъ психологическихъ и физіологическихъ фактовъ, если бы этимъ элементамъ (такъ-называемымъ апріорическимъ, прирожденнымъ душѣ, идеямъ, понятіямъ, началамъ, законамъ и нормамъ) приписывалась принадлежность апріорическаго, непосредственнаго, первичнаго сознанія,—что идея истины, добра, или прекраснаго не дана намъ непосредственно, какъ идея, какъ сознательное представленіе, то, въ этомъ случаѣ, онъ (*Ульрици*) противорѣчитъ самъ себѣ, противорѣчитъ другимъ положеніямъ своей системы. По взглядамъ не-только *Дарвина и Дрэпера*, но и самаго *Ульрици*, инстинкты животныхъ организмовъ, въ большей своей части, прирождены; слѣдовательно, если допустить неизбѣжное требованіе физіологіи, что огромная часть, если только не вся совокупность намѣренныхъ животныхъ актовъ, посредствуется соотвѣтствующими отправленіями въ мозгу и нервахъ животнаго организма, — то въ наглядномъ результатѣ окажется, что огромная часть инстинктивныхъ знаній и соотвѣтствующихъ имъ мозговыхъ отправленій животнымъ несомнѣнно прирождена; а болѣе или менѣе значительная часть такихъ инстинктивныхъ знаній и представленій, безспорно, принадлежитъ и человѣку. Съ другой стороны, *Ульрици*

выражается прямо, что и онъ признаетъ апріорическіе элементы нашего мышленія, познанія и вѣдѣнія, считая пустою попытку доказывать, что абсолютно нѣтъ никакого прирожденнаго содержанія сознанія. Онъ говоритъ даже, что, при точномъ разсматриваніи, сама природа является сокровищницею нѳическихъ идей (истины, добра и красоты),—что мы не можемъ обойтись безъ того, чтобъ не принять прирожденныя нѳическія понятія за масштабъ своего сужденія и классификаціи предметовъ, почему и оказывается вездѣ тѣсная, неразрывная связь между областями природы и нравственности, между естественною и нѳическою (философскою) наукою, между реальнымъ и идеальнымъ,—что хотя нѳическіе законы (идеи) сознаются человѣческимъ родомъ только постепенно, а, слѣдовательно, односторонне и порознь, однакожъ, они являются человѣку нормою, которую не самъ онъ себѣ создалъ и надъ которою онъ не имѣетъ никакой власти,—что если бы мы не различали предметовъ, бытія и явленій сообразно имманентнымъ нашей душѣ главнымъ категоріямъ истины, добра и красоты, то не могло бы быть и рѣчи ни о разумномъ познаніи, ни о разумной волѣ и дѣйствіяхъ, ни о теоретическомъ и практическомъ разумѣ, — что разумъ есть разумъ, когда будутъ напередъ положены существованіе и знаніе этихъ нормъ. Наконецъ, по словамъ *Ульрици*, въ прирожденныхъ законахъ и нормахъ лежитъ послѣднее основаніе для научнаго доказательства въ-пользу признанія объективности всякаго чувственнаго воспріятія,—согласія его съ реальнымъ бытіемъ,—признанія, которое опирается на проявляющуюся въ этихъ законахъ и нормахъ нашего мышленія имманентную, логическую необходимость?. На этомъ основаніи ни одинъ скептикъ, ни одинъ идеалистъ не вѣритъ, что онъ одинъ только существуетъ, а всѣ вещи внѣ его суть призрачное бытіе; прикладывая логическую необходимость, мы имѣемъ право говорить, что наше представленіе должно соотвѣтствовать реальной сущности предмета, такъ-какъ мы не въ-состояніи сомнѣваться въ объективности, которую должны принять, т. е. безсильны не принять.

VIII) Наконецъ, если въ ощущеніи прирожденности идей и какихъ бы то ни было представленій сочувствуетъ спиритуалистическому позитивисту *Ульрици* и матеріалистическій позитивистъ *Вундтъ*, выражаясь рѣшительно, что понятія могутъ составляться только посредствомъ опыта, что только опытъ увѣряетъ насъ въ существованіи внѣшнихъ предметовъ, — что только опытъ научаетъ отличать

отъ внѣшнихъ предметовъ и наше *я*, — что сознаніе есть не врожденное свойство души, но результатъ умозаключительнаго процесса,— что все воззрѣніе его, *Вундта*, не вяжется съ какою бы то ни было врожденностью представленій,—самыя аксіомы математики и законъ причинности не вложены въ нашъ умъ природою, но суть также продукгъ опыта, почему и достовѣрность никогда не бываетъ абсолютною, — всѣ аффекты, настроенія и чувства, чувства эстетическія, этическія и интеллектуальныя, изъ которыхъ происходятъ такія же понятія и идеи, имѣютъ свой источникъ въ познавательномъ процессѣ особаго рода,—что совѣсть есть дедуктивное умозаключеніе, которому предшествуетъ индукція, опредѣляющая качества нравственнаго и безнравственнаго, образующая идею добра и зла,—что проистекающая изъ народныхъ обычаевъ нравственная идея не можетъ быть прирожденною собственностію духа, — что какъ нравственное, такъ и эстетическое и интеллектуальное чувства вызываются только рядомъ опытныхъ фактовъ и производятся процессомъ безсознательнаго познанія, именно индуктивными умозаключеніями,—то всѣми этими утвержденіями *Вундтъ* противорѣчитъ другимъ своимъ-же собственнымъ утвержденіямъ. Такъ, онъ приписываетъ такъ-называемыя инстинктивныя дѣйствія не-только животнымъ, но и человѣку, связь инстинктивныхъ движеній съ внутренними, производящими ихъ возбужденіями, по словамъ *Вундта*, должна считаться врожденною. Эта врожденная связь заключается въ извѣстномъ расположеніи, которое зависитъ отъ природной связи волоконъ въ нервной системѣ; — составляющія постоянную собственность духа инстинктивныя дѣйствія опираются на законъ наслѣдственности, который вполнѣ доказанъ и въ психологической области, инстинкты врождены, хотя врождены и не какъ представленія или образы будущихъ жизненныхъ отправленій, но какъ наслѣдственная способность, или преобладающая наклонность общей организаціи живаго существа къ извѣстнымъ отправленіямъ,— наклонность, которая, при правильномъ развитіи организаціи, неизбѣжно развиваетъ въ нервной системѣ представленія или образы извѣстныхъ жизненныхъ отправленій. Подобнымъ-же образомъ, отрицая на словахъ, *Вундтъ* допускаетъ на дѣлѣ прирожденность и высшихъ человѣческихъ идей уже по тому самому, что, допуская прирожденность инстинктовъ, относитъ къ инстинктамъ и идеи, выражаясь, что чувство, изъ котораго проистекаютъ идеи, тожественно съ инстинктивнымъ познаніемъ: чувство постигаетъ инстинктивно,—

что въ чувствѣ проявляется безотчетный голосъ природы, что идеи красоты, добра и истины мы носимъ въ безсознательной душѣ, задолго до того, какъ возводимъ ихъ въ понятія,—что происхожденіе ихъ скрывается во мракѣ безсознательной души, — что нравственная идея является во всѣхъ своихъ зародышахъ, съ самаго начала человѣческаго существованія,—что нашъ эстетическій законъ образовался подъ вліяніемъ того закона формы, который мы находимъ въ природѣ и обратно,—совершеннѣйшія формы природы по тому и кажутся намъ изящными, что соотвѣтствуютъ лежащему въ насъ (въ нашей природѣ) эстетическому закону формы, — что, иначе сказать, намъ прирождена идея изящнаго, тожественная съ идеями интеллектуальною, нравственною и религіозною,—что, заключая въ себѣ инстинктивное познаніе, идея тѣсно граничитъ съ представленіемъ и понятіемъ, превосходя ихъ своею сверхчувственностію, безпредѣльностію и неразложимою цѣльностію, т. е. своимъ абсолютнымъ единствомъ. Такимъ образомъ, допуская прирожденность идей, какъ инстинктивнаго познанія, *Вундтъ*, nolens volens (волею-неволею), допускаетъ прирожденность и представленій высшаго порядка. Подобнымъ-же образомъ, не безъ противорѣчія также коренной тенденціи своей системы, *Вундтъ* сознается, что критерій довѣрія къ дѣйствительному бытію внѣшняго міра лежитъ внутри насъ, въ нашей природѣ, признавая за фактъ, котораго нельзя оспоривать, что въ насъ есть нѣчто подтверждающее дѣйствительность видимаго міра, который навязывается, принуждаетъ себя чувствовать, и что противъ этого принужденія безсильно всякое сопротивленіе, всякое отрицаніе. Подтверждаемая принудительнымъ, внутри нашей природы раздающимся голосомъ, дѣйствительность внѣшняго міра есть одна изъ самыхъ коренныхъ, инстинктивныхъ, вложенныхъ въ основу интеллектуальной природы истинъ, въ которую человѣкъ безсиленъ не вѣрить.

И считаемъ себя счастливыми, что, настаивая, вопреки общей тенденціи современныхъ философовъ, на врожденности человѣческому духу основъ мышленія и знанія, мы не далеко отошли отъ наиболѣе позитивныхъ, естественно-научныхъ выводовъ, которые, въ настоящій моментъ времени, смѣло можно назвать послѣднимъ словомъ естественной науки. Такъ, въ Русскомъ Вѣстникѣ, за Августъ 1872 года, мы прочитали рѣчь *доктора Карпентера*, которою онъ, какъ президентъ, открылъ въ Брайтонѣ, обычный

съѣздъ британскихъ естествоиспытателей, рѣчь, которую онъ назвалъ: *Человѣкъ истолкователь природы*». Въ этой рѣчи, между прочимъ, мы читаемъ: «между-тѣмъ какъ философы облекли густымъ туманомъ пренія объ основаніи нашей вѣры въ существованіе міра, лежащаго внѣ насъ, о *не-я* отличномъ отъ *я*, — здравый смыслъ человѣчества пришелъ къ рѣшенію, которое, на практикѣ, стоитъ всѣхъ аргументовъ философовъ, многократно состязавшихся на этомъ спорномъ пунктѣ. Можно доказать, что достовѣрность этого рѣшенія здраваго смысла проистекаетъ изъ того, что оно зависитъ не отъ одного ряда опытовъ, но *отъ безсознательнаго (инстинктивнаго) подведенія къ итогу всей совокупности нашихъ опытовъ*,—не отъ убѣдительности какого-либо строя разсужденія, но отъ того, что *всѣ наши мысли сводятся къ одному центру*. Это изслѣдованіе приводитъ насъ на очную ставку съ одною изъ великихъ философскихъ задачъ нашего времени, которая была обсуждаема способнѣйшими логиками и метафизиками, какъ вождями противоположныхъ школъ. *Интуиціоналисты* (тоже что интроспективисты) утверждаютъ, что наклонность къ образованію этихъ начальныхъ убѣжденій врождена человѣку и есть присущая часть его умственной организаціи,— такъ-что эти убѣжденія выростаютъ въ его умѣ не произвольно, но по мѣрѣ того, какъ постепенно обнаруживаются и развиваются его способности, не требуя для своего происхожденія другаго опыта, кромѣ того, какой нуженъ, чтобы вызвать эти способности къ дѣятельности.» Приверженцы же ученія, считающаго опытъ основаніемъ всякаго знанія (ученія, защищаемаго *Д. С. Миллемъ*, которое онъ назвалъ психологическимъ) утверждаютъ, что начальныя убѣжденія каждаго человѣка суть не что иное, какъ обобщенія, которыя онъ дѣлаетъ изъ тѣхъ опытовъ, какіе онъ или самъ пріобрѣлъ, или сознательно узналъ отъ другихъ; они отрицаютъ, чтобъ была присущая или врожденная человѣку наклонность къ образованію подобныхъ убѣжденій, помимо способности удерживать въ памяти опыты и обобщать ихъ. *Можно найти средство примирить оба ученія мыслью, что интеллектуальныя прозрѣнія* (intuitions) *одного поколѣнія суть воплощенные опыты поколѣнія предшествовавшаго*. Кажется, что было прогрессивное усовершенствованіе мыслительной мощи человѣка, что каждый предшествовавшій продуктъ культуры служилъ подготовленіемъ почвы для еще болѣе обильныхъ жатвъ въ будущемъ. Но такъ-какъ *не можетъ быть сомнѣнія въ наслѣдственной передачѣ* человѣку пріобрѣтенныхъ особенностей тѣлосложенія,

которая обнаруживается наклонностями какъ къ тѣлеснымъ, такъ и къ умственнымъ недугамъ, то, кажется, *одинаково достовѣрно, что и пріобрѣтенныя умственныя привычки часто внѣдряются въ организацію человѣка съ достаточною силой и постоянствомъ, чтобъ онѣ могли быть переданы потомкамъ, какъ наклонности къ подобному-же складу мыслей.* Знаніе, какъ всѣ допускаютъ, не можетъ переходить, такимъ образомъ, отъ одного поколѣнія къ другому, но *усиленная способность къ пріобрѣтенію знанія вообще, или какого-либо особеннаго рода знанія, можетъ быть унаслѣдована.* Эти наклонности и способности будутъ пріобрѣтать новую силу, растяжимость и постоянство, въ каждомъ новомъ поколѣніи, вслѣдствіе обычнаго упражненія надъ матеріалами, доставляемыми постоянно расширяющимся опытомъ,—и, такимъ образомъ, пріобрѣтенныя привычки, произведенныя интеллектуальною (наслѣдственною) культурою вѣковъ, дѣлаются второю натурой для всякаго унаслѣдовавшаго ихъ. Кажется страннымъ, что тѣ, которые громче всѣхъ говорятъ объ опытѣ, какъ объ основаніи всякаго знанія, такимъ образомъ могутъ не видѣть самаго постояннаго, самаго основнаго, самаго непосредственнаго изъ всѣхъ опытовъ,—что могутъ не видѣть опыта, на который здравый смыслъ человѣчества проливаетъ гораздо болѣе яркій свѣтъ, чѣмъ всякій другой, видимый сквозь туманъ философскихъ препирательствъ. Это по тому, что, какъ совершенно справедливо замѣтилъ *сэръ Джонъ Гершель, всемірное сознаніе человѣчества также согласно относительно существованія дѣйствительной и тѣсной связи между причиной и послѣдствіемъ, какъ оно согласно и въ-отношеніи существованія внѣшняго міра.* Подобнымъ-же образомъ все зданіе геометріи покоится на извѣстныхъ *аксіомахъ*, которыя всякій принимаетъ за истинныя, — но *истинность которыхъ необходимо допустить* по тому, что онѣ не могутъ быть доказаны. Между тѣмъ, какъ *законамъ, представляющимъ только обобщеніе явленій, нельзя приписать обязательнаго (всеобщаго, безусловнаго) значенія, мы можемъ присвоить это значеніе законамъ, выражающимъ всемірныя условія дѣятельности силы, существованіе которыхъ мы узнаемъ изъ свидѣтельства нашего собственнаго сознанія.* Такимъ образомъ мы пришли къ крайнему пункту интеллектуальнаго истолкованія человѣкомъ природы, которая разнообразно обнаруживается въ ея явленіяхъ. Къ этому пункту, въ настоящее время, клонится всякое научное изслѣдованіе. Превратимость физическихъ силъ одной въ другую, соотношеніе ихъ

съ жизненною силой и тѣсная связь между умственною и тѣлесною дѣятельностью, которой, какъ бы мы ее ни объясняли, мы не можемъ отрицать,—все приводитъ насъ къ одному и тому-же заключенію,—и пирамида, вершиной которой является это философское заключеніе, *имѣетъ свое основаніе въ первоначальныхъ инстинктахъ человѣчества».* Но, что особенно замѣчательно, въ послѣднее время, самъ *Д. С. Милль* заявляетъ о своемъ переходѣ въ *школу интроспективистовъ*, которую прежде порицалъ, допуская, вмѣстѣ съ *Карпентеромъ*, что наша вѣра въ существованіе міра, лежащаго внѣ насъ, увѣренность въ бытіи *не я* отличнаго отъ *я*, опирается на здравый смыслъ человѣчества, который эту достовѣрность основываетъ на безсознательномъ (инстинктивномъ) подведеніи къ итогу всей совокупности нашихъ опытовъ, такъ-какъ всѣ наши мысли естественно и невольно сводятся къ одному центру,—что наклонность къ образованію основныхъ начальныхъ убѣжденій врождена человѣку и есть присущая часть его наслѣдственной умственной организаціи,—что всемірное сознаніе человѣчества также согласно относительно необходимой связи между причиной и слѣдствіемъ, какъ согласно и относительно существованія внѣшняго міра,—что геометрическія аксіомы необходимо допустить именно потому, что онѣ не могутъ быть доказаны опытомъ,—что между тѣмъ, какъ законамъ, представляющимъ только обобщеніе явленій, нельзя приписать безусловно всеобщаго обязательнаго значенія, мы усвояемъ это значеніе законамъ, существованіе которыхъ знаемъ изъ свидѣтельства нашего сознанія—что, наконецъ, все зданіе нашего умственнаго міра имѣетъ свое основаніе въ первоначальныхъ инстинктахъ человѣчества. По этому предмету, къ тому-же доктору *Карпентеру*, *Д. С. Милль*, «великій»,—по словамъ Карпентера,—«учитель опытной школы», написалъ въ 1872 году письмо, въ которомъ говоритъ: «когда какое-либо состояніе ума, вовсе не врожденное и не инстинктивное, часто повторялось, то умъ пріобрѣтаетъ, какъ доказано способностью привычки, значительно усиленную способность приходить въ такое состояніе,—и эта усиленная способность должна зависѣть отъ какой-либо перемѣны въ физическомъ характерѣ органической дѣятельности мозга. Есть также много доказательствъ, что *подобная* пріобрѣтенная *способность къ извѣстному содержанію мозговой дѣятельности можетъ*, во многихъ случаяхъ, *быть передаваема*, болѣе или менѣе совершенно, *чрезъ наслѣдство*. Границы для способности такой передачи и условія, отъ которыхъ она зависитъ, представля-

ютъ предметъ изслѣдованія для ученыхъ, — и мы, безъ сомнѣнія, со временемъ узнаемъ многое объ этомъ, чего теперь не знаемъ. Но, на-сколько мои слабыя познанія объ этомъ предметѣ дозволяютъ мнѣ имѣть свое мнѣніе, *я держусь того-же взгляда на этотъ счетъ, какъ и вы, по крайней мѣрѣ, въ принципѣ*». Какъ бы, однакожъ, *Д. С. Милль* ни объяснялъ эту врожденность основъ человѣческаго мышленія и знанія, во всякомъ случаѣ, онъ заявляетъ въ принципѣ, свое согласіе, съ взглядомъ *Карпентера*, а *оба вмѣстѣ они заявляютъ эту врожденность, какъ несомнѣнный естественно-научный фактъ*. Допуская неизбѣжность этой наслѣдственной врожденности въ настоящій, какъ и во всякій, моментъ не только историческаго, но и доисторическаго, существованія человѣческаго рода, *Карпентеръ*, а вслѣдъ за нимъ и согласный съ нимъ въ принципѣ *Д. С. Милль*, оставляютъ невыясненнымъ въ этомъ вопросѣ только то, было ли что-либо врожденное въ человѣческомъ умѣ, наслѣдованное отъ матери природы, при первоначальномъ происхожденіи перваго человѣка. Но этотъ вопросъ они и задавать себѣ не могутъ по тому, что они смотрятъ на космогонію съ точки зрѣнія *Дарвина*, по которой никогда не могло быть перваго человѣка. Основъ, обуявшей всѣхъ современныхъ позитивистовъ, теоріи *Дарвина* мы будемъ имѣть нужду коснуться впослѣдствіи, — теперь же только констатируемъ фактъ, что самъ *Д. С. Милль*, вслѣдъ за *Карпентеромъ*, *Вундтомъ*, *Г. Спенсеромъ*, *Дрэперомъ*, *Льюисомъ*, *Дарвиномъ* идругими авторитетами позитивной естественной науки, даже желая, по коренной тенденціи своихъ міросозерцаній, отрицать, вынуждается признать, что, они всѣ и заявляютъ, *врожденность основъ человѣческаго мышленія и знанія, какъ несомнѣнный естественно-научный фактъ*. Естественная наука не знаетъ времени, когда человѣкъ существовалъ бы безъ такого природнаго наслѣдства. Если смотрѣть на космогонію и происхожденіе человѣка даже съ точки зрѣнія *Дарвина* и предположить, что человѣкъ выродился изъ безсловеснаго животнаго, — то, и въ въ такомъ случаѣ, необходимо допустить, что въ моментъ пробужденія человѣческаго сознанія, въ полуживотномъ получеловѣкѣ уже существовалъ огромный запасъ прирожденныхъ инстинктовъ.

Итакъ, трудно, какъ оказывается, итти противъ слишкомъ констатированнаго факта, что *коренное содержаніе нашего ума намъ прирождено, и эту прирожденность нужно принимать въ томъ смыслѣ, что, при нормальномъ развитіи нашего ума, въ немъ неизбѣжно раз-*

виваются нѣкоторыя комбинаціи представленій, нѣкоторыя основныя убѣжденія, и что къ числу наиболѣе коренныхъ, прирожденныхъ убѣжденій нашей души принадлежитъ довѣріе къ бытію внѣшняго міра.

ОТДѢЛЪ III.

ЧТО ВЪ МІРѢ СУЩЕСТВУЕТЪ, ЧТО ВЪ НЕМЪ РЕАЛЬНО? ЕСЛИ СЛѢДОВАТЬ ТАКЪ-НАЗЫВАЕМОЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ (НЕ ИНТРОСПЕКТИВНОЙ) ПОЗИТИВНОЙ ШКОЛѢ И ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНО-ИНДУКТИВНОМУ МЕТОДУ, ТО НЕ СУЩЕСТВУЕТЪ ВЪ МІРѢ НИЧТО.

ГЛАВА XXXI.

Сама природа какъ мы видѣли, въ положительную сторону рѣшаетъ, вопросъ о томъ, что міръ существуетъ, что міръ реаленъ. Но рѣшаетъ ли сама природа и другой, самый трудный въ философіи, вопросъ: *что именно въ мірѣ существуетъ? Что въ немъ реально?*

Въ результатѣ предъидущаго нашего изслѣдованія оказалось, что хотя природа и даетъ намъ не одни только общіе законы и формы нашего мышленія, но и нѣкоторое содержаніе мышленія, однакожъ, отдѣлить рѣзкою чертою прирожденное въ нашихъ убѣжденіяхъ отъ пріобрѣтеннаго посредствомъ личнаго опыта нѣтъ возможности, а, наоборотъ, безспорно, что и то, что прирождено нашей природѣ, раскрывается не иначе, какъ въ области опытнаго. Поэтому, рѣшать на-основаніи прирожденныхъ общихъ убѣжденій, на основаніи аксіомъ ума, что въ мірѣ реально, что дѣйствительно существуетъ, какъ показалъ печальный опытъ, крайне не безопасно.

Другой результатъ, къ которому привели наши изслѣдованія, состоитъ въ томъ, что таже природа, которая увѣряетъ насъ въ реальности міра вообще, сама-же указываетъ намъ и частнѣйшую область несомнѣнно реальнаго,—область громадную, которая обнимаетъ цѣлую половину нашихъ чувственныхъ воспріятій, именно всю *субъективно-практическую часть свидѣтельства нашихъ чувствъ*, которая опредѣляетъ не то, какъ вещь существуетъ въ себѣ, но только какъ она относится къ нашему чувству. Въ рѣшеніи этой практической задачи,

а именно, *въ опредѣленіи реальности самаго акта и качествъ ощущенія, въ опредѣленіи реальчости и качествъ дѣйствія даннаго предмета на чувства, въ опредѣленіи реальности и качествъ отношенія между субъектомъ и объектомъ*, наше чувство принудительно достовѣрно и непогрѣшимо. Самъ *Д. С. Милль* увѣряетъ, что въ этомъ всѣ философы между собою согласны. *Все мною чувствуемое, все субъективное во мнѣ для меня реально*: это непререкаемый голосъ природы, который нельзя подвергать сомнѣнію никакимъ анализомъ разсудка. Но *реальное во мнѣ реально ли внѣ меня, въ объектѣ, или, что тоже, объективно ли, это другой вопросъ.*

Здѣсь вопросъ о реальномъ совпадаетъ съ вопросомъ, который мы разсмотрѣли въ первой части нашего изслѣдованія,—съ вопросомъ объ объективномъ и касается другой стороны нашего знанія, *чисто теоретической объективной, которая опредѣляетъ, какъ вещь существуетъ сама въ себѣ.* По этой части, въ результатѣ нашихъ изслѣдованій оказалось, что объективная, достижимая для человѣка истина есть таже субъективная, только болѣе или менѣе обще-субъективная, — что она (согласно ученію какъ *Ульрици*, такъ и *Вундта*), измѣряется и принимается за истину тѣмъ-же послѣднимъ мѣриломъ, внутреннимъ нашимъ душевнымъ чувствомъ истины какъ и субъективная истина,—что истины изъ области такъ-называемаго *теоретическаго разума*, въ концѣ концовъ, суть истины изъ области разума *практическаго*, — что основательное, правильное отношеніе извѣстнаго предиката къ объекту, требуемое объективною истиною, есть, въ концѣ концовъ, отношеніе того-же предиката къ дѣйствованію объекта на субъектъ, иначе сказать, къ чувству субъекта, при чемъ истина теряетъ искомый теоретическій и пріобрѣтаетъ чисто практическій характеръ,—что безусловно непререкаемое и единственное мѣрило истины есть чувство человѣка,—что признаніе истины за объективную основывается на субъективномъ признаніи того, что извѣстному предмету принадлежитъ свойство, въ извѣстныхъ условіяхъ, извѣстнымъ образомъ дѣйствовать на чувство субъекта, основывается на субъективномъ признаніи извѣстнаго отношенія объекта къ субъекту; всякое признаніе чего-либо за истину есть извѣстное чувствованіе, или, что тоже, извѣстное состояніе моего *я*, принудительно дѣйствующее на мое убѣжденіе; усвоеніе извѣстнаго предиката объекту есть не иное что, какъ усвоеніе того-же предиката чувствующему субъекту. Всѣ свойства объектовъ суть состоянія субъекта: во всѣхъ

ощущеніяхъ, производимыхъ объектами, субъектъ чувствуетъ себя, но, чувствуя себя, какъ центральный фокусъ міросозерцанія, онъ чувствуетъ въ себѣ природу и созерцаетъ въ себѣ міръ, съ дѣйствительнымъ его бытіемъ. Не признается же субъективная истина объективною и свойство объекта реальнымъ, дѣйствительно принадлежащимъ объекту, по приговору того-же мѣрила истины, человѣческаго-же чувства, что бываетъ при трехъ условіяхъ: а) когда свидѣтельство одного чувства повѣряется и поправляется тѣмъ-же самымъ чувствомъ, тщательнѣе, непосредственнѣе приложеннымъ къ объекту, — б) когда свидѣтельство одного чувства повѣряется свидѣтельствомъ другаго чувства, также непосредственнѣе приложеннаго къ объекту, и в) наконецъ, когда свидѣтельство чувствъ одного субъекта повѣряется свидѣтельствомъ чувствъ другихъ субъектовъ. Эти выводы предъидущитъ нашихъ изслѣдованій мы считаемъ болѣе или менѣе уже доказанными. Но далѣе намъ слѣдуетъ еще приложить ихъ къ разнымъ классамъ реально-данныхъ фактовъ, реально-существующихъ объектовъ, чтобы, въ приложеніи нашего сужденія къ ихъ свойствамъ, усмотрѣть *общій принципъ, коренной критерій того, что и почему мы признаемъ реально-существующимъ и, обратно, что и почему мы признаемъ не реально-существующимъ.*

При такомъ разслѣдованіи, въ результатѣ окажется, что *реальное имѣетъ разныя степени. Вундтъ* говоритъ [1]): «если спиритуализмъ утверждаетъ, что опытъ есть обманъ и только мышленіе есть истина, то матеріализмъ говоритъ совершенно противное тому, именно, что мышленіе—обманъ, а только опытъ—истина». Мысль глубокая, выражающая борьбу коренныхъ убѣжденій мыслящаго человѣчества, совершавшуюся на пространствѣ всей исторіи философіи; но у *Вундта* она выражена не точно. Съ нашей точки зрѣнія, то-же самое мы можемъ выразить такъ: *по природной структурѣ нашего интеллекта, мы вынуждаемся мыслить болѣе объективными и, въ смыслѣ объективности, болѣе реальными тѣ свойства объектовъ, которыя мы усматриваемъ въ нихъ нашимъ внутреннимъ чувствомъ, чѣмъ тѣ, которыя ощущаемъ въ нихъ органами нашихъ внѣшнихъ чувствъ.*

Постараемся доказать это *сначала на-основаніи наиболѣе объективной науки, каковъ химія, а потомъ на-основаніи наиболѣе субъективной науки, какова гносеологія.*

---

[1]) Душа человѣка и животныхъ, 1, 18.

Возьмемъ химію *Бутлерова* [1]), отдѣлъ: *отношенія между физическими и химическими свойствами веществъ.*

«Нельзя сомнѣваться»,—говоритъ этотъ *химикъ*,—«что *составъ веществъ и всѣ свойства ихъ, какъ химическія, такъ и физическія, находятся во взаимной причинной связи*», т. е. что свойства веществъ, какъ слѣдствіе, зависятъ отъ состава веществъ, какъ причины. «Свойства каждаго сложнаго вещества, безъ сомнѣнія, условливаются и способомъ его происхожденія, и всѣми свойствами каждой составной части. Но эта общность зависимости», — жалуется химикъ (62), — «пока еще недоступна. Химикъ беретъ понятіе объ атомности съ его слѣдствіями и, вмѣсто еще недостижимаго закона, говорящаго, что *натура сложнаго вещества опредѣляется натурою, количествомъ и взаимнымъ отношеніемъ составныхъ частей*, можетъ составить слѣдующее правило: *химическая натура сложнаго вещества опредѣляется натурой и количествомъ составныхъ частей и химическимъ строеніемъ его частицы (молекулы)*». — Это значитъ, что если-бы вѣрно было основное въ современной химіи понятіе объ атомности, съ его слѣдствіями, по которому въ основѣ матеріи предполагаются атомы, съ ихъ абсолютно-неизмѣнными свойствами, то натура всякаго сложнаго вещества должна была бы, съ математическою непогрѣшимостью, опредѣляться по первому закону, именно натурою, количествомъ и взаимнымъ отношеніемъ входящихъ въ составъ тѣла атомовъ. Но факты, къ сожалѣнію химиковъ, гораздо рѣже представляютъ подтвержденіе этого закона, чѣмъ исключенія изъ него; а потому химики ухищряются объяснять химическую натуру сложнаго вещества по второму правилу,—конечно, и натурою, и количествомъ составныхъ частей,—атомовъ, но когда факты не соображаются съ натурою и количествомъ элементовъ (наприм., въ тѣлахъ такъ-называемыхъ полимерныхъ, въ которыхъ и составъ, и даже количество составныхъ частей бываетъ одинаково, а свойства различны), тогда химики прибѣгаютъ въ объясненіяхъ къ разному химическому строенію молекулъ изъ атомовъ. — «Есть не мало примѣровъ», — жалуется этотъ химикъ (62), — «что слишкомъ одностороннее приложеніе извѣстныхъ воззрѣній, упрямое желаніе сохранить ихъ мѣшало развитію науки. Полезно и даже необходимо, поэтому, отдавая должную справедливостъ извѣстнымъ обобщеніямъ и руководясь ими, въ тоже время, не упускать изъ вида ихъ недостаточность» (63).

Этого мало. Химикъ, о которомъ идетъ рѣчь, прямо утверждаетъ (что намъ и нужно), что «*обобщеній, указывающихъ на отношенія наружныхъ свойствъ веществъ къ ихъ составу, почти неизвѣстно*» (112). Такъ, «что касается *состояній* углеродистыхъ органическихъ соединеній, то, при обыкновенной температурѣ, однѣ изъ нихъ бываютъ тверды, другія жидки, третьи газообразны, и это состояніе *зависитъ менѣе отъ натуры составныхъ частей и химическаго строенія*, чѣмъ отъ величины частицы; твердыя органическія вещества часто являются въ кристаллическомъ состояніи, нѣкоторыя же существуютъ только въ аморфномъ видѣ; кристаллическія формы углеродистыхъ соединеній бываютъ

[1]) *Бутлерова*, введеніе къ полному изученію органической химіи. Казань, 1869 года.

весьма разнообразны, но вообще тѣла, аналогичныя по составу и химическому строенію частицы, *нерѣдко*» (а слѣдовало бы, по атомистической теоріи, чтобъ это было *всегда*) «кристаллизуются въ одной и той-же формѣ, — бываютъ изоморфны. Объ отношеніи *запаха* органическихъ веществъ къ ихъ химическимъ свойствамъ можно сказать немногое. Опредѣленная аналогія (113) запаха, какъ *кажется, условливается, во многихъ случаяхъ*», (а слѣдовало бы всегда) «*сходствомъ составныхъ частей*. На *вкусъ* веществъ, *какъ кажется*, имѣетъ вліяніе *не столько* величина ихъ частицы и *натура составныхъ частей*, сколько аналогія химическаго строенія (114). Для тѣхъ органическихъ тѣлъ, которыя окрашены, въ *немногихъ случаяхъ*, можно указать *на нѣкоторую связь между составомъ и цвѣтомъ, — въ другихъ же случаяхъ зависимость цвѣта отъ состава остается совершенною загадкою*. Наконецъ, окрашеніе нѣкоторыхъ (115) органическихъ соединеній, иногда весьма яркое, является, повидимому, совершенно неожиданно и, при настоящемъ состояніи знаній, *кажется совершенно независящимъ отъ химическихъ свойствъ и состава*». Хотя «отношеніе (115) между *вѣсомъ* частицы и *плотностью* веществъ, взятыхъ въ газообразномъ состояніи, представляетъ, между обобщеніями, касающимися физическихъ свойствъ, обобщеніе наиболѣе важное, возвысившееся на степень закона (закона объемности)», — тѣмъ не менѣе «исключенія, которыя встрѣчаются (116) и здѣсь, могутъ служить предостереженіемъ *отъ излишней довѣрчивости* при приложеніи этого закона». При этомъ оказывается та неожиданность, что «*для элементовъ исключенія* изъ этого закона *встрѣчаются, повидимому, чаще*, чѣмъ для сложныхъ тѣлъ», тогда-какъ слѣдовало бы ждать противнаго: всѣ свойства элементовъ должны были бы являться наиболѣе простыми и постоянными. «То, что извѣстно объ отношеніяхъ *удѣльнаго вѣса* твердыхъ и жидкихъ веществъ *къ ихъ составу*, позволяетъ *угадывать*, что отношенія эти подчиняются опредѣленнымъ законамъ, *которые, однако, остаются еще неизвѣстными*. Что касается твердыхъ веществъ, то наблюденія позволяютъ только сказать, что тѣла, аналогичныя химически и преимущественно изоморфныя, *часто*» (а слѣвовало бы, по атомистической теоріи, *всегда*) «имѣютъ близкіе удѣльные объемы (117). Въ газообразномъ состояніи всѣ вещества, простыя или сложныя, и при всѣхъ температурахъ, расширяются одинаково; другими словами (119), *расширеніе газовъ не зависитъ отъ ихъ натуры или состава*,—но находится всегда въ прямомъ отношеніи къ возвышенію температуры; расширеніе твердыхъ и жидкихъ веществъ, при различныхъ температурахъ, бываетъ не равномѣрно и не одинаково для различныхъ веществъ, такъ-что *между нимъ и составомъ веществъ до сихъ поръ не открыто никакой зависимости* (120). Нѣкоторыя вещества, наприм., алкоголи съ низкимъ вѣсомъ частицы, не переходятъ въ твердое состояніе даже при весьма низкихъ температурахъ; — для нихъ извѣстно только жидкое и газообразное состояніе; для другихъ тѣлъ извѣстно состояніе жидкое и твердое,— но они лишены способности превращаться въ паръ,— улетучиваться безъ разложенія; третьи соединенія существуютъ только въ твердомъ видѣ и не могутъ ни плавиться, ни испаряться (121); нѣкоторыя тѣла, наконецъ, способны являться во всѣхъ трехъ видахъ: твердомъ, жидкомъ и газообразномъ; разстояніе температуры *плавленія, или застыванія* отъ температуры *кипѣнія*, у этихъ ве-

ществъ, бываетъ весьма различно, — и *нѣтъ возможности указать на опредѣленное отношеніе между нимъ и составомъ*; зависимость *температуры кипѣнія веществъ отъ ихъ состава* представляетъ правильности довольно опредѣленныя, — но и *здѣсь еще не открыто общаго закона* (122). Если сравнивать аналогичныя тѣла, то *одинаковому различію состава*, или химическаго строенія (123), соотвѣтствуютъ одинаковыя разности точекъ кипѣнія, — однакоже правила эти *приблизительно справедливы не для всѣхъ органическихъ веществъ*. Число подобныхъ примѣровъ», — говоритъ химикъ (64), — «легко можетъ быть размножено; но и сказаннаго достаточно, чтобы предостеречь отъ слѣпаго довѣрія къ нынѣшнимъ теоріямъ, за предѣлами тѣхъ фактовъ, изъ которыхъ онѣ выведены».

Отсюда мы получаемъ слѣдующіе выводы: 1) химія не хочетъ сомнѣваться въ томъ, что всѣ, какъ химическія, такъ и физическія свойства веществъ зависятъ отъ ихъ состава; свойства каждаго сложнаго вещества, безъ сомнѣнія, условливаются и способомъ его происхожденія, и свойствами каждой составной части; 3) это требуется господствующею въ химіи атомистическою теоріею, по которой свойства элементарныхъ составныхъ частей должны бы быть абсолютно неизмѣнны и натура всякаго сложнаго вещества должна бы, съ математическою непогрѣшимостью, опредѣляться натурою, количествомъ и взаимнымъ отношеніемъ входящихъ въ составъ тѣла атомовъ; 3) однакожъ обобщеній, указывающихъ на отношенія наружныхъ свойствъ веществъ къ ихъ составу, почти неизвѣстно; 4) за тѣмъ химикъ перебираетъ всѣ физическія свойства тѣлъ: состоянія газообразности, жидкости и твердости, свойства запаха, вкуса и цвѣта, плотности и удѣльнаго вѣса, расширяемости отъ теплоты, плавленія, застыванія и кипѣнія и т. д., и находитъ вообще, что всѣ эти свойства гораздо менѣе зависятъ отъ состава тѣлъ, чѣмъ отъ другихъ, то явныхъ, то необъяснимыхъ причинъ; а 5) этимъ ниспровергается атомистическая теорія, съ ея неотмѣннымъ требованіемъ, чтобы элементарнымъ частицамъ вещества, атомамъ, принадлежали неотъемлемыя и неизмѣнныя свойства. И, такимъ образомъ, въ общемъ итогѣ оказывается, что *свойства вещества, о которыхъ свидѣтельствуютъ намъ наши внѣшнія чувства, не-только переходчивы, но даже вовсе не принадлежатъ веществу въ себѣ, веществу въ его основѣ*.

И мало того, что веществу въ себѣ не принадлежатъ свойства — цвѣтности, звучности, запаховъ или вкусовъ! Нѣтъ; *химія и физика низводятъ до несуществованія въ основѣ вещества не-только такъ-*

называемыя вторичныя, но и самыя первичныя качества вещества, какова *непроницаемость*.

«Всѣ явленія природы,—читаемъ въ популярныхъ лекціяхъ *Джона Тиндаля* [1]),—«тяжесть, всякаго рода движенія, химическое сродство, теплота, свѣтъ, электричество, магнетизмъ имѣютъ единственной и послѣдней причиною взаимодѣйствія между центрами силъ, или *динамическихъ атомовъ*, тѣ дѣйствія, которыя, въ концѣ концовъ, приводятся къ притяженію. *Требованіе, чтобы сущностью (116) матеріи были абсолютное протяженіе и абсолютная непроницаемость, не подтверждается ни разсужденіемъ, ни фактами, даже противорѣчитъ фактамъ.* Можно говорить только о монадахъ соединенныхъ, вѣсомыхъ, и монадахъ свободныхъ, невѣсомыхъ. Различаются ли существеннымъ образомъ (119) вѣсомыя монады отъ невѣсомыхъ? Нѣтъ, потому-что несомнѣнное дѣйствіе мнимыхъ невѣсомыхъ тѣлъ на тѣла вѣсомыя совершенно подобно дѣйствіямъ вѣсомыхъ тѣлъ другъ на друга: свѣтъ производитъ очевидное механическое дѣйствіе, теплота удаляетъ молекулы твердыхъ тѣлъ другъ отъ друга, плавитъ, превращаетъ въ пары и проч.; молнія раскалываетъ камни и проч. Можетъ быть, даже не было бы невозможно доказать, при настоящемъ состояніи науки, что, переходомъ изъ одного состоянія въ другое, невѣсомыя монады дѣлаются вѣсомыми; такъ, наприм., теплота поглощается въ опредѣленномъ количествѣ, въ химическихъ соединеніяхъ, и развивается въ соотвѣтственномъ количествѣ, при химическихъ разложеніяхъ. Невѣсомыя монады (120) отличаются отъ вѣсомыхъ только тѣмъ, что вѣсомыя молекулы, соединенныя силою сцѣпленія или химическаго сродства, относительно находятся въ покоѣ; напротивъ того, невѣсомыя монады, будучи свободны и оставаясь внѣ связей сцѣпленія и сродства, одарены чрезвычайными скоростями, сравнительно съ которыми тяжесть и всеобщее тяготѣніе совершенно незамѣтны. Заключенія относительно (127) безконечной малости молекулъ тѣлъ»,—тамже мы читаемъ,—«совершенно согласны съ общимъ мнѣніемъ физиковъ. Уже *Мушенброкъ* высказалъ, какъ доказанныя даже опытомъ, слѣдующія два предположенія: 1) *какъ бы ни былъ великъ объемъ тѣла, пустыя пространства между его молекулами такъ велики, что можно бы допустить, что тѣло, не теряя своего вещества, могло бы быть приведено къ безконечно малому объему, къ объему песчинки или самаго малаго атома видимой матеріи; 2) и обратно, въ самой малой песчинкѣ, въ самомъ маломъ атомѣ видимой матеріи существуютъ части отдѣлимыя, или дѣйствительно отдѣленныя, въ такомъ числѣ, что изъ нихъ можно бы образовать шаръ какой угодно величины, шаръ, на которомъ два сложные атома были бы расположены на разстояніи, меньшемъ всякой данной длины.* *Сегенъ* излагаетъ иначе, и не колеблясь, тѣже самыя предположенія: *какъ бы ни были плотны тѣла*, говоритъ онъ, *все-таки ихъ послѣдніе атомы, сравнительно съ занимаемымъ ими объемомъ, такъ удалены другъ отъ друга, какъ небесныя тѣла въ пространствѣ*».

Послѣ такихъ увѣреній со-стороны химіи и физики, можетъ ли быть рѣчь о неотъемлемой принадлежности веществу, въ его основѣ,

---

[1]) *Тепло и холодъ, матерія и сила.* Перев. *Петрушевскаго*, С.-Петерб., 1869 г.

даже самаго первичнаго свойства, *непроницаемости*, не говоря уже о другихъ свойствахъ вещества, подлежащихъ чувствамъ осязанія, или зрѣнія, слуха, вкуса, или обонянія?! — Химія и физика находятъ въ основѣ вещества только движеніе монадъ.

ГЛАВА XXXII.

Какимъ же образомъ изъ этого движенія происходитъ все разнообразіе свойствъ вещества? *Принадлежатъ ли ему и въ какой мѣрѣ принадлежатъ чувственныя свойства цвѣта, запаха* и проч.?—Отвѣта на этотъ вопросъ поищемъ въ психологіи, въ наиболѣе позитивной, или, по крайней мѣрѣ, экспериментальной психологіи *Вундта*, въ которой можно видѣть выводъ самыхъ послѣднихъ въ Германіи физіологическихъ изысканій въ области духа,—такъ-какъ химія и физика отвѣчать намъ на это отказываются, или даютъ отвѣтъ рѣшительно отрицательный.

Въ этомъ пунктѣ нашихъ изслѣдованій мы остановимся на психологіи именно *Вундта* по тому, что въ своихъ лекціяхъ о душѣ человѣка и животныхъ, онъ представляетъ итогъ самыхъ новѣйшихъ изысканій въ области духа, самыхъ современныхъ намъ нѣмецкихъ психологовъ, и особенно *Фехнера*. Поэтому, въ психологіи *Вундта* мы вправѣ искать послѣдняго слова современной европейской психологіи. Вслѣдъ за *Фехнеромъ*, *Вундтъ* поставилъ себѣ задачею *свести наиболѣе позитивнымъ, экспериментальнымъ путемъ, субъективную истину на объективную и уничтожить исконный камень преткновенія въ философіи, противоположность мышленія и бытія*. Посмотримъ же теперь, въ какой мѣрѣ это удалось ему?

По теоріи Вундта, хотя «факты [1]) внѣшняго опыта сознаются нами только тогда, когда становятся предметами нашего внутренняго опыта,—однакожъ они заставляютъ заключать о чемъ-то, лежащемъ внѣ всякаго внутренняго опыта: *насиліе, которое они обнаруживаютъ въ-отношеніи къ нашей способности представленія, необходимо указываетъ на что-то, существующее внѣ этой способности представленія*. Дѣйствительно [2]), внутренній опытъ есть та среда, сквозь которую должны проходить лучи всякаго опыта вообще. Но основаніемъ этому внутреннему опыту служитъ нѣчто, лежащее внѣ его, о чемъ можно заключить по

[1]) Ч. I стр 357. [2]) 358.

явленіямъ, доступнымъ опыту. *Это нѣчто—процессы, происходящіе въ развитіи души до самосознанія.* При анализѣ, эти акты разлагаются, съ одной стороны *на мыслительные акты*, съ другой—*на рядъ физическихъ процессовъ. Но то и другое въ-сущности одинъ и тотъ-же процессъ*».—Можно сказать, что ключъ и сущность психологической теоріи *Вундта это единство мыслительнаго и физическаго актовъ, обусловливающихъ объективность нашего знанія о реальномъ.*—«*Мышленіе и опытъ*»,—по словамъ *Вундта* [1]),—«процессы въ-сущности тождественные, различные только по способу, какъ мы ихъ разсматриваемъ. Различаются они тѣмъ, что *мышленіе* заключаетъ въ себѣ явленія и перемѣны нашей внутренней жизни, а *опытъ*—явленія и перемѣны объективной природы. *Физическія явленія*, на которыя мы вообще смотримъ, какъ на пространственныя, и *явленія психическія*, которыя мы разсматриваемъ всегда, какъ логическія, *одно и тоже*». *Вундту* кажется, будто въ «окончательномъ результатѣ своего изслѣдованія о дѣятельности чувства» онъ совершенно «*уничтожилъ противоположность* [2]) *между физическими явленіями въ чувственныхъ органахъ и нервахъ, съ одной стороны, и психическимъ актомъ ощущенія, съ другой—, а вмѣстѣ съ тѣмъ уничтожилъ и самый принципъ дуализма въ ощущеніи, двойственность ощущенія, какъ дѣятельности матеріальной и психической*». По словамъ *Вундта*, «ощущеніе есть тождество обѣихъ формъ; по своей сущности, оно составляетъ одно цѣлое, а только по внѣшности, въ-отношеніи къ способамъ изслѣдованія, распадается на двѣ формы. *Матеріальный и психическій процессы при ощущеніи суть одинъ и тотъ-же процессъ. Механическая и логическая необходимость различны между собою не по существу, а только по способу разсматриванія. Что при психологическомъ анализѣ представляется намъ цѣпью умозаключеній, то, при физическомъ анализѣ, оказывается цѣпью причинъ и слѣдствій. Самые простѣйшіе элементы нашего знанія, по формѣ, принадлежатъ къ сужденіямъ, а по содержанію, къ механическимъ процессамъ. Механизмъ и логика въ-сущности одно и тоже*».

На чемъ же основывается у *Вундта* такое утвержденіе? Откуда видно, что *самые простѣйшіе элементы нашего знанія, по формѣ, принадлежатъ къ сужденіямъ, а по содержанію, къ механическимъ процессамъ?* «*Первымъ актомъ мышленія*» *Вундтъ* признаетъ «не то сужденіе [3]), которое находится въ непосредственномъ чувственномъ впечатлѣніи, а то, которое содержитъ въ себѣ отдѣльный признакъ ощущенія». *Вундтъ* полагаетъ, что «*это, самое первоначальное изъ всѣхъ сужденій совсѣмъ нельзя выразить: его нельзя ни передать словами, ни представить себѣ въ умѣ.* Мы знаемъ о немъ только то, что оно существуетъ. Что [4]) значитъ этотъ фактъ»,—спрашиваетъ онъ,—«что сужденіе, заключающее въ себѣ отдѣльный признакъ ощущенія, существуетъ несомнѣнно, а между тѣмъ содержаніе его неизвѣстно? Этотъ фактъ показываетъ, что сужденіе съ опредѣленнымъ содержаніемъ существуетъ для насъ только *въ концѣ умозаключенія. Первичныя сужденія* не принадлежатъ къ познаніямъ и *вовсе не принадлежатъ къ числу актовъ мышленія.* Первые процессы нашего мышленія—не тѣ безсодержательныя сужденія, изъ которыхъ выводятся признаки ощу-

[1]) Стр. 347. [2]) Стр. 243. [3]) Ч. I. стр. 62. [4]) 63.

щенія, а основанныя на нихъ умозаключенія. Мышленіе начинается не съ сужденій, а съ умозаключеній»... Мы не должны затруднять себя разъясненіемъ этихъ вербальныхъ противорѣчій у *Вундта*: «первый актъ мышленія есть сужденіе, и именно первичное сужденіе, которое содержитъ въ себѣ отдѣльный признакъ ощущенія»,—и, въ тоже самое время, «первичныя сужденія вовсе не принадлежатъ къ числу актовъ мышленія» и т. д. Подобныя противорѣчія у *Вундта* встрѣчаются почти на каждой страницѣ. Намъ нужно и будетъ полезно прослѣдить, главнымъ образомъ, коренную идею его психологіи, основной ходъ доказательства его *облюбленной темы, что въ нашемъ мышленіи и процессѣ познанія «механизмъ, и логика одно и тоже». Вундту* кажется, что и «понятіе не можетъ быть первымъ актомъ мышленія: если есть особая дѣятельность мысли, образующая изъ признаковъ понятія, то эта дѣятельность должна быть не что иное, какъ умозаключеніе. Но умозаключеніе есть столько-же начало, какъ и конецъ. Умозаключеніе есть работа, производящая сужденія и понятія. Мышленіе состоитъ единственно въ дѣятельности умозаключенія [1]). Такимъ образомъ [2]), первичныя сужденія совершенно лишены сознанія; съ психологической точки зрѣнія, онѣ не имѣютъ и содержанія [3]), умственнаго содержанія. Но сужденіе безъ всякаго содержанія — такая-же безсмыслица, какъ пространство безъ матеріи. Если прослѣдить процессъ мышленія, до самаго основанія, то опытъ приводитъ именно къ элементарнымъ сужденіямъ, въ которыхъ не заключается никакой мысли».

Что же [4]) именно заключается въ этихъ первичныхъ сужденіяхъ? *По Вундту*, «*мы знаемъ только два рода существованія: мышленіе и матеріальное бытіе.* Такъ-какъ въ нашихъ первичныхъ сужденіяхъ нѣтъ содержанія мысленнаго, то *надобно предполагать въ нихъ содержаніе матеріальное, т. е. онѣ состоятъ изъ какихъ-либо матеріальныхъ процессовъ*». Здѣсь на вопросѣ, дѣйствительно ли *въ первичныхъ сужденіяхъ* можно и нужно предполагать *матеріальное содержаніе, вмѣсто мысленнаго*, — слѣдовало бы намъ остановить наше вниманіе, такъ-какъ въ этомъ логическомъ переходѣ скрывается одно изъ важнѣйшихъ, если только не самое важное изъ звеньевъ въ цѣпи доказательствъ теоріи *Вундта*. Тѣмъ не менѣе, однакожъ, мы пока не станемъ останавливаться на этомъ по тому, что онъ самъ скоро станетъ противорѣчить себѣ и, слѣд., уничтожать доказательную силу собственной логики. — «Мы знаемъ», — продолжаетъ онъ развивать свое доказательство, — «что при каждомъ ощущеніи происходятъ измѣненія въ нервахъ: по нимъ постоянно проходятъ электрическіе токи. Не можетъ быть сомнѣнія, что существуетъ тѣсная связь между измѣненіями нервнаго электричества и ощущеніемъ. Электрическія измѣненія [5]) въ нервахъ имѣютъ непосредственную связь съ чувствомъ,—и *эта связь есть причинная: оказывается, что электрическіе процессы въ нервахъ суть силы, производящія ощущеніе*».

«Дѣйствіе [6]), заключающееся въ ощущеніи, происходитъ отъ внѣшняго раздраженія. Внѣшнее раздраженіе состоитъ изъ движенія. Это—или движеніе частицъ воздуха: звукъ, или движеніе эѳира: свѣтъ и теплота,— или химическое дѣйствіе веществъ, распространенныхъ въ воздухѣ и въ жидкостяхъ: запахъ и вкусъ,— или, наконецъ, механическое дѣйствіе твердыхъ тѣлъ: осязательное впечатлѣніе. *Чувственныя [7]) раздраженія ничѣмъ не отличаются отъ другихъ движеній*

[1]) Стр. 66. [2]) Стр. 68. [3]) Стр. 69. [4]) Стр. 70. [5]) 72. [6]) Стр. 74. [7]) Стр. 75.

матеріи;—онъ суть не что иное, какъ движенія, дѣйствующія на чувствительные нервы. Когда движеніе подѣйствуетъ на фосфоръ, то отъ тренія произойдутъ теплота и свѣтъ. *Когда же движеніе подѣйствуетъ на нервъ, то въ немъ возбуждается электричество, а отъ электричества происходитъ ощущеніе». Вундтъ* съ вѣроятностію заключаетъ, что «(найденный имъ) законъ, по которому ощущеніе возрастаетъ пропорціонально логариѳму возбуждающей силы, *зависитъ не отъ того, что физическое движеніе нервовъ вызываетъ ощущеніе, но отъ того, что это-то движеніе именно и есть ощущеніе.* Акты, которые непосредственно предшествуютъ ощущенію и обусловливаютъ его [1]), *суть вовсе не психическаго свойства; это—чисто физическіе процессы въ нервахъ* и ихъ периферическихъ органахъ, возбуждаемые раздраженіемъ и, въ свою очередь, возбуждающіе ощущеніе. *Эти физическіе процессы отличаются рядомъ признаковъ; каждый изъ этихъ признаковъ есть сужденіе»* (то сужденіе, которое *Вундтъ* уже назвалъ первичнымъ)... «Законъ зависимости ощущенія отъ нервнаго процесса есть общая формула для дѣятельности, посредствомъ которой мы сравниваемъ величины, т. е. для умозаключенія, относящагося къ опредѣленію величинъ. Короче,—*нашъ законъ есть математическое выраженіе логическаго процесса.* Всѣ простѣйшіе элементы [2]) ощущеній происходятъ отъ различныхъ степеней внѣшняго движенія, вліяющаго на органы чувствъ. Это всего очевиднѣе въ ощущеніяхъ звука, гдѣ съ увеличеніемъ колебанія воздуха постепенно увеличивается и высота тона. Но въ ощущеніяхъ свѣта въ-сущности бываетъ тоже самое. *Между самыми* [3]) *разнородными раздраженіями существуетъ не-только нѣкоторое сродство, но всѣ они въ-сущности основаны на одномъ и томъ-же явленіи.* Въ самомъ дѣлѣ, можно произвести всевозможныя чувственныя раздраженія, двигая съ различною скоростію одинъ и тотъ-же предметъ, наприм., прутъ въ темной комнатѣ. При 20 размахахъ его въ секунду, произошло бы въ ухѣ ощущеніе басоваго тона; послѣ 36000 движеній въ секунду, настала бы тишина и послѣдовали бы такія скорости движеній, которыя не возбуждаютъ ни одного изъ нашихъ органовъ; при 18 милліонахъ движеній въ секунду, лучистая теплота произвела бы въ нашей кожѣ ощущеніе теплоты, появился бы красный цвѣтъ; при дальнѣйшемъ увеличеніи быстроты, теплота будетъ уменьшаться и совсѣмъ исчезнетъ, а вмѣсто краснаго цвѣта будутъ являться, поочередно, цвѣта: желтый, зеленый и, наконецъ, фіолетовый; при 8 билліонахъ движеній въ секунду, свѣтъ исчезаетъ вовсе и движеніе тѣла, переставъ дѣйствовать на наши чувства, будетъ обнаруживаться только въ химическомъ вліяніи. Въ явленіяхъ [4]) теплоты и свѣта ощущеніе производится въ насъ движеніемъ эѳира. Вѣроятно, что и *явленія электричества основаны на колебаніи того-же эѳира,* при чемъ измѣняются, быть можетъ, только скорость, а можетъ быть, и другія качества движенія. Быть можетъ, что, и при дѣйствіи раздраженія на чувствительные нервы, *различныя формы внѣшняго движенія переходятъ въ одну и туже форму,—въ электричество, или происходятъ перемѣны въ электрическихъ явленіяхъ, постоянно существующихъ во всякомъ живомъ нервѣ».* Послѣ подобныхъ соображеній, *Вундтъ* считаетъ себя въ-правѣ сказать, «что онъ [5]) нашелъ *законъ,*

---

[1]) Стр. 165. [2]) Стр. 216. [3]) Стр. 217. [4]) Стр. 219. [5]) Стр. 229.

математически выражающій фактъ, что ощущеніе есть выводъ изъ физическаго нервнаго процесса, сдѣланный путемъ умозаключенія».

На-основаніи этого, *Вундту* кажется, что всѣ затрудненія, по спорному вопросу о реальности внѣшняго міра и объективности нашего знанія, преодолѣны. *Что такое предметы?*—спрашиваетъ онъ, и отвѣчаетъ, безъ всякихъ колебаній: «*это дѣйствительный міръ*, который я узнаю посредствомъ созерцанія, насколько это доступно моимъ ограниченнымъ чувствамъ. Что такое зрѣніе? Это дѣятельность, посредствомъ которой я узнаю *дѣйствительность*». Что эти предметы существуютъ внѣ насъ, въ томъ не можетъ быть сомнѣнія. *Это—самое первичное впечатлѣніе, какое получаемъ мы отъ воздѣйствовавшихъ на наше чувство раздраженій,—впечатлѣніе, которое лежитъ въ корнѣ всѣхъ другихъ впечатлѣній.* Мы видѣли уже, что, по словамъ *Вундта*, «самое первоначальное изъ всѣхъ сужденій совсѣмъ нельзя выразить, нельзя ни передать словами, ни даже представить себѣ въ умѣ: *мы знаемъ о немъ только то, что оно существуетъ*. Такъ-какъ мы знаемъ только два рода существованія: мышленіе и матеріальное бытіе, и такъ-какъ въ нашихъ первичныхъ сужденіяхъ нѣтъ содержанія мысленнаго», то *Вундтъ* находитъ въ нихъ «содержаніе матеріальное, т. е. матеріальные процессы. Мы знаемъ, что при каждомъ ощущеніи происходятъ измѣненія въ нервахъ, по нимъ постоянно проходятъ электрическіе токи. *Не* [1]) *можетъ быть сомнѣнія, что существуетъ тѣсная связь между измѣненіями нервнаго электричества и ощущеніемъ*. Электрическія измѣненія въ нервахъ [2]) имѣютъ непосредственную связь съ чувствомъ,—и эта связь есть причинная», т. е. если существуетъ ощущеніе, какъ слѣдствіе то, значитъ, существуетъ и электрическое раздраженіе, какъ причина, — значитъ, существуетъ и предметъ, какъ дальнѣйшая причина электрическаго раздраженія. Подобнымъ-же образомъ я несомнѣнно убѣждаюсь и въ моемъ собственномъ существованіи. «*Декартъ* [3]) сказалъ: *я мыслю, слѣдовательно, существую. Только посредствомъ мысли я убѣждаюсь въ моемъ существованіи. Мышленіе мое есть непрерывное спрашиваніе самого себя, существую ли я. Этотъ вопросъ заключаетъ въ себѣ и отвѣтъ, потому-что, пока я мыслю, я достовѣрно знаю, что существую*». Этого мало, что чувства непогрѣшимо увѣряютъ насъ въ существованіи какъ нашего *я*, внутри насъ, такъ и внѣшняго міра, внѣ насъ. Не менѣе безспорно онѣ увѣряютъ насъ и въ объективности нашего знанія,—въ совершенно точномъ отраженіи внѣшней дѣйствительности въ зеркалѣ нашего сознанія. «*Что глазами я вижу вѣрно, на это можно представить множество другихъ доказательствъ*. Тѣло, лежащее предо мною, я ощупываю рукой и получаю тоже впечатлѣніе формы, которое даетъ мнѣ и глазъ. Я вижу, какъ дрожитъ струна, и слышу, что звукъ идетъ изъ тогоже мѣста, гдѣ вижу струну. Я приближаю предметъ ко рту,—и вкусъ языка, осязаніе губъ убѣждаютъ меня, что это дѣйствительный предметъ, тотъ самый, который я видѣлъ глазами и бралъ въ руки. *Какихъ же еще нужно доказательствъ*»? спрашиваетъ *Вундтъ*. «А если вы ихъ хотите, то развѣ наука [4]) не подтверждаетъ вполнѣ того, что я вижу? Развѣ я не знаю изъ физики, что свѣтъ есть движеніе въ пространствѣ, которое идетъ отъ пред-

[1]) Стр. 72. [2]) Стр. 30. [3]) Стр. 71. [4]) 399.

метовъ къ моему глазу? Развѣ я не знаю также, что звукъ есть дрожательное движеніе въ пространствѣ,—движеніе, котораго колебательность я даже чувствую при сильномъ звукѣ»! и т. д. Но тутъ-же сряду, послѣ такихъ категорическихъ утвержденій, *Вундтъ* задаетъ себѣ столь общеизвѣстный и столь затруднительный въ гносеологіи вопросъ: *«но если мое представленіе о мірѣ въ-точности соотвѣтствуетъ его дѣйствительному качеству,—то отчего-же мое представленіе такъ часто ошибается»*? вопросъ, которымъ все взгроможденное имъ, Вундтомъ, вавилонское столпотвореніе единства логики и механики въ нашемъ мышленіи разсыпается въ прахъ, чтобы послужить еще разъ новымъ памятникомъ суетной и суемудрой затѣи, въ чемъ самъ-же онъ, *Вундтъ*, и сознается.

Такъ, истративъ столь много усилій, такой большой запасъ экспериментальныхъ знаній, такой богатый снарядъ крайней тонкости соображеній на установленіе закона, который будто-бы «математически выражаетъ фактъ, что ощущеніе есть выводъ изъ физическаго, нервнаго процесса, сдѣланный путемъ умозаключенія», *Вундтъ*, на пути сведенія къ единству логики и механики въ нашемъ мышленіи, видитъ, однакожъ, самъ и указываетъ намъ множество неодолимыхъ затрудненій. Положимъ, что, по изслѣдованіи качествъ ощущенія, онъ нашелъ, что «каждому элементарному ощущенію соотвѣтствуетъ извѣстное *физическое* явленіе, вибрація периферическаго слуховаго органа, или дѣйствіе свѣта на палочку сѣтчатой оболочки, или сжатіе осязательнаго тѣльца» и т. п. Но, тѣмъ не менѣе, «самое ощущеніе онъ признаетъ результатомъ умозаключенія, результатомъ сравненія согласныхъ и противорѣчащихъ признаковъ». Самъ-же онъ говоритъ, что [1]) «если ощущенія и проводятся въ нервахъ отъ чувственнаго органа къ мозгу, посредствомъ электричества, то *самое электричество не можетъ непосредственно возбуждать ощущенія*. Въ электричествѣ не могутъ заключаться всѣ различія, придающія особенное качество каждому отдѣльному ощущенію; *разнообразію ощущеній не соотвѣтствуетъ однообразіе электрическаго процесса*. А потому существенное качество ощущенія можетъ зависѣть только или отъ окончанія нерва въ мозгу, или отъ окончанія его въ органѣ внѣшняго чувства». На вопросы: «отъ чего [2]) зависитъ разница между ощущеніями различныхъ органовъ? отъ чего давленіе совсѣмъ не похоже на вкусъ, а звукъ на свѣтъ»?—*Вундтъ* отвѣчаетъ, что «коренная разница между звукомъ и цвѣтомъ и т. п. должна необходимо происходить отъ такой-же коренной разницы въ устройствѣ наружныхъ органовъ и въ образѣ дѣйствія на нихъ раздраженій. Мы не можемъ понять»,—пишетъ онъ,—«какимъ образомъ, при дѣйствіи внѣшняго раздраженія на нервы, изъ самыхъ разнородныхъ движеній, каковы: звукъ, свѣтъ, механическое давленіе и т. д., *происходитъ всегда однородное электрическое измѣненіе* [3]). Въ электрическихъ нервныхъ явленіяхъ мы замѣчаемъ только одну разницу, разницу въ степени напряженія. *За-то нельзя въ нихъ замѣтить такой разницы, которая была бы параллельна качественнымъ различіямъ раздраженій*. Зрительный нервъ, возбуждаемый колебаніемъ эѳира,—слышательный нервъ, возбуждаемый звуковыми волнами,—осязательный нервъ, возбуждаемый механиче-

[1]) 219. [2]) 223. [3]) 81.

скимъ давленіемъ,—всѣ они обнаруживаютъ *электрическое измѣненіе одного и того-же рода.* Изъ этого *Вундтъ* основательно заключаетъ, что, *въ-отношеніи къ качеству впечатлѣній, нервныя волокна служатъ только проводниками и что качество ощущенія опредѣляется или въ чувственныхъ органахъ, или въ головномъ мозгу, или вмѣстѣ въ томъ и другомъ».* *Вундтъ* сомнѣвается вообще даже въ томъ, *«имѣетъ ли въ себѣ что-либо электрическое тотъ нервный процессъ, который непосредственно предшествуетъ ощущенію,* и не служитъ ли здѣсь электрическое измѣненіе скорѣе *посредникомъ между раздраженіемъ и какимъ-нибудь третьимъ родомъ движенія,* совершенно не извѣстнымъ.» Поэтому, нечего [1]) и думать о томъ»,—утверждаетъ онъ,—«чтобы непосредственно показать, какъ, вслѣдствіе измѣненія силы, производящей ощущеніе (т. е. электричества), измѣняется самое ощущеніе, и какая перемѣна произойдетъ въ ощущеніи, если мы вдвое, втрое и т, д., увеличимъ, или уменьшимъ, нервныя силы, его возбуждающія». *Вундтъ* прямо свидѣтельствуетъ, что наша мысль вообще существенно, въ родѣ и качествѣ, а не въ степени, отлична отъ всего чувственнаго. *«Принимая мышленіе и отправленіе мозга»* (т. е. нервный электрическій процессъ),—пишетъ *Вундтъ* [2]),—*«за одно и тоже, естествоиспытатель попрышаетъ противъ перваго правила естественно—научной логики: причинная связь между отправленіемъ мозга и мышленіемъ еще нисколько не доказана.* Опытъ показываетъ намъ, что *есть такая вещь, которой мы не можемъ видѣть и осязать непосредственно, какъ какое-нибудь тѣло. Эта* [3]) *вещь есть мысль. Мысль не доступна нашимъ чувствамъ:* мы можемъ слышать *слово,* которымъ она выражается,—можемъ видѣть *человѣка,* въ головѣ котораго она явилась,—мы можемъ анатомировать *мозгъ,* въ которомъ она образовалась; но *слово: человѣкъ, мозгъ*—это *еще не мысль.* Также и *кровь,* протекающая чрезъ мозгъ, *химическія измѣненія,* происходящія въ мозгу, теплота, *электричество, развивающееся въ мозгу, все это не есть мысль.* Хорошо [4]), говоритъ матеріализмъ, это не есть мысль, но это производитъ мысль: какъ печень производитъ желчь, какъ мускулъ производитъ движеніе, такъ изъ крови и мозга, изъ теплоты и электрической матеріи образуется мысль. *Но между этими двумя случаями значительная разница»,*—возражаетъ *Вундтъ:*—«тамъ я собственными глазами вижу всѣ условія, при которыхъ, въ одномъ случаѣ, образуется желчь, въ другомъ—движеніе; но *никакіе процессы въ мозгу не даютъ намъ средствъ объяснить происхожденіе мысли.* Много спорили о томъ, *на что больше* [5]) *похожа мысль,—на свѣтъ, или на электричество:* только въ томъ, что она не имѣетъ вѣса, всѣ были согласны. Можно удивляться, что вся эта матеріалистическая философія принесла такіе жалкіе результаты». Задаваясь вопросомъ объ основномъ характерѣ отношенія [6]) *между ощущеніемъ и нервнымъ процессомъ,*—именно вопросомъ о томъ, «зависитъ ли законъ этого отношенія отъ процесса въ нервахъ и, слѣд., можетъ ли считаться *физическимъ закономъ,*—или онъ обусловливается свойствами души, и, слѣд., есть законъ *чисто психическій,* или есть, наконецъ, *психо-физическій,* какъ опредѣляющійся обоими факторами»? на всѣ эти вопросы *Вундтъ* отвѣчаетъ: *«ясно, что нашъ законъ не можетъ быть закономъ физическимъ.* Несомнѣнно,

[1]) 99. [2]) 19. [3]) 19, [4]) 20. [5]) 21. [6]) 162.

что [1]) силы внѣшней природы никогда не дѣйствуютъ по тому закону, который мы нашли для отношенія между нервнымъ процессомъ и ощущеніемъ. Но и мнѣніе, будто этотъ законъ есть законъ *психо-физическій*, не выдерживаетъ критики. *Есть прямое доказательство того, что этотъ законъ есть чисто психическій.* Смыслъ этого закона тотъ, что мы можемъ только сравнивать первичныя, полученныя посредствомъ физическаго процесса, сужденія [2]) между собою. Но въ чемъ состоитъ это сравненіе непосредственно данныхъ величинъ? Всякое сравненіе бываетъ основано на умозаключеніи. Гдѣ же тѣ сужденія, изъ которыхъ выводится сравнительное умозаключеніе, служащее для измѣренія ощущеній? Очевидно, такими сужденіями можетъ быть не что иное, какъ *акты, которые непосредственно предшествуютъ ощущенію и обусловливаютъ его* [3]). *Вундтъ* даже положительно увѣряетъ, что «*намъ* [4]) *никогда не удастся уловить тождество этихъ процессовъ (психическаго и физическаго)* въ самомъ представленіи,— точно также, какъ въ ощущеніи мы *никогда не замѣтимъ тождества теплоты и свѣта, хотя оба эти процесса въ-сущности одно и тоже.* Это сравненіе не вѣрно только въ одномъ отношеніи. Свѣтъ и теплота различны для нашихъ чувствъ, а сами по себѣ одно и тоже. Но эта тождественность можетъ быть представлена и наглядно. Въ самомъ дѣлѣ [5]), свѣтъ и теплота для насъ тождественны только по тому, что и въ той и въ другомъ мы видимъ нѣчто третье, движеніе эѳира. Механическіе и логическіе процессы, при ощущеніи и при рефлексахъ, сами по себѣ, также тождественны и различны только для нашего воспріятія; *но мы не можемъ представить себѣ того третьяго, въ которомъ они сходятся,—и если оно и существуетъ, то за предѣлами нашего познанія.* Физикъ, желая изслѣдовать природу свѣта и теплоты, уже не держится ощущенія, а прямо беретъ это третье,—движеніе эѳира. Есть ли же возможность, путемъ механическаго и логическаго анализа, придти къ заключеніямъ *о природѣ этого третьяго, лежащаго въ основаніи механизма и логики*, и можетъ ли *это третье, это сверхъ—чувственное основаніе явленій* сдѣлаться предметомъ изслѣдованія,—это вопросъ»... Наконецъ, всѣ эти разсужденія *Вундтъ* заключаетъ общимъ приговоромъ, что «*ощущеніе* [6]) *не есть ни внѣшнее движеніе, ни процессъ въ нервахъ, ни все то, что предшествуетъ ощущенію, но нѣчто совершенно новое, психологическій фактъ*, который доступенъ нашему внутреннему взору, только какъ результатъ».

Такимъ образомъ *Вундтъ*, въ общихъ положеніяхъ своей теоріи, вращается между вербальными противорѣчіями, мирить которыя не входитъ въ наши расчеты. Для насъ въ его психологіи, въ вышеизложенномъ, важенъ выводъ, что «*ощущеніе не есть ни внѣшнее движеніе, ни процессъ въ нервахъ, ни все то, что предшествуетъ ощущенію, но нѣчто совершенно новое, психологическій фактъ*»,—выводъ, въ которомъ согласны съ *Вундтомъ* всѣ новѣйшіе антропологи, не исключая ни *Д. С. Милля*, ни физіолога *Льюиса*, которые, съ своей стороны, подтверждаютъ также, что «наше ощущеніе въ качествѣ, существенно, радикально, а не въ степени только, отлично отъ предшествующаго ощущенію нервнаго процесса; но всего болѣе важны для насъ собранные Вундтомъ *психологи-*

---

[1]) 163. [2]) 164. [3]) 165. [4]) 284. [5]) 285. [6]) 295.

ческіе факты, которые подтверждаютъ крайнюю субъективность нашихъ познаній, пріобрѣтаемыхъ посредствомъ внѣшнихъ чувствъ,—краткимъ перечнемъ которыхъ мы займемся, когда станемъ собирать въ общій итогъ эти основоположенія гносеологической теоріи *Вундта*.

Самъ *Вундтъ*, изъ анализа этихъ фактовъ, дѣлаетъ такое заключеніе, что «наше представленіе качества предметовъ есть только выводъ изъ результатовъ чувственныхъ наблюденій: до нашего свѣдѣнія доходитъ только этотъ выводъ, а процессы, ему; предшествующіе, не сознаются нами. Часто высказываютъ [1]) мнѣніе, говоритъ Вундтъ,—будто то, что мы держимъ въ рукахъ, гораздо доступнѣе нашему чувственному воспріятію, нежели то, что дѣйствуетъ на насъ издали; но при этомъ забываютъ, что *какъ осязаніе, такъ и зрѣніе состоитъ во впечатлѣніи на чувствительные нервы, о причинѣ котораго, безъ помощи умозаключеній и сужденій, мы также мало знаемъ въ первомъ случаѣ, какъ и во второмъ. Намъ кажется* [2]), *будто мы прямо ощущаемъ мѣсто впечатлѣнія, тогда-какъ мы непосредственно ощущаемъ только качество ощущенія и по немъ узнаемъ мѣсто впечатлѣнія.* Совершенствуя дальнѣйшимъ упражненіемъ нашу способность воспріятія, мы совершенствуемъ только способность замѣчать самыя малыя различія между нашими ощущеніями; это одинаково относится и къ зрѣнію, и къ осязанію. *Мы щупаемъ глазомъ точно также, какъ и рукою.* Изъ этого мы видимъ»,—заключаетъ *Вундтъ*,—«что наши пространственныя соцерцанія весьма много измѣняются,—что на нихъ имѣютъ вліяніе множество обстоятельствъ, *вовсе не зависящихъ отъ самыхъ предметовъ*,—что мы принимаемъ здѣсь въ соображеніе кажущуюся величину предметовъ, разстояніе, въ которомъ они находятся, и, наконецъ, наблюденія, сдѣланныя нами въ другихъ случаяхъ надъ тѣми-же, или подобными, предметами. *Какъ же можно послѣ этого утверждать, будто то, что мы видимъ, т. е. наше созерцаніе происходитъ отъ предметовъ, находящихся внѣ насъ? Всѣ обстоятельства, которыя вліяютъ на наше созерцаніе и на которыя мы указали здѣсь, заключаются не въ предметахъ, а въ насъ самихъ. Это мы въ такой степени заставляемъ измѣняться предметы; это мы распоряжаемся пространствомъ такъ произвольно, какъ своею собственностію. А если управляться съ пространствомъ и пространственными величинами зависитъ совершенно отъ насъ, то мы имѣемъ полное право сказать: пространство и все, что его касается, происходитъ не отъ предметовъ, а отъ нашего зрѣнія, нашего чувственнаго воспріятія.* Если тѣло кажется мнѣ протяженнымъ, то причиною тому не тѣло, а мое зрѣніе. *Имѣетъ ли тѣло протяженность на самомъ дѣлѣ—еще неизвѣстно.* Во всякомъ случаѣ, изъ того, что я вижу его протяженнымъ, я не могу еще дѣлать никакого вывода. Иначе я сдѣлалъ бы такой-же промахъ, какъ если-бы изъ того, что мѣсяцъ кажется мнѣ величиною въ тарелку, я заключилъ, что онъ и дѣйствительно не больше тарелки. Все, что вліяетъ на мои созерцанія и измѣняетъ ихъ, происходитъ отъ предыдущихъ созерцаній. Вліянія эти суть не что иное, какъ мое-же собственное зрѣніе, которое постоянно само себя направляетъ и повѣряетъ, постоянно само на себя опирается, чтобъ улучшить и дополнить изображеніе внѣшняго міра, отражающагося въ моемъ глазу».

[1]) 319. [2]) 324.

Что въ вышеизложенныхъ психологическихъ выводахъ *Вундта*, основанныхъ на самоновѣйшихъ опытахъ и экспериментахъ, должно въ самомъ дѣлѣ видѣть послѣднее слово науки, это подтверждается данными, изложенными въ вышеозначенной *рѣчи доктора Карпентера, при открытіи Съѣзда Британскихъ естество—испытателей въ 1872 году*: «*человѣкъ истолкователь природы*» [1]). Въ этой рѣчи докторъ *Карпентеръ*, предъ собраніемъ высшихъ авторитетовъ современной естественной науки, авторитетно высказываетъ слѣдующія положенія, основанныя на фактахъ: «если мы старательно разсмотримъ основаніе нашей увѣренности въ томъ, что научное истолкованіе природы изображаетъ ее не-только какою она *кажется, но какова она дѣйствительно есть,—то найдемъ достаточную причину не довѣрять этой увѣренности.* Это по тому, что о научномъ представленіи природы, точно также какъ объ артистическомъ или поэтическомъ, можно доказать, что *оно есть изображеніе, созданное самимъ умомъ, изъ матеріаловъ, доставленныхъ впечатлѣніями, которыя внѣшніе предметы производятъ на наши чувства, такъ-что для каждаго человѣка наука природы есть то, чѣмъ онъ лично ее считаетъ.* И это мнѣніе о ней опирается на различныя основанія и имѣетъ весьма не одинаковую цѣну въ различныхъ отрасляхъ науки. Такъ, въ тѣхъ, которыя намъ вообще извѣстны за «точныя науки», образцомъ которыхъ можно принять астрономію, данныя, доставляемыя точными методами наблюденія, могутъ быть взяты за основаніе разсужденія, на каждомъ шагу котораго математикъ имѣетъ полное сознаніе достовѣрности, и окончательный выводъ оправдывается согласіемъ или съ извѣстными, или подлежащими провѣркѣ, фактами. Но даже *въ этой точнѣйшей изъ наукъ мы не можемъ сдѣлать шага безъ того, чтобы не переводить дѣйствительныхъ явленій природы на языкъ интеллектуальныхъ представленій этихъ явленій.* Психологъ настоящаго времени смотритъ на матерію совершенно въ духѣ своего собственнаго сознанія; его *отвлеченная идея о матеріи—та, что это есть «нѣчто», что имѣетъ постоянную способность возбуждать ощущенія;* его идея о всякомъ «свойствѣ матеріи» есть умственное представленіе какого-либо рода чувственнаго впечатлѣнія, полученнаго отъ нея; а его идея о какомъ-либо видѣ матеріи есть представленіе всей совокупности чувственныхъ воспріятій, которыя ея присутствіе вызвало въ его умѣ. Такимъ образомъ, когда я опираю мою руку на этотъ столъ, *я признаю его непроницаемость, черезъ совмѣстное посредничество моего чувства осязанія, моей мышечной силы и моего внутренняго ощущенія усилія*, которымъ, всѣмъ вмѣстѣ, удобнѣе дать общее названіе *осязательнаго чувства; и я приписываю этому столу твердость, противодѣйствующую усилію, которое я дѣлаю для того, чтобы вмѣстить мою руку въ его вещество.* Далѣе, впечатлѣнія, полученныя мною черезъ тотъ-же осязательный аппаратъ, когда я поднимаю рукой книгу, приводятъ меня къ соединенію съ книгой понятія *о тяжести* или *вѣсомости*; а поднимая различныя твердыя тѣла почти одной и той же величины, я получаю возможность, черезъ различныя степени усилія, которое я принужденъ дѣлать, чтобы держать ихъ, отличить нѣкоторыя изъ нихъ, какъ *легкія*, а другія, какъ *тяжелыя*. Подобнымъ образомъ, чрезъ посредство нашего осязательнаго чувства,

---

[1]) Русскій Вѣстникъ, 1872 года, августъ.

безъ всякой помощи со-стороны зрѣнія, мы впервые получаемъ *идею о твердой формѣ*, или о *трехъ размѣрахъ пространства*. Слѣдовательно, такимъ образомъ мы доходимъ до *понятій о сопротивленіи и тяжести*, какъ о свойствахъ, общихъ всякой формѣ матеріи. И теперь, когда мы составили понятія о свѣтѣ и теплотѣ, объ электричествѣ и магнетизмѣ, какъ о *невѣсомыхъ жидкостяхъ, мы принимаемъ эти свойства, какъ данныя, для практическаго различенія между «матеріей» и «не матеріей»*. Обращаясь за-тѣмъ къ другимъ важнымъ фактамъ ощущенія, къ зрѣнію, чрезъ которое мы получаемъ большую часть посланій отъ окружающей насъ вселенной, мы признаемъ туже истину. Такъ, *и физики, и физіологи согласны между собой, что цвѣтъ не существуетъ, какъ цвѣтъ, въ самомъ предметѣ, который имѣетъ лишь способность отражать; или пропускать извѣстное число милліоновъ колебаній въ секунду; и только эти колебанія производятъ то наше внутреннее ощущеніе, которое мы называемъ цвѣтомъ, когда они падаютъ на сѣтчатую оболочку живаго органа зрѣнія*. И если въ сѣтчатой оболочкѣ, или въ лежащемъ позади нея аппаратѣ, есть недостатокъ, который мы называемъ *«цвѣто-слѣпотой» или дальтонизмомъ*, — то нѣкоторые особенные колера не могутъ быть различаемы, или даже можетъ вовсе не быть способности различать какіе-либо цвѣта. Еслибы мы всѣ были подобны Дальтону, то мы не видѣли бы никакого различія, кромѣ какъ по формѣ, между зрѣлыми персиками, висящими на деревѣ, и окружающими ихъ зелеными листьями; если-бы мы всѣ были поражены сильнѣйшею формой цвѣтослѣпоты, то прекрасный обликъ природы былъ бы намъ видѣнъ въ свѣто-тѣни гравюры съ одного изъ ландшафтовъ Тернера, а не въ яркихъ краскахъ самой чудесной картины. И относительно нашихъ зрительныхъ представленій можно утверждать, съ полною достовѣрностью, какъ результатъ многочисленныхъ наблюденій, сдѣланныхъ надъ лицами, впервые пріобрѣвшими зрѣніе, что *эти представленія не служатъ даже для признанія тѣхъ предметовъ, съ которыми человѣкъ ознакомился черезъ осязаніе, до тѣхъ поръ, пока оба разряда чувственныхъ воспріятій не будутъ приведены въ соотношеніе опытовъ* [1]). Однакожъ, когда это соотношеніе уже произошло, то сложное воспріятіе формы, которое мы получаемъ отъ одного чувства зрѣнія, бываетъ такъ полно, что мы рѣдко имѣемъ надобность обращаться опять къ осязанію, для какого-либо дальнѣйшаго свѣдѣнія объ этомъ качествѣ предмета. И далѣе, такъ-какъ черезъ соотношеніе двухъ неодинаковыхъ изображеній, производимыхъ всякимъ твердымъ, или выдающимся, предметомъ на наши двѣ сѣтчатыя оболочки (какъ это показали превосходныя изслѣдованія *Чарльза Уитстона*), мы обыкновенно получаемъ по-

[1]) *Карпентеръ* разсказываетъ здѣсь случай, что операціей было дано зрѣніе одной молодой женщинѣ, бывшей слѣпою отъ рожденія, но тѣмъ не менѣе научившейся хорошо работать иглой; когда предъ ней были положены ножницы, которыми она привыкла работать, то хотя она и описала ихъ форму, цвѣтъ и блестящую металлическую поверхность, но совершенно была неспособна признать ихъ за ножницы, пока не положила на нихъ своихъ пальцевъ, послѣ чего она тотчасъ-же назвала ихъ, смѣясь надъ своимъ тупоуміемъ (такъ она называла свое невѣдѣніе).

*

средствомъ одного зрѣнія точное понятіе о твердой формѣ предмета, — то вотъ достаточное доказательство того, что это понятіе также есть умственное сужденіе, основанное на опытѣ, пріобрѣтенномъ въ раннемъ дѣтствѣ, дружнымъ употребленіемъ чувствъ зрѣнія и осязанія. *Не тѣлесное, а умственное око воспринимаетъ то, что открываютъ намъ телескопъ и микроскопъ*, потому-что мы не имѣли бы никакого основанія довѣрять ихъ открытіямъ относительно неизвѣстнаго, если-бы прежде не пріобрѣли опытности въ различеніи истиннаго отъ ложнаго, чрезъ примѣненіе ихъ къ извѣстнымъ предметамъ. Потому *каждое истолкованіе того, что мы видимъ въ эти инструменты, есть умственное сужденіе о вѣроятной формѣ, величинѣ и движеніи тѣлъ*, которыя, или по ихъ разстоянію, или по ихъ чрезвычайно малой величинѣ, устранены отъ познанія ихъ нашимъ чувствомъ осязанія. Еще вѣрнѣе это въ отношеніи къ послѣднему пріобрѣтенію нашего научнаго вооруженія, которое обѣщаетъ не уступить въ значеніи ни телескопу, ни микроскопу, потому-что *о спектроскопѣ*, по справедливости, можно сказать, что онъ не-только расширилъ область нашего зрѣнія, но почти далъ намъ новое чувство, давъ намъ возможность узнавать отличительныя свойства химическихъ элементовъ, которыя прежде были совершенно неизвѣстны. И кто скажетъ теперь, что мы знаемъ все, что можно знать о какой-либо формѣ матеріи»?—*Карпентеръ* очень хорошо понимаетъ, что «*такой взглядъ на матеріальный міръ равносиленъ заключенію, что міръ этотъ вытекаетъ изъ глубины нашего собственнаго сознанія,—что это выступъ нашего собственнаго ума въ то, что насъ окружаетъ,—что это скорѣе идеальный, чѣмъ дѣйствительный, міръ*». Знаетъ онъ и то затрудненіе, что «если все, что мы знаемъ о матеріи, *есть только умственное представленіе*, то какъ можемъ мы отличать его отъ понятій, составляемыхъ нами въ нашихъ сновидѣніяхъ? *Карпентеръ*, какъ естество-испытатель, а не философъ, думаетъ разсѣять это вѣковое философское затрудненіе, *призвавъ на выручку простой здравый смыслъ, который ясно сознаетъ различіе между опытами на яву и въ сновидѣніяхъ*». Но долго нужно подпирать этотъ давно извѣстный аргументъ, чтобы превратить давно извѣданную слабость его въ солидную прочность.

Вундтъ смотритъ на этотъ предметъ, повидимому, глубже.—«*Что такое предметы? Это дѣйствительный міръ*,»—отвѣчаетъ онъ самъ себѣ,—«который я узнаю посредствомъ созерцанія, насколько это доступно моимъ ограниченнымъ чувствамъ. Что такое зрѣніе? Это дѣятельность, посредствомъ которой я узнаю *дѣйствительность*. Но эта дѣйствительность не есть *пассивное* принятіе того, что даетъ мнѣ внѣшній и внутренній опытъ, путемъ чувствъ и сознанія; нѣтъ, это *активное* вторженіе въ дѣйствительный міръ, это—*самостоятельное* [1]) сужденіе и умозаключеніе, посредствомъ котораго я отличаю истинное отъ ложнаго, взвѣшиваю различныя условія, подъ вліяніемъ которыхъ дѣйствую, и, такимъ образомъ, изъ впечатлѣній, сначала смутныхъ и непонятныхъ, *строю образъ дѣйствительности, до безконечности приближающійся къ истинѣ, хотя и никогда ея не достигающій*. Не въ механическомъ принятіи даннаго безъ всякой перемѣны, а въ *переработкѣ впечатлѣній мыслью*,—вотъ въ чемъ состоитъ созер-

[1]) 347

цаніе. *Истина выше дѣйствительности*»,—смѣло утверждаетъ *Вундтъ*,—«*дѣйствительность* [1]) *для насъ есть безсвязная и безпорядочная масса явленій.* Только стремленіе къ истинѣ вноситъ въ эти явленія жизнь, переходя отъ фактовъ дѣйствительности къ ихъ причинамъ. Эти отношенія и связь, опредѣлившись во всѣ стороны, даютъ намъ *общія истины.* Дѣлая болѣе и болѣе обширныя соединенія, познаніе смремится къ истинѣ въ цѣломъ, какъ послѣдней цѣли, какую оно можетъ себѣ поставить, хотя и *никогда не можетъ вполнѣ этого достигнуть. Выходя, такимъ образомъ, за предѣлы непосредственнаго* [2]) *опыта, познаніе становится творческою дѣятельностью духа, результаты которой суть уже не простые образы предметовъ, подобно представленіямъ, но продукты мышленія, перерабатывающаго эти образы и черпающаго изъ опыта только матеріалъ.* Но не должно понимать *эту творческую дѣятельность такъ, будто духъ въ ней дѣйствуетъ чисто по внутреннимъ мотивамъ и будто продуктъ этой дѣятельности есть результатъ, имѣющій реальность и истину только для мышленія.* Напротивъ того, познаніе, съ самаго начала, стремится къ постиженію *истины объективной.* Оно старается найти отношенія не между представленіями нашими о предметахъ, но отыскиваетъ тѣ отношенія, которыя даютъ намъ уразумѣть *связь предметовъ, существующую независимо отъ нашего мышленія.* Такимъ образомъ, познаніе лишь на-столько переходитъ за предѣлы опыта [3]), *на-сколько оно не довольствуется наружною видимостью, простымъ созерцаніемъ, но стремится постигнуть и уразумѣть самую сущность вещей.* Но этимъ оно нисколько не удаляется отъ міра дѣйствительности; напротивъ того, *оно здѣсь только и начинаетъ вполнѣ понимать дѣйствительный міръ и переходитъ отъ внѣшней связи, лежащей въ представленіяхъ, къ той внутренней связи, которая лежитъ въ самыхъ предметахъ*».

Смутно, непонятно и какъ будто даже противорѣчиво! Всмотримся же пристальнѣе въ эти философскія тонкости, чтобы выяснить для себя ихъ значеніе.

Вотъ коренной логическій ходъ гносеологической теоріи *Вундта*, подкрѣпляемой взглядами *Карпентера* и другихъ естественниковъ.

1) Въ насъ есть нѣчто, подтверждающее дѣйствительность видимаго міра, который навязывается, принуждаетъ себя чувствовать,—и противъ этого принужденія безсильно всякое сопротивленіе, всякое отрицаніе. Насиліе, которое факты внѣшняго опыта обнаруживаютъ въ-отношеніи къ нашей способности представленія, необходимо указываетъ на что-то, существующее внѣ этой способности представленія, внѣ всякаго внутренняго опыта. Основаніемъ внутреннему опыту, той средѣ, сквозь которую проходятъ лучи всякаго опыта, служитъ нѣчто лежащее внѣ его.

2) Это нѣчто—процессы, происходящіе въ развитіи души. Эти

[1]) 478. [2]) 480. [3]) 481.

процессы разлагаются на мыслительные и физическіе, на психическіе акты ощущенія и на физическія явленія въ чувственныхъ органахъ, на дѣятельность ощущенія психическую и матеріальную. Эти самые простѣйшіе элементы нашего знанія, по формѣ, принадлежатъ къ сужденіямъ, а по содержанію, къ механическимъ процессамъ.

3) Первичное сужденіе, которое содержитъ въ себѣ отдѣльный признакъ ощущенія, нельзя ни передать словами, ни представить въ умѣ; оно даетъ знать о себѣ только то, что оно существуетъ, но содержаніе его неизвѣстно: какъ безсодержательное, оно и не принадлежитъ къ числу актовъ мышленія, которое собственно начинается съ умозаключенія. Такъ-какъ мы знаемъ только два рода существованія—мышленіе и матеріальное бытіе, и такъ-какъ въ первичныхъ сужденіяхъ нѣтъ содержанія мысленнаго,—то надобно предполагать въ нихъ содержаніе матеріальное; иначе сказать, первичныя сужденія состоятъ изъ матеріальныхъ процессовъ.

4) Эти процессы суть чувственныя раздраженія, которыя суть не что иное, какъ движенія, дѣйствующія на нервы. Физическое движеніе нервовъ не вызываетъ ощущенія, но это-то движеніе именно и есть ощущеніе. Между самыми разнородными раздраженіями существуетъ не-только нѣкоторое сходство, но всѣ онѣ основаны въ-сущности на одномъ и томъ же явленіи. При дѣйствіи раздраженія на чувствительные нервы, различныя формы внѣшняго движенія переходятъ въ одну и туже форму, въ электричество; въ электрическихъ явленіяхъ, постоянно существующихъ во всякомъ живомъ нервѣ, происходятъ перемѣны. Отсюда выясняется законъ, математически выражающій фактъ, что ощущеніе есть выводъ изъ физическаго нервнаго процесса, сдѣланный путемъ сравненія или, что тоже, умозаключенія; отсюда открывается, что матеріальный и психическій процессы при ощущеніи суть одинъ и тотъже прецессъ,—механизмъ и логика въ-сущности одно и тоже.

5) Существуетъ тѣсная причинная связь между измѣненіями нервнаго электричества и ощущеніемъ. Отсюда слѣдуетъ, что если существуетъ ощущеніе, какъ слѣдствіе,—то, значитъ, существуетъ электрическое раздраженіе, какъ причина,—значитъ, существуетъ и предметъ, какъ дальнѣйшая причина электрическаго раздраженія. Существованіе предметовъ внѣ насъ—это самое первичное впечатлѣніе, какое получаемъ мы отъ воздѣйствовавшихъ на наше чувство раздраженій. Уже замѣчено, что самое первоначальное изъ всѣхъ сужденій нельзя ни пе-

редать словами, ни представить въ умѣ; мы узнаемъ о немъ только то, что оно существуетъ. Подобнымъ-же образомъ я убѣждаюсь и въ моемъ собственномъ существованіи, именно посредствомъ мысли: мышленіе мое есть непрерывное спрашиваніе самого себя: существую ли я; но этотъ вопросъ заключаетъ въ себѣ и отвѣтъ, потому-что пока я мыслю, я достовѣрно знаю, что существую. Отсюда ясно, что мое ощущеніе есть дѣятельность, посредствомъ которой я узнаю дѣйствительный міръ; предметы, о которыхъ говоритъ мнѣ мое ощущеніе, это дѣйствительный міръ. Что глазами я вижу вѣрно, на это можно представить множество другихъ доказательствъ, чрезъ повѣрку свидѣтельства глазъ свидѣтельствомъ другихъ чувствъ и показаніями науки. Послѣ такой очевидности, казалось бы, что противоположность между мышленіемъ и бытіемъ устранена навсегда. Увы, нѣтъ!

6) Электричество не можетъ непосредственно возбуждать ощущенія; разнообразію ощущеній не соотвѣтствуетъ однообразіе электрическаго процесса; при дѣйствіи внѣшняго раздраженія на нервы, при самыхъ разнородныхъ ощущеніяхъ, всегда происходитъ однородное электрическое измѣненіе, такъ-что нельзя замѣтить въ немъ разницы, которая вышла бы параллельна качественнымъ различіямъ раздраженій. Электрическое измѣненіе служитъ, вѣроятно, только посредникомъ между раздраженіемъ и какимъ-нибудь третьимъ родомъ движенія, совершенно неизвѣстнымъ. Поэтому, нечего и думать о томъ, чтобы непосредственно показать, какъ, вслѣдствіе измѣненія электрическаго процесса, измѣняется ощущеніе. Принимая мышленіе и отправленіе мозга за одно и тоже, естествоиспытатель погрѣшаетъ противъ перваго правила естественно-научной логики: причинная связь между отправленіемъ мозга и мышленіемъ еще нисколько не доказана; мозгъ, химическія измѣненія въ мозгу, электричество, развивающееся въ мозгу—не мысль. Никакіе процессы въ мозгу не даютъ намъ средствъ объяснить происхожденіе мысли. Вообще ощущеніе не есть ни внѣшнее движеніе, ни процессъ въ нервахъ, ни все то, что предшествуетъ ощущенію, но нѣчто новое, психологическій фактъ, который доступенъ только внутреннему нашему взору. Поэтому, намъ никогда не удастся уловить тождество психическаго и физическаго процессовъ въ ощущеніи: свѣтъ и теплота для насъ тождественны по тому, что мы видимъ въ нихъ нѣчто третье, движеніе эѳира; относительно же механическаго и логическаго процесса при ощуще-

ніи мы не можемъ представить себѣ того третьяго, въ которомъ они сходятся. Есть ли возможность, путемъ механическаго и логическаго анализа, придти къ заключенію о природѣ этого третьяго, лежащаго въ основаніи механизма и логики, и можетъ ли это третье, это сверхъ-чувственное основаніе явленій, сдѣлаться предметомъ изслѣдованія, это вопросъ... Мы выше замѣтили уже, что въ этомъ *существенномъ пунктѣ перехода физіологіи въ психологію* психологъ *Вундтъ* совпадаетъ съ физіологомъ *Льюисомъ* и логикомъ позитивистомъ *Д. С. Миллемъ*. Вотъ относящіяся сюда слова *Льюиса*: «для объясненія явленій ощущенія нужно искать *причину психологическую, вмѣсто всякой анатомической*. Хотя то объективное нѣчто, что мы называемъ *свѣтомъ*, касается всей поверхности тѣла и производитъ въ ней, у многихъ животныхъ, очень замѣтные признаки чувствительности, однакожъ только въ сѣтчатой оболочкѣ глаза оно можетъ возбудить *то специфическое ощущеніе*, которое мы называемъ *зрѣніемъ*. Впрочемъ, и эти изображенія на сѣтчатой *оболочкѣ не могутъ передаваться душѣ, какъ изображенія: передается ощущеніе, а не изображеніе*. Происхожденіе изображенія на сѣтчатой оболочкѣ есть предшественникъ ощущенія зрѣнія, между-тѣмъ само изображеніе не передается головному мозгу; окисленіе летучаго вещества предшествуетъ ощущенію обонянія, но это окисленіе не передается головному мозгу; разрушеніе ткани, предшествующее ощущенію жженія, не передается мозгу. Во всѣхъ этихъ случаяхъ передается только возбужденное ощущеніе. Первоначальное дѣйствіе лучей солнца на черный пигментъ состоитъ въ томъ, чтобы возвысить его температуру до такой степени, которая находилась бы въ соотвѣтственномъ отношеніи къ ихъ напряженности и цвѣту. Этимъ мѣстнымъ нарушеніемъ температуры начинается актъ зрѣнія. Если у насъ два глаза и не двойное зрѣніе, то у насъ также два уха и двѣ ноздри, а все-же одинъ слухъ и одно обоняніе. Достаточно простой ссылки на такіе факты, чтобы *оставить въ-сторонѣ всѣ анатомическія и оптическія объясненія; причина должна быть здѣсь психологическая и притомъ общая всѣмъ чувствамъ*». *Д. С. Милль*,—какъ мы выше видѣли,—«попытку свести всѣ жизненныя явленія на механическіе, или химическіе процессы, *состоянія сознанія на состояніе нервной системы, самое ощущеніе на движеніе*, какъ и свѣтъ на движеніе, и теплоту на движеніе же», провозглашаетъ «грубѣйшею формою матеріалистической философіи. Пусть, напримѣръ»,—говоритъ онъ,—«будетъ до-

казано, что, производя ощущенія свѣта въ глазу и мозгу, передаются самые сложные ряды физическихъ причинъ и дѣйствій,—именно, что лучи падаютъ на глазъ, преломляются, сближаются, взаимно пресѣкаются, производятъ опрокинутый образъ на сѣтчатой оболочкѣ, а затѣмъ и движеніе (пусть то будетъ дрожаніе, или токъ нервной жидкости, или чего-либо иного, вдоль по зрительному нерву, пусть производятъ передачу этого движенія самому мозгу, и сколько вамъ угодно различныхъ движеній), — *все-же въ концѣ этихъ движеній, есть нѣчто, что не движеніе,—есть чувство или ощущеніе цвѣта*; въ концѣ ряда этихъ движеній мы найдемъ, въ предшествующемъ, движеніе, а въ послѣдующемъ—*ощущеніе цвѣта*; *способъ, которымъ послѣднее движеніе производитъ ощущеніе цвѣта, не можетъ быть объясненъ никакимъ закономъ движенія*». Вообще *Д. С. Милль* провозглашаетъ всѣ душевныя явленія, и, во-первыхъ, ощущенія, отличными отъ тѣлесныхъ явленій радикально, *т. е. въ качествѣ, а не въ степени.* — Тоже самое утверждаетъ и физіологъ *Дюбуа-Реймонъ*. «Какъ самая возвышенная душевная дѣятельность»,—говоритъ онъ,—«такъ и первая степень сознанія, чувственное ощущеніе, необъяснимы матеріальными условіями и останутся такими навсегда, какіе бы успѣхи знанія ни сдѣлалъ человѣческій умъ. Съ первымъ ощущеніемъ удовольствія, или боли, у самаго простѣйшаго существа, въ началѣ животной жизни на землѣ, міръ сталъ вдвойнѣ непонятнѣе. *Астрономическое* знаніе мозга, самое совершенное знаніе, какое мы можемъ имѣть о немъ, открыло бы въ немъ только *движеніе матеріи*, которое отнюдь не объяснило бы происхожденія сознанія изъ какого-либо распредѣленія, или движенія, матеріальныхъ частичекъ, изъ механики мозговыхъ атомовъ. И *здѣсь безусловная граница нашего познанія*».

7) За-тѣмъ мы видимъ у *Вундта* громадное количество фактовъ, которые подтверждаютъ крайнюю субъективность свидѣтельства внѣшнихъ чувствъ и вмѣстѣ съ тѣмъ показываютъ,—если сопоставить понятіе объективности съ понятіемъ реальности,—что *свойства объектовъ, находимыя въ нихъ субъективными ощущеніями, существуютъ только въ субъектѣ, но не въ объектахъ,—или даже представляются въ измѣненномъ и превратномъ видѣ сравнительно съ болѣе или менѣе объективною реальностію.* Вотъ выводы изъ нѣкоторыхъ, взятыхъ нами у *Вундта*, важнѣйшихъ фактовъ:

А) Удобоизмѣримая и точно измѣренная, сравнительно медленная,

у разныхъ субъектовъ различная, у одного и тогоже субъекта измѣнчивая скорость воспріимчивости внѣшнихъ чувствъ и нервовъ, ощущенія и мышленія показываетъ, что явленія въ-дѣйствительности происходятъ не въ одно и тоже время, именно прежде, чѣмъ отражаются въ нашемъ ощущеніи и представленіи, и для разныхъ субъектовъ происходятъ разновременно.

Б) Таблица чиселъ, выражающихъ для разныхъ чувствъ усиленіе раздраженій, какое нужно для того, чтобы разность этого усиленія стала замѣтною для ощущенія, показываетъ, что, при свѣтѣ 104 свѣчей, прибавленный свѣтъ 105-й свѣчи, при взвѣшиваніи руками тяжести 18 фунтовъ, прибавленная тяжесть 19-го фунта, при давленіи тяжести 18 фунтовъ, прибавленная тяжесть цѣлыхъ 5 фунтовъ, при 18 градусахъ, прибавленная температура на цѣлыхъ 5 градусовъ, наконецъ, при шумѣ 18 равномѣрныхъ молотовъ, прибавленный шумъ также цѣлыхъ 5 молотовъ, для нашего ощущенія, для ощущенія разности между аналогичными явленіями, не существуютъ. То, что существуетъ, какъ ощущеніе прикосновенія или давленія, плотности или твердости, на лбу, вискахъ, вѣкахъ, задней сторонѣ предплечія и кисти руки, не существуетъ, какъ давленіе, для передней стороны предплечія, для щекъ и носа, и еще менѣе существуетъ для ладони, живота, лядвей и т. п. Нуль ощущенія температуры, различный для разныхъ лицъ, передвигается на ощущеніи даже одного и тогоже субъекта, такъ-что, въ данный моментъ времени и мѣста, для меня существуетъ единица тепла, а для другаго не существуетъ, или даже для меня, въ данную минуту, существуетъ, а въ другую— перестаетъ существовать, при неизмѣнности температуры въ объектѣ. Свойства объектовъ, слишкомъ сильно, или слишкомъ постоянно и непрерывно раздражающія наше ощущеніе, перестаютъ для насъ существовать, наприм., слишкомъ сильная боль, слишкомъ яркій свѣтъ, слишкомъ сильный звукъ, шумъ фабрики для фабричнаго, гармонія сферъ небесныхъ для всѣхъ людей, движеніе крови въ кровеносныхъ нашихъ сосудахъ и т. п. Разстояніе, замѣтное для ощущенія на концахъ пальцевъ и языкѣ, не существуетъ для ощущенія кожи на спинѣ и т. п. При сравненіи разстояній глазомъ, при данномъ разстояніи 60 аршинъ, или саженей, прибавленная къ нему длина еще 1-го аршина, или 1-й сажени для ощущенія не существуетъ,—причемъ оказывается разница между сравненіями разстояній глазами и кожею, такъ-что опять разница, существующая для глаза, не всегда сущест-

вуетъ для кожи. Въ ощущеніи глазомъ вертикальнаго разстоянія для насъ исчезаетъ цѣлая $^1/_5$, напримѣръ 1 саж. изъ 5, сравнительно съ ощущеніемъ разстоянія горизонтальнаго.

В) Принимая за объективную истину, что всѣ чувственныя раздраженія основаны на одномъ и томъ-же явленіи движенія и варіируются только разными скоростями движенія, что движенія, начиная существовать для уха въ-видѣ звука съ 16, или 20 размаховъ въ секунду, перестаютъ существовать для уха послѣ 36000, или 48000 размаховъ, что дальнѣйшія, до громадной цифры 18000000, скорости движенія, какъ источникъ ощущенія, не существуютъ ни для уха, ни для глаза, что движенія, начиная съ 18 милліоновъ размаховъ, начинаютъ производить ощущеніе теплоты на кожѣ и краснаго цвѣта въ глазѣ,—что скорости отъ 18000000 до 8000000000 произведутъ въ глазѣ ощущеніе семи цвѣтовъ солнечнаго спектра, при чемъ и здѣсь, однакожъ, нѣкоторыя промежуточныя скорости не существуютъ для глаза, дальнѣйшія же скорости движенія, за 8000000000 и до невообразимой цифры (такъ-какъ невидимая часть спектра почти въ восемь разъ больше видимой и, слѣдовательно, только восьмая часть лучей свѣта способна быть видимою; все же остальное представляютъ лучи тепловые, а не свѣтовые), перестаютъ существовать и для глаза, хотя пока еще и обнаруживаются химическимъ вліяніемъ, хотя и могутъ быть умѣрены и вызваны къ бытію даже для глаза помощію химическихъ реакцій, при которыхъ невидимый или сильно фіолетовый свѣтъ спектра направляется на растворъ сѣрнокислой соли хинина и превращается въ бѣловато-синій свѣтъ [1]),—принимая все это и т. п. во вниманіе, должно принять за доказанное, что свѣтъ и цвѣта не имѣютъ объективной реальности. Внѣ насъ нѣтъ этихъ ощущеній, какъ и всякихъ другихъ ощущеній. Съ объективной точки зрѣнія, всѣ даже не ощущаемыя нашимъ глазомъ, колебанія эѳира суть такой-же свѣтъ, какъ и всякій другой; съ субъективной же точки зрѣнія, эти послѣднія вовсе не свѣтъ: для глаза онѣ не существуютъ. Въ извѣстныхъ предѣлахъ скорости колебаній эѳира, для глаза нашего существуютъ три основныхъ цвѣта, а всѣ прочія ощущенія свѣта и цвѣтовъ образуются изъ смѣшенія трехъ основныхъ; при этомъ бѣлый цвѣтъ есть не объективное соединеніе всевозможныхъ скоростей ко-

---

[1]) *Молешоттъ*, Границы человѣка, 223.—*Джона Тиндаля* Популярныя лекціи, *Тепло и холодъ*.

лебаній эѳира въ солнечномъ свѣтѣ, но соединеніе трехъ ощущеній въ нашемъ глазѣ: бѣлый цвѣтъ не существуетъ даже и въ томъ смыслѣ, что нѣтъ соотвѣтственной ему скорости колебаній эѳира. Такъ-какъ въ нашемъ глазѣ принимаются три рода органовъ, изъ которыхъ одинъ по-преимуществу раздражается однимъ изъ основныхъ цвѣтовъ, другой другимъ, а третій третьимъ, то обыкновеннымъ зрѣніемъ всѣ цвѣта мы видимъ въ болѣе или менѣе смѣшанномъ и никогда въ чистомъ видѣ. Но посредствомъ искусственнаго эксперимента можно получить такое сильное ощущеніе чистаго цвѣта, какого не можетъ возбудить никакой объективный цвѣтъ, ни одинъ цвѣтъ, встрѣчающійся въ природѣ. При недостаткѣ зрѣнія, извѣстномъ подъ именемъ *цвѣто-слѣпоты*, нѣкоторымъ людямъ вся природа представляется оцвѣченною совсѣмъ иначе, чѣмъ большинству человѣчества; а при самой обыкновенной и постоянной разности въ устройствѣ глазъ, у всѣхъ людей, природа является разнымъ зрѣніямъ, безъ сомнѣнія, въ самомъ разнообразномъ освѣщеніи.

Г) Раздраженіе, производимое комбинаціями эѳира внутри прозрачныхъ палочекъ и шишекъ глазной сѣтки, во время прохожденія сквозь нихъ свѣта, оставляетъ послѣ себя на конечныхъ органахъ сѣтчатой оболочки слѣды. Отсюда очевидно, что раздраженіе зрительнаго органа не состоитъ непосредственно изъ колебаній эѳира, а можетъ быть объяснено только косвеннымъ, побочнымъ дѣйствіемъ этого колебанія. Можно считать это дѣйствіе за химическій процессъ; или можно предполагать, что свѣтъ, преломляясь подъ разными углами, въ различной степени поглощается тремя родами зрительныхъ органовъ и переходитъ въ другое движеніе. Въ слизистой оболочкѣ органа обонянія открыто строеніе, показывающее присутствіе въ ней такихъ-же специфическихъ конечныхъ органовъ, какъ и въ глазахъ, какъ и въ ухѣ; вѣроятно, такіе-же органы найдутся и въ языкѣ.

Д) Опыты показываютъ, что мы различными частями сѣтчатой оболочки глаза чувствуемъ различно; на боковыхъ частяхъ глазной оболочки разнородные цвѣта переходятъ въ безразличный сѣрый; если же, при обыкновенномъ смотрѣніи, мы не замѣчаемъ этого, то только отъ того, что глазъ эманципируется привычкою отъ этого природнаго недостатка. При смотрѣніи на свѣтящіяся точки, глазъ наводитъ свое желтое пятно сперва на одну, потомъ на другую точку. При этомъ мышечное ощущеніе служитъ мѣрою движенія глаза и разстоянія двухъ свѣтящихся точекъ. Оказывается, что пред-

ставленіе о пространствѣ у разныхъ лицъ различно. Оказывается, что мое представленіе о предметахъ всегда зависитъ отъ ихъ разстоянія, но не отъ истиннаго, а отъ кажущагося разстоянія. Истинная величина предметовъ можетъ имѣть вліяніе на наши представленія только тогда, когда мы знаемъ эту истинную величину и притомъ знаемъ не понаслышкѣ, а изъ собственнаго, много разъ повторявшагося, опыта, какъ, наприм., въ представленіи луны и главы съ церковнаго купола, которую мы видѣли лежащею на землѣ; никакія показанія другихъ людей. Никакія умозрѣнія, или математическія выкладки не имѣютъ вліянія на наше воспріятіе; здѣсь нуженъ много разъ повторявшійся опытъ. Оказывается, что гдѣ мы совершенно не знаемъ, что должны видѣть, тамъ не можемъ и опредѣлить, что хотимъ видѣть. Дѣленіе предметовъ въ глубину пространства далеко отъ абсолютной точности. Каждымъ изъ двухъ глазъ мы видимъ отлично, чѣмъ другимъ и обоими вмѣстѣ, и т. д. Познаваніе внѣшнихъ предметовъ посредствомъ зрѣнія затрудняется еще внутреннимъ свѣтомъ, который раждается въ самой сѣтчатой оболочкѣ глаза. По словамъ *Карла Фогта*, сложный глазъ бабочки видитъ предметъ иначе, чѣмъ человѣческій глазъ; у паука есть разные зрительные органы для зрѣнія вдаль и вблизи. По словамъ *Дюбуа-Реймона*, «органы чувствъ и нервы проводятъ въ соотвѣтственныя имъ мозговыя области одно и тоже движеніе, при чемъ не можетъ быть разницы между чувствующими и двигательными нервами. По опытамъ *Вульпіана*, при искусственномъ срощеніи ихъ между собою, движеніе съ одного изъ нихъ можетъ переходить на другой. При срощеніи крестъ-на-крестъ зрительнаго и слуховаго нервовъ, мы слышали бы глазомъ молнію, какъ громовые удары, и видѣли бы ухомъ громъ, какъ рядъ свѣтовыхъ впечатлѣній. Чувственное впечатлѣніе, какъ такое, возникаетъ только въ мозговыхъ областяхъ, въ чувствующемъ веществѣ мозга; въ нихъ только однородное вообще движеніе, происходящее во всѣхъ нервахъ, перелагается въ чувственное ощущеніе и, *смотря по природѣ этихъ областей мозга, раждаются качества.* Физіологически свѣтъ сталъ существовать лишь тогда только, когда первая глазная точка инфузоріи въ первый разъ могла отличить свѣтлое отъ темнаго. Безъ зрительнаго и безъ слуховаго чувствующаго вещества въ мозгу, этотъ блистающій яркими красками и полный звуковъ міръ распростирался бы вокругъ насъ темною и беззвучною средой. Міръ теменъ и беззвученъ, т. е. безкачественъ

при механическомъ воззрѣніи на него, получаемомъ посредствомъ объективнаго созерцанія его,—воззрѣніи, которое, вмѣсто звука и свѣта, знаетъ только колебанія безкачественнаго первобытнаго вещества, ставшаго здѣсь вѣсомою матеріею, а тамъ невѣсомымъ эѳиромъ». *Дарвинъ*, какъ мы замѣчали выше, на-основаніи нѣкоторыхъ фактовъ, подозрѣваетъ, что всякій ощущающій нервъ можетъ сдѣлаться чувствительнымъ къ свѣту, и тѣмъ болѣе къ грубымъ колебаніямъ воздуха, которыя производятъ звукъ. Значитъ, всякій чувствующій нервъ способенъ пріобрѣсти способность къ ощущеніямъ, какой теперь не имѣетъ. Этой гипотезѣ остроумнаго мыслителя мы вдругъ находимъ блистательное подтвержденіе въ слѣдующемъ фактѣ, отмѣченномъ въ Московскихъ Вѣдомостяхъ (№ 25, 1873 г.). «Въ настоящее время, пишутъ Вѣдомости, въ Вѣнѣ живетъ нѣкій *Нуссбауеръ*, студентъ философіи въ Вѣнскомъ университетѣ, который обладаетъ такими удивительно организованными *органами зрѣнія и слуха*, что *каждый тонъ*, затѣмъ *всѣ частичные тоны вызываютъ въ его глазахъ впечатлѣніе извѣстнаго цвѣта, простаго, или сложнаго, и затѣмъ разные оттѣнки цвѣтовъ, соотвѣтствующіе измѣненію ихъ тоны*. Родной братъ этого студента обладаетъ такою-же особенностію органовъ зрѣнія и слуха. Впечатлѣнія свѣта, именно видъ разныхъ цвѣтовъ, не вызываютъ, съ своей стороны, впечатлѣній тона въ органахъ слуха, но вызываютъ воспоминаніе о разнообразныхъ тонахъ, такъ-что рядъ цвѣтовъ можетъ для этого субъекта замѣнить ноты».

Е) Какъ же можно, послѣ этого, утверждать, будто-бы то, что мы видимъ, происходитъ отъ предметовъ, внѣ насъ находящихся? Всѣ обстоятельства, которыя вліяютъ на наше созерцаніе, заключаются не въ предметахъ, а въ насъ самихъ. Это мы въ такой степени заставляемъ измѣняться предметы и распоряжаемся пространствомъ по своему усмотрѣнію. А если управляться съ пространствомъ и пространственными величинами зависитъ отъ насъ, то мы имѣемъ полное право сказать, что пространство и все, что до него касается, происходитъ не отъ предметовъ, а отъ нашего зрѣнія, нашего чувственнаго воспріятія. Если тѣло кажется мнѣ протяженнымъ, то причиною тому не тѣло, а мое зрѣніе; имѣетъ ли тѣло протяженность на самомъ дѣлѣ, еще неизвѣстно. Зрѣніе, какъ и осязаніе, какъ и всякое другое ощущеніе, состоитъ во впечатлѣніи на чувствительные нервы, о причинѣ котораго, безъ помощи умозаключеній и сужденій, мы также мало знаемъ въ-случаѣ осязанія, какъ и въ-случаѣ зрѣнія.

Намъ кажется, будто мы прямо ощущаемъ мѣсто впечатлѣнія, тогда-какъ мы непосредственно ощущаемъ только *качество ощущенія*, и по нему уже узнаемъ мѣсто впечатлѣнія. Совершенствуя дальнѣйшимъ упражненіемъ нашу способность воспріятія, мы совершенствуемъ только способность замѣчать самыя малыя различія между нашими ощущеніями. Мы щупаемъ глазомъ точно также, какъ и рукою, и обратно рукою осязаемъ предметъ ни мало не непосредственнѣе, чѣмъ и глазомъ. Мы не можемъ сдѣлать шага безъ того,— какъ говоритъ *Карпентеръ*,—чтобы не переводить дѣйствительныхъ явленій природы на языкъ интеллектуальныхъ представленій этихъ явленій. Самое первичное свойство матеріи, непроницаемость, я узнаю чрезъ умозаключеніе, чрезъ совмѣстное посредничество чувства осязанія, мышечной силы и внутренняго ощущенія усилія, какое я дѣлаю для того, чтобы вмѣстить мою руку въ данное тѣло. И если, по словамъ *Карпентера*, физики и физіологи согласны между собою, что *цвѣтъ* не существуетъ, какъ цвѣтъ, въ самомъ предметѣ,—то *Вундтъ* говоритъ, что еще неизвѣстно, имѣетъ ли тѣло на самомъ дѣлѣ *протяженность*, причина которой скрывается въ зрѣніи. Въ популярныхъ же лекціяхъ *Джона Тиндаля* говорится, что требованіе, чтобы *сущностью матеріи были абсолютное протяженіе и абсолютная непроницаемость*, не подтверждается ни разсужденіемъ, ни фактами, даже противорѣчитъ фактамъ. Помимо всего этого, непроницаемость, какъ и всѣ свойства вещей, какъ и весь строй природы, вооруженному микроскопомъ, телескопомъ, спектроскопомъ и другими инструментами, какъ и разнообразными экспериментами, чувству представляются далеко не въ томъ видѣ, въ какомъ являются чувству невооруженному. Напримѣръ, тѣло какого бы то ни было великаго объема оказывается состоящимъ изъ молекулъ, раздѣленныхъ такими великими пространствами, что оно, не теряя своего вещества, могло бы быть приведено къ безконечно-малому объему; и, на оборотъ, самая малая песчинка оказывается состоящею изъ отдѣльныхъ частей, въ такомъ необъятномъ числѣ, что изъ нихъ можно бы образовать шаръ какой угодно величины, въ которомъ два смежныхъ атома были бы расположены на разстояніи меньшемъ всякой данной длины.

Ж) Отсюда открывается, что *все, что мы знаемъ о матеріи*, какъ говоритъ *Карпентеръ*, *есть только умственное представленіе*;—а такой взглядъ на матеріальный міръ равносиленъ заключенію, что міръ этотъ вытекаетъ изъ глубины нашего собственнаго сознанія,—что

это — выступъ нашего собственнаго ума въ то, что насъ окружаетъ, — что это скорѣе идеальный, чѣмъ дѣйствительный міръ. По словамъ *Вундта*, наше чувственное созерцаніе есть самостоятельное сужденіе и умозаключеніе о впечатлѣніяхъ, изъ которыхъ мы строимъ образъ дѣйствительности, до безконечности приближающійся къ истинѣ и никогда ея не достигающій,—есть переработка впечатлѣній мыслью,—есть, однимъ словомъ, творческая дѣятельность духа, результаты которой суть уже не простые образы предметовъ, но продукты мышленія, переработывающаго эти образы, такъ-какъ дѣйствительность для насъ есть безсвязная и безпорядочная масса явленій, а истина выше дѣйствительности.

ГЛАВА XXXIII.

Такимъ образомъ, per tot varios casus, per tot discrimina rerum (путемъ анализа столь различныхъ взглядовъ, столь различныхъ мнѣній), мы воротились туда, откуда вышли, т. е. въ распростертыя объятія *Д. С. Милля*, который, какъ мы знаемъ, уже съ самаго начала приглашалъ насъ повѣрить ему на-слово въ томъ, что «о внѣшнемъ мірѣ мы не знаемъ и не можемъ знать ничего, кромѣ получаемыхъ нами отъ него ощущеній. Тѣло, по такому взгляду, есть извѣстное число ощущеній, испытанныхъ нами самими или другими чувствующими существами, и обыкновенно наступающихъ одновременно; тѣло не есть что-либо существенно отличное отъ производимыхъ имъ въ насъ ощущеній, но совокупность ощущеній, соединенныхъ по опредѣленному закону; существованіе вещества не можетъ быть обнаружено внѣшними доказательствами, такъ-какъ существованіе вещи доказывается свидѣтельствомъ внѣшнихъ чувствъ, а внѣшнимъ чувствомъ ничто не обнаруживается помимо ощущеній».

Дѣйствительно, если послѣдній критерій истины поставить въ свидѣтельствѣ о ней внѣшнихъ чувствъ, то этотъ критерій убѣждаетъ насъ въ несуществованіи внѣшняго міра и самаго вещества. Выше, на-основаніи, съ одной стороны, химіи и физики, а съ другой—, физіологіи и гносеологіи, мы доказали уже, что *въ веществѣ не существуетъ ни одно изъ свойствъ, открываемыхъ въ немъ нашими внѣшними чувствами, оканчивая самымъ основнымъ, самымъ первич-*

нымъ свойствомъ вещества,—непроницаемостью.—Теперь же, на-основаніи всѣхъ собранныхъ выше данныхъ, мы имѣемъ возможность доказать, что, *по свидѣтельству нашихъ чувствъ, не существуетъ и самое вещество, не существуетъ весь внѣшній міръ, какъ въ цѣломъ, такъ и въ частяхъ.*

Безъисходность этого замкнутаго круга логически вѣрно выяснена и у *Д. С. Милля*, но еще отчетливѣе и яснѣе у *Вундта.*

«Если мы не знаемъ»,— пишетъ *Д. С. Милль* въ своей Логикѣ [1]), — «и не можемъ знать о тѣлахъ ничего, кромѣ ощущеній, возбуждаемыхъ ими въ насъ, или въ другихъ, то эти ощущенія должны составлять все, что мы въ основаніи можемъ разумѣть подъ свойствами тѣлъ, — и словесное различіе, дѣлаемое нами между свойствами вещей и производимыми ими въ насъ ощущеніями, должно скорѣе корениться въ удобствахъ рѣчи, чѣмъ въ природѣ того, что означается словами. Свойства обыкновенно распредѣляются подъ *три рубрики: качества, количества и отношенія.* Возьмемъ, для примѣра, одно изъ *качествъ* предметовъ, бѣлизну. Что утверждаемъ мы дѣйствительно [2]), приписывая бѣлизну какой, либо сущности, напримѣръ, снѣгу, говоря, что снѣгъ обладаетъ качествомъ бѣлизны? — Только то, что, въ присутствіи снѣга предъ нашими органами, мы испытываемъ особое ощущеніе, которое привыкли называть ощущеніемъ бѣлаго. Но почему заключаю я о присутствіи снѣга? Очевидно, по возводимымъ къ нему ощущеніямъ, не иначе. Я заключаю о присутствіи предмета по тому, что онъ производитъ во мнѣ извѣстную совокупность, или цѣпь ощущеній. И, приписывая ему признакъ бѣлизны, я разумѣю только то, что въ эту группу или цѣпь ощущеній входитъ и то, которое я называю ощущеніемъ бѣлаго цвѣта. Если замѣтятъ [3]), что ощущеніе должно имѣть какую-либо причину, то я отвѣчу, что причина его — присутстіе совокупности явленій, называемой предметомъ. Высказавъ, что каждый разъ, когда присутствуетъ предметъ и наши органы находятся въ нормальномъ состояніи, является и ощущеніе, мы высказали все, что знаемъ въ этомъ дѣлѣ. Если меня спросятъ, почему присутствіе предмета производитъ во мнѣ это ощущеніе, я не буду въ-состояніи отвѣтить; могу только сказать, что *такова моя природа и природа предмета, — что этотъ фактъ входитъ въ устройство вещей.* — Далѣе, какъ качество [4]) есть аттрибутъ, основывающійся на фактѣ, что извѣстное ощущеніе производится въ насъ предметомъ, — такъ аттрибутъ, основывающійся на какомъ-либо фактѣ, въ которомъ предметъ участвуетъ совокупно съ другимъ предметомъ, есть *отношеніе* между двумя этими предметами. Но, въ послѣднемъ случаѣ, фактъ состоитъ изъ того же рода элементовъ, какъ и въ первомъ, именно изъ состояній сознанія. Во всемъ, обнимаемомъ означающими отношеніе названіями, нѣтъ ничего, что не было бы разложимо на состоянія сознанія. Подобнымъ-же образомъ, когда мы говоримъ [5]) о двухъ вещахъ, что онѣ различны по количеству, то утвержденіе наше всегда основывается на различіи ощущеній, возбуждаемыхъ вещами, какъ и тогда, когда

[1]) (1, 79). [2]) 80. [3]) 81. [4]) 84. [5]) 89.

говоримъ, что онѣ различны по качеству. Трудно сказать, какова [1]) разница въ ощущеніяхъ *качества* и *количества*. Но разница, на-сколько она познаваема, лежитъ въ ощущеніяхъ и основана исключительно на разницѣ возбуждаемыхъ вещами ощущеній. Итакъ, всѣ свойства, относимыя къ разряду качествъ, или количествъ, основываются на производимыхъ тѣлами ощущеніяхъ и могутъ быть опредѣлены, какъ принадлежащія тѣламъ способности возбуждать ощущенія. Также и свойства *отношенія* опираются на какой-либо фактъ, которому причастны соотносящіеся предметы,—при чемъ этотъ фактъ или явленіе не имѣютъ для насъ иного значенія или бытія, кромѣ служащихъ ему, для обнаруженія его, совокупностей ощущеній, или другихъ состояній сознанія; а отношеніе есть лишь способность или свойство предмета участвовать, вмѣстѣ съ соотносящимся предметомъ, въ произведеніи этихъ рядовъ ощущеній или состояній сознанія. *Свойства духовныхъ сущностей* также [2]), какъ и свойства тѣлъ, основаны на состояніяхъ чувства или сознанія. Каждое свойство духа состоитъ въ томъ, что онъ или самъ подвергается извѣстному дѣйствію, или дѣйствуетъ извѣстнымъ образомъ на другія духовныя сущности. Въ дополненіе къ тѣмъ свойствамъ духа, которыя основаны на состояніяхъ его собственныхъ чувствъ, ему такимъ-же образомъ, какъ и тѣламъ, могутъ быть приписаны свойства, основанныя на чувствахъ, которыя онъ возбуждаетъ въ другихъ духовныхъ сущностяхъ. Правда, духовная сущность не возбуждаетъ *ощущеній, подобно тѣламъ, но она можетъ возбуждать мысли или душевныя движенія.* Подобно тому, какъ мы приписываемъ духовнымъ сущностямъ свойства, *на-основаніи идей и душевныхъ движеній, мы также можемъ приписывать свойства и тѣламъ, на тѣхъ-же основаніяхъ, а не вслѣдствіе только ощущеній.*

Вообще же въ перечнѣ [3]) различныхъ видовъ вещей, которыя только могутъ быть называемы, могутъ быть сказуемыми относительно другихъ вещей, либо служить подлежащимъ предложенія, *Д. С. Милль* полагаетъ, вопервыхъ, *чувства*, которыя отличаются отъ возбуждающихъ ихъ предметовъ и отъ органовъ, передающихъ эти чувства. Между чувствами онъ различаетъ *четыре рода: ощущенія, мысли, душевныя движенія и хотѣнія.* Отъ чувствъ онъ переходитъ къ *сущностямъ, которыя суть или тѣла, или сущности духовныя.* Относительно [4]) существованія вещества и духа, Д. С. Милль признаетъ достаточнымъ заключеніе, принимаемое теперь будто бы большею частью мыслителей, что о веществѣ намъ извѣстны лишь производимыя имъ въ насъ ощущенія и порядокъ ихъ наступленія и что, между-тѣмъ-какъ *тѣлесная сущность есть неизвѣстная причина нашихъ ощущеній, сущность духовная есть неизвѣстный пріемникъ ихъ.* Остающійся затѣмъ классъ называемыхъ вещей Д. С. Милль указываетъ *въ свойствахъ, именно въ трехъ родахъ свойствъ: въ качествѣ, отношеніяхъ и количествѣ. Качества,* по его мнѣнію, подобно сущностямъ, извѣстны намъ единственно по возбуждаемымъ ими ощущеніямъ, или другимъ состояніямъ сознанія. *Отношенія*, не исключая простыхъ случаевъ сходства и несходства, послѣдовательности и одновременности, также основываются на какомъ-либо фактѣ или явленіи, т. е. на рядахъ болѣе или менѣе сложныхъ ощущеній или состояній сознанія.

---

[1]) 90. [2]) 91. [3]) 92. [4]) 93.

Третій рядъ свойствъ, — *количество* основывается, очевидно, также на чемъ-либо принадлежащемъ къ нашимъ ощущеніямъ или состояніямъ нашего чувства, такъ-какъ несомнѣнно различны ощущенія, возбуждаемыя большимъ или меньшимъ объемомъ, большею или меньшею степенью напряженія въ чемъ-либо ощущаемомъ, или сознаваемомъ. Итакъ, по мнѣнію Д. С. Милля, *всѣ свойства суть для насъ не что иное, какъ либо наши ощущенія и другія состоянія чувства, либо нѣчто нераздѣльно съ ними связанное.* Поэтому, въ результатѣ своего анализа, онъ ставитъ [1]) слѣдующую классификацію вещей или всего сущаго, взамѣнъ классификаціи категорій Аристотеля: 1) чувства или состоянія сознанія, 2) духовныя существа, испытывающія эти чувства, — 3) тѣла или внѣшніе предметы, возбуждающіе чувства, а равно служащія имъ для этого силы и свойства, которыя, впрочемъ, включаются только въ-угоду общественному мнѣнію, а не *по тому, чтобы здравая философія признавала дѣйствительное ихъ существованіе,*—и 4) послѣдній отдѣлъ всякія послѣдовательности и одновременности, сходства и несходства, представляемыя чувствами или состояніями сознанія. Свои разсужденія Д. С. Милль заключаетъ увѣреніемъ, что *каждый* [2]) *объективный фактъ основывается на соотвѣтственномъ ему субъективномъ и, внѣ этого послѣдняго, не представляетъ намъ ничего, кромѣ названія того неизвѣстнаго и неизмѣримаго процесса, которымъ субъективный или психологическій фактъ порождается.*

Сущности же вещей, какъ индивидуумовъ, такъ и видовъ и родовъ, по мнѣнію Д. С. Милля, не существуютъ. Вмѣстѣ съ сущностями онъ устраняетъ изъ своей системы и существенныя свойства.—«Всѣ метафизики, до Локка»,—пишетъ онъ,—«и многіе позднѣйшіе придавали большую таинственность существеннымъ свойствамъ и сказуемымъ, о которыхъ говорится, что онѣ принадлежатъ къ сущности (essentia) подлежащаго. *Сущность, essentia вещи*, говорили они, *есть то, безъ чего вещь не можетъ ни существовать, ни быть мыслима существующею.* Такъ, разумность принадлежитъ къ сущности человѣка, по тому, что бытіе человѣка безъ разумности нельзя себѣ представить. Различныя свойства, составляющія сущность вещи, назывались ея *существенными свойствами*, а предложеніе, въ которомъ приписывалось вещи одно изъ этихъ свойствъ, называлось предложеніемъ *о сущности вещи (эссенціальное предложеніе)* и считалось проникающимъ глубже въ природу вещи и сообщающимъ о ней болѣе важныя свѣдѣнія, чѣмъ всякое другое предложеніе. Всѣ свойства, не входящія въ сущность вещи, назывались ея *случайностями (акциденціями).* Схоластики справедливо говорили, что человѣкъ не мыслимъ безъ разумности. Но хотя нельзя представить себѣ такого человѣка, однакожъ можно вообразить существо, совершенно сходное съ человѣкомъ, за исключеніемъ этого одного качества и свойствъ, составляющихъ его условія или послѣдствія, — каковы и дѣйствительно идіоты. Итакъ, въ утвержденіи, что человѣкъ не мыслимъ безъ разумности, истинно, въ самомъ дѣлѣ, лишь то, что еслибъ онъ не обладалъ разумностію, то и не считался бы человѣкомъ. Ни представленіе такого предмета, ни его существованіе, насколько извѣстно, не заключаютъ въ себѣ невозможности; невозможность заключается въ обычаѣ выражаться, не дозволяющемъ придать такому предмету, даже

[1]) 94. [2]) 95.

*

еслибы онъ существовалъ, названіе, которое присвоено лишь существамъ разумнымъ. Еще *Порфирій*, неоплатоникъ, подошелъ было къ истинному понятію о сущностяхъ предметовъ такъ близко, что ему оставалось сдѣлать лишь одинъ шагъ. Измѣняя какое-либо свойство, не принадлежащее къ сущности предмета, мы, по мнѣнію Порфирія, лишь измѣняемъ предметъ, дѣлаемъ его ἀλλοῖον (измѣнившимся); измѣняя же какое-либо свойство, входящее въ составъ сущности предмета, мы дѣлаемъ его другою вещью, ἄλλο. Человѣку нашего времени очевидно, что между измѣненіемъ, дѣлающимъ вещь лишь иною, и измѣненіемъ, дѣлающимъ ее другою вещью, разница состоитъ только въ томъ, что въ первомъ случаѣ вещь, хотя и подверглась измѣненію, все-же означается прежнимъ названіемъ. Истолчите ледъ въ ступкѣ: если онъ называется еще льдомъ, то вы сдѣлали его только ἀλλοῖον; но дайте ему растаять, и онъ станетъ ἄλλο, другою вещью, именно водой. Но собственно въ обоихъ случаяхъ это та же вещь, т. е. *тѣже частицы матеріи*, — и ничего вы не можете измѣнить такъ, чтобъ оно перестало быть прежнею вещью въ этомъ смыслѣ. Послѣдователи же Аристотеля полагали, что предметы сдѣланы тѣмъ, чѣмъ они называются (напримѣръ, ледъ сталъ льдомъ), вслѣдствіе своего участія въ природѣ *нѣкоторой общей сущности*, — напримѣръ, для льда,—въ природѣ сущности, называемой льдомъ вообще и присущей внутренно, со всѣми своими свойствами, каждому отдѣльно куску льда. Послѣдователи Аристотеля думали, что предметъ заимствуетъ часть своихъ свойствъ отъ всеобщей сущности, а остальныя свойства принадлежатъ ему въ-отдѣльности. Схоластическое ученіе о сущностяхъ предметовъ имѣло своимъ основаніемъ эту теорію о существованіи дѣйствительныхъ бытій (entitates), соотвѣтствующихъ общимъ названіямъ. Только *Локкъ* уже убѣдилъ философовъ, что предполагаемыя сущности (эссенціи классовъ) суть не что иное, какъ значеніе названій этихъ классовъ, — что сущности особей суть лишенный значенія вымыселъ, порожденный ложнымъ пониманіемъ сущностей классовъ. Съ развитіемъ естественныхъ наукъ, *сущность предметовъ, именно тѣлъ, стала пониматься почти тождественною съ ихъ частичнымъ строеніемъ»* (какъ, наприм., въ парахъ воды, въ водѣ, во льду, которыя суть только случайныя формы извѣстнаго соединенія кислорода и водорода). Но, въ тоже время, какъ мы видѣли уже, *Д. С. Милль* устраняетъ всякую сущность и въ самой основѣ вещества, т. е. и тамъ, гдѣ самъ-же онъ видитъ и указываетъ сущность, послѣднее основаніе всѣхъ другихъ предметовъ. «Что вещество должно или представлять предѣлъ дѣлимости, или быть дѣлимо до безконечности, — это», по словамъ Д. С. Милля, — «превышаетъ даже возможную мѣру нашихъ знаній. *Вещество, во всякомъ другомъ смыслѣ этого слова, кромѣ явленій, можетъ не существовать, и едва-ли кто скажетъ, что небытіе должно или быть дѣлимо до безконечности, или имѣть предѣлъ дѣлимости*».

Иначе сказать, сущность всякаго дѣйствительнаго бытія, по возэрѣнію Д. С. Милля, тождественна съ частичнымъ строеніемъ тѣлъ, упираясь въ атомы; но лишь-только мы поставили для своей мысли вопросъ о бытіи атомовъ, какъ сущности всего, то вмѣстѣ съ тѣмъ мы перешли уже въ область непознаваемаго.

ГЛАВА XXXIV.

Еще послѣдовательнѣе, яснѣе и отчетливѣе вытекаетъ подобный-же выводъ изъ основъ психологической теоріи *Вундта*.

Мы видѣли уже, что «*мышленіе*», по *Вундту*», *начинается не съ сужденій, а съ умозаключеній* [1]),—такъ-какъ умозаключеніе содержитъ въ себѣ процессъ знанія, а сужденіе есть результатъ; какъ дѣйствіе предшествуетъ результату, такъ умозаключеніе предшествуетъ сужденію. Точно также и *понятіе не можетъ быть первымъ актомъ мышленія*: ему непремѣнно долженъ предшествовать рядъ сужденій, предполагаемыхъ понятіемъ; а соединеніе сужденій есть умозаключеніе. Истинный порядокъ актовъ мышленія совсѣмъ не тотъ, какой обыкновенно принимаютъ: мы не начинаемъ съ понятій, не составляемъ изъ понятій сужденій, изъ сужденій умозаключеній; нѣтъ, наше *мышленіе начинается всегда съ умозаключеній, посредствомъ умозаключеній приходитъ къ сужденію, а изъ нѣсколькихъ сужденій составляется понятіе* [2]). Поэтому цѣль познанія есть понятіе» [3]).

Образованіе понятій,—по *Вундту*,—примыкаетъ непосредственно къ образованію *представленій* и составляетъ дальнѣйшее его развитіе [4]); *понятіе составляется не-только посль представленій, но и изъ представленій*. Какъ понятія у *Вундта* распадаются на эмпирическія и абстрактныя, общія и самыя обширныя общія понятія,—такъ и представленія подобнымъ-же образомъ распадаются на частныя и общія: *общее представленіе* образуется изъ большой суммы *частныхъ представленій* [5]); *изъ общаго представленія происходитъ эмпирическое понятіе*; а третью и послѣднюю ступень познавательнаго процесса составляетъ *абстрактное понятіе* [6]), которое, по *Вундтъ*, проистекаетъ также изъ опыта,—абстрагируется отъ понятій эмпирическихъ [7]).

Нужно теперь понять, *изъ чего и какъ образуются частныя и самыя частныя представленія?* — Частныя представленія образуются *изъ признаковъ*, а частнѣйшія представленія даже совпадаютъ съ признаками предметовъ. — Теперь спрашивается, *что такое признаки?* Какимъ образомъ мы доходимъ до различенія признаковъ въ предметахъ? «Мы видимъ предъ собою», — отвѣчаетъ *Вундтъ* [8]), «множество явленій и замѣчаемъ, что нѣкоторыя явленія сходны между собою въ однихъ отношеніяхъ и различны въ другихъ. Тогда мы начинаемъ различать отдѣльныя части каждаго явленія, т. е. разлагаемъ каждое явленіе на его признаки». Какъ происходитъ это разложеніе? — «Всякій признакъ есть не что иное, какъ сужденіе [9]). Если я говорю, наприм., *левъ есть животное*, — то это сужденіе есть не что иное, какъ заключеніе, сдѣланное по многимъ признакамъ. Каждый [10]) изъ этихъ признаковъ составляетъ менѣе сложное сужденіе, наприм., *левъ чувствуетъ, ледъ двигается и т. д.* Сужденіе: *левъ чувствуетъ* есть также не что иное, какъ выводъ изъ многихъ, еще простѣйшихъ,

---

[1]) 64. [2]) 66. [3]) 481. [4]) 481. [5]) 488. [6]) 490. [7]) 491. [8]) 50. [9]) 68. [10]) 61.

опытныхъ сужденій, напримѣръ: *левъ обращаетъ свои глаза къ свѣту, свои уши къ звуку*, и т. д.—Если я и эти сужденія буду разлагать все дальше и дальше, то, наконецъ, остановлюсь на извѣстномъ числѣ *чувственныхъ впечатлѣній*. Отдѣляя замѣчаемые въ предметѣ признаки отъ всего, что прибавлено къ нимъ дальнѣйшими умозаключеніями, я, наконецъ, дойду до слѣдующихъ чувственныхъ впечатлѣній: *предметъ имѣетъ такой-то цвѣтъ, такую-то форму; форма его измѣняется извѣстнымъ образомъ при дѣйствіи на него другихъ предметовъ и т. д. Такимъ образомъ послѣдніе признаки, къ которымъ я прихожу путемъ разложенія, всегда и вездѣ состоятъ изъ чувственныхъ впечатлѣній*».

Спрашивается далѣе: «*простѣйшія опытныя сужденія, заключающіяся непосредственно въ чувственномъ впечатлѣніи, можно ли считать за первые акты мышленія, или имъ предшествуютъ другіе*»? — Когда [1]) я получаю сознаніе о красномъ цвѣтѣ какого-нибудь предмета, то я отличаю его отъ желтаго, зеленаго, голубаго и другихъ цвѣтовъ. Чѣмъ отличаю? Разумѣется, какими-нибудь признаками, доступными для моего чувства. Эти признаки должны быть сходственные и различительные. Разные цвѣта сходны между собою въ извѣстныхъ признакахъ и отличаются извѣстными признаками отъ звука, запаха, вкуса и т. д. По этому я и сознаю ихъ, какъ ощущенія особеннаго рода. Отдѣльныя впечатлѣнія краснаго цвѣта также имѣютъ для моего чувства сходственные признаки, которыми отличаются отъ впечатлѣній всякаго другаго цвѣта. Итакъ, *каждое чувственное впечатлѣніе происходитъ изъ многихъ сужденій утвердительныхъ и отрицательныхъ; и само впечатлѣніе есть не что иное, какъ умозаключеніе, выведенное изъ этихъ сужденій*. По этому, первые процессы нашего мышленія—не тѣ безсодержательныя сужденія, изъ которыхъ выводятся признаки ощущенія, а основанныя на нихъ умозаключенія: первичное сужденіе, съ опредѣленнымъ содержаніемъ признака, существуетъ для насъ только въ концѣ умозаключенія» [2]).

Что же можно назвать первичныхъ элементовъ нашего знанія о вещахъ? По словамъ *Вундта*, «*самое первоначальное изъ всѣхъ сужденій совсѣмъ нельзя выразить: его нельзя ни передать словами, ни представить себѣ въ умѣ; въ самыхъ элементарныхъ сужденіяхъ не заключается никакой мысли; они совершенно лишены сознанія, не имѣютъ никакого и содержаніе; иначе сказать, первичные элементы нашего знанія, безсодержательные, безсознательные, не имѣютъ никакого бытія, ни дѣйствительнаго, ни даже мыслимаго, никакой реальности ни субъективной, ни, тѣмъ болѣе, объективной*. Между-тѣмъ изъ этихъ не реальныхъ элементовъ складывается все наше умопредставленіе о реальномъ! И какъ складывается? Такъ, что *съ аггрегаціею ли нашихъ умственныхъ продуктовъ, происходящихъ изъ этихъ элементовъ, или съ разложеніемъ ихъ на болѣе и болѣе мелкія дроби, съ восхожденіемъ ли вверхъ, при помощи синтеза и индукціи, по лѣстницѣ абстракціи понятій, или нисхожденіемъ внизъ, по ступенямъ дедукціи, анализа и индивидуализаціи, до атомизма, въ ту и другую сторону, реальное болѣе и болѣе утончается и ускользаетъ, пока, наконецъ, на противоположныхъ полюсахъ разсудочнаго представленія предметовъ*,

---

[1]) 62. [2]) I, 3.

самыхъ общихъ и самыхъ частныхъ, совершенно не исчезаетъ въ небытіи, въ ничтожествѣ, въ нуль...

Нужно знать, *какимъ образомъ изъ примитивныхъ, безсодержательныхъ, лишенныхъ всякой реальности сужденій, чрезъ первичные акты умозаключенія, образуются представленія и понятія о вещахъ? По Вундту, «въ различныхъ фазахъ развитія познавательнаго процесса, дедукція и индукція чередуются въ правильной послѣдовательности.* Въ *ощущеніи мы дѣйствуемъ дедуктивно*: сначала посредствомъ дедукціи различаемъ впечатлѣнія, потомъ посредствомъ анализа группируемъ ихъ по качеству и по количеству. *Воспріятіе* [1]) *строится индуктивнымъ путемъ:* оно всегда бываетъ основано на коллигаціи ощущеній и на *синтезѣ* сочетаній, данныхъ коллигаціею. *Въ представленіи снова начинается дедукція:* вся дѣятельность представленій опирается на различеніе и разложеніе, на *дистинкцію и анализъ. За-тѣмъ изъ частныхъ представленій, путемъ индукціи, происходятъ общія представленія и понятія:* наши понятія всегда образуются посредствомъ *синтеза* [2]). Первоначальныя истины [3]), къ познанію которыхъ мы приходимъ, всегда содержатся въ аналитическихъ сужденіяхъ. Самыя первыя наши сужденія принадлежатъ къ тѣмъ безличнымъ сужденіямъ, которыя не имѣютъ опредѣленнаго подлежащаго, каковы: *блеститъ, пахнетъ, рѣжетъ* и т. д. Только впослѣдствіи общее подлежащее этихъ сказуемыхъ выражается особымъ словомъ. Но какъ только мы достигли этой ступени, тотъ-часъ начинается *синтетическое сужденіе*: оно составляется, посредствомъ синтеза, изъ многихъ аналитическихъ сужденій. Этотъ синтезъ даетъ намъ понятіе рода или класса, которое можетъ быть взято какъ сказуемое. *Частью въ аналитическихъ, частью въ синтетическихъ сужденіяхъ заключается вся сумма нашего познанія*: соединяя эти двѣ формы сужденій, мы исчерпываемъ область знанія и по содержанію, и по объему. *Туже существенную разницу, по которой различаются двѣ формы сужденій, находимъ* [4]) *и въ умозаключеніяхъ*: въ однихъ умозаключеніяхъ изъ общихъ законовъ выводятся частные факты, а въ другихъ изъ частныхъ фактовъ выводятся общіе законы. *Первая форма соотвѣтствуетъ аналитическимъ, вторая синтетическимъ сужденіямъ.* Согласно съ принятою въ наукѣ терминологіею, первая форма называется *дедукціею*, а вторая *индукціею. Первую* [5]) *ступень дедукціи составляетъ дистинкція*: всякое различеніе двухъ предметовъ есть дедуктивное умозаключеніе; изъ разнороднаго качества двухъ предметовъ мы заключаемъ о различіи самыхъ предметовъ.

Когда мы узнали, что предметы различны, то намъ хочется узнать причину ихъ различія; этого мы достигаемъ, анализируя каждый предметъ нашего познанія, разлагая его на отдѣльные признаки: *поэтому анализъ есть второй процессъ дедуктивнаго умозаключенія.* Анализъ систематически переходитъ отъ общихъ признаковъ къ частнымъ. Индукція начинаетъ съ того, что соединяетъ тѣсною связью факты, которые въ опытѣ даются или одновременно, или въ правильной послѣдовательности. Поэтому, *коллигація, соединеніе фактовъ, есть первая ступень индукціи.* Дальнѣйшій [6]) процессъ познанія стремится проникнуть въ причину связи. Онъ достигаетъ этого тѣмъ, что сличаетъ множество коллигацій одного и того же рода и замѣчаетъ общее имъ всѣмъ. Это *синтезъ*,

[1]) 540. [2]) 541. [3]) 527. [4]) 529. [5]) 530. [6]) 532.

выводъ изъ многихъ коллигацій. Дедуктивный и индуктивный методъ управляютъ всею нашею духовною жизнію. На каждой ступени познанія можно найти примѣръ того и другаго. *Параллельно* [1]) *коллигаціи и синтезу идутъ дистинкція и анализъ.* Тогда-какъ въ *индуктивномъ процессѣ нашего познанія, гдѣ предикаты синтетически соединяются въ одинъ субъектъ, мы постоянно переходимъ отъ частныхъ понятій къ болѣе общимъ, на пути дедуктивномъ, гдѣ субъектъ аналитически разлагается на свои предикаты, мы всегда идемъ отъ общаго къ частному.*

Видя [2]) какое-нибудь совершенно новое явленіе, мы высказываемъ въ сужденіяхъ, прежде всего, извѣстныя чувственныя воспріятія цвѣта, формы и т. д. Положимъ, что въ первый разъ мы видимъ какой-нибудь тѣлесный предметъ; въ такомъ случаѣ его *тяжесть, непроницаемость, твердость* будутъ такими свойствами, доступными нашимъ чувствамъ. *Соединяя нѣсколько сужденій, составленныхъ такимъ образомъ, мы познаемъ тѣло какъ индивидуумъ, какъ нѣчто отличное отъ всего окружающаго.* Потомъ мы сравниваемъ его съ тѣлами, съ которыми онъ болѣе имѣетъ сродства, и даемъ себѣ отчетъ въ различеніяхъ, найденныхъ при сравненіи. Только послѣ этого мы сличаемъ его съ тѣми тѣлами, отъ которыхъ оно отдѣляется болѣе глубокою бездною внѣшнихъ и внутреннихъ различій, — и, наконецъ, послѣдній шагъ состоитъ въ томъ, что мы указываемъ ему надлежащее мѣсто между всѣми явленіями природы. Въ процессѣ образованія понятія всегда указывается не-только то [3]), что свойственно понятію, но и то, что ему не свойственно. На этой двойственной задачѣ основано различеніе содержанія и объема понятій. Но чтобы замѣтить сходство, нужно не обращать вниманія на нѣкоторые непостоянные признаки, или, какъ говорятъ, *отвлечь* свой умъ отъ нихъ и, напротивъ того, остановить вниманіе на тѣхъ признакахъ, которые постоянно находятся во всѣхъ частныхъ случаяхъ. Такіе признаки, какъ существенные, мы и соединяемъ въ одно понятіе. Такимъ образомъ я составляю понятіе о предметѣ посредствомъ *отвлеченія. Отвлеченіе есть совершенно тоже, что мышленіе.* На пути [4]) отъ частнаго къ общему, образованіе понятій проходитъ разныя степени. Сначала изъ большой суммы *частныхъ представленій* образуется *общее представленіе.* Оно основано на различеніи существенныхъ признаковъ, на опущеніи несущественныхъ и исключительномъ обращеніи вниманія на существенные; соединеніе этихъ существенныхъ признаковъ и есть *общее представленіе.* Уже общее представленіе переходитъ за предѣлы непосредственнаго опыта, такъ-какъ въ опытѣ предметъ всегда бываетъ данъ со всѣми своими признаками, существенными и несущественными. Если мы хотимъ привести заключающіеся въ немъ признаки въ конкретный образъ, — то должны отъ общаго представленія возвратиться къ частному, — при чемъ мы будемъ представлять себѣ отдѣльный предметъ уже нетолько какъ схему существенныхъ признаковъ, а должны непремѣнно надѣлить его и множествомъ индивидуальныхъ признаковъ. Какъ [5]) вторая ступень развитія изъ общаго представленія, вытекаетъ *эмпирическое понятіе.* Какъ общее представленіе слагаетъ сумму частныхъ представленій, соединяя въ себѣ ихъ общіе признаки,

[1]) 535. [2]) 503. [3]) 497. [4]) 482. [5]) 484.

такъ понятіе беретъ *сумму общихъ преставленій*, складываетъ ихъ общіе признаки и соединяетъ ихъ въ одно цѣлое. *Общее представленіе есть сумма признаковъ предмета, а эмпирическое понятіе есть логическое соединеніе суммы общихъ представленій.* Такимъ образомъ, относительно каждаго предмета, изъ опыта можно прослѣдить рядъ ступеней, которыя проходитъ абстракція, начиная отъ частнаго представленія до эмпирическаго понятія. Тогда-какъ, наприм., *частное представленіе*: *человѣкъ* — всегда относится [1]) только къ отдѣльной человѣческой личности, со всѣми ея существенными и несущественными признаками, а въ *общемъ представленіи*: *человѣкъ* — содержится лишь сумма существенныхъ признаковъ, всѣ не индивидуальныя особенности отброшены, — *эмпирическое понятіе человѣка* опирается на большее или меньшее число родственныхъ общихъ представленій, непосредственно соединяющихся съ *общимъ представленіемъ*: *человѣкъ*. *Эмпирическія понятія* обнимаютъ всю область опыта, какъ внѣшняго, происходящаго изъ чувственнаго созерцанія, такъ и внутренняго опыта сознанія. *Третью и послѣднюю ступень познавательнаго процесса составляетъ абстрактное понятіе.* Абстрактными называются тѣ [2]) понятія, которыя почитаются совершенно выходящими изъ сферы опыта и которымъ не соотвѣтствуетъ ни одинъ предметъ внѣшняго или внутренняго наблюденія. Они никогда не осуществляются въ опытѣ какъ такія. Впрочемъ, весь [3]) ходъ развитія понятій показываетъ, что это заключеніе можно съ такимъ-же правомъ приложить и къ *эмпирическимъ понятіямъ* и къ *общимъ представленіямъ*. Уже общее представленіе идетъ дальше непосредственнаго опыта, потому-что можетъ получить наглядность только разложившись на частныя представленія; понятіе же [4]), въ этомъ отношеніи, есть только дальнѣйшій ходъ той же абстракціи. Вся разница между эмпирическими и абстрактными понятіями происходитъ только отъ того, что абстрактныя понятія выведены изъ гораздо большаго числа опытныхъ знаній и потому заключаютъ подъ собою гораздо большее число фактовъ. Разница [5]) состоитъ только въ степени. *Въ нѣкоторомъ смыслѣ, всякое понятіе можно назвать столько-же эмпирическимъ, какъ и абстрактнымъ: съ одной стороны, оно берется изъ опыта, а съ другой — въ немъ абстрагируется множество несущественныхъ признаковъ, соединяющихся съ нимъ въ опытѣ.*

Самыя частныя, самыя послѣднія представленія, какія только доступны мышленію и наукѣ въ настоящее время, по *Вундту* [6]), суть *тѣлесный атомъ и частица эѳира*, на которые физикъ смотритъ, какъ на крайніе результаты дѣленія матеріи. Отъ тѣла, доступнаго чувствамъ, представленіе переходитъ къ отдѣльнымъ частямъ, которыя различаются чувствами, — и здѣсь нѣтъ границы аналитической дѣятельности, а только научная абстракція проводитъ эту границу, остановившись на послѣднихъ центрахъ силъ, абстрагированныхъ изъ явленій. Высшимъ же общимъ понятіемъ *Вундтъ*, согласно со всѣми психологами, признаетъ совершенно абстрактное понятіе бытія, потому-что это именно то, въ чемъ сходно между собою все существующее [7]). Оно есть послѣднее понятіе, на которомъ останавливается наше мышленіе въ восхожденіи индуктивномъ, и первая точка отправленія въ нисхожденіи дедуктивномъ. Но въ понятіи

---

[1]) 489. [2]) 490. [3]) 491. [4]) 491. [5]) 492. [6]) I, 395. [7]) I, 14.

бытія, по *Вундту*, заключается и понятіе небытія, потому-что еслибы мы не имѣли понятія о небытіи, то не имѣли бы понятія и о бытіи [1]).

Отсюда открывается, что если представить себѣ индуктивно-дедуктивную лѣстницу всѣхъ человѣческихъ представленій и понятій, начиная отъ самыхъ низшихъ, частныхъ, и оканчивая самыми высшими, общими,—если въ началѣ этой лѣстницы поставить самое частное представленіе *атома*, въ срединѣ представленіе *индивидуума*, а въ концѣ высшее, самое общее понятіе *бытія*,—то оказывается, что *на одномъ крайнемъ полюсѣ самое общее понятіе бытія не содержитъ въ себѣ ни одного реальнаго признака, состоя изъ одного только наиболѣе абстрактнаго признака бытія, бытія всевозможнаго, реальнаго и идеальнаго, тождественнаго, по этому, съ небытіемъ,—на противоположномъ полюсѣ самое частное представленіе атома, исключая всякую дальнѣйшую частичность, пространственность и измѣнчивость, опять не содержитъ въ себѣ ни одного реальнаго признака и граничитъ не-только съ безпредѣльною малостью, но и прямо съ ничтожествомъ,—наконецъ, даже срединное представленіе или понятіе индивидуумовъ, которые служатъ, съ одной стороны, частичнымъ матеріаломъ для сложенія высшихъ, общихъ, видовыхъ и родовыхъ понятій, а съ другой—общею суммою матеріала, изъ котораго, чрезъ анализъ, дробятся частнѣйшія представленія частей и признаковъ,—какъ синтезъ не имѣющихъ реально-объективнаго бытія послѣднихъ частей и признаковъ, также не имѣетъ и объективной реальности.*

Странное, по-видимому, дѣло, а вѣрное,—по крайней мѣрѣ, логически вѣрно вытекающее изъ несомнѣнныхъ посылокъ.

Для ясности мы должны сопоставить здѣсь только-что полученные нами *выводы о несуществованіи въ веществѣ свойствъ, которыя наиболѣе непосредственно открываются въ немъ нашими чувствами, изъ которыхъ, какъ примитивныхъ признаковъ, слагаются всѣ наши представленія и понятія о внѣшнемъ мірѣ, съ выводами, касательно этого-же предмета*, данными намъ первою частью нашего изслѣдованія, о знаніи объективномъ.

Тамъ получили мы въ результатѣ, что всѣ свойства объектовъ суть состоянія субъекта,—что во всѣхъ ощущеніяхъ, производимыхъ объектами, субъектъ чувствуетъ себя, что безъ чувствующаго субъ-

[1]) I, 6.

екта нѣтъ въ объектѣ никакихъ свойствъ: безъ зрительнаго нерва нѣтъ ни цвѣтовъ, ни свѣта;—безъ слуховаго нерва нѣтъ звуковъ,—безъ осязательныхъ нервовъ, нѣтъ ни твердаго, ни жидкаго, ни газообразнаго, нѣтъ ни гладкаго ни шероховатаго, нѣтъ ни теплаго, ни холоднаго,—безъ нервовъ обонянія и вкуса нѣтъ ни вкусовъ, ни запаховъ,—безъ внутреннихъ органическихъ чувствъ нѣтъ подлежащихъ имъ свойствъ въ предметахъ. Между-тѣмъ изъ этихъ, не имѣющихъ реальнаго существованія во внѣшнемъ бытіи, элементовъ, именно изъ субъективныхъ впечатлѣній человѣческаго чувства, строится вся совокупность нашихъ представленій и понятій о дѣйствительномъ бытіи и строится такъ, что, въ самыхъ первичныхъ актахъ умственной обработки, выхваченный изъ эмпирическаго міра объектъ является уже инымъ, чѣмъ былъ въ объективномъ бытіи,—разсудочная абстракція живыхъ недѣлимыхъ объектовъ есть отвлеченіе жизни; объекты тѣмъ болѣе удаляются отъ жизни,—отъ живыхъ въ эмпирическомъ мірѣ являющихся индивидуальныхъ типовъ, чѣмъ болѣе обобщаются; въ разсудочной обработкѣ понятій, построеніе даже наиболѣе конкретнаго, наиболѣе индивидуальнаго понятія есть уже абстракція,—исключеніе изъ умопредставляемаго объекта безчисленнаго количества свойствъ и принадлежностей объекта эмпирическаго; чѣмъ выше обобщеніе предметовъ, тѣмъ опустошительнѣе должна быть абстракція,—съ расширеніемъ объема понятій содержаніе заключающихся въ немъ признаковъ уменшается обратно пропорціонально расширенію объема, — самыя высшія общія понятія не даютъ уже о своихъ объектахъ почти никакого понятія, не приписываютъ объекту никакого предиката, а развѣ только повторяютъ въ опредѣляющемъ предикатѣ значеніе самаго подлежащаго, объекта; наконецъ, самое высшее общее понятіе *бытія*, бытія ни реальнаго, ни идеальнаго, при своемъ абсолютно-безграничномъ объемѣ, не содержитъ уже ни одного положительнаго признака, или, точнѣе, заключаетъ одинъ положительный признакъ: *бытіе есть бытіе*, который уничтожается въ понятіи равно-значущимъ отрицательнымъ признакомъ, такъ-какъ *бытіе есть и небытіе*, которое, въ свою очередь, есть бытіе въ идеальномъ смыслѣ.

Сравнимъ теперь эти выводы съ выяснившимися для насъ основоположеніями логической теоріи *Вундта*. Понятія составляются изъ представленій. Представленія распадаются на частныя и общія. Общее представленіе образуется изъ большой суммы частныхъ пред-

ставленій. Изъ общихъ представленій слагаются понятія эмпирическія, а изъ эмпирическихъ понятій абстрагируются понятія абстрактныя. Частныя представленія образуются изъ признаковъ, а частнѣйшія представленія даже совпадаютъ съ признаками предметовъ. Послѣдніе, самые частные, признаки предметовъ всегда и вездѣ состоятъ изъ чувственныхъ впечатлѣній, переработываемыхъ чрезъ первичныя умозаключенія въ первичныя сужденія. Дознано, что эти элементарныя умозаключенія, сужденія, признаки или качества ощущеній или ощущаемыхъ явленій, существуя только въ субъектѣ, не существуютъ въ объектѣ. Или точнѣе, по Вундту, *самые примитивные элементы знанія нереальны даже въ судъектѣ, потому-что не подлежатъ сознанію и лишены всякаго мыслимаго содержанія.* Изъ этихъ-то примитивныхъ, безсодержательныхъ, лишенныхъ всякой реальности, сужденій, чрезъ первичные акты умозаключенія, образуются всѣ наши представленія и понятія о вещахъ. Первоначальныя наши познанія содержатся въ аналистическихъ сужденіяхъ. Самыя первыя наши сужденія принадлежатъ къ тѣмъ безличнымъ сужденіямъ, которыя не имѣютъ опредѣленнаго подлежащаго, таковы: *блеститъ, пахнетъ, давитъ* и т. п. Только впослѣдствіи общее подлежащее этихъ сказуемыхъ выражается особымъ словомъ. Соединяя нѣсколько подобныхъ сужденій, мы познаемъ данный предметъ какъ индивидуумъ, какъ нѣчто отличное отъ всего окружающаго. Мы образуемъ объ индивидуумѣ болѣе или менѣе *частное представленіе,* — образуемъ чрезъ отвлеченіе, чрезъ различеніе существенныхъ признаковъ отъ несущественныхъ, чрезъ ощущеніе послѣднихъ и соединеніе въ представленіи только первыхъ. Ясно, что уже представленіе переходитъ за предѣлы непосредственнаго опыта, такъ-какъ въ опытѣ предметъ всегда бываетъ данъ со всѣми своими признаками, существенными и несущественными. Абстрагируя въ общемъ представленіи часть этихъ признаковъ, мы создаемъ нѣчто новое, что, какъ такое, не содержится непосредственно въ опытѣ, а представляетъ какъ-бы формулу, обнимающую большое число случаевъ, посредствомъ соединенія чертъ общихъ всѣмъ этимъ случаямъ. Отъ того общее представленіе заключаетъ въ себѣ множество отдѣльныхъ фактовъ отчасти и ни одного изъ нихъ вполнѣ. За-тѣмъ абстракція проходитъ рядъ подобныхъ-же ступеней отъ частнаго представленія до эмпирическаго и абстрактнаго понятій. Какъ общее представленіе слагаетъ сумму частныхъ представленій, соединяя въ себѣ ихъ общіе признаки и исключая

ризнаки частные,—такъ вторая ступень въ развитіи понятій, понятіе эмпирическое, беретъ сумму общихъ представленій, складывая ъ одно цѣлое ихъ общіе признаки и исключая различительные. 'ретья же и послѣдняя ступень познавательнаго процесса, абстрактое понятіе, совершенно выходитъ уже изъ сферы опыта, такъ-какъ тому понятію не соотвѣтствуетъ ни одинъ предметъ внѣшняго и нутренняго опыта. Абстрактныя понятія никогда не осуществляются въ опытѣ, какъ такія. Впрочемъ, все это различіе трехъ ступеней въ развитіи понятій есть въ-сущности внѣшнее; разница состоитъ только въ степени абстракціи. И общее представленіе идетъ же дальше непосредственнаго опыта; а понятіе есть только дальнѣйшій ходъ той-же абстракціи. Всякое понятіе можно назвать только-же эмпирическимъ, какъ и абстрактнымъ. Съ одной стороны, но берется изъ опыта, а съ другой — въ немъ абстрагируется ножество несущественныхъ признаковъ, соединяющихся съ нимъ въ пытѣ. Мало того, что абстрактныя понятія никогда не осуществляются въ опытѣ, какъ такія, такъ-какъ въ опытѣ предметъ всегда бываетъ данъ со всѣми своими признаками, существенными и не существенными,—нѣтъ; «если мы хотимъ,» — разсуждаетъ *Вундтъ*,— привести заключающіеся въ понятіи признаки въ конкретный образъ, то должны отъ общаго представленія возвратиться къ частному,—при чемъ мы будемъ представлять себѣ отдѣльный предметъ же не-только какъ схему существенныхъ признаковъ, а должны непремѣнно надѣлить его и множествомъ индивидуальныхъ признаковъ. *Мы никогда не можемъ осуществить въ созерцаніи общее представленіе какъ такое*: созерцаніе всегда даетъ намъ только частное, наприм., представленіе того или другаго отдѣльнаго человѣка; мы можемъ представить себѣ наглядно только частное представленіе человѣка». Точнѣе же должно сказать, какъ раскрыто нами въ первой части нашего изслѣдованія, что *точно соотвѣтствующій какому бы то ни было нашему понятію, частному ли, или общему, живой предметъ въ дѣйствительности не существуетъ*; *даже болѣе того, живое представленіе такого отвлеченнаго предмета въ психическомъ фактѣ невозможно*:—въ фактѣ единственно возможно только конкретизированное представленіе всякаго, самаго отвлеченнаго, наиболѣе общаго понятія. Наконецъ, въ высшемъ абстрактномъ понятіи *бытія*, по *Вундту*, согласно мнѣнію всѣхъ философовъ, заключается и понятіе *небытія*. Такимъ образомъ, самыми позитивными соображе-

ніями доказывается, что *не-только самое высшее, общее понятіе бытія оказывается тожественно съ отрицаніемъ бытія, но и низшимъ, болѣе или менѣе обобщеннымъ, понятіямъ и представленіямъ не оказывается въ реальномъ фактѣ соотвѣтствующихъ объектовъ.* Уже самые первичные признаки объектовъ, оказываются не реальными въ объектахъ, по мнѣнію же Вундта, и въ судъектѣ; а обобщенія признаковъ, представленія и понятія составляются не иначе, какъ чрезъ постепенную, большую и большую, абстракцію являющихся въ первичномъ чувственномъ воспріятіи признаковъ,—больше и больше удаляются отъ объективной реальности, до совершеннаго самоуничтоженія въ объемлющемъ всѣ понятія и представленія, высшемъ родовомъ понятіи бытія, тожественнаго съ небытіемъ. Возможность и даже неизбѣжность такой психологической демонстраціи сознана мыслящимъ человѣчествомъ давно, откуда и возникъ вѣковый споръ номиналистовъ и реалистовъ, который имѣлъ своею исходною точкою сомнѣніе въ существованіи реальныхъ объектовъ, соотвѣтствующихъ нашимъ обобщеннымъ понятіямъ.

ГЛАВА XXXV.

Положимъ, до того, что соотвѣтствующіе общимъ понятіямъ объекты едвали существуютъ въ реальномъ фактѣ, человѣчество додумалось уже давно. Но вотъ почти неслыханное до сихъ поръ, по крайней мѣрѣ, со времени исчезновенія греческой софистики, явленіе: новѣйшая философская мысль задала человѣчеству новую загадку: *существуютъ ли самые индивидуумы? Отличаются ли чѣмъ-либо понятія индивидуальныя отъ общихъ? Есть ли граница, гдѣ оканчивается индивидъ и начинается видъ? Если же нѣтъ критерія, отдѣляющаго индивидъ отъ вида, какъ конгрегата многихъ признаковъ, частей и даже индивидовъ, или даже и видовъ, и если не имѣется объекта, въ дѣйствительности соотвѣтствующаго видовому или родовому понятію, — то есть ли такой объектъ и для индивиди?* — Къ-изумленію, на всѣ эти вопросы современная наука готова отвѣчать отрицательно.

Мы должны оговориться здѣсь. *То, что мы сказали и скажемъ о несуществованіи индивидовъ, не значитъ, будто это есть наше соб-*

ственное, наше личное убѣжденіе, будто въ реальной природѣ дѣйствительно не существуютъ объекты, кажущіеся нашему воспріятію индивидами. Нѣтъ; это значитъ только то, что *современный научный методъ, уничтожая границу между родами и видами и предаваясь сладострастію разсудочнаго анализа, стремится къ уничтоженію, съ одной стороны, индивидовъ, также, какъ и видовъ и родовъ, а съ другой—не-только индивидовъ, но и частей ихъ, до атомовъ которые, въ свою очередь, оказываются также не существующими, — и, слѣдовательно, всю сумму бытія приводитъ, въ остаткѣ, къ нулю.* Чтобы выяснить, что такой логическій выводъ, не-смотря на всю его очевидную нелѣпость, можно высказывать и высказываютъ серьезно, мы должны послѣдовать за авторитетами современной науки и выслѣдить, куда они сами идутъ и другихъ ведутъ.

Обратимся сначала къ психологу *Вундту*. Извѣстно, что понятія составляются путемъ синтеза и анализа, при-помощи индукціи и дедукціи. При синтетическомъ индуктивномъ восхожденіи отъ частныхъ понятій къ общимъ, мы замѣчаемъ слѣдующія явленія: сначала мы видимъ [1]) множество отдѣльныхъ предметовъ одного рода; потомъ, отбросивъ всѣ измѣняющіеся признаки, мы составляемъ понятіе, наприм., о *деревѣ*; сравнивая дерево съ другими подобными ему предметами, мы получаемъ понятіе о *растеніи*, а отсюда доходимъ до понятія объ *организмѣ*. Человѣкъ съ самымъ небольшимъ опытомъ знаетъ, *что такое дерево*; труднѣе для него сказать, *что такое растеніе;* а о томъ, *что такое организмъ*, онъ, вѣроятно, не имѣетъ никакого понятія. Совсѣмъ не то мы видимъ въ головѣ *ботаника*; онъ покажетъ намъ, что *дерево вовсе не научное понятіе. Понятіе дерево*, которое, въ-общежитіи, считается самымъ опредѣленнымъ, *не имѣетъ для ботаника ни малѣйшаго значенія.* За-то онъ дастъ намъ точное опредѣленіе *растенія*. Однако, чего ботаника, въ различное время, не разумѣла подъ растеніемъ? — Сначала отличала растеніе отъ животнаго, говоря: *всѣ растенія прикрѣплены къ землѣ.* Но скоро оказалось, что *есть и животныя прикрѣпленныя къ землѣ* и что *есть растенія, свободно плавающія въ водѣ.* Слѣдовательно, понятіе растенія надо было, съ одной стороны, расширить, а съ другой-ограничить. Тогда стали говорить: *растенія отличаются отъ животныхъ тѣмъ, что не могутъ двигаться, по собственному побужденію. Но вдругъ оказалось, что есть множество существъ, которыя, по многимъ причинамъ, слѣдовало признавать растеніями* и которыя, однакожъ, всегда, или въ нѣкоторое время своей жизни, *двигаются по собственному побужденію, точно также, какъ и животныя.* Потому сдѣлали шагъ далѣе и сказали: только отсутствіе *произвольнаго* движенія есть отличительная черта растеній. Но вотъ является психологъ и говоритъ: да что такое произвольное движеніе? Почему мы знаемъ, что движенія низшихъ животныхъ суть проявленія свободной воли? И почему

[1]) I, 11—12.

мы знаемъ, что свободной воли нѣтъ у растеній?.. «Изъ этого примѣра», — заключаетъ *Вундтъ*,—«мы ясно видимъ, что *опредѣленность даже научныхъ понятій собственно бываетъ только относительная: съ развитіемъ науки, понятія постоянно измѣняются.* Съ теченіемъ опыта [1]), наши общія представленія постоянно видоизмѣняются». Но подъ общими представленіями *Вундтъ* разумѣетъ *и индувидуальныя* представленія, которыя становятся общими, собирательными въ-отношеніи къ другимъ частнѣйшимъ, заключающимся подъ ними, представленіямъ. Это по тому, что «тогда-какъ образованіе понятій идетъ отъ частнаго къ общему, дѣятельность представленія идетъ отъ общаго къ частному [2]). Изслѣдуя процессъ [3]) образованія представленій, *Вундтъ* «находитъ, что этотъ процессъ, подвигаясь все далѣе и далѣе впередъ, все болѣе и болѣе наполняетъ первоначальные *общіе контуры частностями и подробностями.* Посредствомъ дистинкціи мы различаемъ, *въ болѣе обширныхъ и грубыхъ представленіяхъ, отдѣльныя части*, а посредствомъ анализа, по извѣстному ряду признаковъ, заключаемъ даже о *самостоятельности этихъ отдѣльныхъ частей, и тѣмъ возводимъ ихъ на степень особенныхъ представленій.* Положимъ, наприм., что мы въ первый разъ видимъ какое-нибудь животное: прежде всего, оно будетъ представляться намъ, какъ нѣчто цѣлое. Но, при дальнѣйшемъ разсматриваніи, мы *скоро различаемъ отдѣльныя части*; далѣе замѣчаемъ ихъ ограниченія и перемѣны, а также и движенія, совершаемыя каждою частію отдѣльно. Тогда *каждая часть представляется намъ точно такимъ-же самостоятельнымъ, какъ и цѣлое, т. е. становится для насъ особымъ представленіемъ.* Вмѣстѣ съ тѣмъ мы совершили анализъ *обширнѣйшаго представленія, мы разложили его на отдѣльныя представленія».* — Такимъ образомъ *мы разложили на частныя представленія индивидъ, какъ представленіе уже общее въ-отношеніи къ частнѣйшимъ.* Что это вѣрно, что мы поняли *Вундта* правильно, это онъ разъясняетъ особенно тѣмъ пріемомъ, какимъ разлагаетъ не-только на отдѣльныя представленія, но и на самостоятельныя части, не какой-либо уже животный индивидъ, а наиболѣе подлежащій нашему сознанію индивидъ, — наше собственное *Я*. Этотъ примѣръ покажетъ намъ, до какой, — можно сказать, — чудовищной отваги простирается современный ученый анализъ; — никакая нелѣпость для него не страшна и не служитъ для него останавливающею преградою. «*Я*, — пишетъ *Вундтъ* [4]), — «*это есть индивидуумъ. Я и индивидуумъ — это два существенно различныя понятія. Я принадлежитъ цѣлому индивидууму* [5]). *Я и индивидуумъ не одно и тоже* [6]). Что же онъ хочетъ сказать этими противорѣчіями? — «Я весь индивидуумъ. Тѣло и душа — не части индивидуума. Я — извѣстная ступень въ развитіи существа, которое распадается на тѣлесную и духовную сторону. Я и индивидуумъ — это два существенно различныя понятія. *Каждое я есть индивидуумъ*; но не каждый индивидуумъ есть *я*. Растеніе и кристаллъ — тоже индивидуумы; но ничто не даетъ права предполагать, что въ растеніи и кристаллѣ развивается сознаніе своего *Я*».—Казалось бы, поэтому, что *Вундтъ* хочетъ приписать *нашему Я индивидуальность, несложность, недѣлимость, по-преимуществу предъ прочими индивидами?* На-

---

[1]) 483. [2]) 482. [3]) 536. [4]) 1, 359. [5]) 361. [6]) 384.

прасная надежда! — «Происхожденіе нашего *Я*», — продолжаетъ *Вундтъ*,— «требуетъ *безчисленнаго множества предварительныхъ психическихъ процессовъ*; и только [1]) тогда, когда эти процессы совершились *въ достаточно полномъ количествѣ*, — только тогда *Я* является вдругъ, только *тогда оно есть единый актъ*, — *и этотъ актъ есть умозаключеніе*! Основаніемъ ему служитъ множество психическихъ процессовъ, и даже едвали есть какой-нибудь психическій актъ, который бы не принималъ близкаго, или отдаленнаго участія въ происхожденіи нашего *Я*; точно также и *всѣ физическія отправленія* имѣютъ къ нему болѣе или менѣе близкое отношеніе. *Я* принадлежитъ только *цѣлому индивидууму*, принадлежитъ только *совокупности всѣхъ частей*. *Я* лежитъ не внѣ физическихъ и духовныхъ процессовъ, которымъ оно обязано своимъ происхожденіемъ;—*оно есть совокупность всѣхъ этихъ процессовъ*,—*оно—фокусъ, въ которомъ сливается все наше бытіе*» [2]). Итакъ, *сложность*, по *Вундту*, входитъ въ самую сущность понятія индивида. Но тотъ-же *Вундтъ* продолжаетъ: «единство сознанія есть результатъ [3]) *единства нашего Я*». Казалось бы, *Вундтъ* опять хочетъ приписать нашему *Я* единство, несложность, недѣлимость, по-преимуществу Но опять напрасная надежда!—Мы уже обратили вниманіе на то, что,— по *Вундту*,—«*Я* и индивидуумъ не одно и тоже. *Въ индивидуумѣ также есть единство*: всѣ его отправленія клонятся къ тому, чтобы онъ дѣйствовалъ какъ самостоятельное существо. Сознаніе есть цѣль, къ которой стремятся всѣ другія отправленія;—*сознаніе составляетъ единство индивидуума*».—Казалось бы, такимъ образомъ, что сознаніе *Я* составляетъ сущность самой индивидуальности.— «Но», — продолжаетъ *Вундтъ*, — «*индивидуумъ распадается на большое множество отдѣльныхъ процессовъ*, которые идутъ, до нѣкоторой степени, независимо другъ отъ друга. *Всякое ощущеніе, всякое движеніе есть, прежде всего, самостоятельный актъ, существующій самъ по себѣ, безъ отношенія къ другимъ актамъ*». — Этого мало, что индивидуумъ есть совокупность самостоятельныхъ актовъ;—онъ есть совокупность даже отдѣльныхъ существъ. «До тѣхъ поръ, пока индивидуумъ не относитъ всѣхъ своихъ впечатлѣній и дѣйствій *къ своему я, какъ общему средоточію*, онъ распадается на большое число *отдѣльныхъ существъ*, находящихся въ органической связи между собою [4]). Эта связь хотя и соединяетъ ихъ, но *не сливаетъ въ одно цѣлое*, потому-что связь еще не есть единство. Единство мало по малу развивается изъ этой связи; но и послѣ того, какъ оно (сознаніе *Я*) развилось, *все, что не имѣетъ прямаго отношенія къ единству, сохраняетъ свою отдѣльную самостоятельность*. Каждый изъ процессовъ, составляющихъ сознаніе — *я, есть одно самостоятельное цѣлое*». Но и того мало; оказывается, по *Вундту*, что нашъ индивидуумъ слагается изъ множества не-только самостоятельныхъ актовъ или отдѣльныхъ существъ, но изъ множества отдѣльныхъ и субъектовъ, *судящихъ и умозаключающихъ субъектовъ*! «Полагая множество одновременныхъ ощущеній и воспріятій, индивидуумъ»,—по словамъ *Вундта*,—*распадается на такое-же* (по числу ощущеній и воспріятій) *число судящихъ и умозаключающихъ субъектовъ*,—и только съ появленіемъ сознанія всѣ они сливаются въ одинъ субъектъ, въ самосознательное

---

[1]) 356—360. [2]) 384. [3]) 561. [4]) 385.

Я». — Итакъ что-же? Наше *Я* есть преимущественное, особое въ своемъ родѣ единство?—Нѣтъ. «Это единство нашего *Я*»,—по *Вундту* [1]),—«есть только выраженіе той связи, которая соединяетъ всѣ части и отправленія индивидуума въ одно цѣлое. А что касается до того многоразличія, какое встрѣчаемъ въ отправленіяхъ тѣла и вслѣдствіе котораго *организмъ распадается на множество существъ до нѣкоторой степени самостоятельныхъ, — то совершенно такое-же многоразличіе находимъ и въ сферѣ души.* Каждая область ощущенія есть психическая единица: вмѣстѣ съ нервными соединеніями и мышцами, съ которыми имѣетъ ближайшую рефлективную связь, она образуетъ *одно цѣлое, совершающее простѣйшія психическія отправленія совершенно самостоятельно*, или зависимое на-столько, насколько жизнь частей предполагаетъ жизнь цѣлаго. Въ организмѣ, цѣлью, къ которой стремятся отдѣльныя функціи, является существованіе индивидуума, а въ душѣ—самостоятельное *я*».—Такимъ образомъ, если *я*, наша душа, нашъ индивидуальный организмъ распались не-только на множество самостоятельныхъ частей и актовъ, но и отдѣльныхъ существъ и даже на множество чувствующихъ, судящихъ и умозаключающихъ субъектовъ, а *я* есть не иное что, какъ только формула выраженія постепенно возникающей и развивающейся между ними связи, однимъ словомъ,—если даже нашъ личный индивидъ не существуетъ, — то что-же говорить о существованіи другихъ низшихъ индивидовъ, въ-родѣ растенія, или камня? Какую, относительно индивидіальности, можно бы найти важную разность между ними и кучею песку?

Въ развитіи подобнаго страннаго ученія *Вундтъ* далеко не одинокъ; напротивъ того, онъ имѣетъ многихъ и именитыхъ сотрудниковъ. Оставивъ подобныяже, слишкомъ своеобразныя и туманныя, умствованія *Д. С. Милля*, касательно этого предмета, перейдемъ къ болѣе ясному и рѣшительному разсужденію *Вирхова*, касательно *тогоже предмета*, несуществованія индивидовъ [2]). — «Что такое индивидуумъ»? спрашиваетъ *Вирховъ*. «Слово—*индивидуумъ* употребляется въ различномъ смыслѣ. Всѣ говорятъ объ индивидуумахъ, индивидуальномъ, индивидуальности. Несомнѣнно, что индивидуумы не суть послѣднія не разлагаемыя далѣе части; напротивъ того, съ этимъ словомъ мы соединяемъ представленія о тѣлахъ часто такой значительной величины, такого сложнаго строенія, что различаемъ въ нихъ цѣлыя системы, органы, элементы, между которыми даже послѣдніе элементы могутъ быть разложены и ихъ малѣйшія замѣтныя частицы опять сами по себѣ могутъ считаться составленными изъ атомовъ. *На чемъ же основывается ихъ преимущество называться недѣлимыми? На какомъ основаніи имъ приписывается индивидуальность?* Понятіе о недѣлимомъ можно отыскать въ томъ, что оно, по своей природѣ, *не должно* быть дѣлимо. Недѣлимое есть единое цѣлое, въ которомъ всѣ части дѣйствуютъ съ-обща, для одной цѣли, по опредѣленному плану. Понятіе о недѣлимомъ такъ двусмысленно, что мы можемъ даже отнять часть недѣлимаго, отъ чего оно не уничтожается въ нашемъ представленіи; должны оставаться только нѣкоторыя существенныя и необходимыя части. Недѣлимое, чтобъ сохранить себя, должно стоять отдѣльно отъ прочихъ; должно заключать въ себѣ нѣчто отличающее его не-только отъ существъ различныхъ,

[1]) 386. [2]) *Вирхова*, Атомы и недѣлимыя. Рѣчь.

но и отъ существъ подобныхъ, — должно имѣть свою особность. Въ чемъ же состоитъ эта особность? *Что это за тайна индивидуальности?* Какъ далеко въ области природы можно распространить понятіе о недѣлимомъ? Должны ли мы вездѣ въ природѣ видѣть индивидуальности? Имѣютъ ли право на индивидуальность солнца, планеты, воздухъ, море, камни и кристаллы? Но развѣ мыльный пузырь не имѣетъ такого-же права на индивидуальность, какъ и міровыя тѣла? Напрасно стараются отстоять индивидуальность и кристалла: особенность кристалла не есть его сущность, не служитъ выраженіемъ его внутренней природы, а есть только признакъ внѣшней силы, подъ вліяніемъ которой проявляется его внутренняя природа. Недѣлимое имѣетъ жизнь: сущность его заключается въ особенности внутреннеѣ,—и вытекающій изъ нея внѣшній видъ вѣрно указываетъ намъ эту внутреннюю сущность. Недѣлимое составляетъ для себя цѣль и мѣру и есть дѣйствительная единица. *Индивидуальное противополагается общему.* Тѣмъ не менѣе *единство индивидуума основывается на общности частей.* Общее недѣлимаго составлено изъ опредѣленнаго числа необходимыхъ частей. Эти необходимыя части, органы, состоятъ, въ свою очередь, изъ частей еще меньшихъ. *Послѣдними малѣйшими частями, въ которыхъ проявляется жизнь, оказались клѣточки,* — образованія въ-видѣ пузырьковъ, заключающихъ внутри ядро, устроенное различнымъ образомъ, снаружи тонкую оболочку, а между оболочкою и ядромъ различнаго рода содержимое. *Клѣточка не-только служитъ вмѣстилищемъ жизни, но она-то именно и есть живущая часть.* Съ извѣстными группами клѣточныхъ образованій связаны высочайшія особенности животной жизни: ощущеніе, движеніе, мышленіе. *Жизнь есть дѣятельность клѣточки; ея особенность есть особенность клѣточки. Клѣточка есть живое тѣло,* состоящее изъ опредѣленнаго состава химическихъ веществъ и организованное по извѣстнымъ законамъ. Дѣятельность клѣточки зависитъ отъ вещества, ее образующаго и наполняющаго; функціи ея мѣняются, растутъ и ослабѣваютъ, возникаютъ и исчезаютъ съ измѣненіемъ, накопленіемъ, или уменьшеніемъ этого вещества. Жизнь находится во всѣхъ частяхъ, состоящихъ изъ клѣточекъ: не-только нервъ живетъ, не-только кровь, но также и мясо, и кости и волоса; жизнь заключается и въ корнѣ, листѣ, цвѣткѣ и въ сѣмени растенія. Въ крови взрослаго человѣка каждую секунду обращается приблизительно 60.000,000,000 клѣточекъ. *Что же такое организмъ? Собраніе живыхъ клѣточекъ!* Каждый изъ насъ, какъ и всякое растеніе, или животное, составляетъ родъ общества. Мы только собраніе частей, органическій индувидуумъ существуетъ только какъ общность! «Все, что живетъ,—говоритъ *Гёте*,—«не единица, но множество; даже въ томъ случаѣ, когда оно является намъ недѣлимымъ, оно все-таки остается *собраніемъ живыхъ самостоятельныхъ существъ*». Нѣтъ никакого сомнѣнія, что растеніе, даже дерево, являющіяся намъ индивидуумами, состоятъ изъ множества единицъ, совершенно сходныхъ между собою и съ цѣлымъ. Дерево,—пишетъ *Мендѣлеевъ*, въ своей химіи [1]), — есть отжившая часть деревянистаго растенія; живая часть обыкновенныхъ деревъ находится между корою и древесиной. Ежегодно, изъ соковъ, поглощаемыхъ корнями и перераб-

[1]) 1, 524.

тываемыхъ листьями, отлагается, въ этой части дерева, древесинный слой; поэтому-то о числѣ лѣтъ дерева и можно судить по числу древесинныхъ слоевъ, въ немъ находящихся. На слѣдующій годъ соки двигаются уже не по отложенному слою, а по новому, между корою и древесиною. Такимъ образомъ, прежде отложенные слои служатъ только опорою для живущихъ частей растеній. *Живущее дерево можно разсматривать какъ совокупность многихъ растеній, живущихъ на этой опорѣ.* Какое множество растеній,—продолжаетъ *Вирховъ*,—размножается отводками? Глазокъ послѣдней разновидности фруктоваго дерева производитъ вѣтвь, производящую снова множество такихъ глазковъ, и тѣмъ-же путемъ идетъ размноженіе сѣменами. Процессъ расчлененія и само-поддержанія растеній *Гегель* называетъ выхожденіемъ изъ самаго себя и распаденіемъ на множество индивидуумовъ, для которыхъ цѣлый индивидуумъ составляетъ скорѣе почву, чѣмъ субъективное единство членовъ; части растенія: почки, вѣтвь и т. д., сами по себѣ, суть цѣлыя растенія. Итакъ, *что же такое недѣлимое:—цѣлое или часть?*—Есть растенія, состоящія изъ одного ряда клѣточекъ. Напротивъ того, въ другихъ растеніяхъ клѣточки, располагаясь группами, образуютъ органы и элементы; но, и въ этомъ случаѣ, при размноженіи растенія, сперва является одна клѣточка, изъ которой образуется уже новое растеніе. *Что же здѣсь недѣлимое?* Множество растеній воспроизводится отводками. Отрѣзанная и посаженная вѣтвь продолжаетъ расти, приноситъ новыя вѣтви, которыя, въ свою очередь, могутъ быть отрѣзаны и пересажены. Всѣ онѣ суть части, принадлежащія одна другой. Составляютъ ли онѣ одно недѣлимое? Фактъ ясенъ и очевиденъ. Но каково его истинное значеніе? Земляника, разстилаясь по землѣ, пускаетъ побѣги, на концахъ которыхъ развиваются новыя растенія; чрезъ нѣсколько времени онѣ пускаютъ корни и твердо укрѣпляются въ землѣ въ то время, какъ старый стебель отмираетъ. Гдѣ же здѣсь границы недѣлимаго? Большая часть животныхъ размножается яйцами и каждое яйцо первоначально есть клѣточка. Нѣкоторыя животныя размножаются перетягиваніемъ, такъ сказать,—шнурованіемъ. Иныхъ полиповъ можно размножать, искусственно, отрѣзками, какъ растенія. По стволу пловучихъ полиповъ проходитъ каналъ; изъ ствола выходятъ почкообразные отпрыски; одни изъ нихъ образуютъ ряды плавающихъ органовъ, подвигающихъ все тѣло полипа,—другіе превращаются въ новыхъ полиповъ, со ртомъ и желудкомъ, которые собираютъ и перевариваютъ пищу для цѣлаго, передавая потомъ въ общій каналъ,—третьи же, пріобрѣтая пузыреобразный видъ, несутъ яйца, изъ которыхъ образуются снова свободно плавающіе полипы. *Что же здѣсь индивидуумъ? Что органъ? Органы не тоже ли, что и индивиды?* Индивидъ, цѣлое, не есть ли только собраніе, семейство, колонія? По всей лѣстницѣ позвоночныхъ, отъ низшей рыбы до человѣка, существуетъ общій планъ организаціи. Нѣтъ здѣсь колоній растеній, или животнорастеній, а только замкнутыя индивидуальности. Чѣмъ выше мы пойдемъ въ классѣ позвоночныхъ, тѣмъ болѣе опредѣленною представляется намъ единичность недѣлимаго, пока, наконецъ, въ сознаніи человѣка она получаетъ субъективную законченность. Однакожъ *сознаніе есть субъективное, но не объективное единство недѣлимаго.* Оно представляется какъ послѣдній, высочайшій результатъ жизни, какъ благороднѣйшій плодъ длинной цѣпи тѣсно связанныхъ процессовъ, изъ

которыхъ состоитъ исторія недѣлимаго. Разсматриваемый какъ существо тѣлесное, *индивидуумъ необходимо долженъ быть внутреннимъ множествомъ*. Жизнь должна составлять результатъ дѣятельности всѣхъ отдѣльныхъ частей. *Человѣческій индивидуумъ есть также община*. Изслѣдованіе человѣческой природы показываетъ, что она состоитъ изъ ряда системъ отправленій; каждая система обнимаетъ собою извѣстное число особыхъ органовъ, каждый органъ заключаетъ опредѣленное число тканей, каждая ткань состоитъ изъ клѣточекъ или клѣточныхъ группъ. *«Я» философовъ есть слѣдствіе «Мы» біологовъ*. Клѣточки суть дѣятельныя части; въ каждой изъ нихъ бьется жизнь, каждая изъ нихъ имѣетъ извѣстную самостоятельность, и каждое жизненное явленіе происходитъ изъ дѣятельности, содѣйствія, или противодѣйствія, или, наконецъ, бездѣйствія и уничтоженія извѣстной суммы клѣточекъ. *Тайна индивидуальности состоитъ, безъ сомнѣнія, въ точномъ различіи первоначальныхъ свойствъ и образованія клѣточекъ, или клѣточныхъ группъ. Что же такое теперь недѣлимыя: клѣточки, или люди?* Можно ли прямо отвѣтить на этотъ вопросъ? Нѣтъ! *Слово индивидъ* — вошло въ употребленіе гораздо раньше, чѣмъ получилось ясное представленіе о природѣ существъ, подразумѣваемыхъ подъ этимъ понятіемъ. *Должно или вовсе исключить понятіе о недѣлимомъ изъ органическихъ отраслей естествознанія, или-же прямо соединить его съ клѣточкой*. Ежегодно отпадаютъ листья деревьевъ, съ тѣмъ, чтобы, на новый годъ, деревья могли принести новыя почки; ежедневно смѣняются въ человѣческомъ тѣлѣ *кровяныя тѣльца, съ тѣмъ, чтобы свѣжіе элементы могли снова начать дѣло своего собственнаго уничтоженія*. Такимъ образомъ, падаютъ народы, смѣняются дѣти людей,—и новое поколѣніе всегда лучше познаетъ себя и природу; сознаніе становится все яснѣе и полнѣе подчиняетъ себѣ *атомъ*»... Въ-виду такого всеобщаго повальнаго уничтоженія, *Вирховъ*, не надѣясь даже на свою клѣточку, распадающуюся на атомы, разсчитываетъ опереться только на атомъ, какъ на абсолютную основу бытнаго. Вѣдь и клѣточка есть только сложность основаній, а не самобытность. «Вещество клѣточки», — по словамъ самаго-же *Вирхова*,—«*въ элементахъ* своихъ, нисколько не различествуетъ отъ вещества неорганическаго, неодушевленнаго міра; скорѣе оно постоянно восполняется изъ этого міра и снова возвращается въ него, исполнивъ свои особенныя цѣли. Только родъ расположенія этого вещества, особенная группировка малѣйшихъ частичекъ его своеобразны, но не до такой, однакожъ, степени, чтобы составлять противоположность съ расположеніемъ и группировкою *частичекъ тѣлъ*, входящихъ въ предметъ изученія неорганической химіи. Своеобразной кажется намъ дѣятельность, особенное отправленіе органическаго вещества; но все-таки она не разнится отъ дѣятельности, извѣстной физикамъ въ неодушевленной природѣ. Вся своеобразность здѣсь ограничивается тѣмъ, что *въ самомъ маломъ пространствѣ заключено величайшее разнообразіе комбинацій веществъ*,—что каждая клѣточка представляетъ мѣсто тѣснѣйшихъ воздѣйствій этихъ комбинацій». — Итакъ, основаніемъ клѣточки, а слѣд., основаніемъ и жизни, и всякаго бытія, является атомъ. Если же и атомъ обманетъ возлагаемую на него надежду, если и онъ слагается изъ ничтожества, или даже граничитъ съ ничтожествомъ, тогда что-же?! Все ничто!..

Тоже читаемъ мы и у *Герберта Спенсера*, «*Что такое особь?* Это вопросъ, который подалъ поводъ ко многимъ спорамъ. Удовлетворительный отвѣтъ на него едвали возможенъ. Если отъ обыкновенныхъ случаевъ, между высшими позвоночными, мы обратимся къ исключительнымъ, наприм., къ телятамъ о двухъ головахъ, или о двухъ парахъ переднихъ ногъ, то мы иногда не можемъ положительно сказать, одна ли здѣсь индивидуальность, или двѣ. Если же мы распространимъ наше наблюденіе на весь органическій міръ вообще,—то найдемъ, что трудности встрѣчаются вездѣ и въ разнообразнѣйшихъ формахъ. Часто говорятъ, что дерево единично. Но каждая изъ его осей одарена болѣе или менѣе независимою жизнію,—и если срѣзать ее и посадить, то изъ нея можетъ вырости новое растеніе. Какъ же слѣдуетъ смотрѣть на оси, происходящія такимъ образомъ отъ вѣтки, отъ черенковъ, отъ почекъ? Какъ на части одной и той-же особи, или-же какъ на раздѣльныя особи? Далѣе *Г. Спенсеръ* приводитъ тотъ-же примѣръ земляники, съ ея побѣгами отъ вѣтвей, который мы видѣли у *Вирхова*, равно-какъ многіе примѣры и другихъ растеній, и завершаетъ это изслѣдованіе словами *Шлейдена*: «многіе споры касательно понятія объ особи происходили отъ недоразумѣній, существующихъ на-счетъ *возникновенія понятій. Особь вовсе не есть понятіе, а просто субъективное представленіе о дѣйствительномъ предметѣ, съ точки зрѣнія даннаго видоваго понятія, и только отъ этого послѣдняго зависитъ, будетъ ли предметъ особью, или нѣтъ*. Съ точки зрѣнія видоваго понятія о солнечной системѣ вообще, наша солнечная система будетъ особью; по-отношенію же къ видовому понятію о планетномъ тѣлѣ, она будетъ аггрегаціей многихъ особей. Въ-виду несомнѣнныхъ фактовъ, полезнѣе признать простымъ растеніемъ перваго порядка растительную клѣточку. Такого рода особи могутъ, однакожъ, утративъ отчасти свою индивидуальную независимость, соединиться, по опредѣленнымъ законамъ, въ опредѣленныя формы. Соединенныя формы *эмпирически* являются намъ снова *единичными существами*, съ точки зрѣнія того видоваго понятія, которое мы выводимъ изъ сочетанія *особей элементарныхъ*». Эти слова Шлейдена, какъ и Г. Спенсера, значатъ, что всякая особь есть понятіе индивидуальное въ-отношеніи къ понятію видовому, подъ которымъ оно заключается, и видовое по-отношенію къ особямъ, содержащимся въ немъ самомъ и подъ нимъ. «Животное царство»,—продолжаетъ *Спенсеръ*,—«представляетъ еще больше трудностей, чѣмъ царство растительное». Представивъ въ-подтвержденіе этихъ словъ нѣсколько примѣровъ изъ животнаго царства, *Спенсеръ* разсуждаетъ: «жизнь вообще началась съ мелкихъ и простыхъ формъ. Изъ нихъ-же образуются всѣ индивидуальные организмы и нынѣ. Переходы отъ этихъ первичныхъ единицъ къ организмамъ, состоящимъ изъ группъ такихъ единицъ, и къ высшимъ организмамъ, состоящимъ изъ группъ такихъ группъ, совершаются постепенно. Отсюда ясно, что индивидуальности простѣйшаго порядка должны постепенно поглощаться болѣе сложными индивидуальностями,—и *невозможно опредѣлить, гдѣ кончаются низшія индивидуальности и начинаются высшія*. Въ-сущности нѣтъ такого опредѣленія индивидуальности, противъ котораго нельзя было бы возразить. Что образуетъ конкретное живое цѣлое? Молодой организмъ, происходящій изъ родительскаго, посредствомъ внутренняго или внѣшняго почкованія, постепенно

переходить изъ состоянія, въ которомъ онъ образуетъ неразличимую часть организма родительскаго, въ состояніе, когда онъ образуетъ отдѣльный организмъ. На какой-же степени становится онъ особью? И если въ немъ слѣдуетъ признать индивидуальность только тогда, когда онъ совершенно отдѣлится отъ родича, то слѣдуетъ ли отказать въ индивидуальности всѣмъ, образующимся по такому способу, организмамъ, которыя непрерывно удерживаютъ связь съ своими родичами (у полиповъ)? И что сказать о щупалѣ каракатицы, которое, отдѣлившись, живетъ независимо? Что сказать о личинкѣ морскаго ежа, которая продолжаетъ двигаться послѣ того, какъ содержимое ея исчезнетъ съ развившимся въ ней молодымъ ежомъ? Хотя у цвѣтковыхъ растеній къ независимому развитію способны обыкновенно только побѣги или оси,—однакожъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, способность къ обнаруженію и продолженію жизненныхъ отправленій заключается и въ придаткѣ оси, въ другихъ же случаяхъ, молодыя растенія развиваются на поверхностяхъ листьевъ. *Приходится признавать особью каждый центръ и каждую ось, которые способны независимо обнаруживать то непрерывное приспособленіе внутреннихъ отношеній къ внѣшнимъ, которое составляетъ жизнь. Оказывается, такимъ образомъ, по Спенсеру, что индивидуальныя понятія наши также, всльдъ за видовыми и родовыми, попали въ вѣчно текучій и исчезающій круговоротъ субъективныхъ представленій, безъ какой-либо точки стоянія въ реальной дѣйствительности.*

Послѣднее же, самоновѣйшее слово науки по вопросу о бытіи, или небытіи индивидуальностей мы читаемъ въ *Вѣстникѣ Европы*, за Декабрь 1871 г., въ статьѣ *Н. Вагнера: Куда идетъ Зоологія*. Прослѣдимъ выводы этой замѣчательной, по цѣльности взгляда, статьи. «Безъ сомнѣнія, форма и строеніе клѣточки есть слѣдствіе ея химико-физическаго состава. Изъ строенія клѣточки это явленіе переносится на ткани, органы и цѣлую организацію. Эту непосредственную зависимость формы отъ состава можно назвать *закономъ молекулярныхъ соотношеній*, которыя указываютъ намъ и другой законъ *интеграціи* (*integer*, цѣлый) *и дезинтеграціи*. У низшихъ, простѣйшихъ организмовъ, съ возрастомъ, наступаетъ моментъ, когда масса организма *дезинтегрируется, распадается на отдѣльные, новые организмы*. Чѣмъ выше организмъ, тѣмъ болѣе онъ *интегрированъ, тѣмъ тѣснѣе связаны его части, тѣмъ ограниченнѣе способы его размноженія*; — онъ лишается способности отдѣлять почти всѣ части своего тѣла въ новые организмы, — *отдавать его видовой жизни*. Отсюда объясняются *законы исчезанія омологовъ и централизаціи или концентрированія органовъ*. Нетолько клѣтки, но и цѣлые органы могутъ размножаться дѣленіемъ. При этомъ изъ одного органа образуются два, совершенно одинаковыхъ съ первымъ, — *омологи*. Чѣмъ крѣпче связь между клѣтками органа, тѣмъ менѣе онъ способенъ дѣлиться на *омологи*. Въ-силу этого, омологи, у низшихъ животныхъ отдѣльные, у высшихъ сливаются въ одинъ органъ, — *концентрируются или интегрируются. Эти явленія проходятъ по всѣмъ типамъ животнаго царства и человѣка включительно*. Концентрированіе органовъ влечетъ за собою ихъ *спеціализированіе,—дифференцировку или раздѣленіе физіологическаго труда*: увеличивается число органовъ, служащихъ для разныхъ физіологическихъ процессовъ,—изъ одного органа, который у низшаго типа служитъ для двухъ отпра-

вленій, развивается для каждаго изъ этихъ отправленій особый органъ. Нетолько между организмами, но и между органами замѣчается борьба за существованіе: у низшихъ типовъ преобладающій органъ нерѣдко развивается насчетъ другихъ, нарушая *законъ органическаго равновѣсія*; разъ получивши возможность развиваться на-счетъ другихъ, преобладающій органъ, подчиняясь, *по закону физіологической инерціи*, возбуждающей усиленное развитіе его причинѣ, можетъ, какъ паразитъ, совершенно подавить развитіе другихъ органовъ и повлечь за собой вымираніе цѣлаго видоваго типа организмовъ. Это развитіе одного органа на-счетъ другихъ выражается иногда *антагонизмомъ между органами индивидуальной и половой видовой жизни*, какъ, наприм., въ соціальной организаціи у пчелъ и у муравьевъ, гдѣ это явленіе совпадаетъ съ явленіемъ раздѣленія физіологическаго труда, — гдѣ, какъ, напр., у рабочихъ пчелъ, замѣчается большее развитіе мозга, въ-ущербъ развитія половыхъ органовъ, у матки большое развитіе половаго первнаго узла и меньшее развитіе мозга, наконецъ, у трутней еще большее развитіе половаго узла и самое слабое развитіе мозга. Тоже самое видится и у муравьевъ, только еще въ болѣе рѣзкой формѣ. Это колебаніе въ развитіи органовъ и раздѣленіе физіологическаго труда въ простѣйшихъ типахъ соединяется *съ индивидуальнымъ обособленіемъ или съ выдѣленіемъ особей*: части организма, которыхъ онъ не можетъ удержать въ себѣ, *отпадаютъ, въ-видѣ новыхъ особей*; но, по мѣрѣ интегрированія организма, это отпадыванье теряетъ силу, *и образуется сложный организмъ, составленный изъ многихъ особей, связанныхъ нѣкоторыми органами, принадлежащими всѣмъ безраздѣльно* (наприм., въ полипахъ, гидроидахъ и т. д.). Здѣсь, въ сложномъ комплектѣ особей, видимъ затѣчательное раздѣленіе труда: на одномъ общемъ стеблѣ видимъ организмы, которые служатъ для плаванія, другіе для ловли добычи, третьи для проглатыванія и перевариванія пищи, четвертые для размноженія,—и всѣ, такимъ образомъ, *спеціализованныя особи имѣютъ типъ простыхъ органовъ,— вслѣдствіе чего всѣ такія особи, теряя характеръ индивидуальности, представляютъ колонію органовъ-особей, подобную растенію, у котораго корни служатъ для питанія, листья для питанія и дыханія, стебель для передачи питательныхъ соковъ и цвѣты для размноженія.* Въ общинахъ соціальныхъ насѣкомыхъ принципъ тотъже: особь выдѣлилась, но, живя въ общинѣ, утрачиваетъ часть организма, жертвуетъ или мозгомъ, или половыми органами, для достиженія лучшихъ результатовъ въ работѣ ассоціаціи; каждый индивидуумъ, повидимому, свободный, неразрывно связанъ со всѣми членами общины, хотя эта связь и не является въ матеріальномъ видѣ какого-либо общаго стебля. Чѣмъ выше поднимаемся мы, по рядамъ животныхъ, до человѣка, къ формамъ болѣе и болѣе сложнымъ, — тѣмъ больше интегрированіе вступаетъ въ свои права, тѣмъ менѣе остается самостоятельности въ органахъ и является гармоническое цѣлое. *Человѣкъ также принадлежитъ къ міру организмовъ: общіе законы, управляющіе органическимъ міромъ, необходимо захватываютъ индивидуальную и соціальную жизнь и человѣка; въ этомъ случаѣ является не сравненіе, не аналогія, но полная тожественность явленій и ихъ сопричинность.* Человѣкъ представляетъ самое полное выраженіе пропорціальныхъ отношеній органовъ; но колебанія въ ихъ развитіи и здѣсь имѣютъ мѣсто,—и одинъ

органъ можетъ развиваться на-счетъ другаго. Все общество есть сложный организмъ, состоящій изъ множество организмовъ-индивидуумовъ. И чѣмъ глубже зоологія входитъ въ законы жизни болѣе простыхъ организмовъ, тѣмъ яснѣе становится смыслъ этихъ законовъ въ сложныхъ явленіяхъ человѣческой жизни».

Оказывается, такимъ образомъ, что индивиды сводятся къ ничтожеству, *двумя путями: анатомико-физіологическимъ и логико-психологическимъ.*

Первый путь представляетъ слѣдующую серію анатомико-физіологическихъ фактовъ. Кристаллы, камни, море, воздухъ, планеты и солнце имѣютъ столько-же права на индивидуальность, сколько и мыльный пузырь, потому-что мыльный пузырь столькоже повинуется законамъ тяготѣнія и концентраціи, какъ и солнечная система, и всякое механико-химическое образованіе. *Основное недѣлимое есть клѣточка,* которая нетолько служитъ вмѣстилищемъ жизни, но которая сама-то и есть живущая часть, *есть элементарная особь.* Есть организмы, которые состоятъ изъ одной клѣточки, или изъ одного ряда клѣточекъ; но есть и другіе организмы, въ которыхъ клѣточки, располагаясь группами, образуютъ системы и органы. Въ извѣстный моментъ развитія низшихъ, простѣйшихъ организмовъ, каковы, во-первыхъ, клѣточки, масса организма *дезинтегрируется,* двоится, троится и т. д., и распадается на новые организмы. Не-только клѣточки, но и цѣлые организмы могутъ размножаться дѣленіемъ: изъ одного органа образуются два, совершенно сходные съ первымъ, — *омологи.* Въ низшихъ организаціяхъ выдѣленіе омологовъ соединяется съ обособленіемъ индивидуальнымъ или съ выдѣленіемъ особей: части организма, которыхъ онъ не можетъ удержать въ себѣ, отпадаютъ, въ-видѣ новыхъ особей. Высшіе организмы болѣе и болѣе *интегрируются.* Отъ того, по мѣрѣ интегрированія организма, это отпадыванье теряетъ силу и образуется сложный организмъ, составленный изъ многихъ особей, связанныхъ нѣкоторыми, принадлежащими всѣмъ безраздѣльно, органами. Вмѣстѣ съ тѣмъ подвигается впередъ и *спеціализованіе, дифференцировка или раздѣленіе физіологическаго труда* между органами: у низшаго типа одинъ органъ служитъ для двухъ и болѣе отправленій; у высшаго же типа изъ одного органа, для каждаго изъ отправленій, образуется новый органъ. Вотъ почему въ сложномъ комплектѣ или колоніи особей (въ-родѣ полипняка) и видимъ, что, на одномъ общемъ стеблѣ, одни организмы служатъ для плаванія, другіе для ловли добычи, третьи для перева-

ванья пищи, четвертыя для размноженія, и всѣ, такимъ образомъ спеціализованныя особи имѣютъ типъ простыхъ органовъ; теряя характеръ индивидуальности, они представляютъ колонію органовъ—особей (которые иногда могутъ жить и отдѣльно отъ общаго ствола), подобную растенію, у котораго корни служатъ для питанія, листья для питанія и дыханія, стебель для передачи питательныхъ соковъ, а цвѣты для размноженія. Дальнѣйшую ступень дезинтегрированія, по тому-же принципу, представляютъ общины соціальныхъ насѣкомыхъ (пчелъ, муравьевъ): особь здѣсь выдѣлилась, — но живя въ общинѣ, изъ которой произошла, она утрачиваетъ часть организма, жертвуетъ или мозгомъ, или половыми органами, для достиженія лучшихъ результатовъ въ работѣ ассоціаціи; каждый индивидуумъ, по-видимому свободный, неразрывно связанъ со всѣми членами общины, хотя эта связь и не является въ матеріальномъ видѣ какого-либо общаго стебля. Общіе законы, управляющіе органическимъ міромъ, захватываютъ и человѣка, опредѣляя какъ индивидуальную, такъ и соціальную его жизнь. Между жизнью его и низшихъ организмовъ является не сравненіе или аналогія, но полная тожественность и сопричинность явленій. Въ-отношеніи къ низшимъ, включеннымъ въ него, организмамъ, человѣкъ есть индивидуальность, организмъ, сконцентрированный, интегрированный, съ органами опредѣленно дифференцированными и спеціали-зованными, — но въ-отношеніи къ ассоціаціи человѣческой общины, онъ представляетъ въ себѣ не болѣе, какъ особь-органъ, подобно пчелѣ въ-отношеніи къ пчельнику, или подобно муравью въ-отношеніи къ муравейнику. Какъ вообще въ органическомъ царствѣ приходится признавать особью каждый центръ и каждую ось, которые способны, болѣе или менѣе самостоятельно, обнаруживать приспособленіе внутреннихъ силъ къ внѣшнимъ условіямъ, называемое жизнью, — такъ и въ человѣческомъ организмѣ остается находить особи не-только въ каждомъ отдѣльномъ органѣ, но и въ каждой клѣточкѣ. А въ крови человѣка каждую секунду обращается до 60,000,000,000 клѣточекъ, изъ которыхъ каждая есть живой организмъ.

Если же *человѣческій организмъ* распадается на множество существъ, до нѣкоторой степени самостоятельныхъ, — то совершенно такое-же многоразличіе *Вундтъ, Вирховъ*, и вообще новѣйшіе психологи, находятъ и въ *сферѣ души*. Индивидуумъ распадается на большое множество отдѣльныхъ процессовъ, которые идутъ, до нѣко-

ротой степени, независимо другъ отъ друга. Всякое движеніе есть, прежде всего, самостоятельный актъ, существующій самъ по себѣ. Каждая область ощущенія есть психическая единица: вмѣстѣ съ нервными соединеніями и мышцами, съ которыми имѣетъ ближайшую рефлективную связь, она образуетъ одно цѣлое, совершающее простѣйшія психическія отправленія совершенно самостоятельно. А такъ-какъ человѣческій организмъ состоитъ изъ ряда системъ отправленій, каждая система обнимаетъ собою извѣстное число особыхъ органовъ, каждый органъ заключаетъ опредѣленное число тканей, каждая ткань состоитъ изъ клѣточекъ, а каждая клѣточка есть дѣятельная часть, въ каждой изъ нихъ бьется жизнь, каждое жизненное явленіе происходитъ изъ дѣятельности, содѣйствія, или противодѣйствія, или, наконецъ, бездѣйствія и уничтоженія извѣстной суммы клѣточекъ,—то оказывается, что каждая клѣточка есть такой-же правомѣрный участникъ въ ощущеніи и даже сознаніи, какъ и во всѣхъ прочихъ процессахъ жизни. «*Я*» философовъ, по *Вирхову*, есть слѣдствіе «*мы*» біологовъ; иначе сказать, единое *я* цѣлаго организма слагается изъ милліонныхъ, тусклыхъ, едва замѣтныхъ *я* каждой клѣточки. Сознаніе *я* оказывается субъективнымъ, но не объективнымъ, единствомъ. *Я*, по *Вундту*, принадлежитъ только цѣлому индивидууму, только совокупности всѣхъ частей. *Я* представляется, по *Вирхову*, какъ послѣдній, высшій результатъ жизни, какъ благороднѣйшій плодъ длинной цѣпи тѣсно связанныхъ процессовъ, составляющихъ исторію недѣлимаго *Я* лежитъ не внѣ физическихъ и духовныхъ процессовъ, которымъ оно обязано своимъ происхожденіемъ, — но есть совокупность всѣхъ этихъ процессовъ, — фокусъ, въ которомъ сливаются тысячи лучей нашего бытія. Получая множество ощущеній и воспріятій, индивидуумъ, по *Вундту*, распадается на такое-же число судящихъ и умозаключающихъ субъектовъ, которые, только съ появленіемъ сознанія, сливаются въ одинъ субъектъ, въ самосознательное *я*. Эта-же точка зрѣнія служила и для *Гегеля* въ его выводѣ бытія общечеловѣческаго *я*. Однимъ словомъ, по міросозерцанію *Вагнера*, всякій организмъ, въ одну сторону, есть органическая, интегрированная, цѣльная особь, а въ другую — есть не болѣе, какъ органическая часть или органъ. По *Спенсеру*, такъ-какъ жизнь начинается съ мелкихъ и простыхъ формъ, а изъ нихъ образуются и всѣ индивиды, — такъ-какъ переходы отъ этихъ первичныхъ единицъ къ организ-

мамъ, состоящимъ изъ группъ такихъ единицъ, и къ высшимъ организмамъ, состоящимъ уже изъ группъ такихъ группъ, совершаются постепенно, — индивидуальности простѣйшаго порядка поглощаются болѣе сложными индивидуальностями, при чемъ невозможно опредѣлить, гдѣ кончаются низшія индивидуальности и начинаются высшія, —то соединенныя органическія формы являются намъ единичными существами только съ точки зрѣнія того видоваго понятія, которое мы выводимъ изъ сочетанія *особей элементарныхъ*, — только по недоразумѣнію относительно возникновенія понятій; особь вовсе не есть понятіе о дѣйствительномъ предметѣ, а просто субъективное представленіе, съ точки зрѣнія даннаго видоваго понятія. Такъ, съ точки зрѣнія видоваго понятія о солнечной системѣ, эта система будетъ особью, по-отношенію же къ понятію о планетномъ тѣлѣ, будетъ аггрегаціей многихъ особей. И по *Вирхову*, индивидуумъ необходимо долженъ быть внутреннимъ множествомъ; слово — *индивидъ* вошло въ употребленіе гораздо раньше, чѣмъ получилось ясное представленіе о природѣ существъ, подразумѣваемыхъ подъ этимъ понятіемъ; понятіе о недѣлимомъ должно или прямо соединить съ клѣточкою, или-же вовсе исключить его изъ органическихъ отраслей естествознанія, вообще изъ употребленія, такъ-какъ этому понятію не оказывается соотвѣтствующаго предмета въ реальномъ бытіи. И не-только въ реальномъ бытіи, но и въ мышленіи, мы не можемъ, по *Вундту*, остановиться на какомъ-либо индивидуумѣ по тому, что опредѣленность даже научныхъ понятій бываетъ только относительная, — потому-что всякое индивидуальное представленіе становится общимъ, по-отношенію къ другимъ представленіямъ частнѣйшимъ,— потому-что всякій индивидъ мы можемъ раздѣлить на части, заключая, по извѣстному ряду признаковъ, даже о самостоятельности этихъ отдѣльныхъ частей, которыя потому и возводимъ на степень особенныхъ представленій.—И такое логическое дробленіе индивида производимъ до тѣхъ поръ, пока не дойдемъ до послѣднихъ, основныхъ, элементарныхъ, аналитическихъ сужденій, совпадающихъ съ первичными признаками ощущеній, которые, какъ доказано, не имѣютъ въ себѣ никакого, не-только реально-объективнаго, но и субъективнаго, мыслимаго, сознательнаго, содержанія. Здѣсь, въ концѣ концовъ, было бы чистое ничтожество, потому-что когда отъ тѣла, доступнаго чувствамъ, представленіе переходитъ къ его частямъ, — то здѣсь, по словамъ *Вундта*, уже не оказывается гра-

ницы аналитической дѣятельности представленія; и все превратилось бы въ ничтожество, еслибы только научная абстракція не провела границу разсудочному анализу, остановившись на послѣднихъ центрахъ силъ, абстрагированныхъ изъ явленій. Этотъ якорь спасенія всякаго бытія представляютъ въ себѣ *тѣлесный атомъ и частица эѳира*, на которые физикъ смотритъ, какъ на крайніе результаты дѣленія матеріи, которые, по *Вундту*, *суть послѣднія, самыя частныя, представленія*. *И Вирховъ* въ томъ-же атомѣ также видитъ послѣдній якорь спасенія бытія среди всеобщаго крушенія. По его словамъ, въ человѣческомъ тѣлѣ ежедневно смѣняются кровяныя тѣльца, какъ и въ каждомъ организмѣ смѣняются основныя клѣточки, съ тѣмъ, чтобы свѣжіе элементы могли снова начать дѣло своего собственнаго уничтоженія; и падающіе, такимъ образомъ, народы, смѣняющіяся дѣти людей и поколѣнія, всѣ отчаянно протягиваютъ изъ бездны самоуничтоженія свои руки, всѣ изъ пучины отчаянія кидаютъ прощальный взоръ надежды, — смѣшно сказать, — на атомъ, чтобы подчинить его себѣ, ухватиться за него, или даже хотябы усмотрѣть его... А онъ, вѣчно мелькая билліонами точекъ блудячаго огня, тухнетъ въ томъ-же ничтожествѣ бытія, изъ котораго, опершись на него, силится вынырнуть ничтожество сознанія... Подобно *Вирхову*, *и Д. С. Миллъ*, хотя и разрушаетъ реальность всѣхъ нашихъ понятій, хотя и находитъ основу всякой реальности только въ нашемъ ощущеніи, ища и не находя сущностей предметовъ,—однакожъ не отрицаетъ, что если какая-либо сущность вещей и существуетъ, то она почти тожественна съ частичнымъ ихъ строеніемъ; иначе сказать, опора всякаго существованія есть тотъ-же атомъ, который, и по *Вирхову*, есть основное, даже единственное бытіе, и по *Вундту*, есть послѣднее, самое частное, уже болѣе недѣлимое, представленіе.

ГЛАВА XXXVI.

Но, увы, и *атомъ вдвойнѣ дробится на части, какъ и бытіе, и представленіе*. Чтобы представить себѣ это положеніе въ возможно-наглядномъ видѣ, соберемъ здѣсь результаты вышеизложеннаго изслѣдованія нашего о бытіи атомовъ.

Сущность атомистическаго ученія, какъ мы видѣли, состоитъ въ

томъ, что вещество предполагается состоящимъ изъ совокупности безконечно малыхъ недѣлимыхъ частей, — атомовъ, которые не могутъ не-только дѣлиться, но и вообще измѣняться въ своей формѣ и свойствахъ, такъ-какъ всякое измѣненіе въ атомѣ предполагало бы въ немъ отсутствіе абсолютной простоты, проницаемость, частичность, а слѣд., и дѣлимость. Предполагается, что формы и свойства существъ опредѣляются только движеніемъ атомовъ въ пространствѣ, а явленія понимаются какъ перемѣна въ движеніи и взаимномъ положеніи атомовъ,—при чемъ всѣ частичныя явленія, совершающіяся на безконечно-малыхъ растояніяхъ, суть только механическія, такъ-какъ атомы предполагаются абсолютно простыми и неизмѣнными. Но атомъ, безконечно малую частицу вещества, съ приписываемыми ей абсолютно-неизмѣнными свойствами, въ опытѣ получить нельзя.

По *Бюхнеру*, къ какому бы протяженію матеріи мы ни обратились, къ самому ли большему, или самому меньшему, мы никогда не найдемъ конца или послѣдней матеріальной формы, что доказывается, съ одной стороны, телескопическими, а съ другой — микроскопическими и спектроскопическими наблюденіями. Дедукція же отъ наблюденія надъ тѣлами и строеніемъ ихъ опровергаетъ бытіе атомовъ. Какъ ни желательно химіи полагать, будто вся совокупность химическихъ знаній нашего времени заставляетъ допускать коренное различіе и неизмѣнность ихъ свойствъ и, по дедукціи, неизмѣнность самыхъ атомовъ,—однакожъ экспериментальныя наблюденія доказываютъ противное. Хотя въ настоящее время химія и должна отказаться отъ увѣренности въ сложности простыхъ тѣлъ, однакожъ такую сложность нельзя ни допускать, ни отрицать, по недостатку данныхъ; равно-какъ, и обратно, не должно думать, что элементарныя тѣла совершенно разнородны и никакой соизмѣримости не имѣютъ. Даже приходится сдѣлать шагъ далѣе. Чистое элементарное тѣло есть не иное что, какъ отвлеченное понятіе; ни одного чистаго элементарнаго тѣла въ опытѣ получить нельзя, — ни углерода, ни кислорода, ни водорода; въ опытѣ получается только измѣненіе элементарныхъ тѣлъ. И еще шагъ далѣе и глубже. Природа элементарнаго тѣла, какъ оно получается въ опытѣ, не рѣдко измѣняется безъ измѣненія его состава: это превращеніе называется изомеріей. При изомеріи, тѣла претерпѣваютъ измѣненіе въ цвѣтѣ, въ полярности (въ-отношеніи къ дѣйствію электричества), въ степеняхъ температуры, переходятъ изъ газообразныхъ состояній въ состоянія

жидкія и твердыя, — пріобрѣтаютъ то кристаллическую форму, то аморфное строеніе; въ кристаллической формѣ являются диморфными и даже триморфными, — вообще претерпѣваютъ глубокія и рѣзкія измѣненія не-только въ физическихъ, но и въ химическихъ свойствахъ. По геологу *Мору*, этотъ, такъ-называемый, *диморфизмъ* и *триморфизмъ* не можетъ быть согласованъ съ понятіемъ о коренной неизмѣнной формѣ молекулъ. Отсюда слѣдуетъ, что воззрѣніе на изоморфизмъ, основанное на одинаковомъ видѣ и на одинаковомъ объемѣ элементовъ и соединеній, въ самомъ существѣ своемъ ложно. Такія измѣненія въ элементахъ происходятъ отъ дѣятелей невѣсомыхъ: отъ тепла, гальванизма, электричества и свѣта. Какое же непосредственное дѣйствіе эти дѣятели производятъ въ элементахъ? Вліяніемъ невѣсомыхъ силъ производится въ элементарныхъ тѣлахъ различіе не-только въ физическомъ строеніи, т. е. въ распредѣленіи молекулъ въ тѣлѣ, но даже несомнѣнное видоизмѣненіе и внутри частицъ, молекулъ. Понятіе сложности, дѣлимости, измѣняемости входитъ въ самое понятіе молекулы. Химія заставляетъ предполагать непреложное существованіе такихъ частицъ, молекулъ, — атомныхъ группъ, имѣющихъ извѣстную форму постоянства, хотя и измѣняемыхъ. Въ нынѣшнемъ видѣ атомистическая теорія, по *С. В. Томсону*, допускаетъ существованіе *химическаго атома, который самъ по себѣ есть уже сложный маленькій міръ*, и не соглашается съ тѣми, которые приписывали атому способность занимать пространство *съ безконечною твердостію, невѣроятною ни въ какомъ конечномъ тѣлѣ.*

При дознанной дѣлимости молекулъ, подтверждается ли эмпирическими наблюденіями недѣлимость и неизмѣняемость самыхъ атомовъ, изъ которыхъ составляются молекулы? Нѣтъ. Эмпирическія наблюденія разбиваютъ эту гипотезу, шагъ за шагомъ. Эмпирическія наблюденія показываютъ, что хотя вещество атомовъ простыхъ тѣлъ и одинаково, но атомы могутъ быть и не одинаковы. *Дальтоновъ* законъ кратныхъ отношеній, предѣльной атомности и эквивалентности, допускаетъ такъ много исключеній, что едвали даже можетъ считаться общимъ правиломъ. Оказалось, что вообще установлять атомность элемента, опредѣлять количество сродствъ, которыми онъ обладаетъ, не-только невозможно, но, вѣроятно, и совершенно ошибочно. Кромѣ опредѣленныхъ химическихъ соединеній, по закону *Дальтона*, существуетъ, вопреки этому закону, рядъ другихъ химическихъ явленій, именно соединенія тѣлъ въ неопредѣ-

ленныхъ отношеніяхъ, измѣненіе атомности, измѣненіе въ величинѣ атомнаго вѣса, періодическая повторяемость и качественныхъ, и количественныхъ признаковъ, согласная съ постояннымъ возрастаніемъ атомнаго вѣса. Этотъ выводъ, при знакомствѣ съ химіею, невольно склоняетъ къ предположенію, *что атомы простыхъ тѣлъ суть сложныя существа, образованныя сложеніемъ нѣкоторыхъ еще меньшихъ частей (ультиматовъ),—что называемое нами недѣлимымъ (атомъ) недѣлимо только обычными химическими силами*, какъ молекулы недѣлимы, въ обычныхъ условіяхъ, физическими силами. Эта періодическая повторяемость свойствъ можетъ быть объясняема только въ-смыслѣ динамическаго представленія. Приходится допустить въ водѣ и другихъ насыщенныхъ соединеніяхъ свободныя сродства; а это значитъ разрушить всѣ представленія объ атомности. И дѣйствительно, число сродствъ элемента можетъ сильно мѣняться; измѣнчивость же числа сродствъ показываетъ, что это число не составляетъ кореннаго свойства атомовъ. Вообще понятіе объ атомности шатко и неопредѣленно; атомность можетъ мѣняться въ извѣстныхъ предѣлахъ, или даже безпредѣльно. Отсюда слѣдуетъ, что хотя атомность атомовъ вообще принято предполагать неизмѣнною, такъ-какъ предполагается, что въ матеріи, доведенной до неизмѣнной простоты элемента, должно допускать только прочныя, постоянныя свойства, — однакожъ химическій опытъ вынуждаетъ признать измѣнчивость не-только молекулъ, но и атомовъ: химическія наблюденія до сихъ поръ не открыли въ нихъ ни одного кореннаго, неизмѣннаго свойства. Наблюденіе надъ химическими процессами ведетъ даже къ признанію того, что химическія явленія сопровождаются полнымъ измѣненіемъ природы тѣлъ, такъ-что трудно рѣшить даже, существуетъ ли граница для разнородныхъ химическихъ превращеній, или онѣ безграничны. Химикъ видитъ, на каждомъ шагу, что не всѣ возможныя превращенія совершаются по закону вѣчности силъ и матеріи. Во всѣхъ случаяхъ химическаго соединенія, составныя части никогда не входятъ со всѣми своими свойствами; напротивъ того, составная часть теряетъ часть своего существованія, перестаетъ быть тѣмъ, чѣмъ была. Поэтому догадываются, что простыя тѣла суть только изомерныя видоизмѣненія другъ друга. По извѣстной гипотезѣ *Прута*, всѣ элементы, при всемъ своемъ матеріальномъ различіи, образованы одною матеріею, различнымъ образомъ сгущенною или сгруппированною въ постоянныя, неразрушающіяся въ нашихъ условіяхъ,

группы, которыя мы называемъ атомами простыхъ тѣлъ; — существуетъ какая-то матерія, изъ которой составлены водородъ и всѣ простыя тѣла; всѣ простыя тѣла сложны. Эту гипотезу нельзя, положимъ, подтвердить, но нельзя и отвергнуть, по недостатку данныхъ. Впрочемъ, и обратное заключеніе о коренной разнородности простыхъ тѣлъ нѣтъ возможности чѣмъ-либо подтвердить. Вообще же, по самоновѣйшему приговору химіи, атомическая гипотеза не-только не доказана, но даже опровергнута, какъ ложная въ самомъ существѣ своемъ. Если же она и до сихъ поръ еще принимается въ химіи, то только какъ пріемъ для легчайшаго рѣшенія химическихъ задачъ, подобный пріему, по которому математикъ разбиваетъ сплошную кривую линію на множество прямыхъ, для легчайшаго рѣшенія задачъ математическихъ.

Съ философской точки зрѣнія, бытіе атомовъ оказывается столькоже невѣроятнымъ, какъ и съ естествознательной. Гипотеза *Ньютона*, заключающая отъ недѣлимости частицъ, атомовъ, къ тому, что они образуютъ, во всѣ времена, тѣла одинаковаго свойства, и обратно,— отъ того, что природа вещей, зависящая отъ атомовъ, не измѣняется, заключающая къ тому, что, значитъ, атомы не раздробляются,—эта гипотеза оказывается несостоятельною, такъ-какъ свойства и строеніе вещей, на пространствѣ вѣковъ, измѣнялись и многократно, и глубоко. Утвержденіе *физика Біо*, что на земномъ шарѣ частицы не распадаются, не измѣняются, не превращаются другъ въ друга, невѣрно по тому, что, по увѣренію новѣйшей химіи, природа даже простаго тѣла можетъ измѣняться, безъ измѣненія его состава; видоизмѣненіе внутри молекулъ не сомнѣнно. Химія невольно приходитъ къ заключенію, что даже атомы простыхъ тѣлъ суть сложныя существа, и вынуждается, позади атомовъ, искать еще какихъ-то ультиматовъ; свойства же атомовъ несомнѣнно измѣнчивы. По мнѣнію философа *Ульрици*, атомы не могутъ ни оказывать какое-либо дѣйствіе ни претерпѣвать какое-либо вліяніе такъ, что-бы не измѣниться. Теорія *Ньютона*, по которой атомы, не соприкасаясь другъ съ другомъ, дѣйствуютъ другъ на друга посредствомъ силы притяженія и отталкиванія, измѣняющейся пропорціонально квадратамъ разстоянія, ничего не объясняетъ по тому, что притяженіе и отталкиваніе, въ данномъ пунктѣ, въ данный моментъ, должны бы уравновѣситься, и масса матеріи потеряла бы способность какъ расширяться, такъ и сжиматься, вслѣдствіе чего и осталась бы въ неподвижномъ покоѣ. Нимало не

поддерживаетъ атомической теоріи и придуманный *Ньютономъ* эѳиръ, потому-что хотя и вѣрно, что тѣла не могутъ дѣйствовать одно на другое чрезъ пустоту,-природа дѣйствительно не терпитъ абсолютной пустоты,—однакожъ новѣйшая химія, физика и астрономія доказываютъ, что вездѣ въ небесномъ пространствѣ распространенъ просто воздухъ, по крайней мѣрѣ, распространена какая-то разрѣженная матерія, — что для возможности прямолинейнаго распространенія свѣта и теплоты, даже для передачи тяготѣнія между небесными тѣлами, должно существовать вѣсомое вещество. Если же и допустимъ существованіе эѳира, то все-же необходимо мыслить его состоящимъ изъ атомовъ, безконечно-малыхъ, правда, въ-сравненіи съ атомами обыкновенной матеріи, но все-таки атомовъ. По *Грове, Вирхову, Ульрици, Г. Спенсеру, Бюхнеру, Фридриху Мору*, атомистическая теорія есть предположеніе, опирающееся не на опытныя, а на метафизическія основанія. По словамъ *Ульрици*, того, какимъ образомъ дѣлимость вещества образуется въ послѣдней инстанціи, не могутъ рѣшить ни физика, ни химія и обращаются, въ этомъ случаѣ, къ философіи. Между-тѣмъ, по *Страхову, В. Томсону, Г. Спенсеру, Ульрици*, опираясь на метафизическія основанія, атомистическая теорія противорѣчитъ другимъ основоположеніямъ нашего ума. Понятія: матерія и атомъ совершенно противоположны, такъ-что одно всегда служитъ отрицаніемъ другаго, такъ-какъ, по атомистической теоріи, осязаемое въ природѣ состоитъ изъ неосязаемаго, само въ себѣ есть нѣчто не осязаемое,—воспринимаемое—нѣчто въ себѣ не воспринимаемое,—являющееся—нѣчто не являющееся,—дѣлимое—нѣчто въ себѣ не дѣлимое,—чувственное—существенно нечувственное или сверхъчувственное. Теорія *Либиха*, который, не отвергая безконечной дѣлимости вещества, считаетъ атомъ группою гораздо меньшихъ частицъ, соединенныхъ какими—то силами, болѣе крѣпкими, чѣмъ всѣ силы, какія на земномъ шарѣ можно бы употребить для ихъ раздѣленія, — эта теорія не можетъ быть допущена по тому, что, по *Спенсеру*, невозможно вообразить стороны атома столь близкими между собою, чтобы нельзя было представить между ними плоскости дѣленія. Физическій атомъ *Либиха* есть тоже, что химическій атомъ *С. В. Томсона*,—атомъ, который самъ по себѣ есть уже сложный міръ, неспособный занимать пространство съ безконечною твердостью и силою, невѣроятною ни въ какомъ конечномъ тѣлѣ. *Фехнеръ* думаетъ, что атомы суть простыя бытія, не имѣющія протяженія, од-

накожъ занимающія мѣсто, отъ чего, вслѣдствіе существующаго между ними разстоянія, состоящія изъ нихъ системы имѣютъ протяженіе. Но по *Ульрици*, непротяженное, т. е. отрицаніе, нуль протяженности, которое, однакожъ, было бы въ протяженности, было бы очевиднымъ противорѣчіемъ. Если же, по *Фехнеру*, атомы наполняютъ пространство не сами собою, какъ простыя бытія, но движеніемъ своимъ, то *Ульрици* возражаетъ, что движеніе атомовъ, какъ простыхъ точекъ, не можетъ, ни подъ какимъ видомъ, наполнять пространство, такъ-какъ намѣчаемыя ими линіи не суть что-либо реальное. По мнѣнію *Босковича*, конечными элементами матеріи будутъ недѣлимые и непротяженные пункты, одаренные притяженіемъ и отталкиваніемъ; но, по *Д. С. Миллю и Г. Спенсеру*, эта теорія и не мыслима, и ведетъ къ сомнѣнію въ существованіи. *Ульрици* стоитъ за недѣлимость атомовъ въ нѣкоторомъ особенномъ смыслѣ: онъ полагаетъ, что атомы, какъ простыя количества, дѣлимы до безконечности, но качественность ихъ дѣлаетъ невозможною эту, только повидимому возможную дѣлимость до безконечности. Да даже, какъ чистыя протяженности, атомы не могутъ быть дѣлимы безъ конца. Иначе сказать,—если уже существуетъ протяженное, то должно принять и продолженіе существованія его до безконечности, такъ-какъ, при продолженіи дѣленія въ безконечность, никогда не могутъ уничтожиться всякія части протяженнаго, всякая протяженность. Собственная же теорія *Ульрици*, по которой недѣлимый атомъ можно понимать единственно только какъ центръ многихъ силъ, концентрируемыхъ единою субстанціальною силою,—центръ, окруженный периферіею дѣйствій, способный однѣ силы терять, другія пріобрѣтать и вообще измѣняться и даже усовершаться,—эта теорія, переходя въ монадологію *Лейбница*, заходитъ уже за предѣлы всякой позитивной дедукціи, въ область фантазіи. Согласно съ г. Спенсеромъ, и *Д. С. Милль* допускаетъ возможность увеличивать, посредствомъ дѣйствительныхъ или воображаемыхъ инструментовъ, минимумъ видимости безъ конца,—допускаетъ даже безконечную дѣлимость всякой конкретной реальности, всякой протяженности пространства, или продолженія времени. Теорія *С. В. Гамильтона* и самаго *Д. С. Милля* о различіи первичныхъ качествъ вещества отъ вторичныхъ и существенно-отличномъ отношеніи первыхъ къ нашему чувству отъ вторыхъ не выдерживаетъ критики, повѣрки теоріи физическими, физіологическими и психологическими фактами. Физика и химія низводятъ до

несуществованія въ основѣ вещества не-только такъ-называемыя вторичныя, но и самыя первичныя качества вещества, какова, напр., непроницаемость. «Всѣ явленія природы»,— читаемъ въ популярныхъ лекціяхъ *Джона Тиндаля*,—«имѣютъ единственною причиною взаимодѣйствіе между центрами силъ или *динамическихъ атомовъ*; требованіе, чтобы сущностью матеріи были абсолютное протяженіе и абсолютная непроницаемость, не подтверждается ни разсужденіемъ, ни фактами, и даже противорѣчитъ фактамъ». По словамъ *С. В. Томсона*, мы не должны смотрѣть на атомъ, какъ на мистическій пунктъ, одаренный инерціей и свойствомъ притягивать и отталкивать другіе подобные центры, одаренный способностью занимать пространство съ безконечною твердостью и силою, невѣроятною ни въ какомъ конечномъ тѣлѣ. По *Вундту и Карпентеру*, самое первичное свойство матеріи, *непроницаемость*, мы узнаемъ только чрезъ умозаключеніе, чрезъ совмѣстное посредничество чувства осязанія, мышечной силы и внутренняго ощущенія усилія, какое мы дѣлаемъ для того, чтобы вмѣстить нашу руку въ данное тѣло. Если, по словамъ *Карпентера*, физики и физіологи согласны между собою, что *цвѣтъ* не существуетъ, какъ цвѣтъ, въ самомъ предметѣ,—то *Вундтъ* говоритъ, что еще неизвѣстно, имѣетъ ли тѣло на самомъ дѣлѣ *протяженность*, причина которой несомнѣнно скрывается въ воззрѣніи.

По всѣмъ этимъ соображеніямъ, бытіе атомовъ не рѣшаются признать не-только противники атомизма, въ-родѣ *С. В. Томсона*, который признаетъ свойство сложности неотъемлемо принадлежащимъ самому понятію—*атомъ*,—но и *Д. С. Миллъ*, который, хотя и считаетъ «достаточнымъ для указанія истинной сущности предметовъ замѣтить, что съ развитіемъ естественныхъ наукъ сущность предметовъ, именно тѣлъ, *стала пониматься* тождественною съ ихъ частичнымъ строеніемъ», однакожъ бытіе или небытіе атомовъ онъ относитъ къ области непознаваемаго. Психологъ *Вундтъ* провозглашаетъ «и тѣлесный атомъ, и частицу эѳира, послѣднимъ, самыми частными представленіями», обязанными своимъ бытіемъ «научной абстракціи, которая провела границу для ума, остановившись на послѣднихъ центрахъ силъ, абстрагированныхъ отъ явленій». Равнымъ образомъ, и у новѣйшаго атомиста, *Ульрици*, физическій атомъ превратился въ психическую монаду *Лейбница*,—и самъ *Вирховъ*, который надѣется, что человѣческое сознаніе, болѣе и болѣе просвѣщаясь, когда-либо подчинитъ себѣ атомъ, сознается, что «понятіе объ атомѣ,

какъ о послѣдней мыслимой части, не выведено изъ непосредственнаго опыта: атомъ есть единица только мысленная, противоположность индивиду, единицѣ дѣйствительной». Вообще же положеніе, что человѣкъ никогда не подчинитъ себѣ атома, не схватитъ его рукою, не усмотритъ глазомъ, не осуществитъ для себя умомъ, несомнѣнно столько-же, сколько непреложны математическія аксіомы, что всякая данная величина можетъ дѣлиться до безконечности, а раздѣленная на безконечность $\left(\frac{1}{\infty}=0\right)$ равняется нулю.

ГЛАВА XXXVII.

Далѣе остается сдѣлать одинъ только шагъ въ томъ-же направленіи, — только одинъ, по тому, что далѣе идти будетъ уже некуда именно, разъяснить, что и *матерія, съ разсудочно-аналитической точки зрѣнія, не существуетъ*, не существуетъ именно какъ *суррогатъ внѣшне — чувственныхъ впечатлѣній*, потому-что *ни одно внѣшне-чувственное свойство матеріи, не-только вторичное, но и первичное, не имѣетъ реальнаго бытія въ объектѣ*. Этотъ выводъ, уже болѣе, чѣмъ ясно, вытекаетъ изъ всего предыдущаго изслѣдованія. Тѣмъ не менѣе нѣсколько подробное разсмотрѣніе постановки его въ изслѣдованіяхъ самоновѣйшихъ научныхъ авторитетовъ прольетъ еще болѣе свѣта на преслѣдуемый нами выводъ относительно *фальшивости познавательнаго критерія истины, полагаемаго исключительно въ свидѣтельствѣ внѣшняго чувства.*

Разсмотрѣнію нашему теперь предлежитъ вопросъ: *какими чувственными признаками опредѣляется принадлежность предмета къ числу матеріальныхъ вещей?*

Обратимся сначала къ воззрѣнію на этотъ предметъ *Д. С. Милля*. «При нашемъ настоящемъ устройствѣ», — пишетъ онъ [1]), — «наши ощущенія обоянія, вкуса слуха и зрѣнія, сгруппированы вмѣстѣ не непосредственно, но чрезъ связь, которую онѣ всѣ имѣютъ, по законамъ сосуществованія или причинной связи, съ ощущеніями, относимыми къ чувству осязанія и къ чувству мускульному, — съ тѣми именно ощущеніями, которыя отвѣчаютъ терминамъ: сопротивленіе, протяженіе и фигура (первичнымъ качествамъ вещества). Поэтому, эти послѣднія ощущенія становятся руководящими и выдающимися элементами во всѣхъ группахъ. *Тамъ, гдѣ*

[1]) *Д. С. Милль*, Обзоръ философіи *С. В. Гамильтона*. Перев. *Хмѣльницкаго*. С.-Петербургъ, 1869 года.

есть эти ощущенія, тамъ есть и группа (вещественный предметъ). Постоянныя возможности ощущеній осязанія и мускульнаго чувства, образуютъ нѣкоторую группу внутри группы,—родъ внутренняго зерна, или сердцевины, представляющейся чѣмъ-то болѣе фундаментальнымъ, чѣмъ остальное, отъ чего какъ-бы зависятъ всѣ другія ощущенія, входящія въ группу. Эти-же послѣднія разсматриваются, съ одной точки зрѣнія, какъ дѣйствія, которыхъ то зерно есть причина, а съ другой, какъ аттрибуты, которыхъ оно есть субстратъ или субстанція. Такимъ образомъ, наше понятіе вещества, въ концѣ концовъ, является состоящимъ *изъ сопротивленія, протяженія и фигуры*, вмѣстѣ съ разными силами возбужденія другихъ ощущеній. *Эти три аттрибута становятся его существенными ингредіентами,—и тамъ, гдѣ ихъ не находится, мы колеблемся придать названіе вещества».—Д. С. Миллю* очень хорошо извѣстно, что нѣкоторымъ, безспорно вещественнымъ, предметамъ, каковы многіе газы, трудно приписать фигуру,—а съ другими чувственными явленіями, наприм., съ ощущеніями свѣта, тепла, электричества, трудно связать качества не-только фигуры, но и протяженія, да даже и сопротивленія. Какъ-же тутъ быть? Должно ли относить эти ощущенія и соотвѣтствующіе имъ предметы къ числу предметовъ именно вещественныхъ? Выдти изъ этого затрудненія *Д. С. Миллъ* думаетъ слѣдующимъ умствованіемъ: «изъ упомянутыхъ свойствъ [1]), сопротивленія, протяженія и фигуры, которыя оказываются первичными качествами вещества, *самое фундаментальное есть сопротивленіе*, какъ это утверждено многочисленными научными спорами. Когда возникаетъ вопросъ: есть ли то нѣчто, что вліяетъ на наши чувства нѣкоторымъ особымъ путемъ, какъ, наприм., теплота, или свѣтъ, или электричество, вещество или нѣтъ,—то при этомъ, кажется, всегда подразумѣвается, *не представляетъ-ли это нѣчто хотя бы самое незначительное сопротивленіе движенію?* Это сопротивленіе, которое есть только другое названіе *ощущенія нашей мускулярной структуры*, сопряженнаго съ ощущеніемъ осязанія, указывается многими философами и едвали можетъ подлежать какому-либо дальнѣйшему сомнѣнію. *Чувство сопротивленія или задержаннаго мышечнаго движенія есть фундаментальный элементъ въ понятіи вещества.* Но, одновременно съ чувствованіемъ сопротивленія, мы имѣемъ также чувствованія *осязанія*, порожденныя пассивнымъ *соприкосновеніемъ* съ тѣлами, безъ мышечнаго дѣйствія. Всякій разъ, какъ мы чувствуемъ сопротивленіе, мы чувствовали сначала прикосновеніе; всякій разъ, какъ мы чувствуемъ прикосновеніе, мы знаемъ, что если станемъ проявлять мышечное дѣйствіе, то почувствуемъ большее или меньшее сопротивленіе; а такъ-какъ и всѣ наши другія ощущенія связаны на самомъ дѣлѣ съ постоянными возможностями сопротивленія,—то *наша идея вещества, какъ нѣкоторой сопротивляющейся причины смѣшанныхъ ощущеній, теперь уже составлена.* Ощущенія осязанія стали *представителями* ощущеній сопротивленія, съ которыми они обыкновенно сосуществуютъ». *Д. С. Миллю* здѣсь представлялись слѣдующія возраженія: пусть теплота можетъ быть въ извѣстномъ смыслѣ и осязаема и можетъ оказывать особаго рода сопротивленіе,—пусть и электричество можетъ производить извѣстнаго рода сопротивленіе; но вопросъ въ томъ: можетъ ли быть электричество осязаемо,

[1]) Стр. 206—207.

а, свѣтъ можетъ ли не-только дѣйствовать на осязаніе, но и производить сопротивленіе какого-либо рода? Это затрудненіе *Д. С. Милль* думаетъ разрѣшить только слѣдующимъ двусмысленнымъ замѣчаніемъ: «ощущенія осязанія стали представителями ощущеній сопротивленія, точно такъ, какъ, по указаніямъ философовъ, *ощущенія различныхъ цвѣтовыхъ тѣней*, доставляемыя нашимъ чувствомъ зрѣнія, и *мышечныя ощущенія*, сопровождающія движенія глаза, *становятся представителями ощущеній осязанія и передвиженія мышцъ*, въ которыхъ заключается [1]) единственное реальное значеніе того, что мы называемъ разстояніемъ какого-либо тѣла отъ насъ». Возраженіе, очевидно, не разъяснено; даже не то, что не разъяснено, а нарочно затемнено. *Д. С. Милль* какъ-будто хочетъ сказать, что осязаніе, мышечное ощущеніе и зрѣніе не-только родственны, но и тождественны. Однакожъ, если въ этотъ предметъ углубиться, съ точки зрѣнія физіологической и особенно психологической,—то это еще вопросъ: тождественны ли между собою мышечное ощущеніе задержаннаго движенія, сопротивленіе и осязательное ощущеніе прикосновенія (наприм., луча лучистой теплоты) съ зрительнымъ ощущеніемъ свѣта и цвѣтовъ? Въ психологическомъ смыслѣ, эти три ощущенія совершенно различны, и различны не въ степени только, а въ родѣ и качествѣ. Кромѣ того, считая сопротивленіе фундаментальнымъ признакомъ вещественности, *Д. С. Милль* провозглашаетъ качество сопротивленія тождественнымъ съ непроницаемостью. «Дѣлается»,—пишетъ онъ [2]),—«нѣкоторое различеніе между двумя видами сопротивленія, или скорѣе,—между двумя смыслами этого слова: однимъ тѣмъ, который есть нѣкоторое ощущеніе нашей мышечной ткани, и другимъ—свойствомъ вещества, которое называется *непроницаемостью, по которому вещество хотя и способно быть сжатымъ въ нѣкоторое меньшее прежде занимаемаго имъ пространство, но отказывается утратить все свое протяженіе и быть совсѣмъ вытѣсненнымъ изъ пространства.* Но оба эти вида»,—утверждаетъ *Д. С. Милль*,—«суть не болѣе какъ только два способа разсматриванія и называнія одного и того-же состоянія сознанія,—потому-что если-бы тѣло могло быть вполнѣ вытѣсненнымъ изъ пространства, то единственнымъ путемъ, по которому мы открыли бы, чтотѣло исчезло, было бы внезапное прекращеніе всякаго ощущенія сопротивленія. Всегда только мышечное ощущеніе установляетъ присутствіе, а отрицаніе его—отсутствіе тѣла въ какой-либо данной части пространства». Къ той-же серіи ощущеній *Д. С. Милль* относитъ и частичность тѣлъ [3]), въ которой, по словамъ его, современная наука указываетъ послѣднюю *сущность вещей*. Итакъ, по *Миллю*, выходитъ, что ощущенія частичности и непроницаемости тѣлъ тождественны съ мышечнымъ ощущеніемъ сопротивленія, а это послѣднее, ощущеніе сопротивленія, родственно до тождественности, даже тождественно не-только съ осязательнымъ ощущеніемъ прикосновенія, но и съ зрительнымъ ощущеніемъ свѣта и цвѣтовъ. Такимъ образомъ, оказывается, что увлеченіе теоріею заставляетъ *Д. С. Милля* утверждать очевидныя несообразности. Тождественны ли эти ощущенія въ субъективномъ, психологическомъ смыслѣ? Мы уже сказали и повторяемъ, что въ психологическомъ, субъективномъ смыслѣ, эти ощущенія разнородны не въ степени только, а въ ка-

[1]) 209. [2]) 209. [3]) 216.

чествѣ. Но, быть можетъ, они тождественны въ смыслѣ объективномъ? — Нѣтъ здѣсь разнородность ихъ выглядываетъ еще рѣзче. Все частичное, безусловно, или, при извѣстныхъ условіяхъ, способно производить ощущенія непроницаемости, сопротивленія, прикосновенія, напряженности электричества, температуры и свѣта; но далеко нельзя также смѣло утверждать на-оборотъ,—что все, что свѣтитъ, грѣетъ и электризуетъ, то способно производить ощущенія не-только прикосновенія, но и сопротивленія, то, наконецъ, непремѣнно и частично. Можно ли смѣло утверждать, что электричество частично, что тепло частично и непроницаемо («способно быть сжатымъ въ меньшее прежде занимаемаго имъ пространство, но отказывается утратить все свое протяженіе»),—что свѣтъ способенъ производить осязательное ощущеніе прикосновенія, непроницаемъ и частиченъ? Нетождественность зрительныхъ свѣтовыхъ ощущеній съ ощущеніями прикосновенія, сопротивленія, непроницаемости и частичности слишкомъ хорошо извѣстна самому *Д. С. Миллю*. «Относительно цвѣтовъ»,—пишетъ онъ въ Логикѣ [1]),—«есть сильныя положительныя указанія, что *они не первоначальныя свойства веществъ различнаго рода и зависятъ отъ условій, въ которыя можно поставить всѣ вещества*; нѣтъ вещества, которое брошеннымъ на него, тѣмъ или другимъ, родомъ свѣта, нельзя было бы заставить принять произвольный цвѣтъ. Почти каждое измѣненіе въ образѣ соединенія частицъ тогоже самаго вещества сопровождается измѣненіями въ его цвѣтѣ и вообще въ его оптическихъ свойствахъ».—Итакъ, цвѣта не первоначальное свойство веществъ, тогда-какъ, наоборотъ, сопротивленіе и непроницаемость, по *Миллю*, суть первоначальныя свойства веществъ. Отсюда слѣдовало бы вывести двойное заключеніе: или свѣтовыя ощущенія не тождественны съ мышечно-осязательными ощущеніями прикосновенія, сопротивленія, непроницаемости и частичности,—или частичность, непроницаемость и сопротивленіе точно также не суть первоначальныя свойства вещества, какъ и цвѣта.

Вслѣдствіе такихъ-то qui pro quo, неизбѣжныхъ въ самой крайней глубинѣ нашего сознанія, и ведутся нескончаемыя пререканія въ наукѣ какъ о характерныхъ признакахъ вещества, такъ и о томъ, можно ли назвать свѣтъ, теплоту и электричество веществами? Пререканія эти, конечно, весьма извѣстны *Д. С. Миллю*. — «*Уэвель* утверждаетъ», — пишетъ *Д. С. Милль* въ своей Логикѣ [2]),— «противъ *В. Гамильтона*, что *всякая матерія обладаетъ вѣсомъ*. Доказывая противное, *Гамильтонъ* привелъ *свѣтоносный эѳиръ и теплородную и электрическую жидкости*, которыя, говоритъ онъ, мы *не можемъ ни лишить характера вещества, ни облечь свойствомъ тяжести*. На это, продолжаетъ *Уэвель*, я отвѣчаю, что, именно *вслѣдствіе невозможности облечь этихъ дѣятелей свойствомъ тяжести, я и лишаю ихъ характера вещества: они не вещества, а дѣятели; названіе означенныхъ невѣсомыхъ дѣятелей невѣсомыми жидкостями несоотвѣтственно*». Такъ думаетъ *Уэвель*; но какъ-же думаетъ самъ *Д. С. Миллъ*? Самъ онъ полагаетъ, что эти дѣятели не иное что, какъ вещества. — «Но если», — продолжаетъ онъ тамъ-же, — «*свѣтоносный эѳиръ—не вещество, и притомъ — не вещество жидкое*, то какъ понимать его волнообразное движеніе? Можетъ ли существовать *попеременное поступательное, возвратное*

[1]) 11, 8. [2]) 11, 25.

движеніе частицъ дѣятеля? И не признаетъ ли ихъ вещественными вся математическая теорія волнообразнаго движенія? Не есть ли она рядъ выводовъ изъ извѣстныхъ свойствъ упругихъ жидкостей? Всякій долженъ допустить предположеніе, что передача свѣта слѣдуетъ законамъ, представляющимъ поразительное и замѣчательное согласіе съ законами волнообразныхъ движеній».— Казалось бы, конечно, какъ и самъ *Милль допускаетъ и полагаетъ, что и всякій долженъ допустить* предположеніе, что «передача свѣта слѣдуетъ законамъ, представляющимъ поразительное и замѣчательное согласіе съ законами волнообразныхъ движеній«, — что «свѣтоносный эѳиръ есть не иное что, какъ вещество и именно жидкое вещество»,—что между «частицами его существуетъ попеременное поступательное и возвратное движеніе», — что «вещественными признаетъ ихъ вся математическая теорія волнообразнаго движенія»,—теорія именно математическая, слѣд., наиболѣе непреложная, аксіоматическая? Слѣдовательно, нечего и думать спорить противъ того, что эѳиръ существуетъ, что свѣтъ есть вещество:—это непреложная истина? Ничего не бывало: это *ошибка*, не болѣе,— *ошибка*, по словамъ самаго *Д. С. Милля!* Въ той-же Логикѣ, нѣсколько выше [1]), самъ-же онъ пишетъ: «*дѣйствительная ошибка* прежнихъ попытокъ объяснить цвѣта *колебаніями жидкости* состоитъ не въ томъ, чтобы сама попытка противорѣчила философіи, но въ томъ, *что существованіе жидкости и фактъ ея колебательнаго движенія не доказаны, а предположены единственно на-основаніи легкости*, съ которою, какъ *думаютъ*» (другіе думаютъ, а не самъ—*Милль*), «объясняются ими явленія». Итакъ, оказывается, по словамъ самого-же *Милля*, что математика тутъ, — въ подтвержденіи волнообразныхъ движеній свѣтовой жидкости, — ни при чемъ; это только легкое предположеніе. Оказывается, что существованіе свѣтовой жидкости и фактъ ея колебальнаго движенія не доказаны; оказывается, что попытка объяснять свѣтовыя явленія колебаніями свѣтовой жидкости есть *ошибка!* Свѣтъ вовсе не жидкость! И такъ суемудрствуетъ пресловутый учитель всей Европы и всего цивилизованнаго свѣта! Даже больше того: существованіе свѣтоноснаго эѳира есть суетный плодъ не ошибки только, а предразсудка, или даже природной слабости ума человѣческаго; на самомъ же дѣлѣ этого эѳира вовсе нѣтъ. «*Естественный предразсудокъ и природная слабость ума человѣческаго не позволили Ньютону* допустить возможность его закона тяготѣнія, *не предположивъ какого-то эѳира, наполняющаго промежуточныя пространства и служащаго проводникомъ притягательной силы*».—Это пишетъ опять онъ-же самъ, *Д. С. Милль*, въ сочиненіи своемъ: *Огюстъ Контъ и позитивизмъ* [2]). Да и въ Логикѣ [3]) онъ-же пишетъ: «*ложное* предположеніе, что вещь не можетъ дѣйствовать тамъ, гдѣ ея нѣтъ, обмануло самаго *Ньютона, который выдумалъ тонкій эѳиръ*, наполняющій пространство между солнцемъ и землею». Итакъ, эѳиръ вовсе не существуетъ?! Нельзя не почувствовать, что подобное философствованіе граничитъ уже съ философскою манерою въ-родѣ древней греческой софистики. Одно дѣло отвергать серьезность изслѣдованія по вопросу: «вѣрна ли гипотеза объ эѳирѣ, электритеской жидкости и т. п., какъ веществѣ» [4]),—а дру-

---

[1]) 11, 8. [2]) 11, 309 — 310. [3]) Перев. *Неклюдова* и *Тиблена*, С.-П-б.. 1867, стр. 21. [4]) Логика 11, 24.

гое дѣло—въ одномъ мѣстѣ утверждать, что эѳиръ существуетъ и существуетъ именно какъ вещество [1]), а въ другомъ смѣяться надъ великими мыслителями, которые выдумали какой-то эѳиръ, изъ предразсудка, что вещь не можетъ дѣйствовать тамъ, гдѣ ея нѣтъ, по природной слабости ума (Ньютонова ума!).

Пойдемъ же къ другимъ учителямъ, и прежде всего, къ *Вундту*, послушать его, какъ онъ учитъ объ этомъ-же предметѣ. Трудно сказать, согласенъ, или не согласенъ *Вундтъ* съ *Д. С. Миллемъ* въ сужденіяхъ по этому предмету,—*какимъ критеріемъ матеріальности онъ руководствуется,—считаетъ ли веществомъ такъ-называемый эѳиръ, или нѣтъ*. Ясно только то, что философы позитивисты какъ-будто сговорились писать объ этомъ предметѣ съ явнымъ намѣреніемъ, чтобъ ихъ заподозрили въ нездоровомъ состояніи ихъ умственныхъ способностей. И, выражаясь такъ, мы взвѣсили свои тяжелыя выраженія, на которыя уполномочиваемся вѣсскими фактами. Замѣтимъ, прежде всего, что *Вундтъ* признаетъ свѣтъ, теплоту и электричество тождественными, истекающими изъ одного корня,—эѳира. «Въ ощущеніи», — пишетъ онъ [2]),—«мы никогда не замѣтимъ тождества теплоты и свѣта, хотя оба эти процесса въ-сущности — одно и тоже. Свѣтъ и теплота различны для нашихъ чувствъ, а, сами по себѣ, одно и тоже. Свѣтъ и теплота тождественны для насъ по тому, что и въ томъ, и въ другомъ, мы видимъ нѣчто третье, *движеніе эѳира*. Физикъ, желая изслѣдовать природу свѣта и теплоты, уже не держится ощущенія, а прямо беретъ это третье, т. е. *движеніе эѳира*». Подобнымъ-же образомъ и электричество, по словамъ *Вундта*, происходитъ изъ того-же корня,—изъ эѳира.—«Различія внѣшняго раздраженія нашего чувства», — пишетъ онъ [3]), — «зависятъ отъ значительной разницы въ скорости движенія. Когда быстрота колебаній достигаетъ высокой степени, то *вещественные атомы*, по своей инерціи, не могутъ слѣдовать движенію, а движется *только та тонкая матерія*, которая наполняетъ всѣ тѣла и занимаетъ неизмѣримое пространство цѣлаго міра, т. е. *эѳиръ*». Отсюда слѣдуетъ заключить, что, по мысли *Вундта, эѳиръ есть матерія, однакожъ матерія тонкая, состоящая не изъ вещественныхъ атомовъ*. Что же бы это было такое—матерія не состоящая изъ вещественныхъ атомовъ? Послѣдуемъ, однакожъ, за нашимъ философомъ.—«Частицы воздуха и другихъ тѣлъ»,—продолжаетъ онъ,—«сквозь которыя проходятъ теплота и свѣтъ, остаются въ совершенномъ покоѣ,—и только *дрожащій эѳиръ, касаясь нашей кожи и глаза, производитъ ощущеніе теплоты и свѣта*. Въ высшей степени вѣроятно, что и *явленія электричества основаны на колебаніи того-же эѳира*, при чемъ измѣняется, можетъ быть, только скорость, а можетъ быть, и другія качества движенія,—что, при дѣйствіи раздраженій на чувствительные нервы, различныя формы внѣшняго движенія переходятъ въ одну и туже форму, — въ электричество». — Такъ что-же такое эѳиръ, изъ котораго происходятъ свѣтъ, теплота и электричество, — матерія, или не матерія? Здѣсь мы уже получили отвѣтъ *Вундта*, что эѳиръ есть *тонкая матерія, хотя и не состоящая изъ вещественныхъ атомовъ*. Туже, по видимому, мысль *Вундтъ* выражаетъ и слѣдующими словами: «изслѣдованія [1]) показали, что *эѳиръ есть матерія, которая не имѣетъ тяжести*, матерія невѣсомая, о существованіи которой

---

[1]) Также 25. [2]) 1, 284—285. [3]) 1, 218—219. [4]) 1, 19

мы должны заключить изъ явленій свѣта и теплоты. *Неосновательно говорить, что* всякая матерія имѣетъ тяжесть».—Такое понятіе объ эѳирѣ *Вундтъ* подтверждаетъ и слѣдующими словами [1]): «познана ложность теоріи *Ньютона*, по которой свѣтъ состоитъ *изъ вещества, заключающаго въ себѣ множество частицъ* различнаго цвѣта и *постоянно истекающаго изъ солнца*».— Итакъ, свѣтъ *не есть вещество, состоящее изъ частицъ*, истекающее изъ солнца? — Да. — «Французскій физикъ *Френель* прямо опровергнулъ эту теорію посредствомъ опыта. Онъ показалъ, что когда свѣтъ встрѣчается съ свѣтомъ, то при этомъ степень свѣта не всегда усиливается, какъ нужно было бы ожидать, *еслибы свѣтъ былъ вещество*,—а можетъ точно также ослабиться, какъ и усилиться». Значитъ, *свѣтъ не есть вещество*, хотя выше и сказано, что *эѳиръ есть тонкая матерія, хотя и не состоящая изъ вещественныхъ атомовъ и не имѣющая тяжести*?—Да.—«Эти наблюденія»,—продолжаетъ *Вундтъ* [2]), — «надъ встрѣчею (интерференціей) нѣсколькихъ лучей свѣта *неопровержимо доказываютъ*, что *свѣтъ совсѣмъ не вещество, а движеніе*». Хорошо; замѣтимъ, что *свѣтъ совсѣмъ не вещество*, хотя выше и сказано, что *эѳиръ есть тонкая матерія*. — «При стеченіи двухъ волнъ»,—продолжаетъ *Вундтъ*,—«онѣ увеличиваютъ другъ друга, когда сталкиваются своими выпуклостями, и уменьшаются, или совсѣмъ уничтожаются, встрѣчаясь впадинами. Изслѣдованіе показываетъ, что и *при стеченіи лучей свѣта бываютъ подобныя волны* съ выпуклостями и впадинами и что свѣтъ, встрѣчаясь съ другимъ свѣтомъ, въ одномъ случаѣ усиливается, а въ другомъ ослабляется. *Отсюда вывели, что свѣтъ есть движеніе, имѣющее сходство съ движеніемъ водяной волны*». Казалось бы, отсюда слѣдуетъ вывесть и то, что свѣтъ не-только движется, какъ волна, но и походитъ на волнующуюся жидкость,—*есть не движеніе только, а и вещество, движущееся вещество*? Да, отвѣчаетъ не кто другой, какъ самъ-же *Вундтъ*. «Волнообразныя колебанія»,—продолжаетъ онъ,—«и составляютъ то, что мы называемъ свѣтомъ, только *эта среда несравненно тоньше воды*; *это вещество*»... Итакъ, свѣтъ есть вещество, извѣстнымъ образомъ движущееся? Да:—«это вещество»,—продолжаетъ *Вундтъ*,—«масса котораго гораздо тоньше массы воздуха» (которое, однакожъ, составляетъ массу) «и которое проникаетъ потому во всѣ тѣла, не-только въ газообразныя, но и въ жидкія, и твердыя, и наполняетъ собою все пространство между небесными тѣлами. Раскаленная атмосфера солнца сообщаетъ *частицамъ эѳира* колебательное движеніе». Итакъ, эѳиръ оказался не только веществомъ, составляющимъ массу, но и *состоящимъ изъ вещественныхъ частицъ*?—Да. А выше дано понятіе, что *эѳиръ не состоитъ изъ вещественныхъ атомовъ*?—Да. Слѣдуетъ, что свѣтъ есть вещество, составляющее массу, состоящее изъ вещественныхъ частицъ, извѣстнымъ образомъ движущихся?—Да? Нѣтъ, — отвѣчаетъ тамъ-же *Вундтъ*: «такимъ образомъ *то*», — заключаетъ онъ [3]), — *что намъ кажется свѣтомъ, есть не вещество, проходящее въ нашъ глазъ сквозь безконечное пространство, а движеніе, дѣйствующее на глазъ, изъ безконечной дали*». Да позвольте: то ли вы хотите сказать, что свѣтъ есть движеніе вещества, или свѣтъ есть какое-то невещественное движеніе? Нѣтъ, именно первое: «свѣтъ, какъ и

---

[1]) 177. [2]) 178. [3]) 179.

теплота, есть движеніе эѳира» [1]), который есть несомнѣнно вещество,—а именно «такое-же движеніе, какъ и колебаніе частицъ воздуха, раздражающее концы слуховыхъ нервовъ, или химическое дѣйствіе веществъ, имѣющихъ запахъ и вкусъ»,—вообще движеніе вещественное. Слѣдуетъ ли разумѣть это далѣе такъ, что гдѣ-то вдали движется нѣчто, и это движеніе дѣйствуетъ на глазъ изъ безконечной дали, но не проходитъ въ нашъ глазъ сквозь безконечное пространство? Да. А если на столѣ горитъ свѣчка, горѣніе которой дѣйствуетъ на нашъ глазъ не изъ безконечной дали,—такъ это будетъ уже не свѣтъ? А выше было сказано, что тонкая масса эѳира проникаетъ *во всѣ тѣла*, не-только въ газообразныя, но и въ жидкія, и твердыя? Да. — Но только не проходитъ въ нашъ глазъ? — Да,—хотя ниже и говорится опять: «колебанія эѳира могутъ дѣйствовать *на нервную оболочку глаза*», которая находится внутри глаза; значитъ, эѳиръ *проходитъ внутрь глаза*. «Эѳиръ дѣйствуетъ *въ нашемъ глазѣ*»,— говоритъ опять самъ-же Вундтъ; или: «колебанія эѳира возбуждаютъ *въ нашемъ глазѣ* нервные процессы»; или: «ощущенія проводятся *въ нервахъ отъ чувственнаго органа къ мозгу* посредствомъ электричества» (эѳира); или прямо говорится: «*въ глазѣ колебаніе* эѳира образуетъ свѣтъ. Органы, воспринимающіе свѣтъ, т. е. палочки и шишки сѣтчатой оболочки» (внутри глаза) «прозрачны; *свѣтъ проходитъ чрезъ нихъ* почти также, какъ сквозь стекло» (выше сказано, что масса эѳира проникаетъ во всѣ тѣла, слѣд., также проникаетъ и въ глазъ, какъ и въ стекло). «Но *лучъ свѣта, проходя чрезъ стеклянную пластинку, приводитъ въ колебаніе* не самое вещество стекла, а *эѳиръ, наполняющій малѣйшіе промежутки между частицами стекла*. Подобное-же колебаніе эѳира *бываетъ и внутри прозрачныхъ палочекъ и шишекъ глазной сѣтки, во-время прохожденія сквозь нихъ свѣта*» [2]). Да и выше сказано рѣшительно: «теплота и свѣтъ проходятъ сквозь остающіяся въ покоѣ частицы воздуха и другихъ тѣлъ, и *дрожащій эѳиръ, касаясь нашей кожи и глаза, производитъ ощущеніе теплоты и свѣта*». — Такимъ образомъ, изъ словъ *Вундта* слѣдуетъ, что какъ электризуетъ, такъ и грѣетъ, и свѣтитъ одинъ и тотъ же эѳиръ, который есть тонкая матерія, однакожъ невѣсомая и не состоящаа изъ вещественныхъ атомовъ,—который въ свѣтѣ не есть вещество, состоящее изъ частицъ, истекающее изъ солнца, — который въ свѣтѣ совсѣмъ не есть вещество, а движеніе, — движеніе, однакожъ, вещественное, движеніе вещества, — движеніе, имѣющее сходство съ движеніемъ водяной волны,—который въ свѣтѣ есть волнообразно колеблющаяся среда, — среда несравненно болѣе тонкая, чѣмъ вода, — есть вещество опять, — вещество, составляющее массу,—вещество, которое проникаетъ всѣ тѣла и наполняетъ все пространство міра, — не есть вещество, проходящее въ нашъ глазъ, а движеніе, дѣйствующее на глазъ изъ безконечной дали; тогда-какъ въ горѣніи свѣчки оно дѣйствуетъ, однакожъ, вблизи, — тогда-какъ говорится опять-же, что колебаніе эѳира дѣйствуетъ на нервную оболочку (внутри) глаза,—свѣтъ проходитъ сквозь глазъ, эѳиръ наполняетъ малѣйшіе промежутки между частицами глаза, какъ и стекла,—дрожащій эѳиръ производитъ ощущеніе теплоты и свѣта, касаясь нашей кожи и глаза,—возбуждаетъ въ глазѣ нервные

---

[1]) 1, 74. [2]) 225.

процессы и проводитъ всѣ ощущенія въ нервахъ отъ чувственнаго органа къ мозгу, посредствомъ электричества. Что же онъ такое — этотъ эѳиръ, вещество, или не вещество? И то и другое, разумѣй какъ хочешь... Еще менѣе ясности, точности и вообще здраваго философскаго смысла обнаружилъ *Вундтъ* въ выясненіи *критерія матеріальности, въ установкѣ понятія матеріи.*—«*Тѣлесный атомъ и частица эѳира*»,—пишетъ онъ [1]),—«на которые физикъ смотритъ, какъ на крайніе результаты дѣленія матеріи, суть *послѣднія, самыя частныя, представленія*». Итакъ, что-же такое—тѣлесный атомъ и частица эѳира, — представленія, или реальности, или то и другое? — «Отъ тѣла доступнаго чувствамъ»,— продолжаетъ *Вундтъ*,—«представленіе перешло къ отдѣльнымъ частямъ, которыя также различаются чувствами; здѣсь уже не было границы аналитической дѣятельности представленія,—и только *научная абстракція* провела эту *границу, остановившись на послѣднихъ центрахъ силъ, абстрагированныхъ изъ явленій*». Итакъ, что-же такое эти центры силъ, тѣлесный атомъ и частица эѳира? Реальности, или научная абстракція? — Разъясняя «*развитіе основныхъ физическихъ понятій*», *Вундтъ* выражается о матеріальности, о матеріи, подобно Пиѳіи, слѣд. образомъ: «пока процессъ познанія [2]) не выработалъ *понятія о веществѣ*, гипотеза не можетъ представить себѣ *неопредѣленнаго вещества*, но должно выбирать *какое-либо изъ веществъ, предлагаемыхъ опытомъ. Чувственно неопредѣлимая матерія есть уже не гипотеза, а понятіе*, синтетически образовавшееся изъ всей суммы различныхъ матеріальныхъ предметовъ. Съ *чистою матеріею* естествознаніе пріобрѣло *новое понятіе*. Понятіе *движенія* и положеніе, что всѣ явленія состоятъ изъ движенія, *необходимо ведутъ къ атомистической гипотезѣ.* [3]) *Ближе всего къ принципу новѣйшей физики подошли атомисты, которыхъ взглядъ на природу вообще сроднѣе нашему*». Но какого-же взгляда на матеріальность и матерію держится самъ Вундтъ? Этотъ вопросъ остался у него вопросомъ.

Гораздо послѣдовательнѣе взглядъ философа *Ульрици*, у котораго эѳиръ есть вещество, состоящее изъ атомовъ и атомы эти отличаются отъ атомовъ тѣлесныхъ, но чѣмъ, неизвѣстно. По *Ульрици* [4]), «матерія есть *осязаемая масса* [5]), при *посредствѣ сопротивленія* инерціи доступная чувству *осязанія*, или *тѣлесность*, доступная *различнымъ* нашимъ *чувствамъ*, какъ общій субстратъ явленій природы. Матерія состоитъ изъ атомовъ, которые раздѣляются на вѣсомые и невѣсомые, тѣлесные и *эѳирные* атомы, которые, при соединеніи, образуютъ молекулы и, такимъ образомъ, служатъ послѣднею субстанціальною основою всякой данной массы, всякой тѣлесности. Новѣйшая физика относитъ силу притяженія къ вѣсомымъ атомамъ, а силу отталкиванія къ невѣсомымъ или эѳирнымъ атомамъ. Въ тоже время, она предполагаетъ [6]), что каждый вѣсомый атомъ и каждая вѣсомая молекула окружены *сферою не вѣсомыхъ атомовъ*, вслѣдствіе чего тѣ и другіе атомы дѣйствуютъ постоянно вмѣстѣ. По теоріи [7]), все пространство наполнено эѳиромъ, чрезвычайно тонкою упругою средою. Эѳиръ проникаетъ всѣ тѣла, облекаетъ вѣсомые атомы и молекулы тѣлъ эѳирными сферами и, по своей тонкости, не подчиняется закону тяжести, сила притяженія тѣлъ не ока-

---

[1]) 1, 395. [2]) 512. [3]) 517. [4]) Богъ и природа. [5]) I, 23. [6]) 48. [7]) 73.

зываетъ на него никакого дѣйствія, и самымъ атомамъ его присуща только сила отталкиванія. Онъ затрудняетъ теченіе планетъ; онъ слѣдуетъ законамъ инерціи и волнообразнаго движенія газовъ; въ немъ также [1]) уменьшается и увеличивается упругость и плотность. Эѳирные атомы [2]) сами по себѣ обладаютъ такою-же инерціею, какъ и вѣсомая матерія. Если же усвоить взглядъ [3]), что атомы эѳирные и атомы тѣлъ взаимно притягиваются, а также если приписать эѳиру силу сопротивленія вѣсомымъ тѣламъ,—то *не останется больше никакого существеннаго различія между атомами эѳира и атомами тѣлъ*; при чемъ непонятно будетъ, какимъ образомъ эѳиръ, хотя притягивается вѣсомыми *атомами и молекулами* и, значитъ, сгущается около нихъ, образуя сферы, однакожъ не можетъ притягиваться вѣсомыми *тѣлами*, т. е. *какимъ образомъ эѳиръ можетъ быть невѣсомымъ*. Вѣрно одно только [4]), что различные виды атомовъ, атомы тѣлъ и эѳира, какъ и всякіе матеріальные элементы, напримѣм., магнитная жидкость, электрическій токъ, свѣтовая матерія, могутъ сообщаться въ своихъ движеніяхъ и сообщеніе это усиливается *опредѣленными законами*, такъ-что повсюду обнаруживается *одинаковая мѣра, совершенная пропорціональность дѣйствій*». Вообще, по *Ульрици* [5]), «то, что мы обозначаемъ именемъ вещества или матеріи, не есть одна сплошная величина, протяженіе, масса,—а, напротивъ того, есть величина, которая раздѣляется на тончайшія части, расчленяется и соединяется въ различныхъ видахъ: однимъ словомъ, *все матеріальное состоитъ изъ атомовъ. Раздѣляясь на два большіе класса, на вѣсомые и невѣсомые, атомы составляютъ сущность (субстанцію) всякаго естественнаго бытія, субстратъ всѣхъ явленій природы. Поэтому, матеріальный и атомистическій— выраженія однозначущія*». А что, по *Ульрици*, составляетъ субстанцію самаго атома, это мы видѣли.

Существенно тоже самое мы читали и въ *популярныхъ лекціяхъ Джона Тиндаля*.—«Матерія состоитъ изъ простыхъ и безпространственныхъ элементовъ или монадъ. Монады дѣлятся на два большихъ класса. Однѣ изъ нихъ, сгруппированныя въ молекулы матеріальныхъ веществъ, вѣсятъ пропорціонально числу:— это *вѣсомыя* монады; другія, хотя также подпадающія подъ наши чувства, какъ-то: теплота, свѣтъ и электричество, чувствительнымъ образомъ не вѣсятъ и называются *невѣсомыми*. Различаются ли существеннымъ образомъ вѣсомыя монады отъ невѣсомыхъ? Нѣтъ, навѣрное нѣтъ,—такъ-какъ несомнѣнное дѣйствіе мнимыхъ невѣсомыхъ тѣлъ на тѣла вѣсомыя совершенно подобно дѣйствіямъ вѣсомыхъ тѣлъ другъ на друга, дѣйствіямъ допускающимъ матеріальную реальность, опредѣленную массу, одаренную нѣкоторою скоростію движенія. Можетъ быть даже, что, переходомъ изъ одного состоянія въ другое, невѣсомыя монады дѣлаются вѣсомыми. Однако чѣмъ-же различаются невѣсомыя монады отъ вѣсомыхъ? *Однимъ обстоятельствомъ: важнымъ, капитальнымъ, но не существеннымъ*. Вѣсомыя молекулы, соединенныя силой сцѣпленія или силой химическаго сродства, относительно находятся въ покоѣ, и, слѣдовательно, ничто не мѣшаетъ проявленію ихъ взаимнаго воздѣйствія, чтобы онѣ взаимно тяготѣли однѣ къ другимъ. Напротивъ того, невѣсомыя монады, будучи свободны и оставаясь внѣ

---

[1]) 74. [2]) 76. [3]) 80. [4]) 143. [5]) 11, 2.

связей сцѣпленія и сродства, одарены чрезвычайными скоростями, сравнительно съ которыми тяжесть и всеобщее тяготѣніе совершенно не замѣтны».

Тѣмъ не менѣе, однакожъ, и *Ульрици* находитъ много противорѣчій въ теоріи вещественности и волнообразнаго движенія эѳира, изъ которыхъ самая ясная несообразность заключается въ томъ, что «если эѳиръ [1]) имѣетъ вѣсъ и, подобно воздуху, сгущается около притягивающихъ его небесныхъ тѣлъ, сообразно ихъ объемамъ,—то это оказывается противорѣчіемъ теоріи волнообразнаго движенія, потому-что она предполагаетъ, что эѳиръ распространенъ въ небесномъ пространствѣ совершенно равномѣрно, атомы его отстоятъ другъ отъ друга на одинаковыхъ разстояніяхъ, вслѣдствіе чего свѣтъ движется къ землѣ отъ міровыхъ тѣлъ, различныхъ по величинѣ и разстоянію, совершенно равномѣрно. Вообще же, выводы [2]) изъ этой теоріи ведутъ къ противорѣчіямъ съ основными положеніями новѣйшаго естествознанія. По словамъ *Эйзенлора*, сама по себѣ, эта теорія не ясна и никакъ не можетъ удовлетворительно объяснить всѣ явленія. И *Берцеліусъ* замѣтилъ, что эта теорія удовлетворяетъ до тѣхъ только поръ, пока разсматриваются явленія только механическія; но когда обращаются къ химическимъ дѣйствіямъ, то она становится непонятною». По этому и *Д. С. Милль* не безъ основанія замѣтилъ, что «существованіе эѳирной жидкости и фактъ колебательнаго ея движенія не доказаны, а предположены *единственно на-основаніи легкости*, съ которою, какъ думаютъ, объясняются ими явленія. Господствующая гипотеза о свѣтоносномъ эѳирѣ не исключаетъ, правда, возможности прямаго доказательства въ ея пользу»,—пишетъ *Д. С. Милль* [3]), ссылаясь на фактъ задержки кометы *Энке* «средою, разлитою по небесному пространству, способною оказывать сопротивленіе. Если-бы, въ-теченіи вѣковъ, эта догадка подтвердилась постепеннымъ наростаніемъ подобной—же разницы въ движеніи и другихъ тѣлъ солнечной системы, то свѣтоносный эѳиръ значительно приблизился бы къ усвоенію характера истинной причины. Было бы обнаружено существованіе великаго космическаго дѣятеля. Но отожествленіе эѳира съ сопротивляющеюся средою породило бы новыя затрудненія. Существованіе эѳира опирается на возможность вывести изъ его предполагаемыхъ законовъ значительное число явленій свѣта. Принятію гипотезы о передачѣ свѣта физической средой наиболѣе способствовалъ тотъ физическій фактъ, что свѣтъ движется (*чего нельзя сказать о тяготѣніи*), что передача его не мгновенна, а требуетъ времени, и что она задерживается заслоняющими предметами (*чему тяготѣніе не подтверждено*). Никто не предполагаетъ, что согласіе явленій свѣта съ теоріей волнообразнаго движенія чисто случайно: оно, должно быть, возникаетъ изъ дѣйствительнаго тожества нѣкоторыхъ законовъ волнообразнаго движенія съ нѣкоторыми законами свѣта. Но *изъ согласія нѣкоторыхъ законовъ свѣта съ законами распространенія волнъ еще не слѣдуетъ, чтобы волны дѣйствительно существовали.* Гипотеза волнообразнаго движенія даже не объясняетъ всѣхъ явленій свѣта: *естественныя цвѣта предметовъ, сложную природу солнечнаго луча, поглощеніе свѣта и его химическое и жизненное дѣйствіе гипотеза оставляетъ столь-же таинственными, какими нашла ихъ,—и нѣкоторые изъ этихъ фактовъ скорѣе согласны съ Ньютоновой теоріей лучеиспусканія».*

---

[1]) 1, 80. [2]) 77. [3]) Логика 11, 20—23.

Потому-то, съ точки зрѣнія экспериментальной химіи, эѳиръ дѣйствительно провозглашается только движеніемъ, *а не матеріей*. Химія знаетъ атомы только тѣлесные, разлагаетъ и слагаетъ только тѣла; матеріальныхъ элементовъ допускаетъ только не болѣе 70; но между ними свѣтъ, теплота и электричество, какъ элементы матеріи, не имѣютъ мѣста. Присутствіе земныхъ элементарныхъ тѣлъ химія признаетъ доказаннымъ даже на отдаленныхъ отъ насъ свѣтилахъ: въ этомъ химія видитъ доказательство того, что форма вещества, которая проявляется на землѣ въ-видѣ простыхъ тѣлъ, имѣетъ далекое распространіе во вселенной. Конечно, химія знаетъ разныя проявленія и эѳира и постоянно имѣетъ съ ними дѣло; но, видя ихъ характерное отличіе отъ всего матеріальнаго, любитъ называть ихъ *силами, дѣятелями, энергіею*, всего же больше, *движеніемъ*. Знаетъ также химія, что когда два тѣла соединяются, то при этомъ всегда замѣчается отдѣленіе, или поглощеніе тепла. Если при соединеніи происходитъ отдѣленіе тепла, то при разложеніи происходитъ совершенно одинаковое поглощеніе тепла. Химія руководится основнымъ закономъ вѣчности силъ, по смыслу котораго какъ матерія не творится въ химическихъ реакціяхъ и не пропадаетъ, такъ точно и сила не творится и не пропадаетъ. На вопросы: откуда является увеличеніе, или уменьшеніе теплоты при химическихъ реакціяхъ, если существуетъ законъ вѣчности силъ? Отъ чего, если горитъ уголь, развивается теплота? Откуда беретъ она свое начало?—химія отвѣчаетъ: очевидно, изъ тѣхъ веществъ, которыя дѣйствуютъ въ углѣ и воздухѣ и насчетъ которыхъ совершается явленіе. Это значитъ, что угольныя частицы и частицы воздуха находились, до соединенія, *въ состояніи движенія*, имѣющаго другую форму, чѣмъ *тотъ родъ* движенія, который опредѣляетъ температуру тѣлъ, но ихъ соединеніи. *Каждому тѣлу свойственно извѣстное содержаніе тепла, т. е. извѣстное количество движенія*, опредѣляющее его способности къ образованію химическихъ соединеній. Этотъ видъ движенія превращается въ теплоту, когда происходитъ химическое соединеніе, а теплота превращается въ этотъ видъ движенія, когда происходитъ химическое разложеніе,—совершенно подобно тому, какъ посредствомъ теплоты можно получить механическое движеніе и, обратно, посредствомъ механическаго движенія можно получить явленіе теплоты. Снабдивши сложное тѣло извѣстнымъ количествомъ движенія, можно разрушить его на составныя части: отъ того *тепло* разрушаетъ сложныя тѣла.

Тоже можно произвести дѣйствіемъ и *гальваническаго тока* или вообще электричества; тоже могутъ производить иногда и *свѣтовыя колебанія. Вообще тепло или степень нагрѣванія, вліяніе гальваническаго тока и электричества и дѣйствіе свѣта оказываются главнѣйшими условіями химическихъ реакцій.* Но химія не можетъ видѣть въ этихъ дѣятеляхъ ничего иного, какъ только *особые виды частичнаго движенія.* Между всѣми этими явленіями существуетъ непремѣнная аналогія,—и эта аналогія, при нынѣшнемъ состояніи науки, выражается тѣмъ, что *теплотныя, равно-какъ свѣтовыя и электрическія явленія признаются за явленія движенія частичекъ.* Въ большинствѣ случаевъ, должно принимать здѣсь превращеніе одного вида движенія въ другой. Что между разными физическими видами частичнаго движенія и тѣмъ видомъ движенія, которое обусловливаетъ ходъ химическихъ процессовъ, существуетъ весьма тѣсная связь или соотношеніе, доказательствомъ этому служитъ то, что химическіе процессы могутъ давать поводъ къ появленіямъ разнородныхъ видовъ физическаго движенія: теплота выдѣляется, или поглощается при химическихъ процессахъ; иногда появляется при нихъ и свѣтъ; они-же всегда сопровождаются и выдѣленіемъ электричества; слѣдствіемъ химическихъ процессовъ всегда бываетъ и механическое движеніе. Основываясь на изученіи физическихъ свойствъ, должно думать, что частички тѣлъ находятся въ постоянномъ движеніи. Можно думать, что всѣ, замѣчаемыя нами, явленія суть разныя формы движенія. Высказываемое въ химіи представленіе о соединеніи между тѣлами и теплотою, напр., между углеродомъ, съ одной стороны, и теплородомъ, съ другой, — есть *представленіе только формальное, потому-что теплородъ нельзя разсматривать, какъ матерію. Теплородъ, какъ и свѣтъ, и электричество, есть извѣстное состояніе движенія, есть явленіе, а не матерія. Разсматривая теплоту, какъ колебательное состояніе матеріи, мы можемъ сказать, что углеродъ есть то матеріальное вещество, то вѣсомое начало,* которое находится во всѣхъ углеродистыхъ соединеніяхъ, — *вещество, которое въ нихъ имѣетъ различное напряженіе и различное время колебаній*; уголь же есть этотъ углеродъ *въ извѣстной степени напряженія колебаній.* Здѣсь, такимъ образомъ, *теплота принимаетъ значеніе состоянія вѣсомой матеріи и совершенно лишается характера особаго матеріальнаго элемента.* Въ такомъ-же значеніи является теплородъ въ соединеніи и съ прочими элементарными тѣлами, при чемъ

оказывается, что, при всѣхъ объемныхъ измѣненіяхъ тѣла, зависящихъ отъ температуры, вѣсъ тѣла всегда остается совершенно одинъ и тотъ-же. Хотя несомнѣнно и то, что какъ планеты, такъ и кометы замедляются въ своемъ движеніи какою-то упругою средою,—однакожъ эту среду можно находить не въ эѳирѣ, а, проще, въ атмосферномъ воздухѣ, который распространенъ повсемѣстно въ небесномъ пространствѣ, такъ-какъ, по астрономическимъ наблюденіямъ, существованіе атмосферы около солнца и планетъ можно считать доказаннымъ. Геологъ *Моръ* утверждаетъ, что «для возможности прямолинейнаго распространенія свѣта и теплоты и для передачи явленій тяготѣнія между небесными тѣлами должно существовать *вѣсомое вещество*. Чрезъ *Торичелліеву пустоту* не проходитъ электричество, хотя свѣтъ еще можетъ проникать сквозь эту пустоту. Подобнымъ образомъ, силы тяжести и магнетизма нуждаются въ промежуточномъ веществѣ, чтобы дѣйствовать на разстояніи. Въ абсолютной пустотѣ ни одна сила не проявляетъ своего дѣйствія. Наполненіе міроваго пространства разрѣженною матеріею—необходимое условіе притяженія. *А такъ-называемый эѳиръ, что-то среднее между силою и веществомъ, въ одно и тоже время и сила и вещество, и ни то ни другое, не можетъ быть доказанъ*» [1]). Отсюда, такимъ образомъ, открывается нѣчто весьма странное: *проявленія эѳира безспорны по тому, что подлежатъ нашимъ чувствамъ, а бытіе его самаго, какъ вещества, подвергается современною наукою серьезному сомнѣнію, чѣмъ серьезно подрывается основательность болѣе или менѣе обще—принятаго критерія матеріальности.*

Послѣднее слово науки относительно *критерія матеріальности* мы слышимъ въ вышеупомянутой рѣчи доктора *Карпентера*, предъ Съѣздомъ британскихъ естествоиспытателей. Обращаясь *«къ понятію* матеріи», *Карпентеръ* устанавливаетъ его, на-основаніи новѣйшихъ научныхъ данныхъ, такимъ образомъ: «психологъ настоящаго времени смотритъ на матерію совершенно въ духѣ своего собственнаго сознанія; *его отвлеченная идея о матеріи та, что это есть нѣчто, имѣющее постоянную способность возбуждать ощущенія; его идея о всякомъ свойствѣ матеріи есть умственное представленіе какого-либо рода чувственнаго впечатлѣнія, полученнаго отъ нея,—а его*

[1]) Противоположное этому мнѣніе аббата *Секки*, основанное на самоновѣйшихъ изысканіяхъ, обстоятельно будетъ разобрано нами ниже.

идея о какомъ-либо видѣ матеріи есть представленіе всей совокупности чувственныхъ воспріятій, которыя ея присутствіе вызвало въ его умѣ». Далѣе, объяснивъ фактически, какимъ способомъ доходимъ мы до представленій о твердости, мягкости, формѣ, движеніи, легкости, тяжести и разныхъ родахъ тѣлъ жидкихъ, твердыхъ и газообразныхъ, *Карпентеръ* заключаетъ свой анализъ словами: «такимъ образомъ, мы доходимъ до понятій *о сопротивленіи и тяжести, какъ о свойствахъ общихъ всякой формѣ матеріи*, и теперь, когда *мы оставили понятія о свѣтѣ, электричествѣ и магнетизмѣ, какъ невѣсомыхъ жидкостяхъ*, мы принимаемъ *свойства сопротивленія и тяжести*, какъ данныя, для практическаго различія между *матеріей и нематеріей*». Отсюда, по словамъ *Карпентера*, оказывается, что, по выводамъ самоновѣйшей естественной науки, признаками, отличающими матерію отъ нематеріи, могутъ служить только свойства *сопротивленія, непроницаемости и тяжести*,—что свѣтъ, теплота и электричество—магнетизмъ *не суть вѣсомыя жидкости*,—что *цвѣтъ* и *свѣтъ*, по согласному мнѣнію физиковъ и физіологовъ, *какъ свѣтъ, въ самомъ предметѣ не существуютъ*, состоя только въ колебаніяхъ вещества, — не эѳира, который, какъ невѣсомая жидкость, не существуетъ, а простаго, обыкновеннаго, вѣсомаго вещества. Да и *С. В. Томсонъ*, въ своей рѣчи, произнесенной въ предшествовавшемъ году, также предъ Съѣздомъ британскихъ естествоиспытателей, подтверждаетъ эту мысль своего преемника по предсѣдательству на Съѣздѣ, *Карпентера*, прославляя теорію *Гельмольца* о круговоротныхъ движеніяхъ атомовъ и выражая надежду, что «эта теорія приведетъ *къ полному пониманію свойствъ атомовъ*, осуществляя тѣмъ великую мысль *Лукреція*, который *не допускаетъ ни тонкаго эѳира, ни разнообразія элементовъ съ огненными*, или водяными, *или свѣтовыми, или тяжелыми свойствами*,—который *не предполагаетъ, что свѣтъ есть одна вещь, огонь (теплота)—другая, электричество—жидкость, магнетизмъ—жизненный принципъ*. но считаетъ всѣ явленія только *свойствами или проявленіями простой матеріи*» [1]).

Итакъ, по вопросу о *критеріи матеріальности*, намъ слѣдовало бы раздѣлить приведенныхъ мыслителей-естествовѣдовъ на два отдѣла: на принимающихъ и не принимающихъ существованіе эѳира, — если-бы только мы могли сказать, что изъ нихъ кто-либо допускаетъ его

[1]) Русскій Вѣстникъ, 1871 г. Августъ.

существованіе рѣшительно. Болѣе рѣшительно утверждается бытіе эѳира въ популярныхъ чтеніяхъ *Джона Тиндаля*. Матерія, по словамъ его, состоитъ изъ монадъ вѣсомыхъ и невѣсомыхъ; послѣднія, т. е. невѣсомыя, однакожъ, отличаются отъ первыхъ не существенно; онѣ не вѣсятъ только чувствительнымъ образомъ и, кажется, могутъ дѣлаться вѣсомыми, переходить изъ состоянія невѣсомыхъ въ противоположное состояніе вѣсомыхъ. *Критеріемъ матеріальности будутъ*, по этой теоріи, *частичность, непроницаемость, сопротивленіе, тяжесть, но не будутъ ни фигура, ни протяженіе*, потому-что монады предполагаются безпространственными, согласно съ ученіемъ *Босковича* (въ существѣ теоріи неразрѣшенное противорѣчіе: изъ *безпространственныхъ* монадъ происходятъ *протяженныя* тѣла . . .). По *Ульрици*, который также высказывается за бытіе эѳира, хотя и съ сомнѣніемъ, матерія есть осязаемая масса, состоящая изъ атомовъ вѣсомыхъ, тѣлесныхъ, и невѣсомыхъ, эѳирныхъ. Послѣдніе,—невѣсомые, кажется, однакожъ, притягиваются къ вѣсомымъ атомамъ, оказываютъ сопротивленіе вѣсомымъ тѣламъ, теряя, вслѣдствіе этого, существенное отличіе отъ вѣсомыхъ атомовъ. *Критеріемъ матеріальности*, по этой теоріи, будутъ частичность (условная, подлежащая безконечному дѣленію), *непроницаемость и сопротивленіе* (тоже условныя, такъ-какъ всякій атомъ, сложный въ существѣ своемъ, центръ многихъ силъ, борется за свое существованіе съ другими такими-же центрами силъ и подлежитъ измѣненію), *тяжесть, протяженіе и фигура* (также условныя, измѣняемыя). Вообще, по этой теоріи, *матеріальный и атомистическій*, а прибавить слѣдуетъ,—и *условный, во всѣхъ самыхъ существенныхъ свойствахъ, выраженія однозначущія*.—По спутанной теоріи *Вундта*, матерія и эѳиръ, тѣлесные и эѳирные атомы,—это два полярные элемента, составляющіе сущность всего. Не всякая матерія имѣетъ тяжесть; эѳиръ—матерія, не имѣющая тяжести, не состоящая изъ вещественныхъ атомовъ, однакожъ среда, масса, состоящая изъ атомовъ эѳира; но атомы того и другаго, матеріи и эѳира, являютъ въ себѣ только самыя частныя представленія, конечные продукты отвлеченія,—и никакого *критерія матеріальности*, по этой теоріи, *нельзя установить*, потому-что *частичность и непроницаемость* принимаются, по этой теоріи, *только* какъ продукты отвлеченія; тяжесть, какъ свойство матеріи отрицается, а протяженность и фигуральность, относимыя къ условіямъ нашего воззрѣнія, подвергаются сильному сомнѣнію, или даже отвер-

гаются, какъ качества условій объективнаго бытія. — По не менѣе спутанной теоріи *Д. С. Милля*, наше понятіе вещества, въ концѣ концовъ, является состоящимъ *изъ сопротивленія, протяженія и фигуры, — трехъ аттрибутовъ, которые становятся существенными ингредіентами вещества*, такъ-что, гдѣ ихъ не находится, тамъ мы колеблемся придать названіе вещества. *Фундаментальный элементъ* въ понятіи вещества есть *чувство сопротивленія*, или задержаннаго мышечнаго движенія, — чувство, тождественное съ ощущеніемъ *непроницаемости или частичности* и родственное, до тожественности, не-только съ *осязательнымъ ощущеніемъ прикосновенія*, но и съ *зрительнымъ ощущеніемъ свѣта и цвѣтовъ*, которые, однакожъ, не суть первоначальныя свойства веществъ. Отсюда, — если цвѣта не суть, тогда-какъ, наоборотъ, сопротивленіе и непроницаемость суть, *по Миллю*, первоначальныя свойства веществъ, — слѣдуетъ вывести двойное заключеніе: что или свѣтовыя ощущенія не тождественны съ мышечно—осязательными ощущеніями прикосновенія, сопротивленія, непроницаемости и частичности, или что даже эти послѣднія свойства не суть первоначальныя свойства вещества, какъ и цвѣта. Свѣтоносный эѳиръ, по *Миллю*, есть, какъ всякій долженъ допустить, волнообразно-движущееся жидкое вещество. Въ тоже время, по *Миллю*, существованіе эѳирной жидкости и фактъ колебательнаго ея движенія не доказаны, а только предположены, вслѣдствіе возможности вывести изъ предполагаемыхъ законовъ эѳира значительное число явленій свѣта. Но изъ согласія нѣкоторыхъ законовъ свѣта съ законами распространенія волнъ не слѣдуетъ, чтобы волны свѣта дѣйствительно существовали. Гипотеза волнообразнаго движенія даже не объясняетъ всѣхъ явленій свѣта. Отъ того предположеніе бытія эѳира, по *Миллю-же*, есть не болѣе, какъ продуктъ предразсудка и природной слабости человѣческаго ума. Тѣмъ не менѣе, однакожъ, принятію гипотезы о передачѣ свѣта физической средой наиболѣе способствовалъ *фактъ, что свѣтъ движется и задерживается заслоняющими предметами, чего нельзя сказать о тяготѣніи*. Наконецъ, по словамъ геолога *Фридриха Мора* и химика *Менделѣева*, какъ и по мнѣнію *Сэра В. Томсона и доктора Карпентера*, существованіе эѳира, чего-то средняго между силою и веществомъ, въ одно и то же время и вещества и силы, но ни того, ни другой, не можетъ быть доказано. Химія знаетъ атомы только тѣлесные, разлагаетъ и слагаетъ только матеріальные элементы,

между которыми эѳиръ не имѣетъ мѣста. Теплоту, свѣтъ и электричество—магнетизмъ химія любитъ называть силами, дѣятелями, энергіею, всего-же больше, движеніемъ, но не матеріею. Явленія теплоты, свѣта и электричества признаются въ химіи за явленія движенія частицъ, принимая значеніе *состоянія* вѣсомой матеріи и совершенно лишаясь характера *особаго матеріальнаго элемента*, способнаго, въ реакціяхъ, увеличивать вѣсъ соединенія. По этому-то, по словамъ *Карпентера*, въ настоящее время *оставлены понятія о свѣтѣ, электричествѣ и магнетизмѣ, какъ невѣсомыхъ жидкостяхъ*. По тому-же самому, и *С. В. Томсонъ* сочувствуетъ древнему атомисту *Лукрецію*, который не допускалъ никакого эѳира, ни разнообразія элементовъ съ огненными, или свѣтовыми, или тяжелыми свойствами, который не предполагалъ, что свѣтъ есть одна вещь, огонь другая, электричество жидкость, магнетизмъ жизненный принципъ, но считалъ всѣ явленія только свойствами, или проявленіями простой матеріи. Поэтому-то *Карпентеръ* принимаетъ свойства *сопротивленія и тяжести*, какъ данныя для практическаго различія *между матеріей и нематеріей*. По *Менделѣеву*, матерія состоитъ изъ молекулъ и *атомовъ распадающихся*, за которыми должно искать, но нельзя найти, какихъ-то еще *ультиматовъ*. Геологъ *Моръ* провозглашаетъ атомистическую гипотезу, въ существѣ своемъ, ложною. По *С. В. Томсону*, *атомъ есть сложный міръ и абсолютная непроницаемость невозможна* ни въ какомъ конечномъ тѣлѣ. По этому-то и *Карпентеръ*, чисто психологическимъ путемъ, объясняетъ происхожденіе понятій о сопротивленіи и тяжести, какъ о свойствахъ, общихъ всякой матеріи. Отъ того-то и плохой послѣдователь современной позитивно-философской школы, *Гербертъ Спенсеръ*, заумствовавшись касательно этого предмета, заговорилъ, наконецъ, языкомъ Пиѳіи, когда на нее уже слишкомъ подѣйствуетъ одуряющее куреніе: «атомистическая гипотеза, равно-какъ и сродная ей гипотеза все-проникающаго эѳира, состоящаго изъ молекулъ, суть просто» (даже просто!) «необходимое развитіе *тѣхъ универсальныхъ формъ, которыя выработаны въ насъ дѣйствіями Непознаваемаго*»,—какъ-будто въ этихъ словахъ заключается еще что-нибудь иное, кромѣ *непознаваемаго, т. е. непонятнаго*. А все это значитъ, что *съдалище самыхъ коренныхъ, самыхъ первичныхъ свойствъ матеріи, корень самаго основнаго критерія матеріальности находится въ субъектѣ, но не въ объектѣ*! И это не значитъ, какъ полагаетъ *Д. С. Миллъ*, будто

мы не знаемъ, находится, или нѣтъ,—сѣдалище этихъ свойствъ, корень этого критерія въ объектѣ: нѣтъ, *мы знаемъ именно, что въ объектѣ они не находятся. Мы именно знаемъ, что въ объективномъ бытіи не-только фигуральность и протяженность, но и тяжесть и даже ощутительное сопротивленіе, необходимо предполагая въ объектѣ* сложность, могутъ опираться только на ультиматъ непроницаемости; но *абсолютная непроницаемость въ объективномъ бытіи невозможна!*

ГЛАВА XXXVIII.

Такимъ образомъ, самыми позитивными соображеніями доказывается, что:

1) Не-только самое высшее, общее понятіе бытія оказывается тождественно съ отрицаніемъ бытія,—но и низшимъ, болѣе или менѣе обобщеннымъ понятіямъ и представленіямъ не оказывается въ реальномъ фактѣ соотвѣтствующихъ объектовъ. Уже самые первичные признаки объектовъ оказываются не реальными не-только въ объектахъ, но, по ученію новѣйшей психологіи *Вундта*, и въ субъектѣ; а обобщенія признаковъ,—представленія и понятія составляются не иначе, какъ чрезъ постепенную, большую и большую абстракцію являющихся въ первичномъ чувственномъ воспріятіи признаковъ,—больше и больше удаляются отъ объективной реальности, до совершеннаго самоуничтоженія въ объемлющемъ всѣ понятія и представленія, высшемъ родовомъ понятіи бытія, тождественнаго съ небытіемъ.

2) Подобнымъ-же образомъ и индивиды сводятся къ ничтожеству, двумя путями: анатомико-физіологическимъ и логико-психологическимъ. Какъ вообще въ органическомъ царствѣ приходится признавать особью каждый центръ и каждую ось,кото рые способны, болѣе или менѣе самостоятельно, обнаруживать приспособленіе внутреннихъ силъ къ внѣшнимъ, называемое жизнью,—такъ и въ человѣческомъ организмѣ остается находить особи не-только въ каждомъ отдѣльномъ органѣ, но и въ каждой клѣточкѣ, которая есть основной индивидъ. По *Вагнеру*, всякій организмъ, въ одну сторону, есть органическая, интегрированная, цѣльная особь, а въ другую—есть не

болѣе, какъ органическая часть или органъ. По *Спенсеру*, такъ-какъ жизнь начинается съ мелкихъ и простыхъ формъ,—а изъ нихъ образуются всѣ индивиды,—переходы отъ этихъ первичныхъ единицъ къ организмамъ, состоящимъ изъ группъ такихъ единицъ, совершаются постепенно,—индивидуальности простѣйшаго порядка поглощаются индивидуальностями болѣе сложными, при чемъ невозможно опредѣлить, гдѣ кончаются низшія индивидуальности и начинаются высшія,—то соединенныя органическія формы являются намъ единичными существами только съ точки зрѣнія того видоваго понятія, которое мы выводимъ изъ сочетанія особей элементарныхъ,—только по недоразумѣнію относительно возникновенія понятій: *особь вовсе не есть понятіе о дѣйствительномъ предметѣ*, а просто субъективное представленіе, съ точки зрѣнія даннаго видоваго понятія. И по *Вирхову*, индивидъ необходимо долженъ быть внутреннимъ множествомъ. Слово—*индивидъ* вошло въ употребленіе гораздо раньше, чѣмъ получилось ясное представленіе о природѣ существъ, подразумѣваемыхъ подъ этимъ понятіемъ: должно или прямо соединить понятіе о недѣлимомъ съ клѣточкою, или-же вовсе исключить его изъ органическихъ отраслей естествознанія, вообще изъ употребленія. И не-только въ реальномъ бытіи, но и въ мышленіи, по *Вундту*, мы не можемъ остановиться на какомъ-либо индивидуумѣ, потому-что всякое индивидуальное представленіе становится общимъ по-отношенію къ другимъ представленіямъ частнѣйшимъ,—потому-что всякій индивидъ мы можемъ раздѣлить на части, заключая, по извѣстному ряду признаковъ, даже о самостоятельности этихъ отдѣльныхъ частей, которыя потому и возводимъ на степень особыхъ представленій,—и такое логическое дробленіе индивида производимъ до тѣхъ поръ, пока не дойдемъ до послѣднихъ, элементарныхъ, аналитическихъ сужденій, совпадающихъ съ первичными признаками ощущеній, которые, какъ доказано, не имѣютъ въ себѣ никакого реальнаго, ни объективнаго, ни даже субъективнаго мыслимаго содержанія. Научная абстракція проводитъ границу уничтожающему разсудочному анализу, останавливаясь на послѣднихъ центрахъ силъ, абстрагированныхъ отъ явленій, — на атомахъ матеріи и эѳира, которые суть послѣднія, самыя частныя представленія, по *Вундту*, равно-какъ и по *Д. С. Миллю*,— основа всѣхъ сущностей, если только какія-либо сущности существуютъ, а, по *Вирхову*,—не-только основное, но даже единственное бытіе...

3) Но и атомъ дробится на части вдвойнѣ, какъ и бытіе, и представленіе. По всѣмъ, какъ химическимъ, такъ и физическимъ и философскимъ соображеніямъ, бытіе атомовъ не рѣшаются признать не-только противники атомизма, въ-родѣ *Сэръ В. Томсона*, который признаетъ свойство сложности неотъемлемо принадлежащимъ самому понятію—*атомъ*,—но и *Д. С. Милль*, который, хотя и указываетъ сущность вещей въ частичномъ ихъ строеніи, однако-жъ бытіе, или небытіе атомовъ относитъ къ области непознаваемаго. Равнымъ образомъ, и психологъ *Вундтъ* провозглашаетъ тѣлесный атомъ и частицу эѳира послѣдними, самыми частными представленіями, обязанными своимъ бытіемъ научной абстракціи; точно также и физическій атомъ новѣйшаго защитника атомизма, *Ульрици*, превратился въ психическую монаду *Лейбница*; наконецъ, даже и *Вирховъ*, который надѣется, что человѣческое сознаніе когда-либо совладаетъ съ атомомъ, сознается, что понятіе объ атомѣ, какъ послѣдней мыслимой части, не выведено изъ непосредственнаго опыта, что атомъ есть единица только мыслимая,—противоположность индивиду, единицѣ дѣйствительной. Вообще положеніе, что человѣкъ никогда не подчинитъ себѣ атома, не ухватитъ его рукою, не усмотритъ глазомъ, не осуществитъ для себя умомъ, несомнѣнно столько-же, сколько непреложны математическія аксіомы, что всякая данная величина можетъ дѣлиться до безконечности и раздѣленная на безконечность равняется нулю $\left(\frac{1}{\infty}=0\right)$.

4) Наконецъ, дѣлая и послѣдній шагъ въ глубь бытія, задаваясь вопросомъ о томъ, существуетъ ли самая матерія, какими признаками опредѣляется принадлежность предмета къ числу вещей матеріальныхъ, приходится сказать, что и матерія, съ разсудочно-аналитической точки зрѣнія, не существуетъ, не существуетъ именно какъ суррогатъ внѣшне—чувственныхъ впечатлѣній, потому-что ни одно свойство матеріи, не-только вторичное, но и первичное, не имѣетъ реальнаго бытія въ объектѣ. По мнѣнію самоновѣйшихъ авторитетовъ науки, существованіе эѳира не можетъ быть доказано; нынѣ оставлены понятія о свѣтѣ, электричествѣ и магнетизмѣ, какъ невѣсомыхъ жидкостяхъ; всѣ явленія слѣдуетъ считать свойствами или проявленіями простой матеріи. Поэтому-то свойства сопротивленія и тяжести принимаются какъ данныя для практическаго различія между матеріей и нематеріей. При дознанной сложности не-только молекулъ, но и атомовъ, происхожденіе понятій о сопротивленіи и

тяжести, какъ о свойствахъ общихъ всякой матеріи, объясняется психологическимъ субъективнымъ путемъ; это значитъ, что сѣдалище самыхъ коренныхъ, самыхъ первичныхъ свойствъ матеріи, корень самаго основнаго критерія матеріальности находится въ субъектѣ и завѣдомо не находится въ объектѣ: мы именно знаемъ, что въ объективномъ бытіи не-только фигуральность и протяженность, но и тяжесть, и даже ощутимое сопротивленіе, необходимо предполагая въ объектѣ сложность, могутъ опираться только на ультиматъ непроницаемости,—но абсолютная непроницаемость въ объективномъ бытіи невозможна.

Итакъ оказывается, что роды и виды предметовъ подмостками для себя имѣютъ индивиды, — что индивиды, въ свою очередь, подпираются клѣточками, клѣточки основываются на атомахъ, атомы корнями своими уходятъ въ непроницаемость; но абсолютная непроницаемость не существуетъ... И, такимъ образомъ, все рушится въ прахъ!

Да здравствуетъ-же древній мудрецъ *Горгіасъ*, который написалъ и озаглавилъ сочиненіе: *о несуществующемъ или о природѣ*!

ГЛАВА XXXIX.

Изумительно, что такой результатъ, заключающій самое тонкое и строго-логическое изслѣдованіе *всеобщимъ ничтожествомъ, небытіемъ чего бы то ни было*, не пугавшій древнихъ софистовъ и скептиковъ, не пугаетъ нѣкоторыхъ мыслителей и въ наши дни. Изумительно, что, и въ наши дни, мы можемъ прочитать не одно сочиненіе: *о несуществующемъ или о природѣ*, хотя и подъ другими названіями. Опытъ подобнаго сочиненія мы имѣемъ въ трудѣ природнаго русскаго философа, *М. Троицкаго*, которое озаглавлено: «*Нѣмецкая психологія въ текущемъ столѣтіи*». Въ этомъ твореніи мы видимъ трудъ весьма солидный, а въ творцѣ его видимъ мыслителя многоученаго и тонкаго, писателя съ перомъ острымъ, языкомъ яснымъ и мѣткимъ, чуждаго сколько нѣмецкой туманности, столько-же и той фельетонной расплывчатости новѣйшихъ философствующихъ писателей, которая такъ утомляетъ въ сочиненіяхъ *Д. С. Милля, Г. Спенсера* и другихъ,—вообще философа, обладающаго достоинствами, которыя характеризуютъ серьезный философскій умъ, способный къ ка-

питальной самостоятельной работѣ. Конечно, *М. Троицкій* изумился бы, узнавъ, что мы приписываемъ ему тенденцію вразумить насъ въ *небытіи чего бы то ни было сущаго*, — и, конечно, сейчасъ закидалъ бы насъ тысячами возраженій изъ своего-же сочиненія. Знаемъ это, и однако-жъ, настаиваемъ на томъ, что тема его сочиненія заключается въ древне-греческомъ: «οὐδέν ἐζί,—*ничто не существуетъ,—а еслибы что-нибудь и существовало, то его нельзя было бы познать;—человѣкъ есть мѣра всего существующаго,—не можетъ быть никакихъ предметныхъ сужденій и опредѣленій*»,—какъ говорили древніе софисты, и именно знаменитѣйшій изъ софистовъ, *Горгіасъ*, писавшій вышеупомянутое сочиненіе: *о несуществующемъ или о природѣ*. Чтобы поддержать свою мысль и слово, мы постараемся говорить словами самаго *М. Троицкаго*.

М. Троицкій представляетъ въ себѣ русскаго прозелита *Англійско-Шотландской Школы*, къ которой принадлежитъ *Д. С. Милль*, а во главѣ которой, по времени, стоятъ *Бэконъ и Локкъ*. Его теорія тожественна, до буквальности, съ разобранною нами теоріею *Д. С. Милля*. Но *Троицкій*, какъ природный русскій, превосходитъ англичанина *Милля* пылкостью, съ какою исповѣдуетъ философскій символъ Англійско-Шотландской Школы, подтверждая тотъ извѣстный психическій фактъ, что прозелиты всегда бываютъ болѣе ригористическими и фанатическими исповѣдниками принятаго символа, чѣмъ исповѣдники—аборигены. *М. Троицкій*, однакожъ, не считаетъ себя *позитивистомъ* и вовсе почти не употребляетъ названія *позитивизмъ*; школу, пылко имъ защищаемую, слѣдовало бы назвать *индуктивною контрасиллогистическою*, а ученіе *индуктивизмомъ*, или *индуктивнымъ эмпиризмомъ*, совершенно исключающимъ какія бы то ни было *универсальныя начала*, а тѣмъ болѣе, *прирожденныя идеи*. Предъ англійскими философами, взятыми въ-совокупности, онъ преклоняется, однакожъ, не безъ оттѣнка въ степени почтительности предъ отдѣльными лицами. Предъ *Бэкономъ*, *Локкомъ*, *Гоббесомъ*, *Юмомъ*, *Броуномъ*, *Джемомъ Миллемъ*, *Д. С. Миллемъ*, *Бэномъ* онъ благоговѣетъ всецѣло, превознося особенными похвалами втораго и послѣдняго; *Рида* хвалитъ за его индуктивную методу, но уже и порицаетъ довольно чувствительно за приверженность къ универсальнымъ *началамъ*; *Дюгальта Стюарта*, *Уэвеля*, *С. В. Гамильтона* деликатно щадитъ, какъ питомцевъ той-же школы, хотя и не сочувствуетъ ихъ стремленію къ познанію реальному, познанію вещей самихъ въ себѣ.

Но французскихъ философовъ онъ не любитъ поголовно; о самомъ *О. Контѣ*, котораго даже англичане въ-родѣ *Д. С. Милля и Льюиса*, считаютъ и даже называютъ великимъ, онъ едва удостоилъ упомянуть; *Кузэна* тяжко порицаетъ за пристрастіе къ абсолютному; щадитъ только *Кондильяка* за неуклонное сочувствіе принципамъ *Локка*. О древнихъ, *Платонѣ и Аристотелѣ*, упоминаетъ безъ похвалъ и порицаній, хотя и относится къ нимъ довольно холодно, какъ людямъ мало увеличившимъ запасъ психологическихъ знаній; теорію *Платона* просто провозглашаетъ «*очевидно нелѣпою*». Но средневѣковой схоластикѣ достались одни только, и притомъ тяжкіе, укоры. *Къ Декарту*, *Лейбницу*, *Вольфу*, пропагандировавшимъ будто-бы только подкрашенную схоластику, таже строгость. Ко всѣмъ адептамъ средне-вѣковаго силлогизма и схоластическихъ универсальныхъ началъ таже строгость и часто суровая. Но, о небо! Чего то не достается бѣднымъ *Канту*, *Фихте*, *Шеллингу*, *Гегелю*, *Гербарту*, *Бенеке*, этимъ свѣтиламъ германской философіи, какъ и всей вообще философіи! Въ самомъ дѣлѣ, это поучительное явленіе. *Г. Троицкій* представляетъ въ себѣ мыслителя далеко серьезнѣе Чернышевскаго,—обнаруживая не-только философствующаго мыслителя — дилетанта, но и дѣйствительнаго ученаго философа. Между-тѣмъ манера отношенія къ противнымъ мнѣніямъ одинакова у него съ манерою *Чернышевскаго*, — манера узкой нетерпимости, позволяющей себѣ ругательства только-что не площадныя, за-то истощившей, въ дозволяемыхъ приличіемъ предѣлахъ, ругательный лексиконъ до той границы, за которую уже безсильно переступить самое смѣлое и довольно изобрѣтательное остроуміе. Такая была, если только миновала, или только настала, бранчивая эпоха!

Познакомимся, хотя нѣсколько, съ отношеніями *М. Троицкаго* къ философамъ Англіи, Франціи и Германіи. Его отзывы могутъ быть назидательны для насъ во многихъ отношеніяхъ: 1) въ нихъ мы можемъ слышать отголосокъ сужденій всѣхъ современныхъ позитивистовъ и естественниковъ о всякой, сколько-либо метафизической философіи, особенно же о Германской; 2) можемъ убѣдиться до какой крайней степени упало вниманіе современной модной учености къ системамъ еще недавно пресловутымъ германскихъ метафизиковъ, которые, *прегордая суеты вѣщающе*, мнили о себѣ, что низводятъ новую мудрость съ неба, а полстолѣтія спустя, поверглись въ прахъ общаго пренебреженія; и 3) смотря на этотъ поразительный примѣръ, можемъ питать надежду, что такоеже печальное посрамленіе ждетъ и фантазія ригористически позитивнаго индуктивизма, который, въ болѣзненномъ бредѣ *Эдуарда Гартмана*, дошелъ уже до крайняго пункта умозступленія, дальше котораго идти уже некуда.—«*Индуктивная* метода», пишетъ

Трошкій [1]),—«въ послѣднія три столѣтія, имѣла на своей сторонѣ гораздо болѣе значительныхъ приверженцевъ, чѣмъ всякая другая. *Въ Англіи*, со времени *Локка*, она стала безспорною для *всѣхъ лучшихъ изслѣдователей духа*. Заслуга *Локка* [2]) не встрѣчаетъ соперничества: если *Бэконъ первый* открылъ правила, какими *совершенствуется человѣческое знаніе*, то *Локкъ болѣе всѣхъ* способствовалъ человѣчеству въ широкомъ наблюденіи ихъ; онъ сдѣлалъ *больше всѣхъ* къ уврачеванію болѣзней, препятствовавшихъ дѣйствію этихъ правилъ, и положилъ начало тому *широкому разливу здраваго и сильнаго ума*, который есть *и величайшее изъ всѣхъ усовершенствованій, и орудіе для достиженія всякихъ будущихъ*. Въ Англіи метода *Бэкона* и *Локка* скоро встрѣтила [3]) безусловное признаніе своихъ правъ. Но во Франціи система *Локка* сначала увлекла за собою всѣхъ туземныхъ изслѣдователей духа. *Кондильякъ*, восторженный поклонникъ *Локка*, далъ тонъ пріемамъ изслѣдованія этого рода, господствовавшій во Франціи въ-продолженіи всей послѣдней половины XVIII в.; но, съ началомъ текущаго столѣтія, противъ пріемовъ индуктивнаго изслѣдованія начинается реакція. *Кузэнъ* начинаетъ давать манеръ изслѣдованія этого предмета другой складъ, реставрирующій прожитые вѣка силлогистики и, какъ выражался *Бэконъ*, вульгарной логики. Рядомъ съ этимъ направленіемъ потянулся *мистицизмъ*; все это, вмѣстѣ съ неотжившимъ матеріализмомъ, представителемъ котораго явился ученый *Контъ*, произвело во французской литературѣ нравственныхъ наукъ такую путаницу мыслей и такое смѣшеніе языковъ, какихъ далеко нельзя было ожидать. Нѣмецкая же наука о духѣ [4]), начиная съ XVII столѣтія, и донынѣ, стояла постоянно подъ двумя совершенно противоположными вліяніями, облагороженной *схоластики Декарта*, со-стороны французской, и *индуктивнаго изслѣдованія*, со-стороны англійской. До половины XVIII столѣтія, въ ней господствуетъ направленіе Декарта, и *Лейбницъ съ Вольфомъ* заправляютъ умами; но съ появленіемъ *Канта* начинается реакція противъ Локкова направленія, которая переходитъ въ самую *необузданную фантастику. Кантъ* [5]), въ Германіи, предупредилъ дѣло *Кузэна* во Франціи; попытка того и другаго кончилась одинаково ничѣмъ, т. е. никакими положительными успѣхами. Что же касается *зла*, произведеннаго обоими, то пальма первенства принадлежитъ *Канту*: одно уже развращеніе литературнаго вкуса нѣмецкихъ ученыхъ, эта страсть къ непроницаемо-темному восточному складу стиля, напоминающему языкъ пиѳіи, Гераклита и индійскихъ Вѣдъ, есть великая историческая вина *Канта*. Привиллегированный [6]) классъ идей, существующій въ духѣ человѣка раньше всякаго ощущенія, получилъ у *Канта* привиллегированную роль въ дѣлахъ опыта и наблюденія,— и средневѣковыя претензіи силлогизма, какъ независимой отъ индукціи методы изслѣдованія, были спасены; а этого было уже достаточно, чтобы, съ-помощью такого рычага, снова повернуть вверхъ дномъ всю область нашихъ знаній и, вычурностью полетовъ въ *область сущностей*, превзойти самую схоластику. Пылкіе умы *Фихте, Шеллинга, Гегеля* снова пустились въ изслѣдованія сущности вещей, и, на манеръ востока, божественной сущности вещей. Этотъ послѣдній тонъ былъ заданъ *Спинозою*, который въ школу *Декарта* внесъ элементъ

---

[1]) 3. [2]) 28. [3]) 102. [4]) 112. [5]) 115. [6]) 117.

мышленія восточнаго. Идя шагъ за шагомъ въ отрицаніи всякой здравой методы изслѣдованія, нѣмецкая литература воспроизвела и средневѣковыхъ мистиковъ, и гностицизмъ, и неоплатонизмъ, и буддизмъ. То была *вакханалія* европейскаго ума, которая едва-ли когда-нибудь повторится, *мистическая горячка*, свирѣпствовавшая съ позволенія силлогизма *Канта* и подъ вліяніемъ восточнаго умосозерцанія *Спинозы*, — *болѣзненное повѣтріе* въ наукѣ, *духовная зараза*. Въ Германіи узаконены были двѣ параллельныхъ науки и двѣ энциклопедіи наукъ, *наука эмпирическая*, *per inductionem*, и наука, *per syllogismum*, *раціональная*. Индуктивныя науки предоставлены были низшей расѣ,—эмпирикамъ, нѣмецкіе же философы присвоили себѣ возвышенности силлогистики. Но, увы, эта гордая комбинація кончилась въ Германіи *весьма комическими* послѣдствіями. *Вольфъ* оставилъ имя философіи за энциклопедіею наукъ, которыя вычеркнуты *Бэкономъ*, какъ *безсмысленный балластъ*, накопленный *вѣками невѣжества*, — и когда великая истина Бэконовой энциклопедіи была сознана въ Германіи,—то нѣмецкіе эмпирики, а съ ними и публика, почувствовали *отвращеніе* и стали высказывать явное *презрѣніе* не къ схоластикѣ, а къ философамъ! . . *Кантомъ* создана система [1]) трансцендентальныхъ свойствъ, которыя олицетворены имъ въ самостоятельныя силы,—и вотъ явились два порядка духовныхъ силъ: силы *Вольфа*, которыя Кантомъ низведены въ разрядъ эмпирическихъ, и силы трансцендентальныя, которыми владѣютъ тѣ эмпирическія силы: до такого *уродливаго и фантастическаго вида* дошла, въ рукахъ *Канта*, эта *бѣдная схоластическая теорія духовныхъ силъ!* И въ «*Критикѣ чистаго разума*», опирающейся на такую ложную теорію, историки изъ школы Гегеля хотятъ видѣть epochemachendes Werk. Удивительно ли, что *Гербартъ* и *Бенеке*, почувствовавъ *всю нелѣпость* такой теоріи силъ, воевали противъ нея *съ такимъ шумомъ и запальчивостью, какъ-будто спасали отечество*, и, введенные въ обманъ терминологіею *Локка* и *Кондильяка*, вообразили, что они первые открыли такую дивную вещь; между-тѣмъ имъ тѣмъ менѣе слѣдовало восхищаться своими открытіями, что они сами далеко не освободились отъ *схоластическаго балласта* силъ и далеко не возвысились на точку зрѣнія *Локка*. Реформа *Бенеке* состоитъ единственно въ томъ, что, на мѣсто ограниченнаго числа Вольфовыхъ силъ, онъ поставилъ цѣлые *милліоны* силъ. При такомъ изобиліи *схоластическихъ паразитовъ* въ организмѣ нѣмецкой науки, трудно было развиваться привитой къ нему методѣ *Бэкона* и *Локка*. Мы выносимъ *горькое убѣжденіе*; *печально думать*, что нѣмецкая философія не усвоила себѣ критицизма *Локка*, и въ этомъ состоитъ *коренной недугъ*, *мѣшавшій всякой правильной* обработкѣ ея методы. Критицизма не было до *Канта*; былъ мнимый и призрачный въ системѣ *Канта*, а въ системахъ *Фихте*, *Гербарта и Бенеке потерялось уже всякое внѣшнее приличіе критической методы*,—и философская критика, въ ихъ системахъ, звучитъ *такъ странно, какъ проповѣдь скупаго о нестяжательности, или кровавыя рѣчи французскаго Конвента*, украшенныя цвѣтистыми терминами братства, равенства и свободы. Соедините затѣмъ [2]) всѣ безчисленные элементы, отличающіе идеализмъ *Берклея* и схоластику, и картезіанство, и мистику *Спинозы*, и трансцендентальную фило-

---

[1]) 126. [2]) 316.

софію Канта,—прибавьте къ этому всѣ когда—либо существовавшіе мистицизмы Азіи, Африки и Европы, и, сверхъ всего, чрезвычайный языкъ, свойственный такому небывалому содержанію,—и вы получите приблизительное понятіе о богатствѣ факторовъ нѣмецкаго идеализма. Философія природы *Шеллинга* остается фантастическимъ построеніемъ, *не остроумною шуткою надъ здравымъ смысломъ науки* [1]). *Схоластика Шеллинга* различаетъ предметъ ощущенія отъ самаго акта ощущенія! Относительно же *философіи религіи Шеллинга* здѣсь мы не находимъ уже достаточно словъ для выраженія своего удивленія; мы достигли здѣсь Геркулесовыхъ столбовъ метафизической мечтательности [2]). Но, съ изданіемъ [3]) *Логики Гегеля*, *Кантова схоластика* достигла апоѳеозы. У Гегеля философія нѣмецкаго идеализма сдѣлала не-только шагъ назадъ, сравнительно съ Кантомъ, но и пошла *ad absurdum*, *далѣе самой схоластики; система Гегеля* составляетъ *послѣднее предсмертное слово всей схоластической науки*. Еще [4]) не существовало, ни въ какое время, столько *бездарнаго произведенія*, какъ психологія *Гегеля* и его школы. *Можно ли читать безъ смѣха*, что у этихъ психологовъ, до начала всякихъ внѣшнихъ ощущеній, успѣваютъ образоваться такія явленія, какъ способности, таланты, геній, апатія, симпатія и антипатія, всѣ роды душевныхъ болѣзней, не исключая и идей fixes?! Можетъ ли быть *болѣе наивнаго вывода* духовныхъ явленій? Психологія этой школы даетъ выводы *истинно забавные*. Это уже *отталкивающая система*; *всѣхъ дикихъ явленій въ этой напыщенной психологіи* не перечтешь [5]). Одна *сплошная игра пустыми понятіями*, которая по временамъ переходитъ въ *чепуху*, есть самая господствующая черта сочиненій этой школы.

Что есть лучшаго у нѣмецкихъ философовъ, то все, по изысканіямъ *Троицкаго*, беззастѣнчиво заимствовалось нѣмцами у Британцевъ. Такъ, благороднѣйшій прототипъ философіи *Канта*, по М. Троицкому, есть философія *Рида*; кто хочетъ проникнуть въ *непроходимый* [6]) *мракъ Кантовой философіи*, тотъ долженъ обратиться къ *Риду*, простому, ясному и часто элегантному оригиналу *Канта*. Можно подивиться, до какихъ мелочей доходило заимствованіе *Канта* изъ *Рида*. По этому предмету многое и многое можно бы сказать нѣмецкимъ историкамъ нѣмецкой философіи: нѣмецкіе излагатели философіи *Канта* такъ настойчивы въ превозношеніи ея необыкновенной оригинальности и такъ согласно обходятъ, и такимъ подозрительнымъ молчаніемъ, *Рида* (справьтесь, наприм., съ самымъ широкимъ изложеніемъ философіи *Канта* и ея исторіи, съ двутомнымъ сочиненіемъ *Куно-Фишера*, и найдете, что краснорѣчивый историкъ, говоря о предшественникахъ *Канта* въ Англіи, забылъ почему-то упомянуть о *Ридѣ*), что тутъ приходится предполагать что-нибудь одно, или крупное историческое незнаніе, или какой-нибудь другой недостатокъ, о которомъ предоставляемъ судить каждому. Можно ли *болѣе комическимъ* образомъ разрѣзать цѣльныя Ридовы внушенія духа, міра и Божества, какъ это сдѣлалъ *Кантъ*? Откуда вышла вся эта *чепуха*, которая не преминула произвести впечатлѣніе на нѣмецкихъ изслѣдователей единственно вслѣдствіе своей *рѣшительной нельпости?* Удивительны тѣ *надменные* и, вмѣстѣ съ *тѣмъ*, *въ высшей степени плоскіе, грубые и поверхностные* порывы, какіе мы встрѣчаемъ, послѣ *Канта*, въ системахъ абсолютнаго

[1]) 324. [2]) 326.[5] [3]) 339. [4]) 352. [5]) 854. [6]) 394.

знанія, этого *унизительнаго бреда изступленныхъ головъ*. Въ Кантовой [1]) *Критикѣ чистаго разума* есть *двѣ—три здравыхъ мысли, взятыхъ у Локка, Юма и Рида*; по существу же она есть *сплошной рядъ заблужденій*, взятыхъ у Рида и *доведенныхъ всюду ad absurdum*, прибавкою *схоластическаго наслѣдства,— есть сплошное извращеніе всѣхъ понятій здравой философіи*. Читая эти *софизмы*, не вѣришь, чтобы *серьезный* [2]) *ученый* могъ написать такую *нескладицу*, которая, однакожъ, должна составлять опору всей системы, въ которой *вся эта схоластика* не спасаетъ нисколько *безобразнаго порядка* самыхъ идей. Въ цѣломъ философія Канта представляетъ *доведенное до крайности* уклоненіе отъ здравой философіи, присоединеніемъ къ теоріи Рида разнообразнаго и богатаго наслѣдства схоластики; система *Канта* была рѣшительною реакціею противъ науки индуктивной и замаскированнымъ возвращеніемъ къ схоластикѣ и школѣ *Декарта* [3]). Когда подумаешь, какъ легко *разрасталась ложь* и *затемнялись* самыя простыя вещи подъ руками такихъ изслѣдователей духа, какъ *Кантъ и Фризъ*, тогда перестаешь удивляться, что ихъ послѣдователямъ удалось создать *цѣлыя сотни системъ сплошной лжи и заблужденій*. Не понимаешь, какимъ образомъ подступиться съ критикою *къ этому калейдоскопу всякихъ вымысловъ*, въ который обратилась простая теорія *Рида*, въ рукахъ *Канта и Фриза*. Нѣмецкая философія создала какой-то *необъятный философскій талмудъ и каббалу* [4]). Въ Нѣмецкой философіи, *съ Канта, схоластика достигла, впервые, своего апогея. Такой грубой помѣси* духовныхъ и вещественныхъ качествъ не найти даже въ *золотые вѣка этой невѣжественной философіи* [5]). Вся психологія *Гербарта* есть не иное что, какъ обработанная *миѳологія духа* [6]); должно признаться, что, кромѣ *самыхъ слабыхъ и отдаленныхъ намековъ* на дѣйствительные предметы психологическаго анализа, мы не находимъ въ ней ровно ничего; — но за-то встрѣчаемъ *много капитальныхъ вымысловъ* [7]). У *Бенеке* вся эта *миѳологія духа* перешла въ *алхимію духа* [8]); въ его психологіи начинается рядъ такихъ психическихъ *мистерій*, которыя невольно заставляютъ вспомнить о *временахъ алхиміи*[9]); его *метафизическая эпопея*, по *богатству и причудливости вымысла*, далеко оставляетъ за собою теорію *Гербарта* и производитъ непріятное впечатлѣніе, какое способна производить *чепуха en masse* [10]). *Болѣе дикой и безмысленной алхиміи духа* [11]), кажется, трудно и представить въ нашемъ столѣтіи. Чѣмъ занимается психологія *Бенеке*? Важною проблеммою, какъ изъ милліоновъ чувственныхъ силъ созидается существо, которое мы называемъ душою: докторъ *Бенеке*, подобно доктору *Вагнеру* у *Гёте*, наблюдаетъ происхожденіе духовнаго *homunculus — a*. Но самое странное обстоятельство, заключающееся во всемъ этомъ, — это *простодушное самохвальство и наивное самомнѣніе Бенеке*, связанное съ тою idea fixa, что психологія его, опирающаяся на *метафизико-алхимическія бредни*, есть совершеннѣйшій продуктъ экспериментальнаго изслѣдованія. *Бенеке* [12]) незнакомъ (съ нашимъ пѣтухомъ— *Крылова?*) съ этимъ единственнымъ измѣрителемъ достоинства нашихъ опытныхъ изслѣдованій о духѣ,—съ экспериментальными методами, которыя были указаны *Бэкономъ* и которыми руководствовались всѣ англійскіе психологи изъ школы

[1]) 425. [2]) 429. [3]) 431, [4]) 446. [5]) 451. [6]) 488. [7]) 514. [8]) 560. [9]) 568. [10]) 586. [11]) 595 [12]) 597.

Локка; отъ того-то слова: *точное наблюденіе, фактъ, самая вѣроятная гипотеза* стоятъ у него именно тамъ, гдѣ другіе пользуются болѣе отвѣчающими дѣлу терминами, *какъ то*: *метафизика, вымыслъ, чепуха* и т. д.—*Бенеке*, воспитанникъ двухъ школъ, не имѣющихъ между собою почти ничего общаго, — нѣмецкой, главнымъ образомъ, *Фриза*, и англійской, главнымъ образомъ, *Броуна*: этимъ объясняется *поражающая нельпость системы Бенеке*, разрѣшаются *главныя мистеріи* фундаментальныхъ его теорій, объясняя *ихъ немудрое происхожденіе*, насколько у нихъ дѣла, позаимствованнаго въ своей ясности и оригинальности у *Броуна* и съ какого пункта начинаются собственные вымыслы Бенеке, довершавшіе исторію отсталыхъ теорій *Фриза* и *Гербарта* [1]), *Вообще банкротство нѣмецкой философіи* замѣтно для всѣхъ. Въ самомъ дѣлѣ, что могло вытти изъ такой занимательной работы — воздушныхъ построеній? *Ложь въ квадратѣ, въ кубѣ* и т. д., *ложь, разрастающаяся во всѣ стороны и совершенно закрывающая собою дѣйствительность*. Такова именно и есть [2]) исторія нѣмецкой философіи, съ *Канта*: *идеализмъ*, переходящій, наконецъ, въ *патентованную чепуху*, и *реализмъ*, который въ психологіи *Бенеке* выразился *до возбужденія тошноты*... Наконецъ, въ психологіи *Фихте младшаго* и его друзей *М. Троицкій* видитъ рѣшительный *шагъ назадъ, даже сравнительно съ системою Фриза, Гербарта и Бенеке*, потому-что вся эта *психологическая поэма* есть только смѣсь обыкновенной *картезіанской пневматологіи, съ различными старыми и новыми отпрысками мистики* [3]);—потому-что, заявивъ свою философскую тенденцію—примирить всѣ оригинальныя системы нѣмецкой философіи, т. е. *Канта, Фихте старшаго, Шеллинга, Гегеля, Фриза, Гербарта* и *Бенеке, Фихте младшій* приглашалъ къ самому жалкому труду, — рекомендовалъ всю *спекулятивную чепуху* абсолютныхъ тожествъ, примитивныхъ силъ, слѣдовъ» и т. д. слить коллективными усиліями въ *такой закоченный философскій сумбуръ, чтобы никакая масса свѣта и здраваго смысла впредь не могла расшатать такой величественной системы философіи*.

Итакъ, у *М. Троицкаго* оказывается только и солнца, что въ окнѣ,—только и свѣту, что въ индуктивной методѣ англійскихъ философовъ. Къ нимъ *М. Троицкій* очень слабъ, до восторженности. Наприм., «послѣдняго излагателя» индуктивной философіи, *Бэна*, онъ превозноситъ въ такихъ выраженіяхъ: «его широко задуманный планъ выполненъ *съ самыми тонкими и превосходными* подробностями [4]) и широкое господство закона смежности сдѣлалось *прозрачнымъ, какъ кристаллъ*; его анализъ *блистательно заканчиваетъ для нашего времени* обработку законовъ ассоціаціи въ Англіи». Даже для *Рида*, какъ англичанина, не-смотря на его универсальныя начала, нашлись у *М. Троицкаго* мягкія слова. «Самое тонкое и наименѣе чувствительное уклоненіе», — пишетъ онъ [5]), — «отъ критицизма *Локка къ догматизму схоластики* есть, безспорно, философія *Рида* и его старой школы, которой принадлежатъ *знаменитыя имена Дюгальда Стюарта, Гамильтона и Уэвеля*». *Рида*—*превосходный ученый* за то, что «строго держался основныхъ руководительныхъ началъ *Бэкона* и *Локка*». Но такъ-какъ онъ «нашелъ возможность возвратиться къ *principia universalia схоластиковъ*, *М. Троицк.й*, при всемъ лестномъ къ нему вниманіи, «не можетъ не дивиться

[1]) 611. [2]) 631. [3]) 645. [4]) 152, 184. [5]) 356.

скудости результатовъ *Ридовой* философіи *универсальныхъ начáлъ*». Итакъ, въ индукціи спасеніе; помимо же индукціи всеконечная гибель.

Посмотримъ же теперь, къ какимъ богатымъ результатамъ привела индукція самаго *М. Троицкаго*. Мы выше сказали, и теперь имѣемъ въ-виду доказать, что *она привела его къ ничтожеству, къ отсутствію какого бы то ни было бытія*. Богатый результатъ! Стоило изъ-за этого хлопопать!

Въ выводѣ, по ученію *М. Троицкаго*, *не существуетъ ничто. Да, именно, это самое онъ проповѣдуетъ ясно и рѣшительно, какъ самый научный выводъ; и реализмъ, допускающій бытіе вещества, или даже самаго духа, внѣ потока нашихъ ощущеній, онъ провозглашаетъ не заслуживающимъ имени науки!* Мы уже предупреждали и теперь повторяемъ, что теорія *М. Троицкаго* тожественна, до буквальныхъ выраженій, въ существенныхъ пунктахъ, съ системою *Д. С. Милля*, только извлечена изъ системы не одного *Милля*, а всѣхъ британскихъ философовъ этой школы и скрѣплена горячимъ сочувствіемъ самаго *М. Троицкаго*, отъ чего и получила у него, какъ у прозелита школы, болѣе рѣзкій и крайній характеръ, чѣмъ у самаго *Д. С. Милля*. *Вотъ основоположенія теоріи М. Троицкаго, представленныя въ фактическомъ порядкѣ.*

I) Вопросъ: *когда человѣкъ впервые начинаетъ имѣть идеи?* Отвѣтъ: когда онъ впервые имѣетъ какое-нибудь ощущеніе; идеи въ умѣ современны ощущенію, т. е. какому-нибудь впечатлѣнію, или движенію въ извѣстной части тѣла, производящему въ умѣ какую-либо перцепцію. Послѣднимъ звѣномъ преемства явленій стоитъ внѣшнее ощущеніе. Внѣшнія ощущенія суть внѣшнія причины нашихъ внутреннихъ состояній. Первый порядокъ духовныхъ явленій, зависящихъ отъ извѣстныхъ состояній нашихъ тѣлесныхъ органовъ, есть наша чувственность.

II) Но мы начали еще не сначала. Нужно узнать сперва, *откуда возьмутся ощущенія, впечатлѣнія, движенія тѣла, перцепція, идея, умъ, весь человѣкъ?* Каждое изъ этихъ названій содержитъ подъ собою явленіе болѣе или менѣе сложное и производное. А въ томъ, по *М. Троицкому*, и состоитъ вся задача философіи, чтобы рѣшить, какіе классы явленій надобно признать далѣе неразложимыми, или несводимыми къ болѣе высокимъ порядкамъ и разсматривать, какъ основныя феноменальныя свойства, или силы духа, и какіе слѣдуетъ считать производными способностями духа?

III) *Что же въ моемъ духѣ есть самое основное, первоначальное?* Появленіе мѣстоимѣнія *Я*, по *М. Троицкому*, отнюдь не есть господствующій фактъ въ нашемъ духѣ. Бываютъ моменты, когда не оказывается и того, что выражается мѣстоименіемъ *Я*. Анализъ и критика могутъ уничтожить феноменъ *Я* и *Не-я*, какъ духа и вещества. Чтобы доискаться первоначала всего, мы должны возвратиться къ состоянію, подобному тому, какое должно быть въ духѣ, пока не

образовался этотъ контрастъ *Я* и *Не-я*. Такое состояніе бываетъ, когда человѣкъ, *духъ* и *его Я*, съ противоположеніемъ въ немъ контраста *Не-я*, только начинаетъ быть.

IV) Мы должны взять моментъ, когда для меня, моего *Я*, моего духа, *нѣтъ ничего*. Вообразимъ-же, что не существуютъ ни духъ, ни я, ни внѣшнія вещи. Вотъ начинаетъ быть какое-нибудь самое первое движеніе, въ какой-либо части тѣла. Это движеніе сопровождается первымъ впечатлѣніемъ на чувство. Впечатлѣніе на чувство сопровождается первою перцепціею въ умѣ, или первою идеею. Но и тутъ нуженъ постепенный анализъ.

V) Начнемъ съ того, что *въ умѣ не существуютъ какія бы то ни было апріорныя идеи*. Да и существовать имъ негдѣ, такъ-какъ не существуетъ самый умъ. Не существуютъ прирожденныя начала науки, какъ самобытная собственность ума, предваряющая всякое наблюденіе и опытъ. Духъ нашъ приходитъ къ идеямъ или къ перцепціямъ вещей *посредствомъ внѣшнихъ чувствъ*. Человѣкъ впервые начинаетъ имѣть идеи, когда впервые имѣетъ какое-либо *ощущеніе*. Идеи въ умѣ современны *ощущенію*. Каждое духовное впечатлѣніе имѣетъ свою идею. Идеи суть только чувственныя наши состоянія. Идеи суть воспроизведеніе оригинальныхъ впечатлѣній духа, какъ-то, *вопервыхъ*, *ощущеній*. Ясно, что *идея есть явленіе производное, а не первоначальное*. Начало же или причина идеи лежитъ глубже.

VI) *Локкъ* находитъ *два источника идей: ощущеніе и рефлексію*. Умъ нашъ не имѣетъ ни малѣйшаго проблеска идей, какихъ онъ не почерпнулъ бы изъ котораго нибудь изъ этихъ двухъ источниковъ: ощущенія и рефлексіи. Духовныя явленія объясняются изъ внѣшнихъ вліяній и рефлексіи. Духовныя явленія распадаются на три класса или порядка: чувственности, рефлексіи и дѣятельности. *Первый порядокъ* составляютъ явленія, зависящія отъ извѣстныхъ состояній нашихъ тѣлесныхъ органовъ,—*а второй порядокъ*, обнимающій духовныя явленія, именно явленія въ области ума, открывается воспроизведеніемъ ощущеній въ идеи. *Итакъ, идеи имѣютъ свою ближайшую причину въ рефлексіи, а дальнѣйшую въ ощущеніи.*

VII) Отсюда уже открывается и то, что *рефлексія имѣетъ свою ближайшую причину въ ощущеніи*. Перцепцію производитъ въ умѣ впечатлѣніе; вслѣдъ за впечатлѣніями на наши внѣшнія чувства, духъ нашъ впервые употребляетъ себя для перцепціи. Рефлексія есть отзвукъ или откликъ духа на внѣшнія ощущенія,—есть рядъ духовныхъ явленій, прямо или косвенно вызванныхъ предметными впечатлѣніями. Ощущенія суть необходимыя начала всей высшей духовной жизни. Послѣднимъ звѣномъ въ ряду преемства духовныхъ явленій стоитъ внѣшнее ощущеніе. Наша чувственность есть основная низшая форма феноменовъ мыслительности, *получаемая отъ природы тѣлесной*, какъ залогъ нашего высшаго духовнаго развитія.

VIII) Отсюда открывается далѣе, что и внѣшнее ощущеніе не есть причина первоосновная, первоначальная,—такъ-какъ *ощущеніе предполагаетъ впереди себя движеніе частей тѣла*. Духъ нашъ приходитъ къ перцепціямъ вещей *посредствомъ внѣшнихъ чувствъ* (слѣд., и *посредствомъ органовъ чувствъ*). Ощущеніе предваряется впечатлѣніемъ *на наши внѣшнія чувства*, или движеніемъ въ извѣстной

части тѣла, производящимъ въ умѣ какую-либо перцепцію. Ощущенія вызываются предметными впечатлѣніями. Духовныя явленія производятся *причинами внѣшними*, т. е. предшествующими имъ *перемѣнами въ тѣлѣ* и событіями въ окружающемъ наше тѣло вещественномъ мірѣ. Всѣ случаи духовныхъ явленій обязаны своимъ существованіемъ какимъ-нибудь предыдущимъ духовнымъ явленіямъ, вызваннымъ *внѣшними предметами*, какъ ихъ причинами. Ощущеніе есть послѣдствіе *явленій вещественныхъ* и, ближайшимъ образомъ, — *нервныхъ и мозговыхъ*. Начало внѣшнихъ ощущеній мы ведемъ *отъ предметовъ посторонніхъ нашему духу*. Извѣстная часть духовныхъ явленій (ощущенія) слѣдуетъ, неизмѣнно и безусловно, за извѣстными событіями органическими; или тѣлесными и, съ растройствомъ, или уничтоженіемъ этихъ предыдущихъ явленій, разстраиваются или уничтожаются и эти послѣдующія, т. е. ощущенія. Безъ предварительныхъ извѣстныхъ перемѣнъ или событій въ нашемъ тѣлѣ, безъ явленій въ нервахъ и мозгѣ, отъ которыхъ зависятъ наши ощущенія, мы, родившись на свѣтъ, не могли бы быть причастниками какой бы то ни было, духовной жизни. Явленіямъ духовнымъ, которыя мы называемъ внѣшними ощущеніями, неизмѣнно и безусловно предшествуютъ различныя органическія перемѣны, или событія въ нервахъ и мозгѣ. Имѣютъ ли явленія органическія какое бы то ни было, прямое или косвенное, вліяніе на собственныя операціи духа,—иначе сказать, отзываются ли эти явленія какимъ-либо прямымъ, или косвеннымъ, видоизмѣненіемъ оригинальныхъ основныхъ законовъ духа? На этотъ вопросъ физіологія не дала строго научнаго отвѣта; но всѣ данныя склоняются къ отвѣту положительному. Относительно самой природы связи чувствующаго органа съ ощущающимъ духомъ мы никогда не будемъ въ-состояніи знать что-нибудь больше того, что заключается въ простомъ фактѣ, что извѣстному состоянію духа предшествуетъ непосредственно извѣстное впечатлѣніе на нервную систему. Что за особеннымъ состояніемъ частей мозга всегда слѣдуетъ перемѣна въ состояніи ощущающаго духа, это дѣйствительно удивительно; но ничуть не удивительнѣе того, что восхожденіе мѣсяца на извѣстную точку небесъ всегда дѣлаетъ состояніе тѣла на земной поверхности отличнымъ отъ того, какое ему свойственно въ другое время, — или что состояніе каждой изъ частичекъ нашего земнаго шара, въ ихъ относительныхъ тенденціяхъ тяготѣнія, безспорно, должно мгновенно измѣниться, вслѣдствіе разрушенія самаго отдаленнаго спутника, самой отдаленной планеты нашей системы. Для объясненія связи физическихъ и духовныхъ явленій издавна существовали *теорія нервной жидкости*, *животные духи Декарта*, *эѳиръ Ньютона*. Но если сотрясенія мозговыхъ частичекъ замѣнить сотрясеніями или волненіями эѳира,— то результатъ будетъ тотъ-же самый: объясненіе законовъ ассоціаціи не подвинется ни на шагъ. Тоже самое должно сказать и о животныхъ духахъ *Декарта*, или нервныхъ токахъ. Попытки френологіи осуждены безвозвратно успѣхами анатоміи. Всѣ физіологическія попытки къ объясненію законовъ ассоціаціи остались безуспѣшны. Всѣ онѣ вышли изъ психической *иллюзіи*, будто связь между воспроизводимыми идеями лежитъ глубже нашихъ ощущеній въ какихъ-нибудь сочетаніяхъ мозга и нервной системы.

IX) Итакъ, только-что мы хотѣли было, по указанію самаго *М. Трощкаго*, искать *дальнѣйшей причины нашихъ ощущеній въ движеніяхъ тѣла*, — *а при-*

чины движеній тѣла въ тѣлѣ и во внѣшнемъ мірѣ, какъ онъ спѣшитъ предостеречь насъ отъ подобной *иллюзіи*. Въ чемъ же здѣсь дѣло? — А въ томъ, что *все наше знаніе ограничено однѣми нашими собственными состояніями духа. Научнаго выхода изъ этихъ внутреннихъ состояній не существуетъ*,—и психологъ отдается только общему убѣжденію человѣчества, разсматривая вещи протяженныя, какъ существующія въ этомъ качествѣ независимо отъ его духа, и помѣщая часть своихъ субъективныхъ состояній въ эти протяженныя вещи, и, ближайшимъ образомъ, *въ органы своего тѣла*, какъ независимое отъ духа протяженное внѣшнее существованіе. Въ популярномъ сознаніи *тѣло стоитъ подлежащимъ* (причиною), *а чувственность—сказуемымъ* (дѣйствіемъ). *То иллюзія*, что даже ученые, особенно физики, *принимаютъ духовныя явленія за простыя сказуемыя, или видоизмѣненія нашего тѣла*. Но, спускаясь, до извѣстной мѣры, на популярную точку зрѣнія, т. е. принимая *внѣшній міръ и тѣло, какъ существующія независимо отъ состояній духа*, въ-качествѣ протяженнаго, дѣлимаго, цвѣтнаго и проч., психологъ никогда не можетъ забыть, что *внѣшніе предметы служатъ для него только простыми намѣстниками неизвѣстныхъ ему причинъ его чувственныхъ состояній*, въ ряду которыхъ послѣднимъ звѣномъ стоитъ внѣшнее ощущеніе.

X) Если же *собственное наше тѣло не существуетъ независимо отъ духа, то тѣмъ рѣшительнѣе должно утверждать тоже самое относительно существованія внѣшняго міра*. Какъ далеко простираются [1]) средства индуктивной методы, какъ органа науки? Отвѣтъ на это *у М. Троицкаго* сводится къ слѣдующему руководительному началу, принятому отъ *Локка:* метода индуктивная или аналическая, по самой природѣ своей, не можетъ претендовать на познаніе сущности ни вещества, ни духа, ни тѣмъ болѣе верховнаго Виновника всего, въ котораго вѣруетъ благочестивый духъ. Познаніе [2]) чего бы то ни было за предѣлами простыхъ явленій недоступно нашимъ познавательнымъ средствамъ. Философская критика показала, что *внѣшній міръ для насъ существуетъ въ-силу нашихъ состояній*, которыя мы называемъ внѣшними ощущеніями, и начало которыхъ мы ведемъ отъ предметовъ постороннихъ нашему духу. И *Гоббесъ* [3]), на-основаніи анализа нашихъ ощущеній, пришелъ къ убѣжденію, что вещество, въ своей подлинной сущности, не доступно нашимъ умственнымъ средствамъ,— что *все наше знаніе о немъ ограничено только нашими внутренними состояніями*, которыя производятся неизвѣстными намъ внѣшними причинами, поэтому и называются внѣшними ощущеніями. Глубокое основаніе отрицанія *Берклея* [4]) заключается въ томъ, что *внѣшній міръ*, съ которымъ имѣетъ дѣло наука, *есть только видоизмѣненіе нашего собственнаго сознанія* и что выходъ изъ нашихъ внутреннихъ состояній въ бытіе независимое отъ духа дается не въ процессѣ нашего знанія. И *Ридъ* соглашался, что въ ощущеніяхъ дѣйствительно не содержится ничего, кромѣ собственныхъ состояній духа, не имѣющихъ никакого сходства съ внѣшними предметами. И по *Бэну* никакое знаніе о мірѣ не возможно [5]) безъ отношенія къ нашему духу. *Знаніе означаетъ состояніе духа. Понятіе о вещахъ матеріальныхъ есть вещь духовная.* Мы неспособны входить въ раз-

[1]) 34. [2]) 72. [3]) 30. [4]) 149. [5]) 186.

боръ существованія независимаго матеріальнаго міра; самый этотъ актъ былъ бы противорѣчіемъ. Мы можемъ говорить только о мірѣ, представляющемся нашему собственному духу. Вслѣдствіе иллюзіи рѣчи, мы воображаемъ, что способны созерцать міръ, входящій въ наше собственное духовное существованіе; но попытка къ этому сама себя изобличаетъ во лжи, потому-что это созерцаніе есть только усиліе духа. Итакъ, *міръ для насъ существуетъ только въ явленіи*, иначе сказать, — *въ ощущеніи и идеѣ*. Глубокій анализъ убѣждаетъ, что *вещи суть только агрегатъ моихъ собственныхъ ощущеній*. Углубляясь во внѣшнія причины относимыхъ къ нимъ чувственныхъ качествъ, мы не идемъ дальше собственныхъ состояній сознанія, дальше нашихъ внѣшнихъ ощущеній и ихъ сосуществованій и преемствъ. *Вещество, матеріальный міръ суть только наши внѣшнія ощущенія и ихъ сосуществованія и преемства. Вещество, въ дѣйствительности, это—наши постоянныя и независимыя идеи, только подъ другимъ названіемъ.*

XI) Но если внѣшній міръ не существуетъ независимо отъ нашего духа, то и *самый духъ не существуетъ внѣ нашего собственнаго ощущенія*. Мы видѣли уже, что, по руководительному началу *Локка*, индуктивная или аналитическая метода не можетъ претендовать на познаніе сущности духа также, какъ и вещества. Знаменитый вопросъ объ отношеніи между духомъ, какъ неизвѣстнымъ подлежащимъ духовныхъ явленій, и веществомъ, какъ сущностію независимою отъ нашихъ внутреннихъ состояній, столь занимавшій схоластику и школу *Декарта*, по словамъ *М. Троицкаго*, остался вопросомъ, не имѣющимъ въ наукѣ никакого мѣста. *Мы абсолютно не знаемъ сущности духа столько-же, сколько и вещества, независимо отъ состояній собственнаго сознанія*, потому-что [1]) всѣ наши понятія основаны на чувствахъ взаимнаго отношенія нашихъ собственныхъ состояній. Такъ-какъ всѣ состоянія или впечатлѣнія духа продолжаются только извѣстное время и затѣмъ исчезаютъ, смѣняясь вызываемыми ими другими,—то *существованіе духа есть только рядъ преемственныхъ перемѣнъ*. Въ дѣйствительности бываетъ только рядъ послѣдовательно смѣняющихся идей и ихъ отношеній. По словамъ *Броуна* [2]), всѣ чувства и мысли духа суть только самъ духъ, существующій въ различныхъ состояніяхъ. *Идеи суть самый духъ, подлежащій* [3]) *какому-нибудь впечатлѣнію*. Такъ, наприм., *ощущеніе цвѣта розы не есть прибавленіе къ духу; но ощущеніе цвѣта и есть духъ, существующій въ извѣстномъ состояніи, а ощущеніе запаха розы есть тотъ-же духъ въ нѣкоторомъ другомъ состояніи.*

XII) Но этого мало, что самый духъ нашъ существуетъ только благодаря своему собственному ощущенію. По *М. Троицкому*, невозможно познаніе ничего такого, что не лежитъ въ предѣлахъ духовныхъ и вещественныхъ явленій; *для нашего знанія не существуютъ* не-только сущности вещей, не-только духъ, какъ субстанція, но и *способности духа, какъ особые агенты, скрытые за явленіями*, и универсальныя начала, существующія раньше самыхъ первыхъ обнаруженій духа, и врожденныя идеи. Что *М. Троицкій*, вслѣдъ за своими руководителями, — корифеями школы, отрицаетъ бытіе въ духѣ апріорныхъ универсальныхъ началъ и врожденныхъ идей, это мы уже видѣли. По его словамъ, идея

[1]) 275. [2]) 77. [3]) 313.

отъ духа не отдѣлима, въ самомъ тѣсномъ смыслѣ этого слова, По *Декарту* [1]), часть идей приносится человѣкомъ съ самымъ рожденіемъ(ideae innatae),—часть происходитъ позднѣе, но сохраняетъ тѣже свойства, пребывая въ духѣ въ-качествѣ вещей отъ него отличныхъ. По *Лейбницу*, въ монадахъ или душахъ существуютъ изначала копіи всѣхъ предметовъ; монады суть живыя зеркала цѣлой вселенной; онѣ различаются въ своемъ достоинствѣ, по степени ясности присущихъ имъ отъ вѣчности идей или образовъ, достигающихъ наивысшей ясности въ душѣ человѣка; въ человѣкѣ онѣ проявляются только постепенно, выходя изъ глубины духа; но и пріобрѣтши ясность и раздѣльность, онѣ погружаются снова въ первобытное состояніе темноты. Ясное состояніе идей будетъ ощущеніе, воображеніе, мышленіе и т. д. Но *Локкъ* [2]) призналъ невозможнымъ, чтобы душа обладала ими отъ природы и была въ нихъ живымъ зеркаломъ, въ которомъ отражается вселенная. Онѣ не находятся въ духѣ раньше первыхъ опытовъ; если онѣ имѣютъ какое-нибудь отношеніе къ предметамъ, какъ существующимъ независимо отъ духа, то это отношеніе безусловно неизвѣстно намъ. Онѣ не существуютъ также и въ періодъ времени между ихъ оригинальнымъ появленіемъ въ духѣ и воспроизведеніемъ по собственнымъ законамъ духа. *Берклей* [3]) вполнѣ раздѣлялъ схоластическую теорію идей, какъ самостоятельныхъ вещей, существующихъ въ духѣ, вещей не тѣлесныхъ, а духовныхъ или интенціональныхъ. По *Броуну*, существованіе идей, какъ отдѣльныхъ отъ духа, и постоянное существованіе ихъ, какъ онѣ перестаютъ существовать въ индивидуальномъ духѣ, суть, очевидно, *такія-же даровыя предположенія, какъ и предположеніе внѣшняго существованія матеріи; или лучше, постоянныя и независимыя идеи и суть, въ дѣйствительности, вещество,—только подъ другимъ названіемъ. Идеи суть самый духъ, подлежащій* [4]) *какому-нибудь впечатлѣнію*; наши идеи существуютъ не далѣе, чѣмъ впечатлѣніе духа, составляющее каждую частную идею. *Такимъ образомъ, по выраженію М. Троицкаго, средне-вѣковая теорія идей вырвана съ корнемъ!* Но этого мало. *М. Троицкій* отрицаетъ бытіе въ духѣ не-только идей, но и *памяти, сознанія и всякихъ душевныхъ способностей*. Законы ассоціаціи раздѣляютъ, по его словамъ, все наше духовное существованіе на два отдѣла: 1) оригинальныя впечатлѣнія, какъ-то: ощущенія, духовныя волненіяа желанія и проч., и 2) воспроизведеніе ихъ по законамъ ассоціаціи или идеи. *Кромѣ этихъ двухъ порядковъ* [4]) *духовныхъ состояній, этихъ оригинальныхъ впечатлѣній и этихъ идей, ничего не существуетъ въ нашемъ духѣ: въ нихъ безусловно исчерпываются всѣ духовныя явленія.* Но схоластики придумали еще третій классъ *явленій, не являющихся,—существованіе оригинальныхъ впечатлѣній, въ періодъ времени, протекающій между ихъ исчезновеніемъ и воспроизведеніемъ въ формѣ идей*. Область, въ которой онѣ существуютъ въ этотъ промежутокъ времени, называлась *памятью*. Схолостическая *теорія памяти, по М. Троицкому, противорѣчитъ рѣшительно всѣмъ правиламъ индуктивнаго изслѣдованія*, занимающагося исключительно фактами. Такъ-какъ всѣ состоянія или впечатлѣнія духа продолжаются только извѣстное время и затѣмъ исчезаютъ, смѣняясь другими, вызываемыми ими впечатлѣніями, и существованіе духа есть

---

[1]) 288. [2]) 289. [3]) 311. [4]) 313. [5])279.

только рядъ преемственныхъ перемѣнъ,—то мы и не вправѣ прибавить къ этому факту что бы то ни было, какой-нибудь классъ духовныхъ состояній, которыхъ нельзя отнести ни къ оригинальнымъ впечатлѣніямъ, ни къ идеямъ. *Впечатлѣнія духа, въ періодѣ времени между ихъ оригинальнымъ существованіемъ и воспроизведеніемъ въ формѣ идей, абсолютно не существуютъ въ духѣ, и все*, что говорится о ихъ сохраненіи въ духѣ, ихъ живучести и проч., суть только метафоры, означающія, что исчезнувшія впечатлѣнія или состоянія могутъ быть снова испытаны духомъ, если будутъ даны фактическія причины ихъ идеальнаго существованія. Думать же, что духъ можетъ существовать, въ одно и тоже время, во всей массѣ впечатлѣній прошлыхъ, съ прибавкою всѣхъ внечатлѣній настоящихъ, есть тройная нелѣпость. Тѣмъ не менѣе эта теорія памяти есть *догматъ для всѣхъ нѣмецкихъ психологовъ и въ немъ заключается послѣдній ключъ къ разгадкѣ всей нѣмецкой науки о духѣ. И Бэнъ* замѣчаетъ: о сохраненіи, отдѣльно отъ воспроизведенія, мы не знаемъ совершенно ничего. Я имѣю что-нибудь въ памяти,—это значитъ только, что я могу, при извѣстномъ поводѣ, воспроизвесть это или сдѣлать настоящимъ. *Сохраненіе отдѣльно отъ воспроизведенія есть вещь не существующая. Вмѣстѣ съ тѣмъ, и память, отдѣльно отъ воспроизведенія, оказалась, по М. Троицкому, вещью не ецуществующею.*—А вмѣстѣ съ памятью, и *самое сознаніе оказывается, у М. Троицкаго, также вещью не существующею.* Терминъ—*знаніе, внутреннее чувство* [1]), *самосознаніе* имѣетъ разнообразные смыслы. *Ридъ* понялъ сознаніе, какъ операцію, *сопровождающую* всѣ другія духовныя операціи, или состоянія, и именно *параллельную.* Но по *Броуну* [2]), ощущеніе не есть какой-нибудь предметъ сознанія, отличный отъ самаго сознанія; напротивъ того, *всякое частное ощущеніе и есть сознаніе въ данную минуту.* Предполагать, что духъ существуетъ въ двухъ различныхъ состояніяхъ, въ *ощущеніи и сознаніи его, есть очевидная нелѣпость.* Сознаніе есть цѣлый рядъ состояній духа, каковы бы ни были эти жизненныя, минутныя, преемственныя состоянія, и этотъ терминъ употребляется не для выраженія чего-либо новаго, добавочнаго къ этому ряду: сознаніе не существуетъ подлѣ ощущеній, мыслей, страстей точно также, какъ не существуетъ четвероногое или животное, какъ отдѣльное существо, которое нужно прибавить къ волкамъ, тиграмъ, слонамъ и т. д. По *Броуну* [3]), иллюзія сознанія, какъ особенной силы, или элементарнаго, параллельнаго всѣмъ другимъ, состоянія духа, выходитъ изъ частаго употребленія мѣстоименія *Я*, какъ выраженія чувства нашего личнаго тожества, при смѣнахъ минутныхъ нашихъ состояній. Здѣсь связано нѣсколько преемственныхъ фактовъ: минутное сознаніе, состоящее въ какомъ-нибудь чувствѣ духа, и отношеніе его къ тому-же духу, который былъ уже въ другихъ состояніяхъ, исчезнувшихъ, прошлыхъ. Очевидно, что *сознаніе есть фактъ весьма сложный, слагающійся изъ нѣсколькихъ послѣдовательныхъ сознаній минуты, оригинальнаго впечатлѣнія и воспроизведенія по законамъ ассоціаціи.* Вся [4]) тайна внутренняго наблюденія сводится къ двумъ способностямъ: воспроизведенію и чувствамъ различныхъ отношеній воспроизводимыхъ состояній. Въ-дѣйствительности же бываетъ только рядъ послѣдовательно смѣняющихся идей и ихъ отношеній. Духъ нашъ, въ двухъ различныхъ

[1]) 292. [2]) 295. [3]) 296. [4]) 298.

состояніяхъ, въ одно и тоже время, существовать не можетъ.—Вообще, по словамъ *М. Троицкаго*, нѣмецкое ученіе *о способностяхъ* [1]), *или силахъ духа*, долго тормозило успѣхи эмпирической, т. е. индуктивной психологіи. Но какъ-скоро однажды было доказано, *Бэкономъ и Локкомъ*, что наука о духѣ ограничена изученіемъ однихъ только духовныхъ явленій, то само собою подразумѣвалось, что *силы или способности духа суть только самыя духовныя явленія и ничего больше,—точнѣе сказать, извѣстныя ихъ отношенія, законы или однообразія*, къ какимъ онѣ сводятся путемъ индукціи или анализа. *Въ духѣ возможно одно только преемство, одна послѣдовательность состояній*, и невозможна дѣйствительная абсолютная современность ихъ. *Духъ* [2]) *безусловно простъ, поэтому, и каждое отдѣльное состояніе или впечатлѣніе его должно быть безусловно просто.*—Уже замѣчено, что, по *М. Троицкому*, ощущеніе цвѣта не есть прибавленіе къ духу, но ощущеніе цвѣта и есть духъ, существующій, въ данный моментъ, въ извѣстномъ состояніи, и ощущеніе благовонія и есть духъ, существующій въ послѣдующій моментъ въ нѣкоторомъ другомъ состояніи.

XIII) Итакъ, *что же именно, и гдѣ, и какъ существуетъ*, послѣ всего этого, когда *и матерія, и духъ, и силы духа не существуютъ?* Мы уже читали у *М. Троицкаго*, что [3]) познаніе чего бы ни было, за предѣлами простыхъ явленій, недоступно нашимъ познавательнымъ средствамъ. Уже видѣли, что знаменитый вопросъ объ отношеніи между духомъ, какъ неизвѣстнымъ подлежащимъ духовныхъ явленій, и веществомъ, какъ сущностію независимою отъ нашихъ внутреннихъ состояній, столь занимавшій схоластику и школу *Декарта*, остался вопросомъ будто-бы не имѣющимъ въ наукѣ никакого мѣста. *Что-же имѣетъ мѣсто въ наукѣ? Все, что могло бы подлежать научному изслѣдованію*, по словамъ *М. Троицкаго*, будетъ, послѣ этого, не отношеніе духа и тѣла, какъ противоположныхъ субстанцій, *а единственно взаимное отношеніе двухъ противоположныхъ порядковъ явленій, вещественныхъ и духовныхъ, т. е. двухъ порядковъ нашихъ внутреннихъ состояній, или состояній нашего сознанія*, изъ которыхъ въ одномъ мы видимъ міръ внѣшній и отъ нашего духа независимый, а къ другомъ—собственныя дѣйствія своего духа. Итакъ, *существуютъ не духъ и тѣло или вещественный міръ*, какъ двѣ противоположныя, соотносящіяся субстанціи, *а только два порядка явленій, порядокъ явленій вещественныхъ и порядокъ явленій духовныхъ.*

XIV) *Какой же изъ этихъ двухъ порядковъ есть первоначальный, причинный, и какой послѣдующій, производный?* — Казалось бы, судя по нѣкоторымъ выраженіямъ *М. Троицкаго*, что духовный есть порядокъ первичный, а вещественный есть порядокъ производный. Тотъ и другой, духовный и вещественный порядки называются *у М. Троицкаго* порядками *нашихъ внутреннихъ состояній, состояній нашего сознанія.* Говорится, что *духъ и вещество, для нашего знанія и науки, суть только два логически противоположныхъ порядка явленій, или нашихъ внутреннихъ состояній*; слѣд., не-только духъ, но и вещество есть одинъ изъ двухъ порядковъ именно *нашихъ внутреннихъ состояній.* Говорится, что *внѣшній міръ существуетъ для насъ въ-силу нашихъ состояній*, которыя

---

[1]) 123. [2]) 84. [3]) 72.

мы называемъ внѣшними ощущеніями. Все наше знаніе о веществѣ ограничено нашими *внутренними состояніями*; *Локкъ* вмѣстѣ съ *Гоббесомъ* [1]) учили, что идея протяженія, какъ и идеи жесткаго, твердаго и мягкаго, суть только *наши чувственныя состоянія*. Внѣшній міръ, съ которымъ имѣетъ дѣло наука, есть только видоизмѣненіе нашего собственнаго сознанія. Міръ для насъ существуетъ только въ явленіи, иначе сказать, въ ощущеніи и идеѣ. Или лучше, постоянныя и независимыя идеи и суть въ-дѣйствительности вещество, только подъ другимъ названіемъ. Вещи суть только аггрегатъ моихъ собственныхъ ощущеній. Анализъ и критика способны оставить меня съ однимъ духомъ, съ одними состояніями ума и чувствительности, при чемъ внѣшнія вещи для меня, въ эту минуту, не существуютъ, — уничтожаются. Внѣшнія причины различныхъ чувственныхъ явленій суть наши ощущенія, и къ нимъ-то мы относимъ чувственныя качества вещей; тогда-какъ въ этомъ случаѣ мы не идемъ дальше собственныхъ состояній сознанія, дальше нашихъ внѣшнихъ ощущеній и ихъ сосуществованій и преемствъ. — Выраженія какъ нельзя болѣе рѣшительныя. Но мы еще разъ впали бы въ совершенную иллюзію, вообразивъ, будто *М. Троицкій* и его школа провозглашаютъ *духъ причиною вещества, а вещество произведеніемъ духа*.

XV) *Иньтъ*; *духъ и вещество суть только двѣ вѣтви на одномъ стволѣ и корнѣ, на состояніи сознанія, на идеѣ, на ощущеніи*. Первопричиною духа и вещества одновременно является опять-таки не что иное, какъ ощущеніе. Духъ, по словамъ *М. Троицкаго*, употребляетъ въ дѣло всѣ свои операціи еще прежде, чѣмъ *сформируетъ чувство отличія состояній субъективныхъ отъ объективныхъ, собственно духа отъ вещества и другихъ лицъ. Это отдѣленіе духовныхъ операцій отъ явленій вещественныхъ въ-дѣйствительности и есть первый шагъ сосредоточенія духа на собственныхъ операціяхъ, или узнаванія ихъ разности, ихъ противоположности веществу. Иллюзія* [2]) *сознанія*, какъ особенной силы, или элементарнаго, параллельнаго всѣмъ другимъ, состоянія духа, выходитъ изъ частаго употребленія мѣстоименія *Я*, какъ выраженія чувства нашего личнаго тожества, при смѣнахъ минутныхъ нашихъ состояній. Но въ сознаніи *Я* связано нѣсколько преемственныхъ фактовъ: минутное сознаніе, состоящее въ какомъ-нибудь чувствѣ духа и отношеніе его къ тому-же духу, который былъ уже въ другихъ состояніяхъ, изчезнувшихъ, прошлыхъ. Всякая фраза съ прибавкою *Я* всегда предполагаетъ 1) *какое-нибудь чувство дѣйствительное*, — 2) *какое-нибудь воспроизведеніе* или воспоминаніе, или, лучше, цѣлую массу такихъ воспоминаемыхъ состояній, и 3) отожествленіе ихъ, или увѣренность, что первое (данное въ извѣстный моментъ чувство) *принадлежитъ тому-же духу, которому принадлежатъ и послѣднія* (воспоминаемыя состоянія). Очевидно, что фактъ сознанія слагается изъ нѣсколькихъ послѣдовательныхъ сознаній минуты: 1) *оригинальнаго впечатлѣнія и* 2) *воспроизведенія по законамъ ассоціаціи*. Воспроизведеніе переводитъ *къ состояніямъ субъективнымъ*, въ которыхъ мы мыслимъ *свойства нашего духа*,—*Я, какъ противоположности внѣшнимъ предметамъ*,— *Не-я. Такой контрастъ наживается постепенно*, живымъ отдѣленіемъ состояній личныхъ отъ предметныхъ, состояній собственныхъ отъ состояній другихъ лицъ.

---

[1]) 296. [2]) 141.

Броунъ говоритъ: безспорно, что *одинъ и тотъ-же недѣлимый духъ есть, въ одно и тоже время, и предметъ; и наблюдатель*; но, въ-силу способности памяти, *духъ нашъ, простой и недѣлимый, какъ онъ дѣйствительно есть, какъбы помножается на себя* и распростирается надъ всѣмъ длиннымъ *рядомъ ощущеній и волненій*, въ которыхъ онъ какъ-бы живетъ снова и живетъ неоднократно. *Иллюзіи сознанія*, какъ элементарнаго состоянія, содѣйствуетъ, по *Бэну* (какъ и по *Д. С. Миллю*), возрастающій *интересъ, какой мы принимаемъ въ собственномъ своемъ лицѣ,—чувство удовольствія*, которое задерживаетъ всякое дѣйствіе, какъбы останавливаетъ его исчезновеніе [1]). Впрочемъ, *появленіе мѣстоименія Я вовсе не есть господствующій фактъ въ нашемъ духѣ*: можно находиться въ *потокѣ настоящихъ чувствъ или впечатлѣній*, не вспомнивъ ни на минуту *ничего прошлаго*; потомъ можно вспоминать и не дѣлать отношенія всего испытываемаго къ тому-же духу, не отожествлять *настоящихъ состояній* съ состояніями воспроизводимыми; тогда не состоится и того, что выражается мѣстоименіемъ *Я*. При этомъ я возвращаюсь къ состоянію, подобному тому, какое должно быть въ духѣ, пока *не образовался этотъ контрастъ Я и Не-я*. Изъ всего этого слѣдуетъ, что *контрастъ Я и Не-я образуется одновременно изъ одной тожественной причины, изъ расходящагося по двумъ рускамъ потока ощущеній*.

XVI) Не смотря на то, — возражаетъ самъ *М. Троицкій*,—мы привыкли раздѣлять актъ знанія или познанія на двѣ части: *на нѣчто познающее и нѣчто познаваемое*. Въ ощущеніи мы имѣемъ *чувствующій духъ и чувствуемую вещь*,— *sentiens et sensum*. Если нѣчто познающее, чувствующее, перцептирующее называется духомъ, то что *такое будетъ то другое нѣчто, познаваемое, чувствуемое, перцептируемое?* Основаніе нашего дѣленія чувственнаго [2]) сознанія *на субъективное и объективное Бэнъ* находитъ единственно *въ контрастѣ нашихъ пассивныхъ ощущеній съ ощущеніями движенія и сопротивленія. Чувства движенія и сопротивленія* составляютъ въ ощущеніи *наше сознаніе объективное, наше non-ego*; *наше пассивное ощущеніе, наша жизнь въ идеяхъ даютъ сознаніе субъективное, наше ego*. *Броунъ* доказалъ, что ощущенія противодѣйствія принадлежатъ не чувству осязанія или нашей кожѣ, а *чувству мускульному или чувству движенія*. Онъ особенно ясно показалъ, что *всѣ акты нашего ума соотносительны* и что *различеніе предметовъ зависитъ отъ различенія состояній нашего чувствованія. Ощущенія, какъ источники идей, суть различенія духовныхъ состояній*; духовныя впечатлѣнія, какъ красный, или желтый цвѣтъ, звукъ и т. п., существуютъ только съ той минуты, когда звуки стали отдѣляться отъ цвѣтовъ, цвѣтъ красный отъ цвѣта желтаго, голубаго и проч. Однимъ словомъ, *никакихъ чувственныхъ качествъ, никакихъ ощущеній этихъ качествъ не существуетъ раньше различенія однихъ качествъ отъ другихъ. Иначе сказать, ощущенія суть умственные акты различенія однихъ духовыхъ состояній отъ другихъ*, вполнѣ зависящаго отъ состоянія мозга.—*Бэнъ* поставилъ *мускульное движеніе, какъ фундаментальный феноменъ нашей природы*, предваряющій наши внѣшнія *ощущенія. По Бэну*, какъ и по *Броуну*, *вѣра во внѣшнюю реальность* зависитъ отъ чув-

[1]) 290. [2]) 187.

ства сопротивленія, отъ мускульнаго чувства. Обрывая, безъ всякой извѣстной причины разности, привычный рядъ и сочетаваясь съ понятіемъ протяженія, которое получается вслѣдствіе ассоціаціи чувства преемственнаго ряда движеній съ чувствами осязательными, — чувство сопротивленія даетъ элементы того сложнаго понятія, какое мы называемъ понятіемъ матеріи. *Протяженіе, сопротивленіе, сочетать эти простыя понятія въ чемъ-либо отличномъ отъ насъ самихъ и имѣть понятіе матеріи, — это одно и тоже.* По *Бэну*, полное понятіе протяженія или пространства слагается изъ данныхъ трехъ различныхъ чувствъ: чувства мускульнаго, осязанія и зрѣнія; но послѣднія два чувства участвуютъ въ произведеніи этого понятія только косвенно, въ-силу своей ассоціаціи съ чувствами мускульными. *Чувство сопротивленія* [1]) *соотвѣтствуетъ нашему понятію тѣла и есть наша мѣра силы, инерціи, тяжести, момента или механическаго свойства вещества.*—Оказывается, такимъ образомъ, что *сознаніе объективное, которое мы называемъ внѣшностію, есть только видъ насъ-же самихъ, въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, но не въ ограниченномъ смыслѣ субъекта.* Убѣжденіе во внѣшней реальности есть чувственное воспріятіе даннаго дѣйствія, при какомъ-нибудь данномъ предыдущемъ; *какъ дѣйствія, такъ и причины суть только наши собственныя различныя ощущенія и движенія.* Когда мы приходимъ къ сообщенію съ другими существами и знаками сообщенія убѣждаемся, что онѣ проходятъ тотъ-же самый опытъ, какъ и мы сами, то это возвышаетъ еще больше постоянство между нашими ощущеніями и соотвѣтственными дѣятельными энергіями. Мы увѣряемся, что *въ тѣ минуты, когда какому-нибудь частному ощущенію, наприм., ощущенію свѣта, не подлежимъ мы сами, ему подлежатъ другія лица.* Это приводитъ насъ къ тому, что мы еще больше обобщаемъ ощущеніе и образуемъ для себя отвлеченіе, обнимающее *весь нашъ опытъ, прошлый и настоящій, весь опытъ другихъ. И это отвлеченіе есть самое большее, чего духъ каждаго изъ насъ способенъ достигнуть относительно внѣшняго или вещественнаго міра.* Возводить это отвлеченіе на степень независимаго [2]) отъ насъ существованія,—какъ это дѣлалъ, наприм., *Платонъ*, въ своей теоріи идей или формъ,—съ точки зрѣнія правильной методы, съ точки зрѣнія *М. Троицкаго*, было бы совершеннымъ извращеніемъ естественной исторіи нашего духа.

XVII) Такимъ образомъ, весь кругъ бытія замыкается для насъ нашими идеями, ощущеніями, явленіями чисто духовными. *Какія же частности, какіе отдѣлы получаемъ мы между духовными явленіями?* — Психологическій анализъ показалъ, по словамъ *М. Троицкаго* [3]), что *всѣ духовныя явленія распадаются на три класса:* 1) на порядокъ духовныхъ явленій, зависящихъ отъ извѣстныхъ состояній нашихъ тѣлесныхъ органовъ: это—*наша чувственность*; 2) порядокъ явленій, причинность которыхъ есть чисто духовная: это, по *Локку, явленія рефлексіи или рефлективныя, которыя, въ послѣднемъ анализѣ,* зависятъ *отъ нашихъ ощущеній или отъ чувственности,*—и 3) порядокъ явленій, отъ которыхъ непосредственно зависятъ извѣстныя состоянія или *перемѣны въ нашихъ тѣлесныхъ органахъ,* въ-особенности *въ системѣ мускульной.* Такимъ образомъ, получаются три порядка духовныхъ явленій: 1) нашей чувственности, 2) нашихъ мыслей и 3) нашей дѣя-

---

[1]) 151. [2]) 189. [3]) 130.

тельности. — Этому дѣленію нашего духовнаго существованія на три класса не противорѣчитъ и *Юмъ*, находя въ немъ слѣдующіе два отдѣла: 1) оригинальныя впечатлѣнія, какъ то: ощущенія, духовныя волненія, желанія (эти послѣднія выше отнесены къ третьему порядку) и проч., и 2) воспроизведеніе ихъ по законамъ ассоціаціи или идеи. Оригинальные законы духа, управляющіе всѣми духовными явленіями, въ фактѣ ихъ существованія подъ формою идей, представляютъ *три начала сочетанія идей, именно*: 1) *сходство*, 2) *смежность во времени и мѣстѣ* и 3) *причину или дѣйствіе*. Кромѣ этихъ двухъ или трехъ порядковъ [1]) духовныхъ состояній, этихъ оригинальныхъ впечатлѣній и этихъ идей, съ ихъ законами, ничего не существуетъ въ нашемъ духѣ: *въ нихъ безусловно исчерпываются всѣ духовныя явленія*. Индуктивная философія духа, преслѣдуя задачу, постановленную *Локкомъ*: объясненіе духовныхъ явленій изъ внѣшнихъ вліяній (т. е. ощущеній) и рефлексіи, изслѣдуетъ собственно *причинную связь* этихъ явленій.—*Причинная связь явленій есть только неизмѣнное и безусловное отношеніе преемства событій предыдущихъ къ событіямъ за ними слѣдующимъ. Всѣ случаи духовныхъ явленій* обязаны своимъ существованіемъ какимъ-нибудь предыдущимъ, *духовнымъ-же, явленіямъ, вызваннымъ внѣшними предметами, какъ ихъ причинами*. При такой постановкѣ дѣла, задача изученія духовныхъ явленій, въ глазахъ *М. Троицкаго, оказывается ясною до прозрачности*!

XVIII) Но,—позвольте-же,—внѣшніе предметы, какъ коренная, первоосновная причина духовныхъ явленій, существуютъ, или нѣтъ? Да объяснено-же вамъ многократно, что вещественныя, какъ и духовныя сущности, лежащія внѣ круга явленій: впечатлѣній, ощущеній, лежатъ внѣ предѣловъ человѣческаго знанія. Сказано-же, что вещи суть только аггрегатъ моихъ собственныхъ ощущеній. *По этому, бытіе вещей зависитъ отъ моего ощущенія и, съ прекращеніемъ или затемнѣніемъ ощущенія* (наприм., въ глубокомъ обморокѣ), *прекращается?* И это само собою разумѣется. Когда глубокій анализъ убѣждаетъ, что эти вещи суть только аггрегатъ моихъ собственныхъ ощущеній, я признаю *ихъ дѣйствительно своимъ*. Въ эту минуту, *для меня уже не существуетъ это внѣшнее предметное*. У меня остаются *одни мои ощущенія, мои собственныя состоянія*, и я отожествляю ихъ *не какъ вещи, а только какъ мои субъективныя состоянія*. Словомъ, анализъ и критика *уничтожаютъ феноменъ я и не я*, какъ духа и внѣшняго міра, и *оставляютъ меня съ однимъ духомъ, съ одними состояніями ума и чувствительностію. Внѣшнія вещи для меня, въ эту минуту, не существуютъ*; я возвращаюсь къ состоянію, подобному тому, какое должно быть въ духѣ, пока не образовался этотъ контрастъ *я* и *не-я*. Разъяснено уже, что, углубляясь въ причины чувственныхъ явленій и относимыхъ къ нимъ чувственныхъ качествъ, *мы не идемъ дальше собственныхъ состояній сознанія, дальше нашихъ внѣшнихъ ощущеній и ихъ сосуществованій и преемствъ*. Наше убѣжденіе въ существованіи внѣшняго протяженнаго міра, независимаго отъ нашего сознанія, возникаетъ раньше, чѣмъ мы начинаемъ давать себѣ отчотъ въ своихъ чувствахъ, и пробуждается всякій разъ, какъ мы бываемъ въ тѣхъ состояніяхъ, которыя называются внѣшними перцепціями, наблюденіями, ощущеніями. По этому, мы

[1]) 279.

не въ-состояніи идти противъ своей конституціональной склонности даже и тогда, когда *анализъ приводитъ къ инымъ результатамъ*. Такимъ образомъ, пока дѣло не касается точнаго опредѣленія отношеній нашего убѣжденія къ *результатамъ анализа*, мы выражаемся такъ, какъ чувствуемъ во всякую данную минуту, кромѣ минуты критики, — т. е. говоримъ *о существующемъ внѣ нашего духа и независимо отъ нашего духа предметномъ или протяженномъ мірѣ*. Но въ минуты анализа и критики, *мы остаемся съ скуднымъ сознаніемъ, что наше знаніе не идетъ такъ далеко, какъ наше убѣжденіе, и что вещество и матеріальный міръ суть только наши внѣшнія ощущенія и ихъ сосуществованія и преемства*. Поэтому, если возникаютъ научныя претензіи выдти изъ круга нашихъ собственныхъ чувствъ, или если эти самыя чувства разсматриваются только какъ видоизмѣненія существующаго внѣ насъ и независимо отъ насъ вещества, — то мы возвращаемся снова въ расположеніе аналитика и критика и можемъ сказать, что *такого рода реализмъ не заслуживаетъ имени науки*.

XIX) Послѣ этого и *бытіе моего духа безусловно зависитъ отъ моего ощущенія, какъ своей причины, и съ прекращеніемъ его прекращается?* Конечно! это ясно какъ кристаллъ. Уже сказано, что появленіе мѣстоимѣнія *Я*, по этой философіи, вовсе не есть господствующій фактъ въ нашемъ духѣ: можно находиться въ потокѣ настоящихъ чувствъ или впечатлѣній, не вспомнивъ, ни на минуту, ничего прошлаго; потомъ можно вспоминать и не дѣлать отношенія всего испытываемаго къ томуже духу, и не отожествлять настоящихъ состояній съ состояніями воспроизводимыми. *Тогда не состоится и того, что выражается мѣстоименіемъ—Я* (такъ-какъ уже объяснено, что сознаніе—*Я* есть фактъ сложный, слагающійся изъ чувства дѣйствительнаго, воспроизведенія воспоминаемыхъ подобныхъ состояній, и отожествленія, усвоенія того и другихъ одному и тому-же духу). Сказано также, что *анализъ и критика могутъ приводить мыслителя къ уничтоженію не-только феномена Не-я, какъ внѣшняго міра, но и феномена Я, какъ духа*, и возвращать къ состоянію, подобному тому, какое должно быть въ духѣ, пока не образовался этотъ контрастъ *Я* и *Не-я*, какъ, наприм., у новорожденнаго, или пока еще не родившагося младенца, у пробуждающагося каталептика, или летаргика и т. п... Для подобныхъ состояній не существуютъ не-только *Не-я*, но и *Я*.

XX) И все это, по увѣренію *М. Троицкаго*, не метафизика, а простое изложеніе фактовъ сознанія, сознанія научнаго, анализа, критики, держащихся строгихъ предписаній индуктивной методы...

Сдѣлаемъ попытку изобразить развитіе духа, или, точнѣе, знанія по предначертаніямъ философіи *М. Троицкаго*.

Беремъ моментъ, когда не существуютъ еще ни человѣкъ, ни духъ, ни знаніе, какъ и вообще ничто еще не существуетъ для знанія, для духа, для человѣка, не существуютъ ни внѣшній міръ, ни время, ни пространство. Вотъ *занимается заря первопричины всего, ощущенія*... Возникаекъ первое ощущеніе, за первымъ идутъ второе, третье и

т. д. ощущенія. Моментальное преемство перваго, втораго, третьяго и т. д. ощущеній даетъ начало обобщенному ощущенію *идеи времени*, которое и продолжается, пока чередуются слѣдущія одно за другимъ ощущенія. Сравниваемыя одно съ другимъ ощущенія оказываются не-только равномѣрнымъ, соотвѣтствующимъ преемственному паденію въ одинъ и тотъ-же центръ, преемствомъ совершенно тожественныхъ моментовъ времени, но и *разнообразіемъ ощущеній*,—ощущеній, гнѣздящихся въ мускульномъ чувствѣ разносторонняго *движенія* и разноднаго *сопротивленія*, а также разностепенныхъ и разнородныхъ ощущеній *осязанія*, *зрѣнія* и т. д. Уже не однообразное паденіе въ одинъ центръ тожественныхъ, хотя и отдѣльныхъ, моментовъ времени, не одна только прямолинейная связь, а всесторонняя ассоціація, въ одномъ обобщеніи, ощущеній мускульнаго чувства,—движенія и остановки, съ преемственными, разнымъ образомъ пресѣченными и остановленными ощущеніями осязанія и зрѣнія, какъ и прочихъ чувствъ, даютъ идею *мѣста или пространства*, *центромъ* котораго служитъ *главный чувствительный узелъ*, *радіусами* служатъ линіи, по которымъ отъ центра направляются, въ своей дѣятельности, разныя *чувства*, а *периферіею—предѣлъ*, до котораго дѣятельность ихъ простирается. Все разнообразіе ощущеній, въ постепенномъ своемъ развитіи, постепенно распадается на два господствующихъ класса: 1) *классъ ощущеній периферическихъ, или внѣшнихъ* и 2) *классъ ощущеній отраженныхъ внутрь и затѣмъ группирующихся около центральнаго чувствилищнаго узла. Первый классъ* ощущеній внѣшнихъ, своеобразно сгруппированныхъ въ особое объективное цѣлое, даетъ цѣлые ряды разнообразныхъ ощущеній остановленнаго движенія или сопротивленія, непроницаемости, массы, фигуры, цвѣтовъ и другихъ чувственныхъ явленій, которыя, отвлеченіемъ и обобщеніемъ, навѣшиваются на разные *внѣшніе субстраты, или объекты*, и даютъ общую *идею периферіи, противоположной центру, идею внѣшности, внѣшняго міра, Не—я. А второй классъ*, ощущеній внутреннихъ отраженныхъ, т. е. второе ощущеніе, отразившееся отъ периферіи и отнесенное къ первому ощущенію, третье ощущеніе, такимъ-же образомъ отраженное, отнесенное ко второму и первому, и послѣдующія такимъ-же образомъ отраженныя и отнесенныя къ третьему, второму и первому ощущеніямъ, по отдѣленіи въ нихъ, внутреннимъ анализомъ, элемента пассивнаго, субъективнаго, чисто внутренняго, отъ всѣхъ элементовъ воздѣйствующихъ извнѣ, объ-

ективныхъ, даютъ *идею контраста феномену Не—я и бытіе феномену Я.* Всѣ явленія, ощущенія, идеи, въ непрерывной серіи своего развитія, обнаруживаютъ и вліяніе *трехъ всеобщихъ, примитивныхъ законовъ или началъ: сходства, смежности и причинности.*—Вотъ эти-то основоположенія опредѣляютъ и,—можно сказать,—замыкаютъ положительную сторону философіи *М. Троицкаго*, конечно, въ ея общей сущности. А далѣе слѣдуютъ уже почти однѣ только отрицанія. Апріорныя начала или прирожденныя идеи, прежде возникновенія перваго ощущенія, не существуютъ; такъ-какъ всякая идея есть отраженное ощущеніе, такъ-какъ все наше знаніе ограничено однѣми нашими собственными состояніями,—то научнаго выхода изъ этихъ внутреннихъ состояній не существуетъ. Это иллюзія, что духовная явленія принимаются за простыя сказуемыя или видоизмѣненія (дѣйствія) нашего тѣла, какъ подлежащаго, или субстрата, или причины. Мы абсолютно не знаемъ ни вещества, ни даже духа, какъ субстанцій, независимыхъ отъ состояній нашего сознанія, такъ-какъ внѣшній міръ составляютъ только наши внѣшнія ощущенія и ихъ сосуществованія и преемства, или, что тоже, наши идеи, только подъ другимъ названіемъ; внѣшнее существованіе матеріи есть даровое предположеніе. Подобнымъ-же образомъ, существованіе и духа есть только рядъ преемственныхъ перемѣнъ: идеи суть самый духъ, подлежащій какому-либо впечатлѣнію. Впечатлѣнія, въ періодѣ времени, протекающій между ихъ исчезновеніемъ и воспроизведеніемъ, въ абсолютно-простомъ духѣ, абсолютно не существуютъ; сохраненіе, отдѣльно отъ воспроизведенія, есть вещь не существующая. Поэтому, и память оказывается вещью не существующею, и сознаніе, какъ особая, параллельная ощущенію, сила, есть иллюзія. Предполагать, что духъ существуетъ въ двухъ различныхъ состояніяхъ, въ ощущеніи и сознаніи его, есть очевидная нелѣпость. Вообще, силы или способности духа суть только самыя духовныя явленія,—и ничего больше; никакихъ способностей духа, какъ особенныхъ агентовъ, не существуетъ. Анализъ и критика способны приводить къ уничтоженію не только феномена *Не—я*, какъ внѣшняго міра, но и феномена *Я*, какъ духа, и возвращать къ состоянію, подобному тому, какое должно быть въ духѣ, пока не образовался контрастъ *Я* и *Не—я*. Вообще, реализмъ, допускающій бытіе чего-нибудь внѣ моего эфемернаго ощущенія, не заслуживаетъ имени науки. Выхода изъ этого заколдованнаго круга

нѣтъ: *все, что есть, есть только въ ощущеніи и существуетъ только, пока есть ощущеніе,—и внѣ ощущенія нѣтъ ничего...*

Не правду ли мы говорили, что эта самоновѣйшая философія совпадаетъ съ философіею древнихъ греческихъ софистовъ? Для сравненія, для наглядности, выпишемъ основныя положенія греческой софистики: «чѣловѣкъ есть мѣра всего существующаго, что оно есть, и не существующаго, что его нѣтъ. Для ощущающаго лица истинно то, что оно, въ каждое мгновеніе, ощущаетъ и усматриваетъ, при постоянномъ измѣненіи вещей, и себя самаго. Для него нѣтъ другаго теоретическаго отношенія къ внѣшнему міру, кромѣ чувственнаго ощущенія. Вообще, нѣтъ никакихъ объективныхъ опредѣленій и сужденій, нѣтъ ничего существеннаго самаго въ себѣ, но все есть дѣло субъективнаго представленія. Вообще, не существуетъ ничто. А если-бы что-либо и существовало, то его нельзя было бы познать. А если-бы и можно было познать, то было бы невозможно передать это знаніе другимъ, когда о нихъ самихъ неизвѣстно, существуютъ ли они сами, внѣ насъ, или нѣтъ,—или, лучше,—когда извѣстно, что не существуютъ. Не сущее и природа—это синонимы».—Оказывается, такимъ образомъ, что *М. Троицкій*, воскрешая своею теоріею ученіе древнихъ софистовъ, приглашаетъ насъ ни болѣе, ни менѣе, какъ вычеркнуть исторію развитія человѣческаго ума, отъ временъ патріархальныхъ и до выясненія основоположеній греческой софистики, а затѣмъ, начиная отъ *Сократа и Платона* и до *Декарта*, и до *Канта*, вообще до нашихъ дней; свѣта же истины убѣждаетъ онъ искать, послѣ греческихъ софистовъ и отчасти скептиковъ, исключительно только у *Бэкона и Локка*, съ ихъ послѣдователями, но и у нихъ подъ условіемъ пониманія ихъ не иначе, какъ только по толкованію его, *М. Троицкаго*.—«*Платонъ* требуетъ»,—досадуетъ *М. Троицкій*,—«чтобы мы не сущности вещей считали копіею съ состояній духа,—*какъ это есть на дѣлѣ*, — а на-оборотъ, *что очевидно нелѣпо; считать свои состоянія копіями съ какихъ—то вещей значитъ дѣлать комбинацію не-только произвольную, но и совершенно распадающуюся отъ внутренняго противорѣчія*» [1]). Эта выходка *М. Троицкаго* не требуетъ толкованій. Очевидно, нелѣпостію провозглашаетъ онъ здѣсь нетолько ученіе *Платона* и длинной серіи величайшихъ умовъ человѣчества, но и всеобщее убѣжденіе здраваго общечеловѣческаго смысла.

[1]) 337.

ГЛАВА XL.

Какъ же тутъ быть? Есть ли какая-либо возможность выбраться изъ этой бездны ничтожества, въ которую низвелъ насъ *М. Троицкій*, руководимый препрославленными имъ геніями: *Локкомъ*, *Юмомъ Броуномъ*, *Бэномъ*, *Д. С. Миллемъ?* Мы должны быть благодарны ему за то, что, усиливаясь закрыть всякій проблескъ реальности въ этой хаотической безднѣ, которая, однакожъ, кажется ему ясною какъ кристаллъ, онъ самъ раскрываетъ предъ нами нѣкоторыя искры свѣта, которыя могутъ вывести насъ на истинный свѣтъ Божій.

1) Допускаетъ ли *М. Троицкій* безусловность *закона причинности?* Мы видѣли уже, что допускаетъ и изслѣдованіе причинной связи поставляетъ главною, или даже единственною, задачею индуктивной философіи. Индуктивная философія духа, по *Броуну*, преслѣдуя задачу, поставленную *Локкомъ:* объясненіе духовныхъ явленій, изслѣдуетъ *собственно причинную связь этихъ явленій. Причинная связь*, разсматриваемая по руководству индуктивной методы, *есть неизмѣнное и безусловное отношеніе преемства событій предыдущихъ къ событіямъ за ними слѣдующимъ.* По *Юму*, всѣ духовныя явленія безусловно подчинены тремъ законамъ, именно: сходства, смежности и *причинности.* Абсолютно не существующія въ духѣ впечатлѣнія могутъ быть испытаны духомъ не иначе, какъ подъ условіемъ, *если будутъ даны фактическія причины ихъ идеальнаго существованія. Внутренняя причинность* духовныхъ феноменовъ, по словамъ *М. Троицкаго*, управляется извѣстными законами, со всѣми вытекающими отсюда сложными послѣдствіями, составляющими постоянныя и универсальныя начала человѣческой конституціи. *Относительно начала причинности, по которому все начинающее существовать имѣетъ необходимо какую—нибудь причину*, мы имѣемъ непреодолимое убѣжденіе въ его истинности [1]),—и существованіе такого убѣжденія для *Юма* также, какъ и для *Рида*, есть вещь безспорная [2]). Если же это такъ, если ни одно явленіе не ускользаетъ изъ-подъ закона причинности, если всякое не существующее въ духѣ впечатлѣніе можетъ быть испытано не иначе, какъ подъ условіемъ *бытія фактической причины его возникновенія*,—то мы предлагаемъ *М. Троиц-*

[1]) 374. [2]) 384.

кому вопросъ *о причинѣ самаго первоначальнаго ощущенія, въ каждомъ ли то раждающемся человѣкѣ, или по-преимуществу въ первомъ прародителѣ человѣческаго рода.* Существуетъ ли, была ли причина, предшествовавшая первому человѣческому ощущенію? Конечно, была, есть и бываетъ.—Этого мало. Мы ставимъ вопросъ на гносеологическую точку: *знаемъ* ли мы, что у третьяго, по счоту отъ перваго, ощущенія есть своя причина (положимъ, во второмъ и первомъ ощущеніи), отъ которой оно, — это третье ощущеніе, зависитъ, и что эта причина существовала прежде и независимо отъ него? Конечно, *знаемъ. Знаемъ* ли, что и у втораго ощущенія существовала такая-же, независимая отъ него, причина (предположимъ, въ первомъ ощущеніи)? Конечно, *знаемъ. Знаемъ* ли, что и у перваго, самаго изначальнаго, ощущенія была своя и независимая отъ него причина? *Конечно, знаемъ,*—при чемъ знаемъ также и то, что эта, дававшая бытіе первому ощущенію и независимая отъ него, причина не была ощущеніемъ, не была, по крайней мѣрѣ, въ томъ нарождающемся или первозданномъ человѣкѣ, въ которомъ возникло отъ этой причины первое ощущеніе. А эта причина перваго ощущенія должна имѣть впереди себя цѣлую серію причинъ,—и *вся эта совокупность данныхъ, имѣвшихъ своимъ послѣдствіемъ первое ощущеніе человѣческаго духа, существовала независимо отъ него.* И мы это знаемъ, посредственно или непосредственно, дедуктивно или индуктивно, но непререкаемо знаемъ.

II) Допускаетъ ли *М. Троицкій причинное вліяніе тѣла и вообще внѣшняго духу міра на образованіе идей, ощущеній и впечатлѣній?*— Допускаетъ, но не безъ противорѣчій самому себѣ и, особенно, не безъ противорѣчій слишкомъ яснымъ выраженіямъ своихъ корифеевъ, руководителей. Вотъ слова *Локка*: «человѣкъ впервые начинаетъ имѣть *идеи*, когда впервые имѣетъ какое-нибудь ощущеніе; *идеи* въ умѣ современны *ощущенію*, т. е. какому-нибудь *впечатлѣнію*, или *движенію* въ извѣстной части *тѣла*; рефлексія есть рядъ духовныхъ *явленій*, вызванныхъ предметными *впечатлѣніями*». Значитъ, по мнѣнію *Локка, мы знаемъ*, что для идей *есть предшествующая причина* въ ощущеніи,—*знаемъ*, что для ощущеній *есть предшествующая причина* во внѣшнемъ впечатлѣніи,—*знаемъ*, что для впечатлѣній *есть предшествующая причина* въ движеніи частей тѣла,—знаемъ, что для движенія частей тѣла *есть своя предшествующая причина въ существованіи тѣла.* Пусть мы не знаемъ ка-

чествъ тѣла; тѣмъ не менѣе мы *знаемъ его предварительное и независимое отъ нашего ощущенія бытіе.* Да и того сказать нельзя, будто мы вовсе не знаемъ качествъ тѣла. Нѣтъ; мы знаемъ, по крайней мѣрѣ, *одно за нимъ качество или проявленіе*, именно, что оно есть причина движенія, впечатлѣнія на чувство, ощущенія и идеи въ умѣ (идеи, понимаемой въ широкомъ смыслѣ школы *М. Троицкаго*). По *Броуну,* «всѣ духовныя явленія, по *своимъ предыдущимъ причинамъ (или антецедентамъ*), распадаются на два класса: а) явленія, *производимыя причинами внѣшними*, т. е. *предшествующими имъ перемѣнами въ тѣлѣ и событіями въ окружающемъ наше тѣло вещественномъ мірѣ*, и б) явленія, производимыя причинами внутренними».— Здѣсь причины внѣшнія названы прямо *предшествующими* явленіямъ духовнымъ, слѣдовательно, отъ послѣднихъ онѣ независимы. Такъ-какъ ощущенія, по словамъ самаго *М. Троицкаго*, суть «необходимыя начала всей высшей духовной жизни,—то, безъ *предварительныхъ* извѣстныхъ перемѣнъ или событій въ нашемъ тѣлѣ, безъ явленій въ нервахъ и мозгѣ, отъ которыхъ зависятъ наши ощущенія, мы не могли бы, родившись на свѣтъ, быть причастниками какой бы то ни было духовной жизни. *Явленіямъ духовнымъ*, которыя мы называемъ *внѣшними ощущеніями, неизмѣнно и безусловно предшествуютъ различныя органическія перемѣны или событія въ нервахъ и мозгѣ*». Сказано какъ нельзя болѣе рѣшительно. Значитъ, мы знаемъ, что сначала *предшествуютъ* органическія перемѣны въ нервахъ и мозгѣ, а затѣмъ *послѣдуютъ* явленія духовныя,—и, во-первыхъ, внѣшнія ощущенія. На вопросъ: имѣютъ ли органическія явленія какое бы то ни было прямое, или косвенное, вліяніе на собственныя операціи духа?— у *М. Троицкаго* дается отвѣтъ, что «всѣ физіологическія данныя склоняются къ отвѣту на этотъ вопросъ утвердительному, хотя относительно самой природы связи чувствилищнаго органа съ ощущающимъ духомъ мы, по словамъ *Броуна*, никогда не будемъ въ-состояніи *знать что-нибудь больше того*, что заключается въ простомъ фактѣ (который, значитъ, мы знаемъ), *что извѣстному состоянію духа предшествуетъ непосредственно извѣстное впечатлѣніе на нервную систему,* — что за особеннымъ состояніемъ частей мозга всегда слѣдуетъ перемѣна въ состояніи ощущающаго духа». И вдругъ *М. Троицкій* начинаетъ противорѣчить себѣ, усиливаясь объяснить происхожденіе и воспроизведеніе впечатлѣній исключительно духовными законами ассоціаціи, подвергая сомнѣнію состоятельность издавна

существовавшей, для объясненія связи явленій, теоріи *нервной жидкости или эвира Ньютона, животныхъ духовъ Декарта, или нервныхъ токовъ*,—утверждая, вопреки всѣмъ физіологіямъ, будто попытки френологіи осуждены безвозвратно успѣхами анатоміи, т. е. будто развитіе черепа не имѣетъ ни малѣйшаго вліянія на развитіе способностей,—называя иллюзіею, опять вопреки всѣмъ физіологамъ, мысль о предсуществованіи таинственной связи между воспроизводимыми идеями раньше самаго акта воспроизведенія,—т. е. считая обманчивою мысль, будто эта связь лежитъ глубже нашихъ ощущеній и скрывается именно *въ сочетаніяхъ мозга и нервной системы*, что, однакожъ, утверждаютъ всѣ новѣйшія физіологіи,—вообще провозглашая психическою, будто-бы опровергаемою точнымъ анализомъ умственныхъ явленій, иллюзіею всю физіологическую теорію законовъ ассоціаціи, зависимости склада мыслей отъ строя мозга и нервовъ,—думая удовлетвориться, вопреки склонности современной психофизики, исключительно психологическою обработкою этихъ законовъ, такъ счастливо, по словамъ *М. Троицкаго*, начатою *Юмомъ*. Затѣмъ, по словамъ *М. Троицкаго*, и то только иллюзія обще-человѣческаго убѣжденія, что мы разсматриваемъ вещи протяженныя, какъ существующія съ этимъ качествомъ независимо отъ нашего духа,—что мы помѣщаемъ часть своихъ субъективныхъ состояній въ эти протяженныя вещи и, ближайшимъ образомъ, въ органы своего тѣла, какъ независимое отъ духа протяженное внѣшнее существованіе; и то иллюзія популярнаго сознанія, что для него тѣло стоитъ подлежащимъ, а чувственность сказуемымъ,—что не-только простые люди, но и ученые принимаютъ духовныя явленія за простыя сказуемыя, или видоизмѣненія нашего тѣла, тогда-какъ психологія никогда не можетъ забыть, что *внѣшніе предметы служатъ для него только простыми намѣстниками неизвѣстныхъ ему причинъ его чувственныхъ состояній*. Пусть-бы и такъ. Это послѣднее выраженіе *М. Троицкаго* заставляетъ думать, что, по его мнѣнію, чувственныя состоянія даютъ намъ *знать о существованіи внѣшнихъ предметовъ, какъ независимой отъ нашего ощущенія причины его*, хотя и ничего другаго не говорятъ объ ихъ свойствахъ, какъ утверждаетъ *Кантъ*. Но *М. Троицкій* противорѣчитъ себѣ и въ этомъ, утверждая опять, что, углубляясь въ эти причины, мы идемъ дальше собственныхъ состояній сознанія, дальше нашихъ внѣшнихъ ощущеній и ихъ сосуществованій и преемствъ,—что *вещество, матеріальный міръ суть только наши вы-*

шнія ощущенія и ихъ сосуществованія и преемства,—или: вещество это наши постоянныя и неизмѣнныя идеи. — Хорошо; временно допустимъ это.

Предложимъ теперь *М. Троицкому* другой вопросъ: *допускаетъ ли онъ существенную разницу между духомъ и матеріею?*—Повидимому, допускаетъ, хотя опять не безъ противорѣчій себѣ и своимъ корифеямъ. Все, что можетъ подлежать научному изслѣдованію, все, что мы можемъ знать, по словамъ *М. Троицкаго*, есть взаимное *отношеніе двухъ противоположныхъ порядковъ явленій, вещественныхъ и духовныхъ*, т. е. двухъ порядковъ нашихъ внутреннихъ состояній, или состояній нашего сознанія, изъ которыхъ въ одномъ мы видимъ міръ внѣшній и отъ *нашего духа независимый*, а въ другомъ—собственныя дѣйствія своего духа. Оказывается, что явленія вещественныя и духовныя представляютъ собою два порядка не-только различные, но и противоположные. «Явленія духовныя *существенно отличаются отъ вещественныхъ*»,—подтверждаетъ себя *М. Троицкій*; «между явленіями вещественными и явленіями духовными остается *коренная разница*; духъ остается *существенно отличнымъ* отъ тѣла; между феноменальными качествами духа и вещества мы *не можемъ не признать существенной разницы,—и основная между всѣми разницами* та, что вещество есть нѣчто протяженное, дѣлимое, сложное, а духъ есть нѣчто не протяженное, не дѣлимое, простое; отсюда вещество подлежитъ особенному, ему только свойственному, анализу, внѣшнему, реальному, безусловному, анализу одной вещественной субстанціи посредствомъ другой вещественной субстанціи,—а духъ подлежитъ только анализу внутреннему, относительному и кажущемуся, анализу въ понятіи или въ чувствѣ отношенія событія послѣдующаго къ двумъ или болѣе предыдущимъ» [1]). Конечно, положеніе *о существенной разности между духовнымъ и тѣлеснымъ* вообще не подлежитъ спору. Но, послѣ этого, рождается *вопросъ: какъ-же могли произойти тѣ и другія явленія изъ одного и тогоже источника,—какъ могли возникнуть всѣ противоположности, всѣ контрасты явленій изъ одной первопричины,—первоначальнаго ощущенія?*—Этотъ коренной вопросъ, конечно, не оставленъ у *М. Троицкаго* безъ отвѣта.

Сколько мы поняли разъясненія *М. Троицкаго* по этому вопросу, *сосуществованіе всѣхъ, самыхъ разнообразныхъ духовныхъ* явленій

---

[1]) 275.

(разумѣя здѣсь, во-первыхъ, внѣшнія ощущенія, совокупно со всѣми чувственными предметами) онъ хочетъ объяснить *преемствомъ ихъ, иначе сказать, взаимными отношеніями преемственнаго ихъ возникновенія.* Самъ онъ въ восторгѣ отъ этого своего открытія.—«Можно сказать безъ преувеличенія, говоритъ онъ [1]), что это правило индуктивной философіи духа было самымъ плодотворнымъ изъ всѣхъ критическихъ началъ; оно однимъ ударомъ наносило смерть всѣмъ дикимъ, фантастическимъ вымысламъ въ наукѣ о духѣ. Пренебреженіе этимъ правиломъ составляетъ коренное зло всей нѣмецкой психологіи; такое пренебреженіе давало возможность удержать бездну средневѣковыхъ предразсудковъ и открывало дверь къ новымъ химерамъ». Въ чемъ же дѣло? — «Такъ-какъ духъ есть существо простое,—объясняетъ *М. Троицкій*,—то въ немъ возможно *одно только преемство, одна послѣдовательность состояній и невозможна дѣйствительная и безусловная современность ихъ.* Какъ существо простое, *духъ не можетъ существовать, въ одно и тоже время, въ двухъ различныхъ состояніяхъ».* — Отъ чего-же не можетъ, — возражаемъ мы, — когда опытъ говоритъ противное? — «Отъ того, — отвѣчаютъ намъ, — что *сосуществованіе, современность,* какъ дѣйствительное свойство вещей, *есть тоже самое, что пространственность, протяженность,* признакъ субстанцій тѣлесныхъ». Странно; намъ это основаніе представляется болѣе чѣмъ слабымъ. Нужно, казалось бы, сказать на-оборотъ: *не современность, не преемственность, а продолженіе есть пространственность, протяженность.* «Что называется сусуществованіемъ духовныхъ состояній,—продолжаетъ *М. Троицкій,* то вовсе не есть дѣйствительная современность,—и если, по временамъ, допускается выраженіе, что извѣстныя духовныя состоянія встрѣчаются въ одно и тоже время,—то этимъ хотятъ обозначить только или *дѣйствительную современность физическихъ перемѣнъ,* послѣдовательно вызывающихъ эти состоянія, или *незначительность ихъ разстоянія другъ отъ друга,* или-же *относительную дѣлимость духовнаго состоянія на его относительные элементы.* Не-смотря на современность физическихъ впечатлѣній, духъ сознаетъ ихъ только *преемственно или послѣдовательно и, поэтому, сохраняетъ всегда единство сознанія».*—Да неправда-же, возражаемъ мы:—опытъ свидѣтельствуетъ, что духъ одновременно можетъ быть въ разныхъ

[1]) 275.

состояніяхъ. Вопреки этому опыту, никакимъ точнѣйшимъ экспериментальнымъ измѣрителемъ нельзя вымѣрить душу и доказать математически, вопреки ежеминутному сознанію каждаго человѣка, что разныя свои состоянія духъ сознаетъ только преемственно и послѣдовательно, а никакъ не современно. «Нѣтъ въ нашей жизни ни одного мгновенія»,—пишетъ *Чистовичъ* [1]), «въ которое бы мы *одновременно не имѣли и не сознавали различныхъ душевныхъ состояній, различныхъ ощущеній, представленій, желаній и чувствованій.* Довольно указать на тотъ фактъ, что во время прогулки на свѣжемъ воздухѣ, *въ одно и тоже время,* работаетъ умъ, наслаждается обоняніе, ведется или слышится разговоръ, заняты зрѣніе и осязаніе и, въ тоже время, дѣлаются движенія и сознается то или другое настроеніе духа. Никто не станетъ утверждать, чтобы человѣкъ, который дѣятельно наслаждается всѣми этими впечатлѣніями, принималъ большую часть ихъ безсознательно, т. е. невѣдомо для себя, или не замѣчалъ множество впечатлѣній, имѣвшихъ случай одновременно представиться его сознанію. Всего легче соединяются въ сознаніи акты чувствованія и мышленія. Одновременно съ сознаніемъ своего настроенія, мы можемъ представлять себѣ что-нибудь; рисуя въ своемъ воображеніи мрачныя картины, мы можемъ одновременно сознавать и мрачность самыхъ картинъ и мутность своего настроенія. Утвержденіе (школы *Гербарта*), будто противоположныя представленія и вообще душевныя состоянія не вмѣщаются одновременно въ сознаніи и потому вытѣсняютъ оттуда другъ друга, оказывается несостоятельнымъ предъ свидѣтельствомъ опыта; даже крайнія противоположности, какія могутъ быть найдены нами въ данномъ содержаніи, по-видимому, еще съ большею легкостію представляются одна подлѣ другой, нежели тѣ разности, которыя не доходятъ до прямой противоположности». Подставляя, на мѣсто духовныхъ, одновременно сознаваемыхъ, ощущеній, физическія перемѣны, *М. Троицкій* вводитъ путаницу понятій въ свою собственную теорію, по которой физическія, ощущаемыя, перемѣны суть духовныя-же явленія. Духъ вовсе не по тому сохраняетъ единство сознанія, что сознаетъ свои состоянія только преемственно, а по тому, что сознаетъ именно себя самаго единымъ въ корнѣ бытія, отличая себя отъ своихъ состояній. Утверждать же противное, значитъ итти противъ обще-человѣческаго опыта, выразив-

[1]) Психологія, стр. 10.

шагося, между прочимъ, и въ слѣдующемъ классическомъ изрѣченіи: *вижду инъ законъ во удѣхъ моихъ, противовоюющъ закону ума моего.*— «Для нѣмецкихъ же психологовъ», — негодуетъ *М. Троицкій* [1]), — «духъ можетъ существовать, въ одно и тоже время, въ двухъ и болѣе отдѣльныхъ состояніяхъ! Только у одного *Фриза* нашли мы замѣтку, *опровергающую* взглядъ, усвоенный въ этомъ пунктѣ англійскими психологами; другіе же, какъ *Гербартъ и Бенеке, и не считаютъ нужнымъ входить въ оправданіе такого дикаго положенія: такъ оно представлялось имъ естественнымъ и безспорнымъ!*—Конечно, по тому и не считали нужнымъ оправдываться, что это очевидное, подтверждаемое обще-человѣческимъ опытомъ, положеніе совершенно естественно и безспорно. Тѣмъ не менѣе вопросъ остается вопросомъ: *какъ-же изъ простоты духа, а особенно, если понимать ее въ ригористическомъ смыслѣ самаго М. Троицкаго, вывести не-только разности, но и контрасты явленій?*—Вотъ,—по его словамъ [2]),—«извѣстное наукѣ происхожденіе контрастовъ. Существуетъ большая разница между контрастами, какъ *оригинальными впечатлѣніями* и какъ *воспроизведеніями.* Первые основаны на общемъ законѣ *относительности всѣхъ умственныхъ состояній.* Здѣсь, въ этомъ кругѣ духовныхъ явленій, *каждый проблескъ сознанія основанъ на переходѣ отъ одного оригинальнаго впечатлѣнія къ другому. Только при переходѣ отъ одного впечатлѣнія къ другому возникаетъ чувство ихъ разности или контрастъ въ широкомъ смыслѣ.* Еслибы не существовало *этого перехода, то не существовало бы и чувства разницъ, вообще никакого умственнаго сознанія, никакого ума.* Такъ-какъ всякое умственное сознаніе предполагаетъ, по меньшей мѣрѣ, два предшествующихъ состоянія нашей чувствительности, и это сознаніе есть только чувство ихъ взаимнаго отношенія,—то отсюда слѣдуетъ, что всѣ наши идеи относительны, или соотносительны. *Каждая различаемая вещь, каждое качество имѣетъ свой коррелятивъ*,—и въ число этихъ коррелятивовъ входятъ *и всѣ контрасты, въ тѣсномъ смыслѣ, какъ крайнія разницы, несходства, противорѣчія или отрицанія.* Но тѣ контрасты, съ какими мы имѣемъ дѣло въ возрастной жизни, кромѣ закона относительности, основаны на законахъ ассоціаціи, на воспроизведеніи по смежности и сходству. Это контрасты идеальные, которые возникаютъ или по вызову идеи, или по вызову оригинальныхъ

[1]) 277. [2]) 342.

впечатлѣній, сопровождаемыхъ цѣлою массою воспроизведеній. Въ томъ и другомъ случаѣ несомнѣнно, что *ни одинъ контрастъ не въ-состояніи возникнуть до тѣхъ поръ, пока не будетъ на-лицо тѣхъ самыхъ состояній духа*, какія различаются и, такимъ образомъ, становятся въ контрастъ, или взаимную противоположность. Вообще, контрастъ, который состоитъ единственно въ чувствахъ взаимнаго отношенія впечатлѣній или идей, есть продуктъ, послѣдствіе этихъ впечатлѣній или идей, какъ своихъ причинъ, или непосредственныхъ предыдущихъ» [1]). *Шеллинговъ* законъ контрастовъ ума *М. Трощкій* называетъ «неостроумною шуткою надъ здравымъ смысломъ науки. По этому закону *Шеллинга, противоположности соединяются въ единствѣ, и единство раздѣляется на противоположности.* Этотъ ложный законъ, по *Трощкому*, сложился нестолько изъ наблюденій надъ операціями нашего ума, сколько изъ данныхъ физики; психологія не можетъ допустить, чтобы наши *умственныя, противоположныя, контрастирующія состоянія сходились между собою,* какъ сходятся вещественныя субстанціи, и составляли собою какое-нибудь простое состояніе, распадающееся на новыя, современно существующія состоянія. Если построеніе *Шеллинга* есть выводъ физическій, нѣчто въ-родѣ *теоріи Грове о взаимномъ соотношеніи физическихъ силъ*,—то никакая физика, по *М. Трощкому*, не напала, до сихъ поръ, *на слѣды того универсальнаго закона, по которому противоположности соединяются въ единствѣ и единство раздѣляется на противоположности*».—Странно, что *М. Трощкій* не затрудняется, въ своихъ видахъ, отрицаніемъ общеизвѣстнаго въ наукѣ факта, что нѣтъ на свѣтѣ физика, который отрицалъ бы гипотезу *Грове* о соотношеніи силъ, хотя и не найдено пока способовъ сдѣлать ее очевидною. Намъ непонятно и то, почему *М. Трощкій* такъ не желаетъ объяснять операціи ума данными физики, когда, именно съ его точки зрѣнія, такое объясненіе, казалось бы, какъ нельзя болѣе натурально и научно. Вѣдь, съ его точки зрѣнія, данныя физики совершенно тождественны съ операціями ума,—такъ-какъ тѣ и другія суть продуктъ того-же нашего духа. Нѣтъ; на этотъ разъ онъ стоитъ на томъ, что *наука о духѣ знаетъ одно существованіе, составляющееся изъ преемственно возникающихъ состояній.* Пусть такъ.

Приложимъ же эту *теорію контрастовъ* къ тому, что мы выше

---

[1]) 343.

сказали о происхожденіи *первооригинальнаго впечатлѣнія*. Само оно, какъ мы видѣли, согласно теоріи *М. Троицкаго*, возникло чуть-ли не безъ предварительной причины; но дальше, по безусловно-обязательному закону причинности, оно неизбѣжно становится первопричиною всѣхъ послѣдующихъ впечатлѣній. Теперь обратимъ вниманіе на моментъ, *какъ изъ первооригинальнаго ощущенія возникаетъ второе ощущеніе*. Спрашивается, можетъ ли оказаться это второе, производное, ощущеніе отличнымъ отъ ощущенія первооригинальнаго, какъ своей причины? Можетъ, но только въ степени, и то только въ уменьшенной, пониженной, но никакъ не въ качествѣ и тѣмъ болѣе не въ родѣ. Иначе трудно было бы постигнуть, если-бы въ дѣйствіи оказалось больше, чѣмъ есть въ причинѣ, или еслибы оказалось что-либо совершенно иное, совсѣмъ отличное отъ причины,—наприм., еслибы изъ вкусоваго ощущенія произошло, безъ посредствующей причины, ощущеніе слуховое и т. п. Если бы въ происхожденіи втораго, или третьяго, ощущеній дѣйствовала одна только причина, одно первооригинальное ощущеніе,—то естественно было бы ждать, что она произвела бы изъ себя одно, или два, или больше ощущеній себѣ равныхъ и совершенно подобныхъ и, истощившись на нихъ, исчезла бы безъ остатка. Тогда могли бы образоваться только разности въ степени; но происхожденіе разностей въ качествѣ, а тѣмъ болѣе появленіе рѣзкихъ контрастовъ было бы рѣшительно необъяснимо. Впрочемъ, *М. Троицкій* какъ-будто вовсе устраняетъ гипотезу, чтобъ оригинальныя впечатлѣнія были различны въ своемъ качествѣ сами по себѣ. Нѣтъ, ощущеніе разности втораго производнаго ощущенія отъ первооргинальнаго, по объясненію *М. Троицкаго*, дается единственно только переходомъ сознанія отъ одного къ другому ощущенію, именно сознаніемъ только того, что *это ощущеніе есть второе послѣ перваго*. Если же это такъ, то, спрашивается, на-основаніи закона причинности, *отъ чего-же второе ощущеніе при этомъ оказывается отличнымъ отъ перваго*? Если въ существѣ своемъ то и другое, первое и второе, ощущенія совершенно сходны, то отъ чего-же то и другое не кажется скорѣе тожественнымъ, чѣмъ различнымъ? Если это происходитъ не отъ качества самыхъ ощущеній, а только отъ перехода между ними,—то *что такое этотъ переходъ, какъ причина, какъ новый средній терминъ*, имѣющій въ себѣ силу явить первые два тожественные термина, два совершенно одинаковыхъ ощущенія, различными? Имѣемъ ли мы какое-либо право отдѣлить его отъ ощу-

щеній, какъ особую реальность, когда и самое сознаніе, по *М. Троицкому*, не отдѣлимо отъ ощущенія? И измѣненіе тожественныхъ ощущеній въ различныя, однимъ только переходомъ отъ одного ощущенія къ другому, не будетъ ли противорѣчить опыту? Совершенно равномѣрный, радужный спектръ солнечнаго луча измѣнится ли въ моемъ ощущеніи до контраста единственно только отъ того, что я смотрю на него долго, а не одно мгновеніе, и, слѣдовательно, получаю цѣлый рядъ однообразныхъ впечатлѣній? Не бываетъ ли на дѣлѣ совершенно наоборотъ, именно, что непрерывное продолженіе тожественныхъ впечатлѣній сливаетъ ихъ въ одно неразложимое ощущеніе, каково, наприм., ощущеніе звуковой волны отъ удара по струнѣ, или ощущенія запаха розы, сладкаго вкуса, отъ тающаго во рту куска сахара, прикосновенія воды при погруженіи въ нее и т. д. Если первое ощущеніе, произведши изъ себя второе, — второе, произведши изъ себя, по роду своему, третье,—третье, произведши изъ себя четвертое, истощаются на свои произведенія и исчезаютъ изъ духа, который, по *М. Троицкому*, никакъ не можетъ быть кладовою своихъ пережитыхъ состояній,—то откуда могло возникнуть все это безчисленное множество и безпредѣльное разнообразіе ощущеній, наполняющихъ каждый человѣческій духъ? Эти вопросы въ теоріи *М. Троицкаго* остаются рѣшительно неразъясненными. Его теорія, напротивъ, заставляетъ предполагать, что *не-только перво-оригинальное ощущеніе возникаетъ само собою, безъ предварительной причины,—но и второе, если оно отлично отъ перваго, и третье, и четвертое и послѣдующія, если онъ отличны отъ своихъ предыдущихъ, и все это безконечно разнообразное множество нашихъ ощущеній, возникаютъ также недовѣдомымъ и, ввиду безусловно обязательнаго закона причинности, не-изъяснимымъ чудомъ.*

Вообще, если впереди первооригинальнаго, какъ и всѣхъ послѣдующихъ ощущеній, не существуетъ духъ, какъ субстанція, хранящая въ себѣ зерно безпредѣльнаго духовнаго развитія,—а, съ другой стороны, если не существуетъ, независимо отъ духа и впереди его, возбудитель его собственной жизни и всякихъ проявленій въ немъ, міръ другихъ субстанцій,—если между ними нѣтъ предуставленныхъ, посредственныхъ или непосредственныхъ, соотношеній,— если въ духѣ не имѣется разнообразныхъ потенцій развитія, разнообразныхъ формъ духовной дѣятельности, а въ окружающемъ мірѣ нѣтъ разнообразныхъ дѣятелей, способныхъ возбуждать разнообраз-

ныя способности духа,—то тогда *разнообразіе проявленій духа оказалось бы безъ достаточной причины. Въ-такомъ случаѣ и безусловный законъ причинности потерялъ бы свою силу и всеобщую приложимость.*

III) Но ужели, въ самомъ дѣлѣ, *М. Троицкій* стоитъ на томъ, что *внѣшній міръ, независимо отъ нашего духа, и самый духъ нашъ, какъ субстанція, предшествующая всякому нашему ощущенію, не существуютъ?* Да, мы читаемъ на этотъ счетъ самыя рѣшительныя выраженія *М. Троицкаго,* какъ и всей пропагандируемой имъ школы. Тѣмъ не менѣе, относительно довѣрія нашего къ бытію міра и духа, самъ онъ предлагаетъ и тщательно разъясняетъ нѣкоторую, конечно, стародавнюю, но своеобразно имъ поставленную дистинкцію, именно *дистинкцію между знаніемъ и убѣжденіемъ.* «Глубокій анализъ убѣждаетъ меня, — выражается онъ, — что вещи суть только аггрегатъ моихъ собственныхъ ощущеній; въ эту минуту я признаю ихъ дѣйствительно своимъ; для меня тогда уже не существуетъ это внѣшнее, предметное; у меня остаются однѣ мои ощущенія, мои состоянія. Но эта минута анализа,—по словамъ его-же,—бываетъ рѣдко; въ другое время я отожествляю свои ощущенія, свои субъективныя состоянія, именно какъ вещи; *въ существованіи ихъ я убѣжденъ во всякое другое время* (кромѣ минуты анализа); *убѣжденіе въ существованіи внѣшнихъ причинъ* различныхъ чувственныхъ явленій, или нашихъ ощущеній, изслѣдователь духа находитъ *въ числѣ жизненныхъ началъ нашей духовной конституціи. Наше убѣжденіе* въ существованіи внѣшняго, протяженнаго, предметнаго міра, независимо отъ нашего сознанія, возникаетъ раньше, чѣмъ мы начинаемъ давать себѣ отчетъ въ своихъ чувствахъ и пробуждается всякій разъ, какъ мы бываемъ въ тѣхъ состояніяхъ, которыя называются внѣшними перцепціями. Поэтому мы *не въ-состояніи итти противъ своей конституціональной склонности* даже и тогда, когда анализъ приводитъ къ инымъ результатамъ. Но, въ минуты анализа и критики, мы остаемся съ скуднымъ сознаніемъ, что *наше знаніе* не идетъ такъ далеко, какъ *наше убѣжденіе».* По его-же словамъ, «это факты нашего сознанія, изъ которыхъ *одни,—факты убѣжденія,*—подлежатъ повѣркѣ каждаго по тому, что суть *факты сознанія ежеминутнаго, другіе же,—факты сознанія научнаго, анализа, критики,—суть факты не-только не универсальные, а, напротивъ того, ограничиваются весьма незначительною группою аналитиковъ духа, держащихся строгихъ*

предписаній индуктивной методы, да и для нихъ существуютъ только въ рѣдкія минуты анализа, или спора» [1])! По его-же словамъ, «*Юмъ* утверждаетъ, что [2]) существованіе внѣшняго міра, независимаго отъ духа или сознанія, доказать невозможно, хотя мы и убѣждены въ этомъ; *по Риду*, напротивъ того, *мы убѣждены въ существованіи внѣшняго міра*, независимаго отъ нашего духа, хотя доказать это и не можемъ». Для *М. Троицкаго* здѣсь важно то, что одинъ,—*Юмъ*,—ударяетъ на невозможность научнаго доказательства существованія внѣшняго міра, а другой,—*Ридъ*,—на твердое универсальное убѣжденіе въ этомъ. Для насъ же важно, что для обоихъ представителей противоположныхъ философскихъ воззрѣній, какъ и для *М. Троицкаго*, безспоренъ фактъ *универсальнаго убѣжденія въ независимомъ бытіи внѣшняго міра. И Кантъ, по словамъ М. Троицкаго, убѣжденіе въ этомъ существованіи считаетъ твердою принадлежностію нашей конституціи*,—хотя также не думаетъ, чтобы можно было доказать существованіе міра, независимое отъ состояній нашего собственнаго сознанія. *Юмъ* согласенъ съ *Ридомъ* въ признаніи этого убѣжденія даже именно *универсальнымъ началомъ нашей конституціи*. По словамъ *М. Троицкаго*, «*Юмъ* никогда и въ мысли не имѣлъ оспоривать универсальность и постоянство выставляемаго *Ридомъ* факта, что всѣ и каждый убѣждены въ существованіи внѣшняго міра и не могутъ не быть убѣждены, когда имѣютъ предметныя ощущенія. *Броунъ*, подвергши подробному анализу теорію *Рида*, нашелъ, что какъ скептикъ, такъ и ортодоксальный философъ изъ школы *Рида* приходятъ совершенно *къ одному и тому-же заключенію*. Символъ каждаго слагается, въ этомъ пунктѣ, изъ двухъ предложеній и совершенно однихъ и тѣхъ-же. *Первое изъ нихъ то, что существованіе системы вещей, какое мы понимаемъ, когда говоримъ о внѣшнемъ мірѣ, не можетъ быть доказано никакимъ аргументомъ*,—*второе, что вѣра въ него имѣетъ силу, которая выше силы аргумента и абсолютно непреодолима. Нѣтъ никакого аргумента, которымъ можно было бы доказать существованіе внѣшняго міра; для насъ абсолютно невозможно не вѣрить въ существованіе внѣшняго міра*, — эти два предложенія можно назвать итогомъ ученія *Рида* или *Юма*, по произволу, потому-что это общее и одинаковое ученіе обоихъ». — По *М. Троицкому*, «*все разногласіе между ними въ этомъ пунктѣ состо-*

[1]) 309. [2]) 308.

яло въ томъ, что Юмъ признавалъ этотъ фактъ, убѣжденіе въ бытіи міра, производнымъ, объясняющимся изъ фактовъ болѣе элементарныхъ, а Ридъ считаетъ его, какъ и другія универсальныя и неизмѣнныя начала нашей духовной конституціи, фактомъ первичнымъ, столько-же непроизводнымъ, какъ и самыя элементарныя перцепціи. Существованіе такихъ *убѣжденій* и для *Юма* также, какъ и для *Рида*, есть вещь безспорная, какъ безспорно и то, что эти убѣжденія не выводятъ насъ, *путемъ научнымъ*, изъ сферы опыта, или не могутъ быть обращены *въ знанія, идущія далѣе всякаго опыта.* Иначе сказать [1]),—заключаетъ *М. Троицкій,—всѣ универсальности Рида не суть простыя, неразложимыя, невыводимыя начала, не суть первичные, непроизводные факты, а суть начала, которыхъ корень лежитъ въ нашемъ опытѣ, суть продуктъ разнообразныхъ факторовъ, которые лежатъ въ кругѣ несомнѣнныхъ данныхъ психологическаго анализа».*

IV) Итакъ, у *М. Троицкаго* весь вопросъ, въ концѣ изслѣдованія о бытіи вещей, сводится, какъ и у *Д. С. Милля*, къ вопросу *о существованіи сверхъ—опытныхъ или прежде—опытныхъ, апріорныхъ, прирожденныхъ знаній и идей,—именно, къ безусловному отрицанію такихъ знаній и идей.* Это основаніе всей его теоріи, равно-какъ и всей системы пропагандируемой имъ школы. Тѣмъ не менѣе, и въ этомъ существеннѣйшемъ пунктѣ, у него не обошлось безъ очевиднаго противорѣчія, по которому самъ-же онъ, болѣе, или менѣе, отрицаетъ то, что утверждалъ.

«Схолостическая теорія силлогизма» [1]),—пишетъ онъ, — «требуя все болѣе и болѣе общихъ посылокъ, увѣряла, что мы должны этимъ путемъ придти къ положеніямъ столь общимъ, что всякая попытка отыскать еще болѣе общія окажется безплодною. Значитъ, дойдемъ до положеній *безусловно общихъ, всеобщихъ, универсальныхъ.* На нихъ, значитъ, опирается, въ концѣ концовъ, и вся научная аргументація; это твердыя исходныя точки научнаго мышленія; *это безусловныя и неизмѣнныя начала всей науки.* Такъ-какъ, по этой теоріи, *силлогизмъ и индукція—двѣ методы совершенно разнородныя,* то эти начала суть начала независимыя отъ индукціи, иначе сказать,—отъ наблюденія и опыта, и составляютъ первое, *универсальное, безусловное и совершеннѣйшее знаніе.* Какъ независимыя отъ индукціи, эти начала науки назывались *началами a priori*; напротивъ того, всякое познаніе индуктивное, всѣ наблюденія и опыты назывались *началами a posteriori.* Въ этихъ терминахъ выражалась мысль, что начала науки существуютъ въ умѣ раньше (prius) всякаго наблюденія и суть самобытная собственность

[1]) 385. [2]) 9.

его, какъ особенной силы человѣческаго духа. Схоластика, въ своихъ предположеніяхъ объ общихъ началахъ [1]), руководилась всего больше показаніями математики, такъ-какъ въ этой наукѣ, повидимому, всѣ частныя истины добываются путемъ аргументаціи изъ нѣсколькихъ, ни откуда невыводимыхъ, аксіомъ. Но *Локкъ*, по словамъ *М. Трощкаго*, доказалъ всю неосновательность гипотезы, что твердость частныхъ истинъ зависитъ, въ этой области, отъ вывода изъ положеній общихъ. «Неужели», спрашиваетъ онъ, «узнать, что одинъ и два равны тремъ, иначе невозможно, какъ при-помощи той аксіомы, что цѣлое равно всѣмъ своимъ частямъ, взятымъ вмѣстѣ, или другой какой? Многіе знаютъ, что одинъ и два равны тремъ, *не зная и не думая объ этой, или другой какой-либо доказывающей аксіомѣ*, и знаютъ также рѣшительно, какъ и тотъ, кто знаетъ, что цѣлое равно всѣмъ своимъ частямъ, или другую подобную аксіому, *и все это по тому-же началу самоочевидности*». Схоластическую теорію силлогизма, по *М. Трощкому*, окончательно будто-бы разрушилъ, въ своей Логикѣ, *Д. С. Милль*. Основная мысль [2]) *Д. С. Милля* развивается въ слѣдующихъ подробностяхъ. 1) Всѣ общія истины или предложенія суть только аггрегатъ истинъ частныхъ, полученныхъ изъ частныхъ случаевъ, и должны разрѣшаться на эти частныя истины; 2) эти частныя истины суть рядъ обобщеній, выразившихся, по свойству языка, въ одномъ широкомъ обобщеніи, общемъ предложеніи, играющемъ роль верхней посылки въ силлогизмѣ; 3) въ этихъ-то выводахъ, въ этихъ обобщеніяхъ, въ этихъ частныхъ истинахъ и частныхъ случаяхъ (наприм., лошадь имѣетъ четыре копыта), изъ которыхъ онѣ извлекаются, и лежитъ все наше полномочіе на дальнѣйшіе выводы. *Въ дѣйствительности мы заключаемъ всегда только отъ частнаго къ частному*,—пользуемся ли мы общими предположеніями, или нѣтъ. Отъ *Бэкона* было принято слѣдующеее руководительное начало правильной методы: схоластическое мнѣніе, что силлогизмъ есть органъ науки, органъ открытія новыхъ истинъ и аргументаціи, опровергается критикою самаго силлогизма и анализомъ процесса нашихъ мыслей. *Каково бы ни было достоинство индукціи и индуктивной методы, но только за этою методою остается неоспоренное право быть органомъ науки*». Мы видѣли также, что *М Трощкій* считаетъ безуспѣшною всякую физіологическую попытку къ объясненію законовъ ассоціаціи, называя иллюзіею мысль о *предсуществованіи* таинственной *связи* между воспроизводимыми идеями раньше самаго акта воспроизведенія, именно ту мысль, что эта *связь лежитъ* глубже нашихъ ощущеній и скрывается именно *въ какихъ-нибудь сочетаніяхъ мозга и нервной системы*. Представляется возраженіе, что абсолютной независимости законовъ ассоціаціи отъ физіологическихъ отправленій и склада органовъ нашего тѣла, наприм., отъ темпераментовъ, противорѣчатъ такъ-называемые *инстинкты*? Но *М. Трощкій* разсѣкаетъ этотъ узелъ, объявляя самые инстинкты не примитивнымъ, не прирожденнымъ явленіемъ нашей внутренней структуры, а сложнымъ продуктомъ другихъ первичныхъ факторовъ. «Наблюденіе психологовъ», — пишетъ онъ [3]),—«давно было остановлено нѣкоторыми фактами нашей чувственности, которые, повидимому, свидѣтельствуютъ, что, кромѣ элементарныхъ состояній, *мы получаемъ отъ нашей тѣлесной природы и нѣкоторыя первоначальныя комбинаціи ихъ съ состояніями тѣла* —

[1]) 13. [2]) 22. [3]) 159.

комбинаціи, въ которыхъ предусмотрѣнно раннее безпомощное положеніе живаго существа среди окружающихъ предметовъ; — это инстинкты. Однакожъ дальнѣйшіе успѣхи физіологіи и психологіи привели (будтобы) къ убѣжденію, что такъ-называемыя инстинктивныя явленія не суть послѣднія или не выводимыя однообразія духовныхъ обнаруженій,—что онѣ доступны дальнѣйшему анализу, т. е. основаны на явленіяхъ болѣе общаго характера». Само собою разумѣется, что, отвергая примитивность даже инстинктовъ, *М. Троицкій* тѣмъ менѣе могъ допустить примитивность такъ-называемыхъ универсальныхъ началъ. «Строго держась основныхъ руководительныхъ началъ *Бэкона и Локка*»,—пишетъ онъ [1]),— «*Ридъ* нашолъ возможнымъ возвратиться, будто бы *по требованію этихъ самыхъ началъ*, къ *principia universalia* (*всеобщимъ началамъ*) *схоластиковъ*, *началамъ первичнымъ*, *непроизводнымъ*, *неразложимымъ на данныя внѣшняго и внутренняго наблюденія*. Всѣ умствованія *Рида*, въ концѣ концовъ, сводятся къ простому указанію факта: *такое-то универсальное и необходимое начало нашей духовной конституціи недоступно моему анализу; слѣдовательно, оно неразложимо, непроизводно, первично*. Универсальныя начала получаются *Ридомъ* путемъ экспериментаціи, и, однакожъ, получаются независимымъ отъ всѣхъ пріемовъ опытнаго изслѣдованія способомъ. Отдѣливши данныя внѣшнихъ чувствъ и сознанія, какъ область опыта, *Ридъ* нашелъ, что его начала лежитъ въ основѣ всѣхъ операцій духа надъ этими данными, въ основаніи всякой комбинаціи, или синтеза ихъ. По теоріи *Рида* [2]), существуетъ множество понятій, сужденій, или убѣжденій, которыми каждый человѣкъ руководствуется въ своемъ опытѣ, въ своей практикѣ и теоріи, и которыя, однакожъ, не вытекаютъ изъ опыта, а только отыскиваются въ немъ, при-помощи анализа и критики. Сюда принадлежатъ, по *Риду*, перцепціи или идеи *протяженія и продолженія, пространства и времени, идея существованія внѣшняго и внутренняго, вещественныхъ предметовъ и моего духа или я*. Эти идеи, по *Риду*, суть факты духовнаго существованія, независимые отъ данныхъ сознанія и внѣшнихъ ощущеній, равно-какъ и всякаго умозаключенія. *Я*, по *Риду*, не есть мои мысли, мои дѣйствія, мои ощущенія; *Я* есть то, что мыслитъ, дѣйствуетъ, чувствуетъ. Мои мысли, дѣйствія, ощущенія смѣняются каждую минуту, между-тѣмъ-какъ *Я*, которому онѣ принадлежатъ, остается постояннымъ и сохраняетъ одно и тоже отношеніе со всѣми преемственными мыслями, всѣми дѣйствіями, всѣми ощущеніями, которыя я называю своими; мое личное тожество предполагаетъ непрерывное существованіе чего-то недѣлимаго, что я называю самимъ собою. Что бы оно ни было, во всякомъ случаѣ, это нѣчто такое, что мыслитъ, обдумываетъ, рѣшается, дѣйствуетъ, чувствуетъ. Для нашего знанія остаются феноменальныя операціи неизвѣстной намъ субстанціи, которую я называю своимъ духомъ,—*Я*, и которую не могу не считать субъектомъ, которому принадлежатъ эти операціи, хотя и не знаю, что такое она въ себѣ. *По Риду, есть синтетическія* [3]) *сужденія, не выводимыя ни изъ какихъ данныхъ опыта*, — и это именно непосредственныя сужденія, связанныя съ операціями внѣшнихъ чувствъ, памяти и сознанія. Разсудокъ или отвлеченное мышленіе, въ своихъ обобщеніяхъ, приходитъ, по *Риду*, въ концѣ, къ тому, что

[1]) 356. [2]) 371. [3]) 373.

уже *лежало въ основѣ всей связной операціи внѣшнихъ чувствъ, памяти и сознанія*, — слѣдовательно, въ основѣ всѣхъ частныхъ опытныхъ сужденій, отъ которыхъ отправляются, путемъ обобщенія, къ общимъ началамъ. Отсюда, по *Риду, истина такихъ началъ имѣетъ непосредственную очевидность для всякаго*, кто незнакомъ съ пріемами научнаго анализа. Въ этомъ отношеніи, между грубѣйшимъ невѣждою и философомъ не существуетъ никакой разницы. И если, выраженныя отвлеченно, онѣ вызываютъ въ умахъ нѣкоторыхъ философовъ духъ сомнѣнія въ ихъ истинности, то, какъ *сужденія непосредственныя, онѣ сопровождаются неодолимымъ убѣжденіемъ въ дѣйствительности ихъ предмета, даже у самихъ скептиковъ*. Пусть эти начала [1]) не выносятъ насъ за предѣлы опыта, съ точки зрѣнія аргумента или доказательства. Все, что устанавливается этими началами, это непреодолимое убѣжденіе въ ихъ истинности: *идти дальше этого убѣжденія и объяснить его законность или права на наше довѣріе, по мнѣнію Рида, невозможно*, потому-что всякая попытка бороться противъ этого убѣжденія окажется напрасною. Наше убѣжденіе въ существованіи вещества, духа, Бога не вытекаетъ изъ какихъ-нибудь построеній, a priori. Но, всякій разъ, когда мы обращаемся къ нашимъ чувствамъ, нашему сознанію и созерцанію конечныхъ причинъ, *идеи ихъ существованія внушаются намъ съ неопреодолимою силою убѣжденія въ дѣйствительности ихъ предмета*. Кромѣ этого факта убѣжденія, невозможно открыть никакого исхода изъ круга явленій; но естественная сила этого факта и не нуждается ни въ чемъ дальнѣйшемъ. Очевидность внѣшнихъ чувствъ, очевидность памяти, очевидность сознанія, очевидность аксіомъ имѣютъ совершенно такуюже цѣну, какъ и очевидность доказательствъ. Гораздо болѣе,— *очевидность послѣдняго рода зависитъ, въ послѣдней инстанціи, отъ очевидности первыхъ родовъ: очевидность демонстративная основана на очевидности индуктивной*» [2]). Такова сущность Ридовой теоріи.

М. Троицкій, однакожъ, дивится [3]) скудости результатовъ *Ридовой* философіи. «Всюду въ *Ридовой* теоріи,—говоритъ онъ,—мы находимъ самое отчетливое выраженіе двухъ обстоятельствъ, которыя могутъ быть формулированы такимъ образомъ: «есть вещи, въ истинѣ которыхъ мы всѣ убѣждены, хотя очевидно, что убѣжденій этого рода нельзя оправдать ни путемъ экспериментаціи, ни путемъ дедукціи или демонстраціи,—однимъ словомъ, никакими научными средствами. Чѣмъ же, спрашиваетъ *М. Троицкій*, эти результаты отличаются, въ-отношеніи къ границамъ нашего знанія и нашихъ научныхъ убѣжденій, отъ результатовъ, полученныхъ *Юмомъ?* Развѣ *Юмъ* отрицалъ что это—убѣжденія всѣхъ и каждаго и что раздѣлаться съ ними невозможно? Развѣ онъ спорилъ противъ того, что *внѣшнія вещи всегда представляются намъ въ пространствѣ и времени*,—что мы *вѣримъ въ ихъ независимое отъ насъ существованіе*,—что мы *убѣж-*

[1]) 374. [2]) 375. [3]) 383.

дены въ существованіи духа и въ нашемъ личномъ тождествѣ,—что такъ—называемыя *аксіомы наукъ суть дѣйствительно начала нашихъ знаній*,—*что мы вѣримъ въ красоту предметовъ, помимо нашихъ эстетическихъ волненій*,—или что *мы убѣждены въ своей власти надъ своими дѣйствіями и въ преимуществахъ святости долга предъ всѣми другими мотивами поведенія? — Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ!* восклицаетъ *М. Трощкій*. Существованіе такихъ убѣжденій и для *Юма*, также какъ и для *Рида*, есть вещь безспорная, какъ безспорно и то, что *эти убѣжденія не выводятъ насъ, путемъ научнымъ, изъ сферы опыта, или не могутъ быть обращены въ знанія, идущія далѣе всякаго опыта. Ридъ* нашелъ, что его начала *лежатъ въ основѣ всѣхъ операцій духа*, въ основаніи всякой комбинаціи или синтеза данныхъ опыта; его начала стали у него факторами или производителями всякаго опыта, опытнаго знанія и универсальнаго практическаго порядка вещей [1]). И *М. Трощкій*, подтверждаетъ, что *Ридова начала*, не-смотря на свою производность, *оказываются универсальными и необходимыми, т. е. повторяющими свои частныя операціи неизмѣнно и у всѣхъ одинаково*,—хотя и находитъ, что подобныхъ началъ бездна, что сюда относится все, что *входитъ въ типъ духовной конституціи человѣка*: это—всѣ, наблюдаемыя въ опытѣ каждаго, *типическія*, сложныя, предметныя ощущенія, *типическія* явленія жизни умственной или идеальной, *типическія* стороны духовныхъ волненій, *типическіе* факты воли, съ вытекающими изъ нихъ *типическими* убѣжденіями».

Итакъ, что-же? Можно ли сказать, что *М. Трощкій безусловно отрицаетъ бытіе примитивныхъ, универсальныхъ началъ? Оказывается, что нельзя, хотя и трудно отгадать, что въ этомъ пунктѣ онъ отрицаетъ, и что допускаетъ*:—онъ, какъ и вся пропагандируемая имъ школа, со включеніемъ самаго скептическаго представителя самой крайней лѣвой ея стороны, знаменитаго *Юма*, допускаютъ бытіе въ человѣкѣ *убѣжденій типическихъ*, бытіе *началъ*, которыя *входятъ въ типъ духовной конституціи человѣка*,—*началъ универсальныхъ и необходимыхъ, которыя повторяютъ свои частныя операціи неизмѣнно и у всѣхъ одинаково, — убѣжденій всеобщихъ, убѣжденій всѣхъ и каждаго, съ которыми раздѣлаться невозможно. М. Трощкій* энергически, какъ посягательство на честь одного изъ глав-

[1]) 360.

ныхъ своихъ руководителей, отрицаетъ предположеніе, будто *Юмъ* могъ скептически спорить противъ такихъ *всеобщихъ типическихъ, конституціонныхъ убѣжденій*, именно противъ того, что *внѣшнія вещи всегда представляются намъ въ пространствѣ и времени*,—что мы *вѣримъ въ ихъ независимое отъ насъ существованіе*,—*что* мы *убѣждены въ существованіи нашего духа и въ нашемъ личномъ тожествѣ*,—что такъ-называемыя *аксіомы наукъ суть дѣйствительно начала нашихъ знаній*,—что *мы вѣримъ въ красоту предметовъ, помимо нашихъ эстетическихъ волненій*,—или что *мы убѣждены въ своей власти надъ своими дѣйствіями и въ преимуществахъ святости долга предъ всѣми другими мотивами поведенія*. Не споритъ *М. Троицкій* противъ *Рида* и въ томъ, что *очевидность демонстративная основана на очевидности интуитивной*,—что, напримѣръ, *довѣріе къ такъ-называемымъ аксіомамъ наукъ основано на самоочевидности ихъ*, какъ учитъ и *Локкъ*,—*что объяснять законность такихъ началъ и право ихъ на наше довѣріе невозможно*,—что *истина такихъ началъ имѣетъ очевидность непосредственную*. Согласенъ *М. Троицкій* и на то, что инстинкты свои мы получаемъ *отъ нашей природы*; покрайней мѣрѣ, онъ выражается буквально, хотя и съ нѣкоторымъ колебаніемъ: «мы получаемъ *отъ нашей тѣлесной природы* нѣкоторыя примитивныя комбинаціи, въ которыхъ *предусмотрѣно*» (кѣмъ? природою же?) «*раннее безпомощное положеніе живаго существа*, среди окружающихъ предметовъ». Можемъ ли мы, послѣ этого, сказать, долженъ ли *М. Троицкій* сознаться рѣшительно, что *инстиктивныя знанія намъ, какъ и животнымъ, прирождены*,—что *онѣ даются намъ природою прежде всякаго личнаго нашего опыта*,—что *онѣ получаются a priori?* А если-бы онъ сталъ колебаться въ такомъ признаніи, то мы сошлемся, въ помощь себѣ, на физіологовъ—философовъ: *Кабаниса, Льюиса, Дарвина и Дрэпера*. Можемъ ли мы, далѣе, настоять, долженъ ли *М. Троицкій* дать свое согласіе и на то, что *обще-человѣческія, всеобщія, универсальныя, конституціональныя убѣжденія лежатъ именно въ типѣ, въ конституціи, въ природѣ человѣка*,—что онѣ прирождены и, слѣдовательно, опять-таки *апріорны?* А если-бы *М. Троицкій* сталъ колебаться и здѣсь, то мы укажемъ ему на согласіе съ нами въ этомъ пунктѣ самаго *Д. С. Милля и Карпентера*, равно-какъ *Дрэпера, Дарвина, Льюиса* и т. д. Дебатировать же противъ него по этому предмету снова, *разбирать, вмѣстѣ съ нимъ, разложимость, или неразложимость, съ основываемою*

имъ на этомъ примитивностью, или непримитивностью, апріорныхъ, прирожденныхъ понятій и идей мы признаемъ, послѣ всего выше сказаннаго нами, *совершенно ненужнымъ*.

Вообще-же, какъ *М. Троицкій* дивится скудости результатовъ полученныхъ *Рибомъ*, такъ и мы не можемъ не подивиться скудости результатовъ, выработанныхъ имъ самимъ, *М. Троицкимъ*, хотя и не можемъ не признать, что на сочиненіе свое: *Нѣмецкая психологія*, онъ потратилъ большое богатство эрудиціи, скомбинированной въ цѣлую теорію крѣпкимъ и острымъ дарованіемъ. Вотъ его результатъ: «1) *мы знаемъ, что міръ не существуетъ*; 2) *мы носимъ въ своей конституціи универсальное, типическое, болѣе всякаго знанія крѣпкое, убѣжденіе, что міръ существуетъ*». Не вправѣ ли мы, по поводу такого результата, обратить *къ М. Троицкому* опять его-же собственныя слова, что *этотъ результатъ и распадается отъ внутренняго противорѣчія?* Не свидѣтельствуетъ ли такой результатъ только о томъ, что *М. Троицкій* напрасно потерялъ столько усилій представить такъ-называемое имъ *знаніе единственнымъ научнымъ знаніемъ*, а такъ-называемое имъ *конституціональное, типическое, универсальное, необходимое убѣжденіе—абсолютнымъ незнаніемъ?* И что такой результатъ убавилъ изъ утвердившагося искони, въ исторіи философіи, радикальнаго различенія между *знаніемъ и знаніемъ, знаніемъ разсудочнымъ и разумнымъ, между разсудкомъ и разумомъ, между понятіемъ и идеею, между опытомъ и умозрѣніемъ, между философскою демонстраціею и философскою вѣрою или интуиціею*,—изъ различенія, которое болѣе или менѣе основательно разработано было всѣми представителями реально-идеальнаго міросозерцанія, начиная *съ Платона* и, чрезъ схоластиковъ, до *Декарта*, и до *Канта* которыхъ, однакожъ, *М. Троицкій* такъ отважно честитъ? Ужели онъ могъ думать, что именно съ него родъ человѣческій начнетъ считать «*сущности вещей копіею съ состояній духа*», а, наоборотъ, неспоконную, прирожденную склонность здраваго обще-человѣческаго смысла—«*считать свои состоянія копіями съ вещей—признаетъ комбинаціею не только произвольною, но и распадающеюся отъ внутренняго противорѣчія, и даже просто очевидно нелѣпою?*» Не абсурдъ ли, наоборотъ, одинъ разъ называть такую комбинацію очевидно *нелѣпою*, а другой—*самоочевидною*,—одинъ разъ—*распадающеюся отъ внутренняго противорѣчія*, а другой—*типически конституціональнымъ началомъ знанія*,—одинъ разъ—*произвольною*, а другой—*всеобщею, уни-*

версально-необходимою? Отважно взялся *М. Троицкій* доказать слишкомъ много, и не доказалъ ничего, кромѣ того развѣ, что онъ силенъ забросать грязью вѣковые и міровые авторитеты.

ГЛАВА XLI.

Далеко ли, послѣ того, что мы видѣли, ушелъ нашъ новѣйшій русскій философъ отъ новаго, явившагося въ Германіи, философа—нигилиста, *Эдуарда Гартмана*? Эта новая философія *Эдуарда Гартмана* представляетъ крайне любопытное и поучительное явленіе. Какъ и нашъ *М. Троицкій*, новый германскій мыслитель превозноситъ до небесъ *индуктивный методъ*. Какъ тотъ, такъ и другой, думаютъ быть выразителями выводовъ лучшихъ философовъ индуктивистовъ—эмпириковъ нашего времени. Индуктивный методъ, ясность изложенія и точность приводимыхъ доказательствъ, постоянныя ссылки на естественныя науки и богатый эмпирическій матеріалъ,—какъ пишетъ русскій критикъ этой новой теоріи [1]),—сдѣлали то, что философія *Гартмана* сочувственно встрѣчена не-только въ Германіи, или Франціи, но и въ *Англіи*, и *въ Америкѣ*. Именно, *въ индуктивномъ методѣ* усматриваются главныя достоинства *Гартманова* сочиненія. *И на-основаніи* будтобы *естественныхъ наукъ и индуктивнаго метода*, *Гартманъ* доказываетъ очень откровенно, *что началомъ всего существующаго: и Бога, и міра, было ничто, и все современемъ обратится въ ничто.*

До происхожденія и послѣ окончанія міра и его процесса, по *Гартману*, не было и не будетъ ничего. Это ничто есть *воля* (*стремленіе*) *и представленіе* (*разумъ*) *въ состояніи бездѣйственномъ*; бездѣйственное состояніе воли и пред-

---

[1]) *Струве*, Русск. Вѣст. 1873 г., январь, «*философскій пессимизмъ*». До прочтенія этой статьи, мы не слыхали и имени *Эдуарда Гартмана*. Если же нашъ взглядъ, совершенно самостоятельно раскрываемый въ этомъ изслѣдованіи,—взглядъ, что ультра-нозитивный индуктивный метотъ и современная естественно-философская наука ведутъ къ убѣжденію въ несуществованіи дѣйствитсльнаго бытія,—совпадаетъ съ воззрѣніемъ на тотъ-же предметъ *Эдуарда Гартмана* хотя и при коренной противоположности дальнѣйшихъ отсюда выводовъ,—то это значитъ только, что воззрѣніе наше на современное научное направленіе имѣетъ свою непреложную основу въ дѣйствительныхъ фактахъ, которые внимательному глазу не трудно усмотрѣть точно также, на берегахъ Дона какъ и Рейна.

ставленія было не дѣйствующею потенціею. Истинное реальное начало, по *Гартману*, истинная сущность міра есть воля, *воля* въ значеніи *не психологическомъ*, какъ проявленіе какого-нибудь лица или сознанія, но въ *метафизическомъ*, какъ существующая сама по себѣ, безъ всякихъ другихъ психологическихъ элементовъ, особенно же безъ сознанія (совершенно тоже, что ощущеніе или духъ *М. Троицкаго*, только въ абсолютно—широкомъ смыслѣ), какъ *метафизическое начало, первоначальная причина всѣхъ явленій міра*. Но воля не единственное начало.—Какъ начало реальное, она соединяется съ началомъ идеальнымъ, *представленіемъ, мышленіемъ, разумомъ, идеею*. Воля и представленіе составляютъ одну и туже субстанцію, одну и туже сущность бытія, единое нераздѣльное начало, — *единое безсознательное*, проявляющееся въ двухъ атрибутахъ: волѣ и представленіи, которыя становятся реальными, возникаютъ изъ абсолютнаго не-бытія въ бытіе только при взаимной помощи другъ другу. Воля (стремленіе) насильственно вступила въ союзъ съ идеею, и изъ этого союза родилось бытіе или существованіе, которое хуже, чѣмъ *несуществованіе*, чѣмъ *ничто*. Почему *идея*, (*разумъ*), стремясь разорвать свой насильственный союзъ съ волею, вмѣстѣ съ тѣмъ, стремится къ избавленію всего существующаго отъ бѣдствія существованія. Въ-слѣдствіе этого, весь міръ, все его устройство, вся его организація, начиная *съ атома до сознанія* человѣка и историческаго развитія человѣчества, словомъ,—весь міровой процессъ имѣетъ своею единственною логическою цѣлью: *уничтоженіе самаго существованія и возвращеніе его въ первоначальное ничто*. Иначе сказать,—міръ есть не что иное, какъ созданный разумомъ, при помощи воли, механизмъ *для разложенія всего существующаго. Міръ есть огромнѣйшій аппаратъ для самоубійства всего существованія*. Въ такихъ самоубійственныхъ видахъ своихъ, разумъ дробитъ волю на части. Разумъ обманываетъ волю *и уничтожаетъ*, при ея содѣйствіи, все существующее, пользуясь слѣдующими четырьмя главными средствами: 1) сотвореніемъ атомовъ и матеріи, 2) индивидуаціею, 3) созданіемъ сознанія и 4) процессомъ развитія человѣчества. Какъ же достигается цѣль всеобщаго уничтоженія, *по первому способу*, чрезъ атомы и матерію?—Содержаніе атомовъ, по *Гартману*, исчерпывается свойственною имъ силою притяженія и отталкиванія, а кромѣ этихъ силъ въ атомахъ нѣтъ рѣшительно ничего, *никакого матеріальнаго субстрата*. До понятія *о матеріи* мы доходимъ вслѣдствіе *ощущенія извѣстнаго сопротивленія*: желая объяснить себѣ *это* ощущеніе, мы не ограничиваемся однимъ *фактомъ сопротивленія*, но, по врожденному, инстинктивному стремленію, *олицетворяемъ этотъ простой фактъ* и, *при содѣйствіи другихъ чувственныхъ впечатлѣній*, представляемъ себѣ *причину* его въ-видѣ вещественнаго предмета, какъ *субъектъ подобнаго сопротивленія*. Но такое олицетвореніе причины нашего ощущенія *неумѣстно и неосновательно, — потому-что въ сущности мы не ощущаемъ никакой матеріи*, или матеріальнаго предмета, *независимаго отъ самаго акта сопротивленія. Матеріи, собственно говоря, вовсе нѣтъ*;—она лишь инстинктивный предразсудокъ, основанный на неточномъ истолкованіи чувственнаго впечатлѣнія: *существуетъ лишь сопротивленіе, какъ актъ, но нѣтъ матеріи сопротивляющейся*. Здѣсь *Гартманъ* совпадаетъ съ *М. Троицкимъ*, до тождесловія. Слово матерія, по *Гартману*, употребляется естествозна-

ніемъ лишь для обозначенія совокупнаго дѣйствія разныхъ силъ, соединенныхъ въ одно цѣлое, *въ одну систему динамизма*; а атомъ въ-сущности не что иное, какъ *математическая точка*, въ которой прорѣзываются линіи, происходящія отъ дѣйствія силъ по разнымъ направленіямъ; явленія атомныхъ силъ суть индивидуальные акты *воли*, заключающіе въ себѣ свое содержаніе, въ-видѣ безсознательнаго *представленія* своей цѣли; *матерія, на самомъ дѣлѣ, есть лишь воля и представленіе.* Дѣйствіемъ воли и представленія, которое будетъ имѣть послѣдствіемъ *нейтрализацію* силъ притяженія и отталкиванія, все *существующее возвращается въ ничто.—Вторымъ средствомъ* разума, для уничтоженія воли и всего существующаго, служитъ, какъ сказано, *индувидуація. По Гартману*, инвидидуумъ есть существо, которому присущи *пять способовъ единства*: единство пространственное (формы), времени (континуація дѣйствія), внутренней причины, цѣли и взаимодѣйствія частей. Всѣ эти способы единства осуществлены уже въ *клѣточкѣ*, которая составляетъ первоначальную форму индивидуума. Индивидуумы высшаго разряда суть лишь сборные индивидуумы; самостоятельный индивидуумъ есть каждый органъ, даже каждое отправленіе организма; каждый нервный центръ есть индивидуумъ, одаренный даже собственнымъ сознаніемъ. Такъ, у спиннаго мозга—свое сознаніе, отличное отъ сознанія головнаго мозга; есть сознаніе не-только нервныхъ центровъ, но и клѣточное и даже атомное; разныя системы отправленія, кровеобращенія, дыханія, пищеваренія, отдѣльныхъ чувствъ и т. д., также суть особые индивидуумы. Человѣкъ есть высшій индивидуумъ, состоящій изъ многихъ физическихъ индивидуумовъ и психическихъ самостоятельныхъ сознаній; самый же высшій индивидуумъ, сочетавающій въ себѣ всѣ прочіе, есть безсознательное. *Къ сознанію стремится все развитіе существованія, съ перваго момента выхода изъ ничтожества*,—но въ тѣхъ видахъ, что *съ появленіемъ сознанія, по Гартману, начинается ретроградный процессъ уничтоженія бытія, его возвращенія въ ничто. Въ этомъ пунктѣ второй способъ уничтоженія сливается съ третьимъ и переходитъ въ четвертый.* Сознаніе, по *Гартману*, есть *эманципація ума (разума) отъ вліянія воли. Благодаря сознанію*, разумныя существа могутъ поддерживать общій разумъ въ его стремленіи ко всеобщему уничтоженію и, съ своей стороны, подготовить *уничтожительный исходъ процесса бытія.* Но какимъ образомъ развитіе сознательнаго разума въ человѣчествѣ можетъ *осуществить благую цѣль всеобщаго уничтоженія?* А вотъ какимъ образомъ: *по Гартману*, сознаніе человѣчества, развиваясь постоянно въ исторіи, убѣждается въ злополучіи существованія, обличаетъ всѣ его иллюзіи и этимъ ограничиваетъ волю, стремящуюся къ существованію, и возвращаетъ ее въ первоначальное ничто,—обличая иллюзію на счастье въ земной жизни, на счастье въ трансцендентальной жизни, по смерти, и на счастье въ будущемъ процессѣ міра. *Гартманъ* надѣется, что человѣчество нѣкогда достигнетъ той степени умственнаго развитія, на которой все оно будетъ проникнуто сознаніемъ обманчиваго характера своихъ стремленій, пойметъ все неразуміе существованія и само добровольно откажется отъ него. Сознаніе иллюзіи бытія сдѣлается всеобщимъ и человѣчество рѣшится возвратиться въ ничто; индивидуумъ, развиваясь, долженъ болѣе и болѣе содѣйствовать распространенію сознанія, что все су-

ществующее суетно и что небытіе слѣдуетъ предпочитать бытію. Нужно надѣяться, что настанетъ время, когда все существующее сразу исчезнетъ и возвратится въ первоначальное ничто. Уничтоженіе всего существующаго не-только земли, но и всего астрономическаго міра, словомъ,—всего бытія, совершится отъ человѣчества, при трехъ условіяхъ: 1) чтобы большая часть существующаго, въ мірѣ духа (индивидуаціи, сознанія, разума), концентрировалась въ человѣчествѣ,— 2) чтобы большая часть человѣчества сознавала всю суету существованія и жаждала небытія и 3) чтобы, при существованіи надлежащей коммуникаціи, возможно было сдѣлать одновременное постановленіе людей. Какъ-скоро эти три условія будутъ соблюдены, то, *по Гартману*, человѣчество рѣшится единодушно, или, покрайней мѣрѣ, большинствомъ голосовъ, *не существовать*, отказаться отъ жизни, и силою этого рѣшенія весь міръ вдругъ исчезнетъ и возвратится въ первобытное блаженное состояніе небытія! Первое положеніе *у Гартмана*, подкрѣпляется тѣмъ, что человѣчество есть *центръ вселенной*; второе условіе осуществится, когда сознаніе человѣчества проникнется убѣжденіемъ въ безуміи воли и въ бѣдствіи существованія, когда человѣчество почувствуетъ столь глубокую *жажду покоя и безболезненности небытія* и до того сознаетъ суету и ничтожество всѣхъ, поддерживающихъ волю и существованіе, мотивовъ, что эта *жажда уничтоженія воли и существованія получитъ непреодолимое значеніе практическаго мотива*, чего можно ожидать съ наибольшею вѣроятностію въ старческомъ возрастѣ человѣчества; осуществленіе третьяго условія, — одновременнаго общаго постановленія о небытіи, зависитъ лишь отъ усовершенствованія и остроумнаго примѣненія техническихъ открытій. Прямо сказать, вопросъ о существованіи или несуществованіи не-только человѣчества, но и всего міра, всей вселенной, отъ атома до солнца и безконечнаго астрономическаго міра, будетъ рѣшенъ, въ одинъ прекрасный день, *большинствомъ голосовъ обитателей земли*. Въ ту минуту, когда это большинство, находясь въ разныхъ мѣстахъ земли, при помощи, напримѣръ, усовершенствованнаго электрическаго аппарата, рѣшитъ одновременно обратить все существующее въ пыль, въ туже минуту рѣшеніе это и будетъ непосредственно исполнено: *вселенная вдругъ исчезнетъ, и останется ничто, называемое чистою потенціею воли*, которая, однакожъ, можетъ вторично рѣшиться хотѣть,—почему *Гартманъ* допускаетъ, что *процессъ міра совершился такимъ-же самымъ образомъ уже любое число разъ*.

Оказывается, что *Гартманъ*, въ исходѣ XIX вѣка, повторилъ, въ крайне скептическихъ, нигилистическихъ и мрачно-пессимистическихъ чертахъ, древняго греческаго плаксу, мизантропа *Гераклита*.

Что же это, шутка надъ здравымъ смысломъ XIX вѣка христіанской эры? Никакъ нѣтъ. Намъ говорятъ, что сочиненіе *Гартмана* принято, въ разнороднѣйшихъ сферахъ, *какъ важнѣйшее произведеніе новѣйшей философіи, какъ вѣрнѣйшее проявленіе ея современнаго состоянія, — что ясность изложенія и точность приведенныхъ доказательствъ, постоянныя ссылки на естественныя науки и бога-*

тый эмпирическій матеріалъ, индуктивный методъ и другія достоинства Гартмановой философіи были причиною того, что *она встрѣтила сочувственный пріемъ какъ въ Германіи такъ и во Франціи, Англіи и даже въ Америкѣ.* Не доставало только, чтобъ она нашла себѣ сочувственныхъ поклонниковъ и въ Россіи; а найдетъ, безъ сомнѣнія, и здѣсь. . . [1]).

Но если такой мрачный пессимизмъ не шутка, такъ чтожь это такое? Не сумасшествіе ли? Да, послѣднее гораздо вѣроятнѣе. Это— повальная зараза человѣческихъ душъ, проявляющаяся и у насъ въ Россіи такимъ поражающимъ количествомъ самоубійствъ. Въ Азіи ученіе самоуничтоженія давно уже систематизировано и возведено даже въ религіозный культъ. Но въ Европѣ, послѣ не имѣвшаго послѣдователей *Гериклита*, въ теоріи *Гартмана* еще въ первый разъ мы видимъ возведеніе ученія о самоуничтоженіи въ сочувственную нѣкоторымъ мыслящимъ умамъ, широкую философскую систему, хотя подготовлена она уже и давно . . . И къ такому болѣзненному, явно душевредному выводу строго-логически ведетъ индуктивный методъ, предъ которымъ тякъ настойчиво прнглашаютъ насъ преклониться, и у насъ въ Россіи, собственно русскіе мыслители, какъ предъ единственнымъ свѣточемъ истины.

Такіе мрачно-плачевные, да смѣло можно сказать, — и ужасные, противо-нравственные и противо-естественные результаты философіи *Эдуарда Гартмана* не могутъ быть опровергаемы сами въ себѣ, именно по своей противоестественности; а, наоборотъ, отбрасывая свое зловѣщее зарево и на тѣ односторонніе принципы, изъ которыхъ такіе ужасы возникаютъ, эти результаты служатъ лучшимъ неодолимымъ и мотивомъ, и основаніемъ къ совмѣстному отверженію

---

[1]) Ожиданіе наше не замедлило исполненіемъ. «Эта философія, — читаемъ въ «Голосѣ» (1873 г., № 47),—доставила *Эдуарду фонъ-Гартману*, между философствующими людьми, славу одного изъ самыхъ могучихъ мыслителей вѣка и даже, съ нѣкоторыхъ русскихъ университетскихъ каѳедръ, онъ объявленъ *великимъ* и *энциклопедическимъ*, а студентамъ обѣщано, что ихъ будутъ душить на *Гартманѣ* еще пространнѣе, чѣмъ душили на *Гегелѣ*». Въ самое же послѣднее время (1874 г.), намъ пишутъ изъ Берлина, что философія *Гартмана* выходитъ въ Германіи *шестымъ, стереотипнымъ*, изданіемъ. Пишутъ также, будто въ новомъ своемъ сочиненіи: *Саморазложеніе Христіанства*, *Гартманъ*, предлагаетъ человѣчеству составить для себя новую религію изъ нѣкоторыхъ нравящихся ему моральныхъ элементовъ христіанства и магометанства, и догматическихъ элементовъ Китаизма, особенно-же Буддизма.

самыхъ принциповъ, по крайней мѣрѣ, въ ихъ предательски-скользкой и гибельно-опасной узкости и односторонности. Въ-виду такихъ устрашаю щихъ послѣдствій ново-появившейся теоріи *Эдуарда Гартмана*, отвергая односторонній индуктивный принципъ философіи и *М. Троицкаго*, мы получаемъ, однакожъ, изъ его системы и принимаемъ *тотъ безспорный, капитальный и служащій для освѣщенія нашего предмета выводъ, который мы получили также изъ критическаго разбора теоріи и Д. С. Милля, именно,—что довѣріе къ независимому отъ насъ бытію внѣшняго міра есть всеобщее, универсальное, необходимое, типическое, конституціональное наше убѣжденіе, есть прирожденное начало нашего знанія*, и что не иначе, какъ опираясь на это примитивное основаніе конституціональнаго нашего убѣжденія, можно и должно двинуться впередъ и рѣшать слѣдующій затѣмъ вопросъ: *что именно въ мірѣ существуетъ?*

ОПЕЧАТКИ.

СТРАН.	СТРОКА.	НАПЕЧАТАНО:	ЧИТАЙ:
24	14—17	Это глубоко философское сравненіе совершенно точно не только относительно свидѣтельсгва нашихъ внѣшнихъ чувствъ о неизмѣнной и непостижимой сущности бытія,—по отношенію идеямъ,	Это глубокое философское сравненіе совершенно точно не-только по-отношенію свидѣтельства нашихъ внѣшнихъ чувствъ къ неизмѣннымъ и непостижимымъ сущностямъ бытія,—по-отношенію къ идеямъ,
47	1	Въ звѣздныхъ разстояніяхъ эта	Въ звѣздныхъ разстояніяхъ это
52	2	спокойно; стоящій	спокойно стоящій,
52	7—8	но онъ достигаетъ слуха пораженнаго этимъ выстрѣломъ уже тогда лишился жизни послѣдній.	но онъ достигаетъ слуха человѣка, пораженнаго этимъ выстрѣломъ, уже тогда, какъ тотъ лишился жизни.
63	16	такъ какъ и можетъ быть повѣрена	такъ-какъ не можетъ быть повѣрена
79	18	очень на короткій срокъ.	на очень короткій срокъ.
84	26	*между разсудочною индуктивно - дедуктивно абстракціею*	*между разсудочною индуктивно - дедуктивною абстракціею*
99	37	что производятъ эти измѣненія;	что производитъ эти измѣненія;
100	17	о реальномъ, бытіи и знаніи,	о реальномъ бытіи и знаніи,
105	25—26	*свойства бытія.*	*свойствъ бытія*
115	33	одокразъ,	идокразъ,
122	14	еобальтъ	кобальтъ
138	28	*прставленіе*	*представленіе*
—	30	чувственныхъ микроскоповъ	умственныхъ микроскоповъ.
142	25—26	никакой соизмѣрности	никакой соизмѣримости
154	27	воззрѣнія на выводы	воззрѣнія за выводы
—	34	на законъ связи	на законѣ связи
169	13	непротяжное,	непротяженное,
187	8	внѣшней нашей сторонѣ	внѣшней низшей сторонѣ
188	38	останутся не недоступны	останутся недоступны
—	33—34	*Д. С. Милль* отвертаетъ, допуская	*Д. С. Милль* отвергаетъ. Допуская

СТРАН.	СТРОКА.	НАПЕЧАТАНО:	ЧИТАЙ:
193	23—24	«*Первичныя* качества», по *В. Гамильтону*, — «понимаются, какъ онѣ суть въ насъ».	«*Первичныя* качества», *В. Гамильтону*, «поним ются, какъ онѣ суть *тѣлахъ*, *вторичныя* какъ онѣ суть *въ насъ*».
—	35	неукоснительно	неопустительно
197	22—24	при измѣненіи условій чувственнаго воспріятія, но подобные же факты и относительно и измѣненія качествъ непроницаемости, твердости, плотности и упругости.	Подобные же факты, относ тельно измѣненія качест непроницаемости, тверд сти, плотности, упругос и т. п., можно наблюда также при измѣненіи усл вій, лежащихъ въ само чувственномъ воспріятіи.
199	1	метъ	предметъ
208	38	въ только	не-только
216	25	настолько	насколько
221	24	*аделизмъ*»,	*идеализмъ*».
227	32	основоположеній и теоріи	основоположеній теоріи
237	10	дистанкцію	дистинкцію
276	20	значитъ, *всегда* значитъ	значитъ *всегда*; значитъ
277	18	*не-только оправдися*	*не-только не оправдися*
291	26	а даже а вербальною	а даже и вербальною
299	17	аналогичными съ явленіями	аналогичными явленіями
313	15	(Платоновское и Аристотелевское (Ἔιδος)	(Платоновское и Арист телевское Ἔιδος)
315	25	логическую необходимость?.	логическую необходимост
—	33	въ ощущеніи прирожденности	въ отрицаніи прирожде ности.
321	25	что, они всѣ и заявляютъ,	что они всѣ и заявляют
327	15	3) это требуется	2) это требуется
335	24	*слово*: *человѣкъ*, *мозгъ*	*слово*, *человѣкъ*, *мозгъ*
349	9	никакія показанія другихъ людей. Никакія умозрѣнія	никакія показанія други людей, никакія умозрѣн
355	14	послѣдній отдѣлъ всякія послѣдовательности	послѣдній отдѣлъ — всяк послѣдовательности
360	32	существенныхъ признаковъ	существенныхъ и несущ ственныхъ признаковъ
364	25	чрезъ ощущеніе	чрезъ опущеніе
375	42	*и человѣка включительно*	*до человѣка включитель*
376	44	пропорціальныхъ	пропорціональныхъ
393	6	конечно, какъ и самъ	конечно и самъ
—	38	ждетъ и фантазія	ждетъ и фантазіи
439	23—24	не современность, не преемственность, а продолженіе есть пространственность	несовременность, преемс венность, продолженіе ес пространственность

ПОЗИТИВНАЯ ФИЛОСОФІЯ

И

СВЕРХЧУВСТВЕННОЕ БЫТІЕ.

СОЧИНЕНІЕ

ДОКТОРА БОГОСЛОВІЯ,

ЕПИСКОПА НИКАНОРА.

ТОМЪ II.

ФУНДАМЕНТАЛЬНОЙ БИБЛІОТЕКИ ПЕРВОЙ МОСКОВСК. ГИМНАЗІИ.

САКТПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФІЯ ТОВАРИЩЕСТВА «ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА.

Большая Подъяческая ул., собств. домъ, № 39.

1876

Отъ С.-Петербургскаго Комитета Духовной Цензуры печатать дозволяется. С.-Петербургъ, Января 20 дня 1876 г.

Цензоръ, Архимандритъ *Геласій.*

ОГЛАВЛЕНІЕ II ТОМА.

—

ОТДѢЛЪ IV.

ЗНАНІЕ НАИБОЛѢЕ РЕАЛЬНОЕ, КАКЪ И ОБЪЕКТИВНОЕ, ЗАКЛЮЧАЕТСЯ ВЪ ИДЕЯХЪ.

Глава XLII (стр. 1—8).

Выводъ изъ предъидущаго изслѣдованія по вопросу: *что въ мірѣ существуетъ, что въ немъ реально?* Задача этого отдѣла. Радикальное противорѣчіе нашего міросозерцанія: *въ мірѣ не существуетъ ничто*, и *въ мірѣ ничто существуетъ*, имѣетъ свой корень въ антиноміяхъ нашего ума. Антиноміи *Канта*.

Глава XLIII (стр. 9—22).

Міръ существовалъ нѣкогда не-только безъ человѣка, но и безъ животныхъ, вообще, безъ существъ одушевленныхъ, безъ животнаго и человѣческаго чувства. Существовало ли, до этого момента, и какъ существовало какое-нибудь бытіе? Съ заглушеніемъ всѣхъ внѣшнихъ и низшихъ, внутреннихъ, органическихъ чувствъ, многія свойства бытія вещей исчезаютъ, но не всѣ. Съ исчезновеніемъ всѣхъ внѣшнихъ и низшихъ внутреннихъ, органическихъ чувствъ, должно исчезнуть все ощущаемое, на-сколько оно состоитъ въ раздраженіи чувственныхъ нервовъ, насколько оно реально существуетъ въ субъектѣ, и должно остаться, на-сколько оно существуетъ въ природѣ реально-объективно, независимо отъ раздраженія субъективныхъ чувственныхъ нервовъ. Ощущаемое и въ первичныхъ свойствахъ, на-сколько есть непосредственное раздраженіе того или другаго спеціально-чувствующаго нерва, съ его исчезновеніемъ должно исчезнуть, какъ и въ свойствахъ вторичныхъ, а независимое отъ чувства должно остаться. Знаемъ ли мы, что съ исчезновеніемъ чувства должно хотя что-либо остаться какъ сущее? Знаемъ за несомнѣнное, что природа, съ ея частями, силами и законами, существовала прежде появленія человѣка на землѣ. Знаемъ мы это и чрезъ дедукцію отъ индукціи, но знаемъ и на-основаніи универсальныхъ началъ природной конституціи нашего интеллекта, и что знаемъ, то тверже знаемъ при помощи конституціональныхъ началъ, чѣмъ чрезъ индукцію, которая неспособна дать всеобщія категорическія знанія, въ-родѣ безусловнаго закона причинности. При переносѣ настоящаго бытія въ то бытіе, какое было до появленія человѣка на

землѣ, мы вынуждаемся мыслить безспорно несуществующимъ то, что получается въ знаніи непосредственно чрезъ раздраженіе спеціальнаго нерва, а существующимъ то, что оказывается въ знаніи чрезъ посредственное и сложное отвлеченіе отъ свидѣтельства внѣшнихъ чувствъ. То, что было въ природѣ до пробужденія внѣшняго человѣческаго чувства, есть бытіе объективное, а то, что къ этому прибавилось по возникновеніи чувства, есть бытіе субъективное. Реальное имѣетъ разныя степени реальности, разное значеніе, не-только по объему реальности, но и по прочности реальности. Мы вынуждаемся мыслить болѣе объективными и, въ-смыслѣ объективности, болѣе реальными тѣ свойства объектовъ, которыя мы усматриваемъ въ нихъ нашимъ внутреннимъ чувствомъ, чѣмъ тѣ, которыя усматриваемъ чувствомъ внѣшнимъ.

Глава XLV (стр. 22—31).

Не отожествляемъ ли мы объективную истину съ разсудочнымъ отвлеченіемъ? Если, съ разсудочно-аналитической точки зрѣнія, бытіе представляется не существовавшимъ, или не существующимъ, помимо нашего ощущенія и нашей рефлексіи,—то это происходитъ отъ допущенія, въ нашемъ мышленіи, коренной погрѣшности. Эта погрѣшность заключается въ фальшивомъ понятіи, во-первыхъ, объ *атомѣ*. Именно атомъ, во первыхъ, не есть ничтожество. Атомъ, величину, больше недѣлимую, или безконечно малую, или нуль, мы можемъ получить только тогда, когда раздѣлимъ какую бы то ни было данную величину, или единицу, на безконечность, на безконечно великое число частей. Можемъ ли мы какую либо данную величину, или единицу, дѣйствительно раздѣлить на безконечность? Можемъ ли раздѣлить на безконечность величину чисто математическую, особенно же величину реальную? Въ основѣ каждой самомалѣйшей, реальной, какъ и математической, единицы дѣйствительно лежитъ безпредѣльность частей, или дробей, т. е. съ одной стороны, безпредѣльность (∞),—полюсъ положительный, а съ другой стороны, полюсъ отрицательный, — нуль (0). Это радикальная антиномія нашего ума, изстари извѣстная.

Глава XLV (стр. 31—37).

Нужно остеречься произведенія дѣйствительнаго существованія изъ абсолютнаго бытія и абсолютнаго небытія, какъ чистыхъ понятій, равно-какъ и смѣшенія чистой математики съ переходящею въ физику метафизикою. Математическія основоположенія касательно отношеній абсолютно-противоположныхъ величинъ, абсолютнаго (∞) и нуля (0), къ величинамъ ограниченнымъ.

Глава XLVI (стр. 37—45).

Переводъ математическихъ антиномій на языкъ метафизики, касательно отношеній абсолютнаго бытія и небытія къ существованію ограниченному. Абсолютное бытіе и абсолютное небытіе суть понятія противоположныя, граничныя, противоположныя не столько логически, сколько полярно. Абсолютное неизмѣнно.

Ограниченныя величины, въ-отношеніи къ безпредѣльному, одинаково безпредѣльно малы и между собою всѣ равны; разнятся же только въ отношеніяхъ между собою, и именно по степени своего приближенія къ тому, или другому полюсу гранично абсолютныхъ величинъ. Сущность ограниченныхъ бытій, элементарная и индивидуальная. Есть только бытіе,—небытія нѣтъ; однако-жъ абсолютному небытію приписывается хотя и отрицательное, но реальное значеніе. Абсолютныя свойства абсолютнаго положительнаго.

Глава XLVII (стр. 45—48).

Приложеніе математическихъ и метафизическихъ основоположеній, относительно абсолютнаго, къ фактическимъ даннымъ широко понимаемой физики. Физико-химическій атомъ и существенныя свойства его.

Глава XLVIII (стр. 48—69).

Подтверждается ли бытіе абсолютное какими-либо естественно-научными данными? Естественная наука подтверждаетъ фактами бытіе безпредѣльно великое, считаетъ аксіомою вѣчность бытія безпредѣльнаго, допускаетъ и подтверждаетъ единство, простоту, неизмѣнность и самобытность безконечнаго вѣчнаго бытія. Безъ абсолютнаго бытія не можетъ обойтись ни одна изъ самыхъ близкихъ къ чувственному опыту космогоній,—ни гилозоистическая, ни атомистическая, ни космическо-натуралистическая, ни даже космогонія, провозглашаемая позитивистами.

Глава XLIX (стр. 69—79).

Сведеніе въ одинъ обзоръ тѣхъ фактовъ, какими бытіе абсолюта подтверждаютъ естествовѣдѣніе и позитивизмъ. Неосновательна попытка нѣкоторыхъ древнихъ и новѣйшихъ мыслителей найти много абсолютовъ, — такое количество абсолютовъ, сколько есть атомовъ. Еще менѣе основательна попытка нѣкоторыхъ самоновѣйшихъ мыслителей найти также многое множество абсолютовъ въ разнородныхъ формахъ настоящаго міроваго бытія. Ультиматъ вещества долженъ быть бытіе несложное. Недѣлимая сама въ себѣ, эта основа бытія есть и единая. Эта единая основа бытія признается, въ то-же время, и безконечною, безконечною сколько по пространству, столько-же и по времени. Этой вѣчной, неизмѣнной, самобытной основѣ сущаго наиболѣе непререкаемо приписывается значеніе необходимой первопричины и сущности бытія. Вообще же, этой первоосновѣ бытія современные естествовѣды приписываютъ всѣ абсолютныя свойства, выясняемыя метафизикою, или даже математикою. Въ абсолютной первопричинѣ и древніе греки видѣли и новѣйшіе естествовѣды вынуждаются видѣть сѣмянникъ всего бытія, въ которомъ пребываютъ сѣмена всѣхъ вещей, въ которомъ заключается не идеальная только, но и реальная потенція развитія всѣхъ формъ существованія. Кто и что такое эта абсолютная первопричина? Вещество ли, или сила? Или только чистая дѣятельность и притомъ дѣятельность разумная?

Глава L (стр. 79—90).

Существуетъ ли что-либо кромѣ атомовъ и абсолюта? Можно ли и какимъ бы образомъ получить бытіе индивидовъ, видовъ и родовъ чувственныхъ существъ? Должно ли въ чувственныхъ существахъ видѣть не болѣе, какъ только аггрегаты атомовъ? Или чувственныя существа имѣютъ свою особую сущность, отличную отъ сущности атомовъ и отъ абсолюта? Постижимая сущность всякаго ограниченнаго бытія заключается не въ содержаніи, а въ формѣ. Существенно-реальное значеніе формы и неуловимость содержанія какой бы то ни было реальности. Идея является предшествующимъ мотивомъ и цѣлью всякаго движенія, всякаго формированія, всякаго оформленнаго ограническаго бытія.

Глава LI (стр. 90—102).

Идеи-формы (εἶδος-ы) предшествуютъ всякимъ образованіямъ въ дѣйствительномъ мірѣ, въ царствѣ минеральномъ столько-же, сколько и въ царствѣ органическомъ, даже въ области невѣсомыхъ силъ. Всѣ явленія предопредѣляются свойствами и дѣйствіями первопричины всего бытія и, истекающею изъ нея, единою абсолютною формулою первоосновнаго закона бытія.

Глава LII (стр. 103—121).

Современная наука склонна принять, относительно εἶδος-овъ, и другое положеніе древности, — именно, что εἶδος-ы вѣчны. Изъ современныхъ позитивистовъ, *Литтрэ* наиболѣе категорически отрицаетъ вѣчный антецедентъ бытія вещей, какъ и знаки преднамѣренности въ твореніи и конечныя цѣли. Разность воззрѣнія *Литтрэ*, въ этомъ пунктѣ, отъ воззрѣній *Конта и Д. С. Милля*. Психологическій принципъ *Д. С. Милля* и экспериментальный *Конта*. Экспериментальный принципъ не даетъ логическаго, да и никакого, критерія истины, и опирается на произволъ. *Литтрэ* произвольно объявляетъ, что первыя причины неизвѣстны, не-только въ своихъ свойствахъ, но и въ бытіи, вопреки логикѣ и психологіи. Въ реальномъ смыслѣ, вѣчное бытіе можно приписать εἶδος-амъ еще съ большею настойчивостью относительно будущаго, чѣмъ относительно прошедшаго.

Глава LIII (стр. 121—126).

Для нашего сознанія въ ограниченномъ бытіи существуетъ только εἶδος. Эти-то εἶδος-ы суть основные законы бытія, живые субстраты, неизмѣнныя сущности явленій. Такимъ образомъ, мы получили три непререкаемо-существующія бытія: атомы, бытіе абсолютное и ограниченные εἰδος-ы, или, лучше сказать, два бытія: единое абсолютное безконечное, и міріады ограниченныхъ εἶδος-овъ, въ число которыхъ включаются и атомы. То, и другое и третье бытія познаются не внѣшнимъ чувствомъ, но всею цѣльностію человѣческаго чувства, по-преимуществу же глубочайшимъ внутреннимъ чувствомъ.

Глава LIV (стр. 126—138).

О самовидѣніи εἴδος-овъ. Всѣ и всякіе εἴδος-ы сами видятъ, сами чувствуютъ, сами знаютъ, что имъ должно знать для того, чтобы имъ можно было существовать. Имѣютъ ли чувство и смыслъ безсловесныя животныя, растенія, предметы неодушевленные и не организованные? Господствующая мысль естественно-научныхъ изслѣдованій по этому предмету. Можно ли указать границу раздѣленія между царствами органическимъ и неорганическимъ, одушевленнымъ и неодушевленнымъ, живымъ и мертвымъ, между человѣкомъ и животнымъ, между животнымъ и растеніемъ? Основа жизни, пунктъ, въ которомъ животное царство соприкасается съ растительнымъ, а далѣе органическое съ неорганическимъ, есть клѣточка; но и клѣточка не составляетъ собою грани между царствомъ жизни, съ одной стороны, и царствомъ смерти, съ другой. Для объясненія всѣхъ жизненныхъ явленій (будтобы) достаточно одной химической силы и вовсе не требуется особая сила жизни. По *Одлингу*, *Жуванселю*, *Вирхову* и др., и чувство и мысль и сознаніе источникомъ своимъ имѣютъ не какую-либо особенную жизненную силу, но общую силу химическую.

Глава LV (стр. 138—152).

По Г. Спенсеру, духовныя силы подходятъ подъ обобщеніе закона эквивалентности силъ. Сила, существующая въ-видѣ движенія, теплоты или свѣта, можетъ стать извѣстнымъ видомъ сознанія; силы, освобождающіяся при химическихъ измѣненіяхъ въ мозгу, даютъ начало движенію; и такія превращенія силъ физическихъ въ духовныя, и, обратно, духовныхъ въ физическія, слѣдуютъ тому-же закону эквивалентности, какому подчинены превращенія, одной въ другую, силъ физическихъ. Біологъ *Лотце* недалекъ отъ того, чтобы самой матеріи приписать нѣкоторую разумность и вообще духовныя качества. По *Сѣченову*, ясной границы между соматическими и психическими явленіями нѣтъ ни въ одномъ мыслимомъ отношеніи, и родство, или лучше,—тожество въ качествѣ, психическихъ и нервныхъ актовъ есть основная, исходная аксіома психологіи. Въ новѣйшихъ естественно-научныхъ изслѣдованіяхъ можно, наконецъ, находить уже приговоры и о монизмѣ,—единствѣ вещества и силы, силы механической и химической, органической и духовной, съ рѣшительнымъ выводомъ, что высшую сферу вещества составляетъ такъ-называемое нервное вещество, обладающее способностью чувствовать и мыслить.

Глава LVI (стр. 152—162).

Что изъ этихъ воззрѣній мы принимаемъ, что допускаемъ съ ограниченіемъ и что отвергаемъ? Допускаемъ, что развитіе человѣческаго зародыша переходитъ всѣ ступени развитія животнаго царства, отъ инфузоріи до человѣка, — что рѣшительныхъ признаковъ, отличающихъ растенія отъ животныхъ, въ организаціи нѣтъ,—что природа жизни сложнаго организма зависитъ отъ элементарной жиз-

ни клѣточки, — что нервная система есть только дифференцированный выдѣлъ другихъ органическихъ системъ, и способность нервной системы къ особому органическому отправленію есть только спеціализованная способность всего организма, всѣхъ составляющихъ его системъ и всѣхъ клѣточекъ; нѣтъ никакой причины полагать, что свойства растительныхъ тканей и способность чувствовать несовмѣстны; можно признать, что психическая дѣятельность животныхъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, подобна нашей человѣческой, что она постепенно понижается до инфузорій, что растительная жизнь однородна съ животною и имѣетъ исходною точкою клѣточку; въ свою очередь, и клѣточка не составляетъ собою грани между царствами жизни и смерти; жизнь подчинена господству химическихъ и физическихъ законовъ; корни жизни всего живаго идутъ гораздо глубже послѣдней явственной черты организаціи, глубже клѣточки; сила присуща элементамъ массы, всѣ внѣшніе процессы сочетанія и раздѣленія должны основываться на внутренней жизни элементовъ. Не безъ основанія Г. Спенсеръ настаиваетъ и на томъ, что идея, или чувство возникаютъ въ-видѣ нѣкотораго результата нѣкоторой физической силы, затраченной на ихъ произведеніе.

Глава LVII (стр. 162—177).

Можно ли согласиться и съ Сѣченовымъ въ томъ, что психическія явленія суть тѣ-же соматическія? Критерій для сужденія о томъ, что мы называемъ и почему, — по какимъ признакамъ, находимъ гдѣ-либо позывъ, чувство, сознаніе и знаніе? Что такое, въ себѣ самомъ, я признаю фактомъ психическимъ? Во мнѣ самомъ психическіе факты съ соматическими не тожественны, хотя и родственны. Во взаимно-условной связи съ психическими фактами состоятъ именно нервныя дѣятельности въ тѣлѣ какъ самаго человѣка, такъ и животныхъ. Всякая ли нервная дѣятельность есть совмѣстно и психическая дѣятельность? И обратно, ужели никогда, ни при какихъ условіяхъ, не можетъ состояться фактъ свойства несомнѣнно психическаго, однакожъ безъ посредства нервовъ? Критерій, по которому я приписываю кому и чему-либо сознаніе, вовсе почти выходитъ изъ области физіологіи въ область опыта чисто психическаго: даже присутствіе, въ данномъ субъектѣ, нервовъ двоякаго рода, нервовъ движенія и ощущенія, не ручается за присутствіе, въ этомъ субъектѣ, того-же сознанія, какое я наблюдаю въ себѣ, въ нормальномъ состояніи моего ума. Есть животныя, лишенныя нервной системы, но не лишонныя произвольныхъ, цѣлесообразныхъ движеній, въ которыхъ физіологія склонна находить ощущеніе, или даже сознаніе. На подобномъ-же основаніи приписываются позывы и чувство не-только животнымъ, но и растеніямъ и даже предметамъ неодушевленнымъ, которымъ приписывается, по меньшей мѣрѣ, позывъ.

Глава LVIII (стр. 177—185).

Должно ли изъ области психической рѣшительно исключить всѣ нервные акты, какіе только не озарены сознаніемъ? Невозможно. Ни органическое, ни психическое единство индивида не позволяетъ полагать черту раздѣленія между созна-

ваемою и несознаваемою дѣятельностью его нервной системы и относить только первую въ область явленій психическихъ, въ сферу души, а послѣднюю рѣшительно исключать. Имѣютъ ли какое-либо психологическое значеніе позывъ у предметовъ неодушевленныхъ и позывъ и ощущеніе у растеній, или у животныхъ, лишенныхъ нервной системы: будутъ ли у такихъ субъектовъ ощущеніе дѣйствительнымъ ощущеніемъ, позывъ дѣйствительно ощущаемымъ позывомъ? Раздѣленіе психической области на двѣ области: психически-сознательную и психически-безсознательную. Разумъ сознательный и безсознательный. Человѣческій разумъ есть единство того и другаго.

Глава LIX (стр. 186—200).

Можно ли различать въ душѣ животныхъ подобное-же раздѣленіе разума сознаннаго и несознаннаго? Ученіе психолога *Юркевича* по этому предмету. Тотъ-же вопросъ относительно растеній и предметовъ неодушевленныхъ, можно ли и въ нихъ находить дальнѣйшее раздѣленіе между разумомъ сознаннымъ и несознаннымъ. Человѣкъ, однакожъ, стоитъ не въ одной градаціи со всѣми живыми и даже неживыми существами видимой природы: проявленія разума сознаннаго и несознаннаго въ человѣкѣ несоизмѣримы съ проявленіями того-же разума у высшихъ животныхъ. Совпаденіе этихъ выводовъ съ нашею теоріею εἴδος-овъ: несознанный космическій разумъ въ каждомъ εἶδος-ѣ совпадаетъ съ элементарною его сущностью, съ абсолютнымъ, вошедшимъ въ его природу, бытіемъ, а разумъ сознанный совпадаетъ съ сущностью индивидуальною.

Глава LX (стр. 201—213).

Какъ разумъ безсознательный переводится въ сознательный? Воззрѣніе на этотъ предметъ философа *Карпова*. Въ системѣ его «Логики», чувственное воспріятіе, чувство, органы чувствъ, чувствованіе—состояніе страдательное, самодѣятельное, чувственное воззрѣніе, предметъ чувственнаго воззрѣнія — чувственное недѣлимое, конкретъ, матеріальное текучее бытіе, идеальное созерцаніе, умозрѣніе, умъ, идея какъ органъ ума, разсудокъ, его законы, мышленіе априорическое и апостеріорическое; познаніе истины—въ совпаденіи мышленія априорическаго съ апостеріорическимъ; истина, полное представленіе всего ли то сущаго, или даже чего-либо сущаго, недостижима; тѣмъ не менѣе-между понятіями есть начала первыя, необходимыя и неразлучныя, категоріи, высшіе предикаты, или послѣдніе объемы; между сужденіями — сужденія аподиктическія, математическія и высшіе постуляты ума, какъ и между умозаключеніями—гипотеза, аксіома, умственный постулятъ; необходимость истинъ всеобщихъ; порядокъ перехода умственныхъ идей въ познанія; высшія умственныя познанія нельзя почитать высшими разсудочными отвлеченіями; понятія врожденныя. Исходная точка теоріи *Карпова*, Взглядъ на тотъ-же предметъ *Клода Бернара*. Принципъ детерминизма. Прирожденное стремленіе познать сущность вещей. Идеи априорныя и способъ ихъ возникновенія. Идея—primum movens науки. Откуда происходитъ сама идея? Философское чувство, или созерцаніе—источникъ идей. Цѣль экспериментальнаго

метода — преобразовать идеальное представленіе a priori въ объясненіе a posteriori. Безпредѣльность стремленій человѣческаго ума.

Глава LXI (стр. 213—221).

Сопоставленіе теорій *Карпова* и *Клода Бернара* съ основоположеніями нашей теоріи. Абсолютное въ природѣ и въ человѣкѣ. Абсолютное познаніе. Существуетъ предуставленная связь между порядкомъ вещей и человѣческимъ разумомъ. При всеобщей измѣняемости въ природѣ, въ духѣ лежитъ неизмѣнное начало,— это—идея безконечнаго, абсолютнаго знанія. Идея не есть познаніе, но точка отправленія и цѣль всякаго научнаго изысканія. Какимъ образомъ идея переходитъ въ эмпирическое разсудочное познаніе? Разсудочное познаніе безсильно обнять идею вполнѣ. Всякое открытіе истины есть реализація, прирожденнаго духу, чувства истины. Сущность отношеній между знаніемъ идеальнымъ и разсудочнымъ, между разумомъ безсознательнымъ и сознательнымъ.

Глава LXII (стр. 221—231).

О разумѣ теоретическомъ и практическомъ и переходѣ перваго въ послѣдній. Совпаденіе разума практическаго съ разумомъ несознаннымъ — космическимъ, а теоретическаго съ разумомъ сознательнымъ. Анализъ главныхъ элементовъ психическаго проявленія жизни. Сознательный разумъ понижается, спускаясь по градаціи живыхъ существъ, почти до самоуничтоженія. Можно ли въ существахъ, которыя ниже человѣка, отличать отъ практическаго разума еще теоретическій? Границы сознательнаго и теоретическаго разума хотя и совпадаютъ, но не вполнѣ. Гдѣ оканчиваются области разума сознательнаго и теоретическаго, практическаго и безсознательнаго? Теоретически-сознательный разумъ со всѣхъ сторонъ объемлется, содержится, носится, проникается, возбуждается и направляется разумомъ практически-космическимъ.

Глава LXIII (стр. 231—241).

Разъясненіе этого основоположенія въ области существъ, стоящихъ ниже человѣка. Два класса такихъ существъ, изъ которыхъ въ одномъ обнаруживаются проблески не-только сознательнаго, но и теоретическаго разума, а въ другомъ можно предполагать нѣкоторый слѣдъ сознанія, но нѣтъ ни слѣда разума теоретическаго. Въ низшемъ классѣ существъ, разумъ сознательный проявляется въ наиболѣе чистомъ видѣ разума практическаго, имѣя и основу свою, и правило, и цѣль въ разумѣ несознанномъ космическомъ. Послѣдній критерій истины и нормы бытія для разума этихъ существъ. Во второмъ высшемъ классѣ, классѣ высшихъ животныхъ, способность къ заблужденію, возникая, возрастаетъ вмѣстѣ съ расчлененіемъ единаго и того-же чувства, единаго и тогоже интеллекта. Что въ этой сферѣ жизни слѣдуетъ назвать заблужденіемъ? Какъ отыскать коренной критерій истиннаго и ложнаго для животныхъ? Приговоръ о сущности, или качествахъ познаваемой вещи изрекаетъ сознательному животному разуму, прису-

щій и ему, и всякой вещи, и всему міровому универсу, разумъ космическій, или несознанный. Даже и человѣческій разумъ, животный же по-преимуществу, стремится познать вещи со-стороны ихъ практическаго значенія. Въ окончательномъ совпаденіи сознательнаго разума высшихъ животныхъ съ практическимъ универсальнымъ разумомъ лежитъ, постижимая для животнаго смысла, истина знанія и, доступная животному чувству, норма бытія.

Гвала LXIV (стр. 241—252).

Аналогія между разумомъ человѣческимъ и животнымъ. Человѣческій разумъ, будучи существенно болѣе развитъ, въ-сравненіи съ животнымъ, несравненно болѣе послѣдняго подверженъ и заблужденіямъ всякаго рода. Абсолютная истина для индивидуально-сознательнаго человѣческаго разума, для разсудочнаго пониманія человѣка, недостижима. Человѣкъ разсудочно познаетъ истину только съ своей человѣческой, а не съ абсолютной, точки зрѣнія. Что же будетъ истиною, что заблужденіемъ, съ относительной человѣческой точки зрѣнія? Общая формула космической жизни, по которой коренное жизненное чувство ощущаетъ влеченіе, отвращеніе и удовлетвореніе, въ человѣкѣ, какъ отчасти и въ высшихъ животныхъ, обособляется специфически, вслѣдъ за расчлененіемъ и обособленіемъ единаго жизненнаго чувства. Вмѣстѣ съ прирожденнымъ стремленіемъ къ безпредѣльной теоретической истинѣ, необходимо приписать человѣку и интеллектуальное теоретическое чувство, въ мѣрѣ, безпредѣльно высшей той мѣры, въ какой отыскивается то и другое, и чувство интеллектуальное, и стремленіе познать вещи теоретически, въ сознательномъ разумѣ высшихъ животныхъ. Опытъ заставляетъ приписать спеціализованному интеллектуальному чувству человѣка свои спеціализованныя влеченія, свои отвращенія, свои особыя условія удовлетворенія и успокоенія. Приговоръ о бытіи и качествахъ познаваемой вещи изрекаетъ сознательному человѣческому, какъ и животному, разуму, присущій и ему, и всякой вещи, и всему міровому универсу, разумъ такъ-называемый безсознательный космическій. Для человѣческаго разума истина должна быть тамъ-же, гдѣ и норма жизни, — въ подчиненіи разума сознательно-теоретическаго практически-универсальному.

ПРИЛОЖЕНІЕ И ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Глава LXV (стр. 252—261).

Что мы имѣемъ какъ дѣйствительно сущее? Мы получили, въ выводѣ нашего изслѣдованія, три непререкаемо существующія бытія: атомы, бытіе абсолютное и ограниченные ἐιδος-ы; или, лучше, два бытія: единое абсолютное и міріады ограниченныхъ ἐιδος-овъ, въ число которыхъ включаются и атомы. Отрицаніе нашего воззрѣнія въ сочиненіи аббата Секки: *Единство физическихъ силъ*. Секки принадлежитъ къ числу самыхъ новѣйшихъ защитниковъ атомизма. Подтвержденіе

атомической теоріи, заимствуемое аббатомъ Секки изъ оптики и механики, изъ химіи и физики и, наконецъ, изъ метафизики. Секки противорѣчитъ себѣ и доказываетъ, что атомизмъ невозможенъ. Секки приписываетъ атому безконечную малость и значеніе точки, не болѣе.

Глава LXVI (стр. 261—275).

По Секки, атомъ есть только центръ движенія или вибраціи, а всякое тѣло, какъ и вся въ совокупности матерія, есть только сумма атомныхъ вибрацій, или вообще только движеніе. Силы суть не что иное, какъ простые роды движенія. Законъ достаточности матеріи и движенія для объясненія всѣхъ явленій. Секки признаетъ одну матерію, но находящуюся въ двухъ различныхъ состояніяхъ, невѣсомаго эѳира и матеріи вѣсомой. Всѣ явленія производятся механическимъ дѣйствіемъ эѳира. Эѳиръ есть матерія, сложная изъ атомовъ. Разница между невѣсомою и вѣсомою матеріей. Вѣсомая матерія можетъ переходить въ состояніе эѳира. Мы знаемъ о существованіи эѳира, по производимому имъ въ природѣ движенію или работѣ, а отсюда, посредственно, по впечатлѣнію на наши чувства, которое само есть особаго рода движеніе. Вмѣсто опытнаго подтвержденія того, что эѳиръ естъ механически движущаяся масса, мы получаемъ отъ Секки утвержденіе и подтвержденіе того, что эѳиръ есть не-только вибрація или вообще механическое движеніе, но и творческая сила, не поддающаяся законамъ механики. Мы знаемъ эѳиръ, какъ состояніе, какъ движеніе, какъ силу, даже творческую жизненную силу, но не какъ дѣлимую частичную массу. Объясненіе того, какимъ образомъ изъ немассивнаго нечастичнаго эѳира, представляющаго собою только разнородныя движенія или силы, происходитъ все разнообразіе чувственныхъ предметовъ. Самый основной первичный признакъ матеріальности, инерція матеріи, есть не иное что, какъ первичное атомное движеніе. Каждый изъ атомовъ есть сферически вращающееся движеніе, имѣющее свой центръ, свою ось и периферію. Не матерія даетъ бытіе движенію, но движеніе является причиною осуществленія и проявленія матеріи. Тѣла не имѣютъ ни запаха, ни цвѣта, ни вкуса, а только обладаютъ извѣстнаго рода движеніями, способными производить въ насъ эти впечатлѣнія.

Глава LXVII (стр. 276—316).

Дѣйствительно ли атомическая теорія Секки способна объяснить всѣ явленія и далека отъ какихъ бы то ни было абсурдовъ? Всѣ ли явленія Секки думаетъ объяснить атомическою теоріею? Въ какой мѣрѣ механическая или атомическая теорія Секки удовлетворяетъ объясненію молекулярныхъ процессовъ? Притягательная сила между атомами, по Секки, невѣроятна. Притяженіе есть слѣдствіе, а не причина движенія матеріи. Два атома или двѣ частицы, колеблющіяся въ матеріальной средѣ, стремятся сблизиться между собою, не вслѣдствіе своей внутренней силы, но по причинѣ неодинаковаго сопротивленія движенію, представляемаго средою. Притяженіе производитъ эѳирная среда, механическимъ своимъ дѣйствіемъ. Эта теорія Секки оказывается сцѣпленною изъ абсурдовъ, изъ противорѣчій его самому себѣ. Онъ приписываетъ атомамъ упругость и от-

талкивательную силу, тогда-какъ, по его-же словамъ, ни того ни другаго нельзя приписывать атомамъ. Нельзя приписывать атомамъ и состоянія бездѣятельной инерціи, когда каждый изъ атомовъ, по Секки, надѣленъ вращательнымъ и поступательнымъ движеніемъ. Нельзя приписывать тому или другому изъ атомовъ возбужденіе особенно сильнымъ импульсомъ, когда всѣ атомы, по Секки, обладаютъ тожественно одинаковыми массами и скоростями движенія. Свое положеніе, будто одинъ движущійся атомъ силенъ двигать безпредѣльную массу атомовъ, безпредѣльное время и на безпредѣльное пространство, самъ-же Секки отрицаетъ положеніемъ, что атомъ, двигающійся въ инертной средѣ, долженъ терять свою живую силу, сообщая ее окружающимъ частицамъ. Справедливо ли, что дѣйствіе абсолютно неупругихъ атомовъ эквивалентно дѣйствію тѣлъ упругихъ? Эту эквивалентность Секки и доказываетъ, и самъ-же категорически отрицаетъ. Хаотическіе вихри, къ какимъ приводитъ теорія Секки, кончились бы прекращеніемъ всякаго движенія во вселенной. Сохраняется ли абсолютное количество живой силы въ міровой системѣ, если допустить гипотезу, что атомы обладаютъ упругостью, или гипотезу, что атомы абсолютно не упруги? Или, быть можетъ, сгущеніемъ матеріи замедляется и затрудняется ея движеніе, до полнаго прекращенія? Быть можетъ, въ данныхъ ограниченныхъ пунктахъ космоса сила дѣйствительно уничтожается, но безпрерывно пополняется изъ неистощимаго запаса силы безпредѣльной? Для Секки было бы не научно допустить возсозданіе силы изъ ничего. Или не предположить ли, что атомъ никогда не можетъ потерять разъ сообщенную ему силу движенія? Но, по Секки, атомы не заключаютъ въ себѣ никакой внутренней силы, не одухотворены никакимъ внутреннимъ движеніемъ, хотя самъ-же онъ и отрицаетъ это буквально. Аббату Секки остается объяснять всякое движеніе, всякую жизнь въ мірѣ, или абсурдомъ эквивалентности абсолютно-неупругихъ атомовъ съ упругими тѣлами, или другимъ абсурдомъ простой упругости абсолютно-непроницаемыхъ атомовъ; всѣ, предлагаемыя у Секки, объясненія передачи и сохраненія движеній, всѣ объясненія отношеній между движеніемъ, силою, инерціей и массою, опираются на свойство упругости не-только тѣлъ, но и послѣднихъ вещественныхъ элементовъ, такъ-что, по выраженію Секки, работа и динамическое дѣйствіе, живая сила и масса двигающаяся съ извѣстною скоростью, выраженія однозначущія. Дѣйствительно ли матерія, какъ масса, есть тоже самое, что сила?

Глава LXVIII (стр. 316—330).

Эѳиръ является у Секки безъ радикальнаго свойства матеріальности, съ инерціею, но безъ непроницаемости,—является исключительно движеніемъ, дѣйствіемъ, силою, но не матеріею, непроницаемою и частичною, такъ-что самъ Секки отказываетъ эѳиру даже въ наименованіи вещества. Конечные выводы Секки объ отношеніи невѣсомой матеріи къ вѣсомой. Дедуктивный обзоръ его выводовъ. Разсужденія Секки о дѣйствіи силъ на разстояніи и о возможности взаимнаго прикосновенія между атомами. Взглядъ на этотъ предметъ Д. С. Милля. Секки провозглащаетъ колоссальнымъ абсурдомъ усвоеніе атомамъ не-только нѣкоторой способности разума или чувства, но даже избирательнаго химическаго сродства. Взглядъ на этотъ предметъ *Тиндаля и Баркера*.

*

Глава LXIX (стр. 330—352).

Критическая оцѣнка аргументовъ атомизма, какіе мы видимъ у самыхъ новѣйшихъ его защитниковъ: Тиндаля, Вюрца, Венденбаума и Бернгарда фонъ Котты; приговоръ Юма.

Глава LXX (стр. 352—387).

Сопоставленіе выводовъ, полученныхъ изъ критическаго обзора теоріи аббата Секки и другихъ атомистовъ, съ выводами открывающимися изъ всего нашего изслѣдованія. Внѣшне-чувственное бытіе. Звуковыя, тепловыя и свѣтовыя вибраціи. Рѣшительный конецъ внѣшне-чувственнаго бытія. Атомы, молекулы и тѣла. Очертаніе или фигура, прикосновеніе, сопротивленіе, непроницаемость, тяжесть, вкусъ и запахъ. Химическіе элементы. Есть ли въ реальномъ бытіи что-либо сверх-чувственное? Градація внѣшнихъ ощущеній и самыхъ чувствъ, по степени измѣненія атомныхъ движеній. Атомныя движенія, неподлежащія внѣшнему чувству. Неощущаемые интервалы въ амплитудѣ дѣятельности отдѣльныхъ чувствъ. Двойственность условій дѣятельности внѣшняго чувства, внѣ которыхъ все для насъ сверхчувственно. Внѣшнимъ чувствомъ, въ явленіяхъ природы, постигается собственно только конкретное, граничащее съ небытіемъ, какъ въ объектѣ, такъ даже и въ сознаніи субъекта. Стадіи всей системы бытія. Абсолютное, эѳиръ, внѣ-чувственная область собственно атомная, молекулы, микроскопическіе зародыши и тѣла неорганическія и органическія, до человѣка включительно; живая сила, одушевляющая живыя существа; обитатели надземнаго міра; силы, которыми индивиды, въ одну сторону, объединяются въ особые виды и роды существъ, а въ другую сторону раздробляются на живыя части и частицы, устанавливая особый индивидъ въ каждой изъ нихъ. Какое изъ этихъ бытій объективно и какое субъективно? Внѣшне-чувственное бытіе только субъективно; въ объектѣ оказывается нѣчто, далеко отличное отъ ощущаемаго внѣшнимъ чувствомъ. Внѣшнее впечатлѣніе живетъ только въ субъектѣ, и никакъ не внѣ его; произведшій же впечатлѣніе εἶδος жилъ и будетъ жить внѣ субъективнаго ощущенія, въ объектѣ. Конкретное раздраженіе того, или другаго, чувствующаго органа неспособно указать ни одного качества объекта и безсильно подтвердить даже голое бытіе объектовъ, увѣряя скорѣе и сильнѣе, наоборотъ, въ ихъ небытіи. Наиболѣе сверхчувственное наиболѣе объективно-реально. И самая матерія оказывается бытіемъ сверхчувственнымъ.

Глава LXXI (стр. 387—401).

Устраненіе ошибочнихъ толкованій отъ устанавливаемаго нами основнаго понятія объ ограниченныхъ εἶδος-ахъ и объ отношеніи ихъ къ бытію абсолютному. Наши εἶδος-ы въ-сравненіи съ монадами Лейбница, атомами Ульрици и εἶδος-ами Платона и Аристотеля. Не ставимъ ли мы, при этомъ, въ нашей системѣ, и душу человѣческую въ одинъ разрядъ со всѣми εἶδος-ами, начиная съ

омовъ, молекулъ и т. д.?—Въ безпредѣльныхъ предѣлахъ, между граничными
люсами абсолютнаго бытія и небытія, можетъ осуществиться, въ ограничен-
мъ бытіи, различіе не-только такъ-называемое субстанціальное, но и выше
бстанціальное, о которомъ, по недостатку опытной опоры, мы безсильны со-
ѣвить себѣ какое бы то ни было представленіе. Существеннѣйшими гранями
зличія между реальными міровыми силами оказываются самосознаніе и спо-
бность къ безпредѣльному не-только развитію, но и усовершествованію. Духъ
ловѣческій оказывается наиболѣе сконцентрированнымъ въ мірѣ, индивидуаль-
мъ единствомъ, хотя ему не чужда и нѣкоторая особо понимаемая сложность.
ять же, для развитія только человѣческаго духа опытъ не указываетъ въ бу-
цемъ непереходимой грани. Не ставимъ ли мы и абсолютное бытіе въ одно-
дный рядъ съ прочими ἐἴδος-ами? Углубляться въ рѣшеніе вопроса объ отно-
ніи абсолютнаго къ ограниченному бытію значитъ болѣе и болѣе погружаться
область умственныхъ антиномій. Эту антиномію искони принято разрѣшать
рицаніемъ пантеистической имманенціи абсолютнаго бытія въ бытіи ограни-
нномъ и допущеніемъ творческаго промыслительнаго сопребыванія Творца съ
реею тварію, по смыслу теистическаго міросозерцанія. Абсолютное—ἐἴδος без-
ѣдѣльно своеобразный. Происхожденіе ограниченной единицы изъ абсолютнаго
жно мыслить не иначе, какъ творческимъ актомъ. Открывающіяся отсюда за-
ни дальнѣйшаго изслѣдованія.

ПОЗИТИВНАЯ ФИЛОСОФІЯ

и

СВЕРХЧУВСТВЕННОЕ БЫТІЕ.

ОТДѢЛЪ IV.

ЗНАНІЕ НАИБОЛѢЕ РЕАЛЬНОЕ, РАВНО-КАКЪ И ОБЪЕКТИВНОЕ, ЗАКЛЮЧАЕТСЯ ВЪ ИДЕЯХЪ.

ГЛАВА XLII.

Прежде чѣмъ окончательно приступить къ рѣшенію вопроса: заключается ли наиболѣе реальное, равно-какъ и наиболѣе объективное, знаніе въ идеяхъ?,—необходимо вспомнить здѣсь, *что именно мы доказываемъ, что доказали, и что намѣрены и считаемъ себя сильными доказать?*—Надѣемся, что мы доказали, что *сама природа въ положительную сторону рѣшаетъ вопросъ о томъ, что міръ реаленъ.* Далѣе, предстоитъ разъяснить самый трудный въ философіи вопросъ,—именно: *что въ мірѣ существуетъ, что въ немъ реально?*

Мы признали достаточно разъясненнымъ и рѣшительно подтвержденнымъ, что *въ практической части свидѣтельства нашихъ чувствъ*, которая опредѣляетъ не то, какъ вещь существуетъ въ себѣ, но какъ относится она къ нашему чувству, *наше чувство принудительно достовѣрно и непогрѣшимо. Все, мною чувствуемое, все субъективное во мнѣ для меня реально,*—это непререкаемый голосъ природы, который нельзя подвергать сомнѣнію никакимъ анализомъ разсудка. Дальнѣйшему же разъясненію предстоитъ вопросъ: *реальное во мнѣ реально ли внѣ меня, въ объектѣ,*—иначе сказать,—*объективно ли оно?*

По этому вопросу мы признали достаточно разъясненнымъ, что *объективная, достижимая для человѣка, истина есть также субъективная, только болѣе или менѣе обще-субъективная,—что истины изъ области разума теоретическаго, опредѣляющаго, какъ вещь существуетъ въ себѣ, въ концѣ концовъ, суть истины изъ области ра-*

зума практическаго,—что *всякая истина* (субъективная ли то, или объективная) *измѣряется и принимается за истину тѣмъ-же послѣднимъ мѣриломъ, внутреннимъ нашимъ душевнымъ чувствомъ истины.*

Далѣе мы усиливаемся разъяснить: *почему, на какомъ основаніи, не всякую субъективную, даже болѣе или менѣе обще—субъективную, истину мы признаемъ за объективную; мы ищемъ общаго принципа, коренного критерія того, что и почему мы признаемъ реально существующимъ и, обратно, что и почему мы признаемъ не реально—существующимъ?* Идя въ этомъ направленіи, мы надѣемся придти *къ результату, что реальное имѣетъ разныя степени*, — что, *по природной структурѣ нашего интеллекта, мы вынуждаемся мыслить болѣе объективными и, въ-смыслѣ объективности, болѣе реальными тѣ свойства объектовъ, которыя мы усматриваемъ въ нихъ нашимъ внутреннимъ чувствомъ, чѣмъ тѣ, которыя ощущаемъ органами нашихъ внѣшнихъ чувствъ.*

Доказали мы, на-основаніи *физики и химіи*, что *свойства вещества, о которыхъ свидѣтельствуютъ намъ наши внѣшнія чувства, не-только переходчивы, но даже вовсе не принадлежатъ веществу въ себѣ, веществу въ его основѣ*,—что *химія и физика низводятъ до несуществованія въ основѣ вещества нетолько такъ-называемыя вторичныя, но и самыя первичныя качества вещества, какова непроницаемость.* Доказали также, на-основаніи самой экспериментальной психологіи, какая только намъ извѣстна, именно психологіи *Вундта*, на-основаніи самоновѣйшихъ выводовъ естественной науки, выраженныхъ въ рѣчи *Карпентера, предсѣдателя Съѣзда британскихъ естествоиспытателей*, что *все, что мы знаемъ о матеріи, есть только умственное представленіе*,—что *наше чувственное созерцаніе есть самостоятельное сужденіе и умозаключеніе о впечатлѣніяхъ, изъ которыхъ мы строимъ образъ дѣйствительности, никогда не достигающій истины*, — что *химики и физики, физіологи и психологи согласны между собою въ томъ, что цвѣта, какъ и прочія чувственныя свойства, не существуютъ въ самомъ предметѣ, какъ такія*,—что *неизвѣстно, имѣетъ ли тѣло, на самомъ дѣлѣ, протяженность, причина которой скрывается въ нашемъ воззрѣніи*, — что *требованіе*, чтобы *сущностью матеріи были абсолютное протяженіе и абсолютная непроницаемость, не подтверждается ни разсужденіемъ, ни фактами, даже противорѣчитъ фактамъ*, — *что, помимо всего этого, непроницаемость, какъ и всѣ свойства вещей, какъ и весь строй при-*

роды, вооруженному микроскопомъ, телескопомъ, спектроскопомъ и другими инструментами, какъ и разнообразными экспериментами, чувству, представляются далеко не въ томъ видѣ, въ какомъ являются чувству не вооруженному.

Надѣемся, что мы доказали и то, что *если послѣдній критерій истины поставить въ свидѣтельствѣ нашихъ внѣшнихъ чувствъ, то этотъ критерій убѣждаетъ насъ въ несуществованіи внѣшняго міра и самаго вещества.* Мы разъяснили соображеніями *Д. С. Милля*, что *всѣ чувственныя свойства суть для насъ не что иное, какъ или наши ощущенія, или нѣчто нераздѣльно съ ними связанное; сущность же вещей, съ развитіемъ естественныхъ наукъ, стала пониматься тожественною съ частичнымъ строеніемъ тѣлъ*; иначе сказать, — *сущность всякаго чувственнаго бытія, тожественная съ частичнымъ строеніемъ тѣлъ, упирается въ атомы; но лишь только мы ставимъ для своей мысли вопросъ о бытіи атомовъ, вмѣстѣ съ тѣмъ мы переходимъ въ область непознаваемаго, по крайней мѣрѣ,—съ ультра—позитивной точки зрѣнія.* Мы разъяснили, на-основаніи психологическихъ экспериментовъ, собранныхъ въ психологіи *Вундта*, что *примитивныя, элементарныя умозаключенія, сужденія, признаки или качества ощущеній или ощущаемыхъ явленій, существуютъ только въ субъектѣ, но не существуютъ въ объектѣ; а примитивнѣйшія внѣшне-чувственныя впечатлѣнія, не подлежа сознанію, не существуютъ не-только въ объектѣ, но и въ субъектѣ*; между-тѣмъ *изъ этихъ не реальныхъ элементовъ складывается все наше умопредставленіе о реальномъ*,—и складывается такъ, что *съ агрегаціею ли то нашихъ умственныхъ продуктовъ, происходящихъ изъ этихъ элементовъ, или съ разложеніемъ ихъ на болѣе и болѣе мелкія дроби,—съ восхожденіемъ ли вверхъ, при помощи синтеза и индукціи, по лѣстницѣ абстракціи понятій, или съ нисхожденіемъ внизъ, по ступенямъ дедукціи, анализа и индивидуаціи, до атомизма, въ ту и другую сторону, реальное болѣе и болѣе утончается и ускользаетъ, пока, наконецъ, на противоположныхъ полюсахъ разсудочнаго представленія предметовъ, самыхъ общихъ и самыхъ частныхъ, не исчезаетъ въ небытіи, въ ничтожествѣ, въ нулѣ,—что самое частное представленіе тѣлеснаго атома, или частицы эѳира, и самое общее понятіе бытія суть продукты абстракціи.* Надѣемся, мы доказали, что если въ началѣ лѣстницы нашихъ понятій поставить самое частное представленіе *атома*, въ срединѣ представленіе *индивидуума*, а въ концѣ самое

общее понятіе *бытія*,—то оказывается, что *на одномъ крайнемъ полюсѣ самое общее понятіе бытія не содержитъ въ себѣ ни одного реальнаго признака, состоя изъ одного только, наиболѣе абстрактнаго, признака бытія,—бытія всевозможнаго, реальнаго и идеальнаго, тожественнаго, по этому, съ небытіемъ; на противоположномъ полюсѣ самое частное представленіе атома, исключая всякую дальнѣйшую частичность, пространственность и измѣнчивость, опять не содержитъ въ себѣ ни одного реальнаго признака и граничитъ нетолько съ безпредѣльною малостью, но и прямо съ ничтожествомъ; наконецъ, даже срединное представленіе или понятіе индивидуумовъ, которые служатъ, съ одной стороны, частичнымъ матеріаломъ для сложенія высшихъ, общихъ, видовыхъ и родовыхъ, понятій, а съ другой—общею суммою матеріала, изъ котораго, чрезъ анализъ, получаются частнѣйшія представленія частей и признаковъ,—и это представленіе или понятіе, какъ синтезъ не имѣющихъ реально-объективнаго бытія послѣднихъ частей и признаковъ, также не имѣетъ объективной реальности.* Надѣемся, что мы достаточно разъяснили, что и *матерія, съ разсудочно—аналитической точки зрѣнія, не существуетъ, именно какъ суррогатъ внѣшне—чувственныхъ впечатлѣній*,—что *ни химики, ни физики, ни физіологи, ни психологи не придумали, до сихъ поръ, критерія, которымъ неподвижно опредѣлялась бы принадлежность предмета къ числу вещей матеріальныхъ,—что корень самаго основнаго критерія матеріальности находится въ субъектѣ и завѣдомо не находится въ объектѣ.* Надѣемся, наконецъ, мы прочно доказали, что *вся серія чувственнаго бытія опирается на атомъ и непроницаемость; но атомъ и непроницаемость, внѣ нашего представленія, завѣдомо не существуютъ.* Такимъ образомъ, надѣемся, мы прочно доказали, что *индуктивно-позитивный методъ, строго-логически и неуклонно, ведетъ* не къ чему иному, какъ именно *къ міровоззрѣнію древнихъ греческихъ софистовъ и скептиковъ, которые пресерьезно доказывали, что не существуетъ ничто, или, непереводимо выражаясь по-гречески,* ʽȣδὲν ʼεςὶ,—къ міровоззрѣнію, которое серьезно поддерживается и въ наши дни, многими капитальными ультрапозитивными мыслителями Британіи и нашимъ русскимъ прозелитомъ этой школы, *М. Троицкимъ*, какъ и новопоявившимся Гераклитомъ Германіи, *Эдуардомъ Гартманомъ.*

Теперь остается намъ, въ принятомъ нами направленіи, разъяснить, что, *тѣмъ не менѣе, мы признаемъ нѣчто реальнымъ, дѣйст-*

вительно существующимъ именно въ бытіи объективномъ,—что реальное имѣетъ свои степени,—что, по природной структурѣ нашего интеллекта, мы вынуждаемся мыслить болѣе реальными, какъ и объективными, тѣ свойства предметовъ, которыя мы усматриваемъ въ нихъ нашимъ внутреннимъ чувствомъ, чѣмъ тѣ, которыя усматриваемъ чувствомъ внѣшнимъ.

Чтобы выводы наши не показались, однакожъ, двустороннимъ маневромъ той-же древне-греческой софистической діалектики, которая бралась доказывать все, что угодно, *pro* и *contra*, мы обязаны разъяснить, съ возможною основательностью, что это радикальное противорѣчіе нашего міросозерцанія: «*въ мірѣ не существуетъ ничто*»,— и обратно: «*въ мірѣ нѣчто существуетъ*»,—имѣетъ свой корень не въ поверхностной игрѣ понятій и словъ, а *въ глубинѣ сложной, двойственной структуры единаго и цѣльнаго нашего интеллекта, равно-какъ и чувства, также единаго и цѣльнаго,—въ полярномъ раздвоеніи перваго,— интеллекта, на разсудокъ и разумъ, а втораго,— чувства, на чувство внѣшнее и внутреннее.*

Для разъясненія этого, наиболѣе примрачнаго въ философіи, пункта, мы должны пристально всмотрѣться въ такъ-называемыя *антиноміи Канта*. Предупреждаемъ, однакожъ, что, для нашей цѣли, излагать Кантово ученіе объ антиноміяхъ, во всей его полнотѣ, въ связи съ цѣлою системою *Канта*, было бы излишне. Мы коснемся этого, наиболѣе неяснаго въ философіи, ученія только въ такой степени, въ какой оно опирается на ясный обыденный опытъ мышленія и въ какой изъ этого опыта до-очевидности открывается фактическое отличіе дѣятельности разсудка отъ дѣятельности разума,—отличіе, которое показываетъ, что слова: *разсудокъ и разумъ*, въ лексиконѣ всѣхъ цивилизованныхъ языковъ, значатся не-даромъ, но обозначаютъ именно двѣ способности человѣческаго духа, противящіяся всѣмъ усиліямъ свести ихъ одну на другую, до безразличія.

Д. С. Милль такъ вообще характеризуетъ это, основанное на издавна извѣстномъ фактѣ, но впервые научно и своеобразно раскрытое *Кантомъ* ученіе [1]): «антиноміями называются вообще такіе законы, по которымъ одно, совершенно правильное логически заключеніе противорѣчитъ другому такому-же заключенію о томъ-же предметѣ. *Кантъ называетъ антиномією естественное проти-*

[1]) Обзоръ философіи *С. В. Гамильтона*, стр. 59—60.

ворѣчіе, слѣдовательно, противорѣчіе неизбѣжное, которое есть результатъ не ошибочнаго умозаключенія, но законовъ самаго разума, всякій разъ, какъ мы, переходя за предѣлы опыта, хотимъ знать о мірѣ что-либо абсолютное. Такъ, помощію доказательствъ равной цѣнности, мы можемъ поддерживать, что міръ вѣченъ и безконеченъ, или-же что онъ имѣетъ начало во времени и предѣлы въ пространствѣ,—что онъ составленъ изъ простыхъ субстанцій, или-же что подобныхъ субстанцій не существуетъ,—что надъ всѣми феноменами господствуетъ абсолютно-свободная причина, или-же что все подчинено слѣпымъ законамъ природы,—что существуетъ гдѣ-нибудь, въ мірѣ ли то, или внѣ міра, нѣкоторое необходимое существо, или-же что нѣтъ никакихъ другихъ, кромѣ феноменальныхъ и случайныхъ, существованій». Впрочемъ, чтобы шире понять основанія этого ученія, мы прослѣдимъ его по «*Критикѣ чистаго разума*»,—*Канта.*

«Когда мы прилагаемъ разумъ»,—пишетъ *Кантъ* въ своей *Критикѣ чистаго разума* [1]),—«*къ объективному* (опытному) *синтезу явленій*, то разумъ выражаетъ и здѣсь [2]) свой принципъ безусловнаго единства, но слишкомъ скоро запутывается въ противорѣчія. *Эта противорѣчивость* [3]) *совершенно естественная, которую нѣтъ нужды изобрѣтать, напротивъ того, разумъ попадаетъ въ нее самъ собою и притомъ неизбѣжно.* Разсудокъ *даетъ происхожденіе* чистымъ и трансцендентальнымъ *понятіямъ*; *а разумъ понятій не производитъ, но только устраняетъ въ разсудочномъ понятіи неизбѣжныя опытныя ограниченія и стремится расширить его за предѣлы опыта* [4]), *хотя и въ-связи съ нимъ. Простирая же основоположенія разсудка за предѣлы опыта*, мы получаемъ *положенія, которыхъ опытъ не можетъ ни доказать, ни опровергнуть.* При этомъ каждое изъ нихъ не-только не заключаетъ противорѣчія въ самомъ себѣ, а, напротивъ того, выводится необходимо изъ природы разума, такъ-что и противоположное мнѣніе имѣетъ на своей сторонѣ необходимыя основанія». Здѣсь-то и обнаруживаются такъ-называемыя антиноміи разума. «Отъ софистическихъ сужденій діалектическое положеніе чистаго разума отличается»,—по *Канту*,—«тѣмъ, что оно касается не произвольныхъ вопросовъ, поставляемыхъ для произвольныхъ цѣлей, но *имѣетъ дѣло съ такими вопросами, съ которыми человѣческій разумъ встрѣчается необходимо при своемъ движеніи*,—и, во-вторыхъ, отличается тѣмъ, что его противоположныя сужденія отличаются не искуственною призрачностію, тотъ-часъ исчезающею, какъ-скоро будетъ она обнаружена, а, напротивъ того, совершенно естественною и неизбѣжною, которая, не-смотря на противодѣйствіе, можетъ ослѣплять, которая можетъ быть сдѣлана безвредною, но никогда не можетъ быть уничтожена.

[1]) Переводъ *Владиславлева*, изд. *Некрасова*, С.-Петербургъ, 1867 года. [2]) 341. [3]) 342. [4]) 343.

Выражая въ себѣ единство разума, его идеи для разсудка слишкомъ велики,— а будучи соразмѣрены требованіями разсудка, бываютъ слишкомъ малы для разума. Отсюда возникаетъ неизбѣжное противорѣчіе, какъ-бы мы ни начали развивать ихъ. Идеи разума, по существу своему [1]), таковы, что *въ возможномъ опытѣ нельзя указать имъ соотвѣтствующаго предмета, и разумъ не можетъ согласить ихъ со всеобщими опытными законами*; тѣмъ не менѣе онъ неизбѣжно приходитъ къ нимъ, при непрерывномъ развитіи опытнаго синтеза, именно въ томъ случаѣ, когда онъ стремится все условное въ опытѣ отрѣшить отъ всякаго условія и обнять его во всей возможной полнотѣ. Вопросы: *имѣетъ ли міръ начало и предѣлы своего протяженія въ пространствѣ? Существуетъ ли вообще, и въ моемъ мыслящемъ существѣ въ-частности, недѣлимое единство, или существуетъ только нѣчто дѣлимое и уничтожающееся* [2])? *Свободенъ ли я въ своихъ дѣйствіяхъ, или управляюсь, какъ другія существа, природою и судьбою? Существуетъ ли, наконецъ, высшая міровая причина, или предметы природы и ихъ порядокъ составляютъ послѣднія основы, на которыхъ мы должны остановиться въ своихъ размышленіяхъ?*—эти вопросы касаются высшихъ цѣлей человѣчества. Къ-несчастію для теоріи, среди самыхъ великихъ надеждъ своихъ, разумъ видитъ себя очутившимся среди хаоса самыхъ противорѣчащихъ другъ другу основаній. Его честь и безопасность не позволяютъ ему отступить, такъ-какъ предметъ борьбы въ высшей степени важенъ для него. Ему остается только размышлять о причинахъ этого разъединенія разума съ самимъ собою: не заключаются ли онѣ въ недоразумѣніи, по устраненіи котораго, съ обоихъ сторонъ устранятся притязанія и начнется *тихое господство разума надъ разсудкомъ и чувствами.*

«Такъ, въ какую сторону [3]) ни завершился бы безусловный послѣдовательный синтезъ явленій, космогоническая идея *всегда оказывается, для всякаго разсудочнаго понятія, или слишкомъ великою, или слишкомъ малою.* Она должна имѣть дѣло съ опытомъ, который долженъ быть соразмѣренъ понятіямъ разсудка, а между-тѣмъ предметъ идеи не соотвѣтствуетъ ей, какъ бы ни принаровляли его. Потому-то всѣ міровыя понятія и впутываютъ разумъ въ неизбѣжную антиномію.

«Предположимъ 1) что міръ не имѣетъ начала. *Эта идея для нашего понятія слишкомъ велика*: понятіе, въ своемъ обратномъ синтезѣ, никакъ не можетъ обнять всю протекшую вѣчность. Но если предположить, что міръ имѣетъ начало, то эта *идея* для нашего *понятія* слишкомъ *мала*: начало предполагаетъ предшествующее время; оно не можетъ быть, поэтому, безусловнымъ, и законъ опытной дѣятельности обязываетъ насъ спрашивать о дальнѣйшемъ условіи времени; міръ, очевидно, стяновится слишкомъ малъ для этого закона.

«Тоже самое оказывается и съ двоякимъ отвѣтомъ на вопросъ *о пространственной величинѣ міра.* Если міръ безконеченъ и безграниченъ, то для всякаго опытнаго понятія онъ становится [4]) *слишкомъ великъ.* Если же онъ ограниченъ, то естественно возникаетъ вопросъ: чѣмъ ограничивается онъ? Пустое пространство не существуетъ подлѣ вещей, не можетъ быть условіемъ, на которомъ можно было бы остановиться; тѣмъ менѣе оно есть условіе, входящее въ со-

[1]) 381. [2]) 320. [3]) 395. [4]) 396.

ставъ возможнаго опыта (кто можетъ на опытѣ узнать безусловную пустоту?). Между-тѣмъ, для безусловной полноты опытнаго синтеза, требуется, чтобы безусловное было осуществлено въ опытномъ-же понятіи. Слѣдовательно, ограниченный міръ для насъ слишкомъ малъ.

«2) Если явленіе въ пространствѣ (матерія) состоитъ *изъ безконечно—многихъ частей*, то такой пріемъ дѣленія всегда слишкомъ великъ для нашего понятія, потому-что въ понятіи мы не можемъ обнять безпредѣльнаго числа; если же дѣленіе пространства должно заканчиваться на какой-либо части его (простой), то эта часть для идеи безусловнаго слишкомъ мала: *всегда предполагается возможнымъ движеніе отъ нея къ другимъ, заключающимся въ ней, частямъ.*

«3) Предположимъ [1]), что все случающееся въ мірѣ есть слѣдствіе законовъ природы; всякая причина опять есть нѣчто случающееся,—и мы должны, въ такомъ случаѣ, восходить постоянно все къ высшей и высшей причинѣ, а слѣдовательно, продолженіе ряда условій *a parte priori* безконечно. Очевидно, дѣйствующая природа, для нашего понятія, въ синтезѣ событій, *слишкомъ велика.*

«Если же допустить событія, производимыя свободою, то и здѣсь неотступно возникаетъ вопросъ о неизбѣжной условливающей причинѣ и принуждаетъ искать, поверхъ свободы, опытнаго закона причинности. Мы находимъ, такимъ образомъ, что подобная полнота связи событій для нашего опытнаго понятія слишкомъ мала.

«Допуская безусловно необходимое существо (самый ли то міръ, или что-либо въ немъ, или причину его), мы относимъ его къ безконечно отдаленному времени отъ настоящаго мгновенія; иначе оно зависѣло бы отъ другаго, болѣе древняго, существа. Но тогда существованіе его становится недоступнымъ для нашего опытнаго понятія и *слишкомъ велико* для того, чтобы нашъ *regressus* могъ достигнуть его.

«Если же все относящееся къ міру (въ-качествѣ условнаго или условія) случайно, тогда всякое существованіе для нашего понятія *слишкомъ мало*, потому-что оно принуждаетъ насъ искать какого-либо другаго существованія, отъ котораго зависитъ случайное«.

Самаго важнаго, поставленнаго *Кантомъ* въ ученіи объ антиноміяхъ, вопроса,—вопроса именно о томъ,«какимъ образомъ разуму остается, однакожъ, путь къ достовѣрной истинѣ», и какъ этотъ вопросъ разрѣшается въ системѣ *Канта*, здѣсь мы не коснемся. Для нашей цѣли важно и нужно здѣсь только то, что *Кантъ*, довольно ясно отдѣляя область разума отъ разсудочной, почти наглядно показываетъ, что, въ коренныхъ вопросахъ міросозерцанія, разумъ и разсудокъ встрѣчаются между собою антиномически, такъ-что порождаютъ два порядка мышленія, оба формально правильные и, однакожъ, взаимно противоположные. Съ этимъ антиномическимъ Кантовымъ выводомъ отправимся далѣе въ поиски за реальнымъ бытіемъ и знаніемъ.

[1]) 396.

ГЛАВА XLIII.

На-основаніи всего вышеприведеннаго, на-основаніи всего предыдущаго нашего изслѣдованія, намъ предстоитъ теперь, въ принятомъ нами направленіи, по нашей собственной идеѣ, въ возможно цѣльномъ очеркѣ показать, что *недаромъ нѣчто признается реальнымъ, дѣйствительно существующимъ въ бытіи объективномъ, независимомъ отъ нашего чувства*,—что *мы знаемъ о такомъ реальномъ*,—что *реальное вообще имѣетъ разныя степени реальности*,—что, *по природной структурѣ нашего интеллекта, мы вынуждаемся мыслить болѣе объективными и, въ-смыслѣ объективности, болѣе реальными тѣ свойства предметовъ, которыя мы усматриваемъ въ нихъ нашимъ внутреннимъ чувствомъ, чѣмъ тѣ, которыя усматриваемъ чувствомъ внѣшнимъ*,—что *въ глубинѣ сложной структуры единаго и цѣльнаго нашего ума (интеллекта), равно-какъ и чувства, замѣчается нѣкоторое раздвоеніе, именно, раздвоеніе ума (интеллекта) на разсудокъ и разумъ, а чувства на чувство внѣшнее и внутреннее*,—что, *въ-силу такого раздвоенія интеллекта, въ его дѣятельности усматриваются такъ-называемыя антиноміи, коренныя противорѣчія, въ которыя, при рѣшеніи коренныхъ вопросовъ міросозерцанія, онъ запутывается совершенно естественно и неизбѣжно*,—что *идея имѣетъ дѣйствительное, основанное на психическихъ фактахъ и капитальное отличіе отъ разсудочнаго понятія и что вообще существуетъ особая душевная область апріорическихъ идей*,—что, наконецъ, *знаніе наиболѣе объективное и реальное заключается именно въ идеяхъ, съ которыхъ оно, чрезъ анализъ и синтезъ чувственнаго опыта, переводится на понятія, въ граничныхъ стадіяхъ своихъ отличныя отъ идей антиномически, до противорѣчія.*

Согласно съ нашею задачею: показать, строго-позитивнымъ методомъ, законоправность метафизическаго умосозерцанія, въ этомъ заключительномъ очеркѣ мы позаботимся не-столько о тонкости соображеній, сколько о возможно—экспериментальной позитивности какъ частныхъ положеній, такъ и цѣльной ихъ постановки.

Не стоитъ ни серьезнаго вниманія, ни тѣмъ болѣе довѣрія космогоническая теорія *Фридриха Мора и Кюльбе*, по которой нетолько весь міръ и земля вѣчны, но вѣчны и всѣ формы земныхъ сущест-

ваній, вѣчно раздѣленіе всѣхъ существъ на царства органическое и неорганическое, а органическаго царства на классы растеній и животныхъ, при чемъ и главные роды животныхъ вѣчны и даже человѣкъ существуетъ на землѣ вѣчно. Не стоитъ довѣрія такая космогонія по тому, что *Фридрихъ Моръ* понимаетъ свою вѣчность только въ-смыслѣ неизмѣримой давности, уподобляясь физикамъ—оптикамъ, которые воображаютъ два, параллельно падающихъ на зеркало, солнечныхъ луча идущими изъ безконечной дали; а *Кюльбе* допускаетъ чудо измышленной имъ вѣчности міра единственно только изъ метафизической прихоти избѣгать въ природѣ чудесныхъ творческихъ скачковъ. Впрочемъ, объ этой космогоніи въ своемъ мѣстѣ мы скажемъ пространнѣе.

Ближе къ дѣйствительности космогонія *Лапласа—Кювье—Ляйелля—Дарвина*, по которой міръ, начавшись съ безконечной дали вѣковъ, развивался или перерывами и скачками, или ровно и непрерывно, но, въ обоихъ случахъ, постепенно,—при чемъ земля, отдѣлившись отъ центральнаго свѣтила, перешла въ состоянія газообразное и жидкое, пока не оказалась возникшею изъ-подъ воды сушею,—при чемъ неорганическое царство предшествовало органическому, какъ готовая почва для развитія этого послѣдняго, а въ органическомъ, особенно же въ животномъ царствѣ, роды менѣе совершенные пролагали путь развитію родовъ совершеннѣйшихъ. Въ какой мѣрѣ и въ какихъ своихъ частяхъ эта космогонія основательна, или не основательна, это раскроемъ впослѣдствіи. Теперь же замѣтимъ только, что, въ настоящее время, въ естествовѣденіи она господствуетъ, присовокупивъ къ этому и то, что, въ-отношеніи къ вопросу о происхожденіи міра, она имѣетъ полное раціональное право быть одною изъ двухъ исключительно-раздѣлительныхъ посылокъ слѣдующей дилеммы: міръ могъ произойти или по смыслу этой *Лапласо-Дарвиновой* космогоніи, допускающей вообще постепенное его развитіе помощію болѣе или менѣе естественныхъ силъ,—или по смыслу ортодоксальной теоріи, основанной на христіанскомъ откровеніи, проповѣдующей быстротечное сотвореніе всего. Искать же въ поставленіи гипотезъ относительно происхожденія природы, третьяго отличнаго въ родѣ члена, помимо этихъ двухъ членовъ поставленной дилеммы, было бы абсурдомъ, оскорбляющимъ не-только религію, или философію, но и естественную науку. Таковъ одинъ абсурдъ: выше названная космогонія *Фридриха Мора—Кюльбе*. Таковъ-же и другой абсурдъ но-

вопоявившейся космогоніи *Эдуарда-Гартмана*, абсурдъ происхожденія міра единственно изъ ничего (помимо какого бы то ни было Творца), изъ не хотящей воли и не представляющаго представленія, которыя, однакожъ, въ концѣ концовъ, или точнѣе, въ началѣ началъ, оказываются какимъ-то *нѣчто*, не дѣйствующею потенціею глупой воли, связаннымъ въ себѣ безсознательнымъ.

Какъ по *Дарвиновой* теоріи, такъ и по христіанской откровенной космогоніи, оказывается, что происхожденію организмовъ предшествовало образованіе царства неорганическаго,—что появленію человѣка на землѣ предшествовало происхожденіе разнообразныхъ родовъ животныхъ,—что земной міръ, долгое ли, короткое ли время, существовалъ не-только безъ человѣка, но даже и безъ животныхъ, вообще безъ существъ одушевленныхъ, безъ животнаго и человѣческаго чувства. Эту-то грань между бытіемъ до—чувственнымъ и началомъ бытія чувственно-одушевленнаго, мы и возьмемъ за точку отправленія и станемъ смотрѣть на процессъ происхожденія родовъ животныхъ и человѣческаго въ обратномъ порядкѣ, отъ конца къ началу, отъ послѣдующаго къ предыдущему. Для краткости, опустивъ нѣкоторыя стадіи развитія, обратимъ вниманіе на *первоначальное происхожденіе именно чувственныхъ процессовъ*. Беремъ за точку отправленія назадъ тотъ моментъ развитія чувственныхъ процессовъ, когда, въ какомъ бы то ни было чувствующемъ субъектѣ, появилось первое отправленіе внѣшняго чувства, и спрашиваемъ: *существовало ли до этого момента и какъ существовало какое-нибудь бытіе?*

Спрашиваемъ объ этомъ не *Эдуарда Гартмана*, даже не *М. Троицкаго*, или *Д. С. Милля*, съ ихъ quasi—психологическою школою, а сперва спрашиваемъ *Дарвина*, *Льюиса*, *Ляйелля*, спрашиваемъ физіологовъ, физиковъ, геологовъ и вообще естествовѣдовъ. Но они уже дали намъ свой единогласный отвѣтъ, что природа существовала еще прежде происхожденія человѣка. Слѣдовательно, первая половина поставленнаго вопроса, огромнымъ большинствомъ голосовъ, уже рѣшена. Труднѣе рѣшить вторую половину, имѣющую существенное отношеніе и къ первой половинѣ вопроса: *какъ, въ какомъ видѣ, до появленія человѣка и человѣческаго чувства, существовало какое-либо бытіе?*

Для позитивнаго разъясненія этого вопроса, употребимъ слѣдующій пріемъ: *станемъ уничтожать всякое, имѣющееся на лицо, чувство и спрашивать, что было бы результатомъ подобнаго заглушенія*

чувствъ? Оставивъ тонкія соображенія о степени совершенства разныхъ внѣшнихъ чувствъ, особенно же безплодныя гаданія о порядкѣ происхожденія и развитія ихъ, поставимъ, по широтѣ регистра разнообразныхъ ощущеній, на первомъ мѣстѣ чувство *слуха.* За-тѣмъ представимъ себѣ, что мы заглушили въ природѣ всѣ органы слуха, всѣ слуховые нервы, и спросимъ: что было бы результатомъ такого всеобщаго оглушенія? Очевидно то, что исчезли бы всѣ *звуковыя* свойства вещей: природа стала бы глухою, беззвучною, тише могилы. Предположимъ за-тѣмъ совершенно уничтоженнымъ чувство *зрѣнія*, всякій глазъ, всякій зрительный нервъ, и опять спросимъ: какой результатъ выйдетъ изъ этого? Результатомъ такого всеобщаго ослѣпленія оказалось бы исчезновеніе всякихъ *свѣтовыхъ* свойствъ вещей: природа стала бы слѣпою, мрачною, какъ адъ. Но этого мало; исказились бы, сверхъ того, и свойства *фигуральности*, такъ-какъ ослѣпленіе даже одного изъ двухъ глазъ, у одного и тогоже субъекта, уже сильно искажаетъ фигуральность вещей, особенно же въ глубину; а при природной слѣпотѣ обоихъ глазъ, одно осязаніе даетъ такія представленія о вещественныхъ фигурахъ, которыя не сразу примиряются съ представленіями о томъ-же, не сразу пріобрѣтаемыми, по возвращеніи зрѣнія, слѣпорожденнымъ. Но и это не все еще. При всеобщемъ ослѣпленіи, сильно исказились бы и свойства *пространственности*, такъ-какъ представленія о пространственности, у слѣпорожденныхъ, пріобрѣтаемыя посредствомъ осязанія и мускульнаго чувства, крайне узки, или, лучше сказать, — неопредѣленны и вообще отличны отъ пространственныхъ представленій, не сразу пріобрѣтаемыхъ тѣми-же субъектами, по возвращеніи имъ зрѣнія. За-тѣмъ предположимъ погруженнымъ въ онѣмѣніе всякое чувство *осязанія*, или хотя бы то *осязаніе однихъ рукъ.* Слѣдствіемъ потери и этого чувства было бы опять исчезновеніе представленій гладкости и шероховатости,—произошло бы сильное искаженіе, до совершенной потери, представленій газообразности, жидкости и плотности, окончательное исчезновеніе представленій фигуральности и почти такое-же исчезновеніе представленій пространственности, такъ-какъ одно *мускульное чувство*, чувство движенія продолжающагося и останавливаемаго, способно дать о пространственности представленіе крайне слабое. Такъ, напримѣръ, вообразимъ себѣ человѣка, отъ природы слѣпаго, глухаго и лишеннаго, хотя и невполнѣ, оконечностей рукъ и ногъ. Такому субъекту чувство движенія, продолжае-

маго, напримѣръ, на кораблѣ, или на телегѣ, много ли дастъ понятія о пространственности? Даже собствейное движеніе, взадъ и впередъ, обрубковъ его ногъ много ли было бы для него вразумительнѣе, относительно пространственности, чѣмъ движеніе тѣхъ-же ногъ его по вертящемуся колесу, приводимой въ движеніе волами, мельницы? Предположимъ дэлѣе заглушеннымъ и *мускульное чувство*, чувство мускульнаго напряженія, чувство разнороднаго движенія, сопротивленія сторонней среды и остановки. Въ послѣднемъ случаѣ исчезнутъ представленія массы, непроницаемости, вѣса, а вмѣстѣ съ тѣмъ, и всякій слѣдъ пространственности. Наконецъ, *по заглушеніи чувствъ обонянія, вкуса, боли, температуры и другихъ низшихъ, внутреннихъ, органическихъ чувствъ*, исчезнутъ свойства сладкаго, горькаго, вообще вкусовыя и обонятельныя, равно-какъ ощущенія жгучаго, холоднаго и т. д. Потушили мы, такимъ образомъ, всѣ такъ-называемыя внѣшнія чувства, равно-какъ и, изъ внутреннихъ, — низшія органическія чувства, а вмѣстѣ съ тѣмъ исчезли звуки, цвѣта, вкусы, запахи, степени температуры, степени плотности и т. д.—Но *все ли существующее исчезло?*

Обращаемъ, въ этомъ случаѣ, вопросъ опять не къ кому-либо другому, а именно къ естествовѣдамъ. *Многое*, отвѣчаютъ они, *исчезло, но далеко не все.* Такъ, съ исчезновеніемъ *слуха, исчезли всѣ звуки, но остались причины и ихъ дѣйствія, производящія звуки*: осталась разсѣкающая небесныя пространства, движущаяся вокругъ солнца, на своей оси, земля, съ своею поднимающеюся и опускающеюся сушею, вздымающимися и проваливающимися горами, исторгающимися изъ-подъ земли и потухающими вулканами, трескающимися и ниспадающими камнями,—остались вздымающееся волнами море, низпадающія рѣки и ручьи, льющійся дождь, сталкивающійся, при своемъ паденіи, градъ, вырывающіеся изъ нѣдръ земли ключи, фонтаны и гейзеры, трескающійся и сталкивающійся ледъ,—осталась атмосфера, съ своими, заряженными электричествомъ, облаками, съ разрывающимися и падающими метеорами, съ своими вѣтрами и вихрями, съ бурнымъ движеніемъ пыли, песковъ и снѣговъ,—осталось царство растительное съ своими исполинскими, первобытными лѣсами, въ которыхъ царили то свирѣпыя бури, отъ столкновенія страшныхъ первобытныхъ вѣтровъ и ливня, то ужасающіе пожары, которые некому было тушить, а было чему возжечь, которые зажигались или молніею, или вулканами, или самовозгараніемъ гніющихъ орга-

ническихъ остатковъ и т. д. Съ исчезновеніемъ зрѣнія, *исчезъ всякій свѣтъ, со всѣми цвѣтами*; но, и въ этомъ также случаѣ, *не исчезли причины и дѣйствія, производящія свѣтъ*: не исчезли солнце и звѣзды, кометы и планеты съ своими, теперь уже, при отсутствіи зрѣнія, только темными, лучами,—не исчезли атмосферное электричество и электрогальванизмъ, съ своими громовыми, только уже не сверкающими, искрами, съ сѣверными, только уже не сіяющими, сіяніями, съ фосфорическимъ, только уже не свѣтящимъ, блескомъ,—не исчезла внутренняя теплота земли, съ пламенемъ, только уже темнымъ, пламенемъ вулкановъ, лѣсныхъ пожаровъ, всякихъ химическихъ превращеній и т. д. Съ исчезновеніемъ *обонянія, вкуса, осязанія, чувства мускульнаго, чувства боли и тепла, равно-какъ и другихъ низшихъ, внутреннихъ, органическихъ чувствъ*, исчезли запахи, вкусы, жесткое, шероховатое, холодное, теплое и т. д.,—но не исчезли деревья и травы, съ листьями, цвѣтами и плодами, не исчезли минераллы, жидкости и газы, съ своими частями и дѣйствіями, производящими запахи, или вліяющими на вкусъ, способными утолить голодъ, или жажду, или дыхательную, какъ и всякую, потребность животнаго организма, или, на оборотъ, повліять на него неблагопріятнымъ и даже удручающимъ образомъ,—не исчезло то расширеніе и сжатіе тѣлъ, которое зависитъ отъ дѣятеля, называемаго теплотою, и т. д. Можно сказать вообще, что *исчезли ощущенія и непосредственно ощущаемое* (напр., красное, гладкое, холодное), но *не исчезли предметы съ своими дѣйствіями, способными производить въ чувствахъ извѣстныя ощущенія.*

Но все это еще неопредѣленно; здѣсь требуется самая точная и строгая дистинкція. *Можно ли, спрашивается, сдѣлать такую дистинкцію, что, изъ ощущаемыхъ свойствъ, одни, съ исчезновеніемъ внѣшнихъ и низшихъ, внутреннихъ, органическихъ чувствъ, исчезаютъ всецѣло, а другія только измѣняются, или даже остаются неизмѣнными?* Можно ли сказать, что, съ исчезновеніемъ зрѣнія, исчезаетъ свѣтъ?—Естествовѣденіе отвѣчаетъ на это, что свѣтъ, въ объективномъ бытіи, есть разностепенно учащенное колебаніе эѳира,—что на извѣстной грани учащенія, именно при 1800000 и до 5000000000 (такъ по однимъ, а по другимъ, при 63,000,000,000,000) колебаній въ секунду, движеніемъ эѳира производится въ зрительномъ нервѣ ощущеніе краснаго цвѣта,—на болѣе возвышенной степени учащенія, производится ощущеніе цвѣта зеленаго, — еще на болѣе возвышенной степени, именно при 8000000000 (такъ по однимъ, а

по другимъ при 946,000,000,000,000) колебаній въ секунду, производится ощущеніе фіолетоваго цвѣта,—на степеняхъ же учащенія ниже и выше степеней, которыми производятся ощущенія цвѣтовъ краснаго и фіолетоваго, колебанія лучей эѳира обнаруживаются то теплотными, то химическими свойствами. Слѣдовательно, однѣ проявленія свѣтоваго эѳира зависятъ отъ зрительнаго нерва, другія не зависятъ,—и, съ ослѣпленіемъ нерва, однѣ исчезаютъ, а другія остаются неизмѣнными. Можно ли далѣе сказать, что съ исчезновеніемъ слуха, вкуса, обонянія, осязанія, мускульнаго чув тва, чувства боли, тепла и т. д., исчезаютъ явленія звуковыя, вкусовыя, обонятельныя, спеціально осязательныя и т. п.?—Отвѣтъ естествовѣденія и на этотъ вопросъ долженъ быть подобный-же предыдущему, именно, что въ этихъ явленіяхъ есть свойства, зависящія отъ раздраженія спеціальныхъ чувственныхъ нервовъ и не зависящія отъ него, и что, съ исчезновеніемъ этихъ нервовъ, однѣ свойства исчезаютъ, а другія остаются. Общимъ же отвѣтомъ естествовѣденія на предложенный выше вопросъ должно быть то, что, съ исчезновеніемъ *всѣхъ внѣшнихъ и низшихъ, внутренних, органическихъ чувствъ, должно исчезнуть все ощущаемое, на-сколько оно состоитъ въ раздраженіи чувственныхъ нервовъ, на-сколько оно реально существуетъ въ субъектѣ, и должно остаться, на-сколько оно существуетъ въ природѣ реально-объективно, независимо отъ раздраженія субъективныхъ чувственныхъ нервовъ.*

Но отвѣтъ и теперь опять не полонъ. *Оказывается ли въ естествовѣденіи какое-либо основаніе для психологическаго различенія свойствъ первичныхъ отъ вторичныхъ?* Можно ли сказать, что, съ исчезновеніемъ вышеназванныхъ чувствъ, такъ-называемыя примитивныя свойства, каковы *непроницаемость, фигуральность, пространственность и численность*, должны исчезнуть также, какъ и вторичныя свойства, наприм., свѣтовыя, звуковыя, вкусовыя, обонятельныя, нѣкоторыя спеціально осязательныя и т. п.? Предварительно замѣтимъ, что, въ этомъ пунктѣ, разсматриваемый предметъ, осложняясь болѣе и болѣе, постепенно переходитъ уже, изъ физики и физіологіи, въ область психологіи и гносеологіи. Тѣмъ не менѣе, общимъ отвѣтомъ экспериментальной науки должно быть и здѣсь, что *каждое даже изъ такъ-называемыхъ примитивныхъ свойствъ, насколько есть раздраженіе того или другаго чувствующаго нерва, исчезаетъ съ его исчезновеніемъ, точно также, какъ исчезаетъ и каждое изъ свойствъ такъ-называемыхъ вторичныхъ.* Ужели же не оказывается никакой разницы между

тѣми и другими, первичными и вторичными, свойствами, тогда-какъ непосредственному воззрѣнію представляется, будто свойства первичныя гораздо прочнѣе вторичныхъ? Да, отчасти вѣрно и то и другое: *субъективная разность между ними есть, а объективной почти никакой.* Субъективная разность обнаруживается изъ разнаго отношенія ихъ къ нашимъ чувствамъ и заключается именно въ томъ, что *каждое изъ вторичныхъ свойствъ познается, болѣе или менѣе непосредственно, раздраженіемъ извѣстнаго спеціальнаго чувственнаго нерва, а первичное познается посредственно, сложнымъ умственнымъ отвлеченіемъ отъ раздраженія нѣсколькихъ и, притомъ, разныхъ спеціальныхъ чувственныхъ нервовъ.* Такъ свойства цвѣтовыя познаются единственно раздраженіемъ спеціальнаго зрительнаго нерва; если же, какъ показываютъ нѣкоторые, весьма немногіе, случаи, свѣтовыя ощущенія возбуждаются иногда чрезъ раздраженіе и слуховаго нерва, то это послѣднее раздраженіе переходитъ въ ощущеніе свѣта, безъ сомнѣнія, не иначе, какъ чрезъ передачу слуховаго раздраженія зрительному нерву и обратно. Подобнымъ-же образомъ, звуковыя свойства познаются единственно раздраженіемъ слуховаго нерва,—вкусовыя и обонятельныя свойства единственно раздраженіемъ своихъ спеціальныхъ нервовъ, которые очень часто чередуются въ передачѣ своихъ раздраженій другъ другу, такъ-что, при извѣстномъ запахѣ, нерѣдко возбуждается во рту извѣстный аналогичный вкусъ и обратно. Свойства тепла и холода оказываются такими-же простыми спеціальными ощущеніями, какъ и ощущенія мокраго и сухаго, боли или зуда и т. д., хотя эти ощущенія и не имѣютъ, каждое для себя, особаго, спеціальнаго, чувствующаго нерва. Первичныя же свойства суть сложный продуктъ раздраженія нѣсколькихъ разнородныхъ спеціальныхъ нервовъ, по-преимуществу же, нервовъ чувства мускульнаго, осязанія и зрѣнія, взятыхъ вмѣстѣ,—въ-слѣдствіе чего эти свойства и являются болѣе общими обнаруженіями нетолько чувственнаго процесса, но и независимаго отъ него реальнаго бытія вещей. Но о разности между первичными и вторичными свойствами, въ-отношеніи *относительности или абсолютной безотносительности тѣхъ, или другихъ, свойствъ къ раздраженію нашихъ чувствующихъ нервовъ* не можетъ быть и рѣчи. Нечего и говорить о томъ, будто-бы первичныя свойства существуютъ только въ объективномъ бытіи, тогда-какъ свойства вторичныя являются только въ нашемъ чувственномъ процессѣ. Нѣтъ; какъ въ тѣхъ, такъ и въ другихъ явленіяхъ, соотвѣт-

ствующихъ какъ сложнымъ, первичнымъ, такъ и простымъ, непосредственнымъ вторичнымъ, ощущеніямъ, оказывается и то и другое, субъективное и объективное,—оказывается крайне ограниченная малость свойствъ, зависящихъ единственно только отъ непосредственнаго раздраженія чувствующихъ нервовъ, и безпредѣльное множество другихъ свойствъ, познаваемыхъ чрезъ отвлеченіе отъ раздраженія чувственныхъ нервовъ. Значитъ, въ тѣхъ и другихъ явленіяхъ есть нѣчто и не посредственно зависимое, и независимое отъ чувственнаго процесса. А съ другой стороны, это независимое, въ явленіяхъ, соотвѣтствующихъ первичнымъ свойствамъ, освобождается изъ-подъ вліянія чувственнаго процесса съ такимъ-же трудомъ, какъ и въ явленіяхъ, соотвѣтствующихъ свойствамъ вторичнымъ. Такъ, не-только наша, чувствуемая нами, фигуральность, наша пространственность, наша непроницаемость, какъ и свойства вторичныя, измѣнчивы въ процессѣ ощущенія, не точны, даже лживы, безмѣрно далеко отставая отъ объективной правды, — но такова-же и объективная численность, насколько она нами чувствуется, потому-что, въ-отношеніи къ ней, родъ человѣческій и въ настоящее время походитъ на тѣхъ людей, жившихъ когда-то давно, для которыхъ существовали въ счетѣ только *одинъ, два и затѣмъ много.* Правда, теперь мы можемъ правильно ставить билліоны цифръ и въ-состояніи опредѣлить разстояніе земли отъ Сиріуса. Но немного требуется вниманія, чтобы понять, что внѣшнимъ чувствомъ мы не можемъ почувствовать и низшимъ воображеніемъ не можемъ представить даже окружность земнаго шара, а не то что разстояніе солнца отъ туманныхъ пятенъ,—не можемъ почувствовать и раздѣльно вообразить даже пять милліардовъ монетою, а не то что массу солнечной системы въ единицахъ вѣса, наприм., пудовъ, или фунтовъ,—даже не можемъ глубоко, близко къ объективной правдѣ, почувствовать численность и единичнаго реальнаго предмета, потому-что каждый реальный индивидуумъ есть самъ въ себѣ безчисленность. Такимъ образомъ, отношенія первичныхъ и вторичныхъ свойствъ, и къ чувственному процессу, и къ дѣйствительному бытію, оказываются, въ существѣ дѣла, тожественными,—и потому *просто ощущаемое и въ первичныхъ свойствахъ, насколько есть непосредственное раздраженіе того, или другаго, спеціально-чувствующаго нерва, съ его исчезновеніемъ, должно исчезнуть, какъ и въ свойствахъ вторичныхъ, а независимое отъ чувства должно остаться.*

Но *знаемъ ли мы, что съ исчезновеніемъ выше названныхъ чувствъ*

должно хотя что-либо остаться, какъ сущее? Знаемъ безспорно. Мы *знаемъ*, что человѣка на землѣ не было, даже животныхъ еще не было, а земля и вообще природа, съ своими частями, уже существовала,—что еще до появленія человѣка, долгое ли, короткое ли время, существовала таже звѣздная система, съ тѣмъ-же количествомъ главныхъ своихъ частей, съ тѣми-же законами взаимнаго тяготѣнія,—что солнце находилось, приблизительно, въ такомъ-же отношеніи къ созвѣздію Геркулеса, въ какомъ находится и теперь, а земля, съ прочими планетами солнечной системы, вращалась вокругъ солнца по тѣмъ-же орбитамъ, по которымъ всѣ онѣ вращаются и теперь,—что масса матеріальнаго міра состояла изъ тѣхъ-же элементовъ, изъ которыхъ состоитъ и теперь, и двигалась тѣми-же химическими, планетными и міровыми силами, которыми движется и теперь, управлялась тѣми-же универсальными законами, которыми управляется и въ настоящее время. Естествоиспытатели признаютъ за догматъ, что природа, и до появленія человѣка, была гармоническимъ цѣлымъ физическихъ явленій, подчинявшихся однимъ и тѣмъ-же общимъ, неизмѣннымъ законамъ, какимъ повинуется и теперь,—признаютъ догматомъ даже то, что, съ появленіемъ человѣка на землѣ, или вообще чувствующихъ существъ въ природѣ, не прибавилось въ мірѣ ни матеріи, ни силъ,—не прибавилось до такой степени, что даже, развившаяся въ одушевленной природѣ, сила чувства лежала, своею готовою потенціею развитія, въ природѣ неодушевленной,—что этотъ готовый запасъ чувствующей силы выработалъ самъ собою, своимъ созрѣвшимъ напоромъ, самые органы животныхъ чувствъ, посредствомъ которыхъ, такъ сказать, онъ вырвался на-просторъ, къ свободно-широкой дѣятельности,—признаютъ догматомъ, что не-только сила, но и матерія вѣчны, что и съ откровенно-христіанской точки зрѣнія не будетъ ложно, если признать, что онѣ вѣчны, по крайней мѣрѣ, въ реальной потенціи бытія, въ абсолютной силѣ и волѣ первопричины всего сущаго. Потому-то выше мы и сказали, что *съ возникновеніемъ человѣческаго чувства, къ полнотѣ универсальной цѣлости первоначальнаго, испоконнаго бытія прибавилось крайне не многое, одна капля въ морѣ*... Знаютъ это не-только *Дарвинъ*, или *Ляйелль*, но и *Д. С. Милль* и *М. Троицкій*, и даже *Эдуардъ Гартманъ*, который не-только принимаетъ *Дарвинову* систему развитія бытія, но и, въ началѣ всякаго развитія, полагаетъ *мнимое ничто*, безсознательное, съ связанными въ немъ волею и представленіемъ

На вопросъ: *какъ мы это знаемъ?* отвѣчаемъ: *какъ бы ни знали, но знаемъ за достовѣрное, за несомнѣнное, за безспорное...* Такимъ образомъ оказывается, что *мы за достовѣрное, за несомнѣнное, за безспорное знаемъ, что природа, съ ея частями, силами и законами, существовала еще прежде появленія человѣка на землѣ. Значитъ, вещи могутъ существовать, существовали и существуютъ независимо отъ нашихъ чувствъ, особенно же отъ низшихъ, внутреннихъ органическихъ и внѣшнихъ чувствъ.*

Но вѣдь мы знаемъ это чрезъ индукцію и чрезъ дедукцію, умозаключающую отъ настоящаго чувственнаго бытія къ давнопрошедшему до-чувственному, слѣдовательно, отъ свидѣтельства тѣхъ-же нашихъ настоящихъ чувствъ,—возражаютъ *Д. С. Милль* и *М. Троицкій.* А мы опять отвѣчаемъ, *что какъ бы мы ни узнавали, но знаемъ несомнѣнно, что вещи существовали и существуютъ* (напр., на какой-либо звѣздѣ изъ недосягаемыхъ зрѣніемъ туманныхъ пятенъ) *независимо отъ нашихъ чувствъ.* Но, въ тоже время, и возражаемъ обратно, что да,—мы знаемъ это *и чрезъ дедукцію отъ индукціи, но знаемъ и на-основаніи универсальныхъ началъ природной конституціи нашего интеллекта* (разума), что допускаютъ не-только *М. Троицкій*, но и *Юмъ* и вся ихъ quasi—психологическая школа. Этого мало; къ этому прибавить нужно еще и то, что *о предсуществованіи до-чувственнаго бытія многое мы знаемъ и чрезъ индукцію, но еще больше, или, по крайней мѣрѣ, тверже знаемъ то, что знаемъ, при-помощи конституціональныхъ началъ, чѣмъ чрезъ индукцію, которая неспособна дать всеобщія категорическія знанія, въ-родѣ безусловнаго закона причинности.* По крайней мѣрѣ, безспорно то, что, *на всемъ пространствѣ развитія человѣческаго ума, родъ человѣческій, въ своихъ гаданіяхъ о формахъ до-чувственнаго бытія, всегда прежде повѣрялъ и до сихъ поръ повѣряетъ обрывки умозаключеній отъ индукціи, которая съ такимъ трудомъ проникаетъ въ такую даль бытія, не другимъ чѣмъ, какъ дедукціею отъ основныхъ началъ,*—отъ чего подробности этихъ гаданій, въ разныя эпохи, были различны, а основа ихъ всегда одна и таже неизмѣнно,—въ-слѣдствіе чего, наприм., умъ человѣческій всегда прежде говорилъ, какъ и нынѣ говоритъ, что теорія, представителемъ которой въ нынѣшнее время оказался *Эдуардъ Гартманъ*, теорія происхожденія міра изъ абсолютнаго, чистаго ничто, всегда была и есть чистый абсурдъ, какимъ и всегда останется.

Замѣчательно, что при переносѣ настоящаго бытія въ то, вовсе

не трансцендентальное, а простое натуральное состояніе бытія, какое было до появленія человѣка на землѣ, мы вынуждаемся мыслить безспорно не существующимъ то, что получается въ знаніи непосредственно чрезъ раздраженіе спеціальнаго нерва, а существующимъ то, что оказывается въ знаніи чрезъ посредственное и сложное отвлеченіе отъ свидѣтельства внѣшнихъ чувствъ. Для подробнѣйшей точности, подвергая этотъ предметъ повторительному анализу, спрашиваемъ: что было, до бытія человѣка, въ явленіяхъ, которыя сопровождаются звукомъ, наприм., въ явленіи грома?—Въ облакахъ было электричество, которое притягивало къ себѣ изъ земли электричество полярно-разнородное,—было стремленіе облачнаго электричества къ электричеству земному, чрезъ напоенную влагою среду, и соединеніе электричествъ въ-видѣ большой искры,—было сильное разсѣченіе и сотрясеніе ближайшихъ слоевъ атмосферы, которое расходилось волнами въ разныя стороны,—было отраженіе этихъ волнъ отъ облаковъ, отъ горъ, или лѣса,—но не было чего? Не было громоваго звука, раздраженія слуховаго нерва. Точно также анализируется это явленіе въ-отношеніи и къ зрѣнію:—были въ явленіи облака, которыя никому не были видны, было скопленіе и разряженіе электричества облаковъ и земли, чрезъ дождевыя капли, которыя также никому не были видны,—была электрическая искра, которая точно также никому не была видна. Вообще, въ звуковыхъ явленіяхъ были тѣже разностепенныя дрожанія звучащихъ тѣлъ, которыя бываютъ и въ настоящее время; но эти дрожанія, въ предѣлахъ 16 и 48000 колебаній въ секунду, не раздражали слуховаго нерва, какъ и теперь не раздражаютъ его колебанія, ниже и выше означенныхъ предѣловъ. Въ явленіяхъ свѣтовыхъ, были тѣже, какія бываютъ и теперь, колебанія свѣтоваго эѳира, съ тысячеобразнымъ ихъ вліяніемъ на природу; но между ними колебанія, отъ 18000000 до 8000000000000 (а по другимъ, отъ 63000000000000 и до 946000000000000) въ секунду, не раздражали зрительнаго нерва, какъ и теперь не раздражаютъ колебанія ниже и выше этихъ предѣловъ. Были въ первобытномъ мірѣ цвѣты, съ обильнымъ выдѣленіемъ ароматическихъ частицъ, были плоды съ богатымъ содержаніемъ сахаристыхъ частей; но эти частицы и части не раздражали вкусовыхъ и обонятельныхъ нервовъ. Было тогда тоже разстояніе между землею и Спріусомъ; но ни одному глазу не казалось, что Сиріусъ свѣтитъ на голубомъ полушаріи небесной тверди не много выше шпица городской колокольни

и т. д. Оказывается, такимъ образомъ, что все то, *что было въ природѣ до пробужденія внѣшняго человѣческаго чувства, есть бытіе объективное, а то, что къ этому прибавилось по возникновеніи чувства, есть бытіе субъективное.* Оказывается, что *послѣднее есть бытіе реальное только въ субъектѣ, а первое реально и въ субъектѣ, и въ объектѣ,—и реально это первое на-столько, что было реальнымъ въ объектѣ, иначе сказать, во внѣшней природѣ, и до бытія человѣческаго чувства, тогда-какъ реальное только субъективное, пока не было субъекта, не существовало, и, съ изчезновеніемъ субъекта, должно исчезнуть.* Оказывается далѣе, что *реальное имѣетъ разныя степени реальности, разное значеніе не-только по объему реальности, но и по прочности реальности,* что мы и хотѣли доказать. Оказывается именно, что *одно реально только въ субъектѣ, а другое реально и въ субъектѣ, и въ объектѣ,*—что одно *субъективно реальное эфемерно, какъ эфемеренъ субъектъ, а другое, объективно-реальное, вѣковѣчно, какъ вѣковѣчна природа.* Затѣмъ еще далѣе оказывается, что *эфемерное субъективно-реальное познается нами, болѣе или менѣе, непосредственно, чрезъ непосредственное раздраженіе спеціальныхъ нервовъ внѣшнихъ и низшихъ внутреннихъ органическихъ чувствъ,—а вѣковѣчное объективно-реальное познается посредственно, чрезъ длинное и, большею частію, крайне сложное отвлеченіе отъ свидѣтельства внѣшнихъ чувствъ.* Можно даже сказать, что большая часть этого объективно-реальнаго познается крайнимъ напряженіемъ разсудочнаго анализа, крайне точнымъ и тонкимъ устраненіемъ всего непосредственно-чувственнаго изъ нашего знанія. Въ самомъ дѣлѣ, нужно крайнее напряженіе мыслительной силы, чтобы представить себѣ природу существующею такъ, какъ она дѣйствительно существовала до появленія на землѣ перваго человѣка, или, точнѣе,—перваго чувствующаго, одушевленнаго существа,—чтобы представить ее, съ одной стороны, отрѣшенною отъ всего непосредственно-чувственнаго, измѣнчиваго въ процессѣ не-только бытія, но и ощущенія, лживаго, не объективнаго, беззвучно-нѣмою, непроглядно-мрачною, а съ другой стороны, со всѣми ея и вѣковѣчными, и, въ тоже время, безпрерывно измѣняющимися частями, съ неизмѣнными ея силами и законами, съ ея, неискажаемыми субъективнымъ чувствомъ, истинными формами и размѣрами, то необъятно для чувства гигантскими, въ-сравненіи съ которыми разстояніе земли отъ солнца является менѣе одного шага, а земля оказывается песчинкою, то невообразимо

мелкими, въ-сравненіи съ которыми капля воды является цѣлымъ небосклономъ. Между-тѣмъ внутренній голосъ твердитъ намъ, что дѣйствительно природа, до бытія человѣка, существовала именно въ такомъ видѣ,—что мыслить ее въ ея объективномъ бытіи нужно именно въ-отдѣленіи отъ всего внѣшне-чувственнаго и что въ этомъ отрѣшеніи бытія отъ всего внѣшне-чувственнаго и заключается объективная истина. Но что-жъ это за голосъ такой? Кто это намъ говоритъ? Это не глазъ, не ухо, не рука съ ея осязаніемъ, не мускульное и не другое какое-либо тѣлесное чувство. Это говоритъ *внутреннѣйшее, цѣльное, интеллектуальное чувство*. Итакъ оказывается доказанною еще одна изъ предоставленныхъ нами темъ, именно, что, *по природной структурѣ нашего интеллекта* (разума), *мы вынуждаемся мыслить болѣе объективными и, въ-смыслѣ объективности, болѣе реальными тѣ свойства объектовъ, которыя мы усматриваемъ въ нихъ нашимъ внутреннимъ чувствомъ, чѣмъ тѣ, которыя усматриваемъ чувствомъ внѣшнимъ.*

ГЛАВА XLIV.

Если, какъ мы видѣли, объективная истина заключается въ возможно-чистомъ устраненіи изъ нашихъ представленій всего непосредственно-ощущаемаго внѣшнимъ чувствомъ,—то *не отожествляемъ ли мы объективную истину съ разсудочнымъ отвлеченіемъ? Не населяемъ ли мы первобытный, до-чувственный міръ только отвлеченными понятіями разсудка, какъ мрачными привидѣніями, которыя мы сами провозглашали мертвыми? Избѣгнемъ ли мы, въ томъ бытіи, наиболѣе общей абстракціи бытія, включающей въ себя и небытіе, какъ бытіе идеальное, затѣмъ бытія родовъ и видовъ, которые слагаются изъ индивидовъ, которые, въ свою очередь, составляются изъ атомовъ, которые, въ свою очередь, упираются въ несуществующую, особенно при несуществованіи какого бы то ни было чувства, непроницаемость и граничатъ съ небытіемъ? Окажется ли, такимъ образомъ, тамъ что-либо существующимъ?* Отвѣтъ прежній: *должно оказаться, потому-что мы несомнѣнно знаемъ, что бытіе до человѣка, помимо его чувства, было. Если же бытіе представляется какъ-*

будто не существовавшимъ тогда, или даже не существующимъ теперь, то, значитъ, очевидно, что мы разсуждаемъ фальшиво.

Дѣствительно, *въ этомъ рогатомъ, крокодиловомъ силлогизмѣ, въ которомъ откуда ни зайди, все, повидимому, приходишь къ заключенію повально истребительному, превращающему всякое, и общее, и частное, и частичное, бытіе въ ничтожество, скрывается коренная погрѣшность, погрѣшность и въ глубинѣ основы, и въ срединѣ, и въ-вершинѣ умственнаго зданія.*

Эта погрѣшность заключается въ фальшивомъ понятіи, во-первыхъ, объ атомѣ, въ которомъ сильные мыслители, въ-родѣ *Вирхова,* не безъ солиднаго основанія, видятъ послѣднюю надежду и бытія, и сознанія. Поэтому еще одинъ разъ мы должны остановиться своимъ вниманіемъ на ученіи *объ атомѣ.*

Именно онъ-то, атомъ, прежде всего, и не есть ничтожество.

Извѣстно, что глазъ, даже вооруженный микроскопомъ, не можетъ увидѣть не-только атома, но и молекулы. Откуда же извѣстно, что они, и атомы, и молекулы, существуютъ?—Выше мы видѣли уже, что, кромѣ умозрительной дедукціи, это извѣстно и изъ нѣкоторыхъ опытовъ. Именно, химія, своими экспериментами сложенія и разложенія тѣлъ, доказываетъ, что въ основѣ тѣлъ лежатъ *молекулы,* величины, опредѣленнымъ образомъ сконцентрированныя въ одно цѣлое, однакожъ несомнѣнно-сложныя,—что за молекулами необходимо усматривать еще меньшія части, на которыя распадаются уже молекулы,—части, которыя называются *атомами,* хотя и атомы оказываются величинами сконцентрированными, но опять не простыми, такъ-какъ и они распадаются на еще болѣе мелкія части,—на *ультиматы* вещества. При этомъ безспорно и то, что, если бы эти ультиматы, въ свою очередь, хотя сколько-нибудь могли быть уловлены въ химическихъ опытахъ, какъ величины опредѣленныя,—то и они опять неизбѣжно оказались бы сложными, подобно атомамъ и молекуламъ, такъ-какъ безспорно, что до абсолютной простоты состава и качествъ какого-либо вещества дойти, ни подъ какимъ видомъ, невозможно. Это самый новѣйшій выводъ, послѣднее слово современной естественной науки, какъ засвидѣтельствовалъ, въ 1871 г., предъ Съѣздомъ британскихъ естествоиспытателей, предсѣдатель этого Съѣзда, *С. В. Томсонъ.* На этомъ пунктѣ, за сложными молекулами и атомами, на такихъ—же ультиматахъ, опытъ, и обыкновенный, и искуственно-экспериментальный, насъ покидаетъ, оставляя насъ, при послѣдованіи основы су-

щаго, съ одними законами нашего духа, съ универсальными началами конституціи нашего ума.

Эти-то начала и ведутъ насъ далѣе, въ самую глубь природы атома. Нѣкоторые изъ древнихъ, и притомъ самые глубокомысленные философы, начиная съ *Пиѳагора* и даже еще съ болѣе глубокой древности, при объясненіи свойствъ бытія, призывали, въ-помощь своимъ умозрѣніямъ, соображенія математическія. Опытъ вѣковъ показалъ, что создать цѣлое Пиѳагорейское міросозерцаніе, построить цѣлую философскую систему, основанную чисто на математическихъ цифрахъ, невозможно. Тѣмъ не менѣе, въ этомъ стремленіи ума углубиться въ соотношенія математическихъ законовъ нашего ума съ законами универсальнаго бытія нельзя не видѣть нѣчто, въ существѣ своемъ, естественное и не безосновательное. Именно, здѣсь-то, въ вопросѣ о бытіи, или небытіи атома, математика и не оказывается ни безполезною, ни странною, такъ-какъ здѣсь, за опытами, оканчивающимися на извѣстной грани, мы остаемся только съ наиболѣе чистыми, формальными представленіями нашего ума.

Что же такое атомъ? Какимъ образомъ мы доходимъ до понятія атома? Въ стремленіи нашего ума получить атомъ, одинъ или нѣсколько, мы обыкновенно дѣлимъ, какую бы то ни было, данную величину, какую-нибудь произвольно взятую нами единицу, на непрерывно увеличиваемый дѣлитель, при чемъ, въ частномъ числѣ, изъ дѣлимой единицы, получаемъ дроби, непрерывно уменьшающіяся. *При этомъ такое дѣленіе можетъ окончательно истощиться только тогда, когда за дѣлитель мы возьмемъ величину безконечную, вслѣдствіе чего въ частномъ получимъ величину безконечно-малую, болѣе уже не дѣлимую, атомъ или нуль.* Такой законъ истощенія величинъ посредствомъ дѣленія долженъ быть математически непреложенъ въ-отношеніи ко всѣмъ величинамъ, какъ алгебраическимъ и геометрическимъ, такъ и реально-вещественнымъ. Для наглядности представимъ это въ ряду цифръ:

$$1:10=\frac{1}{10}$$

$$1:100=\frac{1}{100}$$

$$1:1000=\frac{1}{1000}$$

$$1:10000=\frac{1}{10000}$$

$$1 : 100000 = \frac{1}{100000}$$

$$1 : 1000000 = \frac{1}{1000000}$$

$$1 : 10000000 = \frac{1}{10000000}$$

$$1 : 100000000 = \frac{1}{100000000}$$

$$1 : 1000000000 = \frac{1}{1000000000}$$

$$1 : 10000000000 = \frac{1}{10000000000}$$

$$1 : 100000000000 = \frac{1}{100000000000}$$

$$1 : 1000000000000 = \frac{1}{1000000000000}$$

и такъ далѣе, безъ конца, и наконецъ

$$1 : \infty = 0.$$

Въ первомъ случаѣ, взятая нами единица будетъ содержать въ себѣ десять дѣсятыхъ частей, во второмъ случаѣ—будетъ содержать въ себѣ сто сотыхъ частей, въ третьемъ—тысячу тысячныхъ частей и такъ далѣе; а *въ послѣднемъ случаѣ, наша единица будетъ заключать въ себѣ безконечное количество безконечно—малыхъ, болѣе уже не дѣлимыхъ, частей, атомовъ или нулей*, что можно представить въ слѣдующемъ ряду цифръ:

$$1 = 10 \times \frac{1}{10}$$

$$1 = 100 \times \frac{1}{100}$$

$$1 = 1000 \times \frac{1}{1000}$$

$$1 = 10000 \times \frac{1}{10000}$$

$$1 = 100000 \times \frac{1}{100000}$$

$$1 = 1000000 \times \frac{1}{1000000}$$

и такъ далѣе безъ конца, и, наконецъ,

$1 = \infty \times \frac{1}{\infty}$; а какъ $\frac{1}{\infty} = 0$, то $1 = \infty \times 0$. [1])

[1]) Алгебра *Д. Ростиславова* (изд. *Солдатенкова*, Москва, 1868 г. § 152, (стр. 112—113): «раздѣляя постепенно 30 на 30, 15, 10, 6, 5, 3; 2, 1, $\frac{1}{2}$, $\frac{1}{3}$, $\frac{1}{10}$, $\frac{1}{100}$,

Эти-же ряды цифръ показываютъ, что, при дѣленіи единицы, какъ бы мы ни увеличивали дѣлителя, всегда въ частномъ числѣ получаемъ дробь, которая, въ свою очередь, можетъ дѣлиться безъ конца. Оканчивается же дѣленіе только тогда, когда раздѣлимъ происшедшую изъ раздѣленной нами единицы дробь, какъ прежде дѣлили самую единицу, на дѣлителя безконечно великаго, отъ чего въ частномъ получимъ, наконецъ, уже не дробь, а величину безконечно-малую, далѣе уже недѣлимую, атомъ или нуль. Представимъ и это въ ряду цифръ:

$$1 : 10 = \frac{1}{10}$$

$$\frac{1}{10} : 100 = \frac{1}{1000}$$

$$\frac{1}{1000} : 1000 = \frac{1}{1000000}$$

$$\frac{1}{1000000} : 10000 = \frac{1}{10000000000}$$

$$\frac{1}{10000000000} : 100000 = \frac{1}{1000000000000000}$$

$\frac{1}{1000}, \frac{1}{10000}$ и пр., мы получимъ частныя количества: 1, 2, 3, 5, 6, 10, 15, 30, 60, 90, 300, 3000, 30000, 300000 и т. д. Легко можно видѣть, что, съ уменьшеніемъ дѣлителя, частное количество постоянно увеличивается и при дѣлителѣ $\frac{1}{10000}$ дошло уже до 300000. Поэтому, если взять дѣлителемъ необыкновенно малое количество, т. е. чрезвычайно малую дробь въ-сравненіи съ единицею, такъ сказать, близкую къ нулю, то мы должны получить необыкновенно большое частное количество, которое какъ бы приближается къ безконечной величинѣ. Отсюда уже можно понять, почему количества, дѣленныя на нуль, называются *безконечными*, или, лучше, почему безконечныя количества выражаются дробью, въ которой числителемъ можетъ быть какое угодно количество, а знаменателемъ нуль. Самое же безконечное количество имѣетъ знакомъ ∞. Т. е. *формула* $\frac{m}{0} = \infty$ *выражаетъ безконечное количество*».

«*Примѣчаніе* 1. Если каждую часть формулы $\frac{m}{0} = \infty$ умножить на нуль, то получимъ $m = \infty \times 0$, или $\infty \times 0 = m$; т. е. *безконечное, будучи умножено на нуль, даетъ въ произведеніи величину конечную.*

«*Примѣчаніе* 2. Если каждую изъ частей формулы $m = \infty \times 0$ раздѣлимъ на ∞, то получимъ $\frac{m}{\infty} = 0$, т. е. *всякая конечная величина, раздѣленная на безконечную, равняется нулю*».

$$\frac{1}{1000000000000000} : \infty = \frac{1}{\infty \times 1000000000000000}$$

а $\frac{1}{\infty \times 1000000000000000} = \frac{1}{\infty}$; а $\frac{1}{\infty} = 0.$

Результатъ получается тотъ-же, что и выше, т. е. 1) $\frac{1}{\infty} = 0$, иначе сказать —

2) $0 = \frac{1}{\infty}$, а

3) $1 = \infty \times 0.$

Отсюда открывается что 1) *атомъ, величину дальше недѣлимую, или безконечно малую, или нуль, мы можемъ получить только тогда, когда и если раздѣлимъ какую бы то ни было данную величину, или единицу, на безконечность, на безконечно великое число частей; почему 2) атомъ, величина безконечно малая и далѣе недѣлимая, или нуль, есть всякая данная единица, или всякая ограниченная величина, раздѣленная не иначе, какъ на безконечное число частей,*—и обратно, 3) *всякая данная опредѣленная величина, или единица, есть, въ существѣ своемъ, величина безконечная, умноженная на величину безконечно-малую, или на атомъ, или на нуль*; иначе сказать,—*всякое ограниченное бытіе есть безпредѣльность, ограниченная небытіемъ, или ничтожествомъ*; иначе сказать: *ограниченное бытіе есть бытіе безпредѣльное, ограниченное небытіемъ.*

Но здѣсь является вопросъ: *можемъ ли мы какую-либо данную величину, или единицу, дѣйствительно раздѣлить на безконечность?* Можемъ ли мы раздѣлить величину *чисто-математическую*? Особенно же, можемъ ли мы раздѣлить, такимъ образомъ, величину *реальную*? Отвѣтъ на первый вопросъ, относительно возможности дѣленія на безконечность величины *чисто-математической*, долженъ быть такой, что и *не можемъ*, и *можемъ*. *Не можемъ* по тому, что еслибы, увеличивая дѣлителя, мы писали цифры впродолженіи хотя бы то цѣлой жизни, еслибы дѣлали это впродолженіи не-только одной человѣческой жизни, но впродолженіи тысячь и милліооновъ и далѣе непрерывно увеличиваемаго количества лѣтъ,—то и тогда въ частномъ, по производствѣ дѣленія нашей единицы, мы получали бы только непрерывно уменьшающіяся дроби, но никакъ не получили бы величины недѣлимой, т. е. нуля. А, въ тоже время, можно рѣшительно сказать, что и *можемъ*, потому-что умъ нашъ, помимо всѣхъ ограниченныхъ количествъ, смѣло и сразу перескакиваетъ, съ одной стороны, въ

область величины безконечной, а съ другой,—въ область отрицанія всякой величины, или нуля, и такой скачекъ не оказывается salto mortale, такъ-какъ, олицетворяя, въ своихъ математическихъ выкладкахъ, значеніе безконечнаго и нуля особыми условными знаками, умъ нашъ ставитъ ихъ въ тысячи разнородныхъ математическихъ комбинацій, которыя оказываются математически-непогрѣшимыми, доказывая тѣмъ, что наше представленіе о безконечномъ (∞) и нулѣ (0), равно-какъ и объ отношеніи этихъ понятій ко всѣмъ прочимъ ограниченнымъ величинамъ, математически непреложно, почему оно и усвоено всѣми системами алгебры. Тоже должно сказать о возможности подобнаго дѣленія и *реальныхъ величинъ*. Нѣтъ у человѣческой ограниченности способовъ превратить какую бы то ни было реальную величину въ такія мелкія части, изъ которыхъ каждая равнялась бы ничтожеству; да и невозможно мыслить, чтобы какая-либо, хотя бы то самомалѣйшая, дробь какой-либо молекулы абсолютно потеряла способность къ дальнѣйшему дѣленію и превратилась въ чистое ничто. Но, съ другой стороны, ни мысль, ни даже опытъ, не могутъ указать границы, гдѣ дальнѣйшее дѣленіе какой-либо, хотя бы то самомалѣйшей, частицы вещества должно бы остановиться,—напротивъ того, и мысль, и опытъ вынуждаютъ отодвигать, съ каждымъ шагомъ впередъ, эту грань дальше и дальше, глубже и глубже, безъ конца, принуждая мыслить, что *въ основѣ каждой самомалѣйшей, реальной, какъ и математической, единицы дѣйствительно лежитъ безпредѣльность частей или дробей, т. е., съ одной стороны, безпредѣльность* (∞), *полюсъ положительный, а съ другой стороны, полюсъ отрицательный, нуль (0). И самый умъ нашъ, никогда не постигающій безконечнаго, ни въ великомъ, ни въ маломъ, но, въ тоже время, смѣло устремляющійся къ нему, или даже объемлющій его въ его непостижимости, есть, въ свою очередь, нѣчто само въ себѣ различное въ единствѣ, до полярной противоположности,—есть, въ одно и тоже время, ограниченное и безграничное.*

Вотъ *истина непогрѣшимая, математическая, универсальная, конституціональная и, въ тоже время, непостижимая и неразрѣшимая, радикальная антиномія нашего ума!*

Такой выводъ не долженъ, впрочемъ, поражать кого бы то ни было своею странностію, потому-что въ исторіи развитія человѣческаго ума, въ исторіи философіи, онъ не есть ни новый, ни, тѣмъ менѣе, неслыханный. Напротивъ того, эта антиномія принималась, и по со-

держанію своему, и по формѣ, именно какъ антиномія, самыми глубокими мыслителями, какихъ только когда-либо имѣлъ человѣческій родъ. Такъ, уже по ученію *Пиѳагорейцевъ*, вселенная представляетъ симметрическое *цѣлое*, въ которомъ сочетаваются *противоположности бытія*. Принципомъ *Елеатовъ* было сопоставленіе *небытія съ бытіемъ*, небытія многообразнаго, измѣнчиваго и потому не существующаго, съ бытіемъ единымъ, чистымъ, не произшедшимъ и не исчезающимъ, цѣлымъ и однообразнымъ, неизмѣннымъ и не ограниченнымъ, недѣлимымъ и безвременнымъ, совершеннымъ и себѣ равнымъ,—или, что тоже, сопоставленіе *единства съ множествомъ*: «одно и все, все есть одно»,—было кореннымъ догматомъ Елеатовъ. По *Гераклиту*, бытіе есть результатъ борющихся противоположностей; раздоръ есть отецъ всѣхъ вещей; одно, раздвоясь само въ себѣ, соединяется само съ собою гармонически; если соединить цѣлое и нецѣлое, согласное и несогласное,—то и станетъ изъ всего одно, а изъ одного все. По *Демокриту*, міръ происходитъ изъ сопоставленія двухъ противоположностей: *атомовъ*, которые представляютъ *бытіе и полноту* (т. е. абсолютное бытіе), и *пространства*, которое есть пустота и *небытіе* (т. е. абсолютное небытіе), но имѣетъ, однакожъ, объективную реальность. По *Платону*, множество немыслимо безъ единства, и единство заключаетъ въ себѣ множество; бытіе міра явленій есть не чистое единство, а многое въ единствѣ; дѣлимая, до безконечности, и безкачественная матерія сама въ себѣ не имѣетъ дѣйствительности; по-отношенію къ міру идей, она есть небытіе и становится бытіемъ только потому, что въ ней проявляются идеи, какъ истинное бытіе. Чувственный міръ есть созданіе Творца,—высшаго Разума, который отпечатлѣваетъ свои идеи въ матеріи, субстратѣ неопредѣленномъ и безформенномъ, невидимомъ и безобразномъ, *отрицательномъ и необходимомъ условіи бытія*,—въ матеріи, которая столько-же есть *ничто существующее, какъ и нѣчто не существующее*. И по *Аристотелю*, бытіе есть сочетаніе *двухъ противуположностей*: матеріи и формы (Εἶδος),—матеріи, которая есть нѣчто совершенно безкачественное, неопредѣленное, безразличное, въ возможности, все, въ дѣйствительности ничто,—и формы, которая дѣлаетъ безразличную и неопредѣленную матерію различнымъ, опредѣленнымъ дѣйствительнымъ, которая есть душа каждой вещи, внутренняя доблесть, совершенная дѣятельность, вседвижущій разумъ. Изъ новѣйшихъ мыслителей, пропустивъ *Якова Бэма*, *Спинозу*, *Шеллинга и Фихте*, обра-

тимся прямо къ *Гегелю*. По основному его ученію, основою существованію служитъ принципъ тожества противоположностей. Все противорѣчиво само въ себѣ; противорѣчіе составляетъ сущность всего; бытіе есть саморазвитіе абсолюта и развивается такъ, что *абсолютное бытіе соединяется съ абсолютнымъ ничто, откуда происходитъ средній терминъ,—реализація двухъ въ одно, и это одно есть условное бытіе,—міръ*. Условное бытіе есть тожество бытія и небытія безусловнаго и становится бытіемъ на-столько, на-сколько оно обусловлено, ограничено, опредѣлено, подвергнуто отрицанію, такъ-какъ всякое опредѣленіе есть отрицаніе.... Далеко ли отошли отъ такихъ превыспреннихъ философскихъ отвлеченностей, возможно-позитивные, конечные выводы нынѣшнихъ біологовъ, физиковъ, химиковъ и естествовѣдовъ? «Атомистическая гипотеза»,—по словамъ біолога *Г. Спенсера*,—«есть просто необходимое развитіе тѣхъ универсальныхъ формъ, которыя выработались въ насъ дѣйствіями непознаваемаго абсолютнаго. Въ окончательномъ результатѣ, мы приходимъ къ силѣ, какъ концу всѣхъ концовъ между научными идеями: неуничтожаемость силы есть неуничтожаемость матеріи, и это оказывается абсолютнымъ единообразіемъ въ сферѣ нашего опыта, такъ-какъ абсолютнымъ единообразіемъ опыта порождается абсолютное единообразіе мышленія. Сила, постоянство которой мы утверждаемъ, есть та абсолютная сила, о которой мы имѣемъ неопредѣленное сознаніе, какъ о необходимомъ соотносительномъ силы извѣстной намъ. Подъ постоянствомъ силы мы разумѣемъ, въ сущности, постоянство нѣкоторой силы, превышающей наше знаніе и пониманіе: ея проявленія, какъ онѣ происходятъ въ насъ и внѣ насъ, непостоянны; постоянна только неизвѣстная причина означенныхъ проявленій. Утверждать постоянство силы значитъ, другими словами, утверждать существованіе не обусловленной реальности, безъ начала и конца. Обѣ стороны, обусловленную и необусловленную реальность, мы обязаны считать одинаково реальными. Сила, какъ мы понимаемъ ее, можетъ быть разсматриваема только какъ извѣстное обусловленное дѣйствіе безусловной причины, какъ относительная реальность, указывающая намъ на реальность абсолютную, о которой мы въ-состояніи сказать только то, что она есть нѣкоторый видъ непознаваемаго, который относится къ матеріи, доступной нашему знанію, какъ причина относится къ дѣйствію. Постоянство вселенной есть постоянство той-же неизвѣстной причины,

власти, или силы, которая обнаруживается намъ во всѣхъ явленіяхъ. *Таково основаніе всякой возможной системы положительнаго знанія: единственная истина, превосходящая данныя опыта тѣмъ самымъ, что она лежитъ въ основѣ ихъ, есть постоянство силы».*

ГЛАВА XLV.

Въ этомъ наиболѣе метафизическомъ, туманномъ пунктѣ, мы должны, однакожъ, остеречься упрека, который позитивные реалисты всегда дѣлали крайнимъ метафизикамъ, —именно упрека за *произведеніе дѣйствительнаго существованія изъ абсолютнаго бытія и абсолютнаго небытія, какъ чистыхъ понятій.* Во избѣжаніе того же укора, мы должны остеречься смѣшенія чистой *математики,* разсуждающей о чистыхъ умственныхъ величинахъ, съ переходящею *въ физику метафизикою,* которая имѣетъ дѣло съ реальностями.

Становясь, поэтому, особо на *чисто математическую* точку зрѣнія и утверждая математическую непреложность выше полученныхъ нами математическихъ выводовъ $\left(\frac{1}{\infty} = 0 \text{ и т. д.}\right)$, установимъ слѣдующія, непреложныя, чисто математическія осново-положенія:

1) Безконечное (∞) и нуль (0) суть величины радикально противоположныя, потому-что безконечное (∞) есть величина больше всякой данной величины, есть абсолютно-великая величина, а нуль (0) есть отрицаніе всякой величины, есть величина абсолютно-малая.

2) Эти абсолютно-противоположныя величины суть величины граничныя, такъ-какъ онѣ ограничиваютъ всякое конечное число, всякое, самое великое, цѣлое, и одну единицу, и всякую, самую малую, дробь, такъ-что никакое, самое великое, число неспособно превысить абсолютно-высокую границу безконечнаго и никакая, самая малая, дробь неспособна низпасть ниже абсолютно-низкой границы ничего,—нуля.

3) Абсолютно-граничныя величины, при своей, не-только кажущейся, но почти очевидной, логической противоположности, оказываются однакожъ, въ сущности своей, противоположными не-столько логически, сколько полярно, потому-что, при невозможности вычесть ихъ одну изъ другой и тѣмъ уничтожить одну чрезъ другую, онѣ, своимъ

сопоставленіемъ чрезъ умноженіе, даютъ въ произведеніи единицу, какъ и всякое ограниченное число ($\infty \times 0 = 1$).

4) Именно, онѣ даютъ въ произведеніи, по своемъ умноженіи, нетолько единицу, но и всякое ограниченное число, потому-что въ выше показанномъ уравненіи ($\infty \times 0 = 1$), или еще яснѣе, въ выше полученномъ уравненіи $\left(\frac{1}{\infty} = 0\right)$, которое показываетъ, что всякое число, раздѣленное на безконечное количество частей, равняется нулю,—можно на мѣсто единицы поставить какое угодно число, — и уравненіе не измѣнится $\left(\frac{1}{\infty} = 0;\ \frac{2}{\infty} = 0;\ \frac{3}{\infty} = 0;\ \frac{10}{\infty} = 0$ и. д; и слѣдовательно, $\infty \times 0 = 10;\ \infty \times 0 = 3;\ \infty \times 0 = 2;\ \infty \times 0 = 1;\ \infty \times 0 = \frac{1}{10}$ и т. д. безъ конца).

5) Отсюда слѣдуетъ, что абсолютно-граничныя, полярно-противоположныя величины суть, въ тоже время, величины элементарныя, стихійныя, для всякаго ограниченнаго числа.

6) Отсюда-же открывается, что неизмѣнныя сами въ себѣ, такъ какъ, сами въ себѣ и чрезъ себя, онѣ неспособны сдѣлаться ни больше, ни меньше себя, оставаясь одно абсолютно большою, а другое абсолютномалою величиною, — онѣ неизмѣнны и въ своихъ отношеніяхъ къ ограниченнымъ величинамъ, такъ-что 7) ограниченныя величины, при всевозможномъ неравенствѣ во взаимныхъ отношеніяхъ между собою, всегда равны между собою въ своихъ отношеніяхъ къ величинамъ абсолютнымъ ($\infty \times 0 = 3; \infty \times 0 = 2; \infty \times 0 = 1; \infty \times 0 = \frac{1}{2}$ и т. д.; откуда слѣдуетъ, что $3 = 2 = 1 = \frac{1}{2}$ и т. д. безъ конца), — 8) абсолютныя же величины не могутъ быть ни увеличены сложеніемъ съ ограниченными величинами, ни истощены чрезъ вычитаніе, ни умножены, ни раздѣлены какою-либо ограниченною величиною $\left(\frac{\infty}{2} = \frac{\infty}{1} = \infty; \frac{0}{2} = \frac{0}{1} = 0; \infty \times 2 = \infty \times 1 = \infty; 0 \times 2 = 0 \times 1 = 0; \infty - 2 = \infty - 1 = \infty;\ 0 - 2 = 0 - 1 = 0;\ \infty + 2 = \infty + 1 = \infty;\ 0 + 2 = 0 + 1 = 0$ и т. д. безъ конца [1]); при этомъ оказывается, что 9) ограничен-

[1]) Эти математическія антиноміи, въ которыхъ такую странную роль играютъ, въ отношеніяхъ къ ограниченнымъ величинамъ, величины граничныя (∞ и 0), были предметомъ многократныхъ разборовъ и опроверженій, но всегда безплодныхъ по тому, что, разъ допустивъ положеніе: $\frac{1}{\infty} = 0, \frac{2}{\infty} = 0$ и $\frac{3}{\infty} = 0$ и т. д., уже нельзя остановиться въ дальнѣйшихъ выводахъ; а не допустить эти част-

ныя величины разнятся въ отношеніяхъ между собою именно по степени своего приближенія къ тому, или другому, полюсу граничныхъ абсолютныхъ величинъ, что наглядно представить можно въ слѣдующемъ ряду цифръ:

$$\infty$$

. . . . . .

1000000000
100000000
10000000
1000000
100000
10000
1000
100
10
1
$\frac{1}{10}$
$\frac{1}{100}$
$\frac{1}{1000}$
$\frac{1}{10000}$
$\frac{1}{100000}$
$\frac{1}{1000000}$

ныя положенія невозможно, и онѣ допускаются во всѣхъ алгебраическихъ системахъ, какъ это выше показано въ примѣч. на стран. 25. Эти математическія положенія прилагаются къ объясненіямъ и въ реальныхъ наукахъ. Наприм., *Бернгардъ фонъ-Котта*, въ своей *Геологіи настоящаго времени* (пер. *А. Таскина*, СПб., 1874 г., стр. 360—361), пишетъ: «*вѣчность* (наше безконечное ∞) *также мало подлежитъ дѣленію, какъ и безконечное пространство*» (тоже наше ∞, только въ другомъ отношеніи). «Мы въ-правѣ выбрать въ вѣчности дни, годы, или тысячелѣтія, какъ части времени; но *самая вѣчность обнимаетъ одинаково безконечное множество какъ тысячальтій, такъ и дней.* Мы можемъ измѣрять пространство и дюймами, и разстояніями земли отъ солнца; но *безконечное пространство содержитъ въ себѣ опять-таки безконечно много и тѣхъ, и другихъ. Половина вѣчности все также вѣчность, или* $\frac{1}{2}\infty = \infty$».

$$\frac{1}{10000000}$$
$$\frac{1}{100000000}$$
$$\frac{1}{1000000000}$$
. . . . . .
$$\frac{1}{\infty} = 0.$$

10) При этомъ, ограниченныя величины, двигаясь, безпредѣльнымъ рядомъ, въ двѣ противоположныя стороны, между величинами абсолютно-граничными, болѣе или менѣе приближаясь къ нимъ по своему значенію, поглощая въ себя,—такъ сказать,—большую или меньшую степень ихъ сущности, измѣняются, увеличиваясь, или уменьшаясь, только сами, но ни мало не измѣняютъ величинъ абсолютныхъ, которыя, ограничивая собою всевозможные ряды цифръ, отъ величайшихъ цѣлыхъ чиселъ и до единицы, и до мельчайшихъ дробей, истощаются сами на дроби также мало, какъ и на единицу, какъ и на возможно-великую сумму единицъ, и, производя ихъ изъ себя, входятъ, какъ величины стихійныя, элементарныя, въ ихъ составъ не дробями, не частями своими, а всею своею цѣлостію, такъ-какъ сами онѣ не подлежатъ никакому ни дробленію, ни истощенію, погружаясь своею цѣлостію въ единицу также, какъ и въ величайшее число единицъ, какъ и въ самомалѣйшую дробь ($\frac{1}{100} = \infty \times 0$; $\frac{1}{10} = \infty \times 0$; $1 = \infty \times 0$; $10 = \infty \times 0$; $100 = \infty \times 0$, и т. д. въ ту и другую стороны). А если бы кто возразилъ здѣсь, что всякая данная, существующая единица, какъ произведеніе изъ умноженія полярно—противоположныхъ абсолютныхъ ($1 = \infty \times 0$), истощаетъ ихъ всецѣло,—то мы отвѣтимъ, что всякая, какъ самая малая, такъ и самая великая, данная единица, должна быть мыслима не иначе, какъ дробью другой единицы высшей (1—дробью 100, 100—дробью 1000, 1000—дробью 1000000 и т. д.). А потому, чтобъ истощить безконечное, низшая единица, какъ дробь, или часть цѣлаго, отсылаетъ насъ къ этому своему цѣлому, къ слѣдующей высшей единицѣ, а эта, въ свою очередь, къ дальнѣйшей высшей, какъ своему цѣлому и т. д., безъ конца, такъ-что мы и не можемъ никогда остановиться мыслью, чтобы признать, наконецъ, абсолютное безконечное истощеннымъ; напротивъ того, неистощимое безконечное всегда, безу-

словно, оказывается недосягаемымъ впереди конечнаго. Между тѣмъ, будучи безсильна истощить безконечное, всякая данная, даже самомалѣйшая, единица, своимъ существованіемъ, наоборотъ, подтверждаетъ необходимость бытія абсолютнаго, граничнаго, первоисточнаго. Вотъ почему мыслите ли, въ-родѣ *Спинозы*, и говорили, что было бы безсмыслицею, еслибы существовали только конечныя бытія, а безконечное, абсолютное бытіе не существовало.

11) Въ-слѣдствіе этого, каждая изъ двухъ абсолютно-элементарныхъ величинъ, по выдѣленіи одной изъ нихъ, чрезъ дѣленіе общаго ихъ произведенія, какой бы то ни было ограниченной величины, на другую, полярно-противоположную, абсолютную величину, получается въ чистомъ своемъ элементарномъ видѣ ($1 = \infty \times 0$; $0 = \frac{1}{\infty}$; $\infty = \frac{1}{0}$).

12) Отсюда открывается далѣе, что и ограниченныя, чисто-математическія, величины, различаемыя между собою по степени,—по мѣрѣ приближенія къ тому или другому изъ полярно-противоположныхъ полюсовъ абсолютнаго, не-только сходны между собою, но даже тожественны въ своемъ существѣ, въ элементарныхъ корняхъ своего бытія, будучи каждая произведеніемъ безпредѣльнаго и нуля ($\frac{1}{10} = \infty \times 0$; $1 = \infty \times 0$; $10 = \infty \times 0$ и т. д. безъ конца въ обѣ стороны), при чемъ въ существѣ каждой ограниченной величины оказывается одно и тоже абсолютное, оказываются абсолютно-положительная и абсолютно-отрицательная величины, такъ-какъ каждая изъ этихъ граничныхъ величинъ сама въ себѣ едина и нераздѣльна.

13) Изъ этого открывается также и то, что, по сущности своей, которую можно назвать *элементарною*, всякая ограниченная величина есть произведеніе изъ смѣшенія, чрезъ умноженіе, двухъ элементарно-граничныхъ величинъ,—а по сущности *индивидуальной*, есть единство абсолютно-противоположныхъ элементовъ, есть обособленное цѣлое,—есть единица, разнящаяся отъ другихъ ограниченныхъ величинъ, въ своихъ отношеніяхъ къ нимъ, по степени своего приближенія къ тому, или другому полюсу величинъ абсолютныхъ,—но, по своимъ отношеніямъ къ этимъ послѣднимъ, абсолютнымъ величинамъ, равная всякой другой ограниченной величинѣ, такъ-что чисто математическій 1000000, въ этомъ отношеніи и смыслѣ, есть столько-же цѣльная и равная всякимъ другимъ числамъ единица,

какъ и I, какъ и $\frac{1}{1000000}$; 14) такъ-что если безконечное (∞) и нуль (0) должно назвать граничными полюсами, въ безпредѣльномъ ряду величинъ, то единицу (1) должно назвать *срединнымъ*, *между противоположными полюсами*, *пунктомъ безразличія*, который, впрочемъ, неограниченно, по произволу, можетъ быть передвигаемъ безпредѣльно въ ту и другую стороны, не измѣняя отношеній между полюсами и величинами, которыя между ними лежатъ,—какъ это можно видѣть въ слѣдующемъ ряду цифръ:

1000000000000	1000000
100000000000	100000
10000000000	10000
1000000000	1000
100000000	100
10000000	10
1000000	1
100000	$\frac{1}{10}$
10000	$\frac{1}{100}$
1000	$\frac{1}{1000}$
100	$\frac{1}{10000}$
10	$\frac{1}{100000}$
1	$\frac{1}{1000000}$
$\frac{1}{10}$	$\frac{1}{10000000}$
$\frac{1}{100}$	$\frac{1}{100000000}$
$\frac{1}{1000}$	$\frac{1}{1000000000}$
$\frac{1}{10000}$	$\frac{1}{10000000000}$
$\frac{1}{100000}$	$\frac{1}{100000000000}$
$\frac{1}{1000000}$	$\frac{1}{1000000000000}$ и т. д.

15) Отсюда видно, наконецъ, что если безконечное (∞) есть сокровищница, изъ которой черпается положительное содержаніе вся-

кой ограниченной величины,—то и нуль (0), въ свою очередь, не есть голое ничто, о которомъ нельзя намъ ни мыслить ничего, ни говорить, но есть, напротивъ того, ничто абсолютно-необходимое, которое, какъ неизбѣжный элементарный ингредіентъ, вторгается въ различеніе всякой ограниченной величины отъ всякой другой,—которое дѣлаетъ различимымъ 1000000, чрезъ отнесеніе къ небытію 999999 единицъ, отъ 1, и далѣе, чрезъ отнесеніе къ небытію $\frac{999999}{1000000}$ уже отъ единицы, различимымъ отъ $\frac{1}{1000000}$;—такъ-что 16) абсолютное ничто есть *реальное* граничное понятіе, только полярно противоположное реально-граничному-же понятію положительнаго абсолютнаго,—есть реальный законъ отрицанія, существенно-неизбѣжнаго въ нашемъ математическомъ мышленіи, не-только въ различеніи ограниченныхъ величинъ одной отъ другой, но и въ пониманіи возможности ихъ происхожденія;—такъ-что 17) и раздѣльное существованіе 1 и 1 (равно-какъ и всякихъ другихъ тожественныхъ величинъ, 2 и 2, 3 и 3 и т. д.) можно понимать не иначе, какъ ставя оградою *около* каждой изъ нихъ и преградою *между* ними абсолютный, ограничивающій положительное безпредѣльное, нуль; а слитіе единицы и единицы въ одно цѣльное 2, можно понять только снятіемъ между единицами этого ограничивающаго нуля и обложеніемъ его вокругъ единаго и цѣльнаго 2.—Все это *математическія антиноміи нашего ума, математически неопровержимыя и неразрѣшимыя*, хотя и изстари извѣстныя, хотя, въ-слѣдствіе этого, многіе многократно и силились разрѣшить ихъ и опровергнуть,—но, конечно, безплодно, даже до настоящаго времени.

ГЛАВА XLVI.

Эти чисто математическія антиноміи не трудно перевести на языкъ и *чистой метафизики*, такъ-какъ онѣ касаются той крайней глубины соотношеній мышленія съ бытіемъ, гдѣ чистое понятіе о *количествѣ* незамѣтно переходитъ въ чистое-же понятіе о *качествѣ*, по закону, который довольно глубокомысленно разанализированъ *Д. С. Миллемъ* (Логика 1, 89),—по которому трудно разрѣшить вопросъ вообще о различіи количества отъ качества,—количествомъ называется то, въ

чемъ, напр., ведро вина и ведро воды сходны, а одно ведро и десять ведеръ воды несходны, — по которому, вообще утвержденіе наше о различіи вещей, по количеству, всегда основывается единственно на различіи нашихъ ощущеній, которое, однакожъ, нельзя ни назвать, ни объяснить. Ощущеніе же наше оказывается единственнымъ полноправнымъ судьею и въ тѣхъ случаяхъ, когда количество переходитъ въ качество, какъ напр., въ одномъ аршинѣ. Такъ и ариѳметика, и алгебра, и геометрія составляютъ отрасли одной чистой, не прикладной математики. Между-тѣмъ чистыми, безпримѣсными, однородными количествами ограничивается только ариѳметика; напротивъ того, алгебра имѣетъ дѣло уже съ такими количествами и вообще величинами, въ которыхъ допускается, по крайней мѣрѣ, одно общее качество, — разнородность величинъ, безъ опредѣленія частностей этой разнородности; а геометрія трактуетъ уже о величинахъ, не-только вообще неопредѣленно разнородныхъ, но и опредѣленно различающихся многообразными качествами, каковы разныя линіи, плоскости и тѣла, съ безконечно различными взаимными сочетаніями ихъ. Такимъ образомъ, даже въ чистой математикѣ чистое количество переходитъ уже въ чистое качество. Послѣ чистой, особенно же прикладной геометріи, которая, тѣмъ не менѣе, остается математически-непреложною. метафизика дѣлаетъ только шагъ далѣе, въ ширь чистыхъ понятій о качествахъ вещей и о соотношеніи ихъ съ чистыми количествами. При этомъ, строго держась за основные законы логики, за примитивныя формы мышленія, а также за непреложные математическіе выводы, метафизика, въ своихъ основоположеніяхъ, способна быть точною и неопровержимою, какъ сама математика. По крайней мѣрѣ, того ждали отъ нея самые глубокіе умы человѣчества, во всѣ вѣка. Попытаемся-же теперь *перевести на метафизическій языкъ хотя только вышеизложенныя нами, чисто математическія, положенія*, по возможности избѣгая прибавленія къ нимъ лишнихъ понятій. Для дальнѣйшихъ нашихъ выводовъ, уже въ области физики, въ широкой области всякихъ реальностей, и этого будетъ весьма достаточно.

1) Здѣсь не говоримъ мы, что *абсолютное существуетъ реально, во всевозможныхъ количественныхъ и качественныхъ отношеніяхъ*, но утверждаемъ, что *оно естественно и даже необходимо мыслится*, такъ-какъ, послѣ всякаго, количественнаго ли то, или качественнаго, предѣла, мы не можемъ не мыслить продолженія такого ли то, или другаго, бытія; а съ другой стороны, утверждаемъ всесовершенную

невозможность доказать и обратное, что абсолютнаго нѣтъ,—особенно когда большіе періоды времени, напр., астрономическаго, естественно поощряютъ насъ мыслить о безначальности и вообще о вѣчности,—большіе размѣры пространства, примѣрно тогоже астрономическаго, побуждаютъ гадать о необъятности, — безпредѣльно громадное содержаніе міровой жизни заставляетъ предполагать буквальную безпредѣльность этого содержанія,—безконечная великость совершенствъ красоты, могущества, мудрости, усматриваемыхъ въ мірѣ нашимъ душевнымъ чувствомъ, возносятъ нашу мысль къ всесовершенству,—наконецъ, неразрывная цѣпь міровыхъ причинъ, совершенно уже непреодолимо, влечетъ нашу мысль къ причинѣ послѣдней и вмѣстѣ первой, самобытной, абсолютной. Абсолютное же, въ какомъ бы то ни было отношеніи, необходимо должно быть абсолютнымъ во всѣхъ отношеніяхъ, такъ-какъ безконечное можетъ быть только одно, а два немыслимы. Изъ этого самозамкнутаго круга, ведущаго отъ всякаго центра, по радіусамъ, во всѣ стороны, къ безпредѣльному отступленію, не можетъ выбиться никакое міросозерцаніе, ни матеріализмъ, ни пантеизмъ, и напрасно, съ отрицаніемъ основныхъ законовъ логики, усиливается выбиться самый позитивизмъ, такъ-какъ и онъ допускаетъ безусловность хотя бы то закона причинности. О небытіи же вынуждаютъ насъ мыслить всякое ограниченіе бытія, всякое прекращеніе какого бы то ни было явленія, всякій конецъ чего бы то ни было. Если же абсолютное бытіе и абсолютное небытіе есть,—а какъ понятія нашего ума, понятія не-только алгебраическія, но и геометрическія, и метафизическія, какъ неотложныя ограниченія нашего мышленія, они существуютъ несомнѣнно и непререкаемо,—то изъ ихъ существованія и взаимнаго соотношенія мы получаемъ слѣдующіе непреложные выводы.

2) Абсолютное бытіе и абсолютное небытіе суть понятія, противоположныя другъ другу абсолютно, радикально, такъ-какъ первое есть безконечная цѣльная сумма всевозможнаго бытія, а послѣднее есть отрицаніе всевозможнаго, самомалѣйшаго бытія.

3) Эти абсолютно-противоположныя данныя суть данныя граничныя, такъ-какъ ими ограничиваются всѣ конечныя бытія и даже представленія, отъ необъятности солнечныхъ системъ, до реальнаго атома, которыя неспособны ни превысить своею величиною границу бытія безпредѣльнаго, ни низойти своею малостію за границу отсутствія всякаго бытія.

4) Крайне затруднительно, затѣмъ, показать метафизическую наглядность математическаго закона, по которому противоположно абсолютныя чисто-количественныя (∞ и 0) оказываются противоположными не-столько логически, сколько полярно, такъ-какъ, при невозможности вычесть ихъ одно изъ другаго и тѣмъ уничтожить одно другимъ, онѣ, своимъ сопоставленіемъ чрезъ умноженіе, даютъ въ произведеніи единицу ($\infty \times 0 = 1$). Нѣсколько выяснится и подтвердится этотъ законъ, относительно и метафизическихъ понятій, когда мы станемъ прилагать ихъ къ выводамъ естественно—научнымъ. Но и теперь, однакожъ, мы считаемъ себя вправѣ указать на то обязательно руководственное начало, что не даромъ-же, значитъ, этотъ законъ производительной полярности противоположныхъ абсолютныхъ, въ-отношеніи къ величинамъ ограниченнымъ, оказывается непреложнымъ въ математикѣ. Отсюда естественно выводить болѣе широкое заключеніе, что, значитъ, этотъ законъ имѣетъ безусловно всеобъемлющее значеніе въ соотношеніяхъ нашего мышленія къ бытію и, обратно, бытія къ мышленію. По крайней мѣрѣ, мы наглядно понимаемъ безусловную обязательность этого закона, относительно предметовъ не-только чисто количественныхъ, ариѳметическихъ, но отчасти и качественныхъ, геометрическихъ, объемныхъ, подлежащихъ не-только счисленію, но и измѣренію.

5) Отсюда-же будетъ естественно вытекать необходимая обязательность принятія закона, по которому абсолютно-граничныя, полярно-противоположныя данныя метафизики суть, въ тоже время, элементарныя, стихійныя, данныя для всякаго ограниченнаго существованія, одинаково съ абсюлютными-полярными ариѳметическими и геометрическими.

6) А тотъ законъ, что абсолютныя метафизическія неизмѣнны сами въ себѣ, какъ и математическія,—что онѣ неспособны, сами въ себѣ и чрезъ себя, сдѣлаться ни больше, ни меньше, ни выше, ни ниже себя, и, въ тоже время, неизмѣнны въ своихъ отношеніяхъ и ко всякому ограниченному существованію,—что онѣ не могутъ быть ни увеличены чрезъ сложеніе, ни истощены чрезъ вычитаніе, ни умножены, ни раздѣлены какою бы то ни было ограниченною величиною, какимъ бы то ни было конечнымъ существованіемъ, — что, не подлежа, въ существѣ своемъ, никакому ни измѣненію, ни истощенію, ни дробленію, онѣ входятъ въ составъ производимыхъ ими существованій, понятій, величинъ ограниченныхъ, какъ данныя

стихійныя, элементарныя, не дробями, не частями своими, а всею своею цѣлостію, такъ-что во всякомъ ограниченномъ бытіи, начиная отъ каждаго самомалѣйшаго физическаго атома и кончая необъятностію видимаго міра, всегда имѣется цѣлое, единое безпредѣльное бытіе, болѣе или менѣе ограниченное небытіемъ,—этотъ законъ, помимо того, что логически естественно вытекаетъ и изъ предыдущаго, очевиденъ уже и самъ собою.

7) Что же касается отношенія бытій ограниченныхъ къ абсолютному и между собою, то, наглядный самъ по себѣ, матафизическій законъ, по которому обыкновенно говорится, что всякая ограниченная величина, какъ бы велика ни была, всегда, въ-сравненіи съ безпредѣльностію, безпредѣльно мала, и что потому всѣ ограниченныя величины, при всемъ своемъ взаимномъ неравенствѣ, всегда, въ-сравненіи съ величиною безпредѣльною, суть равны между собою, — этотъ, наглядный самъ въ себѣ, метафизическій законъ становится тѣмъ болѣе непререкаемъ, что непреложность его подтверждается наглядно математически.

8) Точно также, сколько метафизически нагляденъ, столько-же и математически непреложенъ, и тотъ законъ, что ограниченныя существованія разнятся, въ своихъ отношеніяхъ между собою, по степени своего приближенія къ тому, или другому полюсу гранично абсолютныхъ величинъ. Здѣсь, однакожъ, между чисто математическою и метафизическою постановкою этого закона, открывается весьма важная разность. Разность эта заключается въ слѣдующемъ. Въ математикѣ чисто количественной, ариѳметической, всевозможныя ограниченныя величины, въ цѣломъ безпредѣльномъ своемъ ряду, по-направленію въ ту и другую стороны, къ противоположнымъ полюсамъ абсолютнаго, совершенно однородны между собою, какъ чистыя однородно-количественныя понятія; разнятся же между собою единственно только по степени и, именно, по количественной, но никакъ не по качественной степени. Не то представляютъ величины метафизическія. Какъ проявленія абсолютнаго, не количественнаго только, но и качественнаго, которое вмѣщаетъ въ себѣ потенцію раскрытія всевозможнаго, и дѣйствительнаго, и мыслимаго различія качествъ и родовъ бытій, — величины метафизическія сходны съ математическими въ томъ, что различаются между собою и по степени приближенія къ безконечному; но разнятся тѣмъ, что, тогда-какъ величины чисто количественныя сближаются съ абсолютнымъ, въ ту и другую сторону, такъ сказать,

прямо по одной и той же линіи, величины метафизическія устремляются въ глубь бзконечнаго метафизическаго, по всевозможнымъ радіусамъ, во всѣхъ родахъ, видахъ и способахъ ограниченнаго существованія.

9) Отсюда же слѣдуетъ, что метафизическіи величины, сходныя между собою *въ сущности элементарной,* какъ продуктъ самоограниченія единаго абсолютнаго бытія абсолютнымъ небытіемъ ($1 = \infty \times 0$), какъ и величины математическія, далеко расходятся съ этими послѣдними,—съ чисто математическими величинами, по своей *сущности индивидуальной*, такъ-какъ величины чисто-количественныя, въ индивидуальной сущности, разнятся между собою только по степенямъ,—а бытія метафизическія, по индивидуальной сущности, могутъ распадаться на роды, виды, классы, способы существованія и на всякія другія формы различія, отъ чего могутъ разниться между собою нетолько количествомъ, но и качествомъ, до различія такъ-называемаго *субстанціальнаго*, до разнородности и разнообразія, можно сказать, безпредѣльно великихъ, потому-что невозможно исчислить всѣ роды существованій, уже осуществленныхъ на разныхъ системахъ міровъ, а тѣмъ менѣе возможно исчислить роды существованій возможные, какіе можетъ изъ себя произвесть безпредѣльное абсолютное.

10) Отсюда открывается и тотъ законъ, что самыя единицы метафизическія отличны отъ математическихъ. Такъ, единицы, въ чисто-количественныхъ ариѳметическихъ величинахъ, могутъ быть различны только по степени, по высотѣ въ-отношеніи къ абсолютному той точки, съ которой, въ-сравненіи величинъ, мы отправляемся вверхъ или внизъ, причемъ и 1000000 можетъ быть единицею, и 1000 и 100 и 10 и $\frac{1}{10}$ и $\frac{1}{100}$ и $\frac{1}{1000}$ и $\frac{1}{1000000}$ могутъ быть единицею измѣренія также, какъ и 1. Но только—лишь мы удалимся отъ математики, наиболѣе чисто-количественной, ариѳметической, къ математикѣ-же, но уже алгебраической, или геометрической,—какъ тотчасъ-же встрѣчаемся уже съ безпредѣльнымъ количествомъ единицъ, которыя различаются между собою не по степени только, но и по качеству, такъ-какъ въ алгебрѣ мы встрѣчаемся уже съ разнокачественными единицами a, b, c, d и т. д., безъ конца, а въ геометріи встрѣчаемся съ линіями, плоскостями и тѣлами, которыя, въ свою очередь, и сами по себѣ, и по взаимнымъ своимъ соотношеніямъ, распадаются на неисчислимое множество классовъ. Но еще больше такихъ единицъ

сматриваетъ метафизика, которая обнимаетъ собою всѣ, не-только дѣйствительные, но и мысленные, не-только реализованные, но и возможные роды существованія.

11) Математика же дѣлаетъ доступнымъ пониманію и тотъ законъ, въ приложеніи къ понятіямъ метафизическимъ, что, если безконечное и ничто можно и должно назвать граничными полюсами, поверхъ безпредѣльнаго ряда бытій ограниченныхъ, — то индивидуальную единицу слѣдуетъ назвать *среднимъ, между противоположными полюсами, пунктомъ безразличія.* Съ этой-же точки зрѣнія, при сопоставленіи метафизики съ математикою, дѣлаются наглядными слѣдующіе существенно-важные законы: 1) пунктъ безразличія, связывающій въ единство два полярно противоположные полюса абсолютнаго, можно передвигать, въ-отношеніи къ абсолютному, сколько угодно, въ ту и другую сторону, при чемъ отношеніе между полярными абсолютными не измѣнится; 2) этимъ пунктомъ безразличія можетъ быть индивидъ, также какъ и видъ, и родъ, и высшій родъ и т. д.; за то, въ свою очередь, и индивидъ оказывается суммою меньшихъ однородныхъ частей, изъ которыхъ каждая, въ свою очередь, можетъ быть принята за точку отправленія, въ восхожденіи и нисхожденіи къ противоположнымъ полюсамъ абсолюта; потому 3) всякая единица, всякое ограниченное бытіе, по сущности своей, есть произведеніе ограниченія абсолютнаго бытія абсолютнымъ небытіемъ; въ тоже время, всякое ограниченное бытіе совершенно естественно бываетъ частью единицы высшей и суммою дробей низшихъ, а наконецъ, всегда есть и центръ, связующій въ себѣ, въ ограниченное индивидуальное единство, нетолько свои, заключающіяся въ немъ, части, но, чрезъ заключающіяся, въ немъ низшія единства, и высшія, которыхъ оно само составляетъ часть,—центръ точно также связующій, въ ограниченное единство, и два противоположные полюса абсолютнаго бытія и небытія.

12) Далѣе само собою наглядно и то, что безпредѣльное бытіе есть единственная сокровищница, изъ которой неизсякаемо черпается положительное содержаніе всякаго и всѣхъ ограниченныхъ существованій. Въ нихъ ли, т. е. въ ограниченныхъ существованіяхъ, въ себѣ ли самомъ, но только *бытіе есть*,—какъ любили говорить древніе,—а *небытія нѣтъ*, или, выражаясь ближе къ языку древности, *небытіе не есть* [1])! Но, тѣмъ не менѣе, замѣчательно то, что не-только древніе, какъ

[1]) 8 к. 951.

Платонъ, *Аристотель* и другіе, но и глубочайшіе изъ новѣйшихъ метафизиковъ, каковы *Шеллингъ и Гегель*, также любили приписывать абсолютному небытію именно *реальное*, дѣйствительное значеніе. Такое пристрастіе къ столь незначительной, повидимому, метафизической тонкости возникло не безъ основанія. Реальное значеніе отрицательнаго абсолюта дѣйствительно основывается на томъ, что метафизическій, какъ и математическій; нуль не есть голое ничто, которое ни чѣмъ бы не давало о себѣ знать, — но, напротивъ того, этотъ нуль обнаруживается, какъ ничто абсолютно-необходимое, которое, въ-качествѣ неизбѣжнаго ингредіента, вторгается во всякое ограниченіе абсолютнаго бытія, значитъ, и въ осуществленіе всякаго ограниченнаго бытія, въ различеніе всякаго ограниченнаго существованія отъ всякаго другаго, въ различеніе того, что извѣстное существованіе, извѣстнымъ предѣломъ, пространственнымъ ли то, или временнымъ, или другимъ какимъ-либо чувственнымъ, или мысленнымъ, заканчивается, что извѣстное явленіе заканчивается какими-либо, имѣющими свой предѣлъ, соприкасающимися съ небытіемъ, качествами, послѣ чего изъ нѣдръ небытія выдѣляется другое явленіе, другой предметъ. И это-то реальное положеніе предѣла, это дѣйствительное отрицаніе, въ данномъ пунктѣ, дѣйствительнаго бытія, невольно и наталкиваетъ нашу мысль на реальную неизбѣжность небытія вообще, небытія абсолютнаго, организуя самый нашъ интеллектъ (разумъ) такимъ образомъ, что онъ, по структурѣ своей, естественно и невольно приходитъ къ сознанію абсолютно-необходимаго закона отрицанія, ограниченія, положенія предѣла и конца бытію небытіемъ вообще. Есть только бытіе, а небытія нѣтъ; но небытіе полагаетъ конецъ, предѣлъ, границу бытію, отъ чего и происходитъ бытіе ограниченное, вслѣдствіе чего происхожденіе этого бытія становится и мыслимымъ, и чувствуемымъ, понятнымъ и для формальнаго разсудка, и дѣйствительнымъ для ограниченнаго ощущенія.

13) Затѣмъ, сверхъ ограниченнаго ощущенія и представленія, опирающихся на ограниченное существованіе, сверхъ всякаго ограниченнаго существованія, состоящаго какъ въ цѣломъ своемъ составѣ, такъ и въ безпредѣльномъ количествѣ своихъ частей, изъ бытія абсолютнаго, которое само многообразно ограничиваетъ себя небытіемъ, есть только бытіе абсолютно единое, не частичное, несложное, неистощимое, не умножаемое, недѣлимое, неизмѣнное, въ себѣ все, въ-

отношеніи же къ ограниченному, безпредѣльная потенція всего, не разлагаемое, не различаемое въ себѣ даже умственно. Иначе, безконечное не было бы и безграничнымъ, заключая въ себѣ внутреннее противорѣчіе.

ГЛАВА XLVII.

Далѣе намъ предстоитъ труднѣйшая задача: *приложить полученныя нами математическія и метафизическія основоположенія къ фактическимъ даннымъ широко понимаемой физики*, чтобы подтвердить ими частныя, хотя и неизбѣжныя, математико-метафизическія антиноміи нашего ума.

Съ чего начать это дѣло? Какъ приступить къ рѣшенію этой, наиболѣе трудной въ метафизикѣ, задачи? Но мы уже частію имѣли дѣло съ этимъ труднымъ предметомъ, даже отчасти предрѣшили его, разъясненіемъ вопроса, *что такое атомъ? Какимъ образомъ доходимъ мы до понятія атома?*—Слѣдующимъ образомъ: взявъ совершенно фактическую, естественно-научную *молекулу*,—*молекулу*, положимъ, простаго, элементарнаго, признаваемаго въ химіи наиболѣе основнымъ тѣла, *водорода*, мы раздѣлили эту молекулу на такъ-называемые химическіе *атомы*. Но и атомы современная химія признаетъ сложными и готова искать за ними еще *ультиматовъ* вещества. Такимъ образомъ, каждый изъ атомовъ нашей молекулы распался еще на *ультиматы*. Но и *ультиматы* вещества, еслибы они могли быть уловлены въ химическихъ опытахъ, какъ опредѣленныя величины, непремѣнно оказались бы сложными изъ частей еще мельчайшихъ. Такимъ образомъ, каждый изъ ультиматовъ нашей молекулы распался еще на мельчайшія части... Далѣе итти некуда. *С. В. Томсонъ* утверждаетъ, что въ опытѣ мы получаемъ только сложныя части вещества, что самомалѣйшій атомъ есть цѣлый сложный міръ, и что абсолютная непроницаемость невозможна. Въ свою очередь, *Ульрици* утверждаетъ, что данную молекулу мы можемъ дѣлить безъ конца, что такое дѣленіе могло бы остановиться только тогда, когда мы дошли бы до частей, равныхъ нулю, или математической точки; но превратить реальную величину въ математическую точку, безъ реальнаго содержанія, или въ нуль, мы могли бы только тогда, еслибы продолжали свое дѣленіе въ безко-

нечность. Такимъ образомъ, мы, очевидно, и получили тотъ математическій законъ, по которому $\frac{1}{\infty} = 0$ и $1 = \infty \times 0$, со всѣми, вытекающими отсюда, непреложными выводами. Изъ этихъ выводовъ отмѣтимъ слѣдующіе, совершенно-безспорные.

1) Слѣдуетъ строго различать математико-метафизическій атомъ отъ атома физико-химическаго.

2) *Математико-метафизическій* атомъ, величину существенно-недѣлимую, или безконечно-малую, или нуль, мы могли бы получить изъ единицы реальной, изъ реальной молекулы, только тогда, когда и еслибы раздѣлили эту единицу на безконечность, на безконечное число частей, т. е. собственно никогда. Метафизическій атомъ, такимъ образомъ, есть тоже, что математическій нуль.

3) Физико-химическій же атомъ есть тоже, что, съ одной, низшей, стороны, ультиматъ вещества, а съ другой, молекула, т. е. сконцентрированное тѣло, опредѣленная реальная величина, или единица, состоящая изъ безконечнаго числа дробей, но, ни подъ какимъ видомъ, не геометрическая точка, не ариѳметическій нуль, не метафизическое ничто.

4) Какъ опредѣленная единица, физико-химическій атомъ, во всякій данный, опредѣленный періодъ своего дѣленія, содержитъ въ себѣ весьма-великое, невообразимо великое количество частей; по раздѣленіи же на безконечность, которое фактически могло бы быть осуществлено только въ безконечный періодъ времени, этотъ атомъ долженъ бы дать безпредѣльное количество частей, равныхъ математической точкѣ, или нулю. Выражаясь на языкѣ физико-химическомъ, можно смѣло сказать, что всякая реальная единица содержитъ въ себѣ безпредѣльно-великое число частей, заключаетъ въ себѣ неисчерпаемый источникъ жизненнаго содержанія, которое, при большемъ и большемъ дробленіи, больше и больше приближается къ небытію, но никогда не истощается. Можно сказать, что въ каждой молекулѣ мы имѣемъ, съ одной стороны ея существованія, неистощимое безпредѣльное бытіе, а съ другой стороны — бытіе, больше и больше мельчающее, граничащее съ ничтожествомъ. Совершенно тоже мы читаемъ и въ сочиненіяхъ чисто-физическихъ, напримѣръ: *«въ самой малой песчинкѣ, въ самомъ маломъ атомѣ видимой матеріи, существуютъ части, которыя можно отдѣлить, или дѣйствительно отдѣльныя, въ такомъ числѣ, что изъ нихъ можно бы образовать шаръ*

какой угодно величины, шаръ, на которомъ два смежные атома были бы расположены на разстояніи, меньшемъ всякой данной длины», и, обратно, «*какъ бы ни былъ великъ объемъ тѣла, пустыя пространства между его молекулами такъ велики, что можно было бы допустить, что тѣло, не теряя своего вещества, могло бы быть приведено къ безконечно-малому объему, къ объему песчинки, или самаго малаго атома видимой матеріи*»; или еще: «*какъ бы ни были плотны тѣла, все-же ихъ послѣдніе атомы, сравнительно съ занимаемымъ ими объемомъ, такъ удалены другъ отъ друга, какъ небесныя тѣла въ пространствѣ*». Такими и подобными словами выражается только общее мнѣніе физиковъ *о безконечной малости вещественныхъ молекулъ* и о невозможности дойти въ основѣ вещества, съ одной стороны, до абсолютной непроницаемости, а съ другой—до математической точки, или нуля.

5) Отсюда открывается, что умъ нашъ, прикладывая свои конституціональные законы къ математическимъ ли то, или къ реальнымъ величинамъ, не можетъ быть невѣренъ самъ себѣ. Оказывается, что выше приведенныя физико-математическія положенія значатъ тоже, что и выше-полученныя математическія основоположенія, именно: что 1) единица, раздѣленная на безконечность, равняется нулю $\left(\frac{1}{\infty} = 0\right)$, и даже 2) что всякая данная, опредѣленная величина есть, въ существѣ своемъ, величина безконечная, умноженная на величину безконечно-малую, далѣе уже недѣлимую, иначе сказать, на математико-метафизическій атомъ, или на нуль $(1 = \infty \times 0)$,—что 3) въ основѣ каждой самомалѣйшей, реальной, какъ и математической, единицы дѣйствительно лежитъ безпредѣльность частей или дробей, изъ которыхъ каждая есть не болѣе, какъ математико-метафизическій атомъ, абсолютно недѣлимая величина, геометрическая точка или нуль.

6) Послѣ этого мы уже съ достаточною смѣлостію можемъ сказать, что какъ бы мы ни повернули первый фундаментъ чувственнаго бытія, чисто ли умозрительнымъ, математико-метафизическимъ, или, по возможности, опытнымъ, экспериментальнымъ, индуктивно-дедуктивнымъ способомъ, во всякомъ случаѣ, въ этой крайней низменности бытія, мы получаемъ *три основныхъ элемента:* 1) *математико-метафизическій атомъ, величину недѣлимую, нуль, ничтожество, небытіе,*—2) *бытіе безконечное и* 3) *продуктъ этихъ противоположныхъ полюсовъ,—величину ограниченную, единицу ли, дробь ли, которая,*

однакожъ, есть бытіе опредѣленное, осуществленное, есть совмѣщеніе абсолютнаго бытія и небытія, но не есть отдѣльно ни абсолютное бытіе, ни небытіе, содержа въ себѣ, въ той или другой пропорціи, взаимно перемѣнявшимися элементы того и другаго, безпредѣльнаго и нуля,—которая можетъ вмѣщать въ себѣ обратно-пропорціональную, высшую, или низшую, степень того и другаго,—болѣе или менѣе обнаруженій безпредѣльнаго бытія и, обратно, меньше или больше ограниченій чрезъ отрицаніе бытія,—которая, на крайней мыслимой степени дробленія или умаленія, можетъ быть крайне-малою дробью, можетъ совсѣмъ граничить съ небытіемъ, по крайней мѣрѣ, для нашего внѣшняго чувства, воображенія и даже мысли, но, ни подъ какимъ видомъ, не есть голое небытіе, ничтожество, ничто, чистый абсолютный нуль.

Это-то и есть атомъ, не математическій или метафизическій, но атомъ химіи, физики, органографіи, физіологіи, и вообще, естественной науки. Слѣдовательно, этотъ *естественно-научный атомъ, самомалѣйшая, безъ конца дѣлимая часть вещества, ни подъ какимъ видомъ не есть ничто*,—что и требовалось доказать.

ГЛАВА XLVIII.

Такимъ образомъ, *всѣми данными намъ способами познанія, мы дознали пока хотя одно, несомнѣнно существующее, никакъ неспособное быть ничтожествомъ,—бытіе,—это—физико-химическій атомъ.* Но можно ли, съ естественно-научной точки зрѣнія, съ такою-же увѣренностію говорить и *о бытіи абсолютномъ? Подтверждается ли оно какими-либо естественно-научными данными?*

Позитивная философія всего менѣе позволяетъ говорить о бытіи абсолютномъ, въ той мысли, будто о немъ мы ничего не знаемъ. Мы читали у *М. Троицкаго*, какъ сурово относится онъ къ тѣмъ метафизикамъ, которые позволяли себѣ толковать объ абсолютномъ. Дѣйствительно, и мы согласны, что непосредственно опытъ не даетъ абсолютнаго бытія, однакожъ ведетъ къ нему, хотя и посредственно, но неуклонно. Припомнивъ все то, что выше сказано нами объ абсолютномъ бытіи, съ метафизической и математической точки зрѣнія, въ-подтвержденіе полученныхъ нами тамъ выводовъ, укажемъ нѣкоторые естественно-научные факты.

1) Естественная наука подтверждаетъ фактами *бытіе безпредѣльно великаго.* Сюда относятся приведенные уже нами факты, что каждая въ-отдѣльности молекула, несмотря на свою крайнюю малость, содержитъ въ себѣ безпредѣльно-великое число частей, неисчерпаемый источникъ жизненнаго содержанія; но такихъ молекулъ, въ цѣломъ мірѣ, содержится неисчислимое количество, изъ которыхъ каждая сама въ себѣ, въ своемъ положительномъ содержаніи, есть уже безпредѣльность,—что всѣ необъятныя пространства между звѣздами и планетами наполнены болѣе, или менѣе сгущенною матеріею, и абсолютной пустоты въ мірѣ нѣтъ нигдѣ, — что чувственный опытъ не указываетъ конца міросданію, въ-слѣдствіе его неисчислимой, неизмѣримой, невообразимой великости,—что смѣлые естествовѣды, въ-родѣ геолога *Фридриха Мора*, даже прямо доказываютъ, что міръ не можетъ имѣть предѣла, иначе нарушилось бы міровое равновѣсіе: крайнія, лежащія на периферіи вселенной, солнца, притянувшись, упали бы на ближайшія къ міровому центру солнца, не встрѣчая противовѣса въ притяженіи съ противоположной стороны, внѣ міровой сферы, и міръ превратился бы въ одну, скученную, неподвижную, безжизненную массу. Гаданіе, правда, слишкомъ смѣлое, такъ-какъ ограниченное представленіе нашего ума, сколько бы ни устремлялось оно въ безбрежную міровую даль, всегда, въ каждый моментъ своего паренія и остановки, вынуждалось бы полагать ограниченному существованію предѣлъ и было бы безсильно хотя-бы то когда-либо достигнуть безпредѣльности. Не-смотря на то, однакожъ, совершенно понятна антиномическая естественность полета нашей мысли и въ безпредѣльность бытія, тѣмъ болѣе, что чувственный опытъ, даже вооруженный искусственными экспериментами, и основанная на нихъ дедукція безсильны найти конецъ міросданія, не-только въ великомъ, но и въ маломъ. Самые сильные микроскопы открываютъ безпредѣльное количество, болѣе и болѣе мельчающихъ, существованій,—и, на-оборотъ, самые сильные телескопы открываютъ неисчислимость новыхъ млечныхъ звѣздныхъ путей тамъ, гдѣ прежде предполагались пустота и темень, хаотическій берегъ премірной, безсодержательной безпредѣльности.

2) Естественная наука считаетъ аксіомою и *вѣчность безпредѣльнаго бытія.* Сюда направляются всѣ толки естествовѣдовъ о *неуничтожаемости матеріи и силы.* «Въ окончательномъ результатѣ»,— пишетъ *Г. Спенсеръ*, — «мы приходимъ къ силѣ, какъ концу всѣхъ

концовъ между научными идеями; неуничтожаемость силы есть неуничтожаемость матеріи, и это оказывается абсолютнымъ единообразіемъ въ сферѣ нашего опыта». Даже *Д. С. Милль* [1]) допускаетъ, что аксіома неуничтожаемости матеріи есть истинный законъ природы, что хотя и были факты, которые, повидимому, противорѣчили этому закону и подвергали истинность его, какъ всеобщаго закона природы, сомнѣнію, однакожъ были придуманы особые опыты для его повѣрки; люди предположили истинность его въ-видѣ гипотезы и приступили къ его изслѣдованію,—и, по ближайшемъ разсмотрѣніи, это ученіе было признано за всеобщую истину, оказавшуюся такою и по опыту.

3) Естественная наука допускаетъ и подтверждаетъ *единство, простоту, неизмѣнность и самобытность безконечнаго вѣчнаго бытія* [2]). «Въ умѣ каждаго естествоиспытателя, — пишетъ *Струве* [3]), — признается истиннымъ то понятіе о природѣ, по которому она представляется ему, какъ одно гармоническое цѣлое физическихъ явленій, подчиняющихся однимъ и тѣмъ-же общимъ, неизмѣннымъ законамъ. Каждый естествоиспытатель убѣжденъ, что вездѣ во вселенной господствуютъ *одни и тѣже общіе законы*, что законы извѣстныхъ физическихъ явленій, изслѣдуемые на одномъ мѣстѣ, не могутъ никогда противорѣчить законамъ тѣхъ-же самыхъ явленій, наблюдаемыхъ на другомъ мѣстѣ. Дѣйствительнаго противорѣчія въ природѣ естествоиспытатель допустить не можетъ; иначе всѣ его спеціальныя изслѣдованія подвергались бы сами постояннымъ противорѣчіямъ и познаніе истины, относительно природы, сдѣлалось бы невозможнымъ. Далѣе естествоиспытатель убѣжденъ въ *неизмѣнности законовъ природы* и утверждаетъ, что эти законы, дѣйствующіе въ природѣ въ

---

[1]) Лог. 1, 299—296.

[2]) Здѣсь пока еще не опредѣляется, что именно нужно разумѣть подъ *самобытнымъ, вѣчнымъ и безконечнымъ бытіемъ*. Возможно научное, позитивно-философское перенесеніе абсолютныхъ свойствъ безконечнаго на *личность Божества* составляетъ весьма трудную, въ современно-философскомъ смыслѣ, задачу дальнѣйшаго нашего изслѣдованія. Въ этой же т. е. въ настоящей его части мы ратуемъ противъ тѣхъ крайнихъ позитивистовъ, которые провозглашаютъ всякое разсужденіе *о чемъ бы то ни было абсолютномъ* совершенно праздным и безпредметнымъ, утверждая, что позитивная наука, естественная ли то, или философская, лишена всякихъ способовъ *знать что-либо абсолютное и говорить о немъ что-либо основательное.*

[3]) «Отличительныя черты философіи», Русскій Вѣстникъ, 1872 г. Декабрь.

настоящее время, дѣйствовали и въ прошедшемъ и будутъ неизмѣнно дѣйствовать и въ будущемъ. Не предполагая неизмѣнности законовъ природы, онъ лишился бы всякой возможности познать природу; онъ не зналъ бы, можетъ ли сегодня признать истинными и дѣйствительными тѣ законы, съ которыми ознакомился вчера. Человѣкъ можетъ представить себѣ все существующее не иначе, какъ въ-видѣ одного цѣлаго, одного міра, одной вселенной. Всѣ отношенія между разными мірами доводятъ непосредственно до понятія объ одномъ общемъ мірѣ, въ которомъ все остальное есть лишь частица. Разсматривая ближе, въ чемъ именно заключается это единство бытія, мы убѣждаемся, что оно-то и есть самая *сущность бытія*, которая заключаетъ въ себѣ, съ одной стороны, *причины* всѣхъ разнородныхъ явленій, а съ другой—обусловливаетъ собою *цѣль и назначеніе* всего существованія и развитія явленій. Совершенное единство міровозрѣнія требуетъ обозначенія той *первоначальной причины*, которая служитъ началомъ всѣхъ, безъ исключенія, явленій бытія и опредѣляетъ цѣль и назначеніе, какъ каждаго единичнаго явленія, такъ и всѣхъ, взятыхъ совокупно».— «Мы не можемъ вообразить»,— разсуждаетъ о томъ-же предметѣ *Страховъ* [1]), — «что законы механики, законы необходимые, не соблюдаются гдѣ бы то ни было, на другихъ ли планетахъ нашей солнечной системы, или на другихъ солнечныхъ системахъ, въ самой безконечности небесъ. Также и теоремы геометріи справедливы вездѣ, безъ исключенія. Ни физіологи, ни физики, ни химики не вѣрятъ, что въ другихъ мірахъ явленія, ими изучаемыя здѣсь, совершаются иначе. Физикъ, принимающій теорію атомовъ, необходимо принимаетъ, что и на отдаленнѣйшихъ звѣздахъ вещество состоитъ изъ атомовъ; химикъ, полагающій, что опредѣленныя пропорціи соединеній объясняются свойствами атомовъ, необходимо полагаетъ, что въ цѣломъ мірозданіи вещества соединяются въ опредѣленныхъ пропорціяхъ. Однимъ словомъ, добираясь до сущности вещества, мы вмѣстѣ съ тѣмъ увѣрены, что добираемся до той *единой сущности, которая служитъ основою всего веществennаго міра*. Открыть необходимую связь между явленіями—общая задача для всего естествознанія. Мы заранѣе убѣждены въ этой связи. Сущность всѣхъ естественныхъ явленій мы называемъ веществомъ и непремѣнно принимаемъ, что *вещество вездѣ одно*. Потомъ предполагаемъ, что изъ

[1]) «Міръ, какъ цѣлое», 1872 г. Сп.б.

этого единаго развивается все разнообразіе міровыхъ явленій, по однимъ и тѣмъ-же законамъ. Такъ физикъ, представляя атмосферу планетъ, принимаетъ, что ея газы слѣдуютъ *закону Маріотта* и вообще имѣютъ всѣ свойства земныхъ газовъ; такъ химикъ, предполагая, что свѣтъ звѣздъ зависитъ отъ горѣнія, воображаетъ себѣ въ этомъ горѣніи химическое соединеніе, по опредѣленнымъ пропорціямъ; такъ минералогъ, желая представить себѣ минераллы планетъ, воображаетъ тѣже кристаллическія формы, какія видитъ на землѣ. И все это не дерзость, не пустое самообольщеніе. Астрономы, занятые исключительно небомъ, спокойно и счастливо идутъ этимъ путемъ. Никакой астрономъ не усумнится, что свѣтъ звѣздъ слѣдуетъ тѣмъ-же законамъ, какъ и свѣтъ свѣчки,—что законъ тяжести вездѣ дѣйствуетъ одинаково и т. д. Недавно явились попытки опредѣлить химическій составъ луны, по тѣмъ лучамъ, которые она отражаетъ, и опредѣлить составъ горящихъ веществъ солнца, по свѣту этого горѣнія: эта такъ называемая спектроскопія открыла, въ отдаленныхъ небесныхъ тѣлахъ, тѣже элементы, какіе имѣются у насъ на землѣ и ни одного новаго. Къ намъ залетаютъ падающія звѣзды, камни изъ небеснаго пространства; химики нашли въ нихъ тѣже вещества, какія уже извѣстны на землѣ. Однимъ словомъ, изъ всѣхъ фактовъ астрономіи нѣтъ ни одного, который доказывалъ бы *разнообразіе* міра; великіе успѣхи астрономіи, напротивъ того, состоятъ именно въ постепенномъ распространеніи *однообразія на все мірозданіе. Планеты — тоже земля; звѣзды — тоже солнце, и до безконечности небесъ все тоже и тоже, все солнца да планеты, да пространство, не имѣющее конца. Огюстъ Контъ* утверждаетъ, что человѣкъ неспособенъ понять мірозданіе, что онъ ограниченъ крошечнымъ уголкомъ міра и можетъ здраво судить только о немъ; *Конту* хотѣлось бы ограничить человѣка одною солнечною системою,—и вотъ онъ упорно отвергаетъ вѣрность астрономическихъ выводовъ и наблюденій и даже выставляетъ вообще всю звѣздную астрономію, какъ пустое и не могущее дать плодовъ занятіе. Выходитъ, что *Контъ*, отвергая законы движенія двойныхъ звѣздъ, думаетъ, что знаетъ объ этихъ звѣздахъ больше и вѣрнѣе, чѣмъ астрономы, которые ихъ наблюдали. Какъ въ геологіи принято за правило не принимать, ни въ какія отдаленнѣйшія эпохи, дѣйствія другихъ силъ, кромѣ тѣхъ, которыя мы знаемъ теперь, такъ и астрономія постоянно держится правила не принимать, ни въ какихъ отдаленнѣйшихъ мѣстахъ неба,

другихъ силъ и иныхъ законовъ, кромѣ тѣхъ, какіе мы встрѣчаемъ на землѣ. И это имѣетъ не тотъ смыслъ, будто мы нашу ничтожную землю хотимъ сдѣлать образцомъ для всего великаго мірозданія,—но тотъ, что величіе цѣлаго мірозданія *отражается въ землѣ*, что *въ ней вполнѣ выразилась сущность міра*. Въ концѣ концовъ, мы должны придти къ тому-же ученію, которое проповѣдовалъ первый философъ, *Ѳалесъ, т. е. что всѣ вещи суть видоизмѣненія одной и той-же стихіи*; самымъ ходомъ науки химики приведены къ убѣжденію, что, вѣроятно, всѣ ихъ элементы состоятъ изъ видоизмѣненій *одного и того-же вещества*; чрезъ двѣ съ половиною тысячи лѣтъ мы опять пришли къ признанію *одной стихіи для вещественнаго міра*, но, по новѣйшимъ изслѣдованіямъ, эта стихія не вода, а, всего вѣроятнѣе, *водородъ*. Это извѣстная гипотеза *Прута*, разработанная послѣ него многими изысканіями».

Къ той-же идеѣ направлены всѣ разсужденія естествовѣдовъ и о томъ, что вещественный атомъ не есть инертная масса, движимая внѣ его пребывающею силою, но представляетъ въ себѣ живой центръ силъ, откуда открывается и необходимость, и естественная возможность свести *вещество и силу къ единству*. Но и *силы природы*, въ свою очередь, *всѣ сводятся къ единству, къ единой всеобъемлющей силѣ*.—«Если въ различныхъ группахъ конкретныхъ явленій»,—пишетъ *Г. Спенсеръ*,—«явленій механическихъ, химическихъ, электрическихъ и проч., мы замѣчаемъ нѣкоторыя единообразія дѣйствія, общія всѣмъ имъ,—то мы имѣемъ важныя основанія для заключенія, что *единообразіе дѣйствія обнимаетъ всю природу*. Знакомство, какого люди достигли въ-отношеніи проявленій электричества, теплоты и всякой другой силы, заставляетъ предполагать, что если найдется болѣе глубокое объясненіе этихъ явленій, то оно будетъ состоять не въ чемъ иномъ, какъ въ обнаруженіи *нѣкотораго, въ высшей степени общаго, факта касательно состава матеріи*,—факта, *по-отношенію къ которому химическіе, электрическіе, термическіе и всякіе другіе факты будутъ только различными проявленіями единства*». Даже *Д. С. Милль* признаетъ *переходящею изъ состоянія гипотезы въ состояніе философскаго положенія эту теорію единства силы и вещества,—теорію*, которая провозглашаетъ, что всѣ факторы природы, какъ-то: механическая сила, электричество, магнетизмъ, теплота, свѣтъ, химическое дѣйствіе, жизненная сила, суть не столько причины одна другой, сколько превращенія одной, въ другую

и что всѣ они суть формы одной и той-же силы, лишь видоизмѣняющейся въ своихъ внѣшнихъ проявленіяхъ. Вещество и силу даже безусловно-необходимо мыслить какъ единство,—иначе раздѣленіе и одностороннее пониманіе ихъ ведетъ даже къ нигилизму, о чемъ свидѣтельствуетъ физіологъ *Дюбуа-Реймонъ*. «Если идти до конца»,—говоритъ онъ,—«то легко убѣдиться, что ни вещество, ни силы не существуютъ. И то и другое суть отвлеченія, взятыя, съ разныхъ точекъ зрѣнія, отъ вещей, какъ онѣ суть на самомъ дѣлѣ. Что же, наконецъ, остается, если ни силы, ни вещество не имѣютъ дѣйствительнаго существованія? Въ этихъ вещахъ»,—отвѣчаетъ *Дюбуа-Реймонъ*,—«человѣческому *уму не суждено выпутаться изъ окончательнаго противорѣчія*. Поэтому, вмѣсто того, чтобы кружиться въ безконечныхъ умозрѣніяхъ, мы предпочитаемъ держаться созерцанія вещей, какъ онѣ есть,—довольствоваться чудесами существующаго». Неразрывность вещества и силы сводится, въ концѣ концовъ, на положеніе, что «*вещество есть нѣчто дѣйствующее*, т. е. съ нимъ происходятъ перемѣны, совершаются явленія, а причина и основаніе этихъ явленій есть само-же вещество: *признать неразрывность силы и вещества значитъ*»,—по словамъ *Страхова*,—«*признать самостоятельность вещества;* все, что существуетъ, существуетъ на-столько, на-сколько дѣйствуетъ; *самая сущность вещей состоитъ въ дѣятельности*».

4) Неизбѣжность абсолютнаго бытія, въ естествовѣденіи, доказывается уже тѣмъ фактомъ, что *безъ абсолютнаго бытія не можетъ обойтись ни одна изъ самыхъ близкихъ къ чувственному опыту космогоній*, возьмемъ ли космогонію *гилозоистическую*, или *атомистическую*, или *космическо-натуралистическую*, или, наконецъ, космогонію, провозглашаемую даже *позитивистами*.

А) Нужно ли говорить о томъ, что самая первоначальная постановка философской задачи у всѣхъ древнихъ мыслителей, по-преимуществу же у *гилозоистовъ*, показываетъ, что они искали не другаго какого-либо бытія въ мірѣ, какъ именно абсолютнаго? Выше мы показали уже, что вопросъ о томъ, *что есть сущее* (τὸ ὄν), *въ-противоположность только бывающему и являющемуся* (τὸ γιγνόμενον, τὸ φαινόμενον), — *что есть* (τι ἐζί), *а не бываетъ, не становится только, возникаетъ и исчезаетъ* (γίνεται), *или является, кажется* (φαινεται), *что есть первое, среди измѣненій, постоянное начало, основа существованія вещей*,—этотъ вопросъ былъ сколько первымъ, по времени,

столько-же и основнымъ вопросомъ философствующаго ума, во всѣ времена. И на этотъ-то вопросъ отвѣчали 1) *Милики-Іонійцы*, *Θалесъ*, *Анаксимандръ*, *Анаксименъ*: начало, основа всего есть вода, изъ которой все произошло и въ которую все возвращается,—или вѣчное, безконечное, неопредѣленное, τὸ ἄπειρον, или: безпредѣльный, всеобъемлющій, постоянно движущійся воздухъ, — абсолютно-общая сущность, субстратъ матеріальнаго вещества,—начало вѣчное, безконечное, неопредѣленное, всеобъемлющее, все проникающее, вѣчно живое, вѣчно движущееся;—2) *Гераклитъ*: абсолютное бытіе есть самое измѣненіе, постоянное теченіе, единство бытія и небытія, цѣлое и не цѣлое, сходящееся и расходящееся, изъ всего одно и изъ одного все; раздоръ—отецъ всѣхъ вещей,—вѣчный огонь, то воспламененіемъ своимъ все пожирающій, то потуханіемъ все созидающій, въ вѣчномъ круговомъ движеніи, въ подчиненіи судьбѣ εἱμαρμένη; — 3) *Эмпедоклъ*: отъ вѣка суть четыре самосущія вещества:—огонь, воздухъ, вода и земля; надъ ними двѣ движущія силы, любовь и вражда, состоящія въ вѣчной борьбѣ, связующіяся въ сферосѣ, совокупности всего сущаго;—4) *Анаксагоръ*: отъ вѣка существуютъ безконечно-разнообразныя сѣмена всѣхъ вещей,—оміомеріи, которыя изъ хаотическаго состоянія привелъ въ круговое образующее движеніе Νοῦς, самъ въ себѣ недвижимый, но все движущій. То неудивительно, что веществу, въ единствѣ ли его, или въ первоначальныхъ стихіяхъ, приписывались абсолютныя свойства самыми древними греками: они только зачинали науку, но не знали науки намъ современной. Удивительно то, что не далеко отошолъ отъ нихъ катихизаторъ и современнаго намъ гилозоизма, *Бюхнеръ*, самый фанатическій ненавистникъ всего спиритуальнаго. Но и онъ не избѣгъ неизбѣжнаго признанія бытія абсолютнаго, хотя и видитъ его въ томъ-же веществѣ. Достаточно просмотрѣть нѣкоторые пункты оглавленія его пресловутаго матеріалистическаго катихизиса: *Сила и матерія*, чтобъ убѣдиться, что веществу и вещественной силѣ онъ приписываетъ чисто божественныя свойства. Вотъ, наприм., эти пункты оглавленія: *Безсмертіе матеріи. Безсмертіе силы. Безконечность матеріи. Достоинство матеріи. Неизмѣняемость законовъ природы. Всеобщность законовъ природы* и т. д. Вотъ, на выдержку, нѣсколько фразъ изъ этого катихизиса «матерія безсмертна. Невозможно, чтобы міръ былъ созданъ. Какъ можетъ создаться что-нибудь такое, что не можетъ быть уничтожено? Матерія вѣчно существовала, вѣчно существуетъ и вѣчно будетъ

существовать. Матерія вѣчна. Теперь безсмертіе матеріи есть научно, твердо поставленный и болѣе не отрицаемый фактъ. Нѣтъ другаго постояннаго, вѣчнаго и достойнаго своего имени начала, кромѣ матеріи. *Матерія*, какъ *нѣчто безусловное*, объемлетъ собою всѣ формы и протяженія. Если матерія безконечна во времени, т. е. безсмертна,—то она также не имѣетъ ни начала, ни конца и въ пространствѣ: *привитыя нашему конечному понятію представленія о времени и пространствѣ не прилагаются къ матеріи.* Къ какому бы протяженію матеріи мы ни обратились, къ самому ли меньшему (микроскопическому), или къ самому большему, мы никогда не найдемъ конца, или послѣдней матеріальной формы; какъ микроскопъ ведетъ насъ въ *безконечно-малый* міръ, такъ телескопъ—*въ безконечно-великій. Всякое ограниченіе уничтожило бы возможность существованія міра.* Сила также, какъ и матерія, не создается, не уничтожается, не преходяща и безсмертна. И обѣ онѣ *отъ вѣка* производили и *вѣчно* будутъ пропзводить одну и туже сумму явленій, которую мы называемъ міромъ. Матерія есть всераждающая и все опять въ себя принимающая мать всего существующаго. Въ матеріи заключаются всѣ, и естественныя, и духовныя, силы и въ ней только онѣ могутъ проявиться въ дѣйствительности. *Матерія есть основное начало всего бытія.* Законы природы вѣчны, неизмѣнны». Довольно ли этого? И такія свои положенія *Бюхнеръ* считаетъ продуктомъ новѣйшаго эмпирическаго естествовѣдѣнія. «Знакомый съ естествовѣдѣніемъ»,—пишетъ онъ въ заключеніи,—«признаетъ только тѣла и свойства тѣлъ, трансцендентальную же философію считаетъ ошибкою человѣческаго ума. Если философія хочетъ быть наукою дѣйствительною, то она должна итти однимъ только путемъ,—путемъ естествовѣдѣнія». И одинъ ли *Бюхнеръ* таковъ? «Для матеріалистовъ»,—отвѣчаетъ парижскій профессоръ Каро,—«*матерія есть абсолютное, и притомъ единственно истинное абсолютное*, поперемѣнно раскрывающее въ себѣ способность къ химическому сродству, къ организаціи, къ принаровленію къ цѣлямъ,—или, еще болѣе,—способное даже въ извѣстномъ случаѣ развивать изъ себя *инстинктъ*, *нравственное чувство*, *разумъ. Это-то творческое производительное могущество матеріи и называютъ природою*». «Мы ничего не понимаемъ въ нелѣпомъ мнѣніи тѣхъ»,—говоритъ *Шеврёль*,—«которые, желая изгнать изъ языка слова *Богъ и Провидѣніе*, употребляютъ слово: *природа*, не для того, чтобы выразить этимъ идею сотворенной Богомъ вселенной, но чтобы

слить эту вселенную съ существомъ, одареннымъ божественными свойствами, каковы: творческая сила, сила охранительная, провидѣніе, иногда даже благость».

Б) *Атомистамъ* также, какъ и гилозоистамъ, для объясненія явленій, необходимо приписывать чему бы то ни было абсолютныя свойства, которыя и приписываютъ, поэтому, самымъ атомамъ. «Какъ ни ясна дѣлимость вещества изъ всевозможныхъ опытовъ»,— пишетъ *Страховъ* [1]),—*«убѣжденіе атомистовъ опирается на метафизическое основаніе. Вещество тѣла они признаютъ неизмѣннымъ* и, при всевозможныхъ измѣненіяхъ самаго тѣла, полагаютъ, что атомы сохраняютъ неизмѣнными всѣ свои свойства. Ясно, что они *за міромъ явленій* стараются усмотрѣть *неизмѣнный міръ сущностей.* Свойства каждой частицы вещества, по ихъ мнѣнію, *принадлежатъ ей отъ вѣчности, неизмѣнны и не могутъ быть ею сброшены съ себя.* По атомистической теоріи, всѣ явленія объясняются тѣмъ, что, въ существѣ дѣла, отрицаются. Атомы, по теоріи, представляютъ *неизмѣнную сущность вещества, и никакія перемѣны въ мірѣ явленій до нихъ не касаются:* тѣла дѣлимы, но атомы не дѣлимы: дѣленіе тѣлъ состоитъ только въ удаленіи частей, раздѣленныхъ *отъ начала, отъ вѣчности*; тѣла соединяются, но атомы не могутъ слиться, какъ раздѣленные *отъ вѣчности*; тѣла измѣняются, но атомы отъ вѣчности имѣютъ одну и туже форму и проч. Какое бы глубокое измѣненіе ни происходило въ веществѣ, оно объясняется атомистами такъ, что *его въ сущности* нѣтъ, что *измѣняются только пространственныя отношенія между атомами, а не самое вещество, не атомы.* Очевидно, что *абсолютная непроницаемость* вещества или, *неизмѣнность пространства*, занимаемаго имъ, берется физиками не изъ опыта, а предпосылается опыту; хотя, впрочемъ, непроницаемость обыкновенно и доказывается опытами. Вся атомистика основывается на томъ, что признаетъ *самостоятельность и неизмѣнность атомовъ.* Отсюда вытекаетъ, что, усиливаясь опереться на опытъ, она противорѣчитъ опыту, потому-что свои неизмѣнныя частицы дѣлаетъ невидимыми, неосязаемыми, недостижимыми никакимъ способомъ, и не можетъ объяснить ни одного явленія, потому-что пустая игра атомовъ, простое ихъ передвиженіе, не представляетъ ни малѣйшей возможности исчерпать даже самое простое явленіе». Древніе атомисты, какъ мы замѣчали уже, были и откровеннѣе, и послѣдовательнѣе, а потому, въ объясненіи явленій, и самодовольнѣе атомистовъ новѣйшихъ. Тѣ

своимъ атомамъ смѣло и откровенно приписывали самыя опредѣленныя, абсолютныя свойства: атомы вѣчны, недѣлимы, неизмѣняемы, безкачественны, различаются же между собою только принадлежащими имъ отъ вѣчности величиною, фигурою и тяжестію, движутся въ пространствѣ, олицетворяютъ собою абсолютное бытіе, реальную полноту; чтобъ атомы имѣли мѣсто, гдѣ двигаться, древніе атомисты прибавляютъ къ нимъ *пространство*, реальную пустоту, абсолютное небытіе. Но и этого мало; нужно, чтобы кто-либо побудилъ атомы къ движенію, и атомисты придумываютъ *нужду*, которая толкаетъ ихъ въ разныя стороны; а такъ-кккъ, кромѣ этого, нужно еще что-либо такое, что сложило-бы атомы въ извѣстный міровой распорядокъ, то и эту обязанность атомисты возложили отчасти на принадлежащую атомамъ отъ вѣчности разность ихъ по величинѣ, фигурѣ и вѣсу, но, главнымъ образомъ,—*на случай*. Вотъ это гораздо логичнѣе; теорія выходитъ значительно округленнѣе и законченнѣе современныхъ атомистическихъ теорій! Послѣ многократныхъ попытокъ и полной неудачи отстоять абсолютность атомовъ, современная химія пришла, наконецъ, къ убѣжденію, что атомъ, съ абсолютными своими свойствами, есть отвлеченное понятіе, а не фактически—данное нѣчто,—что атомъ можетъ существовать только въ соединеніи не менѣе, какъ съ однимъ такимъ-же атомомъ,—что даже чистое элементарное тѣло есть отвлеченное понятіе, такъ-какъ каждая изъ его молекулъ представляетъ въ себѣ сложное явленіе, состоящее изъ атомовъ, не всегда и не во всемъ однородныхъ,—что абсолютную простоту, съ прочими абсолютными свойствами, необходимо отодвигать, мимо атомовъ, къ ультиматамъ, изъ которыхъ сложены самые атомы, или лучше, къ той единой недѣлимой, несложной матеріи, изъ которой, неуловимымъ и непостижимымъ процессомъ, образуются, въ первой стадіи, простѣйшія, фактически данныя, тѣла, въ-родѣ наиболѣе повсемѣстно распространеннаго водорода. Тѣмъ не менѣе и самоновѣйшей химіи необходимо подъ свои изслѣдованія подкладывать наиболѣе основныя, болѣе или менѣе близкія къ абсолютнымъ, свойства. «При всемъ разнообразіи всевозможныхъ нынѣ гипотетическихъ представленій въ химіи», — пишетъ *Менделѣевъ* въ заключеніи своей химіи, — «всякія обобщенія сводятся, въ наше время, на два пріема: свойства тѣлъ изучаются въ-зависимости отъ *элементовъ, содержаніе которыхъ въ тѣлахъ признается*, а затѣмъ (индуктивнымъ путемъ) изучаются, опредѣляются, или отыскиваются *коренныя свойства самыхъ элемен-*

овъ и, на-основаніи ихъ, угадываются *(путемъ дедукціи)* свойства ростыхъ и сложныхъ тѣлъ, въ которыя входятъ элементы. *Вся сущ-ость теоретическаго ученія въ химіи лежитъ въ отвлеченномъ по-ятіи объ элементахъ».* А это отвлеченное понятіе, какъ мы видѣли, оставляется изъ свойствъ элемента наиболѣе основныхъ, неизмѣнно-ѣчныхъ, абсолютныхъ. «Главный интересъ химіи»,—по словамъ того-е химика,—«лежитъ въ изученіи основныхъ качествъ элементовъ», е. въ повѣркѣ, посредствомъ опыта, приписываемыхъ имъ отвлечен-о, абсолютныхъ качествъ. Безъ этого и въ химіи нельзя сдѣлать ни агу: абсолютныя свойства и въ началѣ, и въ концѣ химическихъ слѣдованій;—за ними вся погоня.

13) *Натуралистическою или космозоическою* мы называемъ ту, давно—провозглашенную, космогонію, по которой отъ вѣка сущест-уетъ вся природа, т. е. по которой вѣчны не-только матерія вообще, ли частнѣе, весь міръ, но и земля, со всѣми главными формами какъ еорганическихъ образованій, такъ и органическихъ родовъ, суще-твующихъ на ней. Такого рода натурализмъ такъ противоестест-енъ, такъ противоположенъ обыденному опыту и всѣмъ выводамъ естествознанія, относительно начала вещей, что изъ древнихъ, до-ристіанскихъ мыслителей къ этой школѣ мы не можемъ отнести и одного, да и между новѣйшими свою принадлежность къ ней, изъ исателей съ извѣстностію, осмѣлились заявить, сколько намъ из-ѣстно, только весьма не многіе,—это *Кюльбе, Фридрихъ Моръ*, да уть-ли и не всѣ тутъ. Между-тѣмъ главная идея этой школы обна-уживаетъ, что она коренится на понятіи о вѣчномъ, абсолютномъ, ятіи и, безъ этого понятія, не хочетъ дѣлать ни шагу въ своей осмогоніи.

Вотъ теорія *Кюльбе*. Есть два матеріалистическія мнѣнія о началѣ изни. *По первому мнѣнію*, всякая жизнь есть слѣдствіе первона-альнаго, *сообщеннаго*, безъ всякаго преднамѣренія, и потомъ само обою развивавшагося, движенія и жизненнаго возбужденія; потому изнь есть движеніе, *неизвѣстно кѣмъ*, сообщенное въ самомъ началѣ передаваемое изъ рода въ родъ. Но такое первоначальное возбуж-еніе трансцендентно (сверхчувственно) и заводитъ насъ въ такую бласть, которая противорѣчитъ всякому опыту и потому отказы-ается отъ всякаго дальнѣйшаго объясненія. *Другое мнѣніе* опи-ается на такъ-называемое самопроизвольное рожденіе, generatio pontanea или aequivoca, въ-слѣдствіе *самовозбужденія* свободной

производительной силы природы. Это мнѣніе оставлено большею частію нынѣшнихъ естествоиспытателей, какъ научная ересь, как чудо, какъ гадательная гипотеза, ведущая къ мистицизму, или сверх чувственному. Стараясь избѣжать дилеммы между *сообщеннымъ дви женіемъ и самовозбужденіемъ жизни*, *Кюльбе учитъ*, *что вся при рода*, *въ настоящемъ видѣ*, *отъ человѣка до кристалла*, *вѣчна*. Н только опытъ не представляетъ никакого основанія тому, чтоб матерія и пространство имѣли начало, могли *измѣниться и разру шиться*, *но объ этомъ даже нельзя составить никакого понятія* небесныя тѣла *вѣчны* и не возникали изъ какихъ-либо туманных пятенъ, или газовыхъ шаровъ съ высшею температурою. Земля такж *вѣчна*; всѣ измѣненія, объясняемыя состояніемъ нѣкогда распла ленной земной коры, суть только продукты тѣхъ-же перемѣн которыя и теперь совершаются. *Нельзя указать времени*, когда н было на землѣ организмовъ; человѣкъ также существовалъ всегда какъ и языкъ, который *не имѣетъ начала* и не можетъ быть изоб рѣтеніемъ человѣческимъ. *Атомы имѣютъ неизмѣнную форму* кри сталловъ, потому-что если приписать имъ форму неправильную, ил плоскую, то не могла бы явиться простѣйшая форма кристалловъ *Существенныя свойства атомовъ суть протяженіе*, *очертаніе*, *не проницаемость*, *различная величина и кристалловидная форма*; нельз понять обстоятельствъ, которыя могли бы принудить не имѣющі ни формы, ни плана, силы соединить простыя тѣла въ формы орга низма, — поэтому они должны быть *вѣчны*. Должно съ увѣренностью ожидать времени, когда устарѣютъ вопросы: *должно ли держаться Моисеевой исторіи творенія*, *или геологической космогоніи нептун низма*, *или вулканизма*, — *а будутъ* только спрашивать: *имѣлъ ли міръ начало*, *или существовалъ всегда*? Итакъ ясно, что *Кюльбе* приписываетъ абсолютныя качества всѣмъ формамъ настоящаго планетнаго существованія, особенно же атомамъ вещества.

Фридрихъ Моръ стоитъ на той-же точкѣ зрѣнія, какъ и *Кюльбе* съ небольшими и не важными здѣсь для насъ оттѣнками различія Но космогонія *Фридриха Мора* болѣе научна и не-столько странно догматична, сколько теорія *Кюльбе*. Вотъ собственныя выраженія *Фридриха Мора*: «образованіе извести происходило въ-теченіи *без конечнаго времени*, никогда не прекращалось и будетъ происходить *вѣчно*. Условія образованія извести *вѣчны*. Формы животныхъ измѣ няются *вѣчно*. Разрушеніе горъ механическими силами — *вѣчный*

икогда не прекращающійся, процессъ: здѣсь имѣетъ мѣсто *вѣчный* руговоротъ. Въ нескончаемомъ обновленіи земли состоитъ *ея вѣковѣчность*; растенія существовали на землѣ вседа, т. е. *вѣчно*. Въ-отношеніи къ земнымъ переворотамъ, время перестало имѣть особое значеніе: *то, что происходитъ всегда, не имѣетъ времени. Вопросъ о происхожденіи вселенной и о томъ, было ли время, когда міръ не существовалъ, не можетъ быть рѣшенъ; даже попытки къ его рѣшенію невозможны.* *Канто-Лапласова* теорія, допускавшая происхожденіе вселенной изъ первобытнаго тумана, — допускавшая паробразный шаръ, выдававшійся поперечникомъ за орбиту самой крайней планеты солнечной системы, имѣвшій чрезвычайно высокую температуру, вслѣдствіе выдѣленія теплоты, сгущавшійся въ чечевицеобразную форму, отдѣлившій особыя туманныя массы, которыя сгустились въ обособленныя планеты, съ ихъ лунами и кольцами,—шаръ, начавшій свое движеніе вслѣдствіе взаимнаго притяженія частицъ,—такая теорія не можетъ быть принята по тому, что а) газообразное состояніе углерода, силиція, платины, иридія и другихъ трудно-плавкихъ тѣлъ никоимъ образомъ не допускается, — б) вещества никогда не могли оставаться на мѣстѣ, не вступая между собою въ соединенія, — в) то достовѣрно извѣстный фактъ, что земля никогда не была въ расплавленномъ состояніи, — г) главное же основаніе, по которому *Моръ* не желаетъ допустить *Канто-Лапласову* теорію, заключается въ томъ, что состояніе міра, предполагаемое этою теоріею, *есть нѣчто происходящее во времени*, слѣдовательно, и происшедшее во времени; а раньше его должно было быть другое. Отсюда, разсуждаетъ *Моръ*, мы неизбѣжно вступаемъ въ цѣлый рядъ измѣненій, начала которыхъ не можемъ открыть. *Нынѣшняя солнечная система, какъ форма вещества, независимо отъ вѣчности матеріи, преходяща и произошла во времени, но, вслѣдствіе какихъ процессовъ, мы не можемъ даже догадываться: вопросъ о началѣ вещей для насъ неразрѣшимъ.* Вся же, въ совокупности, *вселенная*, по *Мору, безконечна въ-отношеніи какъ къ пространству, такъ и къ времени*, — къ пространству — по тому, что міры уплотились бы вмѣстѣ, вслѣдствіе тяготѣнія, если-бы каждый изъ нихъ не имѣлъ своихъ новыхъ притяженій, противодѣйствующихъ тяготѣнію въ одномъ направленіи. *Конечное количество*, отдѣляющихъ свѣтъ и теплоту, солнцевъ должно было бы, со временемъ, охладиться и померкнуть, еслибы эти солнца каждую минуту не получали столько-же лучей, сколько высылаютъ; а это возможно только при

томъ условіи, что нѣтъ ни одного луча, который, въ концѣ концовъ не попадалъ бы на какое-нибудь солнце. Разстоянія, равныя разстоянію Сиріуса отъ солнца, не могутъ служить мѣриломъ пространства: если-бы *между солнцемъ и Сиріусомъ мы вставили еще тысячи солнцевъ, то этимъ не увеличили бы безконечнаго числа свѣтилъ въ пространствѣ*, потому-что *безконечность не увеличивается отъ прибавленія конечной величины. Вселенная есть единственная безконечная величина, какая только существуетъ; въ понятіи же безконечности существуетъ возможность и необходимость вѣчности.* Что, однакожъ, во вселенной вѣчно? Ужели всѣ части ея вѣчны? — Нѣтъ, отвѣчаетъ *Моръ*. Что получило начало во времени, то можетъ имѣть конецъ: солнечныя системы, части міра, горы, рѣки, живыя существа суть только формы бытія и, въ этомъ смыслѣ, преходящи. Что же собственно не преходяще? Химія, — отвѣчаетъ на это *Моръ*, — говоритъ намъ, что вещество не исчезаетъ и не образуется вновь. Физика учитъ, что ни одна сила не пропадаетъ, ни одна не появляется вновь. *Существующій теперь безконечный запасъ вещества и силы не можетъ быть ни увеличенъ, ни уменьшенъ, никакими процессами.* Откуда же произошли самыя вещество и сила? Отвѣтъ: *въ нихъ самихъ заключается причина ихъ бытія. По законамъ разума, необходимо заключеніе,* — утверждаетъ *Моръ*, — *что не могущее прейти во времени не можетъ и произойти во времени. Первоначальная причина не имѣетъ своей причины. Иначе она не была бы первоначальною.* Съ этой точки зрѣнія, существованіе міра обезпечено на-вѣки. Во вселенной, въ данную минуту, относя какое-нибудь дѣйствіе къ его причинѣ, мы находимъ, что эта причина сама есть дѣйствіе другой причины и встрѣчаемъ, такимъ образомъ, *безконечный рядъ, начала котораго не видимъ.* Здѣсь представляется испытующему духу *безконечность бытія и въ прошломъ, и въ будущемъ*, потому-что ни одна изъ настоящихъ причинъ не можетъ исчезнуть, безъ произведенія дѣйствія, которое само, въ свою очередь, становится началомъ безконечнаго ряда другихъ дѣйствій. *Время и пространство суть формы мышленія, родившіяся въ умѣ человѣка. Внѣ насъ нѣтъ различія въ наполненіи и измѣненіи пространства*, потому-что все находится въ постоянномъ преобразованіи. *Ограниченность нашихъ чувствъ* не открываетъ намъ *вѣчныхъ* преобразованій и тѣмъ вводитъ насъ *въ ошибочное предположеніе, будто отдѣльныя формы и движенія* ограничены пространствомъ и временемъ». Такимъ об-

разомъ, *Фридрихъ Моръ* приписываетъ вѣчныя абсолютныя свойства всѣмъ формамъ бытія, которыя вращаются въ вѣчномъ процессѣ, въ вѣчномъ круговоротѣ; по-преимуществу же, вѣчныя самобытныя свойства усвояются, у *Мора*, силѣ и веществу. Но, и изъ этихъ двухъ данныхъ, коренное абсолютное, у *Мора*, есть вещество: «ни одна сила не можетъ существовать безъ субстрата», — выражается онъ, — «а такимъ является вѣсомое вещество». Итакъ, субстратомъ силы является у *Мора* вещество, а силы—только проявленія своего *абсолютнаго субстрата*. Атомистическую же теорію *Фридрихъ Моръ* отвергаетъ.

Г) Конечно, гораздо труднѣе доказать, что и *позитивизмъ приписываетъ чему бы то ни было реальному абсолютныя свойства*, когда онъ самое реальное смѣшиваетъ съ состояніями нашего духа, избѣгая, съ крайнею осмотрительностью, догматическихъ приговоровъ, на которые такъ не скупится матеріализмъ. Тѣмъ не менѣе, и у позитивистовъ мы не отчаяваемся отыскать *единое абсолютное*, для чего требуется нѣкоторыя основоположенія позитивизма снести вмѣстѣ изъ разныхъ мѣстъ и поставить въ строго-логичную послѣдовательность. Возьмемъ эти основоположенія изъ сочиненій Д. *С. Милля*.

Мы видѣли уже, что положеніе *о неуничтожимости матеріи Д. С. Милль признаетъ* «за всеобщую истину, оказавшуюся и по опыту такою-же». Такимъ образомъ, съ перваго-же раза, оказывается у *Д. С. Милля* реальный предметъ съ абсолютнымъ свойствомъ,— *неуничтожаемая матерія*, иначе сказать, — *вѣчная*.

«*Порядокъ природы единообразенъ*;—это положеніе составляетъ основный законъ»,—разсуждаетъ *Д. С. Милль* [1]),—«или общую аксіому наведенія. Принципъ *единообразія порядка природы* оказывается конечною большею посылкою всѣхъ наведеній» [2]). А это значитъ тоже самое, что выше мы читали у *Струве*, что «въ умѣ каждаго естествоиспытателя признается истиннымъ то понятіе о природѣ, по которому она представляется ему, какъ одно гармоническое цѣлое»,— что «естествоиспытатель убѣжденъ въ *неизмѣнности* законовъ природы,—что человѣкъ можетъ представить себѣ все существующее не иначе, какъ въ-видѣ одного цѣлаго,—и это *единство бытія есть сущность его*» и т. д. Такимъ образомъ, мы отыскали у *Д. С. Милля реальный предметъ съ двумя, по меньшей мѣрѣ, абсолютными свойствами: вѣчную, неуничтожаемую матерію, съ неизмѣннымъ единообразіемъ законовъ природы, которое составляетъ единый основный законъ всякаго наведенія, иначе сказать,—всякаго познанія.*

---

[1]) Лог. 1,367. [2]) 358.

«При созерцаніи единообразія въ порядкѣ природы»,—разсуждаетъ *Д. С. Милль*,—«однимъ изъ первыхъ наблюденій является то, что единобразіе есть, собственно, не одно единообразіе, а нѣсколько единообразій. Порядокъ природы вообще постояненъ, потому-что постояненъ ходъ каждаго изъ составляющихъ его явленій. Изъ этихъ отдѣльныхъ нитей, связывающихъ части великаго цѣлаго, называемаго природою, *неизбѣжно образуется общая ткань, сдерживающая это цѣлое*. Такъ происходитъ общій характеръ правильности, который, вмѣстѣ съ безконечнымъ разнообразіемъ и среди его [1]), проникаетъ всю природу. По этому, *единообразіе въ порядкѣ природы само есть фактъ сложный, состоящій изъ всѣхъ отдѣльныхъ единообразій*, называемыхъ *законами природы*». Эти слова, которыми какъ-будто уничтожается вышесказанное о перво-основномъ единообразіи природы, не должны преждевременно пугать насъ.

«При попыткѣ [2]) открыть общій порядокъ природы», — продолжаетъ разсуждать *Д. С. Милль*, — «обнаруживая частный порядокъ, въ которомъ совершается каждое изъ его явленій, самый научный процессъ можетъ быть лишь усовершенствованною формою того процесса, которому слѣдовалъ человѣческій умъ первоначально, еще не руководимый наукою. Многія изъ существующихъ между явленіями единообразій такъ постоянны и такъ ясны для наблюденія, что *усматриваются невольно*. Первые научные изслѣдователи *предположили подобныя истины извѣстными и отъ нихъ исходили для открытія другихъ истинъ*, которыя были неизвѣстны. Невозможно и нынѣ [3]) построить какой-либо научный методъ наведенія, или какое-либо испытаніе правильности наведеній, иначе, какъ на предположеніи, что *нѣкоторыя, заслуживающія вѣры, наведенія уже сдѣланы*. Этотъ способъ исправлять одно обобщеніе другимъ, тѣснѣйшее болѣе широкимъ, способъ, который предлагается и принимается здоровымъ смысломъ на практикѣ, есть дѣйствительный типъ научнаго наведенія. Поэтому, непремѣннымъ основаніемъ [4]) научной формулы наведенія долженъ быть обзоръ *наведеній, къ которымъ человѣчество пришло не научнымъ процессомъ*. Спеціальная цѣль этого обзора должна состоять въ томъ, чтобы открыть, *какіе виды единообразій были найдены совершенно неизмѣнными, проникающими всю природу*, и какіе оказались измѣняющимися, по различію времени, мѣста и другихъ обстоятельствъ».—Это значитъ, что познаніе было бы невозможно, еслибы человѣчество не признавало какія-либо истины за общія аксіомы,—если-бы не приписывало *чему-либо въ природѣ совершенно неизмѣнныя, безусловно-всеобщія, абсолютныя свойства*.

«*Такія единообразія*»,—разсуждаетъ далѣе *Д. С. Милль*, — «о которыхъ удостовѣрились [5]), что онѣ существуютъ въ природѣ, которыя, въ мѣрѣ достовѣрности, требуемой всѣми человѣческими цѣлями, могутъ быть признаны *совершенно достовѣрными и вполнѣ всеобщими, такія достовѣрныя и всеобщія наведенія существуютъ*. Всѣ явленія природы [6]) стоятъ одно къ другому въ двухъ различныхъ отношеніяхъ: одновременности и послѣдовательности. Изъ единообразій, существующихъ между одновременными явленіями, наиболѣе важны *законы чиселъ*, а за ними *законы пространства*. Въ законахъ чиселъ и пространства [7]) мы, самымъ несомнѣннымъ образомъ, признаемъ искомую нами *всеобщность*. Во всѣ времена эти

[1]) 365—366. [2]) 369. [3]) 370. [4]) 371. [5]) 373. [6]) 374 [7]) 375.

законы были типомъ достовѣрности; ихъ *неизмѣнность* до того совершенна, что дѣлаетъ насъ неспособными даже представить себѣ какое-либо исключеніе изъ этихъ законовъ. Но изъ законовъ пространства и чиселъ нельзя вывести ничего, кромѣ законовъ пространства и чиселъ. Изъ всѣхъ истинъ, касающихся явленій, наиболѣе важны для насъ тѣ, которыя касаются порядка въ послѣдовательности явленій. Изъ всѣхъ единообразій въ послѣдовательности явленій [1]), только *одинъ законъ строго неопровержимъ и всеобщъ, это законъ связи причины съ слѣдствіемъ*: истина, что каждый фактъ, имѣющій начало, имѣетъ и причину, распространяется на всю человѣческую опытность». *Д. С. Милль* не хочетъ, однако-жъ, доводить анализъ умственныхъ явленій до того крайняго предѣла, который одинъ долженъ бы удовлетворить метафизика. Говоря о причинѣ какого-либо явленія, *Д. С. Милль* не хочетъ разумѣть причину, которая сама не была бы явленіе,—не ищетъ конечной или онтологической причины чего-либо, причины дѣятельной, какого-либо дѣятеля, давшаго начало вещи или дѣйствію. Однакожъ, можемъ мы сказать, не ища находитъ.

«Между явленіями [2]), существующими въ какое-либо мгновеніе»,—разсуждаетъ онъ-же, — «и явленіями, существующими въ наступающее за тѣмъ мгновеніе, есть неизмѣнный порядокъ послѣдовательности, и *ткань общаго единообразія въ порядкѣ природы состоитъ изъ отдѣльныхъ нитей*. Каковъ бы ни былъ фактъ, если онъ началъ существовать, то былъ предшествуемъ какимъ-либо фактомъ, или какими-либо фактами, съ которыми онъ неизмѣнно связанъ. Соотвѣтственно каждому событію, существуетъ какое-либо сопряженіе предметовъ, или событій, какая-либо данная совокупность обстоятельствъ, положительныхъ и отрицательныхъ, наступленіе которыхъ всегда сопровождается этимъ явленіемъ. *Отъ всеобщности этой истины зависитъ возможность подвести индуктивный процессъ подъ правила. Несомнѣнная увѣренность наша въ томъ, что есть законъ, который слѣдуетъ открыть въ явленіяхъ, лишь-бы мы знали, какъ открыть его*, составляетъ источникъ, изъ котораго почерпаютъ свою силу индукціи. И, такъ, говоря философски, *причина есть сумма всѣхъ условій, положительныхъ и отрицательныхъ, взятыхъ вмѣстѣ* [3]), *наступленіе которыхъ неизмѣнно сопровождается слѣдствіемъ. Понятіе о причинѣ обнимаетъ идею необходимости.* Если же есть смыслъ, принадлежащій, по всеобщему признанію, слову *необходимость*, то это именно *безусловность*» [4]). Такимъ образомъ, *Д. С. Милль* самъ довелъ насъ до *необходимости или безусловности причины* вообще, хотя пока и не объясняетъ, какую именно причину можно признать необходимою, до безусловности. Всякую вторую и послѣдующія причины признать безусловными, очевидно, нельзя, потому-что послѣдующія условливаются своими предыдущими, а вторыя причины условливаются первыми, одною, или многими. Послѣдуемъ, однакожъ, за *Д. С. Миллемъ*; не выяснитъ ли самъ онъ этой дистинкціи между первыми и послѣдующими причинами.

«Изысканіе причинъ»,—продолжаетъ онъ [5]),—«какія могутъ быть открыты человѣческими способностями, именно причинъ, которыя сами суть явленія, есть только изысканіе другихъ, *болѣе общихъ, законовъ или причинъ явленій*. Постоян-

[1]) 377. [2]) 379. [3]) 385. [4]) 392. [5]) 399.

ныя причины не всегда бываютъ предметы, но иногда событія, т. е. періодическія совпаденія событій. Наприм., не-только самая земля есть постоянная причына, но и вращеніе земли точно такой-же дѣятель. Вращеніе земли есть причина, которая, съ самаго ранняго періода, производила послѣдовательность дня и ночи, морской приливъ и отливъ и другія явленія, *и такъ-какъ мы не можемъ указать причину самаго вращенія* (*развѣ только предположительно*), то и оно можетъ быть причисляемо *къ первымъ причинамъ*. Однакожъ для насъ [1]) остается тайною лишь происхожденіе вращенія; но, разъ начавшись, вращеніе уже объяснимо *первымъ закономъ движенія* (постоянствомъ однажды сообщеннаго прямолинейнаго движенія), въ связи со взаимнымъ тяготѣніемъ частей земли». Итакъ, самъ *Д. С. Милль* во вращеніи земли уже указываетъ намъ *одну изъ первыхъ причинъ*; отказывается онъ только указать первѣйшую причину самой этой первой причины, хотя и увѣренъ въ происхожденіи вращенія, увѣренъ въ томъ, что оно имѣло впереди свою причину, которую потому и можно указать и указываютъ, хотя только предположительно.

«*За исключеніемъ же первыхъ причинъ*»,—слѣдуемъ дальше за *Д. С. Миллемъ*,— «рѣшительно всѣ явленія, которыя начинаютъ существовать, суть или *непосредственныя, или отдаленныя дѣйствія этихъ первыхъ фактовъ* (*первыхъ причинъ*), или какой-либо ихъ совокупности. Во всей извѣстной намъ вселенной нѣтъ ни одной произведенной вещи, ни одного наступающаго событія, которыя бы не были связаны, единообраіемъ, или неизмѣнною послѣдовательностію, съ какимъ-либо однимъ, или нѣсколькими предшествовавшими явленіями. Въ свою очередь, эти предшествующія явленія, подобнымъ-же образомъ, связаны съ нѣкоторыми предшествовавшими имъ, и *такъ далѣе, пока мы не достигнемъ, какъ послѣдней, доступной намъ, ступени, свойствъ какой-либо первой причины, или совокупности нѣсколькихъ первыхъ причинъ*». Здѣсь все еще онъ толкуетъ о *нѣсколькихъ первыхъ причинахъ*, спрашивается, признаетъ ли онъ *необходимою за ними причину первѣйшую, единую, безконечную?* Послѣдуемъ за нимъ далѣе.

«Итакъ», разсуждаетъ *Д. С. Милль*, «всѣ явленія природы суть необходимыя или, другими словами, *безусловныя послѣдствія какого-либо болѣе ранняго совпаденія постоянныхъ причинъ. Состояніе всего міра, въ данную минуту, мы признаемъ послѣдствіемъ его состоянія въ предшествовавшее мгновеніе.* Все случающееся опредѣляется [2]) законами связи причины съ слѣдствіемъ и сопряженіями *первыхъ причинъ*. Ближайшія причины суть дѣйствія болѣе раннихъ причинъ, а эти вытекаютъ изъ другихъ, и *такъ далѣе, пока мы не достигнемъ первыхъ причинъ*. Сосуществованія явленій никогда не могутъ быть всеобщи, развѣ *еслибъ сосуществованія первыхъ причинъ могли быть сведены на всеобщій законъ. Единственныя независимыя и безусловныя сосуществованія*, достаточно неизмѣнныя для того, чтобъ имѣть притязаніе на значеніе законовъ, *бываютъ между дѣйствіями одной и той-же причины*, или, другими словами, *между различными свойствами одного и того-же естественнаго дѣятеля*». Итакъ, *Д. С. Милль* самъ заговорилъ объ одномъ и томъ-же *примитивномъ* естественномъ дѣятелѣ, объ одной и той-же причинѣ *первѣйшей*, которой различныя свой-

[1]) 400. [2]) 401.

ства, или дѣйствія, оказываются единственными независимыми, безусловными со-существованіями, достаточно неизмѣнными *для того, чтобъ онѣ могли быть сведены на всеобщій законъ*, но заговорилъ какъ-то гипотетически, не желая сказать лишняго противъ своего строгаго позитивизма. Вопросъ заключается въ томъ, *признаетъ ли онъ не-только необходимымъ, но и дѣйствительнымъ бытіе такого единаго, высшаго дѣятеля, такой безусловной первопричины?*

Сведеніе первыхъ причинъ на одинъ всеобщій законъ или,—что тоже,—на одну безусловную причину *Д. С. Милль* называетъ неисполнимымъ [1]). Но, въ тоже время, самъ-же онъ называетъ «переходящимъ изъ состоянія гипотезы въ состояніе философскаго положенія» ученіе, которое признаетъ силу одинаково неуничтожимою съ веществомъ, совокупно съ теоріею *Грове о соотношеніи физическихъ силъ*,—теоріею, по которой всѣ физическія силы суть не-столько причины одна другой, сколько обратимы одна въ другую, будучи формами *одной и той-же силы*, видоизмѣняющейся лишь въ своихъ внѣшнихъ проявленіяхъ [2]). Онъ-же, *Д. С. Милль*, высказываетъ мысль, что многіе изъ самыхъ общихъ законовъ природы еще никому не приходили въ голову, что открытія этихъ законовъ нужно еще ждать въ будущемъ; значитъ, — они могутъ быть открыты, а когда откроются, они окажутся общи до того, что тогда наука, вовсе переставъ быть индуктивною, сдѣлается вполнѣ дедуктивною, выводною *изъ самаго общаго основоположенія или закона*. *Д. С. Милль* указываетъ даже, откуда долженъ вытти этотъ законъ: по его словамъ [3]), «этотъ всеобщій законъ, представляющій собою законъ всеобщей причинности, долженъ вытти изъ области математики» [4]).

Такимъ образомъ, *Д. С. Милль* признаетъ бытіе *неуничтожимой вѣчной матеріи, неуничтожимой единой силы и единаго всеобщаго закона*, который завѣдомо дѣйствуетъ уже и теперь, но который мы пока еще не открыли вполнѣ, хотя и надѣемся открыть.

Д. С. Милль и позитивизмъ не отрицаютъ даже идеи *единаго Творца вселенной*. «*О. Контъ* говоритъ»,—пишетъ *Д. С. Милль* [5]),—«что гипотеза *преднамѣренности въ твореніи* гораздо вѣроятнѣе, чѣмъ гипотеза слѣпаго механизма. «Дѣйствительно»,—подтверждаетъ *Д. С. Милль*,—«положительный пріемъ мышленія не является необходимымъ отрицаніемъ всего сверхъ-естественнаго. *Если вселенная имѣла начало*, то, по самымъ условіямъ этого случая, оно было *сверхъ-естественное*, въ томъ смыслѣ, что *законы природы не могутъ дать отвѣта касательно своего собственнаго происхожденія*. Положительная философія утверждаетъ [6]), что внутри существующаго строя вселенной, или, лучше сказать,—той части ея, которая извѣстна намъ, непосредственно опредѣляющая причина каждаго явленія всегда естественна, а не сверхъ-естественна. Съ этимъ, однакожъ, вполнѣ примиримо вѣрованіе, что *вселенная создана и сознательно управляется разумомъ*, лишь-только мы допустимъ, что *разумный правитель вселенной придерживается опредѣленныхъ законовъ*, которые только видоизмѣняются, или парализуются другими законами той-же самой природы, а не нарушаются, ни по капризу, ни по̀ предусмотрѣнію».

---

[1]) 402. [2]) 502 — 504. [3]) «О. Контъ и позитивизмъ». [4]) 54. [5]) Тамже, 15. [6]) 16.

*

Единство разумной воли въ природѣ *Д. С. Милль* не-только не отрицаетъ, но даже подтверждаетъ обще-признанными человѣчествомъ фактами обнаруженій этого единства въ природѣ. По его словамъ, хотя идея о единствѣ въ природѣ [1]), необходимо предполагаемая признаніемъ для вселенной единой воли, далеко не прирождена человѣку, такъ-какъ всѣ очевидности гораздо скорѣе наводятъ на ту мысль, что природа управляется многими противодѣйствующими началами, однакожъ, по мѣрѣ того, какъ *непреложные законы явленій представлялись наблюденію*, обозначалась все болѣе и болѣе и теорія, приписывающая ихъ единой волѣ, такъ-какъ стало представляться болѣе и болѣе вѣроятнымъ, что *неизмѣнность есть общее правило всей природы*. Ко времени христіанской эры, съ идеей о *безусловно-неизмѣнныхъ законахъ* освоила мыслящихъ людей изумительная высота, на которую къ тому времени уже поднята была *геометрія*. Аристотелевъ логическій анализъ умственныхъ процессовъ обнаружилъ *подобное-же единство законовъ и въ области духа*. Въ конкретномъ внѣшнемъ мірѣ, въ высшей степени поражающія явленія небесныхъ тѣлъ, оказалось, совершаются въ самомъ правильномъ порядкѣ [2]). Правда, подобная степень правильности не была еще обнаружена во всѣхъ естественныхъ явленіяхъ вообще; но даже самое грубое эмпирическое наблюденіе указывало *множество случаевъ единства почти помалу*. Когда мысль, что устройство каждой части въ природѣ было такъ или иначе опредѣлено еще въ началѣ и что все продолжаетъ совершаться, какъ было опредѣлено, сдѣлалась господствующею, то возникла поразительная картина единства, разлитаго по всей природѣ и ведущаго къ заключенію, что все это—дѣло одной руки, а не многихъ. Гораздо вѣроятнѣе должно было казаться, что *существуетъ одинъ, безпредѣльный, предвидящій разумъ и одна непреложная воля*; а не сотни и тысячи ихъ. Правда, философы того стараго времени не имѣли доказательствъ, обоснованныхъ на *общихъ законахъ, существованія которыхъ тогда и не подозрѣвали*; но и для нихъ было уже очевидно множество *аналогій и совпаденій въ явленіяхъ природы, намекавшихъ на единство плана, и тѣмъ больше сходства обнаруживалось между различными процессами природы, чѣмъ обширнѣе становился опытъ*» [3]).

Наконецъ, еще вопросъ: имѣла ли, по *Д. С. Миллю*, вселенная начало? Очевидно, имѣла, такъ-какъ онъ принимаетъ, въ существенныхъ чертахъ, теорію *Лапласа* и говоритъ [4]), что «знаменитое умозрѣніе *Лапласа* относительно происхожденія земли и планетъ *существенно подходитъ подъ строго-индуктивный характеръ* новой геологической теоріи». Даже болѣе того; «строго говоря, въ теоріи Лапласа нѣтъ ничего гипотетическаго; она есть примѣръ законнаго умозаключенія, отъ настоящаго дѣйствія *къ возможной прежней причинѣ*, согласно извѣстнымъ законамъ этой причины». Слѣдовательно, мы имѣемъ право переставить собственныя, выше приведенныя, слова самаго *Д. С. Милля:* «вселенная имѣла начало», по крайней мѣрѣ на-столько, на-сколько допускаетъ это теорія *Лапласа*, которая нуждается, по меньшей мѣрѣ, во внѣшнемъ сверхъ-естественномъ толчкѣ, чтобы привести атомы неорганизованной матеріи въ первоначальное движеніе; слѣдовательно, «начало вселенной, по *Миллю*, было сверхъ-естественное», такъ-какъ

---

[1]) 22. [2]) 26. [3]) 28. [4]) Лог. 11, 27.

законы природы, по *Миллю*, «не могутъ дать отвѣта касательно своего собственнаго происхожденія»; слѣдовательно, такъ заключаетъ самъ-же *Милль*,—«существовалъ самобытный, премірный дѣятель, абсолютная первопричина, въ разумномъ хотѣніи которой лежитъ единый всеобщій законъ бытія».

Итакъ, *Д. С. Милль*, какъ и вообще позитивная философія, признаетъ *единаго, высшаго, абсолютнаго дѣятеля, единую первопричину въ вѣчной, неуничтожимой матеріи или первоосновной силѣ, которая можетъ быть даже единымъ высочайшимъ разумомъ*, лишь-бы этотъ разумъ, сверхъ-естественнымъ свободнымъ вмѣшательствомъ, не нарушалъ разъ на всегда установленный имъ, единый всеобщій законъ бытія.

ГЛАВА XLIX.

Далѣе намъ необходимо свести въ одинъ обзоръ тѣ факты, какими естествовѣденіе и позитивизмъ подтверждаютъ бытіе абсолюта. Мы далеки отъ мысли, что исчерпали всѣ такіе факты. Однакожъ полагаемъ, что изъ приведенныхъ нами данныхъ можно составить очеркъ весьма близкій, до тожественности близкій, къ вышепредставленному нами математико-метафизическому очерку абсолюта.

1) *Неосновательна попытка* нѣкоторыхъ древнихъ и новѣйшихъ мыслителей *найти много абсолютовъ*, такое количество абсолютовъ, сколько есть *атомовъ*. Метафизически невѣрная, эта идея, несмотря на всѣ усилія новѣйшихъ атомистовъ подкрѣпить ее физико-химическими опытами, оказывалась тѣмъ болѣе несостоятельною, чѣмъ больше накоплялось этихъ опытовъ. Можно считать окончательно рѣшеннымъ, что абсолютная непроницаемость невозможна, — что каждый атомъ есть сложный міръ и состоитъ изъ безпредѣльнаго количества частей,—что атомы представляютъ въ себѣ бытія не абсолютно обособленныя и изолированныя, которыя давали бы жизнь всему только своею суммою, механическимъ или химическимъ своимъ смѣшеніемъ, производимымъ стороннею дѣятельною силою; напротивъ того, суть бытія живыя, которыя тысячеобразно сливаются, распадаются, превращаются, входятъ своимъ, и цѣльнымъ, и раздробленнымъ на части, составомъ въ безпредѣльное количество сочетаній,— бытія, которыя корнями своего собственнаго существованія упираются въ ультиматъ вещества, или, лучше сказать, въ первоисточникъ не-только матеріальнаго, но и всякаго бытія.

2) *Еще менѣе основательна попытка* нѣкоторыхъ самоновѣйшихъ мыслителей найти также *многое множество абсолютовъ въ разнородныхъ формахъ настоящаго міроваго бытія*, въ солнцахъ, въ планетахъ, въ разныхъ родахъ земныхъ существованій. Эта теорія, провозглашающая вѣчность отдѣльныхъ формъ бытія, ниже критики, тѣмъ болѣе, что и сами проповѣдники ея, хотя и считаютъ себя уполномоченными отодвигать начало вещей въ безбрежную даль вѣковъ, однакожъ вынуждены сознаться, что формы вещей, происшедшія во времени, должны имѣть свое временное начало, вслѣдствіе чего и подкладываютъ подъ преходящія формы бытія или безмѣрное количество абсолютовъ, въ-видѣ тѣхъ-же атомовъ, какъ дѣлаетъ это *Кюльбе*, или единый абсолютъ, въ-видѣ вещества, субстрата силы, т. е. въ видѣ выше названнаго ультимата или первопричины бытія, какъ дѣлаетъ это *Фридрихъ Моръ*.

3) *Этотъ ультиматъ долженъ быть бытіе несложное.* По приговору химіи, это не есть какой-либо вещественный элементъ, въ-родѣ водорода или кислорода, какъ извѣстныхъ газовъ, или углерода, какъ угля, такъ-какъ водородъ, кислородъ и углеродъ, какъ чистые элементы, суть скорѣе отвлеченныя понятія о веществѣ, чѣмъ тѣла, и въ опытѣ, какъ тѣла, никогда не получаются. Въ опытѣ они имѣются какъ тѣла сложныя, сложенныя изъ молекулъ или атомовъ, которыхъ дальнѣйшія части не всегда бываютъ однородны, и получаются всегда не иначе, какъ съ разнообразною примѣсью невѣсомыхъ дѣятелей или силъ, которыми довольно существенно разнообразятся тѣла даже одного и тогоже состава, напримѣръ, уголь, алмазъ и графитъ, или кислородъ и озонъ, или сѣра разныхъ видовъ, фосфоръ разныхъ видовъ и т. д. А вотъ если-бы химія уловила хотя одинъ элементъ въ томъ чистомъ видѣ, въ какомъ является онъ въ чистомъ понятіи,—тогда можно было бы сказать, что химія открыла абсолютную основу вещества, или, по крайней мѣрѣ, близка къ этому. Но это, навѣрное, никогда не случится. Тѣмъ не менѣе, ни химія, ни физика, ни философія, самая позитивная и экспериментальная, не въ-состояніи сказать, что за углеродомъ, водородомъ, кислородомъ и другими элементами, какъ тѣлами, нѣтъ ничего, кромѣ разсудочнаго отвлеченія. Нѣтъ, физико-химическіе опыты и дедукція ведутъ къ непререкаемому заключенію, что подъ разнообразіемъ элементовъ, сложенныхъ изъ безконечнаго числа молекулъ, лежитъ реальная основа всего, не сложная, не состоящая изъ частей, слитная, цѣльная, сама въ себѣ

недѣлимая, такъ-какъ раздѣлить ее нельзя никакимъ, отличнымъ отъ нея въ родѣ, ингредіентомъ.

4) *Недѣлимая сама въ себѣ, эта основа бытія есть и единая*, единая не-только для всѣхъ земныхъ элементовъ, но и для всѣхъ міровъ вселенной. Къ настоящему времени уже достаточно выяснился для химиковъ тотъ фактъ, что всѣ элементы земнаго вещества суть превращенія другъ друга и видоизмѣненія одной и тойже основной матеріи. Достаточно выяснился, между физиками и астрономами, и другой фактъ, что земная атмосфера идетъ, въ неизвѣстной степени разрѣженія, въ безбрежную даль мірозданія, равно-какъ и тотъ фактъ, что въ составѣ плавающихъ въ небесномъ пространствѣ аэролитовъ, какъ и планетъ, и самаго солнца, и даже звѣздъ, находятся тѣже самыя элементарныя вещества, какія имѣются въ составѣ и земли, такъ что, до сихъ поръ, пока не открыто внѣ земли ни одного не земнаго элемента. Это единство непререкаемо подтверждено видимымъ единствомъ взаимнаго соотношенія между всѣми частями мірозданія, единствомъ физическихъ силъ свѣта, теплоты, элекричества, притяженія массъ, единствомъ міровыхъ законовъ, такъ поразительно проявляющимся во всеобщемъ законѣ тяготѣнія, который доказанъ теперь относительно даже неизмѣримо далекихъ отъ земли двойныхъ звѣздъ. Этотъ законъ міроваго единства, со всякихъ точекъ зрѣнія, до такой степени непререкаемъ въ настоящее время, что даетъ право самому крайнему позитивному философу, *Брауну*, утверждать очевидную и безспорную истину, что состояніе каждой изъ частичекъ нашего земнаго шара, въ ихъ относительныхъ тенденціяхъ тяготѣнія, безспорно, должно мгновенно измѣниться, вслѣдствіе разрушенія самаго отдаленнаго спутника самой отдаленной планеты нашей системы.

5) *Эта единая основа бытія есть, въ тоже время, и безконечная, безконечная сколько по пространству, сколько-же и по времени.* Не мы это говоримъ; но, какъ непреложный догматъ, какъ основную аксіому всякаго знанія, всякой науки, всего естествовѣдѣнія, утверждаетъ это такъ-называемая реально-позитивная наука. Такъ, по *Спенсеру*, неуничтожаемость матеріи оказывается абсолютнымъ единообразіемъ въ сферѣ нашего опыта. По *Д. С. Миллю*, аксіома неуничтожаемости матеріи и силы оказалась и по опыту истиннымъ закономъ природы. Въ «Вѣстникѣ Европы» (1873 г. Апрѣль), въ статьѣ: *предѣлы познанія природы*, мы читаемъ: «новѣйшею философіею природы даны основы, исходные пункты для изученія природы, которыми можетъ

удовлетвориться естествоиспытатель, не выходя изъ сферы реальнаго знанія. *Такими исходными пунктами служатъ законы вѣчности матеріи и силы, составляющіе основу всего естествознанія, безъ которыхъ оно не могло бы существовать*». По *Бюхнеру*, матерія безсмертна, какъ и сила, матерія безконечна въ великомъ и маломъ, матерія вѣчна въ прошедшемъ и будущемъ; законы природы вѣчны, неизмѣнны. По *Кюльбе*, не-только опытъ не представляетъ никакого основанія тому, чтобы матерія и пространство имѣли начало, могли измѣниться и разрушиться, но объ этомъ нельзя даже составить никакого понятія. По *Мору*, вопросъ о началѣ вещей неразрѣшимъ; вселенная безконечна въ-отношеніи какъ къ пространству, такъ и къ времени; вселенная есть единственная безконечная величина, какая только существуетъ; въ понятіи же безконечности заключается необходимость и вѣчности; существующій теперь безконечный запасъ вещества и силы не можетъ быть ни увеличенъ, ни уменьшенъ, никакими процессами; въ нихъ самихъ заключается причина ихъ бытія. По мнѣнію физиковъ, ограниченность вселенной была бы рѣшительнымъ препятствіемъ какъ къ осуществленію ея, такъ и къ продолженію существованія. Въ понятіи же о безконечности міровой основы, по времени и пространству, необходимо заключается и понятіе о неизмѣнности ея и самобытности.

6) Этой вѣчной, неизмѣнной, самобытной основѣ сущаго наименѣе пререкаемо приписывается значеніе *необходимой первопричины и сущности бытія*. Такъ, по *Г. Спенсеру*, мы приходимъ къ неуничтожимой силѣ, какъ *концу всѣхъ концовъ между научными идеями*. По *Струве*, необходимое единство бытія есть самая *сущность бытія*, которая заключаетъ въ себѣ, съ одной стороны, причины всѣхъ явленій, а съ другой, обусловливаетъ ихъ цѣль, есть *первоначальная причина* какъ всякаго единичнаго явленія, такъ и всѣхъ, взятыхъ въ совокупности, явленій. По *Страхову*, добираясь до *сущности вещества*, всѣ естествовѣды увѣрены, что добираются *до такой единой сущности, которая служитъ основою всего вещественнаго міра*. По *Бюхнеру*, помимо матеріи, нѣтъ другаго постояннаго, вѣчнаго и достойнаго своего имени начала; матерія есть всераждающая мать всего существующаго; матерія есть основное начало всего бытія. По *Фридриху Мору*, причина силы и вещества заключается въ нихъ самихъ; первоначальная причина не имѣетъ своей причины, иначе она не была бы первоначальною; во вселенной, относя, въ данную минуту, какое-либо дѣйствіе къ его

причинѣ, мы находимъ, что эта причина сама есть дѣйствіе другой причины, и встрѣчаемъ, такимъ образомъ, безконечный рядъ причинъ, начала котораго не видимъ. И по *Д. С. Миллю*, въ послѣдовательности явленій одинъ законъ строго неопровержимъ и всеобщъ,—это законъ связи причины съ слѣдствіемъ. Отъ всеобщности этой истины зависитъ возможность всего процесса нашего познанія. Во всей вселенной нѣтъ ни одной вещи, ни одного явленія, которыя не были бы связаны съ однимъ или нѣсколькими предшествовавшими явленіями. Въ свою очередь, эти предшествующія явленія связаны съ другими предшествовавшими имъ, и такъ далѣе, пока мы не достигнемъ, какъ послѣдней доступной намъ ступени, свойствъ какой-либо *первой причины*, или совокупности нѣсколькихъ первыхъ причинъ. Единственное же неизмѣнное, независимое и безусловное существованіе, имѣющее значеніе всеобщаго закона, можно приписать только одной и тойже *первопричинѣ*.

7) Вообще же этой первоосновѣ бытія современные естествовѣды приписываютъ всѣ *абсолютныя свойства*, выясняемыя *метафизикою*, или даже *математикою*. Такъ, по *Страхову*, величіе цѣлаго необъятнаго мірозданія отражается въ землѣ, въ которой вполнѣ выразилась сущность міра; и этимъ выражено метафизическое положеніе, что абсолютное заключается, всею своею цѣлостію, въ каждой о граниченной величинѣ (конечно, въ томъ смыслѣ, что все, какъ великое, такъ и малое въ природѣ, отражаетъ безконечныя качества абсолюта). По *Бюхнеру*, матерія есть *безусловное* и, какъ безусловное, объемлетъ собою всѣ формы и протяженія; какъ микроскопъ ведетъ насъ въ безконечно-малый міръ, такъ телескопъ въ безконечно-великій міръ. Привитыя нашему конечному понятію представленія о времени и пространствѣ не прилагаются къ матеріи; въ матеріи заключаются всѣ естественныя и духовныя силы, и въ ней только онѣ могутъ проявиться дѣйствительно; матерія есть нетолько *абсолютное*, но притомъ *единственно истинное абсолютное*, обладающее творчески-производительнымъ могуществомъ. По *Фридриху Мору*, *въ понятіи* безконечности заключаются и возможность, и необходимость вѣчности, равно-какъ, безъ сомнѣнія, и всѣхъ абсолютныхъ свойствъ. По *законамъ разума*, *необходимо заключеніе*, что не могущее прейти во времени не можетъ и произойти во времени; время и пространство суть формы мышленія, родившіяся *въ ограниченномъ умѣ человѣка; только ограниченность нашихъ чувствъ* вводитъ насъ въ ошибочное предположеніе, будто міровыя формы огра-

ничены пространствомъ и временемъ. Ограниченное количество солнцевъ должно было бы потухнутъ и положить конецъ всякому существованію; съ другой стороны, если бы между солнцемъ и Сиріусомъ мы вставили еще тысячи солнцевъ, то этимъ не увеличили бы безконечнаго числа свѣтилъ въ пространствѣ, потому-что *безконечность не увеличивается отъ прибавленія конечной величины; вселенная есть единственная безконечная величина, какая только существуетъ.* По словамъ *Лапласа*, земля мала въ-сравненіи съ безконечностью міроваго пространства. Но если-бы земля занимала даже все пространство солнечной системы, то и тогда она, по словамъ *Лапласа*, была бы незамѣтною точкою въ мірозданіи. По егоже словамъ, земля представляетъ недостаточно широкое основаніе для измѣренія небесъ; небеса неизмѣримы, и никакая мѣрка не была бы какъ-разъ въ-пору для ихъ измѣренія. По *Д. С. Миллю*, процессъ наведенія и всякаго дѣйствительнаго познанія возможенъ только тогда, если мы, по примѣру древнихъ, исходившихъ къ частнымъ положеніямъ, посредствомъ дедукціи отъ наиболѣе общихъ, аксіоматическихъ, абсолютныхъ положеній, предположимъ подобныя истины извѣстными и отъ нихъ будемъ исходить для открытія другихъ истинъ, которыя неизвѣстны. Нѣкоторые виды такихъ, признанныхъ за истинныя, сначала ненаучнымъ процессомъ, единообразій найдены совершенно неизмѣнными и всеобщими; и къ такимъ истинамъ принадлежатъ, во-первыхъ, математическіе законы чиселъ и пространства, а за тѣмъ метафизико-физическій законъ причины, который заключаетъ въ себѣ *идею необходимости и безусловности*, который безусловно-необходимо ведетъ нашу мысль къ единой, всеобъемлющей, безусловной первопричинѣ,— первопричинѣ, которой всеобъемлющія, неизмѣнныя, абсолютныя свойства составляютъ всеобщій законъ бытія. Этотъ всеобщій законъ пока еще не вполнѣ открытъ; но нужно надѣяться, что онъ будетъ открытъ и, по предположенію, *Д. С. Милля*, будетъ открытъ именно путемъ *математическимъ*, въ соединеніи математики, конечно, съ метафизикою, потому-что обѣ эти отрасли чистаго мышленія, какъ мы выше показали, въ послѣднихъ основахъ, граничатъ одна съ другою, до нераздѣльности, или до тожественности.

8) Въ абсолютной первопричинѣ и древніе греки видѣли, и новѣйшіе естествовѣды вынуждаются видѣть *съмянникъ всего бытія, въ которомъ пребываютъ съмена всѣхъ вещей, въ которомъ заключается не идеальная только, но и реальная потенція развитія всѣхъ*

формъ существованія. Такъ, *Бюхнеръ* утверждаетъ: матерія, какъ безусловное, объемлетъ собою всѣ формы и протяженія; сила и матерія, отъ вѣка, производили и вѣчно будутъ производить одну и туже сумму явленій,которую мы называемъ міромъ; матерія есть всераждающая и все опять въ себя принимающая мать всего существующаго. По *Мору*, во вселенной, относя (въ данную минуту) какое-нибудь дѣйствіе къ его причинѣ, мы находимъ, что эта причина сама есть дѣйствіе другой причины и встрѣчаемъ, такимъ образомъ, безконечный рядъ, начала котораго не видимъ, и, на оборотъ, ни одна изъ настоящихъ причинъ не можетъ исчезнуть безъ произведенія дѣйствія, которое само, въ свою очередь, становится началомъ безконечнаго ряда другихъ дѣйствій. По *Д. С. Миллю*, истина, что каждый фактъ, имѣющій начало, имѣетъ и причину, распространяется на всю человѣческую опытность; между явленіями, существующими въ какое-либо мгновеніе, и явленіями существующими въ наступающее затѣмъ мгновеніе, есть неизмѣнный порядокъ послѣдовательности: соотвѣтственно каждому событію, существуетъ какое-либо сопряженіе предметовъ или событій, какая-либо данная совокупность обстоятельствъ, наступленіе которыхъ сопровождается этимъ событіемъ; во всей извѣстной намъ вселенной, нѣтъ *ни одной* произведенной вещи, *ни одного* наступающаго событія, которыя не были бы связаны, единообразіемъ или неизмѣнною послѣдовательностію, съ какимъ-либо однимъ или нѣсколькими предшествовшими явленіями; въ свою очередь, эти предшествующія явленія, подобнымъ же образомъ, связаны съ другими предшествовавшими имъ и такъ далѣе, пока не достигнемъ, какъ послѣдней ступени, свойствъ первой причины. Итакъ, это общепризнанный законъ бытія, что во второмъ, послѣ первой причины, ряду событій могло обнаружиться только то, что было въ дѣйствительности, или въ реальной потенціи развитія, въ первой причинѣ; въ третьемъ ряду могло обнаружиться только то, что лежало въ дѣйствительномъ развитіи, или въ реальной потенціи развитія, во второмъ ряду причинъ и т. д., но никакъ не могло осуществиться что-либо такое, что не лежало, какъ реальная потенція, въ неисчерпаемой сокровищницѣ всякихъ потенцій, въ абсолютной первопричинѣ.

9) *Но кто-же, наконецъ, эта абсолютная первопричина? Вещество ли, или сила, или только чистая дѣятельность и притомъ дѣятельность разумная?*—Выходитъ, что въ ближайшемъ опредѣле-

ніи сущности абсолютнаго новѣйшіе естествовѣды затруднены не менѣе древнихъ философовъ. Впрочемъ, и всякую сущность, а тѣмъ болѣе сущность абсолютную уловить трудно, если только возможно, а потому о ней, о ея постиженіи, а тѣмъ болѣе, о ея опредѣленіи въ точныхъ понятіяхъ и выраженіяхъ не можетъ быть и рѣчи; относительно же свойствъ абсолютнаго полученные нами современно-научные выводы между собою согласны. И споръ ведется не болѣе, какъ только относительно разныхъ именъ абсолютнаго субстрата этихъ свойствъ. Матеріалистамъ угодно настаивать, что этотъ субстратъ есть именно вещество. Пусть будетъ и такъ. Но какое-же это вещество? Вещество, которое не имѣетъ вещественныхъ свойствъ, *вещество невещественное.* Самая матеріальная, самая экспериментальная, самая позитивная наука вынуждена, въ послѣднее время, отвлекать отъ этой первоосновы міра все матеріальное: оказывается, что первооснова бытія это не мертвая, не бездѣятельная, не сложная, не частичная, не дѣлимая масса. Состоя изъ дѣлимыхъ частей, которымъ абсолютная непроницаемость принадлежать не можетъ, безъ единаго и цѣльнаго субстрата, первооснова бытія или не была бы первоосновою, или была бы небытіе, ничтожество. А потому первооснова принимается какъ единая, живая, дѣятельная сила. Немыслимая же безъ субстрата, она порождаетъ необходимость мыслить ее субстратомъ самой себя, самобытною, чистою дѣятельностію, всемогущею, вѣчною, вездѣсущею, безконечною, неистощимою, неисчерпаемою ограниченными ея продуктами,—дѣятельностію, изъ которой, по признанію самихъ матеріалистовъ, развиваются не-только химическое сродство, или организація, но и принаровленіе къ цѣлямъ, даже инстинкты, нравственное чувство и разумъ. Самъ *Молешоттъ*, во вступительномъ чтеніи своего курса, въ *Туринѣ*, произнесъ слѣдующія знаменательная слова: «не думайте, чтобъ я былъ на-столько безразсуденъ, или слѣпъ, чтобъ отрицать существованіе *намѣреній и цѣлей* въ природѣ; всѣ тѣ, идеи которыхъ я раздѣляю, также *вовсе не отвергаютъ* τέλος, который они разгадываютъ, а иногда и ясно видятъ въ природѣ, вмѣстѣ съ Аристотелемъ». И по *Огюсту Конту*, гипотеза *преднамѣренности въ твореніи* гораздо вѣроятнѣе, чѣмъ гипотеза слѣпаго механизма. Дѣйствительно, положительный пріемъ мышленія, по словамъ *Д. С. Милля*, не является необходимымъ отрицаніемъ всего сверхъ-чувственнаго. Если вселенная имѣла начало, что, по теоріи *Лапласа*, несомнѣнно, то оно было сверхъ—чувственно; *съ позити-*

визмомъ вполнѣ примиримо вѣрованіе, что вселенная создана и сознательно управляется Разумомъ, лишь-только мы допустимъ, что разумный Правитель вселенной придерживается опредѣленныхъ законовъ. Итакъ, не споря съ матеріалистами, пантеистами и позитивистами объ именахъ абсолютной первопричины бытія, спиритуалисты должны только, какъ можно крѣпче, настаивать на слѣдующихъ, горячо отстаиваемыхъ матеріалистами, положеніяхъ, что «привитыя нашему конечному понятію представленія не прилагаются къ абсолютному»,—что «всякое ограниченіе абсолютнаго уничтожило бы возможность существованія міра»,—что «въ понятіи вѣчности абсолютнаго лежитъ возможность и необходимость его безконечности, самобытности и всякихъ другихъ абсолютныхъ свойствъ».

10) Очевидно, этотъ конечный выводъ всякихъ, какъ матеріалистическихъ, такъ и спиритуалистическихъ школъ провозглашаетъ тоже самое, что, въ свою пору, поставилъ началомъ своей пантеистической системы *Спиноза*, именно слѣдующее основоположеніе: «*то, что существуетъ само чрезъ себя, по необходимости, безконечно, не условлено, не ограниченони чѣмъ другимъ; данная конечная дѣйствительность необходимо предполагаетъ такую, существующую отъ себя, субстанцію: было бы противорѣчіе, если бы только конечное существовало, а безконечное не существовало, если бы существовали только вещи условныя и зависящія отъ другихъ, а не было бы того, что существуетъ само чрезъ себя*».

«Признать безконечную сущность или субстанцію,»—пишетъ *Лотце* [1]),—«нудитъ насъ каждый, даже скуднѣйшій, примѣръ взаимодѣйствія, каждый отдѣльный случай виновности, лишь-только мы захотимъ понять возможность переходнаго вліянія [2]). Вѣдь эта всеобщая сущность есть не-только просто міровая связь, не безучастный только мостъ, пролагающій дорогу для перехода дѣйствій отъ одного элемента къ другому, но вмѣстѣ и та опредѣлительная мощь, которая предначертываетъ каждому событію видъ и величину его послѣдствій, каждому отдѣльному существу—объемъ возможной для него дѣятельности, каждому изъ его проявленій—особенную форму. Ошибочно принимать способы дѣйствія, соблюдаемые вещами относительно другъ друга, за самопонятныя слѣдствія извѣстныхъ свойствъ, составляющихъ, разъ навсегда, ихъ особую природу, и думать, что можно вывести ихъ изъ содѣйствія данныхъ, въ каждомъ случаѣ, обстоятельствъ. Напротивъ того, чистосердечное и добросовѣстное размышленіе ведетъ насъ къ признанію того, что изъ однихъ этихъ посылокъ, какъ бы мы ни разлагали и опять ни слагали ихъ содержаніе, вовсе не выходятъ неизбѣжнымъ заключеніемъ тѣ дѣйствія, какія на дѣлѣ обнаруживаетъ опытъ, но что

[1]) «Микрокосмъ», Ч. I. [2]) 482.

невѣдомая мощь, какъ-бы сообразуясь съ чѣмъ-то, не встрѣчающимся намъ въ данныхъ напередъ условіяхъ, привязываетъ къ формѣ ихъ опредѣленную форму послѣдствія. *Эта тайная мощь есть безконечное, и то, съ чьмъ сообразуется оно при опредѣленіи послѣдствій, есть собственное его вездѣсущіе во всѣхъ конечныхъ элементахъ, которымъ міръ вяжется въ единство бытія* [1]). Въ круговоротѣ міра [2]), взаимодѣйствіе вещей должно зависѣть не-только въ своей возможности, но и въ формѣ своихъ результатовъ, отъ всеобщей, связывающей все, основы. Дѣйствуемое каждымъ элементомъ въ-частности возможно для него не какъ для частнаго, но лишь на-сколько этимъ частнымъ проявляется всеобщее [3]) и единственно лишь по тому, что въ частной формѣ его покоится безконечное, котораго вседержительная природа смыкаетъ признаки каждой вещи, готовая отстоять ихъ своею силой, или дать ихъ перемѣнѣ опредѣленное слѣдствіе. Такимъ образомъ, все конечное дѣйствуетъ въ-сущности только существенною мощью безконечнаго, лежащею и въ немъ. Каждый шагъ [4]) хода природы совершается только дѣйствующею и образовательною силою безконечнаго. Если, въ этомъ смыслѣ, мы сводимъ любой естественный процессъ на механическое сцѣпленіе,—то мы не думаемъ противопоставлять механизмъ безконечному, какъ независимую, или враждебную силу: въ механизмѣ мы видимъ только собственную дѣятельность безконечнаго,—ту дѣятельность, которая въ мірѣ явленій должна быть признана за исполнительницу цѣлей безконечнаго. *Можетъ, пожалуй, показаться, будто естествовѣденіе не нуждается въ безконечномъ, такъ-какъ оно о безконечномъ не говоритъ; а поверхностность нынѣшняго образованія готова думать, что безконечное ему и совсѣмъ не нужно, такъ-какъ, вдавшись въ мелочные переходы отъ конечнаго къ конечному, это полуобразованіе теряетъ изъ-виду начала ткани, въ клѣточки которой оно все погружено; но, на дѣлѣ всякое добросовѣстное размышленіе должно непремѣнно привести къ сознанію полной несамостоятельности всего хода природы.* И существованіе вещей, и особенности ихъ природы,—все это вмѣстѣ безъ-исключительно создано одною творческою силою [5]); всѣ дѣйствія и судьбы каждаго существа вращаются, съ самостоятельною какъ-будто необходимостію, въ предѣлахъ только тѣхъ законовъ, которые положила собственная послѣдовательность вѣчно-единаго. Всякій высшій, неизмѣннѣйшій, всеобщнѣйшій и необходимѣйшій законъ, какой бы ни представился намъ въ мірѣ [6]), есть лишь самонзбранное условіе, положенное единымъ творческимъ безконечнымъ въ основу своего вѣчнаго проявленія».

11) Ужели же и мы признаемъ *пантеистическое, или даже гилозоистическое абсолютное?*—Это уже другой вопросъ, вопросъ теологическій, который мы посильно разрѣшимъ, когда станемъ разъяснять позитивными данными бытіе личнаго Бога. Здѣсь же мы демонстрируемъ только бытіе абсолютное и, надѣемся, доказали, что I) *это бытіе есть бытіе не-только дѣйствительное, но и безусловно необходимое, бытіе не идеальное только, но и реальное,* къ которому ведутъ, своими особыми путями, химія, какъ къ первоосновному, про-

[1]) 483. [2]) 485. [3]) 486. [4]) 490. [5]) 492. [6]) 500.

стому, невещественному веществу, физика, какъ къ единой, первоначальной, никогда не дающейся въ опытѣ, силѣ, наконецъ, позитивная логика, какъ къ неизмѣнному всеобщему закону, абсолютной первопричинѣ и первоосновѣ не-только бытія, но и знанія, какъ и обратно,—не-только знанія, но и бытія,—что II) *это бытіе существуетъ независимо отъ доступныхъ нашему опыту явленій, такъ-какъ ни одно изъ этихъ явленій не есть абсолютное*, хотя каждое и коренится своими основаніями въ абсолютномъ; — III) *абсолютное бытіе не есть явленіе даже самое великое и всеобъемлющее, каковъ самый міръ, міръ не-только дѣйствительный, но и мысленный*, — такъ-какъ отъ абсолютнаго мы должны отбрасывать всякія ограниченія; а міръ не-только чувствуемый, но и, въ каждую минуту, мыслимый необходимо ограниченъ, потому-что, при самомъ быстромъ полетѣ нашей мысли въ безбрежную даль безконечнаго, по радіусамъ времени ли то, или пространства, или по какимъ бы то ни было другимъ, во всякую данную минуту этого полета, мы вынуждаемся полагать нашей мысли предѣлъ. Мысля даже, что дѣйствительный ограниченный міръ, во всѣ стороны безпредѣльности отъ даннаго пункта, какъ міроваго центра, по разъясненному нами математико-метафизическому закону ($1 = \infty \times 0$), осуществляется непрерывно быстрѣе полета нашей мысли, все-же и тогда мы вынуждаемся мыслить *осуществляемый міръ величиною ограниченною, а абсолютное бытіемъ безгранично неисчерпаемымъ и потому существенно отличнымъ отъ своего ограниченнаго продукта.*

ГЛАВА L.

Такимъ образомъ, мы получили два непреложно существующихъ бытія: *атомъ* и *абсолютъ*. А далѣе предстоитъ не легкая-же задача показать, *существуетъ ли что-либо въ мірѣ опыта кромѣ атомовъ и абсолюта*, которые, въ области явленій, въ сферѣ внѣшняго чувства, собственно говоря, не получаются. *Можно ли и какимъ бы образомъ можно получить бытіе индивидовъ, видовъ и родовъ чувственныхъ существъ?*

Прямымъ, вытекающимъ изъ очевидности, отвѣтомъ на этотъ вопросъ должно быть, что *индивиды, виды и роды чувственныхъ существъ*

дѣйствительно существуютъ уже, по крайней мѣрѣ, на-столько, на сколько представляютъ въ себѣ конгрегаты дѣйствительно существующихъ физическихъ атомовъ. Но затѣмъ открывается еще дальнѣйшій вопросъ: *должно ли въ чувственныхъ существахъ видѣть не болѣе, какъ только конгрегаты атомовъ, которые, въ свою очередь, имѣютъ положительнымъ своимъ содержаніемъ единственно только абсолютное, или чувственныя бытія имѣютъ свою особую сущность, отличную отъ сущности атомовъ и отъ абсолюта?* Общимъ отвѣтомъ и на этотъ вопросъ должно быть, что и прочія, *получаемыя въ чувственномъ опытѣ, бытія существуютъ подобно тому, какъ существуютъ атомы*, такъ-какъ въ основныхъ чертахъ существованія онѣ сходны съ атомами,—почему если окажется особая индивидуальная сущность въ атомахъ, отличающая ихъ отъ заключающихся въ нихъ частей,—тогда подобную-же индивидуальную сущность и должно, и нетрудно будетъ отыскать также и въ прочихъ отдѣльныхъ реальностяхъ. Откуда открывается опять нужда сдѣлать еще разъ усиленную попытку *спуститься до сущности атомовъ и распространить выше-изъясненные нами математико-метафизическіе основные законы существованія атомовъ, законы кореннаго ихъ сходства между собою и различія, на другіе роды чувственныхъ существъ.*

Совпаденіе всѣхъ чувственныхъ существъ съ атомами, на-основаніи вышеизъясненныхъ математико-метафизическихъ законовъ, какъ и на-основаніи послѣднихъ выводовъ естествовѣденія, можетъ быть представлено въ слѣдующихъ важнѣйшихъ чертахъ.

1) Мы видѣли, что единица, раздѣленная на безконечность, равняется нулю $\left(\frac{1}{\infty} = 0\right)$, — что всякая данная, опредѣленная величина есть, въ существѣ своемъ, величина безконечная, умноженная на величину безконечно малую ($1 = \infty \times 0$), — что, значитъ, въ основѣ всякой реальной, какъ и математической, единицы лежитъ безпредѣльность частей или дробей, изъ которыхъ каждая есть не болѣе, какъ математико-метафизическій атомъ, абсолютно недѣлимая величина, геометрическая точка, или нуль. При этомъ оказалось, что физико-химическій атомъ отличенъ отъ равняющагося нулю атома математико-метафизическаго, такъ-какъ реальный атомъ обнаруживаетъ въ себѣ сконцентрированное тѣло, опредѣленную реальную величину, или единицу, состоящую изъ безконечнаго числа дробей, представляя въ себѣ, въ тоже время, величину не безусловно-неиз-

мѣнную, всегда равную какъ себѣ, такъ и другимъ физико-химическимъ атомамъ, но, напротивъ того, величину способную увеличиваться, измѣняться и даже превращаться, при извѣстныхъ условіяхъ, въ качествахъ своего проявленія, являясь то атомомъ, то ультиматомъ, то молекулою, съ разными признаками. Слѣдовательно, атомы, совмѣстно съ тѣлами, какъ и тѣла, совмѣстно съ атомами, попадаютъ въ одинъ и тотъ-же рядъ реальныхъ величинъ, совмѣстно подчиняясь общимъ, вышеизъясненнымъ, математико-метафизическимъ, законамъ соотношеній между собою и съ абсолютомъ.

2) Слѣдовательно, всѣ тѣла, совмѣстно съ атомами, подчиняются тѣмъ математико-метафизическимъ законамъ, по которымъ всѣ ограниченныя величины, при всемъ своемъ взаимномъ неравенствѣ, всегда равны между собою въ-сравненіи съ величиною безпредѣльною,—по которымъ ограниченныя существованія разнятся, въ своихъ отношеніяхъ между собою, соразмѣрно степени своего приближенія къ тому или другому полюсу гранично-абсолютныхъ величинъ, бытія ли то абсолютнаго, или небытія,—всѣ реальныя величины, сходныя между собою *въ элементарной сущности*, будучи продуктомъ самоограниченія единаго абсолютнаго бытія абсолютнымъ небытіемъ ($1 = \infty \times 0$), какъ и величины математическія, далеко расходятся съ этими послѣдними по своей *сущности индивидуальной*, такъ-какъ чисто-количественныя величины, въ индивидуальной сущности, разнятся между собою только по степенямъ; а бытія реальныя, по индивидуальной сущности, распадаются на роды, виды, классы, способы существованія и на всякія другія формы различія не-только количественнаго, но и качественнаго. При этомъ всякія, и естественныя, и философскія, изслѣдованія наводятъ на убѣжденіе, что реальною единицею, съ такимъ-же правомъ, могутъ быть признаны видъ и родъ существъ, равно-какъ и высшій родъ, какъ и индивидъ. За-то, въ свою очередь, и индивидъ оказывается суммою меньшихъ однородныхъ частей, изъ которыхъ каждая, въ свою очередь, можетъ быть признана за точку отправленія, въ восхожденіи и нисхожденіи къ противоположнымъ полюсамъ абсолюта, иначе сказать,—за реальную единицу. Въ-слѣдствіе этого, всякая единица, всякое ограниченное бытіе, будучи, по сущности своей, произведеніемъ ограниченія абсолютнаго бытія абсолютнымъ небытіемъ, въ тоже время, совершенно естественно и всегда бываетъ частью единицы высшей и суммою дробей низшихъ. При чемъ положительное свое содержаніе

всѣ чувственно-ограниченныя существованія получаютъ изъ абсолютнаго бытія, заимствуя отъ абсолютнаго небытія только свое ограниченіе и разграниченіе. А положительное и отрицательное абсолютныя, не подлежа, при этомъ, въ существѣ своемъ, никакому ни измѣненію, ни истощенію, ни дробленію, входятъ въ составъ ограниченныхъ величинъ, какъ стихійныя, элементарныя данныя, не долями, не дробями, не частями своими, а всею своею цѣлостію, такъ-что во всякомъ ограниченномъ бытіи, начиная отъ каждаго самомалѣйшаго физическаго атома и кончая неизмѣримостію видимаго міра, всегда имѣется цѣлое, единое, безпредѣльное бытіе, болѣе или менѣе ограниченное небытіемъ.

3) Тѣмъ не менѣе, въ этомъ пунктѣ нашей теоріи, требуется, если не самое точное выраженіе, которое невозможно, то возможно точное и тонкое пониманіе. Выводъ, полученный нами относительно атомовъ, требуется поставить здѣсь въ особую ясность и затѣмъ уже, въ возможно-ясномъ видѣ, распространить его на всякія реальныя величины. Этотъ выводъ можетъ быть выраженъ такъ, что всякое ограниченное бытіе, единица ли то, дробь ли, всякое тѣло, какъ и самомалѣйшій атомъ, получая все свое содержаніе отъ абсолютныхъ бытія и небытія, *не есть отдѣльно ни то, ни другое*, но имѣетъ свою особую сущность, именно *индивидуальную*, — есть *единство того и другаго*, содержа въ себѣ, по-отношенію къ абсолютному, цѣльность абсолютнаго бытія и небытія, а по-отношенію къ другимъ ограниченнымъ величинамъ, большую или меньшую пропорцію взаимно-перемѣшавшихся проявленій безпредѣльнаго бытія и ничтожества,-есть именно не сумма абсолютныхъ бытія и небытія, но единое цѣльное произведеніе безпредѣльнаго бытія, математически-реально умножившаго себя на небытіе ($1 = \infty.0$),-есть отрицаніе, хотя не столько логическое, сколько полярное (другихъ, болѣе подходящихъ терминовъ прибрать здѣсь мы не умѣемъ) отрицаніе, т. е. ограниченіе абсолюта положительнаго абсолютомъ отрицательнымъ,— есть безпредѣльное, умалившее себя чрезъ умноженіе на величину, малѣйшую всякой самой малой дроби, есть нуль, взятый безпредѣльное количество разъ, есть нуль, осуществленный безпредѣльною мощью, есть порожденіе безпредѣльнаго, вступившаго съ небытіемъ въ непостижимо-таинственную міородную связь... Безпредѣльное, какъ не сложное, не истощаемое и не дѣлимое, вошло въ каждое свое порожденіе не долею своею, не дробью, не частью, а всею своею

цѣльностію, но вошло не иначе, какъ въ условіяхъ союза съ своимъ отрицаніемъ, вошло самоограниченное, самоусловленное. Отъ того не истощимое безпредѣльное, и по произведеніи міра, осталось неизмѣнно-безпредѣльнымъ, а міръ, осуществленный самоограниченіемъ абсолюта (абсолютной мысли или идеи, силы или мощи воли или дѣйствія), оказался бытіемъ ограниченнымъ и потому неизмѣримо-глубоко-отличнымъ, въ своей индивидуальной сущности, отъ абсолюта... *Это узелъ антиномій нашего ума, но узелъ и постиженія непостижимаго!* Это камень претыканія и соблазна для умовъ неосмотрительно-порывистыхъ, или предубѣжденныхъ, камень, съ котораго такъ легко, такъ натурально поскользнуться въ бездну всепожирающаго пантеизма, поглощающаго и личность, и благость, и правду Высочайшаго существа, какъ и личность, и мораль, и лучшія чаянія человѣка,—но камень, замыкающій, въ тоже время, ту высшую вершину міросозерцанія, на которой необходимо установиться уму, чтобъ окинуть, посильно все—проникающимъ взоромъ, безграничное и плавающее въ немъ, хотя и отдѣльно отъ него, все ограниченное... Вслѣдствіе непостижимости этой тайны, которая, однакожъ, мерцаетъ предъ человѣческимъ умомъ, съ окраинъ безпредѣльнаго горизонта, манящими отблесками, и Богооткровенное ученіе допускаетъ преразнообразные обороты человѣческаго слова, для обозначенія истины, которую *не льть есть человѣку изглаголати*, истины отношеній богосозданнаго ограниченнаго міра къ безконечному Творцу. Вотъ эти выраженія: *Господь сотворилъ землю въ крѣпости своей, устроилъ вселенную въ премудрости своей, простеръ небо разумомъ своимъ* (Іер. 10, 12). *Богъ нарицаетъ не сущая, яко сущая* (Рим. 4, 17). *Вѣрою разумѣваемъ совершитися вѣкомъ глаголомъ Божіимъ, во еже отъ неявляемыхъ видимымъ быти* (Евр. 11, 3). *Словомъ Господнимъ небеса утвердишася и Духомъ устъ Его вся сила ихъ* (Псал. 32, 6). *Всяческая тѣмъ* (ипостаснымъ Словомъ) *и о Немъ создашася и всяческая въ Немъ состоятся* (Кол. 1, 16—17). Священный бытописатель изображаетъ Духа Божія *носившимся*, при твореніи міра, вверху воды и какъ-бы вливавшимъ жизнь въ новосозданное вещество. Слово—*ношашеся*», говоритъ Св. *Василій Великій*, «въ переводѣ употреблено вмѣсто слова-*согрѣвалъ и оживотворялъ* водное естество, по подобію птицы, насиживающей яйца и сообщающей нагрѣваемому какую-то живительную силу». *Единъ Богъ Отецъ, изъ Него-же вся* (*1 Кор. 8, 6*); *яко изъ того, и тѣмъ, и въ Немъ всяческая* (Рим. 11,

36); *о Немъ бо живемъ, и движемся и есмы* (Дѣян. 17, 28). «Изъ самаго себя Богъ не сотворилъ все»,—слова *блаж. Августина*,—«но родилъ равнаго себѣ Сына Божія, Божію силу и Божію предмудрость; чрезъ Нее-то и создалъ все изъ ничего;—не родилъ вселенную изъ самаго Себя, чтобы быть ей тѣмъ-же, что самъ Онъ есть, но создалъ ее изъ ничего, чтобы она не была равною Тому, кѣмъ создана». «Міродный умъ»,—слова *Св. Григорія Богослова*,—«разсматривалъ, въ своихъ умопредставленіяхъ, Имъ-же составленные образы міра, который произведенъ впослѣдствіи, но для Бога и тогда былъ настоящимъ, такъ-какъ у Бога все предъ очами, и что будетъ, и что было, и что есть теперь. Это для насъ положенъ временемъ такой раздѣлъ, что одно впереди, другое позади,—а для Бога все сливается въ одно и все держится въ мышцахъ великаго Божества». Отъ того, при отличіи и отдѣльности міра отъ Творца, *невидимая Его, отъ созданія міра, твореніи помышляема, видима суть и присносущная сила Его и Божество* (Рим. 1, 20),—т. е. въ каждомъ созданіи видятся невидимыя свойства, присносущная, самобытная сила и самое Божество Существа Высочайшаго, безконечнаго. Эти богооткровенныя основоположенія являются для насъ тѣмъ свѣтозарнѣе, что они отражаются отъ животворимыхъ и скрѣпляемыхъ ими основоположеній метафизическихъ, которыя, съ другой стороны, подтверждаются и общими выводами современнаго естествовѣдѣнія.

4) Вотъ почему сущность вещей, за которою мы гонимся, которая и доступна, болѣе, или менѣе, нашему ограниченному постиженію, есть сущность не элементарная, не стихійная: эта сущность у всѣхъ вещей одинакова,—это—безпредѣльное бытіе, самоограничившее себя абсолютнымъ небытіемъ. И тотъ и другой абсолюты, для ограниченнаго постиженія, необъятны. Но постижимая сущность вещей есть сущность собственно индивидуальная, которая обнаруживаетъ собственно то, въ какой мѣрѣ и какою своею стороною самоограничившее себя безпредѣльное выразило себя въ цѣльности той или другой вещи, того или другаго явленія. Иначе сказать, *постижимая сущность всякаго ограниченнаго бытія* заключается не *въ содержаніи*, которое неуловимо, а *въ формѣ*, которая, по старинному философскому, непререкаемому, выраженію, *dat rei esse*.

5) Чтобы *убѣдиться въ существенно-реальномъ значеніи формы и ощутить неуловимость содержанія какой бы то ни было реальности*, стоитъ только попробовать уловить, наприм., содержаніе какой-либо молекулы.

За предѣломъ еще сравнительно довольно крупныхъ микроскопическихъ дробей анализируемой вещи, сама молекула уже ускользнула отъ нашихъ чувствъ. Но увѣренные въ ея дѣйствительномъ существованіи, мы ловимъ ее въ химическихъ реакціяхъ, разлагаемъ и получаемъ въ ея содержаніи атомы. Въ свою очередь атомы, схватываемые въ своемъ содержаніи, распадаются на ультиматы. Содержаніе ультиматовъ, въ свою очередь, должно распасться еще на мельчайшія части; послѣднихъ же, непроницаемыхъ частей, ни экспериментальная, ни умозрительная наука не отыскала и не допускаетъ. Что же мы получаемъ, въ концѣ концовъ, въ содержаніи нашей молекулы, какъ и всякой чувственной реальности? Нули и нули, безпредѣльное количество нулей, какъ мы уже это сказали и доказали... То, что есть въ реальной молекулѣ, это—*оказывающееся ограниченному воспріятію*, безпредѣльное количество нулей, это есть сконцентрированное единство безпредѣльнаго и нуля, есть ограниченіе безпредѣльнаго бытія ничтожествомъ, *ограниченіе, которое опредѣляетъ и отдѣляетъ свои границы такъ, что сказывается положительнымъ, или отрицательнымъ, вліяніемъ на другія реальности, сказывается положительнымъ дѣйствіемъ, или отрицательнымъ сопротивленіемъ, нашему воспріятію, нашему чувству, и не одному только грубѣйшему чувству мускульному или осязанія, но всей градаціи нашихъ чувствъ, отъ осязанія до зрѣнія, отъ чувства внѣшняго до внутренняго, сказывается разнообразными и разностепенными вліяніями на прочія реальности, какъ и на наши чувства, начиная отъ разнообразнаго дѣйствія грубой массы, переходя за тѣмъ чрезъ вліяніе физическихъ силъ притяженія, электричества, теплоты и свѣта, и до проявленія мысли и чувства въ другихъ людяхъ, и до проявленія сознанію другихъ людей и нашему собственному нашего собственнаго чувства, нашихъ мыслей и всякихъ другихъ душевныхъ движеній, дѣйствительное вліяніе которыхъ отражается не-только на людяхъ, но и на другихъ реальностяхъ.*

«Гипотеза о малыхъ, твердыхъ, сплошныхъ частичкахъ (атомахъ) совершенно не можетъ быть допущена»,-разсуждаетъ *Аб. Муаньо.*—«Матерія въ-сущности состоитъ изъ безпространственныхъ монадъ; явленія матеріальныя, явленія свѣта и теплоты суть *движенія*; свѣтъ производится не тонкимъ веществомъ, но столкновеніемъ съ нервами глазъ мелкихъ *движущихся волнъ*; источникъ явленія свѣта есть *качаніе атомовъ*; невообразимо мелкія частицы вещества оказываются *магнитами, имѣющими два полюса, взаимодѣйствіемъ которыхъ опредѣляется форма вещества. Объ ихъ присутствіи, ихъ положеніи и величинѣ*

мы выводимъ заключенія изъ ихъ дѣйствій». «Исчерпывается ли существенное *содержаніе атомовъ* однимъ понятіемъ о силѣ?—спрашиваетъ *Эдуардъ Гартманъ*, «или-же слѣдуетъ допустить какой-либо матеріальный субстратъ? Нѣтъ», отвѣчаетъ онъ-же; «содержаніе атомовъ исчерпывается свойственною имъ силою притяженія, или отталкиванія,—и кромѣ этихъ силъ нѣтъ въ атомахъ рѣшительно ничего, никакого матеріальнаго субстрата. Существуетъ лишь *сопротивленіе, какъ актъ*, но нѣтъ сопротивляющейся матеріи, какъ субстрата дѣйствій или движеній. Изслѣдованіе какого-либо вещества, на-основаніи естественныхъ наукъ, оканчивается всегда указаніемъ на извѣстныя, *дѣйствующія въ немъ силы, на явленія и дѣйствія его:* мы не знаемъ о веществѣ ничего, *кромѣ силъ, проявляющихся дѣйствіемъ*; каждый матеріальный предметъ существуетъ для научнаго изслѣдованія *лишь только въ-видѣ явленія и дѣйствія, т. е. какъ давленіе, движеніе, колебаніе и т. д. Атомъ въ-сущности не что иное, какъ математическая точка*, въ которой прорѣзываются линіи, происходящія отъ дѣйствія силъ по разнымъ направленіямъ. Такимъ образомъ, *вещество* перешло въ силу, а подъ словомъ *сила* слѣдуетъ понимать точку, въ которой концентрируется притяженіе или отталкиваніе, *положительное или отрицательное дѣйствіе.* Во всякомъ *дѣйствіи силы* слѣдуетъ различать *актъ* и *цѣль*, объектъ стремленія, къ которому сила стремится; стремленіе *предшествуетъ исполненію* и существуетъ, на-сколько лишь не осуществлено. Но если бы результатъ вовсе не существовалъ въ стремленіи, то стремленіе не имѣло бы никакого повода быть тѣмъ, что есть, не имѣло бы повода слѣдовать тѣмъ или другимъ *законамъ.* За тѣмъ остается признать, что стремленіе заключаетъ въ себѣ свой *результатъ*, а также и *законъ своего дѣйствія*, но не въ-видѣ *реальности*; иначе сказать, заключаетъ въ себѣ свой результатъ *въ видѣ образа, похожаго на реальность*, т. е. заключаетъ въ себѣ свою цѣль *въ идеальномъ видѣ, какъ представленіе.* Итакъ, *силѣ присуще представленіе, какъ цѣль и законъ ея стремленія.* А стремленіе силы есть нечто иное, какъ дѣйствующая въ ней воля: явленія атомныхъ силъ суть *индивидуальные акты воли, заключающіе въ себѣ свое содержаніе, въ-видѣ представленія своей цѣли.* Итакъ, *матерія, на самомъ дѣлѣ, есть лишь воля и представленіе.* Этимъ уничтожается радикальная разница между духомъ и матеріей; *ихъ разница сводится къ разнымъ высшимъ и низшимъ проявленіямъ одного и того-же вѣчнаго существа».*

Такимъ образомъ, у новѣйшихъ мыслителей, все существующее сводится къ однимъ силамъ, дѣйствующимъ на-основаніи присущихъ имъ идеальныхъ началъ: все существующее есть дѣйствіе силы, которая стремится къ стоящей впереди дѣйствія идеѣ,—*идея является предшествующимъ мотивомъ, возбудителемъ, стимуломъ всякаго движенія, всякаго формированія, всякаго оформленнаго, ограниченнаго бытія.*

6) Посмотримъ далѣе, далеко ли отошли эти выводы самоновѣйшаго естествознанія и философствованія отъ лучезарнѣйшей идеи лучезарнѣйшихъ философскихъ свѣтилъ древности. Такъ, *Аристотель* насчитываетъ четыре метафизическихъ принципа: *матерію,*

форму, движущую причину и цѣль. Такъ, наприм., для дома матерія есть строевой лѣсъ, форма—представленіе дома, движущая причина—строитель, цѣль—домъ дѣйствительный. Но, при болѣе точномъ разсмотрѣніи, эти четыре опредѣленія всякаго бытія сводятся къ противоположности матеріи и формы (ἔιδος). Такъ, понятіе *движущей причины* совпадаетъ *съ формою* (ἔιδος) *и цѣлію*: именно *движущая причина* есть то, что причиняетъ переходъ дѣйствительности несовершенной къ акту, дѣйствительности болѣе совершенной, причиняетъ переходъ *матеріи въ форму* (ἔιδος). Но, при этомъ движеніи несовершеннаго къ болѣе совершенному, *совершенное есть мысленное prius, идеальный мотивъ этого движенія*; *слѣдовательно, движущая причина матеріи есть форма* (ἔιδος). Такъ, движущая и производящая человѣка причина есть человѣкъ (въ идеѣ); причина движенія, производящая статую, есть форма (ἔιδος) статуи въ мысли художника и т. п. Равнымъ образомъ, *движущая, или первая причина тождественна съ причиною конечною, или цѣлію*, потому-что *мотивъ всякаго происхожденія и всякаго движенія есть цѣль.* Такъ движущая причина дома есть архитекторъ, но движущая архитектора причина есть цѣль, которую должно осуществить,-есть самый домъ. Изъ этихъ-же примѣровъ ясно, что *опредѣленія формы и цѣли совпадаютъ*, потому-что оба эти опредѣленія соединяются въ понятіи *дѣйствительности.* Такъ, *цѣль каждой вещи есть ея развитая сущность, понятіе или форма* (ἔιδος),-*есть переходъ того, что въ ней заключалось потенціально, въ полную дѣйствительность*;-цѣль руки есть ея форма (ἔιδος), которая должна быть осуществлена, цѣль сѣмени есть растеніе, которое, вмѣстѣ съ тѣмъ, есть сущность сѣмени. Итакъ, остаются только два, не входящихъ одно въ другое, основныхъ опредѣленія: это матерія и форма (ἔιδος). Матерія безъ формы, по *Аристотелю*, есть нѣчто совершенно безкачественное, неопредѣленное, безразличное, нѣчто такое, что, какъ субстратъ, лежитъ въ основаніи всякаго измѣненія и принимаетъ самыя противоположныя формы, но само, по своему бытію, отлично отъ всего происшедшаго,—нѣчто такое, что въ возможности есть все, но въ дѣйствительности ничто. Нѣчто происходитъ не изъ того, что не существуетъ безусловно, но изъ того, что не существуетъ только по дѣйствительности, т. е. происходитъ изъ существующаго по возможности. Каждая, существующая въ природѣ, вещь есть возможность, достигнувшая дѣйствительности. Матерія есть нѣчто противоположное формѣ, какъ

положительное отрицаніе. *Форма есть то, что дѣлаетъ безразличную и неопредѣленную матерію различнымъ, опредѣленнымъ, дѣйствительнымъ*, есть внутренная доблесть, совершенная дѣятельность, душа каждой вещи. *Чистая же форма, идея вещи, есть то, что въ истинѣ существуетъ безъ матеріи.* Но такая чистая форма не существуетъ въ данномъ кругѣ ограниченнаго бытія, гдѣ всякое бытіе, всякая единичная субстанція сложены изъ матеріи и формы, являя *сложное единство* (σύνολον); матерія препятствуетъ вещамъ быть чистою формою, будучи основаніемъ измѣненія, множественности, разнообразія и случайности. Но противоположность между матеріей и формой не постоянна: что въ одномъ отношеніи есть матерія, то въ другомъ отношеніи есть форма. Такъ, строевой лѣсъ, въ-отношеніи къ готовому дому, есть матерія, а въ-отношеніи къ неотесанному дереву, есть форма; такъ, душа въ-отношеніи къ тѣлу есть форма, въ-отношеніи же къ разуму, который есть форма формы (εἶδος εἴδους), она есть матерія. Вообще, все существующее представляется въ-видѣ лѣстницы, *самая нижняя ступень которой есть первая матерія (тоже, что наше отрицательное абсолютное, нашъ математико-метафизическій 0, отрицательное граничное начало всего), вовсе не имѣющая формы, а наивысшая ступень есть послѣдняя форма, вовсе не имѣющая матеріи (наше, противоположное отрицательному, положительное абсолютное),—есть чистая форма, безусловный божественный разумъ*, первый движитель, первая движущая причина, чистая дѣятельность, принципъ всякаго движенія и дѣятельности, вѣчное начало, безусловная сущность, первая идея (πρῶτον εἶδος), абсолютно нематеріальная форма, и первое благо, абсолютно высочайшая цѣль. Все, что заключается между этими двумя крайними точками (полярно-противоположными абсолютными), есть, въ одномъ отношеніи, матерія, въ другомъ—форма, или есть постоянный переходъ первой въ послѣднюю. Вся природа представляетъ вѣчное, постепенное формированіе матеріи, вѣчное движеніе первоначальной основы къ высшимъ идеальнымъ формаціямъ.—Право, предъ такою, забытою нами, зрѣлостію философской мысли, современныя теоріи являются почти ребяческимъ лепетомъ, надутыхъ древностью своего рода, дѣтей, которыя забыли, что они очень многимъ, если только не всѣмъ, обязаны доблести предковъ.

Тоже самое εἶδος, которому *Аристотель* давалъ больше значеніе *формы*, величайшій умъ *Платона* завѣщалъ человѣчеству, именно

какъ *идею*, съ ея особымъ возвышеннымъ, премірнымъ характеромъ. Такъ-какъ, по словамъ *Аристотеля*, *Платонъ* убѣжденъ былъ въ истинѣ *Гераклитова* взгляда относительно чувственнаго міра и считалъ этотъ міръ за вѣчный потокъ,—«такъ-какъ о вѣчно-текущемъ не можетъ быть никакого знанія», то, рядомъ съ чувственными вещами, по ученію *Платона*, должны быть другія *сущности*, *постоянныя идеи*. Идеи суть одинаковое въ различномъ, общее въ частномъ, единое во многомъ, прочное и постоянное въ измѣнчивомъ,-достовѣрные въ себѣ, сверхъ-опытные принципы знанія, неизмѣнные принципы бытія міра явленій, безтѣлесныя,непространственныя единицы. Чувственное собственно не есть существующее, но только нѣчто похожее на существующее; явленія не суть что-либо существующее подлѣ идей, но суть самыя идеи, въ формѣ небытія. Все свое существованіе міръ явленій получаетъ отъ міра идей, который въ немъ просвѣчиваетъ. Міръ идей у *Платона*, подобно тому, какъ и у *Аристотеля*, имѣетъ рядъ ступеней, въ которомъ всякая высшая идея относится къ низшей, какъ ея основа и условіе, который заканчивается идеей, не требующей для своего оправданія никакой высшей идеи: эта высочайшая идея, послѣдняя въ познаваемомъ, безусловная основа идей, есть идея блага, послѣдняя причина познанія и бытія, разума и уразумѣваемаго, идеальнаго и реальнаго, диміургъ, творецъ міра, Богъ. Въ міросозерцаніи *Платона* мы имѣемъ, до сотворенія міра, міроваго зодчаго, диміурга, которому, съ одной стороны, соприсутствуетъ Νοῦς, Λόγος, міръ идей, всегда равный самому себѣ и вѣчный первообразъ, а съ другой, хаотическая, безформенная матерія, что-то такое, что способно отпечатлѣть на себѣ образъ идеи, что совершенно неопредѣленно и безобразно, невидимо и безкачественно,—пространство, мѣсто чувственнаго міра, *отрицательное условіе его, ничто существующее и нѣчто не существующее*,— въ безпорядкѣ волнующаяся, текучая масса, которая заключаетъ въ себѣ зародышъ вещественнаго міра, но еще не имѣетъ опредѣленной формы. Смѣшивая эти два элемента (Νοῦς и ὕλη), Творецъ создаетъ *міровую душу*, принципъ порядка и движенія въ мірѣ, и раскидываетъ ее по пространству, какъ огромную сѣть, или подмостки, на которыхъ устанавливаетъ вещественный міръ, произведеніе независтливой божественной благости, которая хочетъ творить подобное себѣ, по образу вѣчной идеи,—космосъ, живой и разумный, оживляемый міровою душою, безмѣрно прекрасный образъ блага, дѣло и отра-

женіе разума, организмъ порядка, гармоніи и красоты, самоосуществленіе высочайшаго добра. Такимъ образомъ, у *Платона* и *Аристотеля* получаются слѣдующія основоположенія міросозерцанія: 1) у *Аристотеля* матерія, нѣчто совершенно безкачественное, неопредѣленное, безразличное, принципъ измѣненія, въ возможности все, въ дѣйствительности ничто, нѣчто противоположное формѣ (наше отрицательное абсолютное); у *Платона* тоже. 2) У *Аристотеля* форма (ἔιδος) есть то, что дѣлаетъ матерію различнымъ, опредѣленнымъ, дѣйствительнымъ, сила, дѣятельность, душа вещи, источникъ движенія и образованія; у *Платона* тоже идея (ἔιδος). 3) У *Аристотеля* представляется лѣстница восхожденія формъ, такъ-что низшая форма бываетъ матеріею формы высшей, а высшая формою формы (ἔιδος ἔιδος); у *Платона* такая-же лѣстница идей. 4) У *Аристотеля* послѣдняя высшая форма, первое движущее, источникъ всякой дѣйствительности, высшій абсолютный разумъ, Богъ, безусловная истина (наше абсолютное положительное); у *Платона* тоже.

ГЛАВА LI.

7) *Эти древніе* ἔιδος—*ы, идеи, формы*, какъ показываютъ и самые послѣдніе выводы современнаго естествовѣдѣнія, *предшествуютъ всякимъ образованіямъ въ дѣйствительномъ мірѣ, въ царствѣ минеральномъ столько-же, сколько и въ царствѣ органическомъ, да даже и въ области невѣсомыхъ силъ.* Такъ, мы читаемъ у *Д. Тиндаля* [1]): *«каждому явленію въ природѣ предшествуютъ другія явленія, служащія ему причиною*, а за нимъ слѣдуютъ другія, вызванныя его вліяніемъ. Взаимною связью соединяются между собою, по видимому, самыя отдаленныя явленія въ дивной системѣ вещей, называемой природою. Глубокое изученіе *строенія снѣжинки, шагъ за шагомъ, неминуемо приведетъ насъ къ строенію солнца.* Такъ и во всей природѣ: всѣ ея части состоятъ во взаимной зависимости, и основательное изученіе одной изъ нихъ въ-сущности заключаетъ въ себѣ изученіе ихъ въ совокупности». Изображая строеніе снѣжинки, *Тиндаль* пишетъ: «частицы и атомы всѣхъ веществъ, предоставленные самимъ

[1]) «Формы воды», Русскій Вѣстникъ, 1873 г., Январь.

себѣ, располагаются въ опредѣленныя и, по большей части, прекрасныя *формы*, называемыя кристаллами». Спрашивается, гдѣ-же *предшествующая причина, гдѣ стимулъ всеобщаго явленія кристаллизаціи*? Оказывается, *въ* ἰδος—*ѣ, въ идеѣ, въ формѣ* самомалѣйшихъ частицъ.

«Мы слыхали о силѣ тяготѣнія», отвѣчаетъ *Тиндаль*, «и знаемъ, что она заключается въ притяженіи каждой частицы вещества всѣми другими частицами. Но притяженіе представляется дѣломъ очень простымъ, сравнительно *съ силою, или силами кристаллизаціи: здѣсь послѣднія невообразимо-мелкія частицы вещества оказываются имѣющими два полюса, притягивающій и отталкивающій, взаимодѣйствіемъ которыхъ опредѣляется строеніе и форма кристалла*», т. е. форма самомалѣйшихъ частицъ опредѣляетъ форму кристалловъ. «Въ твердомъ состояніи притягательные полюсы крѣпко смыкаются вмѣстѣ», продолжаетъ *Д. Тиндаль*;—«но, при посредствѣ достаточнаго тепла, связь распадается, и въ расплавленномъ состояніи полюсы такъ удалены одинъ отъ другаго, что не могутъ другъ на друга дѣйствовать. Такимъ образомъ, задерживается естественное стремленіе частицъ къ построенію изъ себя» (вліяніемъ частичныхъ формъ на форму общую) «извѣстной формы. Такъ, въ водѣ, при достаточномъ охлажденіи, частицы сближаются на-столько, что кристаллизующая» (предносящая въ себѣ форму кристалла) «сила можетъ дѣйствовать, и онѣ располагаются въ формы чрезвычайно красивыя. Стоитъ призадуматься надъ дивною зиждительною работою, совершающеюся въ атмосферѣ, при образованіи и паденіи каждой снѣжинки. Какая чудесная зиждущая сила обнаруживаетъ здѣсь свои дѣйствія! Мы должны сознаться, что силы наши совершенно не способны постигнуть *источникъ и цѣль дѣйствій природы*. Что разумѣли мы, говоря о притягивающихъ и отталкивающихъ полюсахъ? Астрономы и географы говорятъ о полюсахъ земли,—говорятъ, что есть магнитные полюсы, т. е. такія точки, въ которыхъ какъ-бы сосредоточиваются притяженіе и отталкиваніе, производимыя магнитомъ. Въ каждомъ магнитѣ есть два такихъ полюса. Если мы обсыплемъ магнитъ желѣзными опилками, то въ каждой ихъ частицѣ появятся два полюса. Представимъ себѣ, что подобныя частицы, утратившія свой вѣсъ, плаваютъ въ нашей атмосферѣ. Что произойдетъ при ихъ сближеніи? Очевидно, ихъ отталкивающіе полюсы другъ отъ друга удалятся, а притягивающіе полюсы сойдутся и скрѣпятся вмѣстѣ. Если допустимъ, что частицы одарены не одною парою, а нѣсколькими парами полюсовъ, расположенными въ опредѣленныхъ точкахъ ихъ поверхностей, то можно вообразить, что онѣ, повинуясь своимъ взаимнымъ притяженіямъ и отталкиваніямъ, *сомкнутся и образуютъ изъ себя массы опредѣленнаго вида и строенія*. Вообразите, что плавающія въ холодномъ и спокойномъ воздухѣ частицы воды одарены *такого рода полюсами, побуждающими ихъ смыкаться вмѣстѣ, въ опредѣленномъ порядкѣ*,—и уму вашему представится та незримая архитектура, которая созидаетъ видимые и прекрасные снѣжные кристаллы». Ясно отсюда, *что дву-полярная, или даже много—полярная предшествующая форма стимулируетъ образованіе сложныхъ формъ послѣдующихъ*. «Такимъ образомъ», продолжаетъ *Д. Тиндаль*, «наблюдая нашими глазами дѣйствія магнетизма, мы

пріобрѣтаемъ первыя свѣдѣнія и понятія о полюсахъ и потомъ прилагаемъ эти свѣдѣнія и понятія къ частицамъ, никогда нами не виданнымъ».—«Мы легко отличаемъ форму отъ содержанія», пишетъ *Страховъ* [1]), «и мыслимъ объ нихъ такъ, что формѣ даемъ второстепенное и даже ничтожное значеніе, а содержанію главное и существенное. Философія давно уже замѣтила, какъ мало глубины въ такомъ взглядѣ. Противъ него направлено уже знаменитое положеніе *Аристотеля*: *форма даетъ бытіе вещи*. Въ природѣ каждая форма прямо вытекаетъ изъ сущности вещи: красота природы, ея богатство и разнообразіе есть истинное выраженіе ея содержанія. Такъ, наприм., узоры мороза на стеклахъ составляются по точнымъ и неизмѣннымъ *законамъ*; весь рисунокъ составляется изъ мелкихъ кристалловъ; *образованіе кристалловъ вполнѣ зависитъ отъ сущности того вещества*, изъ котораго они состоятъ, т. е. изъ воды; *расположеніе кристалловъ звѣздочками, деревцами* и т. д. *зависитъ отъ кристаллизаціи: форма здѣсь тѣсно связана съ сущностью*».

А въ чёмъ заключается эта сущность, это мы видѣли. По *Д. Тиндалю*, она состоитъ *въ формѣ-же* мельчайшихъ атомныхъ частицъ, и, такимъ образомъ, оказывается, что *послѣдующая форма зависитъ отъ формы-же предшествующей. Подобнымъ же образомъ развитіе послѣдующихъ формъ и въ организмахъ зависитъ отъ формъ основныхъ, первоначальныхъ*.

«Всѣ животныя и всѣ растенія», читаемъ у *Страхова*, «состоятъ изъ однородныхъ мелкихъ органовъ; эти микроскопическіе органы называются *клѣточками*. Всякое животное, всякое растеніе происходитъ изъ клѣточки. *Клѣточка— общая форма для строенія всѣхъ организмовъ; органическіе атомы одинаковы во всемъ животномъ и растительномъ царствѣ*. Въ началѣ ученые думали найти значительное различіе между клѣточками животныхъ и клѣточками растеній; но чѣмъ дальше идутъ изслѣдованія, тѣмъ больше исчезаетъ это различіе. Сущность организма, очевидно, кроется въ сущности вещества. Во чревѣ матери, послѣ зачатія, какъ и въ центрѣ каждаго цвѣта, въ плодѣ каждаго растенія, происходятъ явленія таинственныя. Зародыши всѣхъ органическихъ существъ одинаковы. Они представляютъ *клѣточку, пузырекъ*, который начинаетъ размножаться, т. е. распадаться *на подобные-же пузырьки*. Потомъ масса клѣточекъ начинаетъ дифференцироваться, расчленяться. Зародыши начинаютъ разнообразиться, смотря по организмамъ, которые должны произойти изъ нихъ. Зародышъ подвергается метаморфозамъ или превращеніямъ: одни части увеличиваются, другія перестаютъ расти и вовсе исчезаютъ; каждое яичко лягушки превращается сперва въ маленькую рыбку,—*головастика*; у рыбокъ выростаютъ ноги, отпадаетъ хвостъ; бабочки и мухи сперва имѣютъ видъ червей, переходятъ потомъ въ состояніе куколки, а изъ куколки уже выходятъ бабочками, или мухами. Человѣческій зародышъ претерпѣваетъ не менѣе удивительныя превращенія. *И весь этотъ длинный рядъ явленій происходитъ изъ микроскопическаго пузырька*. Растенія, столь тѣсно примыкающія къ животнымъ, представляютъ

[1]) «Міръ, какъ цѣлое».

тоже явленіе: изъ одной клѣточки, подобной самымъ низшимъ организмамъ, выростаетъ великолѣпное дерево. Значитъ, есть идеалъ, къ которому стремится природа». И этотъ *идеалъ, дающій импульсъ природѣ, лежитъ въ зародышевой клѣточкѣ*: изъ сходнаго, до тождественности, происходитъ различное. «Неопровержимая тѣснѣйшая аналогія существуетъ между растеніями и животными. Въ человѣкѣ многія части состоятъ изъ такихъ-же клѣточекъ, такихъ-же пузырьковъ, изъ какихъ состоятъ самыя низшія растенія, наприм., плѣсень. Размноженіе клѣточекъ и ихъ дифференцированіе, отъ котораго зависитъ расчлененіе организма, совершенно сходны въ растительномъ и животномъ царствѣ. Раздвоеніе половъ есть также общая черта растеній и животныхъ. Изъ головастика дѣлается лягушка, изъ рыбы четвероногое, изъ низшей формы высшая. Чѣмъ объяснить такое превращеніе? Человѣческій зародышъ, въ извѣстное время, бываетъ почти столько-же похожъ на рыбу, какъ головастикъ, проходя въ развитіи всѣ ступени, начиная отъ низшей, отъ клѣточки и инфузоріи. *Главную, существенную роль въ развитіи играетъ самъ зародышъ; онъ самъ достигаетъ предначертанной въ немъ самомъ формы*».—«Въ глубину творящей души вселенной», пишетъ *Лотце*, въ своемъ Микрокосмѣ, «рефлексія внѣдряетъ *многочисленные первоначальные позывы, которые обнаруживаются въ неистощимомъ разнообразіи формъ* и производятъ всю наличную дѣйствительность. Проявленія, которымъ отдается каждое существо, въ-силу необходимаго *своего позыва*, совершаются уже не сами для себя: онѣ не что иное, какъ предлежащая каждому существу, на своемъ мѣстѣ, доля дѣйствія къ осуществленію всеобщаго смысла міра. *Изъ единства идеи, этого всеодушевляющаго ихъ побужденія, возникаютъ, съ необходимостію, всѣ разнообразныя формы бытія и дѣйствія, какія мы въ нихъ наблюдаемъ*. Каждое существо есть вмѣстѣ живое, замкнутое въ себѣ, единство и, въ тоже время, свою основу имѣетъ въ великомъ цѣломъ. Трудно возставать противъ истины воззрѣнія, что все стремится къ развитію, къ множеству въ единствѣ и къ единству во множествѣ, къ противоположности и къ примиренію противоположеній. *Организмы развиваются, очевидно, по предначертанному плану*. Тѣмъ не менѣе, однакожъ, не высшею особенною силою, не другими, ни съ чѣмъ не сравнимыми, законами дѣйствія отличается живое отъ неживаго, но только *особою формою* сопряженія, въ которую вплетаетъ оно многоразличныя составныя части такимъ образомъ, что естественныя силы ихъ, подъ вліяніемъ внѣшнихъ условій, должны порождать послѣдовательную череду особеннаго рода явленій, по тѣмъ-же общимъ законамъ, въ-силу которыхъ вездѣ одно состояніе слѣдуетъ изъ другаго. Органическій зародышъ, будучи незначителенъ по массѣ, отличается только *тщательно опредѣленнымъ подборомъ и смѣшеніемъ своихъ составныхъ частей*, что и даетъ ему способность, подъ вліяніемъ благопріятныхъ условій, развиваться въ жизнедѣятельный организмъ. Задача жизни состоитъ въ томъ, чтобы *образовавшійся кряжъ составныхъ частей тѣла всегда пребывалъ въ томъ порядкѣ* и соприкасался съ матеріаломъ внѣшняго міра всегда въ такой формѣ, при которыхъ новые налеты частицъ совершались бы сообразно дальнѣйшимъ потребностямъ жизненнаго обихода. *Сопостановка частицъ, образующая зародышъ органическаго существа*, должно быть, располагается такимъ образомъ, чтобы вещества внѣшняго міра распространялись въ тѣлѣ путями, исключитель-

но опредѣленными для процесса образованія, *по извѣстному постоянному образу.* Новый налетъ однороднаго вещества не вездѣ садится на кристаллъ безразлично; силы уже *образовавшагося кристалла* указываютъ вновь приходящимъ частицамъ мѣсто и форму ихъ наслоенія и поддерживаютъ въ общемъ ростѣ первоначальный его строй, или, по крайней мѣрѣ, первоначальный законъ его образованія. *Форма цѣлаго уже присуща образующемуся тѣлу, какъ живительная и законодательная сила, прежде чѣмъ явится на-лицо вся совокупность частей.* Дѣйствительно, многіе процессы въ первомъ образованіи зародыша показываютъ, что на мѣстахъ, гдѣ слѣдуетъ возникнуть опредѣленнымъ органамъ, сперва наслояются какбы безформенныя массы, только впослѣдствіи развивающія въ себѣ ту членораздѣльность частей, которую, подъ конецъ, и удерживаетъ за собою готовый органъ. Но никакой образецъ, никакой планъ, принятый за цѣль извѣстнаго естественнаго процесса, не осуществляется самъ собою: онъ исполняется только тогда, когда вещества, въ образованіи которыхъ ему слѣдуетъ проявиться, вынуждены, *первоначальнымъ распорядкомъ своихъ соотношеній,* производить, собственными силами, *по законамъ общаго теченія природы, то, что она имъ повелѣваетъ.* На-сколько намъ извѣстна органическая жизнь, мы видимъ, что пластическія, образующія массы вездѣ состоятъ изъ многоразличныхъ соединеній углерода, водорода, кислорода и азота. Ни одно изъ этихъ особенныхъ соединеній не порождается само собой, безъ того, чтобъ какой—нибудь органическій зародышъ, или какой-нибудь остатокъ разлагающагося органическаго вещества, не послужилъ *первоначальнымъ ядромъ,* котораго усвояющая сила стягиваетъ вещества *въ форму слагающагося и растущаго облика.* Мы не знаемъ ни одного органически образовательнаго сока, который представлялъ бы вполнѣ однородную жидкость и гдѣ не показывались бы первые зачатки пластическаго образованія, *въ формѣ микроскопично-малыхъ, точковидныхъ зернышекъ, неизслѣдимыхъ для насъ въ своемъ составѣ и сложеніи. Они увеличиваются, или продолжающеюся наслойкой однородныхъ-же свертковъ жидкаго вещества, или тѣмъ, что выдѣленное прежде зернышко, въ-силу химическаго сродства, осаждаетъ вокругъ себя, изъ жидкости, различныя отъ него частицы.* Ростъ этихъ, либо однородныхъ, либо состоящихъ изъ разныхъ химическихъ соединеній зернышекъ никогда не превосходитъ очень мелкихъ микроскопическихъ размѣровъ. Но въ тѣхъ-же еще предѣлахъ, наступаетъ уже вторичное образованіе, образованіе нѣжной прозрачной *кожицы,* или *плевы,* появляющейся вокругъ зернышка и составляющей вмѣстѣ съ нимъ *замкнутую клѣточку,* которой внутренность около зерна наполняется влагою. Самая клѣточка остается живымъ средоточіемъ химическихъ взаимодѣйствій съ окружающею влагою, которой составныя части проникаютъ клѣточную плеву. Благодаря такому общенію, постепенно измѣняются *смѣсь, внутренній распорядокъ,* а съ ними и самый *видъ клѣточки, которая, изъ первоначальной круглоты, переходитъ въ разныя удлиненныя, остроконечныя, вѣтвистыя формы,* которыхъ происхожденіе для насъ также темно, какъ и значеніе ихъ для отправленій. *Изъ сопряженія этихъ, относительно простыхъ, формъ возникаютъ тѣ многосложныя образованія, которыя мы обыкновенно зовемъ органами.* Жизнь организма похожа на водоворотъ, производимый въ рѣчномъ руслѣ особою остановкою. Эта

рѣка—всеобщее теченіе природы, а органическое тѣло—та преграда, о которую ударяется потокъ и которой *своеобразная форма* превращаетъ ровный и прямолинейный напоръ воды въ извилины водоворота. Пока русло останется въ томъ-же видѣ и пока волны будутъ приливать, безпрерывно будетъ возобновляться эта игра движенія, не мѣняясь *въ своей формѣ*, хотя ежемгновенно смѣняются струи, которыя, приходя, порождаютъ ее, а уходя, покидаютъ. Природа раскинута вокругъ живаго созданія не чуждымъ ему, безформеннымъ хаосомъ, но подобно тому, какъ фокусъ лупы рисуетъ красивый образъ, становясь поприщемъ замѣчательныхъ явленій, по милости собравшихся въ немъ лучей; почти также дѣйствуетъ и живое тѣло, собирая вещество и движенія окружающей его среды *въ замкнутый образъ своей собственной фигуры*. Но и само оно, въ наличномъ своемъ видѣ, представляетъ всеобъемлющій потокъ всеобщаго движенія природы».

Тоже самое, что *форма, какъ норма, какъ законъ, какъ зиждительный планъ, предшествуетъ развитію всякой, физической ли то, или химической, равно-какъ и органической, жизни* тоже самое можно читать во всякихъ химіяхъ, физикахъ, біологіяхъ и т. д. Представимъ нѣсколько выдержекъ изъ сочиненія *Жуванселя*: «*Жизнь*» [1]).

«Изъ всѣхъ соединеній, которыя могутъ образовать вещества, самое замѣчательное есть то, которое составляетъ *органическую частицу. Первообразное вещество*, изъ котораго состоятъ эти частицы, не кристаллизуется въ многогранной формѣ, но принимаетъ *видъ очень маленькаго пузырька*, одареннаго способностью всасыванія. Въ этомъ пузырькѣ заключается тайна жизни, *исходящая точка для всѣхъ живыхъ существъ*; по своей способности всасыванія, переработыванія, развитія и производительности, *онъ представляется, какъ типъ организованнаго живаго существа*. Несомнѣнно, что органы предварительно имѣютъ *видъ маленькихъ клѣточекъ*, которыя, увеличиваясь въ объемѣ и количествѣ, затѣмъ соединясь другъ съ другомъ, образуютъ части организма. Въ организмахъ находятъ только четыре простыхъ вещества: углеродъ, кислородъ, водородъ и азотъ; количество другихъ веществъ всегда незначительно и они не входятъ въ составъ органическихъ тѣлъ; ихъ находятъ отдѣльно, въ-видѣ кристалловъ въ клѣточкахъ. Но замѣчательно, что неорганическія соединенія, находимыя окристализованными въ растеніяхъ, часто получаютъ въ нихъ кристаллическую форму, отличную отъ своей обыкновенной. *Несомнѣнно, что каждый рядъ во вселенной начинается крайне незначительнымъ членомъ и затѣмъ идутъ послѣдовательно увеличивающіеся члены, разность между которыми вообще весьма ничтожна.* Посредствомъ микроскопа мы убѣждаемся, что увеличеніе въ объемѣ маленькаго кусочка кристалла состоитъ въ прибавленіи маленькихъ, послѣдовательныхъ слоевъ, толщина которыхъ едва-ли превышаетъ толщину атома. При развитіи ствола растенія, увеличеніе его размѣровъ происходитъ не иначе, какъ чрезъ послѣдовательныя, въ высшей степени, маленькія приращенія; и эта незначительность промежутковъ разности между двумя послѣдовательными членами

[1]) СПб., 1871 года.

вещественнаго ряда встрѣчается въ природѣ повсюду. Химическія соединенія доказываютъ эту истину не меньше, чѣмъ развитіе кристалловъ и организмовъ. *Законъ о рядѣ повсемѣстенъ.* Органы растеній составляются изъ сплетенныхъ одна съ другою клѣточекъ, и, въ своемъ началѣ, зародышъ, изъ котораго должно вытти сложное растеніе, есть не что иное, какъ пузырекъ. Между клѣточками, растительными и животными, замѣчена только та разность, что въ растительныхъ клѣточкахъ внутри обращеніе правильно и состоитъ въ восхожденіи жидкости по одной сторонѣ клѣточки и въ нисхожденіи ея по другой сторонѣ, тогда-какъ въ животныхъ клѣточкахъ наблюдали только неправильное движеніе внутренней жидкости. Цѣлая жизнь индивида есть слѣдствіе индивидуальной жизни всѣхъ этихъ милліоновъ маленькихъ клѣтчатыхъ существъ. Всякое частное вещество есть видоизмѣненіе матеріи, всякая причина движенія въ мірѣ есть видоизмѣненіе одной и той же причины, силы; всякое явленіе есть новое видоизмѣненіе, прибавленное къ результату *предшествовавшихъ измѣненій (формъ): всякая форма вещей представляется намъ не иначе, какъ послѣдствіемъ болѣе или менѣе многочисленныхъ видоизмѣненій* (въ формахъ). Начиная съ соединенія веществъ, называемыхъ простыми, до самыхъ совершенныхъ организмовъ, до современнаго устройства земнаго шара, до системы нашего солнечнаго міра, *все показываетъ послѣдовательность измѣненій (въ формахъ), тѣсно связанныхъ частными законами* (формами бытія), изъ которыхъ многіе извѣстны, а большую часть предстоитъ еще открыть. Однакожъ можно утверждать о нихъ и теперь, что они зависятъ отъ одного общаго закона и представляютъ только его видоизмѣненія. Мы знаемъ, что дѣйствіе тяжести и магнетизма, напряженіе лучистаго теплорода, свѣта, звука и проч., вообще обратно пропорціонально квадрату разстоянія; *эта однообразная формула* есть не что иное, какъ *часть единаго общаго закона.* Подъ вліяніемъ общихъ силъ (электричества, теплоты и проч.), самые простые и, повидимому, самые постоянные минералы непрестанно видоизмѣняются. Растенія еще сильнѣе, хотя и иначе, чѣмъ минералы, подвержены вліянію этихъ общихъ силъ и представляютъ *измѣненія новаго порядка,* которыя зависятъ *отъ видоизмѣненій, производимыхъ общими силами на минеральныя вещества.* Въ свою очередь, животныя, подъ вліяніемъ общихъ дѣятелей, подобно растеніямъ и минераламъ, зависятъ *отъ измѣненій, производимыхъ на минеральныя вещества* и, сверхъ того, представляютъ видоизмѣненія двухъ новыхъ порядковъ, *зависящія отъ видоизмѣненій въ растеніяхъ и отъ другихъ явленій, предшествующихъ въ цѣпи соединеній.* Между неорганическими соединеніями разность свойствъ зависитъ, главнымъ образомъ, *отъ различія въ простыхъ веществахъ,* изъ которыхъ они составлены; между органическими соединеніями различіе въ свойствахъ зависитъ преимущественно отъ различія въ вѣсовыхъ отношеніяхъ вещества, изъ которыхъ оно составлено. Чрезвычайно малое различіе въ вѣсовыхъ отношеніяхъ элементовъ органическихъ соединеній влечетъ большое различіе въ ихъ свойствахъ; для составныхъ, какъ и для простыхъ веществъ, *нѣкоторое неизвѣстное различіе во внутреннемъ распредѣленіи ихъ атомовъ влечетъ весьма большія различія въ свойствахъ.* Кристаллъ, потерявъ маленькую часть вещества, можетъ, въ растворѣ тождественнаго ему вещества, возстановить свою *форму,—что зависитъ отъ образа правильнаго притяженія*

по нѣкоторымъ осямъ и нѣкоторымъ направленіямъ. А жизнь въ клѣточкѣ, какъ и въ высшихъ существахъ, есть многосложный результатъ совокупности явленій, происхожденіе которыхъ связано съ составомъ четвернаго вещества, которое содержитъ углеродъ, водородъ, азотъ и кислородъ и *зависитъ, въ своемъ развитіи, отъ того, какова химическая природа этого состава и какъ сгруппированы атомы въ составляющихъ его частицахъ.* Жизненныя соединенія, изъ которыхъ образовались первоначальные организмы, будучи различны, или по составу, или по расположенію своихъ атомовъ, сообщили *различныя свойства элементарнымъ организмамъ въ типическихъ формахъ*, подобно тому, какъ и различнымъ минеральнымъ веществамъ сообщаются различныя свойства, особенно *въ начальныхъ формахъ и въ типахъ кристалловъ.* И подобно тому, какъ, чрезъ послѣдовательныя измѣненія, каждый *тетраедръ или типъ призмы* способенъ переходить *къ формамъ все болѣе и болѣе сложнымъ, такъ и первоначальные протозоеры* (организмы), *чрезъ послѣдовательныя измѣненія, способны переходить въ формы болѣе и болѣе совершенныя.* И подобно тому, какъ у кристалловъ процессъ измѣненія, весьма простой самъ по себѣ, именно *образованіе новыхъ граней чрезъ рядовое прибавленіе* новыхъ частицъ, послѣдовательно порождаетъ *всѣ для даннаго типа формы*, — такъ и у живыхъ существъ процессъ измѣненія, весьма простой самъ въ себѣ, именно *образованіе новыхъ частей, чрезъ рядовое прибавленіе новыхъ клѣточекъ*, порождаетъ, послѣдовательно, *всѣ самыя сложныя формы даннаго типа.* И, подобно тому, какъ число кристаллическихъ типовъ ограничено математическими необходимостями, *зависящими отъ законовъ, по которымъ строятся различныя формы,—такъ и число жизненныхъ типовъ ограничено математическими необходимостями, зависящими отъ законовъ, по которымъ могутъ соединяться и располагаться четыре простые элемента: углеродъ, водородъ, кислородъ и азотъ*, потому-что здѣсь *вещество, отправленіе и форма тѣсно связаны.* Невозможно понять, какъ пузырекъ сталъ человѣкомъ?! Но слѣдуетъ это допустить, потому-что фактъ совершается предъ нашими глазами: всѣ живыя существа, безъ исключенія, имѣютъ своимъ началомъ простую клѣточку. Когда мы видимъ, что силы дѣйствуютъ извѣстнымъ образомъ всегда тождественно и производятъ одно и тоже явленіе, мы утверждаемъ *законъ.* Вооружившись этимъ *закономъ*, мы присовокупляемъ вещество и условія и подвергаемъ вещество дѣйствію силъ, объявляя напередъ, что явленіе будетъ таково-то. И дѣйствительно, сила производитъ явленіе, по закону. Что же такое законъ? *Законы суть не что иное, какъ образы* (ἔιδος—ы), *необходимые и неизмѣнные, по которымъ производятся явленія».*

Тоже самое мы не разъ уже читали у *Д. С. Милля.* «Что *порядокъ природы единообразенъ*, это, по *Миллю*, составляетъ основный законъ, общую аксіому. Это единообразіе есть собственно не одно единообразіе, а нѣсколько *единообразій» (типовъ, нормъ, общихъ формъ*, ἔιδος—овъ). «Изъ этихъ отдѣльныхъ нитей, связывающихъ части великаго цѣлаго, неизбѣжно образуется *общая ткань»* (тоже, что *Платонова первообразная сѣтка идей*). «*Эти различныя единообразія»* (нормы, типы, общія формы, ἔιδος—ы) «*мы называемъ законами природы. Выраженіе «законы природы» не означаетъ ничего, кромѣ существующихъ между явленіями единообразій.* Каковъ бы ни былъ фактъ, если онъ началъ существо-

вать, то ему предшествовали какіе-либо факты, съ которыми онъ неизмѣнно связанъ. Рѣшительно всѣ явленія, которыя начинаютъ существовать,—т. е. за исключеніемъ первыхъ причинъ, суть или непосредственныя, или отдаленныя дѣйствія *этихъ первыхъ фактовъ, или какой-либо ихъ совокупности.* Во всей извѣстной намъ вселенной нѣтъ ни одной произведенной вещи, ни одного наступающаго событія, которыя не были бы связаны, *единообразіемъ или неизмѣнною послѣдовательностію*, съ какимъ-либо однимъ или нѣсколькими, предшествовавшими явленіями, до такой степени, что повторятся всякій разъ, когда вновь наступятъ эти явленія и не окажутся другія явленія, съ свойствами противодѣйствующей причины. Въ свою очередь, эти предшествующія явленія, подобнымъ-же образомъ, связаны съ нѣкоторыми предшествовавшими имъ, и такъ далѣе, пока мы не достигнемъ *свойствъ* (формъ бытія) *«какой-либо первой причины, или совокупности нѣсколькихъ первыхъ причинъ.* Всѣ явленія природы суть необходимыя послѣдствія какого-либо болѣе ранняго *совпаденія постоянныхъ причинъ. Состояніе всего міра, въ данную минуту, мы признаемъ послѣдствіемъ его состоянія въ предшествующее мгновеніе, такъ-что человѣкъ, который зналъ бы всѣхъ существующихъ въ настоящую минуту дѣятелей, ихъ совпаденіе въ пространствѣ и всѣ ихъ свойства или, другими словами, законы ихъ дѣйствій, могъ бы предсказать всю послѣдующую исторію вселенной*, лишь бы не возникло новое» (*внѣзаконное, анормальное*) «хотѣніе въ силѣ, способной управлять міромъ. И если-бы могло когда-либо повториться *данное состояніе* всего міра, то повторились бы и всѣ послѣдующія состоянія. И хотя вещи не повторяются въ этомъ вѣчномъ кругу, тѣмъ не менѣе *весь рядъ прошедшихъ и будущихъ событій, въ исторіи вселенной, могъ бы быть построенъ a priori* всякимъ, кого мы могли бы предположить знакомымъ *съ первоначальнымъ распредѣленіемъ всѣхъ естественныхъ дѣятелей и со всѣми ихъ свойствами, т. е. съ законами»* (нормами, общими формами, εἴδος-ами) «послѣдовательности, существующей между ними и ихъ дѣйствіями. Нѣтъ невозможности въ будущемъ образоваться строгой теоріи, гдѣ всѣ нынѣшнія простыя вещества химіи представятъ различныя системы весьма малыхъ частицъ однороднаго вещества, при чемъ разнообразящія ихъ связи сведутся на стольже *точныя математическія формулы, какъ формулы, выражающія связь тяготѣнія міровыхъ системъ.* Возможно, что уравненія газообразныхъ системъ частицъ водорода и кислорода дадутъ, какъ неизбѣжный математическій результатъ, *уравненія капельно-жидкой системы частицъ воды*, со всѣми ея свойствами; возможно, что уравненіе системы органической клѣточки получится какъ неизбѣжный результатъ нѣкоторыхъ совокупностей *уравненій системъ частицъ углерода, водорода, кислорода и азота, подчиненныхъ вліянію нѣкоторыхъ внѣшнихъ силъ*, и все естествовѣдѣніе сдѣлается тогда изъ индуктивнаго дедуктивнымъ».

Нѣчто подобное высказалъ также и *Дюбуа Реймонъ*. «Если-бы всѣ измѣненія въ мірѣ тѣлъ», говоритъ онъ, «были сведены на движенія атомовъ, происходящія отъ дѣйствія ихъ *постоянныхъ центральныхъ тѣлъ»* (т. е. абсолютно-неизмѣнныхъ атомныхъ формъ),—«то тогда весь процессъ міра могъ бы быть выраженъ *въ одной математической формулѣ*, по которой, во всякое время, были бы очевидны мѣсто, направленіе и скорость движенія каждаго атома вселенной. *Лапласъ* сказалъ: «мы должны

смотрѣть на настоящее состояніе вселенной, какъ *на эффектъ ея прежде бывшаго состоянія* и какъ *на причину послѣдующаго*. Тотъ умъ, который, въ данный моментъ, позналъ бы всѣ силы природы и всѣ отношенія существъ, тотъ постигъ бы, *въ одной и той-же формѣ*, движенія самыхъ громадныхъ тѣлъ вселенной, какъ и легчайшаго атома; *будущее и прошедшее было бы для него настоящимъ*. Слабымъ подобіемъ такого ума представляется человѣческій умъ, въ дѣлѣ усовершенствованія имъ астрономіи. Его открытія въ механикѣ и въ геометріи, вмѣстѣ съ открытіемъ всеобщаго тяготѣнія, дали ему возможность понять прошлыя и будущія состоянія системы міра. Примѣняя тотъ-же методъ къ нѣкоторымъ другимъ предметамъ, онъ подвелъ подъ общіе законы наблюдаемыя явленія и въ-состояніи предвидѣть явленія, которыя должны обнаружиться, при данныхъ условіяхъ». И *Даламберъ* говоритъ: «для того, кто могъ бы постичь вселенную *съ одной точки зрѣнія*, она была бы единымъ фактомъ и великою истиною». «Умъ человѣческій», повторяетъ *Дюбуа-Реймонъ*, «хотя будетъ всегда далекъ отъ такого совершеннаго познанія природы, отъ такого всевѣдущаго ума, однако отличается отъ него только степенью. Чтобы сколько-нибудь приблизиться къ начаткамъ такого знанія, *всѣ процессы* природы должно было бы свести *на движенія веществено-безразличнаго и безкачественнаго субстрата*, который представляется намъ въ-видѣ разнообразной матеріи; другими словами, *всѣ качества ея должно было бы объяснить распредѣленіемъ* и движеніемъ ея самой».

А это значитъ, что *всѣ явленія предопредѣляются свойствами и дѣйствіями первопричины всего бытія и истекающею изъ нея единою абсолютною формулою первоосновнаго закона бытія.*

Таже мысль, что ἰδέα, *идея, планъ, законъ, предшествуетъ всякому образованію*, поддерживается и еще однимъ изъ высшихъ авторитетовъ современной науки, *Вирховомъ*.

«*Одинъ* изъ величайшихъ химиковъ нашего времени (*Либихъ*)», пишетъ *Вирховъ* сравниваетъ всякое живое тѣло *съ строеніемъ, исполненныхъ по плану*. Строитель проектируетъ *планъ*, во всѣхъ его подробностяхъ, *прежде*, чѣмъ начинается самая постройка; потомъ складываются камни, дерево и прочій матеріалъ, до тѣхъ поръ, пока планъ не получитъ себѣ живое осуществленіе. Не тоже ли самое происходитъ и съ тѣломъ? Развѣ оно не строится также *по опредѣленному плану, которому повинуется вещество*? Біологъ изслѣдуетъ, прежде всего, планъ, или *законъ*. Но развѣ какой-либо планъ, законъ имѣетъ средство осуществить себя? Развѣ онъ имѣетъ такую дѣятельную силу, чтобы могъ вывести самъ собою матерію изъ состоянія покоя въ движеніе, чтобы дать ей органическую форму? *Развѣ законъ есть сила и вещество развѣ не имѣетъ никакихъ другихъ свойствъ, кромѣ свойства инерціи*? На этотъ вопросъ химикъ отвѣтитъ отрицательно. *Матерія безъ свойствъ, безъ силъ, есть ничто;* напротивъ того *планъ, обладающій силою, обладающій собственною дѣятельностію, есть субстанція*. Можно не соглашаться съ этимъ сколько угодно; можно представлять себѣ субстанцію такою тонкою, не матеріальною, какою угодно; тѣмъ не менѣе *она*

субстанція, и если она исполняетъ самыя различныя дѣятельности, самую сложную механическую работу, что и дѣйствительно исполняетъ, то *она—духъ, органически сочлененное существо, она-spiritus rector*. Химикъ, въ предѣлахъ своей области, довольствуется голымъ идеальнымъ закономъ и веществомъ, обладающимъ извѣстными свойствами и силами. Но не обманывается ли онъ относительно трудностей? Химическій законъ, въ своемъ чисто идеальномъ значеніи, не имѣетъ механической силы дѣйствительно исполнить работу. Скорѣе, *работаетъ химически дѣятельное вещество, смотря по своимъ особенностямъ, и законъ—не внѣ вещества, какъ посторонній понудитель, но вполнѣ въ немъ самомъ*» (нашъ ἔιδος). «Сказанное относится равно къ органической и неорганической дѣятельности. *Планъ заключается въ самихъ тѣлахъ, идеальное въ реальномъ, сила въ веществѣ. Раздѣленіе существуетъ только въ представленіи,—въ дѣйствительности же все связано, вполнѣ не раздѣлимо*. Противоположность между силою и матеріею здѣсь совершенно разрѣшается, планъ и исполненіе совпадаютъ въ единство,—и кто ставитъ вопросъ о зиждителѣ плана, тотъ долженъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, спросить о зиждителѣ и матеріи. Но тогда вообще вопросъ перестаетъ быть вопросомъ естествоиспытанія, потому-что никто ничего не знаетъ о томъ, что было прежде бытія. *Здѣсь начинается граница трансцендентнаго*».

Новѣйшихъ прекраній, какими *ультра-Дарвинисты* стараются подорвать вѣру *въ типы, предшествующіе всякому живому образованію*, коснемся тогда, когда будемъ разсматривать *Дарвинову* теорію, потому-что эти прекранія, если и имѣютъ какое-либо значеніе и какой-либо смыслъ, то только въ-смыслѣ этой теоріи. Въ ней онѣ находятъ свои основанія; въ ней-же нужно искать и способовъ къ ниспроверженію этихъ основаній, гдѣ и окажется этихъ способовъ совершенно достаточно для цѣли. Здѣсь же заниматься опроверженіемъ этого вѣко — вѣчнаго пустословія, раскрытіемъ этого, искони постыднаго для человѣческой мысли, самопрятанья крайняго скептицизма за спину тѣни *случая*, которая, вѣчно убѣгая отъ бѣгающихъ за нею, никого изъ нихъ никогда не закрываетъ, а развѣ, наоборотъ, открываетъ ребяческое ихъ неразумѣе,—послѣ всего выше — приведеннаго считаемъ излишнимъ. Закончимъ же наше изслѣдованіе о *необходимомъ существованіи предваряющихъ всякое ограниченное бытіе типовъ* заключеніями, касательно этого предмета, еще одного изъ новѣйшихъ позитивистовъ, *Тэна* [1]). «Когда дѣло идетъ о комбинаціи дѣйствительной»,—пишетъ Тэнъ,—«отъ насъ требуется объяснить ея свойства *свойствами ея элементовъ*, и, кромѣ того, объяснить *встрѣчу ея элементовъ*», (т. е. *форму*, подъ которою встрѣтилисъ элементы извѣстныхъ *качествъ*). «Напримѣръ, когда астроному приходится искать, какъ образовались различныя планеты,—геологу, какъ образовались послѣдовательные слои земной коры,—минералогу, какъ образовались разныя породы минераловъ,—натуралисту, какъ образовались наши растительные и животные виды,—всѣ исходятъ изъ *предшествующаго состоянія*. Такимъ образомъ, *Лапласъ* допускаетъ, что наша система сперва была громаднымъ туманнымъ пятномъ, раскинутымъ вокругъ центральнаго ядра. Взявъ предположеніе въ точкѣ, оставленной *Лапласомъ*, геологи, съ вѣроятностію, слѣдятъ

---

[1]) *Тэнъ*, *Объ умѣ и познаніи*, перев. *Страхова*, Т. II, стр. 259—268.

за сгущеніемъ земной коры. Рядомъ съ ними, химики видятъ, какъ горныя породы образуются у насъ подъ руками на глазахъ. Затѣмъ приступаютъ къ дѣлу натуралисты. *Дарвинъ* отправляется отъ *основнаго свойства*, общаго всѣмъ породамъ животныхъ и растеній,—отъ закона естественнаго подбора. Заручившись этимъ дѣйствительнымъ закономъ, онъ объясняетъ прежнимъ существованіемъ совокупность органовъ, которыхъ свойство засвидѣтельствовали *Сентъ-Илеръ и Кювье*. *Въ-силу одного изъ этихъ свойствъ, органъ есть членъ въ планѣ и въ типѣ*,—именно въ-силу того, что онъ наслѣдіе, завѣщанное общимъ предкомъ. Всѣ млекопитающія происходятъ отъ одного млекопитающаго, члены котораго были устроены *по общему плану*. Если *типъ* является одинаковымъ въ стольких различныхъ видахъ, то по тому, что всѣ эти виды, въ-силу наслѣдственности, повторяютъ черты ихъ общаго прародителя. Всякое организованное тѣло есть живое зданіе, въ которомъ, отъ одного вида до другаго, по *общему типу*, передаваемому наслѣдственностію, подборъ накопилъ полезныя различія. Точно такъ *въ домъ, каменьщики и плотники строятъ сперва стѣны и кладутъ срубъ, послѣ чего столяры, маляры и обойщики обдѣлываютъ комнаты*. Мы видимъ, что *второй отрядъ послѣдовалъ за первымъ*, чтобъ дополнить, второстепенными частями, начатое построеніе. Точно такъ многіе ряды предковъ трудились по очередно, чтобъ выработать каждый изъ нашихъ видовъ. *Одинъ изъ этихъ рядовъ, самый древній, первобытный, установилъ типъ наиболѣе общій*, свойственный животнымъ цѣлой вѣтви, *типъ суставчатый, или позвоночный*. Второй, позднѣйшій, происшедшій отъ этого *типа*, прибавилъ различія, составляющія классъ, т. е. птицу, рыбу, или млекопитающее. Такимъ образомъ, недавно открытый законъ сохраненія силы выводитъ, *посредствомъ преобразованія (трансформаціи), всѣ настоящія силы изъ силъ первоначальныхъ, которыя туманное пятно Лапласа заключало въ своемъ древнѣйшемъ состояніи*. Когда дана комбинація, свойства ея объясняются *свойствомъ соединенныхъ ея элементовъ*. Когда дано это соединеніе, оно объясняется *свойствами этихъ самыхъ элементовъ и предшествующими обстоятельствами. Оно есть лишь результатъ и, подобно всѣмъ другимъ, имѣетъ причиною комбинированное присутствіе группы условій, постоянныхъ и измѣняющихся*. Для образованія планеты было постоянное условіе,—тяготѣніе газовыхъ частицъ, носившихся вокругъ центральнаго ядра, и условіе измѣняющееся,—прогрессивное охлажденіе, вслѣдствіе постояннаго сгущенія этихъ самыхъ частицъ. Для образованія вида были условіе постоянное,—передача общаго, болѣе древняго *типа*, и условія измѣняющіяся,—новыя обстоятельства, которыя прибавляли къ *типу* свойства вида. Обнимаемыя однимъ взглядомъ, всѣ эти заключенія сходятся въ одну точку, и этимъ схожденіемъ доводятъ насъ *до всеобщаго и высшаго закона, управляющаго всякимъ закономъ*. Это справедливо какъ для частныхъ случаевъ, такъ и для общихъ законовъ. Есть причина для паденія этого листка и для тяготѣнія всѣхъ планетъ къ солнцу, для сегодняшней росы и для обращенія въ жидкость всякаго пара, для біенія пульса въ рукѣ и для присутствія какого угодно аппарата въ какомъ угодно существѣ. Это справедливо какъ относительно законовъ, въ которыхъ *первая данная есть комбинація болѣе сложная*, такъ и для законовъ, которыхъ *первая данная есть комбинація болѣе простая*. Есть причина

для совокупныхъ дѣйствій общества человѣческаго и для индивидуальныхъ дѣйствій его членовъ, для свойствъ химическаго состава и для свойствъ составныхъ его веществъ, для дѣйствія машины и для дѣйствія ея колесъ. Это также справедливо для законовъ, относящихся къ умственнымъ комбинаціямъ, какъ и для законовъ, относящихся къ комбинаціямъ дѣйствительнымъ вещественнымъ. Есть причина для свойствъ эллипсиса, или цилиндра, какъ и для свойствъ воды, или гранита. Это также справедливо относительно законовъ, управляющихъ образованіемъ комбинаціи, какъ и относительно тѣхъ, которые прибавляютъ къ ней ея свойства; есть причина для образованія планеты, или животнаго вида, какъ и для всѣхъ свойствъ. Но замѣчательнѣе всего, что это также справедливо для законовъ, которыхъ объясненіе мы теперь имѣемъ, какъ и для законовъ, объясненія которыхъ намъ недостаетъ. Есть причина для притяженія, оказываемаго всѣми массами одна на другую, *для свойствъ кислорода, для образованія живой ячейки, для зарожденія нашего туманнаго пятна.* Мы не можемъ показать этой причины, но *увѣрены, что она существуетъ.* Мы допускаемъ, что если двѣ массы притягиваютъ другъ-друга, то не иначе, какъ *въ-силу болѣе простаго и болѣе общаго свойства, заключающагося въ группѣ свойствъ, составляющихъ эти массы,* — что если кислородъ представляетъ такія — то и такія свойства, то не иначе, какъ *въ-силу болѣе общихъ и болѣе простыхъ свойствъ*, которыя принадлежатъ его элементамъ и которыя суть *массы, разстоянія, внутреннія движенія составныхъ его атомовъ*,—что если безформенная жидкость образуется въ клѣтчатку, то это происходитъ *въ-силу взаимныхъ реакцій и предыдущаго состоянія весьма сложныхъ частицъ*, изъ которыхъ она состоитъ, и что если нѣкогда наше туманное пятно родилось, то лишь *вслѣдствіе силъ его частицъ и вліянія предыдущаго состоянія.* По нашему убѣжденію, во всѣхъ этихъ парахъ явленій объяснительный и доказательный членъ есть *нѣкоторое болѣе общее и болѣе простое свойство*, чѣмъ первая данная этой пары. *Онъ заключается въ ней, принадлежитъ къ ея элементамъ*, и качества этой первой данной, также какъ ея рожденіе, имѣютъ свое *послѣднее основаніе въ признакахъ и предшествующемъ состояніи ея послѣднихъ элементовъ. Наша мысль распространяетъ такое устройство вещей за предѣлы нашего міра и нашей исторіи, чрезъ бездны времени и пространства, за предѣлы всякаго отдаленія, какого можетъ достигнуть воображеніе, дальше всѣхъ границъ, какія могутъ обозначиться числами и количествами, тщетно нагромождаемыми одни на другія. Наше невѣдѣніе объяснительнаго основанія никакъ не есть указаніе его отсутствія, и, слѣдовательно, никогда, даже для событій, предшествовавшихъ рожденію нашего туманнаго пятна, и никдѣ, даже за предѣлами самыхъ далекихъ видимыхъ твердей, мы не имѣемъ права предполагать его отсутствіе».*

Такимъ образомъ, *выводы всѣхъ современныхъ экспериментальныхъ наукъ направляются къ подтвержденію положенія древней философіи, что* ἰδέος—*ы, идеи формы, нормы предшествуютъ всякимъ образованіямъ въ дѣйствительномъ мірѣ.*

ГЛАВА LII.

8) Современная наука склонна принять, относительно ἔιδος —овъ, и другое положеніе древности, именно, что ἔιδος—*ы вѣчны.* Не трудно сдѣлать это положеніе, о вѣчности ἔιδος —овъ, доступнымъ постиженію, съ точки зрѣнія чисто метафизической, съ точки зрѣнія великихъ христіанскихъ мыслителей—богослововъ, или съ точки зрѣнія величайшаго метафизика древности Платона. Такъ, *блаж. Августинъ* богословствуетъ: «вѣчное намѣреніе Божіе создать міръ и созданіе міра только во времени не находятся въ-противорѣчіи. Богъ отъ *вѣчности имѣлъ мысль* о мірѣ, отъ вѣчности опредѣлилъ создать его, но создать съ извѣстнаго времени, или точнѣе, вмѣстѣ съ временемъ». Туже идею еще глубже раскрываетъ *св. Григорій Богословъ*, въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «мірородный умъ разсматривалъ, въ великихъ своихъ умопредставленіяхъ, имъ же составленные образы (ἔιδος—ы) міра, который произведенъ впослѣдствіи, но *для Бога и тогда былъ настоящимъ. У Бога все передъ очами, и что будетъ, и что было, и что есть теперь. Для меня такой раздѣлъ положенъ временемъ, что одно впереди, другое позади; а для Бога все сливается въ одно* и все держится въ мышцахъ великаго Божества». И съ точки зрѣнія Платона постижимо, что вѣчному Творцу вселенной предлежалъ, какъ и предлежитъ вѣчно, *міръ идей* (Νοῦς, Λόγος), *неподвижный, всегда равный самому себѣ и вѣчный первообразъ*,—что отпечатлѣвая міръ идей въ абсолютномъ отсутствіи всякаго образованія, въ вѣчной матеріи (ὕλη), Творецъ созидаетъ міровую душу, вѣчный принципъ порядка и движенія въ мірѣ, и раскидываетъ ее, какъ *сѣть, или подмостки въ пространствѣ*, которое должно быть наполнено міромъ, и міръ созидается, такимъ способомъ, по образцу *вѣчныхъ идей, какъ непрестанно пребывающій, не старѣющій,* живой и разумный, безконечно прекрасный и даже божественный образъ блага.

Съ метафизической точки зрѣнія, къ иному исходу притти затруднительно,—что и подтверждается согласіемъ всевозможныхъ метафизикъ относительно признанія вѣчности идей міроваго порядка. Но замѣчательно, что въ туже сторону склоняются соображенія и новѣйшихъ позитивистовъ. Мы замѣчали уже, что выше упомянутая сѣть идей, или первообразовъ, *Платона* почти совершенно тождественна *съ сѣтью причинъ, или законовъ, Д. С. Милля*, и у послѣдняго эта сѣть оказывается столь-же вѣчною, всегда пребывающею и не старѣющеюся, какъ и у великаго метафизика древности. Мы уже неодно-

кратно видѣли и показывали, что въ началѣ своего ультра—позитивнаго міросозерцанія, въ началѣ бытія вещей, *Д. С. Милль* полагаетъ *первую причину*. Этою первою причиною можетъ быть и разумъ, лишь бы онъ произвольнымъ вмѣшательствомъ не нарушалъ, имѣ-же *однажды на-всегда данныхъ, законовъ*; это conditio sine qua non ультра-позитивной теоріи.

Изъ позитивистовъ съ извѣстностію мы можемъ указать только на одного, который желалъ бы, самымъ рѣшительнымъ образомъ, уклониться отъ допущенія *всеобщей первопричины, вѣчнаго антецедента* бытія вещей. Это именно *Литтрэ*. Онъ заявляетъ [1]), что не можетъ принять изъ рукъ Милля тѣхъ соглашеній, которыя этотъ предполагаетъ возможными *между позитивною философіею и теологическою точкою зрѣнія*. А что Милль дѣйствительно считалъ возможными подобныя соглашенія, въ-подтвержденіе этого *Литтрэ* приводитъ выше представленныя нами слова *Д. С. Милля* о томъ, что «самъ *О. Контъ* признавалъ гипотезу о *преднамѣренности* въ строеніи міра гораздо болѣе вѣроятною, чѣмъ гипотезу *слѣпаго механизма*»,—что «позитивный методъ мышленія не есть необходимое отрицаніе сверхъ-естественнаго»,—что «если міръ имѣлъ начало, то это начало, по самымъ условіямъ дѣла, было сверхъ-естественное»,—что съ основнымъ «утвержденіемъ позитивной философіи, что въ предѣлахъ существующаго порядка міра, или, скорѣе, той части его, которая намъ извѣстна, прямо опредѣляющая причина каждаго явленія естественна, а не сверхъ-естественна,—съ этимъ фактомъ можно согласовать и ту мысль, что *міръ былъ созданъ* и, даже, что *онъ управляется нѣкоторымъ разумѣніемъ*, лишь бы признавали, что *разумный правитель міра слѣдуетъ твердымъ законамъ*, которые лишь видоизмѣняются или нарушаются другими законами тогоже происхожденія, но никогда не отмѣняются по капризу»,—что «тотъ, кто смотритъ на всѣ явленія, какъ на части *постояннаго порядка, въ которомъ каждое явленіе есть необходимое слѣдствіе какого-нибудь предыдущаго условія, или сочетанія условій*, тотъ вполнѣ признаетъ *позитивный способъ мышленія*, все равно, признаетъ ли онъ *нѣкоторый антецедентъ, котораго послѣдствіемъ была первоначально вся система природы, и понимается ли этотъ антецедентъ, какъ нѣкоторое разумѣніе, или нѣтъ*». Такая уступчивость не-только *Милля*, но и *Конта*, въ пользу метафизики и даже теологіи, наиболѣе ревностному адепту *Контовой* школы, *Литтрэ*, конечно, не нравится. Почему же? По какимъ соображеніямъ?

«Чтобы достигнуть *до первой причины*»,—возражаетъ *Литтрэ*,—«ссылаются (*Контъ и Милль*) на знаки *преднамѣренности* въ твореніи. Но если эти знаки постоянно возобновляются въ строеніи міровъ, въ движеніи свѣтилъ, въ приспособленіи нашей планеты, въ организаціи живыхъ существъ,—то что-же они такое, какъ *не непрерывное вмѣшательство первой причины*»?—Да, конечно; но чтоже изъ этого? «Изъ этого слѣдуетъ»,—продолжаетъ *Литтрэ*,—«что если мы

---

[1]) Въ статьѣ: *Контъ и Милль*. Въ книгѣ: *Объ умѣ и познаніи Тэна*. Перев. *Страхова*. С.-п.б. 1872 г. т. II.

[2]) Т. II, стр. 67.

опускаемъ такіе *знаки преднамѣренности*, то мы идемъ *противъ принципа позитивной философіи, который отвергаетъ вмѣшательство и признаетъ лишь законы*». Заключеніе невѣрное, тревога напрасная,—потому-что, если позитивный принципъ допускаетъ *законы*, которые суть не что иное, какъ дѣйствія предшествующихъ причинъ и, въ концѣ концовъ, произведеніе первой причины, то вмѣстѣ съ тѣмъ допускаетъ и *вмѣшательство первой причины*, хотя и не иначе, какъ *посредствомъ законовъ*. Тутъ разница только въ словахъ, что и подтверждается словами самаго-же *Литтрэ*. Такимъ образомъ,—продолжаетъ онъ,—«допущеніе *всеобщаго антецедента* оказывается несогласимымъ съ позитивнымъ способомъ философствованія, заставляя его, рядомъ съ *законами*, принять ученіе о *конечныхъ цѣляхъ*, — такъ-какъ *сущность знаковъ преднамѣренности* есть не что иное, какъ ученіе о *конечныхъ цѣляхъ*». А развѣ позитивная философія совершенно уже непримирима съ ученіемъ *о конечныхъ цѣляхъ?* Конечно, хочетъ сказать *Литтрэ*, но говоритъ дальше нѣчто совершенно противное. «Это ученіе (о конечныхъ цѣляхъ)»,—продолжаетъ онъ,—«уже обращено, *каждою частною наукою*, въ позитивное ученіе, извѣстное подъ именемъ *начала условій существованія*,—начала, которое изгоняетъ всякія *вмѣшательства* и, встрѣчаясь въ *каждой частной наукѣ*, *стало общимъ принципомъ позитивной философіи*». Чтожъ это выходитъ? А то, что, по словамъ самаго *Литтрэ*, принципомъ позитивной философіи сталъ принципъ условій существованія; а ученіе объ условіяхъ существованія оказывается въ-сущности ученіемъ о конечныхъ цѣляхъ,—ученіемъ, которое подтверждается каждою частною наукою, хотя позитивисты и силятся вывернуть его наизнанку,—такъ-какъ, по указанію частныхъ наукъ, каждое частное существованіе должно развиться именно въ извѣстныхъ условіяхъ, чтобы достигнуть предуставленной цѣли существованія; а ученіе о конечныхъ цѣляхъ въ-сущности есть тоже, что ученіе о знакахъ преднамѣренности въ твореніи, или, что тоже, постоянное вмѣшательство первой и всеобщей причины, посредствомъ истекающихъ изъ нея-же законовъ,—вмѣшательство въ явленія, которыя, въ свою очередь, также не могутъ быть не чѣмъ инымъ, какъ произведеніемъ той-же всеобщей первопричины.

Отрицаніе *всеобщаго антецедента* имѣетъ связь у *Литтрэ* съ основнымъ принципомъ его философствованія, съ кореннымъ воззрѣніемъ его на отношеніе между психологіею и позитивною философіею, на разницу между теоріями *Милля* и *Конта*. Укоряя *Милля* въ томъ, что, «приписывая вещамъ *всеобщій антецедентъ*, онъ *служитъ безусловному*», *Литтрэ* утверждаетъ, что вообще «*психологическая относительность человѣческаго познанія не противорѣчитъ допущенію нѣкоторой теологіи*, безъ чего *Милль*, ревностный приверженецъ относительности, никакимъ образомъ не сталъ бы говорить *о всеобщемъ антецедентѣ*». Основное разногласіе между собою и *Миллемъ* самъ *Литтрэ* «относитъ къ *разности между психологіею и позитивною философіею*». Въ чемъ же заключается эта послѣдняя разность? Называя школу *Д. С. Милля*, согласно съ этимъ послѣднимъ, *психологическою*, *Литтрэ* противополагаетъ ее *позитивной* школѣ *О. Конта*, присовокупляя къ этому, будто философствовать позитивно по психологическому способу есть безвыходная задача,—будто невозможно достигнуть до позитивной философіи путемъ психологіи. По словамъ *Литтрэ*, «различіе между *Контомъ* и *Миллемъ* состоитъ

въ томъ, что первый стоитъ на объективной точкѣ зрѣнія, а второй на субъективной. *Контъ* создалъ *способъ философствованія объективный*, опираясь на тотъ неопровержимый принципъ, что субъектъ подчиненъ объекту,—что нельзя уйти отъ природы вещей и что изученіе человѣка не даетъ пониманія міра. *Контъ* устранилъ философію, не-только *теологическую*, поставивъ законы на мѣсто воли и *метафизическую*, замѣнивъ понятія a priori понятіями a posteriori, но и *психологическую философію*, поставивъ изученіе міра на мѣсто изученія человѣка. Это различіе *между психологическою и объективною исходною точкою*, въ позитивномъ способѣ философствованія, приводитъ къ знаменитому принципу *относительности человѣческаго познанія. Этотъ принципъ вошелъ въ плоть и кровь позитивной философіи.* Однакожъ, весьма важно различать тѣ два пути, которыми до него дошли, съ одной стороны, Англійскіе философы, а съ другой *Контъ*. Для Англійскихъ философовъ *это—принципъ психологическій, вытекающій изъ природы нашей познавательной способности; для Конта—онъ эмпирическій, вытекающій изъ того, что въ каждой положительной наукѣ мы доходимъ до факта или явленія, дальше котораго итти невозможно.* По мнѣнію *Литтрэ*, эти два пути различаются не-только *пріемомъ*, но и *результатомъ. Психологическое доказательство* относительности человѣческаго познанія недостаточно въ философскомъ отношеніи. Оно доказываетъ лишь одну вещь, именно, что мы знаемъ всякій предметъ только посредствомъ ощущеній, которыя онъ въ насъ возбуждаетъ,—что познаніе его чисто феноменальное и что мы никогда не проникаемъ въ то, что онъ есть въ самомъ себѣ. Но *оно не доказываетъ, что то самое, что воспринимается нами лишь феноменально, не есть въ-сущности часть и обнаруженіе абсолютнаго*;—другими словами, *оно не заграждаетъ доступа первымъ причинамъ*». Итакъ, по *Литтрэ*, самая важная, если только не единственная, въ своемъ родѣ, *вина психологическаго позитивнаго способа философствованія* заключается въ томъ, что онъ «*не заграждаетъ доступа первымъ причинамъ, не даетъ средствъ уклониться отъ абсолютнаго.* Другой пріемъ»,—продолжаетъ *Литтрэ*,—«у *Конта* и—другой результатъ. *Пріемъ*: построивъ философію каждой основной науки, *онъ убѣдился a posteriori*, что во всѣхъ наукахъ мы доходимъ *до условій, быть можетъ, послѣднихъ, быть можетъ, и нѣтъ, но такихъ, что за ними мы не можемъ найти другихъ условій.* Такимъ образомъ, *Контъ экспериментально установилъ свой принципъ, что въ человѣческомъ познаніи нѣтъ ничего абсолютнаго.* Такова *формула*, которую онъ далъ этому принципу. *Результатъ*: между-тѣмъ-какъ психологія никакъ не опредѣляетъ характера того предѣла, на которомъ останавливается *возможность разложить явленія на дѣйствія и причины*, и оставляетъ открытый *входъ для дѣйствія первыхъ причинъ*, позитивная философія, рукою *Конта*, указываетъ яснымъ и» (будтобы?) «достовѣрнымъ образомъ, что эта *возможность останавливается на несводимомъ явленіи*, которое каждая наука признаетъ себя неспособною *разложить* (*на дѣйствія и причины*), чѣмъ и ставится граница постигаемаго міра и указывается край того, гдѣ постижимость для насъ прекращается. Природу, цѣль и сущность позитивной философіи» *Литтрэ* поставляетъ въ томъ, что «она *непосредственно раздѣляетъ міръ на двѣ части, одну извѣстную, а другую неизвѣстную*,—одну, которую мы знаемъ,

а другую, которой мы не знаемъ, *закрытую для всѣхъ нашихъ умозрѣній*,— одну извѣстную въ-силу человѣческихъ условій, *другую неизвѣстную какъ въ протяженіи пространства, такъ и въ теченіи времени и въ связи причинъ*. Въ психологической относительности человѣческихъ познаній *нѣтъ никакой силы противъ понятія о первыхъ причинахъ*; она есть только въ опытномъ принципѣ относительности, который, *ничего не говоря о томъ, существуютъ ли онѣ или нѣтъ, указываетъ разныя точки, на которыхъ остановился умъ человѣческій въ познаніи вещей*».

Но есть ли критерій для опытнаго принципа, для подтвержденія того, что онъ вѣрно указываетъ точки, на которыхъ остановился умъ человѣческій, что дальше этихъ точекъ умъ человѣческій никогда не ходилъ, не пойдетъ и не можетъ итти? Или *Контъ*, а за нимъ и *Литтрэ*, указываетъ такія точки по личному произволу?—*Миллъ* замѣтилъ, что «*Контъ* не даетъ логическаго, да и никакого критерія истины, — что въ позитивной философіи *Конта* нѣтъ критерія, который бы показывалъ, что полученные результаты получены правильнымъ пріемомъ и что наведеніе, которымъ добыты общія истины, законно. Все это логика»,—не безъ нѣкотораго пренебреженія возражаетъ *Литтрэ*,—«я очень высоко ее ставлю и весьма интересуюсь наукою, которая показываетъ намъ условія познанія, вытекающія изъ природы нашего ума и которая даетъ законную санкцію нашимъ разсужденіямъ. Но искомый критерій есть опытъ или повѣрка. Истину мы познаемъ посредствомъ опыта, а *не посредствомъ логики*. Есть два признака истины и заблужденія, одинъ умственный, представляемый логикою, другой опытный, представляемый науками. Не умственный признакъ господствуетъ надъ опытнымъ, а наоборотъ. *Контъ* слѣдовалъ господствующему и *не имѣлъ нужды въ подчиненномъ*. Опытъ подтверждается воззрѣніемъ. Наведеніе, дедукція повѣряется опытомъ, т. е. воззрѣніемъ. Научная достовѣрность есть вездѣ и всегда достовѣрность воззрѣнія. *Она не ищетъ своего доказательства въ логикѣ или правильности разсужденій и пріемовъ; она ищетъ его въ опытѣ или воззрѣніи. Воззрѣніе, опирающееся само на себя, и составляетъ критерій истины*, по ученію *Конта* и позитивной философіи. Обыкновенно говорятъ: почему вы знаете, что вашъ опытъ, ваша повѣрка имѣютъ силу? Но здѣсь, вмѣсто того, чтобы думать, что опытъ имѣетъ нужду въ логикѣ, нужно думать наоборотъ, что логика имѣетъ нужду въ опытѣ. Не только *позитивная философія не зависитъ отъ логики*, но логика зависитъ отъ позитивной философіи, точно также, какъ и психологія». Однакожъ нельзя не сказать, что утвержденія Литтрэ довольно отважны. Мыслителю, который претендуетъ на имя философа, нужно имѣть не малый запасъ смѣлости, чтобъ утверждать, что «*истину мы познаемъ не посредствомъ логики*»,—что *Контъ «не имѣлъ нужды въ умственномъ признакѣ истины, представляемомъ логикою»*,—что «*научная достовѣрность не ищетъ своего доказательства въ логикѣ, или въ логической правильности разсужденій и методовъ,—не нужно думать*, что *опытъ имѣетъ нужду въ логикѣ*»,— что, однимъ словомъ, «*Контова позитивная философія не зависитъ отъ логики*»! Было бы странностію опровергать подобныя категорическія положенія, тѣмъ болѣе, что *Литтрэ* здѣсь же самъ себя опровергаетъ, утверждая, что «есть два признака истины и заблужденія, одинъ умственный, представляемый логикой,

а другой опытный»,—что «логика даетъ санкцію нашимъ разсужденіямъ,—логика показываетъ намъ условія познанія, вытекающія изъ природы нашего ума». А если, по выраженію его же, «нельзя уйти отъ природы вещей», то тѣмъ болѣе нельзя «нашему познанію уйти отъ природы нашего ума». Категорически же *Литтрэ* утверждаетъ, что «не умственный критерій истины господствуетъ надъ опытнымъ, а на-оборотъ», и потому безъ перваго будто-бы легко даже обойтись,—что «субъектъ подчиненъ объекту». Но подчиненіе субъекта объекту, въ дѣлѣ познанія, а не, на-оборотъ, объекта субъекту,—это—великій вопросъ, который дебатируется во всѣхъ сочиненіяхъ, составляющихъ библіотрафію позитивно-экспериментальной философіи, посильному разрѣшенію котораго посвящено и все наше изслѣдованіе. Возвращаться назадъ, повторять все, что до сихъ поръ, въ нашемъ изслѣдованіи, нами сказано, считаемъ не умѣстнымъ. Позитивно-философская школа *Конта—Литтрэ* воображаетъ, что гонится за истиною только объективною. По ихъ чаянію, объективная истина познается только опытомъ. Опытъ дается только воззрѣніемъ. Воззрѣніе имѣется въ-виду, очевидно, по преимуществу, или даже единственно только внѣшнее-чувственное. И выходитъ, что внѣшне-чувственное воззрѣніе—единственный критерій объективной истины, тогда-какъ всякая психологія скажетъ и докажетъ, что внѣшне-чувственное воззрѣніе даетъ истину, почти исключительно только субъективную, а позитивная Англійско-Шотландская школа доказываетъ даже, что мы не можемъ знать никакой другой истины, кромѣ субъективной,—что даже самое бытіе внѣшняго міра есть не иное что, какъ внутреннее субъективное представленіе, и что не оказывается никакого научнаго выхода изъ этого заколдованнаго круга. Игнорировать всѣ эти возраженія противъ опытнаго критерія объективной истины, какъ это дѣлаетъ *Литтрэ*, это значитъ, дѣйствительно, не давать никакого критерія истины, какъ утверждаетъ *Д. С. Милль*, или даже поставлять критерій обще-человѣческой истины въ произволѣ, въ аподиктическихъ приговорахъ *Конта*, который, замѣтимъ кстати, и воображалъ себя новымъ пророкомъ человѣчества, или въ произволѣ ближайшаго его ученика и провозвѣстника, *Литтрэ*.

И дѣйствительно, самъ *Литтрэ* укоряетъ не кого другаго, какъ самого-же *Конта* въ произволѣ, выражая неудовольствіе противъ него за то, что «и онъ *иногда грѣшилъ противъ созданной имъ философіи*», находя выраженіе того-же неудовольствія и у *Милля*,—неудовольствія именно за то, что «*Контъ дозволяетъ себѣ допускать нѣкоторый произволъ относительно доказательствъ объективности, строгаго соотвѣтствія между понятіемъ и внѣшнею реальностію*». По словамъ *Милля*, приводимымъ у *Литтрэ*, «*Контъ* въ своемъ обзорѣ позитивной методы, въ прямыхъ выраженіяхъ, требуетъ дозволенія допускать, безъ напрасныхъ колебаній, *гипотетическія понятія*, для того, чтобъ удовлетворить, въ надлежащихъ границахъ, нашимъ справедливымъ умственнымъ наклонностямъ, которыя всегда стремятся, по инстинктизному предпочтенію, къ простотѣ, непрерывности и общности понятій, хотя и уважаютъ постоянно реальность внѣшнихъ законовъ, на-сколько они намъ доступны. *Контъ* думаетъ, что наиболѣе философская точка зрѣнія ведетъ насъ къ мысли, что изученіе естественныхъ законовъ имѣетъ своимъ назначеніемъ представить внѣшній міръ такъ,

чтобы дать существенныхъ наклонностямъ нашего ума все удовлетвореніе, какое только согласно со степенью точности, требуемой совокупностью нашихъ *практическихъ нуждъ*. Къ этимъ существеннымъ наклонностямъ онъ причисляетъ не только наше инстинктивное расположеніе къ порядку и гармоніи, заставляющее насъ находить удовольствіе во всякомъ понятіи, даже *фиктивномъ*, если оно приводитъ явленія въ систему, но даже требованія чисто *эстетическія*, которыя, по словамъ *Конта*, имѣютъ законную долю въ употребленіи нѣкотораго рода *свободы, остающейся возможною для нашего ума*. По удовлетвореніи нашихъ высшихъ умственныхъ наклонностей, остается еще значительное *поприще неопредѣленности*, которое, по мнѣнію *Конта*, должно послужить на прямое удовлетвореніе нашей потребности къ *идеальности*, на то, чтобъ *украсить наши научныя мысли*, не нанося ущерба *существенной ихъ реальности*. Сообразно со всѣмъ этимъ, *Контъ предостерегаетъ мыслителей отъ слишкомъ строгаго изслѣдованія справедливости научныхъ законовъ* и произноситъ строгое осужденіе надъ тѣми, кто, слишкомъ мелочнымъ изслѣдованіемъ, разрушаетъ обобщенія уже найденныя, не будучи въ-состояніи замѣнить ихъ другими». Къ этимъ выраженіямъ неудовольствія *Милля* на произволъ *Конта*, *Литтрэ* прибавляетъ отъ себя, что «*Контъ*, осуждая слишкомъ мелочныя изслѣдованія, относительно уже найденныхъ обобщеній, произнесъ *осужденіе также и на звѣздную астрономію*, по его мнѣнію, безполезную для нашихъ теоретическихъ и практическихъ потребностей, заключенныхъ въ предѣлахъ нашей солнечной системы,—осужденіе, противъ котораго *Литтрэ апеллируетъ во имя философіи*. Если, по *Миллю*, *Контъ мало заботился о логическомъ критеріи доказательствъ*,—то, *по Литтрэ*, онъ (*Контъ*) *умышленно и сознательно отказывался отъ строгой реальности, ради ложной пользы, считая болѣе выгоднымъ угождать нѣкоторымъ склонностямъ и удовольствіямъ ума, чѣмъ строго держаться соотвѣтствія между понятіемъ и фактомъ*. Каковъ бы, впрочемъ, ни былъ мотивъ»,—заключаетъ *Литтрэ*,—«*позитивная философія должна отвергнуть эти сдѣлки*. Непозволительно считать достаточными понятія, завѣдомо гипотетическія; *непозволительно щадить обобщенія, которыя подвергаются разрушенію со-стороны критики*» (наприм., обобщенія въ-родѣ опытнаго критерія объективной истины?), «*непозволительно, наконецъ, запрещать изслѣдованія погружающіяся въ безконечность пространства*. «Я не могу»,—провозглашаетъ *Литтрэ*,—«принять изъ рукъ *Конта подобнаго произвола въ обращеніи съ наукою*, какъ не могу принять и изъ рукъ *Милля* тѣхъ соглашеній, которыя онъ предполагаетъ возможными между позитивною философіею и теологическою точкою зрѣнія».

Прекрасно. Но кто-же поручится, какимъ критеріемъ можно подтвердить, что и самъ *Литтрэ* не допускаетъ, подобно *Конту*, произвола въ обращеніи съ наукою? На какомъ основаніи *Литтрэ* останавливаетъ свой экспериментальный методъ философствованія, съ одной стороны, ближе къ внѣшне чувственному воззрѣнію, чѣмъ *Контъ*, или *Миллъ*, которые, по его мнѣнію, еще допускаютъ нѣкоторыя соглашенія съ метафизикою, и даже теологіею,—а съ другой стороны, требуетъ свободы изслѣдующему духу погружаться въ *безконечность пространства*, безусловно необъятную для внѣшняго чувства? Можетъ ли быть уважительною, для серьезной мысли, произвольная рѣшимость *Литтрэ* остановить

полетъ человѣческаго ума тамъ, гдѣ ему, *Литтрэ*,—угодно? И если онъ позволяетъ уму погружаться въ одну *безконечность*, именно *пространства*, то почему-же не дозволить устремляться и въ другую *безконечность*, именно *времени*? А по тому, что въ-этомъ направленіи умъ человѣческій неизбѣжно встрѣчается съ безконечною вѣчною первопричиною, со всеобщимъ антецедентомъ бытія. Но здѣсь *Литтрэ* неумолимъ. По его приговору, если въ этомъ направленіи «мы пойдемъ дальше, то выйдемъ за предѣлы науки и философіи. Позитивное философствованіе, по приговору *Литтрэ*, нельзя разсматривать такъ, что, трактуя лишь о *вторыхъ причинахъ*, оно оставляетъ свободу мыслить *о первыхъ причинахъ, какъ угодно. Нѣтъ, оно не оставляетъ относительно этого никакой свободы; его опредѣленіе точно, категорично и отдѣляетъ его радикально отъ философіи теологической и метафизической: оно объявляетъ, что первыя причины неизвѣстны*»!

Что-же именно неизвѣстно, свойство ли первыхъ причинъ, или самое бытіе ихъ? Въ этомъ вопросѣ *Литтрэ*, повидимому, намѣренно уклоняется отъ яснаго и опредѣленнаго разграниченія. Впрочемъ, какъ ни трудно подвергать сомнѣнію бытіе первыхъ причинъ, тѣмъ не менѣе произвольность философствованія *Литтрэ* увлекаетъ его даже въ эту крайность,—онъ относитъ къ области неизвѣстнаго самое существованіе перваго и всеобщаго антецедента. Выше мы видѣли его выраженія, относящіяся къ этому: «*Контъ* убѣдился a posteriori, что во всѣхъ наукахъ мы доходимъ *до условій, быть можетъ, послѣднихъ, быть можетъ, и нѣтъ, но такихъ, что за ними мы не можемъ найти другихъ условій*». Значитъ, мы знаемъ одно изъ двухъ: что данныя условія или, сами въ себѣ, представляютъ первую причину, или условливаются рядомъ другихъ причинъ, изъ которыхъ самая крайняя, самая послѣдняя, будетъ первою причиною? Тоже самое, казалось бы, вытекаетъ и изъ слѣдующаго выраженія его-же: «позитивная философія указываетъ достовѣрнымъ образомъ, что каждая наука останавливается на *несводимомъ явленіи*, которое она признаетъ себя неспособною *разложить на дѣйствія* и *причины*»;—значитъ, это несводимое явленіе или само есть послѣдняя причина, или требуетъ впереди себя другую дальнѣйшую причину, и это намъ извѣстно?—Никакъ нѣтъ, отвѣчаетъ *Литтрэ*: «позитивная философія раздѣляетъ міръ на двѣ части, *одну извѣстную, а другую неизвѣстную, закрытую для всѣхъ нашихъ умозрѣній, неизвѣстную какъ въ протяженіи пространства, такъ и въ теченіи времени, и въ связи причинъ*». И чтобъ мы не подумали, будто эту неизвѣстность *Литтрэ* относитъ только къ свойствамъ, а не къ самому бытію первыхъ причинъ, онъ выражается, наконецъ, ясно и рѣшительно, такимъ образомъ: «позитивный принципъ *ничего не говоритъ о томъ, существуютъ ли онѣ, или нѣтъ*». Слѣдовательно, для *Литтрэ* неизвѣстно не-только свойство, но и самое бытіе первой причины.

Ужели же философія *Литтрэ* не знаетъ всеобщности закона причинности? Нѣтъ, знаетъ. Но, продолжаетъ Литтрэ, «мы знаемъ всеобщность закона причинности посредствомъ опыта, а не посредствомъ логики, или психологіи, потому-что одно изъ превосходныхъ изслѣдованій позитивной философіи состоитъ въ доказательствѣ, что *понятіе причины не имманентно человѣческому уму*» ... И—такъ *имманентность, врожденность категорій и идей*—conditio sine qua non,—

здѣсь также, какъ въ критикѣ позитивизма и *Д. С. Милля, и М. Троицкаго* и tutti quanti. . . Напрасно Милль проповѣдуетъ: *«всѣ послѣдніе законы суть законы причинности, и единственный общій законъ*, за предѣлами математики, *есть законъ общей причинности*, т. е. что всякое явленіе имѣетъ причину,—что есть нѣкоторое другое явленіе, или нѣкоторая комбинація явленій, за которою оно слѣдуетъ неизмѣннымъ и *безусловнымъ* образомъ. Только на *всеобщности этого закона* основывается возможность установить правило индукціи «(позитивнаго метода познанія)». Общее предложеніе, добытое индуктивно, будетъ истинно только тогда, когда факты, на которыхъ оно основывается, таковы, что ложность этого обобщенія несовмѣстима *съ постоянствомъ причинности, со всеобщностію факта, по которому явленія природы совершаются сообразно съ неизмѣнными законами послѣдованія*». *Литтрэ* знаетъ это, но не хочетъ давать этому никакого значенія. Напрасно современный намъ французскій позитивистъ Тэнъ, какъ мы выше видѣли [1]), широко и обстоятельно развиваетъ мысли, что всѣ, извлекаемыя изъ положительнѣйшихъ естественныхъ наукъ заключенія о преемствѣ причинъ и послѣдствій, о связи общихъ законовъ съ разнообразными ихъ проявленіями, «сходятся въ одну точку и этимъ схожденіемъ доводятъ насъ до *всеобщаго и высшаго закона, управляющаго всякимъ закономъ*»,—что «наша мысль, распространяетъ преемство причинъ и слѣдствій *за предѣлы нашего міра и нашей исторіи, чрезъ бездны времени и пространства, за предѣлы всякаго отдаленія*, какого можетъ достигнуть воображеніе, дальше всѣхъ границъ, какія могутъ обозначиться числами и количествами, тщетно нагромождаемыми другъ на друга», — что *«наше невѣдѣніе объяснительнаго основанія» (достаточной причины) «никакъ не есть указаніе его отсутствія, и, слѣд., никогда, даже для событій, предшествовавшихъ зарожденію нашего туманнаго пятна, изъ котораго образовалась наша солнечная система, и нигдѣ, даже за предѣлами самыхъ далекихъ видимыхъ твердей, мы не имѣемъ права предполагать его отсутствіе*». Нѣтъ, для *Литтрэ* и его философіи, лежащая внѣ нашего, крайне ограниченнаго, внѣшне—чувственнаго усмотрѣнія часть міра *«закрыта для всѣхъ нашихъ умозрѣній, какъ въ протяженіи пространства, такъ и въ теченіи времени, и въ связи причинъ,»* такъ-что его позитивный принципъ ничего не говоритъ ему даже о томъ, *существуетъ* ли тамъ связь причинъ, *существуетъ* ли первая причина, *существуетъ* ли всеобщій антецедентъ.— *Спиноза* утверждалъ подтверждаемую обще - человѣческимъ усмотрѣніемъ истину, что «было бы абсурдомъ, мысля бытіе ограниченное, отрицать абсолютное». Не-смотря на это, принципъ *Литтрэ* уполномочиваетъ его мыслить такимъ образомъ, что вотъ существуетъ данное ограниченное бытіе, намъ извѣстное, что, по связи причинъ, мы доходимъ до послѣднихъ намъ извѣстныхъ причинъ, а дальше той грани, на которой оканчивается послѣдняя, намъ извѣстная причина, мы можемъ мыслить уже небытіе, — можемъ мыслить, что дѣйствительное данное бытіе произошло изъ небытія, *нѣчто изъ ничего*! Это самоновѣйшая позитивная мудрость,—тогда-какъ другіе позитивисты—естественники, въ-видахъ противодѣйствія христіанскому ученію о творчествѣ, на-оборотъ, считаютъ крайне непозитивнымъ мыслить происхожденіе *чего-нибудь изъ ничего*! Какже позитивистъ, естественникъ, медикъ *Литтрэ*, отнесется

[1]) Томъ II, стр. 100—102.

ко всѣмъ этимъ толкамъ естественниковъ-же *о вѣчности силы и матеріи*? Вотъ, наприм., геологъ *Бернгардъ фонъ Котта* [1]) проповѣдуетъ: «матерія представляется намъ какъ *вѣчное* данное, измѣняющееся только въ формѣ. Въ этомъ заключается законъ сохраненія силы; онъ не исключаетъ неизмѣнности матеріи, будемъ ли мы признавать силу за свойство, или за причину матеріи. *Шпиллеръ* говоритъ: «надо было бы прекратить всякое умственное движеніе, если бы не преслѣдовать дальнѣйшихъ истинъ, лежащихъ предъ нами въ *безконечной перспективѣ*». Вещество, какъ силу, должны мы признавать *вѣчнымъ*, а только форму проявленія его измѣняющеюся. Гдѣ опредѣленіе времени невозможно, тамъ нельзя положить и границъ спорамъ о времени. Тогда все равно, нуженъ ли, для удовлетворительнаго объясненія, одинъ годъ, или цѣлые милліоны лѣтъ. *Вѣчность лежитъ одинаково и позади насъ, какъ и передъ нами.* Время не ограниченно, не имѣетъ мѣры, мы не знаемъ для него границъ. Если дѣло идетъ объ извѣстныхъ образованіяхъ, то къ нимъ, конечно, неприложима вѣчность; но періодъ этого времени все-же *безпредѣленъ и относительно безконечно* великъ, и мы можемъ брать изъ *абсолютно безконечнаго времени*, сколько намъ понадобится. Загадка происхожденія вещества остается положительно неразрѣшенною. Вслѣдъ за каждымъ отвѣтомъ возникаетъ постоянно новый вопросъ и такъ далѣе. Естествоиспытатель не изъявляетъ притязанія на то, что онъ открылъ происхожденіе и сущность вещества, что онъ узнаетъ ихъ когда-нибудь,—уже по тому только, что индуктивное изслѣдованіе не ведетъ никогда къ началу, къ самостоятельному происхожденію, а, совершенно на-оборотъ, *указываетъ всегда съ достовѣрностію на каждое послѣдовательное явленіе, какъ на дѣйствіе причинъ, предшествовавшихъ именно такъ, что всѣ явленія представляютъ звѣнья одной безконечной цѣпи.* Важнѣйшій общій результатъ геологіи есть *законъ постояннаго суммированія*» (тоже, что сѣть причинъ и слѣдствій *Д. С. Милля*) «дѣйствующихъ силъ, или *результатовъ всѣхъ явленій*. Этимъ обусловливается увеличивающееся дифференцированіе матеріи, *развитіе отъ простаго къ сложному*» (согласно теоріи и *Тэна*) *и многообразному. Оно начинается въ первомъ и только вслѣдствіе этого становится возможнымъ второе. Это суммированіе—общій законъ, по тому, что мы убѣждаемся въ его необходимости.* Приложеніе закона развитія къ образованію міра вообще *необходимо предполагаетъ начало*, потому-что развитіе,-то, что имѣетъ быть,—движется какъбы между двумя расходящимися, изъ одной точки, линіями. Какъ бы малымъ мы ни представляли себѣ уголъ, образуемый ими, онъ все-же будетъ угломъ и, слѣд., долженъ имѣть начало. Но что же было ранѣе? *Начало или конецъ времени, какъ и пространства, вообще, также немыслимы, какъ невообразимо и противоположное.* Но это важное возраженіе противъ закона развитія имѣетъ мѣсто лишь въ приложеніи его къ міру въ цѣломъ его объемѣ, а отнюдь не въ-отношеніи къ одной опредѣленной части его, наприм., къ нашей солнечной системѣ. Законъ развитія, который мы наблюдаемъ въ осязаемомъ мірѣ, приводитъ насъ не къ началу міра вообще, а только къ началу нашего міра. *Начало это представляетъ, быть можетъ,*

---

[1]) *Геологія настоящаго времени*, перев. *Таскина*. С.-Петербургъ, 1874 года. стр. 424, 425, 431, 433, 434, 435.

результатъ такого-же ряда развитій и такъ далѣе, и такъ далѣе, до безконечности».

Ужели же *Литтрэ* отрицаетъ эту, условливаемую структурою нашего ума, необходимость вѣчнаго отступленія, по цѣпи слѣдствій и причинъ, въ безконечность, къ первой и всеобщей причинѣ? Ужели онъ представляетъ всеобщую связь причинъ и слѣдствій самозамкнутою круговою цѣпью, въ которой послѣднее слѣдствіе становится причиною первой причины,—цѣльное движеніе которой, такимъ образомъ, является дѣйствіемъ безъ причины? Или онъ отрицаетъ всеобщность и безусловность закона причинности? Здѣсь у него не обошлось безъ противорѣчій. Съ одной стороны, для него «въ человѣческомъ познаніи нѣтъ ничего абсолютнаго,—такова формула *Контова* принципа позитивной философіи»; съ другой стороны, онъ «знаетъ всеобщность закона причинности», хотя и знаетъ ее только «посредствомъ опыта, а не посредствомъ логики»,—хотя это знаніе и оказывается у него «однимъ изъ превосходныхъ открытій позитивной философіи», такъ-какъ «понятіе причины не имманентно человѣческому уму». Первыя причины, всеобщій антецедентъ у него принадлежатъ къ той «неизвѣстной части міра, которая закрыта для всѣхъ нашихъ умозрѣній;—позитивный принципъ ничего не говоритъ о самомъ существованіи первыхъ причинъ,—позитивное философствованіе не оставляетъ никакой свободы мыслить о первыхъ причинахъ, какъ угодно; его опредѣленіе точно и категорично: *оно объявляетъ, что первыя причины неизвѣстны*»! Но, съ другой стороны, по его приговору, «*объявить ихъ неизвѣстными значитъ ни признавать ихъ, ни отрицать*»; слѣд., позволяется мыслить объ этомъ какъ угодно. А далѣе, по его словамъ, «психологическій принципъ позитивной философіи, принципъ относительности человѣческаго знанія, *вытекающій изъ природы нашей познавательной способности*, — психологическое доказательство, заимствуемое изъ логики, которая показываетъ намъ условія познанія, *вытекающія изъ природы нашего ума, и которая даетъ законную санкцію нашимъ разсужденіямъ*,—этотъ принципъ, это доказательство «не заграждаетъ доступа первымъ причинамъ», даже болѣе того,—«не даетъ способовъ уклоняться отъ абсолютнаго»,—даже болѣе того, «оставляетъ открытый входъ для дѣйствія первыхъ причинъ»,—даже болѣе того, заставляетъ «служить безусловному,—не противорѣчитъ допущенію нѣкоторой теологіи, безъ чего *Милль никакимъ образомъ не сталъ бы говорить о всеобщемъ антецедентѣ*. Но экспериментально относительность человѣческаго познанія не оставляетъ мѣста ни для чего подобнаго. Это замѣчаніе», по приговору самаго *Литтрэ*, «заканчиваетъ весь разборъ дѣла» [1]). Иначе сказать, *Литтрэ*, разсуждая *вопреки психологіи и психологической*

---

[3]) Противорѣчіе въ философскомъ міровоззрѣніи *Литтрэ* сказалось противорѣчіемъ-же и въ жизни его, точно также, какъ и въ жизни *Конта*. Извѣстно, что *О. Контъ*, такъ ригористически-узко и исключительно настаивавшій на внѣшне- чувственномъ свидѣтельствѣ, какъ единственномъ принципѣ и критеріи познанія, подъ старость сдѣлался своеобразнымъ мистикомъ и, отпавъ отъ христіанства, усиливался сочинить свою собственную, болѣе чѣмъ странную религію, ставя на мѣсто личнаго Бога, въ центрѣ религіознаго культа, себя и свою возлюбленную. Подобнаго-же роковаго и страннаго, и почти даже смѣшнаго исхо-

относительности познанія, вытекающей изъ природы нашей познавательной способности, *вопреки логики*, которая показываетъ намъ условія познанія, вытекающія изъ природы нашего ума, и которая даетъ законную санкцію нашимъ разсужденіямъ,—*Литтрэ* приглашаетъ насъ, чтобъ и мы мыслили вопреки психологіи и логики, вопреки природѣ нашего ума, и повѣрили ему *Литтрэ* на слово: αὐτὸς ἔφη... Потому-то знающіе въ философіи люди и говорятъ, какъ-то: 1) *Д. С. Миллъ*, что *Контъ* (какъ и самъ *Литтрэ*) не даетъ никакого критерія истины,—

да не избѣжалъ и *Литтрэ*. Въ газетахъ 1885 г. пишутъ, что *Литтрэ* записался, ни болѣе ни менѣе, какъ въ масоны, въ общество которыхъ и поступилъ съ соблюденіемъ разныхъ обрядовъ. Такъ въ *Церковномъ Вѣстникѣ* (1875 г. № 31) читаемъ: «Недавно въ Парижѣ происходила интересная церемонія принятія знаменитаго *Литтрэ* въ члены масонскаго ордена. Это — своего рода событіе, потому-что *Литтрэ*, какъ *глава школы французскихъ позитивистовъ*, считался за *безусловнаго атеиста*, между-тѣмъ-какъ *необходимое условіе для поступленія въ масоны* составляетъ *исповѣдь деизма и признаніе верховнаго существа*, называемаго у масоновъ *Великимъ Зодчимъ вселенной*. Какимъ же образомъ выпутался *Литтре* изъ этой *трудной дилеммы?* Когда потребовали отъ него обыкновеннаго масонскаго завѣщанія, *Литтрэ*, въ поданной ему книгѣ, въ которой пишутъ эти завѣщанія, написалъ: «Я заранѣе составилъ свою духовную въ сочиненіяхъ, подписанныхъ моимъ именемъ. А когда настала очередь изложить свои взгляды на *Божество*, *Литтрэ*, въ длинной рѣчи, изложилъ свою исповѣдь, состоящую въ томъ, что *позитивисты считаютъ идею Божества недоступною человѣческому пониманію. Беспредѣльное*, — сказалъ, между прочимъ, *Литтрэ*,—*«находится ли оно въ области матеріи, или въ области разума, въ глубинахъ беспредѣльнаго пространства, или въ нескончаемой цѣпи причинъ,—одинаково безусловно недоступно человѣческому разуму.* Когда, однакожъ, утверждается эта недоступность, то тѣмъ еще *не отрицается существованіе того, что недоступно. Беспредѣльное — это океанъ, волны котораго вѣчно бьютъ о наши берега*, но въ который мы пуститься не можемъ, такъ-какъ у насъ нѣтъ для этого ни ладьи, ни компаса». Въ этихъ немногихъ словахъ скрывается сущность того страннаго противорѣчія, которое господствуетъ во всемъ міровоззрѣніи *Литтрэ*. «Идея Божества недоступна человѣческому пониманію,—беспредѣльное—безусловно недоступно человѣческому разуму». Спрашивается, откуда-жъ она взята, если она безусловно не доступна человѣческому разуму? Безспорно, взята она изъ разума. Спрашивается далѣе, справедливо ли и то, будто она безусловно недоступна человѣческому пониманію? И это не правда. Я ясно понимаю идею беспредѣльнаго, во-первыхъ, съ отрицательной стороны, опредѣляющей, что безпредѣльное не есть въ себѣ, ясно понимаю то, наприм., что беспредѣльное не есть это перо, которымъ я пишу въ эту минуту; а во-вторыхъ, пересчитывая всѣ ограниченныя вещи, постигаю, что ни одна изъ такихъ вещей, ни даже вся ихъ совокупность не исчерпываетъ беспредѣльнаго, слѣдовательно, отчасти постигаю беспредѣльное и съ положительной стороны, понимая его въ-отношеніи только къ Нему Самому, по сравненіи его только съ самимъ собою. «Безпредѣльное, по словамъ *Литтрэ*, и въ области

2) нашъ професоръ *Кудрявцевъ* [1]), что «философія *Конта* (какъ и *Литтрэ*), въ собственно-философскомъ мірѣ, пользуется малымъ уваженіемъ»; 3) *М. Троицкій* [2]), называетъ *Конта* «представителемъ не отжившаго матеріализма»; 4) даже въ журналѣ *Знаніе*, при всемъ его пристрастіи къ ультра-эмпирическому позитивному *Конта*, выражаются: «школа позитивистовъ — *философія наименѣе философская* ограничивающаяся наименѣе областію эмпиризма и придающая наименѣе значенія объединяющей мысли» [3]). Мы же, съ своей стороны, *полагаемъ, что позитивисты* этой отрасли, *Контъ и Литтрэ*, относятся, въ XIX в., къ разряду французскихъ энциклопедистовъ XVIII вѣка и, продолжая тоже самое дѣло голословнаго отрицанія и тупаго антифилософскаго скептицизма, имѣютъ значенія для философіи не болѣе своихъ предшественниковъ - соотечественниковъ, *Вольтера* и другихъ, выражая, узко и рѣзко, одностороннее направленіе французскаго національнаго характера и умственнаго склада.

Оказывается, такимъ образомъ, что не-только *Д. С. Милль*, нетолько *О. Контъ* volens, но и *Литтрэ* nolens volens, допускаютъ всеобщій антецедентъ, безконечную вѣко-вѣчную первопричину бытія. Свойства этой первой причины, по теоріи *Милля*, суть един-

---

матеріи, и въ области разума, и въ глубинахъ пространства, и въ непостижимой цѣпи причинъ,—это океанъ, волны котораго вѣчно бьютъ въ наши берега». Совершенно справедливо. Съ своего берега мы не видимъ конца океана. — Неужели же поэтому отрицать его бытіе? Нѣтъ, его волны слишкомъ реально, слишкомъ чувствительно, а иногда даже грозно бьютъ въ наши берега, такъ-что отрицать его реальность по тому только, что, не имѣя ни ладьи, ни компаса, скептику трудно пуститься въ безбрежность океана, было бы абсурдомъ. Еще большій абсурдъ—отрицать единое беспредѣльное, единое безусловное бытіе, неотрицаемо сказывающееся нашей ограниченности въ беспредѣльности пространства и матеріи, въ нескончаемой связи причинъ и въ разумной идеѣ безконечнаго, по тому только, что безусловное, по своей безконечности, необъятно. Его антиномическая постижимость и непостижимость были извѣстны человѣчеству искони; а *Литтрэ*, настаивая на безусловной, во всякихъ смыслахъ, недоступности его человѣческому разуму, обнаруживаетъ только скептическій произволъ, вопреки обще-человѣческому усмотрѣнію и вѣковѣчному психическому опыту. Здѣсь и Дальтонистъ, не ощущающій краснаго или зеленаго цвѣтовъ, могъ бы еще съ большимъ правомъ, чѣмъ *Литтрэ*, вопреки обще-человѣческому усмотрѣнію, отрицать существованіе этихъ цвѣтовъ, на-основаніи ихъ недоступности для своихъ глазъ.—Пріемъ *Литтрэ* въ масоны,—продолжаетъ Церковный Вѣстникъ, — которому не помѣшала его исповѣдь, обнаружилъ фактъ, что къ *масонскому ордену принадлежатъ во Франціи многіе позитивисты*, доказывая тѣмъ истину Божественнаго изрѣченія: *Савле, Савле! что мя гониши! Трудно прать противу рожна.*

[1]) Прав. Обозрѣніе, 1875 г. Мартъ, *Религія и позитивная философія*, стр. 399.

[2]) 1873 г., Іюнь. Критика, стр. 9.

[3]) Нѣмецкая психологія, стр. 103.

*

ственныя, независимыя и безусловныя сосуществованія, достаточно неизмѣнныя для того, чтобы быть неизмѣнными всеобщими законами природы. Эти законы, дѣйствія и свойства первой причины суть первыя естественныя причины,—и всѣ явленія природы *суть или непосредственныя, или отдаленныя дѣйствія*, но во всякомъ случаѣ, суть *необходимыя безусловныя послѣдствія этихъ первыхъ факторовъ, или какого-либо болѣе ранняго совпаденія этихъ постоянныхъ причинъ*,— суть послѣдствія, *необходимыя и безусловныя* до такой степени, что *состояніе всего міра, въ данную минуту, мы признаемъ послѣдствіемъ его состоянія въ предшествующее мгновеніе*,—что человѣкъ, который зналъ бы всѣхъ существующихъ въ настоящую минуту дѣятелей, ихъ совпаденіе въ пространствѣ и всѣ ихъ свойства, т. е. законы ихъ дѣйствій, могъ бы предсказать всю послѣдующую исторію вселенной,—что всевѣдущимъ умомъ весь рядъ прошедшихъ и будущихъ событій, въ исторіи вселенной, могъ бы быть построенъ a priori: «*такъ-какъ все случающееся опредѣляется законами связи причины съ слѣдствіемъ и сопряженіями первыхъ причинъ*». Выше привели мы подобныя-же, до тождественности, мысли и слова *Тэна, Дюбуа-Реймона, Лапласа и Даламбера* о томъ, что всѣ движенія міра, настоящія, прошедшія и будущія, развивались и будутъ, съ математическою необходимостью, развиваться изъ единой первоосновной формулы бытія. Какъ возрастный человѣкъ, помимо разнообразныхъ причинъ, вліявшихъ на его развитіе, во весь періодъ его жизни, послѣ зачатія, предначертанъ былъ, съ чертами своего лица, качествами органовъ, съ темпераментомъ, характеромъ, способностями и склонностями, въ εἶδος—ѣ зачаточнаго пузырька, такъ, можно сказать, и всякое данное состояніе всего міра предначертано было въ ближайшемъ предыдущемъ, это предыдущее, въ свою очередь, предначертано въ своемъ предыдущемъ, второмъ,—это второе—въ третьемъ дальнѣйшемъ и такъ далѣе, пока не дойдемъ, въ этомъ отступленіи, *до совпаденія первыхъ причинъ, иначе сказать, до абсолютныхъ, неизмѣнно-вѣчныхъ свойствъ абсолютной причины*. Съ этой точки зрѣнія, нѣтъ во вселенной ни преходящаго, ни случайнаго,-ни общаго, ни частнаго, потому-что самое измѣненіе всего предусмотрѣно и предопредѣлено. Все, кажущееся случайнымъ, является неизбѣжнымъ продуктомъ всеобщихъ, неизмѣнныхъ и необходимыхъ законовъ; все великое, широкое, общее, безпредѣльно мало въ-сравненіи съ *универсомъ*, точно также, какъ мало и самое малое; въ свою очередь, все самое

малое, частное и частичное неизбѣжно, необходимо и разумно цѣлесообразно въ развитіи цѣлаго міроваго порядка. Съ матеріалистической точки зрѣнія, эти выводы оказываются ясными и неизбѣжными не менѣе, какъ и съ супра-метафизической. Позитивная наука, даже съ абсолютною, съ самою крайнею настойчивостью, налегаетъ на исключеніе изъ міроваго развитія всякаго проблеска свободы, человѣческой ли то, или премірной, которая могла бы дать случайное произвольное направленіе неизмѣннымъ вѣчнымъ законамъ природы. Изъ позитивистовъ, нѣкоторые *сомнѣваются* даже *въ началѣ* вещей и настоящаго міроваго порядка, а другіе даже провозглашаютъ рѣшительно *безначальность* міроваго порядка, утрируя положеніе древности о вѣчности міровыхъ законовъ или ἕἶδος—овъ. Такимъ образомъ, эта *вѣчность* ἕἶδος—*овъ, какъ идей премірнаго творческаго Промысла, какъ вѣковѣчныхъ, отъ вѣчности предуставленныхъ, законовъ міроваго порядка,* допускаемая всякими школами, за исключеніемъ развѣ школы аподиктически—скептическаго позитивизма *Литтрэ*, не нуждается въ дальнѣйшемъ подтвержденіи съ нашей стороны.

Но вотъ что мы желаемъ разъяснить, частію вопреки стремленію современной позитивной мысли, а частію въ духѣ ея направленія: именно, что, *въ реальномъ смыслѣ, вѣчное бытіе можно приписать* ἕἶδος—*амъ еще съ большею настойчивостью относительно будущаго, чѣмъ относительно прошедшаго.* Это становится доступнымъ постиженію въ слѣдующей серіи идей. Экспериментальная позитивная наука допускаетъ, какъ одну изъ самыхъ основныхъ аксіомъ, положеніе *о неуничтожаемости матеріи и силы.* Мы, съ своей стороны, это положеніе не считаемъ ни достаточно подтвержденнымъ фактически, ни самоочевиднымъ, съ точки зрѣнія конституціональныхъ прирожденныхъ началъ нашего мышленія и знанія. Чтобы поколебалась вѣра въ аксіому неуничтожаемости матеріи и силы, стоитъ только допустить двѣ вещи, и вещи къ тому-же несомнѣнныя, которыхъ нельзя не допустить: именно, ограниченность реальнаго міра, съ одной стороны, и безграничность абсолютнаго бытія и небытія, съ другой. Лишь-только вообразимъ, что матерія, расширяясь, распростирается, а міровая сила, разсѣеваясь, теряется въ безпредѣльномъ пространствѣ, то тотъ—часъ-же мы и получимъ, во-очію, математическую аксіому: $\frac{1}{\infty} = 0$. А вѣдь нѣтъ ни малѣйшей фактической возможности доказать, что эта математическая аксіома не осуществляется въ

дѣйствительномъ фактѣ. Чтобы принять на вѣру пропагандируемое современными естествовѣдами положеніе о неуничтожимости матеріи, для этого необходимо предполагать невѣроятное, именно: безпредѣльность матеріальнаго міра не-только по пространству, но и по времени. Но безпредѣльность міра по времени, иначе сказать, вѣчность существованія настоящихъ формъ міра, отъ атомовъ до солнцевъ, вслѣдъ за внушеніями историческаго преданія, вслѣдъ за голосомъ обще-человѣческаго естественнаго смысла, отрицается пока также приговоромъ огромнаго большинства самыхъ крѣпкихъ авторитетовъ и науки. Можно допустить неуничтожимость матеріи и силы только въ двухъ смыслахъ, при двухъ, впрочемъ, совпадающихъ въ одно, условіяхъ, именно, что бытіе абсолютное, разъ навсегда осуществивъ опредѣленное количество ограниченной силы, содержитъ ее, собственною абсолютною силою, въ сконцентрированномъ видѣ, препятствуя ей потеряться и исчезнуть въ абсолютномъ небытіи, или, что абсолютное бытіе, съ каждымъ моментомъ, осуществляетъ большее и большее количество ограниченныхъ бытій, извлекая изъ своей безпредѣльности и реализуя въ ограниченности большее и большее количество силы ограниченной. Дѣйствительность заставляетъ совокуплять оба эти воззрѣнія въ одно, которое, опираясь на множество физико-химическихъ фактовъ, подтверждающихъ невозможность уничтоженія силы или матеріи, сводится въ положеніе, что *для ограниченной силы абсолютно невозможно уничтоженіе какой бы то ни было реальной силы, возможное единственно только для силы абсолютной.*

Съ этимъ положеніемъ, какъ аксіомою для дальнѣйшей дедукціи, пойдемъ дальше. Вотъ мы мыслимъ происхожденіе перваго атома изъ абсолютныхъ бытія и небытія. Въ этой первозданной твари напрасно стали бы мы ловить ея элементарное стихійное содержаніе, то абсолютное бытіе, и то абсолютное ничтожество, изъ таинственнаго смѣшенія которыхъ она возникла. Въ ней мы получаемъ только εἶδος,— *опредѣленную форму проявленія, извѣстнымъ образомъ дѣйствующую силу, особое единство неисчислимаго множества, своеобразное, единое, цѣльное ограниченіе безпредѣльности.* Подобнымъ-же образомъ должны мы мыслить происхожденіе и втораго, третьяго, четвертаго и дальнѣйшихъ, въ неисчислимомъ множествѣ, атомовъ. Не говоримъ уже о томъ, что, при этомъ, въ каждомъ изъ нихъ и во всѣхъ ихъ въ-совокупности, мы получаемъ нѣчто сходное съ первымъ атомомъ: ихъ сходство указываетъ на единство ихъ источника. Но

еслибъ они были только сходны и ничѣмъ не отличны другъ отъ друга, то они не подлежали бы и различенію, сознанію и знанію;— тогда они не способны были бы даже раздѣльно существовать и образовать изъ частностей гармонію общей міровой жизни,—тогда они не отдѣлялись бы отъ своего примитивнаго источника, бытія абсолютнаго, которое необъятно и непостижимо. То, что каждая изъ этихъ тварей вноситъ въ *жизнь* ограниченнаго міра, равно-какъ и въ область нашего *сознанія*, это свой *особый* ἴδος, *свою особую форму проявленія, свою, извѣстнымъ, спеціальнымъ образомъ дѣйствующую силу*. Если же здѣсь естествовѣденіе возразитъ, что первобытные атомы возникали, конечно, не изъ ничтожества, но, вѣроятно, изъ такъ-называемыхъ невѣсомыхъ силъ: притяженія, свѣта, теплоты, электричества, магнетизма и т. п., то ту-же самую теорію первоначальнаго происхожденія мы перенесемъ, съ атомовъ, на самыя силы и скажемъ, что когда изъ абсолютнаго бытія и небытія возникла первая міровая сила, наприм., свѣтъ, то въ этой силѣ мы получаемъ не иное что, какъ особый ἴδος,—опредѣленную форму проявленія, особымъ опредѣленнымъ образомъ дѣйствующую силу. По возникновеніи же второй, третьей, четвертой и дальнѣйшихъ особыхъ силъ, мы получили второй, третій, четвертый и дальнѣйшіе особые ἴδος—ы, отличныя другъ отъ друга, своеобразныя формы проявленія и дѣйствованія. Перенося тѣже воззрѣнія на происхожденіе высшихъ, болѣе сложныхъ, формъ бытія, цѣлыхъ міровъ: солнцевъ, планетъ и кометъ, простыхъ элементарныхъ и сложныхъ веществъ, кристалловъ и органическихъ клѣточекъ, цѣлыхъ сложныхъ индивидуальныхъ организмовъ, колоніальныхъ и родовыхъ, до человѣка и человѣческаго рода включительно, мы въ каждой отдѣльной формѣ получаемъ тоже самое, особый ἴδος, свою особую форму проявленія, свою, особымъ, опредѣленнымъ образомъ дѣйствующую, силу. При этомъ нельзя мыслить иначе, какъ такъ, что настоящій современный намъ биллiонъ (1.000.000.000.000) жителей земнаго шара представляетъ сумму силы, большую той, какую представлялъ нѣкогда только милліонъ (1.000.000), какую представляла тысяча (1.000) нѣкогда жившихъ на землѣ людей, и какую представляли вначалѣ только два первобытные человѣка, — что теперешнее развитое животное царство представляетъ сумму силы, большую той, какую представляли нѣкогда два, три первобытныхъ слизняка (все это говорится *ad hominem*),—что органическое царство, въ теперешнемъ своемъ развитіи, представляетъ сумму силы, большую той, какую пред-

ставляли двѣ, три первобытныя органическія клѣточки,—что теперешнія міріады солнцевъ, планетъ, кометъ, лунъ, аэролитовъ, представляютъ сумму силы, большую той, какую съ перваго начала представляли одинъ или два, только-что получившіе вращательное движеніе, центра примитивнаго зачатка первобытныхъ міровъ, — что настоящая безмѣрная масса молекулъ представляетъ сумму силы, безмѣрно большую той, какую представляла въ себѣ одна только первозданная молекула. Поэтому разсчету оказывается, что, при возникновеніи міра, каждый ново-возникающій ἕιδος *привносилъ съ собою въ міръ извѣстную силу, извлекая ее изъ нѣдръ силы абсолютной, самоограничивающей себя небытіемъ.* Если же каждый ἕιδος несомнѣнно привносилъ съ собою извѣстную долю силы, въ общую сумму бытія, тогда, при первоначальномъ возникновеніи вещей, то нѣтъ никакого основанія отрицать что тоже бываетъ и до настоящаго времени, при возникновеніи всякой новой особой формы бытія. И до настоящаго времени, всякая особая *ново-возникающая форма привноситъ съ собою извѣстную долю силы въ общую сумму бытія.* Если же это непререкаемая истина, если, въ тоже время, возможно принять въ какое-либо уваженіе одно изъ самыхъ основныхъ положеній современной экспериментальной науки о неуничтожимости матеріи и силы,—если принять въ соображеніе, что подъ матеріею и силою мы можемъ видѣть не что иное, какъ только ἕιδος — ы, или ἕιδος, цѣльную совокупность опредѣленныхъ формъ проявленія, и что за формами проявленія напрасно мы стали бы ловить самое содержаніе, которымъ оказывается не иное что, какъ абсолютное,—то мы должны признать за непреложную истину *неуничтожимость*, иначе сказать,—*вѣчное, по возникновеніи, существованіе* ἕιδος—*овъ*. Не отрицая того, что только въ абсолютной силѣ лежитъ потенція уничтоженія силы ограниченной, мы должны признать за непреложную истину, по меньшей мѣрѣ, то, что *вѣчное существованіе* ἕιδος—*овъ безмѣрно вѣроятнѣе, чѣмъ ихъ уничтоженіе.*

Скажутъ, что этому вѣроятію противорѣчитъ повсемѣстный опытъ уничтоженія формъ бытія и перехода ихъ въ другія?—Но на это мы отвѣчаемъ, что объ уничтоженіи формъ бытія говоритъ только низшій чувственный опытъ. Противопоставляется же этому опыту то высшее, не-только метафизическое, но и физическое, и химическое обобщеніе всякихъ опытовъ, что ни одна, даже самомалѣйшая, часть выработанной силы не исчезаетъ въ послѣдствіяхъ своего развитія.

Если же мы теряемъ слѣдъ какой-либо индивидуальной силы, то не по тому, чтобы данная сила метафизически исчезла, безслѣдно и невозвратно, а единственно только по тому, что низшія наши чувства далеко не всегда способны услѣдить ее, во всѣхъ ея метаморфозахъ. Если же, далѣе, опять мы станемъ отдѣлять силу отъ формы, отъ εἶδος—а, то неизбѣжно получимъ какъ въ формѣ силы 0, такъ и въ содержаніи силы 0, и, такимъ образомъ, впадемъ въ противоестественнѣйшій абсурдъ абсолютнаго нигилизма.

ГЛАВА LIII.

9) Во всякомъ случаѣ, несомнѣнно то, что, *для нашего сознанія, въ ограниченномъ бытіи существуетъ только* εἶδος, *извѣстная, цѣльная, живая форма самоограниченія абсолютнаго бытія абсолютнымъ небытіемъ*. Это не та, однакожъ, форма, которую можно видѣть глазомъ, или ощупать рукою, но цѣльность всякихъ проявленій той или другой силы,—проявленій, доступныхъ низшимъ внѣшнимъ чувствамъ столько-же, сколько и самымъ глубокимъ движеніямъ чувства внутренняго (такъ, наприм., теплоту, или мысль, мы не можемъ видѣть глазомъ, однакожъ, проявленія того и другаго предмета нашему чувству доступны),—это, извѣстнымъ, опредѣленнымъ образомъ, дѣйствующая сила,—это опредѣляющій извѣстныя черты явленія законъ. При этомъ повторяемъ, что во всякомъ, какомъ бы то ни было явленіи, механическомъ, или химическомъ, физическомъ, или духовномъ, не-только всегда присущи, но и явственны для нашего сознанія, единственно только, сродная явленію сила и опредѣляющій дѣятельность силы законъ; но содержаніе, въ тоже время всегда несомнѣнно присущее, никогда не уловимо для нашего сознанія. Такъ, въ случайно навѣянной вѣтромъ кучѣ песку, или вздутой вѣтромъ-же волнѣ, всегда есть единство натуральной силы, составившей, изъ совокупности силъ, по опредѣленному закону, это единое явленіе. Но, съ другой стороны, въ самомъ грубочувственномъ явленіи песчинки, или водяной молекулы, мы никогда не уловимъ содержанія, потому-что песчинка и молекула воды, каждая, въ свою очередь, распадаются на дальнѣйшія части, на атомы, на ультиматы и, въ концѣ концовъ, на извѣстнымъ образомъ проявляющуюся безпредѣльность нулей, или ничтожества. Точно так-

же, и въ этой кучѣ песку, каждый атомъ песчинки есть такой-же реальный, самостоятельный ἴδος, какъ и песчинка, какъ и цѣлая куча, какъ и цѣлое песчаное море; въ данной волнѣ, каждая молекула воды есть такой-же самостоятельный ἴδος, какъ и вся эта волна, какъ и цѣлый пѣнящійся океанъ воды суть самостоятельные ἴδος—ы, опредѣленныя проявленія такой, или другой, но всегда объединенной въ итогѣ явленія, силы. Иначе сказать, всякій родъ явленій есть не что иное, какъ индивидуализированный ἴδος, какъ и обратно, всякій, самый малый, индивидъ есть родовая сумма частнѣйшихъ явленій, такъ-какъ и всякій атомъ оказывается совокупностью безмѣрнаго множества мельчайшихъ частичныхъ явленій. Въ свою очередь, вся совокупность частичныхъ явленій, индивидуальныхъ и родовыхъ, въ итогѣ всѣхъ итоговъ, оказывается ограниченнымъ обнаруженіемъ единаго, всеобщаго, универсальнаго, закона, иначе сказать, оказывается отчасти доступнымъ, а отчасти непостижимымъ для нашего сознанія ἴδος—омъ единаго абсолютнаго бытія.

10) Эти-то ἴδος—ы, которые, какъ цѣльные, чуждые всякой отвлеченности, полножизненные образы, никакъ не слѣдуетъ смѣшивать (какъ разъяснено это нами въ первой части нашего изслѣдованія) съ болѣе или менѣе отвлеченными разсудочными понятіями; эти-то ἴδος—*ы и суть основные законы бытія, суть живые субстраты, суть неизмѣнныя сущности явленій*, неизмѣнныя по тому, что самыя измѣненія, на нихъ или въ нихъ, мелькающія, суть предопредѣленные необходимые ἴδος—ы раскрытія самоограничивающагося абсолютнаго бытія. Если они, однакожъ, представляются измѣняющимися,—то это по тому, что въ одномъ ἴδος—ѣ включено, на каждомъ, даже самомалѣйшемъ ἴδος—ѣ, какъ субстратѣ, такъ сказать навѣшено неисчислимое множество другихъ частнѣйшихъ ἴδος—овъ, которые, въ свою очередь, суть не что иное, какъ проявленіе единаго, неизмѣннаго, но самоограниченнаго, абсолютнаго, и навѣшено не такъ, чтобы включенные ἴδος—ы относились къ заключающему ἴδος—у, какъ нѣчто совершенно чуждое и случайное. Нѣтъ, первые относятся къ послѣднему, какъ его ограниченіе и разграниченіе, какъ очертаніе его предѣловъ, какъ обозначеніе и различеніе его качествъ, безъ чего онъ не былъ бы доступенъ ограниченному сознанію и слился бы, во-первыхъ, съ ἴδος—омъ высшимъ, родовымъ, который заключаетъ въ себѣ его самаго, какъ частнѣйшій видъ, и изъ котораго, какъ родоваго корня, извлекаетъ онъ соки своего бытія, а, въ концѣ концовъ, слился бы съ

ытіемъ абсолютнымъ. *Распаденіе всякаго εἶδος—а на частные и частнѣйшіе εἴδος—ы есть неизбѣжный результатъ его индивидуальной сущности, а включеніе его въ высшій родовой εἶδος есть неизбѣжный результатъ его сущности элементарной*, индивидуальной го цѣльности, происшедшей изъ спеціальнаго ограниченія въ немъ бсолютнаго бытія абсолютнымъ небытіемъ. *Это—противорѣчіе, но ротиворѣчіе не логическое, а антиномическое.*

У *Г. Спенсера* представленъ, очень доступный пониманію, примѣръ ключенія частныхъ явленій въ общія и болѣе общія,—включенія явеній, измѣняющихся въ неизмѣнныя формы, при чемъ первыя нечувствительно переходятъ во вторыя, антиномически начинаясь положеніемъ и переходя въ отрицаніе, начинаясь измѣненіемъ и переходя ъ неизмѣнное.

«Мы ясно замѣчаемъ», пишетъ *Г. Спенсеръ*, «что тѣло, если его толкнуть рукой, движется и движется въ опредѣленномъ направленіи. Съ перваго раза, кажется, невозможно сомнѣваться, что движеніе тѣла есть дѣйствительное движеніе, или что оно совершается по-направленію къ данной точкѣ. Однако легко оказать, что мы не-только можемъ быть, но и бываемъ почти всегда неправы ъ обоихъ этихъ сужденіяхъ. Возьмемъ, напримѣръ, корабль и предположимъ, ля простоты, что онъ стоитъ якоремъ на экваторѣ, при чемъ носъ его обращенъ ъ западу. Когда капитанъ идетъ отъ носа къ кормѣ, въ какомъ направленіи вижется онъ? На востокъ, будетъ очевидный отвѣтъ,—и отвѣтъ этотъ можетъ, а мгновеніе, быть принятъ безъ критики. Но вотъ якорь поднятъ, и корабль лываетъ на западъ со скоростью, равною той, съ какой движется капитанъ. Въ акомъ направленіи движется теперь капитанъ, идя отъ носа къ кормѣ? Вы не ожете сказать, что на востокъ, потому-что корабль съ той-же скоростью уноитъ его на западъ, съ какой онъ движется на востокъ; не можете сказать, и на западъ, по противоположной причинѣ. Относительно окружающаго пространства, апитанъ неподвиженъ, хотя на палубѣ корабля онъ кажется движущимся. Но полнѣ ли мы увѣрены въ этомъ заключеніи? Дѣйствительно ли капитанъ неодвиженъ? Если мы примемъ въ-разсчетъ движеніе земли вокругъ ея оси, то айдемъ, что, вмѣсто того, чтобы оставаться на мѣстѣ, капитанъ движется, со скоростью 1000 миль въ часъ, по-направленію къ востоку, такъ-что ни впечатлѣніе тѣхъ, кто смотритъ на капитана, ни заключеніе тѣхъ, кто имѣетъ въ-виду движеніе корабля, не представляютъ въ себѣ чего-либо похожаго на истину. При альнѣйшемъ соображеніи, даже и исправленное заключеніе наше окажется неногимъ лучше. Мы не приняли въ-расчетъ движеніе земли по ея орбитѣ. Оно равняется 68,000 м. въ часъ; слѣдовательно, предположивъ, что дѣло совершается ъ полдень, капитанъ оказывается движущимся не со скоростью 1,000 миль въ часъ къ востоку, а со скоростью 67,000 миль въ часъ къ западу. Но даже и еперь мы не имѣемъ еще истинной скорости и истиннаго направленія его движенія. Съ движеніемъ земли, по ея орбитѣ, мы должны соединить движеніе всей

солнечной системы къ созвѣздію Геркулеса. Принявъ это въ разсчетъ, мы видимъ, что капитанъ движется не къ востоку, или западу, но по линіи, наклонной къ плоскости эклиптики, и со скоростью большею, или меньшею (смотря по времени года) противъ той, которая указана выше. Прибавимъ еще, что еслибъ динамическое устройство нашей звѣздной системы было намъ вполнѣ извѣстно, то, вѣроятно, мы открыли бы, что направленіе и скорость дѣйствительнаго движенія капитана значительно разнятся даже и отъ того, что мы сейчасъ представили. *Такимъ образомъ, то, что представляется намъ движущимся, оказывается неподвижнымъ, а повидимому неподвижное оказывается движущимся; то, что по нашему заключенію идетъ быстро въ одномъ направленіи, идетъ, на самомъ дѣлѣ, гораздо быстрѣе въ направленіи противоположномъ. Такъ мы узнали, что движеніе, которое мы сознаемъ, не есть дѣйствительное движеніе какого-нибудь предмета, ни по-отношенію къ скорости, ни по-отношенію къ направленію*; оно есть движеніе только относительно извѣстнаго положенія, которое занимаемъ или мы сами, или кто-нибудь другой. При разсмотрѣніи нашихъ послѣдовательныхъ сужденій, относительно движенія какого-нибудь тѣла, или его скорости, мы принимали за признанное, что существуютъ неподвижныя точки въ пространствѣ, относительно которыхъ всѣ движенія будутъ абсолютны, и мы находимъ, что невозможно даже освободиться отъ этой идеи. Тѣмъ не менѣе, абсолютнаго движенія нельзя ни вообразить, ни узнать. Движеніе, внѣ тѣхъ предѣловъ пространства, которые мы обыкновенно соединяемъ съ нимъ, совершенно не мыслимо, потому-что движеніе есть перемѣна мѣста; а *въ безграничномъ пространствѣ перемѣна мѣста непонятна, по той причинѣ, что немыслимо самое мѣсто.* Мѣсто можно себѣ представить только по-отношенію къ другимъ мѣстамъ; если же нѣтъ предметовъ, разсѣянныхъ въ пространствѣ, то его можно понять только по-отношенію къ предѣламъ пространства; откуда слѣдуетъ, что *въ безграничномъ пространствѣ мѣсто не можетъ быть понято, т. е. всѣ мѣста будутъ находиться на равномъ разстояніи отъ границъ, которыхъ не существуетъ*».

Міръ εἶδος—овъ весьма похожъ на прозрачный, до крайней глуби, океанъ, со дна котораго идутъ лучи свѣта, тысячекратно пересѣченные, отраженные и изломанные, безпрерывно встрѣчающимися съ ихъ направленіемъ, міріадами молекулъ текучей, или волнующейся, воды, минеральныхъ частей и живыхъ существъ,—въ которомъ, тѣмъ не менѣе, однакожъ, дно является нашему сознанію, помимо свидѣтельства нашихъ внѣшнихъ чувствъ, всегда неподвижнымъ. Или, еще точнѣе, міръ εἶδος—овъ похожъ на звѣздное небо, въ которомъ, при всеобщей движимости звѣздъ, атмосферы и самыхъ лучей солнца, оказываются для нашего сознанія неподвижныя точки. И замѣчательно, что чѣмъ дальше онѣ отъ нашего внѣшняго чувства, чѣмъ ближе онѣ къ гранямъ безпредѣльнаго, тѣмъ больше приближаются онѣ и къ абсолютной неподвижности по-отношенію къ намъ,

такъ-что тысячи лѣтъ безсильны сдѣлать, для нашего наблюденія, явственною перемѣну нашего положенія, въ-отношеніи къ этимъ граничнымъ точкамъ; вообще, тѣмъ больше и больше принимаютъ онѣ для насъ, въ разнообразныхъ отношеніяхъ, значеніе абсолютнаго безконечнаго, такъ-что, наприм., въ оптикѣ, лучи, идущіе отъ солнца, или звѣздъ, обыкновенно принимаются, безъ опасности математической погрѣшности въ оптическихъ вычисленіяхъ, не расходящимися подъ угломъ, но идущими какъ-бы параллельно отъ свѣтящейся точки, находящейся какъбы на такомъ далекомъ разстояніи, что его можно принять за безпредѣльное. Но за этимъ, хотя и безпремѣрно-далекимъ, однакожъ, граничнымъ, распростирается, дѣйствительно, абсолютно безмѣрное и потому абсолютно неподвижное и неизмѣнное.

Такимъ образомъ, мы получили три, непререкаемо и непреложно существующія, бытія: *атомы, бытіе абсолютное и ограниченные* εἶδος—*ы*; или, лучше сказать, мы получили два бытія: 1) *единое абсолютное безконечное и 2) міріады ограниченныхъ* εἶδος—*овъ, въ число которыхъ включаются и атомы. То, и другое, и третье бытія, составляющія основу всякаго существованія, познаются не внѣшнимъ нашимъ чувствомъ, но всею цѣльностью человѣческаго чувства, по-преимуществу же, глубочайшимъ внутреннимъ чувствомъ.* Такъ, бытіе абсолюта и атомовъ, какъ и всякихъ ограниченныхъ εἶδος—овъ, становится непреложнымъ не-столько по свидѣтельству внѣшнихъ чувствъ, сколько по окончательному приговору чувства внутренняго и, стоящихъ на немъ, конституціональныхъ законовъ нашего интеллекта. Не говоримъ уже, что это само собою очевидно относительно абсолюта. Не-только абсолютъ, но и всякій εἶδος, познается не иначе, какъ глубочайшимъ внутреннимъ чувствомъ. Εἶδος всякой, даже самой грубо-чувственной, вещи есть не то, что видитъ въ ней глазъ, или осязаетъ рука. Нѣтъ; εἶδος *есть и то, что видитъ въ вещи глазъ, но не отдѣльно и отъ того, что осязаетъ въ ней рука, и отъ того, что слышитъ ухо, и отъ того, что разбираетъ* (если только разбираетъ) *вкусъ, и отъ того, что ощущаетъ въ ней, или отъ нея, всякое физическое чувство нашего организма.* Но и все это въ-совокупности не составляетъ еще εἶδος—а вещи; нѣтъ, *всѣ эти черты вещи должны быть раз-анализированы нашимъ разсудкомъ и поставлены въ связь со всѣмъ сосуществующимъ, предшествующимъ и послѣдующимъ, а за-тѣмъ скомбинированы нашимъ умомъ, по голосу внутреннѣйшаго нашего чувства, въ цѣльный живой образъ, въ живую часть жива-*

го универса. Вотъ тогда только, въ глуби нашего сознанія, больш или меньше, выяснится εἶδος вещи. Смотря по роду вещи, не всякі εἶδος заключаетъ въ себѣ черты, ощущаемыя глазами, или слухомт или осязаніемъ, равно—какъ и другими тѣлесными чувствами; н рѣшительно и безусловно, *ни одинъ εἶδος не можетъ быть εἶδος—ом состоя изъ однихъ только внѣшне-чувственныхъ чертъ, безъ прибав ленія къ нимъ качествъ, единственно только рефлексіею, умомъ, цѣль ностью всего нашего интеллекта постигаемыхъ и въ единство живаг цѣльнаго εἶδος—а совокупляемыхъ.*

ГЛАВА LIV.

Далѣе ближайшая задача наша — отвѣтить на вопросъ: *знаемъ л мы что-либо реальное,* — представляется намъ почти выполненною Мы доказали, что знаемъ,—что реальное вообще имѣетъ разныя сте пени реальности,—что знаніе, наиболѣе объективное и реальное за ключается именно въ идеяхъ. Фактами же подтвердили мы и то, что въ дѣятельности нашего интеллекта усматриваются такъ-называемыя антиноміи, коренныя противорѣчія, въ которыя, при рѣшеніи корен ныхъ вопросовъ міросозерцанія, умъ запутывается совершенно естественно и неизбѣжно. Многими данными разъяснили мы и то, на конецъ, что въ глубинѣ сложной структуры единаго и цѣльнаго наше го интеллекта, равно-какъ и чувства, замѣчается нѣкоторое раздвое ніе, именно: раздвоеніе интеллекта на разсудокъ и разумъ, а чувства на чувство внѣшнее и внутреннее. Для полноты же обзора остается не столько доказывать уже, сколько разъяснить послѣдній пунктъ, съ которымъ связаны и всѣ предыдущіе, представивъ по возможности краткій, но, въ тоже время, и возможно цѣльный очеркъ именно этого *конституціональнаго раздвоенія нашего интеллекта.* Поэтому мы должны разсудить далѣе *о самовидѣніи* εἶδος—*овъ.*

Εἶδος—значитъ собственно *видъ,* нѣчто такое, что видится, или что видитъ, или то и другое вмѣстѣ,—т. е. и то, что видится, и то, что видитъ. Въ предыдущемъ нашемъ изслѣдованіи, мы разсматривали εἶδος—ы въ первомъ ихъ значеніи, именно съ той стороны, что они, для нашего видѣнія, суть сущности, субстраты, законы бытія, которые усматриваются во всемъ и во всякомъ существованіи вселенной.

Здѣсь же мы должны показать, что ἕιδος—ы сами видятъ. Частнѣе, мы намѣрены показать, что *всѣ и всякіе* ἕιδος*—ы сами видятъ, сами чувствуютъ, и сами знаютъ, что имъ должно знать для того, чтобъ имъ можно было существовать.* Прежде, чѣмъ мы сдѣлаемъ выводы философскаго характера, въ-смыслѣ нашей теоріи, на эту тему, постараемся обосновать ее предварительно на данныхъ, выработанныхъ современною естественною наукою.

Имѣютъ ли чувство и смыслъ существа безсловесныя: животныя и растенія, предметы неодушевленные и неорганизованные?

Что *безсловесныя животныя имѣютъ чувство и смыслъ, доказывать это* было бы излишне, съ нашей стороны. Раскрытію этой очевидности, въ послѣднее время, посвящено много большихъ сочиненій, напримѣръ: *Душа человѣка и животныхъ,—Вундта и Происхожденіе человѣка,—Дарвина,* гдѣ душа человѣка представляется тождественною съ душою животныхъ, и человѣкъ, со всѣмъ своимъ душевнымъ развитіемъ, производится изъ того-же царства животныхъ. Этими мыслями переполнены теперь всѣ изслѣдованія по естествознанію, какъ, наприм., только-что появившееся, психологическое изслѣдованіе, извѣстнаго многими физіологическими изслѣдованіями, медика-физіолога *Сѣченова: Кому и какъ разработывать психологію?* Множество фактовъ, утрирующихъ смыслъ животныхъ, читаемъ мы и у *Страхова,* въ его сочиненіи—«*Міръ какъ цѣлое*». Несомнѣнно, что смыслъ принадлежитъ животнымъ не-только въ отдѣлѣ млекопитающихъ, но и въ прочихъ низшихъ отдѣлахъ. Нельзя сказать даже и того, что, нисходя до насѣкомыхъ, онъ понижается, такъ-какъ пауки, пчелы и муравьи обнаруживаютъ въ себѣ самое высокое проявленіе животнаго смысла, такъ-что Дарвинъ не затрудняется признать мозгъ муравья самымъ удивительнымъ явленіемъ во вселенной, удивительнѣе, быть можетъ, даже человѣческаго мозга. Въ интересѣ истины, мы должны усиливаться не столько доказывать несомнѣнность, сколько ослаблять, утрированныя другими, доказательства животнаго смысла, что, однакожъ, мы предполагаемъ сдѣлаемъ впослѣдствіи. Здѣсь же слѣдуетъ намъ показать, что *извѣстная, хотя бы то самая малая, болѣе и болѣе понижающаяся доля чувства и знанія принадлежитъ не-только животнымъ, но и растеніямъ, низходя своими корнями въ природу неорганическую, въ глубину космическихъ силъ.* При раскрытіи этого положенія, мы должны

принять въ самое серьезное вниманіе воззрѣнія на этотъ предметъ естественно- научныхъ авторитетовъ.

Господствующая мысль, которая царитъ надъ разсужденіями, по этому предмету, въ новѣйшихъ естественно-научныхъ трактатахъ, заключается въ томъ, что *человѣкъ* (не касаясь его чисто духовной стороны) *есть только высшее животное, которое не отличается, отъ ближайшихъ къ нему рядовъ животныхъ, ни однимъ существеннымъ признакомъ,—что на лѣстницѣ существъ, ниже человѣка, нѣтъ рѣзкой границы между животнымъ и растеніемъ,—что то и другое сходятся въ одномъ общемъ источникѣ жизни,—въ органической клѣточкѣ; равно— какъ, и еще ниже, нѣтъ рѣзкой границы между царствами органическимъ и неорганическимъ, между такъ — называемою жизненною силою и общими космическими силами,—что, особо отъ силъ космическихъ, жизненная сила даже не существуетъ,—что натуральный смыслъ, натуральное сознаніе и чувство, натуральные инстинкты и позывы идутъ, расширяясь и мельчая, но нигдѣ не останавливаясь и не прекращаясь, чрезъ всю градацію бытія, отъ человѣка, чрезъ животныхъ и растенія, до клѣточки, и отъ клѣточки, чрезъ четверное органическое вещество, въ-глубь основнаго міроваго вещества и общихъ міровыхъ силъ, такъ-что, можно сказать, сила смысла извлекается, въ концѣ концовъ, эквивалентно изъ міровыхъ силъ и возвращается, въ той-же мѣрѣ, въ количествѣ заимствованія, въ тотъ-же резервуаръ всякихъ силъ, изъ котораго сама происходитъ.*

Что мы называемъ *жизнью* или *живымъ*?—«Если мы не желаемъ погрузиться въ туманныя и произвольныя мечтанія»,—отвѣчаетъ на это *Вирховъ*,—«то понятіе о жизни мы должны связывать только съ живыми существами. *Растеніе, животное, человѣкъ суть единственные представители жизни, намъ извѣстные. Астрономія не говоритъ о жизни звѣздъ, геологія—о жизни земли.* Возникновеніе и исчезновеніе міровыхъ тѣлъ до сихъ поръ недоступны нашему наблюденію; но мы видимъ ихъ движеніе, развитіе, дѣятельность. Земля не всегда была такою, какова она теперь, и, во всякое данное мгновеніе, она иная, чѣмъ прежде. Но живетъ ли она? Отдѣльное существованіе живаго неизмѣнно связано съ извѣстною формою». *Вирховъ* хочетъ сказать, что живою мы называемъ только извѣстную форму, т. е. органическую. Между—тѣмъ *Жувансель* свое сочиненіе—«*Жизнь*» начинаетъ прямо слѣдующими выразительными словами: *никакое выраженіе не въ-состояніи опредѣлить различія между неодушевленными тѣлами и существами, одаренными жизнію.* При современномъ состояніи науки, между живыми и неодушевленными тѣлами мы находимъ *только одно существенное различіе,— смерть*, такъ-какъ единственная разница обнаруживается между ними только въ то время, когда живое перестаетъ жить! Этому, однакожъ, не противорѣчитъ и

Вирховъ, какъ увидимъ ниже,—да и никто изъ естествовѣдовъ. *Указать черту раздѣленія между царствами органическимъ и неорганическимъ, между одушевленнымъ и неодушевленнымъ, между живымъ и мертвымъ, невозможно.*

А есть ли какая-либо возможность положить какую-либо рѣзкую физіологическую черту различія *между человѣкомъ и животнымъ*, съ одной стороны, и *между животнымъ и растеніемъ* съ другой? «Человѣкъ есть первое между животными», пишетъ *Страховъ* («Міръ, какъ цѣлое»). Между человѣкомъ и лошадью анатомическое сходство оказывается такое всестороннее, такое подробное, что разница между устройствомъ того и другой оказывается ничтожною. Послѣ многихъ споровъ, натуралисты положительно рѣшили, что главное отличіе человѣка отъ обезьянъ заключается въ большомъ пальцѣ на ногахъ. Словомъ, какъ по своему устройству, такъ и по своимъ физическимъ и душевнымъ явленіямъ, человѣкъ подходитъ подъ понятіе животнаго. Никто не станетъ сомнѣваться, что психическая дѣятельность животныхъ, соотвѣтственно ихъ устройству, точно также постепенно приближается къ человѣческой. Сложность въ устройствѣ человѣческаго зародыша дѣйствительно возрастаетъ совершенно также, какъ она возрастаетъ у разныхъ животныхъ, начиная отъ инфузоріи до человѣка. *Заключая отъ устройства къ отправленію, мы должны признать, что психическая дѣятельность въ зародышѣ проходитъ подобныя-же ступени, какъ и во всемъ животномъ царствѣ, что, наприм., въ самомъ зачаткѣ, въ первомъ зародышевомъ пузырькѣ, она находится еще на степени инфузоріи.* Что психическая жизнь, во время развитія зародыша, непремѣнно существуетъ, въ томъ нельзя сомнѣваться уже по тому, что цыпленокъ, при концѣ развитія, самъ пробиваетъ свою скорлупу,—что теленокъ, при самомъ рожденіи, уже видитъ и, не больше какъ чрезъ полчаса, встаетъ на ноги. Если здѣсь психическая дѣятельность достигаетъ такого яснаго обнаруженія, то, при развитіи зародыша, она, очевидно, находится только на низшей степени ясности». Но разсуждающій такъ *г. Страховъ* принадлежитъ еще къ числу мыслителей, отстаивающихъ существенное превосходство человѣка предъ животными. Для другихъ же естествоиспытателей (*Дарвина, Гексли, Вундта, Вагнера, Сѣченова*), положеніе, что человѣкъ принадлежитъ къ зоологическому семейству *homo*, есть очевидность.

По *Жуанселю*, далѣе, «вообще существуетъ большое сходство между обоими классами органическаго царства, между животными и растеніями. *Различія, наиболѣе замѣтныя, при разсмотрѣніи совершеннѣйшихъ существъ каждаго класса постоянно уменьшаются, по мѣрѣ пониженія уровня организаціи, такъ-что сходства тѣхъ и другихъ становятся все уловимѣе и уловимѣе.* Большая часть животныхъ легко отличается отъ растеній тѣмъ, что первыя двигаются и перемѣняютъ мѣсто,—хотя, впрочемъ, *произвольное перемѣщеніе и нельзя назвать общимъ признакомъ животныхъ, потому-что существуютъ животныя, не перемѣняющія мѣста. Невозможно опредѣлить словами ни растительности, ни растенія.* На подсолнечникѣ замѣчено, что онъ поворачивается своимъ цвѣткомъ къ солнцу; трехцвѣтные колокольчики раскрываются утромъ и закрываются вечеромъ, а цвѣтки—ночныя красавицы закрываются днемъ и раскрыкаются вечеромъ. Цвѣты нѣкоторыхъ растеній закрываются не задолго до начала дожля; другіе же бываютъ раскрыты только въ пасмурное время и закрываются во

время ясной погоды. *У нѣкоторыхъ растеній замѣчены движенія высшаго разряда.* Такъ, если дотронуться до листковъ, составляющихъ листъ *недотроги*, то они тотчасъ приблизятся другъ къ другу и сожмутся. И не всѣ части этихъ листьевъ одинаково чувствительны: если коснуться, остріемъ иголки, до бѣловатой точки, на основаніи этихъ листиковъ, то описанное явленіе происходитъ гораздо быстрѣе. Кромѣ того, это явленіе можетъ различнымъ образомъ измѣняться, хотя это еще не вполнѣ изслѣдовано. Если отрѣзать половину нижняго листка, то тотчасъ-же этотъ обрѣзанный листокъ и противоположный ему приблизятся, за тѣмъ сблизятся два слѣдующихъ, взаимно противоположныхъ, и т. д. по-парно, до самой оконечности листа. Листки недотроги закрываются въ каретѣ, отъ тряски, но потомъ опять раскрываются и болѣе уже не закрываются. У одного бенгальскаго растенія, листъ котораго состоитъ изъ одного большаго, на оконечности, и двухъ маленькихъ, боковыхъ листковъ, большой листикъ наклоняется попеременно то направо, то налѣво, а оба маленькихъ скручиваются и наклоняются въ противоположныя стороны, по обѣимъ сторонамъ листовой ножки. Похожія на эти движенія замѣчены такъ-же на листьяхъ гороха и бобовъ. Множество растеній ночью измѣняетъ положеніе своихъ листьевъ. У однихъ листья изгибаются внизъ отъ ножки и прикладываютъ одну къ другой нижнія стороны листа,—у другихъ, наприм., у пузырнаго дерева, они изгибаются въ обратную сторону и складываются верхними частями листа. «Поэтому, — говоритъ *Страховъ*, — нѣтъ никакой причины полагать, что *свойства растительныхъ тканей и способность чувствовать несовмѣстимы.* Когда солнце садится и наступаютъ сумерки, цвѣты одуванчика закрываются: всѣ листочки ихъ поднимаются тогда кверху и плотно прилипаютъ другъ къ другу; но утромъ они развертываются и оборачиваются къ солнцу. Почему же мы знаемъ, что когда цвѣтокъ закрывается, то въ немъ нѣтъ *желанія* закрыться,—что утромъ онъ не *чувствуетъ* солнечнаго свѣта? Если судить по движеніямъ, то отвергать въ немъ *желаніе и чувство* нѣтъ никакого основанія. И въ животныхъ, о чувствѣ и желаніи, какъ и въ людяхъ, объ ихъ духовной дѣятельности, мы заключаемъ только по аналогіи, по сравненію съ собою, и никакія изслѣдованія никогда не могутъ привести къ непосредственному наблюденію душевныхъ явленій въ другихъ субъектахъ. Жизнь только понижается въ степени, когда изъ *животрепещущаго міра животныхъ мы переходимъ къ таинственному міру растеній.* Если мы самымъ совершеннымъ возрастомъ человѣка считаемъ тотъ, когда человѣкъ обладаетъ половою зрѣлостію,—если періодъ до этой зрѣлости и періодъ послѣ нея мы считаемъ—одинъ эпохою приготовленія, а другой—эпохою упадка,— то мы не имѣемъ никакого повода смотрѣть иначе и на растенія. Время цвѣтенія, время оплодотворенія есть совершеннѣйшій возрастъ растенія. *Очевидно, растенія имѣютъ глубочайшее внутреннѣйшее сродство съ животными.* На

---

[1]) Множество другихъ, подобныхъ, хорошо обслѣдованныхъ примѣровъ опускаемъ. Въ самое недавнее время, напр., открыты *плотоядныя растенія*, которыя ловятъ и пожираютъ мухъ и другихъ насѣкомыхъ. Къ этому предмету, т. е. физіологическому различію между животными и растеніями, для возможно-обстоятельнаго его разсмотрѣнія, мы еще будемъ имѣть нужду воротиться впослѣдствіи.

этомъ сродствѣ основана и главная часть того эстетическаго впечатлѣнія, которое производятъ на насъ цвѣты, деревья, лѣсъ. *Они представляютъ намъ не-только образъ той жизни, которою мы живемъ, но самую эту жизнь. Какъ не сомнѣваемся мы въ одинаковой съ нами сущности другихъ людей, точно также не имѣемъ права сомнѣваться и въ психической дѣятельности животныхъ; точно также мы не можемъ отрицать, что органическая жизнь, проявляющаяся въ животныхъ, существенно принадлежитъ и растеніямъ. Не будетъ ничего дерзкаго, если мы признаемъ, что психическая дѣятельность животныхъ подобна нашей человѣческой, что она постепенно понижается до инфузоріи и что растительная жизнь однородна съ животною.* По *Жуанселю*, не-только многія отправленія сходны или аналогичны у растеній и животныхъ, но и совершаются, у тѣхъ и другихъ, *весьма сходными органами*; у самыхъ элементарныхъ животныхъ дыханіе совершается, какъ у самыхъ элементарныхъ растеній, всей наружною оболочкою. Между вѣтвями растенія, каковъ дубъ, каждая изъ нихъ настолько индивидуальна, что дерево есть собраніе подобныхъ индивидуумовъ,—подобно тому, какъ высшее животное есть собраніе различныхъ системъ. Независимость жизненности различныхъ органовъ, которая замѣчается у высшихъ животныхъ, существуетъ и у растеній, потому-что можно отрѣзать листья вѣтки, не останавливая въ ней жизни,—и даже въ отдѣленныхъ отъ нея листьяхъ продолжается, нѣкоторое время, переработка газовъ. Дождевой червь, будучи разрѣзанъ на куски, не замедлитъ сдѣлать себѣ недостающія части, потому-что это существо составлено изъ сходныхъ колецъ, имѣющихъ всѣ органы, необходимые для развитія,—точно также какъ вѣтвь носитъ въ себѣ совокупность органовъ, достаточныхъ для ея развитія. Во многихъ растительныхъ видахъ, если оторвать почку, не замедлитъ развиться другая почка; точно также ракообразные науки воспроизводятъ оторванныя у нихъ лапки, змѣи воспроизводятъ свои зубы, ящеричныя—воспроизводятъ свой хвостъ. Развитіе животно-растеній, въ полипнякахъ, обнаруживаетъ поразительное сходство съ развитіемъ двусѣмянодольныхъ растеній. Какъ совокупность извѣстныхъ условій: теплоты, воздушности и проч., пробуждаетъ развитіе растительнаго зародыша,—такъ совокупность нѣкоторыхъ условій: теплоты, воздушности и проч., обусловливаетъ въ яйцахъ развитіе животнаго зародыша». «Длинная округлая форма», пишетъ *Страховъ*,—«свойственная стволу дерева и его вѣтвямъ, безпрестанно повторяется у животныхъ, наприм., въ ногахъ, волосахъ, рогахъ, пальцахъ и проч. Есть цѣлыя животныя, похожія на грибы. Есть множество животныхъ, подобныхъ цвѣтамъ и даже считавшихся прежде цвѣтами, это такъ-называемыя животно-растенія Вообще естественныя науки доказали, что признаковъ, отличающихъ растенія отъ животныхъ, нѣтъ въ организаціи». «Нѣтъ никакой возможности,—по словамъ *Попова* (въ Сборникѣ — *Природа*, 1875 г., кн. 2, стр. 45—46) — «установить рѣзко-опредѣленную границу между *жизнедѣятельностію растительнаго міра и животнаго*. Основаніемъ жизнедѣятельности для обоихъ міровъ являются процессы окисленія, и, не говоря уже о физическихъ или механическихъ дѣятеляхъ, которые развиваются на-счетъ этихъ процессовъ (теплота, движеніе и проч.), — *самая нервная сила не можетъ служить отличительнымъ признакомъ животной жизни*. Не можетъ не столько по тому, что присутствіе нервной силы вполъ-

нѣ доказано для растеній, сколько по тому, что оно не въ большой мѣрѣ замѣчается и въ простѣйшихъ животныхъ. *Въ растительномъ мірѣ выработывается сила*, по характеру своему *весьма близкая къ нервной силѣ*. Прежде полагали, что *подвижность и чувствительность* составляютъ исключительную принадлежность животнаго царства. Но свободныя перемѣщенія многихъ простѣйшихъ растеній, раздражительность мимозы, тычинокъ васильковъ и другія подобныя, движеніе протопласмы амёбообразныя сокращенія пласмодія слизистыхъ грибовъ, — все это, вмѣстѣ взятое, приводитъ къ заключенію *вполнѣ признанному современною наукой*, что нѣтъ никакого основанія отдѣлять рѣзкою чертою животное царство отъ растительнаго. По словамъ *Тэна* (*объ умѣ и познаніи*, 1872 г. т. I, стр. 202—204), дѣйствія нервныхъ рефлексовъ можно прослѣдить до *самаго низа животнаго ряда*, даже до такихъ животныхъ, какъ прѣсноводный полипъ, въ которыхъ нельзя найти никакого слѣда нервной системы. Можно прослѣдить ихъ еще и дальше. У многихъ растеній, какъ недотрога и бенгальскія пѣтушьи головки, у живчиковъ тайнобрачныхъ и у зооспоръ водорослей, встрѣчаются отраженныя движенія, совершенно подобныя тѣмъ, которыя производитъ обрубокъ обезглавленной лягушки. Съ этой точки зрѣнія, *нѣтъ коренного различія между животными и растеніями*, какъ нѣтъ различія и съ точки зрѣнія внутренняго устройства и химическаго состава.

Основа и тайна жизни, пунктъ, которымъ животное царство соприкасается съ растительнымъ, а далѣе органическое съ неорганическимъ, есть *клѣточка*. Существованіе же отдѣльной, стоящей между царствами ограническимъ и неорганическимъ, *жизненной силы* новѣйшими изысканіями не подтверждено.

«Для большинства ученыхъ»—пишетъ *Жувансель*,—«*жизнь есть основная сила, оригинальная и спеціальная, какъ притяженіе и какъ неизвѣстная причина явленій химическихъ, теплоты, свѣта, магнетизма и электричества. По этой теоріи, столь разнообразныя явленія растительной и животной физіологіи суть дѣйствія этой первоначальной жизненной силы, такъ-что, съ уничтоженіемъ этой причины, всѣ жизненныя явленія должны тотчасъ-же прекратиться. Но опыты показали неосновательность этого ученія.* Опыты показали, что послѣ смерти человѣка волосной приборъ еще живетъ; дыхательный органъ, хотя и находится въ тѣсной связи съ другими органами, также обладаетъ собственною жизнью и, послѣ смерти остальныхъ органовъ, т. е. послѣ прекращенія общей жизни, можетъ еще совершать жизненныя отправленія, т. е. жить еще нѣсколько времени; кровообращательный приборъ также обладаетъ собственною жизнью и, до нѣкоторой степени, не зависитъ отъ жизни остальнаго животнаго. *Основный элементъ, общій какъ животнымъ, такъ и растеніямъ, есть клѣточка*; клѣточка ясно видна въ костяхъ, нервахъ, лимфѣ, крови, мускулахъ. Въ этихъ трехъ послѣднихъ системахъ организма можно слѣдить за появленіямъ, развитіемъ и исчезаніемъ клѣточныхъ элементовъ: шариковъ и волоконъ. Каждый изъ этихъ сортовъ клѣточекъ имѣетъ особенныя свойства; эти *свойства у клѣточекъ не находятся въ-зависимости отъ жизни остальнаго животнаго*, потому-что тѣже

свойства обнаруживаются у нихъ и послѣ смерти животнаго, по отдѣленіи ихъ отъ животнаго. *Всякое совершенное животное, какова, наприм., лошадь, образовано изъ нѣсколькихъ жизненныхъ, явственныхъ, опредѣленныхъ системъ, отдѣльныя жизни которыхъ взаимно, до нѣкоторой степени, независимы. Каждая изъ этихъ жизненныхъ системъ или органовъ состоитъ сама изъ несмѣтнаго числа существъ, маленькихъ, клѣтчатыхъ, обладающихъ, въ свою очередь, такою индивидуальною жизнью, что число ихъ можетъ безразлично измѣняться, подобно шарикамъ мускуловъ, при чемъ полное существо, наприм., лошадь, не перестаетъ жить.* Исключая особенныя обстоятельства, эти явственныя системы умираютъ послѣдовательно, и органическая система волосъ переживаетъ всѣ прочія,—она продолжаетъ совершать отправленія послѣ всѣхъ другихъ и умираетъ послѣднею. Такимъ образомъ, *цѣлая жизнь животнаго есть слѣдствіе индивидуальной жизни всѣхъ этихъ милліоновъ маленькихъ клѣтчатыхъ существъ* (одаренныхъ своею особою жизнью), изъ которыхъ оно состоитъ. Такимъ образомъ, *природа жизни, взятой въ себѣ самой и въ своемъ происхожденіи, зависитъ отъ элементарной жизни клѣточки*; только въ жизни элементарной клѣточки заключается тайна жизни. *Въ обоихъ классахъ существъ, животныхъ также, какъ и растительныхъ, находится тотъ-же основной анатомическій элементъ,—клѣточка. Въ клѣточномъ пузырькѣ заключается тайна жизни*; онъ представляется какъ типъ организованнаго существа». «Съ открытіемъ клѣточки», — по словамъ *Страхова*,—«найдена общая форма для строенія всѣхъ организмовъ, найдены органическіе атомы, одинаковые во всемъ животномъ и растительномъ царствѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ *найдено величайшее сходство между животными и растеніями*. Вначалѣ ученые думали найти значительное различіе между клѣточками животныхъ и клѣточками растеній; но чѣмъ дальше шли разслѣдованія, тѣмъ больше и больше исчезало это различіе». И по *Вирхову*, особенная и постоянная форма жизни есть клѣточка. *Клѣточка есть постоянная исходная точка и источникъ жизни. Мысль единства жизни во всемъ живущемъ находитъ свое тѣлесное выраженіе въ клѣточкѣ.* Уже, сама по себѣ, клѣточка составляетъ небольшой организмъ; сама по себѣ, она способна жить отдѣльною жизнью, какъ мы видимъ это въ яичной клѣточкѣ животнаго и постоянно у низшихъ растеній. Клѣточка или, сама по себѣ, есть уже живой организмъ, или содержитъ то, что впослѣдствіи называется этимъ именемъ, въ-силу заключающихся въ ней къ тому задатковъ. Зелень листьевъ, краска цвѣтка производятся въ клѣточкахъ. Клѣточки же обусловливаютъ различные цвѣта перьевъ, волосъ, глазъ и крови. Съ зеленымъ красящимъ веществомъ листьевъ, съ краснымъ веществомъ крови связано отправленіе дыханія. Клѣточки образуютъ древесину дерева и подвижную массу мускуловъ. Такимъ образомъ, анализъ приводитъ насъ къ строенію нервнаго аппарата, гдѣ *съ извѣстными группами клѣточныхъ образованій связаны высочайшія особенности животной жизни: ощущеніе, движеніе, мышленіе. Жизнь есть дѣятельность клѣточки; особенность жизни есть особенность клѣточки*».

Но въ свою очередь, и клѣточка не составляетъ собою грани между царствомъ жизни, съ одной стороны, и царствомъ смерти, съ другой.

«Ученіе, что всѣ организмы построены изъ клѣточекъ, или что клѣточки суть тѣ элементы, изъ которыхъ образуется каждая ткань,—по словамъ *Г. Спенсера* (*Основанія Біологіи*, 1870 г., т. II, стр. 6, 55—57),—вѣрно только приблизительно. Есть органическія формы, о которыхъ нельзя сказать, чтобы онѣ имѣли клѣточное строеніе; съ другой стороны, у органическихъ формъ, состоящихъ большею частію изъ клѣточекъ, имѣются однако части, которыя не произведены метаморфозомъ клѣточекъ. Первоначально мы встрѣчаемъ комки протоплазмы, обнаруживающіе жизнь, и однако не представляющіе никакого строенія. Уже на дальнѣйшей ступени прогресса, становится возможнымъ появленіе въ протоплазмѣ нѣкоторыхъ несходствъ между частями, такихъ, какъ это мы находимъ въ клѣточкахъ и такъ-называемыхъ одноклѣточныхъ организмахъ. Ограниченія, съ которыми должна быть принимаема *клѣточная теорія*, становятся необходимыми въ-виду фактовъ. Такъ, между простѣйшими животными (Protozoa) встрѣчаются многочисленные примѣры проявленія жизненной дѣятельности комками протоплазмы; неклѣточныя ткани могутъ возникать путемъ непосредственнаго метаморфоза безструктурнаго коллоидальнаго вещества. Морфологическое сложеніе въ животномъ царствѣ должно начаться съ тѣхъ *недифференцированныхъ аггрегатовъ* физіологическихъ единицъ, изъ которыхъ образуется то, что мы называемъ *морфологическими единицами*. У корненожекъ мы встрѣчаемъ, въ разнообразныхъ видоизмѣненіяхъ, эти *маленькія частицы органическаго вещества*, которыя такъ мало дифференцированы, что за ними съ трудомъ можно признать животную индивидуальность. Липкій студень, или саркода, по своимъ физическимъ свойствамъ похожій на яичный бѣлокъ, изъ котораго большею частію состоятъ эти существа, слулитъ примѣромъ слабости интеграціи составныхъ физіологическихъ единицъ, какъ по ихъ весьма слабому сцѣпленію, такъ и по крайней неопредѣленности и измѣнчивости формы, равно-какъ и по отсутствію ограничивающей перепонки. Въ грегаринахъ видна уже полная перепонка, заключающая въ себѣ субстанцію, изъ которой состоитъ животное; здѣсь уже возникло то, что собственно можетъ быть названо *клѣточкою*, и въ единичной формѣ такое существо есть вполнѣ одноклѣточное животное. Этимъ подтверждается предположеніе, что *однородные комки саркоды существовали ранѣе какого бы то ни было изъ строеній, собственно называемыхъ клѣточками.*» — По словамъ *Прейера* (въ *Знаніи*, 1873 г., Апрѣль, *Изслѣдованіе жизни*), то, что называется клѣточкой, также мало опредѣлимо и также измѣнчиво, какъ и то, что называется органическимъ видомъ. Такъ-какъ *существуютъ одноклѣточные организмы, которые могутъ быть разрѣзаны на куски, при чемъ отдѣльныя части не перестаютъ проявлять жизненныхъ явленій цѣлаго, — то нельзя признать клѣточки послѣднимъ физіологическимъ элементомъ*, общимъ условіемъ жизни, какъ часто это дѣлалось прежде, какъ дѣлается еще и теперь. Если принять *послѣднимъ морфологическимъ элементомъ не клѣточку, а цитоду* (тоже, что клѣточка, только безъ ядра, по *Геккелю*),—*то и этого нельзя признать физіологическимъ элементомъ*, по тому, что если *цитоды дѣлимы, не утрачивая жизненныхъ свойствъ*,—то на нихъ нельзя уже смотрѣть, какъ на *индивиды нижайшаго разряда*. Приходится спускаться къ молекуламъ.»

«Клѣточка», — по словамъ *Вирхова*, — *есть живое тѣло, состоящее изъ*

опредѣленнаго состава химическихъ веществъ и организованное по извѣстнымъ законамъ. Дѣятельность клѣточки зависитъ отъ вещества, ее образующаго и наполняющаго; функціи ея мѣняются, растутъ и ослабѣваютъ, возникаютъ и исчезаютъ, съ измѣненіемъ, накопленіемъ, или уменьшеніемъ этого вещества. *Въ элементахъ своихъ, оно нисколько не различается отъ веществъ неорганическаго, неодушевленнаго міра*; скорѣе, оно постоянно восполняется изъ этого міра и снова возвращается въ него. Только родъ расположенія этого вещества, особенная группировка малѣйшихъ частичекъ его своеобразны, хотя и не до такой степени, чтобы составлять противоположность съ расположеніемъ и группировкою частичекъ тѣлъ, входящихъ въ предметъ изученія неорганической химіи. Своеобразною кажется намъ дѣятельность, особенное отправленіе органическаго вещества; но все-таки эта дѣятельность не разнится отъ дѣятельности извѣстной физикамъ въ неодушевленной природѣ. Вся своеобразность здѣсь ограничивается тѣмъ, что въ самомъ маломъ пространствѣ вмѣщено величайшее разнообразіе комбинацій веществъ. Но все-таки *жизнь вполнѣ подчинена господству химическихъ и физическихъ законовъ*. Всякая особенность жизни объясняется особенностями анатомическими, или химическими, особенными расположеніями вещества, всюду проявляющаго свои, всегда присущія ему, силы. *Явленіе электричества въ нервахъ тоже, какъ и въ проволокѣ телеграфа, или молніеносномъ облакѣ*; живущее тѣло теплоту свою производитъ горѣніемъ точно также, какъ развивается она и въ печкѣ; крахмалъ въ растеніи и животномъ преобразовывается въ сахаръ, какъ и на заводѣ». «Въ живыхъ существахъ»,—по словамъ *Жуванселя*,—*«находится тѣсная связь между веществомъ, формой и отправленіемъ*: каждое изъ этихъ трехъ началъ держитъ два остальныя во взаимной зависимости. Всякое частное вещество есть видоизмѣненіе единой матеріи; всякое движеніе—видоизмѣненіе единой причины, силы; всякое явленіе есть видоизмѣненіе, прибавленное къ результату предшествовавшихъ измѣненій; всякая форма вещей есть послѣдствіе болѣе или менѣе многочисленныхъ видоизмѣненій. *Начиная съ единенія веществъ, называемыхъ простыми, до самыхъ совершенныхъ организмовъ, до современнаго устройства земнаго шара, до системы нашего солнечнаго міра, все показываетъ послѣдовательность измѣненій, тѣсно связанныхъ частными законами, которые, безъ сомнѣнія, представляютъ видоизмѣненія одного общаго закона*. Подъ вліяніемъ общихъ силъ (электричества, теплоты и проч.), самые простые и самые постоянные минералы измѣняются. Будучи неподвижными на землѣ, минералы кажутся вполнѣ страдательными относительно внѣшнихъ силъ. Однакожъ кристаллизація обнаруживаетъ, что у нихъ встрѣчается первый членъ видоизмѣняемости. Растеніе же, завися отъ общихъ силъ, подобно минераламъ и, кромѣ того, завися отъ измѣненій, вводимыхъ этими силами въ минералы, усвоиваетъ себѣ изъ всего окружающаго то, что благопріятно его развитію; растеніе способно измѣнять, благопріятнымъ для себя образомъ, условія своего развитія. Такъ, вслѣдствіе развитія, наприм., дуба, дождевая вода удерживается на его листьяхъ, его вѣтвяхъ, его стволѣ, и стекаетъ, капля по каплѣ, чтобы напоить почву; его листья, сами пользуясь благопріятнымъ дѣйствіемъ солнца, защищаютъ почву отъ его высушивающаго дѣйствія; листья, спадая зимой, доставляютъ удобреніе,—и чѣмъ больше развивается дубъ, тѣмъ обширнѣе становятся эти явленія. *На*

этомъ основываютъ вѣчную способность земли вѣчно обогащаться. Животное же, завися отъ всего, отъ чего зависитъ минераллъ, отъ чего зависитъ и растеніе, не-только имѣетъ способность развиваться на мѣстѣ, но и отыскивать, посредствомъ передвиженія, все себѣ благопріятное, и *тогда-какъ дубъ не можетъ спастись отъ приближающагося лѣснаго пожара, лошадь можетъ убѣжать отъ огня; тогда-какъ дубъ долженъ переносить укушенія насѣкомыхъ и раны, наносимыя ему долбящими и грызущими, лошадь отгоняетъ насѣкомыхъ хвостомъ и храбро защищается отъ хищныхъ. Хотя немногочисленные, но чрезвычайно многозначущіе факты доказываютъ, что растенія суть настоящія животныя, только постигнутыя отступательнымъ ретроградымъ превращеніемъ.* Оказывается, такимъ образомъ, по *Жуванселю*, что развитіе организмовъ зависитъ отъ клѣточки, ея состава и свойствъ. *А жизнь въ клѣточкѣ вовсе не есть непосредственное явленіе, обязанное своимъ происхожденіемъ одной общей причинѣ, жизненной силѣ, но многосложный результатъ совокупности явленій, происхожденіе которыхъ связано съ составомъ четвернаго вещества* (углерода, водорода, азота и кислорода). *Всѣ жизненныя явленія зависятъ отъ химической природы этого состава.* Начало жизни является взаимодѣйствіемъ физическихъ и химическихъ силъ». И по *Страхову*, «явленія, совершающіяся въ живыхъ тѣлахъ, приводятся къ законамъ мертвой природы, къ явленіямъ вещества вообще: *въ организмахъ нѣтъ другой дѣятельности*, кромѣ дѣятельности *вещества.* Жизненная сила оказывается предубѣжденіемъ ученыхъ. Въ настоящее время, натуралисты положили, что *законы неорганической природы распространяются и на органическую, что всѣ органическія явленія сводятся на физическія и химическія. Признавая духовность въ себѣ, мы не должны отрицать ее и въ природѣ. Всѣ явленія организмовъ развиваются изъ сущности вещества, составляющаго организмы; сущность организма, очевидно, кроется въ сущности вещества.*»—Химикъ же *Одлингъ* прямо утверждаетъ, что *всякая мысль, также*, какъ и каждый процессъ въ животномъ организмѣ, какъ и всякое увеличеніе объема, всякая трата, всякое выдѣленіе, всякое движеніе, не-только сопровождаются измѣненіями въ химическомъ составѣ, но и основываются на нихъ. Подобно *Жуванселю*, *Одлингъ* также доказываетъ, что *для объясненія всѣхъ жизненныхъ явленій достаточно одной химической силы и вовсе не требуется особая сила жизни.*—«Совершенно противно ученію, почитавшемуся еще за нѣсколько лѣтъ прежде неоспоримымъ»,—говоритъ *Одлингъ*,—«мы теперь находимъ, что химикъ можетъ образовать изъ угольной кислоты и воды цѣлый рядъ органическихъ тѣлъ, и мы не видимъ причины сомнѣваться въ его способности получить, наконецъ, всѣ растительныя и животныя начала, каковы бы они ни были. Видя, что огромное число разнообразныхъ животныхъ и растительныхъ соединеній образуется изъ углекислоты, воды и амміака, не съ-помощью какой-нибудь особенной жизненной силы, а единственно вслѣдствіе солнечнаго свѣта и тепла, дѣйствующихъ въ органической машинѣ, естественно было задаться вопросомъ, не можетъ ли химикъ, съ помощью прямаго приложенія солнечной силы, или косвеннаго участія тѣхъ земныхъ превращеній солнечной силы, которыя въ такомъ изобиліи находятся въ его распоряженіи, произвести въ своей лабораторіи такія-же соединенія раскисленной углекислоты и

ды? Вопросъ этотъ рѣшался отрицательно, пока господствовала надъ человѣческими умами *выдумка о жизненной силѣ*; но, въ послѣдствіе годы, этотъ вопросъ получилъ блистательные утвердительные отвѣты. Уже сотни растительныхъ соединеній, получавшихся прежде только изъ живыхъ организмовъ и, какъ полагали, *составленныхъ и поддерживаемыхъ жизненною силою*, теперь составляются химикомъ, въ его лабораторіи, изъ углекислоты, воды и амміака, или, другими словами, изъ древеснаго угля, водорода, кислорода и азота. То, что еще большее количество соединеній не составлено, есть слѣдствіе недостаточности знаній, а не силы, потому-что, по мѣрѣ того, какъ увеличивается наше знакомство съ составомъ тѣлъ и синтетическими процессами, съ каждымъ днемъ становится все яснѣе безграничная образовательная сила химіи. Мысль, что химія не способна производить не-только организованныя, но даже органическія тѣла, была общепринятою. Для произведенія этихъ тѣлъ вмѣшательство какого-нибудь живущаго организма считалось необходимостью, требовалась трата нѣкоторой жизненной силы, какая бы она тамъ ни была. Въ то время, какъ принято было считать, что атомы, входящіе въ составъ куска квасцовъ, соединены другъ съ другомъ просто механическими и химическими силами, воображали, что атомы куска сахару, или куска жиру, соединяются другъ съ другомъ, какимъ-то таинственнымъ путемъ, жизненною силою. Мнѣніе это первоначально высказано было *Берцеліусомъ*. Даже *Либихъ*, уже въ 1851 г., говорилъ: «мы въ-состояніи получить кристаллъ квасцовъ изъ его элементовъ, такъ-какъ теплота и химическое сродство находятся, до извѣстной степени, въ нашемъ свободномъ распоряженіи. Но мы не можемъ сдѣлать атома сахара изъ элементовъ сахара по тому, что ихъ сочетанію, въ характеристическую форму, содѣйствуетъ *жизненная сила*, не подлежащая нашей власти, которой подчинены, до извѣстной степени, теплота, свѣтъ, сила тяготѣнія и т. д. Мы можемъ получить высшіе атомы, соединяя два, три, четыре и болѣе сложныхъ органическихъ атомовъ; мы можемъ разложить болѣе сложные на менѣе сложные, соединенные атомы, хотя, въ тоже время, не можемъ образовать органическихъ соединеній прямымъ сочетаніемъ ихъ элементовъ». Такимъ образомъ, общепринятый взглядъ, за нѣсколько лѣтъ тому назадъ, былъ, въ сущности, тотъ, что химикъ не въ-состояніи получить органическаго вещества изъ неорганическаго,—что онъ можетъ превратить одинъ видъ органическаго вещества въ какой-нибудь другой, сродный ему, видъ органическаго вещества,—что онъ можетъ получить нѣкоторыя простыя органическія начала, разлагая болѣе сложныя частицы,—можетъ даже произвести высшія органическія начала сочетаніемъ двухъ, или болѣе, простыхъ началъ; но это было границами его власти: онъ могъ, сколько угодно, тасовать остатки существующихъ органическихъ соединеній, но былъ совершенно неспособенъ получить даже самое простое изъ нихъ, посредствомъ синтеза ихъ элементовъ. *Наука, въ наше время, утверждаетъ, однакожъ, что всѣ эти мнѣнія не имѣютъ никакого основанія.* Уже сотни органическихъ началъ были получены чрезъ соединеніе элементовъ, входящихъ въ ихъ составъ, и нѣтъ причины сомнѣваться въ нашей способности, подобнымъ образомъ, получить всѣ органическія начала, каковы бы они ни были». По *Прейеру*, «*жизненная сила устранена навсегда* возможностію оживленія высохшихъ, промерзшихъ, лишенныхъ воздуха и пищи животныхъ, растеній, яицъ

и сѣмянъ самыхъ различныхъ классовъ.» По *Тэну*, «слѣдуя аналогіямъ, мы м жемъ спуститься по лѣстницѣ существъ ниже сливающихся растительнаго и ж вотнаго царствъ. Ниже міра органическаго простирается міръ неорганическій первый есть лишь частный случай втораго. Онъ устроенъ изъ тѣхъ же химич скихъ веществъ, подчиненъ тѣмъ-же физическимъ силамъ, тѣмъ-же механич скимъ законамъ, и *всѣ указанія науки согласуются въ томъ, что онъ иной н своей степени, но тотъ-же по своей природѣ, и то, что мы называемъ жизнью есть извѣстное, болѣе тонкое дѣйствіе болѣе сложныхъ химическихъ элеме товъ.*» — По словамъ *Попова*, «такъ-какъ жизнедѣятельность животныхъ и ра теній, развитіе ихъ внутренней теплоты и движенія, *развитіе нервной сил* наконецъ, самая возможность роста, измѣненія формы и проч., имѣютъ своим основаніемъ процессы окисленія,—*явленія вполнѣ химическія*, — то отсюда ясн что *между органическою жизнью и дѣятелями неорганическаго міра, межд органическими силами и неорганическими существуетъ неразрывная связь. Он не разобщены, а, напротивъ того, находятся въ такой взаимной зависимост въ такомъ замкнутомъ соотношеніи, что всецѣло могутъ переходить дру въ друга.*

Такимъ образомъ, по *Одлингу*, *Жуванселю*, *Тэну*, *Спенсеру*, *Прей еру*, *Попову*, *Вирхову* и др., оказывается, что *и чувство, и мысль, сознаніе источникомъ своимъ имѣютъ не какую-либо особую жизнен ную силу*, которая оказывается выдумкою ученыхъ, *но общую силу химическую.*

ГЛАВА LV.

Тѣ-же естествовѣды подводятъ *такъ-называемыя духовныя силы подъ обобщеніе даже такъ-называемаго закона эквивалентности силъ.* Въ чемъ же состоитъ этотъ законъ эквивалентности силъ?

«Всякое *движеніе*,—разсуждаетъ *Гербертъ Спенсеръ* въ своихъ *Основныхъ началахъ* [1]),—«тамъ, гдѣ мы въ-состояніи прямо прослѣдить его генезисъ, существуетъ прежде подъ какимъ-либо другимъ видомъ силы. Задержанное движеніе производитъ, при различныхъ обстоятельствахъ, *теплоту*, *электричество*, *магнетизмъ* и *свѣтъ*. Отъ согрѣванія рукъ потираніемъ ихъ одной о другую и до раскаленія вагоннаго тормаза, вслѣдствіе сильнаго тренія, отъ взрыва гремучаго пороха, вслѣдствіе сотрясенія, и до воспламененія куска дерева отъ нѣсколькихъ ударовъ пароваго молота, намъ представляются обильные примѣры того, какъ *съ прекращеніемъ движенія возникаетъ теплота.* Примѣры же порожденія *электричества движеніемъ* представляются намъ опытомъ съ сургучемъ точно также, какъ обыкновенной электрической машиной и аппаратомъ для возбужденія электричества

[1]) Выпускъ VII.

посредствомъ освобожденія паровъ. Гдѣ есть треніе между разнородными тѣлами, амъ однимъ изъ слѣдствій его бываетъ электрическое раздраженіе. *Магнетизмъ* ожно получить *изъ движенія*, или непосредственно, напр., путемъ тренія, или-е посредственно, наприм., при-помощи электрическихъ токовъ, добытыхъ предъ ѣмъ чрезъ движеніе. Точно также *движеніе можетъ произвести свѣтъ* или рямо, какъ мы это видимъ на мелкихъ раскаленныхъ осколкахъ, отскакивающихъ тъ тѣлъ, при сильныхъ столкновеніяхъ, или-же косвенно, наприм., посредствомъ лектрической искры. Наконецъ, *движеніе можетъ быть воспроизведено силами, оторыя сами возникли изъ движенія*. Такимъ образомъ, расхожденіе электро-копа, вращеніе электрическаго колеса и отклоненіе магнитной стрѣлки, если ни порождены электричествомъ тренія, представляютъ собой явныя движенія, оспроизведенныя посредствующими видами силы, которыя, въ свою очередь, озникли изъ движенія. Тотъ видъ силы, который мы называемъ теплотой, при-нается, въ настоящее время, всѣми физиками, за *молекулярное движеніе*. За днимъ или двумя исключеніями, составляющими препятствія къ построенію сякой теоріи теплоты, нагрѣтыя тѣла расширяются; расширеніе же можно бъяснить только какъ движеніе единицъ массы, во взаимныхъ ихъ отноше-ніяхъ между собою. Такъ-называемое лучеиспусканіе, посредствомъ котораго ѣло высшей температуры, нежели окружающіе предметы, сообщаетъ теплоту тимъ послѣднимъ, есть, очевидно, извѣстный родъ движенія. А что молеку-лярное движеніе, которое мы называемъ теплотой, можетъ перейти въ ви-имое движеніе, этому представляетъ наглядное доказательство паровая ма-шина, въ которой поршень и всѣ связанныя съ нимъ массы матеріи приводятся ъ движеніе молекулярнымъ расширеніемъ водяныхъ паровъ. *Превращеніе теп-оты въ электричество* проявляется, когда различные металлы, примыкающіе динъ къ другому, будутъ нагрѣты въ точкѣ соприкосновенія: такимъ обра-омъ возбуждаются электрическіе токи. Твердое несгораемое вещество, будучи ведено въ нагрѣтый газъ, напримѣръ, известь—въ пламя гремучаго газа, ста-новится раскаленнымъ, и, такимъ путемъ, представляетъ примѣръ перехода *теп-оты въ свѣтъ*. Если нельзя доказать, чтобы *теплота* непосредственно про-изводила *магнетизмъ*, то, во всякомъ случаѣ, можно доказать, что это имѣетъ мѣсто при-посредствѣ электричества. При-помощи этого-же самого посредника, можно установить соотношеніе между *теплотой и химическимъ сродствомъ*,— соотношеніе, которое въ-сущности предполагается уже тѣмъ рѣзкимъ вліяніемъ, какое теплота оказываетъ на химическія соединенія и разложенія. *Электри-чество*, порожденное движеніемъ соприкасающихся разнородныхъ тѣлъ, можетъ, въ свою очередь, притяженіями и отталкиваніями, непосредственно воспроиз-вести движеніе въ сосѣднихъ предметахъ. *Электрическій токъ* возбуждаетъ *магнетизмъ* въ полосѣ мягкаго желѣза, вращеніе же постояннаго *магнита* по-рождаетъ *электрическіе токи*. Съ одной стороны, мы имѣемъ баттарею, въ ко-торой отъ дѣйствій химическаго сродства получается *электрическій токъ*, а съ другой, электрическій токъ производитъ *химическое разложеніе* въ прилежащемъ сосудѣ. Въ соединительной проволокѣ предъ нами совершается превращеніе *электричества въ теплоту*, а въ электрическихъ искрахъ и вольтовой дугѣ мы получаемъ *свѣтъ*. Расположеніе атомовъ также измѣняется электри-

чествомъ: примѣрами служатъ перемѣщеніе вещества съ одного полюса баттареи на другой,—разрывы, производимые сильнымъ разряженіемъ,—образованіе кристалловъ подъ вліяніемъ электрическихъ токовъ. И, на-оборотъ, *электричество*, возбуждается ли оно, или нѣтъ, непосредственно перераспредѣленіемъ атомовъ,—во всякомъ случаѣ, развивается чрезъ посредство *магнетизма*. Что *магнетизмъ производитъ движеніе*, это извѣстный фактъ. Въ магнито-элекрической машинѣ мы видимъ, какъ вращающійся *магнитъ* развиваетъ *электричество*. Развитое же, такимъ образомъ, *электричество* можетъ непосредственно затѣмъ проявляться въ-видѣ *теплоты, свѣта, или химическаго сродства*. Фарадеево открытіе дѣйствія магнетизма на поляризованный свѣтъ, а также и открытіе того, что перемѣна въ магнитномъ состояніи сопровождается теплотой, указываютъ на дальнѣйшія подобныя-же связи. Наконецъ, разнообразные опыты показываютъ, что намагничиваніе тѣла измѣняетъ его внутреннее строеніе и что, наоборотъ, измѣненіе внутренняго строенія въ тѣлѣ, напр., подъ вліяніемъ механическаго сжатія, сказывается и на его магнитномъ состояніи. Солнечный лучъ измѣняетъ расположеніе атомовъ нѣкоторыхъ кристалловъ. Нѣкоторые смѣшанные газы, не соединяющіеся при другихъ условіяхъ, соединяются подъ вліяніемъ солнечныхъ лучей. Въ нѣкоторыхъ соединеніяхъ, свѣтъ производитъ разложеніе. Обычный спутникъ химическаго соединенія есть теплота; а если сродство сильно, то, при извѣстныхъ условіяхъ, производится также и свѣтъ. Химическія измѣненія, которыми обусловливаются измѣненія и объема тѣлъ, причиняютъ движеніе какъ въ элементахъ, соединяющихся между собою, такъ и въ прилегающихъ къ нимъ массахъ матеріи. Примѣръ этого представляетъ выталкиваніе пули расширеніемъ пороха. Въ гальванической баттареѣ мы видимъ возникновеніе электричества изъ химическаго сочетанія и разложенія. А чрезъ посредство электричества химическое дѣйствіе порождаетъ магнетизмъ. *Эти факты показываютъ, что каждая сила можетъ, прямо, или косвенно, преобразовываться въ другія. Въ каждой переѣнѣ сила испытываетъ превращеніе; при этомъ изъ новой формы, или нѣсколькихъ новыхъ формъ, которыя она принимаетъ, могутъ, въ свою очередь получиться, въ безконечномъ разнообразіи порядка и сочетаній, либо прежняя ея форма, либо какая-нибудь изъ остальныхъ формъ.* Очевидно, кромѣ того, что *физическія силы стоятъ не просто только въ качественномъ соотношеніи между собой, но и въ количественномъ: это и есть законъ эквивалентности силъ.* Силы, обнаруживающіяся на той или другой ступени развитія, должны вытекать изъ такихъ-же, или иныхъ силъ, существовавшихъ прежде; изъ силъ же, произшедшихъ подобныхъ образомъ, должны, въ свою очередь, вытекать другія, болѣе или менѣе преобразованныя, силы. При запутанности явленій развитія, нельзя ожидать, чтобы опредѣленное количественное отношеніе между силами, израсходованными въ послѣдовательные фазисы развитія, могло быть указано, въ каждомъ случаѣ, или даже въ одномъ какомъ-либо случаѣ. Для этого у насъ нѣтъ, да вѣроятно и никогда не будетъ, достаточныхъ данныхъ. Самое большее, на что можно разсчитывать,—это установить качественное соотношеніе, которое оказывалось бы хоть на-столько неопредѣленно — количественнымъ, чтобы заключать въ себѣ нѣчто похожее на пропорцію между причинами и дѣйствіями».

«*Положеніе, что силы, обнаруживающіяся въ жизненной дѣятельности, растительной и животной, производятся подобнымъ-же образомъ, представляетъ очевидную дедукцію изъ фактовъ органической химіи.* Вся растительная жизнь, прямо или косвенно, зависитъ отъ солнечнаго свѣта и теплоты: силы, посредствомъ которыхъ растенія извлекаютъ матеріалы для своихъ тканей изъ окружающихъ неорганическихъ соединеній, — силы, при помощи которыхъ они растутъ и поддерживаютъ свои отправленія, суть силы, существовавшія прежде въ-видѣ солнечныхъ лучей. *Что животная жизнь зависитъ, посредственно или непосредственно, отъ жизни растительной,*—это истина, знакомая всякому; а что, въ большей части случаевъ, процессы животной жизни противоположны процессамъ растительной жизни,—это истина, давно уже сдѣлавшаяся общепринятой у людей науки. Разсматриваемая съ химической стороны, растительная жизнь есть, главнымъ образомъ, процессъ раскисленія; животная же жизнь представляетъ собою, по-преимуществу, процессъ окисленія. И между-тѣмъ-какъ разложеніе, производимое растеніемъ, совершается при-помощи извѣстныхъ силъ, берущихъ свое начало отъ солнца и идущихъ на расторженіе сродства углерода и водорода къ кислороду,—возстановленіе соединеній, производимое животнымъ, происходитъ на-счетъ тѣхъ силъ, какія освобождаются при сочетаніи означенныхъ элементовъ. Такимъ образомъ, *движенія животныхъ, внутреннія и внѣшнія, суть не что иное, какъ проявленія, въ новыхъ формахъ, той силы, которая была поглощена растеніями, въ-видѣ свѣта и теплоты*».—«*Разсматривая ближе свойства силы, дѣйствующей въ характеристическихъ проявленіяхъ растительной и животной жизни,*—пишетъ также химикъ *Одлингъ*,—«мы должны сказать, что *имѣемъ дѣло не съ какою-либо особенною внутреннею жизненною силою, но только съ обыкновенными внѣшними силами природы, дѣйствующими точно также, какъ и тѣ, которыя обыкновенно проявляются въ неорганическомъ мірѣ.* Сила, обнаруживающаяся въ процессѣ, который совершается въ растительномъ царствѣ, есть не что иное, какъ свѣтъ и теплота, вытекающіе изъ солнца, остающіеся скрытыми въ кислородѣ, съ одной стороны, и въ углеродѣ растительной ткани, или выдѣленія ея, съ другой, и появляющіеся снова при процессѣ ихъ соединенія или горѣнія. Тепло и свѣтъ солнца, поглощенные при отдѣленіи кислорода отъ углерода, не теряются, а дѣлаются скрытыми въ кислородѣ, отдѣляющемся въ атмосферу, и углеродѣ, остающемся въ растительныхъ сокахъ. Свѣтъ и теплота солнца, появляющіеся при произведеніи угольной кислоты, суть не что иное, какъ свѣтъ и теплота солнца, поглощенные вначалѣ живымъ растеніемъ и сдѣлавшіеся скрытыми въ растительной ткани и кислородѣ воздуха. *Растительный организмъ есть машина, поглощающая солнечную силу, при отдѣленіи углерода и водорода отъ кислорода.* Свѣтовая и тепловая силы солнца скрываются въ разъединенныхъ кислородѣ и углеродѣ точно также, какъ въ натянутомъ лукѣ мускульная сила человѣка. Земная, или скорѣе космическая, функція растительной жизни состоитъ въ томъ, что живущее растеніе совершаетъ разложеніе угольнаго ангидрида и воды, выдѣляетъ освобождаемый кислородъ и задерживаетъ, внутри своего организма, соединенные углеродъ и водородъ, которые, дѣлаясь пищею животныхъ, одновременно разъединяются и окисляются, превращаясь

снова въ угольный ангидридъ и воду. Наоборотъ, *животный организмъ есть машина, въ которой солнечная сила освобождается, вслѣдствіе того, что кислородъ и углеродъ, при раздѣленіи которыхъ она сдѣлалась скрытой или поглотилась, снова соединяются.* Движеніе мускуловъ происходитъ не вслѣдствіе жизненной, или какой-либо иной силы, зародившейся въ тѣлѣ, а вслѣдствіе освобожденія накопившейся солнечной силы, въ другое время, въ углеродѣ нашей пищи, съ одной стороны, и въ кислородѣ нашего дыханія, съ другой. *Тиндаль* остроумно замѣтилъ, говоря о солнцѣ: «на его счетъ развивается животная теплота и совершаются животныя движенія. *Солнце теряетъ свои лучи не только для того, чтобы дать намъ огонь, но и для того, чтобы дать намъ двигательную силу». Всякаго рода сила, дѣйствующая, или скрытая, существующая на землѣ въ какой-либо данный моментъ, есть только сумма силы, полученной землей отъ солнца.* Однакожъ болѣе подробное изученіе показываетъ, что *окисляющіе и раскисляющіе процессы общи обоимъ царствамъ природы. Всѣ дѣйствія животнаго организма можно свести къ дѣйствію космическихъ силъ, и всякое объясненіе жизненныхъ явленій, съ помощію жизненной силы, вовсе не есть объясненіе».*—«Даже силы, извѣстныя намъ подъ именемъ духовныхъ,»—продолжаетъ *Г. Спенсеръ*,—«*подходятъ подъ тоже самое обобщеніе; фактовъ, оправдывающихъ, или лучше, дѣлающихъ его неизбѣжнымъ, множество и всѣ они неоспоримы.* Всѣ впечатлѣнія, ежеминутно производимыя на наши органы чувствъ, находятся въ прямомъ соотношеніи съ физическими силами, существующими внѣ насъ. Виды сознанія, называемые давленіемъ, движеніемъ, звукомъ, свѣтомъ и теплотой, суть дѣйствія, производимыя на насъ дѣятелями, которые, при иномъ употребленіи, сдавливаютъ или разрываютъ части матеріи, причиняютъ сотрясенія въ окружающихъ предметахъ, порождаютъ химическія соединенія и переводятъ вещества изъ твердаго состоянія въ жидкое. Поэтому, если измѣненія относительнаго положенія, аггрегаціи или химическаго состава, возникающія такимъ путемъ, мы разсматриваемъ какъ преобразованныя проявленія дѣятелей, отъ которыхъ они происходятъ,—то и *на ощущенія, возбуждаемыя въ насъ такими дѣятелями, мы должны смотрѣть, какъ на новыя формы силъ, которыя производятъ ихъ.* Массы матеріи, по указанію вѣсовъ или динамометра, значительно разнящіяся между собой въ тяжести, столь-же значительно разнятся между собой и по давленію, какое онѣ производятъ на наше тѣло. Напряженіе, какое мы сознаемъ въ себѣ, останавливая движущійся предметъ, всегда пропорціонально количеству движенія такого предмета. При одинаковыхъ условіяхъ, впечатлѣнія звука, производимыя на насъ колебаніемъ струнъ, колоколовъ, или воздушнаго столба, разнообразятся въ напряженіи, сообразно количеству затраченной предъ тѣмъ силы. Жидкости и твердыя тѣла, замѣтно разнящіяся между собой въ температурѣ и, сообразно этому, неодинаково расширяющія столбъ ртути въ термометрѣ, возбуждаютъ и въ насъ соотвѣтственно-различныя степени ощущенія теплоты. Подобнымъ-же образомъ, неодинаковая сила впечатлѣній свѣта соотвѣтствуетъ неодинаковымъ дѣйствіямъ свѣтовыхъ лучей, если ихъ опредѣлить посредствомъ фотометра. Ощущенія свѣта, теплоты, звука, запаха, вкуса, давленія и проч. не исчезаютъ безъ непосредственныхъ результатовъ, но неизбѣжно сопровождаются нѣкоторыми другими

явленіями силы. Кромѣ раздраженія отдѣлительныхъ органовъ, здѣсь происходитъ еще сокращеніе мускуловъ, какъ произвольныхъ, такъ и непроизвольныхъ движеній, а иногда и тѣхъ и другихъ вмѣстѣ. Ощущенія усиливаютъ дѣятельность сердца незначительно, если они незначительны, замѣтно,—если они сами замѣтны. Дыханіе замѣтно усиливается, вслѣдствіе какъ пріятныхъ, такъ и болѣзненныхъ впечатлѣній на нервы, коль-скоро эти впечатлѣнія мало-мальски сильны. Дыханіе становится чаще при переходѣ изъ темноты на солнечный свѣтъ. Если количество ощущеній значительно, оно порождаетъ сокращенія какъ въ мускулахъ произвольнаго движенія, такъ и въ мускулахъ непроизвольнаго движенія. Непривычное раздраженіе нервовъ осязанія (посредствомъ щекотанія) сопровождается почти неудержимыми движеніями членовъ. Сильная боль причиняетъ судороги. Содроганіе, слѣдующее за громкимъ звукомъ,—гримаса, которую дѣлаютъ, когда органъ вкуса ощущаетъ что-либо особенно непріятное, — потряхиваніе руки или ноги, выдернутой изъ слишкомъ горячей воды,—*все это примѣры преобразованія чувства въ движеніе. И въ этихъ случаяхъ, какъ и во всѣхъ другихъ, количество тѣлеснаго дѣйствія, очевидно, пропорціонально количеству ощущенія.* Даже когда человѣкъ, изъ гордости, подавляетъ въ себѣ крики и стоны, свидѣтельствующіе о сильной боли (и представляющіе собою безусловный результатъ мускульнаго сокращенія),—даже и тогда, въ сжатіи рукъ, нахмуренныхъ бровяхъ и стиснутыхъ зубахъ, мы можемъ все-таки еще видѣть, что развившіяся здѣсь тѣлесныя дѣйствія значительны, хотя и менѣе замѣтны по своимъ результатамъ. *Если мы, вмѣсто ощущеній, станемъ разбирать душевныя волненія, то и здѣсь соотношеніе и эквивалентность окажутся столь же очевидными.* Умѣренныя душевныя волненія, подобно слабымъ ощущеніямъ, рѣдко порождаютъ что-либо кромѣ возбужденія сердца и сосудистой системы, соединеннаго иногда съ увеличеніемъ дѣятельности органовъ, называемыхъ железами. Но, съ усиленіемъ душевныхъ волненій, приходятъ въ движеніе мускулы лица, тѣла и конечностей. Примѣры подобныхъ движеній представляютъ хмуреніе лба, раздуваніе ноздрей и топанье ногами во время гнѣва,—морщеніе бровей и ломанье рукъ въ горести,—улыбки и прыжки въ минуты радости,—и, наконецъ, изступленныя движенія въ минуты ужаса и отчаянія. Извѣстно, что *духовная дѣятельность связана съ присутствіемъ нѣкотораго нервнаго аппарата и что можно прослѣдить нѣкоторое общее отношеніе между объемомъ этого аппарата и количествомъ духовной дѣятельности, измѣряемой по ея результатамъ.* Далѣе, *этотъ аппаратъ имѣетъ особое химическое строеніе, отъ котораго зависитъ его дѣятельность. И есть въ немъ одинъ элементъ, между количествомъ котораго и количествомъ производимой работы существуетъ нѣкоторая признанная связь, выражающаяся въ томъ, что пропорція фосфора, находящагося въ мозгу, наименѣе значительная въ дѣтствѣ, старости и идіотизмѣ, наиболѣе значительна въ цвѣтущемъ возрастѣ.* Замѣтимъ далѣе, что *развитіе мысли и душевныхъ движеній, при равенствѣ прочихъ условій, разнообразится по мѣрѣ притока крови въ мозгу.* Прекращеніе мозговаго кровообращенія, вслѣдствіе остановки дѣятельности сердца, немедленно ведетъ за собой потерю сознанія; излишнее же кровообращеніе въ мозгу разрѣшается возбужденіемъ, доходящимъ иногда до бреда. И *не-только количество, но и*

состояніе крови, проходящей чрезъ нервную систему, вліяетъ на умственны проявленія. Артеріальные токи должны быть надлежащимъ образомъ аэрир ваны, чтобы произвести нормальное количество мозговой дѣятельности. Съ одн стороны, мы находимъ, что если кровь лишена возможности обмѣнивать сво углекислоту на кислородъ, то наступаетъ обморокъ, съ сопровождающей е пріостановкой мыслей и чувствъ,—съ другой стороны, мы видимъ, что вдых ніемъ закиси азота возбуждается чрезмѣрная и даже неутишимая нервная дѣ тельность. *Кромѣ означенной связи между развитіемъ умственныхъ силъ присутствіемъ достаточнаго количества кислорода въ мозговыхъ артеріяхъ существуетъ подобная-же связь между развитіемъ умственныхъ силъ и при сутствіемъ нѣкоторыхъ элементовъ въ мозговыхъ артеріяхъ.* Для питані равно-какъ и для окисленія нервныхъ центровъ, должны доставляться особы матеріалы. И насколько то, что мы можемъ назвать количествомъ сознанія, оп редѣляется (при равенствѣ прочихъ условій) составомъ крови,—безошибочн можно видѣть по возбужденію, которое слѣдуетъ за прибавленіемъ къ крови нѣ которыхъ химическихъ соединеній, въ-родѣ *алкоголя и растительныхъ щело чей.* Возбужденіе привѣтливости, производимое *чаемъ и кофе*, знакомо всякому И если не многимъ (по крайней мѣрѣ у насъ) удалось испытать роскошны представленія и сильныя ощущенія блаженства, производимыя *опіумомъ* и *гашишемъ*,—то свидѣтельства людей, испытавшихъ это, достаточно убѣдительны.— Другое доказательство тому, что *генезисъ духовной энергіи непосредственн связанъ съ химическими перемѣнами въ тѣлѣ, представляется въ томъ фактѣ что продукты потребленія, выдѣляемые изъ крови почками, разнообразятся в своихъ свойствахъ вмѣстѣ съ количествомъ мозговой дѣятельности.* Чрезмѣрная умственная дѣятельность обыкновенно сопровождается изверженіемъ необы чайнаго количества щелочныхъ фосфорно-кислыхъ солей. Состояніе ненормальнаго нервнаго возбужденія представляетъ аналогичные результаты. Наконецъ надо замѣтить, что *это соотношеніе, насколько мы въ-состояніи прослѣдить его, имѣетъ количественный характеръ. Если только условія нервной дѣятельности не нарушаются и сопутствующія имъ обстоятельства остаются тѣже самыя,—то получается довольно постоянное отношеніе между количествами антецедентовъ и результатовъ.* Итакъ, разнообразные классы фактовъ сходятся въ доказательствѣ того, что *законъ превращенія, дѣйствующій въ сферѣ физическихъ силъ, равнымъ образомъ имѣетъ мѣсто и относительно ихъ связи съ умственными сигнами. Тѣ виды непознаваемаго (абсолютнаго), которые мы называемъ движеніемъ, теплотой, свѣтомъ, химическимъ сродствомъ и проч., одинаково способны преобразовываться другъ въ друга точно также, какъ и въ тѣ виды непознаваемаго (абсолютнаго), которымъ мы даемъ названія ощущенія, душевнаго волненія и мысли. Послѣдніе, въ свою очередь, могутъ снова, прямо или косвенно, преобразовываться въ первоначальныя формы. Что идея или чувство возникаетъ не иначе, какъ въ-видѣ результата нѣкоторой физической силы, затраченной на ихъ произведеніе, это въ скоромъ времени станетъ общимъ мѣстомъ въ наукѣ*, и всякій, кто взвѣситъ надлежащимъ образомъ доказательства, увидитъ, что непринятіе этого убѣжденія можно объяснить не инымъ чѣмъ, какъ только подавляющимъ предразсудкомъ въ-пользу предвзятой теоріи».

Такимъ образомъ, по Г. *Спенсеру*, оказывается, что *сила, существующая въ-видѣ движенія, теплоты, или свѣта, можетъ стать извѣстнымъ видомъ сознанія; колебанія воздуха, движенія эѳира производятъ ощущеніе, которое мы называемъ звукомъ, или свѣтомъ; а силы, освобождающіяся при химическихъ измѣненіяхъ въ мозгу, даютъ начало движенію, и такія превращенія силъ физическихъ въ духовныя, и обратно, какъ показываетъ множество фактовъ и аналогій, слѣдуютъ тому-же закону эквивалентности, какому подчинены превращенія, одной въ другую, силъ физическихъ.* Распространеніе *закона эквивалентности силъ и на психическую дѣятельность* стало у естествовѣдовъ, къ послѣднему времени, дѣйствительно общимъ мѣстомъ, какъ недавно предсказывалъ это *Г. Спенсеръ*. Къ настоящему времени даже уже изобрѣтенъ иструментъ, которымъ измѣряется потеря нервно-электрической силы, расходуемой на разнообразныя дѣятельности души. Какъ совершаются превращенія силъ физическихъ въ духовныя, это, по Г. Спенсеру, «тайны, которыхъ намъ нѣтъ возможности постигнуть,—тайны, впрочемъ, ничуть не глубже тѣхъ, какія представляются намъ въ превращеніяхъ физическихъ силъ одной въ другую. Мы не въ-состояніи узнать ничего болѣе», — заключаетъ Г. Спенсеръ, — «какъ только то, что здѣсь представляется намъ одно изъ единообразій въ порядкѣ явленій».

Біологъ *Лётце не далекъ даже отъ того, чтобы самой матеріи приписать нѣкоторую разумность и вообще духовныя качества.*

«Чѣмъ далѣе отъ сложныхъ организмовъ мы идемъ къ простѣйшимъ стихіямъ природы», — разсуждаетъ *Лётце*,—«тѣмъ явнѣе каждое существо оказывается связаннымъ съ однообразною и, при одинаковыхъ условіяхъ, всегда повторяющеюся дѣятельностью, безъ всякихъ признаковъ дальнѣйшаго внутренняго саморазвитія, безъ того подбора и той переработки впечатлѣній, благодаря которымъ каждая отдѣльная душа развивается, втеченіе своей жизни, до особности. Наученный опытами новѣйшій взглядъ, противоположный миѳическому, говоритъ уже не о живыхъ душахъ, движущихъ стихійныя начала, но о *живыхъ позывахъ или влеченіяхъ, которыя одушевляютъ вещество. Подъ именемъ позывовъ мы разумѣемъ то, что вещи нудятся къ своимъ дѣйствіямъ не внѣшнею силою, — что, напротивъ того, такъ-какъ понуда, т. е. понудительное влеченіе, лежитъ въ собственномъ ихъ существѣ, то она должна и сознаваться, хотѣться ими, какъ ихъ собственная, и постоянно возрождаться въ нихъ сама собой. Въ промежутокъ двухъ явныхъ крайностей, миѳической вѣры въ личныхъ духовъ природы, и помысла о слѣпой естественной необходимости,* вдвигается неясное представленіе о *безсознательномъ разумѣ* и, при всей разновидности формъ этой мысли, рѣшительная наклонность приводитъ душу опять и опять къ тому-же представле-

нію: вѣроятно, *оно должно соотвѣтствовать глубочайшей потребности нашего духа.* Всѣ дѣйствительныя существа находятся въ безпрерывномъ взаимодѣйствіи съ общимъ для нихъ внѣшнимъ міромъ, отъ него-то именно и ожидая разнообразнѣйшихъ побужденій къ своему развитію. Ни одно изъ существъ не могло бы ни страдать, ни чѣмъ-либо пользоваться отъ внѣшняго міра, если-бы собственная природа каждаго созданія не была приравнена къ природѣ тѣхъ впечатлѣній, которыми должна возбуждаться въ дѣятельности. Здѣсь ни одному значительному явленію не представляется уже никакой возможности выступать замкнутымъ въ себѣ самомъ и только изъ себя самого понятнымъ единствомъ. Какъ оно совершается, это не есть непредвидимое измышленіе его собственнаго генія,—но все порѣшено уже внѣ его и притомъ отъ вѣка; каждое дѣйствіе удѣлено ему въ-силу всеобщихъ законовъ міровой связи и въ-силу тѣхъ особенныхъ обстоятельствъ, при которыхъ охватываетъ его эта связь. Ни животныя, ни растенія не производятъ ни изъ себя, ни изъ ничего, тѣхъ веществъ, которыхъ сочетанію они обязаны своимъ обликомъ; они почерпаютъ ихъ изъ общаго запаса природы. Въ постоянномъ кругообротѣ, земная кора и океанъ воздуха передаютъ растительному царству, а оно, въ свою очередь, животнымъ, тѣ непстребимыя начала, которыя служатъ то той, то другой формѣ жизни и, въ свою пору, возвращаются къ безформенному существованію неорганическихъ тѣлъ. *Какой бы живой позывъ ни одушевлялъ внутреннее существо созданій, не ему обязаны они своей устойчивостью противъ враждебныхъ внѣшнихъ вліяній и осуществленіемъ предопредѣленной имъ дѣятельности: и тѣмъ и другимъ они одолжены тѣмъ первоначальнымъ стихійнымъ силамъ своихъ частицъ, которыя, соприкасаясь съ внѣшнимъ міромъ, умѣютъ принимать отъ него раздраженія и дѣятельно на нихъ отвѣчать. Сила присуща элементамъ массы,* съ неизмѣннымъ, всегда одинаковымъ, образомъ дѣйствія; каждый мигъ, необходимо совершаетъ она все, что требуется данными обстоятельствами, по всеобщимъ законамъ. Повинуясь *могучему духу природы,* которымъ напираетъ ее впередъ, она не стремится, сама собой, къ осуществленію какого бы то ни было плана; но каждый, связный въ себѣ, порядокъ зависитъ отъ тѣхъ особенныхъ условій, при какихъ многочисленные элементы вынуждены къ совокупной дѣятельности, данною, въ извѣстный моментъ, формою ихъ сопряженія. Но такъ-какъ въ простыхъ элементарныхъ единицахъ, — атомахъ, должно видѣть только опорныя средоточія входящихъ и исходящихъ силъ, то дальнѣйшій ходъ ума ведетъ къ мысли, что *силы примыкаютъ не къ безжизненному нутру вещей, а возникаютъ изъ нихъ самихъ, изъ ихъ нѣдръ,* и что все, совершающееся между вещами, должно напередъ совершаться внутри ихъ. *Всѣ внѣшніе процессы сочетанія и раздѣленія должны основываться на внутренней жизни,* — и если естествовѣдѣніе разнимаетъ единство сложныхъ созданій,—то все-же *каждый элементъ* мозаики, которою замѣняется это единство, *непремѣнно долженъ быть живою и внутренно-возбужденною точкою.* Не какая-либо вещественная связь припрягаетъ планету къ солнцу, но непосредственная дѣятельность элементарной силы, всеобщаго тяготѣнія или притяженія, невидимо содержитъ оба свѣтила въ связи, и притомъ съ такою живою упругостью въ своемъ дѣйствіи, какой вовѣки не достигнутъ ни одному искусственному приспособленію. Постоянно видоизмѣняющаяся

борьба, между первонач.льною скоростью планеты и тяготѣніемъ, влекущимъ къ солнцу, ведетъ планету незримою, но вѣрчою, рукою по замкнутой орбитѣ, и ни малѣйшая трата средствъ не нарушаетъ продолженія этой величаво-прекрасной игры. Однакожъ въ основѣ ея лежитъ тотъ-же всеобщій законъ дѣйствія, который властвуетъ и въ нашихъ машинахъ. Такой-же родъ дѣятельности, только съ безконечно-большимъ разнообразіемъ, повторяетъ и *живое тѣло*. Вѣль и оно дѣйствуетъ не внѣшними сопряженіями средствъ, вполнѣ безучастныхъ другъ къ другу; вездѣ и въ немъ жизненный процессъ заполоненъ потокомъ непосредственныхъ стихійныхъ дѣйствій; каждый его элементъ, въ образованіи, обновленіи, видоизмѣненіи своемъ, раскрываетъ, относительно своего сосѣда, все обиліе присущихъ ему первоначальныхъ силъ. И эти дѣйствія являются здѣсь не нарушеніями или перерывами сплошнаго процесса, но условіями, которыми все вновь и вновь обосновывается его дѣйствительность вообще, равно-какъ и каждая утонченнѣйшая черта его формы въ-частности. *Непрерывный потокъ дѣйствій переливается изъ атома въ атомъ, благодаря непосредственнымъ силамъ послѣднихъ, и образуетъ ежемгновенно сплошную всепроникающую связь цѣлаго. Въ малѣйшей части организма есть, какъ будто-бы, пониманіе того, что готовится въ другой. Природа не-только по общему своему смыслу, но и по частнымъ законамъ своего домостроительства, необходимо составляетъ одно цѣлое, котораго разнообразныя произведенія отличаются другъ отъ друга не особымъ какимъ-либо уставомъ, но разностью въ способѣ пользованія однимъ и тѣмъ-же законодательствомъ.* Что *въ человѣкѣ* перемѣны внутреннихъ нашихъ состояній зависятъ отъ внѣшнихъ впечатлѣній и ихъ взаимодѣйствій съ составными частями нашего тѣла, это оказывается всеобщимъ и непрестанно повторяющимся опытомъ. Ощущенія наши мѣняются съ измѣнчивыми возбужденіями нашихъ чувственныхъ органовъ. Всѣ эти факты доказываютъ лишь одно, что измѣненія въ элементахъ тѣла составляютъ то царство условій, съ которымъ неразрывно связаны существованіе и форма нашихъ внутреннихъ состояній. *Но эти факты отнюдь не доказываютъ того, что въ этихъ перемѣнахъ лежитъ единственная и достаточная причина, самосильно и безъ содѣйствія иного начала, порождающая изъ себя одной все разнообразіе жизни.* Внимательный взглядъ на свойство этой связи обнаруживаетъ намъ ту *бездну, которая лежитъ здѣсь между достаточною, повидимому, причиною и мнимымъ ея слѣдствіемъ.* Все, что бываетъ съ матеріальными составными частями внѣшней природы, или нашего собственнаго тѣла, все это *отнюдь не идетъ ни въ какое сравненіе съ особенностью духовныхъ состояній. Никакое сравнительное разложеніе не откроетъ въ химическомъ составѣ нерва, въ напряженности, группировкѣ и подвижности малѣйшихъ его частицъ, причину того, почему звуковая волна, достигши нерва своими струями, должна породить въ немъ что-нибудь болѣе подобнаго ей колебанія и вызвать у него сознательное ощущеніе тона. Какъ далеко ни слѣдили бы мы въ нервѣ, проникшее въ него, чувственное раздраженіе, сколько бы ни придавали разнообразныхъ измѣненій его формѣ и какихъ бы ни измѣняли для него самоутонченнѣйшихъ движеній, — никогда мы не сможемъ показать, что въ свойствѣ порожденнаго, такимъ образомъ, движенія само собою лежитъ то, чтобъ ему прекратиться, какъ движенію, и возродиться въ*

*

видъ свѣтлаго блеска, въ-видъ тона, въ-видъ сладкаго вкуса и т. д. Скачекъ между послѣднимъ, доступнымъ для насъ, состояніемъ матеріальныхъ элементовъ и первымъ зачаломъ ощущенія, будетъ все также великъ, и *едва-ли кто станетъ питать тщетную надежду, что болѣе развившаяся наука отыщетъ переходъ тамъ, гдѣ невозможность всякаго сплошнаго перехода сама бросается въ глаза просто и ясно, какъ солнце.* На эту очевидную неприравнимость всякихъ физическихъ процессовъ къ процессамъ сознанія искони опиралось убѣжденіе въ необходимости искать особаго начала для объясненія духовной жизни. Но *если изъ тѣхъ свойствъ, изъ-за которыхъ мы зовемъ матерію матеріей, нельзя вывесть дѣйствительнаго наступленія ни одного изъ духовныхъ состояній, то что мѣшаетъ намъ допустить, въ тѣлесныхъ же элементахъ, рядомъ съ вышеупомянутыми свойствами, еще особое сокровище внутренней жизни, ускользающее, въ другихъ случаяхъ, отъ нашего вниманія и обнаруживающееся именно только въ томъ, что мы называемъ духовною жизнью? Развѣ видимое вещество не можетъ непосредственно вести двоякой жизни, проявляясь наружу, какъ матерія и не обличая въ себѣ никакой способности, кромѣ извѣстныхъ намъ механическихъ свойствъ,—внутренно же, напротивъ того, оживляясь духомъ, ощущая перемѣну своихъ состояній и сопровождая пожеланіями свою дѣятельность, хотя произвольно измѣнять общезаконный ходъ ея, конечно, не въ его власти?...* Конечно, это ощущающее и желающее существо вѣдь все-же осталось бы двоякимъ; какъ ни свяжи оно, единствомъ своей сущности, матеріальныя и духовныя свои качества, они все-же будутъ несравнимы между собою, и изъ перемѣны матеріальныхъ состояній мы никогда не можемъ вывести необходимость, для духовной стороны, испытать послѣдовательно соотвѣтственную имъ перемѣну. Вещество развивалось бы, въ такомъ случаѣ, въ два различныхъ ряда, и ни изъ одного ряда нельзя было бы вообразить себѣ перехода въ другой; пріуроченные только внѣшнимъ образомъ, члены одного на дѣлѣ соотвѣтствовали бы, правда, членамъ другаго; — но и тутъ матеріальная перемѣна только по тому влекла бы за собой духовную, что на другой сторонѣ двойственнаго вещества находила бы уже, способную возбуждать ее, духовную природу: *никогда и здѣсь міръ сознанія не выходилъ бы самопонятнымъ слѣдствіемъ изъ міра движеній....* Гибельный для всякаго міровоззрѣнія, истинно-вредный матеріализмъ въ томъ вѣдь и состоитъ, что изъ взаимодѣйствія веществъ, насколько они вещества и ничего больше, изъ толчка и гнета, изъ напруги и разширенія, изъ смѣшенія и разложенія, самодѣльно выводятъ всю полноту духовной жизни, какъ легко дающійся прихвостень, и воображаютъ себѣ, будто также просто и очевидно, какъ изъ двухъ равныхъ и противоположеиныхъ движеній возникаетъ покой, или изъ двухъ различныхъ подъ угломъ движеній возникаетъ третье, въ среднемъ отъ нихъ направленіи, точно также будто и изъ встрѣчи физическихъ процессовъ происходитъ все разнообразіе внутренней жизни. Всякому основательному соображенію всегда придется отвергать ту небрежность мысли, которая въ формахъ механическаго процесса, призванныхъ, въ цѣломъ мірѣ, только служить взаимнымъ посредствомъ внутреннему бытію отдѣльныхъ существъ, видитъ первоначальную основу, изъ которой, какъ придаточный, побочный результатъ, возникаетъ будто-бы вся эта сила и живость этого внутренняго существованія. *Такой ошибки избѣгаетъ взглядъ,*

приписывающій матеріи скрытую въ ней духовную жизненность; а если и не избѣгаетъ положительно, то, по крайней мѣрѣ, впадаетъ въ нее не по необходимости, потому-что не изъ физическихъ свойствъ выводитъ все духовное, но изъ того убѣжденія, что матерія втайнѣ гораздо лучше, нежели она кажется».

Нашъ русскій біологъ, до сихъ поръ выступавшій только физіологомъ, а въ послѣднее время выступившій въ-качествѣ и психолога, докторъ *Сѣченовъ*, не останавливается предъ препятствіями, которыя затрудняютъ біолога *Лотце*, въ стремленіи приписать матеріи разумность и духовность, а, напротивъ того, провозглашаетъ смѣло и рѣшительно, что «*ясной границы между соматическими и психическими явленіями нѣтъ ни въ одномъ мыслимомъ отношеніи*», и что «*родство*, или лучше, — *тожество въ качествѣ психическихъ и нервныхъ актовъ* есть *основная исходная аксіома*». Такъ, въ статьѣ *Сѣченова* (въ Вѣстникѣ Европы 1873 года, Апрѣль): «*Кому и какъ разработывать психологію?*» — между прочимъ, усматриваемъ слѣдующія основныя положенія: «въ ряду всѣхъ міровыхъ явленій, только два отдѣла ихъ могутъ быть сопоставлены, по сходству съ фактами психической жизни человѣка, именно: психическая жизнь животныхъ и нервныя дѣятельности въ тѣлѣ какъ самого человѣка, такъ и въ тѣлѣ животныхъ, изучаемыя физіологіею. Оба ряда явленій, будучи, по содержанію, проще психическихъ явленій у человѣка, могутъ служить средствомъ къ разъясненію послѣднихъ. Сопоставленіе психическихъ явленій у животныхъ и человѣка есть сравнительная психологія. Сопоставленіе же психическихъ явленій съ нервными процессами его собственнаго тѣла кладетъ основу аналитической психологіи, такъ-какъ тѣлесныя нервныя дѣятельности, до извѣстной степени, уже расчленены. Такимъ образомъ, оказывается, что психологомъ—аналитикомъ можетъ быть только физіологъ. *Исходнымъ матеріаломъ, для разработки психическихъ фактовъ, должны служить психическія проявленія у животныхъ, какъ простѣйшія, а не у человѣка. Убѣжденіе въ качественномъ различіи между психической организаціей человѣка и животныхъ нельзя считать научно доказаннымъ. Книзу, рядомъ съ психическими явленіями человѣка, стоитъ психическая жизнь животныхъ, а за нею начинается уже область матеріи.*—Неужели же сравнивать психическую жизнь съ жизнью камней, растеній, или даже тѣла человѣка? Извѣстно, что въ прошломъ величайшіе умы находили, между тѣлесною и духовною жизнью человѣка, обыкновенно, только глубокія различія, а не сходства. Но это происходило отъ того, что физіологіи въ то время не существовало и тѣлесныя явленія не были на-столько расчленены, чтобъ аналогія нѣкоторыхъ изъ нихъ съ психическими дѣятельностями могла бросаться въ глаза. Теперь же другое дѣло. *Физіологія представляетъ цѣлый рядъ данныхъ, которыми устанавливается родство психическихъ явленій съ нервными процессами въ тѣлѣ, актами чисто соматическими. Зачатки психической дѣятельности развиваются, очевидно, изъ чисто-матеріальныхъ субстратовъ: яйца и сѣмени.* Чрезъ посредство этихъ-же матеріальныхъ субстратовъ, передаются, по родству, очень многія изъ индивидуальныхъ психическихъ особенностей и иногда такія, которыя относятся къ разряду очень высокихъ проявленій, наприм., наслѣдственность извѣстныхъ талантовъ. *Ясной границы между завѣдомо соматическими нервными актами и явленіями, которыя при-*

знаются уже психическими, не существуетъ ни въ одномъ мыслимомъ отношеніи. Физіологія, оставаясь на своей почвѣ, доказала, въ новѣйшее время, тѣсную связь между всѣми характерами данныхъ представленій и устройствомъ соотвѣтствующихъ чувствующихъ снарядовъ, или органовъ чувствъ. Не трудно доказать родство соматическихъ нервныхъ процессовъ съ низшими формами дѣятельностей высшихъ органовъ чувствъ, потому-что дѣятельности эти, уже со временъ *Локка*, признаются у всѣхъ, если не исключительными, то главными источниками психическаго развитія. Нѣтъ ни одной мыслимой стороны, которою низшіе продукты дѣятельности органовъ чувствъ существенно отличались бы отъ рефлекторныхъ процессовъ тѣла. Отсюда же необходимо слѣдуетъ, что *соматическіе нервные процессы и низшія формы психическихъ явленій, вытекающія изъ дѣятельностей высшихъ органовъ чувствъ, родственны между собою по природѣ. Воззрѣніе Локка, что корни всего психическаго развитія лежатъ въ дѣятельностяхъ органовъ чувствъ, признается, съ незначительными ограниченіями, всѣми психологическими школами.* Значитъ, для аналогіи здѣсь широкое поле. Всѣ психическіе акты, совершающіеся по типу рефлексовъ, должны всецѣло подлежать физіологическому изслѣдованію, потому-что къ области этой науки относятся, непосредственно, *начало ихъ, чувственное возбужденіе извнѣ, и конецъ, движеніе*; но ей-же должна подлежать и *середина, психическій элементъ, въ тѣсномъ смыслѣ слова*, потому-что *послѣдній оказывается часто, а можетъ быть, и всегда, не самостоятельнымъ явленіемъ, но интегральной частью процесса.* Мысль о психическомъ актѣ, какъ процессѣ, движеніи, имѣющемъ опредѣленное начало, теченіе и конецъ, должна быть удержана какъ основная,—потому-что этою мыслью опредѣляется основный характеръ задачъ, составляющихъ собою психологію, какъ науку о психическихъ реальностяхъ. Какъ основа научной психологіи, мысль о психической дѣятельности, съ точки зрѣнія процесса, движенія, представляющая собою лишь дальнѣйшее развитіе мысли о родствѣ психическихъ и нервныхъ актовъ, должна быть принята за исходную аксіому, подобно тому, какъ въ современной химіи исходной истиной считается мысль о неразрушаемости матеріи. Принятая, какъ новѣйшій критерій, она обязываетъ психологію *вывести всѣ стороны психической дѣятельности изъ понятія о процессѣ,—движеніи*.

Далѣе, въ той-же книжкѣ *Вѣстника Европы*, въ критической статьѣ *Ловцова* на сочиненіе знаменитаго физіолога *Дюбуа-Реймона*: «*Предѣлы познанія природы*», мы находимъ уже приговоры *о монизмѣ, единствѣ вещества и силы, силы механической и химической, органической и духовной, съ рѣшительнымъ выводомъ, что «высшую, форму вещества составляетъ такъ-называемое нервное вещество, обладающее способностію чувствовать и мыслить»*. И замѣчательно, что такіе приговоры изрекаются не знаменитымъ европейскимъ ученымъ, *Дюбуа-Реймономъ*, а только по поводу его сочиненія: «*Предѣлы познанія природы*», его русскимъ рецензентомъ. Самъ же *Дюбуа-Реймонъ* говоритъ нѣчто противоположное, по крайней мѣрѣ,—нѣчто не

въ такой мѣрѣ одностороннее. Напротивъ того, въ упомянутомъ сочиненіи онъ провозглашаетъ слѣдующія свои основныя воззрѣнія.

«*Какъ самая возвышенная душевная дѣятельность, такъ и первая степень сознанія, чувственное ощущеніе, необъяснимы матеріальными условіями и останутся такими на-всегда, какіе бы прогрессы знанія ни дѣлалъ человѣческій умъ.* Съ первымъ ощущеніемъ удовольствія или боли, у самого простѣйшаго существа, въ началѣ животной жизни на землѣ, міръ сталъ вдвойнѣ непонятнѣе. При нашей неспособности вполнѣ постигнуть матерію и силу, наиболѣе совершенное знаніе ея, какого мы можемъ достигнуть, есть *астрономическое знаніе.* Астрономическимъ знаніемъ вещественной и, сопряженной съ нею, чувственной системы *Дюбуа-Реймонъ* называетъ такое знаніе всѣхъ ея частей, ихъ взаимнаго положенія и движенія, когда то и другое можетъ быть вычислено, въ каждое время, съ такою-же точностью, съ какою можетъ быть вычислено въ астрономіи движеніе небесныхъ тѣлъ. При такомъ знаніи, были бы ясны также и процессы, постоянно, послѣдовательно, необходимо совпадающіе, по времени, съ душевными процессами,—и было бы высокимъ торжествомъ, еслибы мы могли сказать, что, при опредѣленномъ душевномъ процессѣ происходитъ, въ опредѣленныхъ нервныхъ узлахъ и нервахъ, опредѣленное движеніе опредѣленныхъ атомовъ, если-бы, наприм., мы знали, какое вращеніе атомовъ углерода, водорода, азота, кислорода, фосфора и другихъ атомовъ соотвѣтствуетъ блаженству, происходящему при слушаніи музыки, при чувственномъ наслажденіи, или мученію при страшной боли. Но *что касается самихъ психическихъ процессовъ, то, даже при астрономическомъ знаніи органа души, они были бы для насъ непонятны также, какъ и теперь*: астрономическое знаніе мозга, самое совершенное, какое мы можемъ имѣть о немъ, открыло бы въ немъ только *движеніе матеріи, которое отнюдь не объяснило бы происхожденія сознанія изъ какого-либо распредѣленія или движенія матеріальныхъ частичекъ, изъ механики мозговыхъ атомовъ. И здѣсь безусловная граница нашего познанія природы!* Несмотря на всѣ открытія въ области естествознанія, человѣчество, въ-теченіи двухъ тысячъ лѣтъ, также мало подвинулось впередъ, въ объясненіи душевной дѣятельности матеріальными условіями, какъ и въ пониманіи сущности матеріи и силы, и *никогда не познаетъ ихъ*».—Не стѣсняясь подобными воззрѣніями европейскаго авторитета, русскій рецензентъ (*Ловцовъ*), перебравъ нѣсколько современныхъ теорій по тому-же предмету, въ выводѣ своего изслѣдованія, заявляетъ убѣжденіе, «что всѣ тѣла природы равномѣрно оживлены,—что противоположность, которую принимали между мірами мертвыхъ и живыхъ тѣлъ, не существуетъ,—что если брошенный въ воздухѣ камень падаетъ на землю, въ-силу опредѣленныхъ законовъ, или въ соляномъ растворѣ образуется кристаллъ, то эти явленія суть точно также *механическія явленія жизни*, какъ и ростъ, или цвѣтеніе, растеній, какъ размноженіе и дѣятельность чувствъ у животныхъ, *какъ ощущеніе или образованіе мыслей у человѣка*,—что исходными пунктами для такихъ убѣжденій служатъ законы вѣчности матеріи и силы, составляющіе основу всего естествознанія,—и такою-же основою можетъ служить и *ученіе о нераздѣльности вещества и силы (монизмъ)*,—что если сущность матеріи для насъ и закрыта, то изслѣдованію, при

помощи нашихъ чувствъ, подлежатъ ея качественность, *дифференцированіе, переходъ изъ одной формы въ другую, съ проявленіемъ соотвѣтствующихъ силъ,*— что *высшую форму вещества составляетъ такъ-называемое нервное вещество, обладающее способностью чувствовать и мыслить,*—что именно изъ него исходятъ мысли,—*но какъ именно они образуются, это вопросъ, предъ которымъ останавливается извѣстный физіологъ нашего времени Дюбуа-Реймонъ».*

ГЛАВА LVI.

Что-же мы принимаемъ, что допускаемъ съ ограниченіемъ, и что отвергаемъ въ изложенныхъ воззрѣніяхъ?

Не будемъ пока касаться духовной стороны человѣка и существеннаго превосходства его, по этой сторонѣ, надъ прочими существами видимой природы.

Оградивъ себя этимъ замѣчаніемъ, допускаемъ, затѣмъ, что человѣкъ есть первое животное между животными,—что между человѣкомъ и послѣдующими за нимъ, высшими рядами животныхъ оказывается полное и всестороннее, анатомическое сходство, а разница ничтожная и едва уловимая,—что развитіе человѣческаго зародыша переходитъ всѣ ступени развитія животнаго царства, отъ инфузоріи до человѣка.

Допускаемъ, что существуетъ большое сходство между обоими классами органическаго царства, между животными и растеніями,—что не только многія отправленія сходны или аналогичны у растеній и животныхъ, но и совершаются, у тѣхъ и другихъ, весьма сходными органами, особенно у смежныхъ рядовъ,—что, вообще, рѣшительныхъ признаковъ, отличающихъ растенія отъ животныхъ, нѣтъ въ организаціи.

Допускаемъ, что дерево есть собраніе подобныхъ индивидуумовъ, подобно тому, какъ и высшее животное есть собраніе различныхъ органическихъ системъ,—что нѣкоторая независимость жизненности различныхъ органовъ отъ жизни цѣлаго организма замѣчается не только у растеній, но и у животныхъ,—у животныхъ не-только низшихъ, простѣйшихъ, но и у самыхъ развитыхъ, до человѣка включительно,—что послѣ смерти, волосной приборъ, дыхательный органъ, кровообращательная система, какъ и другія системы организма, могутъ еще жить болѣе или менѣе продолжительное время, при чемъ оказывается, что приборы волосъ и ногтей, обыкновенно, живутъ дольше прочихъ,—что всякій организмъ, раздѣляясь на органы и системы,

распадается, въ концѣ концовъ, на клѣточки, изъ которыхъ каждая живетъ жизнью болѣе или менѣе отдѣльною и независимою отъ жизни цѣлаго,—что, на-оборотъ, цѣлая жизнь животнаго есть, болѣе или менѣе, слѣдствіе индивидуальной жизни всѣхъ этихъ милліоновъ маленькихъ клѣтчатыхъ существъ,—что природа жизни болѣе или менѣе сложнаго организма, болѣе или менѣе, зависитъ отъ элементарной жизни клѣточки.

По разъясненной выше [1]) теоріи *Вагнера*, принимаемъ градацію развитія организмовъ, органическихъ системъ и органовъ, посредствомъ *дифференцированія и спеціализаціи*; именно, допускаемъ, что органическія клѣточки, по своему устройству, вездѣ похожи сами на себя, почти до тожества,—что между клѣточками, растительною и животною, глазъ не усматриваетъ почти никакого яснаго различія,—что изъ тожественныхъ клѣточекъ, на низшей ступени организаціи, развились растительные и животные организмы, самые простые, въ которыхъ всѣ органическія части аналогичны до тожества,—что въ царствѣ растительномъ, даже въ наиболѣе развитыхъ родахъ растеній, дифференцированіе органовъ и спеціализація отправленій остановились на слабой степени развитія, такъ-что въ самомъ высшемъ растеніи цвѣтъ аналогиченъ листу, листъ почкѣ, почка вѣтви, вѣтвь стволу, стволъ съ вѣтвями корнямъ, такъ-что вѣтви, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, могутъ даже мѣняться своими отправленіями съ корнями,—что въ царствѣ животномъ эта дифференціація организаціи и спеціализація отправленій идетъ дальше и выше, отъ полипняковъ, гдѣ каждый полипъ является и органомъ отправленій, то тожественныхъ съ отправленіями у другихъ полиповъ, то спеціальныхъ, и особымъ индивидуальнымъ организмомъ, съ особенною жизнью,—поднимаясь чрезъ организмы колоніальные и соціальные (пчелъ, муравьевъ), гдѣ отдѣльная особь организуется, больше или меньше, приспособительно къ спеціальному отправленію, необходимому въ общей системѣ жизни цѣлой колоніи,—и до организмовъ наиболѣе индивидуализированныхъ, въ которыхъ цѣлая система, въ высшей степени, дифференцированныхъ членовъ устроена такъ, что эти органы, исполняя каждый свое спеціальное назначеніе, совершаютъ цѣлую систему отправленій, достаточныхъ для поддержанія индивидуальной жизни цѣлаго, замыкая, такимъ образомъ, индивидуальный

[1]) Т. I, стр. 375—377.

организмъ въ отдѣльную отъ рода, самодовольную, живую особь, так
что эта, самодостаточествующая для продолженія собственной частно
жизни, особь оказывается не самодостаточествующею только для ва
нѣйшаго въ родовой жизни отправленія,—продолженія рода. Изъ вс
го этого вытекаетъ, что правоспособность извѣстнаго органа, или и
вѣстной органической системы, къ извѣстному отправленію есть тол
ко спеціализація способности, принадлежащей цѣлому организму, со
члененному изъ отдѣльныхъ жизненныхъ системъ, которыя, въ сво
очередь, сочленены изъ индивидуальныхъ клѣточекъ, и, слѣдовательно
всякая органическая правоспособность принадлежитъ, въ концѣ концовъ
больше или меньше, каждой живой, вошедшей въ организмъ клѣточкѣ
Изъ приведенныхъ фактовъ, далѣе, очевидно и то, что нервная систем
есть только, болѣе или менѣе дифференцированный (въ разныхъ орга
низмахъ), выдѣлъ другихъ органическихъ системъ, которыя, чрезъ эт
выдѣленіе, не перестали, однакожъ, быть аналогичными съ выдѣлен
ною нервною системою, а способность нервной системы къ особом
органическому отправленію есть только спеціализованная правоспо
собность всего организма, всѣхъ составляющихъ его системъ и всѣх
вошедшихъ въ сумму его жизни, органическихъ клѣточекъ.

Конечно, съ развитіемъ дифференціаціи и спеціализаціи въ том
или другомъ организмѣ, мы, на-основаніи наблюденій, не можемъ н
связывать представленіе объ усовершенствованіи и отправленій. Такъ
напр., нужно ждать, что организмъ съ наиболѣе развитымъ голов
нымъ мозгомъ, вообще, лучше совершаетъ нервныя отправленія, чѣм
организмъ съ слабо развитымъ головнымъ мозгомъ, — еще лучше
чѣмъ организмъ съ однимъ только спиннымъ мозгомъ, безъ головна
го, и еще лучше, чѣмъ организмъ только съ слабыми зачатками
нервныхъ узловъ. Тѣмъ не менѣе, — нужно заключать, что каждый
изъ этихъ организмовъ есть не что иное, какъ болѣе или менѣе
дифференцированный членъ рода, предназначенный къ болѣе или ме
нѣе совершенному исполненію спеціальнаго отправленія, которое, съ
одной стороны, необходимо для жизни рода, а съ другой—истекаетъ
изъ общей родовой жизни, составляя, въ потенціи (возможности) сво
его развитія, правоспособность цѣлаго органическаго рода, класса,
царства,—правоспособность, которая хотя и понижается съ пониже
ніемъ степеней въ развитіи организаціи, однакожъ, принадлежитъ
всѣмъ степенямъ развитія всего рода существъ, отъ высшихъ до
самыхъ низшихъ организмовъ, отъ самыхъ развитыхъ и сложныхъ

до простѣйшихъ органическихъ системъ, оканчивая наиболѣе простыми и несложными организаціями клѣточекъ.

Оказывается, такимъ образомъ, что естествовѣды говорятъ не безъ основанія: «никто не станетъ сомнѣваться, что психическая дѣятельность животныхъ, соотвѣтствующая ихъ устройству, болѣе и болѣе приближающемуся къ человѣческому, точно также постепенно приближается къ человѣческой. Заключая отъ устройства къ отправленію, мы должны признать, что психическая дѣятельность въ человѣческомъ зародышѣ проходитъ подобныя-же ступени развитія, какъ и во всемъ животномъ царствѣ, — что, напр., въ самомъ зачаткѣ, въ первомъ зародышевомъ пузырькѣ, она находится еще на степени инфузоріи. Различія, наиболѣе замѣтныя при разсматриваніи совершеннѣйшихъ существъ каждаго класса, постоянно уменьшаются, по мѣрѣ пониженія уровня организаціи, такъ-что сходства тѣхъ и другихъ, въ сближающихся смежныхъ рядахъ, становятся все уловимѣе и уловимѣе. Произвольное перемѣщеніе нельзя назвать общимъ признакомъ животныхъ, потому-что существуютъ животныя, не перемѣняющія мѣста; между тѣмъ, въ растеніяхъ, въ растительныхъ органахъ, замѣчается движеніе, весьма похожее на произвольное, каковы движенія подсолнечниковъ, одуванчиковъ, трехцвѣтныхъ колокольчиковъ, ночныхъ красавицъ и т. д.; у нѣкоторыхъ растеній замѣчены движенія высшаго разряда, которыя граничатъ съ яснымъ проявленіемъ ощущенія, каковы движенія цвѣтка—недотроги и нѣкоторыхъ другихъ цвѣтковыхъ растеній. Поэтому, нѣтъ никакой причины полагать, что свойства растительныхъ тканей и способность чувствовать несовмѣстимы. Если судить по движеніямъ названныхъ цвѣтковъ, то отвергать въ нихъ желаніе и чувство нѣтъ никакого основанія. Вѣдь и въ животныхъ, о чувствѣ и желаніи, какъ и въ людяхъ, объ ихъ душевной дѣятельности мы заключаемъ только по аналогіи, по сравненію съ собою. Если мы самымъ совершеннымъ возрастомъ человѣка считаемъ тотъ, когда человѣкъ обладаетъ полною зрѣлостью, то и у растеній время цвѣтенія, время оплодотворенія есть совершеннѣйшій возрастъ,—и, такимъ образомъ, очевидно, растенія имѣютъ глубочайшее, внутреннѣйшее сходство съ животными. Какъ не сомнѣваемся мы въ одинаковой съ нами сущности другихъ людей, точно также не имѣемъ права сомнѣваться въ психической дѣятельности и животныхъ, точно также не можемъ отрицать, что органическая жизнь, проявляющаяся въ животныхъ, принадлежитъ и растені-

ямъ. Не будетъ ничего дерзкаго, если мы признаемъ, что психическая дѣятельность животныхъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, подобна нашей человѣческой, что она постепенно понижается до инфузоріи и что растительная жизнь однородна съ животною. Всякій сложный организмъ образованъ нѣсколькими жизненными, явственными, опредѣленными системами, а каждая изъ этихъ жизненныхъ системъ, или органовъ, сама состоитъ изъ несмѣтнаго числа клѣтчатыхъ существъ, обладающихъ, въ свою очередь, какъ и отдѣльныя системы органовъ, индивидуальною жизнью. Въ обоихъ классахъ существъ, т. е. какъ животныхъ, такъ и растительныхъ, находится одинъ и тотъ-же основный элементъ, — клѣточка. Въ клѣточномъ пузырькѣ заключается тайна жизни, клѣточка есть постоянная исходная точка и источникъ жизни. Единство жизни находитъ свое тѣлесное выраженіе въ клѣточкѣ; жизнь есть дѣятельность клѣточки, особенность жизни есть особенность клѣточки; отъ неизслѣдимыхъ особенностей клѣточекъ зависятъ всѣ особенности органическаго строенія. Такимъ образомъ, постепенный анализъ приводитъ насъ къ строенію нервнаго аппарата, гдѣ съ извѣстными группами клѣточныхъ образованій связаны, по крайней мѣрѣ, *какъ органическіе процессы, высочайшія особенности животной жизни: ощущеніе, движеніе, мышленіе*»...

Нельзя не признать далѣе и того, что, въ свою очередь, и клѣточка не составляетъ грани между царствомъ жизни, съ одной стороны, и царствомъ смерти съ другой,—что, въ своихъ элементахъ, клѣточка нисколько не отличается отъ вещества неорганическаго міра,—что жизнь вполнѣ подчинена господству химическихъ и физическихъ законовъ,—что въ живыхъ существахъ находится тѣсная связь между веществомъ, формой и отправленіемъ,—что всякое частное вещество есть видоизмѣненіе единой матеріи, всякое движеніе— видоизмѣненіе единой силы, всякое явленіе — видоизмѣненіе, прибавленное къ результату предшествовавшихъ измѣненій, всякая форма вещей есть послѣдствіе болѣе или менѣе многочисленныхъ видоизмѣненій, — что, начиная съ единенія веществъ, называемыхъ простыми, до самыхъ совершенныхъ организмовъ, до современнаго устройства земнаго шара, до системы нашего солнечнаго міра, все показываетъ послѣдовательность измѣненій, тѣсно связанныхъ частными законами, которые представляютъ, безъ сомнѣнія, видоизмѣненіе одного общаго закона,—что жизнь въ клѣточкѣ вовсе не есть непосредственное явленіе, обязанное своимъ происхожденіемъ одной

бщей причинѣ, — *жизненной силы*, но многосложный результатъ овокупности явленій, происхожденіе которыхъ связано съ составомъ етвернаго вещества (углерода, водорода, азота и кислорода).

Теорію *о жизненной силѣ* новѣйшіе естествовѣды провозглашаютъ ыдумкою ученыхъ, на томъ основаніи, съ точки зрѣнія физіологи-еской, что, по этой теоріи, столь разнообразныя явленія раститель-ой и животной физіологіи должны бы быть дѣйствіями не иного чего, акъ этой первоначальной жизненной силы, такъ-что, съ уничтоже-іемъ этой причины, всѣ жизненныя явленія должны бы тотчасъ-же рекратиться. Но опыты показали неосновательность этого ученія, акъ-какъ доказано, что приборы волосъ и ногтей, органы дыхатель-ый и даже кровообращательный способны еще продолжать свои от-равленія, даже послѣ смерти живого субъекта. Съ химической же очки зрѣнія, теорія жизненной силы оказалась также несостоятель-ою по тому, что теорія эта утверждала, будто химикъ не въ-состо-ніи получить органическаго вещества изъ неорганическаго, — что нъ можетъ превратить одинъ видъ органическаго вещества въ ка-ой-либо, сродный ему, видъ органическаго вещества,—можетъ по-учить нѣкоторыя простыя органическія начала, разлагая болѣе слож-ыя частицы,—можетъ даже произвести высшія органическія начала, очетаніемъ двухъ или болѣе простыхъ началъ,—но совершенно не пособенъ получить даже самое простое изъ органическихъ соедине-ій, посредствомъ синтеза ихъ элементовъ. Химія, въ наше время, тверждаетъ, однакожъ, что это мнѣніе не имѣетъ никакого основа-ія, такъ-какъ многія органическія соединенія изъ неорганическихъ лементовъ уже получены.

Чтобы, однакожъ, химія и физіологія пріобрѣли полное право кончательно отвергнуть жизненную силу, мы предложили бы имъ ать опытъ произведенія органической клѣточки изъ элементарныхъ еществъ. Правда, *Жувансель* охотно берется не-только разъяснить, о даже исполнить предъ нами эту задачу.

«Несомнѣнно, — пишетъ онъ [1]),—«что во время отдаленной эпохи, вся поверх-ость земнаго шара находилась въ состояніи огненнаго плавленія. Тогда орга-измы не могли существовать; но такъ-какъ они теперь существуютъ, то, зна-ить, — *было время, когда организмы начали показываться на земной поверх-ости. Какъ образовались первые организмы?* Чтобы составить себѣ объ этомъ онятіе, должно изучить первоначальную клѣточку. Наружная перепонка клѣточки [2])

[1]) *Жизнь*, 303. [2]) 303.

состоитъ изъ клѣтчатки и не содержитъ азота; но внутреннее вещество клѣточки — четверное, т. е. азотное. *Одно это четверное вещество нарождаетъ, размножаетъ клѣточки и способно къ переработыванію.* Жизнь [1]) первоначальной клѣточки, замѣтнымъ образомъ, заключается въ ея способности перерабатывать, извергать и усвоивать. Что же такое это переработываніе, какъ не совокупность химическихъ явленій, для которыхъ необходимы извѣстныя условія теплоты и прочаго? Что же такое это усвоиваніе и изверженіе, какъ не два члена одного двойнаго химическаго разложенія между частицами, которое даже въ растительной клѣточкѣ зависитъ прямо не отъ жизни клѣточки, но отъ дѣйствія свѣта? Такимъ образомъ, жизнь первоначальной клѣточки представляется намъ, какъ результатъ взаимодѣйствія явленій, а не какъ причина. Жизнь принадлежитъ [2]) только четверному азотному составу. Разъяснивъ нѣсколько экспериментовъ, доказывающихъ, будто бы, такъ-называемое *самопроизвольное зарожденіе, Жуансель* утверждаетъ, будто *эти опыты, большею частію, не оставляютъ мѣста сомнѣнію* [3]),—будто они способны, рано ли, поздно ли, поразить *заблужденіе, перешедшее въ состояніе доктрины.* «Мы же увѣрены—продолжаетъ Жуансель,—«что раньше, чѣмъ чрезъ двадцать лѣтъ, покажется очень смѣшнымъ то, что серьезно доказывали, самыми темными фактами, т. е. возможность повсемѣстнаго и безпрерывнаго содержанія въ воздухѣ зародышей всѣхъ видовъ, которые возникаютъ на каждомъ шагу, почти во всѣхъ жидкостяхъ, выставленныхъ на воздухъ; мы съ трудомъ поймемъ, какъ такъ долго могла существовать *эта невозможная гипотеза.* Отъ дѣйствія [4]) тѣхъ-же химическихъ сродствъ, которыя и теперь опредѣляютъ ихъ образованіе, по *Жуанселю*, формировались различные жизненные составы, группировались, удлинялись въ пузырьки, или въ водахъ, на различныхъ глубинахъ, или въ атмосферѣ, на различныхъ высотахъ. *И, такимъ образомъ, показались первые организмы.* Это [5]) великое начальное явленіе образованія первообразныхъ организмовъ не одинъ ли только разъ случилось?—Нѣтъ,»—отвѣчаетъ *Жуансель*,—«всякій разъ, когда амміакъ, углекислота, воздухъ, вода и отчасти нѣсколько другихъ веществъ находились въ-присутствіи нѣкоторыхъ условій температуры и движенія, образованіе жизненныхъ составовъ могло имѣть и не имѣть мѣста, смотря по тому, были или не были возбуждены сродства первыхъ,—такъ-что во всякое мгновеніе, такъ сказать, твореніе возобновляется». Однимъ словомъ, *Жуансель* относитъ себя къ числу сторонниковъ произвольнаго зарожденія. Думаемъ, однакожъ, что заключеніе Жуанселя по этому, слишкомъ спорному, вопросу и для настоящаго времени пока еще поспѣшно. Думаемъ такъ, между прочимъ, по тому, что у болѣе знаменитаго современника нашего, *Гёксли* [6]), мы читаемъ: «для того, чтобы сказать, что мы знаемъ кое-что объ опытномъ произведеніи организмовъ, изслѣдователь долженъ бы быть въ-состояніи связать неорганическія вещества, какъ-то: углекислоту, амміакъ, воду и соль въ особое неорганическое соединеніе и изъ этого образовать протеинное вещество, которое могло бы начать жизнь самостоятельную. Но этого еще никто не сдѣлалъ, хотя дѣло и не такъ невозможно, какъ съ перваго взгляда кажется: новѣйшія химическія изслѣдованія даютъ намекъ, какъ добраться до этого. До сихъ поръ, однакожъ, *мы не умѣемъ*

[1]) 304. [2]) 305. [3]) 310—311. [4]) 315. [5]) 318. [6]) Лекціи стр. 69.

ще [1]) *соединить всѣхъ условій, необходимыхъ для возникновенія жизни.* Что асается меня»,—говоритъ въ заключеніе *Гёкели*, перечисливъ всѣ опыты его и отива теоріи произвольнаго зарожденія [2]),—«то я, имѣя всѣ подробности опытовъ астёра предъ глазами, *не могу не придти къ заключенію, что ученіе произольнаго зарожденія разбито наголову и что Пастёръ нанесъ ему послѣдній даръ.*»—И другой, не менѣе знаменитый, нашъ современникъ, *Вирховъ*, пишетъ о омъ-же, что «какъ безуспѣшно средне-вѣковые ученые старались состряпать omunculus-a, такъ безуспѣшно ищутъ современные ученые возможности дѣлать лѣточки. *Ученіе о самопроизвольномъ зарожденіи* (generatio aequivoca), по коорому живущія существа могутъ рождаться изъ неорганическаго вещества, безъ средства родичей, все болѣе и болѣе отодвигается назадъ, и только еще низіе и тончайшіе животные и растительные организмы даютъ возможность къ возновленію, въ наше время, этого стариннаго спора. Относительно всѣхъ, болѣе овершенныхъ образованій отстранена возможность самопроизвольнаго зарожденія: всякое растеніе имѣетъ свой зародышъ, всякое животное — свое яйцо, или точку, *всякая клѣточка происходитъ отъ другой клѣточки.* Именно въ самые слѣдніе годы удалось намъ *разрушить послѣднія опоры generatio aequivoca* аже въ исторіи болѣзни, такъ-какъ всякое новообразованіе, всякую опухоль, акій болѣзненный наростъ мы сводимъ теперь на соотвѣтствующее образованіе, уществующее уже въ здоровомъ огранизмѣ. Такимъ образомъ, все живое обрауетъ длинный рядъ непрерывныхъ поколѣній, гдѣ дитя само становится матерью, слѣдствіе становится, вновь причиною». Тотъ-же *Гёкели* [3]) утверждаетъ, что именно изшія группы животныхъ, самымъ *наглядныхъ образомъ, доказываютъ основательость ученія, что жизнь есть причина, а не слѣдствіе организаціи.*

Какъ бы то ни было, однакожъ, еслибы произвольное зарожденіе не было, наконецъ, фактически подтверждено, то въ этомъ подтвержденіи мы нашли бы только новое наглядное удостовѣреніе въ томъ, въ немъ нельзя сомнѣваться, что корни жизни всего живаго идутъ гораздо глубже послѣдней явственной черты организаціи, оканчиваясь не въ клѣточкахъ, и не въ *цитодахъ Геккеля*, и даже не въ *протоплазмѣ Спенсера*, и, наконецъ, даже не въ примитивныхъ элементахъ вещества, которые, въ свою очередь, оказываются сложенными изъ примитивной неуловимой матеріи, но въ недосягаемыхъ безднахъ абсолютнаго. И этимъ нисколько не ослабилось бы, а, напротивъ того, только подтвердилось бы значеніе словъ *Вирхова*, что «клѣточка есть живое тѣло, состоящее изъ опредѣленнаго состава химическихъ веществъ и организованное по извѣстнымъ законамъ», такъ-что «дѣятельность клѣточки зависитъ отъ вещества, ее образующаго и наполняющаго,—что функціи ея мѣняются, растутъ и ослабѣваютъ, возникаютъ и исчезаютъ съ измѣненіемъ или уменьшеніемъ этого вещества, —

[1]) 70. [2]) 79—80. [3]) Въ Сравнительной анатоміи, стр. 11—12.

что, всякая особенность жизни объясняется особенностями анатомическими, или химическими, особенными расположеніями вещества, вездѣ проявляющаго свои, всегда присущія ему, силы».—Точно также, ни мало не ослабилось бы, а, напротивъ того, только подтвердилось бы значеніе полныхъ глубокаго смысла, слѣдующихъ словъ *Лотце.*

«Всѣ дѣйствительныя существа находятся въ безпрерывномъ взаимодѣйствіи съ общимъ для нихъ внѣшнимъ міромъ, отъ него-то именно и ожидая разнообразнѣйшихъ побужденій къ своему развитію. Ни одно изъ существъ не могло бы ни страдать, ни чѣмъ-либо пользоваться отъ внѣшняго міра, еслибы собственная природа каждаго созданія не была приравнена къ природѣ тѣхъ впечатлѣній, которыми должна возбуждаться къ дѣятельности. Тутъ ни одному значительному явленію не представляется уже никакой возможности выступать замкнутымъ въ себѣ самомъ и только изъ себя самого понятнымъ единствомъ: какъ оно совершается, это не есть непредвидимое измышленіе его собственнаго генія, но все порѣшено уже внѣ его и притомъ отъ вѣка; каждое дѣйствіе удѣлено ему, въ-силу всеобщихъ законовъ міровой связи и въ-силу тѣхъ особенныхъ обстоятельствъ, при которыхъ охватываетъ его эта связь. Ни животныя, ни растенія не производятъ ни изъ себя, ни изъ ничего, тѣ вещества, которыхъ сочетанію они обязаны своимъ обликомъ; они почерпаютъ ихъ изъ общаго запаса природы. Въ постоянномъ кругообротѣ, земная кора и океанъ воздуха передаютъ растительному царству, а оно, въ свою очередь, животнымъ, тѣ неистребимыя начала, которыя служатъ то той, то другой формѣ жизни и, въ свою пору, возвращаются къ безформенному существованію неорганическихъ тѣлъ. *Какой бы живой позывъ ни одушевлялъ внутреннее существо созданій, не ему обязаны они своей устойчивостью противъ враждебныхъ внѣшнихъ вліяній и осуществленіемъ предопредѣленной имъ дѣятельности; и тѣмъ и другимъ они одолжены тѣмъ первоначальнымъ стихійнымъ силамъ своихъ частицъ, которыя, соприкасаясь съ внѣшнимъ міромъ, умѣютъ принимать отъ него раздраженія и дѣятельно на нихъ отвѣтствовать. Сила присуща элементамъ массы,* съ неизмѣннымъ, всегда одинаковымъ образомъ дѣйствія: каждый мигъ необходимо совершаетъ она все, что требуется данными обстоятельствами, по всеобщимъ законамъ. Повинуясь *могучему духу природы,* которымъ напираетъ ее впередъ, она не стремится сама собой къ осуществленію какого бы то ни было плана, но каждый связный въ себѣ порядокъ зависитъ отъ тѣхъ особенныхъ условій, при какихъ многочисленные элементы вынуждены къ совокупной дѣятельности данною, въ извѣстный моментъ, формою ихъ сопряженія. Но такъ-какъ въ простыхъ элементарныхъ единицахъ, — атомахъ,—должно видѣть только опорныя средоточія входящихъ и исходящихъ силъ, то дальнѣйшій ходъ ума ведетъ къ мысли, что *силы примыкаютъ не къ безжизненному нутру вещей, но возникаютъ изъ нихъ самихъ, изъ ихъ нѣдръ,* и что все, совершающееся между вещами, должно напередъ совершиться внутри ихъ. *Всѣ внѣшніе процессы сочетанія и раздѣленія должны основываться на внутренней жизни;* и если естествовѣдѣніе разнимаетъ единство сложныхъ созданій,—то все-же *каждый элементъ мозаики,* которою замѣщается это единство, *непремѣнно долженъ быть живою и внутренно возбуж-*

денною точкою. Не какая-либо вещественная связь припрягаетъ планеты къ солнцу; но непосредственная дѣятельность элементарной силы всеобщаго тяготѣнія, или притяженія, невидимо содержитъ оба свѣтила въ связи, и притомъ съ такою живою упругостью въ своемъ дѣйствіи, какой во-вѣки не достигнуть ни одному искусственному приспособленію. Постоянно видоизмѣняющаяся борьба между первоначальною скоростью планеты и тяготѣніемъ, влекущимъ къ солнцу, ведетъ планету незримою, но вѣрною, рукою, по замкнутой орбитѣ, и нималѣйшая трата средствъ не нарушаетъ продолженія этой величаво-прекрасной игры. Однако, въ основѣ ея лежитъ тотъ-же всеобщій законъ дѣйствія, который властвуетъ и въ нашихъ машинахъ. Такой-же рядъ дѣятельности, только съ безконечно-большимъ разнообразіемъ, повторяетъ *и живое тѣло.* Вѣдь и оно дѣйствуетъ не внѣшними сопряженіями средствъ, вполнѣ безучастныхъ одно къ другому. Вездѣ и въ немъ жизненный процессъ заполоненъ потокомъ непосредственныхъ стихійныхъ дѣйствій. Каждый его элементъ, въ образованіи, обновленіи, видоизмѣненіи своемъ, раскрываетъ, относительно своего сосѣда, все обиліе присущихъ ему, первоначальныхъ силъ. И эти дѣйствія являются здѣсь не нарушеніями, или перерывами сплошнаго процесса, но условіями, которыми все вновь и вновь обосновывается его дѣйствительность вообще, равно-какъ и каждая утонченнѣйшая черта его формы въ-частности. *Непрерывный потокъ дѣйствій переливается изъ атома въ атомъ, благодаря непосредственнымъ силамъ послѣднихъ, и образуетъ ежемгновенно сплошную всепроникающую связь цѣлаго. Въ малѣйшей части организма есть какъ-будтобы пониманіе того, что готовится въ другой. Природа, не-только по общему своему смыслу, но и по частнымъ законамъ своего домостроительства, необходимо составляетъ одно цѣлое, котораго разнообразныя произведенія отличаются другъ отъ друга не особымъ какимъ-либо уставомъ, но разностію въ способѣ пользованія однимъ и тѣмъ-же законодательствомъ.* Наученный опытами, новѣйшій взглядъ, противоположный миѳическому, говоритъ уже не о живыхъ душахъ, движущихъ стихійныя начала, но о *живыхъ позывахъ или влеченіяхъ, которыя одушевляютъ вещество. Подъ именемъ позывовъ мы разумѣемъ то, что вещи будятся къ своимъ дѣйствіямъ не внѣшнею силою,—что, напротивъ того, такъ-какъ понуда лежитъ въ собственномъ ихъ существѣ, то она должна и сознаваться, чувствоваться, хотѣться ими, какъ ихъ собственная, и постоянно возрождаться въ нихъ сама собой. Въ промежутокъ двухъ ясныхъ крайностей,—миѳической вѣры въ личныхъ духовъ природы и помысла о слѣпой естественной необходимости,* вдвигается неясное представленіе о *безсознательномъ разумѣ* и, при всей разновидности формъ этой мысли, рѣшительная наклонность приводитъ душу опять и опять къ тому-же представленію: вѣроятно, оно должно соотвѣтствовать глубочайшей потребности нашего духа».

Не безъ основанія, поэтому, и г. *Спенсеръ* настаиваетъ на томъ, что «идея или чувство возникаютъ не иначе, какъ въ-видѣ результата нѣкоторой физической силы, затраченной на ихъ произведеніе», что это положеніе, «въ скоромъ времени, станетъ общимъ мѣстомъ въ наукѣ». Невозможно отвергнуть приводимые г. Спенсеромъ, какъ и

химикомъ *Одлингомъ*, въ-подтвержденіе этого положенія, факты,—именно, что вся растительная жизнь зависитъ отъ солнечнаго свѣта и теплоты, а животная жизнь зависитъ отъ жизни растительной,—что движенія животныхъ, внутреннія и внѣшнія, суть не что иное, какъ проявленія, въ новыхъ формахъ, той силы, которая была поглощена растеніями въ-видѣ свѣта и теплоты, — что на-счетъ солнца развивается животная теплота и совершаются всякія животныя движенія,—всѣ впечатлѣнія, ежеминутно производимыя на наши органы чувствъ, находятся въ прямомъ соотношеніи съ физическими силами, существующими внѣ насъ, — что количеству ощущенія всегда бываетъ пропорціонально количество тѣлеснаго дѣйствія,—что духовная дѣятельность связана съ присутствіемъ нервнаго аппарата и можно прослѣдить отношеніе между объемомъ этого аппарата и количествомъ духовной дѣятельности,—существуетъ связь между количествомъ мозговой работы и количествомъ фосфора, находящагося въ мозгу, — развитіе мысли и духовныхъ движеній разнообразится по мѣрѣ притеченія крови къ мозгу и т. д., — что если только условія нервной дѣятельности не нарушаются и сопутствующія имъ обстоятельства остаются тѣ-же самыя, то получается довольно постоянное отношеніе между количествами анцетедентовъ и результатовъ,—что, вообще, законъ превращенія, дѣйствующій въ сферѣ физическихъ силъ, течно также имѣетъ мѣсто и относительно ихъ связи съ умственными силами,—что тѣ виды непознаваемаго (абсолютнаго), которые мы называетъ движеніемъ, теплотой, свѣтомъ, химическимъ сродствомъ и проч., одинаково способны преобразоваться одинъ въ другой, какъ и въ тѣ виды непознаваемаго (абсолютнаго), которымъ мы даемъ названіе ощущенія, душевнаго волненія и мысли; а послѣднія, въ свою очередь, могутъ снова, прямо или косвенно, преобразоваться въ первоначальныя формы.

ГЛАВА. LVII.

Итакъ что же? Согласиться ли, наконецъ, и съ *г. Сѣченовымъ* въ томъ, что *психическія явленія суть тѣже соматическія,—что тожество психическихъ и нервныхъ актовъ есть исходная аксіома психологіи,*—что *психическая дѣятельность выводится сполна изъ понятія о нервномъ*

процессъ, — движеніи, — что, наконецъ, *способность мыслить и чувствовать принадлежитъ веществу, и, частнѣе, именно нервному веществу*? А смотря ретроспективно, въ противоположную сторону, согласиться ли безъ ограниченія даже съ тѣмъ, что *есть знаніе въ рыбѣ*, что *есть чувство въ деревѣ, или камнѣ*, что *есть сознаніе въ электричествѣ, или въ силѣ тяготѣнія, что даже наше собственное знаніе, наша мысль, нашъ умъ, всѣми своими элементами, происходятъ изъ солнца и, въ полномъ количествѣ позаимствованной отъ солнца, для ихъ происхожденія, силы, могутъ быть возвращены снова, чрезъ движеніе и теплоту, къ своему источнику, — въ свѣтѣ солнечный*? Или вовсе отказаться отъ нашей задачи,—показать, что *извѣстная доля позыва, чувства и знанія принадлежитъ не-только животнымъ безсловеснымъ, но и растеніямъ, низходя своими корнями въ природу неорганическую, въ глубину космическихъ силъ*?—Но отказаться отъ нашей задачи, послѣ вышеприведенныхъ, утвердительныхъ по этому предмету, отвѣтовъ высшихъ авторитетовъ естественной науки, мы можемъ тѣмъ менѣе, что фактическую сторону этихъ отвѣтовъ нельзя не признать поставленною совершенно основательно и вполнѣ научно.

Чтобы пройти здѣсь между Сциллою и Харибдою всевозможныхъ затрудненій, мы должны установить *критерій для сужденія о томъ, что мы называемъ и почему, по какимъ признакамъ, находимъ гдѣлибо позывъ, чувство, сознаніе и знаніе*?

I) Нашъ русскій физіологъ г. *Сѣченовъ* не-только предрѣшилъ для себя вопросъ, что у животныхъ имѣются, въ полномъ составѣ, тѣ-же психическія проявленія, какія замѣчаются и въ человѣкѣ, но даже призналъ животныя психическія проявленія болѣе простыми и наглядными и потому беретъ ихъ, какъ мѣрило, для измѣренія болѣе сложныхъ и запутанныхъ проявленій человѣческаго духа. — «Исходнымъ матеріаломъ»,—пишетъ г. *Сѣченовъ*,—«для разработки психическихъ фактовъ должны служить психическія проявленія у животныхъ, какъ простѣйшія, а не у человѣка». Не находимъ нужды спорить съ Сѣченовымъ въ томъ, что ему, для рѣшенія его задачи: *Кому и какъ разработывать психологію*? — которую онъ и рѣшаетъ сразу такъ, что психологію успѣшно можетъ разработывать только физіологъ,— ему, быть можетъ, сподручнѣе объяснять психическія проявленія у человѣка такими-же, т. е. психическими, проявленіями у животныхъ. Но для насъ сподручнѣе способъ обратный. Сподручнѣе по тому, что мы

для себя считаемъ еще не вполнѣ разъясненною задачу: имѣются л
у животныхъ психическія проявленія и что слѣдуетъ назвать у жи
вотныхъ психическими фактами? Сподручнѣе это, далѣе, еще по тому
что психическихъ фактовъ, какъ такихъ, какъ именно психическихъ
не-только въ животномъ, но и въ другомъ человѣкѣ, я глазомъ не вижу
рукою не осязаю, и вообще внѣшнимъ чувствомъ, какимъ прикасаюсь
ко всякому внѣшнему предмету, не ощущаю. Я приписываю психиче
скія состоянія не-только животнымъ, но и людямъ не иначе, какъ п
умозаключенію, по аналогіи, по наведенію отъ самого себя. Внѣш
нимъ чувствомъ я ощущаю въ нихъ органы и движенія, аналогич
ные, или даже тожественные, съ тѣми, какими совершаются, или со
путствуются, во мнѣ самомъ акты психическаго свойства. Наприм., въ
другихъ людяхъ, какъ и въ животныхъ, я вижу глаза, которыми он
дѣйствуютъ, какъ и я; отсюда я и заключаю, что въ нихъ совершает
ся, такое же какъ и во мнѣ, ощущеніе. При этомъ мы не разъ уж
замѣчали, что такое заключеніе всегда болѣе или менѣе гадательно
что повѣрить тожественность чужаго ощущенія съ моимъ собствен
нымъ абсолютно нѣтъ никакой возможности,—нѣтъ по тому, что уви
дѣть свѣтъ въ чужомъ, т. е. не въ моемъ, глазу, вообще ощутить
ощущеніе въ чужомъ, не въ моемъ, чувствѣ, сознать что-либо въ чу
жомъ,—не въ моемъ, въ человѣческомъ ли то, или въ животномъ со
знаніи, для меня абсолютно невозможно. *Психическій фактъ, как
психическій, я непосредственно ощущаю и сознаю единственно и ис
ключительно только въ себѣ самомъ.* По этому нужно далѣе рѣшить
*что такое въ себѣ самомъ я признаю фактомъ психическимъ? Тоже
ственны ли во мнѣ самомъ психическіе факты съ соматическими
или не тожественны? Родственны ли они, или существенно отличны
Связаны ли между собою генерическою связью, или совершенно раз
дѣльны и самостоятельны?*

II) Напрасны и даже, при современномъ состояніи психо-физіоло
гической науки, странны усилія г. *Съченова* представить *психическіе*
факты человѣка *тожественными съ соматическими.* По вышеприве
деннымъ выраженіямъ его статьи, слѣдуетъ, будто онъ настаиваетъ
только на *родствѣ* психическихъ явленій съ соматическими, но все
направленіе его трактата показываетъ, что онъ настаиваетъ *на то
жествѣ тѣхъ и другихъ.*

«Физіологія, по его словамъ, представляетъ цѣлый рядъ данныхъ, которыми
устанавливается *родство психическихъ явленій съ нервными процессами въ тѣ*

ъ,—актами чисто-соматическими. Ясной границы между завѣдомо-соматическими нервными актами и явленіями, которыя признаются уже психическими, не существуетъ ни въ одномъ мыслимомъ отношеніи. Не трудно доказать родство соматическихъ нервныхъ процессовъ съ низшими формами дѣятельностей высшихъ органовъ чувствъ. *Нѣтъ ни единой мыслимой стороны,* которою низшіе продукты дѣятельности органовъ чувствъ существенно отличались бы отъ рефлекторныхъ процессовъ тѣла. Отсюда необходимо слѣдуетъ, что соматическіе нервные процессы и низшія формы психическихъ явленій, вытекающія изъ дѣятельностей высшихъ органовъ чувствъ, родственны между собою по природѣ. *Всѣ психическіе акты, совершающіеся по типу рефлексовъ, должны всецѣло принадлежать физіологическому изслѣдованію,* потому-что къ области этой науки относятся непосредственно *начало ихъ:—чувственное возбужденіе извнѣ,* — *конецъ:—движеніе*; но ей-же должна подлежать и *середина:—психическій элементъ въ тѣсномъ смыслѣ слова,* — потому-что *послѣдній оказывается очень часто, а можетъ быть, и всегда, не самостоятельнымъ явленіемъ, но интегральной частью процесса.* Мысль о *психическомъ актѣ, какъ процессѣ, движеніи, имѣющемъ опредѣленное начало, теченіе и конецъ,* должна быть удержана, какъ основная. Какъ основа научной психологіи, мысль о психической дѣятельности, съ точки *зрѣнія процесса, движенія,* представляющая собою лишь дальнѣйшее развитіе мысли *о родствѣ психическихъ и нервныхъ актовъ,* должна быть принята за *исходную аксіому.* Принятая, какъ *повѣрочный критерій,* она обязываетъ психологію вывести *всѣ стороны психической дѣятельности изъ понятія о процессѣ,—движеніи».*

Физіологъ *Сѣченовъ* выпустилъ при этомъ изъ виду, что сводить психическій актъ на процессъ, — на движеніе, значитъ возвращать психологію назадъ. Психологамъ давно уже и хорошо извѣстно, что это былъ бы шагъ напрасный,—регрессивный. Выше мы читали слова физіолога *Дюбуа-Реймона*: «*какъ самая возвышенная душевная дѣятельность, такъ и первая степень сознанія, — чувственное ощущеніе,* необъяснимы матеріальными условіями и останутся такими навсегда, какіе бы прогрессы знанія ни дѣлалъ человѣческій умъ. *Съ первымъ ощущеніемъ удовольствія или боли,* у самого простѣйшаго существа, въ началѣ животной жизни на землѣ, міръ сталъ вдвойнѣ непонятнѣе. Что касается самыхъ психическихъ процессовъ, то, даже при астрономическомъ знаніи органа души, они были бы для насъ непонятны также, какъ и теперь. Астрономическое знаніе мозга, самое совершенное, какое мы можемъ имѣть о немъ, открыло бы въ немъ *только движеніе матеріи, которое отнюдь не объяснило бы происхожденіе сознанія изъ какого-либо распредѣленія, или движенія матеріальныхъ частичекъ, изъ механики мозговыхъ атомовъ.* И здѣсь безусловная граница нашего познанія! Такъ разсуждаетъ *Дюбуа-*

Реймонъ. Точно такъ-же разсуждаетъ и другой авторитетъ физіологіи, *Лотце*. По его словамъ, хотя «факты измѣненій въ элементахъ тѣла составляютъ то царство условій, съ которымъ неразрывно связаны существованіе и форма нашихъ внутреннихъ состояній,—однакожъ, эти факты не доказываютъ того, что въ этихъ перемѣнахъ лежитъ единственная и достаточная причина, самосильно и безъ содѣйствія иного начала, порождающая изъ себя одной все разнообразіе душевной жизни. Внимательный взглядъ на свойство этой связи обнаруживаетъ намъ цѣлую *бездну, которая лежитъ* здѣсь между достаточною, повидимому, причиною и мнимымъ ея слѣдствіемъ. Все, что бываетъ съ матеріальными составными частями внѣшней природы, или нашего собственнаго тѣла, *все это вовсе не идетъ ни въ какое сравненіе съ особенностію духовныхъ состояній*. Никакое сравнительное разложеніе не откроетъ въ химическомъ составѣ нерва, въ напряженности мельчайшихъ его частицъ, причину того, почему звуковая волна, достигши нерва своими струями, должна породить въ немъ что-нибудь болѣе подобнаго ей колебанія и вызвать у него сознательное ощущеніе тона. Какъ далеко ни слѣдили бы мы въ нервѣ, проникшее въ него, чувственное раздраженіе, сколько бы ни придавали разнообразныхъ измѣненій его формѣ и какихъ бы ни измѣняли для него самоутонченнѣйшихъ движеній, — никогда мы не сможемъ показать, что въ свойствѣ порожденнаго, такимъ образомъ, движенія само собою лежитъ то, чтобъ *ему прекратиться, какъ движенію, и возродиться въ-видѣ свѣтлаго блеска, въ-видѣ тона, въ-видѣ сладкаго вкуса и т. п.* Скачекъ между послѣднимъ, доступнымъ для насъ, состояніемъ матеріальныхъ элементовъ и первымъ началомъ ощущенія будетъ все также великъ, и *едвали кто станетъ питать тщетную надежду, что болѣе развившаяся наука отыщетъ таинственный переходъ тамъ, гдѣ невозможность всякаго сплошнаго перехода сама бросается въ глаза просто и ясно, какъ солнце. Никогда міръ сознанія не выходилъ самопонятнымъ слѣдствіемъ изъ міра движеній*. По словамъ *Лотце*, это истинно-вредный, гибельный для всякаго міровоззрѣнія, матеріализмъ, что *изъ взаимодѣйствія веществъ, насколько они вещества и ничего больше, изъ толчка и гнета, изъ напруги и разширенія, изъ смѣшенія и разложенія*, самодѣльно выводятъ всю полноту духовной жизни, какъ легко дающійся прихвостень, и воображаютъ себѣ» (какъ нашъ *Сѣченовъ*), «будто также просто и очевидно, какъ изъ двухъ равныхъ и противоположныхъ

движеній возникаетъ третье, въ среднемъ отъ нихъ направленіи, точно также, *будто и изъ встрѣчи физическихъ процессовъ происходитъ все разнообразіе внутренней жизни.* По *Лотце*, всякому *основательному* соображенію всегда придется отвергать ту (Сѣченовскую) *небрежность мысли, которая въ формахъ механическаго процесса*, призванныхъ въ цѣломъ мірѣ только служить взаимнымъ посредствомъ внутреннему бытію отдѣльныхъ существъ, *видитъ первоначальную основу*, изъ которой, какъ придаточный, побочный результатъ, возникаетъ будто-бы вся сила и живость этого внутренняго существованія.» И *Г. Спенсеръ*, довольно широко, какъ мы видѣли, распространяющійся въ доказательствахъ того, что «идея, или чувство возникаютъ не иначе, какъ въ-видѣ результата нѣкоторой физической силы, затраченной на ихъ произведеніе», остерегается, однакожъ, провозгласить тожественность психическихъ явленій съ соматическими. «Какимъ образомъ совершается это превращеніе (физической силы въ психическое явленіе)»,— говоритъ онъ,—«какимъ образомъ сила, существующая въ-видѣ движенія, теплоты, или свѣта, можетъ стать извѣстнымъ видомъ сознанія,—какимъ образомъ, наприм., колебанія воздуха производятъ ощущеніе, которое мы называемъ звукомъ, а силы, освобождающіяся при химическихъ измѣненіяхъ въ мозгу, даютъ начало движенію, — *это тайны, которыхъ намъ нѣтъ возможности постигнуть*».—«Тамъ»,—пишетъ *Прейеръ* (*Знаніе*, 1875 г., Апрѣль, *изслѣдованіе жизни*, стр. 133—135),—«гдѣ тайна жизни становится самой непроницаемой, тамъ именно и *упасаетъ свѣточъ механическаго объясненія.* Быть можетъ, въ далекомъ будущемъ ростъ, воспроизведеніе, наслѣдственность будутъ объяснены, какъ механическая работа, не хуже, наприм., пищеваренія, или дыханія. *Но объяснить хотѣніе, ощущеніе, представленіе, какъ дѣйствіе механическое,— для этого механика, и по настоящее время, не даетъ намъ ни малѣйшей опоры.* Ни въ этой, ни въ другой области изслѣдованія, не найдены еще методы изслѣдованія непосредственныхъ фактовъ. Къ тому-же, количество достовѣрныхъ фактовъ вовсе не такъ велико, чтобы можно было оправдать ими количество выставленныхъ гипотезъ. Факты изъ области психическихъ явленій, насколько они до сихъ поръ извѣстны, *такъ мало доступны механическому объясненію*, что наводятъ на вопросъ: принадлежатъ ли эти явленія къ числу тѣхъ, которыя могутъ быть изслѣдованы общепринятыми до сихъ поръ способами. Не-смотря на несомнѣнное право и плодотворность со-

временнаго механическаго объясненія жизни, *нѣтъ надежды, чтобы имъ однимъ можно было объяснить самыя сложныя проявленія жизни, такъ-какъ самое точное опредѣленіе атомныхъ движеній въ мозгу не приводитъ еще къ уразумѣнію свойства сознанія, какъ доказалъ Дю-Буа Реймонъ.* Не-смотря на поразительную пользу, принесенную механическимъ естествознаніемъ, этихъ проблеммъ оно не касается. То, что подлежитъ его изслѣдованію, заключено въ слишкомъ узкія границы, чтобы можно было остановиться на нихъ и въ будущемъ. Только тотъ, кто неразрывно прикованъ къ почвѣ современной механики, кто оглушенъ ея безпримѣрными успѣхами, только тотъ можетъ отрицать ея *неспособность когда-либо удовлетворительно объяснить, одними собственными силами, волю и ощущеніе*; только такой человѣкъ можетъ успокоиться на непонятныхъ словахъ: «сила и вещество», или-же утверждать, что если механика не можетъ объяснить волю, то она вообще необъяснима. Современное механическое естествознаніе выставляетъ, какъ догматъ, слишкомъ много непонятнаго, представляетъ удовлетвореніе только одностороннее, оставляетъ неразрѣшенными слишкомъ много сомнѣній; а потому нельзя предположить, чтобы безграничное обожаніе, которымъ оно пользуется теперь, было заслужено. Оно оправдано, оно необходимо, но за-то и цѣнится слишкомъ высоко. Идя односторонне, оно не должно противопоставлять догматизму догматизмъ, не должно давать предписаній тамъ, гдѣ, напротивъ того требуются терпимость и скромность. Не однѣ только монеты, отчеканенныя нами, естествоиспытателями, имѣютъ обращеніе; не одно только взвѣшенное нами имѣетъ вѣсъ. Пока мы не признаемъ этого другаго, т. е. философіи, наравнѣ съ математикою, успѣхъ будетъ, хотя и скоръ, но недостаточно надеженъ».—Выше мы видѣли самыя рѣшительныя, по тому-же предмету, выраженія *Вундта, Льюиса и Д. С. Милля*, каковы, напр., выраженія Вундта: «*нечего и думать* о томъ, чтобы непосредственно показать, какъ, вслѣдствіе измѣненія электрическаго процесса въ мозгу, измѣняется ощущеніе. Принимая мышленіе и отправленіе мозга за одно и тоже, естествоиспытатель погрѣшаетъ противъ перваго правила естественно-научной логики. Причинная связь между отправленіемъ мозга и мышленіемъ еще нисколько не доказана:—мозгъ, химическія измѣненія въ мозгу, электричество, развивающееся въ мозгу, не есть мысль. *Никакіе процессы въ мозгу не даютъ, намъ средствъ объяснить происхожденіе мысли.* Ощущеніе не есть ни внѣшнее движеніе, ни процессъ въ нервахъ, ни все то, что

редшествуетъ ощущенію,—но нѣчто новое, психологическій фактъ, оторый доступенъ только внутреннему нашему взору. По этому, *амъ никогда не удастся уловить тожество психическаго и физическаго процессовъ въ ощущеніи*». Таковы-же выраженія и *Льюиса*, что для объясненія явленій ощущенія нужно искать причину психологическую, вмѣсто всякой анатомической; факты ощущеній показываютъ, что здѣсь нужно оставить въ-сторонѣ всѣ анатомическія и оптическія объясненія; причина должна быть здѣсь психологическая и притомъ общая всѣмъ чувствамъ». *Д. С. Милль* рѣзко осуждаетъ,—какъ мы выше видѣли,—«попытку свести всѣ жизненныя явленія на механическіе, или химическіе процессы, *состоянія сознанія на состоянія нервной системы, самое ощущеніе на движеніе*, какъ грубѣйшую форму матеріалистической философіи». По его словамъ, «въ концѣ всякихъ нервныхъ движеній ощущенія есть нѣчто, что—не движеніе,—есть чувство или ощущеніе; способъ, которымъ послѣднее движеніе производитъ ощущеніе, *не можетъ быть объясненъ никакимъ закономъ движенія*». Такъ разсуждаютъ авторитеты европейскіе. Между тѣмъ, для нашего физіолога *Сѣченова*, «*мысль о психическомъ фактѣ, какъ процессѣ, движеніи, есть основная, основа научной психологіи, исходная аксіома, повѣрочный критерій*». Странно, что противъ *Сѣченова* можно, съ полнымъ правомъ, обратить слова, которыя, въ свою пору, обратилъ было противъ *Чернышевскаго Юркевичъ*, въ своемъ трактатѣ столь-же серьезнаго значенія, какъ и скромнаго названія: *Нѣчто изъ науки о человѣческомъ духѣ* [1]).

«На-основаніи общеизвѣстнаго опыта, что душевныя явленія происходятъ въ тѣлесномъ организмѣ, и особенно на-основаніи научнаго физіологическаго факта, что условія для измѣненія этихъ явленій даны, первѣе всего, въ различныхъ движеніяхъ и измѣненіяхъ частей живаго тѣла, *нѣкоторые ученые* (*Чернышевскій, Сѣченовъ*),—говоритъ Юркевичъ,—«*видятъ, въ душевныхъ дѣятельностяхъ и состояніяхъ, явленія жизни органической, только болѣе тонкія и болѣе развитыя*, разсматривая душевную жизнь, какъ непосредственное произведеніе тѣлеснаго организма. Между-тѣмъ психологія не можетъ получать своего матеріала ни откуда, кромѣ внутренняго опыта. Ощущенія или представленія, чувствованія и стремленія суть такой матеріалъ, котораго вы нигдѣ не отыщете во внѣшнемъ опытѣ и, слѣдовательно, ни въ какой области естествознанія. Правда, что психологія не можетъ рѣшить своей задачи безъ пособія физіологіи и даже механической физики, потому-что условія для опредѣленныхъ измѣненій душевныхъ явленій лежатъ, первѣе всего, въ измѣненіяхъ живаго тѣла. Тѣмъ не ме-

[1]) Труды Кіевской Академіи, 1860 г., кн. IV.

нѣе, каждая изъ этихъ наукъ имѣетъ свой собственный матеріалъ и увеличиваетъ его изъ области, только ей доступной. Предметъ психологіи данъ во внутреннемъ самовоззрѣніи; естественныя науки не могутъ дать ей этого предмета, не могутъ увеличивать этого матеріала. Такъ, напр., оптика, развитая математически, изъясняетъ только положеніе рисунка въ нашемъ глазѣ и различныя направленія глазныхъ осей во время видѣнія, но она ничего не знаетъ объ этомъ видѣніи; для нея глазъ есть зеркало, отражающее предметы, а не органъ видѣнія. Только наблюдающій внутренно психологъ можетъ сказать, что въ то время, какъ оптикъ замѣчаетъ, на тѣлѣ глаза, изображенія опредѣленной величины и видитъ, что тѣло глаза получило опредѣленное направленіе, душа представляетъ такой-то предметъ, въ такомъ-то цвѣтѣ, и т. д. Такова-же и акустика, въ-отношеніи къ духу и слуху. Ясно, что мысль не имѣетъ пространственнаго движенія и протяженія, не имѣетъ фигуры, цвѣта, звука, запаха, вкуса, не имѣетъ ни тяжести, ни температуры; физіологъ не можетъ наблюдать ее ни однимъ изъ своихъ тѣлесныхъ чувствъ. Только внутренно, только въ непосредственномъ самовоззрѣніи, человѣкъ знаетъ себя, какъ существо мыслящее, чувствующее, стремящееся. Эти двѣ величины, т. е предметы внѣшняго и внутренняго опыта, какъ говорятъ психологи, несоизмѣримы. Физіологъ будетъ наблюдать самыя сложныя движенія нервовъ; но все-же эти движенія, пока онѣ существуютъ для внѣшняго опыта, т. е. пока онѣ суть пространственныя движенія, происходящія между матеріальными элементами, не превратятся въ ощущеніе, представленіе, мысль. Когда внѣшній толчекъ дѣйствуетъ на нервъ, то, будетъ ли это нервъ ощущенія, или нервъ движенія, все равно, онъ, по поводу этого толчка, придетъ въ движеніе, или сотрясеніе: это мы наблюдаемъ въ физіологическомъ опытѣ. Итакъ, нужно сказать: мы знаемъ, что всякій нервъ приходитъ въ движеніе по поводу внѣшняго впечатлѣнія. Но что извѣстнымъ нервамъ принадлежитъ ощущеніе, это мы вовсе не знаемъ изъ физіологическаго опыта, потому-что и эти нервы представляютъ, для физіологическаго опыта, только движеніе, которое никогда не переходитъ, на глазахъ наблюдающаго физіолога, въ ощущеніе, представленіе и мысль. Только сравнивая опыты, физіологическіе и психологическіе, мы убѣждаемся, что видѣніе такихъ-то и такихъ цвѣтовъ, слышаніе такихъ-то и такихъ тоновъ возможны для души только подъ условіемъ опредѣленныхъ движеній, зрительнаго и слуховаго, нервовъ. Но кто утверждаетъ, что самое это движеніе зрительнаго и слуховаго нервовъ есть уже ощущеніе опредѣленной краски и опредѣленнаго тона, тотъ не говоритъ ни одного яснаго слова. Если физіологія говоритъ намъ о единствѣ нервныхъ процессовъ и душевныхъ явленій,—то этимъ она не выражаетъ, что душевныя явленія должны представиться намъ, въ научномъ опытѣ, нервными процессами, или что нервные процессы должны представляться намъ, въ научномъ опытѣ, душевными явленіями. Нѣтъ; разности опытно-данныя между представленіями и нервными процессами остаются такими-же и на концѣ науки, какими были и въ началѣ ея».

Отъ того-то въ нашихъ газетахъ, даже матеріалистическаго оттѣнка, и пожалѣли, что *Сѣченовъ*, оставивъ физіологію, въ которой сдѣлалъ себѣ имя, сразу взялся, медицинскимъ скальпелемъ, разсѣкать

вопросы психологическіе.... Итакъ, несомнѣнно, что *психическіе факты не тожественны съ соматическими.*

III) *Д. С. Милль* называетъ психическіе факты отличными отъ соматическихъ въ родѣ и качествѣ, а не въ степени. Противъ этого возражать и трудно, и безплодно. Но трудно сказать, въ какой мѣрѣ благоплодно и утверждать это въ-виду несомнѣнныхъ фактовъ, говорящихъ о *родственности психическихъ фактовъ съ соматическими.* Невозможно фактически возражать противъ утвержденій *Сѣченова*, что «физіологія представляетъ теперь цѣлый рядъ данныхъ, которыми устанавливается родство психическихъ явленій съ нервными процессами въ тѣлѣ,—что зачатки психической дѣятельности развиваются, очевидно, изъ чисто матеріальныхъ субстратовъ: яйца и сѣмени», — что «ясной границы между завѣдомо соматическими нервными актами и явленіями, которыя признаются уже психическими, не существуетъ», — что «физіологія доказала, въ новѣйшее время, тѣсную связь между всѣми характерами данныхъ представленій и устройствомъ соотвѣтствующихъ снарядовъ, или органовъ чувствъ», — что «въ психическихъ актахъ, совершающихся по типу рефлексовъ, не-только начало ихъ, чувственное возбужденіе, и конецъ, движеніе, суть акты, въ то-же время, физіологическіе, но и средина, психическій элементъ, въ тѣсномъ смыслѣ слова» (представленіе, мысль), «запечатлѣна тѣмъ-же физіологическимъ характеромъ, потому-что и она оказывается очень часто, а можетъ быть, и всегда, не самостоятельнымъ явленіемъ, но интегральной частью процесса». Безспорно, по крайней мѣрѣ, то, что *всякій, безъ исключенія, психическій фактъ, на-сколько подлежитъ нашему опыту, сопровождается всегда, непремѣнно, подлежащимъ актомъ соматическимъ, и сопровождается такъ, что между тѣмъ и другимъ мы нудимся нашимъ сознаніемъ признавать взаимообразную причинную связь.*

IV) Какія соматическія явленія состоятъ во взаимно-условной связи съ фактами психическими, это извѣстно всякому. Это — «*нервныя дѣятельности въ тѣлѣ, какъ самаго человѣка, такъ и въ тѣлѣ животныхъ*»,—утверждаетъ Сѣченовъ.

V) Но вотъ вопросъ: всякая ли нервная дѣятельность *есть совмѣстно и психическая дѣятельность?* И обратно: *ужели никогда, ни при какихъ условіяхъ, не можетъ состояться фактъ свойства несомнѣнно психическаго, однакожъ, безъ посредства нервовъ?*

1) На первый изъ поставленныхъ вопросовъ, именно: *всякая ли*

нервная дѣятельность есть совмѣстно и психическая дѣятельность, отвѣтъ долженъ быть отрицательный. И, вопервыхъ, по тому, что нервы въ человѣкѣ имѣются *двухъ родовъ: одни — нервы движенія, а другіе—нервы ощущенія.*

Нервы движенія тѣмъ и отличаются отъ нервовъ ощущенія, что первымъ приписывается способность только двигать мускулы, тогда-какъ послѣднимъ усвояется способность ощущать. Не говоря о тонкихъ физіологическихъ изслѣдованіяхъ, основанныхъ на длинномъ рядѣ экспериментовъ, мы и по обыденному опыту знаемъ, что дѣятельность нервовъ движенія далеко не всегда сопровождается явленіями, въ строгомъ смыслѣ, психическахо свойства, не-только въ больномъ, но и въ здоровомъ, не-только въ спящемъ, но и въ бодрствующемъ человѣкѣ. Бываютъ болѣзненныя пораженія, въ которыхъ дѣйствуютъ только нервы движенія, но не ощущенія. Въ здоровомъ человѣкѣ также совершается множество процессовъ, помимо его ощущенія и сознанія, каковы процессы кровообращенія, питанія, замѣны однихъ частицъ тѣла другими и т. п. Въ то-же время, въ спящемъ человѣкѣ происходитъ, помимо ощущенія и сознанія, множество такихъ движеній, которыя въ бодрственномъ состояніи могутъ быть проникаемы чувствомъ и сознаніемъ. Даже въ бодрственномъ состояніи многія изъ подлежащихъ чувству и сознанію движеній не проникаются ни тѣмъ, ни другимъ, если на эти процессы не обращено достаточно вниманія и, слѣдовательно, если они не переходятъ за черту области соматической, въ область психическую. Слѣдовательно, можно рѣшительно сказать, что *дѣятельность нервовъ движенія тогда только становится психическою, когда сопровождается, подлежащею и въ надлежащей степени, дѣятельностію нервовъ ощущенія.*

А всякая ли дѣятельность нервовъ ощущенія есть, въ то-же время, и психическая? — Нѣтъ; не всякая дѣятельность и нервовъ ощущенія есть, въ то-же время, и дѣятельность психическая, какъ это видно уже изъ предыдущаго. До явленія собственно психическаго, дозрѣваетъ та только дѣятельность и этихъ нервовъ, на которую обращено достаточно вниманія, которая проникла въ область сознанія. Поэтому, всякая дѣятельность нервовъ ощущенія, которая не проникла въ область сознанія, или по недостатку вниманія въ бодрственномъ состояніи, или въ состояніи сна и опьяненія, или въ состояніи иного какого-либо болѣзненнаго пораженія нервно-чувствилищной системы, напр., въ тифѣ, или въ раннемъ полусознательномъ

дѣтствѣ, или, наконецъ, въ періодъ утробной жизни младенца, — *вся эта длинная серія состояній, съ происходящимъ въ нихъ безчисленнымъ количествомъ, отражающихся на нервной системѣ, фактовъ,—не смотря на то, что возбужденіе чувствилищныхъ нервовъ въ нихъ несомнѣнно,—не входитъ въ область явленій чисто и строго-психическихъ.*

Слѣдовательно, на предпоставленный вопросъ: *что такое въ себѣ самомъ я признаю психическимъ, — тожественны ли во мнѣ самомъ психическіе факты съ соматическими, или не тожественны?*—слѣдуетъ отвѣтить такъ, что *въ себѣ самомъ я признаю психическою не всякую соматическую дѣятельность, но только нервную; и опять не всякую нервную дѣятельность признаю психическою,—какою не признаю, во первыхъ, дѣятельность нервовъ движенія, — но только дѣятельность нервовъ чувствилищныхъ; далѣе, даже дѣятельность чувствилищныхъ нервовъ признаю психическою только тогда, когда на нее обращено достаточно психическаго вниманія, когда она, чрезъ вниканіе, перешла въ собственно психическую область сознанія.*

Такимъ образомъ, оказывается безспорнымъ фактомъ то, что всякая сознательная дѣятельность непремѣнно сопровождается во мнѣ дѣятельностью нервною; но далеко не всякая нервная дѣятельность сопровождается во мнѣ сознаніемъ. Откуда слѣдуетъ, что если отвѣчать на другой предпоставленный вопросъ *о критеріи, по которому я приписываю кому и чему-либо сознаніе*, — то должно сказать, что *этотъ критерій утончается до такой степени, что вовсе почти выходитъ изъ области физіологіи въ область чисто психологическаго опыта. Даже присутствіе, въ данномъ субъектѣ, двоякаго рода нервовъ, нервовъ движенія и ощущенія, не ручается за присутствіе въ этомъ субъектѣ того-же сознанія, какое наблюдаю я въ себѣ, въ нормальномъ состояніи моего духа.* Присутствіе нервовъ во мнѣ самомъ не всегда ручается за нормальное состояніе моего сознанія, о чемъ я знаю по внутреннему опыту. Но какъ-же я, послѣ этого, измѣрю, масштабомъ присутствія нервовъ, уровень сознанія въ другомъ человѣкѣ, особенно когда приблизительными опытами доказана неравномѣрность чувствительности нервовъ у разныхъ людей? Неблагонадежный уже въ приложеніи къ людямъ, масштабъ моего сознанія оказывается еще менѣе благонадежнымъ въ приложеніи къ животнымъ. По разности устройства мозговой и нервной системы у ближайшихъ ко мнѣ, по физическому устройству, животныхъ, я за-

ключаю, что если и есть у нихъ сознаніе, то оно находится въ состояніи не равномѣрномъ съ уровнемъ моего сознанія. Даже есть ли у животныхъ сознаніе, до какого уровня, сравнительно съ моимъ, оно вообще можетъ достигать, даже и это для меня предметъ гаданій, который только приблизительно можетъ быть разрѣшаемъ, не прямымъ усмотрѣніемъ, но посредствомъ тонкаго анализа наблюденій надъ внѣшними движеніями животныхъ. О сознаніи же у существъ, хотя и живыхъ, но безнервныхъ, нечего и говорить: здѣсь уже ускользаетъ изъ нашихъ рукъ почти всякая соизмѣримость, всякій масштабъ для точнаго опредѣленія присутствія сознанія.

2) Далѣе слѣдуетъ разсмотрѣть вопросъ: *ужели же никогда, ни при какихъ условіяхъ, не можетъ состояться фактъ психическаго свойства безъ посредства всякихъ нервовъ, не-только двигательныхъ, но и чувствительныхъ?* Въ человѣкѣ такихъ фактовъ мы не знаемъ (кромѣ фактовъ экстраординарнарныхъ, чудесныхъ, которые подлежатъ и будутъ нами подвергнуты, въ другомъ сочиненіи, особому разсмотрѣнію. См. 2 Коринѳ. 12, 1—4 и др. под.); но въ нѣкоторыхъ животныхъ естественно и невольно они предполагаются.

«Психическая дѣятельность (какъ въ человѣкѣ, такъ и въ животномъ),—пишетъ *Сѣченовъ* [1]),—выражается, какъ извѣстно, внѣшними признаками. Мозгъ есть органъ души, т. е. такой механизмъ, который, будучи приведенъ какими ни на есть причинами въ движеніе, даетъ, въ окончательномъ результатѣ, тотъ рядъ внѣшнихъ явленій, которыми характеризуется психическая дѣятельность. Все безконечное разнообразіе внѣшнихъ проявленій мозговой дѣятельности сводится окончательно къ одному лишь явленію,—*къ мышечному движенію*. Смѣется ли ребенокъ при видѣ игрушки, улыбается ли Гарибальди, когда его гонятъ за излишнюю любовь къ родинѣ, создаетъ ли Ньютонъ міровые законы и пишетъ ихъ на бумагѣ, вездѣ окончательнымъ фактомъ является мышечное движеніе. Рамка, къ которую укладываются всѣ вообще проявленія мозговой дѣятельности, есть *слово* и *дѣло*. Подъ *дѣломъ* народный умъ разумѣетъ, безъ сомнѣнія, всякую внѣшнюю механическую дѣятельность человѣка, которая возможна лишь при посредствѣ мышцъ,—а подъ *словомъ* разумѣется извѣстное сочетаніе звуковъ, которые произведены въ гортани и полости рта, при посредствѣ опять тѣхъ-же мышечныхъ движеній. Итакъ, всѣ внѣшнія проявленія мозговой дѣятельности, дѣйствительно, могутъ быть сведены на *мышечное движеніе*. Милліарды разнообразныхъ, не имѣющихъ, повидимому, никакой родственной связи явленій, сводятся на дѣятельность нѣсколькихъ десятковъ мышцъ. Всѣ, безъ исключенія, качества внѣшнихъ проявленій мозговой дѣятельности, которыя мы характеризуемъ словами: одушевленность, страстность, насмѣшка, печаль, радость и проч., суть не что иное, какъ результаты

[1]) Рефлексы головнаго мозга, 1866 г. С.-П.б.; 3—7.

большаго, или меньшаго укороченія какой-нибудь группы мышцъ. Такимъ образомъ, оказывается, что *психическая дѣятельность выражается извнѣ всегда мышечнымъ движеніемъ*. Современная наука дѣлитъ всѣ мышечныя движенія на двѣ группы: *невольныя и произвольныя*. Въ основѣ всякаго невольнаго движенія лежитъ болѣе или менѣе ясное возбужденіе чувствующаго нерва; отраженныя (рефлективныя) движенія слѣдуютъ всегда быстро за чувственнымъ возбужденіемъ и, съ точки зрѣнія сохраненія цѣлости существованія, *всегда цѣлесообразны*. Механизмъ рефлексовъ данъ [1]) чувствующими и двигательными нервами, съ клѣтками въ мозговыхъ центрахъ, служащими для этихъ нервовъ началами, и съ отростками этихъ клѣтокъ въ головной мозгъ, по которымъ идетъ изъ послѣдняго вліяніе на отраженное движеніе, то усиливающее, то ослабляющее его. *Дѣятельность этого механизма и есть рефлексъ. Машина пускается въ ходъ возбужденіемъ чувствующаго нерва. Тѣ-же нервы* [2]) и мышцы, дѣятельностью которыхъ обусловливается чисто невольное движеніе, *дѣйствуютъ и въ произвольномъ*. Но *произвольное движеніе есть всегда сознательное* [3]). Всѣ психическіе акты [4]) развиваются путемъ рефлекса; стало быть, и всѣ сознательныя движенія, называемыя обыкновенно произвольными, суть, въ строгомъ смыслѣ, отраженныя».

Не критикуя всѣхъ оттѣнковъ этихъ основоположеній теоріи *Съченова*, мы принимаемъ въ нихъ за фактически данное, что *гдѣ мы видимъ въ животномъ движеніе, не-только цѣлесообразное, но и произвольное, тамъ мы невольно предполагаемъ, въ большей или меньшей степени, сознаніе, тамъ признаемъ явленіе болѣе или менѣе психическое*. Между тѣмъ несомнѣнно, что существуютъ многіе классы животныхъ, которые вовсе лишены нервной системы, въ которыхъ, по крайней мѣрѣ, до сихъ поръ ее не усмотрѣли, при всѣхъ усиліяхъ къ тому; тогда-какъ, въ то-же время, эти животныя не лишены органовъ ни передвиженія и остановки, ни защиты и нападенія, ни хватанія и пожиранія добычи [5]). Очевидно, значитъ, что эти животныя одарены способностью движенія не-только цѣлесообразною, но и произвольною. *А въ фактахъ произвольныхъ цѣлесообразныхъ движеній* физіологія склонна находить, по меньшей мѣрѣ, *ощущеніе, если только не сознаніе, хотя бы движущіяся животныя и завѣдомо лишены были отъ природы не-только головнаго мозга, но и цѣлой нервной системы*.

На подобномъ-же основаніи приписываются *позывъ и чувство не только животнымъ, но и растеніямъ, и не только растеніямъ, но и предметамъ неодушевленнымъ, которымъ неизбѣжно приписывается, по меньшей мѣрѣ, извѣстнаго рода позывъ*. Такъ, въ растеніяхъ мы усматриваемъ

---

[1]) Стр. 68—69. [2]) 71. [3]) 74. [4]) 134. [5]) *Гекели*, Сравнит. анатомія, С.-П.Б., 1865 г., стр. 96—99.

движенія не только цѣлесообразныя, но и произвольныя. Когда черепаха убѣжавъ изъ дому, куда унесена съ морскаго берега, направляется безъ сознанія о надлежащемъ направленіи, однакожъ, прямо къ мо рю,—или когда кошка, унесенная изъ дому въ мѣшкѣ, бѣжитъ без ошибочно въ старое жилье, — когда ласточка осенью, безъ руковод ства старшихъ, летитъ по линіи меридіана къ югу,—когда лягушк выползаетъ изъ норы передъ дождемъ, а паукъ передъ ведромъ раз матываетъ свою паутину, — когда моллюскъ прячетъ свое тѣльце в раковину, лишь-только вы коснетесь его чѣмъ-либо,—то можно отри цать сознательность всѣхъ этихъ движеній, но никто не станет оспаривать не-только цѣлесообразность ихъ, но и произвольность. далеко ли отошли, по своему характеру, отъ этихъ животныхъ дви женій движенія подсолнечника, или одуванчика, или ночной краса вицы, или цвѣтка недотроги? Если же мы эту цѣлесообразную произ вольность движенія связываемъ тамъ, у животныхъ, не-только с внутреннимъ позывомъ, но и съ чувствомъ, — то имѣемъ ли полно право отрицать и здѣсь, *въ растеніяхъ, въ ихъ не-только цѣлесооб разныхъ, но и явно аналогичныхъ съ произвольными движеніяхъ, не только позывъ, но и чувство, а если уже не чувство, то, по крайне мѣрѣ, позывъ?*—Предметамъ же неодушевленнымъ, всѣмъ безъ изъ ятія, необходимо приписать хотя живые позывы или влеченія, кото рые одушевляютъ вещество, тѣ позывы, которые у *Летце* опредѣля ются такъ: «подъ именемъ позывовъ мы разумѣемъ то, что вещи ну дятся къ своимъ дѣйствіямъ не внѣшнею силою, а, напротивъ того такъ-какъ понуда лежитъ въ собственномъ ихъ существѣ, то она должна *сознаваться, чувствоваться, хотѣться ими, какъ ихъ соб ственная,* и постоянно возраждаться сама собой. Ходъ ума ведетъ къ мысли, что *силы, примыкаютъ* не *къ безжизненному нутру вещей а возникаютъ изъ нихъ самихъ,* изъ ихъ нѣдръ, и что все, совершаю щееся между вещами, должно напередъ совершиться внутри ихъ. Всѣ внѣшніе процессы сочетанія и раздѣленія должны основываться на внутренней жизни, и каждый элементъ общаго міроваго строя долженъ быть *живою и внутренно-возбужденною точкою».*

Будутъ ли ощущеніе и позывъ, въ подобныхъ условіяхъ, не-только у неодушевленныхъ предметовъ, или у растеній, но и у животныхъ, сознательными, т. е. въ тѣсномъ смыслѣ слова собственно-психиче скими явленіями, это уже другой, психологическій, а не физіологиче скій, вопросъ. Если не рѣшеніе, то разъясненіе этого вопроса имѣетъ

прямую связь съ рѣшеніемъ вопроса, который служитъ предметомъ разсужденія въ слѣдующей главѣ.

ГЛАВА LVIII.

VI) *Ужели изъ психической области должно исключить рѣшительно всѣ нервные акты, какіе только не озарены сознаніемъ?* Несмотря на всю запутанность постановки этого вопроса въ его антецедентахъ и затруднительность въ результатахъ, мы рѣшительно отвѣчаемъ на него отрицательно: *не должно, не слѣдуетъ и даже невозможно.* Невозможно по тому, что сознаваемая нервная дѣятельность скрѣплена такою неразрывною взаимно-условною связью съ дѣятельностью нервовъ несознаваемою, что обѣ эти дѣятельности, концентрируясь въ нервныхъ узлахъ, образуютъ неразрывное, цѣльное психическое единство. Доказывать это, послѣ всего раскрытаго нами выше, излишне. Укажемъ развѣ только капитальнѣйшіе факты развитія душевнаго индивида. На сознаваемое мною состояніе моего единаго въ себѣ духа имѣли вліяніе психическое состояніе моихъ родителей и предковъ, психическое состояніе моей матери во время чревоношенія, вся серія актовъ развитія моихъ нервовъ, до минуты рожденія и, по рожденіи, до проявленія сознанія, вся совокупность нервныхъ настроеній не только сознанныхъ, но и не сознанныхъ, по пробужденіи моего дѣтскаго сознанія и до данной минуты. Можно ли отдѣлять настроеніе моихъ нервовъ, въ бодрственномъ состояніи, предшествующемъ сну, и настроеніе нервовъ, во время сна, отъ настроенія ихъ по пробужденіи? Можно ли отдѣлять настроеніе моихъ нервовъ, предшествующее болѣзненному ихъ пораженію, отъ такого, или другаго состоянія ихъ во время болѣзни, и, опять, это состояніе отъ такого или другаго возбужденія ихъ по прошествіи болѣзни? Можно ли отдѣлять состояніе нервовъ чувствительныхъ отъ состоянія нервовъ двигательныхъ, когда въ физіологіи не признано даже существенное отличіе между ними, а допускается только господствующій отличительный характеръ въ ихъ отправленіяхъ, допускается, въ однихъ преобладаніе способности вліять на ощущеніе, а въ другихъ преобладаніе способности дѣйствовать на мышцы, — при чемъ даже не отрицается возможность помѣняться имъ взаимно своими

ролями, т. е. признается отличіе между ними только въ преобладающемъ характерѣ отправленій, но не въ свойствѣ или строеніи? Строеніе же и тѣхъ и другихъ нервовъ одинаково и всѣ они переплетены между собою живыми узлами, такъ-какъ составляютъ одну живую, взаимно-связную, систему. Можно ли, наконецъ, отдѣлять состояніе нервной системы отъ вліянія всей суммы органическихъ системъ и клѣточекъ организма, со всѣми ихъ разнообразными отправленіями, когда всю совокупность клѣточекъ собственно нервной системы слѣдуетъ понимать родственною, до тожества, со всею суммою клѣточекъ другихъ системъ того-же организма и только дифференцированною общимъ органическимъ развитіемъ, съ спеціальнымъ выдѣленіемъ для нея особаго труда, по вышеизъясненному закону *Вагнера* [1])?

«Чѣмъ болѣе мы спускаемся»,—пишетъ *Прейръ* (въ «*Знаніи*», 1875 г., Апрѣль, стр. 134),—«по порядку животныхъ, тѣмъ болѣе упрощаются отношенія зависимости ощущенія и желанія отъ органовъ и нервной системы. На самой низшей степени животной лѣстницы, наприм., у зоофитовъ (по *Тэну*), нѣтъ никакой нервной системы, и *нервное вещество, вѣроятно, существуетъ въ разсѣянномъ состояніи*; полипа можно разрѣзать и даже изрубить во всѣхъ направленіяхъ, и *каждый кусокъ* пополняется и производитъ животное, *со всѣми способностями и инстинктами первоначальнаго животнаго*. По *Клейненбергу*, у гидры не существуетъ отдѣльной нервной и мускульной системы, но *та и другая соединены, въ нервно мускульныхъ клѣточкахъ, въ нераздѣльное морфологическое цѣлое,—пол)-нервъ, полу-мускулъ*. Какъ проявляется первое біеніе сердца въ высиживаемомъ куриномъ яйцѣ? Біеніе проявляется совершенно явно, котда *нельзя еще узнать не-только ни одного нерва, но и ни одного мускульнаго волокна*,— когда нельзя еще признать, чтобы сердце состояло изъ протоплазмы. *Откуда же ритмъ? Что такое сокращается?* Но когда въ яйцѣ *образовалась уже красная сѣть сосудовъ*, вены которой сокращаются отъ дѣйствія прерывистаго электрическаго раздраженія,—тогда уже существуютъ *мускульныя волокна*».—А цыпленокъ вылупляется изъ яйца уже съ полнымъ снарядомъ *нервной системы*. Значитъ, *нервная система вырождается изъ той-же однородной массы яйца, изъ которой развивается и вся органическая система цыпленка*. А человѣкъ, также какъ и цыпленокъ, какъ и всѣ млекопитающія, развивается изъ оплодотвореннаго яйца. Значитъ, ясно, что *нервная система, по ближайшему источнику своему, однородна съ прочими системами организма, а только представляетъ въ себѣ высшее ихъ развитіе*.

Однимъ словомъ, *ни органическое, ни психическое единство индивида не позволяетъ полагать черту раздѣленія между сознаваемою и не сознаваемою дѣятельностью его нервной системы и относить только*

[1]) См. выш. Т. I, стр. 375—376.

первую въ область явленій психическихъ, въ сферу души, а послѣднюю рѣшительно исключатъ. Та и другая образуютъ душевное единство; та и другая суть продукты единой, цѣльной, нераздѣльно простой души.

VII) Затѣмъ, въ направленіи къ разъясненію вопроса: *будутъ ли имѣть какое-либо психологическое значеніе позывъ у предметовъ неодушевленныхъ, позывъ и ощущеніе у растеній, или у животныхъ, лишенныхъ нервной системы, или хотя и одаренныхъ нервною системою, но въ слабо развитомъ состояніи, съ слабо развитымъ головнымъ мозгомъ? Будутъ ли у такихъ субъектовъ, ощущеніе дѣйствительнымъ ощущеніемъ и позывъ дѣйствительно ощущаемымъ позывомъ?*—Сдѣлаемъ, изъ только что сказаннаго нами, дальнѣйшіе выводы. Мы замѣтили выше и повторяемъ здѣсь, что измѣрить подобные позывы, съ сопровождающими ихъ ощущеніями, посредствомъ человѣческихъ позывовъ и ощущеній, рѣшительно невозможно. Тѣмъ не менѣе возможны аналогіи, для которыхъ, въ нѣкоторой степени, доступно здѣсь нѣкоторое разъясненіе.

Нельзя отрицать того очевиднаго факта, что, *въ первоначальномъ зародышевомъ своемъ развитіи, человѣкъ проходитъ всѣ степени развитія общеорганическаго,*—что въ самыхъ начальныхъ стадіяхъ своего развитія онъ бываетъ растительною клѣточкою, затѣмъ растеніемъ изъ нѣсколькихъ клѣточекъ, далѣе животнымъ простѣйшей организаціи, близкой къ растительной, потомъ животнымъ безнервнымъ, далѣе животнымъ съ первою завязью нервной системы и т. д. Нельзя отрицать и того, что въ каждомъ изъ этихъ состояній происходятъ въ человѣкѣ жизненныя движенія, которыя имѣютъ существенное вліяніе на образованіе духа и потому носятъ на себѣ психическій характеръ. Нельзя отрицать, что всякое предыдущее состояніе проявленія жизненности въ человѣческомъ зародышѣ оказываетъ вліяніе на послѣдующее, такъ-что всякое послѣдующее состояніе развивается изъ своего предыдущаго. А отсюда слѣдуетъ, что если мы находимъ психическій характеръ въ проявленіяхъ жизненности у человѣка, когда зародышъ его оказался уже съ развитою нервною системою, — то должны приписать психическій характеръ и предыдущимъ формамъ жизненности, когда человѣческій зародышъ бываетъ въ состояніи животнаго безнервнаго, въ состояніи растительномъ и въ состояніи растительной клѣточки,—должны перенести тотъ-же психическій характеръ жизненности даже на вещества, которыя, на-

полняя, одушевляютъ нервную зародышевую клѣточку будущаго человѣка.

Къ тому-же выводу можно придти и другимъ путемъ. *Всякій позывъ, всякое ощущеніе въ человѣкѣ есть совокупность неисчислимаго множества элементарныхъ ощущеній и позывовъ.* Такъ, всякое внѣшнее впечатлѣніе касается сперва нервныхъ сосковъ внѣшне-чувственнаго органа; крайніе изъ этихъ сосковъ передаютъ свое возбужденіе ближайшимъ нервнымъ клѣточкамъ нервной нити, тѣ, вторыя клѣточки, передаютъ переданное возбужденіе слѣдующимъ и т. д., пока возбужденіе не передается главному нервному узлу головнаго мозга. Тамъ формируется ощущеніе, но не локализуется тамъ-же, а послѣдовательно передается обратно, чрезъ передачу возбужденія отъ ближайшихъ клѣточекъ къ дальнѣйшимъ, и ощущеніе, оказываясь совокупною дѣятельностью цѣлыхъ милліоновъ, расположенныхъ по нервнымъ нитямъ клѣточекъ, локализуется, наконецъ, въ пунктѣ первоначальнаго возбужденія,—въ чувственномъ органѣ. О всякомъ позывѣ должно сказать тоже самое, что, наприм., о позывѣ голода, или жажды. *Всякій позывъ есть совокупность требованій цѣлыхъ милліоновъ матеріальныхъ частицъ организма;* наприм., позывъ голода, или жажды, слагается изъ требованій милліоновъ клѣточекъ, которыя часть своего вещества потеряли и для своего возстановленія требуютъ новаго вещественнаго матеріала. Такимъ образомъ, позывъ и ощущеніе, являясь въ сознаніи человѣка въ состояніи цѣлой массы безконечнаго множества мельчайшихъ ощущеній и позывовъ, слагаются изъ состояній и требованій каждой органической клѣточки, а еще далѣе изъ стремленій къ соединенію и разложенію частицъ вещества, образующихъ самую клѣточку.

Чувствуетъ ли каждая клѣточка, каждый атомъ вещества свое состояніе, свои позывы? Для уясненія этого вопроса предложимъ себѣ другой вопросъ: видимы ли каждая клѣточка, каждый атомъ вещества? Атомъ невидимъ ни для нашего, ни для вооруженнаго глаза,—но изъ атомовъ слагаются живыя молекулы и клѣточки; клѣточка, въ свою очередь, для простаго взгляда невидима, а для вооруженнаго видима, — но изъ клѣточекъ также, въ свою очередь, слагаются видимыя части и органы. Эту аналогію слѣдуетъ перевести на ощущеніе и позывъ. Человѣкъ не чувствуетъ позывовъ и состояній каждаго своего атома, каждой своей клѣточки; но несомнѣнно, что изъ атомическихъ позывовъ и состояній каждаго, находящагося въ

организмѣ, атома, — изъ микроскопическихъ позывовъ и состояній каждой клѣточки,—изъ едва замѣтныхъ состояній мелкихъ первныхъ нитей, которыми переплетены и корни волосъ и ногтей, и каждый членъ, и каждая система нашего организма, слагается сумма ощущеній и ощущаемое состояніе цѣлаго.

Такимъ образомъ, мы *въ одномъ человѣческомъ организмѣ получаемъ всѣ и всякаго рода формы животнаго и растительнаго, одушевленнаго и неодушевленнаго существованія, и ни одной изъ этихъ формъ не можемъ отказать въ своей долѣ жизненности, одушевленности, вызываемыхъ жизненностью стремленій и позывовъ, даже самоощущенія этихъ позывовъ и стремленій, принадлежащихъ каждой клѣточкѣ, каждому атому организма,* — самоощущенія спокойнаго и пріятнаго, въ-случаѣ безпрепятственности къ ихъ удовлетворенію, и, напротивъ того, томительнаго, въ-случаѣ невозможности, или затруднительности ихъ удовлетворенія. А по этой аналогіи намъ мыслится, и невольно, и естественно, и, конечно, справедливо, что, *вездѣ царствующее въ природѣ, такъ-называемое химическое сродство, переходящее въ тяготѣніе небесныхъ свѣтилъ и, чрезъ химическія реакціи, въ организацію, есть наглядное олицетвореніе не только позыва и чувства, но и разума природы.*

VIII) Чтобы внести свѣточъ въ это неразрывное сплетеніе строго психическихъ фактовъ съ родственными имъ, до нераздѣльности, однакожъ, и не строго-психическими явленіями, новѣйшіе психологи остановились, и мы, вслѣдъ за ними, должны остановиться *на раздѣленіи психической области на двѣ области: психически-сознательную, и психически-безсознательную.* Мало этого; мы имѣемъ полное право, вслѣдъ за тѣми-же новѣйшими психологами, или лучше, — слѣдуя глубочайшимъ мыслителямъ всѣхъ вѣковъ, назвать *первую, психически-сознательную, область сознательнымъ разумомъ, а вторую, психически-безсознательную, область духа разумомъ безсознательнымъ, или точнѣе, разумомъ несознаваемымъ,*—такъ-что можемъ смѣло сказать, что въ видимой природѣ, прежде всѣхъ и всего, *человѣческій духъ есть единство разума сознательнаго и безсознательнаго,* а за тѣмъ и *вся видимая природа окажется такимъ-же единствомъ.* Къ такому утвержденію мы уполномочиваемся безпредѣльнымъ количествомъ фактовъ.

Этотъ единый и нераздѣльный, хотя въ каждой отдѣльной твари и являющійся въ двухъ формахъ, — сознательнаго и безсознатекьнаго,

разумъ есть тотъ разумъ, о которомъ говоритъ св. апостолъ Павелъ: *разумное Божіе явп есть въ нихъ, Богъ бо явилъ есть имъ. Невидимая бо Его отъ созданія міра, твореньми помышляема, видима суть, и присносущная сила Его и Божество* (Рим. 1, 19—20), — тотъ разумъ, о которомъ такъ возвышенно, въ свою пору, писалъ Кантъ [1]).

По свидѣтельству *Канта*, «дѣйствительный міръ [2]) открываетъ предъ нами такое разнообразіе, порядокъ, цѣлесообразность, красоту, какъ въ безконечности пространства, такъ и въ безконечной дѣлимости его, что даже и при тѣхъ недостаточныхъ знаніяхъ, какими обладаетъ нашъ слабый разумъ, мы не можемъ выразить всего своего изумленія и обнять все своимъ умомъ, и наше сужденіе о цѣломъ разрѣшается безмолвнымъ, но краснорѣчивымъ удивленіемъ. Вездѣ мы замѣчаемъ цѣпь дѣйствій и причинъ, цѣлей и средствъ, правильность возникновенія и уничтоженія. Такъ-какъ ничто не вступаетъ въ извѣстное состояніе само собою, но предполагаетъ другую вещь, какъ свою причину, а это, въ свою очередь, предполагаетъ дальнѣйшую, — то, очевидно, необходимо предполагать, что поверхъ случайнаго существуетъ нѣчто первоначальное и независимое, все собою содержащее и, будучи причиною всего, обезпечиваетъ за нимъ и продолженіе. Какъ великою нужно представлять себѣ эту высшую причину (относительно всѣхъ вещей міра)? Правда, что мы не вполнѣ знаемъ міръ со-стороны его содержанія, еще менѣе знаемъ его величину сравнительно съ областью возможности. Но что же препятствуетъ намъ считать причину, по степени совершенства, высшею надъ всѣмъ возможнымъ, тѣмъ болѣе, что причинность заставляетъ насъ необходимо предполагать высшее существо? Мы легко можемъ представить его, хотя въ слишкомъ блеклыхъ чертахъ отвлеченнаго понятія, если сосредоточимъ въ немъ, какъ въ своего рода сущности, всевозможное совершенство. Это понятіе не заключаетъ противорѣчія само въ себѣ и оказываетъ вліяніе на расширеніе дѣятельности разума въ опытѣ тѣмъ, что внушаетъ намъ мысль о порядкѣ и цѣлесообразности, и ничему прямо не противорѣчитъ въ опытѣ. Оно [3]) оживляетъ изученіе природы; оно вноситъ цѣли туда, гдѣ наше наблюденіе еще не успѣло бы само ихъ открыть, и расширяетъ наши познанія о природѣ идеею единства. Не только было бы пагубно, но и совершенно напрасно усиливаться отнять его значеніе. Разумъ, убѣждаемый столь сильными и постоянно возрастающими въ своей силѣ опытными доказательствами, не можетъ быть побѣжденъ сомнѣніями слишкомъ тонкой теоріи: одного взгляда на чудеса природы и величіе міроваго строя достаточно, чтобъ избавиться отъ мучительныхъ сомнѣній, какъ-бы пробудиться отъ сна, чтобы, восходя отъ одной величины къ другой, отъ условнаго къ условію, дойти до высшаго и безусловнаго Творческаго Разума. Основанія для восхожденія къ этому высшему понятію *Кантъ* указываетъ слѣдующія: 1) Въ мірѣ находятся ясные признаки опредѣленныхъ [4]) цѣлей, какія мудро имѣлись въ-виду при устройствѣ его; онъ представляетъ намъ одно цѣлое, съ неописаннымъ разнообразіемъ содержанія и безразличнымъ объемомъ; 2) этотъ разнообразный порядокъ въ самыхъ вещахъ составляетъ внѣшнюю и случайную сторону ихъ, т. е.

[1]) Критика чистаго разума, 2. [2]) Стр. 481. [3]) 482. [4]) 483.

природа различныхъ вещей сама собою не могла бы дать себѣ устройства сообразно съ цѣлями, еслибъ она не была такъ устроена высшимъ разумнымъ началомъ,—по идеямъ; 3) значитъ, существуетъ возвышенная и мудрая причина, т. е. не природа дѣйствующая слѣпо, всемогущая, всепроизводящая, но существо, свободно произведшее міръ; 4) о единствѣ его можно заключать изъ единства взаимнаго отношенія частей міра, какъ членовъ одного и того-же художественнаго творенія, и притомъ сначала заключать на-основаніи наблюденій, съ достовѣрностью, а далѣе, по основоположеніямъ аналогіи, съ вѣроятностью». Объ этомъ-же Разумѣ говоритъ и *Д. С. Милль*, допуская, что съ самымъ строгимъ позитивизмомъ примиримо вѣрованіе, что вселенная создана и сознательно управляется Разумомъ, лишь-только мы допустимъ, что разумный Правитель вселенной придерживается опредѣленныхъ законовъ,—объясняя естественное развитіе этого вѣрованія въ человѣчествѣ развитіемъ практическаго чувства неизмѣнности законовъ природы,—такъ-какъ, по мѣрѣ того, какъ непреложные законы явленій представлялись наблюдателю, обозначалась все болѣе и болѣе теорія, приписывающая ихъ единой волѣ. Эту теорію подкрѣпила, по словамъ *Д. С. Милля*, «изумительная высота, на которую, ко времени христіанской эры, поднята была геометрія. Аристотелевъ логическій анализъ умственныхъ процессовъ обнаружилъ единство законовъ и въ области духа. Оказалось, что, во внѣшнемъ мірѣ, въ высшей степени поражающія явленія небесныхъ тѣлъ совершаются въ совершеннѣйшемъ правильномъ порядкѣ; самое простое эмпирическое наблюденіе указало множество случаевъ единства почти полнаго. Когда мысль, что устройство каждой части въ природѣ было, такъ или иначе, опредѣлено еще въ-началѣ и что все продолжаетъ совершаться, какъ было опредѣлено, сдѣлалась господствующею,—то возникла поразительная картина единства, разлитаго во всей природѣ и ведущаго къ заключенію, что все это дѣло одной руки, а не многихъ. Гораздо вѣроятнѣе должно было казаться, что существуетъ одинъ безпредѣльно предвидящій Разумъ и одна непреложная воля, а не сотни и тысячи ихъ. При этомъ философы стараго времени не имѣли еще доказательствъ, обоснованныхъ на общихъ законахъ, каковъ, наприм., законъ тяготѣнія и теплоты; но и для нихъ было уже очевидно множество аналогій и совпаденій въ явленіяхъ природы, намекавшихъ на единство плана. Но, конечно,—тѣмъ большее сходство обнаруживалось между явленіями природы, чѣмъ обширнѣе становился опытъ».

Разумъ, о которомъ въ приведенныхъ словахъ разсуждаютъ *Кантъ и Д. С. Милль*, есть тотъ Разумъ, о которомъ говоритъ *Юркевичъ*, въ слѣдующихъ словахъ: «вообще природа имѣетъ логику, какъ и духъ имѣетъ ее, и именно въ явленіяхъ природы открывается *умъ математическій*: Богъ создалъ ее мѣрою, числомъ и вѣсомъ. Съ этой опредѣленной стороны, она и изслѣдуется естественными науками. Но чтобъ понять міръ въ его полнотѣ и его глубочайшей истинѣ, вы должны взять еще въ-разсчетъ *умъ самосознательный*, который открывается уже не въ матеріи, а въ духѣ». Этотъ Разумъ есть Платоновскій

Λόγος, безпредѣльное вмѣстилище вѣчныхъ идей, отраженныхъ въ *Космосѣ*,—бытіи осуществленномъ.

IX) Что же слѣдуетъ разумѣть, частнѣе, подъ *разумомъ сознательнымъ, или сознаннымъ, съ одной стороны, и разумомъ безсознательнымъ, или лучше, — несознаннымъ, съ другой*? Чтобъ уразумѣть эту разность, возьмемъ въ разсмотрѣніе сознаніе человѣка и человѣчества временъ патріархальныхъ, близкаго къ состоянію первобытной простоты, и сознаніе много-ученѣйшаго человѣка и человѣчества нашихъ дней. Вычтемъ изъ суммы познаній современнаго намъ, самаго развитаго человѣка и человѣчества сумму познаній человѣка дикаго и человѣчества временъ патріархальной простоты: разность между суммою, изъ которой вычитается, и вычитаемымъ должна оказаться громадною. Этотъ-то остатокъ постигнутаго разума природы и человѣческаго духа, для современнаго человѣка и современнаго человѣчества, есть разумъ сознательный, а для человѣка и человѣчества временъ патріархальныхъ былъ разумомъ еще не сознаннымъ, хотя и въ то время лежалъ уже въ человѣческомъ духѣ, въ-видѣ мелькающей болѣе или менѣе, вдали или вблизи, смутнѣе или яснѣе, идеи. Точно также и для нашего вермени все то, чего мы теперь не знаемъ, о чемъ только догадываемся, или пока еще смутно гадаемъ, но что будущее человѣчество, черезъ тысячи лѣтъ, познаетъ, все то для человѣчества тогдашняго будетъ разумъ сознанный, для нашего же времени остается пока разумомъ несознаннымъ. И когда мы говоримъ о разумѣ сознанномъ и несознанномъ, то *разумѣемъ здѣсь не одно только познаніе разсудочное, опытное, экспериментальное, индуктивно-дедуктивное, но и познаніе идеальное.* Мы стоимъ на томъ дознанномъ и доказанномъ фактѣ, что во всякомъ человѣческомъ духѣ и всегда, кромѣ разума сознаннаго, лежитъ сокровищница идей-предчувствій, гадательнаго предпостиженія объективной истины. Стоимъ и на томъ, что, у цивилизованнаго, нормально развитаго, не погрязшаго въ безнравственной грубости и плотяности человѣка, идеи предносятся яснѣе, расчлененнѣе, ближе къ своему воплощенію въ опредѣленныхъ формахъ, ближе къ разсудочному проясненію и постиженію, чѣмъ у человѣка мало знакомаго съ культурою и грубо чувственнаго. Но количественность идей въ томъ и другомъ человѣкѣ равны между собою по тому, что вся сумма человѣческихъ идей, по численности своей, въ концѣ концовъ, должна оказаться абсолютнымъ единствомъ, а по величинѣ своей, абсолютною безпредѣльностью. Это свойство абсолютной

безпредѣльности и вообще близости къ абсолютному, до единства, принадлежитъ, въ окончательномъ выводѣ, каждой человѣческой идеѣ, идеѣ какого бы то ни было, самаго ограниченнаго, самаго конкретнаго, предмета. Въ первой части нашего изслѣдованія мы показали, что каждый, самый ограниченный и конкретный, самый частный и частичный предметъ, до каждаго атома включительно, имѣетъ свою идею, отличную отъ понятія. Понятіе о данномъ предметѣ есть, всегда и неизбѣжно, совокупность только нѣкоторыхъ признаковъ, болѣе или менѣе отвлеченныхъ отъ предмета; но абсолютно никогда не можетъ быть совокупностью всѣхъ признаковъ, заключающихся въ предметѣ, потому-что совокупность признаковъ каждаго индивидуальнаго предмета, хотя бы даже атома, или молекулы, или органической клѣточки, абсолютно безконечна и для ограниченнаго ума необъятна. Идея же есть не отвлеченное, но живое и цѣльное представленіе вещи, во всей совокупности ея свойствъ, во всей численности ея частей, во всей необъятности ея метаморфозъ, дѣйствительныхъ и возможныхъ, не только настоящихъ, но и всѣхъ прошедшихъ и будущихъ. По этому, разсудочное постиженіе, какъ бы ни было оно широко и глубоко, никогда не есть истощеніе содержанія ни вещи самой въ себѣ, ни ея идеи, — а есть только болѣе или менѣе широкое и глубокое проникновеніе въ сущность вещи и въ содержаніе ея идеи. Отъ того и *разумъ сознанный никогда не можетъ оказаться истощеніемъ содержанія ни постигнутыхъ вещей, ни болѣе или менѣе смутно предносящихся уму человѣчества идей, но оказывается только болѣе или менѣе глубокимъ проникновеніемъ въ сущность вещей и въ содержаніе разума несознаннаго, тожественнаго съ коренною идеею, безпредѣльнаго или абсолютнаго* [1]).

---

[1]) Здѣсь считаемъ нужнымъ оговориться, что мы свое понятіе *о разумѣ сознательномъ и несознанномъ* заимствовали не у *Эдуарда Гартмана* и не у современныхъ психоловъ, *Вундта*, *Лотце* и др. а глубже, у всѣхъ идеальныхъ философовъ, начиная съ *Платона*, и изъ Божественнаго Откровенія. Все, что здѣсь мы говорили о отличіи разума сознательнаго отъ безсознательнаго, написано нами прежде, чѣмъ извѣстное сочиненіе *Эдуарда Гартмана* сдѣлалось намъ основательно извѣстнымъ. Потому-то здѣсь мы вовсе и не касаемся *Безсознательнаго*, придуманнаго *Гартманомъ*. Обстоятелнный же отчетъ объ этомъ предметѣ постараемся дать тамъ, гдѣ булемъ говорить *о самознаніи Высочайшаго Творца вселенной*, и надѣемся, что самъ *Гартманъ* окажетъ намъ тамъ до-

ГЛАВА LLIX.

X) *Можно ли различать въ душѣ животныхъ подобное-же раздѣленіе разума сознаннаго и несознаннаго?*

«Въ Божественномъ откровеніи»,—пишетъ *Юркевичъ* въ своемъ замѣчательномъ трактатѣ: *Нѣчто изъ науки о человѣческомъ духѣ*,—«указаны основанія, по которымъ легко можно образовать правильную идею о *жизни и душѣ животныхъ, насколько они отличаются отъ духовной жизни человѣка*. Богъ сотворилъ животныхъ по *роду ихъ*. Отсюда слѣдуетъ, что *животное не можетъ проявить себя, какъ духъ личный; животное есть не личность, а экземпляръ породы, и объ этомъ оно знаетъ*. Замѣчательно, что самыя хищныя животныя, по неизвѣстному намъ инстинкту, не нападаютъ на животныхъ своей породы съ тою цѣлью, чтобы питаться ихъ мясомъ. Развитіе животныхъ одинаково и однообразно, какъ условленное только общими свойствами породы. Люди преслѣдуютъ цѣли различныя до безконечности; они находятъ удовлетвореніе въ предметахъ и дѣятельностяхъ, которыя разнятся между собою, какъ порокъ и добродѣтель, зло и добро, земля и небо. Напротивъ того, *животныя одной породы всѣ доходятъ до одного пункта, до одной цѣли, и путями одинаковыми: ими управляетъ родовая идея или цѣль, которую они не положили, не избирали самолично и сознательно, которой они повинуются безотчетно и тупо и которая отъ этого есть идея инстинктивная. Чувственныя потребности и нужды являются для животной души какъ нѣчто безусловное, какъ инстинкты непреодолимые. Въ человѣкѣ же*,—утверждаетъ докторъ *Гуфеландъ*,—*нѣтъ непреодолимыхъ инстинктовъ*. Человѣческій духъ есть не родовой, а личный, не связанный неотразимыми влеченіями, а свободный; его дѣйствія не суть простыя событія, опредѣленныя идеей рода, а поступки, которые онъ вмѣняетъ себѣ, какъ личную вину и личную заслугу. Что животныя имѣютъ *память*, въ этомъ никто не сомнѣвается. Но уже *Аристотель*, спеціально изучавшій тѣлесную организацію и душевную жизнь животныхъ, отказывалъ имъ въ способности *воспоминанія*.

«Животныя, говоритъ *Шопенгауэръ*, имѣютъ *разсудокъ*, но не имѣютъ *ума*, имѣютъ *познаніе воззрительное*, но *не имѣютъ познанія абстрактнаго*: они наблюдаютъ вѣрно, даже понимаютъ непосредственную причинную связь; высшія животныя постигаютъ эту связь даже между многими членами ея цѣпи; однакожъ *они не мыслятъ въ собственномъ значеніи этого слова,—потому-что имъ не достаетъ понятій, т. е. отвлеченныхъ представленій*. Непосредственнымъ слѣдствіемъ этого оказывается *недостатокъ настоящей памяти; и этотъ—то недостатокъ составляетъ главное различіе между ихъ сознаніемъ и человѣческимъ*. Именно, полная разумность основывается *на ясномъ сознаніи про-*

брую услугу, такъ-какъ мы не знаемъ другаго изъ современныхъ писателей антирелигіознаго склада, который бы такъ хорошо писалъ о разумной цѣлесообразности въ безсознательной природѣ, такъ написалъ объ этомъ *Эдуардъ Гартманъ*.

ередшаго и наступающаго будущаго, какъ такого, а также на сознаніи ихъ связи съ настоящимъ. По этому, память, какъ стройное, систематическое, мыслящее воспоминаніе, возможна только при общихъ понятіяхъ. Это по тому, что, при необозримомъ множествѣ однородныхъ и подобныхъ вещей и событій, которыя встрѣчаются намъ въ-теченіи нашей жизни, мы не въ-силахъ воспроизвести въ памяти каждое частное событіе непосредственно, воззрительно и индивидуально: для этого не достало бы ни силъ самой обширной памяти, ни нашего времени. Всѣ эти событія мы можемъ удерживать въ памяти, только *подводя ихъ подъ общія понятія и сводя, при ихъ помощи, къ сравнительно немногимъ положеніямъ, благодаря которымъ мы всегда можемъ сдѣлать стройное и достаточное обозрѣніе нашего прошедшаго.* Наглядно мы можемъ воспроизводить только частныя сцены изъ прошедшаго; а время, протекшее съ тѣхъ поръ, и его содержаніе мы сознаемъ только *in abstracto, посредствомъ понятій о вещахъ и числахъ*, которыя служатъ представителями дней и годовъ съ ихъ содержаніемъ. Напротивъ того, *память животныхъ, какъ и весь запасъ ихъ познаній, ограничивается воззрительными представленіями и состоитъ непосредственно только въ томъ, что возвращающееся впечатлѣніе оказывается уже бывшимъ, такъ-какъ настоящее воззрѣніе освѣжаетъ слѣдъ прежняго воззрѣнія.* По этому, ихъ воспоминаніе постоянно условливается теперь существующимъ, настоящимъ. Но, уже по этому самому, такое настоящее опять вызываетъ то ощущеніе и настроеніе, которое происходило отъ прежняго воззрѣнія. У животныхъ умнѣйшихъ, эта чисто *воззрительная память поднимается до нѣкоторой степени фантазіи*, которая, въ свою очередь, помогаетъ памяти и вслѣдствіе которой собакѣ, напримѣръ, предносится образъ ея отсутствующаго хозяина и вызываетъ въ ней желаніе видѣть его, отъ чего она вездѣ будетъ искать его, если онъ долго не приходитъ. На этой-же фантазіи основываются и ея грезы. Итакъ, *сознаніе животныхъ есть простая смѣна настоящихъ моментовъ, изъ которыхъ каждый не существуетъ, какъ будущее, прежде своего появленія, и не существуетъ, какъ прошедшее, послѣ своего исчезновенія*,—а между-тѣмъ все это есть прямое отличіе человѣческаго знанія. Отъ этого также животныя должны страдать безконечно меньше, нежели мы, потому-что они не знаютъ другихъ страданій, кромѣ тѣхъ, которыя непосредственно причиняетъ настоящее. А настоящее не имѣетъ протяженія; напротивъ того, будущее и прошедшее, въ которыхъ заключаются самыя обильныя причины нашихъ страданій, тянутся далеко, да еще къ ихъ дѣйствительному содержанію присоединяется чисто возможное, а это открываетъ для желанія и страха необозримое поле. Животныя, не возмущаясь ничѣмъ подобнымъ, наслаждаются спокойно и свѣтло каждымъ сколько-нибудь сноснымъ настоящимъ. Даже смерти животныя не ощущаютъ въ собственномъ смыслѣ: они могли бы познать ее только при ея наступленіи—но тогда они сами уже не существуютъ. Такъ, жизнь животнаго есть одно продолжающееся настоящее...

«*Подобнымъ-же образомъ, и въ знаніи души о самой себѣ человѣкъ идетъ дальше животнаго. Какъ только живое существо способно чувствовать удовольствіе и скорбь, оно имѣетъ уже самосознаніе, или правильнѣе,—самоощущеніе, самочувствіе*; его существо есть вездѣ, гдѣ есть его страданія и удовольствія

Этотъ кругъ страданій и удовольствій оно противопоставляетъ всему остальному міру, который не есть оно, который есть иное для него. Можетъ быть, есть животныя, не имѣющія никакихъ воззрѣній или представленій о внѣшнемъ, не имѣющія никакого знанія; но *нѣтъ животныхъ, не имѣющихъ самосознанія, не противополагающихъ себя всему остальному міру. Дитя, въ первые мѣсяцы своей жизни, не имѣетъ никакого знанія, но имѣетъ самосознаніе, самочувствіе,* потому-что оно испытываетъ страданія и удовольствія, которыя суть оно само, т. е. его душа въ опредѣленныхъ, непосредственно ощущаемыхъ состояніяхъ. Но отъ этого непосредственнаго *самосознанія, самочувствія или жизнечувствія, безъ котораго немыслима никакая душа на свѣтѣ, нужно отличать тотъ образъ насъ самихъ, то воззрѣніе на насъ самихъ, то представленіе о насъ самихъ, которое образуется въ нашей душѣ съ теченіемъ жизни и съ умноженіемъ нашихъ опытовъ.* Различіе между *я* и *не я*, полагаемое удовольствіемъ и страданіями души, одинаково рѣзко, одинаково энергично на всѣхъ степеняхъ душевной жизни. Но вопросъ въ томъ, вездѣ ли это одинаковое различіе сопровождается одинаковыми представленіями объ этомъ *я*. Легко вообразить такую душу, которая не составитъ никакого образа о себѣ самой и будетъ отличать себя отъ всего міра только непосредственными чувствованіями удовольствія и скорби. Мы, посторонніе наблюдатели, могли бы сказать объ ней, что она есть существо, способное къ страданіямъ и наслажденіямъ, и ничего болѣе; но сама себѣ она будетъ являться, въ своемъ самосознаніи или въ своемъ самоощущеніи, она будетъ сама себѣ извѣстна только какъ удовольствіе и скорбь, и ничего болѣе. *Это низшая ступень душевной жизни, какую только мы можемъ вообразить себѣ, и здѣ, подлѣ непосредственно испытываемыхъ душевныхъ состояній, душа не имѣетъ еще никакого образа ни о вещахъ, ни о себѣ.* Только та тѣлесная организація, въ которой, кромѣ мозга, существуютъ отдѣльные органы чувствъ, способна вывести душу, изъ этого чисто патологическаго состоянія, въ міръ воззрѣній и представленій, способна доставить животному *не только эти состоянія удовольствія и скорби, но и образы внѣшнихъ предметовъ,* а также *образы, подъ которыми оно сознаетъ свою собственную жизнедѣятельность,*— потому-что, при воззрѣніяхъ, условленныхъ чувствами, въ душѣ необходимо выдѣляются и обособляются различныя частныя стремленія, частныя дѣятельности и частныя силы, изъ которыхъ каждая не то, что другая, каждая даетъ себя чувствовать иначе, нежели другая. Здѣсь однородныя дѣятельности выдѣляются изъ общей, слитной и неразложенной, жизни души, слагаются, по мѣрѣ однородности, въ одну дѣятельность, становятся отъ этого крѣпче и сильнѣе и, такимъ образомъ, даютъ о себѣ, о своемъ частномъ характерѣ, знать животному сознанію. *Ассоціаціи между однородными воззрѣніями и представленіями, происходящія по законамъ психической механики, подобнымъ-же образомъ остаются въ душѣ животнаго, какъ ея опредѣленное настроеніе, какъ опредѣленный слѣдъ, и всякое новое впечатлѣніе освѣжаетъ эти слѣды, возбуждаетъ эти ассоціаціи, слѣдовательно, приводитъ ихъ къ сознанію животнаго.* Такъ, для животнаго дѣлаются знакомыми многіе внѣшніе предметы, такъ-же дѣлаются ему знакомыми многія его внутреннія состоянія. По этому, *всякое знаніе животнаго сопровождается самосознаніемъ; животное знаетъ о своихъ состояніяхъ, имѣетъ опре-*

ленныя представленія о себѣ, имѣетъ такъ-называемое эмпирическое само-знаніе. Вотъ почему повторяющееся воззрѣніе оказывается ему знакомымъ, — тъ почему собака узнаетъ своего хозяина, своего врага: эти воззрѣнія уже тавили слѣдъ въ ея душѣ; животное относится къ нимъ иначе, нежели къ возѣніямъ новымъ, оно прибавило къ нимъ нѣчто извнутрь себя, именно знаніе о ихъ, какое оно получило прежде, изъ прежнихъ опытовъ. Итакъ, здѣсь въ аніи о предметѣ дано непосредственное самосознаніе. *Это эмпирическое само-знаніе есть душевное явленіе, общее животнымъ и человѣку.* Но психологъ енеке говоритъ, что *нужно различать сознаніе, существующее въ психиче-ихъ актахъ, отъ сознанія объ этихъ актахъ. Только человѣческая душа, какъ особная мыслить, то есть образовать невоззрительныя понятія о вещахъ, мѣетъ самосознаніе въ послѣднемъ значеніи слова, т. е. самосознаніе, которое ть сознаніе не только въ актахъ души, но и объ этихъ актахъ.* Такъ-какъ ское познаніе происходитъ изъ опыта, то воспоминаніе всегда объясняетъ амъ, откуда и почему такой-то предметъ оказывается намъ знакомымъ, воспо-инаніе открываетъ намъ источникъ нашего настоящаго знакомства съ предме-омъ. Слѣдовательно, *оно есть знаніе о знаніи, знаніе не только предмета, но акже знаніе и о томъ, откуда и почему я знаю этотъ предметъ.* Человѣче-кое дитя, въ первый разъ въ своей жизни, узнаетъ свою кормилицу, няню, мать. Но откуда это знаніе, это знакомство? Конечно, изъ прошедшихъ впечатлѣній, изъ прошедшихъ опытовъ. Только дитя не знаетъ объ этомъ; для него это зна-омство есть простое настоящее; оно не имѣетъ еще воспоминанія о прошед-немъ, которое было причиною его настоящаго знанія, — слѣдовательно, оно не мѣетъ знанія о своемъ настоящемъ знаніи, не имѣетъ *самосознанія.* Но если озрастному человѣку попадается, въ настоящихъ опытахъ, знакомый предметъ, то онъ не остановится тупо на этомъ сознаніи знакомаго, какъ такого; онъ скажетъ, апримѣръ: «это лицо знакомо мнѣ, но я позабылъ, гдѣ я видѣлъ его». Это зна-итъ, что въ этомъ случаѣ человѣкъ критикуетъ свое собственное душевное со-тояніе. Онъ говоритъ: «мои ассоціаціи, которыя образовались изъ опытовъ, едостаточны; онѣ не таковы, каковы онѣ должны бы быть, чтобъ изъяснить на-тоящій фактъ моего знакомства съ этимъ предметомъ». *Это критическое от-ошеніе человѣка къ своему эмпирическому сознанію, къ своимъ эмпирически-образовавшимся душевнымъ состояніямъ, — это отношеніе, которое говоритъ о томъ, что должно бы быть и чего, однакожъ, нѣтъ въ наличномъ состояніи человѣческаго духа, и есть начало всѣхъ и всякихъ идеаловъ, которые предно-сятся человѣку въ его знаніи и дѣятельности и подъ которыми развивается даже душа самаго грубаго дикаря, въ этомъ отношеніи рѣшительно отличная отъ всякой души животной.* И познаніе человѣка о внѣшнемъ мірѣ будетъ от-личено отъ познанія о немъ животныхъ. *Штейнталь* говоритъ, что *животныя не имѣютъ знанія о вещахъ, какъ такихъ, или что они не подводятъ своихъ воз-зрѣній подъ категорію вещи.* Это совершенно согласно съ замѣчаніемъ *Шопен-гауэра*, что *животныя не имѣютъ общихъ понятій о внѣшнихъ предметахъ.* Собака отличаетъ хозяина отъ хозяйки, кучера отъ поварихи, хозяйскаго быка отъ хозяйской коровы, хозяйскаго барана отъ хозяйской козы. Но различаетъ ли она ихъ, какъ мужской полъ и женскій? Соединяетъ ли она представленіе

хозяйки, повара, коровы и козы въ одно общее представленіе женскаго пола, а представленіе хозяина, кучера, быка и барана—въ одно общее представленіе мужескаго пола? Знаетъ ли она о тѣхъ общихъ признакахъ оплодотворенія, беременности, рожденія дѣтей и т. д., которые входятъ въ невоззрительное, общее понятіе женскаго пола, и въ которыхъ находятъ свое логическое и дѣйствительное единство недѣлимыя, на взглядъ, безконечно-различныя? *Штейнталь* даетъ отрицательный отвѣтъ на эти вопросы. Животное не различаетъ предметъ отъ его свойствъ, не относитъ эти свойства къ неизмѣняемой объективной основѣ, которая, какъ вещь, какъ субстанція, какъ мыслимый носитель свойствъ, не дана въ воззрѣніи. Когда мы, люди, подводимъ наши воззрѣнія подъ категорію вещи, это мы дѣлаемъ по логической необходимости. Одно и тоже данное для воззрѣнія представляется намъ разъ чернымъ, въ другой разъ бѣлымъ, разъ большимъ, въ другой разъ меньшимъ, разъ треугольнымъ, другой разъ круглымъ. Такъ-какъ наше логическое сужденіе не можетъ дѣлать такихъ нелѣпыхъ положеній, каковы: черное есть бѣлое, большее есть меньшее, треугольное есть круглое, — то наше мышленіе отодвигаетъ эти воззрѣнія на второй планъ и подлагаетъ подъ нихъ идею вещи, на которой они, какъ измѣнчивыя свойства, или состоянія, могутъ быть мыслимы безъ противорѣчія. Слѣдовательно, *мы соединяемъ различныя воззрѣнія въ единичномъ и простомъ пунктѣ вещи, по нуждамъ мышленія.* *Гёте* сказалъ, что *одинъ человѣкъ можетъ различать.* Для различенія требуется воспоминаніе прошедшихъ состояній вещи, какъ прощедшихъ, и сравненіе ихъ съ настоящими, слѣдовательно, отнесеніе ихъ къ одному объективному пункту: вещи, или субстанціи. Животное не относитъ внѣшнихъ измѣненій къ одному *главному пункту, который есть вещь, или субстанція, точно такъ-же и по тѣмъ-же причинамъ, оно не относитъ и своихъ внутреннихъ измѣненій или состояній къ одному невоззрительному носителю, или къ я,*—потому-что *и знаніе о я раждается только тогда, когда категорію вещи или субстанціи мы подлагаемъ подъ наши внутреннія явленія.* Итакъ, хотя оно и знаетъ о своихъ стремленіяхъ, желаніяхъ, страданіяхъ, ощущеніяхъ, однакожъ не знаетъ о *я*, какъ ихъ источникѣ или носителѣ. *Кантъ*, въ своемъ трансцендентальномъ выводѣ категорій, доказывалъ и показалъ съ особенною опредѣленностью, что признаніе вещи, какъ вещи или какъ объекта, и знаніе о *я* или самосознаніе обозначаютъ одну и ту-же степень развитія человѣческаго духа, только первое со-стороны внѣшней, а послѣднее со-стороны внутренней. Животное сознаніе не знаетъ о вещи, какъ носителѣ внѣшнихъ измѣненій, не знаетъ и о *я*, какъ носителѣ внутреннихъ измѣненій, потому-что то и другое знаніе опредѣляется однимъ и тѣмъ-же закономъ мышленія.

«*Итакъ, мыслитъ ли животное?* Мы видимъ, что оно не интересуется ходомъ вещей, не стремится постигать ихъ по ихъ объективному порядку, изъяснять ихъ изъ нихъ-же самихъ, построять науку о вещахъ; также видимъ, что оно не интересуется состояніями своего духа, не стремится понять ихъ, изъяснять ихъ причинъ и условій и усовершать ихъ дознанными наукой средствами, словомъ, не стремится построять науку о существѣ и усовершенствованіи духа. Наши человѣческія науки не чудо; онѣ только яснѣе, опредѣленнѣе и искуснѣе дѣлаютъ то, что дѣлаетъ самое бѣдное и неразвитое человѣческое сознаніе. Чело-

ческій духъ отличается отъ животнаго тѣмъ, что въ немъ, или ему, откры-
ается метафизическая сущность вещей. *Сознаніе человѣка, дикаго и образован-
ago, одинаково отодвигаетъ міръ непосредственныхъ воздѣйствій на второй
ланъ, превращаетъ его въ явленіе, въ дѣйствіе, въ случайное, въ зависимое, въ
роизводное, а истинно-сущее воображаетъ видѣть въ силахъ, въ сущностяхъ,
ъ причинахъ, въ основаніяхъ. Весь категоріи, подъ которыя мы подводимъ наши
оззрѣнія, всѣ общіе законы, по которымъ мы опредѣляемъ настоящія и пред-
опредѣляемъ будущія измѣненія въ вещахъ, составляютъ метафизическое со-
ержаніе человѣческаго мышленія, не данное въ воззрѣніи. Лейбницъ сказалъ, что
олько животныя суть чистые эмпирики, то есть, они довольствуются зна-
іемъ чисто опытнымъ и тѣмъ сочетаніемъ, или порядкомъ представленій, ка-
ой сложился въ ихъ душѣ изъ случайныхъ впечатлѣній; а сообразенъ ли съ
стиной тотъ и другой порядокъ,—порядокъ вещей и порядокъ идей,—опредѣ-
енъ ли онъ общими законами, и какими именно, этимъ вопросомъ объ истинѣ,
ъ котораго только еще начинается человѣческое знаніе, они не интересуются.*

«Вотъ почему не можетъ быть серьезной рѣчи *объ усовершенствованіи жи-
отныхъ, объ увеличеніи ихъ знаній, о разумности и нравственности ихъ по-
ступковъ*. Если говорятъ объ усовершенствованіи цѣлой породы, то этимъ пред-
олагается, что въ *этой породѣ возможно преданіе, передача знаній и открытій
отъ одного поколѣнія къ другому*, чего, однакожъ, не замѣчается. Говорятъ, что
осы, пауки и другія насѣкомыя «умѣютъ приноравливать свою жизнь къ новой
бстановкѣ»? Этотъ фактъ не подлежитъ сомнѣнію; но онъ не доказываетъ, чтобы
животное сравнивало новую обстановку съ прежнею, какъ два измѣненія одной
и той-же вещи. Изъ ассоціацій, которыя рождены прежними опытами животнаго,
сложился въ его душѣ образъ опредѣленной дѣятельности. Этому образу оно
повинуется слѣпо, хотя чувства его получаютъ другія впечатлѣнія отъ новой
обстановки. Нѣчто подобное вышло бы, еслибы человѣкъ, видя ясно, что въ
стѣнѣ нѣтъ уже гвоздя, тѣмъ не менѣе, по старой привычкѣ, то есть, по старой
ассоціаціи представленій, пытался вѣшать на этомъ мѣстѣ свое платье. Пчела и
оса точно такимъ-же образомъ, по старой привычкѣ, пытаются привѣшивать
свои клѣточки на мѣстахъ, на которыхъ онѣ не видятъ прежнихъ опорныхъ
пунктовъ; только частыя неудачи разрушаютъ механически эту старую ассоціа-
цію и такъ-же механически образуютъ новую, которая отобразитъ въ себѣ но-
вую обстановку. *Весь этотъ фактъ, въ которомъ видятъ доказательство раз-
умности животныхъ, изобличаетъ ихъ рѣшительное безсмысліе.* Сюда-же от-
носятся случаи, когда, напримѣръ, кошка приноситъ пойманныхъ ею мышей въ
избу, долго еще послѣ того, какъ ея котята, для которыхъ она это дѣлаетъ, за-
брошены,—или когда насѣдка садится на гнѣздо, изъ котораго яйца давно уже
вынуты и т. д. Во всѣхъ этихъ случаяхъ, мнимая разумность животнаго состоитъ
въ томъ, что новыя впечатлѣнія, накопляясь мало-по-малу, вытѣсняютъ впечатлѣ-
нія старыя, и животное, такимъ образомъ, приноравливается, наконецъ, къ новой
обстановкѣ. Человѣкъ, который поставляется въ другія обстоятельства, подобно
этимъ животнымъ, прежде всего обозрѣваетъ эти обстоятельства, какъ перемѣны
въ вещахъ и какъ нѣчто объективное; ему нѣтъ надобности дѣлать такіе глупые
опыты, какъ привѣшиванье платья на стѣнѣ, въ которой онъ не видитъ болѣе

гвоздя: онъ не просто видитъ явленія, но и критикуетъ ихъ, судитъ объ нихъ. Такимъ-же образомъ, какъ показано выше, онъ критикуетъ и свои внутреннія ассоціаціи. По этому, онъ приноравливается къ новой обстановкѣ, не дѣлая *такихъ безполезныхъ попытокъ*, какія мы сейчасъ видѣли у животныхъ и *какія легко изобличили бы въ немъ* человѣка сумасшедшаго. — Говорятъ: *«животныя знаютъ не только кровное родство, но и родство, основанное на возвышенномъ чувствѣ благорасположенія»?* Если курица дѣлается насѣдкой, то она побуждается къ этому не идеей общей пользы для цѣлаго рода: она садится на гнѣздо даже и тогда, когда вынуты изъ него яйца, также садится и тогда, когда положены въ него яйца другой курицы. Она воспитываетъ цыплятъ, которыхъ она высидѣла изъ чужихъ яицъ, съ такою-же любовью, какъ еслибы они происходили отъ ея крови. Но здѣсь не можетъ быть и рѣчи о родствѣ, основанномъ «на возвышенномъ чувствѣ благорасположенія». Человѣческая мать превращаетъ эти инстинктивныя стремленія въ дѣло личности, въ нравственно-достойные поступки: она вспоминаетъ радости и стремленія, которыя она испытала, выкармливая дитя; она заботится въ настоящемъ о цѣлой будущности его; въ своей любви къ нему она видитъ долгъ, нравственное требованіе, предписаніе совѣсти; отъ того ея инстинктивная любовь къ дитяти служитъ только опорнымъ и начальнымъ пунктомъ для ея любви къ цѣлому человѣку. Вслѣдствіе этого, когда дитя созрѣетъ до человѣка и не будетъ нуждаться въ заботливости матери, эта мать и тогда, тѣмъ не менѣе, «видитъ въ немъ результаты своей заботливости, своей доброты, своего благоразумія». Курица же, по прошествіи опредѣленнаго срока, прерываетъ съ своими цыплятами всякую связь, по-силѣ которой она могла бы любить въ нихъ результаты своей заботливости, своей доброты. *Она не превращала своихъ прекрасныхъ инстинктовъ въ правило, въ долгъ;* отъ того, и во время самаго ухода за дѣтьми, она все-же не любила ихъ, какъ плодъ своей заботливости, своей доброты. *Инстинкты, говоритъ Кювье, суть сонныя идеи. Дѣйствительно, здѣсь мы видимъ душу не пробудившуюся, не обладающую собою и своимъ, впрочемъ, многознаменательнымъ содержаніемъ.* Животное тупо повинуется своему инстинктивному требованію ухаживать за дѣтьми, и когда проходитъ пора этихъ невольныхъ влеченій, оно равнодушно разстается съ этою жизнью любви, не вспоминая о ней и не жалѣя объ этомъ прекрасномъ прошедшемъ. *Нравственные инстинкты животныхъ, безспорно, имѣютъ глубокое значеніе и говорятъ много объ основаніяхъ этого, повидимому, матеріальнаго міра; но тѣмъ не менѣе животныя не суть нравственныя личности».*

Мы далеки отъ мысли сдѣлать даже усиліе исчерпать здѣсь этотъ, слишкомъ много дебатированный и особенно много въ настоящее время дебатируемый, предметъ, — *отличіе души животной отъ человѣческой.* Но полагаемъ, что въ представленныхъ нами выдержкахъ изъ трактата, сдѣлавшаго имя его извѣстному глубокомысленному автору, основательно выражена психологическая сущность этого отличія. И высказаннаго здѣсь, полагаемъ, будетъ достаточно для преслѣдуемой здѣсь нами цѣли, — для разъясненія вопроса: *можно ли*

различать въ душѣ животныхъ подобное-же раздѣленіе разума сознаннаго и не сознаннаго, какое явно открывается въ человѣкѣ?

Можно, отвѣчаетъ намъ на этотъ вопросъ замѣчательный мыслитель, которому мы намѣрены въ этомъ пунктѣ послѣдовать. По его психологическимъ изслѣдованіямъ, животное есть не личность, а экземпляръ породы, и *объ этомъ оно знаетъ*. Развитіе животныхъ однообразно, какъ условленное общими свойствами породы, и въ этомъ развитіи животныя одной породы доходятъ до одного пункта, до одной цѣли и одинаковыми путями. Животными управляетъ родовая инстинктивная непреодолимая идея, тогда-какъ, по словамъ *Гуфеланда*, человѣкъ почти не имѣетъ непреодолимыхъ инстинктовъ. Животныя имѣютъ память, разсудокъ, познаніе воззрительное, но не имѣютъ воспоминанія, ума и познанія абстрактнаго, — имѣютъ конкретныя воззрительныя представленія, но не имѣютъ представленій и понятій абстрактныхъ. Сознаніе животныхъ есть простая смѣна настоящихъ моментовъ, изъ которыхъ каждый не существуетъ, какъ будущее, прежде своего появленія, и не существуетъ, какъ прошедшее, послѣ своего исчезновенія. Животныя имѣютъ непосредственное самосознаніе, самоощущеніе, самочувствіе, ощущеніе круга внутреннихъ состояній, страданій и удовольствій, противопоставляемаго всему внѣшнему; высшія животныя носятъ въ себѣ и образы внѣшнихъ предметовъ, а также образы, подъ которыми сознаютъ свою собственную жизнедѣятельность, — носятъ въ себѣ ассоціаціи между однородными воззрѣніями и представленіями, происходящія по законамъ психической механики, какъ опредѣленное настроеніе животной души, какъ слѣды, освѣжаемые всякимъ новымъ впечатлѣніемъ,— знаютъ о своихъ состояніяхъ, имѣютъ опредѣленныя представленія о себѣ, имѣютъ, однимъ словомъ, *эмпирическое самосознаніе*, сознатіе, существующее *въ психическихъ актахъ*, но не имѣютъ самосознанія *объ этихъ актахъ*, *знанія о самомъ знаніи*, знанія не только о предметѣ, но и объ источникѣ, способѣ и качествахъ познанія предмета, тогда-какъ человѣкъ критически относится къ своему эмпирическому сознанію, къ своимъ образовавшимся душевнымъ состояніямъ. И это критическое отношеніе у человѣка есть начало проявленія всѣхъ и всякихъ идеаловъ. Не подводя своихъ воззрѣній подъ категорію вещи, не имѣя общихъ понятій о внѣшнихъ предметахъ, не различая предмета отъ его свойствъ, не относя этихъ свойствъ къ неизмѣнной объективной основѣ, какъ вещи, или субстанціи, живот-

ное не относитъ и своихъ внутреннихъ измѣненій или состояній къ одному невоззрительному носителю,—къ *я*, потому-что и знаніе о *я* рождается только тогда, когда категорію вещи или субстанціи мы подлагаемъ подъ наши внутреннія явленія. Между-тѣмъ-какъ сознаніе человѣка, какъ ученаго, такъ и простаго, отодвигаетъ міръ непосредственныхъ воззрѣній на второй планъ, превращая его въ явленіе, дѣйствіе, въ зависимое, случайное, производное, и ища истинносущаго въ силахъ, сущностяхъ, причинахъ, основаніяхъ,—животныя суть чистые эмпирики, довольствующіеся порядкомъ представленій, какой сложился въ ихъ душѣ изъ случайныхъ впечатлѣній, и вовсе не интересующіеся вопросомъ объ истинѣ, т. е. о томъ, согласенъ ли порядокъ вещей съ порядкомъ идей, опредѣленъ ли онъ какими-либо общими законами и какими именно. Отъ того у животныхъ не замѣчается усовершенствованія родовъ, на-основаніи преданія, передачи знаній и открытій отъ одного поколѣнія къ другому, равно-какъ не видится ни истинной разумности, ни нравственности поступковъ, такъ-какъ замѣчаемые въ жизни животнымъ факты приноровленія къ новымъ условіямъ жизни, сопоставленные съ многочисленными фактами неразумности (напр., сидѣнья насѣдки въ гнѣздѣ, изъ котораго вынуты яйца и т. д) и переведенные на понятія человѣческія, изобличаютъ рѣшительно безсмыслiе животныхъ, а въ приложеніи къ человѣку изобличали бы сумасшествіе. Слѣдуя часто прекраснымъ инстинктамъ (наприм., материнскимъ), животная душа не превращаетъ ихъ въ правило, въ долгъ; это душа не пробудившаяся, не обладающая собою и своимъ прекраснымъ содержаніемъ, которое имѣетъ глубокое значеніе и говоритъ много объ основаніяхъ этого, повидимому, матеріальнаго міра: *животные инстинкты*, по слову *Кювье, суть сонныя идеи.*

Такимъ образомъ, *и въ животномъ мы получаемъ два ясно различаемыхъ разума: сознаваемый и несознаваемый*, познаніе разсудочное и идеальное, представленіе и инстинктъ. Что въ животныхъ мы ясно различаемъ разумъ сознаваемый и несознаваемый, это видно изъ множества фактовъ. Наприм., курица, насѣдка, которая осторожно садится въ гнѣздо на яйца, бережно подкатываетъ ихъ себѣ подъ раскинутыя крылья, явно, имѣетъ нѣкоторое представленіе о томъ, что, не осторожно садясь на яйца, можно ихъ раздавить, а когда оставишь ихъ не закрытыми, то онѣ простываютъ, гдѣ курица насѣдка проявляетъ, очевидно, дѣятельность болѣе или менѣе сознательную. Но въ томъ-же

родолженномъ актѣ, когда курица садится также бережно въ то же нѣздо и также заботливо распростираетъ крылья, какъ можно шире огда однакожъ яйца изъ гнѣзда уже приняты, таже курица въ томъе актѣ обнаруживаетъ дѣятельность безсознательную, не разумную, отя и въ этой, явно безсознательной дѣятельности видна въ животомъ врожденная логика цѣлесообразности, иначе сказать, видѣнъ рирожденный, цѣлесообразно направляющійся разумъ. Что мы, съ дной стороны, различаемъ въ животныхъ познаніе разсудочное, пріобрѣтенное чрезъ воззрѣніе и повторяющійся опытъ, а съ другой— ознаніе идеальное, прирожденно-инстинктивное, это очевидно, напр., ъ океаническихъ птицахъ, да и вообще въ молодыхъ животныхъ, оторыя не боятся искусственнаго смертоноснаго оружія, пока не понакомятся съ нимъ на опытѣ, — которымъ въ то же время прирожена, съ первой минуты бытія, боязнь хищной птицы, знаніе витья нѣздъ, прямаго направленія на югъ въ теплые края и т. д. Что въ ервомъ случаѣ животныя имѣютъ представленіе о предметѣ, это сно изъ того, что животныя выучиваются различать ружье отъ простой палки, или кошку отъ быка, а во второмъ случаѣ, въ проявленіи знаній только инстинктивныхъ, онѣ обнаруживаютъ ясно только мутное влеченіе къ извѣстному движенію, такъ-какъ птица, выведенная на сѣверѣ, не можетъ же знать, что на югѣ зимою будетъ епло, тогда-какъ на родинѣ будетъ жить неудобно, отъ стужи, снѣговъ и морозовъ. Первая область познаній, познаній разсудочныхъ, животныхъ, даже самыхъ высшихъ [illegible] очевидно, имѣетъ самыя тѣсныя грани, и грани въ цѣлыхъ жи[illegible]родахъ замѣтно не измѣняющіяся въ-продолженіи не-только вѣковъ, но и тысячелѣтій; вторыя же, инстинктивныя знанія, сливаются съ областью безпредѣльности же по тому самому, что корни ихъ неизслѣдимы, а численность всѣхъ агентовъ, производящихъ и возбуждающихъ тотъ или другой темный животный инстинктъ, рѣшительно неизмѣрима, такъ-какъ, для вычисленія элементовъ гармоніи того или другаго инстинкта съ условіями окружающей природы, слѣдовало бы исчислить всѣ струны, вплетенныя въ животную натуру, — а это невозможно, потому-что эти струны вплетены въ безмѣрный планъ гармоніи космической.

XI) Излишнимъ находимъ далѣе ставить тотъ-же вопросъ *относительно растеній и предметовъ неодушевленныхъ, именно: можно ли и въ нихъ находить дальнѣйшее раздѣленіе между разумомъ сознаннымъ и не сознаннымъ?*—Что всѣ существа природы исполняютъ, по

*

внутреннему влеченію, цѣлесообразныя предписанія разума не сознаваемаго, космическаго, абсолютнаго, объ этомъ не можетъ быть и спора. Но сознаютъ ли онѣ, чувствуютъ ли хотя частицу этого разума, — этотъ вопросъ нераздѣленъ съ разъясненнымъ уже вопросомъ о томъ, *имѣютъ ли какое-либо психологическое значеніе позывы у предметовъ неодушевленныхъ, позывы и ощущенія у растеній, или у животныхъ, лишенныхъ нервной системы*,—будетъ ли у такихъ субъектовъ ощущеніе дѣйствительнымъ ощущеніемъ, позывъ дѣйствительно ощущаемымъ позывомъ? Дальнѣйшее усиліе углубиться въ темень этихъ вопросовъ мы признаемъ совершенно безплоднымъ и не чувствуемъ себя способными сказать, по этому предмету, что-либо глубокомысленнѣе и убѣдительнѣе, не однажды уже приведенныхъ выше «словъ *Лётце* о томъ, что, живой позывъ одушевляетъ внутреннее существо всѣхъ созданій,—что позывающая сила присуща элементамъ бытія, что могучій духъ природы направляетъ многочисленные элементы къ выполненію общаго плана совокупною дѣятельностью, что силы примыкаютъ не къ безжизненному нутру вещей, а возникаютъ изъ ихъ нѣдръ,—что каждый элементъ міровой мозаики долженъ быть живою и внутренно-возбужденною точкою, — что непрерывный потокъ дѣйствій переливается изъ атома въ атомъ, благодаря непосредственнымъ ихъ силамъ, и образуетъ ежемгновенно сплошную всепроникающую связь цѣлаго, такъ-что въ малѣйшей части организма не-только какого-либо индивидуальнаго, но и организма всей природы, есть какъ-будто пониманіе того, что готовится въ другой,—что, наприм., какъ пишетъ философъ *Броунъ*,—восхожденіе мѣсяца на извѣстную точку небесъ всегда дѣлаетъ состояніе тѣла на земной поверхности отличнымъ отъ того, какое ему свойственно въ другое время, или что состояніе каждой изъ частичекъ нашего земнаго шара, въ ихъ относительныхъ тенденціяхъ тяготѣнія, безспорно, должно мгновенно измѣниться, вслѣдствіе разрушенія самаго отдаленнаго спутника самой отдаленной планеты нашей системы, и такое сочувствіе между частями и частицами, повидимому, неодушевленной природы состоитъ въ аналогіи съ тѣмъ живымъ психофизическимъ явленіемъ, что за особеннымъ состояніемъ частей мозга всегда слѣдуетъ перемѣна въ состояніи ощущающаго духа и, обратно,—что понудительное вліяніе міровыхъ позывовъ лежитъ въ собственномъ существѣ вещей; по этому оно должно и сознаваться, чувствоваться, хотѣться ими, какъ ихъ собственное», — что въ про-

межутокъ двухъ ясныхъ крайностей, миѳической вѣры въ личныхъ духовъ природы и помысла о слѣпой естественной необходимости, невольно вдвигается представленіе о безсознательномъ (т. е. несознанномъ, или даже непостижимомъ для насъ) разумѣ, къ которому все прислушивается, которому все покорствуетъ. Безъ сомнѣнія, это представленіе должно соотвѣтствовать глубочайшей потребности нашего духа».

XII) Космическій несознанный разумъ есть одинъ самъ въ себѣ для всей природы, какъ для человѣка, такъ и для прочихъ низшихъ существъ, разумъ безпредѣльный, абсолютный. Но усвоеніе его сознаніемъ человѣка и обнаруженіе его въ другихъ тваряхъ различно не-только по степени, но и по существу. Въ исторіи философіи уже стало общимъ мѣстомъ положеніе, что невозможно указать предѣла, до какого можетъ достигнуть развитіе ума человѣческаго. Между-тѣмъ должно признать общимъ мѣстомъ въ философіи и то, что усовершенствованіе ума животнаго невозможно, т. е. развитіе сознанія въ родахъ животныхъ, искони вѣковъ, остановилось на извѣстной грани и не идетъ ни назадъ, ни впередъ, ни ниже, ни выше. По крайней мѣрѣ, на пространствѣ сознательной исторіи человѣчества, невозможно найти факты, которые, при всѣхъ усиліяхъ къ тому, могли бы доказать противное, именно, что въ томъ или другомъ родѣ животныхъ возможно большее, или меньшее, накопленіе знаній, сознательная передача ихъ отъ одного поколѣнія къ другому, историческое между животными преданіе [1]) и т. п. Въ тоже время, научныя дан-

[1]) Вотъ, насколько намъ извѣстенъ этотъ предметъ, наиболѣе точная, наиболѣе близкая къ истинѣ и дѣйствительности, постановка его въ естественно-научныхъ изслѣдованіяхъ. «Съ появленіемъ сперва въ животныхъ,—пишетъ *Бернгардъ-фонъ-Котта*, въ своей *Геологіи настоящаго времени*,—«едва замѣтныхъ слѣдовъ нервной системы и психическихъ ея функцій, которыя потомъ постепенно умножаются (222) и достигаютъ своего максимума въ человѣкѣ, началась совершенно новая фаза органическаго развитія. Сущность этихъ функцій, которыя мы привыкли называть психическими, еще вовсе не изслѣдована. Прежде всего поражаетъ насъ *свободное развитіе* въ предѣлахъ одной видовой формы, именно *въ человѣкѣ*. *У животныхъ же усматриваемъ существенное приращеніе психическихъ функцій только при переходѣ отъ вида къ виду*, такъ-что недѣлимыя одного и тогоже вида очень мало отличаются одно отъ другаго. У людей, напротивъ, мы встрѣчаемъ не-только рѣзкія индивидуальныя отличія, но *и неоспоримое преуспѣяніе въ знаніи и мощи съ теченіемъ времени, т. е. такое преуспѣяніе въ послѣдующихъ одно за другимъ поколѣніяхъ*, которое мы называемъ исторіей человѣчества и *которое соотвѣтствуетъ развитію формъ*

ныя подтверждаютъ и другой, еще поразительнѣйшій, фактъ несоизмѣримости ума человѣческаго и животнаго: этотъ фактъ — присутствіе въ сознаніи человѣка, человѣка всякаго, не-только образованнаго, но и самаго простаго до дикости, не-только идеи безконечнаго, но и абстрактнаго понятія о безконечномъ, и, обратно, не-только понятія, но и идеи безконечнаго; и притомъ присутствіе такое, что это идеальное безпредѣльное человѣкъ не отожествляетъ съ самимъ собою, а, напротивъ того, отличаетъ отъ себя, какъ всегда впереди и внѣ его предносящійся и неуловимый идеалъ, который и служитъ мотивомъ всей нравственной дѣятельности и стимуломъ усовершенствованія человѣческаго рода. Въ животныхъ же ни одинъ фактъ не указываетъ того, чтобъ они сознавали идею безпредѣльнаго, а еще тѣмъ менѣе доказываетъ то, чтобъ они могли, или даже усиливались создать себѣ абстрактное представленіе о безпредѣльномъ, чтобъ они помѣщали это безпредѣльное впереди и внѣ себя, какъ предносящійся идеалъ, — вслѣдствіе чего въ животныхъ родахъ не замѣчается и постепеннаго духовнаго развитія: они не чувствуютъ въ себѣ мотива, стимулирующаго самоусовершающееся развитіе. Если же и можно приписать животнымъ и прочимъ тварямъ что-либо въ этомъ родѣ,—нѣчто въ-родѣ всесовершеннаго идеала и идеи безконечнаго, то только неопредѣленно смутное, глубоко темное предощущеніе этой идеи въ чувствѣ стремленія къ счастію и удовлетворенія этого стремленія, — въ такомъ т. е. актѣ, съ которымъ Божественное Откровеніе, по преимуществу, связываетъ другой актъ, —

въ другихъ организмахъ. У нѣкоторыхъ видовъ животныхъ, особенно же у домашнихъ, хотя и замѣчается уже нѣкоторое психическое преуспѣяніе, вслѣдствіе подбора ихъ, *но въ-сравненіи съ успѣхами человѣческаго рода оно оказывается чрезвычайно незначительнымъ*. Поэтому-то, появленіемъ человѣка на землѣ характеризуется особая (*седьмая* по счету *Котты*) стадія развитія земли. *Человѣкъ стоялъ исходною точкой особеннаго органическаго царства, которое* (223) *на-столько же возвышается надъ царствомъ животнымъ, на-сколько это послѣднее возвышается надъ царствомъ растительнымъ*. Способности тѣла дополняются и отчасти замѣняются у человѣка способностями духа, и потому видовыя формы оказываются ненужными. Успѣхи организаціи въ царствѣ животныхъ, выражающіеся въ видовыхъ формахъ, мы замѣняемъ изобрѣтеніемъ разныхъ орудій, оружія и научныхъ снарядовъ, соотвѣтствующими обстоятельствамъ одеждою и жилищемъ, безъ существеннаго измѣненія внѣшней формы нашего тѣла. Мы не въ-состояніи даже представить себѣ никакихъ предѣловъ развитію нашего мышленія».

актъ безсознательнаго прославленія неразумною тварію безпредѣльно разумнаго и всеблагаго Творца.

XIII) Теперь остается перенести выработанные послѣднимъ нашимъ изслѣдованіемъ факты въ предпосланную ему нашу теорію εἶδος-овъ. Всякій ограниченный εἶδος стоитъ между двумя абсолютными: абсолютнымъ бытіемъ и небытіемъ. Индивидуальная сущность εἶδος-а происходитъ изъ самоограниченія въ немъ элементарной сущности, абсолютнаго бытія, абсолютнымъ небытіемъ, такъ-что εἶδος тѣмъ болѣе подходитъ къ абсолютному бытію, чѣмъ болѣе вмѣщаетъ въ себѣ его проявленій, и, обратно, тѣмъ болѣе приближается къ ничтожеству, чѣмъ болѣе заключаетъ въ себѣ ограниченій абсо-лютнаго бытія небытіемъ. Можно постигать, что *несознанный космическій абсолютный разумъ въ каждомъ* εἶδος-*ѣ совпадаетъ съ его элементарною сущностью, съ абсолютнымъ, вошедшимъ въ его природу, бытіемъ,—а разумъ сознанный совпадаетъ съ его сущностью индивидуальною*, съ большимъ или меньшимъ ограниченіемъ въ немъ абсолютнаго бытія небытіемъ. Можно постигать, что разумъ идеальный, заключающій въ себѣ источникъ и сокровищницу идей (присущій человѣческой душѣ, Платоновскій Λόγος), только вершиною своею, болѣе или менѣе освѣщенною сознаніемъ, проникаетъ въ индивидуальную сущность εἶδος-а, а расходящимися основаніями своими теряется въ необозримомъ необъятномъ безконечіи элементарной сущности εἶδος-а; индивидуальной же сущности принадлежитъ, какъ индивидуальная собственность, собственно разумъ сознанный. Понятно, что εἶδος-у родовому принадлежитъ разума сознаннаго больше, чѣмъ включенному въ тотъ-же родъ εἶδος-у индивидуальному, или даже частичному, потому-что εἶδος вмѣщаетъ родовой въ себѣ весь разумъ, накопленный всѣми заключающимися въ немъ индивидами,—хотя, съ другой стороны, въ человѣческомъ родѣ, или частномъ народѣ, иногда индивидуальный εἶδος генія бываетъ высшимъ выраженіемъ и проясненіемъ разума, накопленнаго вѣковою работою цѣлаго народа, или даже человѣчества. Ясно и то также, что чѣмъ больше какой-либо εἶδος включаетъ въ себѣ разума сознаннаго, самосознанія, самочувствія, тѣмъ больше, значитъ, онъ включаетъ въ себѣ и жизненности, вообще жизни или бытія, потому-что такой εἶδος, значитъ, менѣе включаетъ въ себѣ ограниченій абсолютнаго бытія небытіемъ и больше проявленій абсолютнаго бытія. Видимъ далѣе, что если всякому εἶδος-у, оканчивая малѣйшими атомами, приписать,—что, однако-

же логически неизбѣжно,—хотя микроскопическую долю самочувствія не-только непосредственнѣйшихъ позывовъ и стремленій къ совмѣстному взаимному воздѣйствію съ другими ближайшими атомами, но ощущенія и общей міровой гармоніи, общаго цѣлесообразнаго космическаго строя,—то въ суммѣ разумовъ всѣхъ, не-только индивидуальныхъ, но и родовыхъ, ἴδος-овъ, мы получаемъ необъятную массу разума сознаннаго, почерпнутаго и безпрерывно почерпаемаго природою изъ разума несознаннаго-абсолютнаго. Ясно и то, что это накопленіе разума природою постепенно больше и больше увеличивается; въ природѣ неразумной, со включеніемъ самыхъ развитыхъ животныхъ, увеличивается, по крайней мѣрѣ, чрезъ увеличеніе числа все вновь и вновь появляющихся частныхъ ἴδος-овъ, хотя и не чрезъ усовершенствованіе ума самыхъ ἴδος-овъ, которое фактически подтвердить невозможно. За-то въ разумной природѣ накопленіе разума сознаннаго происходитъ посредствомъ постепеннаго усовершенствованія не-только индивидовъ, но и цѣлаго человѣческаго рода. Ясно отсюда и то, что человѣкъ и человѣчество призваны къ особой жизнедѣятельности въ сонмѣ живыхъ тварей; — лучше же сказать, они-то именно и призваны къ бытію истому, къ бытію развивающемуся, постепенно поглощающему въ себя болѣе и болѣе проявленій бытія абсолютнаго и, чрезъ это поглощеніе, постепенно болѣе и болѣе приближающемуся къ тожеству съ бытіемъ абсолютнымъ, хотя, впрочемъ, и вѣчно далекому отъ тожества полнаго. Но, съ другой стороны, человѣкъ и человѣчество, тѣсно, генерически, связанные со всею міровою системою, являютъ въ себѣ, такъ сказать, наивысше развитую мозговую систему всего міра, являютъ въ себѣ резервуаръ міроваго разума, міроваго самосознанія и самочувствія, резервуаръ, который нудится общею міровою жизнью постепенно расширяться и наполняться, чрезъ развитіе и возвышеніе человѣческаго духа, человѣческаго разума и чувства. Работая же надъ собственнымъ развитіемъ и усовершенствованіемъ, человѣческій духъ работаетъ, по слову Божественному (Рим. 8, 19—26), для блага и всей природы.

ГЛАВА IX.

Какъ несознанный универсальный разумъ переводится въ ограниченный сознательный?

Въ разъясненіи этого вопроса, прежде общихъ нашихъ собственныхъ выводовъ, мы обратимся къ руководству двухъ капитальныхъ мыслителей, которые хотя и принадлежатъ къ двумъ различнымъ областямъ науки, однакожъ разными путями изслѣдованія, пришли къ одному и тому-же пункту,—обратимся къ руководству именно философа идеалиста, *В. Н. Карпова*, и медика, физіолога, экспериментализта, *Клода Бернара*. Ихъ изысканія не-только разъяснятъ намъ только-что поставленную задачу, способъ переведенія идеи на понятія, но и подтвердятъ опытными данными нашъ прежній выводъ, что *идея имѣетъ дѣйствительное, а не воображаемое, основанное на психологическихъ фактахъ и капитальное отличіе отъ разсудочнаго понятія.*

Мы имѣемъ въ-виду именно Логику *В. Н. Карпова*, въ которой этотъ предметъ обоснованъ на психологическихъ фактахъ наиболѣе широко. *Карповъ* философъ современный намъ; но, изучивъ, трудомъ цѣлой и долгой ученой жизни, до послѣднихъ основаній и подробностей, всѣ философскія системы, сколько современныя, столько-же и древнія, онъ не увлекся духомъ своего вѣка, съумѣвъ сохранить свою личную самобытность и самостоятельно проложить своей философской мысли дорогу сквозь густую мглу, воздвигнутую столкновеніемъ крайне разнообразныхъ, до противоположности, теченій современнаго философствованія, къ свѣту, который наиболѣе ярко и крѣпко сіяетъ изъ глубины вѣковъ, который не осилили затмить тысячелѣтія.

Вотъ внутренній строй *логики Карпова*, на-сколько мы его поняли:

I. Безспорный психологическій опытъ говоритъ, что въ познавательной способности человѣка:

1) Есть *чувственное воспріятіе*, — дѣятельность, принимающая впечатлѣнія предметовъ внѣшнихъ.

2) Есть *чувство*,—сила души, воспринимающая все, что извнѣ является передъ нимъ и дѣйствуетъ на него.

3) Есть *органы чувства*, которыми эта сила души воспринимаетъ внѣшнія впечатлѣнія.

4) *Чувствованіе*, какъ чувствованіе, есть *состояніе* души *страдательное* и, въ собственной своей средѣ, не подлежитъ сознанію; а чтобы предметы чувственнаго воспріятія были сознаны, чувственное воспріятіе должно сдѣлаться *чув-*

ственнымъ воззрѣніемъ (*intuitio*), въ которомъ душа *самодѣятельно* направляется къ предмету.

5) Область, изъ которой чувственное воспріятіе и воззрѣніе получаютъ свои впечатлѣнія, есть внѣшній міръ, являющійся чувству какъ необозримое множество *вещей и явленій, ежеминутно происходящихъ, непрестанно измѣняющихся и либо исчезающихъ, либо убѣгающихъ отъ нашего чувства.*

6) *Предметъ чувственнаго воззрѣнія*, въ непрестанной текучести явленій внѣшняго міра, есть: 1) *чувственное недѣлимое*,—то, что чувствуется въ настоящее мгновеніе, въ опредѣленномъ мѣстѣ и подъ опредѣленнымъ матеріальнымъ образомъ,—2) *матеріальное текучее бытіе* и 3) *конкретъ*, — предметъ, являющійся чувству слитно съ своими свойствами, наприм., роза пахучая, безъ отдѣленія пахучести отъ розы.

II. Далѣе безспорный психологическій опытъ говоритъ:

1) Что для человѣка, кромѣ внѣшняго міра, существуетъ еще *міръ внутренній*, — полнота безконечно-различныхъ предметовъ, на-сколько *они всегда неизмѣнны, одни и тѣже, и равны самимъ себѣ.*

2) Что, для познавательной нашей силы, 1) кромѣ матеріальнаго измѣнчиваго бытія, есть *бытіе реальное*, заключающее въ себѣ все необходимое, — 2) кромѣ недѣлимаго чувственнаго, есть *недѣлимое умственное*,—предметъ, не ограничивающійся ни опредѣленнымъ временемъ, ни извѣстнымъ мѣстомъ, но представляющійся уму, по внутреннему своему составу, всегда и вездѣ однимъ и тѣмъ-же, наприм., человѣкъ вездѣ и всегда съ опредѣленнымъ образомъ,—3) кромѣ *конкрета*,—предмета, въ которомъ самыя случайныя свойства отъ него не отдѣляются, есть *сущность*,—совокупность свойствъ вещи, постоянно и неизмѣнно въ ней заключающихся. Есть, кромѣ того, въ душѣ стремленіе къ постиженію сущности самыхъ сущностей, т. е. *единства безусловно-истиннаго и добраго*, которыхъ существо исключаетъ *всякую измѣняемость и мѣру, всякое преемство и число, являясь въ душѣ образомъ безконечности и вѣчности.*

3) Не говоримъ здѣсь ни о сущности, ни о происхожденіи этого стремленія—постигать, въ измѣнчивомъ и конечномъ, неизмѣнное и безконечное, — а только констатируемъ, устанавливаемъ *фактъ*, *что такое стремленіе есть.* Отсюда дѣлаемъ безспорное заключеніе, что въ познавательной способности нашей души, *кромѣ чувственнаго воспріятія, чувственнаго воззрѣнія, чувства и органовъ внѣшняго чувства, обращенныхъ къ внѣшнему міру*, должны быть и есть, съ одной стороны, аналогичныя, а съ другой—противоположныя дѣятельности, силы и органы, именно: 1) аналогичная и противоположная *чувственному воспріятію*, страдательная дѣятельность, *идеальное созерцаніе*,—дѣятельность души, насколько душа обращается къ самой себѣ и получаетъ впечатлѣнія какъ-бы изъ нѣдръ собственной природы; — 2) есть аналогичная и противоположная чувственному воззрѣнію, самодѣятельная дѣятельность души, — *умозрѣніе* (θεωρία), — дѣятельность, переносящая впечатлѣнія идеальнаго созерцанія въ сознаніе; 3) есть аналогичная и противоположная *чувству* сила души,—*умъ* (ratio), — сила, посредствомъ которой идеальное сознаніе происходитъ, дѣятельность которой выходитъ наружу *въ стремленіи найти во всемъ измѣняющемся неизмѣнное*,— 4) есть, аналогичный органамъ чувствъ, *органъ ума*, который философы назвали *идеею* (εἶδος),

которымъ производятся въ нашей душѣ впечатлѣнія безусловно-истиннаго и добраго, неизмѣннаго, вѣчнаго и безконечнаго.—5) Аналогично предмету *чувственнаго воззрѣнія, предметъ умозрѣнія* составляютъ: а) *бытіе реальное*, необходимое, — б) *умственное недѣлимое*, — предметъ всегда и вездѣ одинъ и тотъ-же, себѣ равный, и в) *сущность*, — совокупность неизмѣнныхъ свойствъ вещи. 6) Арена дѣйствованія ума, идеи, идеальнаго созерцанія и умозрѣнія есть внутренній умственный міръ,—совокупность предметовъ неизмѣнныхъ, всегда и вездѣ себѣ равныхъ.

III. Безспорный психологическій опытъ свидѣтельствуетъ далѣе, что

1) Встрѣча ума и чувства въ нашей душѣ, чувственнаго воспріятія и умственнаго созерцанія, взаимно-противоположныхъ впечатлѣній двухъ бытій, измѣнчиваго и неизмѣннаго, возбуждаютъ въ насъ *стремленіе согласить ихъ, или ограничить общею формулою бытія.*

2) Что есть, развивающая между ними посредствующую дѣятельность, сила души, которую называютъ *разсудкомъ*,—

3) который можетъ мыслить *только о томъ*, что входитъ въ сознаніе *путемъ чувственнаго усмотрѣнія и умственнаго созерцанія.*—

4) и образуетъ свой третій міръ, — *міръ мысленный*, населяемый представленіями разсудка о предметахъ *міровъ внѣшняго и внутренняго*,—

5) образуетъ: 1) *по законамъ*, прирожденность которыхъ душѣ человѣка не можетъ подлежать сомнѣнію, — а) *по закону тожества*, проистекающему изъ *закона умственной дѣятельности*, по которому умъ все созерцаетъ постояннымъ и неизмѣннымъ, всегда себѣ равнымъ,—б) *по закону противорѣчія*, проистекающему изъ *закона чувственной дѣятельности*, по которому чувство вездѣ усматриваетъ разнообразіе и измѣняемость, тоже и не тоже, и наконецъ, в) по *закону достаточнаго основанія*, по которому разсудокъ силится привести предметъ, раздвоенный чувствомъ и умомъ, къ единству въ сознаніи, посредствомъ какой-либо связи, *на какомъ-нибудь основаніи.*

IV. На-основаніи этихъ законовъ, подъ вліяніемъ законовъ дѣятельности чувства и ума, разсудокъ 1) развиваетъ свои формы *мышленія* и 2) достигаетъ *познанія,—которыя относятся между собою слѣдующимъ образомъ.*

1) Разсудокъ имѣетъ цѣлью своей дѣятельности: развить свои логическія формы такъ, чтобъ онѣ совпадали съ вещественными формами бытія; въ этомъ совпаденіи формъ мышленія съ законами бытія заключается истина.

2) *Мышленіе* состоитъ въ томъ, что разсудокъ, взявъ матеріалы, доставляемые чувствомъ и умомъ, и различные въ нихъ признаки, соединяетъ ихъ согласно съ требованіемъ *логическихъ, или подлежательныхъ, законовъ мышленія.* Это есть *мышленіе апріорическое.* А когда мыслимое обращается разсудкомъ къ условіямъ и законамъ существованія *предметнаго, объективнаго*, хотя оно подчиняется и законамъ логическимъ, субъективнымъ, тогда производится *мышленіе апостеріорическое.*

3) Когда мышленіе, развиваясь согласно съ представленіями законовъ мышленія, вмѣстѣ оправдывается и ограниченіями законовъ природы, тогда получается *познаніе*, потому-что *своими формами мышленіе въ то время выражаетъ, сколько возможно, самое бытіе вещи и отношеніе его къ другимъ вещамъ.* Въ

познаніи законы мышленія и законы бытія должны встрѣчаться, реальное съ мыслимымъ должно приходить къ тожеству, должна сознаваться связь представленія и его содержанія, связь мышленія апріорическаго съ апостеріорическимъ.

4) Тогда разсудокъ приблизится къ цѣли мышленія, — *познанію истины, непосредственному познанію вещи.*

5) Въ этомъ стремленіи своемъ, разсудокъ опредѣляется взаимно-противоположною дѣятельностью ума и чувства, которые стремятся къ тому, чтобы *въ мірѣ внѣшнемъ и внутреннемъ созерцать истину. Этого требуетъ практическая идея истиннаго и добраго; въ этомъ всѣ согласны между собою.*

6) Несомнѣнно, что *истина*, какъ безконечный предметъ безконечныхъ стремленій ума и чувства, *не можетъ имѣть мѣста въ формахъ пространства и времени*, гдѣ безконечное необходимо опредѣляется конечнымъ и конечное, по природѣ этихъ формъ, простирается въ безконечность.

7) Стремясь *къ одной*, всеобъемлющей, всепроникающей и нераздѣльной *истинѣ*, разсудокъ, для выраженія ея, въ своей области не видитъ ничего, *кромѣ частныхъ представленій*, разрѣшаемыхъ на безконечное множество признаковъ, мыслимыхъ въ пространствѣ и времени; сочетавая признаки и прикладывая ихъ *къ понятію частныхъ вещей*, онъ пріобрѣтаетъ *частныя познанія*,—идетъ поприщами разныхъ наукъ и увеличиваетъ до безконечности *сумму своихъ познаній*; многообразіе своихъ познаній онъ силится привести *въ стройную систему единства*. Между-тѣмъ истины все еще онъ не находитъ, не понимаетъ и не выражаетъ, потому-что *всѣ человѣческія познанія, и по своимъ качествамъ*, не вполнѣ соотвѣтствуютъ предметамъ природы, и *по своему количеству*, далеко не равняются безчисленности ихъ, и *по взаимному отношенію*, въ какую бы стройную систему они ни поставлялись, не созвучны съ вѣчною гармоніею вселенной, съ являющимся въ нашемъ умѣ единствомъ истины и добра.

8) Отсюда слѣдуетъ, что разсудокъ не можетъ достигнуть *истины*,—*полнаго представленія всего ли то сущаго, или даже чего-либо сущаго.*

V. Есть ли же что-либо, въ нашей познавательной дѣятельности, *истинное, необходимое, общеобязательное*, чего мы не можемъ не принимать, не переставъ быть разумными существами?

1) Между *понятіями* разсудка есть *начала первыя, необходимыя и неразлучныя*, именно *категоріи, высшіе предикаты, или послѣдніе объемы*, которыми разсудокъ опредѣляетъ всѣ свои понятія, — это *категоріи бытія и отношенія*, изъ которыхъ послѣдняя (категорія отношенія) является подъ видами *силы и явленія, причины и дѣйствія*, которыя другъ безъ друга мыслиться не могутъ: не можетъ мыслиться явленіе безъ силы, дѣйствіе безъ причины, и обратно.

2) Между сужденіями, кромѣ сужденій *проблемматическихъ* и *ассерторическихъ*, должны быть и есть сужденія *необходимыя*, — *аподиктическія*, нормальныя формы вещей, составляемыя разсудкомъ по идеѣ ихъ, независимо отъ всѣхъ внѣшнихъ ограниченій: 1) *въ категоріи количества* должны быть и есть *сужденія математическія*,—2) *въ категоріи качества*—высшіе постуляты ума,—постуляты *истиннаго и добраго и абсолютнаго ихъ единства*, равно-какъ и вообще *сужденія о сущностяхъ вещей, о ихъ внутренней и неизмѣнной природѣ*, по-

становляемыя разсудкомъ на-основаніи непосредственнаго взгляда ума на понимаемый предметъ.

3) Между *умозаключеніями* есть силлогизмы, ведущіе къ истиннымъ заключеніямъ, *путемъ анализа*, — заключенія отъ частнаго къ общему, *чрезъ наведеніе, на-основаніи законовъ чувственной дѣятельности*,—и *путемъ синтеза*, чрезъ заключеніе отъ общаго къ частному, на-основаніи *постулятовъ ума, аксіомъ и гипотезъ*, какъ логическихъ началъ въ системѣ доказательствъ.

VI. Въ чемъ состоитъ каждое изъ этихъ началъ?

1) Чрезъ *гипотезу*,—*предположеніе, полагаемое съ тою цѣлью, чтобы чрезъ него удобнѣе и естественнѣе было объяснить какія-нибудь явленія*, разсудокъ аналитическій идетъ къ тому, чтобы мысль гипотетическую ввести въ рядъ началъ и доставить ей *значеніе истины аподиктической*. — 2) *Аксіомы суть разложенія формулъ законовъ тожества и противорѣчія*,—*напр., «цѣлое равно суммѣ своихъ частей»*.—3) Постуляты ума—суть *умственныя познанія*, которыхъ матеріальнное основаніе скрывается въ природѣ человѣческаго духа и которыя, по матеріи, созерцаются умомъ, а по формѣ мыслятся разсудкомъ, и въ сознаніи отъ *опытныхъ познаній* отличаются тѣмъ, что постоянно удерживаютъ характеръ *истинъ всеобщихъ и необходимыхъ*. Между-тѣмъ-какъ *опытъ пересматриваетъ частныя явленія природы и путемъ наведенія идетъ къ логическому общему, не имѣя возможности когда-либо дойти до послѣднихъ и всеобщихъ результатовъ*,—*въ человѣческой душѣ напередъ уже есть общее, только не логическое или формальное, а метафизическое или реальное, такъ-что человѣкъ, по самой природѣ своей*,—*метафизикъ*. Это—не предположеніе, а необходимое требованіе, къ которому, при свѣтѣ сознанія, восходитъ, послѣдними своими заключеніями, психологическій опытъ,—что открывается изъ слѣдующаго.

А) Еслибы въ человѣческомъ умѣ *не было неподвижныхъ данныхъ, то человѣкъ не могъ бы имѣть никакихъ познаній*. Природа мѣрно идетъ впередъ, въ своемъ движеніи, не останавливаясь ни на одно мгновеніе, и непрестанно смѣняется въ явленіяхъ. Но, въ то самое время, какъ этимъ потокомъ жизни увлекается все и, будучи увлекаемо имъ, не замѣчаетъ своего движенія, человѣкъ, въ самосознаніи, представляется существомъ движущимся и неподвижнымъ. Одною своею стороною, онъ идетъ въ ряду явленій и неуклонно слѣдуетъ законамъ измѣняемости міра, а потому и не знаетъ, что измѣняется; напротивъ того, другою своею стороною онъ стоитъ, какъ скала, среди вѣчно движущихся волнъ океана и, *держась на этой точкѣ стоянія*, въ ней самой почерпаетъ способность видѣть, происходящія въ себѣ и внѣ себя, движенія и наблюдать слѣдующія, другъ за другомъ, явленія. Да и странно было бы думать, что, тогда-какъ, и по началамъ Астрономіи, не имѣя въ-виду одной, или нѣсколькихъ неподвижныхъ точекъ, нельзя опредѣлить положеніе какого-либо движущагося тѣла, мы можемъ замѣчать *законъ измѣненія въ природѣ и въ самихъ себѣ, не опираясь на чемъ-нибудь неизмѣняемомъ*; напротивъ того, внимательное наблюденіе психолога показываетъ еще болѣе, что наше неизмѣняемое гораздо выше и многозначительнѣе неподвижнаго астрономическаго.

Б) Нашимъ внутреннимъ неизмѣняемымъ началомъ объясняется, почему — а) мы, существа конечныя, требуемъ безконечнаго, — б) не удовлетворяясь опредѣ-

ленною мѣрою вѣдѣнія, хотимъ знать все,—в) будучи естественно *ограничиваемы* во всѣхъ отношеніяхъ и на каждомъ шагу, мыслимъ о *неограниченной свободѣ*; а мысля о неограниченной свободѣ, въ тоже время признаемъ за необходимое, чтобъ она опредѣлялась непреложнымъ закономъ дѣятельности.

В) Кратко сказать, пріобрѣтая понятія, измѣряемъ ихъ *истиною*, которой никогда не пріобрѣтали, и, совершая поступки, поставляемъ ихъ предъ зерцаломъ *добра*, котораго никогда не видывали. И къ этой *истинѣ*, къ этому *добру*, которыя естественно наши, мы восходимъ, однакожъ, по ступенямъ безконечной лѣстницы, такъ, какъ бы эти дивныя единицы были безконечно выше насъ. *Онѣто и суть неподвижныя точки въ природѣ нашей души, служащія для опредѣленія всего измѣняющалося, и безформенная матерія умственныхъ познаній.*

Г) *Но это только матерія, а не познаніе*, — только одинъ полюсъ умственной силы и жизни, который, еслибы не ограничивался и не возбуждался другимъ, не произвелъ бы никакого дѣйствія; равно-какъ и другой полюсъ, *чувственно эмпирическій*, еслибы не былъ подъ вліяніемъ перваго, не проявилъ бы ничего, кромѣ чувственнаго усмотрѣнія.

Д) *Умственныя идеи переходятъ въ познанія слѣдующимъ порядкомъ*: междутѣмъ-какъ *опытъ*, при посредствѣ разсудка, незамѣтно *движимый идеями истины и добра*, стремится осуществить ихъ формально и, *отъ частностей, индуктивно* восходитъ къ общему,—*истинное и доброе*, при посредствѣ тогоже разсудка, *встрѣчаясь съ частными представленіями опыта*, направляются *къ реальнымъ условіямъ бытія и отношенія представляемыхъ вещей* и свое стремленіе выражаютъ силлогистическимъ *требованіемъ ихъ сущностей и причинъ дѣйствующихъ и конечныхъ*.

Е) Человѣкъ, смотря на міръ, съ точки зрѣнія *неизмѣняемой своей* природы, и въ немъ естественно *ищетъ неизмѣняемаго*, потому-что, какъ говорили уже древніе, *подобнымъ познается подобное*. Но *неизмѣняемое въ немъ къ неизмѣняемой сторонѣ міра непосредственно приражаться не можетъ*: ихъ раздѣляетъ непроходимая *бездна пространства и времени*, населяемая измѣнчивыми образами явленій.

Ж) Поэтому человѣческій духъ, водимый идеями истины и добра, долженъ идти къ своей цѣли *чрезъ область разсудка и свободной воли*, и, по необходимости, воплощаетъ ихъ *въ формѣ мышленія и нравственнаго самоопредѣленія*, чтобы, по крайней мѣрѣ, этимъ путемъ болѣе и болѣе приближаться *къ сущностямъ и непреложнымъ законамъ* веществennаго міра.

З) Чрезъ это *одна истина и одно добро, ограничиваясь логическими формами, раздробляются на множество умственныхъ и нравственныхъ началъ, получающихъ достоинство аподиктическихъ сужденій, становятся аксіомами и постулятами въ наукѣ, и, встрѣчаясь съ формально общими заключеніями эмпирическаго наведенія, нерѣдко сообщаютъ имъ твердость положеній категорическихъ и, подъ ихъ формою, дѣлаются высшими посылками неопровержимыхъ силлогистическихъ доказательствъ.*

И) Реально опираясь на идеѣ *истиннаго и добраго* и получая форму въ области мышленія, всѣ *умственныя познанія* имѣютъ прямое отношеніе 1) *къ сущностямъ*, 2) *цѣлямъ* и 3) *стройному порядку вещей*, а потому обыкновенно и

разсматриваются въ этихъ трехъ видахъ, т. е. 1) *какъ познанія о предметной истинѣ или сущностяхъ бытія*, 2) *о предметномъ добрѣ или цѣлесообразности дѣйствій* и 3) *о предметномъ единствѣ истиннаго и добраго, или гармоническомъ самоограниченіи сущностей и цѣлей.*

I) Эти умственныя познанія, вопреки мнѣнію эмпиристовъ, *нельзя почитать высшими отвлеченіями разсудка*, потому-что 1) содержаніе ихъ, чрезъ отвлеченіе, никогда не можетъ быть доведено до нуля. Отвлеченіе можетъ довести содержаніе понятія до нуля только тогда, когда, опираясь на основаніяхъ абстрактно-логическихъ, оно направляется къ природѣ, обусловленной пространствомъ и временемъ. *Тамъ находимъ мы безсодержательное понятіе бытія.* Но если разсудокъ, выходя изъ чего либо условнаго, вступаетъ въ міръ идеально-нравственный и, постепенно отвлекая его условія, *простирается къ безусловному*,—то до совершенной безсодержательности понятія дойти онъ не въ-состояніи, потому-что въ этомъ случаѣ понятіе только идеализируется, но матеріально не тощаетъ. *Таковы понятія: истинное и доброе*, которыя въ своемъ единствѣ предсдавляютъ *безусловное реальное*. 2) Жизненная полнота содержанія этихъ понятій открывается и изъ того-что чѣмъ болѣе мы приближаемся къ нимъ путемъ отвлеченія, тѣмъ большую въ нихъ открываемъ *силу, общеобязательную для всѣхъ разумныхъ существъ.*

Такимъ образомъ, по заключенію *Карпова*, глубоко сокрытыя въ душѣ человѣка, какъ необходимые ея постуляты, благороднѣйшія *идеи ума, прежде чѣмъ входятъ въ сознаніе, должны, не иначе, какъ только постепенно и иногда чрезъ долгое время, высвобождаться изъ массы свойствъ внѣшнихъ и случайныхъ и, развиваясь въ формы сужденій, переводить ихъ, по степенямъ, отъ проблемматическихъ къ аподиктическимъ;* между - тѣмъ - какъ надлежало бы имъ съ перваго раза выражаться этими послѣдними, если бы духовная наша жизнь не была подавляема чувственностью и всегда владычествовала надъ матеріею. Съ этой точки видно, что такое *понятія врожденныя. Это суть идеи ума, сознаваемыя разсудкомъ, въ формы понятій необходимыхъ, выражающихся аподиктическими сужденіями.*

Гносеологическая теорія *Карпова* имѣетъ за собою то громадное достоинство, что она основана на двухъ, или трех-тысячелѣтнемъ развитіи общечеловѣческаго философствующаго ума. Сколько мы понимаемъ эту теорію, исходная точка ея заключается *въ аналогіи между чувствами, внѣшнимъ и высшимъ внутреннимъ, между чувственнымъ воспріятіемъ и идеальнымъ созерцаніемъ, между воззрѣніемъ чувственнымъ (intuitio) и умозрѣніемъ (Θεωρία), между чувствомъ (sensus) и умомъ (νοῦς, ratio), между органами чувствъ низшаго и идеею (εἶδος),—чувственнымъ органомъ ума.* Въ Логикѣ *Карпова* эта аналогія принимается за принципальный выводъ психологическаго опыта.

Этотъ выводъ, сдѣланный *Карповымъ*, посредствомъ психологическаго наблюденія собственно надъ развитіемъ умственной дѣятельности, на-основаніи всесторонняго изученія философіи, подтверж-

дается у другзго знаменитаго современнаго мыслителя, *Клода-Бернара*, наблюденіями, сдѣланными совершенно на другомъ ученомъ поприщѣ, на поприщѣ изученія естественныхъ наукъ, и частнѣе, на поприщѣ самостоятельной, какъ тоористической, такъ и практической, разработки медицины

Парижскій профессоръ словесныхъ наукъ, *Каро*, въ сочиненіи своемъ: *Матеріализмъ и наука* [1]), поставивъ себѣ задачею доказать, что *позитивизмъ не въ-правѣ отвергать метафизику*, свидѣтельствуетъ, что, съ каждымъ днемъ, возрастаетъ группа ученыхъ, которые высоко цѣнятъ права философіи,—группа, которую *Каро* называетъ *школою экспериментальною, въ-отличіе отъ позитивной*. «Явилась, пишетъ *Каро* (3), привычка думать и повторять, будто всѣ ученые — позитивисты. Между тѣмъ, это заблужденіе:—будто достаточно постояннаго, а тѣмъ болѣе исключительнаго, употребленія позитивнаго метода, чтобы быть позитивистомъ». Въ-подтвержденіе своихъ словъ, *Каро* беретъ книгу *Клода Бернара*: *Введеніе къ опытной медицинѣ*.—«Если есть сочиненіе,—пишетъ *Каро*,—которое, по тенденціямъ, по общему духу, по нѣкоторымъ формуламъ, съ перваго раза можно принять за произведеніе позитивной школы, то таково именно упомянутое сочиненіе *Клода Бернара*. По словамъ *Клода Бернара*, въ каждомъ разрядѣ наукъ, физическихъ и естественныхъ, намъ предстоитъ изучать только явленія, изслѣдовать матеріальныя условія обнаруженія этихъ условій и опредѣлять законы этихъ обнаруженій. Этотъ принципъ *детерминизма* примѣнимъ, безъ ограниченій, какъ въ области явленій физико-химическихъ, такъ и въ области явленій жизненныхъ. Сущность вещей, по словамъ *Клода Бернара*, должна всегда остаться неизвѣстною для насъ; мы можемъ знать только отношенія этихъ вещей, а не самыя вещи, и явленія вещей вовсе не составляютъ обнаруженія этой сокровенной сущности ихъ, но только результаты отношеній ихъ между собою. Тѣмъ не менѣе онъ-же говоритъ: духъ нашъ, по природѣ, стремится изслѣдовать *сущность или причину вещей*. Познаніе внутренней природы или, абсолютнаго, въ самомъ простомъ явленіи (7), потребовало бы отъ насъ познанія цѣлой вселенной, потому-что всякое явленіе вселенной есть, очевидно, какъ бы отблескъ этой вселенной, въ составѣ которой оно входитъ, какъ одна изъ ея частей. Въ живыхъ тѣлахъ еще труднѣе дойти до абсолютной (8) истины, такъ-какъ это предполагало бы не-только знаніе всего внѣшняго міра, но потребовало бы еще и совершеннѣйшаго знанія нашего организма, который самъ по себѣ составляетъ малый міръ въ великой вселенной. Абсолютное знаніе ничего не допускало бы внѣ себя. Мы никогда не можемъ узнать ни духа, ни матеріи, и часто въ томъ и другомъ случаѣ приходимъ только къ научнымъ отрицаніямъ. Путемъ процессовъ положительной науки, мы, дѣйствительно, никогда не дойдемъ до познанія внутренней основы вещей, ни до тайны ихъ сущности, атома или монады, духа или матеріи, ни до источника и начала ихъ, Бога или природы, діалектическаго движенія идеи, или присущей молекулѣ причины движенія. Таковъ принципъ экспериментальной школы, у которой позитивизмъ заимствовалъ и свой методъ, и

[1]) Перев. С.-П.б., 1872 г.

свое имя. А *Клодъ Бернаръ* берется у *Каро*, какъ типъ и представитель экспериментальной школы. Между-тѣмъ *Клодъ Бернаръ предоставляетъ огромное участіе, въ области науки, идеѣ a priori* и, такимъ образомъ, допускаетъ поворотъ къ метафизическимъ понятіямъ.

Каро предостерегаетъ, однакожъ, отъ ошибки видѣть въ Бернарѣ сторонника врожденности идей. «Онъ, по словамъ *Каро*, позаботился заявить, что его *идеи a priori*, которыя онъ называетъ иногда *экспериментальными, не врожденныя идеи и являются въ насъ (11) не самопроизвольно, но что для возникновенія имъ необходимъ поводъ, или внѣшнее возбужденіе.* Экспериментальная научная философія Бернара неоцѣнима по тому, что для образованія ея авторъ самъ, въ-теченіи многихъ лѣтъ, трудился въ госпиталѣ, амфитеатрѣ и лабораторіи, на этой тряской почвѣ жизни. *Самые простые примѣры экспериментальнаго изслѣдованія, анализированные Бернаромъ, представляютъ слѣдующіе составные моменты его и въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) усмотрѣніе какого-нибудь факта или явленія, происходящее, весьма часто, совершенно случайнымъ образомъ,—2) предвзятую идею, антиципацію ума, которая образуется мгновенно и потомъ разрѣшается въ какую-нибудь гипотезу о вѣроятной причинѣ наблюдаемаго явленія, — 3) разсужденіе, которое возникаетъ вслѣдствіе предвзятой идеи и чрезъ которое приходятъ, въ собственномъ смыслѣ, къ опыту,—4) наконецъ, самый опытъ, сопровождающійся болѣе или менѣе сложными пріемами повѣрки* (13). *Идея a priori*, которую Бернаръ называетъ *руководящею идеею опыта*, на его взглядъ, *есть душа науки, тайна генія.* Факты — это необходимые матеріалы; но только обработка ихъ опытнымъ разсужденіемъ, т. е. теоріею, составляетъ и дѣйствительно созидаетъ науку. *Идея, формированная въ формахъ, представляетъ науку. Опытная гипотеза есть не что иное, какъ предвзятая научная идея. Теорія есть не что иное, какъ научная идея, повѣренная опытомъ. Идея составляетъ точку отправленія,—primit tovens* всякаго научнаго разсужденія, и она-же служитъ для ума цѣлью въ его стремленіи къ непостижимому. *Такимъ образомъ, въ экспериментальномъ методѣ все начинается и оканчивается идеею».*

«Но откуда происходитъ самая идея? Кто объяснитъ тайну ея внезапнаго появленія? Ей необходимъ, говорятъ, внѣшній стимулъ, вызывающій ее въ сознаніе; но эта внѣшняя стимуляція только возбуждаетъ явленіе, а не создаетъ его. *Есть нѣчто, предшествующее этой стимуляціи. Какого же рода это неизъяснимое нѣчто?* Несомнѣнно одно, что экспериментальный методъ не имѣетъ права отрицать это нѣчто, такъ-какъ только чрезъ это нѣчто онъ и возможенъ. *Есть гдѣ-то, въ таинственной глубинѣ духа, какая-то способность, энергія, мгновенно приходящая въ дѣйствіе и осуществляющаяся въ идеѣ. Не философское ли это чувство, пробуждающееся при соприкосновеніи съ фактомъ? Или это только неопредѣленное предчувствіе, какое-то угадываніе? Но если такъ, то не значило ли бы это, что духъ нашъ носитъ въ самомъ себѣ, въ скрытомъ состояніи, внѣшнія тайны природы? Бернаръ* (14) ясно говоритъ, что *источникъ этой идеи есть чувство, — что такое предвзятое толкованіе явленій природы происходитъ въ насъ путемъ какого-то созерцанія.* Но что же такое *эта антиципація, это созерцаніе, это предчувствіе, какъ не естественные продукты метафизической способности?»*

«*Идею a priori Бернаръ провозглашаетъ виновницею открытія великихъ законовъ.* Случается, что какой-нибудь фактъ, весьма долгое время, остается предъ глазами ученаго, не внушая (15) ему ничего особеннаго; потомъ вдругъ является лучъ свѣта,—и тогда *новая идея является съ быстротою молніи, подобно внезапному откровенію.* Не новый фактъ составляетъ открытіе, но *идея, связанная съ этимъ фактомъ.* Этому явленію нельзя найти другой причины, кромѣ *нѣкотораго предчувствія,* смутнаго и слабаго у умовъ обыкновенныхъ, дѣятельнаго и лучезарнаго у умовъ высшихъ. Можно сказать, что *въ нашемъ умѣ есть созерцаніе или чувство законовъ природы, но нѣтъ познанія ихъ формы.* Узнать ее мы можемъ только посредствомъ опыта».

«Подобнымъ-же образомъ, и по мнѣнію поэта *Гёте,* какъ и по мнѣнію Бернара, все то, что мы называемъ изобрѣтеніемъ, открытіемъ, есть не болѣе, какъ *переводъ въ дѣло, реализація какого-нибудь первоначальнаго чувства истины, которое, будучи, долгое время, воздѣлываемо въ безмолвіи, внезапно, съ быстротою молніи, приводитъ къ какой-либо плодотворной концепціи.* По словамъ Гёте, *откровеніе, развивающееся извнутри ко внѣ, даетъ предчувствовать человѣку о его подобіи съ Божествомъ; синтезъ міра и духа даетъ намъ сладостную увѣренность въ вѣчной гармоніи бытія;* такое созерцательное чувство можетъ даже, въ нѣкоторыхъ избранныхъ натурахъ, достигать, на мгновеніе, до тожества съ реальностью; *въ субъектѣ, въ человѣческомъ духѣ, существуютъ идеи, соотвѣтствующія еще неизвѣстнымъ объективнымъ законамъ природы.* Назначеніе генія—открыть эти, сокровенные въ безмолвной глубинѣ вещей, законы, формулу которыхъ, еще никѣмъ не подмѣченную, носитъ онъ въ себѣ самомъ».

«Если же, какъ увѣряетъ *Гёте* (17), въ духѣ человѣческомъ существуютъ идеальныя понятія, соотвѣтствующія реальнымъ законамъ,—если, далѣе, справедливо, какъ говоритъ *К. Бернаръ,* что нашему духу присуще созерцаніе, или чувство законовъ природы,—то *какъ могло бы существовать такое соотношеніе, если бы не было напередъ установлено нѣкоторой гармоніи между міромъ и человѣческимъ духомъ?* Если нашъ разумъ можетъ предугадывать порядокъ вещей, антиципировать понятіе о немъ,—если существуетъ естественная и какъ бы предуставленная *связь между порядкомъ вещей и человѣческимъ разумомъ,* то ужели это только случайное и не имѣющее никакого смысла совпаденіе? Когда же становится очевиднымъ, что порядокъ въ мірѣ есть только слѣдствіе великаго плана и что, съ другой стороны, человѣкъ предрасположенъ къ постиженію этого порядка, какъ бы *заранѣе нося въ своихъ нѣдрахъ смутный его образъ, въ-ожиданіи пока опытъ оживитъ неясныя его черты и еще неопредѣленный отпечатокъ,* то можетъ ли, послѣ всего этого, нашъ умъ отказать себѣ въ столь естественной индукціи, по которой онъ относитъ къ одной и той же первопричинѣ и этотъ повсюдный планъ въ природѣ, и предчувствіе этого плана, предначертанное въ идеальныхъ понятіяхъ нашего ума»?

«Это участіе человѣческаго духа въ образованіи наукъ, эту *самобытную дѣятельность, предваряющую опытъ,* не менѣе рельефно очертилъ также одинъ изъ знаменитыхъ ученыхъ, *Шеврёль,* на-основаніи своего собственнаго научнаго опыта, медленно пріобрѣтеннаго (18) втеченіе болѣе чѣмъ полувѣковыхъ раз-

мышленій. Излагая принципы экспериментальной философіи, *Шеврёль*, между прочимъ, старается выставить, во всей силѣ и въ полномъ свѣтѣ, *самобытную дѣятельность ума*. Итакъ, *Шеврёль* и *К. Бернаръ*, одинъ высшій изъ авторитетовъ въ области наукъ физико-химическихъ, а другой компетентный ученый въ наукахъ біологическихъ, утверждаютъ насъ въ убѣжденіи, что природа была бы въ нашихъ глазахъ мертвою буквою, еслибы умъ, своею собственною дѣятельностью, не растолковывалъ нѣмыхъ ея символовъ. Безъ опытнаго изученія дѣйствительности, не существовало бы науки; но она еще менѣе существовала бы въ томъ случаѣ, еслибы умъ не придалъ ей своего значенія, своего смысла, еслибы не освѣтилъ ее собственнымъ свѣтомъ. *Дѣло идетъ о цѣлой категоріи идей, изгоняемыхъ позитивистами и удерживаемыхъ экспериментальною школою».*

Эти соображенія профессора *Каро*, основанныя, главнымъ образомъ, на соображеніяхъ *Клода Бернара*, мы можемъ подкрѣпить и дополнить соображеніями самаго *Бернара*, изложенными въ его статьѣ: *Прогрессъ въ физіологическихъ наукахъ.—«Мы никогда не узнаемъ сущности жизни»*,—пишетъ онъ. «Сущность жизни заключается въ силѣ, или лучше, — *въ идеѣ, управляющей органическимъ развитіемъ*. Жизнь, для физіолога, не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ первоначальной причиной, которая создаетъ оргднизмъ и которой мы никогда не узнаемъ, какъ и вообще всѣхъ другихъ первоначальныхъ причинъ. Въ жизненномъ, какъ и во всякомъ естественномъ явленіи, есть два рода причинъ: *во-первыхъ, причина первоначальная, созидающая жизнь, управляющая ею и дающая ей законы*: она недоступна нашему знанію; — *во-вторыхъ, причина ближайшая, или отправляющая жизненное явленіе*: она—всегда физико-химическаго свойства, всегда доступна изслѣдователю. *Нашъ умъ, однакожъ, по своей природѣ, склоненъ доискиваться до первоначальныхъ причинъ, т. е. сущности вещей*, и задавать себѣ постоянно вопросъ: *почему*? Въ этомъ случаѣ, наши желанія идутъ далѣе той цѣли, которой мы можемъ достигнуть, потому-что опытъ тотчасъ-же показываетъ намъ, что мы не можемъ идти далѣе вопроса: *какъ*? т. е. далѣе детерминизма, который даетъ ближайшую причину, или условіе существованія явленій. Сущность самаго простаго явленія, изъ неорганическаго міра, также вполнѣ неизвѣстна химику, или физику, какъ физіологу неизвѣстна сущность интеллектуальныхъ явленій, или первоначальная причина всякаго другаго жизненнаго явленія. Это и понятно. *Чтобы узнать внутреннюю природу вещей, или сущность самаго простаго явленія, необходимо знаніе всей природы*, потому-что очевидно, что *всякое естественное явленіе есть отблескъ той природы, въ гармоніи которой оно входитъ, какъ часть въ цѣлое*. Слѣдовательно, *знать абсолютное значило бы знать все. Чувство влечетъ къ нему человѣка*; но ясно, что *мы только тогда будемъ знать абсолютное, когда узнаемъ все*; а разсудокъ говоритъ намъ, что этого, кажется, не будетъ никогда. Однакожъ, *разсудокъ, исправляя чувство, не уничтожаетъ его совсѣмъ*. Исправляясь, *человѣкъ не измѣняетъ при этомъ своей натуры: чувство его, подавленное въ одномъ мѣстѣ, проявляется въ другомъ*. Опытъ, показывая ученому, на каждомъ шагу, ограниченность его знанія, *не заглушаетъ въ немъ естественнаго чувства, заставляющаго его думать, что сущность вещей для него доступна. Человѣкъ инстинктивно поступаетъ такъ, какъ-будто онъ долженъ стремиться къ этому*; до-

*

казательствомъ этому служитъ то вѣчное—*почему*, съ которымъ онъ обращается къ природѣ. Впрочемъ, вовсе *не въ интересѣ науки, чтобы разумъ и опытъ уничтожили въ человѣкѣ стремленіе его къ абсолютному.* Ученый, въ этомъ случаѣ, отклонился бы отъ *цѣли опытнаго метода*, подобно тому, какъ если бы кто-нибудь, для того, чтобы выпрямить вѣтвь, сломалъ ее и *уничтожилъ въ ней всю силу произрастанія.* Дѣйствительно, именно эта надежда познать истину, которая постоянно разбивается и вновь возраждается, только она поддерживала и всегда будетъ поддерживать смѣняющіяся поколѣнія, въ ихъ пылкомъ стремленіи изучать явленія природы».

«Экспериментальный методъ, по *К. Бернару*, выражаетъ собою естественное движеніе человѣческаго ума, отыскивающаго научныя истины, находящіяся вне насъ. Всякій составляетъ себѣ понятія о томъ, что онъ видитъ; при чемъ онъ *склоненъ объяснять явленія природы, прежде чѣмъ узнаетъ ихъ опытомъ.* Это стремленіе присуще намъ; *предвзятая идея всегда была и будетъ первымъ порывомъ человѣческаго ума. Цѣль экспериментальнаго метода* состоитъ въ томъ, чтобы *преобразовать это представленіе a priori*, основанное на неясномъ воззрѣніи на вещи, въ объясненіе *a posteriori*, основанное на опытномъ изученіи природы. Опытъ, т. е. изученіе явленій природы, показалъ человѣку, что истины внѣшняго міра вовсе не заключаются готовыми, *ни въ умѣ, ни въ чувствѣ*, которые суть только необходимые наши руководители; чтобы дойти до этихъ истинъ, надо непремѣнно углубиться въ объективную дѣйствительность фактовъ. *Экспериментальный методъ послѣдовательно опирается на три способа изслѣдованія*: *чувство, разумъ и опытъ. Чувство всегда служитъ инициативой,— оно производитъ идею a priori; разумъ или мышленіе развиваетъ идею и выводитъ изъ нея логическія слѣдствія. Но если чувство должно повѣрять разумомъ, то разумъ, въ свою очередь, долженъ руководиться опытомъ.* Экспериментальный методъ ищетъ истину при *гармоническомъ употребленіи чувства, разума и опыта.* Экспериментаторъ нисколько не отрицаетъ тотъ философскій духъ, который долженъ господствовать не-только во всѣхъ наукахъ, но и во всѣхъ человѣческихъ знаніяхъ. *Философія*, съ научной точки зрѣнія, *представляетъ вѣчное стремленіе человѣческаго ума къ познанію неизвѣстнаго.* Горячее желаніе знанія есть единственный двигатель, привлекающій и поддерживающій изслѣдователя въ его усиліяхъ; и это знаніе, постоянно ускользающее у него изъ рукъ, составляетъ его единственное счастіе и мученіе. Кто не зналъ муки неизвѣстнаго, тотъ не пойметъ наслажденій открытія. Но, по какому-то капризу натуры, это наслажденіе, котораго мы жадно искали, проходитъ, какъ-скоро открытіе сдѣлано. *Это похоже на молнію, озарившую нашъ далекій горизонтъ, къ которому наше ненасытное любопытство устремляется еще съ большимъ жаромъ. Паскаль* выражается: nous ne cherchons jamais les choses, mais la recherche des choses». Однакожъ, *насъ интересуетъ самая истина*,—и если мы ее постоянно ищемъ, то это по тому, что найденное не удовлетворяетъ насъ. Безъ этого мы производили бы безконечную и безполезную работу *Сизифа*, вѣчно катящаго свою скалку, которая постоянно падаетъ на прежнее мѣсто. Ученый, отыскивая истину, поднимается все выше и выше, и если она не дается ему никогда, во всей своей совокупности, то онъ, однакожъ, собираетъ крупные ея ключ

и, и эти-то клочки *вѣчной истины* и составляютъ науку. Итакъ, *ученый ищетъ не для того, чтобы искать, а для того, чтобы найти.* Безъ этого постояннаго возбужденія, поддерживаемаго неизвѣстнымъ, безъ этой неутолимой жажды знанія, науки перестали бы дѣлать успѣхъ и остановились бы вслѣдствіе *интеллектуальной индифферентности, подобно насыщеннымъ неорганическимъ тѣламъ, которыя дѣлаются химически индифферентными.* Истинная наука неутомимо ищетъ и смотритъ, не смущаясь, на тѣ вещи, которыхъ еще не понимаетъ. Истинный философскій умъ—тотъ, высшія стремленія котораго оплодотворяютъ науки, увлекая ихъ къ изслѣдованію истинъ, которыя были, до тѣхъ поръ, внѣ ихъ предѣловъ, но которыя не слѣдуетъ бросать по тому только, что онѣ ускользаютъ отъ насъ и удаляются все дальше и дальше, по мѣрѣ того, какъ самые могучіе философскіе умы приближаются къ нимъ. *Будетъ ли когда-нибудь конецъ этому стремленію человѣческаго ума? Дойдетъ ли онъ до крайнихъ своихъ предѣловъ?* Представить себѣ этого нельзя; а до тѣхъ поръ ученый сдѣлаетъ лучше всего, если будетъ неустанно идти, чтобы постоянно подвигаться впередъ».

ГЛАВА LXI.

Сопоставляя вышеизложенныя теоріи философа идеалиста, *В. Н. Карпова*, физіолога экспериментализта, *Клода Бернара*, и другихъ авторитетовъ науки съ теоріею, развитою нами, мы находимъ въ нихъ слѣдующія, совершенно со впадающія, основоположенія.

I) Внутренняя природа (наша элементарная сущность), въ самомъ простомъ явленіи, есть абсолютное. Познаніе этой природы, или сущности, въ самомъ простомъ явленіи, потребовало бы отъ насъ познанія цѣлой вселенной, потому-что всякое явленіе есть отблескъ этой вселенной, такъ-какъ абсолютное, вошедшее въ сущность всякаго явленія, тожественно съ абсолютною сущностью цѣлой вселенной. А знать абсолютное значило бы знать все. И мы тогда только познаемъ абсолютное, когда познаемъ все, или хотя и что-нибудь одно, но познаемъ абсолютно всесовершенно, такъ, чтобы въ этомъ знаніи о чемъ-нибудь не осталось для насъ ничего неразгаданнаго. Абсолютное знаніе не допускало бы внѣ себя ничего не постигнутаго.

II) И человѣкъ, какъ совершеннѣйшее отраженіе абсолютнаго, самъ въ себѣ составляетъ законченный малый міръ, въ великой вселенной, и абсолютно-истинное познаніе о немъ самомъ было бы познаніемъ всего міра. Духъ нашъ носитъ въ самомъ себѣ, въ скрытомъ состояніи, тайны внѣшней природы. Въ нашемъ умѣ есть созерцаніе

или чувство законовъ природы, хотя и нѣтъ сознанія ихъ формы, а есть только первоначальное чувство истины. Въ нашемъ духѣ существуютъ идеи, соотвѣтствующія еще неизвѣстнымъ, реально-объективнымъ законамъ природы, которые сокрыты въ безмолвной глубинѣ вещей, которыхъ формула еще никѣмъ не подмѣчена. Напередъ установлена нѣкоторая гармонія между міромъ и человѣческимъ духомъ; существуетъ естественная связь между порядкомъ вещей и человѣческимъ разумомъ. И человѣкъ предрасположенъ къ постиженію этого порядка, заранѣе нося въ своихъ нѣдрахъ смутный его образъ. Нашъ умъ, по своей природѣ, склоненъ доискиваться этой сущности вещей; чувство влечетъ человѣка къ абсолютному, къ постиженію абсолютнаго. Философія, съ научной точки зрѣнія, представляетъ вѣчное стремленіе человѣческаго ума къ познанію неизвѣстнаго абсолютнаго. Человѣкъ стремится къ вѣчной истинѣ не для того, чтобъ искать, но чтобъ найти ее. Есть въ душѣ стремленіе къ постиженію не-только сущности вещей, но и сущности самыхъ сущностей, т. е. единства безусловно-истиннаго и добраго, которыхъ существо исключаетъ всякую измѣняемость и мѣру, всякое преемство и число, являясь въ душѣ образомъ безконечности и вѣчности. Въ нашемъ познаніи законы мышленія и законы бытія должны встрѣчаться, реальное съ мыслимымъ должно приходить къ тожеству. Еслибы въ человѣческомъ умѣ не было неподвижныхъ данныхъ, то человѣкъ не могъ бы имѣть никакихъ познаній. При всеобщей измѣняемости во внѣшнемъ мірѣ, въ человѣческомъ духѣ лежитъ неизмѣнное начало,—это—идея безконечнаго, неограниченнаго, абсолютнаго знанія, абсолютной свободы. Пріобрѣтая понятія, мы измѣряемъ ихъ *истиною*, которой никогда не достигали; совершая поступки, поставляемъ ихъ предъ зерцаломъ *добра*, котораго никогда не видали; испытывая духовныя наслажденія, сравниваемъ ихъ съ *красотою* идеальною, которой нигдѣ нельзя уловить. Эти-то идеи суть неподвижныя точки въ природѣ нашей души, служащія для опредѣленія всего измѣняющагося.

III) Но эти идеи не суть познанія. Онѣ образуютъ собою только одинъ полюсъ умственной силы и жизни, который, еслибы не ограничивался и не возбуждался другимъ полюсомъ, не произвелъ бы никакого дѣйствія; равно-какъ и другой полюсъ, чувственно-эмпирическій, еслибы не былъ подъ вліяніемъ перваго, не произвелъ бы ничего, кромѣ чувственнаго конкретнаго усмотрѣнія, которымъ, по *Юркевичу*, замыкается

познаніе животныхъ. Дѣйствительно, по слову *Клода Бернара*, именно это прирожденное стремленіе къ абсолютному, эта надежда познать истину, которая постоянно вновь разбивается и вновь возрождается, только она поддерживала смѣняющіяся поколѣнія, въ ихъ пылкомъ стремленіи изучать явленія природы. Отыскивая истину, человѣкъ поднимается все выше и выше,—и если она не дается ему никогда, во всей своей совокупности, то онъ, однакожъ, собираетъ крупные ея клочки;—эти-то клочки вѣчной истины и составляютъ науку и опытъ человѣчества. Безъ этого постояннаго возбужденія, поддерживаемаго неизвѣстнымъ, безъ этой неутолимой жажды знанія, умъ человѣческій пересталъ бы дѣлать успѣхи и остановился бы въ неподвижности, вслѣдствіе интеллектуальной индифферентности, подобно насыщеннымъ неорганическимъ тѣламъ, которыя дѣлаются химически индифферентными. Будетъ ли когда-нибудь конецъ этому стремленію человѣческаго ума,—этого и представить нельзя. И вовсе не въ интересѣ науки, чтобы опытъ уничтожилъ въ человѣкѣ стремленіе его къ абсолютному. Идея составляетъ точку отправленія,—primum movens, всякаго научнаго изысканія; она-же служитъ для ума и цѣлью въ его стремленіи къ абсолютному. Такимъ образомъ, въ экспериментальномъ методѣ все начинается и оканчивается идеею.

IV) Но какимъ образомъ *идея переходитъ въ эмпирическое разсудочное познаніе*? По *Карпову*, есть аналогичная и противоположная низшему *чувству* сила души,—*умъ* (*ratio*), — сила, посредствомъ которой происходитъ *идеальное созерцаніе*,—обращеніе души къ самой себѣ и полученіе впечатлѣній изъ нѣдръ собственной природы, — дѣятельность которой выходитъ наружу въ стремленіи найти во всемъ измѣняющемся неизмѣнное. Есть аналогичный органамъ чувствъ *органъ ума*,—*идея*,—εἶδος, которымъ производятся въ нашей душѣ впечатлѣнія безусловно-истиннаго, добраго и прекраснаго, неизмѣннаго, вѣчнаго и безконечнаго, однимъ словомъ, — абсолютнаго. И тогда, какъ чувственное воспріятіе получаетъ свои впечатлѣнія изъ внѣшняго міра, который является чувству, какъ необозримое множество вещей и явленій, ежеминутно происходящихъ, непрестанно измѣняющихся и либо исчезающихъ, либо убѣгающихъ отъ нашего чувства, созерцаніе идеальное усматриваетъ и устанавливаетъ въ мірѣ внѣшнемъ міръ внутренній, умственный, какъ совокупность предметовъ неизмѣнныхъ и тожественныхъ. Эта встрѣча ума и чувства въ нашей душѣ, чувственнаго воспріятія и умственнаго созерцанія, это антиномическое

сознаніе взаимной противоположности двухъ бытій, измѣнчиваго и неизмѣннаго въ измѣнчивомъ, возбуждаютъ въ насъ стремленіе согласить ихъ общею формулою бытія, — стремленіе, которому удовлетворяетъ разсудокъ, примиряющій, по прирожденнымъ ему законамъ и формамъ мышленія, то, что входитъ въ сознаніе, путемъ чувственнаго усмотрѣнія и умственнаго созерцанія, изъ двухъ антиномически-противоположныхъ міровъ, внутренняго и внѣшняго. Въ разсудочномъ познаніи законы мышленія и законы бытія должны встрѣчаться, реальное съ мыслимымъ должно приходить къ тожеству, должна познаваться связь представленія и его содержанія, связь мышленія апріорическаго съ апостеріорическимъ. Между-тѣмъ, какъ опытъ пересматриваетъ частныя явленія природы и путемъ наведенія идетъ къ логическому общему, не имѣя возможности когда-либо дойти до послѣднихъ и всеобъемлющихъ результатовъ, — въ человѣческой душѣ напередъ уже есть общее, только не логическое или формальное, а метафизическое или реальное, такъ-что человѣкъ, по самой природѣ своей,—метафизикъ. Идея *a priori*, и по *Бернару*, есть руководящая идея опыта, есть душа науки, точка отправленія и цѣль (primum movens) всякаго научнаго изслѣдованія. По *Бернару*, въ экспериментальномъ изслѣдованіи представляются слѣдующіе моменты и въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) усмотрѣніе факта или явленія, — 2) предвзятая идея, антиципація ума, которая образуется мгновенно и разрѣшается въ гипотезу, — 3) разсужденіе, вслѣдствіе предвзятой идеи, ведущее къ опыту, и 4) самый опытъ съ повѣркою. Такимъ образомъ, гипотеза есть не что иное, какъ предвзятая идея; а наука есть таже идея, только формулированная въ формы. Для антиципаціи идеи необходимъ внѣшній стимулъ; онъ, однакожъ, только возбуждаетъ, стимулируетъ идею, а не создаетъ ее. Есть нѣчто предшествующее этой стимуляціи и антиципаціи; есть, въ таинственной глубинѣ духа, предшествующая антиципаціи, какая-то способность, энергія, мгновенно приходящая въ дѣйствіе и осуществляющаяся въ идеѣ; есть философское чувство, пробуждающееся при соприкосновеніи съ фактомъ, предчувствіе, угадыванье тайнъ природы, которыя духъ нашъ носитъ внутри себя, въ скрытомъ состояніи [1]). Цѣль экспе-

[1]) «Никто никогда»,—пишетъ *Прейеръ* (въ *Знаніи* 1875 г., Апрѣль, стр. 135—137),—«не сдѣлалъ открытія, или изобрѣтенія, не будучи сперва, чисто пассивно, озаренъ внезапною мыслью. Будь то во время глубокаго, продолжительнаго

ментальнаго метода состоитъ въ томъ, чтобы преобразовать предъявленіе *a priori*, основанное на неясномъ воззрѣніи на вещи, въ объясненіе *a posteriori*, основанное на опытномъ изученіи природы. Опытъ, е. изученіе явленій природы, показалъ человѣку, что истины внѣшнаго міра вовсе не заключаются готовыми, ни въ умѣ, ни въ чувствѣ. тобы дойти до этихъ истинъ, надо непремѣнно углубиться въ объективную дѣйствительность фактовъ. Экспериментальный методъ послѣдовательно опирается на три способа изслѣдованія: внутреннее вство, разсудокъ и опытъ. Чувство служитъ иниціативой, производя цею *a priori*; разсудочное мышленіе развиваетъ идею и выводитъ ъ нея логическія послѣдствія; но если чувство должно повѣряться зсудкомъ, то разсудокъ, въ свою очередь, долженъ руководиться ытомъ.

V) Стремясь, такимъ образомъ, къ одной всеобъемлющей, все-проникающей и нераздѣльной *истинѣ*, разсудокъ, для выраженія ея въ оей области, не видитъ ничего, кромѣ *частныхъ представленій*, зрѣшаемыхъ на безконечное множество признаковъ, мыслимыхъ въ остранствѣ и времени; соединяя признаки и прикладывая ихъ къ

змышленія надъ какою-нибудь трудною проблеммою, или-же въ минуту случайго открытія чего-то новаго, въ обоихъ случаяхъ изслѣдователемъ овладѣваетъ, въ обоихъ случаяхъ—внезапно, такъ-называемая хорошая мысль. *Точно блесла молнія и разлился свѣтъ.* Молнія эта никогда не бываетъ сознательнымъ йствіемъ разума; между-тѣмъ она одинаково необходима какъ для самаго естящаго дѣянія ума, когда предсказываются новыя формы, выводятся новые коны,—такъ и для незначительнаго улучшенія какого-нибудь аппарата, когда ъ нему прибавляется новый винтъ, или новое колесо. Этотъ актъ распознаванія, редшествующій всякой сознательной дѣятельности, можетъ быть названъ, какъ годно: *инстинктомъ, или чувствомъ, или предчувствіемъ*; но самое лучшее опредѣленіе его было бы: *безсознательное заключеніе по аналогіи.* Выраженіе го было впервые употреблено *Гельмгольцемъ*, для опредѣленія безсознательнаго ывода изъ чувственнаго возбужденія къ его причинѣ. Такія понятія *Кантъ* называетъ *тайно добытыми. Эти предупадыванія, эти антиципаціи, эти тайно добытыя, смутныя, безсознательныя заключенія* давно признаны, въ практической жизни, подъ различными названіями: *чувства, такта, инстинкта, предчувствія.* Весьма возможно, что и то, что называется *интуиціей, откровеніемъ*, ъ главныхъ чертахъ, сводится на подобныя безсознательныя заключенія. У самыхъ высоко-одаренныхъ людей всѣхъ временъ, у *Сократа, Кеплера, Ньютона, Лейбница, Конта*, была особенно развита эта сторона психической дѣятельности, аравнѣ съ необыкновенною мощью ихъ ума къ отвлеченію. Ни одинъ интенсивно-дѣятельный умъ не можетъ дѣйствовать безъ помощи такого инстинкта».

понятію *частныхъ вещей*, пріобрѣтаетъ *частныя познанія*, — идетъ поприщами разныхъ наукъ и увеличиваетъ до безконечности *сумму своихъ познаній*,—многообразіе своихъ познаній силится привести *въ стройную систему единства*; между тѣмъ истины все еще не находитъ, не понимаетъ и не выражаетъ, потому-что *всѣ человѣческія познанія, и по своимъ качествамъ*, не вполнѣ соотвѣтствуютъ законамъ природы, и *по своему количеству*, далеко не равняются безчисленности ихъ, и *по взаимному отношенію*, въ какую бы стройную систему они ни поставлялись, не созвучны съ вѣчною гармоніею вселенной, съ являющимся въ нашемъ умѣ единствомъ истины и добра.

VI) По словамъ какъ *К. Бернара*, такъ и *Гёте*, *Канта* и другихъ, всякое открытіе истины есть не болѣе, какъ реализація первоначальнаго чувства истины, которое, будучи долгое время воздѣлываемо въ безмолвіи, внезапно, съ быстротою молніи, приводитъ къ какой-либо плодотворной концепціи. И такое откровеніе истины, развивающееся извнутри ко внѣ, даетъ предчувствовать человѣку его подобіе Божеству; синтезъ міра и духа даетъ намъ сладостную увѣренность въ вѣчной гармоніи бытія. Такое созерцательное чувство можетъ даже, въ нѣкоторыхъ избранныхъ натурахъ, достигать, на мгновеніе, до тожества съ реальностью. Такъ-какъ нужно полагать, что лежащія въ субъектѣ, въ человѣческомъ духѣ, идеи соотвѣтствуютъ еще неизвѣстнымъ объективнымъ законамъ природы, — то назначеніе генія — открыть эти сокрытые въ безмолвной глубинѣ вещей законы, формулу которыхъ, еще никѣмъ не подмѣченную, носитъ онъ въ себѣ самомъ. Если же въ духѣ человѣческомъ существуютъ идеальныя понятія, соотвѣтствующія реальнымъ законамъ, —если нашему духу присуще созерцаніе, или чувство законовъ, природы, то, при существованіи такого соотношенія, нужно полагать, что напередъ была установлена нѣкоторая гармонія между міромъ и человѣческимъ духомъ. Если же существуетъ предуставленная связь между порядкомъ вещей и человѣческимъ разумомъ, — если очевидно, что порядокъ въ мірѣ есть только слѣдствіе великаго универсальнаго плана, и человѣкъ предрасположенъ къ постиженію этого плана, заранѣе нося въ своихъ нѣдрахъ смутный его образъ, въ-ожиданіи, пока опытъ оживитъ неясныя его черты и еще неопредѣленный отпечатокъ,—то естественно отнести къ одной и тойже первопричинѣ (абсолютному) и этотъ

ниверсальный планъ въ природѣ, и предчувствіе этого плана, предначертанное въ идеяхъ нашего ума.

VII) Трудно оріентироваться здѣсь на-столько, чтобы стать твердою ногою и пойти вѣрною стопою въ этой темени *отношеній между разумомъ несознаннымъ космическимъ и сознательнымъ, между знаніемъ идеальнымъ и разсудочнымъ*. Попытаемся, однакожъ, окинуть ѣльнымъ взглядомъ, болѣе или менѣе освѣщенное сознаніемъ, пространство этой глубоко-примрачной области. Элементарную сущность аждаго явленія вселенной, какъ и всей вселенной, какъ и человѣка, оставляетъ единое и цѣльное въ себѣ, абсолютное бытіе, абсолютная творческая воля, абсолютная мысль или идея. Абсолютная идея ама себя видитъ и знаетъ абсолютно,—есть абсолютный безконечный азумъ. Этотъ абсолютный разумъ лежитъ въ элементарной сущности сякаго ограниченнаго бытія, какъ и всей вселенной. Между тѣмъ, днакожъ, ни какое бы то ни было ограниченное существо, ни вся селенная, не есть чистое, безпримѣсное абсолютное бытіе,—напротивъ того, есть только выраженіе абсолютнаго бытія, самоограничившее себя абсолютнымъ небытіемъ, — такъ-что въ каждомъ, ограниченномъ существѣ, какъ и въ цѣломъ мірѣ, необходимо ѣличать сущность элементарную отъ индивидуальной. Индивидуальная сущность каждой твари состоитъ въ извѣстномъ спеціальномъ самоограниченіи абсолютнаго бытія небытіемъ. По этому, и бсолютный разумъ, совпадающій съ элементарною сущностью каждой твари, является собственнымъ ея разумомъ не въ чистомъ видѣ разума абсолютнаго, но въ-видѣ разума абсолютнаго, своеобразно ограничившаго себя своимъ отрицаніемъ, выразившаго себя въ спеціально опредѣленной, болѣе или менѣе стѣсненной, формѣ разума сознаннаго, постигнутаго, охваченнаго, ограниченнаго сознаніемъ. Отъ того-то въ каждой тварн и усматривается двойственный разумъ, котораго одинъ полюсъ названъ, у психологовъ, разумомъ безсознательнымъ, точнѣе, не сознательнымъ, космическимъ, а другой—разумомъ сознательнымъ. Точнѣе же сказать, въ каждой твари усматривается, съ одного полюса, разумъ абсолютный безграничный, а съ другаго—разумъ ограниченный до собственнаго отрицанія. *Здѣсь корень всѣхъ антиномій нашего разума.* Отъ того-то нашъ разумъ сознаетъ въ самомъ себѣ и силу, и безсиліе постигнуть безпредѣльное, сознаетъ и безпредѣльное постиженіе, и крайнюю ограниченность знанія, въ сравненіи съ безпредѣльнымъ, до отрицанія всякаго знанія. Въ идеѣ

абсолютной истины нашъ разумъ чувствуетъ единство, нераздѣльность, неизмѣнность, неистощимую жизненность, безпредѣльное бытіе,—а когда станетъ анализировать идею, переводить ее на представленія и понятія, опредѣлять бытное въ точныхъ разсудочныхъ формулахъ, то встрѣчается вездѣ съ множественнымъ, каждое мгновеніе измѣняющимся, дробящимся до ничтожества; устойчивое же отыскиваетъ только въ общемъ, отвлеченномъ, лишенномъ жизненности и всякой дѣйствительно живой реальности. Между тѣмъ такова уже структура нашего ума, что именно этимъ, а не инымъ какимъ-либо, путемъ онъ и долженъ, и можетъ достигать истины. Самъ въ себѣ, по индивидуальной сущности, онъ есть разумъ ограниченный, измѣнчивый, дробящійся, граничащій съ ничтожествомъ; но своею элементарною сущностью онъ стимулируется къ тому, чтобы возвышаться до разума абсолютнаго. И вотъ онъ, стимулируемый извнутри, погружается въ глубь природы, своей ли то внутренней, духовной, или внѣшней, окружающей. Какъ тамъ, такъ и здѣсь усматриваетъ онъ ту же антиномію бытія, которая въ немъ сказывается антиноміею сознанія,—усматриваетъ животворящую борьбу абсолютнаго бытія съ небытіемъ, борьбу абсолютнаго космическаго разума съ его отрицаніемъ,—усматриваетъ туже измѣнчивость, тоже дробленіе,—существенное же находитъ въ общемъ, отвлеченномъ, лишенномъ живой объективной реальности. Ища и надѣясь найти истину,—соотвѣтствіе законовъ своего внутренняго видѣнія съ законами внѣшняго міра,—вникая въ пестроту вѣчно однообразнаго, до монотонности, бытія, вотъ онъ вдругъ чувствуетъ, что въ немъ возгорѣлась новая идея. Повѣряя ее разсудочнымъ методомъ, онъ дѣлаетъ научное открытіе, онъ обогащается новымъ опытомъ, но, въ тотъ-же моментъ, идея знанія отлетѣла впередъ и стоитъ впереди его блестящимъ метеоромъ абсолютной истины и манитъ его снова впередъ и впередъ.... Такъ разумъ нашъ, вѣки вѣчные, исчерпываетъ неисчерпаемое безконечное, такъ ловитъ онъ абсолютное, тожественное въ природѣ, какъ внутренне духовной, такъ и внѣшней, тожественное само въ себѣ, по закону тожества вѣчно и неизмѣнно дѣйствующее въ ничтожествѣ, вѣчно и неизмѣнно творящее изъ ничтожества безпредѣльно разнообразныя, измѣнчивыя, но разными путями стремящіяся къ единому абсолютному, всѣми своими отростками коренящіяся въ одномъ корнѣ,—абсолютномъ,—ограниченныя формы. Въ абсолютномъ коренится какъ основа всякой твари, такъ и идея всякаго конкретнаго предмета, оканчивая даже самомалѣйшими

атомами; коренясь же въ абсолютномъ, идея и сама безпредѣльна, неизмѣнна, вѣчна, какъ абсолютное. Отъ того-то захваченная формулою разсудочнаго понятія, она, не вмѣщаясь въ нее, въ тотъ-же моментъ, вырывается изъ этой формулы, какъ ограниченной, какъ мертвой, такъ-какъ она сама—цѣльная жизнь, сама безпредѣльность. Въ такомъ смыслѣ идеи являются тѣми премірными, непзреченными *глаголами* какіе слышалъ св. Апостолъ Павелъ въ небесныхъ сферахъ, *ихже не мѣть есть человѣку изглаголати.* Великій Апостолъ слышалъ ихъ только явственнѣе, чѣмъ слышимъ мы. Но слышитъ ихъ и каждый смертный, во внутреннѣйшихъ сферахъ своей собтвенной природы, какъ и въ глубочайшихъ сокровеннѣйшихъ сферахъ природы внѣшней. Однакожъ, не вмѣщаясь ни въ понятіе, ни въ слововыраженіе, идея, тѣмъ не менѣе, составляетъ душу знанія. А, не оживляемое идеальнымъ созерцаніемъ, разсудочное познаніе есть ложь, отсутствіе истины и жизни, есть остовъ истины и жизни, но не истина и не жизнь, есть интеллектуальная мертвечина.

ГЛАВА LXII.

Въ заключеніе скажемъ еще нѣсколько словъ о разумѣ теоретическомъ и практическомъ и о переходѣ перваго въ послѣдній.

Возможно-ясное пониманіе отношеній между разумомъ такъ-называемымъ безсознательнымъ и сознательнымъ, о которыхъ мы до сихъ поръ разсуждали, можетъ пролить, какъ намъ кажется, нѣкоторую долю свѣта и на отношенія между разумомъ теоретическимъ и практическимъ. По тщательномъ ихъ сопоставленіи и сравненіи, оказывается если не *тожество, то совпаденіе разума практическаго съ разумомъ такъ-называемымъ безсознательнымъ, иначе сказать,—космическимъ, а теоретическаго съ разумомъ сознательнымъ или сознаннымъ*; по крайней мѣрѣ, между тою и другою изъ этихъ двухъ паръ оказывается, большая или меньшая, взаимная парная близость А правильное сопоставленіе этихъ разновидныхъ сторонъ разума облегчитъ намъ путь къ *установленію единаго послѣдняго критерія объективной истины и нормы реальнаго бытія.* Въ этомъ будетъ состоять задача этого послѣдняго отдѣла.

I) Что должо разумѣть подъ разумомъ: безсознательнымъ и соз-

нательнымъ, объ этомъ мы только-что разсуждали и повторять это на ходимъ излишнимъ. Но мы должны припомнить себѣ, что слѣдует разумѣть подъ именемъ разума практическаго и теоретическаго. *Разу момъ практическимъ* мы назвали ту субъективно-практическую област свидѣтельства нашихъ чувствъ, которая опредѣляетъ не то, как вещь существуетъ въ себѣ, но какъ относится къ нашему чувству,— область, въ которой, при опредѣленіи реальности самаго акта качествъ ощущенія, при опредѣленіи реальности и качествъ дѣйс вованія даннаго предмета на чувство, при опредѣленіи реальност и качествъ отношенія между субъектомъ и объектомъ, наше чувств принудительно достовѣрно и непогрѣшимо, въ чемъ, по свидѣтел ству *Д. С. Милля*, согласны между собою всѣ философы. *Теорет ческій же разумъ* обнимаетъ ту область свидѣтельства наших чувствъ, которая опредѣляетъ, какъ вещь существуетъ въ себѣ, именн такъ ли она существуетъ, какъ является моему чувству; иначе ска зать,—реальное во мнѣ реально ли внѣ меня, объективно ли он Короче, теоретическій разумъ опредѣляетъ бытіе вещи въ себѣ, вн чувствующаго субъекта и въ-отношеніи къ другимъ вещамъ,— практическій разумъ опредѣляетъ только отношеніе объекта къ чу ствующему субъекту или,—можно сказать,—бытіе объекта тольк внутри чувствующаго субъекта, какъ его состоянія.

II) Чтобы съ возможною точностью опредѣлить *отношеніе разум практическаго къ разуму безсознательному и теоретическаго къ сос нательному*, представимъ краткій анализъ *главныхъ существенны шихъ элементовъ психическаго проявленія жизни* какого бы то н было жизненнаго центра или единства, человѣческой ли то души или животной и т. п. Эта жизнь есть *серія* (*рядъ*) *отношеній* даннаг жизненаго центра, или единства къ другимъ подобнымъ центрамъ или единствамъ. Эти отношенія имѣютъ *свой положительный отрицательный полюсъ*. Положительный обнаруживается въ *стрем леніи* живаго центра къ другимъ центромъ сходнымъ, необходи мымъ для поддержанія его собственной индивидуальной жизни,— отрицательный полюсъ обнаруживается въ *отталкиваніи*, въ *отпор* даннаго живаго центра другимъ центромъ, затрудняющимъ, или даж угнетающимъ его собственную жизнь. Цѣль же того и другаго, т. е какъ этого стремленія, такъ и этого отталкиванія или отпора, вообщ цѣль жизни каждаго живаго центра состоитъ въ устраненіи помѣх и въ привлеченіи пособій къ правильному, предначертанному ег

природою, развитію его жизни, *въ покоѣ и удовлетвореніи, которое, въ высшихъ сознательныхъ сферахъ, обнаруживается въ благосостояніи, или счастіи.* Это общій характеръ или законъ жизни всѣхъ живыхъ центровъ, отъ человѣка и до былинки, отъ солнца и до атома. Жизнь того и другаго, третьяго и четвертаго, какъ и всѣхъ другихъ центровъ, есть серія (рядъ) *отношеній* къ другимъ центрамъ есть *стремленіе* къ сродному и *отвращеніе* отъ не сроднаго, враждебнаго, съ цѣлію *правильнаго*, предуставленнаго природою, хода и развитія жизни, съ цѣлію достиженія *удовлетворенія.*

III) О всякомъ жизненномъ центрѣ можно сказать: *онъ живетъ* только при томъ условіи, если онъ *чувствуетъ* свои *отношенія*, свои *стремленія* и *отвращенія* и, наконецъ, *удовлетвореніе*, при надлежащемъ ходѣ жизни. Но мы видѣли, что такая жизнь, такъ-называемая *психическая* жизнь, начинаясь, на высшей ступени живыхъ существъ, съ человѣка, на-сколько намъ извѣстно, идетъ ниже, въ-глубь природы, въ-глубь космическихъ силъ, съ такою постепенностью, что мы безсильны указать гдѣ-либо ея перерывъ, конецъ и совершенное прекращеніе. Мы вынуждены были допустить, что психическою жизнью, въ большей или меньшей степени, живетъ все, не-только одушевленное, но и не одушевленное,—что чувствуютъ свои отношенія, стремленія, отвращенія и удовлетвореніе не-только человѣкъ, или животныя, но и солнце, и атомъ, какъ и все живое въ живой природѣ,—что вездѣ въ природѣ разлитъ не-только такъ-называемый безсознательный космическій разумъ, но, въ большей или меньшей мѣрѣ, или хотя въ неизмѣримо-малой долѣ, и сознательный разумъ, обнаруживающійся хотя бы то *въ неизмѣримо-малой долѣ ощущенія позывовъ, которые присущи, безъ исключенія, всему, даже каждому атому.* Въ результатѣ нашихъ изысканій получили мы и то уже, что абсолютный, космическій, безсознательный разумъ, вездѣ разлитый въ природѣ, равенъ самъ себѣ вездѣ, въ цѣломъ универсѣ точно также, какъ и въ малѣйшихъ его частяхъ; сознательный же разумъ постепенно понижается, начиная отъ человѣка и спускаясь больше и больше, почти до самоуничтоженія, чрезъ безсловесныхъ животныхъ и растенія, въ область предметовъ неодушевленныхъ. А наблюденіе, въ тоже время, показываетъ, что, параллельно постепенному пониженію разума сознательнаго, понижается и разумъ теоретическій, опредѣляющій, что такое вещь въ себѣ и въ-отношеніи

къ другимъ вещамъ внѣ субъекта, а не въ-отношеніи только
субъекту и внутри его, какъ состояніе.

IV) Но здѣсь выдѣляется вопросъ: *можно ли приписать теоретическій разумъ еще кому-либо кромѣ человѣка, напримѣръ, животнымъ растеніямъ и ниже стоящимъ существамъ?* Что практическій разумъ есть вездѣ, гдѣ есть ощущеніе позывовъ, это ясно само собо
Но не будетъ ли роскошью, въ существахъ, которыя ниже человѣка отличатъ отъ практическаго разума еще теоретическій? Отлича
разумъ теоретическій отъ практическаго въ высшихъ родахъ ж
вотныхъ вынуждаетъ насъ тотъ-же опытъ, который заставляет
приписывать имъ не-только безсознательный, но и сознательны
разумъ. На вопросъ: опредѣляетъ ли животный разумъ не-толь
то, что такое данная вещь въ-отношеніи къ животному чувству,
часто вмѣстѣ и то, что такое данная вещь въ себѣ и въ-отношен
къ другимъ вещамъ, опытъ отвѣчаетъ утвердительно. Это видно и
слѣдующихъ фактовъ. Еслибы животный разумъ былъ только чис
практическій, — еслибы онъ опредѣлялъ только отношеніе данна
предмета къ животному чувству, — еслибы онъ не навѣшивалъ
данный предметъ, какъ внѣшній конкретъ, извѣстныхъ принадл
жащихъ ему свойствъ и отношеній къ другимъ конкретнымъ пре
метамъ,—въ такомъ случаѣ никогда никакое животное не дѣлало б
никакихъ ошибокъ, потому-что практическій разумъ, какъ мы вы
показали, въ своихъ показаніяхъ не ошибается. Между тѣмъ на опыт
мы видимъ противное. Вотъ собака, ласкаясь, подходитъ къ вам
Кромѣ ощущенія инстинктивной привязанности къ вамъ, собака знает
что этотъ конкретъ прежде бывалъ съ нею всегда любезенъ. Н
вы ее безъ причины бьете, и собака отскакиваетъ отъ васъ, въ я
номъ изумленіи отъ неожиданной своей ошибки. Вы ее маните, н
она не идетъ, соображая, что этотъ конкретъ способенъ обману
ея разсчетъ и довѣренность. Вы употребляете усиліе приласка
животное, оно подходитъ къ вамъ, ласкаясь, но съ явною тревого
оно соображаетъ, что къ вамъ ласкаться можно, хотя и не без
опасеній. Значитъ, животное изучаетъ предметы по опыту, ставит
ихъ, какъ особые конкреты, внѣ себя, навѣшиваетъ на нихъ извѣст
ныя, опытно дознанныя свойства и не рѣдко ошибается. Ошибши
разъ, оно снова всматривается въ предметъ и исправляетъ свою ошибк
Вотъ, напримѣръ, лошадь везетъ возъ въ лѣсу. Вдругъ она останавл
вается въ ужасѣ и ни съ мѣста, не-смотря на всѣ понужденія; вперед

лошадь видитъ странный обломокъ повалившагося, обгнившаго дерева и соображаетъ, что это должно быть звѣрь, или, по крайней мѣрѣ, что-либо ужасное. Безплодно истощивъ разныя по нуканія, хозяинъ идетъ впередъ и предъ глазами лошади садится на обломокъ; тогда лошадь сообразила, что, значитъ, этотъ прелметъ не страшный звѣрь, и спокойно пошла своею дорогою впередъ, мимо самаго обломка, на которомъ продолжалъ сидѣть хозяинъ. Нѣтъ нужды указывать факты, изъ которыхъ видно, что животный смыслъ выучивается опредѣлять отношенія вещи не-только къ собственному чувству, но и къ другимъ вещамъ. Такихъ фактовъ множество. Такъ, домашняя курпная порода явно выучивается отличать характерный крикъ ласточекъ, когда они дразнятъ ястреба, или сову, или кошку; а иногда очевидно и ошибается и, разглядѣвъ, что ничего тревожнаго нѣтъ, успокоивается. Или, собаки превосходно выучиваются отличать полицейскихъ служителей, занимающихся спеціально ихъ истребленіемъ, и лишь-только завидятъ приближеніе своихъ истребителей, тотчасъ-же всѣ убѣгаютъ, со всевозможною быстротою: явно, значитъ, что собаки видѣли и дознали, что эти люди били другихъ собакъ, откуда дѣлаютъ заключеніе и о собственной опасности. Значитъ, несомнѣнно, что животное, на-основаніи чувственныхъ воспріятій, ставитъ, въ своемъ сознаніи, конкретъ внѣшняго предмета, навѣшиваетъ на этотъ конкретъ извѣстныя свойства, которыя заимствуетъ частію изъ наблюденія, а иногда и изъ инстинкта (наприм., всякій видъ куриныхъ породъ приписываетъ совѣ ужасныя свойства, даже не испытавъ отъ нея никакой обиды),—смотря по приписываемымъ конкрету свойствамъ, такъ или иначе опредѣляетъ къ нему и отношенія свои и нерѣдко ошибается въ своихъ выводахъ. Значитъ, животный смыслъ явно впадаетъ иногда въ характеръ разума теоретическаго. Значитъ, что, по крайней мѣрѣ, высшимъ животнымъ необходимо приписать извѣстную долю этого разума:—въ высшихъ животныхъ его обнаруженія очевидны. Но гдѣ онъ оканчивается,—это другой вопросъ; въ какихъ градаціяхъ существъ живое чувство перестаетъ отличать свои состоянія отъ внѣшнихъ предметовъ, этого мы не знаемъ и указать не можемъ. По наглядному же, поверхностному опыту, мы можемъ сказать только то, что это различеніе своего состоянія отъ внѣшнихъ предметовъ уже ничѣмъ не проявляется въ низшихъ родахъ животныхъ, и едвали переходитъ даже въ высшіе, болѣе развитые роды растеній, не говоря уже о низшихъ.

V) Уже этотъ выводъ показываетъ, что границы сознательнаго и теоретическаго разума хотя и совпадаютъ, но не вполнѣ. *Сознательный разумъ, понимаемый въ самомъ широкомъ смыслѣ ощущенія позывовъ*, мы вынуждены были распространить, въ большей, или меньшей степени, или хотя бы то въ самой малой, микроскопической долѣ, на всю, не-только одушевленную, но и неодушевленную, природу. Между тѣмъ теоретическій разумъ, оканчивающійся, на низшей своей ступени, только *смутно ощущаемымъ различеніемъ состоянія чувствующаго центра отъ внѣшнихъ предметовъ*, этотъ разумъ мы не имѣемъ ни нужды, ни основаній, да не чувствуемъ и смѣлости приписать всѣмъ существамъ природы, ниже нѣкоторыхъ степеней животнаго царства. Такимъ образомъ, можно выразиться такъ, что совпадая одною, высшею своею стороною, начинаясь одновременно и параллельно, съ самыхъ развитыхъ существъ, съ человѣка и потомъ съ животныхъ, и съ наиболѣе развитыхъ, въ-смыслѣ сознательной разумности, актовъ, разумъ теоретическій и сознательный не совпадаютъ, другъ съ другомъ, другою, низшею своею стороною. Можно сказать, что вся теоретическая часть животнаго, какъ и человѣческаго смысла, есть, въ то же время, и сознательная; но нельзя сказать на оборотъ,— именно, что вся, освѣщаемая сознаніемъ, часть не-только животнаго, но даже и человѣческаго разума, есть, въ тоже время, и теоретическая. То несомнѣнно и подтверждается фактами, что сознаніемъ освѣщается, какъ въ животныхъ, такъ и въ человѣкѣ, значительная часть области и *практическаго разума*, того разума, *который, не задаваясь вопросомъ, что такое данный предметъ въ себѣ, проявляется только въ болѣе или менѣе безотчетномъ движеніи чувства по-направленію къ этому предмету, или, обратно, отъ этого предмета.* Приведемъ въ подтвержденіе этого факты, сначала, изъ животной жизни, такъ-какъ проявленія практическаго разума въ животныхъ оказываются всегда чище и цѣльнѣе, чѣмъ въ человѣческомъ духѣ, въ которомъ, отличаемый почти только въ отвлеченіи, тонкимъ анализомъ разсудка, этотъ практическій разумъ, въ живомъ фактѣ и проявленіи разумной человѣческой дѣятельности, почти всегда бываетъ смѣшанъ съ проявленіемъ разума теоретическаго,—тогда-какъ въ животныхъ, на оборотъ, разумныя движенія даже теоретическаго характера окрашиваются, сглаживаются, да нерѣдко и совсѣмъ поглощаются движеніями разума практическаго. Въ нѣкоторыхъ же фактахъ животной жизни мы получаемъ столь чистыя и цѣльныя обнаруженія его, какихъ толь-

ко можно желать въ этомъ случаѣ. Таковы всѣ чисто инстинктивные, полупроникнутые сознаніемъ, факты животной дѣятельности. Такъ, выводки птицъ, которые никогда не наблюдали, что значитъ вить гнѣзда, класть яйца, выводить дѣтей, спасаться отъ суровостей зимы, перелетать на югъ, и которые, однакожъ, производятъ всѣ эти процессы съ великою отчетливостью и совершенною сноровкою во всѣхъ подробностяхъ, во всѣхъ этихъ и другихъ подобныхъ случаяхъ, дѣйствуютъ хотя и въ высшей степени разсчитанно и цѣлесообразно, однакожъ дѣйствуютъ, очевидно, только полусознательно, сознавая только одну, и то поверхностную, сторону своей дѣятельности, т. е. только непосредственно совершаемый актъ, не имѣя, въ тоже время, ни малѣйшаго представленія о существеннѣйшей сторонѣ, о цѣлесообразной концепціи этихъ фактовъ, связанныхъ въ стройную систему, помимо ихъ собственнаго сознанія. Такъ, въ извѣстныхъ условіяхъ, чувствуется у нихъ позывъ собирать извѣстный матеріалъ, складывать его въ гнѣздо, въ извѣстный срокъ сидѣть въ гнѣздѣ, съ такою-то вотъ сноровкою грѣть яйца, беречь и кормить дѣтей, въ данный моментъ летѣть по-направленію на полдень и остановить полетъ тамъ, гдѣ почувствуется имъ спокойно, т. е. въ тепломъ тропическомъ климатѣ. Птица, которая видѣла зерна и знаетъ по опыту, что значитъ клевать ихъ, и которая бѣжитъ къ раскидываемому хозяиномъ корму, конечно, имѣетъ представленіе о зернахъ и актѣ клеванія ихъ. Но птица выводокъ, которая никогда не видѣла, какъ дѣлаются гнѣзда, не видѣла ни яйца, ни дѣтеныша, и никогда не была въ теплыхъ южныхъ странахъ,—такая птица, безъ сомнѣнія, не имѣетъ представленія объ этихъ предметахъ, какъ предметахъ отдѣльныхъ отъ ея чувства и внѣшнихъ, и, однакожъ, располагаетъ свою дѣятельность, въ-отношеніи къ нимъ, вполнѣ разсчитанно и цѣлесообразно, и, слѣдовательно, разумно. Если же животное, въ подобныхъ актахъ, впереди своей дѣятельности, не имѣетъ и не можетъ имѣть представленія о предметѣ, то, значитъ, здѣсь не имѣется почти ни слѣда разума теоретическаго, хотя еще явно обнаруживаются здѣсь не-только ощущеніе, но и сознаніе, впрочемъ и сознаніе и одностороннее—т. е. животное сознаетъ только самый актъ, въ непосредственныхъ его проявленіяхъ, но не представляетъ ни предмета, ни цѣли акта. Значитъ, въ животномъ царствѣ, въ массѣ животныхъ дѣятельностей, граница сознательнаго разума лежитъ гораздо глубже, чѣмъ граница разума теоретическаго. Сознательный ра-

зумъ простирается на нѣсколько градусовъ ниже той точки, гдѣ разумъ теоретическій уже оканчивается, хотя сверху оба начинаются съ одной и тойже крайней точки,—съ наивысше-развитаго ума человѣческаго. Но повторяемъ, что такъ понимаемъ мы соотношенія разума теоретическаго и сознательнаго, разумѣя послѣдній, сознательный разумъ, въ самомъ широкомъ, универсально-философскомъ смыслѣ, именно *въ-смыслѣ ощущенія позывовъ, повсемѣстно разлитыхъ въ природѣ*, а не въ тѣсно психологическомъ смыслѣ. Если же разумѣть его въ этомъ послѣднемъ смыслѣ, именно какъ *противоположеніе, чувствующимъ или даже мыслящимъ субъектомъ, своего внутренняго состоянія, или даже своего я, воздѣйствію на него предметовъ внѣшняго міра*,—въ такомъ случаѣ соотношеніе между разумомъ сознательнымъ и теоретическимъ значительно измѣнится. Въ такомъ случаѣ не-только первыя высшія грани того и другаго будутъ совпадать, но значительно сблизятся и послѣднія низшія границы. Но чтобы яснѣе выразумѣть это сближеніе, мы должны перенести нашъ взглядъ, изъ области не-только неодушевленныхъ предметовъ или растеній, но и животныхъ, какъ области очень скудно обслѣдованной съ психической стороны, въ тѣснѣйшую, болѣе обслѣдованную область психологіи, или гносеологіи собственно человѣческаго духа, и здѣсь выслѣдить, сколько возможно, *гдѣ и какъ оканчиваются области того и другаго разума, какъ сознательнаго, такъ и теоретическаго*, равно-какъ, далѣе, *разума практическаго и безсознательнаго.*

VI) Замѣтимъ напередъ, что названіемъ: *разумъ практическій и теоретическій*, или *сознательный и безсознательный*— обозначаются не какіе-либо отдѣльные роды разумовъ, которые существовали бы не-только раздѣльно и далеко, но и независимо одинъ отъ другаго, а только стороны одного и тогоже разума, имѣющаго высшее свое обнаруженіе въ разумѣ человѣческомъ, который служитъ и первообразомъ низшихъ индивидуальныхъ разумовъ, и лучшимъ отраженіемъ разума всеобщаго, универсально-космическаго. И эти стороны одного и того же разума обозначаются именно такимъ образомъ, что, съ одной стороны, названіями—*разумъ теоретическій и практическій*— замыкается вся область разумѣнія, до послѣднихъ своихъ предѣловъ, а съ другой, подобнымъ-же образомъ замыкается вся область возможнаго разумѣнія и названіями: *разумъ безсознательный (не сознанный, космическій) и сознательный.* Какъ, съ одной стороны, область разумѣнія

начинается сознательнымъ человѣческимъ разумомъ (сколько извѣстно это намъ по опыту) и оканчивается несознаннымъ космическимъ, такъ и съ другой стороны, таже самая область начинается теоретическимъ человѣческимъ разумомъ, а оканчивается разумомъ практическимъ, который, послѣдними своими корнями, нисходитъ въ тотъ-же космическій универсальный разумъ. Какъ трудно при этомъ отдѣлить рѣзкими чертами, съ одной стороны, разумъ сознательный отъ несознаннаго космическаго, а съ другой—разумъ теоретическій отъ практическаго, которые, тѣсно связываясь, въ натуральномъ фактѣ, незамѣтно переходятъ другъ въ друга, — точно такъ-же трудно, или даже еще труднѣе, отдѣлить рѣзкими чертами разумъ сознательный и безсознательный отъ разума теоретическаго и практическаго. Тѣмъ не менѣе, однакожъ, не-даромъ существуютъ въ гносеологіи эти особые термины; ими обозначаются, какъ уже замѣчено, особые оттѣнки въ однородной дѣятельности одного и тогоже разума. Хотя, въ психическомъ фактѣ, и не отдѣляется довольно ясно практическій разумъ отъ теоретическаго, тѣмъ не менѣе, однакожъ, онъ отличается въ разсудочномъ отвлеченіи. Практическій разумъ опредѣляетъ отношеніе даннаго предмета къ чувствующему субъекту, иначе сказать,—опредѣляетъ только состояніе чувства, въ данный моментъ, при данныхъ условіяхъ; а теоретическій разумъ, по состоянію чувства субъекта, опредѣляетъ состояніе, дѣйствующаго на чувство, внѣшняго объекта. Гдѣ есть теоретическій разумъ, т. е. производимое въ сознаніи отдѣленіе объекта, дѣйствующаго на субъективное чувство, отъ субъекта, тамъ, конечно, не можетъ не быть и сознательный разумъ, котораго существенный характеръ заключается въ отличеніи *я* отъ *не-я*. Однакожъ послѣдній, сознательный разумъ, въ человѣкѣ обнаруживается часто и въ такихъ движеніяхъ духа, которыя слѣдуетъ относить къ области разума чисто практическаго,—въ движеніяхъ, въ которыхъ ясно выражается развѣ только абстрактное отличеніе *я* отъ чисто внутреннихъ состояній тогоже *я*, но не имѣется никакого отдѣленія моего *я* отъ внѣшнихъ объектовъ, что бываетъ въ состояніяхъ, наприм., безотчетной тоски, скуки, благодушія, покоя, апатіи и т. д. При этомъ, въ состояніяхъ наиболѣе сознательныхъ, самое *я* становится объектомъ самого себя, а въ состояніяхъ менѣе сознательныхъ не замѣчается и этого, а просто чувствуется неопредѣленно, безотчетно, хотя иногда и очень рѣзко, только извѣстное состояніе субъекта. Отсюда открывается, что сознательный разумъ, какъ

болѣе или менѣе ясное отличеніе *я* отъ *не-я*, переходитъ кверху, высшею своею стороною, до слитія, до соединенія и тожества съ разумомъ теоретическимъ, который, рѣшительно отличая субъектъ объ объекта, судитъ о качествѣ объекта по состояніямъ субъекта, или даже, дѣлая самый субъектъ объектомъ самого себя, судитъ о качествахъ его, какъ мыслимаго объекта, по состояніямъ егоже, какъ мыслящаго субъекта. Въ другую же, низшую, все менѣе и менѣе освѣщаемую сознаніемъ, сторону, сознательный разумъ незамѣтно спускается въ область разума практическаго, то сначала рѣзко, то впослѣдствіи болѣе и болѣе слитно, озаряя свѣтомъ сознанія движенія субъективнаго чувства, не отличающаго себя отъ дѣйствующихъ на него объектовъ,—пока, наконецъ, не перейдетъ рѣшительно въ то состояніе, которое принято у новѣйшихъ психологовъ называть разумомъ безсознательнымъ, который, однакожъ, въ высшей степени справедливо называть разумомъ, такъ-какъ онъ проявляется въ высоко цѣлесообразной и глубоко разсчитанной дѣятельности живыхъ центровъ, хотя, въ тоже время, въ дѣятельности, крайне смутно сознаваемой живыми центрами, въ своемъ корнѣ, и еще менѣе понимаемой.

VII) По этимъ соображеніямъ, соотношеніе между разумомъ, теоретически-сознательнымъ и практически-безсознательнымъ, мы должны представлять не въ-видѣ прямой линіи, или лѣстницы, на которой самую высшую часть занимаетъ разумъ теоретическій сознательный, среднюю разумъ сознательно-практическій, а низшую—разумъ практически-безсознательный. Нѣтъ; отношенія между разумомъ сознательнымъ и безсознательнымъ точнѣе уже сравнили мы, въ предыдущемъ нашемъ изслѣдованіи, съ конусомъ, вершина котораго, все болѣе и болѣе освѣщаемая индивидуальнымъ сознаніемъ, упирается въ индивидуальную сущность индивидуальныхъ εἴδος-овъ, а основа, болѣе и болѣе померкая, теряется въ элементарной сущности частей и цѣлаго универса, иначе сказать: теряется въ безпредѣльности абсолютнаго. Но еще точнѣе можно сравнить эти отношенія съ шаромъ безконечнаго радіуса и беспредѣльной периферіи, съ шаромъ, который весь наполненъ содержаніемъ разума практическаго несознаннаго универсальнаго, всегда, вездѣ и во всемъ себѣ равнаго, но въ центрѣ котораго, постепенно ослабѣвая отъ центра къ периферіи, свѣтится разумъ сознательно-теоретическій. Психически-реальный смыслъ этой метафоры заключается въ томъ, что *теорети-*

чески-сознательный разумъ, со всѣхъ сторонъ, объемлется, содержится, носится, проникается, возбуждается и направляется разумомъ практически-космическимъ.

ГЛАВА LXIII.

VIII) Разъяснимъ это основоположеніе сначала въ области *существъ, стоящихъ ниже человѣка.* Гадательною, хотя въ дѣйствительности и неуловимою, гранью мы раздѣлимъ ихъ на *два класса, изъ которыхъ въ одномъ поставимъ живыя существа, обнаруживающія въ себѣ проблески не-только сознательнаго, но и теоретическаго разума, а въ другомъ—оставимъ существа, въ которыхъ еще можно предполагать нѣкоторый слѣдъ сознанія, хотя бы то въ-видѣ нѣкотораго ощущенія позывовъ, но въ которыхъ никакъ уже нельзя найти ни слѣда разума теоретическаго.*

1) Начнемъ съ послѣднихъ. Мы показали уже, что несознанный космическій разумъ проявляется вездѣ и равенъ самъ себѣ во всемъ, какъ въ высоко-разумныхъ существахъ, такъ и въ неразумныхъ, сколько въ солнцѣ, столько-же и въ пылинкѣ, до малѣйшаго атома. Этотъ разумъ, проясняясь до сознательнаго, въ томъ разрядѣ существъ, который не обнаруживаетъ въ себѣ ни слѣда разума теоретическаго, проявляется не иначе, какъ *въ наиболѣе чистомъ видѣ разума практическаго.* Это значитъ, что въ проявленіи этого разума, въ этомъ низшемъ классѣ существъ, мы находимъ, въ самомъ чистомъ, безпримѣсномъ видѣ, выше названные *существеннѣйшіе элементы психическаго проявленія жизни какого бы то ни было жизненнаго центра, или единства.* Именно, здѣсь усматриваемъ мы: 1) *позывъ*, или *стремленіе* даннаго живаго центра къ другимъ, сроднымъ съ нимъ центрамъ, необходимымъ для поддержанія его собственной, индивидуальной жизни; находимъ, затѣмъ, 2) *отвращеніе* даннаго живаго центра, обнаруживающееся въ *отпорѣ* другимъ центрамъ, затрудняющимъ, или даже угнетающимъ его собственную жизнь, и, наконецъ, усматриваемъ 3) *покой* или *удовлетвореніе* живаго центра, при устраненіи помѣхъ и привлеченіи пособій къ правильному развитію его жизни. Мы показали уже, что всякому существу, даже всякому атому, необходимо приписать хотя бы то самую малую, ми-

кроскопическую долю ощущенія этихъ позывовъ или стремленій, отвращенія или отталкиванія и, наконецъ, покоя или удовлетворенія [1]). Показано уже и то, что всякій, даже малѣйшій, атомъ есть безпредѣльное число частей,—что если кто и что, то именно атомъ, на протяженіи своего вѣковѣчнаго существованія, долженъ вступать

---

[1]) Въ журналѣ: *Знаніе* (1875 г., февраля, стр. 101—103), въ статьѣ *Дю-Прелля*: *Борьба за существованіе въ небесномъ пространствѣ*, мы читаемъ: «въ темномъ понятіи *силы* не заключается то духовное посредство, которымъ мы могли бы связать причину и дѣйствіе. Въ законосообразной связи дѣйствительныхъ измѣненій, происходящихъ *въ неорганической природѣ*, намъ открывается лишь чистая внѣшность, тогда-какъ внутренняя сторона отступаетъ такъ далеко, что можно подумать, *будто существо матеріи исчерпывается одною этою внѣшностью*. Органическая природа, напротивъ того, обнаруживаетъ преимущественно внутреннюю сторону своего существа, такъ-что сюда легко можетъ вкрасться обратное заблужденіе, будто, наприм., психическія функціи не могутъ быть подведены подъ законы, будто въ нихъ исключительно господствуетъ произволъ, который, никакимъ взаимодѣйствіемъ съ внѣшней стороной, не можетъ войти въ предѣлы законосообразности. Моментъ причинности здѣсь почти исчезаетъ отъ нашихъ взоровъ. Чѣмъ яснѣе выступаетъ причинная сторона матеріи, какъ, наприм., въ движеніи звѣздъ, тѣмъ болѣе остается скрытою внутренняя сторона. Тамъ же, напротивъ, гдѣ эта послѣдняя ясно высказывается, наприм., въ произвольныхъ дѣйствіяхъ человѣка,—тамъ мы съ трудомъ признаемъ внѣшнюю причинную сторону. Это заставляетъ насъ проводить качественныя различія *между психическими и механическими проявленіями природы, которыхъ въ дѣйствительности не существуетъ*. Въ этомъ отношеніи, въ самомъ естествознаніи, у его главныхъ дѣятелей, проявляется здравая реакція противъ чисто внѣшняго объясненія явленій. Все болѣе и болѣе обнаруживается потребность отыскать внутреннюю связь измѣневій и взять за образецъ, для всѣхъ явленій, тѣ явленія изъ нашего опыта, гдѣ мы находимъ эту связь. *А это не иначе можетъ быть сдѣлано, какъ только признавъ предварительно способность ощущенія за основное свойство всякой матеріи*. Стараніе естествоиспытателей вывести эмпирическіе факты *ощущенія организованной матеріи*, изъ извѣстнаго расположенія ея атомовъ, останутся всегда тщетны, потому-что изъ матеріи, сущность которой исчерпывается пространственными элементами, никакой анализъ не выведетъ другихъ явленій, кромѣ пространственныхъ, такъ-какъ всѣ силы природы являются только соединеніями простѣйшихъ атомныхъ силъ. Продолжительный споръ между матеріализмомъ и спиритуализмомъ заключится, по всѣмъ вѣроятіямъ, тѣмъ, что *въ ощущеніи организованной матеріи мы признаемъ только возвышеніе основнаго свойства, присущее атомамъ всякой матеріи*. Если *Шопенгауэръ* называетъ *всякую силу волею*, а новѣйшіе естествоиспытали, наприм., *Уоллэсъ*, считаютъ *силу воли за видоизмѣненную энергію матеріи*,—то отсюда слѣдуетъ, что мы признаемъ *способность ощущенія за первоначальное свойство матеріи, которая, во всѣхъ царствахъ природы, законосообразно управляется*

съ другими существами въ неисчислимое количество отношеній, находя въ себѣ позывы къ однимъ, отвращеніе отъ другихъ живыхъ центровъ и покой при равновѣсіи между тою и другою, положительною и отрицательною, своею тягою, между влеченіемъ и отвращеніемъ, между притяженіемъ и отталкиваніемъ. *Это всеобщій законъ всей космической жизни.* Спрашивается теперь, на чемъ-же основана, чѣмъ стимулируется эта жизнь, начиная съ жизни атома? Чѣмъ, или кѣмъ предопредѣлены его вѣковѣчные позывы, или отвращенія? Кѣмъ предуказано, чтобы только при данныхъ условіяхъ онъ оказывался въ чувствѣ покоя или удовлетворенія, а при другихъ условіяхъ чувствовалъ себя въ-состояніи неудовлетворенія и безпокойства, и порывался или взадъ, или впередъ, или вокругъ чего-либо? Кто, однимъ словомъ, предначерталъ правила для такъ-называемаго *нормальнаго развитія* его жизни? Конечно, никто иной и не иное что, какъ элементарная сущность атома, совпадающая, какъ выше разъяснено, съ абсолютнымъ бытіемъ, которое, извѣстнымъ спеціальнымъ своимъ ограниченіемъ въ немъ, даетъ ему спеціальное индивидуальное бытіе. Такимъ образомъ, если мы отважимся приписать каждому атому хотя бы то самую малѣйшую, микроскопическую, часть сознательнаго разума, хотя бы то самую ничтожнѣйшую часть индивидуальнаго самоощущенія позывовъ, отвращеній и удовлетворенія, или покоя,—то отсюда будетъ слѣдовать, что *этотъ разумъ и основу свою, и правило, и цѣль, имѣетъ не въ иномъ чемъ, какъ въ разумѣ такъ-называемомъ безсознательномъ, космическомъ, универсальномъ, абсолютномъ.* А такъ-какъ въ индивидуальномъ разумѣ этого рода, въ цѣломъ классѣ существъ этого разряда, наблюденіе пока еще не находитъ разграниченія сознанія, или даже разсудка, отъ чувства,—такъ-какъ вся сила разумѣнія проявляется здѣсь пока только въ цѣльномъ, неразложимомъ, процессѣ ощущенія, которое неуклонно подчиняется водительству разума космическаго, то и въ результатѣ здѣсь не можетъ обнаружиться отклоненіе отъ истины къ заблужденію. *Разумъ этого рода не ошибается, указывая одну только истину:* позывъ или стремленіе влечетъ живые

по началамъ желанія, или нежеланія. Сила этого ощущенія, конечно, можетъ быть принята только возможно малая. Такимъ образомъ, макрокосмъ можетъ быть объясненъ изъ микрокосма».—Впрочемъ эти полежонія естествоиспытателя *Дю-Прелля* мы, съ своей стороны, принимаемъ не иначе, какъ въ смыслѣ, къ объясненію котораго возвращались и еще возвратимся не разъ.

центры этого разряда, безошибочно, именно къ тѣмъ предметамъ, къ которымъ должно влечь по закону природы, или,—что тоже,—по указаніямъ космическаго разума; отвращеніе отталкиваетъ, въ свою очередь, опять именно отъ тѣхъ предметовъ, отъ которыхъ должно отталкивать по закону природы, или,—что тоже,—по указаніямъ космическаго разума; колебаніе же чувства между предметами и влеченіями, если только оно здѣсь возможно, разрѣшается не инымъ чѣмъ, какъ ощущеніемъ покоя или удовлетворенія. *Это-то ощущеніе покоя или удовлетворенія*, въ существахъ этого разряда, *есть послѣдній критерій не-только истины, но и жизни, и обратно, какъ жизни, такъ и истины: въ этой области истина и жизнь, практика и знаніе, разумъ сознательный—индивидуальный и практическій, безсознательный—космическій, совпадаютъ почти до тожества, такъ-что едва едва становится замѣтнымъ здѣсь выдѣленіе перваго изъ послѣдняго,—разума индивидуальнаго изъ универсальнаго.*

2) Но вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ разумъ индивидуальный только-что начинаетъ и постепенно продолжаетъ болѣе и болѣе выдѣляться изъ разума универсально-космическаго, вмѣстѣ съ тѣмъ возникаетъ, возрастая пропорціонально возрастанію индивидуальнаго смысла, и возможность ошибокъ, заблужденій и всякаго рода отступленій отъ истины. По предпринятому нами плану, мы должны прослѣдить этотъ процессъ сначала не въ человѣкѣ, а въ животныхъ *того высшаго класса, въ которомъ обнаруживаются уже проблески разума не-только сознательнаго, но и теоретическаго*,—такъ-какъ здѣсь, въ животныхъ, въ этой сферѣ, въ градаціи постепеннаго развитія животныхъ существъ, ихъ мозговъ и смысловъ, отъ простѣйшихъ, до самыхъ сложныхъ, именно здѣсь любопытно и поучительно прослѣдить, какъ зараждается и, пропорціонально этому развитію, возрастаетъ возможность впадать въ заблужденіе,—что такое здѣсь, въ этой сферѣ, и на какомъ основаніи слѣдуетъ назвать заблужденіемъ и какимъ критеріемъ можетъ здѣсь устраняться заблужденіе и возстановляться то, что на языкѣ человѣческомъ называется истиною.

Кажется, что *способность къ заблужденію возрастаетъ вмѣстѣ съ способностью познавать истину, вмѣстѣ съ увеличеніемъ способовъ къ познанію, — иначе сказать,—вмѣстѣ съ расчлененіемъ единаго и того-же чувства, единаго и того-же интеллекта.* Такъ, въ живыхъ центрахъ того низшаго разряда, въ которомъ мы допускаемъ только нѣкоторый слѣдъ сознанія, хотя бы то въ-видѣ нѣкотораго ощуще-

ия позывовъ, но рѣшительно не находимъ уже ни слѣда разума теоретическаго, мы должны предполагать единственно только *внутреннее ощущеніе*, которое, по нисходящей градаціи внутреннято развитія существъ этого разряда, должно спускаться до микроскопической малости и почти до ничтожества, а по градаціи восходящей, на самой высшей ступени развитія, должно кончиться только едва едва замѣтнымъ расчлененіемъ на двѣ стороны: *на чувство собственно внутреннее и внѣшнее*,—при чемъ, въ наиболѣе развитыхъ живыхъ центрахъ этого разряда, мы должны предполагать и *нѣкоторое противоположеніе своего внутренняго состоянія внѣшнимъ окружающимъ предметамъ*. Во второмъ же, высшемъ разрядѣ живыхъ центровъ, которымъ мы усвояемъ уже не-только сознательный, но и теоретическій смыслъ, въ этомъ классѣ, въ самыхъ нижнихъ рядахъ, должны стоять существа, въ которыхъ уже довольно замѣтно противоположеніе своего внутренняго состоянія внѣшнему бытію. По этому, здѣсь слѣдуетъ предполагать уже довольно явное и опредѣленное расчлененіе чувства *на внутреннее и внѣшнее*. Опытъ далѣе показываетъ, что и *внѣшнее чувство*, на низшей ступени развитія животнаго царства, является, въ свою очередь, въ-видѣ болѣе или менѣе нерасчлененномъ, именно, прежде всего, въ-видѣ *чувства мускульнаго*, къ которому затѣмъ, мало по малу, прививаются *чувства вкуса и обонянія, далѣе зрѣнія и слуха, а, наконецъ, и осязанія*, въ смыслѣ близкомъ къ осязанію, исключительно человѣческому. Ясно, что если живые центры перваго, самаго низшаго, разряда, которые не обнаруживаютъ почти никакого расчлененія присущаго имъ чувства, напменѣе дѣлаютъ ошибокъ, или даже не дѣлаютъ никакихъ, а наиболѣе, какъ показываетъ опытъ, впадаютъ въ нихъ самыя высшія животныя, одаренныя наиболѣе расчлененными и развитыми чувствами,—то, значитъ, способность впадать въ заблужденія возникаетъ вмѣстѣ съ расчлененіемъ единаго живаго чувства на чувство внутреннее и внѣшнее, а единаго нераздѣльнаго внѣшняго чувства на особое чувство мускульное, затѣмъ на чувства вкуса, обонянія, слуха, зрѣнія и разнообразныхъ видовъ осязанія. Въ тоже время, вѣрно до несомнѣнности и то, что и расчлененное чувство само себя никогда не обманываетъ, пока остается на почвѣ разума, такъ-называемаго, практическаго, пока оно свидѣтельствуетъ только о своихъ собственныхъ состояніяхъ. Оно начинаетъ обманывать только тогда, когда переступаетъ за эту грань, въ область разума теорети-

ческаго,—иначе сказать, когда единое чувство расчленяется на чувство, болѣе или менѣе, внѣшнее, и на внутреннее сознаніе, состоящее въ противоположеніи внутренняго состоянія внѣшнему вліянію, а далѣе, когда единое въ себѣ сознаніе разчленяется, болѣе или менѣе отчетливо, на внутреннее представленіе моего *я* и противополагаемое ему представленіе многихъ разновидныхъ *не—я*.

Что же такое слѣдуетъ назвать, въ этой сферѣ жизни, въ интеллектуальной дѣятельности высшихъ животныхъ, *заблужденіемъ*? Если перенести сюда и приложить понятія человѣческія, то должно будетъ признать, что *животныя вовсе не знаютъ истины*, такъ-какъ самыя высшія изъ нихъ не имѣютъ ни объ одномъ предметѣ представленія тожественнаго съ лучшимъ и,—значитъ,—истиннѣйшимъ представленіемъ человѣческимъ. Между-тѣмъ мы видимъ и говоримъ, что высшія животныя заблуждаются, слѣдовательно, допускаемъ въ нихъ способность представлять вещи и правильно. Что же для нихъ истина и что заблужденіе? Въ этомъ затрудненіи справедливо будетъ сказать, что животныя заблуждаются, или, на оборотъ, судятъ о вещахъ правильно не иначе, какъ съ своей собственной, животной, точки зрѣнія, съ точки зрѣнія своей животной природы, которая, въ основѣ основъ, оказывается тожественною съ природою, съ одной стороны, универсальною, а съ другой—и человѣческою, отъ чего и точки зрѣнія на предметы,—какъ у животныхъ, такъ и у людей, въ извѣстной степени, совпадаютъ. Какъ же отыскать, какъ, усмотрѣть эту животную точку зрѣнія, коренной критерій истиннаго и ложнаго для животнаго?

О животныхъ и этого высшаго разряда должно сказать тоже самое, что сказано и доказано о животныхъ перваго, низшаго разряда,—именно, что *ихъ смыслъ со всѣхъ сторонъ объемлется, проникается, возбуждается и направляется разумомъ практически-космическимъ*. Такъ, уже разъяснено о высшихъ животныхъ относительно, что ихъ разумъ, проясняясь не-только до сознательнаго, но и до теоретическаго, проявляется подъ господствующимъ характеромъ практическаго разума неизмѣримо болѣе, по крайней мѣрѣ, гораздо явственнѣе и опредѣленнѣе, чѣмъ разумъ человѣческій. Разъяснено уже и то, что и высшія животныя подчинены общей формулѣ космической жизни, по которой и они, какъ и все живое, чувствуютъ въ себѣ *позывы*, или *стремленія* къ другимъ, сроднымъ имъ, предметамъ, чувствуютъ и *отвращеніе* отъ предметовъ несродныхъ,

или враждебныхъ, чувствуютъ, наконецъ, и *покой*, или *удовлетвореніе*, при устраненіи помѣхъ и привлеченія пособій, къ правильному развитію своей жизни. Далѣе, о высшихъ животныхъ слѣдуетъ сказать тоже самое, что сказано и о существахъ низшаго разряда, именно, что жизнь ихъ стимулируется и направляется, ихъ позывы и отвращенія предопредѣлены, условія удовлетворонія ихъ и покоя, или чувства благосостоянія, всѣ правила нормальнаго развитія ихъ жизни предначертаны, безъ сомнѣнія, не кѣмъ и не чѣмъ инымъ, какъ ихъ природою,— точнѣе сказать, ихъ элементарною сущностью, совпадающею съ абсолютнымъ бытіемъ, которое, по извѣстному спеціальному закону, ограничивъ себя въ нихъ своимъ отрицаніемъ, дало имъ спеціальное значеніе извѣстныхъ индивидуальныхъ εἴδος-овъ, такъ-что эти предуказанные позывы и отвращенія, эти правила нормальнаго развитія жизни, эти законы нормальнаго отношенія животнаго чувства къ другимъ предметамъ лежатъ не гдѣ-нибудь внѣ, но въ самой природѣ животнаго, въ структурѣ его чувства и интеллекта.

Въ чемъ же заключается отличіе высшаго разряда животныхъ отъ низшаго разряда, въ дѣлѣ познанія вещей? Это отличіе заключается здѣсь въ томъ, что въ высшемъ разрядѣ позывы и отвращенія оказываются не въ одномъ только не расчлененномъ чувствѣ, какъ у низшаго разряда живыхъ центровъ, а въ нѣсколькихъ чувствахъ, въ чувствѣ не-только внутреннемъ, но и внѣшнемъ, и притомъ во внѣшнемъ, опять-таки расчлененномъ на нѣсколько отраслей разнородныхъ чувствъ, и оказываются такъ, что предметы обнаруживаются коренному животному чувству влеченія, или отвращенія не непосредственно, но посредствомъ вниканія частнѣйшихъ чувствъ въ предметы, и притомъ такъ, что эти частнѣйшія чувства доджны перенести свои частныя воспріятія въ резервуаръ общаго чувствилища, гдѣ эти воспріятія будутъ сведены въ одно конкретное представленіе предмета. И это-то цѣльное конкретное представленіе предмета подвергается суду теоретическаго интеллектуальнаго чувства, а въ концѣ концовъ, приговору и кореннаго практическаго животнаго чувства.

Теоретическое интеллектуальное чувство необходимо приписать не-только человѣку, но и высшимъ животнымъ, вмѣстѣ съ усвоеніемъ имъ теоретическаго разума. Это чувство не-только въ человѣкѣ, но и въ животныхъ отлично отъ чувства или разума практическаго, хотя и глубоко подчинено ему, потому-что послѣднее,—практическое чувство,—есть корень всякой жизни, а интеллектуальное есть

расчленившаяся отъ корня и ствола вѣтвь. Это-то интеллектуальное чувство, на всемъ протяженіи процесса приложенія тѣхъ, или другихъ, объектовъ къ тому, или другому, чувству, произноситъ, смотря—по расчлененію и разновидной дѣятельности чувствъ, свои разносторонніе *да*, или *нѣтъ*, свои разнородныя утвержденія, или отрицанія,—тогда-какъ нераздѣльное съ интеллектуальнымъ чувствомъ, въ низшемъ разрядѣ живыхъ существъ, чувство практическое произноситъ только болѣе, или менѣе однообразный приговоръ о вещахъ, относительно сродности, или несродности ихъ съ чувствующимъ центромъ, относительно пригодности, или непригодности ихъ для развитія его жизни. Будучи само вѣтвью чувства практическаго, интеллектуальное чувство, въ свою очередь, представляетъ въ себѣ общій стержень разнородности другихъ частнѣйшихъ чувствъ, отправляя между ними обязанности судіи и примирителя, во всѣхъ случаяхъ совмѣстной ихъ дѣятельности, особенно же, въ частыхъ, или даже почти непрерывныхъ между ними недоразумѣніяхъ, когда, наприм., одно и тоже чувство сегодня говоритъ о предметѣ одно, а завтра другое, или когда одно чувство показываетъ предметъ въ видѣ, несогласномъ съ показаніями другаго чувства,—при чемъ общее интеллектуальное чувство побуждаетъ частнѣйшія чувства ближе приложиться къ испытываемому предмету, — иначе говоря, тщательнѣе вникнуть въ него, чтобы получить наиболѣе точныя и удобосогласимыя воспріятія. Въ своихъ же приговорахъ, общее интеллектуальное чувство, очевидно, руководится своимъ собственнымъ, въ его природѣ лежащимъ, закономъ, или критеріемъ, и никакого другаго критерія для него придумать невозможно, кромѣ ощущенія въ немъ удовлетворенія, или неудовлетворенія, кромѣ ощущенія неопредѣлимаго соотвѣтствія, или несоотвѣтствія представленій, возникшихъ изъ внѣшнихъ воспріятій, съ лежащими въ природѣ интеллектуальнаго животнаго чувства нормами бытія вещей.

Что *нормы бытія вещей, въ-видѣ слитныхъ инстинктивныхъ представленій или идей, лежатъ въ природѣ животнаго чувства*, это объясняется и подтверждается выше раскрытою нами теоріею, съ одной стороны, о космическомъ безсознательномъ разумѣ, а съ другой, о разумѣ индивидуальномъ сознательномъ, за тѣмъ, съ одной стороны, объ элементарной сущности всѣхъ и всякаго рода существъ, или ἔιδος-въ, а съ другой, объ индивидуальной сущности всякаго существа, или ἔιδος-а, равно-какъ и всякаго животнаго. Выше, сколько

возможно, разъяснено нами, что вездѣ во вселенной разлитъ такъ-называемый космическій разумъ,—что этотъ разумъ, въ цѣломъ универсѣ существъ и въ каждомъ индивидуальномъ ἴδιος-ѣ, упирается въ абсолютное, въ совпадающую съ абсолютнымъ элементарную сущность и универса, и каждаго индивидуальнаго ἴδιος-а,— что этотъ разумъ и вездѣ въ природѣ, и въ каждой ея части, тожественъ и самъ себѣ равенъ, не равно же, въ частяхъ универса, только большее, или меньшее усвоеніе его индивидуальною сущностью ἴδιος-овъ, индивидуальнымъ ихъ разумомъ. Въ-силу этого-то единства безсознательнаго, вездѣ разлитаго въ мірѣ, космическаго разума, присущаго животнымъ наравнѣ со всѣми чувствующими центрами, сознательный животный разумъ, всматриваясь въ окружающую природу, видитъ здѣсь и разнообразіе,—потому-что единое абсолютное, въ каждой вещи, ограничило себя своимъ отрицаніемъ, въ безпредѣльно разнообразныхъ видахъ,—а въ тоже время, не можетъ не чувствовать вездѣ и цѣльнаго единства, такъ-какъ въ основѣ всей этой однородной пестроты лежитъ единая элементарная сущность, единое абсолютное. Всматриваясь, вникая, приближая больше и больше свои разновидныя чувства къ этому разновидному единству, животный смыслъ, въ глуби самаго себя, слышитъ голосъ, что эта вещь есть то-то, а эта вотъ это.... Что это значитъ? Это значитъ, что одинъ и тотъже космическій безсознательный разумъ, присущій и вещи, и животному сознательному смыслу, непререкаемо говоритъ послѣднему, что такое и эта вещь, и та вещь, и въ себѣ, и особенно въ-отношеніи къ воспринимающему чувству. А вообще *приговоръ о сущности познаваемой вещи изрекаетъ сознательному животному разуму присущій и ему, и всякой вещи, и всему міровому универсу, такъ-называемый безсознательный космическій разумъ: искать судіи и критерія истины далѣе и глубже вездѣ разлитаго универсальнаго разума нѣтъ возможности.*

На-основаніи опыта, мы далеки, однакожъ, отъ мысли приписать животному сознательному смыслу стремленіе къ истинѣ чисто теоретической, какъ отрицаемъ, въ тоже время, чисто теоретическія стремленія, безъ примѣси всего практическаго, даже и въ человѣческомъ разумѣ. Нѣтъ, даже и *человѣческій разумъ, а животный по преимуществу, стремится познать вещи со-стороны ихъ практическаго значенія.* Относительно человѣческаго разума, мы разъяснили это выше и еще коснемся тогоже ниже. Что же касается животнаго разума, то опытъ показываетъ, что всѣ предметы, какіе только подлежатъ этому

разуму, какими только поражаются животныя чувства, всѣ эти предметы имѣютъ такое, или другое, вліяніе на благосостояніе животнаго, и животное познаетъ, или даже изучаетъ ихъ, не иначе, какъ со-стороны этого вліянія. Есть предметы не присущіе животному сознанію, но нѣтъ предметовъ, которые, въ общемѣровомъ строѣ, не оказывали бы вліянія на органическое состояніе животнаго, и, слѣдовательно, на общее животное чувство. Есть для этого чувства предметы болѣе или менѣе безразличные,—но нѣтъ совершенно безразличныхъ. И если о коренномъ единомъ, нерасчлененномъ чувствѣ, въ существахъ низшаго разряда, можно сказать, что въ этомъ чувствѣ, частнѣе, въ ощущеніи именно покоя и удовлетворенія, лежитъ послѣдній критерій истины, нормальнаго развитія жизни этихъ существъ, — то за кореннымъ животнымъ практическимъ чувствомъ, въ высшихъ животныхъ, должно признать, по крайней мѣрѣ, то, что оно есть коренной направитель и послѣдній судія нормальности дѣйствій всѣхъ прочихъ, разчленившихся изъ этого единаго, чувствъ. А сказывающееся въ глубинѣ его, коренное ощущеніе общаго удовлетворенія, покоя и благосостоянія оказывается окончательнымъ критеріемъ того, что всѣ агенты животной жизни стоятъ въ нормальномъ отношеніи, какъ между собою, такъ и съ внѣшними вліяніями. Ощущеніе же неудовлетворенія, безпокойства, угнетенія жизни невольно и непререкаемо, говоритъ чувству, что въ-отношеніи животной природы къ остальной живой природѣ вкрались разладъ, несоотвѣтствіе, неправда, ложь, или та суета, которой, по божественному слову Откровенія, *тварь покорена неволею*, почему *вся тварь въ нами совоздыхаетъ и соболѣзнуетъ даже донынѣ*, что и будетъ до тѣхъ поръ, пока, вслѣдъ за человѣкомъ, *сама тварь не свободится отъ работы истлѣнія* [1]).

Такимъ образомъ, и въ этомъ разрядѣ чувствующихъ, одаренныхъ отчасти не-только сознательнымъ, но и теоретическимъ разумомъ, существъ, мы усматриваемъ, что *ихъ сознательно-теоретическій разумъ не-только не дѣйствуетъ самостоятельно, независимо отъ разума практическаго безсознательнаго, иначе сказать, универсально-космическаго,—но, напротивъ того, непрерывно, въ каждый моментъ своей дѣятельности, регулируется этимъ послѣднимъ*,—такъ-что познавательную дѣятельность перваго, — сознательно теоретическаго разума, — въ животныхъ справедливо было бы сравнить съ центро-

[1] Рим. 8, 20—22.

бѣжнымъ круженіемъ волчка, или шара, по бокамъ болѣе или менѣе отлогой воронки: каждое мгновеніе направляющая путь центробѣжно кружащагося волчка, или шара, центростремительная сила притяженія, рано ли, поздно ли, но неизбѣжно, доведетъ до того, что волчокъ, или шаръ непремѣнно попадетъ въ отверстіе воронки. *Такая же центростремительная сила, въ дѣятельности животнаго интеллекта, есть непрерывно вліяющая на сознательно-теоретическій разумъ, сила разума практическаго, безсознательнаго, универсальнаго, и въ окончательномъ совпаденіи праваго съ послѣднимъ лежитъ, постижимая для животнаго смысла, истина знанія и доступная животному чувству норма бытія.*

ГЛАВА LXIV.

IX) Изъ сказаннаго уже открывается больше удобства къ разъясненію, и въ-отношеніи къ человѣку, того, что *теоретическій сознательный разумъ и человѣка со всѣхъ сторонъ объемлется, проникается, возбуждается* и *направляется практически космическимъ разумомъ*. Послѣ того, что сказано выше, чтобъ разъяснить это основоположеніе, стоитъ только провести аналогію между разумомъ человѣческимъ и животнымъ,—такъ-какъ и тотъ и другой разумъ, въ глубочайшей космической основѣ своей, исходятъ изъ одного корня,—указавъ только отличіе тамъ и въ томъ, гдѣ и въ чемъ оно находится между ними. При этомъ должно обнаружиться и то, что не-только сходство одного разума съ другимъ, но и различіе между ними подтверждаютъ непререкаемую непреложность разъясняемаго основоположенія, въ-отношеніи къ разуму человѣческому.

Такъ, въ то время, какъ индивидуальный разумъ чувствующихъ существъ того низшаго разряда, въ которомъ наблюденіе не открыло разграниченія сознанія, или разсудка отъ чувства, въ которомъ вся сила разумѣнія проявляется только въ цѣльномъ неразложимомъ процессѣ ощущенія,—въ то время, какъ разумъ этого рода не ошибается, указывая одну только истину, истину чистѣйшаго практическаго характера,—въ тоже время, относительно человѣческаго разума, какъ и высшаго животнаго, непреложный опытъ свидѣтельствуетъ, что способность къ заблужденію возрастаетъ вмѣстѣ съ способностью

познавать истину, вмѣстѣ съ увеличеніемъ способовъ къ познанію, вмѣстѣ съ расчлененіемъ единаго и того-же чувства, единаго и того-же интеллекта на многія вѣтви. Тотъ-же опытъ, который свидѣтельствуетъ, что скудный нерасчлененный интеллектъ чувствующихъ существъ низшаго разряда никогда не обманывается,—что болѣе развитый, уже значительно расчлененный интеллектъ высшихъ животныхъ обманывается весьма мало, по крайней мѣрѣ,—сравнительно съ интеллектомъ человѣческимъ, тотъ-же опытъ увѣряетъ, что этотъ послѣдній, будучи существенно болѣе развитъ въ-сравненіи съ животнымъ, несравненно болѣе послѣдняго подверженъ и всякаго рода заблужденіямъ.

Даже болѣе того. О человѣкѣ, совершенно также, какъ и о высшихъ животныхъ, можно сказать, что человѣкъ по-своему, какъ и животное по-своему, не знаетъ истины. Точнѣе сказать, *абсолютная истина для индивидуально-сознательнаго человѣческаго разума*, или, еще точнѣе,—*для разсудочнаго пониманія человѣка недостижима.* Это мы уже не разъ раскрывали. Въ первой части нашего изслѣдованія мы показали, что уже въ самомъ первичномъ актѣ умственной обработки, въ чувственномъ воспріятіи и конкретномъ представленіи, выхваченный изъ эмпирическаго міра объектъ, начиная подвергаться разсудочной абстракціи, является уже инымъ, чѣмъ былъ въ объективномъ бытіи, тогда-какъ эта абстракція живыхъ недѣлимыхъ объектовъ есть отвлеченіе жизни,—что объекты тѣмъ болѣе удаляются отъ жизни, отъ живыхъ, являющихся въ эмпирическомъ мірѣ, индивидуальныхъ типовъ, чѣмъ болѣе обобщаются,—что, въ разсудочной обработкѣ понятій, построеніе даже наиболѣе конкретнаго, наиболѣе индивидуальнаго понятіи, есть уже абстракція, исключеніе изъ умопредставляемаго объекта безчисленнаго количества свойствъ и принадлежностей объекта эмпирическаго,—что ограниченный человѣческій разсудокъ абсолютно безсиленъ обнять всѣ признаки какого бы то ни было индивидуума, будь это атомъ, или солнце, или даже весь универсъ,—что это доступно только абсолютному уму, такъ-какъ количество признаковъ и проявленій всякаго индивидуальнаго предмета, какъ въ цѣломъ его составѣ, такъ и въ частяхъ, въ необъятности пространства и времени, абсолютно безпредѣльно. Въ дальнѣйшихъ отдѣлахъ нашего изслѣдованія мы показали, что искомыя нами въ универсѣ абсолютныя свойства единства, простоты, неизмѣняемости принадлежатъ только абсолютному,

которое, для разсудочнаго представленія, абсолютно непостижимо; все же ограниченное, при единствѣ, простотѣ и неизмѣнности своей элементарной сущности, какъ сущность индивидуальная, или сумма такихъ сущностей, является въ безпредѣльномъ множествѣ частностей и обнаруженій. Такимъ образомъ, ни это безпредѣльное множество измѣняющагося, ни это неизмѣнное, абсолютно-простое единство, для разсудочнаго пониманія, непостижимы. Слѣдовательно, если справедливость требуетъ сказать о человѣкѣ, что онъ не знаетъ и не можетъ знать истину абсолютную, что онъ, и воображая будто знаетъ что-нибудь, безусловно всегда имѣетъ представленіе о вещи не полное, одностороннее, не точное и, значитъ, — ошибочное, то, значитъ,—справедливость требуетъ сказать о человѣкѣ нѣчто аналогичное сказанному и о животныхъ, именно то, что человѣкъ разсудочно познаетъ истину только съ своей человѣческой, а не съ абсолютной точки зрѣнія,—съ относительной точки зрѣнія только своей собственной человѣческой природы. *Что же будетъ истиною и что заблужденіемъ, съ относительной человѣческой точки зрѣнія?*

Конечно, и человѣкъ, какъ и всѣ живыя существа, подчиненъ общей коренной формулѣ космическаго бытія. И человѣкъ, какъ и все живое, чувствуетъ въ себѣ *позывы*, или *стремленія* къ другимъ, сроднымъ съ нимъ предметамъ, чувствуетъ и *отвращеніе* отъ предметовъ несродныхъ, или враждебныхъ, чувствуетъ, наконецъ, и *покой* или *удовлетвореніе*, при устраненіи помѣхъ и привлеченіи пособій къ правильному развитію своей жизни. Конечно, и о человѣкѣ справедливость требуетъ сказать, что его жизнь стимулируется и направляется, что его позывы и отвращенія предопредѣлены, условія его удовлетворенія и покоя, или благосостоянія, всѣ правила нормальнаго развитія его жизни предначертаны не кѣмъ и не чѣмъ инымъ, какъ его природою, его элементарною сущностью, совпадающею съ бытіемъ абсолютнымъ,—такъ-что его человѣческіе предуказанные позывы и отвращенія, предуставленныя конституціональныя правила нормальнаго развитія его жизни, предначертанные законы нормальнаго отношенія кореннаго жизненнаго чувства его къ внѣшнимъ предметамъ лежатъ не гдѣ-нибудь внѣ, но въ самой природѣ человѣка, въ структурѣ его чувства и интеллекта.

Само собою разумѣется и то, что и въ человѣкѣ, подобно тому, какъ и въ высшихъ животныхъ, позывы и отвращенія сказываются уже не въ одномъ только коренномъ нерасчлененномъ чувствѣ, въ

чувствѣ не-только внутреннемъ, но и внѣшнемъ, во внѣшнемъ, въ свою очередь, расчлененномъ на нѣсколько отраслей разновидныхъ чувствъ, и сказываются такъ, что предметы обнаруживаются коренному жизненному чувству влеченія, или отвращенія, или удовлетворенія не непосредственно, но посредствомъ приложенія предметовъ къ частнѣйшимъ его чувствамъ, и притомъ такъ, что эти частнѣйшія чувства переносятъ свои частныя воспріятія въ резервуаръ общаго чувствилища, и тамъ эти воспріятія сводятся въ одно конкретное или общее представленіе предмета, это цѣльное представленіе предмета подвергается суду специфическаго теоретически—интеллектуальнаго чувства, а, наконецъ, приговору и кореннаго жизненнаго практическаго чувства, къ которому интеллектуальное чувство относится въ человѣкѣ точно также, какъ и въ животныхъ, какъ расчленившаяся вѣтвь относится къ своему корню. Кромѣ всего прочаго, это подтверждается аналогіею развитія градаціи живыхъ существъ, постепенностью расчлененія всѣхъ чувствъ изъ единаго кореннаго цѣльнаго чувства жизни. Само будучи вѣтвью чувства практическаго, чувство интеллектуальное, въ свою очередь, являетъ въ себѣ общій стержень разнородности другихъ, частнѣйшихъ чувствъ, отправляя между ними обязанности судіи и примирителя, побуждая частнѣйшія чувства въ тѣхъ случаяхъ, на-счетъ которыхъ разъяснено выше, ближе и ближе прикладываться къ испытываемому предмету, какъ можно тщательнѣе вникать въ него, чтобы получить наиболѣе точныя удобо-согласимыя впечатлѣнія, на-счетъ которыхъ интеллектуальное чувство могло бы произнести свой утвердительный приговоръ, свое—да, это такъ.

Но здѣсь предстоитъ разъяснить одну частность, которая хотя и не составляетъ исключительной принадлежности собственно человѣческаго чувства, однакожъ представляетъ важную особенность, особенно отчетливо различаемую въ человѣкѣ, отодвигающую его не-только на громадное, но даже на безпредѣльное разстояніе отъ животныхъ. Мы хочемъ сказать, что *общая формула космической жизни,* по которой коренное жизненное чувство ощущаетъ влеченіе, отвращеніе и удовлетвореніе, въ человѣкѣ, а отчасти и въ высшихъ животныхъ *специфически обособляется вслѣдъ за расчлененіемъ и обособленіемъ единаго жизненнаго чувства на многія специфическія чувства.* Мы хочемъ сказать, что въ человѣкѣ, какъ и въ высшихъ животныхъ, вслѣдъ за цѣльнымъ кореннымъ чувствомъ жизни, и *всякое частное чувство*

ощущаетъ свое специфическое влеченіе, свое отвращеніе и свое удо-
летвореніе,—и притомъ такъ, что какъ коренное жизненное чув-
ство, если-бы оно не получало своему влеченію и отвращенію соот-
вѣтственнаго удовлетворенія, должно было бы угаснуть вмѣстѣ съ
жизнью чувствующаго центра,—такъ и всякому специфическому чув-
ству необходимо получать специфическое удовлетвореніе своимъ спе-
цифическимъ влеченіямъ и отвращеніямъ,—иначе оно должно угаснуть
и исчезнуть. Такъ, зрѣніе нуждается въ возбужденіи свѣтомъ, чтобы
видѣть, слухъ, вкусъ и обоняніе, какъ и всякое другое чувство, нуж-
даются въ возбужденіи звуками, вкусами, запахами и другими ана-
логичными предметами, чтобы жить и дѣйствовать согласно съ сво-
имъ характеромъ; безъ соотвѣтственнаго же удовлетворенія, частныя
чувства гаснутъ точно также, какъ и общее. Это законъ общій какъ
для человѣка, такъ и для высшихъ животныхъ. Но вотъ высокая
особенность собственно человѣка, указываемая всемірнымъ опытомъ.
Выше мы сказали и показали, что въ низшемъ разрядѣ живыхъ су-
ществъ интеллектуальное чувство нераздѣльно съ кореннымъ жиз-
неннымъ чувствомъ, которое имѣетъ только чисто практическія от-
ношенія къ другимъ предметамъ, разсматривая ихъ и произнося о
нихъ однообразный приговоръ, только со-стороны ихъ сродности, или
несродности, съ чувствующимъ центромъ, только относительно при-
годности, или непригодности ихъ для развитія его жизни. О выс-
шихъ животныхъ мы сказали и показали, что ихъ разумъ, разви-
ваясь не-только до сознательнаго, но и до теоретическаго, проявляется подъ господствующимъ характеромъ разума практическаго неизмѣримо болѣе, по крайней мѣрѣ, гораздо явственнѣе и опредѣленнѣе, чѣмъ разумъ человѣческій,—что на-основаніи опыта трудно приписать животному разуму тенденцію къ истинѣ чисто теоретической,—что этотъ разумъ, преимущественно предъ человѣческимъ, стремится познать вещи почти исключительно только со-стороны ихъ значенія практическаго,—что животное интеллектуальное чувство, дѣйствуя всегда неотложно подъ подавляющимъ вліяніемъ чувства практическаго, взвѣшиваетъ вещи, главнымъ образомъ, если только не единственно, со-стороны ихъ вліянія на физическія чувства, со-стороны ихъ пригодности, или непригодности, для возможно правильнаго развитія жизни, именно и спеціально, животной. О человѣкѣ же на-основаніи всемірнаго опыта, мы должны сказать, что ему прирождено стремленіе и къ теоретической истинѣ, къ истинѣ универсально

всеобъемлющей, безпредѣльной и неизмѣнной, къ истинѣ абсолютной. Выше замѣчено, однакожъ, что и въ человѣкѣ мы отрицаемъ стремленія чисто теоретическія, безъ примѣси всего практическаго. Въ чемъ же, послѣ этого, сущность дѣла? Въ чемъ здѣсь отличіе человѣка отъ животнаго? *Почему человѣку мы приписываемъ стремленіе къ теоретической истинѣ, а въ животныхъ это стремленіе почти отрицаемъ?*

Существенное основаніе того, почему мы приписываемъ человѣку, почти въ исключительную собственность, стремленіе къ теоретической истинѣ, по нашему мнѣнію, заключается въ слѣдующемъ. Въ области низшихъ чувствъ, человѣкъ, въ существѣ своемъ, хотя и высшее изъ животныхъ, но все-же животное. Его познанія въ этой области носятъ, какъ и у животныхъ, главнымъ образомъ, если только не исключительно, характеръ практическій. Выше показано уже, что всѣ внѣшне—чувственныя качества, какія человѣкъ приписываетъ предмету, до самыхъ основныхъ и первичныхъ, суть не иное что, какъ принадлежащія субъекту чувственныя раздраженія и воспріятія. Здѣсь, въ отдѣльныхъ воспріятіяхъ, человѣческое чувство, какъ и животное, не заблуждается по тому, что здѣсь оно является только чувствомъ практическимъ. Теоретическій же характеръ начинается въ интеллектѣ тогда, когда онъ начинаетъ рѣшать, что такое вещь въ себѣ, внѣ вліянія нашихъ чувствъ,—не всѣхъ чувствъ, что фактически невозможно, но внѣ вліянія именно внѣшнихъ чувствъ,—когда интеллектъ, по требованію внутренняго чувства, станетъ сводить къ единству разнообразныя показанія внѣшнихъ чувствъ, станетъ искать въ конкретныхъ явленіяхъ единаго общаго внутренняго стержня,—когда, на-основаніи воспринятыхъ качествъ предмета, устремится за другими, которыя не даются сразу внѣшнему чувству, но несомнѣнно предполагаются внутреннимъ чувствомъ, въ каждомъ предметѣ, въ количествѣ безпредѣльномъ,—когда въ безпредѣльномъ количествѣ безпредѣльно разнообразныхъ и измѣнчивыхъ предметовъ интеллектъ станетъ ловить сначала многіе законы, болѣе или менѣе общіе и неизмѣнные, а, наконецъ, подъ многими законами бытія угадывать законъ единый, всеобщій, неизмѣнный и абсолютный... Однимъ словомъ, *теоретическое познаніе, по нашему мнѣнію, начинается тамъ, гдѣ оканчивается непосредственная дѣятельность внѣшняго и начинается господствующая дѣятельность внутренняго чувства, гдѣ случайныя показанія перваго переводятся на постоянные*

типы послѣдняго. Такое теоретическое познаніе, какъ выше мы старались разъяснить, оказывается и у высшихъ животныхъ, въ ихъ сознательномъ разумѣ,—но оказывается въ явно ограниченной, узкой долѣ и степени, которыя въ животныхъ родахъ никогда, въ-продолженіи тысячелѣтій, не увеличиваются и не повышаются. Напротивъ того, въ человѣкѣ, въ его сознательномъ разумѣ, теоретическое познаніе не предусматриваетъ себѣ предѣла. Итакъ, *вмѣстѣ съ прирожденнымъ стремленіемъ къ безпредѣльной теоретической истинѣ, мы вынуждаемся приписать человѣку и интеллектуальное—теоретическое чувство, въ мѣрѣ, безпредѣльно высшей той мѣры, въ какой отыскиваемъ и то, и другое, и интеллектуальное чувство, и стремленіе познать вещи теоретически, въ сознательномъ разумѣ высшихъ животныхъ.*

Усвоивъ, такимъ образомъ, интеллектуальное теоретическое чувство почти въ исключительную собственность человѣческому разуму, мы, тѣмъ не менѣе, *не можемъ освободить его отъ подчиненія общей формулѣ космической жизни.* Напротивъ того, опытъ заставляетъ приписать *спеціализованному интеллектуальному чувству человѣческаго духа свои спеціализованныя влеченія, свои отвращенія, свои особыя условія удовлетворенія и успокоенія.* На-основаніи всего выше сказаннаго, мы вынуждаемся признать, что эти спеціализованныя влеченія и отвращенія, эти особые законы успокоенія интеллектуальнаго чувства, лежатъ не гдѣ-нибудь внѣ, но внутри его природы. Вынуждаемся сказать о немъ нѣчто аналогичное тому, что сказано и о животномъ интеллектуальномъ чувствѣ, именно, что, въ своихъ окончательныхъ приговорахъ о бытіи внѣшнихъ предметовъ, человѣческое интеллектуальное чувство руководится, очевидно, своимъ собственнымъ, въ его собственной природѣ лежащимъ, закономъ или критеріемъ, и *невозможно придумать никакого иного критерія истины, кромѣ ощущенія неопредѣленнаго соотвѣтствія, или несоотвѣтствія представленій, возникшихъ изъ внѣшнихъ воспріятій, съ лежащими въ природѣ интеллектуальнаго чувства нормами бытія вещей, въ-видѣ слитныхъ инстинктивныхъ представленій или идей,—что вообще приговоръ о бытіи и качествахъ познаваемой вещи изрекаетъ сознательному человѣческому, какъ и животному, разуму, присущій и ему и всякой вещи, и всему міровому универсу, несознанный космическій разумъ.*

И такъ-какъ всякая данная вещь, въ элементарой сущности своей,

совпадаетъ съ абсолютнымъ бытіемъ и заключаетъ въ себѣ именно безпредѣльное количество признаковъ, частностей и проявленій,—то сознательный человѣческій разумъ, какъ уже неоднократно замѣчено, ни объ одной вещи не можетъ имѣть представленія, адекватнаго ея сущности и даже бытію, не можетъ пріобрѣсти о ней познанія абсолютнаго не можетъ достигнуть абсолютной истины. Но, съ другой стороны, всякое произведенное вещью на чувство человѣка впечатлѣніе, всякое воспріятіе, всякое представленіе, какъ бы односторонне оно ни было, для практическаго чувства есть истина, есть отраженіе въ этомъ чувствѣ истины абсолютной. Затѣмъ, когда одно впечатлѣніе сопровождается другимъ и третьимъ, одно воспріятіе повѣряется послѣдующими, одно представленіе пополняется и исправляется ново-воспринятыми признаками предмета и передѣлывается въ новое, болѣе полное и болѣе точное представленіе,—въ такомъ случаѣ и это новое представленіе, какъ совокупность непосредственныхъ чувственныхъ воспріятій, будетъ само въ себѣ, въ практическомъ смыслѣ, истиною, въ-отношеніи же къ прежнему представленію о вещи, истиною большею и совершеннѣйшею, а въ-отношеніи къ истинѣ абсолютной истиною, съ одной стороны, болѣе первой близкою, но съ другой—всегда, вѣчно далеко, на безпредѣльное разстояніе, отъ нея отстоящею. Однимъ словомъ, человѣкъ *своимъ сознательнымъ разумомъ, переходящимъ въ разсудокъ, можетъ постигать истину только спеціально-человѣческую, спеціально-ограниченную, истину, которая, какъ совокупность непосредственныхъ чувственныхъ воспріятій, всегда есть истина только практическая,—истину, которая въ-отношеніи къ представленіямъ, являющимъ въ себѣ совокупность чувственныхъ воспріятій менѣе полныхъ и совершенныхъ, будетъ истиною совершеннѣйшею, а въ-отношеніи къ истинѣ абсолютной, болѣе близкою, но всегда безпредѣльно далекою*, такъ-что всякая разсудочная истина, по нашему мнѣнію, есть истина, въ самомъ строгомъ смыслѣ, только практическая, какъ совокупность въ представленіи частичныхъ, ограниченныхъ, человѣческихъ ощущеній и воспріятій. Теоретическою же истиною о вещи, истиною, стоящею внѣ не всѣхъ,—что абсолютно невозможно,—но внѣ низшихъ, частичныхъ ограниченныхъ человѣческихъ ощущеній и воспріятій, можно бы, въ возможно-строгомъ смыслѣ, назвать только совокупность свойствъ вещи, несомнѣнно ей принадлежащихъ, но еще не постигнутыхъ сказанными чувствами человѣка, являющихся глубочайшему

чувству элементарной сущности человѣческой, только въ идеѣ, въ своей элементарной сущности. Но какъ и эта истина является человѣческому разуму опять-таки не внѣ глубочайшаго внутреннѣйшаго чувства человѣка, то и ее, въ самомъ строгомъ смыслѣ, нельзя назвать истиною чисто—теоретическою, безъ примѣси всякаго практическаго характера,—тѣмъ болѣе, что она, послѣдними своими основаніями, лежитъ въ присущемъ и вещи, и человѣческому духу, и всему универсу, разумѣ космическомъ, безсознательно-практическомъ. Однимъ словомъ, не-только животный, но и *человѣческій сознательно теоретическій разумъ со всѣхъ сторонъ охватывается, носится, стимулируется и направляется такъ-называемымъ разумомъ безсознательнымъ, практически-космическимъ.*—Отъ того-то глубочайшая гуманнѣйшая психологія христіанскаго откровенія и проповѣдуетъ существенное превосходство мудрости практической предъ теоретическою, превосходство стремленія къ абсолютной истинѣ цѣльно-духовнаго, дѣятельнаго, подъ исключительно-умственнымъ созерцательнымъ: высочайшая истина, *Богъ*, по божественному слову, *любы есть*, и *не любяй не позна Бога*, такъ-какъ *разумъ кичитъ, а любы созидаетъ.*

На-основаніи выше сказаннаго, остается провести здѣсь и еще одну аналогію. Если индивидуальный разумъ того низшаго разряда существъ, въ которомъ наблюденіе не находитъ разграниченія сознанія или разсудка отъ чувства, въ которомъ вся сила разумѣнія проявляется пока только въ цѣльномъ, неразложимомъ, процессѣ ощущенія, неуклонно подчиняющагося водительству космическаго, разума,—если разумъ этого рода никогда не ошибается, указывая одну только истину,—если ощущеніе покоя или удовлетворенія, въ существахъ этого разряда, есть послѣдній критерій не-только нормы жизни, но и истины,—если, и для сознательнаго разума высшихъ животныхъ, постижимая истина знанія и ощутимая норма бытія лежатъ въ окончательномъ совпаденіи сознательно теоретическаго разума съ разумомъ практическимъ, безсознательно-космическимъ,—то ужели-же человѣкъ, представляющій въ себѣ, сколько извѣстно, высшее, могущественнѣйшее развитіе сознательнаго разума, составляетъ исключеніе изъ этой общей формулы развитія живыхъ, чувствующихъ существъ? Ужели изъ всѣхъ живыхъ существъ одинъ только человѣкъ брошенъ рукою гнѣвной судьбы въ безбрежный океанъ, чтобъ, ища пристанища истины, только безконечно блуждать,

безъ надежды успокоенія и прибѣжища, безъ опорныхъ точекъ въ плаваніи? Нѣтъ, строгая аналогія постепенности въ развитіи жизни и разума подсказываетъ рѣшительно отрицательный отвѣтъ на этотъ вопросъ, именно, что этого быть не можетъ. Но затрудненіе къ наглядному усмотрѣнію этой, хотя и естественно, аналогически, вытекающей изъ опытно-данныхъ посылокъ истины заключается въ томъ, что, тогда-какъ дѣятельность разума существъ перваго, низшаго разряда, состоя только въ проявленіи природныхъ инстинктовъ, ограничена крайне узкою, едва-едва только намѣченною, почти совпадающею съ центромъ, сферою, — тогда-какъ дѣятельность разума высшихъ животныхъ, представляя уже нѣсколько болѣе обширную сферу, явственно для человѣческаго наблюденія замыкается, и въ единицахъ, и въ цѣлыхъ родахъ, преобладающимъ господствомъ инстинктивно-безсознательнаго или практическаго разума,—въ тоже время, умственная дѣятельность не-только цѣлаго человѣчества, но и отдѣльныхъ народовъ, и даже нерѣдко, или, лучше сказать,— всегда, и каждаго отдѣльнаго человѣка представляетъ уже не удобообозримую сферу неудобоизмѣримаго радіуса,—сферу, въ которой инстинктивно-практическій разумъ, повидимому, тонетъ блѣдною, едва уловимою тѣнью, или точнѣе,—едва-едва мерцающимъ, изъ безпредѣльной глуби, свѣтомъ звѣздъ самой малой величины въ подавляющемъ солнечномъ блескѣ проявленій индивидуальнаго, личносознательнаго, свободно-теоретическаго разума. Однакожъ, все это окажется миражемъ и въ-отношеніи къ человѣческому разуму, если только сдѣлать усиліе окинуть эту широкую сферу взглядомъ соразмѣрно-же широкимъ. Если *Гуфеландъ* сказалъ, что для человѣка нѣтъ непреодолимыхъ инстинктовъ, тогда-какъ для животныхъ всѣ инстинкты непреодолимы,—то это изреченіе, относительно человѣка, истинно только въ извѣстныхъ предѣлахъ. Несомнѣнно, что для человѣчества, для народовъ и для отдѣльныхъ людей непреодолимы не-только инстинктивныя, полагаемыя сколько человѣческою, столькоже и внѣшнею природою, условія отношеній къ міру,—но непреодолимо также и общее теченіе судебъ человѣчества, даже болѣе или менѣе непреодолимо, или даже неощутимо вліятельно направленіе духа вѣка и народа, болѣе или менѣе непреодолимы даже личныя идіосинкразіи, характеры темпераментовъ, особенности жизненной обстановки каждаго частнаго лица и т. д. Въ подтвержденіе этой истины, особенно настойчиво защищаемой новѣйшею исторіею (*Бокля*, *Косто-*

марова и др.), матеріализмъ и позитивизмъ указываютъ на всеобщую необходимость законовъ природы, непреодолимо подчиняющую себѣ и человѣка. А спиритуализмъ, сверхъ этой необходимости, подчиняющей себѣ матеріальную сторону человѣка безусловно и непосредственно, духовную же посредственно и условно, усматриваетъ въ исторіи еще непреодолимое вседержительное предопредѣленіе и неустранимое веденіе всевышнимъ Промысломъ какъ судебъ всего человѣчества, такъ и жребія народовъ, равно-какъ и удѣла каждаго частнаго человѣка. Съ этой точки зрѣнія, становится уже почти наглядным тотъ аналогическій выводъ, что если для существъ низшаго разряда истина и норма жизни заключаются въ нераздѣльности сознательнаго разума съ разумомъ практическимъ космическимъ, а для высшихъ животныхъ—въ совпаденіи сознательнаго разума съ практическимъ космическимъ,—то и *для человѣческаго разума истина должна быть тамъже, гдѣ и норма жизни,—т. е. въ подчиненіи сознательно—теоретическаго разума тому-же практически-космическому разуму.* И если вѣковое наблюденіе надъ животными способно довольно приблизительно указать совокупность тѣхъ животныхъ инстинктовъ, которыми замыкается норма умственной и практической дѣятельности животныхъ родовъ и единицъ,—то тоже вѣковѣчное наблюденіе въ-состояніи отчасти указать совокупность и тѣхъ нормъ, которыя если не замыкаютъ, въ-видѣ самозамкнутаго круга, то, по крайней мѣрѣ, въ-видѣ непереходимо граничныхъ, подъ угломъ расходящихся линій искони предуставленнаго теченія, направляютъ нормальную дѣятельность и человѣческаго духа. Вѣковѣчный опытъ вынуждаетъ искать этихъ нормъ *въ совпаденіи истины съ добромъ и истиннымъ счастьемъ человѣка*, съ полнотою жизненности и быстротою нравственныхъ успѣховъ человѣчества и народовъ, — частнѣе,— заставляетъ искать въ тѣхъ *конституціональныхъ началахъ человѣческаго сознанія, совѣсти и вкуса*, или вообще человѣческаго духа, непреложность которыхъ не могутъ разрушить всѣ послѣдовательные взрывы разнообразныхъ скептицизмовъ,—непреложность которыхъ признается столькоже *Ридомъ*, сколько и *Юмомъ* и нашимъ *М. Троицкимъ*, какъ и всѣмъ человѣческимъ родомъ,—и еще частнѣе—заставляетъ искать въ тѣхъ *конституціональныхъ неподвижныхъ началахъ нравственности*, о которыхъ *Бокль* [1]) говоритъ: «неоспоримо, что въ

[1]) Исторія цивилизаціи въ Англіи, I, 202—203, переводъ *Бѣлинскаго* и *Ненарокомова*.

цѣломъ мірѣ нѣтъ ничего такого, что измѣнилось бы такъ мало, какъ тѣ великіе догматы, изъ которыхъ слагаются нравственныя системы... Факты, изъ которыхъ выводятся нравственныя правила, также доступны и должны быть также очевидны самому грубому варвару, какъ и самому просвѣщенному философу»,—которыми, во всѣ эпохи человѣческой исторіи, направлялись и поддерживались и здравомысліе умовъ, и чистота вкусовъ, а слѣдовательно, условливались и истинные успѣхи жизни, истинный покой всегда *труждающихся* и *обременныхъ* человѣческихъ душъ, и притомъ условливались такъ, что удаленіе человѣчества отъ этихъ неподвижныхъ началъ добра всегда сопровождалось пропорціональнымъ погруженіемъ въ хаосъ понятій и прогрессивнымъ углубленіемъ въ бездну невѣрія,—невѣрія въ счастье жизни и высоту человѣческаго призванія, по Божественному слову, что *духъ злобы въ истинѣ не стоитъ и истины нѣсть въ немъ*, что онъ *ложь и отецъ лжи и человѣкоубійца бѣ искони*,—къ которымъ, не-смотря иногда на упорное противодѣйствіе духовъ разныхъ вѣковъ, духъ народовъ и человѣчества непреодолимо возвращается, направляемый теченіемъ своихъ историческихъ судебъ, и въ младенчествѣ эпохъ и народовъ, и въ могуществѣ возмужалаго развитія, и нерѣдко, или даже всего чаще, въ угнетеніи, въ старческомъ одряхлѣніи, въ тягостномъ предощущеніи разложенія и кончины извѣстной массы человѣчества, какъ исторической единицы, инстинктивно вознося человѣческіе помыслы, то съ отрадною надеждою, то съ грызущимъ раскаяніемъ, или даже отчаяніемъ, за предѣлы этого, для всякой юности чувственно прекраснаго и дорогаго, но для всякой мужеской опытности и особенно для дряхлой старости, грустно скоропреходящаго міра, къ вѣчному Отцу духовъ безсмертныхъ,—къ Тому, кто изрекъ о себѣ: *Азъ есмь путь, и истина и животъ.*

ПРИЛОЖЕНІЕ И ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

ГЛАВА LXV.

Что мы, въ заключеніе, имѣемъ какъ дѣйствительно сущее?

Въ выводѣ нашего изслѣдованія мы получили три непререкаемо существующихъ бытія: атомы, бытіе абсолютное и ограниченные ἔιδος-ы, или, лучше сказать, мы получили два бытія: единое абсолютное безконечное и міріады ограниченныхъ ἔιδος-овъ, въ число которыхъ включаются и атомы, такъ-какъ атомъ, по нашимъ выводамъ, существенно не отличается отъ прочихъ индивидовъ и самъ всегда подлежитъ дѣленію на безконечное число частей, а абсолютной дѣлимости атомъ можетъ достигнуть только тогда, когда и если-бы онъ превратился въ нуль.

Но вотъ, въ недавно появившемся сочиненіи самой современной европейской знаменитости, *аббата Секки*: *Единство физическихъ силъ* [1]), мы встрѣтили отрицаніе нашего воззрѣнія, по нѣкоторымъ, самымъ основнымъ, пунктамъ. Оставить это отрицаніе безъ разсмотрѣнія мы тѣмъ болѣе не можемъ, что *Секки* предупредилъ нашу мысль, предлагая современному свѣту *опытъ естественно-научной философіи*, между-тѣмъ-какъ и мы отваживаемся также выступить не съ инымъ чѣмъ, какъ *съ опытомъ-же философіи*, хотя и не естественно-научной, однакожъ, по возможности, основанной на изысканіяхъ и выводахъ *наиболѣе позитивной естественной науки*.

[1]) При составленіи этого трактата, мы имѣли подъ руками названное сочиненіе *аббата Секки* въ только-что появившемся тогда и быстро распространившемся по Россіи, въ русскомъ переводѣ *Павленкова* (*изд. Красовскаго*), Вятка, 1873 г. Мы тогда-же предположили, что на это сочиненіе русскіе переводчикъ и издатель наложили нѣсколько самодѣльныхъ штриховъ, которымъ авторъ мало при-

I) Самое основное отличіе взгляда *А. Секки* отъ нашего заключается въ томъ, что *Секки принадлежитъ къ числу самыхъ новѣйшихъ защитниковъ атомизма.*—«Извѣстно»,—пишетъ онъ [1]),—«что атомы, прежде всего, считаются непроницаемыми, не состоящими изъ соединенія частичекъ, а слѣдовательно, они и не могутъ заключать въ себѣ никакихъ пустотъ, которыя допускали бы ихъ расширеніе и сокращеніе». Въ своей системѣ онъ допускаетъ не-только «молекулы, группы атомовъ, которыя имѣютъ болѣе или менѣе сложную форму», но и «*уединенные или элементарные атомы*, которые одни имѣютъ *безусловное право* на это названіе» [2]). «Нельзя не признать»,—пишетъ онъ въ заключеніи своей теоріи [3]),—«раціональною теорію, которая смотритъ на матерію, какъ на *соединеніе отдѣльныхъ атомовъ, бывшихъ сначала удаленными другъ отъ друга. Атомическая теорія* не-только далека отъ какихъ бы то ни было абсурдовъ и неспособности къ объясненію явленій, но, какъ разъ наоборотъ, вытекая прямо и непосредственно изъ фактовъ, должна быть отнесена къ числу самыхъ раціональныхъ».

II) Тѣмъ не менѣе, однакожъ, *А. Секки* знаетъ, что *многіе капи-*

частенъ,—штриховъ, которые дали его произведенію оттѣнокъ рѣзко матеріалистическій. Переводчикъ и издатель, впрочемъ, и сами не скрыли, что они нѣсколько мутилировали (исказили) подлинникъ, урѣзавъ по нѣскольку строкъ именно въ тѣхъ двухъ-трехъ мѣстахъ книги, гдѣ много-ученый атомистъ и въ тоже время римскій аббатъ, подданный тогда еще царствовавшаго Пія IX, съ сантиментальною тенденціозностью усиливался показать совмѣстность своей ученой механическо-атомистической теоріи съ своими религіозными вѣрованіями. Затѣмъ въ одномъ изъ нашихъ духовныхъ журналовъ, именно въ *Прав. обозрѣніи* (см. 1875 г. Сент., стр. 216—217) мы прочитали, какъ въ статьѣ *проф. Голубинскаго*, такъ и въ письмѣ самаго *О. Секки*, обличеніе Вятскаго изданія въ подлогѣ. Это побудило насъ добыть и сравнить подлинникъ съ переводнымъ. Къ сожалѣнію, того французскаго изданія труда *аб. Секки*, съ котораго сдѣланъ Вятскій переводъ, намъ не выслали. Но и по второму французскому изданію (Paris, 1874 г.), при тщательномъ и почти подетрочномъ сличеніи его съ русскимъ Вятскимъ переводомъ, особенно же въ тѣхъ мѣстахъ, которыя поцитованы въ нашемъ изслѣдованіи, оказывается, что собственно ученая система *аб. Секки* не тронута намѣреннымъ искаженіемъ ни въ одномъ словѣ перевода. А такъ-какъ мы имѣемъ дѣло только съ учеными воззрѣніями *аб. Секки*, ни мало не касаясь его религіозныхъ вѣрованій, и подвергаемъ критикѣ собственно его механическій атомизмъ, несогласный, въ самыхъ основаніяхъ своихъ, съ изъясняемою нами философскою системою міровоззрѣнія,—то и считаемъ возникшее пререканіе о намѣренной порчѣ труда *аббата Секки* вовсе насъ не касающимся. [1]) Стр. 29. [2]) 33. [3]) 404.

тальные мыслители, не безъ солидныхъ основаній, отвергаютъ атомическую теорію.—Объясняя строеніе матеріи, онъ объявляетъ, что «не претендуетъ на раскрытіе тайнъ матеріи»,—что «онъ весьма далекъ отъ какихъ бы то ни было разсчетовъ на объясненіе всего космоса» [1]),—что «въ этомъ объясненіи затрудненія возрастаютъ тѣмъ значительнѣе, чѣмъ болѣе мы углубляемся въ предметъ»,—что въ доказательствахъ атомизма «онъ рѣшается на рискъ вытти на *апріорическую дорогу*, за неимѣніемъ *точныхъ положительныхъ данныхъ*»,—что въ этихъ изысканіяхъ «одинъ и тотъ-же фактъ можетъ имѣть нѣсколько различныхъ объясненій и часто не легко бываетъ объяснить, какое изъ нихъ истинное»,—что онъ не желаетъ «навязывать свои мнѣнія и выдавать за несомнѣнное то, что только вѣроятно,»—что «атомическая теорія подвергалась сильнымъ нападеніямъ»,—почему онъ и «считаетъ необходимымъ показать, что она вполнѣ согласна съ наблюденіемъ».

III) *Какими же наблюденіями подтверждаетъ Секки атомическую теорію?*—Наблюденіями, заимствованными изъ *оптики и механики.* По его изслѣдованіямъ, оптика и механика доказываютъ присутствіе во всей вселенной эѳира, который своей вибраціею производитъ въ насъ впечатлѣнія свѣта, возбуждаетъ въ тѣлахъ теплородныя и химическія дѣйствія и составляетъ причину электро-динамическихъ и магнитныхъ явленій,—эѳира, не отличающагося, по своему существу, отъ обыкновенной матеріи, но только находящагося въ состояніи полнѣйшей дезаггрегаціи, или въ крайней степени разрѣженія матеріи, доходящей до распаденія на *элементарные атомы* [2]). Но самъ-же *Секки* заявляетъ, что «оптика и механика оказываются безсильными въ рѣшеніи этого вопроса» [3])—недѣлимости первичныхъ атомовъ,—и «потому онъ обращается за данными, *почти безраздѣльно, къ одной лишь химіи*».

IV) Какія же данныя представляетъ ему, для подтвержденія атомизма, химія? Да тѣже данныя, которыя уже разсмотрѣны нами выше, которыя приводятъ другихъ химиковъ, къ совершенно обратному заключенію именно, что предѣлъ атомности вещества указать невозможно. Эти данныя заключаются въ *опредѣленности пропорцій* химическихъ соединеній разнородныхъ молекулъ. Но, развивая по-своему это доказательство, *Секки* сознается, что «большинство [4]) хими-

[1]) 388. [2]) 454. [3]) 395. [4]) 395—403.

ковъ называетъ атомами собственно молекулы, частицы сложныя»,— что «болѣе требовательные ученые, для избѣжанія двойственнаго значенія этого термина, оставили слово—*атомъ* и замѣнили его словомъ—*эквивалентъ*, и многіе полагаютъ, что *восходить отъ эквивалентовъ къ атомамъ значитъ переступать точныя границы теоріи*». По мнѣнію *Секки*, «это, однакожъ, ошибочно: фактъ эквивалентности», по его словамъ, «есть чисто опытное данное, и атомическое строеніе есть не болѣе, какъ логическій выводъ изъ этого факта». Въ подтвержденіе своихъ словъ, *Секки* здѣсь-же раскрываетъ извѣстную теорію *Прута*, который считаетъ эквивалентные вѣсы различныхъ тѣлъ кратными числами эквивалента водорода. Но здѣсь-же *Секки* перечисляетъ и тѣ общеизвѣстные случаи, гдѣ законъ кратныхъ эквивалентовъ оказывается несостоятельнымъ, указывая и вещества, которыхъ эквиваленты не кратны одни другимъ. Усливаясь подкрѣпить себя математическими вычисленіями, онъ предостерегаетъ, что «въ этомъ случаѣ слѣдуетъ поступать съ особенною осмотрительностью; иначе можно рисковать имѣть дѣло лишь съ безплоднымъ рядомъ цифирныхъ выкладокъ»,—признаетъ обстоятельства, которыя нарушаютъ простоту закона эквивалентовъ,—сознается, что «*химикъ на этомъ и долженъ остановиться*. Но, *какъ философъ*, онъ, *Секки*, не можетъ удовлетвориться такимъ результатомъ и долженъ, такъ, или иначе, дать фактамъ обобщающій видъ». Онъ сознается даже, что «*атомическія группы* [1]) *постепенно убывающей сложности имѣютъ своими послѣдними членами частицы* (молекулы) *веществъ*, называемыхъ химическими элементами», на-*сколько* это извѣстно по аналогіи,—что «*мы устанавливаемъ для нихъ эту границу по тому, что не можемъ продолжать свои изслѣдованія надъ даннымъ рядомъ до безконечности*». Тѣмъ не менѣе, однакожъ, онъ заключаетъ: «какъ бы то ни было, но нельзя не признать раціональною теорію, которая смотритъ на матерію, какъ на соединеніе отдѣльныхъ атомовъ, бывшихъ сначала удаленными другъ отъ друга». Это значитъ, что *Секки* самъ признаетъ, что *не-только оптика, или механика, но и химія безсильны доказать атомистическую теорію фактически*,—что она принимается имъ не какъ химикомъ, а только какъ философомъ, и принимается не на опытныхъ научныхъ основаніяхъ, а только по тому, что ему, какъ философу, кажется раціональною. Нужно замѣ-

[1]) 404.

тить также при этомъ, что изъ приведенныхъ у *Секки*, въ подтвержденіе атомистической теоріи, химическихъ данныхъ, именно изъ *неточности и неприложимости ко всѣмъ химическимъ реакціямъ закона эквивалентовъ*, другіе химики, какъ мы выше видѣли [1]), выводятъ совершенно обратное заключеніе, именно, что *за сложными молекулами необходимо видѣть атомы, также, въ свою очередь, сложные и распадающіеся, а за атомами нужно искать еще ультиматовъ, которыхъ, къ сожалѣнію, нельзя только найти.* Иначе сказать, *химія рѣшительно ниспровергаетъ атомическую теорію, а оптика и механика безсильны ее подтвердить, и, такимъ образомъ, вся тяжесть констатированія этой теоріи падаетъ единственно только на метафизику.*

V) Въ этомъ выводѣ *Секки* рѣшительно поддерживаетъ насъ собственными признаніями. Какъ экспериментализтъ, какъ *физикъ*, *Секки* даже [2]) устраняетъ себя отъ рѣшенія вопроса, какой составъ имѣютъ элементы,—простой, или сложный? Для физики, по его словамъ, это даже не важно. «Въ самомъ дѣлѣ»,—говоритъ онъ [3]),—«будетъ ли первоначальный атомъ непроницаемъ, составляетъ ли онъ собою твердую сферу опредѣленнаго радіуса, или только занимаетъ центръ извѣстной геометрической фигуры и дѣйствуетъ на извѣстное разстояніе отъ этого центра, устанавливая, такимъ образомъ, непроницаемость,—для физики этотъ вопросъ безразличенъ»; физика не рѣшаетъ его, потому-что и не можетъ рѣшить, оставляя его на долю метафизики.

VI) Какими же соображеніями доказываетъ *Секки* атомистическую теорію, *какъ метафизикъ*, какъ философъ?—«Согласно свидѣтельству фактовъ, слѣдуетъ признать»,—пишетъ онъ [4]),—«что, *по всей вѣроятности*, первоначальное и естественное состояніе матеріи было такое, при которомъ всѣ атомы обладали полною свободою и безусловною независимостью другъ отъ друга. Располагая простыя тѣла по степени сложности ихъ структуры»,—говоритъ онъ [5]),—«мы *необходимо должны дойти до конечнаго предѣла*». И опять: «умъ нашъ говоритъ намъ [6]), что *матерія не до безконечности дѣлима и что ея разрѣженіе, такъ или иначе, но непремѣнно,—должно имѣть свой предѣлъ.* Какъ бы ни былъ далекъ предполагаемый предѣлъ разрѣженія матеріи, но въ концѣ концовъ, она всегда должна состоять изъ

---

[1]) Томъ I, стр. 120—122. [2]) 393. [3]) 393. [4]) 40. [5]) 71. [6]) 393.

раздѣльныхъ атомовъ». Въ этомъ заключается сущность его метафизической аргументаціи,—аргументаціи, какъ мы знаемъ уже, весьма не сильной, потому-что такъ говоритъ аббату *Секки* его личный умъ; но другіе умы говорятъ нѣчто обратное, именно, что всякая данная величина дѣлится до безконечности, какъ мы выше видѣли, [1]) и что всякій атомъ, самъ въ себѣ, есть сложный маленькій міръ; абсолютная же непроницаемость невозможна ни въ какомъ конечномъ тѣлѣ, какъ положительно утверждаетъ это *С. В. Томсонъ*. Если для поддержанія доктрины атомизма необходимъ авторитетъ извѣстныхъ людей, которые были бы ея сторонниками [2]), то, между защитниками его собственной теоріи, *Секки* готовъ указать многихъ ученыхъ, научная репутація которыхъ ни въ чемъ не уступаетъ извѣстности ихъ противниковъ, и, во-первыхъ, указываетъ на знаменитаго *Тиндаля*. Дѣйствительно, въ своей, недавно произнесенной въ Лондонскомъ Королевскомъ обществѣ, рѣчи [3]), которую онъ назвалъ: *роль воображенія въ развитіи естественныхъ наукъ*,—*Тиндаль* защищаетъ атомическую теорію не-только одинаковыми съ *Секки* соображеніями, но и излагаетъ ее почти въ тожественныхъ съ нимъ выраженіяхъ.

«*Многіе изъ современныхъ химиковъ*»,—говоритъ *Тиндаль*,—отказываются [4]) *признать дѣйствительное существованіе атомовъ и частицъ*. По излишней осторожности, они не отваживаются стать подъ знамя созданной *Дальтономъ*, столь ясной, опредѣленной и легко приложимой къ матеріи, *атомической теоріи*; они отвергаютъ всѣ ея формы и не позволяютъ своему дисциплинированному уму идти далѣе ученія *о кратныхъ отношеніяхъ*. Но тѣже химики, отворачивающіеся отъ частичнаго строенія тѣлъ, признаютъ *теорію волнообразнаго движенія, вѣря въ существованіе эѳира и свѣтовыхъ его волнъ*. Представьте же себѣ, для примѣра, рядъ звуковыхъ волнъ. Прослѣдите эти волны до начальной точки или исхода. Что вы въ нихъ найдете? То, или другое, опредѣленное, осязаемое, вибрирующее тѣло. Слѣдуйте такимъ-же образомъ за рядомъ эѳирныхъ волнъ, до ихъ исходнаго пункта. Что можете вы ожидать найти, какъ источникъ ряда эѳирныхъ колебаній? Спросите у вашего воображенія: согласно ли оно принять за такой источникъ *вибрирующую кратную пропорцію?* Согласно ли оно допустить дрожаніе *численнаго отношенія?.. Мы не въ-состояніи увѣнчать зданіе абстрактнымъ положеніемъ*. Научное воображеніе можетъ принять, за исходный пунктъ и за причину свѣтовыхъ волнъ, *лишь вибрирующую матеріальную частицу*, столь-же отчетливо опредѣленную, какъ бы она ни была мала, какъ и та, которая даетъ начало музыкальному звуку. *Такая частица и есть то*, что принято на-

---

[1]) Томъ I, стр. 146. [2]) 384.

[4]) Помѣщенной въ томъ-же изданіи *Красовскаго*, гдѣ и сочиненіе *Секки*: *Единство физическихъ силъ*; пер. *Ф. Павленкова*. [3]) 467—468.

зывать *атомомъ или молекулою. Всякій испытующій умъ, понявшій на надлежащую точку, непремѣнно долженъ кончить этимъ реальнымъ представленіемъ».*

Но чѣмъ же,—спросимъ мы,—оканчиваетъ собственный умъ *Тиндаля?—Оканчиваетъ атомомъ, который есть молекула, состоящая изъ частей,*—оканчиваетъ, конечно, представленіемъ реальнымъ, но, по своему внутреннему противорѣчію, отрицающимъ то, что имѣлось въ-виду доказать,—именно, атомическую теорію, такъ-какъ молекула не есть метафизическій атомъ, а физическій атомъ непремѣнно есть молекула,—частица неизбѣжно сложная,—иначе сказать, оканчиваетъ антиноміею ума, антиномическимъ положеніемъ, какъ оканчиваютъ и всѣ углубляющіеся въ этотъ предметъ умы,—оканчиваетъ бытіемъ, которое, съ одной стороны, будучи неистощимо, сливается съ абсолютнымъ положительнымъ, съ безконечнымъ бытіемъ, а съ другой, истощаясь до безграничной малости, погружается въ ничтожество,—абсолютное отрицательное. Антиномія эта, въ концѣ концовъ, неизбѣжна для всякаго ума;—не избѣжали ее ни *Тандаль*, ни *Секки*. Да *Секки* и признаетъ это въ вышеприведенныхъ словахъ, что «*атомическія группы* [1]) *постепенно убывающей сложности имѣютъ своими послѣдними членами частицы* (*молекулы*) *веществъ*, называемыхъ химическими элементами», и что «*мы устанавливаемъ для нихъ эту границу только по тому, что не можемъ продолжать свои изслѣдованія надъ даннымъ рядомъ до безконечности*». Эти слова *Секки* какъразъ отвѣчаютъ нашей мысли, что въ послѣдней основѣ бытія мы неизбѣжно упираемся въ антиномію,—антиномію не-только знанія, но и бытія.

VII) *Не противорѣчитъ* ли *Секки самому себѣ* и даже не доказываетъ ли противнаго, именно, — что атомизмъ невозможенъ? Положительно противорѣчитъ. «Недѣлимые атомы»,—пишетъ онъ, доказывая ихъ малость [2]),—«такъ малы, что совершенно ускользаютъ изъ-подъ контроля нашихъ чувствъ. Чтобы дать о нихъ понятіе, припомнимъ, что желтыя цвѣтовыя волны, имѣющія длину $\frac{1}{500}$ точки, *несравненно длиннѣе* этихъ послѣднихъ элементовъ тѣлъ. Въ нѣкоторыхъ круглыхъ діатомовыхъ (родъ микроскопическихъ водорослей), діаметръ которыхъ равенъ длинѣ красной волны, можно насчитать на этой линіи болѣе 100 клѣточекъ, представляющихъ, каждая, опредѣленное очертаніе и отдѣльный организмъ, состоящій, въ свою

[1]) 404. [2]) 394.

очередь, изъ частицъ различнаго состава. Другія микроскопическія растенія и инфузоріи имѣютъ еще меньшую длину, и однакожъ, обладаютъ всѣми органами, необходимыми для ихъ питанія и другихъ функцій». *Секки* даже прямо утверждаетъ, что «мы находимся между двумя *безконечностями, неизмѣримо-большими*, небесныхъ пространствъ, и *неизмѣримо малыми*, атомическихъ разстояній, хотя отношеніе между объемами атомовъ»,—голословно утверждаетъ онъ, отступаясь отъ только-что допущенной безмѣрности,—«и ихъ разстояніями далеко не одинаково съ тѣмъ, какое обыкновенно бываетъ между размѣрами міровъ, разсѣянныхъ въ безконечномъ пространствѣ, и отдѣляющими ихъ другъ отъ друга громадными разстояніями». *Секки* даже прямо называетъ атомы «точками первообразной матеріи [1]). Центры и сферы дѣйствія частицъ», по его словамъ [2]), «имѣютъ *неуловимо малые размѣры*, такъ-что для составленія свѣтовой волны ихъ потребовалось бы нѣсколько милліоновъ; амплитуда (т. е. пространство) движеній атомовъ *безконечно*—меньше свѣтовыхъ вибрацій»,—значитъ, самый атомъ еще того меньше, *безконечно*—меньше.—«Неприготовленный умъ», — по его словамъ [2]),—«даже *не можетъ*, безъ затрудненія, допустить сложную структуру въ частицѣ, которую мы обыкновенно представляемъ себѣ *безконечно малымъ* твердымъ геометрическимъ тѣломъ. И, однакожъ, физикъ, представляющій себѣ такимъ образомъ, т. е. сложною, матеріальную частицу, ни въ какомъ случаѣ не рискуетъ болѣе, чѣмъ астрономъ, признающій обще-принятую гипотезу относительно строенія туманныхъ пятенъ»; т. е. какъ тамъ физикъ, такъ и здѣсь астрономъ совершенно безошибочно видятъ *безконечное число частей*. «То»,—продолжаетъ *Секки* [3]),—«что происходитъ на отдаленнѣйшихъ окраинахъ вселенной, повторяется и въ частицѣ,—этомъ противоположномъ полюсѣ безконечности творенія. *Безконечно-большое* составляетъ область астронома, *безконечное малое*—одинъ изъ міровъ натуралиста. Физикъ, мечтающій опредѣлить размѣры послѣдней частицы простаго тѣла, также смѣшонъ и забавенъ, какъ тотъ старинный астрономъ, который хвалился, что вычислилъ, въ англійскихъ миляхъ, разстояніе Лондона отъ небеснаго свода», тогда-какъ «на безграничномъ пространствѣ вселенной вся наша солнечная система составляетъ лишь одну ничтожнѣйшую пылинку» [4]).—Иначе сказать, *безконечная малость атома также неизмѣрима, какъ и безпредѣльная великость цѣлой вселенной.*

[1]) 142. [2]) 415. [3]) 416. [4]) 453.

Не противорѣчитъ ли себѣ Тиндаль? Дѣйствительно противорѣчитъ.—Относительно безпредѣльной дѣлимости и безмѣрной малости послѣднихъ частицъ вещества, въ вышеупомянутой своей рѣчи, онъ представляетъ слѣдующія поразительныя соображенія.

Поставивъ вопросъ: можно ли, составить себѣ какое-нибудь понятіе о размѣрахъ такихъ частицъ? онъ отвѣчаетъ: подобно тому, *какъ между-звѣздныя пространства вызываютъ въ насъ лишь чувство подавляющей колоссальности, не давая уму никакого яснаго представленія, — точно также и величины атомныя подавляютъ насъ* (стр. 477) *своей безконечной малостью.* Предъ этою неуловимо-тонкой матеріей, микроскопическія существа являются баснословными гигантами. Кометы выпускаютъ изъ себя хвосты, тянущіеся иногда на сотни милліоновъ миль. Поперечникъ земли равняется 8000 миль. Земля, небо и значительная часть надсводнаго пространства помѣстились бы въ сферѣ, имѣющей діаметръ 10000 миль. Наполнимъ эту сферу кометною матеріею и примемъ ее за единицу измѣренія. Самое простое вычисленіе покажетъ, что для образованія громаднаго хвоста кометъ потребовалось бы столько матеріи, сколько ея заключается въ 300000 нашихъ единицъ. Теперь представьте себѣ всю эту матерію скученною и достаточно плотно сжатою. Какой объемъ она заняла бы? *Джонъ Гершель* сказалъ бы, что ее можно увезти на одной лошади. Но я полагаю, что для *этого потребовалась бы самая незначительная часть лошадиной силы.* Что если-бы неуловимыя, по своей малости, частицы матеріи, составляющей лазурь нашего неба, начиная съ высоты Монблана и выше, собрать вмѣстѣ и довести до плотности обыкновенныхъ твердыхъ тѣлъ,—много ли онѣ заняли бы мѣста? Мнѣ кажется, *для этого было бы достаточно самаго малаго чемодана,* пожалуй, даже—*сакъ-вояжа,* быть можетъ, наконецъ, *простой табакерки.* Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что, *обладая лишь одною горстью матеріи, можно создать стольже обширное и великолѣпное небо, какъ и наша небесная твердь...* Не показываютъ ли подобные факты, самымъ наглядымъ образомъ»,—заключаетъ *Тиндаль,*—«что дѣлимость матеріи идетъ *неизмѣримо далѣе, чѣмъ это предполагалось до сихъ поръ*»?—А можно ли, послѣ этого, положить какіе-либо предѣлы и расширенію, и дѣленію матеріи?

Такимъ образомъ, не-только *Тиндаль,* но и самъ *Секки,* приписываютъ атому, въ самомъ буквальномъ смыслѣ, въ самыхъ буквальныхъ выраженіяхъ, *безконечную малость* и значеніе *точки,*—не болѣе.

ГЛАВА LXVI.

VIII) Дѣйствительно, по *Секки, атомъ есть только центръ движенія или вибраціи, а всякое тѣло, какъ и вся въ совокупности матерія, есть только сумма атомныхъ вибрацій, или вообще только движеніе.*

1) По словамъ *Секки*, «*въ глазахъ новѣйшей физики, силы суть не что иное, какъ простые роды движенія* [1]). Теплородное свѣтовое лучеиспусканіе представляетъ собою *простое движеніе*. Отожествленіе теплоты съ движеніемъ не мѣшаетъ принимать ее за дѣйствительную силу, если только это слово будетъ употребляемо въ смыслѣ *причины движенія* [2]). Принимая силы, какъ чистыя отвлеченія, *Секки* [3]) сводитъ всѣ явленія къ простому *обмѣну, или сообщеніямъ движенія*. Движеніе только измѣняетъ свой видъ. Такъ, изъ поступательнаго перемѣщенія, оно можетъ превратиться въ вибрацію, или вращеніе, изъ одного тѣла перейти въ другое, или даже въ безконечно возрастающій рядъ тѣлъ. Сила внутри тѣлъ [4]) сводится къ простому динамическому процессу, который долженъ подчиняться общему закону для всѣхъ движеній. На землѣ абсолютнаго покоя не существуетъ [5]), а есть только безпрестанное столкновеніе между взаимно-противоположными движеніями. Такъ-какъ [6]) теплота есть нѣкоторый родъ движенія вещества и проявляется во всѣхъ тѣлахъ, безъ исключенія, то отсюда необходимо слѣдуетъ, что всѣ матеріальныя частицы находятся въ движеніи. Отъ абстрактныхъ же началъ, называемыхъ физическими силами, *Секки* рѣшительно отказывается. Эти силы, по его словамъ, только безполезно загромождаютъ науку. Тамъ, гдѣ другіе, въ своихъ теоріяхъ, прибѣгаютъ къ помощи абстрактныхъ дѣятелей, тамъ *Секки* ни минуты не колеблется ограничиться однимъ давленіемъ среды. Наиболѣе важный результатъ»,—говоритъ *Секки* въ заключеніи своей книги,—«можетъ быть формулированъ такъ: всѣ абстрактныя стремленія [7]), всѣ различныя способности тѣлъ и многочисленныя жидкости, которыя придумывались до сихъ поръ для объясненія явленій, должны быть изгнаны изъ области науки, потому-что *всѣ силы природы зависятъ отъ движенія*. Мы [7]) не погрѣшимъ противъ истины, если допустимъ, что *все зависитъ отъ матеріи и движенія*, и, такимъ образомъ, вернемся къ той *реальной Галилеевской философіи, которая не признавала въ природѣ ничего, кромѣ вещества и его перемѣщенія*».

2) Итакъ, у *Секки* мы получаемъ, въ концѣ концовъ, или въ началѣ началъ, повидимому, *не движеніе, но движущееся вещество*? Дѣйствительно такъ.—«Что касается до основнаго положенія»,—говоритъ онъ [9]),—«*до закона достаточности матеріи и движенія для*

---

[1]) 6. [2]) 8. [3]) 9. [4]) 453. [5]) 448. [6]) 105. [7]) 451. [8]) 455. [9]) 455.

объясненія всѣхъ явленій, извѣстныхъ подъ именемъ физическихъ силъ,—то этотъ краеугольный камень динамической теоріи, по чаянію *Секки*, останется непоколебимымъ навсегда. Для *Секки*, сила есть причина движенія,—и такова всякая матерія, возбужденная движеніемъ [1]). Сводя всѣ явленія къ простому обмѣну или сообщеніямъ движенія, *Секки* смотритъ на этотъ обмѣнъ, какъ на первичный фактъ, находящій свою причину въ самой природѣ матеріи. По взгляду *Секки*, понятіе силы положительно немыслимо, если сила не считается свойствомъ присущимъ веществу. Опытъ подтверждаетъ, по словамъ Секки, существованіе лишь одной силы, присущей всякому веществу, а именно, *массы, обладающей извѣстною скоростію*; всякая другая сила, которая не сводится къ этому механическому первообразу, не можетъ быть, по мнѣнію *Секки*, усвоена человѣческимъ воображеніемъ.

3) *Секки* признаетъ собственно *двѣ матеріи*: *одну, болѣе матеріальную, вѣсомую, а другую, менѣе матеріальную, невѣсомую матерію, или эѳиръ*, или, еще точнѣе, *одну и туже матерію, но находящуюся въ двухъ различныхъ состояніяхъ, изъ которыхъ состояніе эѳира есть первичное, а состояніе матеріи вѣсомой есть производное и сложное.*

4) *Всѣ явленія, по Секки, производятся механическимъ дѣйствіемъ невѣсомаго начала, распространеннаго по всей вселенной и называемаго эѳиромъ*; это неуловимо тонкая жидкость [2]). Располагая простыя тѣла по степени убывающей сложности ихъ структуры, мы необходимо должны, по *Секки*, дойти до конечнаго предѣла: крайнимъ полюсомъ этого ряда будетъ эѳиръ. Невозможно, однакожъ, смотрѣть на эѳиръ, какъ на химическій элементъ тѣла [3]). Если эѳиръ невѣсомъ, то именно по тому, что самъ способенъ производить движенія, однородныя съ движеніями, порождаемыми тяжестію [4]). Самая тяжесть есть дѣйствіе эѳира [5]). Факты показываютъ, что всякое сгущеніе эѳира производитъ притяженіе. Но если эѳиръ способенъ производить притяженія,—то онъ можетъ служить и причиною тяжести. Эѳиръ неощутимъ, несжимаемъ и сопутствуетъ веществу при всякомъ составѣ тѣлъ. То, что мы называемъ пустотою, есть не иное что, какъ равномѣрно распредѣленный эѳиръ.

5) *Эѳиръ, тѣмъ не менѣе, есть матерія, сложная изъ атомовъ.*

---

[1]) 379. [2]) 6. [3]) 352. [4]) 387. [5]) 300.

«Нельзя сомнѣваться»,—утверждаетъ *Секки* [1]),—«что эѳиръ есть матерія, способная приходить въ движеніе отъ вибрацій. Существованіе поперечныхъ вибрацій [2]) дѣлаетъ неизбѣжною гипотезу эѳира, составленнаго изъ раздѣльныхъ атомовъ. Вся совокупность [3]) извѣстныхъ намъ фактовъ показываетъ, что дѣйствующимъ началомъ не могутъ быть ни одинъ эѳиръ, ни одна вѣсомая матерія,—но то и другое вмѣстѣ. Тѣла состоятъ не-только изъ *вѣсомой, осязаемой матеріи*, но также и изъ *неуловимаго тонкаго вещества*, распредѣленіе котораго неодинаково для всѣхъ тѣлъ. Если, по мнѣнію другихъ физиковъ [4]), *эѳиръ представляетъ собою сплошную среду*,—то для *Секки* это совершенно немыслимое предположеніе,—хотя, по егоже словамъ, въ настоящее время и нельзя питать никакой надежды на опредѣленіе отношенія *между плотностями эѳира и вѣсомой матеріи, за полнѣйшимъ неимѣніемъ предѣловъ для сравненія*. Нѣкоторые»,—жалуется *Секки*,—«вообразили себѣ, что *эѳиръ есть нѣчто нематеріальное, такъ-какъ онъ невѣсомъ. Но тяжесть, по Секки, не составляетъ такого существеннаго свойства матеріи, какъ инерція* [5]). *Можно представить себѣ матерію безъ вѣса; но всякое вещество необходимо должно обладать инерціей, т. е. требовать силы для приведенія его въ движеніе*. Можно принять эѳиръ за причину тяготѣнія. Безъ сомнѣнія, строеніе его отлично отъ строенія газовъ и другихъ извѣстныхъ намъ тѣлъ; потому и самыя свойства его не могутъ быть выведены изъ изслѣдованныхъ до сихъ поръ явленій. *Матеріальность эѳира и инерціи доказываются* [6]) *обмѣномъ работы, часто происходящей между нимъ и вѣсомою матеріей*. Какъ бы то ни было, но, въ концѣ концовъ, по *Секки*, эѳиръ [7]) есть матерія, и потому его атомы не могутъ уклоняться отъ общихъ законовъ движенія».

6) *Но въ чемъ-же разница между эѳиромъ и обыкновенною вѣсомою матеріей*?—«Мы признаемъ»,—провозглашаетъ *Секки*,—«эѳиръ [8]) за настоящую матерію, но только находящуюся въ состояніи отличномъ отъ того, которое соотвѣтствуетъ обыкновенному веществу. По всей вѣроятности [9]), вся разница заключается здѣсь въ томъ, что *частицы эѳира изолированы другъ отъ друга и свободны, тогда-какъ частицы вѣсомой матеріи представляютъ собою комбинаціи изъ нѣсколькихъ простыхъ атомовъ*. Изученіе свѣта и электричества показываетъ [10]),

---

[1]) 132 — 133. [2]) 177. [3]) 380. [4]) 132. [5]) 136. [6]) 392. [7]) 258. [8]) 299. [9]) 392. [10]) 395.

съ какою громадною вѣроятностью можно полагать, что эѳиръ есть не что иное, какъ матерія, но только доведенная до высшей степени разрѣженія, до *того крайняго состоянія, которое называется атомическимъ*. Въ-отличіе отъ аггрегатовъ вѣсомой матеріи, эѳиръ есть матерія разрѣженная и тонкая, состоящая изъ *атомовъ перваго порядка* [1]). Эѳиръ состоитъ *изъ первичныхъ атомовъ обыкновенной матеріи*». Что же такое эти первичные атомы, или атомы перваго порядка?—У *Секки* разграничиваются слѣдующіе различные роды совокупностей атомовъ [2]): 1) *уединенные или элементарные атомы, которые одни имѣютъ безусловное право на это названіе*,—2) группы атомовъ, которыя имѣютъ болѣе или менѣе сложную форму (элементарныя молекулы), различный способъ группировки которыхъ даетъ начало различнымъ родамъ веществъ, считающихся, въ настоящее время, химически неразложимыми и потому называемыхъ простыми тѣлами, — и 3) соединеніе элементарныхъ молекулъ въ частицы сложныхъ химическихъ тѣлъ, частицы разнородныя, при чемъ *эта разнородность происходитъ скорѣе отъ условнаго различія въ размѣщеніи атомовъ, чѣмъ отъ истиннаго различія въ природѣ вещества*.—Вотъ изъ этихъ-то вышеупомянутыхъ атомовъ перваго порядка, или первичныхъ, и состоитъ эѳиръ, по ученію *Секки*.

7) Такимъ образомъ, *въ-сущности, эѳиръ есть матерія однородная съ обыкновенною вѣсомою матеріей. Но при этомъ оказывается еще, что даже «вѣсомая матерія можетъ переходить въ состояніе эѳира.* На-основаніи нѣкоторыхъ гальваническихъ экспериментовъ, *Секки* предполагаетъ [3]), что часть находящихся въ соприкосновеніи тѣлъ вѣсомой матеріи (гальваническихъ элементовъ), переходитъ въ состояніе чрезвычайной тонкости,—почему и полагаетъ, что необходимо иногда допустить въ матеріи *такое состояніе разрѣженія*, при которомъ она, по всей вѣроятности, *теряетъ всѣ свои характеристическія свойства (матеріальности) и дѣлается неуловимою для нашихъ чувствъ*,—что въ электрическихъ опытахъ вѣсомая матерія отдѣляется и переносится невѣсомою,—что электрическій токъ есть поступательное движеніе невѣсомой матеріи, совершающееся чрезъ вѣсомую, при чемъ эѳирное теченіе увлекаетъ иногда, въ своемъ теченіи, нѣкоторыя частицы и этой послѣдней,—что [4]) частицы тѣлъ, доведенныя до крайнихъ степеней измельчанія, расширенія и разрѣ-

---

[1]) 405. [2]) 33. [3]) 233. [4]) 235.

женія, представляютъ собою частицы вѣсомой матеріи, окруженныя эѳиромъ, который, въ свою очередь, есть не иное что, какъ *вещество, находящееся въ элементарномъ атомномъ состояніи.* Если-бы [1]), посредствомъ усиленія вибраціи частицъ простыхъ тѣлъ, достигнуть распаденія частичныхъ группъ на единичные атомы,—то что произошло бы тогда съ матеріей? Можетъ ли она тогда представлять еще качества и свойства, присущія вѣсомому веществу? Нѣтъ; по *Секки*, она перейдетъ тогда въ то вещество, которое называется невѣсомымъ эѳиромъ. «По всей вѣроятности»,—гадаетъ *Секки*,—«первоначальное естественное состояніе матеріи было такое, при которомъ всѣ атомы обладали полною свободою и безусловною независимостью другъ отъ друга,—и если есть матерія, про которую можно бы сказать, что она переживаетъ первоначальный младенческій періодъ своего образованія, то это, безъ сомнѣнія, матерія туманныхъ пятенъ. Хотя, по сознанію *Секки*, опытъ и не даетъ никакихъ указаній относительно возможности подобнаго разрѣженія, такъ-какъ, при всѣхъ явленіяхъ переноса матеріи электричествомъ, тѣла сохраняютъ свою химическую природу, а на эѳиръ невозможно смотрѣть, какъ на химическій элементъ тѣла,—однакожъ, по *Секки*, должно [2]), предполагать въ матеріи такія свойства, которыми она обыкновенно, въ извѣстныхъ намъ состояніяхъ, совсѣмъ не обладаетъ и которыя, въ сущности, отожествляютъ ее съ эѳиромъ. И такъ-какъ эѳиръ есть не что иное, какъ сама матерія, но только доведенная до высшей степени разрѣженія,—до того крайняго состоянія, которое называется атомическимъ,—то отсюда [3]) слѣдуетъ, что *всѣ тѣла, въ сущности, представляютъ собою лишь болѣе или менѣе сложные аггрегаты этой жидкости.* Съ этой точки зрѣнія [4]), тѣла представляются аггрегатами атомовъ одного и тогоже происхожденія.

8) Но если обыкновенная вѣсомая матерія, переходя въ состояніе эѳира, теряетъ всѣ свои характеристическія свойства (матеріальности) и дѣлается даже вовсе неуловимою для нашихъ чувствъ,—то чѣмъ бы можно было доказать, что въ такомъ состояніи она не исчезаетъ совсѣмъ? Если эѳиръ не можетъ быть никогда химическимъ элементомъ тѣла и не имѣетъ никакой ни плотности, ни тяжести,—если онъ не-сжимаемъ и не-ощутимъ,—если одна только вѣсомая матерія ощутима для нашихъ чувствъ [5]),—то *чѣмъ-же можно было*

[1]) 49. [2]) 257. [3]) 395. [4]) 405. [5]) 453.

бы доказать существованіе самаго эѳира?—Секки самъ-же говоритъ, что «въ наше время очень многіе неохотно принимаютъ гипотезу о существованіи эѳира [1]). Многіе новѣйшіе физики, и въ томъ числѣ знаменитый *Грове*, держатся ученія, что свѣтъ распространяется просто чрезъ посредство вѣсомой матеріи; электричество также считаютъ движеніемъ вѣсомой матеріи [2]). Въ то время, какъ одни физики [3]) стараются все свести къ дѣйствію эѳира, *другіе считаютъ этотъ агентъ за игру воображенія*,—тѣмъ болѣе, что и безъ него можно вполнѣ удовлетворительно объяснить всѣ естественныя явленія. По мнѣнію этихъ послѣднихъ, вся суть лишь въ томъ, чтобы свести теплоту и электричество на простое движеніе вѣсомой матеріи; а за-тѣмъ и для распространенія свѣта можно обойтись безъ всякой невѣсомой среды. Нерасположеніе, питаемое многими къ гипотезѣ эѳира»,—утверждаетъ *Секки*, —«есть слѣдствіе *общей привычки считать несуществующимъ все то, что не оказываетъ непосредственнаго дѣйствія на наши чувства, и между ними преимущественно на зрѣніе и осязаніе*. Но самое поверхностное наблюденіе»,—увѣряетъ Секки,—«не замедлитъ показать намъ, какъ *мало ипы заключаетъ въ себѣ критерій, исключительно основанный на свидѣтельствѣ нашихъ чувствъ*».

Такое ограниченіе, или даже отверженіе, строго позитивнаго гносеологическаго метода, въ устахъ физика-экспериментализта, весьма замѣчательно. Но такъ-какъ, рядомъ съ такимъ униженіемъ строго-позитивнаго апостеріорическаго метода, *Секки* говоритъ нѣчто несовмѣстимое съ тѣмъ, что самъ-же утверждаетъ, а именно,—что [4]) «гипотезу эѳира онъ принимаетъ, строго *слѣдуя методу физическихъ наукъ, по которому законность началъ выводится не a priori* (изъ началъ разума), *но a posteriori*» (изъ свидѣтельства нашихъ чувствъ и основанной на немъ рефлекціи),—и такъ-какъ существованіе эѳира нельзя доказать *непосредственнымъ дѣйствіемъ его на наши чувства*,—то, спрашивается, чѣмъ-же можно бы доказать это? Значитъ, не чѣмъ инымъ, какъ *посредственнымъ дѣйствіемъ эѳира на наши чувства*? Да, именно этимъ послѣднимъ. —«Изъ *того, Секки* [5]), — *что вѣсомая матерія одна только ощутима для нашихъ чувствъ*»,—объясняется «*совсѣмъ еще не слѣдуетъ, чтобы всѣ окружающія насъ явленія зависѣли исключительно отъ ея дѣйствія и вліянія*. Въ про-

[1]) 133. [2]) 199. [3]) 134. [4]) 135. [5]) 453—455.

странствѣ и внутри всѣхъ тѣлъ существуетъ болѣе тонкая матерія, *способная, дѣйствіемъ своей инерціи, парализовать движенія вѣсомыхъ массъ и поддерживать ихъ на опредѣленныхъ разстояніяхъ, въ-силу условій своего равновѣсія и давленія. Своею вибраціей* она производитъ въ насъ не-только впечатлѣнія свѣта, но также возбуждаетъ теплородныя и химическія дѣйствія между тѣлами. *Поступательное движеніе* этой среды составляетъ причину электро-динамическихъ и магнитныхъ явленій. Эта матерія нисколько не теряетъ своихъ существенныхъ свойствъ: *она инертна и подчиняется всѣмъ законамъ механики.* Эѳиръ не подчиняется дѣйствію тяготѣнія по тому, что онъ самъ есть причина этой силы и вообще всѣхъ явленій притяженія. Вообще, не-только бытіе, но и матеріальность эѳира, и инерція, доказываются обмѣномъ работы, часто происходящей между нимъ и вѣсомою матеріей». Чтожъ это значитъ? А именно то, что *мы знаемъ существованіе эѳира, по производимому имъ въ природѣ движенію или работѣ, и отсюда, посредственно, по впечатлѣнію на наши чувства, которое само есть особаго рода движеніе, производимое внѣшнимъ вліяніемъ того-же дѣятеля или движителя,—эѳира.*

9) Но откуда мы знаемъ, что *эѳиръ существуетъ именно какъ особое вещество, какъ масса, и масса именно частичная, атомная?* «Нельзя сомнѣваться»,—говоритъ, какъ мы уже видѣли выше, *Секки*,—«что эѳиръ есть *матерія*, способная приходить въ движеніе отъ вибрацій».—Что эѳиръ вибрируетъ, что мы знаемъ о немъ именно и единственно только по вибраціямъ, и знаемъ, что онъ есть именно вибрація,—не больше,—это несомнѣнно. Но вопросъ все-же остается вопросомъ: откуда-же мы знаемъ, что онъ есть именно *матерія* и именно матерія *частичная*? «Знаменитый физикъ *Грове*»,—жалуется *Секки*, подкрѣпляя нашу мысль,—«замѣтилъ, что *идея эѳира ничѣмъ не яснѣе понятія силы. Секки*-же считаетъ *положительно немыслимымъ понятіе силы, если сила не считается свойствомъ, присущимъ веществу.* Если даже предположить эѳиръ *неосязаемымъ и невѣсомымъ*, то, и въ такомъ случаѣ, если *эта жидкость находится въ движеніи*, то одна уже *ея масса, дѣйствіемъ своей скорости, отожествляется съ силою».* Но и послѣ этого также вопросъ остается вопросомъ: «*неосязаемый и невѣсомый эѳиръ*—представляетъ ли собою *жидкость*, имѣетъ ли онъ *массу*, или есть только *сила*? *Секки* «безповоротно не отрицаетъ существованія силъ [1]), но только объясняетъ ихъ свойствами эѳира,

) 195.

существованіе котораго не подлежитъ никакому сомнѣнію, и сводитъ ихъ къ тѣмъ или другимъ родамъ движенія». А это значитъ, что всѣ какъ свойства, такъ и силы, равно-какъ и самое существованіе эѳира мы знаемъ единственно только какъ разные роды движенія.— «Нѣкоторые полагаютъ»,—объясняется *Секки*,—«что нашли истинное рѣшеніе вопроса, назвавши эѳиръ силою [1]). Но если подъ силою разумѣть *отвлеченное понятіе*, то мы впадемъ въ старыя заблужденія (допущенія силъ абетрактныхъ); если же примемъ силу за извѣстный родъ движенія, то только произведемъ замѣну одного слова другимъ:» значитъ, мы знаемъ эѳиръ только и не иначе, *какъ движеніе или какъ силу*, что одно и тоже. «Нѣкоторые физики говорятъ»,— продолжаетъ убѣждать себя *Секки*,—«что [2]) *если эѳиръ всюду сопровождаетъ вѣсомую матерію, то онъ дѣлается совершенно излишнимъ ея дополненіемъ* и можетъ быть вполнѣ замѣненъ силами, присущими самой матеріи. Но»,—довольно сурово уже высказывается противъ этого *Секки*,—«желать удаленія гипотезы эѳира административнымъ порядкомъ, въ то время, какъ она сама собою вытекаетъ *изъ настоятельныхъ требованій нашего ума, значило бы идти противъ здраваго смысла*. По нашему мнѣнію, опытъ подтверждаетъ *существованіе лишь одной силы, присущей всякому веществу, а именно массы, обладающей извѣстною скоростію: всякая-же другая сила, которая не сводится къ этому механическому первообразу, едвали можетъ быть усвоена человѣческимъ воображеніемъ*». Прекрасно, повторяемъ мы. Что эѳиръ есть движеніе, это мы знаемъ по опыту; но откуда, *изъ какого опыта*, мы знаемъ, что неощутимый, неосязаемый, невѣсомый, не сжимаемый, неуловимый эѳиръ имѣетъ массу и именно массу частичную? Ни откуда больше, по словамъ самаго-же *Секки*, какъ только «*изъ настоятельныхъ* (будто-бы) *требованій ума, здраваго смысла и человѣческаго воображенія*»,—ни откуда больше, какъ изъ аксіоматическаго будто бы положенія, что «всякая другая сила, которая не сводится къ механическому первообразу движущейся массы, *едвали можетъ быть усвоена человѣческимъ воображеніемъ*».

Очевидно, что самъ-же *Секки* здѣсь уже сомнѣвается въ изрекаемой имъ аксіомѣ («*едва ли, говоритъ онъ, можетъ быть усвоена*»). А въ другомъ мѣстѣ онъ совсѣмъ отрицаетъ ее, утверждая, что *человѣческимъ воображеніемъ можетъ быть усвоена сила, которая не сво-*

[1]) 200. [2]) 300.

дится къ механическому первообразу движущейся массы. И эта сила опять-же есть эѳиръ.—«Нашъ умъ»,—утверждаетъ онъ-же,—*Секки*,—«не можетъ [1]) помириться съ мыслью, что *вся роль эѳира состоитъ въ одномъ только вибрированіи* (*движеніи*), и потому *мы невольно получаемъ склонность* относить и *такъ-называемыя творческія силы* къ свойствамъ этой-же среды».—Значитъ, творческія силы, принадлежащія эѳиру и проявляющіяся, конечно, въ процессахъ органической и психической жизни, отличны отъ механической силы вибрированія или движенія массы?—Это тѣмъ болѣе очевидно, что, по-словамъ самаго-же *Секки* [2]), «организованныя вещества подчинены господству физическихъ агентовъ и *основному закону механической динамики*, только если разсматривать ихъ по-отношенію къ ихъ матеріальнымъ функціямъ,—*химическимъ процессамъ и движеніямъ*»; а въ существеннѣйшей, жизненной своей сторонѣ, «процессы растительной, а тѣмъ болѣе животной жизни, составляютъ *особый родъ явленій, пока еще не поддающійся законамъ мертвой матеріи*». Итакъ, въ опытѣ оказываются силы, не поддающіяся основному закону механической динамики. Итакъ, вмѣсто опытнаго подтвержденія того, что эѳиръ есть не иное что, какъ механически движущаяся масса, мы, отъ самаго-же *Секки*, получаемъ утвержденіе и подтвержденіе того, что эѳиръ есть не-только вибрація или вообще механическое движеніе, но и творческая сила, производящая органическіе процессы, которые составляютъ особый родъ явленій, не поддающійся механическимъ законамъ мертвой матеріи,—не говоря уже о процессѣ психическомъ, который никакъ уже не разрѣшается законами чистой матеріальной механики [3]).

10) Оказывается, такимъ образомъ, что «*развиваемыя у Секки начала, принадлежащія къ числу общихъ и основныхъ законовъ механической теоріи, противорѣчатъ не-только всѣмъ обще-принятымъ понятіямъ*», въ чемъ онъ и самъ сознается [4]), но и его собственнымъ основоположеніямъ. *Это противорѣчіе не-только другимъ, но и самому себѣ, доводитъ Секки до странности, до вербальнаго отрицанія собственной теоріи.* Пусть, по его словамъ, «физики противоположнаго лагеря стоятъ за нематеріальность эѳира»; пусть «крупнѣйшій научный авторитетъ нашего вѣка, *Грове*, отвергая гипотезу міровой упругой среды, категорически объявляетъ эѳиръ

[1]) 197. [2]) 389. [3]) Смотр. стр. 117. [4]) 229.

совершенно безполезнымъ созданіемъ воображенія ученыхъ». Но *Секки* и о себѣ самомъ заявляетъ, что и «онъ даже не пытается доказывать необходимость существованія эѳира» (хотя на эту тему, необходимаго существованія эѳира, написана вся его книга) и заключаетъ восклицаніемъ: «кто же, въ самомъ дѣлѣ, можетъ, въ такомъ вопросѣ, настаивать на абсолютной необходимости»!?—Въ тоже время, въ самомъ заключеніи книги [1]), онъ-же утверждаетъ: «мы находимъ невозможнымъ отнести всѣ явленія природы къ дѣйствію того общаго начала, которое называется обыкновенной вѣсомой матеріей, и потому *полагаемъ необходимымъ* допустить существованіе особаго состоянія этой матеріи (эѳира), дѣлающаго ее *свободною отъ вліянія тяготѣнія*: это—состояніе крайняго разрѣженія вещества, при которомъ *различныя его движенія производятъ явленія свѣта, электричества, магнитизма и тяготѣнія*».

Все это, въ общей совокупности, значитъ, что *мы знаемъ эѳиръ какъ состояніе, какъ движеніе, какъ силу, даже творческую жизненную силу, но не какъ дѣлимую частичную массу*: частичность и массивность его не можетъ быть подтверждена никакимъ апостеріорическимъ (опытнымъ) наблюденіемъ; апріорическія же (умозрительныя) соображенія, высказанныя самимъ *Секки*, самъ-же онъ и отрицаетъ, утверждая, что «гипотезу матеріальнаго эѳира онъ принимаетъ, строго слѣдуя методу физическихъ наукъ, по которому законность началъ выводится не a priori, но a posteriori» [2]).

11) Самъ-же Секки предлагаетъ объясненіе и того, *какимъ образомъ, изъ немассивнаго нечастичнаго эѳира, представляющаго собою только разнородныя движенія или силы, происходитъ все разнообразіе чувственныхъ предметовъ*. Изъ предлагаемаго объясненія вытекаетъ ясно и рѣшительно одно общее, окончательное заключеніе, что *совокупность чувственныхъ вещей есть не иное что, какъ сумма разнородныхъ атомныхъ движеній*. Это объясненіе развивается у *Секки* въ слѣдующей серіи данныхъ:

А) «Представимъ себѣ, говоритъ онъ, что среда эѳира не находится въ покоѣ и что внутри этой среды [3]) развиваются вихри. Всѣ движенія, происходящія въ эѳирѣ, безъ сомнѣнія, не могутъ быть уловимы ни для зрѣнія, ни для другихъ нашихъ чувствъ. По этому требовать осязательнаго доказательства ихъ существованія, также какъ и свѣтовыхъ вибрацій, было бы чистою нелѣпостью: *движенія этого рода могутъ доказываться только умозрительнымъ путемъ*, при

[1]) 455. [2]) 135. [3]) 414.

посредствѣ той аріадниной нити, которая называется аналогіей. Неприготовленный умъ не можетъ допустить *столь разнообразныя движенія и сложную структуру въ частицѣ*, которую мы обыкновенно представляемъ себѣ *безконечно малымъ твердымъ геометрическимъ тѣломъ*, находящимся въ покоѣ. И, однакожъ, физикъ, представляющій себѣ матеріальную частицу по вышеизложенному образцу, т. е. сложною и движущеюся, ни въ какомъ случаѣ не рискуетъ болѣе, чѣмъ астрономъ, признающій общепринятую гипотезу относительно строенія туманныхъ пятенъ. Въ лолѣ телескопа, туманности представляются намъ неподвижными дисками или кольцами; но логика фактовъ скоро убѣждаетъ, что это есть не что иное, какъ фикція, и что тутъ [1]), въ этой области необъятнаго міроваго пространства, должно царить болѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь, самое живое движеніе. То, что происходитъ на отдаленнѣйшихъ окраинахъ вселенной, повторяется и въ частицѣ,—этомъ противоположномъ полюсѣ безконечности творенія. Движеніе въ системахъ частичныхъ вихрей никогда не уничтожается; оно только преобразовывается, измѣняетъ направленіе и т. д. Движенія послѣднихъ атомовъ матеріи происходятъ, безъ сомнѣнія, въ настоящей абсолютной пустотѣ. Поэтому, потеря живой силы здѣсь невозможна; невозможно и сопротивленіе. Отсюда слѣдуетъ, что *эти движенія должны сохраняться безконечно, какъ инерція матеріи*». Такимъ образомъ, изъ объясненія *Секки* мы получаемъ, что въ *самой крайней глуби матеріальнаго бытія, самый основный первичный признакъ матеріальности,—инерція матеріи,—имѣетъ своимъ источникомъ и причиною движеніе и есть не иное что, какъ первичное атомное движеніе.*

Б) «Разъ, какъ данъ первый толчекъ [2]), — объясняетъ *Секки*, — примитивное движеніе (въ абсолютной пустотѣ) никогда затѣмъ не прекращается и постоянно происходитъ подъ той или другой формой. Развивающіеся, такимъ образомъ, внутри эѳира вихри, или *центры и сферы дѣйствія*, имѣютъ неуловимо малые размѣры. *Каждый изъ этихъ вихрей, которые мы можемъ назвать ультрамикроскопическими, составляетъ частицу*». Такъ, по *Секки*, происходятъ *частицы или атомы перваго примитивнаго порядка: каждый изъ атомовъ есть сферически вращающееся движеніе, имѣющее свой центръ, ось и периферію.*

В) Какъ происходятъ затѣмъ, *изъ примитивныхъ атомовъ, простыя—элементарныя и сложныя химическія молекулы, а изъ молекулъ тѣла? — «Притягательныя силы, по Секки, исходятъ изъ двухъ началъ: 1) изъ простаго колебанія атомовъ по всѣмъ направленіямъ, и 2) изъ соединенія этого рода колебаній съ атомическими вращеніями и взаимнымъ совокупленіемъ молекулярныхъ атмосферъ.* Соединеніе тѣлъ [3]) зависитъ отъ различныхъ видоизмѣненій этой опредѣляющей силы притяженія. Взаимная связь [4]) или сцѣпленіе требуетъ только извѣстной степени напряженія, отъ которой зависитъ то или другое физическое состояніе. Въ твердыхъ тѣлахъ замѣчается присутствіе правильной *атомической группировки вокругъ извѣстныхъ осевыхъ направленій, въ послѣднихъ стадіяхъ молекулярнаго ихъ строенія* [5]). *Собирательная частица есть не что иное, какъ соединеніе этихъ центровъ дѣйствія, соотвѣтственно направленныхъ.* При перемѣнѣ [6]) состоянія, вслѣдствіе постепеннаго уменьшенія скорости, соотвѣт-

---

[1]) 416. [2]) 417. [3]) 415. [4]) 418. [5]) 419. [6]) 420.

ствующаго частицамъ *газообразныхъ веществъ*, эти частицы до того сближаются между собою, что *проникаютъ въ сферу дѣйствій другъ друга, изъ которой потомъ уже не могутъ выйти. Эти сферы дѣйствія суть не что иное, какъ вихри.* Поэтому, когда говорятъ, что *сферы дѣйствія двухъ частицъ сливаются въ одну*,—то это можно понимать такъ, какъ еслибы говорилось о соединеніи двухъ вихрей подъ одной общей атмосферой. Въ моментъ столкновенія частицъ и соединенія ихъ атмосферъ, поступательная скорость переходитъ въ колебаніе массы, проявляющееся въ формѣ теплоты. Въ *жидкомъ состояніи* неограниченныя поступательныя движенія прекращаются, и *частицы являются заключенными въ сферу сопредѣльныхъ съ ними другихъ.* Но оси жидкихъ частицъ неустойчивы, свободно колеблются во всѣ стороны, и потому вращенія ихъ не имѣютъ общаго опредѣленнаго направленія. Если охлажденіе продолжается далѣе, то *частицы сближаются еще тѣснѣе и скоро испытываютъ на себѣ вліяніе вращеній, взаимодѣйствіе которыхъ стремится сдѣлать ихъ оси параллельными и устойчивыми.* Образовавшаяся такимъ образомъ группа, *не утрачивая совершенно колебательнаго движенія*, сохраняетъ неизмѣнно пріобрѣтенную ею форму, въ моментъ перехода тѣла въ твердое состояніе. Итакъ [1]), *различіе въ объемахъ атмосферъ и совпаденіе періодовъ колебанія частицъ—вотъ двѣ главнѣйшія причины, производящія соединеніе разнородныхъ тѣлъ*, или, иначе говоря,—причины химическаго сродства. *Сложныя частицы сходны съ вихрями, которые, образовавшись изъ нѣсколькихъ другихъ, легко отдѣляются другъ отъ друга.* Потому-то [2]), чтобы представить инерцію, свойственную каждой изъ вращающихся атмосферъ, т. е. измѣнить направленіе ихъ движенія, необходимо значительное усиліе».

Г) Изъ приведенныхъ словъ *Секки* слѣдуетъ, что дѣло происхожденія матеріальной инерціи, происхожденія частицы примитивной, молекулы сложной химической и тѣлъ разныхъ состояній,—газообразныхъ, жидкихъ и твердыхъ,—представляется въ слѣдующемъ видѣ: 1) вотъ въ превѣчномъ покоѣ существовало нѣчто *неопредѣленное, не испытанное, не подлежащее никакому ощущенію и опыту, не проявляющееся, древне-греческое* τὸ ἄπειρον, *общечеловѣческое абсолютное, или нѣчто наиболѣе къ нему близкое, у Секки его эѳиръ*; 2) изъ этого абсолютнаго, непостижимымъ образомъ, въ безмѣрномъ количествѣ центровъ, вдругъ начинается *ультра-микроскопическое движеніе*; 3) движеніе это оказывается, въ каждомъ центрѣ, *вращательнымъ* около оси и *поступательнымъ* въ какомъ-либо направленіи; 4) въ томъ и другомъ, какъ поступательномъ, такъ и центробѣжномъ стремленіи своемъ, требуя вліянія сторонней силы, чтобы быть остановленнымъ, это движеніе обнаруживается тѣмъ, что называется *матеріальною инерціею*; 5) своимъ вращеніемъ около своего

[1]) 432. [2]) 433.

центра и оси, опредѣляя свою особую сферу, это движеніе даетъ бытіе *примитивной частицѣ* или *атому*; 6) сфера движенія указываетъ предѣлъ, не безусловный, впрочемъ, но безъ сторонняго стѣсненія, вѣроятно, расширяющійся, а при внѣшнемъ вліяніи съуживающійся, предѣлъ *атомнаго сопротивленія*; 7) соприкоснувшись въ своемъ прогрессѣ, два или нѣсколько атомовъ образуютъ около себя общую атмосферу или общую сферу движенія, которая замыкаетъ собою *элементарную, простую* или *сложную, химическую молекулу*; 8) въ моментъ заключенія атомныхъ движеній подъ одною атмосферою, прогрессъ отдѣльныхъ движеній переходитъ въ колебаніе каждой атомной сферы на своей оси (*моментъ, соотвѣтствующій переходу газообразныхъ тѣлъ въ жидкія*), а, наконецъ, взаимодѣйствіе отдѣльныхъ вращеній дѣлаетъ ихъ оси параллельными и устойчивыми (*моментъ, соотвѣтствующій переходу жидкихъ тѣлъ въ твердыя*), при чемъ во всѣ эти моменты переходовъ матеріальнаго движенія, изъ одного состоянія въ другое, не-только возможны, но и вѣроятны вращенія одного частичнаго вращательно-поступательнаго движенія около другаго вращательнаго, болѣе устойчиваго, или вращательнаго поступательнаго, въ свою очередь, такъ-что исчислить всѣ вѣроятности этихъ взаимныхъ соотношеній частицъ матеріи между собою невозможно. Но то ясно, что *всѣ эти тысячеобразныя движенія производятъ проявленіе того, что называется матеріею*, такъ-что и *вся матерія, и всякое тѣло, и каждая матеріальная частица есть не что иное, какъ движеніе*,—такъ-что, по этой теоріи, *не матерія даетъ бытіе движенію, но движеніе является причиною осуществленія и проявленія матеріи.*

Д) Что именно такую теорію проводитъ, хотя смутно и не отчетливо, и *Секки*, это видно изъ слѣдующаго очерка, показывающаго, какъ *Секки* опредѣляетъ *характеристическія черты тѣла и атома.*

«Если разсматривать тѣло, со-стороны его характеристическихъ свойствъ»,—пишетъ онъ [1]),—«то оно представляется намъ *совокупностью силъ*, изъ которыхъ главная и самая основная есть *сила сопротивленія или непроницаемости.* Эта сила, вызываемая къ дѣйствію всякій разъ, какъ тѣло измѣняетъ свое состояніе, *переходя изъ покоя въ движеніе, или изъ движенія въ покой*, составляетъ *инерцію*

[1]) 593.

тѣла. Когда она дѣйствуетъ въ опредѣленномъ пространствѣ, то образуетъ то, что собственно называется тѣломъ. Физика разсматриваетъ тѣло какъ внѣшнюю дѣйствительность (или дѣйственность), и здѣсь предѣлъ физическому изслѣдованію, за которымъ начинается область метафизики. Физика не рѣшаетъ вопроса, будетъ ли первоначальный атомъ непроницаемъ,—составляетъ ли онъ собою твердую сферу опредѣленнаго радіуса, или только занимаетъ центръ извѣстной геометрической фигуры и дѣйствуетъ на извѣстное разстояніе отъ этого центра, устанавливая этимъ способомъ непроницаемость. Этотъ вопросъ остается на долю метафизики». По аналогіи же съ тѣломъ, *для физики атомъ долженъ быть не инымъ чѣмъ, какъ именно центромъ извѣстной геометрической фигуры, который, дѣйствуя въ своей сферѣ на извѣстное разстояніе отъ центра, устанавливаетъ этимъ дѣйствіемъ свою непроницаемость.* Такимъ образомъ, по Секки, *физика знаетъ не-только всякое физическое явленіе, какъ движеніе, но и всякое тѣло такъ-же только, какъ движеніе, или сопротивленіе другому движенію, и, во всякомъ случаѣ, не знаетъ ни одного тѣла въ состояніи абсолютнаго покоя, такъ-какъ всякая частица матеріи абсолютно всегда находится въ движеніи и движеніемъ проявляетъ свою инерцію и непроницаемость,—самое основное свойство своей матеріальности.* Таковы, по *Секки*, предѣлы физики; а все то, что выходитъ изъ этихъ предѣловъ, составляетъ область метафизики. Но и на этотъ счетъ, именно на счетъ метафизики, *Секки* можетъ быть вполнѣ спокоенъ, такъ-какъ самая позитивная, самая экспериментальная метафизика, не говоря уже о метафизикѣ идеальной, могла бы выразиться, какъ и выражается, о свойствахъ, усматриваемыхъ въ тѣлахъ, его собственнымъ, свойственнымъ физику языкомъ, какимъ выражается онъ самъ, именно,—что «*тѣла* [1]) *не имѣютъ ни запаха, ни цвѣта, ни вкуса, а только обладаютъ извѣстнаго рода движеніями, способными производить въ насъ эти впечатлѣнія*». Отъ такого языка физика *Секки* не отказались бы ни *Платонъ* и *Берклей*, съ одной стороны, ни *Бэнъ* и *Д. С. Милль*, съ другой.

[1]) 42.

ГЛАВА LXVII.

IX) *Секки* провозглашаетъ, что [1]) «атомическая теорія не-только *весьма далека отъ какихъ бы ни было абсурдовъ и неспособности къ объясненію явленій*, но, какъ разъ наоборотъ,—вытекая прямо и непосредственно изъ фактовъ, должна быть отнесена къ числу самыхъ раціональныхъ». Посмотримъ же, *дѣйствительно ли атомическая теорія способна объяснить всѣ явленія и далека отъ какихъ бы то ни было абсурдовъ*?

1) Прежде всего, предложимъ вопросъ: *всѣ ли явленія аббатъ Секки думаетъ и обѣщаетъ объяснить атомическою теоріею?—По видимому, всѣ*, сколько можно судить объ этомъ по нѣкоторымъ рѣшительнымъ его выраженіямъ. Напримѣръ, «въ глазахъ новѣйшей физики»,—пишетъ *Секки* [2]),—«силы суть не что иное, какъ простые роды движенія; *всѣ явленія* производятся чисто механическимъ дѣйствіемъ невѣсомаго начала, распространеннаго по всей вселенной и называемаго эѳиромъ. Мы [3]) сводимъ *всѣ явленія* къ простому обмѣну, или сообщеніямъ движенія, и смотримъ на этотъ обмѣнъ, какъ на первичный фактъ, находящій свою причину въ самой природѣ матеріи. Многочисленный [4]) рядъ наблюденій и опытовъ даетъ намъ право заключить, что *явленія, происходящія въ тѣлахъ*, суть не что иное, какъ особыя дѣйствія матеріи, находящейся въ двухъ различныхъ состояніяхъ, изъ которыхъ одно характеризуется ея вѣсомостью и соотвѣтствуетъ наиболѣе грубой и сложной ея формѣ, а другое обусловливается крайней степенью ея разрѣженія и тонкости. *Всѣ явленія* объясняются движеніемъ одной жидкости [5]), а именно,—эѳира. «Всѣ абстрактныя стремленія»,—пишетъ *Секки* въ заключеніи своей книги [6]),—«всѣ различныя способности тѣлъ и многочисленныя жидкости, которыя придумывались до сихъ поръ для объясненія явленій, представляемыхъ физическими агентами, должны быть изгнаны изъ области науки, потому-что *всѣ силы природы зависятъ отъ движенія*. Изысканія [7]) доказали *полнѣйшую универсальность основныхъ законовъ механики*. Работа силъ внутри тѣлъ сводится къ простому [8]) динамическому процессу, который долженъ подчиняться общему за-

[1]) 404. [2]) 6. [3]) 9. [4]) 357. [5]) 384. [6]) 451. [7]) 452. [8]) 453.

кону для всѣхъ движеній. *Вообще всѣ явленія* происходятъ такимъ образомъ, что какъ-будто-бы законъ полнаго уравновѣшенія работъ, совершающихся при различныхъ естественныхъ процессахъ, сохраняетъ *свою полную и безусловную силу на всемъ безграничномъ пространствѣ вселенной.* Истинно-научная теорія физическихъ явленій», по мнѣнію *Секки*, «должна принимать въ-разсчетъ только [1]) количество *живой силы или движенія*».—Выраженія эти показываютъ, что *Секки* хочетъ свести всякую живую силу на движеніе [2]),—всякую химическую реакцію представить какъ механическую работу. Даже органическіе процессы онъ желалъ бы выставить такими-же механическими. «Ни растенія, ни животныя».—пишетъ онъ [3]),—«не свободны отъ вліянія на нихъ обыкновенныхъ физическихъ агентовъ; организованныя вещества, разсматриваемыя по-отношенію къ ихъ матеріальнымъ функціямъ, химическимъ процессамъ и движеніямъ, *подчинены господству физическихъ агентовъ* и, съ этой стороны, *удовлетворяютъ основному закону динамики*; солнечные лучи составляютъ почти исключительную причину растительной работы, совершающейся внутри листьевъ; они *совершенно механическимъ путемъ производятъ органическія соединенія.* Эта операція поглощаетъ собою живую силу солнца [4]). Внутри [5]) одушевленныхъ веществъ, также, какъ и въ другихъ машинахъ, теплота преобразуется въ движеніе». Даже для объясненія психическихъ фактовъ ему хотѣлось бы, по возможности, обойтись также одною силою механическаго движенія. Такъ, по словамъ его [6]), «какъ-только сталъ извѣстенъ механизмъ глаза, съ этого момента, можно сказать, *гипотеза объ особой силѣ, производящей зрѣніе* (т. е. о душѣ?) *сдана въ архивъ на вѣчныя времена*, не-смотря на всѣ метафизическія затрудненія въ разрѣшеніи психологическаго вопроса: какимъ путемъ объективная внѣшность переходитъ въ ощущаемое нами субъективное впечатлѣніе; ученіе о процессѣ зрѣнія остается рѣшеннымъ *внѣ области какихъ бы то ни было новыхъ силъ*». Мы уже слышали отъ *Секки*, что, по его мнѣнію, «опытъ подтверждаетъ существованіе *лишь одной силы, присущей всякому веществу, а именно массы, обладающей извѣстною скоростью*»,—что «всякая другая сила, которая не сводится къ этому механическому первообразу, едва-ли можетъ быть усвоена человѣческимъ воображеніемъ». Въ-слѣдствіе этого онъ, даже въ-виду признаннаго въ химіи факта, что «молеку-

[1]) 456 [2]) 428—429. [3]) 389. [4]) 390, [5]) 391. [6]) 117.

лярныя явленія, въ органическихъ соединеніяхъ, происходятъ часто совершенно иначе, чѣмъ въ мертвой матеріи», говорятъ, однакожъ, вообще: «мы не погрѣшимъ противъ истины, если допустимъ, что *все зависитъ отъ матеріи и движенія*, и, такимъ образомъ, вернемся къ той реальной Галилеевой философіи, которая не признавала въ природѣ *ничего*, кромѣ вещества и его перемѣщенія» [1]).

2) Въ тоже время, если вчитаться въ сочиненіе *Секки*, оказывается и то, что, механическимъ движеніемъ массы, или вообще — атомическою своею теоріею, онъ берется объяснить *не всѣ, а только нѣкоторыя явленія.*

Такъ мы видѣли уже, что «умъ *Секки* [2]) не можетъ помириться съ мыслью, что вся роль эѳира состоитъ лишь въ одномъ вибрированіи, т. е. въ механическомъ движеніи, — видѣли, что онъ находитъ въ природѣ, сверхъ механической силы, еще силы такъ-называемыя творческія, которыя относитъ къ свойствамъ тогоже эѳира,—находитъ, что процессы [3]) растительной, а тѣмъ болѣе животной, жизни составляютъ особый родъ явленій, пока еще не поддающійся законамъ мертвой матеріи»—почему и заявляетъ, что «предметъ его разсмотрѣнія — исключительно только неорганическое вещество; процессовъ же растительной, а тѣмъ болѣе животной жизни онъ совсѣмъ не намѣренъ касаться». Даже еще болѣе того, даже въ процессахъ, происходящихъ въ веществѣ неорганическомъ, онъ самъ-же опять указываетъ *явленія особаго рода*, не поддающіяся законамъ механики. Такъ онъ находитъ, что «*дѣйствующія* [4]) *силы* отдаленныхъ областей вселенной *весьма отличны отъ тяготѣнія и представляютъ явленія, которыя не могутъ быть объяснены при помощи одного только притяженія*,—такъ-какъ недавнія наблюденія надъ падающими звѣздами и ихъ соотношеніемъ съ кометами доказали, что между этими звѣздами и матеріей, изъ которой состоитъ наша солнечная система, нельзя допустить общности происхожденія», — вслѣдствіе чего онъ и признаетъ «весьма рискованнымъ [5]) дѣлать категорическія заключенія о томъ, что происходитъ на послѣднихъ границахъ космоса, *по окружающимъ насъ явленіямъ*». Въ тоже время онъ утверждаетъ, что «въ природѣ все тѣсно связано между собою, такъ-что *всѣ міровыя явленія* составляютъ, по-отношенію другъ къ другу, какъ-бы безчисленныя звѣнья одной общей цѣпи», и тутъ-же [6]) опять фантазируетъ: «но кто знаетъ? Быть можетъ, *наблюдаемыя нами явленія* составляютъ лишь грубѣйшую часть тѣхъ, которыя происходятъ во вселенной, и большинство этихъ послѣднихъ навсегда останется для насъ недоступнымъ»... Такъ въ чемъ-же, наконецъ, секретъ? Какія собственно явленія хочетъ объяснить *Секки* своею атомическою теоріею? *Повидимому, только явленія свѣта, электричества, магнетизма и тяготѣнія.* По крайней мѣрѣ, въ самомъ заключеніи своей книги, онъ провозглашаетъ: «что касается до нашего [7]) основнаго положенія, т. е. *до закона о достаточности матеріи и движенія для объясненія всѣхъ явленій, извѣстныхъ подъ именемъ физическихъ силъ*, то

[1]) 455. [2]) 197. [3]) 389. [4]) 447. [5]) 453. [6]) 456. [7]) 455.

этотъ краеугольный камень динамической теоріи останется непоколебимымъ навсегда. Мы старались себѣ составить ясное и точное понятіе *о сущности теплоты, свѣта, электричества, магнетизма и молекулярныхъ силъ*: изслѣдованіе показало намъ, что *всѣ вышеупомянутыя* дѣйствія сводятся къ чисто механическимъ процессамъ».

Не считая себя сильными дать удовлетворительный отчетъ въ томъ, въ какой мѣрѣ удовлетворительно объясняетъ *Секки*, своею атомико-механическою теоріею, явленія теплоты, свѣта и электричества-магнетизма, — да такой отчетъ отклонялъ бы насъ и отъ цѣли нашего, чисто философскаго, болѣе или менѣе метафизическаго изслѣдованія,—остановимся на вопросѣ:

3) *Въ какой мѣрѣ механическая или атомическая теорія Секки удовлетворяетъ объясненію молекулярныхъ процессовъ*, которые, безъ сомнѣнія, лежатъ въ основной ткани происхожденія вещей?—Не признавая существованія какихъ-либо таинственныхъ агентовъ [1]), изгоняя безчисленный легіонъ различныхъ абстрактныхъ метафизическихъ силъ, *Секки* изгоняетъ изъ своей физики и метафизики, во первыхъ, *силу притягательную*.

Онъ утверждаетъ «невозможность [2]) отчетливаго представленія себѣ того, что обыкновенно называется *притягательною силою*, если только принимать это слово въ его строгомъ значеніи, а именно, какъ понятіе *о дѣятельномъ началѣ, сосредоточенномъ внутри частицъ и дѣйствующемъ безъ всякой посредствующей помощи, чрезъ абсолютную пустоту*. Такая роль этой силы заставляетъ допускать, что тѣла оказываютъ вліяніе другъ на друга чрезъ разстояніе, т. е. дѣйствуютъ тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ,—*гипотеза, по Секки, въ полномъ смыслѣ невѣроятная*, какъ въ томъ случаѣ, когда дѣло идетъ о громадныхъ разстояніяхъ, такъ и въ томъ, когда разстоянія эти весьма малы». На возраженіе, что «въ такомъ случаѣ нельзя допустить никакого дѣйствія и между тѣлами, находящимися въ соприкосновеніи, потому-что даже и въ этомъ случаѣ они дѣйствуютъ *тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ*», *Секки* отвѣчаетъ указаніемъ *«на невозможность такого дѣйствія* въ томъ лишь случаѣ, когда оно совершается *безъ всякаго посредства*, и на возможность дѣйствія на разстояніи, *при посредствѣ промежуточной среды, но вовсе не тогда, когда такого посредства не существуетъ*. Существенное различіе, по *Секки*, между сообщеніемъ движенія чрезъ прикосновеніе и чрезъ разстояніе состоитъ въ томъ, что, въ первомъ случаѣ (*при прикосновеніи*), *движеніе передается чрезъ нѣчто междулежащее*. Весь вопросъ сводится, такимъ образомъ, къ слѣдующему: въ чемъ именно состоитъ связь, соединяющая твердыя частицы, — въ абстрактныхъ ли силахъ, или въ дѣйствіи среды? «Очевидно»,— отвѣчаетъ *Секки*, «что здѣсь нѣтъ мѣста для абстрактныхъ силъ, потому-что какъ ни малы междучастичные промежутки, но тѣмъ не менѣе, они все-таки

[1]) 455. [2]) 407.

существуютъ, и мы должны были бы допустить, что *силы дѣйствуютъ чрезъ разстояніе, т. е. придти къ абсурду*. Слѣдуетъ признать *невозможность химическаго дѣйствія чрезъ разстояніе* и необходимость, для его проявленія, того, что называется прикосновеніемъ» [1]). Возможно ли прикосновеніе между атомами, по собственной теоріи *Секки*, къ этому вопросу мы еще вернемся.

4) «Ко всѣмъ этимъ теоретическимъ и физическимъ затрудненіямъ, по словамъ *Секки* [2]), прибавляется еще одно обстоятельство, которое наноситъ (будто-бы) послѣдній ударъ доктринѣ *о притягательной силѣ, — это полное отсутствіе прямыхъ доказательствъ*. Въ самомъ дѣлѣ, поддерживающіе ее авторы утверждаютъ, что если предположить двѣ частицы *въ пустомъ пространствѣ*, то онѣ, въ-силу своей притягательной способности, будутъ стремиться другъ къ другу, по извѣстнымъ законамъ. Свойство это они считаютъ неотдѣлимымъ свойствомъ матеріи. Однакожъ, такое предположеніе не можетъ привести въ свою защиту ни одного факта, хотя бы уже по тому, что *мы не имѣемъ возможности наблюдать дѣйствіе только двухъ частицъ и именно въ абсолютной пустотѣ*. Все, что мы вокругъ себя видимъ, совершается между *массами частицъ или тѣлами, имѣющими сложный составъ*, и притомъ внутри той или другой среды. *Движенія атомовъ или частицъ происходятъ не въ абсолютной пустотѣ*, и потому можно еще спросить, не порождаются ли онѣ скорѣе *дѣйствіемъ внѣшняго побужденія*, чѣмъ *внутренними силами частицъ*?... Повторяемъ: *взаимное притяженіе двухъ частицъ, находящихся въ пустомъ пространствѣ, есть не что иное, какъ чисто математическая фикція*. Тѣмъ же, которые говорятъ, что дѣйствіе это есть предуставленный законъ, или прямой актъ воли Создателя, *Секки* отвѣчаетъ, что подобными ссылками было бы легко разомъ порѣшить всѣ труднѣйшіе вопросы науки; но физикъ не можетъ и не долженъ успокоиваться *на этомъ*. Основываясь на фактахъ, слѣдуетъ полагать, что *двѣ уединенныя матеріальныя частицы*, въ совершенную противность основному закону тяготѣнія, *должны скорѣе отталкиваться, чѣмъ притягиваться*. Не видимъ ли мы, въ самомъ дѣлѣ, что *расширительная сила увеличивается вмѣстѣ съ разрѣженіемъ матеріи и напряженіе ея достигаетъ своего максимума тамъ, гдѣ эта матерія наиболѣе раздѣлена* [3])? Мы имѣемъ полное право считать доказанымъ»—утверждаетъ *Секки*,— «что *притяженіе*, производимое однимъ тѣломъ на другое, что оно *никогда не замѣчается между двумя изолированными атомами, а постоянно только между системами атомовъ и притомъ внутри матеріальной среды*».

5) *Какъ же объяснить явленіе молекулярнаго притяженія*?—«*Притяженіе*»,— отвѣчаетъ *Секки* [4]),—«*есть слѣдствіе движенія матеріи*. Задача показать это не представляетъ для *Секки* ничего невозможнаго, если принять въ разсчетъ *свойства матеріи и въ-особенности движеніе, которымъ одухотворены ея послѣднія частицы*» [5]). Относительно динамическаго состоянія атомовъ, *Секки* допускаетъ гипотезу, что атомы надѣлены вмѣстѣ поступательнымъ и вращательнымъ движеніемъ, и затѣмъ гадаетъ: «если [6]) элементы эѳирной среды находятся во вращеніи, то ударъ одного атома о другой не произведетъ поступательнаго движенія, но лишь движеніе, распространяющееся на извѣстное пространство

---

[1]) 419. [2]) 430. [3]) 403. [4]) 409. [5]) 416. [6]) 406. [7]) 410.

округъ центра колебанія. Атомъ не потеряетъ всей своей силы при первомъ ударѣ, но будетъ мало-по-малу совершать коловратное движеніе, сообщая послѣдовательные точки сосѣднимъ атомамъ, вслѣдствіе чего вокругъ центра колебанія развивается расширеніе. Но такъ-какъ каждый атомъ, въ свою очередь, способенъ сообщать удары сосѣднимъ атомамъ, то первый изъ нихъ дѣлается настоящимъ центромъ колебанія: движеніе вокругъ него распространяется отъ перваго слоя ко второму, отъ втораго къ третьему и т. д. Очевидно [1]), что центръ, даже въ томъ случаѣ, если онъ одинъ, лишь бы онъ былъ только возбуждень достаточно сильнымъ и продолжительнымъ движеніемъ, — можетъ привести въ колебаніе неограниченную среду и измѣнить состояніе ея плотности такимъ образомъ, что она, сдѣлавшись наименьшею въ центрѣ, станетъ возрастать по мѣрѣ приближенія къ окружности. *Секки* считаетъ за доказанное, что точка, находящаяся въ непрерывномъ движеніи, развиваетъ вокругъ себя атмосферу съ неоднородною плотностью,—плотностью, убывающею отъ окружности къ центру; эта сфера можетъ развиваться до безконечности. Если же, возлѣ перваго центра колебанія (А), развивается другой (В), расположенный внутри его сферы дѣйствія, то очевидно, что количество матеріи, а слѣдовательно и сопротивленія, встрѣчаемое второю частицей или атомомъ (В), будетъ меньше въ сторону первой частицы или атома (А), почему движеніе атома *В* въ сторону атома *А* будетъ легче, чѣмъ въ противоположную. Отсюда послѣдуетъ перемѣщеніе *В* къ *А*: *два центра будутъ сближаться между собою до тѣхъ поръ, пока не придутъ въ соприкосновеніе*, пока одинъ изъ нихъ не подѣйствуетъ на другой прямымъ ударомъ. Изъ этого анализа дѣлается [2]) для *Секки* яснымъ, что *два атома или двѣ частицы, колеблющіеся въ матеріальной средѣ, стремятся сблизиться между собою, не вслѣдствіе своей внутренней силы, но по причинѣ неодинаковаго движенія, представляемаго средою по различнымъ направленіямъ, съ того мгновенія, какъ въ этой средѣ, вмѣсто одного центра дѣйствія, явилось два.* При такихъ обстоятельствахъ, въ вѣсомой матеріи, которая состоитъ изъ центровъ движенія, окруженныхъ со всѣхъ сторонъ эѳирною средою, *каждый центръ стремится приблизиться къ другому, и потому вездѣ, гдѣ только они находятся, развивается настоящая притягательная сила.* Предположимъ [3]), что нѣсколько атомовъ эѳира, обладающихъ одинаковыми скоростями поступленія и вращенія, соединились между собою. Какъ только такое соединеніе произошло, они будутъ продолжать двигаться вмѣстѣ, и этотъ аггрегатъ совершенно отдѣльныхъ частицъ станетъ дѣйствовать какъ одна сплошная масса. Эти-то центры, масса которыхъ образуется на-счетъ присоединенія къ нимъ другихъ уединенныхъ атомовъ, и составляютъ, вѣроятно, частицы вѣсомой матеріи. Она, въ такомъ случаѣ, ничѣмъ не отличалась бы, по существу, отъ эѳира. *Атомы, образующіе частицу, могутъ и не быть въ абсолютномъ прикосновеніи между собою*; но они должны обладать полной одновременностью своихъ движеній, которая сообщаетъ элементарнымъ атомамъ строгое единство дѣйствія и энергію, пропорціональную ихъ числу. Затѣмъ эта система, производя правильные періодическіе удары вправо и влѣво, впередъ и назадъ, сообщаетъ дви-

[1]) 411. [2]) 412. [3]) 413.

женіе всѣмъ окружающимъ ее атомамъ и развиваетъ вокругъ себя настоящій вихрь; этотъ послѣдній, въ свою очередь, уменьшаетъ вокругъ нея плотность эѳира. Такимъ образомъ, въ образовавшихся группахъ атомовъ, элементы *не связаны между собою никакой особой силой: сначала они остаются сплоченными другъ съ другомъ, вслѣдствіе одинаковой скорости и направленія своихъ движеній, а потомъ къ этому присоединяется еще давленіе окружающей среды*; это давленіе поддерживается *большой плотностью среды, ея инерціей, а также реактивнымъ дѣйствіемъ ударовъ, производимыхъ другими центрами движенія*. Соединеніе тѣлъ зависитъ отъ различныхъ видоизмѣненій [1]) этой опредѣляющей причины».

6) Въ этомъ, какъ намъ кажется, заключается *сущность теоріи Секки относительно не-только молекулярнаго притяженія, но и относительно дѣйствія всѣхъ физическихъ силъ*, по крайней мѣрѣ, относительно *взаимнаго воздѣйствія изолированныхъ первичныхъ атомовъ другъ на друга*. Сверхъ чаянія эта теорія *Секки* показывается состоящею изъ абсурдовъ, изъ противорѣчій его самому себѣ. Въ изложеніи этой теоріи, въ его собственной книгѣ еще гораздо больше, чѣмъ въ нашемъ перечнѣ его основоположеній, допущена крайняя путаница въ ассоціаціи представленій. Чтобы наглядно показать эту путаницу, которую, нарочно ли, или безсознательно, онъ вноситъ въ свое объясненіе притягательной силы, представимъ полстраницы [2]) его изложенія. Вотъ онъ приступаетъ къ объясненію того, что *притяженіе производитъ эѳирная среда, механическимъ своимъ дѣйствіемъ*.

А) «Представимъ себѣ,—говоритъ онъ,—міровую среду (эѳиръ) состоящею изъ отдѣльныхъ атомовъ, независимыхъ другъ отъ друга, *непроницаемыхъ и подвижныхъ*. Эти два послѣднія условія позволяютъ намъ предполагать въ атомахъ частью *внутреннюю упругость*, частью *отталкивательную*, или *другую какую-либо силу*». Утверждаемъ, что *Секки* здѣсь уже утверждаетъ абсурдъ; утверждаемъ, что эти два послѣднія условія—*непроницаемости и подвижности* атомовъ не позволяютъ предполагать въ нихъ «внутреннюю *упругость и отталкивательную силу*». Замѣтимъ напередъ, что *упругость и отталкивательная* сила атомовъ постоянно орудуютъ у *Секки*, въ его объясненіи молекулярныхъ притяженій. Вотъ причина, почему съ этимъ абсурдомъ, — противорѣчіемъ *Секки* самому себѣ, нужно кончить обстоятельно. Говоримъ, что здѣсь онъ противорѣчитъ себѣ. Въ началѣ книги (на стр. 29) онъ пишетъ: «приписываютъ молекуламъ *упругость*, вслѣдствіе которой частицы, при столкновеніи другъ съ другомъ, должны *отталкиваться*. Но очевидно, что эта *упругость, какъ проявленіе второстепенныхъ силъ, имѣющихъ свое начало въ силахъ первичныхъ, можетъ быть допущена только для сложныхъ частицъ; въ-отношеніи же къ элементарнымъ*

[1]) 415. [2]) 409.

атомамъ она рѣшительно не приложима. Въ самомъ дѣлѣ, *упругость предполагаетъ существованіе пустотъ внутри молекулы, которая измѣняетъ свою первоначальную форму, при сжатіи, и затѣмъ снова возвращается къ ней; между тѣмъ извѣстно, что атомы, прежде всего, считаются непроницаемыми и несостоящими изъ соединенія твердыхъ частицъ, а, слѣдовательно, и не могутъ заключать въ себѣ никакихъ пустотъ, которыя допускали бы ихъ расширеніе и сокращеніе».* Далѣе, на 33-й страницѣ, сказавъ, что одни только уединенные или элементарные атомы имѣютъ безусловное право на это названіе, *Секки* объявляетъ, что «такимъ образомъ мы, наконецъ, можемъ избавиться отъ представленія матеріи, обладающей *отталкивательными силами*».—А въ концѣ книги [1]), онъ-же опять объявляетъ, что начальные атомы ни тягучи, ни гибки, *ни упруги, а подчиняются лишь законамъ твердыхъ тѣлъ относительно какъ поступательнаго, такъ и вращательнаго движенія».* Итакъ, ни упругости, ни отталкивательной силы въ атомахъ, по словамъ самого-же *Секки*, предполагать ни подъ какимъ видомъ невозможно.

Б) Нельзя ли теперь *изъ непроницаемости и подвижности атомовъ* вывести *какую-либо, или даже всякую другую силу*, какъ хочетъ *Секки*? Никакой другой силы, по словамъ его-же, *Секки*, мы не имѣемъ права предполагать въ первичныхъ атомахъ, *кромѣ движенія*, и движенія именно *двойнаго* въ каждомъ атомѣ, *вращательнаго и поступательнаго.* «Изъ гипотезъ,—пишетъ онъ въ началѣ книги [3]), самою вѣроятною будетъ гипотеза *одновременнаго вращательнаго и поступательнаго движенія частицъ тѣла.* Вихри эѳира [2]) имѣютъ свое начало въ двигательной силѣ, присущей *каждому атому въ-отдѣльности. Атомамъ* [4]) *принадлежатъ вращательныя и поступательныя движенія.* Всѣ абстрактныя стремленія,—пишетъ *Секки*, въ самомъ концѣ книги [5]),—всѣ различныя способности тѣлъ должны быть изгнаны изъ области науки, потому-что *всѣ силы зависятъ отъ движенія. Движеніе въ элементарныхъ частяхъ матеріи принимаетъ* наиболѣе общую форму, а именно *форму вращенія, соединеннаго съ поступленіемъ».* Такимъ образомъ, по приговору самого-же *Секки*, мы лишены права предполагать въ первичныхъ атомахъ *какую-либо иную силу, кромѣ движенія, и движенія именно вращательнаго и поступательнаго въ каждомъ атомѣ.*

В) Предположивъ, такимъ образомъ, въ отдѣльныхъ атомахъ эѳира несовмѣстимыя вещи,—непроницаемость, подвижность, внутреннюю упругость, отталкивательную или какую-либо другую силу,—*Секки* умствуетъ: «затѣмъ, относительно *динамическаго состоянія атомовъ можно допустить двѣ гипотезы:* 1) или они находятся въ абсолютномъ покоѣ и лишены вращенія,—2) или надѣлены вмѣстѣ поступательнымъ и вращательнымъ движеніемъ, или же только однимъ послѣднимъ. Первое состояніе—*состояніе бездѣятельной инерціи*,—второе состояніе—состояніе движенія. Разсмотримъ сначала, что должно происходить въ такой сферѣ, въ моментъ удара, произведеннаго какой-либо причиной, которой можетъ быть *частица или атомъ* самой среды, возбужденный весьма сильнымъ импульсомъ. — Въ такомъ хаосѣ представленій и фактическихъ данныхъ, какой отразился въ этомъ умствованіи *Секки*, ничто не можетъ произойти, кромѣ сугубаго

---

[1]) 425. [2]) 31. [3]) 414. [4]) 419. [5]) 451.

хаоса логическихъ и метафизическихъ послѣдствій. По нашему мнѣнію, нельзя допускать, что «*атомы находятся въ абсолютномъ покоѣ и лишены вращенія*, или же надѣлены только однимъ послѣднимъ,—*вращательнымъ движеніемъ*», такъ какъ самъ-же *Секки* призналъ уже за основаніе своей теоріи, что *каждый изъ атомовъ надѣленъ вращательнымъ и поступательнымъ движеніемъ*. По этому же самому, нельзя приписывать атомамъ и *состояніе бездѣятельной инерціи*, такъ-какъ всякій атомъ представляетъ въ себѣ массу, возбужденную двойнымъ,—вращательнымъ и поступательнымъ,—движеніемъ; а всякая масса, возбужденная движеніемъ, оказывается, по *Секки* же, единственнымъ представителемъ физической силы. Въ самомъ дѣлѣ, нужно выяснить себѣ, *что должно разумѣть и что именно разумѣетъ Секки подъ именемъ инерціи?* По *Секки*, инерція есть самое [1]) существенное свойство матеріи: всякое вещество необходимо должно обладать *инерціей, т. е. требовать силы для приведенія его въ движеніе*. Это понятіе до того справедливо,—утверждаетъ *Секки*,—что основывается на совокупности всѣхъ извѣстныхъ намъ явленій». По этому опредѣленію, *инерція вещества состоитъ въ требованіи силы для приведенія его въ движеніе*; а это значитъ, *что инерція есть особаго рода сила вещества и состоитъ въ сопротивленіи дѣйствію на него всякой другой сторонней силы*. Это подтверждаетъ *Секки* и въ другомъ случаѣ [2]). Онъ говоритъ: «чтобы доказать *матеріальность* эѳира, мы должны доказать именно его *инерцію, или, что одно и тоже, его сопротивленіе движенію*. *Факты* (*сопротивленія* эѳира разновиднымъ движеніямъ вѣсомой матеріи) доказываютъ весьма убѣдительно его *инерцію, а слѣдовательно, и его матеріальность* [3]). Матеріальность эѳира [4]) и *инерція* доказываются *обмѣномъ работы*, часто происходящей между нимъ и вѣсомою матеріей. Главная и самая основная изъ силъ, совокупностью которыхъ представляются характеристическія свойства тѣла, *есть, безъ сомнѣнія, сила сопротивленія, или непроницаемости. Эта-то сила*, вызываемая къ *дѣйствію* всякій разъ, какъ тѣло измѣняетъ свое состояніе, переходя изъ покоя въ движеніе, или изъ движенія въ покой, и составляетъ *инерцію тѣла*». Итакъ, по словамъ самого *Секки*, «инерція *есть требованіе силы для приведенія вещества въ движеніе,—инерція эѳира—это одно и то же, что и сопротивленіе движенію,—инерція — особаго рода отрицательная работа, инерція есть сила сопротивленія стороннему движенію и напору,—есть сила дѣйствующая*»; и эта сила принадлежитъ какъ всякому тѣлу и веществу, такъ и эѳиру, и атомамъ. Итакъ, первичнымъ атомамъ нельзя приписывать «*состояніе бездѣятельной инерціи*», такъ-какъ ихъ инерція всегда дѣйственна.

Г) «Затѣмъ, разсмотрѣть», согласно съ требованіемъ *Секки*, «что должно происходить въ такой средѣ», которой всѣ свойства и условія существованія представлены имъ-же, *Секки*, въ хаотическомъ видѣ,—«что должно происходить въ такой средѣ, въ моментъ удара, произведеннаго какой-либо причиной, которой можетъ быть частица, или атомъ *самой среды, возбужденный весьма сильнымъ импульсомъ*»,—разсмотрѣть это мы не усматриваемъ никакой возможности, тѣмъ болѣе, что онъ же, *Секки*, не знаетъ никакой физической силы, кромѣ атомовъ, возбуж-

---

[1]) 136. [2]) 138. [3]) 146. [4]) 392.

денныхъ движеніемъ или импульсомъ, и одинъ атомъ не можетъ быть возбужденъ *весьма сильнымъ импульсомъ, болѣе сильнымъ, чѣмъ всѣ остальные атомы*, — такъ-какъ, по утвержденію его же, *Секки*, «можно съ огромной вѣроятностью [1]) полагать, что всѣ атомы эѳира обладаютъ совершенно тождественной массой, формой (которая должна быть сферическою) и объемомъ, а также *одинаковымъ вращательнымъ движеніемъ*, вслѣдствіе котораго всѣ они развиваютъ *одну и туже степень* упругости, — *и нѣтъ никакой достаточной причины для того, чтобъ вихри* (вращательныя движенія) *образовались вокругъ однѣхъ частицъ предпочтительно предъ другими*. «Атомы эѳира», утверждаетъ онъ же, *Секки* [2]), «*всѣ обладаютъ тождественно одинаковыми* массами и *скоростями движенія*, а слѣдовательно, колебаніе ихъ не можетъ развить расширенія ни по какому опредѣленному направленію, такъ-какъ между ними *нѣтъ ни одного преобладающаго, по своей силѣ, центра дѣйствія*».

Д) Итакъ, объясняя себѣ причину молекулярныхъ притяженій, мы не имѣемъ права, согласно требованію *Секки*, представлять себѣ первичные атомы обладающими внутреннею упругостью, отталкивательною и другими какими-либо силами, кромѣ движенія,—равно-какъ не имѣемъ права представлять, что первичные атомы находятся въ абсолютномъ покоѣ и лишены вращенія, т. е. находятся въ состояніи бездѣятельной инерціи, или одарены однимъ только вращательнымъ движеніемъ,—не имѣемъ, наконецъ, права представлять, что одинъ какой-либо атомъ возбужденъ болѣе сильнымъ импульсомъ движенія, чѣмъ остальные, такъ-какъ, по выводамъ самаго же *Секки*, *упругость, по-отношенію къ атомамъ, рѣшительно неприложима и отталкивательною силою они не обладаютъ: атомы не тягучи, ни гибки, ни упруги, а подчиняются лишь законамъ твердыхъ тѣлъ, относительно какъ поступательнаго, такъ и вращательнаго движенія; каждому атому принадлежитъ вращательное и поступательное движеніе, и, кромѣ этого двойнаго движенія, атомы чужды всякихъ другихъ силъ; — инерція атомовъ есть сила сопротивленія стороннему движенію, сила дѣйствующая, а не бездѣйственная;—всѣ первичные атомы обладаютъ совершенно тождественными массою, объемомъ, формою, формою именно сферическою, а при тождественно одинаковыхъ массахъ такими-же и скоростями движенія и, въ-частности, одинаковымъ вращательнымъ движеніемъ*».

7) Эти основоположенія самаго-же *Секки* мы должны принять за исходныя точки, при объясненіи явленія молекулярныхъ притяженій. Держась этихъ основоположеній, попытаемся, при объясненіи моле-

[1]) 161. [2]) 412.

кулярныхъ притяженій, стать на его, *Секки*, точку зрѣнія, на-сколько то позволяютъ намъ законы логики.

А) Вотъ первая его гипотеза: «что должно» [1], — спрашиваетъ онъ, — «произойти въ средѣ атомовъ, въ моментъ удара, произведеннаго атомомъ, который возбужденъ весьма сильнымъ импульсомъ, при условіи, что прочіе атомы, не представляя никакой упругости, находятся въ покоѣ? Ясно, отвѣчаетъ *Секки*, что въ этомъ случаѣ, *движеніе будетъ сообщаться по законамъ передачи въ твердыхъ тѣлахъ*: мы получимъ, слѣдовательно, одновременное поступленіе какъ *массы* (одного атома), производящей ударъ, такъ и той массы, которая его на себя принимаетъ, при чемъ это поступленіе распространяется *до послѣднихъ предѣловъ* среды, безъ всякаго другаго дѣйствія, кромѣ образованія нѣкоторой пустоты позади ударяющей частицы». Здѣсь, какъ и прежде, у *Секки* недостаетъ точной дистинкціи представленій, а вмѣстѣ съ тѣмъ окажутся, какъ увидимъ, и абсурды, и противорѣчія его самому себѣ. Представимъ, что *одинъ изолированный атомъ эѳира движется вращательно и поступательно, а всѣ другіе атомы находятся въ покоѣ.* Что тогда выйдетъ? Замѣтимъ, что движущійся атомъ не упругъ, какъ и покоющіеся атомы не упруги, — что онъ шаровидѣнъ, какъ и прочіе атомы шаровидны,—что находящіеся въ покоѣ атомы находятся въ состояніи дѣятельной инерціи, требующей силы для приведенія ихъ въ движеніе. Двинувшись впередъ, первый атомъ уже оставляетъ сзади за собою пустоту, а впереди встрѣчаетъ, на прямой линіи своего поступательно-вращательнаго движенія, другіе, сферическіе-же, покоющіеся атомы, въ которые ударяетъ. Ударъ этотъ—въ одни изъ покоющихся атомовъ — можетъ придтись центръ противъ центра, а въ другіе — эксцентрично, и слѣдствія удара выйдутъ различныя.

а) *Въ первомъ случаѣ, при ударѣ центръ противъ центра*, движущійся атомъ сообщитъ другому покоющемуся атому движеніе какъ вращательное, такъ и поступательное,—вращательное (въ простѣйшей, вѣроятнѣйшей, при отсутствіи всякихъ сторонніхъ причинъ, формѣ), на параллельной оси, противоположное собственному вращательному, а поступательное, по-направленію собственнаго поступательнаго движенія; при этомъ скорость движенія, при одинаковости массъ, объемовъ и формъ обоихъ атомовъ, должна уменьшиться ровно вдвое. Если два, такимъ образомъ движущіеся, одинъ впереди другаго, атома встрѣтятъ и ударятъ, *центръ противъ центра*, третій атомъ,—то сообщатъ ему движеніе, опять-же, и вращательное, противоположное второму вращательному, а тожественное съ первымъ, и поступательное, тожественное съ первымъ и вторымъ поступательными; при этомъ скорость движенія, при одинаковости массъ, объемовъ и формъ всѣхъ трехъ шаровъ, — атомовъ, убавится втрое и т. д. При этомъ первый, второй, третій и послѣдующіе атомы оставятъ за собою не иное что, какъ пустоту, а спереди образуютъ массу атомовъ, движущихся вращательно, въ противоположныя стороны, и поступательно въ одну сторону, одинъ вслѣдъ за другимъ, по одной прямой линіи, пока прибавляющаяся масса не одолѣетъ силу движенія, пока первоначальная скорость движенія перваго атома, раздѣленная на

[1]) 409.

массу всѣхъ, такимъ образомъ движущихся атомовъ, не превратится въ дробь, близкую къ ничтожеству, т. е. пока движущая сила не истощится *сопротивленіемъ инерціи* движимой массы.

Въ этихъ пунктахъ *Секки* какъ-будто не согласенъ съ нашимъ выводомъ, — какъ-будто *не допускаетъ истощенія силы движенія увеличеніемъ движимой массы*. По его словамъ, въ разсматриваемомъ случаѣ «одновременное поступленіе какъ массы, производящей ударъ, такъ и той, которая на себя его принимаетъ, *распространяется до послѣднихъ предѣловъ эѳирной среды*» [1]. А эѳиръ онъ считаетъ «*всенаполняющею* [2] *міровою средою*», потому-что «присутствіе этой тонкой матеріи оказывается *во всей вселенной* [3]); она проникаетъ *всюду, и въ отдаленнѣйшіе концы безпредѣльнаго міроваго пространства*». Такъ ужели-же *Секки* полагаетъ, что одинъ движущійся атомъ силенъ привести въ движеніе безпредѣльную массу атомовъ?! Именно, это самое утверждаетъ *Секки*. По его словамъ, «одинъ центръ (атомъ), лишь бы онъ былъ только возбужденъ достаточно сильнымъ и продолжительнымъ движеніемъ, можетъ привести въ колебаніе *неограниченную среду* [4]); точка (атомъ), находящаяся въ непрерывномъ движеніи, развиваетъ вокругъ себя атмосферу съ неоднородной плотностью, и эта сфера можетъ распространяться *до безконечности*. Движеніе [5]) никогда не уничтожается, а только преобразовывается, измѣняетъ направленіе. Разъ какъ данъ первый толчекъ, движеніе затѣмъ никогда уже не прекращается [6]) и постоянно происходитъ въ массѣ, подъ той или другой формой. Во всѣхъ явленіяхъ, ежедневно происходящихъ предъ нашими глазами, намъ кажется, что движенія какъ-будто уничтожаются; но это не болѣе какъ иллюзія. Въ дѣйствительности же, движенія только превращаются или въ ощутимыя молекулярныя движенія, или въ другія эквивалентныя, взаимно-уравновѣшивающія работы, и производятъ внутри тѣлъ различныя взаимодѣйствія частицъ. *Движенія послѣднихъ атомовъ матеріи происходятъ, безъ сомнѣнія, въ настоящей абсолютной пустотѣ. Поэтому, потери живой силы здѣсь невозможны, точно также, какъ невозможно и сопротивленіе; а отсюда прямо слѣдуетъ, что они должны сохраняться безконечно, какъ инерція матеріи*».

Такъ выражается *Секки*, когда ему нужно защитить свою теорію механическаго молекулярнаго притяженія; но когда ему нужно опровергать теорію притяженія посредствомъ притягательной силы, то онъ противорѣчитъ себѣ даже вербально. «Физики говорятъ», — пишетъ онъ [7]), —«что если предположить двѣ частицы *въ пустомъ пространствѣ*, то онѣ, въ-силу своей притягательной способности, будутъ стремиться другъ къ другу. Однакожъ, этого предположенія нельзя защищать уже по тому, что *мы не имѣемъ возможности наблюдать дѣйствіе частицъ въ абсолютной пустотѣ. Эти движенія происходятъ не въ абсолютно-пустомъ пространствѣ. Взаимное притяженіе двухъ частицъ, находящихся въ пустомъ пространствѣ, есть не что иное, какъ чисто математическая фикція*». Защищая же свою теорію, *Секки* говоритъ: «движенія послѣднихъ атомовъ матеріи производятъ, *безъ сомнѣнія, въ настоящей абсолютной пустотѣ: поэтому потери живой силы здѣсь невозможны, точно также какъ*

---

[1]) 409. [2]) 135. [3]) 454. [4]) 411. [5]) 416. [6]) 417. [7]) 408.

невозможно и сопротивленіе. То ли, однакоже, хочетъ *Секки* сказать, что сил
въ пустомъ пространствѣ, не встрѣчая никакого сопротивленія, не уничтожаем
Или то, что всякая, даже самомалѣйшая сила не можетъ быть уничтожена
пустомъ пространствѣ, или, лучше сказать, не можетъ быть поглощена сопр
тивленіемъ покоющейся массы атомовъ? Конечно, онъ утверждаетъ и перво
противъ чего и мы не находимъ здѣсь нужды спорить. Но *Секки*, какъ мы вп
дѣли, утверждаетъ и второе. Предположивъ, что одинъ атомъ движется въ пу
стомъ пространствѣ, а всѣ прочіе, лишенные всякаго движенія, находятся в
состояніи бездѣятельной инерціи, *Секки* умозаключаетъ, будто одинъ *движущійс
атомъ силенъ двигать безпредѣльную массу атомовъ, безпредѣльное время и
безпредѣльное пространство.* Намъ знакома эта метафизико-математическа
quasi-аксіома. Тѣмъ не менѣе мы ни мало не затрудняемся назвать ее *мат
матическою фикціей*, обративъ противъ нея слово самого-же *Секки.*

Эта quasi-аксіома основана на ложномъ предположеніи, что первичные атом
находятся *въ состояніи инерціи, именно абсолютно-бездѣятельной.* Между-тѣм
такая инерція въ живомъ фактѣ существенно невозможна, какъ мы уже доказал
соображеніями самого-же *Секки*,—вслѣдствіе чего невозможно и то, чтобы инер
ція покоющихся атомовъ не оказала сопротивленія дѣйствующей на нее движу
щей силѣ. Сила, своимъ импульсомъ движущая одинъ атомъ, способна произво
сти только *равносильное, съ сообщеннымъ ему, движеніе*, не болѣе. «Если масс
приведена въ движеніе»,—читаемъ у самаго *Секки* (8 — 9), — «то она дѣлаетс
способною развивать *дѣйствіе, равное израсходованной на нее силѣ, т. е. вы
зывать равносильное съ сообщеннымъ ей движеніе.* Поэтому, она можетъ *пре
одолѣвать внѣшнее сопротивленіе, по длинѣ проходимаго пути, въ-продолже
ніе опредѣленнаго времени*» (а не безпредѣльно). «Тѣло, приведенное въ движеніе
или извѣстное динамическое дѣйствіе (живая сила), можетъ, въ свою очередь
сдѣлаться причиною, или источникомъ работы. Побѣжденная инерція дѣлаетс
способною возвращать сполна израсходованную на ея преодолѣніе работу, по
добно пружинѣ, которая до того времени была сжата. *Инерція, на-подобіе пру
жины, служитъ для накопленія* механической *работы*, преобразовывая ее в
живую силу, такъ-что сила есть не что иное, какъ настоящій резервуаръ ра
боты. *Инерція служитъ для поглощенія работы движителей*, превращаемо
ею въ живую силу, и для возвращенія ея потомъ сполна, когда эта живая сил
будетъ потрачена на преодолѣніе сопротивленій. Такимъ образомъ, *работа
динамическое дѣйствіе, живая сила и масса, движущаяся съ извѣстной ско
ростью,—выраженія однозначущія.* Масса, поглотившая, для перехода въ движеніе
извѣстную работу, можетъ, въ свою очередь, сдѣлаться движущею силой и произвест
туже работу. Количество дѣйствія [1]), которое произвело первоначальное движеніе
или *первичная сила, остается не разрушимымъ (только) въ системѣ. Возбуж
денное этой начальной причиной* движеніе только измѣняетъ свой видъ, — на
примѣръ, изъ поступательнаго перемѣщенія, оно можетъ превратиться въ вибра
цію, или вращеніе, *изъ одного тѣла перейти въ другое, или даже въ безконеч
но возрастающій рядъ тѣлъ* [2]). *Абсолютное количество живой силы всегда*

[1]) 40. [2]) 40—41.

остается, въ системѣ, одно и тоже, — и если кажется, что оно исчезло какъ поступательное движеніе, то, на самомъ дѣлѣ, это послѣднее только превратилось во вращеніе. *Движеніе сохраняется даже и тогда, когда мы видимъ тѣла остающимися въ покоѣ,*—сохраняется не движеніе, а сила, если мѣриломъ силы принять произведеніе изъ массы на скорость, или на квадратъ скорости. Количество живой силы [1]), разлитое во вселенной, всегда остается постояннымъ. *Но дѣло представляется совершенно иначе, если ограничить наблюденіе только извѣстнымъ, опредѣленнымъ пространствомъ. Какимъ образомъ вращательныя и вихреобразныя движенія могутъ постоянно сохранять одну и туже степень напряженія, если эѳирная жидкость обладаетъ инерціей?* Такой результатъ былъ бы понятенъ *при совершенно свободномъ, ничѣмъ незамѣщенномъ, или такъ-называемомъ пустомъ пространствѣ; но въ инертной сопротивляющейся средѣ это оказывается совершенно невозможнымъ, такъ-какъ атомъ, двигающійся въ подобной средѣ, долженъ мало по малу терять свою живую силу, сообщая ее окружающимъ частицамъ. Если представить себѣ выдѣленнымъ изъ окружающаго пространства извѣстное количество эѳира, то данное количество будетъ одно сообщать движеніе инертной массѣ, и потому его живая сила быстро истощится. Предположить, что движеніе въ ограниченной массѣ сохраняется безконечно, вещь совершенно невозможная».*

Оказывается, такимъ образомъ, что *Секки* въ концѣ книги забылъ о томъ, что писалъ въ началѣ. На-основаніи собственныхъ его соображеній, мы должны признать *абсурдами, вещью совершенно невозможною, его утвержденія: 1) что отъ одного движущагося атома его поступленіе распространяется до послѣднихъ предѣловъ (т. е. на безпредѣльность) эѳирной среды, съ перемѣщеніемъ всей эѳирной массы по-направленію поступленія,—2) что одинъ, возбужденный движеніемъ, атомъ можетъ привести въ колебаніе неограниченную среду, и колеблемая имъ сфера можетъ распространяться до безконечности, и 3) что каждый изъ атомовъ эѳира обладаетъ способностью возстановлять свое движеніе вполнѣ. Нѣтъ, разъ потерявъ свое движеніе, атомъ, по механической теоріи Секки, уже безсиленъ, самъ собою, безъ внѣшняго импульса, возстановитъ свое движеніе.*

Нельзя не поставить на видъ, что *эти абсурды являются абсурдами именно съ механико-атомической точки зрѣнія, защищаемой Секки.* Вѣдь у него атомы самымъ строгимъ образомъ подчинены законамъ механической динамики. «Если эѳиръ есть матерія»,—спрашиваетъ онъ [2]),—«то на какомъ основаніи онъ будетъ свободенъ отъ подчиненія *механическимъ законамъ, общимъ для всѣхъ родовъ вещества?* По своей формѣ вибрацій, эѳиръ [3]) приближается болѣе къ твердымъ тѣламъ, чѣмъ къ жидкимъ Начальные атомы [4]). подчиняются законамъ твердыхъ тѣлъ относительно какъ поступательнаго, такъ и вращательнаго своего движенія. От-

[1]) 164—165. [2]) 379. [3]) 380. [4]) 425.

носительно точности [1]) основныхъ законовъ механики, никогда не высказывалось ни малѣйшаго сомнѣнія, пока дѣло шло только о движеніи вѣсомыхъ массъ; но предпринятыя за послѣднее время изысканія доказали *полнѣйшую универсальность этихъ законовъ*, а, въ-частности, приложимость ихъ къ химическимъ, электрическимъ и свѣтовымъ дѣйствіямъ, въ-особенности же къ явленіямъ теплоты. Механическій законъ [2]) полнаго уравновѣшенія работъ сохраняетъ свою полную и безусловную силу на всемъ *безграничномъ пространствѣ вселенной*. Всѣ дѣйствія теплоты, свѣта, электричества, магнитизма и молекулярныхъ силъ сводятся къ чисто механическимъ процессамъ. Слѣдовательно, *всякое исключеніе изъ общихъ законовъ механики въ-пользу первичныхъ атомовъ, точно также какъ и для сложныхъ молекулъ, съ точки зрѣнія самого Секки, должно быть признано за несомнѣнный абсурдъ*».

Такимъ образомъ, мы остаемся при своемъ выводѣ, что Секки, утверждая, будто *одинъ движущійся атомъ силенъ сообщить безпредѣльное поступленіе безпредѣльной массѣ покоющихся атомовъ*, сказалъ не иное что, какъ абсурдъ. Нѣтъ, въ-случаѣ прямо центральныхъ ударовъ въ атомы, покоющіеся на линіи поступленія поступательно и вращательно движущагося атома, этотъ послѣдній атомъ сдвинетъ, по своему пути, опредѣленное количество другихъ атомовъ, пока движущая его сила не истощится сопротивленіемъ инерціи увеличивающейся движимой массы, а затѣмъ произойдетъ остановка движенія какъ въ приведенномъ въ движеніе атомѣ, такъ, вмѣстѣ съ нимъ, и во всей этой массѣ.

б) Разсмотримъ затѣмъ другой случай, *случай удара или ударовъ эксцентричныхъ*.

Возьмемъ сначала *простѣйшую форму этого случая*. Первый вращательно и поступательно движущійся атомъ ударитъ другіе покоющіеся атомы, расположенные справа и слѣва около поступательнаго его пути. Этимъ ударомъ онъ сообщитъ лежащимъ, и съ правой, и съ лѣвой стороны, атомамъ также двоякое движеніе, вращательное, противоположное своему собственному (при чемъ оси того и другаго атома окажутся параллельными), и поступательное, въ обѣ стороны отъ собственнаго пути и подъ острымъ угломъ, въ-видѣ наклонившихся назадъ перьевъ летящей стрѣлы. При этомъ каждый, какъ правый, такъ и лѣвый изъ отброшенныхъ въ сторону атомовъ, отнимая часть двигательной силы у нерваго, движущагося атома, подчинится, въ свою очередь, подобному-же закону движенія и истощенія силы, инерціею встрѣчной массы, какъ и первый, движущійся атомъ.... Такимъ образомъ, въ итогѣ окажется, что *первый, вращательно и поступательно движущійся атомъ долженъ образовать, по линіи своего прогресса, какъ оси конуса движенія, пустоту, ограниченную рамкою изъ сдвинутыхъ имъ и переставшихъ двигаться встрѣчныхъ атомовъ, скучившихся въ-видѣ острія копья, или точнѣе, въ-видѣ конуса*.

Затѣмъ необходимо подвергнуть тщательному разбору *вторую, болѣе сложную форму этого случая*, которую, какъ ниже увидимъ, *Секки* беретъ за основаніе механики молекулярныхъ силъ.

Секки никакъ не хочется разъ навсегда отказаться отъ признаннаго имъ са-

---

[1]) 452. [2]) 453.

мимъ абсурда—*представлять атомы упругими.* Такъ, на стр. 409, онъ пишетъ: «атомы не представляютъ *никакой упругости* и сообщаются въ движеніи по законамъ передачи его въ твердыхъ тѣлахъ». На стр. 425 пишетъ, какъ мы видѣли, тоже самое: «атомы не упруги и подчиняются лишь законамъ твердыхъ тѣлъ». Но на стр. 410 онъ уже находитъ нужнымъ «представить себѣ атомы упругими» и даже прямо утверждаетъ, что въ извѣстныхъ обстоятельствахъ, «движущійся атомъ дѣйствуетъ совершенно такъ-же, какъ *упругое тѣло*, брошенное въ среду другихъ, совершенно однородныхъ съ нимъ», т. е. *упругихъ*-же атомовъ. А въ началѣ книги онъ-же пишетъ: «*атомы* [1]) *тѣлъ считаются или обладающими упругостью,—мнѣніе наиболѣе распространенное въ настоящее время,—или же находящимися во вращательномъ движеніи, эквивалентномъ упругости*». Такъ-какъ упругость атомамъ принадлежать не можетъ безусловно и самъ *Секки* это многократно утверждаетъ, то *въ какомъ-же смыслѣ и на какомъ основаніи онъ говоритъ, что атомы дѣйствуютъ, какъ тѣла упругія?* Онъ старается доказать, что «*нѣтъ никакой надобности принимать упругость за первичную силу атомовъ, такъ-какъ отталкивательное взаимодѣйствіе ихъ можетъ быть выведено просто изъ ихъ движенія, если только допустить, что они находятся въ постоянномъ вращеніи*». Иначе сказать, *атомы не упруги, но дѣйствіе ихъ эквивалентно дѣйствію упругихъ тѣлъ. Поэтому и нужно подвергнуть разсмотрѣнію вопросъ: дѣйствительно ли дѣйствіе неупругихъ тѣлъ эквивалентно съ дѣйствіемъ тѣлъ упругихъ?*

Эквивалентность дѣйствія неупругихъ тѣлъ съ дѣйствіемъ упругихъ будтобы доказывается недавно возникшею «*теоріею отраженія вращающихся тѣлъ отъ сопротивляющагося препятствія* [2]). Доказано, увѣряетъ *Секки*, что, вслѣдствіе одного только вращенія, *твердое и неупругое тѣло* можетъ отражаться съ такимъ-же совершенствомъ, *какъ и тѣло, обладающее наивысшею степенью упругости*; мало того, ударяясь о неподвижное препятствіе, тѣло часто, послѣ отраженія, *пріобрѣтаетъ скорость, превышающую ту, которую имѣло при началѣ полета.* Это, повидимому, парадоксальное явленіе объясняется *превращеніемъ части вращательнаго движенія въ поступательное. Вслѣдствіе этого-то превращенія и происходитъ увеличеніе скорости центра тяжести тѣла.* Такимъ образомъ, на-ряду съ случаями обыкновеннаго отраженія, происходятъ явленія *прогрессированія* или *отрицательныя отраженія.* Эти вопросы рѣшаются путемъ сложенія двухъ движеній: вращательнаго и поступательнаго, разсматриваемыхъ по-отношенію къ центрамъ тяжести, и приводятъ къ слѣдующему общему положенію: *ударъ, каковъ бы онъ ни былъ, не можетъ уничтожить въ тѣлѣ заразъ и вращательное, и поступательное движеніе*, потому-что, если ударъ эксцентриченъ, то онъ въ-состояніи разрушить только вращательное движеніе, — если же направленіе удара проходитъ чрезъ центръ тяжести, то только поступательное. Такимъ образомъ, *количество движенія, потерянное съ одной стороны, выигрывается съ другой*: вращеніе можетъ или измѣнить свое направленіе, или же просто ускориться, смотря по точкѣ, которою тѣло ударилось».

---

[1]) 41. [2]) 30.

Утверждаемъ, что подобное явленіе *только аналогично, но далеко не эквивалентно дѣйствію упругихъ тѣлъ.* И доказать это поможетъ намъ самъ-же *Секки,* своими соображеніями, уже отчасти нами разсмотрѣнными. Вотъ, элементы эѳирной среды находятся въ покоѣ и не представляютъ никакой упругости. Атомъ, возбужденный сильнымъ импульсомъ только къ поступательному движенію, производитъ центральный ударъ; движеніе сообщается по законамъ передачи въ твердыхъ тѣлахъ; мы получаемъ поступленіе, до извѣстныхъ предѣловъ, и атома, произведшаго ударъ, и массы, принявшей ударъ». Это-такъ. Но то ли выходитъ, «если атомы представить себѣ упругими?—Нѣтъ; дѣйствіемъ удара, поступательно движущійся атомъ сообщитъ свою скорость окружающей средѣ» (т. е. первый движущійся атомъ, сообщивъ свое движеніе второму, неподвижному атому, самъ останется на мѣстѣ; второй, сообщивъ свое движеніе третьему, покоющемуся атому, самъ останется на мѣстѣ и т. д.); «послѣ этого среда тотчасъ-же приходитъ въ покой и все принимаетъ свой прежній видъ» [1]). Надѣлимъ, въ тѣхъ-же условіяхъ, первый атомъ не-только поступательнымъ, но и вращательнымъ движеніемъ, и пусть онъ, въ пустомъ пространствѣ, произведетъ центральный ударъ въ другой, покоющійся атомъ. Что выйдетъ тогда? Если оба атома не упруги, то въ пустомъ пространствѣ не усматривается причины, которая помѣшала бы первому атому сообщить второму половину своего, какъ поступательнаго, такъ и вращательнаго, движенія. Если же оба шара упруги, то первый, при совершенно центральномъ ударѣ, долженъ потерять всю свою скорость, а второй всю ее, ввидѣ ли только поступательнаго, или смѣшаннаго вращательно-поступательнаго движенія, долженъ пріобрѣсти. Разница для обоихъ атомовъ, въ томъ и другомъ случаѣ, большая. Эта разница окажется еще яснѣе, если оба эти атома поставимъ въ математически точное противоборство. Вотъ поступательное движеніе ихъ направлено съ равною скоростію, по одной прямой линіи, въ противоположныя стороны, т. е. одно противъ другаго, а вращательное движеніе ихъ, съ равною-же скоростію, обращается въ одну сторону. При-томъ, если атомы абсолютно неупруги, то, при совершенно центральномъ ударѣ, поступательная сила одного должна уничтожить поступательную силу другаго; равно-какъ, въ абсолютно-пустомъ пространствѣ, не оказывается причины, почему бы и вращательныя движенія, давъ совершенно противоположный толчекъ другъ другу, не уничтожили себя взаимно. Если же, при этомъ, атомы были бы упруги, то, при совершенно центральномъ ударѣ, каждый изъ нихъ передалъ бы другому свою собственную, какъ поступательную, такъ и вращательную, скорость, послѣ чего атомы въ движеніи поступательномъ обратились бы назадъ, а во вращательномъ оба стали бы кружиться въ противоположную сторону, съ тою-же прежнею скоростію. Нельзя сказать (на что стоитъ обратить вниманіе, при метафизическихъ соображеніяхъ относительно компликаціи первичныхъ атомовъ), чтобъ и здѣсь, во взаимодѣйствіи тѣлъ упругихъ, мы получили чистое возстановленіе силъ. Нѣтъ; этотъ простой, чисто математическій, случай точно противоположнаго центральнаго столкновенія движущихся вращательно и поступательно, упругихъ атомовъ, эта замѣна поступательнаго и въ-особенности вращательнаго движенія

[1]) 410.

движеніями чисто противоположными, показываетъ, что мы получаемъ въ результатѣ не чисто тожественную сумму прежнихъ величинъ, равно-какъ и не нуль (0) въ остаткѣ, но полярную, по качеству, противоположность тѣхъ-же самыхъ величинъ, которыя какбы измѣнили, по вычитаніи ихъ одной изъ другой, свои математическіе знаки: + на —, и обратно: — на +. Отсюда открывается, что — *при математически противоположномъ ударѣ двухъ, даже упругихъ атомовъ, мы не получаемъ въ результатѣ полной эквивалентности*, или полнаго возстановленія силъ; тѣмъ менѣе можемъ мы получить что-либо подобное по столкновеніи атомовъ абсолютно-неупругихъ, если ударъ происходитъ прямо противоположно, или подъ угломъ. Такъ, по совершенно противоположномъ между ними ударѣ, мы получаемъ уже не прежнія величины, какъ при столкновеніи тѣлъ упругихъ, только съ перемѣнными математическими знаками, или,—что тоже,—съ полярно-противоположнымъ метафизическимъ значеніемъ, но какбы нуль (0) въ остаткѣ, по прямомъ вычитаніи одной величины изъ другой, совершенно равной. Для большей ясности такого вывода, вообразимъ, что первый атомъ сталкивается не съ другимъ атомомъ, а съ какою-либо неподвижною, совершенно неупругою преградой. Пусть на эту преграду первый атомъ несется только поступательно и притомъ такъ, чтобы ударъ отъ преграды пришелся перпендикулярно, по линіи его движенія, прямо въ центръ ему. Въ такомъ случаѣ абсолютно неупругій атомъ долженъ потерять всю свою поступательную скорость. Если же атомъ упругъ, то долженъ всю скорость возстановить, хотя и въ обратномъ направленіи и въ полярно-противоположномъ значеніи. Далѣе, надѣлимъ тѣже атомы не-только поступательнымъ, но и вращательнымъ движеніемъ, при тѣхъ-же условіяхъ. Упругій атомъ, при абсолютной неупругости преграды, сохранитъ здѣсь сумму своихъ скоростей, вращательной и поступательной, ни-мало не уменьшенною, хотя и не увеличитъ ее ни подъ какимъ видомъ. Но и такой атомъ часть своей вращательной скорости можетъ потерять. Неупругій же атомъ, при безусловной неупругости преграды, неизбѣжно долженъ потерять какую-либо часть изъ суммы своихъ скоростей, потерять часть своей двигательной силы, *часть изъ количества своего движенія*. Эту часть не трудно и опредѣлить съ математическою точностію, поставивъ въ точку паденія атома, на плоскость преграды, если онъ падаетъ подъ непрямымъ угломъ, перпендикуляръ и построивъ затѣмъ такъ-называемый параллелограммъ силъ. Если же атомъ падаетъ на плоскость преграды прямо перпендикулярно, то онъ долженъ всецѣло потерять свою поступательную скорость, а вращательную, по крайней мѣрѣ, отчасти. Если потомъ поставить, на мѣсто столкновенія одного атома съ неподвижною преградою столкновеніе между собою двухъ противоположно движущихся, какъ вращательно, такъ и поступательно, атомовъ, то въ результатѣ должно оказаться уничтоженіе не-только поступательнаго, но и вращательнаго движенія, потому-что въ безусловно пустомъ пространствѣ не оказывается никакой силы, которая могла бы сохранить оба эти движенія, или хотя одно изъ нихъ, именно послѣднее, вопреки математически-точнымъ противоборственнымъ ударамъ, которые нанесены двойнымъ движеніемъ одного атома такому-же движенію другаго. Такимъ образомъ, искомая здѣсь эквивалентность дѣйствія упругихъ и неупругихъ тѣлъ оказывается фикціею воображенія *Секки*, увлекающагося славою изобрѣтателя. И эта фикція возникла, кажется,

изъ того, что *Секки* доказываетъ ее болѣе фактически,—наблюденіемъ надъ дѣйствительными тѣлами, чѣмъ математически. Такъ, онъ привелъ въ-подтвержденіе этой теоріи, въ числѣ немногихъ фактовъ, даже удары вертящихся волчковъ и бильярдныхъ шаровъ,—тѣлъ, какъ извѣстно, употребляемыхъ въ системахъ физики въ доказательство упругости. Но упругость, въ большей или меньшей мѣрѣ, принадлежитъ и всѣмъ тѣламъ, вмѣстѣ съ неотъемлемымъ свойствомъ скважности,—принадлежитъ даже жидкостямъ, которыя въ малыхъ капляхъ обнаруживаютъ даже значительную силу упругости. Значитъ, подтвержденіе разсматриваемаго закона, столкновеніями какихъ бы то ни было тѣлъ, не можетъ служить категорическимъ доказательствомъ, которое имѣло бы одинаковую силу при столкновеніяхъ и атомовъ, тогда какъ атомы мыслятся не иначе, какъ абсолютно непроницаемыми и потому абсолютно неупругими. Къ нимъ могутъ и должны быть прилагаемы законы только чисто-математической механики, въ наиболѣе чистомъ, аксіоматическомъ видѣ. А въ такомъ видѣ эти законы требуютъ, чтобы *два движущіеся атома, при своей абсолютной неупругости, послѣ прямо противоположнаго удара, или послѣ удара подъ какимъ бы то ни было угломъ, теряли если не всю свою прежнюю двигательную силу, то, по крайней мѣрѣ, часть ея; почему дѣйствія ихъ послѣ удара, ни подъ какимъ видомъ, не могутъ быть совершенно эквивалентными дѣйствіямъ упругихъ тѣлъ, послѣ ихъ столкновенія.*

Самъ *Секки*, volens nolens (волею или неволею), сознается въ этомъ. Такъ, по его выраженіямъ, «неупругое тѣло, ударяясь о неподвижное препятствіе, послѣ отраженія, *часто* (значитъ, не всегда) пріобрѣтаетъ скорость, превышающую ту, которую оно имѣло [1]) при началѣ полета. Это парадоксальное явленіе объясняется превращеніемъ *части* (значитъ, не всего) *вращательнаго движенія* въ поступательное. Ударъ, каковъ бы онъ ни былъ, не можетъ уничтожить въ тѣлѣ, *заразъ, и вращательное и поступательное* движеніе; если ударъ эксцентриченъ, то онъ *въ-состояніи разрушить первое изъ нихъ*; если же ударъ приходится въ центръ тяжести тѣла, *то разрушаетъ второе*». И въ концѣ книги [2]) онъ-же пишетъ: если тѣло одновременно вращается и перемѣщается, то невозможно, чтобы оба эти его движенія прекратились заразъ» (возможно и то, что оба эти движенія прекратятся заразъ; а чтобы больше или меньше сократилось одно изъ нихъ, то это совершенно неизбѣжно): «*для уничтоженія вращенія, ударъ долженъ быть эксцентриченъ*» (значитъ, эксцентричный ударъ прекращаетъ вращеніе). «Съ другой стороны, всякій ударъ, *нейтрализующій поступательное движеніе*, измѣняетъ вращеніе»: значитъ, ударъ, въ этомъ случаѣ, можетъ нейтрализировать, или, что тоже, прекращать, все дѣло или частію, и поступательное движеніе. Этотъ выводъ подтверждается у *Секки* слѣдующимъ наблюденіемъ: «въ упругой средѣ *(каково бы ни было происхожденіе этой упругости)*, разъ образовавшаяся волна [3]) продолжаетъ распространяться, безъ всякаго новаго дѣйствія со-стороны первоначальной причины; но, *по мѣрѣ своего удаленія отъ центра колебаній, все, что выигрывается ею въ пространствѣ, проигрывается въ скорости*, — и это происходитъ до тѣхъ поръ, пока вся скорость не истощится и движеніе вовсе не прекратится. Совершенно тоже самое должно происходить, по мнѣнію *Секки*, и при круговращательномъ движеніи въ волнахъ

[1]) 30. [2]) 416. [3]) 166.

эѳира и молекулярныхъ вихряхъ». Потому-то, въ самомъ объясненіи молекулярныхъ притяженій эквивалентностью дѣйствій атомовъ съ дѣйствіями тѣлъ упругихъ, *Секки* утверждаетъ, что вращательно и поступательно движущійся атомъ, ударяясь въ другіе подобные-же атомы [1]), *дѣйствуетъ совершенно такъ-же, какъ упругое тѣло, брошенное въ среду другихъ однородныхъ съ нимъ*, и, въ тоже время, допускаетъ, что, подъ дѣйствіемъ этихъ ударовъ, скорость его (перваго атома) можетъ увеличиваться, или *уменьшаться*»,—что «*при первомъ ударѣ атомъ не потеряетъ всей своей силы*» (значитъ, часть силы теряетъ). Даже буквально *Секки* пишетъ слѣдующее: не «трудно видѣть *разницу, отличающую этотъ способъ распространенія движенія (неупругихъ атомовъ) отъ того, который имѣлъ бы мѣсто въ средѣ, обладающей одною только упругостью*». Нужно ли и возможно ли болѣе категорическое отрицаніе *эквивалентности дѣйствій атомовъ съ дѣйствіями упругихъ тѣлъ?*

Б) Между-тѣмъ, повторяемъ, эта, категорически отрицаемая самимъ *Секки*, теорія эквивалентности служитъ у него главнымъ основаніемъ теоріи молекулярныхъ притяженій. Для доведенія этой послѣдней теоріи до конца, ему нужно получить въ среднемъ выводѣ и поставить среднею посылкою положеніе, что *находящійся въ поступательно вращательномъ движеніи атомъ, дѣйствуя эквивалентно упругому тѣлу, развиваетъ вокругъ себя атмосферу съ неоднородною плотностью, убывающею отъ окружности къ центру,—и эта сфера можетъ развиваться до безконечности.* Только по полученіи этого посредствующаго вывода, ему, *Секки*, нѣсколько позволительно было бы двинуться къ послѣднему, самонужнѣйшему въ его теоріи молекулярныхъ притяженій, результату, что «*два атома, или двѣ частицы, колеблющіеся въ матеріальной средѣ, стремятся сблизиться между собою*, не вслѣдствіе своей внутренней силы, но *по причинѣ неодинаковаго сопротивленія движенію*, представляемаго средою, по различнымъ направленіямъ, съ того мгновенія, какъ въ этой средѣ, вмѣсто одного центра дѣйствія, явилось два» [2]),—что «это стремленіе къ сближенію есть результатъ измѣненій, испытываемыхъ плотностью среды вокругъ каждыхъ двухъ смежныхъ частицъ». Какъ же теперь получить требуемый средній выводъ, что *находящійся въ поступательно-вращательномъ движеніи атомъ, дѣйствуя эквивалентно упругому тѣлу, развиваетъ вокругъ себя атмосферу съ неоднородною плотностью, убывающею отъ окружности къ центру?*

Беремъ смѣлость заявить, что намъ тяжело вести дѣло съ сочиненіемъ *Секки* въ-направленіи къ этому выводу: въ этомъ пунктѣ у него такъ слаба логическая связь, что трудно даже вообразить себѣ это, опровергать же просто невозможно, потому-что у него не оказывается здѣсь ничего, кромѣ безсодержательнаго набора словъ. «Атомъ»,—умствуетъ *Секки*,—и наскакиваетъ на перваго, встрѣчающагося ему на пути собрата, затѣмъ [3]) такимъ-же образомъ сталкивается со вторымъ, третьимъ и т. д. Подъ дѣйствіемъ этихъ ударовъ, центръ атома будетъ отбрасываться назадъ, или устремляться впередъ, или-же измѣнять направленіе своего движенія и, въ каждомъ изъ данныхъ случаевъ, его скорость можетъ увеличиваться, или уменьшаться. Отсюда слѣдуетъ, что, *послѣ перваго удара, атомъ будетъ мало по-*

[1]) 410. [2]) 412. [3]) 410.

малу совершать коловратное движеніе, сообщая послѣдовательные толчки сосѣднимъ атомамъ, вслѣдствіе чего вокругъ центра колебанія развивается расширеніе и измѣненіе условій равновѣсія во всѣ стороны, на болѣе или менѣе значительное разстояніе: это называется сферою дѣйствія». Откуда же слѣдуетъ, что атомъ, послѣ перваго удара, будетъ совершать движеніе именно *коловратное?*—Если первый атомъ столкнется со вторымъ атомомъ прямо противоположно, центръ противъ центра, — то движеніе, навѣрное, совсѣмъ прекратится, и первый атомъ, послѣ удара, не будетъ совершать не-только коловратнаго, но и никакого движенія. Если же онъ ударится со вторымъ атомомъ эксцентрично («въ самомъ дѣлѣ»,—предполагаетъ *Секки* [1]),—«въ большинствѣ случаевъ толчекъ будетъ происходить не по оси вращенія, а наклонно къ ней, т. е. эксцентрично»),—то потеряетъ именно вращательное движеніе, такъ-какъ самъ-же *Секки* говоритъ: «для уничтоженія вращенія, ударъ долженъ быть эксцентриченъ» [2]). Слѣдовательно, ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ, первый атомъ не можетъ совершать именно *коловратнаго движенія*.... Далѣе, откуда видно, что *вокругъ центра колебанія должно развиваться расширеніе?*—На это отвѣчаетъ самъ-же *Секки*: «атомы [3]) всѣ обладаютъ тожественно одинаковыми массами и скоростями движенія, а слѣдовательно, *колебаніе ихъ не можетъ развить расширенія ни по какому опредѣленному направленію, такъ-какъ въ колеблющейся средѣ нѣтъ ни одного преобладающаго, по своей силѣ, центра дѣйствія*».—Прекрасно! Намъ больше ничего и не требуется. — «Но совершенно обратное произойдетъ тамъ, гдѣ атомы пріобрѣтаютъ большую массу, или скорость движенія»,—поправляется *Секки*. Но какимъ образомъ атомъ можетъ пріобрѣсти *большую массу*, когда сказано, что всѣ атомы обладаютъ тожественно одинаковыми массами? Соединеніемъ одного атома съ другимъ, превращеніемъ въ молекулу, которое можетъ быть результатомъ совпаденія атомныхъ движеній и увеличенія скорости,—отвѣчаетъ *Секки*. Но какимъ образомъ, спрашивается опять,—атомъ можетъ пріобрѣсти *и большую скорость*, когда сказано, что всѣ атомы обладаютъ одинаковыми скоростями движенія? Можно ли сказать, что это дѣлается превращеніемъ движенія поступательнаго во вращательное, или, обратно, вращательнаго въ поступательное, по теоріи эквивалентности дѣйствій тѣлъ неупругихъ съ упругими, которую *Секки* такъ настойчиво развивалъ и затѣмъ самъ-же отвергъ? Никакъ нѣтъ; по *Секки* здѣсь совершенно другая причина.—«Относительно этого предмета»,—отвѣчаетъ *Секки*,—«могутъ быть сдѣланы двѣ гипотезы: 1) или атомы суть *точки* первообразной матеріи, *масса, объемъ и скорости которыхъ больше, чѣмъ въ другихъ частяхъ*, т. е. въ другихъ атомахъ» (въ такомъ случаѣ мы получаемъ у *Секки* предположеніе, буквально противорѣчащее только-что высказанному имъ-же положенію,—что «атомы всѣ обладаютъ тожественно одинаковыми массами и скоростями движенія»).... 2) «Или» (вторая гипотеза) «нѣсколько атомовъ эѳира группируются въ одну общую массу, при чемъ [4]) это соединеніе есть не что иное, какъ дѣйствіе ихъ инерціи. Предположимъ, что нѣсколько атомовъ, обладающихъ одинаковыми скоростями поступленія и вращенія, соединились между собою; въ такомъ случаѣ они должны обладать полною одновременностью своихъ движеній, которая сообщаетъ имъ строгое единство дѣйствій и энергію, пропорціональную ихъ числу. Затѣмъ эта

[1]) 410. [2]) 416. [3]) 412. [4]) 413.

система, производя правильные періодическіе удары вправо и влѣво, впередъ и назадъ, сообщаетъ движеніе всѣмъ окружающимъ атомамъ и *развиваетъ вокругъ себя настоящій вихрь; этотъ же послѣдній, въ свою очередь, уменьшаетъ вокругъ нея плотность эѳира*».—Остановимся здѣсь. На первой гипотезѣ, противорѣчащей основнымъ положеніямъ самаго *Секки*, очевидно, онъ самъ не настаиваетъ, явно отдавая предпочтеніе второй и послѣдней. Предложимъ же ему, насчетъ этой послѣдней, нѣсколько вопросовъ. Вотъ, два или три атома, вращаясь одновременно на параллельныхъ осяхъ, движутся поступательно впередъ; эти атомы, по мнѣнію *Секки*, могутъ и не быть въ абсолютномъ прикосновеніи между собою; въ пустомъ пространствѣ, не встрѣчая никакой преграды, они, безспорно, могутъ двигаться предполагаемымъ образомъ, совмѣстно,—но вопросъ далѣе въ томъ: могутъ ли они двигаться такимъ-же образомъ въ средѣ прочихъ атомовъ, лишь-только встрѣтятся съ сопротивленіемъ перваго изъ прочихъ атомовъ, втораго, третьяго и т. д.? Очевидно, что нѣтъ, такъ-какъ одинъ изъ атомовъ предполагаемой группы столкнется съ однимъ, другой съ другимъ, третій съ третьимъ изъ прочихъ атомовъ эѳира, и группа, получивъ толчки въ разныхъ направленіяхъ, мгновенно разлетится. Допустимъ, что эта группа можетъ производить удары вправо и влѣво, и то, однакожъ, не собственнымъ колебаніемъ вправо и влѣво, такъ-какъ поступательно она движется въ одну сторону, а только своими столкновеніями (по прямой линіи поступательнаго движенія) съ другими атомами, находящимися вправо и влѣво отъ ея пути. Но какимъ образомъ, двигаясь прогрессивно въ одну только сторону, стала бы она наносить удары не-только впередъ, но и *назадъ*? Какимъ образомъ могла бы она сообщать движеніе всѣмъ *окружающимъ* атомамъ, не-только переднимъ, но и *заднимъ*? Вышло бы, конечно, совсѣмъ не то, что обѣщаетъ *Секки*, а то, что атомы данной группы, сталкиваясь, врозь одинъ отъ другаго, съ прочими атомами эѳира и нанося имъ удары, затѣмъ теряя, въ свою очередь, разные въ разныхъ направленіяхъ толчки отъ этихъ послѣднихъ атомовъ, произвели бы съ ними только хаотическую толкотню, но никакимъ образомъ не правильное круговое движеніе, съ правильными сферами увеличивающейся, отъ центра къ периферіи, плотности. Они, если угодно, произвели бы и вихрь, но вихрь совершенно хаотическій, не имѣющій никакой строго сферической правильности для которой здѣсь не усматривается ни малѣйшей причины), съ уменьшающеюся, отъ центра къ безконечной периферіи, плотностью . . . . Хаотичность своего объясненія понималъ и самъ *Секки*, почему и задаетъ себѣ такое возраженіе: «если насъ спросятъ, почему эти вихри не разсѣеваются подъ вліяніемъ развивающейся въ нихъ центробѣжной силы, то мы отвѣтимъ, что *это происходитъ отчасти отъ дѣйствія той причины, которая ихъ порождаетъ*, отчасти же вслѣдствіе меньшаго давленія внутри ихъ самихъ». . . . Меньшее давленіе внутри ихъ самихъ слѣдовало, какъ *Секки* то обѣщалъ, доказать вихрями, которые производитъ группа соединившихся атомовъ съ большею противъ уединенныхъ атомовъ энергіею и, слѣдовательно, *съ большимъ давленіемъ*, а не наоборотъ, не вихри слѣдуетъ доказывать меньшимъ давленіемъ, которое еще не доказано. Что же касается главнаго пункта объясненія, именно,—что «это происходитъ отъ дѣйствія той причины, которая ихъ порождаетъ»,—то

мы напомнимъ *Секки* егоже собственное слово, что «подобными [1]), ни къ чему не ведущими, ссылками было бы легко разомъ порѣшить всѣ труднѣйшіе вопросы науки; но физикъ не долженъ успокоиваться на такихъ увертках».

Этимъ мы и оканчиваемъ разборъ теоріи молекулярныхъ силъ *Секки*. Беремъ смѣлость заявить, что мы не можемъ дать ей никакого серьезно-научнаго значенія.

8) Утверждаемъ, что такого рода хаотическіе вихри, къ какимъ приводитъ теорія *Секки*, давнымъ давно уже кончились бы *прекращеніемъ всякаго движенія во вселенной*. «Въ самомъ дѣлѣ»,—пишетъ онъ [2]),—«атомы тѣлъ считаются или обладающими упругостью,—мнѣніе наиболѣе распространенное въ настоящее время,—или-же находящимися во вращательномъ движеніи, эквивалентномъ упругости. Но какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, абсолютное количество живой силы всегда остается въ системѣ одно и тоже. Такимъ образомъ, съ механической точки зрѣнія, движеніе никогда не испытываетъ потери». Прекрасно! Но станемъ на его точку зрѣнія и спросимъ:

А) *Сохраняется ли абсолютное количество живой силы въ міровой системѣ неизмѣннымъ, если допустить первую гипотезу, что атомы обладаютъ упругостью?* — Воображаемъ всю міровую массу упругихъ атомовъ распростертою на неизмѣримое пространство, въ видѣ космическаго шара, распластованнаго на неисчислимое количество сферъ. Вотъ атомы сосѣдней съ центральнымъ атомомъ сферы, устремляясь къ центру и ударяясь въ центральный атомъ, отражаются отъ него съ тою-же скоростью, съ какою устремились на него первоначально. На пути отраженія, они встрѣчаются съ атомами второй сферы, которые съ тоюже скоростью устремляются на встрѣчу атомамъ первой сферы. Сталкиваясь между собою, первая и вторая сферы мѣняются своими скоростями такъ, что первая сфера съ тою же скоростью устремляется вторично къ центру, а вторая сфера обращается на встрѣчу третьей сферѣ атомовъ. Третья сфера, направляясь къ центру, въ свою очередь, отражаетъ вторую и, передаточно, первую сферу, къ центру, отъ чего между центромъ и послѣдовательными сферами развивается безпрерывная вибрація. Сама же третья сфера, встрѣчаясь съ четвертою, сообщаетъ ей толчекъ назадъ, по-направленію къ пятой сферѣ. Пятая сообщаетъ толчекъ шестой сферѣ, по-направленію къ седьмой и т. д. Наконецъ, предпослѣдняя сфера атомовъ, сталкиваясь съ послѣднею крайнею, от-

[1]) 408. [2]) 41.

ражается назадъ, къ третьей отъ крайней периферіи сферѣ,— свою же скорость передаетъ послѣдней сферѣ, отъ чего эта послѣдняя должна устремиться въ міровую пустоту, гдѣ и исчезнетъ на вѣки вѣчные. При второй пульсаціи міроваго центра, отразившейся до крайней периферіи космической массы, такимъ-же образомъ улетитъ въ безпредѣльность предпослѣдняя сфера; при третьей пульсаціи улетитъ третья отъ конца сфера и т. д. И, такимъ образомъ, съ каждымъ ударомъ міроваго пульса, необходимо было бы исчезать въ безпредѣльности послѣдовательнымъ отъ конца атомнымъ сферамъ, поочередно и постепенно, по одной сферѣ, т. е. необходимо было бы единицѣ, хотя и необъятно огромной, дѣлиться, въ каждый моментъ времени, на безусловную безпредѣльность и превращаться въ нуль $\left(\frac{1}{\infty} = 0\right)$.... Такимъ образомъ, для объясненія міровой жизни, по этой комбинаціи, нужно допустить положенія неудобопріемлемыя, антиномическія, именно: 1) что или міровая жизненная сила истощается, или 2) что міръ, въ самомъ идеальномъ, а не метафорически-гиперболическомъ, смыслѣ, абсолютно безконеченъ; во всякомъ же (т. е. какъ въ первомъ, такъ и во второмъ) случаѣ нужно допустить, что 3) *атомы упруги*, иначе сказать, что *они не атомы, а молекулы, частицы сложныя,—и это послѣднее мнѣніе наиболѣе распространено нынѣ*, по сознанію самого *Секки*.

Б) *Можетъ ли сохраниться абсолютное количество міровой силы неизмѣннымъ, въ міровой системѣ, при второй гипотезѣ, что атомы суть атомы,—т. е. вещества неупругія*?—Гораздо меньше, чѣмъ при первой гипотезѣ, т. е. чѣмъ при предположеніи упругости атомовъ. Представимъ себѣ туже міровую массу дѣйствительныхъ неупругихъ атомовъ, такимъ-же образомъ, въ-видѣ шара необъятныхъ размѣровъ, раздѣленнаго на множество сферъ. Вотъ первая сфера атомовъ, вращательно и поступательно двигающихся, несется къ центру. Ударившись о центръ, эта первая сфера атомовъ, допустимъ, сбережетъ часть своего вращательнаго, или поступательнаго, движенія, или обоихъ вмѣстѣ, и отразится, болѣе или менѣе, назадъ; но часть своей двигательной силы она неизбѣжно потеряетъ, такъ-какъ ударъ съ центральнымъ атомомъ, у атомовъ этой сферы, будетъ болѣе или менѣе прямо-центральный и прямо-противоположный. Когда, потерявъ часть своей двигательной силы, эта первая сфера, въ-видѣ шеренги солдатъ, уже раненныхъ и разстроившихся, будетъ отсту-

пать назадъ, при чемъ нѣкоторые бѣглецы пріобрѣтутъ, быть можетъ, скорость даже большую той, съ какою первоначально наступали на центръ, а большая часть едва-едва будетъ тащиться назадъ къ прежней своей позиціи, въ эту минуту, на шеренгу отступающихъ нападаютъ стройно и сремительно, съ непотраченною пока силою, ряды второй сферы атомовъ. При этомъ многіе атомы, какъ первой такъ и второй сферы, столкнувшись прямо противоположно, рѣшительно останутся на мѣстѣ, превратясь въ инертную, затрудняющую общее движеніе, массу; нѣкоторые атомы первой сферы, получивъ отраженіе назадъ, и многіе изъ второй, не встрѣтивъ себѣ равносильнаго отпора отъ первой, устремятся, все-же съ ослабленною силою, къ центру. Тамъ они снова столкнутся съ неподвижною массою атомовъ, потерявшихъ всю свою скорость, сгромоздившихся около центра въ неподвижную кучу, и потеряютъ огромную часть своей двигательной силы; а въ этотъ моментъ крайняго изнеможенія не-только первой сферы, но и второй, на нихъ ежемгновенно напираютъ, пригнетая ихъ къ центру, третья и четвертая и неисчислимое множество послѣдующихъ сферъ, до самой крайней и послѣдней... Что мы получимъ здѣсь въ результатѣ? А то, что живая двигательная сила, несущаяся отъ периферіи, сокращается и даже совсѣмъ истощается у міроваго центра, такъ-что, у центра, міровая масса должна больше и больше скучиваться въ неподвижную безжизненную массу. Но скажутъ, что въ универсѣ нѣтъ одного міроваго центра,—что атомы міровой массы не имѣютъ такого намѣченнаго движенія, каково движеніе отъ единой міровой периферіи къ единому центру,—что атомы движутся по разнымъ направленіямъ, которыя трудно заключить въ правильныя геометрическія формулы? Пусть такъ. Отъ этого затрудненія спасаетъ насъ *Секки*, по теоріи котораго, атомы, сталкиваясь и отражаясь дѣйствительно въ крайне неуловимыхъ формахъ, скоро, однакожъ, располагаются въ правильныя сферы около многихъ центровъ, такъ-что мы должны «представлять себѣ вѣсомую матерію не иначе, какъ состоящею изъ центровъ движенія [1]), окруженныхъ со всѣхъ сторонъ средою». Это подтверждается и наблюденіемъ надъ тѣлами, какъ надъ самыми великими, каковы тѣла небесныхъ пространствъ,—звѣзды, солнца, планеты, луны и кометы,—такъ и надъ самыми малыми, каковы молекулы, изъ которыхъ въ

[1]) 412.

аждомъ неисчислимое множество атомовъ группируется непремѣнно около одного центра. Но въ такомъ случаѣ, когда вмѣсто одного ірового центра мы получаемъ множество средоточій міровой массы, олученный нами результатъ существенно не измѣняется. Въ такомъ лучаѣ, при выше изъясненныхъ условіяхъ, *живая двигательная ила, отъ противоборства между неупругими атомами, должна бы окращаться и истощаться не около одного міроваго центра, но округъ многихъ аналогичныхъ центровъ; а въ конечномъ результатѣ льдовало бы получить уже давно прошедшее, въ глубинѣ давно про-шедшихъ вѣковъ уже совершившееся, прекращеніе всякой міровой жизни.*

9) Но это, быть можетъ, такъ и есть на самомъ дѣлѣ? Быть мо-жетъ, напримѣръ, *у центровъ планетныхъ тѣлъ жизнь и прекра-щается*? Быть можетъ, *сущеніе матеріи замедляетъ и затрудняетъ ся движеніе до полнаго прекращенія*? Вовсе нѣтъ. Не-только эѳиръ находится въ безпрерывной вибраціи, не-только «каждая вѣсомая частица есть центръ движенія, но необходимо допустить»,—утверж-даетъ *Секки* [1]),—«что и каждое тѣло, каждая планета представля-етъ собою не что иное, какъ аггрегатъ *центровъ колебанія*. Разница между газообразными, жидкими [2]) и твердыми тѣлами заключается только въ большей или меньшей степени подвижности ихъ частицъ». По теоріи *Секки*, «частицы жидкихъ и твердыхъ тѣлъ [3]) обладаютъ громадной скоростью вращенія, такъ-что въ каждой изъ нихъ, вслѣд-ствіе этого, образуется какбы складъ живой силы, или работы. Въ самомъ дѣлѣ, даже въ твердыхъ тѣлахъ [4]) вѣсомыя частицы не при-касаются между собою, но отдѣлены другъ отъ друга промежут-ками; они отличаются отъ газообразныхъ веществъ лишь только большимъ сближеніемъ между собою. Это *большее сближеніе* про-исходитъ *отъ большей степени напряженія*. Всякое твердое тѣло, подвергнутое дѣйствію нагрѣванія, расширяется, становится мягкимъ и, наконецъ, обращается въ жидкость; когда же, такимъ образомъ, частицы его будутъ разъединены, сцѣпленіе ихъ уничтожается. Сцѣ-пленіе зависитъ, въ извѣстной степени, отъ взаимнаго сближенія частицъ, потому-что, даже *въ самомъ плотномъ твердомъ тѣлѣ, ча-стицы постоянно отдѣлены другъ отъ друга нѣкоторымъ промежут-комъ*, безъ котораго было бы невозможно теплородное *движеніе* (*рас-*

[1]) 441. [2]) 317. [3]) 55. [4]) 418.

ширеніе и сжиманіе)». Оказывается, по *Секки*, что сжиманіе есть не замедленіе, а, наоборотъ, ускореніе, по крайней мѣрѣ, вращательнаго, если не поступательнаго движенія; болѣе быстрымъ, вращательнымъ движеніемъ обладаютъ частицы болѣе плотныхъ, твердыхъ и жидкихъ тѣлъ, а частицы тѣлъ газообразныхъ движутся медленнѣе. Самое же быстрое движеніе частицъ нужно усматривать именно въ центрахъ планетъ, напримѣръ, нашей земли, гдѣ находятся, повидимому, въ состояніи абсолютнаго покоя, самыя плотныя въ мірѣ, подземныя массы минераловъ и металловъ. Во всей вселенной не найдено ни одного тѣла, которое находилось бы въ состояніи абсолютнаго покоя, обусловливаемаго совершеннымъ отсутствіемъ движенія,—увѣряетъ обыкновенная физика (*Гано*). «*Абсолютнаго покоя не существуетъ*,»—увѣряетъ и *Секки* [1]),—«*а есть только безпрестанное столкновеніе между взаимно-противоположными дѣйствіями*».

10) Если же въ мірѣ не-только всякое великое тѣло, въ-родѣ солнца и планетъ, но и всякая молекула, есть аггрегатъ *центровъ колебанія*,—если каждый изолированный атомъ представляетъ въ себѣ именно такой *центръ колебанія и вообще движенія*, и если надъ всѣми движеніями въ мірѣ господствуетъ универсальный законъ мертвой механики,—если «всѣмъ законамъ механики подчиняется даже эѳиръ» [2]),—если, въ тоже время, при абсолютномъ отсутствіи въ мірѣ абсолютнаго покоя, вездѣ есть только безпрестанное столкновеніе между взаимно-противоположными дѣйствіями,—то какъ-же эти *взаимно-противоположныя дѣйствія не уничтожаютъ себя взаимно*?

Но, быть можетъ, взаимно-противоположныя дѣйствія и уничтожаютъ себя такимъ образомъ?—Нѣтъ, по *Секки*, не уничтожаютъ.—«Движеніе не уничтожаемо въ массѣ»,—утверждаетъ онъ [3]);—«энергія, которую первичное движеніе получило, въ моментъ своего возникновенія, сохраняется въ-силу инерціи, независимо отъ дѣйствія какой бы то ни было посторонней поддержки,—сохраняется на-основаніи того-же начала, которое устанавливаетъ неуничтожаемость матеріи. Это начало, называемое у новѣйшихъ физиковъ сохраненіемъ энергіи, въ-сущности есть не что иное, какъ *законъ равенства между дѣйствіемъ и противодѣйствіемъ*. Совершенно свободное тѣло двигается по прямой линіи, въ-направленіи сообщеннаго ему импульса. Если же оно встрѣчаетъ на своемъ пути другое тѣло, то

[1]) 448. [2]) 454. [3]) 451.

сообщаетъ ему свое движеніе, при чемъ его *дѣйствіе*, переходя во встрѣтившуюся массу, развиваетъ въ этой послѣдней *равное и прямо противоположное противодѣйствіе*». — Значитъ ли это, что *Секки* хочетъ объяснить сохраненіе дѣйствія тѣмъ, чѣмъ, по одному изъ самыхъ основныхъ законовъ механики, должно уничтожаться всякое дѣйствіе, именно,—*закономъ равенства между дѣйствіемъ и прямо противоположнымъ противодѣйствіемъ*? Очевидно, что такъ.

II) Такъ неужели *Секки думаетъ отвергнуть основной законъ механики, по которому дѣйствіе и прямо противоположное съ нимъ и равное ему противодѣйствіе уничтожаютъ себя взаимно*? Повидимому, онъ этого не думаетъ. Это было бы абсурдомъ,—было бы уже слишкомъ вопіющимъ противорѣчіемъ самымъ основаніямъ пропагандируемой имъ чисто механической теоріи. Мы видѣли уже, что онъ и въ теоріи допускаетъ, и фактами подтверждаетъ, истощеніе силы противодѣйствіемъ другой силы, или даже сопротивленіемъ инерціи. «Что движеніе въ ограниченной массѣ сохраняется безконечно» [1]),—говоритъ онъ,—«это вещь совершенно невозможная. Въ самомъ дѣлѣ, представимъ себѣ выдѣленнымъ изъ окружающаго пространства извѣстное количество эѳира. Въ этомъ случаѣ, одно только данное количество будетъ сообщать движеніе инертной массѣ, и потому его *живая сила быстро истощится*. Путемъ опыта [2]) мы приходимъ къ заключенію, что сила неуничтожима, что она не можетъ теряться: количество живой силы, разлитой во вселенной, всегда остается постояннымъ. *Но дѣло представляется совершенно иначе, если ограничить наблюденіе только извѣстнымъ опредѣленнымъ пространствомъ*. Въ упругой средѣ (каково бы ни было происхожденіе этой упругости), разъ образовавшаяся волна [3]) продолжаетъ распространяться, безъ всякаго новаго дѣйствія со-стороны первоначальной причины. Но, по мѣрѣ своего удаленія отъ центра колебаній, все, что выигрывается ею въ пространствѣ, проигрывается въ скорости», пока скорость, наконецъ, не истощится совсѣмъ. «Совершенно тоже самое, по мнѣнію *Секки*, должно происходить какъ при круговращательномъ движеніи, такъ и при вихряхъ эѳира... Если теплота есть результатъ *ударовъ и столкновеній, происходящихъ между частицами*»,—возражаетъ самъ себѣ *Секки* [4]),—«то какимъ-же образомъ это движеніе, наконецъ, не истощится»? Очевидно, значитъ, *онъ не от-*

[1]) 164. [2]) 165. [3]) 166. [4]) 40.

вергаетъ закона, что равные и противоположные удары должны уничтожать себя взаимно.

12) Такъ не то ли хочетъ сказать *Секки*, что *законъ мертвой механики, обязательный для ограниченныхъ пространствъ и массъ, не обязателенъ для міровой безпредѣльной массы*? Быть можетъ, *въ данныхъ ограниченныхъ пунктахъ космоса, сила дѣйствительно уничтожается, но безпрерывно пополняется изъ неистощимаго запаса силы безпредѣльной*? Нѣтъ, мы многократно слышали отъ *Секки*, что основные законы механики безусловно обязательны и универсальны. По его словамъ, въ заключеніи книги [1]), «предпринятыя за послѣднее время изысканія доказали полнѣйшую универсальность основныхъ законовъ механики». А что движеніе не прекращается въ отдѣльныхъ частныхъ пунктахъ міра, это видно изъ того, что еслибы міровое движеніе истощалось, по изъясненному основному закону механики, то жизнь давно уже и, можно сказать, даже вдругъ прекратилась бы во всѣхъ концахъ міра. Представимъ себѣ міровую массу всего количества атомовъ въ-видѣ огромнаго шара, разсѣченнаго плоскостью, вдоль его оси, пополамъ, и вообразимъ, что одна половина атомовъ, двинутыхъ внѣшнею силою, несется на другую половину, которая двинута, тоже внѣшнею силою, въ прямо противоположную сторону. Что должны были бы мы получить въ результатѣ? Не что иное, какъ исключеніе одной силы противодѣйствіемъ другой, прямо противоположной и равной. Толковать о томъ, что поступательное движеніе отдѣльныхъ атомовъ перейдетъ въ усиленіе вращательнаго, ни подъ какимъ видомъ здѣсь нельзя по тому, что вращательныя движенія атомовъ мы представляемъ также прямо противоположными и исключающими себя взаимно. Да, кромѣ того, одинъ поступательный взаимно-противоположный напоръ массы атомовъ остановилъ бы вращеніе каждаго изъ нихъ въ-отдѣльности. Такимъ образомъ, въ результатѣ такого всемірнаго вычитанія одной силы изъ другой, мы получили бы чистый нуль движенія. Но такое представленіе взаимныхъ отношеній между движеніями атомовъ чуждо дѣйствительности?—Никакъ нѣтъ,—не-только не чуждо, а даже прямо соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Если мы сложимъ всѣ совершенно подобныя движенія, выбранныя изъ всего кажущагося разнообразія атомныхъ движеній, то окажется, что онѣ должны распасться на двѣ совершенно равныхъ

[1]) 452.

половины движеній совершенно противоположныхъ. Это подтверждается увѣреніями самаго *Секки* въ томъ, что міровая матерія движется *закономъ равенства между дѣйствіемъ и прямо противоположнымъ ему противодѣйствіемъ*. Слѣдовательно, *безусловно обязательный универсальный* законъ механики, по которому сила уничтожается прямо противоположнымъ противодѣйствіемъ равной силы, *сразу уничтожилъ бы всякое движеніе въ центральныхъ пунктахъ, во всѣхъ предѣлахъ міра, а слѣдовательно, и во всемъ вещественномъ мірѣ.*

13) Послѣ этого, имѣя въ-виду, что механическія движенія, если они совершенно равны и противоположны другъ другу, должны прекращаться, равно-какъ и силы, равныя и взаимно противоположныя, вслѣдствіе своего противодѣйствія другъ другу, также должны истощаться, и что, по-тому, въ обще-міровой жизни дѣйствительно должно бы происходить истощеніе, не слѣдуетъ ли допустить, что *внѣшняя примитивная сила, которая разъ сообщила по двигательному толчку каждому атому,*—что она и *повторяетъ эти толчки* послѣ того, какъ атомы взаимными столкновеніями уничтожаютъ свое движеніе? Однимъ словомъ, *не слѣдуетъ ли допустить творческое возстановленіе силы въ каждое мгновеніе міровой жизни?*...

Здѣсь мы затрудняемся помирить *Секки* съ самимъ собою, помирить второе французское изданіе его труда съ первымъ, французскимъ-же, которое во второмъ, во всѣхъ пунктахъ, касающихся творчества, очевидно, переиначено. Подозрительно и то, что первое изданіе, не-смотря на настойчивыя требованія, не высылаютъ. Не желаемъ оскорбить даже іезуитовъ, предположивъ здѣсь іезуитскую предосторожность хотя и опоздавшую.... Постараемся, однакожъ, быть положительны и придержаться буквальныхъ выраженій патера *Секки*. Вообще можно сказать, что *Секки* усиливается держаться въ-сторонѣ отъ всякихъ не научныхъ объясненій. Первичною причиною движенія онъ провозглашаетъ *первоначальное движеніе или первичную силу*. «Что же касается до причины этой первоначальной причины первоначальнаго движенія», то аббатъ *Секки* позволяетъ себѣ замѣтить, что «она, по мнѣнію физиковъ, также какъ и происхожденіе матеріи, не можетъ быть объяснена безъ посредства *творческаго акта*». Но *Секки* ученый здѣсь-же сряду прибавляетъ, что онъ «не хочетъ принять на себя отвѣтственности въ такомъ не научномъ объясненіи [1]). Механическая теорія всегда останется ис-

[1]) 40.

тинною»,—обѣщаетъ *Секки* [1]),—«такъ-какъ она опирается только на сообщенія движеній и, кромѣ того, совершенно свободна отъ метафизическихъ идей, принимаемыхъ нѣкоторыми *физиками для объясненія первичной причины движенія*. Что же касается тѣхъ, которые возразили бы намъ, что такая теорія *разрушаетъ доктрины нѣкоторыхъ школъ, въ самомъ ихъ основаніи*, то мы отвѣтимъ имъ, что наша задача никогда не заключалась въ *ихъ поддержкѣ. Подобное занятіе слѣдуетъ предоставить исключительно ихъ защитникамъ*.... Нельзя смотрѣть безъ удивленія (удержимся отъ болѣе рѣзкаго эпитета), нельзя смотрѣть безъ удивленія на смѣлость нѣкоторыхъ *физиковъ, не затрудняющихся рѣшать сложные вопросы науки на основаніи априористическихъ теорій*. Въ-виду *такихъ недоносковъ натурализма, заслуги истинныхъ ученыхъ, строго держащихся вѣрной дороги наблюденія и опыта*, пріобрѣтаютъ особенную цѣнность». Онъ-же заявляетъ о себѣ, что онъ строго слѣдуетъ *методу физическихъ наукъ*, по которому законность началъ выводится не *a priori*, но *a posteriori* [2]). Это, однакожъ, не мѣшаетъ ему самому «рѣшаться на рискъ, *за неимѣніемъ точныхъ положительныхъ данныхъ, выходить на апріорическую дорогу*», когда ему угодно предлагать свою теорію механическаго атомизма,—не мѣшаетъ даже впадать въ тонъ раціональнаго философа, знатока и даже творца философіи естествознанія [3]), и даже метафизика [4]). Да и пишетъ-то онъ собственно «опытъ естественно-научной философіи»! А между-тѣмъ онъ рѣшительно отказывается отъ метафизики, и отказывается въ выраженіяхъ иногда рѣзкихъ, странныхъ... Допускаетъ ли *Секки* вообще *какое-либо начало движенія*?—Мы видѣли многократно, что допускаетъ; мы видѣли, что онъ говоритъ «о первоначальномъ движеніи, о первичной силѣ движенія, о движеніи, возбужденномъ этой первоначальной причиной, о причинѣ первоначальнаго движенія [5]); говоритъ о началѣ сцѣпленія, о началѣ вещей [6]) и т. п. Но по егоже увѣренію, какъ «движеніе никогда не испытываетъ потери, съ механической точки зрѣнія,—точно также *никогда не можетъ произойти и созданіе движенія* [7]). *Сила не создается и не можетъ явиться изъ ничего*, но, при посредствѣ эѳира, испытываетъ безпрерывныя превращенія, переходя изъ движенія одного рода въ движеніе другаго рода и постоянно сохраняя эквивалентность, соотвѣтствующую жи-

[1]) 107. [2]) 135. [3]) 300 404 и 425. [4]) 393. [5]) 40. [6]) 413. [7]) 41.

вой силѣ» [1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ,—вмѣстѣ съ созданіемъ, отрицается всякое и *возсозданіе силы. Прибывать къ постоянному, ежеминутному, въ каждомъ атомѣ, возсозданію силы для Секки было бы не научно.*

14) Такъ не предположить ли того, что *атомъ никогда не можетъ потерять разъ сообщенную ему силу движенія?* Не предположить ли, что *два атома, прямо столкнувшіеся и чрезъ столкновеніе потерявшіе свое движеніе, не потеряли, однакожъ, своей двигательной силы, которая, если разнять ихъ и пустить на свободу, опять должна возстановить прежнее движеніе?*—*Секки*, повидимому, готовъ допустить это, но опять не безъ противорѣчій самому себѣ.

По его словамъ, «силы составляютъ общую принадлежность всей міровой матеріи. Это — силы природы [2]). Обмѣнъ движенія есть первичный фактъ, находящій свою причину въ самой природѣ матеріи [3]). Сила считается свойствомъ, присущимъ веществу» [4]). Для того, чтобы атомъ могъ дѣйствовать такъ, какъ нужно *Секки*, при объясненіи его теоріи молекулярныхъ притяженій, онъ, *Секки*, желаетъ, чтобъ «атомъ былъ возбужденъ достаточно-сильнымъ и продолжительнымъ импульсомъ», чтобы другіе противодѣйствующіе атомы не сразу истощили его силу. *Секки* не-прочь желать даже того, чтобы для этой цѣли атомъ находился въ движеніи непрерывномъ [5]). *Секки* увѣряетъ даже, что «*для атомовъ движеніе составляетъ такую-же необходимую естественную принадлежность, какъ самое ихъ существованіе*»; если атомы существуютъ, то, значитъ, и движутся: движеніе составляетъ ихъ природу [6]). «Вихри эѳира имѣютъ свое начало *въ двигательной силѣ, присущей каждому атому въ-отдѣльности*; среда, внутри которой развиваются вихри, не находится въ покоѣ, потому-что *каждый изъ ея атомовъ обладаетъ способностью возстановлять свое движеніе вполнѣ* [7]). Движенія послѣднихъ частицъ *матеріи должны сохраняться безконечно, какъ инерція матеріи; динамическая дѣятельность частицъ никогда не ослабѣваетъ* [8]). Когда данъ первый толчекъ, движеніе затѣмъ никогда уже не прекращается, но постоянно происходитъ въ массѣ, подъ той, или другой формой [9]). *Секки* допускаетъ «развитіе въ тѣлахъ *внутреннихъ силъ*» и утверждаетъ, что «равновѣсіе обусловливается въ нихъ взаимодѣйствіемъ какъ *внѣшнихъ, такъ и внутреннихъ силъ* [10])». Въ заключеніе всего, *Секки* выражается даже, что «послѣднія частицы матеріи *одухотворены движеніемъ*». Послѣ всего этого, конечно, если принять атомы эѳира одушевленными, живыми, обладающими отъ природы внутреннею силою и способностью возстановлять свое движеніе по произволу и усмотрѣнію, да, въ-добавокъ ко всему этому,—обладающими еще силою неистощимою, — о! тогда не трудно было бы объяснить неистощимость міровой жизни.

Но *Секки* вовсе не туда стремится,—не въ сторону противоположную механикѣ, но къ механикѣ. Эта основная тенденція рѣзко выглядываетъ изъ-за всѣхъ его про-

[1]) 375. [2]) 65. [3]) 10. [4]) 137. [5]) 411. [6]) 412. [7]) 414. [8]) 416. [9]) 317. [10]) 317.

тиворѣчій самому себѣ. Онъ поставляетъ цѣлью своей ученой работы—очищеніе научнаго поля отъ заглушающихъ его плевелъ, т. е. *отъ множества метафизическихъ силъ и агентовъ, ускользающихъ отъ контроля нашихъ чувствъ* [1]). По его мнѣнію [2]), опытъ подтверждаетъ существованіе лишь одной силы, присущей всякому веществу, а именно,—массы, обладающей извѣстною скоростью;—всякая другая сила, которая не сводится къ этому механическому первообразу, едва ли можетъ быть усвоена человѣческимъ воображеніемъ. *Секки* не любитъ даже, когда слово — *движеніе* замѣняется словомъ *сила*. Онъ допускаетъ такую замѣну [3]) только при томъ условіи, если мѣриломъ силы будетъ принято произведеніе изъ массы на скорость, или на квадратъ скорости, потому-что тогда слово-*сила* имѣло бы *значеніе, тождественное съ механическимъ дѣйствіемъ*. При всемъ этомъ, по его словамъ, «такая терминологія имѣла бы свои неудобства: она располагала бы смотрѣть на *силу*, какъ на нѣчто не зависящее отъ матеріи и способное *переходить изъ одного тѣла въ другое* [4]) и поселяла бы въ насъ склонность думать, что *въ тѣлахъ существуетъ какое-то активное начало, сходное съ тѣмъ, которое, коренясь въ нашемъ организмѣ, приводитъ насъ къ понятію силы*. Понятіе о силѣ или дѣйствіи порождается въ нашемъ умѣ усиліемъ, которое мы должны развивать въ себѣ всякій разъ, когда намѣреваемся сообщить тѣламъ движеніе. *Это чисто субъективное понятіе заставляетъ насъ полагать, что подобное-же усиліе существуетъ и въ тѣлахъ*». Вообще *Секки* крайне не жалуетъ «теорію силъ, наводняющихъ атомы, когда движеніе атомовъ приписывается таинственнымъ причинамъ или *внутреннимъ* дѣятельностямъ. Ничего нѣтъ легче, по его словамъ [5]), измышленія абстрактныхъ силъ. Но эта система приводитъ къ поражающей запутанности. Эта *многосильная машина должна окончательно лопнуть въ-виду колоссальнаго абсурда, приписывающаго атомамъ какъ-бы нѣкоторую способность разума*, которая позволяетъ этимъ послѣднимъ рѣшать, должны ли они, въ томъ или другомъ случаѣ, дѣйствовать, или нѣтъ» (*избирательное химическое сродство*),—«въ-виду абсурда, приписывающаго атомамъ *чувство ощущенія, докладывающее частицамъ о присутствіи тѣлъ, на которыя онѣ могутъ реагировать*.... Приписываніе силамъ стремленій, по *Секки* [6]), ведетъ къ безчисленнымъ затрудненіямъ, такъ-какъ здѣсь приходится предполагать силы дѣйствующими то по одному, то по другому направленію. *Эти дѣятельныя стремленія*, по Секки, *чистая игра воображенія*, которая должна исчезнуть передъ непрерывнымъ прогрессомъ науки. Всякій знаетъ, что *растенія стремятся къ свѣту. Но составляетъ ли это таинственное стремленіе способность растенія*, въ истинномъ значеніи этого слова?—отвѣтъ не труденъ. Такъ-какъ растительная ткань требуетъ, для своего развитія, химическаго

---

[1]) 299. [2]) 301. [3]) 41.

[4]) Здѣсь *Секки*, не задумываясь, утверждаетъ очевидный абсурдъ, какъ нѣчто серьезное, тогда-какъ самъ-же онъ, въ заключеніи своей книги, формулируя основный законъ неуничтожимости движенія (451), пишетъ: «если движущееся тѣло встрѣчаетъ на своемъ пути другое тѣло, то *сообщаетъ ему свое движеніе, при чемъ его дѣйствіе переходитъ на встрѣтившуюся массу*».

[5]) 405. [6]) 407.

дѣйствія солнечныхъ лучей, то *оно сильнѣе растетъ со стороны, обращенной къ свѣту*, и глазамъ поверхностнаго наблюдателя кажется, *будто растеніе ищетъ свѣта*, между-тѣмъ, на самомъ дѣлѣ, *движеніе производится самымъ свѣтомъ*». Доказательство, очевидно, не-сильное. Поверните растенія, стоящія на окнѣ, отъ свѣта на комнату, и на завтрашній день цвѣты обратятся другою своею стороною къ окну. *Животныя также стремятся къ свѣту;—но можно ли сомнѣваться въ томъ, что животныя ищутъ свѣта? И можно ли, поэтому, въ животныхъ отрицать силу, какъ усиліе, и движеніе, какъ стремленіе?* А что и растительное стремленіе аналогично съ животнымъ, это подтверждается тѣмъ, что между ними оказывается средній терминъ, или переходная ступень въ слѣдующемъ фактѣ. «На лягушкахъ, съ отнятыми полушаріями мозга, не представляющихъ ни одного изъ явленій съ характеромъ сознательно-произвольныхъ актовъ, нашъ физіологъ *Сѣченовъ* замѣчалъ очень часто, что если такую лягушку посадить спиной къ окну и оставить въ покоѣ на нѣсколько часовъ, то, нѣсколько спустя, она повертывается лицомъ къ свѣту, и остается въ этомъ положеніи уже неопредѣленное время». Дальнѣйшую же стадію перехода отъ этого безсознательно-непроизвольнаго стремленія къ инстинктивно-полусознательному стремленію къ свѣту можно видѣть въ томъ фактѣ, что «если ребенокъ лежитъ постоянно въ свѣтлой комнатѣ такимъ образомъ, что свѣтъ падаетъ на его глаза сбоку, то онъ можетъ слѣлаться косымъ, и именно въ сторону свѣта. *Сѣченовъ* объясняетъ это тѣмъ, что *источникъ свѣта заставляетъ глазъ двигаться въ направленіи къ себѣ*. Актъ, очевидно, *рефлекторный*, хотя, по словамъ *Сѣченова*, уже и на этой ступени развитія, умъ нашъ склоненъ видѣть въ этомъ явленіи *проявленіе инстинктивнаго стремленія ребенка къ свѣту*. (Изъ статьи: *Кому и какъ разработывать психологію?*). Вербально противорѣча себѣ, *Секки* увѣряетъ даже, что внутри тѣлъ не развивается *никакой внутренней силы* [1]),—тогда какъ, въ другихъ мѣстахъ, допускаетъ «въ тѣлахъ развитіе различныхъ *внутреннихъ силъ*», и утверждаетъ», что «равновѣсіе обусловливается въ нихъ взаимодѣйствіемъ *какъ внѣшнихъ, такъ и внутреннихъ силъ*» (317),—увѣряетъ, «что все міровое движеніе объясняется внѣшнимъ толчкомъ: «разъ какъ данъ первый толчекъ, движеніе затѣмъ уже никогда не прекращается» [2]). Самый эѳиръ, у *Секки*, наконецъ—«не является дѣйствующею причиною движенія», по крайней мѣрѣ, движенія планетъ [3]). «Эѳирные вихри получаютъ свое начало отъ посторонняго толчка»,—увѣряетъ *Секки* въ одномъ мѣстѣ [4]);—«эѳиръ пріобрѣтаетъ часть живой силы, когда приведенъ въ движеніе» [5]), говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ;—«эѳиръ, приведенный въ движеніе, есть сила» [6]). Значитъ, эѳиръ становится силою только тогда, когда приведенъ въ движеніе; хотя, въ то же время, по словамъ егоже, *Секки*, эѳиръ «есть непрерывно дѣйствующая причина тяжести» [7]), а слѣдовательно, и тяготѣнія, какъ и всякаго движенія въ мірѣ. «Тяготѣніе, эта таинственнѣйшая изъ всѣхъ силъ», по словамъ Секки, «есть не что иное, какъ результатъ присутствія и дѣйствія эѳира въ пространствѣ [8]). Всѣ явленія объясняются движеніемъ одной жидкости, именно эѳира [9]). Эѳиръ производитъ впечатлѣніе свѣта, возбуждаетъ теплородныя и химическія

---

[1]) 317. [2]) 459. [3]) 417. [4]) 450. [5]) 378. [6]) 379. [7]) 138. [8]) 387. [9]) 384.

дѣйствія, составляетъ причину электродинамическихъ и магнитныхъ явленій, есть причина силы тяготѣнія и всѣхъ вообще явленій притяженія»,—пишетъ *Секки* въ заключеніе всего [1]). Слѣдовательно, при объясненіи всякаго міроваго движенія, *Секки* оставляетъ насъ единственно только *съ вращательно-поступательнымъ движеніемъ* каждаго атома,—да и это движеніе сообщено атомамъ откуда-то *извнѣ*, и, разъ отнятое у атома, не можетъ уже возстановиться само собою, безъ механическаго толчка *извнѣ*, такъ-какъ *атомы не заключаютъ въ себѣ никакой внутренней силы, не одухотворены никакимъ внутреннимъ движеніемъ.*

15) Такимъ образомъ, аббату *Секки* остается объяснять всякое движеніе въ мірѣ, или *абсурдомъ эквивалентности абсолютно-неупругихъ атомовъ съ упругими тѣлами*, или другимъ *абсурдомъ* простой *упругости* атомовъ, которые онъ хочетъ понимать абсолютно-недѣлимыми. И дѣйствительно, онъ безпрерывно вибрируетъ,—выражаясь его любимымъ словомъ,—между двумя этими абсурдами: на одной страницѣ утверждаетъ ихъ, а на другой отрицаетъ. Мы видѣли уже, что самъ онъ считаетъ одну силу упругости недостаточною для объясненія всѣхъ міровыхъ движеній. «Мы ясно видимъ»,—пишетъ онъ [2]),—«что, предполагая частицы тѣлъ только упругими (какъ это дѣлаютъ по общепринятому мнѣнію), нельзя *сколько-нибудь удовлетворительно объяснить* нѣкоторыя встрѣчающіяся явленія. Въ средѣ, обладающей одной только упругостью, не встрѣчается, ни прогрессивныхъ, ни оборотныхъ движеній, и не происходитъ постояннаго расширенія, а одно лишь полное возвращеніе къ первоначальному состоянію, такъ-что едва только прошла волна, какъ тотчасъ все снова приходитъ въ прежній покой» [3]). Тѣмъ не менѣе *Секки* постоянно пользуется упругостью, именно какъ упругостью,—не больше,—для объясненія неистощимости движенія. «Факты приводятъ его къ эѳирной средѣ, состоящей изъ вибрирующихъ частицъ, или просто къ *настоящей упругой жидкости* [4]). *Считаются ли атомы тѣлъ обладающими упругостью,—мнѣніе наиболѣе распространенное въ настоящее время,*—или находящимися въ движеніи, *эквивалентномъ упругости*, въ томъ и другомъ случаѣ, для *Секки* неуничтожаемость движенія объясняется весьма легко [5]). Всѣ атомы эѳира развиваютъ одну и туже степень *упругости* [6]). Эѳиръ, *вслѣдствіе своей упругости*, можетъ передавать волны всевозможныхъ родовъ, а, слѣдовательно, и молекулярные вихри. Эти вихри получаютъ свое начало отъ посторонняго толчка; но, разъ образовавшись, они уже

[1]) 454. [2]) 55. [3]) 411. [4]) 405. [5]) 41. [6]) 161.

не нуждаются, для сохраненія своего движенія, въ дальнѣйшихъ позаимствованіяхъ живой силы» [1]). Поэтому, кратко формулируемый у *Секки*, въ заключеніи его книги, законъ сохраненія движенія, именно «законъ равенства между дѣйствіемъ и противодѣйствіемъ», по которому «если свободное тѣло, движущееся по прямой линіи, въ направленіи сообщеннаго ему импульса, встрѣчаетъ на своемъ пути другое тѣло, то сообщаетъ ему свое движеніе, при чемъ его дѣйствіе, переходящее во встрѣтившуюся массу, развиваетъ въ этой послѣдней равное и прямо противоположное противодѣйствіе»,— этотъ законъ можетъ имѣть полное, безъ-исключительное приложеніе только къ тѣламъ упругимъ, потому-что только въ упругихъ тѣлахъ законъ равенства между дѣйствіемъ и противодѣйствіемъ сохраняетъ, въ неупругихъ же тѣлахъ уничтожаетъ, движеніе. И опять только въ упругихъ тѣлахъ тотъ-же законъ сообщаетъ встрѣчному тѣлу,—да и то только при извѣстныхъ условіяхъ неподвижности и равенства его массы съ массою перваго тѣла,—движеніе этого послѣдняго вполнѣ, въ неупругихъ же тѣлахъ, при тѣхъ-же условіяхъ, сообщаетъ только половину движенія. Равнымъ образомъ, только въ упругихъ тѣлахъ, по томуже закону, дѣйствіе движущагося тѣла переходитъ вполнѣ во встрѣтившуюся неподвижную массу, въ неупругихъ же переходитъ только часть движенія. Вообще же *абсолютная атомность, абсолютно не совмѣстимая съ упругостью, абсолютно безсильна развить изъ себя силу упругости; иначе это было бы созданіе силы изъ ничего...*

По этому и самъ *Секки* смотритъ, согласно съ большинствомъ физиковъ, *на тѣла, какъ на агрегаты упругихъ атомовъ, а на атомъ, какъ на сложную и упругую молекулу*: «неприготовленный умъ»,— пишетъ онъ [2]),—«не можетъ безъ затрудненія допустить *столь разнообразныя движенія и сложную структуру въ частицѣ*, которую мы обыкновенно представляемъ себѣ *безконечно-малымъ твердымъ тѣломъ, находящимся въ покоѣ*. И, однако-жъ, физикъ, представляющій себѣ матеріальную частицу по выше-изложенному нами образцу, ни въ какомъ случаѣ не рискуетъ болѣе, чѣмъ астрономъ, признающій общепринятую гипотезу относительно строенія туманныхъ пятенъ». Потому-то и всѣ предлагаемыя у *Секки объясненія передачи и сохраненія движеній, всѣ объясненія отношеній между движеніемъ*,

[1]) 166. [2]) 415.

силою, инерціей и массою, опираются на свойства упругости не-только тѣлъ, но и послѣднихъ вещественныхъ элементовъ. Изъ всѣхъ подобныхъ соображеній его, съ которыми мы уже достаточно познакомились, вытекаетъ тотъ выводъ, что *понятія движенія, силы, инерціи и массы тождественны*; иначе сказать: *масса матеріи есть тоже, что инерція, тоже, что сила, тоже, что движеніе.* Этотъ послѣдній выводъ, который одинъ разъ мы уже видѣли, мы должны взвѣсить: дѣйствительно ли между этими *не-только разсудочными понятіями, но и реальными фактическими данными, существуетъ безусловное тождество? Ужели въ самомъ дѣлѣ матерія, какъ масса, есть не иное что, какъ сила?*

16) Что, по *Секки*, между этими данными выходитъ совершенное тождество, это мы уже видѣли. «Движеніе», — пишетъ отъ [1]),—«сохраняется даже и тогда, когда мы видимъ тѣла остающимися въ покоѣ. На взглядъ нѣкоторыхъ, было бы сообразнѣе сказать, что въ этомъ случаѣ сохраняется не движеніе, а сила». *Секки* ничего не имѣетъ сказать противъ такой поправки,—но при условіи, если мѣриломъ силы будетъ принято произведеніе изъ массы на скорость, или на квадратъ скорости, потому-что тогда слово — *сила* имѣло бы значеніе тождественное съ механическимъ дѣйствіемъ. *Если иногда частичное поступательное движеніе какъ-будто не существуетъ, то* [2]) *отсюда не слѣдуетъ еще заключать, что дѣйствіе его равно нулю: въ этомъ случаѣ оно расходуется на измѣненіе вращенія.* Напримѣръ, слово—*давленіе* соединено [3]) съ представленіемъ покоя; но это не вѣрно. Грузъ производитъ давленіе такъ, что частичное движеніе его массы, увеличенное частичнымъ движеніемъ, происходящимъ отъ тяготѣнія, уравновѣшивается противополагающимся ему частичнымъ движеніемъ точекъ опоры. По теоріи *Секки* [4]), частицы твердыхъ и жидкихъ тѣлъ обладаютъ громадной скоростью вращенія, такъ-что въ каждой изъ нихъ, вслѣдствіе этого, образуется какъ-бы складъ живой силы, или работы. Въ-случаѣ соотвѣтствующаго удара, эта сила можетъ давать приращеніе въ поступательномъ движеніи и производить работу, до тѣхъ поръ находившуюся, такъ сказать, въ запасѣ. *Секки* смотритъ на молекулярное вращеніе также, какъ въ обыкновенной механикѣ смотрятъ на инерцію. Движенія послѣднихъ частицъ матеріи должны сохраняться безконечно, какъ

[1]) 41. [2]) 453. [3]) 317. [4]) 55.

инерція матеріи; дѣйствія тренія переходятъ въ сообщеніе движенія окружающей средѣ, которое прибавляется къ тому, какимъ она уже обладала, и, такимъ образомъ, динамическая дѣятельность частицъ никогда не ослабѣваетъ [1]). Для того, чтобы преодолѣть инерцію каждой изъ вращающихся молекулярныхъ атмосферъ, т. е. измѣнить направленіе ихъ движенія, необходимо значительное усиліе [2]). Побѣжденная инерція [3]) дѣлается способною возвращать сполна израсходованную на ея преодолѣніе работу, подобно пружинѣ, которая до того времени была сжата. Инерція, на подобіе пружины, служитъ для накопленія механической работы, преобразовывая ее въ живую силу, такъ-что сила есть не что иное, какъ настоящій резервуаръ работы. Инерція служитъ для поглощенія работы движителей, работы, которую она превращаетъ въ живую силу и возвращаетъ ее потомъ сполна, когда эта живая сила будетъ потрачена на преодолѣніе сопротивленій. Масса, поглотившая, для перехода въ движеніе, извѣстную работу, можетъ, въ свою очередь, сдѣлаться движущей силою и произвести работу. Такимъ образомъ», — заключаетъ Секки, — «*работа и динамическое дѣйствіе, живая сила и масса, двигающаяся съ извѣстною скоростію, выраженія однозначущія*».

Этотъ выводъ *Секки*, противорѣчущій его теоріи механическаго атомизма, важенъ для насъ тѣмъ болѣе, что подтверждается, въ извѣстной мѣрѣ, обыкновенною физикою и механикою, а вмѣстѣ съ тѣмъ, и математикою. «Покой и движеніе»,—говорится, напр., въ общеизвѣстной физикѣ *Гано*, — «могутъ быть относительными и абсолютными. Абсолютный покой обусловливается совершеннымъ отсутствіемъ всякаго движенія. Во всей вселенной, однакожъ, не найдено ни одного тѣла, которое находилось бы въ подобномъ состояніи. Абсолютнымъ движеніемъ тѣла называется его перемѣщеніе относительно другаго, находящагося въ состояніи абсолютнаго покоя. Инерція—свойство чисто отрицательное: оно выражаетъ собою неспособность матеріи переходить самопроизвольно изъ покоя въ движеніе, или измѣнять, какъ бы то ни было, безъ постороннихъ причинъ, сообщенное уже ей движеніе. Количество движенія опредѣляется произведеніемъ умноженія массы на скорость (MV). Двѣ, какія бы то ни было, силы относятся между собою такъ, какъ количества движенія, сообщаемаго ими различнымъ массамъ. Съ уве-

[1]) 416. [2]) 433. [3]) 9.

личевіемъ массы въ 2, 3 и т. д. разъ, скорость, сообщаемая ей данною силою, уменьшается въ томъ-же отношеніи. Скорости, сообщаемыя одною и тою-же силою двумъ не равнымъ массамъ, обратно пропорціональны этимъ массамъ ($M:m = v:V$). При равныхъ скоростяхъ силы относятся между собою, какъ массы, которымъ онѣ сообщаютъ скорости ($F:f = M:m$)». Если въ этой пропорціи:

1) $F:f = M:m$

второй и четвертый члены мы раздѣлимъ, или умножимъ на одну какую-либо величину,—то отношеніе не измѣнится. Это мы видимъ въ слѣдующихъ, напримѣръ, пропорціяхъ:

2) $F:\frac{f}{10} = M:\frac{m}{10}$

3) $F:\frac{f}{100} = M:\frac{m}{100}$

4) $F:\frac{f}{1000} = M:\frac{m}{1000}$

5) $F:\frac{f}{10000} = M:\frac{m}{10000}$

. . . . . .

∞) $F:\frac{f}{\infty} = M:\frac{m}{\infty}$

Или въ пропорціяхъ:

2) $F:10\,f = :M:10\,m$

3) $F:100\,f = M:100\,m$

4) $F:1000\,f = M:1000\,m$

5) $F:10000\,f = M:10000\,m$

. . . . . .

∞) $F:\infty\,f = M:\infty\,m$

Изъ перваго ряда пропорцій получаемъ слѣдующій рядъ уравненій:

1) $F \times m = M \times f$

2) $F \times \frac{m}{10} = M \times \frac{f}{10}$

3) $F \times \frac{m}{100} = M \times \frac{f}{100}$

4) $F \times \frac{m}{1000} = M \times \frac{f}{1000}$

5) $F \times \frac{m}{10000} = M \times \frac{f}{10000}$

. . . . . .

∞) $F \times \frac{m}{\infty} = M \times \frac{f}{\infty}$

Изъ втораго ряда пропорцій получаемъ слѣдующій рядъ уравненій:

2) $F \times 10\,m = M \times 10\,f$

3) $F \times 100\,m = M \times 100\,f$

4) $F \times 1000\,m = M \times 1000\,f$

5) $F \times 10000\,m = M \times 10000\,f$

. . . . . .

∞) $F \times \infty\,m = M \times \infty\,f.$

Изъ послѣдняго уравненія въ первомъ ряду уравненій получаемъ:

$$F \times 0 = M \times 0$$

Откуда получаемъ:

$$F = M.$$

Изъ послѣдняго уравненія во второмъ ряду уравненій получаемъ:

$$F \times \infty = M \times \infty$$

Откуда получаемъ тотъ-же результатъ:

$$F = M.$$

Для болѣе яснаго пониманія перевода этой математической физико-механики на метафизическую, полагаемъ, что $F = f$, а $M = m$. Отсюда получаемъ слѣдующіе математико-метафизическіе выводы: 1) сила, умноженная на массу, равняется массѣ, умноженной на силу; 2) таже сила, умноженная на $\frac{1}{10}, \frac{1}{100}, \frac{1}{1000}, \frac{1}{10000}$ тойже массы, или на 10, 100, 1000, 10000 такихъ-же массъ равняется той-же массѣ, умноженной на $\frac{1}{10}, \frac{1}{100}, \frac{1}{1000}, \frac{1}{10000}$ той-же силы, или на 10, 100, 1000, 10000 такихъ-же силъ; 3) какъ бы мы далѣе ни уменьшали, или ни увеличивали тѣ-же множители, равными количествами, равенство между произведеніями нисколько не измѣнится; 4) напротивъ того, именно съ уменьшеніемъ множителей, съ каждымъ шагомъ въ глубь ихъ умаленія, равенство между множимыми цѣлыми величинами, между силою (F) и массою (M) будетъ выступать яснѣе и яснѣе, рѣшительнѣе и рѣшительнѣе; 5) пока множимыя величины F и M имѣютъ множителей, хотя и крайне малыхъ, или крайне великихъ, однакожъ ограниченныхъ, до тѣхъ поръ полное равенство между ними, между F и M установиться не можетъ,—до тѣхъ поръ остается между ними хотя безмѣрно малая, однакожъ неустранимая, черта разграниченія и различія,—до тѣхъ поръ F не тождественно съ M, и, обратно, M не тождественно съ F; но 6) совпадутъ F и M до совершеннаго тождества между собою, въ своемъ значеніи и дѣйствіи, въ томъ случаѣ, когда

множители ихъ превратятся въ величины или безконечно малыя, или безконечно-великія,—иначе сказать,—когда F и M сами сольются съ абсолютнымъ.—Слѣдовательно, сказать, что *сила и масса безусловно тождественны, въ настоящемъ ограниченномъ бытіи, невозможно*; но, въ тоже время, *тождество между ними, въ ихъ значеніи и дѣйствіяхъ, безспорно.* И это тождество дается нашему разумѣнію тѣмъ больше, чѣмъ больше мы вдумываемся въ ихъ сущность. Уничтожить же между ними черту разграниченія значило бы погрузить ихъ въ положительное, или отрицательное, абсолютное. Эта коллизія представляетъ собою одну изъ антиномій нашего ума, одну изъ антиномій бытія и знанія. Но и здѣсь, чтобъ эта антиномія не привела къ абсурду, необходимо мыслить силу и массу (F и M) никакъ не отдѣльно отъ своихъ множителей, но слитно съ ними въ ихъ произведеніи, т. е. въ результатѣ и значеніи.

ГЛАВА LXVIII.

17) Вслѣдствіе объясненнаго выше тождества между силою и массою, самый *эѳиръ* является, у *Секки, безъ радикальнаго свойства матеріальности, съ инерціею, но безъ непроницаемости,—является исключительно движеніемъ, дѣйствіемъ, силою, но не матеріею,—непроницаемою и частичною*, такъ-что даже самъ *Секки* отказываетъ эѳиру *въ наименованіи вещества.* Попытаемся сопоставить между собою конечные выводы его объ отношеніи невѣсомой матеріи къ вѣсомой, сначала безъ всякихъ нашихъ толкованій, въ тѣхъ, между прочимъ, видахъ, чтобы наглядно оцѣнить, какъ онъ сбивчивъ и невѣренъ самъ себѣ.

«Наполняющій собою всю вселенную и служащій для распространенія свѣта эѳиръ есть матерія»,—по словамъ *Секки* [1]). «Располагая простыя тѣла въ рядъ, по степени убывающей сложности ихъ структуры, мы необходимо должны дойти до конечнаго предѣла: крайнимъ полюсомъ этого ряда будетъ эѳиръ. Нельзя [2]) сомнѣваться, что *эѳиръ есть матерія*, способная приходить въ движеніе отъ вибрацій. Можно [3]) представить себѣ матерію безъ вѣса; но всякое вещество необходимо должно обладать инерціей, т. е. требовать силы для приведенія его въ движеніе. Что эѳиръ представляетъ собою *сплошную среду*, это совершенно

[1]) 71. [2]) 132. [3]) 136.

немыслимое предположеніе. Предполагать эѳиръ *сплошнымъ* — значитъ ни болѣе, ни менѣе, какъ допускать немыслимую вещь. Выраженіе—*нематеріальная жидкость* [1]), примѣняемое къ эѳиру, неумѣстно. Факты весьма убѣдительно доказываютъ [2]) инерцію эѳира, а слѣдовательно, и его матеріальность. Въ концѣ концовъ, *эѳиръ есть матерія*, и потому его атомы не могутъ уклоняться отъ общихъ законовъ движенія. Вѣроятно, частицы эѳира изолированы другъ отъ друга и свободны, а частицы вѣсомой матеріи представляютъ собою комбинаціи изъ нѣсколькихъ простыхъ атомовъ. Всѣ атомы обладаютъ совершенно тождественною массою, формою (вѣроятно, сферическою) и объемомъ, а также одинаковымъ вращательнымъ движеніемъ, вслѣдствіе котораго всѣ они [3]) развиваютъ одну и туже степень упругости. Отсюда слѣдуетъ, что среда, исключительно занятая атомами эѳира, будетъ оставаться однородною, или, другими словами, *равномѣрно плотною по всему своему протяженію*. Вліяніе вѣсомой матеріи *на плотность эѳира* въ настоящее время слѣдуетъ считать [4]) доказаннымъ. Эѳиръ можетъ обладать весьма большою [5]) *плотностью*. Можно допустить, что [6]) эѳиръ обладаетъ, въ извѣстной степени, способностью *расширенія*. Факты показываютъ [7]), что всякое *сгущеніе эѳира* производитъ притяженіе. Электричество сопровождается [8]) усиленіемъ *плотности, или массы эѳира*, которое испытываетъ при этомъ то *сгущеніе*, то *разрѣженіе*. Несправедливо [9]) мнѣніе, будто эѳиръ, вслѣдствіе своей невѣсомости и крайней разрѣженности, не можетъ оказывать сопротивленіе движенію матеріальныхъ массъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ эѳиръ оказывается сжимаемымъ, а именно, когда онъ сгущается и разрѣжается, и *тѣмъ какъбы выдаетъ свое невидимое присутствіе* [10]). Въ *послѣдовательныхъ слояхъ* эѳира можетъ образоваться *разность плотностей*. Электростатическія явленія [11]) показываютъ, что эѳиръ распредѣленъ въ пространствѣ *въ формѣ слоевъ, съ постоянно убывающею плотностью*, и вынуждаютъ признать за нимъ *качества, свойственныя твердымъ тѣламъ*, хотя его частицы *и не обладаютъ какимъ-либо сцѣпленіемъ*. По формѣ [12]) своихъ вибрацій, эѳиръ приближается болѣе къ твердымъ тѣламъ, чѣмъ къ жидкимъ, хотя эта аналогія и не распространяется на дѣйствіе сцѣпленія между его атомами. Наблюденіе [13]) безсильно дать какое нибудь понятіе о природѣ эѳира; тѣмъ не менѣе оно показываетъ, что это не газъ и что *его частицы значительно болѣе сближены между собою, чѣмъ частицы вѣсомыхъ тѣлъ*. Безъ сомнѣнія [14]), строеніе его отлично *отъ строенія газовъ и другихъ извѣстныхъ намъ тѣлъ*. Поэтому, и самыя свойства его не могутъ быть выведены изъ изслѣдованныхъ до сихъ поръ явленій. Движеніе эѳира можетъ сообщаться вѣсомой матеріи. Равно-какъ и, обратно, живая сила, принадлежащая извѣстному количеству вѣсомой матеріи, какбы оставляетъ эту послѣднюю (въ нѣкоторыхъ случаяхъ) и сообщается веществу невѣсомому (эѳиру), которое, такимъ образомъ, должно имѣть *опредѣленную массу*, — *правда, неуловимую для нашихъ вѣсовъ, но, тѣмъ не менѣе, совершенно реальную* [15]). Если движеніе [16]) эѳира переходитъ въ движеніе матеріальныхъ атомовъ, то, въ свою очередь, и это послѣднее можетъ сообщаться частицамъ эѳира. Совокупленіе [17]) эѳирныхъ волнъ съ вибраціями вѣсомой матеріи можетъ дать на-

[1]) 138. [2]) 146. [3]) 161. [4]) 193. [5]) 132. [6]) 258. [7]) 300. [8]) 330. [9]) 357. [10]) 387. [11]) 322. [12]) 380. [13]) 196. [14]) 136. [15]) 139. [16]) 155. [17]) 154.

чало равнодѣйствующимъ движеніямъ, отличнымъ отъ тѣхъ, изъ которыхъ они произошли. Электрическій токъ [1]) есть движеніе невѣсомой матеріи, происходящее въ вѣсомомъ веществѣ, и, въ большей части случаевъ, эѳирный токъ увлекаетъ за собою вѣсомыя частицы. Необходимо [2]) иногда допустить въ матеріи такое состояніе разрѣженія, при которомъ она, по всей вѣроятности, *теряетъ всѣ свои характеристическія свойства и дѣлается неуловимою для нашихъ чувствъ*. Измѣряя проволоки, употреблявшіяся въ-теченіи долгаго времени для передачи электрическаго тока, нашли, что *онѣ представляютъ слѣды глубокихъ частичныхъ измѣненій*, свидѣтельствующихъ о сильномъ *внутреннемъ движеніи;* но, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ нихъ никому еще не удавалось замѣтить хотя бы то самое малое увеличеніе въ вѣсѣ. Точно также, при соединеніи разнородныхъ проводниковъ между собою смежными концами, никогда не могли открыть присутствія какихъ-либо слѣдовъ одного вещества внутри другаго; переносимыя электрическимъ токомъ частицы сохраняютъ свою химическую природу. Электричество есть нѣчто большее, чѣмъ простое движеніе вѣсомой матеріи [3]). *Электричество есть не иное что* [4]), *какъ извѣстная форма движенія*, весьма близко соприкасающаяся съ теплотою и химическимъ движеніемъ, и не-только не составляетъ собою начала, отличнаго отъ другихъ естественныхъ дѣятелей, но даже сводится *къ второстепенному видоизмѣненію дѣйствія силъ природы*. Эѳиръ, приходя въ вибраціонное колебаніе, производитъ свѣтъ, а переносясь чрезъ проводники, порождаетъ электрическіе токи. Между свѣтовымъ эѳиромъ и электричествомъ существуетъ полное тождество [5]). *Свѣтъ есть движеніе* вещества *съ безконечно-большою скоростью*, доходящею до невѣроятной скорости 946,000,000,000,000 вибрацій въ секунду. Извѣстное число лучей постоянно поглощается тѣлами и преобразуется внутри ихъ въ химическое или теплородное дѣйствіе [6]). Однако *невозможно смотрѣть на эѳиръ* [7]), *какъ на химическій элементъ тѣла. Извѣстно, что свѣтъ нельзя считать веществомъ* [8]), соединеннымъ съ тѣлами, но что *онъ есть не что иное, какъ особый родъ движенія эѳира*. Растенія представляются не соединеніями какой-то *свѣтовой матеріи* съ органическими веществами, но какбы [9]) *резервуарами, способными накоплять въ себѣ живую силу солнца*. Также и *теплота* [10]) *есть нѣкоторый родъ движенія вещества*. *Фурье*, послѣ обширныхъ аналитическихъ работъ о законахъ [11]) распространенія теплоты, нашелъ невозможнымъ рѣшить, *что такое теплота,—вещество или движеніе*. Нужно [12]) допустить въ небесномъ пространствѣ *еще одно движеніе, способное передавать дѣйствіе свѣтилъ*; это движеніе отлично отъ вибрированія, составляющаго свѣтъ и теплоту. Нѣтъ ничего невозможнаго предположить [13]), что частицы тѣлъ, доведенныя до крайнихъ степеней измельчанія, расширенія и разрѣженія, представляютъ собою частицы вѣсомой матеріи, окруженныя эѳиромъ, который есть не иное что, какъ вещество, находящееся въ элементарномъ атомномъ состояніи. Еслибы допустить [14]) распаденіе частичныхъ группъ на единичные атомы,—въ такомъ случаѣ *матерія перешла бы въ то вещество, которое называется невѣсомымъ эѳиромъ*. По всей вѣроятности, первоначальное и естественное состояніе было такое, при которомъ всѣ

[1]) 257. [2]) 234. [3]) 298. [4]) 249. [5]) 380. [6]) 178. [7]) 358. [8]) 156. [9]) 158. [10]) 105. [11]) 279. [12]) 371. [13]) 235. [14]) 49.

атомы обладали полною свободою и безусловною независимостью другъ отъ друга. Состоянія, обусловливающія нѣкоторую связь между частицами, скорѣе относятся къ эпохамъ болѣе поздняго образованія, и *силы*, придуманныя для ихъ объясненія, могутъ быть разсматриваемы какъ *побочныя дѣйствія движенія, присущаго матеріи. Всѣ явленія* [1]) *объясняются движеніемъ одной жидкости, а именно, эѳира.* Такъ-какъ эѳиръ проникаетъ всѣ тѣла, то вѣсъ его ускользаетъ отъ опредѣленія [2]). *Эта среда состоитъ изъ вещества, неотличающагося* [3]), *по своему существу, отъ обыкновенной матеріи*, но находящагося въ состояніи полнѣйшей дезаггрегаціи, или крайней степени разрѣженія, доходящей до распаденія на элементарные атомы и позволяющей ей проникать всюду внутрь тѣлъ. Она инертна и подчиняется всѣмъ законамъ механики. Эѳиръ не подчиняется дѣйствію тяготѣнія по тому, что самъ онъ есть причина этой силы и всѣхъ явленій притяженія. Умъ не можетъ помириться съ мыслью, что *вся роль эѳира состоитъ въ одномъ только вибрированіи* (движеніи), и потому невольно получаетъ склонность относить и *такъ-называемыя творческія силы* къ свойствамъ этой среды [4]). Только гипотеза эѳира въ-состояніи объяснить, какимъ образомъ явленія свѣта и притяженія могутъ происходить *въ пустотѣ* [5]). Пустота и есть не иное что, какъ равномѣрно распространенный эѳиръ».

Секки усиливается объяснить природу вѣсомой и невѣсомой матеріи только индуктивно, заключая отъ свойствъ, наиболѣе подлежащей нашему чувству, вѣсомой матеріи къ существу, болѣе и болѣе ускользающей изъ-подъ контроля нашихъ чувствъ, матеріи невѣсомой; отъ того онъ и непослѣдователенъ, и сбившись въ опредѣленіи взаимныхъ отношеній между этими двумя міровыми агентами. Мы попытаемся, на-основаніи данныхъ, полученныхъ индукціею изъ наблюденія надъ фактами, сдѣлать обратный, дедуктивный обзоръ его выводовъ. Вотъ 1) пустота; это не иное что, какъ равномѣрно распредѣленный эѳиръ. Того, что онъ равномѣрно распредѣленъ, мы не знаемъ, потому-что не можемъ чувствовать ни однимъ нашимъ чувствомъ, — и вообще не знаемъ объ эѳирѣ, о его состояніи, въ этой вышечувственной граничной стадіи, почти ничего, такъ-что самое слово — эѳиръ, въ-отношеніи къ этой граничной стадіи его состоянія, есть для насъ почти пустой звукъ, безъ ясно постигаемаго качественнаго содержанія, безъ подробностей проявленія и опредѣленія. Твердо знаемъ только одно, что и тамъ *эѳиръ есть нѣчто, изъ котораго происходитъ нѣчто, а не ничто, изъ котораго не бываетъ ничего.*—2) На-основаніи многихъ данныхъ, мы должны заключать, что въ дальнѣйшей низшей стадіи, гдѣ эѳиръ становится доступенъ, если не чувству, то рефлексіи отъ чувственныхъ наблюденій,

[1]) 384. [2]) 138. [3]) 454. [4]) 197. [5]) 200.

онъ распредѣленъ на слои, съ убывающею, въ одну сторону, и съ прибывающею, въ другую сторону, плотностью. 3) Первымъ слоемъ мы должны считать слой эѳира выше той крайне высокой степени его вибрацій, которая начинаетъ дѣйствовать и обнаруживаться въ формѣ темныхъ химическихъ тепловыхъ лучей. 4) Вторымъ слоемъ должно признать слой эѳира, производящій тепловые химическіе лучи, отъ неизвѣстно и безмѣрно высокой скорости до меньшей сравнительно съ первою, хотя все еще также невообразимой скорости 946.000,000,000,000 вибрацій въ секунду,—скорости, при которой, кромѣ продолжающагося обнаруженія тепла, начинаетъ чувствоваться нашимъ глазомъ фіолетовый цвѣтъ. 5) Третій слой будетъ простираться отъ указанныхъ 946.000,000,000,000 и до 63 трилліоновъ вибрацій въ секунду [1]), по которымъ спускается скала ощущеній семи цвѣтовъ радуги, отъ фіолетоваго до краснаго цвѣта и до послѣднихъ ощутимыхъ тепловыхъ лучей. 6) Четвертый слой будетъ простираться, по *Секки*, отъ 63.000,000,000,000, а по другимъ, отъ 5.000,000,000 и даже только отъ 18,000,000, и до 50000 вибрацій въ секунду, которыя, какъ вибраціи эѳира, ни одному нашему чувству, на-сколько это извѣстно, не подлежатъ, или, по крайней мѣрѣ, проявляются въ ощущеніяхъ слабыхъ и неуловимо-неопредѣленныхъ [2]). 7) Наконецъ, пятый слой обоймetъ вибраціи вещества отъ 50000 и до 30 или 16 вибрацій въ секунду, которыя доступны чувству слуха. 8) Это слои эѳира, дѣлающіеся извѣстными нашему чувству по своему вибраціонному движенію, которое, въ нѣкоторыхъ предѣлахъ, приблизительно вычислено

---

[1]) Такъ по *Секки*; но по другимъ только отъ 8.000,000,000 и до 5.000,000,000, а по нѣкоторымъ даже только до 18.000,000·

[2]) «Звуковыя вибраціи, пишетъ *Секки* (24), содержатся между 30 и 50000 въ секунду, свѣтовыя же начинаются при 63 трилліонахъ и доходятъ до 946 трилліоновъ въ секунду. Казалось бы, что эти два рода движеній отдѣлены другъ отъ друга цѣлымъ океаномъ; но, на самомъ дѣлѣ, это не такъ. Дѣйствительно, нѣкоторыя звуковыя волны, выходя изъ предѣловъ гармонической скалы и дѣйствуя на наше ухо правильными, перемежающимися вибраціями, не могутъ вызвать въ насъ впечатлѣній музыкальнаго звука; но мы тогда, вмѣсто этихъ послѣднихъ, испытываемъ различнаго рода ощущенія шума: шорохъ, шелестъ, трескъ и т. п. За этими вибраціями слѣдуютъ темныя теплородныя колебанія, скорость которыхъ весьма трудно опредѣлить и, наконецъ, при продолжающемся развитіи молекулярнаго движенія, скорость его достигаетъ такой высокой степени, что производимыя имъ волны начинаютъ дѣйствовать на ретину. Съ этого момента устанавливается свѣтовое испусканіе».

и опредѣлено. Но въ томъ, недоступномъ нашему чувству, *нѣчто*, которое называется эѳиромъ, обнаруживаются нашему чувству не-только *вибраціонныя движенія, но и поступательныя, и круговоротныя*. Въ настоящее время взаимное отношеніе этихъ движеній не поддается еще не-только точному, но и приблизительному опредѣленію. 9) Однакожъ, между указанными выше слоями, третьимъ и четвертымъ, необходимо помѣстить еще одинъ, или два промежуточныхъ слоя, соотвѣтствующихъ признаннымъ въ природѣ силамъ, магнетизму и электричеству, которыя обнаруживаются преобладаніемъ поступательнаго движенія, переходящаго во вращеніе, надъ вибраціоннымъ. 10) Именно, состояніе разрѣженія электро-магнетизма, вѣроятно, соотвѣтствуетъ переходу движенія эѳира, изъ вращательнаго и поступательнаго движенія, въ вибрацію; а уплотненіе эѳира, вѣроятно, есть не иное что, какъ накопленіе движеній и именно вращательныхъ. 11) Когда вибраціонныя и поступательныя движенія того *нѣчто* которое мы называемъ эѳиромъ, переходятъ въ накопленіе и скученіе вращеній, тогда нашему чувству начинаетъ сказываться нѣчто, въ собственномъ смыслѣ, матеріальное, будтобы непроницаемое, оказывающееся сопротивленіемъ нашему мускульному чувству и осязанію: тогда мы получаемъ молекулы тѣлъ газообразныхъ, жидкихъ и твердыхъ. 12) Это не значитъ, однакожъ, что въ разныхъ состояніяхъ эѳира существуетъ только одно какое-либо движеніе, вибраціонное, или поступательное, или вращательное; нѣтъ, одно какое-либо движеніе только господствуетъ надъ другими на-столько, что становится доступнымъ глазу, или другому нашему чувству, а дѣйствуетъ оно, безъ сомнѣнія, не иначе, какъ совмѣстно съ обоими прочими движеніями. 13) Отъ того-то и происходитъ, что эѳиръ проникаетъ всюду и все. Собственно онъ не проникаетъ что-либо инородное отъ себя, а есть вездѣ и во всемъ: и въ свѣтѣ, и въ электричествѣ, и въ обыкновенной вѣсомой матеріи, одинъ и тотъ-же эѳиръ, въ какомъ-нибудь преобладающемъ своемъ состояніи. 14) Отъ того-то факты показываютъ не-только вліяніе движенія вѣсомой матеріи на невѣсомую, и обратно, но и возможность перехода одной матеріи въ другую, невѣсомой въ вѣсомую, и обратно. 15) При этомъ оказывается, однакожъ, что ни переносимая вѣсомою невѣсомая матерія не теряетъ своего химическаго характера, который, въ свою очередь, выражаетъ ту или другую комбинацію частичныхъ движеній, ни невѣсомая матерія, явно поглощаемая невѣсомою, не пріобрѣта-

етъ значенія химическаго элемента,—извѣстныхъ характерныхъ движеній, которыя стали бы доступны мускульному чувству и осязанію своимъ качествомъ сопротивленія, или непроницаемости и увеличеніемъ вѣса. 16) Отъ того-то и безплодны всѣ усилія навязать эѳиру матеріальность, именно частичную, которая сказывается непроницаемостью и тяжестью, такъ-какъ эѳиромъ называется совокупность движеній, недоступныхъ мускульному чувству и осязанію, движеній, чуждыхъ именно непроницаемости и тяжести; уловить же его въ какомъ-либо сосудѣ и сжать какимъ-либо прессомъ нельзя, потому-что и прессъ, равно-какъ сосудъ, и рука суть не что иное, какъ своеобразныя совокупности движеній того же эѳира, поступательно-вибраціонное движеніе котораго, особенно ему соотвѣтствующее, проникнетъ и разсѣется между другими молекулярными движеніями пресса, сосуда и руки, не превратившись въ то характерное движеніе, которое соотвѣтствуетъ проявленію, для нашего чувства, того или другаго химическаго элемента. 17) И, въ концѣ концовъ, *не эѳиръ есть матерія, а, наоборотъ, матерія есть эѳиръ,—сила*, сказывающаяся, на разныхъ ступеняхъ своего развитія, нашему чувству не чѣмъ-либо инымъ, какъ только разностепенными и разнообразными движеніями [1]), сила, сказывающаяся, на самой высшей своей ступени, тѣми дѣйствіями, которыя самъ *Секки* затрудняется уже назвать механическими, которымъ онъ усвояетъ названіе творческихъ, т. е. органическихъ, растительныхъ и животно-психическихъ силъ.

18) Съ этой точки зрѣнія представляются излишними и абсурдными разсужденія *Секки о дѣйствіяхъ силъ на разстояніи, о возможности взаимнаго прикосновенія между атомами.* Онъ утверждаетъ, будто *дѣйствіе силъ на разстояніи невозможно*, — тогда-какъ *оно совершенно естественно.* Онъ утверждаетъ, *что прикосновеніе между атомами возможно*, но, *по его же собственнымъ разсужденіямъ, выходитъ, что оно невозможно.* По его мнѣнію, «допустить дѣйствіе на разстояніи» значило бы впасть въ абсурдъ [2]). Справедливо утверждаетъ онъ, что и *Ньютонъ* «назвалъ подобное дѣйствіе положительнымъ абсурдомъ»;—назвалъ, опровергая именно атомистическую теорію [3]), которую *Секки* хочетъ тѣми-же соображеніями защитить. *Секки*, какъ мы видѣли, отвергаетъ притягательную силу, понимая ее, какъ дѣятельное начало, сосредоточенное внутри ча-

[1]) 18. [2]) 134. [3]) 386.

стицъ и дѣйствующее, безъ всякой посредствующей помощи, *чрезъ абсолютную пустоту*. Гипотеза [1]), что тѣла оказываютъ вліяніе другъ на друга чрезъ разстояніе, т. е. дѣйствуютъ тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ, — эта гипотеза для *Секки* въ полномъ смыслѣ невѣроятна, какъ въ томъ случаѣ, когда дѣло идетъ о громадныхъ разстояніяхъ, такъ и въ томъ, когда эти разстоянія весьма малы. На возраженіе,—что въ такомъ случаѣ нельзя допустить никакого дѣйствія и между тѣлами, находящимися въ соприкосновеніи, потому-что даже и здѣсь они дѣйствуютъ тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ,—*Секки* отвѣчаетъ *указаніемъ на невозможность такого дѣйствія въ томъ лишь случаѣ, когда оно совершается безъ всякаго посредства*. Онъ даже не понимаетъ возможности дѣйствія на разстояніи, когда не существуетъ посредства промежуточной среды. Существенное различіе между сообщеніемъ движенія чрезъ прикосновеніе и чрезъ разстояніе онъ полагаетъ въ томъ, что *движеніе чрезъ прикосновеніе передается чрезъ нѣчто междулежащее*. Онъ придаетъ слову — *прикосновеніе не буквальное значеніе*. Прекрасно. Но значитъ ли это, что *Секки* не допускаетъ непосредственнаго прикосновенія между атомами? Утвержденія его на этотъ счетъ довольно рѣшительны. «При встрѣчѣ [2]) двухъ частицъ, окруженныхъ своими вихрями, можетъ случиться»,—пишетъ онъ, — «что скорости, которыми онѣ обладаютъ, не позволятъ имъ войти *въ прикосновеніе между собою*, такъ-какъ центробѣжная сила эѳирныхъ атмосферъ будетъ стремиться отталкивать ихъ другъ отъ друга *прежде, чѣмъ такое прикосновеніе сдѣлается возможнымъ*. Атомы, образующіе молекулу» [3]), — по словамъ *Секки*,—«могутъ не быть въ абсолютномъ прикосновеніи между собою; въ образовавшихся группахъ атомовъ элементы не связаны между собою никакой особой силой. Въ самомъ дѣлѣ [4]), даже въ твердыхъ тѣлахъ вѣсомыя частицы не прикасаются между собою совершенно, но отдѣлены другъ отъ друга; онѣ отличаются отъ частицъ газообразныхъ веществъ лишь только большимъ сближеніемъ между собою; въ самомъ плотномъ твердомъ тѣлѣ частицы постоянно отдѣлены другъ отъ друга *нѣкоторымъ промежуткомъ, безъ котораго было бы невозможно теплородное движеніе (расширеніе и сжиманіе)*». Отсюда оказывается, что частицы въ твердыхъ и жидкихъ тѣлахъ больше сближены между собою, чѣмъ въ газообразныхъ; въ газообразной матеріи частицы болѣе сближены

[1]) 407. [2]) 159. [3]) 413. [4]) 418.

между собою, чѣмъ въ невѣсомомъ эѳирѣ. Относительно же эѳира, хотя въ одномъ мѣстѣ *Секки* и утверждаетъ, будто «частицы эѳира значительно болѣе сближены между собою, чѣмъ частицы вѣсомыхъ тѣлъ [1])»,—однакожъ этому утвержденію его нельзя давать никакой цѣны, такъ-какъ оно противорѣчитъ всему складу его теоріи и многочисленнымъ другимъ его основоположеніямъ. Такъ, по его словамъ, «частицы эѳира *изолированы другъ отъ друга и свободны*, тогда-какъ частицы вѣсомой матеріи представляютъ въ себѣ комбинаціи изъ нѣсколькихъ простыхъ атомовъ. Эѳиръ, при своей невѣсомости, *крайне разрѣженъ*. Въ эѳирѣ всѣ атомы *обладаютъ полною свободою и безусловною независимостью другъ отъ друга*; его состоянія, обусловливающія нѣкоторую связь между молекулами, относятся къ эпохамъ болѣе поздняго образованія. Эѳиръ находится *въ состояніи полнѣйшей дезагрегаціи или въ крайней степени разрѣженія, доходящей до распаденія на элементарные атомы*». Ясно, что атомы эѳира гораздо болѣе удалены другъ отъ друга, чѣмъ атомы вѣсомой матеріи. Между-тѣмъ и въ вѣсомой матеріи не-только существуютъ, но и необходимы промежутки между атомами; иначе невозможно было бы въ матеріи теплородное дѣйствіе, сжатіе и расширеніе. Не-смотря на это, однакожъ, эѳиръ не-только расширяется и сжимается самъ, но и производитъ эти явленія, — явленія сжатія и расширенія, и въ другихъ тѣлахъ. Значитъ, *его атомы не-только не прикасаются другъ къ другу, но постоянно производятъ въ мірѣ и то явленіе, которое называется разрѣженіемъ*. Итакъ, вся механико-атомическая теорія *Секки*, истекающая изъ удара [2]) одного атома о другой, рушится отъ несообразности своей съ своими-же собственными основоположеніями.

Здѣсь, въ-защиту своей механико-атомической теоріи, *Секки* выставилъ возраженіе, дѣйствительно развитое еще *Ньютономъ*,—но развитое имъ только въ-опроверженіе той-же механико-атомической теоріи. Дѣйствительно, если представить матерію составленною изъ отдѣльныхъ атомовъ и помѣщать между ними притягательную силу, то нужно допустить, что притягательная сила одного атома дѣйствуетъ на другой чрезъ пустоту, — предположеніе, которое казалось *Ньютону* немыслимымъ. Если же, для устраненія этого затрудненія, помѣщать между атомами вѣсомой матеріи эѳиръ, состоящій также изъ

[1]) 196. [2]) 40.

отдѣльныхъ атомовъ,—то и въ такомъ случаѣ затрудненіе ни мало не устраняется, такъ-какъ атомы самаго эѳира также станутъ дѣйствовать другъ на друга *чрезъ пустое пространство, чрезъ нѣчто не сущее, чрезъ какое-то отрицаніе бытія.* Но возьмемъ отрицаемое у *Секки,* единственно по причинѣ мнимой немыслимости, предположеніе, что эѳиръ есть среда сплошная, среда, не состоящая изъ отдѣльныхъ мертвыхъ атомовъ, которые всякую выработываемую ими силу давно уже растеряли бы въ пустотѣ, но среда, обнаруживающая въ себѣ и собою то выше чувственное зиждительное *нѣчто,* изъ дѣйствій котораго, проявляющихся въ разностепенныхъ и разнообразныхъ движеніяхъ, мало по малу, возникаютъ для нашихъ чувствъ: зрѣнія, слуха и осязанія, а наконецъ и для нашей мысли, всѣ явленія ощущаемой нами природы, какъ возникаютъ и самые атомы,—*тогда въ раскрытіи этой живой, зиждительной творческой силы, не окажется мѣста никакому дѣйствію на разстояніи, чрезъ несуществующую пустоту, а останется только дѣйствіе этой единой и цѣлостной силы самой на себя.*

«Немногимъ болѣе полутора столѣтія до нашего времени,—пишетъ *Д. С. Миллъ* въ своей Логикѣ [1]), — никто не опровергалъ и не считалъ требующею доказательства тогдашнюю научную аксіому, что *вещь не можетъ дѣйствовать тамъ, гдѣ ея нѣтъ.* Аксіома эта служила Картезіанцамъ страшнымъ оружіемъ противъ теоріи тяготѣнія, которая, по ихъ мнѣнію, обнимая очевидную нелѣпость, должна быть отвергнута на самомъ порогѣ (in limine): солнце, не будучи на землѣ, не можетъ на нее и дѣйствовать. Что приверженцы старыхъ астрономическихъ системъ приводили этотъ доводъ противъ новой гипотезы, — это не удивительно; но ложное предположеніе обманывало самого *Ньютона,* который, *для отраженія довода, выдумалъ тонкій эѳиръ,* наполняющій пространство между солнцемъ и землею и своимъ посредствующимъ дѣйствіемъ составляющій причину явленій тяготѣнія. «Немыслимо, говоритъ *Ньютонъ,* чтобы неодушевленная грубая матерія могла, безъ посредства чего-либо инаго, нематеріальнаго, дѣйствовать и вліять на другую матерію, *безъ взаимнаго соприкосновенія....* Мысль, что тяготѣніе прирождено и присуще матеріи такъ, что одно тѣло можетъ дѣвствовать на разстояніи, чрезъ пустоту, безъ посредства чего-либо инаго, кажется мнѣ та-

[1]) 1—1, 309—310

кою нелѣпостью, что, по моему мнѣнію, въ нее никогда не впадетъ ни одинъ человѣкъ, способный разсуждать о философскихъ предметахъ». Теперь,—заключаетъ *Д. С. Милль*,—никому не трудно представить себѣ тяжесть присущею матеріи, въ одинаковой мѣрѣ со всякимъ другимъ свойствомъ; пониманіе тяжести никому нисколько не облегчается *предположеніемъ эѳира* и никто не находитъ невѣроятнымъ, чтобы небесныя тѣла могли дѣйствовать и дѣйствовали тамъ, гдѣ они тѣлесно не присутствуютъ. Для насъ дѣйствіе тѣлъ другъ на друга, *безъ взаимнаго соприкосновенія*, не удивительнѣе ихъ дѣйствія при соприкосновеніи. Мы освоились съ обоими этими фактами и находимъ, что они одинаково необъяснимы, но и одинаково легко вообразимы». — Вотъ два позитивиста, два экспериментализта, пользующихся европейскою извѣстностью, *Секки и Д. С. Милль*, и оба пришли къ противоположнымъ выводамъ: по словамъ одного изъ нихъ, дѣйствіе между тѣлами на разстояніи есть абсурдъ, а по взгляду другаго, совершенно естественная вещь и очевидный фактъ. Примиреніе же этихъ логическихъ противоположностей, намъ кажется, возможно только съ нашей точки зрѣнія, которая была отчасти точкою зрѣнія и великаго *Ньютона*: таково самораскрытіе первичной абсолютной силы, иначе сказать попросту: «такъ Богу угодно».

19) Если механическій взглядъ аббата *Секки* соблазняется будтобы даже колоссальнымъ абсурдомъ, который заставляетъ его противниковъ приписывать атомамъ какъ-бы *нѣкоторую способность разума, позволяющую этимъ послѣднимъ рѣшать, должны ли они, въ томъ или въ другомъ случаѣ, дѣйствовать, или нѣтъ*,—если *Секки* скандализуется даже такъ-называемымъ *избирательнымъ химическимъ сродствомъ* [1]),—то мы обратимъ соблазняющійся взглядъ его къ научному авторитету, къ которому онъ самъ прибѣгалъ, для поддержанія собственной доктрины [2]), — къ авторитету именно *Тиндаля*, помимо всего вышесказаннаго нами объ этомъ предметѣ, помимо всѣхъ вышеприведенныхъ нами естественно-научныхъ и философскихъ авторитетовъ,—или къ авторитету американскаго профессора *Баркера*, у которыхъ тоже самое механическое движеніе тѣхъ-же, хотя и не абсолютныхъ, атомовъ, что и у аббата *Секки*, переходитъ не-только въ теплоту—свѣтъ и электричество — магнитизмъ, но и въ нервное и даже въ психическое движеніе, въ чувство и мысль.

---

[1]) 405. [2]) 384.

Такъ, въ рѣчи, произнесенной въ Лондонскомъ Королевскомъ Обществѣ и названной: *Роль воображенія въ развитіи естественныхъ наукъ* [1]), *Тиндаль* говоритъ: «если бы *сила, эта душа вселенной*, была изгнана изъ области нашихъ представленій, то отношенія причинъ къ ихъ дѣйствіямъ разсыпались бы въ прахъ, а вмѣстѣ съ этимъ рухнула бы и самая наука, главная цѣль которой состоитъ въ установленіи связей между различными частями природы и въ изслѣдованія и ея, какъ одного организованнаго цѣлаго» [2]). Допуская въ-качествѣ *основной силы природы вообще, состоящій изъ атомовъ—молекулъ*, *индаль* утверждаетъ, что первоначальное размѣщеніе атомовъ, отъ котораго зависитъ все ихъ послѣдующее дѣйствіе, ускользаетъ отъ всякихъ чувственныхъ аппаратовъ. Подробный анализъ строенія матеріи долженъ остаться совершенно недоступнымъ нашему уму, не-только въ настоящемъ, но и въ будущемъ. Мы можемъ только убѣдиться, что между предѣлами, доступными микроскопу, и молекулярными величинами разстилается обширная область, служащая театромъ безчисленныхъ перемѣщеній и комбинацій атомовъ. Внутри этой-то области атомы пріобрѣтаютъ, вмѣстѣ съ полярностью и опредѣленнымъ расположеніемъ, извѣстную степень напряженія тѣхъ или другихъ свойствъ, въ-силу которыхъ, при достаточной свободѣ дѣйствія и соотвѣтствующемъ возбужденіи со-стороны окружающей ихъ среды, они группируются сначала въ зародышъ, а потомъ въ полный организмъ. Мы не встрѣчаемся здѣсь съ какимъ-либо [3]) новымъ принципомъ, а только съ доведеннымъ до крайности *началомъ дѣлимости матеріи и распредѣленія присущихъ ей силъ*. Но человѣческое воображеніе чувствуетъ потребность заглянуть въ область, лежащую позади первичнаго зародыша, и обратиться къ ней съ вопросомъ: какимъ образомъ произошло самое органическое начало? Составляетъ ли жизнь [4]) одно нераздѣльное съ тѣмъ, что мы называемъ веществомъ, или это независимое начало было присоединено къ нему въ какой-либо опредѣленный періодъ времени, когда физическія условія сдѣлались благопріятными для ея развитія? Мы имѣемъ много самыхъ вѣсскихъ и солидныхъ основаній полагать, что въ извѣстную эпоху земля не была и не могла быть колыбелью и театромъ жизненныхъ явленій. Должна ли была творческая сила, для своего проявленія, ожидать сгущенія туманной космической матеріи, отдѣленія земли, образованія земной коры, обособленія воздуха, образованія морей и наступленія условій, допускающихъ [5]) испареніе, появленіе облаковъ, паденіе дождя, происхожденіе почвы? Должна ли была эта сила покоиться въ колыбели до тѣхъ поръ, пока разстояніе и разсѣяніе не умѣрили силу солнечнаго свѣта на-столько, что онъ сдѣлался способнымъ производить химическія разложенія, существенно необходимыя для жизни растеній? Новѣйшая наука призвана рѣшить, что не-только низшія растительныя и животныя формы, не-только типы всѣхъ млекопитающихъ: строеніе лошади, льва, чудная архитектоника человѣческаго тѣла, но что самая человѣческая душа, ея благородныя возвышенныя движенія, умъ, сознаніе, воля и вообще весь неисчерпаемый міръ физическихъ и психическихъ явленій

---

[1]) Рѣчь эта помѣщена въ томъ-же изданіи *Красовскаго*, гдѣ и *Единство физическихъ силъ аббата Секки*.

[2]) 464. [3]) 482. [4]) 483. [5]) 484.

находились нѣкогда *скрытыми зачаточными узниками въ грубой массѣ туманной матеріи, въ облакѣ сгущеннаго вещества.* Поддерживающіе эту гипотезу не откажутся идти еще далѣе, утверждая, что, въ данный моментъ, вся наша современная философія, поэзія, наука, всѣ наши искусства, Платонъ, Шекспиръ, Ньютонъ, Рафаэль уже имѣли свои зародыши въ солнечномъ огнѣ, или, вѣрнѣе, заключались въ немъ, отъ начала міра, въ потенціальномъ состояніи. Справедливо ли [1]) обычное противопоставленіе духа и матеріи? Соотвѣтствуетъ ли оно тому соединенію ихъ, которое установлено верховною силою, какъ незыблемый фактъ вселенной? Не слѣдуетъ ли смотрѣть на эти начала, какъ на два элемента, одинаково достойные и чудесные по своему значенію въ жизни природы и, въ тоже время, составляющіе лишь *двѣ противоположныя стороны* одной и той же великой міровой тайны? Эта гипотеза [2]) не претендуетъ на рѣшеніе основной тайны мірозданія. Въ-сущности *она лишь перемѣщаетъ идею происхожденія жизни въ неопредѣленно далекое прошедшее.* Допуская въ космической туманности присутствіе всѣхъ элементовъ, которые впослѣдствіи должны были сдѣлаться естественнымъ родникомъ жизни, эта гипотеза ни на волосъ не касается вопроса о томъ, откуда произошло то и другое. Что же касается до вѣковъ забвенія [3]), вѣковъ первоначальной группировки матеріи, отдѣляющихъ *безсознательную жизнь* космической туманности отъ *сознательнаго* существованія земли, то вопросъ о нихъ, въ концѣ концовъ, сводится къ распространенію начальнаго геологическаго періода, который предшествовалъ нашему появленію на свѣтъ. Защитники естественнаго развитія лучше, чѣмъ кто-нибудь, сознаютъ гадательность своихъ данныхъ. Настоящіе философы *доктрины единства органической и неорганической жизни* на землѣ никогда не будутъ утверждать, что Зиждителю вселенной невозможно измѣнить свое твореніе, т. е. относиться къ нему свободно. Предметъ ихъ изслѣдованій составляетъ не тотъ міръ, который могъ бы существовать, но тотъ, который существуетъ *на самомъ дѣлѣ*».

Допуская эту теорію *Тиндаля*, въ такой степени, въ какой она можетъ быть соглашена съ Бого-откровеннымъ ученіемъ, по которому *Духъ Божій носился поверхъ воды*, — т. е. еще первообразующагося хаотическаго вещества, вливая въ него свою животворящую силу, — силу, которая въ своемъ источникѣ можетъ быть только единая, а проявляется ограниченному созерцанію разностепенною и разнородною, по мѣрѣ разностепенности и разнородности пріемлющихъ ее тварей, отъ молекулы и органической клѣточки и до человѣка, — принимая далѣе эту теорію только въ-смыслѣ теоріи вездѣ въ природѣ разлитаго, творческаго Разума, который, въ простѣйшихъ формахъ мірозданія, проявляется въ-видѣ только разума безсознательнаго и только въ словесно-разумномъ человѣкѣ, сколько это извѣстно намъ по опыту, обнаруживается въ совершеннѣйшемъ видѣ

[1]) 485. [2]) 486. [3]) 487.

разума самосознательнаго, — въ данномъ случаѣ, при опроверженіи грубой механико-анатомической теоріи *Секки*, мы только *констатируемъ фактъ, что высшіе авторитеты естественной науки*, не чуждые того, чтобы допустить какъ эѳиръ, такъ даже и атомы, равнокакъ и молекулы, къ числу которыхъ принадлежитъ и особенно чтимый самимъ Секки *Тиндаль*,—высшіе авторитеты науки *слишкомъ далеки отъ согласія съ Секки въ томъ, чтобы считать колоссальнымъ абсурдомъ—усвоеніе атомамъ избирательнаго химическаго сродства, даже проявленіе въ нихъ какъ-бы нѣкоторой способности разума, или чувства.* Напротивъ того, такое усвоеніе сдѣлалось, въ современной экспериментальной наукѣ, общимъ мѣстомъ; и не-только принимать его, а, наоборотъ, ратовать противъ него было бы колоссальнымъ абсурдомъ.

Такъ, профессоръ *Баркеръ*, въ лекціи, читанной въ 1869, въ-присутствіи Американскаго Института, подъ названіемъ: «*Соотношеніе между жизненными и физическими силами*» [1]), мало того, что развиваетъ сдѣлавшіяся въ современной естественной наукѣ ходячими понятія о томъ, что всѣ «силы природы соотносительны, превращаемы другъ въ друга и взаимно зависимы»,—что «свѣтъ, теплота, электричество, магнитизмъ и собственно движеніе суть только взаимно-превращающіяся другъ въ друга матеріальныя проявленія», — что «каждая частица матеріи, внутри растительныхъ или животныхъ организмовъ, безусловно подчиняется, наравнѣ со всей мертвой природой, законамъ химическихъ и физическихъ притяженій»,—что «растеніе можетъ быть разсматриваемо, какъ машина, служащая для превращенія солнечнаго свѣта въ потенціальную энергію, а животное—какъ приборъ, возвращающій этой энергіи ея дѣятельность»,—что «съ физическими силами имѣетъ соотношеніе и высшая область нашей дѣятельности, выражающаяся въ разумѣ»,—что «мыслительный актъ нельзя считать независимымъ отъ вещества мозга,»—въ довершеніе всего этого, профессоръ *Баркеръ* указываетъ даже физическій приборъ, которымъ можно измѣрять мозговую дѣятельность съ математическою точностью. Описаніе этого остроумнаго прибора желающіе могутъ прочитать въ рѣчи *Баркера* [2]). «Многочисленныя изслѣдованія этого рода показали,»—увѣряетъ *Баркеръ*,—«что мозгъ можетъ находиться въ бездѣятельномъ состояніи въ-про-

[1]) Помѣщена въ указанномъ выше изданіи *Красовскаго*. [2]) 502.

долженіи цѣлыхъ часовъ, причемъ [1]) стрѣлка прибора, все это время, остается совершенно неподвижной. Но достаточно постучать въ дверь, или сказать одно слово, чтобы мозговое воспріятіе впечатлѣнія заставило тотчасъ-же отклониться стрѣлку на 20 градусовъ. Эти опыты показали, что идеи, способныя вызывать душевныя движенія, сопровождаются большимъ отдѣленіемъ теплоты, при ихъ воспріятіи. Нѣсколько минутъ разсказа о какомъ-нибудь потрясающемъ событіи производятъ большее тепловое дѣйствіе, чѣмъ нѣсколько часовъ глубокаго размышленія. Опыты же доказали, что количество теплоты, развиваемой произнесеніемъ какой-лнбо рѣчи, всегда бываетъ менѣе въ томъ случаѣ, когда произносимая рѣчь сопровождается мимикой лица и вообще мускульными движеніями тѣла. Эти результаты вполнѣ согласуются съ тѣмъ общеизвѣстнымъ фактомъ, что сильное душевное волненіе часто лишаетъ человѣка возможности проявить его какими-либо внѣшними физическими признаками; съ другой стороны, энергія душевнаго потрясенія уменьшается, превращаясь въ мускульную дѣятельность (стоны, рыданія). Изложенные здѣсь факты подтверждаются не-только физическими законами, но и химическими». Въ-заключеніе этихъ соображеній, профессоръ *Баркеръ* не желаетъ сомнѣваться въ томъ, что «мозгъ есть не что иное, какъ машина, назначенная для превращенія потенціальной энергіи веществъ, входящихъ въ нашъ организмъ, въ дѣятельную энергію мысли, и не находитъ никакого *основанія отвергать соотношеніе интеллектуальнаго процесса съ другими естественными силами природы*». Итакъ, повторяемъ, *не утверждать, а отрицать въ атомахъ внутреннюю живую силу, проявляющуюся въ избирательномъ химическомъ сродствѣ, есть абсурдъ*, съ точки зрѣнія современной естественной науки.

ГЛАВА LXIX.

Впрочемъ, не одинъ *Секки* вращается между антиномическими, или даже абсурдными положеніями, въ ученіи объ основѣ веществеинаго бытія, объ атомахъ. Его примѣру слѣдуютъ, въ этомъ отношеніи, почти всѣ современные ученые естествовѣды. Многіе примѣры этого мы

[1]) 503.

уже видѣли; но въ текущей литературѣ встрѣчаются и еще новые. Эти постоянныя, плохо взвѣшиваемыя читателями, въ современныхъ литературныхъ изданіяхъ, разсужденія новѣйшихъ научныхъ авторитетовъ объ атомахъ, какъ основѣ бытія, производятъ впечатлѣніе, противное истинѣ. И потому мы рѣшаемся сдѣлать, къ нашему изслѣдованію, еще и это прибавленіе, чтобъ показать, какъ удивительно шатки сужденія самыхъ новѣйшихъ и самыхъ модныхъ защитниковъ атомизма, чтобы, съ своей стороны, не оставить по возможности ни одного атомистическаго аргумента не взвѣшеннымъ и не оцѣненнымъ. Въ самыхъ новѣйшихъ повременныхъ нашихъ изданіяхъ, въ числѣ защитниковъ атомизма, мы встрѣчаемъ именно опять *Тиндаля*, далѣе, *Вюрца*, *Венденбаума* и *Бернгардта фонъ Котту*.

I) Такъ, знаменитый *Тиндаль*, на свидѣтельства котораго, по вопросу о бытіи, атомовъ, мы уже не однократно ссылались, изумилъ, въ прошломъ, 1874 г., міръ новою своею рѣчью, которою онъ, въ-качествѣ предсѣдателя, открылъ ежегодное собраніе Британскаго общества поощренія наукъ въ Бельфастѣ, говоримъ именно—*изумилъ*—, потому-что помѣстилъ въ своей рѣчи нападки не-только на идеалистическую, или даже вообще на метафизическую философію, но и на христіанство, по крайней мѣрѣ, въ римско-католической его формѣ. Въ своемъ разборѣ мы коснемся, однакожъ, только отношеній *Тиндаля* къ атомизму. На этотъ разъ *Тиндаль* оказался вообще въ восторгѣ отъ атомизма и атомистовъ. «Люди поняли»,—говоритъ онъ [1]), — «что для того, чтобы возсоздать вселенную въ идеѣ, необходимо имѣть понятіе объ ея составныхъ частяхъ, — о томъ, что *Лукрецій* называлъ *первичными началами*. Дѣлая выводы изъ опыта, вожди научныхъ умозрѣній дошли, наконецъ, до богатаго послѣдствіями ученія *объ атомахъ и частицахъ*. *Бэконъ* считалъ *Демокрита* умомъ болѣе солиднымъ, чѣмъ *Платона*, или *Аристотеля* [2]). Атомы *Демокрита* [3]) индивидуально, т. е. каждый атомъ самъ въ себѣ, лишены ощущенія; они соединяются въ-силу *механическихъ* законовъ; тѣмъ не менѣе не-только органическія формы, но и явленія ощущенія и мышленія суть результаты ихъ сцѣпленія»,—т. е. изъ отсутствія ощущенія, изъ механики, изъ отрицанія организаціи и всякихъ психическихъ проявленій, происходятъ именно «органическія формы», даже болѣе того, «происходятъ явленія ощущенія и мышленія»,—изъ ничего происходитъ нѣчто. Подобно *Демокриту*, и самъ *Тиндаль* далеко не прочь производить не-только все разнообразіе вещей изъ разнообразія атомовъ въ формѣ и объемѣ, въ числѣ и аггрегаціи, но и самую душу изъ особаго склада особыхъ атомовъ (по *Демокриту*, именно изъ гладкихъ, круглыхъ и особенно подвижныхъ атомовъ, подобныхъ атомамъ огня). Вмѣстѣ съ *Эпикуромъ и Лукреціемъ*, *Тиндаль* готовъ утверждать, что «механическое столкновеніе атомовъ—вполнѣ достаточная [4]) причина созданія вещей,—

[1]) Вѣстникъ Европы, 1874 г., декабрь.
[2]) 836. [3]) 837. [4]) 839.

что взаимодѣйствіе атомовъ дѣлаетъ возможными всякаго рода комбинаціи,—что атомы останавливаются на пригодныхъ комбинаціяхъ, *не въ-силу разумнаго разсужденія*, такъ-какъ они не обсуждаютъ принятаго ими движенія,—что всѣ тѣла суть частію атомы, а частію комбинаціи атомовъ; начала вещей, атомы не уничтожаются, а на нихъ распадаются, въ концѣ концовъ, всѣ вещи; атомы абсолютно недѣлимы. *Атомистическое ученіе*»,—продолжаетъ *Тиндаль* [1]),—«*въ цѣломъ, или въ частностяхъ*, принималось *Бэкономъ*, *Декартомъ*, *Гоббесомъ*, *Локкомъ*, *Ньютономъ*, *Бойлемъ* и ихъ преемниками, пока *химическій законъ кратныхъ отношеній* не далъ *Дальтону* возможности придать этому ученію совершенно новое значеніе». Выше, на-основаніи новѣйшихъ химическихъ изслѣдованій, мы показали, что *Дальтоновъ* законъ кратныхъ отношеній допускаетъ такое множество исключеній, что едва ли даже можетъ быть признанъ закономъ, что новѣйшіе химики совсѣмъ отказались отъ атомизма, видя его фактическую несостоятельность [2]). Въ этомъ сознается и самъ *Тиндаль*, говоря: «*въ наше время многіе отказались отъ этой теоріи*»; тѣмъ не менѣе здѣсь-же прибавляетъ: «но она все-таки крѣпко держится»,—что и доказываетъ ссылкою на примѣръ *Вильяма Томсона*. «Всего годъ или два тому назадъ, *сэръ Вильямъ Томсонъ*»,—увѣряетъ *Тиндаль*,—«пытался опредѣлить объемъ атомовъ, или, скорѣе, предѣлы, между которыми заключаются ихъ объемы. А не далѣе, какъ въ прошломъ году (1873 г.), рѣчи *Вильяма* и *Максвелля* доказали, какъ крѣпко утвердилась эта теорія въ умахъ ученыхъ». Прекрасно. Рѣчи, произнесенной *В. Томсономъ* въ 1873 г., мы не имѣемъ подъ руками; но выше привели мы рѣчь, произнесенную имъ-же предъ Съѣздомъ Британскихъ естествоиспытателей въ 1871 году, и въ этой рѣчи *В. Томсонъ* выражается буквально такъ: «существованіе *химическаго атома*, который *самъ по себѣ есть уже сложный маленькій міръ*, весьма вѣроятно; химики и другіе естествоиспытатели, въ ученіи *о молекулярномъ строеніи матеріи*, имѣли обыкновеніе обходить вопросы относительно *твердости или недѣлимости атомовъ* тѣмъ, что допускали ихъ безконечно-малыми и безконечно-многочисленными; но *теперь*»—,утверждаетъ *В. Томсонъ*,—«*мы не должны болѣе смотрѣть на атомъ, какъ на мистическій пунктъ, одаренный инерціей и свойствомъ притягивать и отталкивать другіе подобные центры*, съ силою, зависящею отъ разстоянія, и *не можемъ также согласиться съ тѣми, которые приписывали атому способность занимать пространство съ безконечной твердостью и силою (невѣроятною ни въ какомъ конечномъ тѣлѣ); но мы должны представлять его себѣ, какъ часть матеріи измѣримыхъ размѣровъ, которая имѣетъ форму*, движеніе и законы дѣйствій,—предметы доступные для научнаго изслѣдованія» [3]). Такимъ образомъ *В. Томсонъ* безусловно отрицаетъ безусловную недѣлимость атомовъ, допуская *атомы только химическіе*, иначе сказать, только *молекулы*. Отказался ли *В. Томсонъ*, въ 1873 г., отъ своего ученія, такъ категорически высказаннаго имъ въ 1871 г., или *Тиндаль* взводитъ на него небылицу, этого мы повѣрить не можемъ; но посмотримъ, не приведетъ ли насъ самъ *Тиндаль*, къ отрицанію атомовъ и атомизма.

«Въ настоящую минуту»,—продолжаетъ *Тиндаль* [4]),—«ученые стремятся опредѣ-

---

[1]) 846. [2]) Томъ I, стр. 119, 120, 147, 148. [3]) Выше, томъ I, стр. 139. [4]) 846.

лить роль и значеніе *атомовъ, обладающихъ самостоятельнымъ движеніемъ въ жизненныхъ явленіяхъ*». Такъ, *Тиндалю* угодно утверждать, *будто «атомы обладаютъ самостоятельнымъ движеніемъ въ жизненныхъ явленіяхъ»*. Но одинъ изъ двухъ ученыхъ авторитетовъ, на которыхъ *Тиндаль* только-что сослался, *Сэръ В. Томсонъ*, какъ мы видѣли, утверждаетъ противное, отрицая въ атомахъ какую бы то ни было самостоятельную силу и выражаясь, *что «мы не должны болѣе смотрѣть на атомъ, какъ на мистическій пунктъ, одаренный инерціей и свойствомъ притягивать и отталкивать, и не можемъ согласиться съ тѣми, которые приписывали атому* способность занимать пространство съ безконечною твердостью *и силою (невѣроятною ни въ какомъ конечномъ тѣлѣ)»*. Самъ *Тиндаль*, въ тойже рѣчи, повидимому, лишаетъ свои, обладающіе самостоятельнымъ движеніемъ, атомы, достоинства быть сѣдалищемъ, *субстратомъ* силы, повторяя сто разъ отвергнутую самими естествоиспытателями ошибку *отдѣленія матеріи отъ силы*. По крайней мѣрѣ, въ тойже самой рѣчи, *Тиндаль* выражается [1]) такимъ образомъ: «задолго до всякаго опредѣленнаго опыта, признаны были за фактъ *постоянство и вѣчность матеріи*, и всѣ послѣдующіе опыты подтвердили это положеніе. Позднѣйшія же изслѣдованія распространили свойство *вѣчности и на силу»*. Конечно, знаменитый британскій ученый не хочетъ знать сѣтованія русскихъ химиковъ, въ-родѣ слѣдующаго: *«химикъ видитъ на каждомъ шагу, что не всѣ возможныя химическія превращенія совершаются по закону вѣчности силъ и матеріи; во всѣхъ случаяхъ* химическаго соединенія, составныя части (наприм., въ водѣ) *никогда* не входятъ со всѣми своими свойствами; напротивъ того, составная часть теряетъ часть своего существованія, перестаетъ быть тѣмъ, чѣмъ была» [2]). Но послѣдующія выраженія тойже рѣчи *Тиндаля* показываютъ, что именно атомы матеріи онъ признаетъ буквально за substratum силы, и именно всякой силы, нетолько механической или химической, но и органической, и даже психической. «Полярность магнетизма и электричества доступна чувствамъ»,—говоритъ онъ [3]);—«такимъ образомъ явилось substratum представленія, что атомы и *частицы (молекулы)* снабжены опредѣленными, положительными и отрицательными, полюсами, дѣйствіемъ которыхъ произошли опредѣленныя формы кристаллическаго строенія. Такимъ образомъ, *молекулярная* (строющая молекулы изъ атомовъ) *сила становится строительной*. Далѣе не требовалось большой смѣлости мысли, чтобы распространить дѣйствія этой силы и на органическую природу и признать въ *молекулярной силѣ тотъ фосфоръ*, посредствомъ котораго построены какъ растенія, такъ и животныя». Такимъ образомъ, у *Тиндаля, изъ абсолютно недѣлимыхъ, безчувственныхъ и неразумныхъ атомовъ, обладающихъ только механическимъ движеніемъ, источникъ котораго также неизвѣстенъ, скрываясь въ абстракціи какой-то силы, отличной отъ матеріи, — изъ такихъ-то атомовъ проистекаютъ всѣ міровыя силы, оканчивая и органическими, и даже разумными, имѣющими свое сѣдалище въ мозговомъ фосфорѣ*.

По какой же логикѣ можно утверждать это, когда сущее здѣсь, очевидно, вытекаетъ изъ небытія? Или опытъ утверждаетъ это вопреки всякой логикѣ ума? Или *Тиндаль* высказываетъ здѣсь уже нѣчто странное, похожее не столько на анти-

---

[1]) 854. [3]) Выше, томъ I, стр. 121. [2]) 858.

момію ума, сколько на логомахію, на самоуничтожающееся противорѣчіе? Оказывается именно послѣднее. «Такимъ образомъ»,—продолжаетъ онъ, — «*путемъ опыта* возникаютъ представленія, которыхъ нельзя ловѣрить *на опытѣ*»,—т. е положеніе, что абсолютно недѣлимые атомы, обладающіе только механическимъ движеніемъ, представляютъ въ себѣ источникъ всякой силы, оканчивая органическими и психическими, будучи противно логикѣ, не можетъ быть повѣрено и опытомъ, тѣмъ не менѣе, однакожъ, оно истинно? «Здѣсь (въ объясненіи происхожденія организаціи изъ атомовъ)»,—разсуждаетъ *Тиндаль* [1]),—«намъ нужны ясность и послѣдовательность. Здѣсь возможны два пути, и *только два*». Какіе же это два пути?—«Или *допустимъ смѣло представленіе о творческой силѣ*» (которой *Тиндалю* никакъ не хочется допустить, въ-замѣнъ его творящихъ атомовъ), или, *устранивъ его, радикально измѣнимъ наши понятія о матеріи*. Какъ же это нужно понимать матерію? Если мы будемъ смотрѣть на матерію такъ, какъ на нее смотрѣлъ *Демокритъ*» (т. е. какъ на состоящую изъ абсолютно недѣлимыхъ атомовъ, обладающихъ механическимъ движеніемъ и различными формами и объемами, а больше ни чѣмъ), — «*то откроется абсолютная невозможность того, чтобы какая-нибудь форма жизни произошла изъ нея*». А самъ же *Тиндаль* выше производилъ изъ атомовъ всякую силу, не-только молекулярную и химически строительную, но и растительную, и животную. «*Опредѣленія матеріи, даваемыя нашими учебниками*»,—продолжаетъ *Тиндаль*,—*имѣютъ въ-виду объяснить исключительно ея физическія и механическія свойства. И, привыкнувъ считать эти опредѣленія законченными, мы естественно и справедливо отбрасываемъ чудовищную мысль, чтобъ изъ такой матеріи могла произойти какая-нибудь форма жизни*. Но развѣ это опредѣленія законченныя?» спрашиваетъ *Тиндаль* и отвѣчаетъ: «все зависитъ отъ отвѣта, который мы дадимъ на этотъ вопросъ. Прослѣдимъ цѣпь жизни въ обратномъ порядкѣ и посмотримъ, какъ она все *болѣе и болѣе приближается* къ тому, что мы называемъ *чисто физическимъ состояніемъ*. Мы достигаемъ организмовъ, называемыхъ у *Геккеля* protogenes, въ которыхъ мы имѣемъ типъ, отличающійся отъ кусочка бѣлковины только своимъ красивымъ зернистымъ сложеніемъ. Можемъ ли мы и на этомъ остановиться?—Мы переламываемъ магнитъ,—и находимъ два полюса въ каждомъ изъ обломковъ. А когда уже нельзя больше ломать магнитъ, то мы переносимъ умственное представленіе полярности *на частицы магнита. Не слѣдуетъ ли намъ* предпринять нѣчто *подобное и относительно жизни*? Не является ли при этомъ охота повторить слова *Лукреція*: *природа творитъ все произвольно, изъ самой* себя, или слова *Бруно*: *матерія* не есть та чисто пустая carasity, какъ ее изображали философы, но *всеобщая мать, которая производитъ всѣ вещи изъ своей собственной утробы*? Я усматриваю въ матеріи»,—высказываетъ *Тиндаль* окончательное свое убѣжденіе [2]), — «обѣтъ и залогъ всякой формы и качества жизни». Прекрасно. Но откуда-же возникаетъ всякая форма и всякое качество жизни? Ужели изъ той матеріи, которую составляютъ абсолютно недѣлимые атомы, обладающіе только механическимъ движеніемъ и разными формами и объемами? Но *Тиндаль* уже «*отбросилъ чудовищную мысль, чтобъ изъ такой матеріи*

---

[1]) 859. [2]) 860.

могла произойти какая-нибудь форма жизни»,—уже призналь «абсолютную невозможность того, чтобы какая-нибудь форма жизни могла произойти изъ матеріи, если мы будемъ смотрѣть на нее такъ, какъ смотрѣлъ на нее *Демокритъ* и какъ ее опредѣляютъ цѣлыя поколѣнія нашихъ учебниковъ, которые имѣютъ въ-виду объяснить исключительно ея механическія и физическія свойства». Итакъ, жизнь происходитъ не изъ той матеріи, которую мы находимъ въ опредѣленіяхъ нашихъ учебниковъ? — Да. Матерія есть нѣчто отличное отъ механическаго сцѣпленія атомовъ, обладающихъ только разными формами и объемами?—Да.—И изъ этихъ данныхъ нельзя произвести всякую форму космической жизни?—Это было бы чудовищно,—отвѣчаетъ самъ *Тиндаль*.

«На дѣлѣ весь процессъ развитія», — продолжаетъ онъ [1]), — «*есть проявленіе силы*». Какой же именно силы?—«*Проявленіе силы, недоступной изслѣдованію человѣческаго разума*».—Вотъ это дѣло другаго рода. «Въ наши дни»,—продолжаетъ *Тиндаль*, — «также какъ и въ дни Іова, *человѣку невозможно открыть, что это за сила*» (но очевидно, что это не механическое сцѣпленіе безчувственныхъ атомовъ). «Если мы будемъ разсматривать сущность вещей, то должны признать, что жизнь возникаетъ, виды дифференцируются, а умъ развивается изъ предыдущихъ элементовъ, накопленныхъ въ-теченіи неизмѣримаго ряда вѣковъ, *дѣйствіемъ неразгаданной таинственной силы*. Значеніе ученія о постепенномъ развитіи заключается *не въ экспериментальныхъ доказательствахъ (этотъ предметъ едва ли доступенъ такому способу доказательства)*, но въ его общей гармоніи съ методомъ природы. Мы имѣемъ представленіе, что все, что мы видимъ вокругъ себя и ощущаемъ внутри себя,—всѣ явленія какъ физической природы, такъ и человѣческаго духа,—все имѣетъ свои *скрытые отъ изслѣдованія* корни въ космической жизни. Мы можемъ прослѣдить развитіе нервной системы и связать съ нею параллельныя явленія ощущенія и мысли. *Но мы* блуждаемъ въ пустотѣ, *когда стремимся понять связь между ними. Здѣсь нужна Архимедова точка опоры, которой умъ человѣческій не въ-состояніи найти.* И желаніе разрѣшить эту задачу напоминаетъ усилія человѣка, *который пытался бы поднять самаго себя за собственный поясъ*. Когда говорится о зачаточныхъ чувствахъ, о дифференцированіи ткани, вначалѣ чувствительной сплошь, и когда эти процессы связываются съ измѣненіемъ организма подъ вліяніемъ среды, — то при этомъ проводится такая же точно параллель, *безъ соприкосновенія или даже безъ попытки къ соприкосновенію. Между этими двумя классами фактовъ не можетъ быть никакого сліянія; въ умъ человѣческомъ не имѣется достаточно силы, чтобы совершить это безъ логическаго перерыва между ними*».

Итакъ, вотъ изъ какихъ положеній соткана знаменитая послѣдняя рѣчь *Тиндаля* [2]). 1) Съ самыхъ отдаленныхъ историческихъ временъ люди исключительнаго ума стремятся связать явленія природы съ ихъ непосредственными физическими началами. Такъ-какъ наука

---

[1]) 860. [2]) Не ее ли, въ самое послѣднее время, проклиналъ папа Пій IX, какъ писали въ газетахъ?—Это очень вѣроятно, потому-что въ этой рѣчи *Тиндаль* довольно рѣзко нападаетъ на римско-католическую систему.

требуетъ, чтобы все опиралось на законахъ природы,—то, съ расширеніемъ научныхъ понятій, возрасла рѣшимость удалить, съ теоретической арены, толпу боговъ и демоновъ и поставить явленія природы на соотвѣтствующее имъ *основаніе*. 2) Дѣлая выводы изъ опыта, вожди научныхъ умозрѣній дошли до ученія объ атомахъ и частицахъ. Солиднѣйшіе умы древности учили, что разнообразіе всѣхъ вещей зависитъ отъ разнообразія ихъ атомовъ въ числѣ, объемѣ и аггрегаціи; абсолютно недѣлимые, вѣчные, безчувственные атомы соединяются, по мнѣнію древнихъ, въ-силу механическихъ законовъ, и не-только органическія формы, но и явленія ощущенія и мышленія, суть также результаты ихъ сцѣпленія.—3) Атомистическое ученіе, въ цѣломъ или въ частностяхъ своихъ, принималось *Бэкономъ*, *Декартомъ*, *Гоббесомъ*, *Локкомъ*, *Ньютономъ*, *Бойлемъ* и ихъ преемниками; химическій законъ кратныхъ отношеній *Дальтона* придалъ этому ученію совершенно новое значеніе; атомы обладаютъ самостоятельнымъ движеніемъ въ жизненныхъ явленіяхъ. 4) Признана была за фактъ — *вѣчность матеріи*, и всѣ послѣдующіе опыты подтвердили это положеніе; позднѣйшія изслѣдованія распространили свойство вѣчности и на силу.—5) Атомы и молекулы снабжены опредѣленными, положительными и отрицательными полюсами, дѣйствіемъ которыхъ произошли опредѣленныя формы кристаллическаго строенія; молекулярная сила становится строительною, а далѣе не-только органическою, но и психическою.—6) Какъ же появилась органическая жизнь? Какъ появилась первобытная органическая форма? Здѣсь возможны два пути, и *только* два: *нужно или допустить смѣло представленіе о творческой силѣ, или, устранивъ его, радикально измѣнить наши понятія о матеріи. Тиндаль*, конечно, отваживается устранить представленіе *о творческой силѣ* и измѣнить понятіе о матеріи. 7) Абсолютно невозможно, чтобы какая-нибудь форма жизни произошла изъ матеріи, если мы будемъ смотрѣть на матерію, какъ смотрѣлъ на нее *Демокритъ* (т. е. какъ на совокупность абсолютно недѣлимыхъ, безчувственныхъ атомовъ, отличающихся только объемами и формами и обладающихъ механическимъ движеніемъ, которое, въ свою очередь, проистекаетъ изъ абстракціи силы,—(по *Демокриту, изъ нужды и случая*) и какъ ее опредѣляютъ цѣлыя поколѣнія нашихъ учебниковъ, которые имѣютъ въ-виду объяснить исключительно ея физическія и механическія свойства; естественно и справедливо отбрасывать чудовищную мысль, что изъ такой матеріи

могла произойти какая-нибудь форма жизни. 8) Природа творитъ все произвольно, изъ самой себя. Матерія—всеобщая мать, которая производитъ всѣ вещи изъ своей собственной утробы. Матерія—обѣтъ и залогъ всякой формы и качества жизни. 9) На-дѣлѣ весь процессъ развитія есть проявленіе *силы, безусловно недоступной изслѣдованію человѣческаго разума. Человѣку невозможно открыть, что это за сила.* Жизнь возникаетъ дѣйствіемъ *неразгаданной таинственной силы.* 10) Мы блуждаемъ въ пустынѣ, когда стремимся понять связь между нервною системою и психическими явленіями, между матеріею и духомъ. Здѣсь нужна Архимедова точка опоры, которой умъ человѣческій не въ-состояніи найти. Желаніе разрѣшить эту задачу напоминаетъ усилія человѣка, который бы пытался поднять самого себя за собственный поясъ. Параллель между тѣлесными и психическими явленіями проводится безъ соприкосновенія, или даже безъ попытки къ соприкосновенію. Между этими двумя классами фактовъ не можетъ быть никакого сліянія; *въ умѣ человѣческомъ не имѣется достаточно силы, чтобы совершить это безъ логическаго перерыва между ними!*

Не правду ли мы сказали, что *Тиндаль*, начавъ говорить объ атомахъ, какъ основѣ бытія, кончилъ тѣмъ, что очутился въ безъисходномъ кругѣ антиномическихъ положеній,—кончилъ увѣреніемъ, что изъ атомовъ произвести жизнь ни подъ какимъ видомъ невозможно,—что она происходитъ изъ силы, непостижимой для человѣческаго ума?!

II) Въ самое недавнее, время съ *«теоріею атомовъ въ общемъ представленіи міра»* выступилъ *профессоръ Вюрцъ*. Русскіе естествоиспытатели даютъ такое важное значеніе его статьѣ по этому предмету, что она, напечатанная первоначально въ 1874 г., въ журналѣ *Знаніе* [1]), перепечатана безъ перемѣны, въ томъ же году, и въ другомъ изданіи, въ сборникѣ *Природа* [2]). Между-тѣмъ особенно эту статью мы признаемъ крайне слабою, по логическому ея построенію и, вообще, по научному значенію. Вотъ ея сущность. «Атомистическая теорія»,—пишетъ *Вюрцъ* (стр. 34),—«измѣнявшаяся со временъ грековъ, получила, въ началѣ нынѣшняго вѣка, новую форму. *Дальтонъ* нашелъ, что когда два тѣла соединяются между собою въ нѣсколькихъ пропорціяхъ и количество одного остается постояннымъ, то количества другаго мѣняются въ весьма простыхъ отношеніяхъ». *Вюрцъ* не хочетъ знать, что *Дальтоновъ* законъ, по новѣйшимъ изысканіямъ, допускаетъ такъ много исключеній, что даже не можетъ назваться закономъ. «Открытіе этого факта (*Дальтонова* закона)»,—продолжаетъ *Вюрцъ*,—«послужило точ-

[1]) Журналъ Знаніе за 1874 г., Сентябрь. [2]) Книга 4.

кою отправленія атомистической теоріи. Сущность *этой теоріи заключается* с *слѣдующемъ*: *то, что наполняетъ пространство, т. е. матерія, не дѣлитс до безконечности, а состоитъ изъ безчисленнаго множества невидимыхъ, неося заемыхъ частицъ, имѣющихъ, тѣмъ не менѣе, дѣйствительное протяженіе опредѣленный вѣсъ.* Эти частицы называются *атомами.* Въ своихъ безконечно малыхъ протяженіяхъ»,—продолжаетъ *Вюрцъ*,—«атомы представляютъ *точки при ложенія для физическихъ и химическихъ силъ. Атомы* не всѣ *похожи друг на друга*, и различіе матеріи находится въ-зависимости отъ различій, прису щихъ природѣ атомовъ». Чѣмъ же, спрашивается, атомы непохожи другъ на дру га? «Совершенно тождественные у одного и тогоже простаго тѣла, они разли чаются, въ каждомъ отдѣльномъ элементѣ, своимъ относительнымъ вѣсомъ и быть можетъ, формой». Въ этихъ послѣднихъ словахъ *Вюрца* мы получаем два утвержденія, что 1) у «одного и тогоже простаго элемента тѣла ато мы совершенно тождественны, а различны только у различныхъ элементовъ и 2) въ послѣднемъ случаѣ, атомы одного элетентарнаго тѣла различают ся отъ атомовъ другаго тѣла своимъ относительнымъ вѣсомъ и, быть мо жетъ, формой». Профессора *Вюрца* мало безпокоитъ забота о томъ, что эт два положенія его, предъ судомъ новѣйшей химіи, не выдерживаютъ критик Такъ, новѣйшая химія говоритъ: «эмпирическія наблюденія [1]) показываютъ, чт хотя вещество простыхъ тѣлъ и одинаково, но атомы могутъ быть и неодинаковы какъ, напримѣръ, въ озонѣ, въ которомъ только одинъ изъ трехъ атомовъ кис лорода дѣйствуетъ окислительно, и въ азотной кислотѣ три атома кислород едвали одинаковы между собою, и два атома въ частицѣ водорода едва ли об ладаютъ одинаковыми свойствами». Значитъ, по признанію нынѣшней химіи, атомы даже въ одномъ и томъже элементарномъ тѣлѣ, не всегда бываютъ одинаковы А съ другой стороны, таже химія провозглашаетъ [2]), что, «быть можетъ, про стыя тѣла суть только изомерныя видоизмѣненія другъ друга, — что, вѣроятно всѣ элементы, при всемъ своемъ матеріальномъ различіи, образованы одною ма теріею, различнымъ образомъ сгущенною, или сгруппированною въ постоянныя не разрушающіяся въ нашихъ условіяхъ группы, которая мы называемъ атомами простыхъ тѣлъ,—что вообще *заключеніе о коренной разнородности и неизмѣн ности простыхъ тѣлъ нѣтъ возможности чѣмъ-либо подтвердить*». Профес соръ *Вюрцъ*, стоящій на высшей вершинѣ современной естественной науки, не тревожится такими выводами современной науки, отрицающими его голословны утвержденія. Таковъ онъ и въ дальнѣйшихъ своихъ утвержденіяхъ. «Сродство приводитъ атомы въ движеніе»,—продолжаетъ онъ,—«вслѣдствіе чего одни атомы увлекаются къ другимъ. *Это сближеніе происходитъ всегда одинаковымъ образомъ* между опредѣленнымъ количествомъ атомовъ [3]), наростающихъ одинъ на одинъ, или одинъ на два, или одинъ на три, или два на три,—другими словами въ весьма простыхъ, постоянныхъ отношеніяхъ для даннаго соединенія. Такимъ образомъ, самый знаменательный фактъ химіи, *неизмѣнность пропорцій* [4]), въ которыхъ тѣла соединяются между собою, является какъ-бы слѣдствіемъ той основной гипотезы, что химическія соединенія происходятъ отъ сближенія *ато*-

---

[1]) См. выше, т. I, стр. 119. [2]) См. выше, т. I, стр. 121—122. [3]) Стр. 34. [4]) 35.

мовъ, имѣющихъ постоянный вѣсъ». Такъ увѣряетъ *Вюрцъ*, опять не справляясь съ выводами новѣйшей химіи, которые мы выше видѣли, именно, что вообще «установлять [1]) эту, такъ-называемую, атомность элемента, т. е. опредѣлять количество сродствъ, которыми онъ обладаетъ и тѣмъ предугадывать его опредѣленныя аналогіи, *не-только невозможно, но, вѣроятно, и совершенно ошибочно*, — что кромѣ опредѣленныхъ химическихъ соединеній, существуетъ рядъ другихъ химическихъ явленій, именно *соединеніе тѣлъ въ неопредѣленныхъ отношеніяхъ*,— что если въ одномъ ряду химическихъ соединеній (по закону *Дальтона*) нельзя прибавлять одной изъ составныхъ частей въ любомъ количествѣ, то въ другомъ ряду можно (вопреки закону *Дальтона*) понемногу, по произволу,—вслѣдствіе чего дѣленію тѣлъ по атомности не придаютъ большаго значенія». Вслѣдъ за *Берцеліусомъ*, *Вюрцу* хотѣлось бы, чтобъ «атомы [2]) были магнитами, имѣющими два полюса, на которыхъ двѣ электрическія жидкости, одна положительная, другая отрицательная, располагались бы опредѣленнымъ и постояннымъ образомъ». Но и здѣсь новѣйшая химія утверждаетъ, что «наблюденія [3]) заставляютъ отрицать и неизмѣнную полярность элементовъ точно также, какъ и постоянную атомность. Отсюда»,—продолжаетъ *Вюрцъ* [4]),—«атомистическая теорія, удовлетворительная для объясненія явленій химическихъ, должна также примѣняться и къ теоріямъ физическимъ».—Да, возражаемъ мы на это, атомистическая теорія дѣйствительно покажется удовлетворительною для объясненія всѣхъ явленій химическихъ, если только не обращать вниманія на безчисленное количество фактовъ, которые выставлены самою-же химіею, какъ необъяснимыя съ точки зрѣнія атомистической.

Любопытно, однакожъ, какъ это *Вюрцъ* объяснитъ своими атомами, совершенно тождественными въ одномъ простомъ тѣлѣ и различными въ разныхъ элементахъ только вѣсомъ и, быть можетъ, формой, всѣ явленія физическія, не исключая и органическихъ, тѣсно связанныхъ съ тѣми и другими, физическими и химическими явленіями. «*Въ движеніяхъ атомовъ и молекулъ*»,—объясняетъ *Вюрцъ*,— «отыскиваютъ, въ настоящее время, не-только *источникъ силъ химическихъ*, но и *причину физическихъ видоизмѣненій матеріи, всевозможныхъ перемѣнъ въ ея состояніи и, наконецъ, причину явленій свѣта, теплоты и электричества.* Теплота [5]) усиливаетъ напряженность колебательныхъ движеній атомовъ». Что же, спрашивается, причина чего: теплота ли причина движеній атомовъ, или эти движенія составляютъ причину теплоты? Физики допускаютъ», — объясняетъ *Вюрцъ*,—«что теплота есть родъ движенія и что она становится ощутительною для нашихъ органовъ, *вслѣдствіе колебаній атомистической матеріи, или эѳира*». Выходитъ, по объясненію *Вюрца*, что колебанія *атомистической матеріи или эѳира* служатъ причиною теплоты. Но что такое эѳиръ? «Эѳиръ, или атомистическая матерія»,—отвѣчаетъ *Вюрцъ*,—«представляетъ матеріальную жидкость, *совершенно упругую, но не сжимаемую*, невѣсомую и наполняющую все безконечное пространство міра и всѣ тѣла. Прекрасно; если эѳиръ есть матерія атомистическая, т. е. состоящая изъ атомовъ, есть матеріальная жидкость, то какимъ-же образомъ эта жидкость могла оказаться совершенно упругою, когда она состоитъ изъ абсолютно недѣлимыхъ, и, слѣдовательно, абсолютно неупругимъ атомовъ?

[1]) См. выше, томъ I, стр. 119—120. [2]) 35. [3]) См. выше, стр. 120; [4]) 43. [5]) 44.

Если же эта жидкость абсолютно упруга, — то отъ чего-же она несжимаема? Аббатъ *Секки* сказалъ бы, что въ нашихъ электрическихъ снарядахъ эѳиръ оказывается, напротивъ того, жидкостью сжимаемою. Если эѳиръ есть жидкость, состоящая изъ атомовъ, а атомамъ атомистическая теорія можетъ приписать только одно, безспорно принадлежащее имъ свойство, именно вѣсъ,—то отъ чего-же эѳиръ есть жидкость невѣсомая? Напрасно мы стали бы искать у *Вюрца* отвѣта на эти вопросы, равно-какъ и на вопросъ, откуда ему, г. профессору *Вюрцу*, извѣстно, что эѳиръ есть жидкость, наполняющая все *безконечное* пространство міра? «Въ этой-то жидкости»,—продолжаетъ *Вюрцъ*,—«звѣзды пробѣгаютъ по своимъ орбитамъ» (допустимъ, что *Вюрцу* это хорошо извѣстно, между-тѣмъ-какъ это — только научная гипотеза, которую усиливаются, но не могутъ, фактически подтвердить); «въ ней-же и атомы совершаютъ свои движенія и описываютъ свои траэктоpіи» (допустимъ, что и это *Вюрцу* также хорошо извѣстно, хотя и это—также только гипотеза, подобная предыдущей). «Отсюда» (откуда же это? Отъ звѣздъ, или отъ атомовъ, или-же отъ эѳира? Знаменитый профессоръ, повидимому, не заботится не-только о логикѣ, но и о грамматикѣ) «эѳиръ, вѣстникъ теплоты и свѣта, уноситъ испускаемые *атомами* лучи и передаетъ *атомамъ* другихъ тѣлъ, уменьшая напряженность колебательныхъ движеній у однихъ атомовъ и усиливая у другихъ. Такимъ образомъ, по *Вюрцу*, происходитъ обмѣнъ силъ, переходящихъ *отъ эѳира къ атомамъ и отъ атомовъ къ эѳиру*». Что же такое опять этотъ эѳиръ? Атомная ли онъ (т. е. состоящая изъ атомовъ) жидкость, или не атомная? Здѣсь у *Вюрца* начинается таже сбивчивость понятій объ отношеніи эѳира къ вѣсомой матеріи, которую мы нашли у самыхъ модныхъ представителей современной науки [1]). По крайней мѣрѣ, *Вюрцъ* и дальше выражается такимъ образомъ: «всѣ силы эквивалентны между собою, переходятъ ли онѣ *отъ атомовъ къ эѳиру, или отъ эѳира къ атомамъ*». Значитъ, атомы не то, что эѳиръ, и эѳиръ не то, что атомы; иначе сказать, эѳиръ состоитъ не изъ атомовъ? Казалось бы, что такъ. Но дальше у *Вюрца* мы читаемъ: «физическія и химическія силы, дѣйствующія на *вѣсомыя тѣла*, прилагаются къ *непрерывной*, такъ сказать, *разсѣянной матеріи*. И не естественно ли предполагать, что *это—ограниченныя и опредѣленныя частицы*, представляющія точки приложенія всѣхъ этихъ силъ?» Выраженіе туманное. Тѣмъ не менѣе, изъ него ясно видно, что *Вюрцъ* противополагаетъ *вѣсомымъ тѣламъ*, состоящимъ изъ *вѣсомой матеріи*, другую матерію, *непрерывную и разсѣянную*, и силы физико-химическія онъ относитъ, или прилагаетъ собственно къ этой послѣдней матеріи, *непрерывной и разсѣянной*. А изъ этого вытекаетъ, что если вѣсомая матерія состоитъ изъ атомовъ, то, наоборотъ, матерія невѣсомая, *непрерывная и разсѣянная*, изъ атомовъ не состоитъ? Казалось бы, такъ слѣдуетъ заключать изъ собственныхъ словъ *Вюрца*, еслибы только самъ-же онъ не прибавилъ опять: «и не естественно ли предполагать, что это» (т. е. эта непрерывная разсѣянная матерія, къ которой собственно прилагаются физико-химическія силы),— «это—*ограниченныя и опредѣленныя частицы*, представляющія точки приложенія *всѣхъ силъ*»? Значитъ, и невѣсомая, непрерывная, разсѣянная матерія состоитъ также изъ *ограниченныхъ опредѣленнымъ частицъ*, иначе сказать,—изъ атомовъ,

[1]) См. выше, т. I, стр. 389—407.

очно также, какъ и вѣсомая матерія? А разница между ними только та, что томы вѣсомой матеріи не представляютъ, атомы же невѣсомой матеріи предтавляютъ точки приложенія всѣхъ этихъ, т. е. физическихъ силъ? Очевидно, что акъ.—Но нѣтъ. Здѣсь-же сряду читаемъ у *Вюрца* [1]): «и этотъ взглядъ» (т. е. что илы прилагаются къ атомамъ, представляющимъ точки приложенія силъ), — «и тотъ взглядъ долженъ распространяться на два рода матеріи» (значитъ, не на дну только невѣсомую), «образующіе вселенную,—именно на *эѳиръ и атомную* матерію». Значитъ, наше прежнее заключеніе изъ словъ *Вюрца* вдвойнѣ невѣрно: выходитъ, по *Вюрцу*, снова, что мало того, что силы прилагаются къ атомамъ не-только невѣсомой, но и вѣсомой матеріи, но и эѳиръ снова противополагается атомной матеріи; значитъ, эѳиръ не состоитъ изъ атомовъ? Не такъ ли?—Да. «Первый, т. е. эѳиръ», — отвѣчаетъ *Вюрцъ*, — «безконечно разжиженный» (въ-родѣ тончайшаго газа? Значитъ состоитъ изъ атомовъ, какъ и газъ?) *«но однородный»* (то ли это значитъ, что «непрерывный», цѣльный, несостоящій изъ частей, изъ атомовъ?), «наполняющій все пространство, и потому необъятный въ своей массѣ» (эѳиръ имѣетъ массу,—значитъ, состоитъ изъ атомовъ?), «хотя и неуловимый» (*а Тиндаль* и *Секки* сказали бы, что онъ и уловимъ, потому-что производитъ механическія дѣйствія, какъ и вѣсомая масса, и можетъ быть скопленъ, какъ, напримѣръ, въ электрическихъ баттареяхъ) «и невѣсомый» (значитъ, не состоитъ изъ атомовъ, которымъ приписанъ выше вѣсъ, какъ неотъемлемое свойство?); «вторая же» (вѣсомая матерія)—«конечная» (значитъ, эѳиръ безконеченъ? Иначе сказать, абсолютенъ?), «разнородная» (новѣйшая химія приходитъ къ заключенію, что вся матерія однородна; да и *Вюрцъ* ниже говоритъ тоже, что *матерія однородна*), «занимающая въ пространствѣ *только весьма ограниченное протяженіе*» (видно, профессоръ *Вюрцъ* твердо знаетъ никому неизвѣстныя вещи, именно, что эѳиръ безконеченъ, а вѣсомая матерія не-только конечна, но и весьма даже ограниченна, тогда-какъ *Фридрихъ Моръ*, *Бернгардъ Котта*, *Бюхнеръ* и др. утверждаютъ, что вообще матерія, вообще вселенная безконечна, какъ по времени, такъ и по пространству!), «хотя она и образуетъ всѣ міры». Итакъ, по *Вюрцу*, оказываются двѣ матеріи, одна безконечная, цѣльная, неатомная, а другая конечная, разнородная, атомная? Но здѣсь-же сряду [2]) *Вюрцъ* допускаетъ предположеніе астрономовъ, что «элементы, изъ которыхъ состоятъ самыя горячія звѣзды, образуютъ, быть можетъ, результатъ разложенія другихъ тѣлъ и составляютъ, всѣ вмѣстѣ, продуктъ *сгущенія весьма легкихъ атомовъ неизвѣстной первобытной матеріи, которая, быть можетъ, есть эѳиръ*». Такимъ образомъ, здѣсь у *Вюрца* мы получаемъ ясную идею, на которой настаиваетъ патеръ *Секки*,—идею, что эѳиръ состоитъ изъ атомовъ, какъ и невѣсомая матерія, и что какъ невѣсомая матерія можетъ переходить въ вѣсомую, такъ и, обратно, вѣсомая переходитъ въ невѣсомую, — однимъ словомъ, идею объ однородности матеріи и эѳира. Такъ ли это? «Такимъ образомъ», — отвѣчаетъ *Вюрцъ*, — «на-основаніи соображеній о составѣ вселенной снова поставленъ вопросъ *о единствѣ матеріи*. Но *этотъ вопросъ не разрѣшенъ и нѣтъ никакого вѣроятія, чтобы онъ разрѣшился когда-либо въ томъ смыслѣ, который только-что указанъ*» (т. е. въ смы-

[1]) 47. [2]) 50.

слѣ единства матеріи, въ смыслѣ перехода вѣсомой матеріи въ эѳиръ и обратно). «Напротивъ того», — утверждаетъ *Вюрцъ*,—«*все заставляетъ предполагать, что матерія разнородна и что природа атомовъ не можетъ быть разрушена, или возстановлена*». Итакъ, рѣшено, что мы имѣемъ во вселенной двѣ разнородныхъ матеріи: эѳиръ и вѣсомую матерію? По крайней мѣрѣ, все заставляетъ такъ предполагать?. Да—Но здѣсь-же *Вюрцъ* заключаетъ свою статью такимъ образомъ [1]): «что касается матеріи, она *всюду та-же самая*. Вездѣ она движется, вездѣ колеблется. *И эти движенія, которыя представляются намъ нераздѣльными съ атомами, составляютъ источникъ всякой физической и химической силы*». А выше сказано, что всѣ физико-химическія силы прилагаются именно къ непрерывной разсѣянной матеріи, т. е. къ эѳиру, и опредѣленныя ограниченныя частицы именно эѳира представляютъ точки приложенія всѣхъ этихъ силъ. Такъ сколько-же матерій мы имѣемъ: одну или двѣ разнородныхъ матеріи? И эѳиръ состоитъ ли, наконецъ, изъ атомовъ, или нѣтъ? Эѳиръ представляетъ ли въ себѣ даже матерію, такъ-какъ, по словамъ *Вюрца*, «накопленіе атомовъ представляетъ матерію»? На всѣ эти вопросы у *Вюрца* мы читаемъ разнорѣчивые, до противорѣчія отвѣты.

Спрашивается, далѣе, какія силы проистекаютъ собственно изъ матеріи? Какого рода явленія могутъ быть объяснены собственно движеніемъ атомовъ? «Атомистическая теорія»,—отвѣчаетъ *Вюрцъ* [2]),—«удовлетворительная для объясненія явленій *химическихъ*, должна также примѣняться и къ теоріямъ *физическимъ*. *Въ движеніяхъ атомовъ и молекулъ* отыскиваютъ не-только *источникъ силъ химическихъ, но и причину физическихъ видоизмѣненій матеріи, возможныхъ перемѣнъ въ ея состояніи* и, наконецъ, *причину явленій свѣта, теплоты и электричества*. Но обмѣнъ силъ, переходящихъ отъ эѳира къ атомамъ и отъ атомовъ къ эѳиру, долженъ ли всегда обнаруживаться *въ явленіяхъ теплоты и свѣта?* Колебательная сила, которая передается эѳиромъ, не можетъ ли проявляться *въ другихъ формахъ?* Она можетъ сохраняться въ-видѣ *химическаго сродства*, расходоваться въ-видѣ электричества и превращаться въ *движеніе*. Она же находится и въ безчисленныхъ соединеніяхъ, выработываемыхъ [3]) *растительнымъ царствомъ*. Похищенные у солнца лучи свѣта становятся *сродствомъ въ непосредственныхъ органическихъ началахъ, образующихся въ растительныхъ клѣточкахъ*. Тотъ родъ движенія эѳира, который былъ свѣтомъ, переходитъ въ другой родъ [4]) движенія, который есть *сродство и который теперь уже колеблетъ атомы органическаго соединенія. Все это—эквивалентныя между собою силы,—переходятъ ли онѣ отъ атомовъ къ эѳиру, или отъ эѳира къ атомамъ*». Такимъ образомъ оказывается, по *Вюрцу*, что движеніе атомовъ составляетъ источникъ и причину силъ и явленій не-только *физико-химическихъ, но и органическихъ*. Объ источникѣ силы *психической Вюрцъ* не упоминаетъ; тѣмъ не менѣе ясно, что онъ не можетъ не раздѣлять воззрѣній на этотъ предметъ всѣхъ современныхъ біологовъ, по которымъ психическая сила, происходя изъ свѣтоваго эѳира, а потомъ изъ мозговой нервной матеріи, имѣетъ своимъ источникомъ также не иное что, какъ атомную-же матерію.

---

[1]) 51. [2]) 43. [3]) 44. [4]) 45.

Вюрцу, повидимому, однакожъ, извѣстно вышеприведенное положеніе *Тиндаля*, что «если мы будемъ смотрѣть на матерію, какъ на нее смотрѣлъ *Демокритъ*» (т. е. такъ, что матерія есть совокупность атомовъ, различающихся формою и объемомъ, или вѣсомъ) «и какъ ее опредѣляютъ цѣлыя поколѣнія нашихъ учебниковъ» (какъ опредѣлилъ ее и *Вюрцъ*),—«то окажется абсолютная невозможность того, чтобъ изъ нея, изъ такой матеріи, произошла какая-либо форма жизни,—что отбрасывать эту мысль, какъ чудовищную, чтобы изъ такой матеріи могла произойти какая-либо форма жизни, совершенно естественно и справедливо». И потому, какъ увѣрялъ *Тиндаль*, что «весь процессъ развитія есть проявленіе силы, безусловно недоступной изслѣдованію человѣческаго разума»,—что «жизнь возникаетъ, виды дифференцируются и умъ развивается дѣйствіемъ неразгаданной таинственной силы»,—такъ точно и *Вюрцъ*, въ концѣ своей (весьма слабой, какъ мы уже замѣтили, въ логическомъ отношеніи) статьи [1]), заявляетъ, «что *вещи сами въ себѣ не заключаютъ причины ихъ бытія, ихъ опоры и ихъ источника*». Сдѣлавъ послѣдній выводъ изъ своихъ разсужденій, что «матерія [2]) повсемѣстно таже самая, вездѣ она движется, вездѣ колеблется», и что эти нераздѣльныя съ атомами движенія «составляютъ источникъ всякой физической и химической силы», *Вюрцъ* заключаетъ: «что же касается первоначальныхъ причинъ, то онѣ остаются недоступными. Тамъ начинается другая область, къ которой умъ человѣческій всегда будетъ стараться подойти и захочетъ проникнуть въ нее. Такъ оно есть, и измѣнить этого нельзя. Тщетно наука открыла уму строеніе міра и порядокъ всѣхъ явленій: онъ хочетъ подняться выше и, инстинктивно убѣжденный въ томъ, что *вещи сами въ себѣ не заключаютъ причины ихъ бытія, ихъ опоры и ихъ источника*, онъ доходитъ до того, что подчиняетъ ихъ причинѣ первоначальной, единой и всеобщей».

Такимъ образомъ оказывается, что и *Вюрцъ*, совершенно аналогично *Тиндалю*, вращается между тѣми-же антиномическими положеніями, какъ и *Тиндаль*, но только еще съ большимъ отсутствіемъ логической между ними связи и благовидной послѣдовательности и съ меньшимъ проявленіемъ даровитости и глубины мысли. Вотъ основныя положенія *Вюрца*: 1) «атомистическая теорія, въ началѣ нынѣшняго вѣка, получила новую форму и была выражена болѣе точнымъ образомъ, ставъ не столько чистой спекуляціей ума, сколько теоретическимъ сопоставленіемъ тщательно констатированныхъ фактовъ, касающихся постоянства пропорцій въ соединеніи тѣлъ, по закону *Дальтона*. 2) Сущность атомистической теоріи заключается въ слѣдующемъ: то, что наполняетъ пространство, т. е. матерія не дѣлится до безконечности, а состоитъ изъ безчисленнаго множества невидимыхъ, неосязаемыхъ частицъ, или атомовъ, имѣющихъ дѣйствительное протяженіе и опредѣленный вѣсъ. Совершенно тожест-

[1]) 51. [2]) 51.

венные у одного и того-же простаго тѣла, атомы различаются, въ каждомъ отдѣльномъ элементѣ, своимъ относительнымъ вѣсомъ и, быть можетъ, формой. Различіе матеріи находится въ-зависимости отъ различій, присущихъ природѣ атомовъ. 3) Протяженія атомовъ, однакожъ, *безконечно малы*; это *безконечно-малыя* частицы, до того малыя, что каждая пылинка состоитъ изъ безчисленнаго множества матеріальныхъ единицъ,—что одну каплю воды населяютъ милліоны атомовъ,—что въ предѣлахъ атома, этой миньятюры вселенной, постигается *необъятность* природы, такъ-какъ *въ атомѣ мы усматриваемъ образецъ безконечнаго множества вселенныхъ, изъ которыхъ каждая имѣетъ свой небесный сводъ и свою землю, въ такой-же пропорціи, какъ и этотъ видимый міръ* [1]). 4) Въ своихъ *безконечно-малыхъ* протяженіяхъ, атомы представляютъ точки приложенія для физическихъ и химическихъ силъ. Сродство приводитъ ихъ въ движеніе. Въ этомъ движеніи атомовъ и молекулъ слѣдуетъ искать источника физическихъ и химическихъ силъ. Атомы подвижны даже въ тѣлахъ, повидимому, самыхъ твердыхъ и въ соединеніяхъ вполнѣ готовыхъ. Въ мірѣ *безконечно малыхъ* частицъ все пребываетъ въ соподчиненномъ движеніи, и атомы никогда не бываютъ въ покоѣ. Вездѣ матерія движется, вездѣ колеблется, и эти движенія, нераздѣльныя съ атомами, составляютъ источникъ всякой физической и химической силы. 5) Впрочемъ, физическія и химическія силы, дѣйствующія на вѣсомыя тѣла, прилагаются къ непрерывной разсѣянной матеріи; это—ограниченныя и опредѣленныя частицы, представляющія точки приложенія всѣхъ этихъ силъ. И этотъ взглядъ долженъ распространяться на два рода матеріи (т. е. та и другая матерія состоитъ изъ ограниченныхъ и опредѣленныхъ частицъ, представляющихъ точки приложенія силъ),—на эѳиръ и на атомную матерію: первый, эѳиръ, безконечно разжиженный, но однородный, непрерывный, наполняющій все пространство и потому необъятный въ своей массѣ, хотя и неуловимый и невѣсомый (значитъ, и не состоитъ изъ атомовъ, которые всѣ вѣсомы?),—вторая—конечная, разнородная и занимающая въ пространствѣ только весьма ограниченное протяженіе. 6) Здѣсь у *Вюрца* два рода матеріи: вѣсомая атомная и невѣсомая неатомная. По *Вюрцу*, вопросъ о единствѣ матеріи, поставленный химіей, не разрѣшенъ и нѣтъ никакого вѣроя-

[1]) 51.

тія, чтобы онъ разрѣшился когда-либо въ-смыслѣ единства матеріи. Напротивъ того, все заставляетъ предполагать, что матерія разнородна и что природа атомовъ не можетъ быть разрушена, или возстановлена. Но 7) въ другихъ мѣстахъ у *Вюрца* матерія одна и эѳиръ есть атомная матерія, представляющая матеріальную жидкость, совершенно упругую (слѣдовательно, не состоящую изъ абсолютно-недѣлимыхъ и, потому, неупругихъ атомовъ), но не сжимаемую (слѣдовательно, не упругую), невѣсомую (когда атомы вѣсомы) и наполняющую все безконечное пространство міра и всѣ тѣла. 8) Обмѣнъ силъ, переходящихъ отъ эѳира къ атомамъ и отъ атомовъ къ эѳиру, обнаруживается не въ однихъ только явленіяхъ теплоты и свѣта; колебательная сила, которая передается эѳиромъ, проявляется и въ другихъ формахъ, именно сохраняется въ-видѣ сродства, расходуется въ-видѣ электричества, превращается въ движеніе и переходитъ въ органическую силу. Всѣ силы эквивалентны между собою. 9) Что касается, однакожъ, первоначальныхъ причинъ, то онѣ остаются недоступными; умъ нашъ, инстинктивно убѣжденный въ томъ, что вещи сами въ себѣ не заключаютъ причины ихъ бытія, ихъ опоры и ихъ источника, подчиняетъ ихъ причинѣ первоначальной, единой и всеобщей».

III) Еще слабѣе, въ логическомъ отношеніи, космическія философскія гаданія Г. *Венденбаума*, въ статьѣ: *Современныя теоріи мірозданія* [1]). Астрономическихъ соображеній *Венденбаума* мы пока не касаемся; но считаемъ нужнымъ указать антиномическія, или даже противорѣчивыя, до абсурда, положенія, высказанныя въ заключеніи названной статьи, въ гаданіяхъ относительно атомистической матеріи, какъ конечнаго источника всякихъ міровыхъ силъ, какъ неорганическихъ, такъ и органическихъ. «Происхожденіе солнечной системы»,—пишетъ *Венденбаумъ* [2]),—«изъ одной и той-же матеріи *необходимо* приводитъ къ положенію *о единствѣ силъ, какъ неорганическихъ, такъ и органическихъ*, которыя всѣ заключались въ *матеріи туманной массы*, частію готовыми, а частію только in potentia». Отсюда, казалось бы, слѣдуетъ, что единый источникъ, изъ котораго проистекаютъ всѣ міровыя силы, какъ неорганическія, такъ и органическія, уже найденъ: это *матерія космической туманной массы*. Тѣмъ не менѣе *Венденбаумъ*, вслѣдъ за своимъ руководителемъ, астрономомъ *Шпиллеромъ*, задается заботою «*отыскать одинъ общій источникъ силы въ природѣ. Шпиллеръ*»,—продолжаетъ *Венденбаумъ* [3]),—«какъ и многіе другіе физики, подводитъ всѣ силы (теплоту, электричество, гальванизмъ, магнетизмъ, свѣтъ, звукъ, химическое сродство) подъ различныя формы колебательныхъ движеній, *отчасти частицъ тѣла, отчасти же эѳира*». Что же служитъ источникомъ силъ, вѣсо-

[1]) Журналъ: *Знаніе* 1871 г. апрѣль. [2]) Стр. 48. [3]) 49.

мая матерія, или эѳиръ? «*Шпиллеръ* идетъ дальше»,—отвѣчаетъ *Венденбаумъ*,— «въ томъ отношеніи, что принимаетъ только одинъ *первоначальный источникъ силы, именно міровой эѳиръ*». Спрашивается, міровой эѳиръ тожественъ ли съ вѣсомою матерію, въ существѣ своемъ, или не тожественъ? Состоитъ ли онъ изъ абсолютно недѣлимыхъ атомовъ, или не состоитъ? «Эѳиръ»,—отвѣчаютъ намъ,—«это нѣжное, *жидкое вещество*» (однакожъ все-таки вещество, даже жидкое вещество, слѣдовательно, состоящее изъ молекулъ, а въ концѣ концовъ и изъ атомовъ?), «вещество *абсолютно-упругое*» (значитъ, не состоящее изъ атомовъ, которые, при своей абсолютной недѣлимости, должны быть абсолютно неупруги?), «наполняющее промежутки между атомами» (сдѣдовательно, само не состоящее изъ атомовъ?), «какъ и все міровое пространство. Самую матерію *Шпиллеръ* считаетъ пассивною, приходящею въ движеніе только подъ вліяніемъ эѳира». Ясно, значитъ, что *Шпиллеръ* считаетъ вѣсомую матерію существенно-отличною отъ эѳира; первую считаетъ абсолютно пассивною, а эѳиръ абсолютно упругимъ и дѣятельнымъ; первую считаетъ состоящею изъ абсолютно недѣлимыхъ и неупругихъ атомовъ, а эѳиръ не состоящимъ изъ атомовъ. Тѣмъ не менѣе эѳиръ и у *Шпиллера*, какъ и у другихъ физиковъ, оказывается веществомъ, жидкимъ веществомъ?! Нужно ли прибавлять, что, при антиномической постановкѣ этого кореннаго положенія, всѣ дальнѣйшія объясненія *Шпиллера*, какъ и *Венденбаума*, на-счетъ подробностой въ отношеніяхъ между тѣлами и эѳиромъ, также распадаются отъ внутренняго противорѣчія? «Шарообразная форма небесныхъ тѣлъ, бывшихъ въ жидкомъ состояніи», — говорятъ намъ, — «явилась вслѣдствіе одинаковаго, со всѣхъ сторонъ, давленія эѳира». Въ такомъ случаѣ, отъ чего-же явилась сплюснутость планетъ у полюсовъ, если притяженіе одного атома къ другому и всѣхъ атомовъ извѣстной планеты къ центру ея тяжести не существуетъ и если, въ тоже время, давленіе эѳира, единственнаго источника всякой силы, при совершенной пассивности вѣсомаго вещества, вездѣ равномѣрно? Отъ чего туманныя массы космическаго вещества, или состава кометъ, не всегда представляютъ шарообразную форму, многочисленные примѣры чего показаны въ этой-же статьѣ *Венденбаума*, на-основаніи того-же *Шпиллера*? «Такъ-какъ эѳиръ старается свести свякое вещество къ возможно малому объему»,— говорятъ намъ,—«то извѣстныя вещества дѣйствительно соединяются или выказываютъ химическое сродство». Прекрасно; но отъ чего-же мы имѣемъ такое-же количество явленій химическаго разложенія, какъ и соединенія? Отъ чего мы имѣемъ столько-же обнаруженій отталкивательной силы, какъ и притягательной, когда единственный источникъ силы, эѳиръ, старается свести всякое вещество, само въ себѣ совершенно пассивное, къ возможно малому объему и, слѣдовательно, исключаетъ всякую возможность проявленія отталкивательной силы? «Вотъ», по *Венденбауму*, «источникъ силы тяготѣнія: если два тѣла находятся на извѣстномъ разстояніи другъ отъ друга, то давленіе эѳира на ихъ внутреннюю сторону менѣе, чѣмъ на наружную; но такъ-какъ разстояніе тѣлъ безконечно мало, относительно распространенія эѳира по ихъ наружной сторонѣ, то онъ и сближаетъ ихъ своимъ давленіемъ». Все это, вопервыхъ, мало понятно, а во-вторыхъ, и не вѣрно. Давленіе эѳира на внутреннюю сторону тѣлъ, въ общемъ, обыкновенномъ ихъ соотношеніи (за исключеніемъ нѣкоторыхъ частныхъ случаевъ скоп-

ленія теплоты, электричества и магнетизма, при-помощи худыхъ проводниковъ), не можетъ быть менѣе, чѣмъ на наружную сторону, такъ-какъ допускается, что тотъ-же эѳиръ, и внутри тѣлъ, наполняетъ промежутки между ихъ атомами, наполняетъ, конечно, равномѣрно, — и никакихъ нельзя придумать экспериментальныхъ способовъ, которыми можно было бы совершенно извлечь эѳиръ извнутри тѣлъ, подобно тому, какъ извлекается воздухъ изъ подъ воздушнаго колокола. Слѣдовательно, тотъ-же самый эѳиръ уравновѣшиваетъ свое-же собственное давленіе на тѣло, какъ внѣ, такъ и внутри его, подобно и воздушной атмосферѣ, которая сама-же уравновѣшиваетъ свое собственное давленіе на внутренность и внѣшность тѣлъ. Невѣрно и слѣдующее за тѣмъ положеніе, будто «разстояніе тѣлъ» (между тѣлами?) «безконечно мало, относительно распространенія эѳира по ихъ наружной сторонѣ». Ужели разстояніе между землею и солнцемъ, или между Нептуномъ и солнцемъ и центральнымъ для него созвѣздіемъ Геркулеса менѣе въ сравненіи съ поверхностью земли, или Нептуна, или солнца, или центральной звѣзды въ созвѣздіи Геркулеса? О безконечной же малости перваго предъ послѣднимъ, при ихъ сравненіи, не можетъ быть и рѣчи. Да и сравнивать линейныя единицы съ плоскостными, прямолинейныя съ периферическими, шаровыми, не особенно сподручно, такъ-какъ онѣ между собою несоизмѣримы. Вообще, сколько можно судить по статьѣ *Венденбаума*, *Шпиллеру* также мало удалось обойти, въ теоріи тяготѣнія, стародавнее ученіе о притягательной и отталкивающей силахъ и замѣнить его новымъ ученіемъ, объ одностороннемъ механическомъ давленіи эѳира, какъ и патеру *Секки*. «*Шпиллерова* гипотеза единственнаго источника силъ»,—заключаетъ *Венденбаумъ* [1]),—«аналогична той, которая считаетъ составъ всякой матеріи одинаковымъ, различіе же ея зависящимъ только отъ различной группировки и формы атомовъ». Да гдѣ же она аналогична? — Напротивъ того, она совершенно противоположна. Послѣдняя гипотеза принимаетъ всецѣло *атомистическую теорію*, по которой, какъ мы видѣли выше, у *Вюрца*, матерія одна и состоитъ изъ атомовъ, въ существѣ однородныхъ, но отличающихся только вѣсомъ и, быть можетъ, формою. *Шпиллеръ* же почти рѣшительно отличаетъ эѳиръ отъ вѣсомой матеріи, считая одинъ эѳиръ абсолютно дѣятельнымъ и абсолютно упругимъ, слѣдовательно, не состоящимъ изъ абсолютно недѣлимыхъ и неупругихъ атомовъ,—а вѣсомую матерію признаетъ, наоборотъ, состоящею изъ атомовъ и абсолютно пассивною. Слѣдовательно, по *Шпиллеру*, силы прикрѣпляются не къ атомамъ вѣсомой матеріи, а, наоборотъ, единство всѣхъ космическихъ силъ, какъ неорганическихъ, такъ и органическихъ, имѣетъ своимъ источникомъ именно эѳиръ, вещество не атомное, однакожъ вещество, которое наполняетъ все міровое пространство и не имѣетъ начала, слѣдовательно, безконечное и вѣчное, иначе сказать, абсолютное вещество! А еслибы при этомъ *Шпиллеръ*, равно-какъ и *Венденбаумъ*, хотѣли быть искренни и логичны и попытались сколько-нибудь распутать эту антиномію: *вещество абсолютное, единый источникъ всѣхъ космическихъ силъ*,—то, безъ сомнѣнія, по-необходимости пришли бы къ единому, удовлетворяющему умъ, источнику міровыхъ силъ, *къ таинственной, неразгаданной, непостижимой для ума, премір-*

[1]) 50.

ной абсолютной силы, — къ которой пришли, какъ мы выше видѣли, *Вюрцъ и Тиндаль*.

Гораздо искреннѣе въ своихъ признаніяхъ относительно атомистической теоріи, да и всестороннѣе смотритъ на нее геологъ *Бернгардъ фонъ-Котта*, хотя нельзя сказать, чтобъ и онъ, въ своей *Геологіи настоящаго времени* [1]), излагалъ ученіе объ атомахъ съ полною осмотрительностію и послѣдовательностію. Впрочемъ, какъ геологъ, онъ касается этого предмета только какъ такого, который относится къ философіи и составляетъ нѣчто пост роннее для геологіи, почему и говоритъ больше о томъ, какъ думаютъ объ атомахъ другіе, чѣмъ о томъ, какъ смотритъ на эти вопросы онъ самъ. «Естествознаніе», — пишетъ онъ [2]), — «должно было переступить за предѣлы осязаемаго и допустить существованіе *атомовъ*, изъ которыхъ состоятъ всѣ тѣла». Но существуютъ ли атомы? Какъ думаетъ объ этомъ самъ *Котта*? «Физики и химики», — отвѣчаетъ онъ, — «допускаютъ притомъ, что эти *атомы не могутъ быть ни видимы, ни осязаемы, что они вообще для нашихъ чувствъ неуловимы*» Значитъ, и не существуютъ? Физики и химики «*видятъ въ нихъ необходимость*», — продолжаетъ *Котта*, — «для объясненія *нѣкоторыхъ* явленій, которыя *совершенно* согласуются съ такимъ предположеніемъ *во всѣхъ случаяхъ*». Ужели *Котта* не знаетъ, что есть множество явленій, которыя не согласуются съ такимъ предположеніемъ во всѣхъ случаяхъ? «*Въ области естествовѣдѣнія*», — сознается *Котта*, — «*ничто не возбуждаетъ столько противорѣчія*, между большею частью философовъ, какъ *вопросъ о существованіи атомовъ*, который, нѣкоторымъ образомъ, входитъ въ область метафизики». Прекрасно; значитъ, для нѣкоторыхъ философовъ атомы не существуютъ. Но существуютъ ли для естествоиспытателей, и для всѣхъ ли существуютъ? Нѣтъ; и «*естествоиспытатели*», — увѣряетъ *Котта*, — «*отказались бы, конечно, отъ своихъ атомовъ*, еслибы имъ указали путь къ удовлетворительному объясненію явленій инымъ, болѣе реальнымъ, образомъ». Оказывается, по словамъ *Котты*, что для естествоиспытателей атомы совсѣмъ «не необходимы», хотя выше онъ и увѣряетъ въ противномъ. «Для естественниковъ совсѣмъ достаточно допустить *молекулы, составленныя изъ атомовъ*; *имъ нѣтъ необходимости* заботиться *о воображаемой дѣлимости или недѣлимости атомовъ, потому-что показать это*» (демонстративнымъ, экспериментальнымъ путемъ) «*невозможно;* имъ, быть можетъ, *нѣтъ надобности и до того, абсолютно ли пусто пространство между атомами*, если только допустить между ними существованіе *такой матеріи*, которая относится къ пустому пространству, какъ къ свѣту, теплотѣ и т. д.». Очевидно, что *Котта* готовъ обойти вопросы, которые ставятся, какъ неизбѣжные, не у однихъ только философовъ, но и у естественниковъ. По мнѣнію *Котты*, какъ и по общему мнѣнію всѣхъ физиковъ, въ промежуткахъ между вѣсомыми атомами необходимо существованіе иной матеріи, будетъ ли это свѣтъ, или теплота, или пустое пространство, тождественное съ свѣтомъ и теплотою, вообще съ такъ-называемымъ эѳиромъ. Но есть ли какая-либо, хотя бы то самомалѣйшая возможность отождествить свѣтъ и теплоту, вообще эѳиръ, съ пустымъ пространствомъ? Попытка поставить этотъ вопросъ у *Бернгарда Котты*

---

[1]) Перев. *А. Таскина*, С.-П.б., 1874 г. [2]) 419.

крайне оригинальна, если только не совершенно одиночна: у другихъ мыслителей намъ не приходилось встрѣчать ее, по совершенной ея немыслимости. Если же свѣтъ и теплота, вообще эѳиръ, ни подъ какимъ видомъ, не есть пустое пространство и ни подъ какимъ видомъ не есть пустота и небытіе, а, напротивъ того, совершенно дѣйствительное, ощутимое и весьма вліятельное, во многихъ отношеніяхъ, бытіе,—то что-же такое этотъ эѳиръ? Вещество, или не вещество? Если вещество, то дѣлится ли онъ на части, или нѣтъ? Состоитъ ли эѳиръ, въ концѣ концовъ, изъ атомовъ, или нѣтъ? На этотъ вопросъ у *Котты* прямой отвѣтъ совершенно устраненъ, а можно найти только косвенный. «Большинство философовъ», — продолжаетъ *Котта* [1]),—«требуетъ совершенной *непрерывности вещества, которой физики никакъ допустить не могутъ*». Странное дѣло! Сколько разъ читали мы у разныхъ естествовѣдовъ, что не-только эѳиръ распространенъ по всѣмъ предѣламъ міра, но чуть-ли даже и атмосферный воздухъ не разлитъ на безмѣрномъ пространствѣ до недовѣдомаго предѣла,—что непрерывность вещества необходима для передачи вліянія силъ отъ одного тѣла къ другому, отъ однихъ атомовъ къ другимъ,—что въ абсолютной пустотѣ дѣйствіе физическихъ міровыхъ силъ абсолютно невозможно! Да тоже самое, въ разныхъ мѣстахъ, читаемъ мы и у *Бернгарда фонъ Котты*. «Законы всемірнаго тяготѣнія»,—пишетъ онъ [2]),—«свѣта и теплоты, а вѣроятно, и химическаго сродства и электричества, распространяются на *всю вселенную*, на-сколько она доступна нашимъ наблюденіямъ. Многочисленныя простыя тѣла наполняютъ не-только нашу солнечную систему, но и переходятъ далеко за ея предѣлы и, при содѣйствіи спектральнаго анализа, *причислены къ общей міровой матеріи*». Въ другомъ мѣстѣ [3]) онъ выражается еще энергичнѣе: «законы тяготѣнія и свѣта дѣйствуютъ, сколько мы можемъ судить объ этомъ, одинаково *во всемъ извѣстномъ намъ міровомъ пространствѣ* и дѣйствовали также сначала, такъ-что мы смѣло можемъ назвать ихъ *міровыми законами, безъ всякаго ограниченія въ пространствѣ и во времени*. Дѣйствія же законовъ обусловливаются сущностію вещей». Однимъ словомъ, по словамъ самаго *Котты*, матерія и вѣчна, и безконечна, — особенно, если на эѳиръ смотрѣть, какъ на матерію, хотя и особаго рода. Въ какомъ же теперь смыслѣ онъ-же, *Котта*, утверждаетъ, что физики никакъ не могутъ допустить совершенной непрерывности вещества, если вещество оказывается и на опытѣ непрерывнымъ, до невѣдомыхъ намъ предѣловъ міра? Конечно, эту не логичную, не философскую выходку *Котты* можно понять не иначе, какъ въ томъ смыслѣ, что, вслѣдъ за всѣми физиками, онъ отличаетъ вѣсомую матерію отъ невѣсомой и, вслѣдъ за нѣкоторыми естествовѣдами, готовъ смотрѣть на эѳиръ не иначе, какъ на крайне разжиженную матерію, но, ни подъ какимъ видомъ, не непрерывную, не цѣльную, а состоящую изъ тѣхъ-же атомовъ, изъ которыхъ состоитъ и вѣсомая матерія, и подчиняющуюся тѣмъ-же законамъ механики, которые господствуютъ въ соотношеніяхъ атомовъ вѣсомой матеріи, исключая между собою вліяніе какой бы то ни было иной силы, кромѣ механическаго движенія. Наша догадка подкрѣпляется слѣдующими выраженіями самого [illegible]*ты*: «свѣтъ, теплота, электричество и т. д. суть вещества невѣсомыя,

[1]) 420. [2]) 354. [4]) 423.

лишенныя именно того свойства [1]), которое называется тяготѣніемъ»,—тѣмъ не менѣе, однакожъ, вещества. Если же и эѳиръ оказывается веществомъ, а совершенной непрерывности вещества, по словамъ *Котты*, физики никакъ допустить не могутъ, — то, значитъ, по мнѣнію *Котты*, и эѳиръ точно такъ-же дѣлится на части, молекулы и атомы, какъ и вѣсомая матерія, и эти части эѳира не имѣютъ между собою или вообще всякаго, какого бы то ни было, или покрайней мѣрѣ, непрерывнаго соприкосновенія.

Послѣ этого, если между атомами матеріи и эѳира нѣтъ соприкосновенія, то, спрашивается, какъ-же передается между ними вліяніе какой-либо силы и что такое сила? «*Основная* [2]) *причина суммированія всѣхъ явленій*», — разсуждаетъ *Котта*,—«на-сколько доступно намъ въ нее проникнуть, *заключается въ постоянномъ движеніи матеріи*, а спеціальнѣе, *въ распредѣленіи теплоты*. Съ уравненіемъ всѣхъ степеней теплоты, исчезла бы *существенная причина всякой перемѣны*; а мы знаемъ, что *не-только* матерія, но и движущая сила не преходящи, и что измѣняется только форма. Такъ что-же собственно причина всякаго движенія: матерія, или сила? Это для *Котты* все равно: матерія для него есть сила, и, обратно, сила есть матерія. «*Вещество, какъ силу*, — выражается онъ [3]),—«должны мы признавать вѣчными, а только форму проявленія измѣняющеюся». Послѣ этого у *Котты* вопросъ: *откуда происходитъ міровая сила?* равняется вопросу: *откуда самое вещество*? «Матерія»,—умствуетъ [4]) *Котта*, — «представляется вѣчнымъ даннымъ, измѣняющимся только въ формѣ. Въ этомъ положеніи заключается и законъ сохраненія силы; онъ не исключаетъ неизмѣнности матеріи, *будемъ ли мы признавать силу за свойство, или за причину матеріи*. Мы знаемъ законы движенія, которымъ подчиняются всѣ тѣла, но не знаемъ первыхъ причинъ ихъ. Если причину движенія называютъ тяготѣніемъ,—то это не что иное, какъ только придуманное для нея выраженіе, но вовсе не опредѣленіе сущности; притомъ-же, одного тяготѣнія и недостаточно для объясненія путей движенія міровыхъ тѣлъ, потому-что для этого необходимо еще независимое отъ нея движеніе, какъ-бы первый толчекъ. Станемъ [5]) ли мы объяснять внутреннюю теплоту земныхъ тѣлъ, что она есть остатокъ бывшей нѣкогда общей высокой температуры, — то тотчасъ-же возникаетъ вопросъ: откуда явилась такая температура? На это можно отвѣтить, что *живая сила движущейся матеріи* превратилась въ теплоту, при соединеніи ея въ міровыя тѣла. Но кто же отвѣтитъ тогда на вопросы: *откуда взялось движеніе*, или что такое вообще теплота? Если теорія *Дарвина* объясняетъ намъ происхожденіе слѣдовавшихъ другъ за другомъ видовъ постепеннымъ измѣненіемъ ихъ,—то все-таки *первый видъ остается для насъ необъяснимымъ*. Если [6]) мы допустимъ, что онъ произошелъ изъ органической ячейки, то намъ *неизвѣстна причина ячейки*. Если ячейка есть слѣдствіе соединенія органическихъ тѣлъ, при извѣстныхъ обстоятельствахъ,—то все-таки мы ничего не знаемъ еще *ни о существѣ, ни о причинѣ происхожденія тѣлъ вообще*. Основное [7]) начало развитія органической жизни могло состоять въ простой органической ячейкѣ, и образованіе такой ячейки [8]), при данныхъ условіяхъ, изъ веществъ уже существовавшихъ, нисколько не загадочнѣе образованія какого-нибудь кристалла. *Но почему именно*

[1]) 431. [2]) 439. [3]) 431. [4]). 424. [5]) 456. [6]). 437. [7]) 287. [8]) 288.

соединяются элементы въ ту или другую кристаллическую форму, это знаемъ мы также мало, какъ и то, *почему произошли ячейки, растенія и животныя.* Общій [1]) законъ развитія міровой жизни гласитъ, что *разнообразіе есть слѣдствіе суммированія вліяній и послѣдовательно увеличивается съ числомъ и различіемъ послѣднимъ.* Этотъ законъ дифференцированія можетъ быть одинаково примѣненъ къ *матеріи вообще, къ неорганическимъ элементамъ, участвовавшимъ въ образованіи земли, къ развитію органической и даже духовной жизни. Но* всякое [2]) изслѣдованіе природы должно остановиться предъ *недоступною для него первоначальною причиною* и даже прямодушно сознаться, что изысканія не должны имѣть притязанія на открытіе *начала и причины предметовъ или вещей. Загадка* [3]) *происхожденія вещества остается положительно неразрѣшимою*; она постоянно удаляется отъ насъ, по мѣрѣ того, какъ мы, повидимому, все болѣе и болѣе къ ней приближаемся; *достигнуть ея мы не имѣемъ никакой надежды.* Вслѣдъ за каждымъ отвѣтомъ, возникаетъ постоянно новый вопросъ, и такъ далѣе, и такъ далѣе; *послѣдняго отвѣта не дождаться намъ никогда.* Естествоиспытатель не [4]) изъявляетъ притязанія на то, что онъ *открылъ происхожденіе и сущность вещества*, что онъ узнаетъ ихъ когда-нибудь,—уже по тому только, что *индуктивное изслѣдованіе никогда не ведетъ къ началу, къ самостоятельному происхожденію*, а совершенно наоборотъ, указываетъ всегда съ достовѣрностью на каждое послѣдовательное явленіе, какъ на дѣйствіе причинъ, предшествовавшихъ именно такъ, что всѣ явленія представляютъ звенья одной безконечной цѣпи. Естествознаніе вовсе не стремится къ открытію перваго звена, *сознавая вполнѣ существованіе такого перваго звена, начала всего, непостижимымъ для ума.* Естествоиспытатель сознаетъ ограниченность [5]) своихъ умственныхъ силъ. На заднемъ планѣ передъ нимъ остается всегда нѣчто неизвѣстное, непостигнутое. Мы стараемся болѣе и болѣе проникать въ эту неизвѣстность,—но *безъ всякой надежды разгадать ее вполнѣ.* Наблюденія и выводы изъ нихъ могутъ разрѣшить намъ только часть задачи, *но никогда не разрѣшатъ намъ ее вполнѣ.* Мы можемъ [6]) только изучать нѣкоторые законы существующаго и, вслѣдствіе такого изученія, расширять предѣлы того, что дознано нами, далѣе и далѣе, но *безъ надежды совершенно устранить ихъ когда-нибудь.* За этими предѣлами лежитъ *непостижимое*, какъ бы народы ни называли его. *Такого рода причина*, такой Богъ или Творецъ остается въ глубинѣ плана, далеко отъ всякаго изслѣдованія, неизслѣдимымъ,—и воззрѣнія, мѣняясь съ теченіемъ времени, бываютъ различны только лишь въ-отношеніи къ тому, что должно быть отнесено къ недоступному для изслѣдованія, что объяснимо или необъяснимо».

Въ заключеніе, въ подтвержденіе нашей мысли о томъ, что естествовѣды, которые усиливаются доказать бытіе абсолютно-недѣлимыхъ атомовъ, какъ основы всякаго бытія, вращаются въ сферѣ неразрѣшимыхъ антиміній разума, приведемъ рѣзкія слова одного изъ самыхъ сильныхъ и скептическихъ умовъ, какіе когда-либо существовали,—именно *Юма.* «Никакіе жреческіе догматы»,—говоритъ *Юмъ* [7]), — «изобрѣтенные для усмиренія и подчиненія мятежнаго человѣческаго

[1]) 296. [2]) 305. [3]) 435. [4]) 436. [5]) 437. [6]) 305.

[7]) *Знаніе*, 1874 г. октябрь. *Предѣлы знанія (Льюиса)*, стр. 1.

разума, не оскорбляли здраваго смысла сильнѣе, чѣмъ оскорбляетъ его *ученіе о безконечной дѣлимости протяженія*, съ его послѣдствіями, которыя выставляются напоказъ всѣми геометрами и метафизиками съ какимъ-то торжествомъ и ликованіемъ. *Реальное количество, безконечно меньшее всякаго конечнаго количества, заключающее въ себѣ количества, безконечно меньшія его самого, и такъ далѣе, in infinitum*, — вотъ зданіе, до того смѣлое и чудесное, что его тяжесть не можетъ быть поддержана никакимъ возможнымъ доказательствомъ, такъ-какъ оно оскорбляетъ самыя ясныя и естественныя начала человѣческаго разума». Итакъ, казалось бы, что *Юмъ* отрицаетъ безконечную дѣлимость вещества? «Но еще страннѣе то обстоятельство», — здѣсь уже опровергаетъ онъ самого себя,— «что *эти нельпыя, повидимому, мнѣнія поддерживаются цѣпью разсужденій самыхъ ясныхъ и естественныхъ,—а невозможно допустить посылокъ, не принявъ заключенія*». Иначе сказать, *Юмъ*, скептикъ, хочетъ, но *Юмъ*, искатель истины, не можетъ вѣрить въ абсолютно недѣлимые атомы, *вынужденный самыми ясными и естественными разсужденіями* допускать безконечную дѣлимость вещества.

ГЛАВА LXX.

Попытаемся теперь сопоставить выводы, полученные нами изъ критическаго обзора теоріи аббата *Секки* и прочихъ современныхъ атомистовъ съ выводами, открывающимися изъ всего нашего изслѣдованія.

Вопросъ: *что существуетъ, что реально? И это сущее реальное чувственно или сверхъ-чувственно, объективно или субъективно?*

Отвѣтъ. Бытіе для насъ существуетъ на-столько, на-сколько постигается нашимъ внѣшнимъ и внутреннимъ чувствомъ; абсолютно сверхъчувственное, не подпадающее ни тому, ни другому, чувству, бытіе для насъ не существуетъ.

1) Вотъ *внѣшне-чувственное бытіе*.

1) Мы слышимъ нашимъ ухомъ раздающійся изъ темнаго, неосвѣщеннаго мѣста, самый низкій басовый звукъ. Освѣтивъ мѣсто, изъ котораго онъ раздается, мы усматриваемъ глазомъ колебаніе чего-то взадъ и впередъ,—усматриваемъ *движеніе*, которому усвоено названіе *вибраціи*.

2) Убѣждаемся, что если этихъ вибрацій будетъ менѣе 16 въ секунду, то ухо перестаетъ ихъ слышать; если же болѣе, то звукъ, измѣняясь, повышается и перестаетъ чувствоваться ухомъ, когда число вибрацій достигнетъ 48000 или 50000 вибрацій въ секунду.

3) Убѣждаемся, что если тѣхъ-же вибрацій будетъ меньше 16, то глазъ не перестаетъ видѣть ихъ до очень далекаго предѣла ихъ замедленія; если же ихъ будетъ больше 16, то простой, невооруженный глазъ перестаетъ видѣть ихъ задолго прежде, чѣмъ перестаетъ слышать ихъ ухо, такъ-какъ вибрацін звучащей дискантовой, или даже альтовой струны незримы для простаго глаза.

4) Можно сказать, что внѣшне-чувственное бытіе, для чувства слуха, безусловно прекращается въ предѣлахъ отъ 16 до 48000, или 50000 вибрацій въ секунду, такъ-какъ до сихъ поръ не изобрѣтены, да едва-ли и будутъ когда-либо изобрѣтены, инструменты, которые перенесли бы наше слуховое ощущеніе выше и ниже этого предѣла.

5) Между-тѣмъ внѣшне-чувственное бытіе для зрѣнія не прекращается тамъ, гдѣ простой глазъ перестаетъ видѣть вибрацію, или вообще движеніе. Простой глазъ, съ одной стороны, вовсе не замѣчаетъ, или слабо замѣчаетъ гигантскіе размахи движенія небесныхъ свѣтилъ, которое различается посредствомъ болѣе и болѣе усовершенствованныхъ телескоповъ (какъ, наприм., движеніе двойныхъ звѣздъ); а съ другой стороны, перестаетъ замѣчать вибрацію большей части звучащихъ струнъ, которая, однакожъ, до очень высокаго предѣла ускоренія и измельчанія, можетъ быть различена болѣе и болѣе усовершенствованными микроскопами. Тѣмъ не менѣе, однакожъ, простираясь въ обѣ эти стороны, и въ необъятную ширь звѣздныхъ системъ, и въ неуловимую малость атомныхъ сочетаній, внѣшне-чувственное бытіе для зрѣнія, наконецъ, прекращается.

6) Но, въ-направленіи къ большему и большему измельчанію, внѣшне-чувственное бытіе, чрезъ нѣкоторый промежутокъ несуществованія для какого бы то ни было тѣлеснаго ощущенія, возникаетъ снова, уже не для зрѣнія, а для мускульнаго нашего чувства, въ ощущеніи теплоты, на той высотѣ, когда ускореніе возбуждающихъ чувство вибрацій достигнетъ предѣла нѣсколько менѣе, по однимъ 18.000,000, по другимъ 5.000,000,000, а по *Секки* 63.000,000,000,000 вибрацій въ секунду.

7) Не прекращаясь для мускульнаго чувства, въ ощущеніи теплоты, внѣшне-чувственное бытіе возникаетъ снова и для зрѣнія, когда ускореніе вибрацій достигнетъ указаннаго предѣла, при которомъ нашему глазу начинаетъ чувствоваться красный цвѣтъ свѣтовой радуги.

8) Не прекращаясь для мускульнаго чувства въ ощущеніи теп-

лоты, внѣшне-чувственное бытіе для глаза прекращается опять на переходахъ отъ одного цвѣта свѣтовой радуги къ другому, такъ-какъ между ними лежатъ темныя полосы, соотвѣтствующія незримымъ для глаза вибраціямъ.

9) Для зрѣнія внѣшне-чувственное бытіе, наконецъ, безусловно прекращается на предѣлѣ окончанія фіолетоваго цвѣта свѣтовой радуги, соотвѣтствующемъ 8.000,000,000 по однимъ, а по *Секки* 946.000,000,000,000 вибрацій въ секунду, или даже на предѣлѣ нѣсколько высшемъ, такъ-какъ, въ нѣкоторыхъ условіяхъ, и такъ-называемые ультра-фіолетовые лучи могутъ быть превращены въ фіолетовые, сдѣлавшись замѣтными для глаза.

10) Но для мускульнаго чувства внѣшне-чувственное бытіе идетъ гораздо выше. По *Тиндалю*, «внѣ границъ видимаго спектра существуютъ еще лучи, имѣющіе огромное значеніе. Самое сильное лучеиспусканіе соотвѣтствуетъ никакъ не видимому спектру; оно находится, съ одной стороны, за крайнимъ краснымъ цвѣтомъ, на такомъ-же удаленіи, въ какомъ зеленый цвѣтъ находится по другую сторону краснаго цвѣта. Но *и на другомъ концѣ спектра также находятся невидимые лучи*; *именно большая группа лучей оказывается по ту сторону крайняго фіолетоваго луча.* Но лучи ультра-фіолетовые, какъ и ультра-красные, не могутъ быть видимы даже тогда, когда падаютъ въ большомъ количествѣ на сѣтчатую оболочку глаза. *Невидимая часть спектра почти въ восемь разъ больше видимой части*; *слѣдовательно, только восьмая часть способна быть видимою*; все же остальное представляютъ лучи тепловые, а не свѣтовые [1]). Напряженность темныхъ волнъ свѣта превосходитъ въ семь разъ напряженность его свѣтовыхъ волнъ» [2]). По этому, если фіолетовый цвѣтъ оканчивается при скорости 946.000,000,000,000 вибрацій въ секунду, то, чтобы получить крайній предѣлъ напряженія свѣта, а вмѣстѣ съ тѣмъ крайній предѣлъ и внѣшне-чувственнаго бытія, проявляющагося для мускульнато чувства въ формѣ теплоты, слѣдуетъ эту невообразимую цифру (946.000,000,000,000) увеличить еще въ шесть, или семь, разъ,—или даже больше и гораздо больше, если взять во вниманіе прогрессію возрастанія скорости отъ краснаго цвѣта до фіолетоваго и сдѣлать отсюда заключеніе къ прогрессіи

---

[1]) *Тепло и холодъ.*—Популярныя лекціи. Спб. 1869 г.

[2]) *Формы воды*, въ Русск. Вѣст. 1873 г. январь.

возрастанія скорости вибрацій отъ фіолетоваго цвѣта до крайняго, въ спектрѣ, темнаго тепловаго луча: здѣсь мы получили бы уже не трилліоны, а квадрилліоны вибрацій въ секунду... За-то *здѣсь уже рѣшительный конецъ внѣшне-чувственнаго бытія.*

11) Но, прекращаясь за этимъ безмѣрно-высокимъ предѣломъ, внѣшне-чувственное бытіе возникаетъ снова, въ иной формѣ, когда поступательно-вибраціонное движеніе переходитъ въ болѣе и болѣе ускоренное и сконцентрированное движеніе вращательное. Переходъ поступательно-вибраціоннаго, свѣто-тепловаго движенія во вращательное представляютъ нашему чувству явленія такъ-называемыхъ электричества и магнитизма.

12) Когда отдѣльная поступательная вибрація, гонимая особенно сильнымъ импульсомъ, описываетъ периферію около центра и оси, въ такомъ случаѣ происходитъ движеніе, самозамкнутое между другими подобными движеніями,—и этимъ-то самозамкнутымъ движеніемъ закладывается основаніе тому, что называется *атомомъ*. Когда два, три, или больше атомовъ, вращаясь каждый около своей оси, въ тоже время, движутся совмѣстно, или, вибрируя параллельно другъ другу, или колеблясь другъ около друга, или сферически вращаясь другъ около друга, такъ-что атмосферы ихъ болѣе или менѣе соприкасаются и даже сливаются одна съ другою,—въ такомъ случаѣ получается то, что называется *молекулою*. Когда въ одномъ какомъ-либо пунктѣ примитивнаго, вибраціонно-поступательнаго движенія развиваются круговоротные вихри крайне высокой быстроты, вокругъ неисчислимаго количества центровъ и осей, въ такомъ случаѣ получается то, что называется *тѣломъ*. Когда молекулы, образовавшись такимъ образомъ, въ безчисленномъ множествѣ, въ нѣдрахъ перво-основнаго вибраціоннаго движенія, не проникаютъ пока другъ друга своими атмосферами на-столько, чтобы въ этомъ соприкосновеніи найти взаимно соединяющую ихъ связь, а, напротивъ того, отталкивать другъ друга уже тѣмъ самымъ, что каждая развиваетъ свое самостоятельное движеніе,—въ такомъ случаѣ, получается *газообразное тѣло*, въ которомъ составныя части, въ свободномъ пространствѣ, отталкиваются. Но когда молекулы проникли другъ друга атмосферами своего движенія настолько, что перестаютъ отталкивать другъ друга, безъ внѣшняго воздѣйствія, хотя этому послѣднему пока еще и слабо противятся,—въ такомъ случаѣ получается тѣло *жидкое*. А когда, наконецъ, молекулярныя движенія уже значительно

взаимно сопроникнутся своими движеніями и оси движенія, достигнувъ параллельности, сдѣлаются наиболѣе устойчивыми,—когда, для нарушенія установившагося равновѣсія и для разрыва возникшей отсюда связи между молекулярными движеніями, становится необходимымъ значительное усиліе сторонней силы,—въ такомъ случаѣ получается то, что называется тѣломъ *твердымъ*.

13) Такъ-какъ нашъ глазъ ощущаетъ только поступательно-вибраціонное движеніе извѣстной скорости,—между-тѣмъ-какъ атомы, молекулы и тѣла образуются движеніями другаго рода, отличными отъ свѣтовыхъ вибрацій, и, въ тоже время, обладаютъ способностью, различнымъ образомъ, разлагать свѣтовыя вибраціи, отражать и преломлять ихъ,—то, въ-отсутствіи ихъ, атомы, молекулы и тѣла оказываются не ощутимыми для нашего *зрѣнія*; въ-присутствіи же свѣта и въ соединеніи съ нимъ получаютъ, въ нашихъ глазахъ, особый *цвѣтъ и очертаніе или фигуру*. Въ подобномъ-же соединеніи съ вибраціями, соотвѣтствующими ощущенію теплоты, атомы, молекулы и тѣла становятся доступными нашему *мускульному чувству, ощущеніемъ тепла, или холода*. Состоя изъ совокупности особыхъ самостоятельныхъ движеній, развивающихся независимо отъ движеній, изъ которыхъ образуются атомы нашего тѣла, нашихъ мускуловъ и нервовъ, атомы, молекулы и тѣла сказываются нашему *мускульному чувству и осязанію* ощущеніемъ *прикосновенія, сопротивленія, непроницаемости, тяжести и опять очертанія или фигуры*. Наконецъ, какими-то, наименѣе подмѣченными до сихъ поръ, своеобразными движеніями, атомы, молекулы и тѣла становятся ощутимыми для нашего *вкуса и обонянія*. Вообще же всею совокупностью разнородныхъ движеній, которыми въ разныхъ нашихъ чувствахъ производится разность ощущеній, атомы, молекулы и тѣла пріобрѣтаютъ *для нашего чувства значеніе разнородныхъ химическихъ элементовъ*.

Этими отдѣлами проявленій внѣшне-чувственнаго бытія, по нашему мнѣнію, исчерпывается и замыкается вся область этого бытія.

II) Есть ли въ реальномъ бытіи что-либо *внутренне-чувственное*, или такъ-называемое *сверхъ-чувственное*?

1) Если всю внѣшне-чувственную реальность понимать, какъ совокупность вибраціонныхъ, поступательныхъ и вращательныхъ движеній,—если затѣмъ сравнивать и располагать эти движенія по ихъ напряженности, или увеличенію скорости,—то, на самой низшей ступени, нужно будетъ поставить вибраціонныя движенія, которыя воз-

буждаютъ въ слухѣ ощущеніе звука,—далѣе, на высшей ступени, нужно поставить поступательно-вибраціонныя движенія, которыя оказываются медленнѣе вибрацій, возбуждающихъ въ глазѣ ощущеніе краснаго цвѣта, и соотвѣтствуютъ мускульному ощущенію теплоты; еще выше нужно поставить вибраціи, которыя возбуждаютъ ощущеніе цвѣтовъ радуги и вообще свѣта, продолжая еще возбуждать, хотя и слабѣющее, мускульное ощущеніе теплоты; еще выше нужно помѣстить массу вибрацій, которыя движутся быстрѣе вибрацій фіолетоваго цвѣта и соотвѣтствуютъ дѣйствію, аналогичному съ мускульнымъ ощущеніемъ той-же теплоты; еще выше, или, по-крайней мѣрѣ, дальше въ-сторону, нужно поставить скученіе, или ощущеніе поступательно вибраціонныхъ движеній, когда они превращаются въ движенія вращательныя и переходятъ въ проявленіе очертанія—фигуры, и сопротивленія—непроницаемости, т. е. переходятъ въ атомы, молекулы и тѣла,—въ тѣла газообразныя, твердыя и жидкія, такъ-какъ тѣла, наиболѣе твердыя и плотныя, нужно считать резервуарами наиболѣе скученныхъ и напряженныхъ, вращательныхъ и всякихъ другихъ, атомныхъ движеній.

2) Приспособительно къ этой лѣстницѣ движеній, сопровождающихся внѣшне-чувственными впечатлѣніями, самыя чувства можно расположить такъ. На самой низшей ступени нужно помѣстить чувство слуха, нѣсколько выше мускульное чувство теплоты, еще выше тоже чувство вмѣстѣ съ чувствомъ зрѣнія,—еще выше тоже, продолжающееся, по прекращеніи зрительныхъ ощущеній, мускульное чувство теплоты,—еще выше, или въ другомъ порядкѣ, нужно помѣстить мускульное чувство прикосновенія, сопротивленія, непроницаемости, тяжести и, наконецъ, чувства обонянія и вкуса.

3) Если же это такъ, если хотя приблизительно вѣрно такое размѣщеніе нашихъ внѣшнихъ чувствъ, по лѣстницѣ ускоряющихся и вообще постепенно измѣняющихся атомныхъ движеній,—то при этомъ окажутся между однимъ и другимъ чувствомъ огромные интервалы такихъ атомныхъ движеній, которыя не подлежатъ ни одному изъ внѣшнихъ чувствъ. Такъ, наиболѣе ограниченна, по видимому, область чувства слуха: для него ощутимы только тѣ вибраціи, которыя имѣютъ скорость отъ 16 и до 50,000 въ секунду; всѣ же прочія, неисчислимыя міровыя движенія оказываются для слуха сверхъ-чувственными. Для зрѣнія существуютъ вибраціи въ предѣлахъ только 18.000,000 и 8.000,000,000 въ секунду, по однимъ, или, по другимъ, меж-

ду 63.000,000,000,000 и 946.000,000,000,000;—всѣ же прочія міровыя движенія для чувства зрѣнія оказываются сверхъ-чувственными. Для осязанія, собственно какъ для осязанія, сверхъчувственны почти всѣ газы, не говоря уже о микроскопическихъ величинахъ, и даже всѣ жидкости и твердыя тѣла слишкомъ высокихъ и крайне низкихъ температуръ. Области обонянія и слуха наименѣе очерчены точными предѣлами; тѣмъ не менѣе опытъ свидѣтельствуетъ, что амплитуда (пространство) ихъ дѣятельности не широка, что мы имѣемъ гораздо больше предметовъ не входящихъ, чѣмъ входящихъ въ область ихъ дѣятельности. Шире другихъ, по амплитудѣ своей дѣятельности, оказывается мускульное ощущеніе теплоты, или вообще температуры; но, конечно, и это ощущеніе не-только имѣетъ свои предѣлы, но очевидно останавливается тамъ, гдѣ дальнѣйшая аналогичная дѣятельность теплотныхъ или холодныхъ вибрацій еще продолжается. Такъ, ощущеніе тепла начинается со скорости вибрацій, которая нѣсколько ниже скорости 18.000,000. или 5.000,000,000, или 63.000,000,000,000 вибрацій въ секунду, соотвѣствующей, по разнымъ исчисленіямъ, красному цвѣту свѣтоваго спектра,—а простирается вверхъ на шесть, или даже на семь, разъ выше всего свѣтоваго солнечнаго спектра. Но и въ этихъ предѣлахъ, выше фіолетоваго цвѣта, присутствіе тепловыхъ лучей доказывается больше химическими опытами, чѣмъ ощущеніемъ мускульнаго чувства; а съ другой стороны, на каждомъ изъ предѣловъ тепловаго спектра лучи тепла можно сосредоточить въ такую массу тепла, или, обратно, разсѣять до такой степени холода, что ни то, ни другое, ни холодъ, ни тепло, не могутъ быть восприняты нашимъ организмомъ, безъ разрушенія самаго чувствилища.

4) Кромѣ того, замѣчено уже, что въ амплитудѣ дѣятельности нетолько всѣхъ вообще, но и нѣкоторыхъ отдѣльныхъ чувствъ, оказываются неощущаемые интервалы. Такіе интервалы найдены и довольно обстоятельно обслѣдованы въ области зрѣнія, въ промежуткахъ между отдѣльными элементами солнечнаго спектра. Такіеже интервалы несомнѣнны, хотя и мало обслѣдованы, въ области дѣйствій обонянія и вкуса. Эти интервалы оказываются, такимъ образомъ, также сверх-чувственными.

5) Кромѣ того, нужно поставить еще почти нигдѣ, насколько намъ извѣстно, не ставимый, хотя и возбуждаемый наглядными фактами, вопросъ о двойственности области, или условій дѣятельности

нашихъ внѣшнихъ чувствъ. Обыкновенно въ психо-физикахъ говорится, что ухо наше слышитъ вибраціи скорости отъ 16 до 50,000 вибрацій въ секунду,—а глазъ видитъ вибраціи скорости, примѣрно, отъ 63.000,000,000,000 и до 946.000,000,000,000 вибрацій въ секунду [1]); мускульное чувство теплоты воспринимаетъ вибраціи отъ такого-то и до такого-то предѣла и т. д. Но, при подобныхъ вычисленіяхъ, опускается изъ виду, что эти вибраціи могутъ быть восприняты нашимъ чувствомъ не иначе, какъ только въ-связи съ извѣстнымъ напряженіемъ поступательно круговоротныхъ движеній, иначе сказать,—въ-связи съ извѣстными атомными и молекулярными движеніями, а не въ пустотѣ. Такъ, признано, что ни свѣтъ, ни звукъ, не воспринимаются нашими чувствами на извѣстной высотѣ разрѣженной атмосферы. За такими условіями воспріятія свѣта должны слѣдовать аналогичныя-же условія воспріятія и теплоты. Да и для всѣхъ прочихъ внѣшнихъ чувствъ, какъ, напр., осязаніе, вкусъ и обоняніе, необходимо извѣстное напряженіе и сгущеніе круговоротныхъ атомныхъ и молекулярныхъ движеній, чтобы разнородныя, какъ круговоротныя, такъ и поступательно вибраціонныя, движенія могли быть ощущены этими чувствами. Слѣдовательно, все, что находится за этими предѣлами, для внѣшняго нашего чувства, сверхъ-чувственно. Такъ, не-только для всѣхъ прочихъ чувствъ, но и для самаго зрѣнія сверхъ-чувственно все великое, лежащее по ту сторону атмосферной линіи, за которою для насъ нѣтъ ни свѣта, ни звука; а съ другой стороны, сверхъ-чувственно и все малое, что лежитъ далѣе мельчайшихъ микроскопическихъ организмовъ.

«Нѣкоторые», пишетъ *Тиндаль*, «имѣютъ не совсѣмъ вѣрное понятіе о разстояніи, отдѣляющемъ другъ отъ друга микроскопическіе организмы и матеріальныя

---

[1]) По *Тэну* (Объ умѣ и познаніи, т. I, стр. 128), «для зрѣнія, въ томъ мѣстѣ спектра, гдѣ сотрясенія слѣдуютъ другъ за другомъ всего медленнѣе, въ секунду ихъ происходитъ 451 биллiонъ. По *Мюллеру* и *Гельмольцу*, 451 биллiонъ, при самыхъ медленныхъ, и 789 биллiоновъ, при самыхъ быстрыхъ вибраціяхъ». По *Хлѣбникову* (Знаніе, 1871 г., Окт., стр. 21) амплитуда звуковыхъ вибрацій 60—70,000 въ секунду, а свѣтовыхъ 708,000,000,000,000 — 483,000,000,000,000. — «Свѣтъ,—читаемъ въ *Знаніи* (1875 г., Сентябрь—Октябрь), стр. 227), — являющійся чисто краснымъ, совершаетъ въ секунду 437,000,000,000,000 колебаній, чисто зеленымъ — 582,000,000,000,000, а фіолетовымъ 728,000,000,000,000 колебаній. *Если и можно возражать противъ точности этихъ чиселъ, то нельзя возражать противъ методы*». Противъ точности возражать, очевидно, можно, ввиду огромнаго разногласія чиселъ; а значитъ, и методъ не благонадеженъ.

частицы тѣлъ. Микроскопъ у нихъ часто играетъ опасную роль притягиваемаго за волосы лжесвидѣтеля, тогда-какъ онъ ничего не можетъ рѣшить въ вопросѣ о структурѣ, напримѣръ, зародышей. Дистиллированная вода представляетъ въ своемъ составѣ гораздо большую однородность, чѣмъ какой бы то ни было органическій зародышъ, а между тѣмъ она перестаетъ сокращаться при 3,2° Р. и расширяется до точки замерзанія. Чѣмъ объяснить себѣ это ея свойство, какъ не нѣкоторыми особенностями ея структуры, которыя ускользаютъ отъ наблюдателя, вооруженнаго микроскопомъ? По всей вѣроятности, эти особенности структуры, не-только теперь, но и никогда, не будутъ доступны глазу, до какой бы степени ни дошли наши экспериментальныя средства. Помѣстите эту воду въ поле дѣйствія сильнаго электро-магнита, затѣмъ изслѣдуйте ее подъ микроскопомъ. Увидите ли вы въ ней какое-либо измѣненіе, во время намагничиванія мягкаго желѣза? Конечно, нѣтъ. А между-тѣмъ оно несомнѣнно произошло въ ней, и притомъ въ глубокой степени и въ весьма сложной формѣ: во-первыхъ, частицы воды пріобрѣли діамагнитную полярность, а во-вторыхъ, въ-силу структуры, сообщаемой имъ этою полярностью, жидкость пріобрѣла способность отклонять свѣтовые лучи совершенно опредѣленнымъ образомъ, какъ по ихъ количеству, такъ и по направленію. Здѣсь произошли тѣ сложныя молекулярныя измѣненія, которыя предполагаютъ вращеніе плоскости поляризаціи, вызванное магнитной силой. Это міръ матеріи и движенія, недоступный для микроскопа. Можно было бы привести безчисленное множество примѣровъ этого рода. Какую услугу можетъ оказать намъ микроскопъ въ рѣшеніи вопроса о правильной структурѣ алмаза, аметиста и всѣхъ другихъ кристалловъ, образующихся въ лабораторіи природы и человѣка? Никакой. Мы можемъ убѣдиться только въ томъ, что между предѣлами, доступными микроскопу, и молекулярными величинами, разстилается обширная область, служащая театромъ безчисленныхъ перемѣщеній и комбинацій атомовъ. Первоначальное размѣщеніе атомовъ, отъ котораго зависитъ все ихъ послѣдующее дѣйствіе, *ускользаетъ отъ всякихъ чувственныхъ аппаратовъ, хотя бы они были несравненно совершеннѣе нашихъ сильнѣйшихъ микроскоповъ*. Происходящія при этомъ явленія до того сложны, что еще прежде, чѣмъ наблюденіе получитъ право какого-нибудь голоса въ изслѣдованіи матеріи, самый глубокій умъ и самое смѣлое воображеніе отступаютъ въ нѣмомъ сознаніи своего безсилія предъ подавляющею трудностью задачи. И что всего важнѣе, не одна только недостаточность экспериментальныхъ средствъ парализуетъ, въ данномъ случаѣ, нашу энергію, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и сомнѣніе въ нашихъ ограниченныхъ способностяхъ: едвали мы обладаемъ ими въ такой степени, которая позволила бы намъ когда-нибудь проникнуть въ тайну строенія матеріи и подвергнуть точному измѣренію послѣдніе элементы творческой силы природы. Подробный анализъ строенія матеріи долженъ остаться совершенно недоступнымъ нашему уму не-только въ настоящемъ, но и въ будущемъ. Во всякомъ случаѣ, очевидно, что впереди линіи аванпостовъ, занимаемыхъ современными микроскопическими наблюденіями, остается еще обширное поле, на которомъ воображенію предоставленъ полнѣйшій просторъ».

Иначе сказать, за извѣстною линіею микроскопическихъ наблюденій начинается, для сильнѣйшаго и наиболѣе вооруженнаго изъ внѣ-

шнихъ нашихъ чувствъ, чувства зрѣнія, область сверхчувственнаго, какою она, какъ думаютъ сильнѣйшіе умы нашего вѣка, останется и навсегда.

6) Не-смотря на такіе интервалы въ явленіяхъ природы, которыя не подлежатъ ощущенію нашихъ внѣшнихъ чувствъ,—кто, однакожъ, скажетъ, что соотвѣтствующія этимъ интерваламъ явленія, аналогичныя съ сосѣдними ощущаемыми явленіями, не существуютъ? Кто скажетъ, что не существуютъ вибраціи выше, или ниже тѣхъ вибрацій, которыя производятъ въ слухѣ ощущеніе звука, какъ не существуютъ и самые звуки, не воспринимаемые ухомъ только по причинѣ громадной ихъ напряженности (какъ, наприм., оглушающій ударъ грома), или вслѣдствіе привычки къ нимъ нашего слуха (какъ, наприм., на фабрикахъ)? Кто скажетъ, что не существуютъ вибраціи выше и ниже тѣхъ, которыя соотвѣтствуютъ элементарнымъ цвѣтамъ свѣтоваго спектра, или тѣ вибраціи, которыя соотвѣтствуютъ темнымъ полосамъ между этими цвѣтами? Кто скажетъ, что темные тепловые лучи, лежащіе выше фіолетоваго цвѣта, не составляютъ только продолженія тѣхъ тепловыхъ лучей, которые совпадаютъ съ свѣтовыми лучами, или падаютъ даже ниже послѣдняго краснаго свѣтоваго луча? Кто скажетъ, что утонченіе эѳирныхъ вибрацій прекращается тамъ, гдѣ намъ кажутся прекращающимися послѣдніе, самые высокіе лучи темнаго тепловаго спектра, которые лежатъ, выше лучей фіолетоваго цвѣта? Кто скажетъ, что за послѣднимъ предѣломъ микроскопическаго міра лежитъ ничтожество, что, съ другой стороны, за сферою послѣднихъ, какія только усматриваются телескопами, звѣздныхъ туманныхъ пятенъ, распростирается абсолютная пустота, или что звѣзды, солнце и луна существуютъ только въ невысокихъ слояхъ атмосферы, или даже въ сферѣ глазныхъ нашихъ яблокъ, въ которыхъ чувствуются нашимъ зрѣніемъ? Кто будетъ настолько силенъ и смѣлъ, чтобы сказать, что поверхъ всего конечнаго не необходимо поставить безконечное, поверхъ измѣняющагося неизмѣнное, поверхъ условнаго безусловное,—что бытіе произошло и происходитъ изъ ничего и, пропадая въ вышеуказанныхъ сверхъ-чувственныхъ интерваллахъ, снова возсоздается изъ того-же ничего? Если же всѣ *указанные предметы существуютъ и реально, и для нашего знанія, а между-тѣмъ нашему внѣшнему чувству не подлежатъ, то чѣмъ-же мы познаемъ реальное ихъ бытіе, какъ не внутреннимъ нашимъ чувствомъ?*

7) Сверхъ того, доказано, что внѣшнимъ чувствомъ постигается въ явленіяхъ природы, собственно только конкретное, да и то, что постигается, само по себѣ, не даетъ никакого представленія, а превращается въ представленіе извѣстнаго впечатлѣнія, или качества, или предмета, не иначе, какъ только чрезъ сравненіе даннаго воспріятія съ другимъ. Доказано, что реальное познается не иначе, какъ чрезъ индукцію и дедукцію, чрезъ анализъ и синтезъ, — что степеней восхожденія и нисхожденія, въ томъ и другомъ мѣтодѣ, заключается неисчислимое множество, пока эти два пути нашего познанія не упрутся въ граничныя понятія, самое общее и самыя частныя, и частичныя, — что всякій шагъ отъ конкретнаго внѣшне-чувственнаго воспріятія вверхъ, къ общему, или внизъ, къ частному и частичному, есть, въ тоже время, шагъ въ высь и въ глубь области сверхъ-чувственнаго или внутре-чувственнаго, — что ни одна конкретная личность, ни однимъ конкретнымъ внѣшнимъ чувствомъ, никогда не охватывала реальнаго предмета, соотвѣтствующаго видовымъ и родовымъ понятіямъ, а съ другой стороны, ни однажды не выслѣдила, во всѣхъ метаморфозахъ, послѣднихъ элементовъ, изъ которыхъ составленъ хотя бы то самомалѣйшій предметъ, — что, помимо всего этого, каждый реальный предметъ, кромѣ частнаго о немъ представленія, или общаго разсудочнаго понятія, имѣетъ еще отличную отъ нихъ разумную идею, обнимающую, въ одномъ цѣльно-жизненномъ усмотрѣніи, всю совокупность законовъ и формъ его бытія, и что такую объединяющую всѣ частныя представленія о предметѣ идею, равно-какъ объединяющую всѣ измѣнчивыя формы его бытія силу, никто никогда не ощущалъ ни однимъ внѣшнимъ чувствомъ. Между тѣмъ, ктоже, кромѣ какого-либо тупаго зрѣніемъ, или ослѣпленнаго, метафизика-механиста, скажетъ, что такая, всеобъединяющая частныя проявленія, сила не существуетъ въ частяхъ и въ цѣломъ, начиная съ атома, продолжая индивидами, завершая видами и родами существъ и кончая цѣлымъ универсомъ?

8) По возможности, разъяснено также, что умъ нашъ, отправляясь въ своихъ изслѣдованіяхъ двумя противоположными путями: восхожденія, индукціи, синтеза, и нисхожденія, дедукціи, анализа, соединяя всякое множество въ единство и разлагая всякое единство на множество, которое, въ концѣ концовъ, сливается со всѣмъ, — что умъ, въ такомъ одновременномъ восхожденіи и нисхожденіи въ противоположныя стороны, повинуется только непререкаемому го-

лосу своей природной конституціи и неустранимому стимулу прирожденной ему идеи міробытія, которое проникается и завершается единымъ, положительно абсолютнымъ бытіемъ, а съ другой стороны, непостижимо антиномически раздробляется и ограничивается абсолютнымъ отрицательнымъ, или абсолютнымъ небытіемъ. Абсолютное, какъ мы видѣли, оказывается неизбѣжнымъ и необходимымъ постулатомъ во всякомъ міросозерцаніи. Если же понятіе о немъ, въ разныхъ космологическихъ системахъ, оказывается различно, — то это происходитъ по той причинѣ, что ограниченность нашего ума, силясь усмотрѣть безконечное, видитъ его не иначе, какъ сквозь прирожденную себѣ антиномію,—по той естественной причинѣ, что абсолютное безгранично, а понятіе ограничено предѣлами, вслѣдствіе чего понятіе, какъ бы ни силилось расшириться и возвыситься, никогда неспособно подняться до идеи безконечнаго. Но это, наиболѣе реальное и необходимое, абсолютное бытіе уже менѣе, чѣмъ что-либо другое, мы постигаемъ нашимъ внѣшнимъ чувствомъ: вѣчно неизбѣжное, наиреальнѣйшее, абсолютное бытіе и мимолетное, граничащее съ ничтожествомъ, конкретное, внѣшне-чувственное воспріятіе раздѣлены другъ отъ друга бездною безконечности.

9) Затѣмъ, чтобы въ одномъ цѣльномъ очеркѣ обозрѣть отношеніе нашего внѣшняго и внутренняго чувства къ познанію реальносущаго, мы можемъ представить себѣ, на-основаніи предыдущаго анализа, *всю систему бытія* въ такомъ порядкѣ. Повторяемъ, что бытіе для насъ существуетъ на-столько, на-сколько постигается нашимъ внѣшнимъ и внутреннимъ чувствомъ, а внѣ того или другаго изъ этихъ чувствъ, для человѣческаго сознанія, бытіе не существуетъ.

А) *Вотъ первая стадія системы бытія.* По конституціи нашего ума, внутреннѣйшему нашему ощущенію прирождена идея бытія абсолютнаго, необходимаго, самобытнаго, вѣчнаго, неизмѣннаго, единаго, безконечнаго, первоисточнаго, неистощимаго. Внѣшнему конкретному ощущенію это бытіе вовсе не подлежитъ; а приписываемыя ему въ разсудочномъ понятіи, отвлекаемыя отъ обобщаемыхъ внѣшне-чувственныхъ конкретныхъ впечатлѣній, черты имѣютъ содержаніе только отрицательное, т. е. въ положительномъ своемъ содержаніи онѣ заключаютъ нѣчто такое, что или вовсе не можетъ быть приписано идеальному-абсолютному (наприм., при вездѣсущіи, присутствіе абсолютнаго въ каждомъ пунктѣ пространства, и, слѣдова-

тельно, протяженность), или должно быть приписано ему въ безпредѣльно высшей степени (напримѣръ, мыслимое нами всемогущество).

Б) *Происхожденіе второй стадіи въ системѣ бытія*, ни въ физикѣ, ни въ химіи, ни въ геологіи, ни въ астрономіи, ни въ метафизикѣ не можетъ быть иначе объяснено, какъ какимъ-то непостижимымъ актомъ (но ни въ какомъ случаѣ не отдѣленіемъ, не истеченіемъ, не развитіемъ ограниченнаго изъ безконечнаго) бытія абсолютнаго, первоисточнаго, въ которомъ заключается потенція всякаго бытія. Этою второю стадіею бытія, собственно ограниченнаго, современные естествовѣды хотѣли бы считать, какъ и многіе древніе считали, такъ-называемый эѳиръ. Что мы знаемъ о немъ? Это—проникающая весь видимый міръ, единая, универсальная, жизнедѣятельная сила; мы не знаемъ ея границъ, хотя и не мыслимъ ее абсолютно-безграничною, такъ-какъ она измѣняется въ разнообразныя формы проявленія и дѣлится разнообразными предѣлами; въ ней лежатъ законы внѣшняго бытія, сѣмена всѣхъ вещей и потенція предуставленнаго, при извѣстныхъ условіяхъ, раз витія всякой міровой силы и жизни. Какимъ чувствомъ мы постигаемъ это? Очевидно, внутреннимъ. А что постигаемъ въ этой стадіи бытія внѣшнимъ чувствомъ?—Если раздѣлить ее, какъ физики дѣлятъ, на три, или четыре слоя и къ первому слою отнести амплитуду дѣйствій эѳира, отъ самаго высшаго темнаго, тепловаго химическаго луча до высшаго цвѣтнаго фіолетоваго,—если ко второму слою отнести амплитуду дѣйствій свѣтоваго спектра, къ третьему тепловые лучи ниже послѣдняго краснаго цвѣта въ спектрѣ послѣднихъ книзу солнечныхъ лучей,—наконецъ, если еще ниже, или въ иномъ особомъ порядкѣ, помѣстить амплитуду проявленія электро-магнитныхъ силъ эѳира,—то окажется, что во всей этой области собственно внѣшне-чувственныя воспріятія крайне скудны. Въ первомъ слоѣ мы не ощущаемъ даже того тепла, которое, по требованію научной аналогіи, должны бы ощущать; во второмъ—чувствуемъ свѣтъ и нѣсколько тепла, — въ третьемъ—чувствуемъ тепло уже безъ свѣта; а что чувствуемъ въ указанномъ четвертомъ слоѣ, про то лучше знаетъ физика, чѣмъ обще-человѣческое чувство. Внѣшнимъ чувствомъ, во всѣхъ четырехъ слояхъ, мы не различаемъ даже волнъ эѳира, а вибрацій эѳира вовсе не воспринимаемъ. Все, что наука твердитъ объ эѳирѣ, все это есть весьма далекій выводъ изъ весьма однообразныхъ, слитныхъ и, весьма нерѣдко, едва-едва уловимыхъ конкрет-

ыхъ впечатлѣній внѣшняго чувства, — выводъ, постановляемый по требованію конституціи нашего ума, по указанію нашего собственнаго внутренняго чутья. Внѣшнее чувство не-только не чувствуетъ, но и неспособно чувствовать не-только внутреннюю живую идею, или предѣлы, или форму эѳира, но и указываемое наукою, наиболѣе близкое къ внѣшне-чувственнымъ аналогичнымъ явленіямъ, проявленіе эѳира въ вибраціяхъ, потому-что какая-же есть возможность уловить глазомъ, или слухомъ, или рукою какой-либо, хотя бы то одинъ милліонъ вибрацій въ секунду, а не то что билліоны и трилліоны?! Во всякомъ случаѣ, понимаемый согласно съ требованіями физики и математики, какъ ограниченная неуловимыми для внѣшняго, но необходимо полагаемыми нашимъ внутреннимъ чувствомъ предѣлами, живая единица, содержащая въ себѣ корни всѣхъ живыхъ единицъ, состоящая изъ безпредѣльнаго количества дробей, близкихъ къ ничтожеству (въ-родѣ одной изъ квадрилліона вибрацій, включенныхъ въ одну секунду), эѳиръ, прежде всѣхъ и всего, есть осуществленіе антиноміи, лежащей въ основѣ всякаго ограниченнаго бытія, антиноміи, по которой всякая ограниченная единица есть продуктъ самоограниченія безпредѣльнаго абсолютнаго бытія его отрицаніемъ, есть произведеніе изъ умноженія безконечнаго на ничтожество, есть безконечное количество дробей, равныхъ нулю ($1 = \infty \times 0$).

В) *Третьею стадіею бытія* можно назвать область бытія, начиная отъ того предѣла, гдѣ міріады поступательныхъ вибрацій, переходя въ движеніе вращательное, свертываясь каждая около одного центра и оси, описываютъ каждая шаровидную геометрическую фигуру движенія, выдѣляющагося изъ другихъ подобныхъ, и даютъ происхожденіе тому, что принято называть атомомъ или молекулою,— и оканчивая тѣмъ предѣломъ, на которомъ отдѣльныя молекулы становятся замѣтны для наиболѣе вооруженнаго глаза,—предѣломъ, который совпадаетъ съ предѣломъ усмотрѣнія самыхъ мелкихъ органическихъ величинъ, посредствомъ самыхъ сильныхъ микроскоповъ. Здѣсь все, что мы знаемъ объ этой области, сверхчувственно. Невозможно ощущать внѣшнимъ чувствомъ тѣ «міріады видимыхъ невидимокъ, которыя», по словамъ *Тиндаля*, «носятся въ каждой точкѣ атмосферы, отъ поверхности нашей земли, до самыхъ крайнихъ ея предѣловъ, и производятъ синеву небесъ,—которыя, ускользая отъ самыхъ сильныхъ микроскоповъ и чувствительныхъ вѣсовъ, тѣмъ не менѣе не производятъ никакого потемнѣнія въ воздухѣ, хотя и находятся въ немъ

въ такомъ громадномъ количествѣ, что предъ нимъ блѣднѣетъ еврейская гипотеза о числѣ песчинокъ на днѣ морскомъ». При этомъ относительно ихъ еще можно подозрѣвать, что «все это—живые организмы, тогда-какъ между атомами и организмами лежитъ безчисленное множество градацій, такъ-какъ самые мельчайшіе вибріоны и бактеріи, сравнительно съ атомами, могутъ считаться сказочными Левіаѳанами. Микроскопъ, по словамъ *Тиндаля*, не можетъ ничего рѣшить въ структурѣ зародышей, въ структурѣ жидкостей, какова вода, даже въ правильной структурѣ кристалловъ. Между предѣлами, доступными микроскопу, и молекулярными величинами разстилается обширная область, служащая театромъ безчисленныхъ перемѣщеній атомовъ. Это первоначальное размѣщеніе атомовъ, отъ котораго зависитъ все ихъ послѣдующее дѣйствіе, ускользаетъ отъ всякихъ чувственныхъ аппаратовъ, хотя бы они были несравненно совершеннѣе нашихъ сильнѣйшихъ микроскоповъ. Происходящія при этомъ явленія до того сложны, что еще прежде, чѣмъ наблюденіе получитъ право какого-нибудь голоса въ изслѣдованіи матеріи, самый глубокій умъ и самое смѣлое воображеніе отступаютъ въ нѣмомъ сознаніи своего безсилія. Подробный анализъ строенія матеріи, по *Тиндалю*, долженъ остаться совершенно недоступнымъ нашему уму, не только въ настоящемъ, но и въ будущемъ». Между тѣмъ, внутри этой совершенно внѣ-чувственной области, «атомы, по *Тиндалю*, пріобрѣтаютъ, вмѣстѣ съ полярностью и опредѣленнымъ расположеніемъ, извѣстную степень напряженія тѣхъ или другихъ свойствъ, въ-силу которыхъ, при достаточной свободѣ дѣйствій и соотвѣтствующемъ возбужденіи со-стороны окружающей ихъ среды, атомы не-только формируются въ различныя предопредѣленныя формы видимыхъ кристалловъ и другихъ неорганическихъ комбинацій, но и группируются сначала въ зародышъ, а потомъ и въ полный организмъ, и при томъ такъ, что микроскопическій зародышъ, по *Дарвину*, представляетъ уже самъ по себѣ цѣлый міръ другихъ еще болѣе малыхъ зародышей, заключая въ себѣ миньятюру совокупности всего организма, въ которомъ каждый органъ имѣетъ своего особаго представителя, въ формѣ отдѣльныхъ второстепенныхъ зародышей, а въ первичномъ зародышѣ лежали» (въ идеѣ, въ законѣ, въ εἶδος-ѣ) «уже столь богатыя и разнообразныя формы, какія потомъ развились въ космосѣ, при воздѣйствіи среды». И все это произошло и происходитъ въ области, лежащей рѣшительно внѣ нашего внѣшняго чув-

ства. Въ этой же области лежитъ, и навсегда останется и та живая объединяющая сила, которая связываетъ въ единство безчисленныя части атома, молекулы и органическаго зародыша, содержа въ себѣ εἶδος существа, которому предопредѣлено, при извѣстныхъ условіяхъ, развиться изъ этихъ атома, молекулы и внѣ-микроскопическаго зародыша.

Г) *Четвертую стадію бытія* можно поставить между предѣлами, начиная отъ видимыхъ молекулъ и микроскопическихъ зародышей и до человѣка включительно. Собственно только эту область и можно, съ полнымъ правомъ, назвать чувственною или внѣшне-чувственною, по тому собственно, что только здѣсь могутъ дѣйствовать и всѣ вообще, и каждое порознь, внѣшнія чувства,—потому-что только внутри этой области,—въ области собственно вѣсомой матеріи,—и ухо способно воспринимать свои медленныя вибраціи звука, и мускульное чувство свои, болѣе быстры, чѣмъ мысль, вибраціи тепловаго эѳира, и глазъ свои биллiоны и триллiоны свѣтовыхъ вибрацій въ каждую секунду. Только въ этой области, да и то уже на довольно высокомъ предѣлѣ, который гораздо выше микроскопическихъ величинъ, мускульное чувство становится способнымъ воспріять ощущеніе прикосновенія, далѣе сопротивленія, далѣе уступающей напору будтобы непроницаемости и, наконецъ, уже тяжести. Наконецъ, только въ этой области чувства вкуса и обонянія становятся способны получать свои немногочисленныя, отъ весьма ограниченнаго числа предметовъ, воспріятія. За-то въ этой же области рѣзче и яснѣе выступаетъ и сверхъчувственная область или внутренне-чувственная. Это—объединяющая мой организмъ сила, выражающаяся въ единствѣ сознанія моего *я*, со всѣми его психическими проявленіями, которыя постигаются только внутреннимъ моимъ чувствомъ. Это—аналогичный моему *я*, самосознающій человѣческій духъ, котораго психическія проявленія доступны моему сознанію единственно только по-тому, что *я* сужу о нихъ по психическимъ-же проявленіямъ моего собственнаго *я*. Это—аналогичная человѣческому духу, хотя и безмѣрно низшая его, душа безсловесныхъ животныхъ, постепенно и нечувствительно, безъ перерывовъ, спускающаяся до души животно-растеній, и до живой силы, одушевляющей инфузоріи и органическія клѣточки, о психической сторонѣ которыхъ мы можемъ имѣть смутное представленіе единственно и исключительно только по аналогіи съ нашимъ духомъ, единственно только по тѣмъ воспріятіямъ, какія получаетъ наше

внутреннее чувство отъ жизнедѣятельности, концентрирующейся въ единство нашего собственнаго *я*.

Д) Къ тойже сверхчувственной или внутренне-чувственной области должна быть отнесена также болѣе или менѣе аналогичная человѣческому духу, живая сила, одушевляющая живыя существа, которыми непреложная научная аналогія заставляетъ населять всѣ звѣздныя и планетныя системы. При неисчислимомъ, какъ неисчислимо количество самыхъ звѣздъ небесныхъ, количествѣ основаній для увѣренности, нѣтъ никакихъ серьезныхъ основаній для отрицанія, что вся видимая и даже невидимая, но безпредѣльная, вселенная населена живыми существами, подобными человѣку, хотя и развивающими свою жизнь подъ отличными отъ нашихъ земныхъ условіями. По крайней мѣрѣ, астрономія готова толковать объ этомъ довольно положительно.

«Если принять за образецъ землю», — читаемъ въ одномъ астрономическомъ сочиненіи о спутникахъ Сатурна [1]),—«какъ правильный шаръ, хотя этого и нѣтъ, то что сказать о Юпитерѣ, сплюснутомъ, о лунѣ,—вытянутомъ шарѣ, объ астероидахъ, признаваемыхъ когда-то за осколки разбитой планеты, и такъ далѣе, до аэролитовъ? И можно ли допустить обитаемость другихъ небесныхъ тѣлъ, наприм., Сатурна? О жителяхъ Сатурна мы могли бы судить по аналогіи. Въ нашей земной природѣ, на первомъ планѣ, мы встрѣчаемъ теплоту, какъ силу дѣйствующую на ея развитіе и храненіе. Въ той степени, какая свойственна органической природѣ, теплота возбуждаетъ дѣятельность клѣточки, въ процессѣ всасыванія жидкихъ тѣлъ и передачи ихъ въ другія клѣточки. Посредствомъ этого простаго механизма поддерживается и продолжается жизнь растеній и животныхъ. Но для образованія клѣточки не достанетъ теплоты на Сатурнѣ, гдѣ она въ 90 разъ слабѣе земной теплоты. Но извѣстно, что самыя точныя химическія изслѣдованія солнечнаго спектра не открыли въ немъ олова, свинца, серебра и золота, а открыто, напротивъ того, нѣсколько простыхъ тѣлъ, неизвѣстныхъ у насъ. Значитъ, земная природа не можетъ служить точнымъ образцомъ небесныхъ тѣлъ, и чтобы теплота могла оказывать благотворное вліяніе на природу Сатурна, *слѣдуетъ допустить на этой планетѣ существованіе земныхъ тѣлъ въ измѣненномъ видѣ.* Сообразно съ этимъ взглядомъ и на томъ основаніи, что плотность Сатурна въ десять разъ меньше плотности земли, а напряженность свѣта и теплоты въ 90 разъ слабѣе, *на жителей этой планеты»* (допустивъ тамъ ихъ существованіе) *«мы можемъ смотрѣть, какъ на разумныя существа, надѣленныя соотвѣтственно болѣе тонкимъ тѣломъ, чѣмъ наше грубое тѣло,—и, какъ знать, не одарены ли они въ той же мѣрѣ и высшею степенью умственнаго развитія?* Къ противоположному, напротивъ того, заключенію, мы придемъ въ томъ случаѣ, если обратимъ нашъ взоръ на жителей Меркурія, плот-

[1]) Изъ ученыхъ трудовъ *М. В. Себрякова.*

ность котораго больше плотности земли на одну четверть, а напряженность теплоты и свѣта почти въ 7 разъ превосходитъ земную. Свѣтъ Сатурна мы назвали бы у себя совершеннымъ мракомъ, но Сатурнъ для насъ—другой міръ; его жизнь требуетъ для себя другихъ условій. При такомъ свѣтѣ, какъ на Сатурнѣ, теряется у насъ всякое понятіе о цвѣтахъ. Но природа Сатурна не есть для насъ какъ-бы раскрытая книга. Временную потерю дневнаго свѣта отчасти вознаграждаетъ тамъ лунный свѣтъ, посылаемый восемью спутниками Сатурна. Громадный шаръ Сатурна, окружность котораго въ 10 разъ превышаетъ окружность земнаго шара, обращается на оси, со скоростью, вдвое большею земной, а именно въ 10 часовъ съ половиною, а вслѣдствіе того каждая точка на Сатурнѣ передвигается въ 24 раза скорѣе, чѣмъ соотвѣтственная точка на землѣ. Теперь представьте себѣ жизнь подъ солнцемъ, которое несется надъ головой съ быстротою падающей звѣзды и, если бы земля обращалась какъ Сатурнъ, обошло бы ее кругомъ въ-теченіе одного часа. Быстрому движенію Сатурна вокругъ оси отвѣчаетъ не менѣе быстрое обращеніе вокругъ этой планеты ея спутниковъ: 1-й спутникъ, ближайшій къ Сатурну, обходитъ кольцо менѣе чѣмъ въ одни наши сутки; четыре слѣдующіе употребляютъ на это отъ полутора сутокъ до четырехъ съ половиною, 6-й спутникъ — двѣ недѣли, — 7-й три недѣли, тогда-какъ наша луна обходитъ землю въ четыре недѣли. Въ каждый оборотъ Сатурна около своей оси, вся группа его лунъ обходитъ небо у самыхъ ногъ обитателей кольца, если они есть тамъ, не сходя съ горизонта и освѣщая предметы перекрестными лучами косеннаго свѣта. Видимая съ кольца величина этихъ лунъ въ такой степени превосходитъ величину нашей луны, что если у каждаго изъ нихъ истинный поперечникъ равенъ поперечнику луны, то видимый поперечникъ 1-го спутника въ пять разъ больше поперечника луны, втораго спутника втрое больше, 3-го вдвое, 4-го въ полтора раза. Эти размѣры нужно увеличить для спутниковъ, которые больше луны. Но и безъ того картина нашей земной ночи, съ ея маленькой одинокой луной, блѣднѣетъ предъ ночной картиной Сатурна, гдѣ она представляетъ зрѣлище звѣзднаго бѣга, на которомъ восемь свѣтозарныхъ громадныхъ шаровъ несутся по небу, обгоняя другъ друга и каждый часъ обмѣниваясь фазами. Солнце восходитъ надъ кольцомъ Сатурна лишь на 28° надъ горизонтомъ, не въ-видѣ раскаленнаго ядра, какъ мы привыкли его видѣть, но въ-видѣ большой звѣзды съ замѣтнымъ дискомъ. Кольцо Сатурна такой-же спутникъ, какъ и всѣ другіе, и если допустить, что оно обитаемо съ обѣихъ сторонъ,—то, раскинувшись на двухъ площадяхъ, вмѣщающихъ въ себѣ болѣе 60.000,000,000 квадратныхъ верстъ, населеніе кольца (если его населенность пропорціональна земной) представляло бы громадную цифру 135.000,000,000 разумныхъ существъ, такихъ существъ, у которыхъ наша земля едвали въ большемъ почетѣ, чѣмъ одинъ изъ тѣхъ аэролитовъ, которые милліонами кружатся около солнца. Правда, *на долю этихъ разумныхъ существъ, при распредѣленіи у нихъ временъ года, дня и ночи, тепла и холода, выпала такая жизнь, что отъ одной мысли о ней у насъ леденѣетъ кровь*; при всемъ томъ, чтобы жить счастливо на Меркуріи, нашей Лунѣ и Сатурновомъ кольцѣ, для того не требуется особыхъ силъ отъ существъ, у которыхъ эти силы введены въ ихъ организацію. Намъ, съ нашимъ одностороннимъ взглядомъ на природу, не понять этихъ могущественныхъ силъ.

Но одинъ шагъ, сдѣланный мыслителемъ, перенесетъ его изъ царства мрака, запустѣнія и ужаса въ область живой природы, украшенной присутствіемъ существа, сознающаго разумомъ жизнь и счастье жизни». Различныя тѣла солнечной системы»,—читаемъ у *Бредихина* (Сборн., *Природа*, кн. I. 1873 г. Москва, *Публичныя лекціи Астрономіи*, стр. 100—101),—«являются разными стадіями, ступенями одного и тогоже процесса развитія. Если какая-нибудь планета, напр., Венера, находится приблизительно въ томъ-же возрастѣ, какъ и наша земля, — то нельзя ли предположить на ней существованія оживленныхъ, или вообще органическихъ тѣлъ? Мы знаемъ, какъ на землѣ упорно внѣдряется жизнь повсюду, гдѣ только встрѣчаются необходимыя условія для ея проявленія. Если, проходя различныя ступени, данная планета, хотя на одной изъ нихъ, совмѣщаетъ на своей поверхности подобныя условія для органической жизни,—то и *нѣтъ основательной причины отвергать ея проявленія*. Нельзя-же предположить, что солнце и планеты существуютъ только для земли, съ тою или другою цѣлію. Иной вопросъ, когда говорится о существахъ, совершенно подобныхъ намъ, или вообще земнымъ существамъ. Тутъ уже требуется сходство не-только въ общихъ условіяхъ для органической жизни, но и во множествѣ мелкихъ подробностей такихъ условій, а тѣмъ самымъ усложняется и дѣлается меньше вѣроятность близкаго сходства. Когда и на землѣ, на-разстояніи какой-нибудь тысячи миль, различіе въ нагрѣваніи солнечными лучами, въ количествѣ влаги и т. д. производитъ такое замѣтное измѣненіе въ органическихъ формахъ,—то тоже дастъ намъ право искать на какой-нибудь планетѣ, иначе отстоящей отъ солнца, иначе обращающейся около него и т. д., формы, сходныя съ данной формой на землѣ. Во всякомъ случаѣ тутъ можетъ быть рѣчь только о самыхъ *общихъ условіяхъ проявленія органической жизни*». Въ *метеоритахъ*»,—читаемъ мы въ Геологіи времени *Бернгардта фонъ Котта* (стр. 381), — «находимъ мы элементы и *земныхъ организмовъ*, кромѣ азота; нѣтъ недостатка даже и въ фосфорѣ. Самый образъ соединенія элементовъ въ метеоритахъ вполнѣ согласуется вообще съ образомъ соединенія ихъ на землѣ. Въ нихъ дѣйствовали одни и тѣже химическіе законы, вліяніе которыхъ простирается, повидимому, далеко за предѣлы земли. Аналогія простирается еще далѣе. Эти минеральныя вещества находятся частію въ такихъ-же соединеніяхъ между собою, въ какихъ онѣ встрѣчаются и въ горныхъ породахъ земли. *Это служитъ нѣкоторымъ, хотя слабымъ, указаніемъ на возможность существованія органическихъ тѣлъ, подобныхъ нашимъ, и на другихъ небесныхъ тѣлахъ нашей солнечной системы*». Оказывается, такимъ образомъ, что сама естественная наука считаетъ болѣе чѣмъ вѣроятнымъ, а по аналогіи даже необходимымъ, бытіе живыхъ существъ не на землѣ только, а и во всей необъятной вселенной. Допуская же, или даже по необходимости утверждая это бытіе, естественная наука вынуждается предполагать условія для такого бытія, далеко отличныя отъ земныхъ, потому-что «на всемъ безграничномъ пространствѣ вселенной, по словамъ *Секки*, наша солнечная система составляетъ лишь одну ничтожнѣйшую пылинку и потому *было бы весьма рискованно, на-основаніи окружающихъ насъ явленій, дѣлать категорическія заключенія о томъ, что происходитъ на послѣднихъ границахъ космоса и.... кто знаетъ, быть можетъ наблюдаемыя нами явленія составляютъ лишь*

грубѣйшую часть тѣлъ, которыя происходятъ во вселенной, и что большинство этихъ послѣднихъ навсегда останется для насъ недоступнымъ» [1]).

Значитъ, если гдѣ-либо во вселенной условія существованія могутъ быть не-только ниже, но и выше тѣхъ условій, въ которыхъ развивается человѣкъ,—то и живыя существа, развивающіяся въ совершеннѣйшихъ условіяхъ, могутъ быть совершеннѣе, выше, утонченнѣе человѣка, и естественная наука готова населить такими существами болѣе или менѣе грубо-матеріальныя массы планетъ и солнцевъ. Но какое-же, послѣ этого, препятствіе неодолимо остановило бы полетъ нашей мысли и помѣшало бы ей помѣстить живыя разумныя единицы также и въ тончайшихъ стадіяхъ бытія, каковъ эѳиръ? Какое препятствіе помѣшало бы предположить живыя существа, сотканныя изъ одного свѣта, или изъ эѳира, вовсе неощущаемаго нами,—существа, одаренныя безмѣрно свѣтозарнѣйшими, чѣмъ наши, чувствами, существа, которыя своею незримою силою дышутъ на всю природу посредствомъ эѳира, движутъ солнце, звѣзды и планеты и оживотворяютъ всѣ стихіи міра?... Такимъ образомъ, по естественной аналогіи, изъ естественной науки, мы получаемъ *стадію существъ, отличныхъ отъ существъ земныхъ, существъ не-только, быть можетъ, низшихъ, но и высшихъ человѣка, существъ, одаренныхъ чувствами выше-человѣческими и не-только не подлежащихъ внѣшнему человѣческому чувству, по громадности разстоянія своего мѣстожительства отъ земли, но, вѣроятно, и неспособныхъ подлежать, по тонкости своей организаціи* [1]).

---

[1]) Въ самое послѣднее время, обнародованные научными авторитетами медіумическіе или спиритскіе факты, фактически подтверждаютъ возможность *премірнаго существованія премірныхъ существъ*. Громадная существенная важность *медіумизма»*,—пишетъ *Н. Вагнеръ* (С.-Петербургскія Вѣдомости, 1875 г. Ноября 11, № 303), — заключается именно въ томъ, что онъ какъ-будто указываетъ на *возможность уничтоженія пробѣла между видимымъ и невидимымъ міромъ*, — что онъ представляетъ связующее звено между этими, повидимому, противоположными областями. Сила медіумизма заключается именно въ томъ, что онъ стоитъ на почвѣ *положительнаго знанія*,—что къ изслѣдованію явленій могутъ и должны быть приложены научные методы. Правда, эти методы еще не дошли до возможности всесторонняго изслѣдованія той *высшей утонченной матеріи*, которая проявляется при медіумическихъ явленіяхъ; но начало здѣсь уже положено, и методы будутъ совершенствоваться тѣмъ-же путемъ, какъ и при изслѣдованіи всѣхъ существенныхъ, или физическихъ явленій. *Существуетъ ли другой міръ, или все оканчивается міромъ чувствъ?* «Медіумическія явленія, —

*

Е) Сверхъ всего этого, мы должны установить еще *особую стадію реальнаго бытія для силъ*, которыя не-только въ разсудочномъ отвлеченіи, но и въ живомъ фактѣ, въ одну сторону *объединяютъ индивиды въ особые виды и роды существъ*, а въ другую сторону, *раздробляютъ индивиды на живыя части и частицы, устанавливая въ каждой изъ нихъ особый индивидъ*. Такъ, мы не можемъ не усматривать особую единую силу, которая объединяетъ отдѣльные, совершенно аналогичные, листки травы въ одинъ кустъ, возникающій изъ

пишетъ тотъже *Вагнеръ* (Русскій Вѣстникъ 1875 г., октябрь, стр. 870),—заключаютъ въ себѣ разрѣшеніе этого вопроса и *даютъ на него категорическій, положительный отвѣтъ*. Эти факты (878) въ высшей степени невѣроятны. Они рѣзко противорѣчатъ всѣмъ современнымъ, психологическимъ и естественно-историческимъ даннымъ. Они неожиданно раскрываютъ предъ нами тотъ *quasi-фантастическій міръ, въ существованіе котораго мы отвыкли вѣрить*, по мѣрѣ того, какъ развивалось наше знаніе, развивалось, повидимому, прочно, благодаря точнымъ, опытнымъ изслѣдованіямъ. *Но, тѣмъ не менѣе, это—факты.* Не-смотря на ихъ (907) очевидную нелѣпость, я убѣжденъ въ существованіи этихъ фактовъ, и это убѣжденіе не пошатнется до тѣхъ поръ, пока человѣкъ, подобный *Круксу, или Олькотту не опрокинетъ ихъ собственными наблюденіями, на-столько-же вѣскими и доказательными, какъ и наблюденіе Олькотта.* Съ тѣхъ поръ, какъ я началъ жить сознательною жизнью, я привыкъ вѣрить фактамъ, считая ихъ единственными основами для нашего самосознанія и развитія. Если новые факты противорѣчатъ всему, что мы знали объ окружающихъ насъ явленіяхъ, — тѣмъ лучше; значитъ, *они открываютъ для насъ новую область изслѣдованія, которая была для насъ до сихъ поръ недоступна*, и я никогда не соглашусь съ тѣми людьми, которые считаютъ *эти факты несуществующими* по тому только, что они *физически невозможны*. Въ этомъ случаѣ я твердо держусь правила, высказаннаго *Франсуа Араго* по поводу *месмеризма: «кто, внѣ чистой математики, толкуетъ о невозможности чего бы то ни было, тотъ лишенъ основныхъ принциповъ логики»*. Доказательства медіумическихъ явленій идутъ съ разныхъ сторонъ; ихъ слишкомъ много (944). Но чѣмъ-же отвѣчать (945) скептикамъ, которые вѣрятъ только одному на свѣтѣ, — *непогрѣшимости собственныхъ чувствъ и собственнаго ума*? Откиньте гордость вашего ума и вашей логики, — и предъ вами развернется тотъ міръ, противъ существованія (946) котораго вы такъ жестоко предубѣждены. И для меня, точно также, какъ теперь для васъ, всѣ медіумическіе факты казались чистымъ сумазбродствомъ; и я отвергалъ ихъ, имѣя *только одинъ, казалось мнѣ, неопровержимый аргументъ: они невозможны!* А между-тѣмъ *для невозможнаго въ этомъ физическомъ мірѣ открылась возможность въ другомъ*, который дополняетъ его и коронуетъ. И для меня казалось *невозможнымъ образованіе человѣческой руки изъ ничего, изъ воздуха, образованіе мгновенное*, со всѣмъ *ея химическимъ составомъ, всѣми гистологическими тонкостями, между-тѣмъ это—фактъ несомнѣнный, странный, чудовищный фактъ*. Я точно такъ-же спрашивалъ себя: да гдѣ-же сердце отъ кровеносной системы

одного корня,—которая объединяетъ листья кактуса также въ одинъ кустъ, уже перерождающійся въ одинъ стволъ,—которая объединяетъ побѣги дуба въ одно цѣльное дерево, съ однимъ корнемъ и стволомъ,—которая объединяетъ многихъ, отдѣльно-развивающихся полиповъ въ колонію, придерживающуюся одного ствола,—объединяетъ кучу муравьевъ, или пчелъ, въ одно семейство, продолжающее свой родъ чрезъ одну матку,—или колонію полиповъ, которые постепенно перерождаются въ особые органы, съ спеціализованными

стой руки, откуда-же берется ея составъ, изъ какой *materia prima* формируется, и притомъ мгновенно, и такъ-же мгновенно разрушается безслѣдно? И пришелъ къ убѣжденію, что *я этого не знаю*, какъ не знаю многаго, что лежитъ впереди длиннаго пути человѣческаго развитія. И *для меня казалось невозможнымъ измѣненіе вѣса тѣла*» (одно и тоже матеріализованное спиритское тѣло вѣсило различно), помимо тяготѣнія земли, а между-тѣмъ *я это видѣлъ, я это самъ измѣрялъ динамометромъ, показатель котораго закрѣплялся самъ собой послѣ каждаго взвѣшиванія.* Слѣдовательно, это не была галлюцинація. Это былъ тоже несомнѣнный и также чудовищный фактъ. Назовите эту *силу, которая сильнѣе притяженія земли, магнетизмомъ, электричествомъ, психическою силою,*— все равно; фактъ останется фактомъ (974). Если вы серьезно рѣшитесь заняться изслѣдованіями спиритизма, то придете къ такимъ-же результатамъ, къ какимъ пришли *Геръ, Крукс и Ворлей* и многіе другіе ученые, осмотрительные и логичные. Вѣдь каждый приступалъ къ этимъ изслѣдованіямъ съ твердымъ убѣжденіемъ, что онъ, такой разсудительный и серьезный ученый, непремѣнно откроетъ Америку; но всѣ, познакомившись ближе съ медіумическими явленіями, убѣждаются, что Америка лежитъ въ-сторонѣ отъ нихъ. Когда эти явленія были слабы, спорадичны,—тогда можно было утѣшать себя «*безсознательными движеніями рукъ, вертящихъ столы*, или «*безсознательною церебраціею нашихъ собственныхъ мозговъ*», въ desord ге фокусовъ; но теперь они развились, наросли съ поразительною силой, они являются во весь ростъ, являются *въ-видѣ матеріализованныхъ», осязательныхъ фигуръ, которыя могутъ ощупать, сколько имъ угодно, всѣ ученые скептики, и даже взвѣсить и смѣрить, какъ и сколько имъ угодно.* Теперь бороться нельзя, потому-что всякая борьба становится сумасбродствомъ, безумiемъ. Поймите это и преклонитесь *предъ возможностью невозможныхъ фактовъ.* Преклонитесь затѣмъ (950), чтобы шире и глубже смотрѣть на вещи, которыя понять и объяснить мы не можемъ, *съ точки зрѣнія односторонникъ физическихъ явленій.* Вѣдь всѣ наши убѣжденія и взгляды развились и окрѣпли среди этихъ явленій, и мы твердо знали, что кромѣ этихъ явленій нѣтъ и не можетъ быть другихъ, *даже тамъ, въ неизмѣримо далекихъ небесныхъ пространствахъ, гдѣ спектроскопъ открывалъ намъ тождество химическаго состава небесныхъ тѣлъ съ составомъ нашей собственной земли. И вдругъ теперь открывается новый міръ, съ своими законами, съ своими силами, которыя сильнѣе нашихъ разумныхъ силъ.* Какъ-же не встрѣтить скептицизмомъ и глумленіемъ эту новую область намъ, измѣрившимъ глубину небесныхъ океановъ и

отправленіями,—или всякій родъ животныхъ, которыя произошли, первоначально, непремѣнно отъ одного корня,—или, наконецъ, человѣческій родъ, который, происшедши отъ одного корня, вырабатываетъ изъ себя явственно единый, цѣльный, развивающійся на пространствѣ всей человѣческой исторіи, обще-человѣческій духъ и т. д.—Въ тоже время, мы не можемъ отрицать бытіе и тѣхъ особыхъ индивидуальныхъ силъ, которыя проявляются въ каждой пчелѣ, въ каждомъ муравьѣ, въ каждомъ полипѣ, въ каждомъ листкѣ кактуса, въ каждомъ, аналогичномъ съ другими, побѣгѣ куста травы, въ каждомъ отдѣльномъ органѣ болѣе или менѣе дифференцированнаго организма, въ каждой живой клѣточкѣ... Далѣе, идя въ ту или въ другую сторону, по пути ли восхожденія къ общему и цѣлому, или по пути нисхожденія къ частному и частичному, мы упираемся въ одну и туже очевидность, что рѣзкая грань между царствами органическимъ, живымъ, и неорганическимъ, будтобы мертвымъ, не существуетъ,—что, слагая всѣхъ отдѣльныхъ духовъ въ единство духовной жизни, мы получаемъ, въ корнѣ, единый міровой духъ,—что, слагая всѣ отдѣльныя жизни, органическую, неорганическую и стихійно—элементарную, въ коренное источное единство, мы получаемъ единую міровую жизнь, въ которой духовно-разумная жизнь духовъ есть вѣнецъ и завершеніе всей совокупности одушевленнаго бытія, и, такимъ образомъ, получаемъ едино-источную, животворящую, міровую силу, которая необъятна, какъ самый міръ, предѣла которой мы не усматриваемъ ни въ разсудочномъ отвлеченіи, ни въ опытѣ,—которая, раздвигаясь шире и шире съ каждымъ взмахомъ крыльевъ нашей фантазіи, съ изобрѣтеніемъ болѣе и болѣе сильныхъ телескоповъ, углубляющихъ наше око въ бездны пространства, неизмѣримыя даже для математическихъ вычисленій, больше и больше приближается къ абсолютному безконечному, однакожъ, ни въ опытѣ, ни

свѣсившимъ далекіе міры солнцъ! Неужели же наши вѣсы и математическіе законы ничтожны предъ какими-то *невѣдомыми законами*, которые, неизвѣстно еще, подчинятся ли непогрѣшимой математикѣ, или нѣтъ? Да, это крайне обидно для нашего гордаго ума! Но факты, заставляющіе убѣждаться въ несомнѣнности медіумическихъ явленій, неопровержимы» (951)!—Съ своей стороны мы заявляемъ только фактъ, что подобные факты заявляются и подтверждаются, въ послѣднее время, весьма учеными и извѣстными естествовѣдами. Сущности такъ-называемыхъ нынѣ, но изстари извѣстныхъ, спиритскихъ фактовъ и возможности обнаруженія горняго міра нашему чувству, никто изъ широко знакомыхъ съ исторіею развитія человѣческаго духа отрицать не можетъ.

въ разсудочномъ понятіи, не есть абсолютное, хотя въ идеѣ и углубляется въ него своими корнями. А разлагая каждый живой индивидъ на живыя клѣточки, изъ которыхъ каждая, въ свою очередь, черпаетъ свою единую жизнь изъ миріадъ жизней живыхъ молекулъ, изъ которыхъ каждая опять распадается на миріады атомовъ, билліоны, и трилліоны, и квадрилліоны разнообразныхъ движеній живаго и животворящаго эѳира, мы почти касаемся, нашимъ ограниченнымъ понятіемъ, нуля, однакожъ, никогда не достигаемъ его въ живомъ фактѣ, въ неисчерпаемой жизненности даже самомалѣйшихъ атомовъ, въ неистощимой идеѣ бытія,—не достигаемъ этого по тому, что въ основѣ ограниченной жизни лежитъ не голое ничтожество, но неистощимое безконечное бытіе, самоограничившее себя безусловнымъ небытіемъ,—потому-что всякое ограниченное бытіе есть именно неистощимое количество дробей, есть нуль, взятый именно безконечное число разъ,—есть нуль, взятый безконечнымъ бытіемъ въ непостижимое сопряженіе съ собою, чрезъ непостижимый актъ математико-метафизическаго умноженія, для непостижимаго произведенія ограниченной единицы ($1 = \infty \times 0$), единицы, наисущественнѣйшимъ, безусловнымъ образомъ, отличной отъ своихъ примитивныхъ прародителей, двухъ абсолютно-полярныхъ противоположностей. Безконечное же, для нашего разсудка и ограниченнаго опыта, и неуловимо, и непостижимо, хотя и отличается нами явно отъ всякой, самой великой и самой малой, ограниченности въ идеѣ...

III) *Какое же изъ этихъ бытій объективно и какое субъективно?*

1) Предыдущій анализъ показалъ, что чисто объективное бытіе которое, въ тоже время, не было бы и субъективнымъ, субъективнымъ болѣе или менѣе, не существуетъ не-только для насъ и въ насъ, но и внѣ насъ, *in re*, такъ-какъ мы не можемъ мыслить бытіе, которое было бы внѣ высшаго изъ общихъ разсудочныхъ нашихъ понятій, именно понятія универса, или бытія, равно-какъ и внѣ присущей намъ, всеобъемлющей, разумной идеи безконечнаго. Но тотъ-же анализъ показалъ, что бытіе можетъ имѣть для насъ больше или меньше объективности, а съ другой стороны, также больше или меньше и субъективности,—или бытіе можетъ быть даже только субъективно, но не объективно. Вслѣдствіе этого, и реальное для насъ имѣетъ разныя степени реальности, такъ-какъ одно оказывается реальнымъ, болѣе, или менѣе, и въ субъектѣ, и въ объектѣ, а другое только въ субъектѣ,—почему одно оказывается только субъективно-

реальнымъ, а другое не-только субъективно, но и объективно-реальнымъ.

2) Тотъ-же анализъ показалъ, что внѣшне-чувственное бытіе только субъективно; что, являясь только въ субъектѣ, оно не оказывается въ объектѣ; въ объектѣ же оказывается нѣчто, далеко отличное отъ ощущаемаго внѣшнимъ чувствомъ. Такъ, звуковое, съ разными его оттѣнками, существуетъ только въ слухѣ; въ объектѣ же существуетъ только разностепенная вибрація, которая, и ниже и выше звуковой напряженности, хотя и оказывается въ объектѣ тою-же вибраціею, какъ и звуковая вибрація, однакожъ для уха не существуетъ. О тепловыхъ вибраціяхъ нужно сказать тоже самое, что сказано и о звуковыхъ. Тепло и холодъ существуетъ только въ нашемъ мускульномъ ощущеніи. Всегоже яснѣе этотъ законъ отношенія нашей субъективной чувствительности къ внѣшнему бытію обнаруживается въ дѣятельности чувства зрѣнія. Вотъ существуетъ внѣ чувства вибрація высоко напряженной скорости, которая, однакожъ, нѣсколько ниже (по *Секки*) 63.000,000,000,000 вибрацій въ секунду. Приближаясь къ этой скорости, она оказывается бытіемъ, въ нашемъ глазѣ, въ-видѣ едва едва мелькающаго, ультра-краснаго цвѣта, далѣе въ-видѣ густо и ярко краснаго цвѣта, затѣмъ въ-видѣ постепенно измѣняющагося краснаго цвѣта, еще далѣе совсѣмъ исчезаетъ для зрѣнія, потомъ снова возникаетъ въ-видѣ густаго оранжеваго, затѣмъ измѣняется, приближаясь къ жолтому цвѣту, въ промежуткѣ между ними опять исчезаетъ, и т. д., до высшаго въ скалѣ радуги фіолетоваго цвѣта, который въ послѣдней своей грани, измѣняясь, наконецъ совсѣмъ исчезаетъ, однакожъ, нѣкоторыми химико-физическими воздѣйствіями на нашъ глазъ, можетъ быть опять еще возванъ къ бытію для зрѣнія, въ-видѣ зрительнаго ощущенія едва едва мерцающаго ультра-фіолетоваго цвѣта [1]). Таже вибрація, постепенно

---

[1]) Въ журналѣ *Знаніе* (1972 г., Августъ,) стр. 104—105) напечатано: «изъ лучей, на которые разлагается призмою бѣлый свѣтъ, только часть воспринимается нашимъ глазомъ. Мы видимъ обыкновенно только ту часть спектра, которая лежитъ между фрауэнгоферовыми линіями A и H; лучи же съ меньшею преломляемостью, чѣмъ красные, и съ большею, чѣмъ фіолетовые, обыкновенно не воспринимаются. Но можно легко и ясно видѣть ультра-фіолетовые лучи, если заставить падать на разлагающую призму *прямой* солнечный свѣтъ. Установивъ спектроскопъ такимъ образомъ, чтобы солнечные лучи прямо падали на преломляющія плоскости призмы, *Секулье* видѣлъ свѣтъ и темныя фрауэнгоферовы линіи

возвышаясь, не исчезаетъ въ объектѣ внѣ нашего зрѣнія и выше вибрацій, соотвѣтствующихъ фіолетовому цвѣту. Можно даже мыслить зрѣніе болѣе острое, чѣмъ наше человѣческое, — зрѣніе, для котораго существуетъ, быть можетъ, болѣе семи элементовъ свѣтовой радуги, и каждый изъ этихъ элементовъ чувствителенъ сильнѣе даже тѣхъ, не существующихъ для простаго зрѣнія, особенно яркихъ цвѣтовъ, которые могутъ быть вызваны въ нашемъ зрительномъ нервѣ искусственнымъ его возбужденіемъ, а вся совокупность существующихъ и не существующихъ для человѣка элементовъ свѣта отражается въ предполагаемомъ выше человѣческомъ чувствѣ, быть можетъ, свѣтозарнѣе самаго сильнаго солнечнаго свѣта и поразительнѣе самыхъ переливчатыхъ цвѣтовъ вечерней или утренней зари. Впрочемъ, нѣчто подобное возможно и для человѣческаго чувства. Дознано, что, для нѣкоторыхъ глазъ, нѣкоторые цвѣта не существуютъ, какъ и для нѣкоторыхъ ушей не существуютъ нѣкоторые звуки; наоборотъ, опытъ показалъ, что, для нѣкоторыхъ обоняній и вкусовъ, существуютъ вкусы и запахи, которые для другихъ не существуютъ. Открывающаяся отсюда аналогія заставляетъ предполагать, хотя это точно и не провѣрено, что, для нѣкоторыхъ и слуховъ, и глазъ, существуютъ звуки и цвѣта, превышающіе установленную обще-человѣческую скалу звуковъ и цвѣтовъ. По крайней мѣрѣ, нѣкоторые исключительные опыты заставляютъ полагать, что свѣтъ, для особо-устроеннаго, или экзальтированнаго чувства, способенъ переходить въ звуковую гармонію и, обратно, гармонія способна вызывать видѣнія. Все это показываетъ, что совершенно реальные для одного чувства факты въ другомъ чувствѣ оказываются не существующими. Не менѣе ясно и то, что вкусы и запахи существуютъ только въ субъектѣ,—во внѣшнемъ нашемъ чувствѣ вкуса и обоянія. Очевидно и то также, что и сопротивленіе, какъ нѣчто ощущаемое, существуетъ опять-таки только въ субъектѣ, и то только въ извѣстныхъ условіяхъ: какъ для человѣческаго ощущенія не существуетъ сопротивленіе, міріадами носящихся въ воздухѣ, пылинокъ, или инфузорій,—такъ для пропорціонально увеличеннаго гиганта, который шагалъ бы въ между-звѣздныхъ пространствахъ относительно расширенными гигантскими шагами, для соотвѣтственно уси-

---

до группы N. Цвѣтъ этого свѣта описывается, какъ свѣтло-голубой и серебристо-свѣтлый.

леннаго его чувства, не существовало бы сопротивленіе нашихъ лунъ и планетъ, а солнце онъ спокойно столкнулъ бы съ своего пути, какъ мы безсознательно сталкиваемъ съ своего пути летящую муху. Послѣднюю опору объективности чувственнаго бытія матеріалисты желали бы видѣть въ непроницаемости. Но относительно и непроницаемости всевозможными аналогіями доказывается, болѣе чѣмъ основательно, даже непреложно до непререкаемости, что и она,— эта непроницаемость, — иначе сказать,— абсолютная атомность, въ реальномъ фактѣ не существуетъ,—что абсолютная сила могла бы весь универсъ сжать въ атомъ и, обратно, изъ атома вызвать цѣлый универсъ. Значитъ, и ощущаемая нами непроницаемость оказывается бытіемъ только субъективнымъ... [1]).

---

[1]) Мы *поражены были изумленіемъ* при чтеніи статьи *Л. Гейгера* (Въ журналѣ: *Знаніе*, за 1871 годъ, ноябрь, стр. 117 — 126) *«Первобытныя цвѣтовыя ощущенія и ихъ развитіе»*. Въ-подтвержденіе только-что изложенныхъ нами выводовъ, развиваемыхъ во всемъ нашемъ изслѣдованіи, считаемъ не излишнимъ представить здѣсь содержаніе этой высоко-замѣчательной статьи. За достовѣрность сообщаемыхъ въ ней фактовъ не отвѣчаемъ, хотя и признаемъ общую ея идею вполнѣ соотвѣтствующею глубоко понимаемой дѣйствительности. Статья *Л. Гейгера* начинается, повидимому, страннымъ вопросомъ: *«все ли въ органахъ чувствъ человѣка, тысячелѣтія тому назадъ, совершалось такъ-же, какъ совершается и теперь, или-же можно показать то далекое время, когда эти органы были неспособны къ нѣкоторымъ изъ ихъ нынѣшнихъ отправленій?* — Исторія *цвѣтовыхъ ощущеній»*, — отвѣчаетъ на это авторъ статьи, — «имѣетъ особенное значеніе для всего развитія нашихъ ощущеній. Въ древнѣйшее время *о голубомъ цвѣтѣ* вовсе не упоминается. О случайности здѣсь не можетъ быть и рѣчи. Такъ, индійскія пѣсни *Ригведы*, состоящія болѣе чѣмъ изъ 10,000 стиховъ, вездѣ наполнены описаніями неба; на каждомъ шагу въ нихъ, съ неисчерпаемою полнотою, великолѣпно развертываются передъ нами игра цвѣтовъ, ежедневно совершаемая на небесномъ сводѣ, солнцемъ и утреннею зарею, день и ночь, облака и молнія, воздушное пространство и эөиръ; только о синевѣ неба нельзя было бы узнать изъ этой древнѣйшей поэзіи. Между-тѣмъ пѣсни *Вѣдъ* служатъ представителями древнѣйшей ступени человѣческаго духа. То-же самое, что относится къ *голубому цвѣту*, нужно замѣтить и о *Зендавестѣ*, книгѣ *Парсовъ*, для которыхъ, какъ извѣстно, свѣтъ и огонь, земной и небесный, какъ нельзя болѣе священны и у которыхъ слѣдовало бы предполагать также вниманіе къ цвѣтамъ неба, какъ и въ *Вѣдахъ*. *Библія*, которая упоминаетъ о небѣ въ первомъ-же стихѣ, и вообще слишкомъ 450 разъ, *ни разу не вспоминаетъ о голубомъ цвѣтѣ*. Даже въ *Гомеровыхъ* эпопеяхъ *не упоминается о голубомъ небѣ*. Такой рядъ единогласныхъ свидѣтельствъ древности нельзя считать случайностью. Вообще, вездѣ, гдѣ мы можемъ отличить въ языкѣ раннія понятія отъ позднѣйшихъ, замѣчается законъ, что по-

3) Что-же существуетъ и существуетъ ли что-либо въ объектѣ? Выше представленный анализъ показалъ, что въ объектѣ существуетъ не иное что, какъ чуждый, и въ цѣломъ, и въ частяхъ, и въ малѣйшихъ частицахъ, всякаго грубо-матеріальнаго, безусловно непро-

---

нятія исходятъ отъ крайностей и постепенно переходятъ къ обозначенію подобныхъ вещей менѣе крайняго характера. Что касается цвѣтовъ, то невниманіе къ ихъ постепеннымъ переходамъ все болѣе и болѣе увеличивается, чѣмъ далѣе мы углубляемся въ древность, пока не явятся *только самыя крайнія противоположности, черный и красный цвѣта*. Языкъ весьма рано обозначаетъ *черный* цвѣтъ, какъ рѣшительнѣйшую противоположность *красному*. Затѣмъ можно доказать, что ощущеніе *желтаго* цвѣта пробудилось раньше, нежели *зеленаго*. Что же касается *голубаго цвѣта*, то слова, обозначающія *голубой* цвѣтъ первоначально, въ древнѣйшія времена обозначали, въ меньшей части, *зеленый*, а въ большей части, *черный*. Это замѣтно въ нѣмецкомъ blau (голубой), которое встрѣчается въ древнемъ сѣверномъ языкѣ, въ сложномъ словѣ blâ-madhr, *черный* человѣкъ, арапъ, и которое родственно англійскому black (черный). Китайское hiuan, означающее теперь—*небесно-голубой*, въ-древности значило *черный*. Одно изъ названій *голубаго*, распространенное теперь въ значительной части Азіи, есть nil, а nila означаетъ, въ древнѣйшихъ сочиненіяхъ, только *черное* и есть не что иное, какъ индійская форма латинскаго *niger*. Спрашивается, *каково-же было физіологическое состояніе людей, которые цвѣтъ неба могли назвать только черным? Заключается ли здѣсь противоположность съ нами только въ названіи, или-же въ самомъ сознаніи ощущенія?* Одинъ индійскій философъ, изслѣдуя причину *голубаго* цвѣта неба, приводитъ мнѣніе, что онъ субъективенъ: *черный цвѣтъ глаза сообщается небу*, подобно тому, какъ глазу, страдающему желтухой, все кажется желтымъ. Страннымъ образомъ выражается и *Гомеръ о голубыхъ и фіолетовыхъ предметахъ*. У него слово—κύανος (наше ціанъ) есть густѣйшій *черный* цвѣтъ. Траурную одежду Ѳемиды онъ называетъ κυανέον, прибавляя, что она чернѣе всякой другой одежды. То же названіе придается у него *грозовому облаку, черному облаку смерти*, и нѣсколько разъ присоединяется къ нему слово—μελας, рѣшительно *черный*. Напротивъ того, волоса Одиссея сравниваются съ цвѣтами *гіацинта*, а древне-греческіе толкователи совершенно правильно называютъ это *чернымъ цвѣтомъ*. Въ томъ-же смыслѣ *Пиндаръ* говоритъ о *фіолетовыхъ кудряхъ*, а *Гомеръ* приписываетъ *желѣзу фіолетовый цвѣтъ*. Гомера древность прозвала слѣпцомъ. Но если это патологическое объясненіе справедливо относительно *Гомера*, тогда можно сказать, что и множество другихъ поэтовъ и даже все человѣчество было, вѣроятно, въ такомъ-же положеніи, какъ и Гомеръ, въ-теченіи нѣсколькихъ тысячелѣтій. У Грековъ и Римлянъ продолжается смѣшиваніе *голубаго и фіолетоваго* именно съ сѣрымъ и бурымъ. Такъ, *Теокритъ* и *Виргилій*, въ-оправданіе загара одного прекраснаго лица, говорятъ: вѣдь и *фіалки и гіацинты* также *черны*. *Кассіодоръ*, въ началѣ VI в. по Р. Х., говоритъ о четырехъ цвѣтахъ, употреблявшихся въ циркахъ, что изъ нихъ *зеленый* былъ посвященъ веснѣ, красный лѣту,

ницаемаго, атомнаго содержанія, выше-чувственный ἶδος, иначе сказать, существуетъ движущійся между двумя граничными идеями абсолютнаго бытія и небытія, усматриваемый въ каждомъ данномъ пунктѣ именно внутреннимъ чувствомъ, индивидъ, который, въ одну

бѣлый, въ-знакъ зрѣлости, осени, а *голубой — облачной зимѣ* (venetus nubilae hiemi). Классическая древность вообще не имѣла слова для обозначенія чисто голубаго цвѣта. Латинское — caeruleus неопредѣленно и имѣетъ различныя значенія, *отъ чернаго, чрезъ сѣрый, до голубаго*. Романскіе языки, дѣйствительно, не нашли въ основномъ римскомъ языкѣ никакого годнаго слова для голубаго и должны были заимствовать его отчасти отъ нѣмцевъ. Такъ, французское bleu и старинное итальянское biavo заимствованы отъ нѣмецкаго blau, которое само, въ древнѣйшія времена, значило — *черный*. *Коранъ* также не знаетъ еще *голубаго*, хотя тамъ много и часто говорится о небѣ. Напротивъ того, въ IX столѣтіи, арабскій философъ *Ал-Кинди* написалъ трактатъ *объ устройствѣ сферы и постоянномъ лазуревомъ цвѣтѣ, замѣчаемомъ въ направленіи неба*. Въ пѣсняхъ *Эдды голубое небо* также не упоминается. *Единогласныя же свидѣтельства въ-отношеніи зеленаго цвѣта кажутся еще поразительнѣе, нежели относительно голубаго*. Зеленый цвѣтъ встрѣчается одною степенью глубже въ древности, но потомъ также исчезаетъ. Зеленые предметы, конечно, существовали для человѣка съ тѣхъ поръ, какъ только существуетъ растительность. И, однакожъ, въ десяти книгахъ *Ригвѣды*, при частомъ упоминаніи о землѣ, *она также не называется зеленою, какъ небо голубымъ*. Часто говорится о деревьяхъ, травахъ и злакахъ, о зрѣлыхъ вѣтвяхъ, пріятныхъ плодахъ, плодоносныхъ горахъ, о посѣвахъ и лугахъ; о зеленомъ же полѣ нѣтъ и рѣчи. Еще поразительнѣе тоже явленіе въ *Зендавестѣ*. Что же касается грековъ, то χλωρος, употребленное *Гезіодомъ* для означенія зеленой вѣтки, у *Гомера* почти вездѣ совершенно опредѣленно значитъ *желтый*, чередуясь съ ωχρος, откуда наша *охра*. Только въ позднѣйшемъ гимнѣ Аполлону мы, въ томъ-же словѣ (χλωρος), встрѣчаемъ ощущеніе зелени горъ, ощущеніе видимаго впечатлѣнія растительности, на которую прежде обращалось вниманіе только ради ея полезности, какъ-будто на-столько, на-сколько она съѣдобна. Но греческое слово χλωρος никогда не достигало вполнѣ значенія того, что мы называемъ *зеленымъ*, а означало только начало этого цвѣта, включая туда и желтый, и еще въ *Аристотелевой* книгѣ о цвѣтахъ это слово, χλωρος, противопоставляется настоящему *зеленому*, называемому *травянымъ*, или *луковымъ* цвѣтомъ. *Аристотель* въ метеорологіи называетъ *радугу трехцвѣтною*, именно красною, желтою и зеленою; но, двѣсти лѣтъ до того, *Ксенофанъ* говорилъ: «то, что вы называете *ирисъ* (радуга), есть облако *пурпуроваго, красноватаго и желтоватаго вида*», при чемъ онъ выпускаетъ, или, по крайней мѣрѣ, не рѣзко обозначаетъ *зеленый цвѣтъ*. Въ *Эддѣ* радуга также называется *трехцвѣтнымъ мостомъ*. *Демокритъ и Пивагорейцы* принимали *четыре основные цвѣта*: *черный, бѣлый, красный и желтый*, — воззрѣніе, долго державшееся въ-древности. *Китайцы*, съ древняго времени, принимаютъ *пять цвѣтовъ*, именно еще *зеленый*; то-же встрѣ-

сторону, растекается въ частности и дроби, болѣе и болѣе мельчающія, до ничтожества, а въ другую сторону, вливается въ единство видовой, родовой и, наконецъ, универсально-комсмической жизни...

чаемъ и у арабскихъ философовъ. Древнія свидѣтельства (*Цицерона, Плинія и Квинтиліана*) положительно утверждаютъ, что греческіе живописцы, еще до временъ *Александра*, употребляли именно и только *эти четыре краски* (*кромѣ зеленой*). Это считалось невѣроятнымъ, такъ-какъ съ такими средствами нельзя изобразить *ни зелени земли, ни синевы неба.* Но *то время*, нужно полагать, еще не знало *потребности изображать цвѣта неба и земли.* Есть основаніе думать, что и *ощущеніемъ благовонія человѣкъ былъ одаренъ не всегда.* Въ одномъ мѣстѣ *Зендавесты* цвѣты называются благоухающими; но въ пѣсняхъ *Вѣдъ* не оказывается ничего подобнаго. Употребленіе курительныхъ веществъ, при жертвоприношеніяхъ, въ *Ригвѣдѣ* (въ-противоположность менѣе древней *Яджуръ-Вѣдѣ*) еще не упоминается. Въ библейскихъ книгахъ, ощущеніе запаха цвѣтовъ является впервые въ *Пѣсни пѣсней.* По книгѣ *Бытія*, въ раю росли всѣ породы деревъ, *красивыя по виду и вкусныя*; но апокрифическая книга *Энохъ* (перваго столѣтія до Р. Х., или нѣсколько позднѣе), изображая рай точно также, не забываетъ восхвалить и превосходный *запахъ* дерева познанія и другихъ райскихъ деревъ. Что ощущеніе благовонія не первобытно, доказывается также и исторіей языка. Дѣти долго не обращаютъ вниманія на пріятные и даже непріятные запахи. Замѣчательное у дикарей чутье, при помощи обонянія, отлично отъ воспріимчивости къ пріятнымъ и непріятнымъ запахамъ, даже, быть можетъ, находится къ нимъ въ обратномъ отношеніи. Относительно животныхъ это ясно само по себѣ. Собака отличается своимъ чутьемъ; но сколько бы вообще ни находили въ ней человѣкоподобнаго, едвали кто вздумалъ бы доставить ея носу удовольствіе букетомъ цвѣтовъ. Также и *чувство благозвучія, удовольствія въ слуховыхъ ощущеніяхъ, не прирождено человѣку.* У человѣка естественнаго пѣнія, какъ у птицы, нѣтъ, точно такъ-же, какъ и естественнаго ваянія. Искусство имѣетъ трудное рефлективное развитіе, а вмѣстѣ съ нимъ развивается и воспріятіе. Здѣсь выводы науки о языкѣ, самымъ рѣшительнымъ образомъ, соприкасаются съ выводами физики и физіологіи. Что касается цвѣтовыхъ ощущеній, то *вотъ кругъ цвѣтовъ глубочайшей древности.* Въ настоящихъ древнихъ пѣсняхъ *Вѣдъ* не-только не упоминается *о зеленомъ* цвѣтѣ, но и *желтый* не составляетъ чистаго цвѣта нашего спектра. Съ теченіемъ времени, слова для обозначенія *желтаго* доходятъ до *зеленаго*, а далѣе они происходятъ изъ корней, отъ которыхъ получило названіе золото, изъ *желтокраснаго и краснобураго.* Настоящія пѣсни *Ригвѣды* представляютъ *черно-красно-золотые цвѣта*, въ-противоположность *бѣло-желто-красно-чернымъ* цвѣтамъ древнѣйшей греческой философіи. Въ *Ригвѣдѣ бѣлое* еще едва различается отъ *краснаго.* То обстоятельство, что названія цвѣтовъ проявляются въ опредѣленномъ порядкѣ, и притомъ вездѣ одинаково, должно имѣть общую причину. Она не можетъ Состоять только въ *исконномъ первоначальномъ различеніи*; скорѣе слѣдуетъ признать *возрастающую, постепенно и по извѣстнымъ законамъ, воспріимчивость къ извѣстнымъ впечатлѣніямъ*, подобно тому, какъ для воспи-

Возьмемъ самое частное, индивидуальное, моментальное впечатлѣніе краснаго цвѣта. Какъ бы ни было оно быстротечно, воздѣйствіе свѣта на нашъ глазъ, чтобы произвести свѣтовое впечатлѣніе, не можетъ продолжаться менѣе $\frac{1}{10}$, или хотя бы то $\frac{1}{100}$, секунды. Если же такъ, то началу, продолженію и концу этого, повидимому, моментальнаго ощущенія будутъ соотвѣтствовать милліоны, билліоны и даже трилліоны вибрацій свѣтоваго эѳира. Подобнымъ-же образомъ, самому моментальному ощущенію бѣлаго солнечнаго свѣта будутъ соотвѣтствовать неисчислимые милліоны, билліоны и трилліоны смѣшанныхъ вибрацій, изъ которыхъ однѣ соотвѣтствуютъ красному, другія фіолетовому, а третьи и дальнѣйшіе промежуточнымъ, въ свѣтовой радугѣ элементамъ бѣлаго солнечнаго свѣта. Кромѣ того, этому-же впечатлѣнію свѣта, чтобъ оно могло сдѣлаться ощущаемымъ впечатлѣніемъ, должно соотвѣтствать неисчислимое количество неразрѣшимо-спутанныхъ, вибраціонныхъ, поступательныхъ и вращательныхъ, атомныхъ движеній въ тѣхъ тѣлахъ, чрезъ которыя долженъ пройти свѣтъ, чтобы произвести въ нашемъ глазѣ зрительное ощущеніе. Такимъ образомъ, самое быстротечное, самое моментальное впечатлѣніе оказывается непремѣнно и не иначе, какъ общимъ внутренне-чувственнымъ выводомъ, или продуктомъ неисчислимаго множества дробей, которыя воздѣйствовали на внѣшне-чувственный нервъ, но воздѣйствовали такъ, что въ отдѣльной дробности своей не перешли въ сознаніе, въ которое никогда не могутъ перейти въ такомъ своемъ дробномъ видѣ. Вотъ почему и признано въ психофизикѣ, что наиконкретнѣйшія возбужденія чувствующаго нерва, не существуя въ возбуждающемъ объектѣ, не переходятъ и въ сознаніе,

---

таннаго вкуса рѣзкіе контрасты цвѣтовъ бываютъ невыносимы, тогда-какъ вкусу грубому они пріятны. Наоборотъ, *интенсивность цвѣтовыхъ впечатлѣній, вѣроятно, уменьшается въ той-же мѣрѣ, въ какой возрастаетъ ихъ обширность и разнообразіе.* Въ глубочайшей древности, ощущеніе знакомыхъ ей цвѣтовъ было необыкновенно живо и впечатлительно. Три предмета, собственно лежащіе въ основаніи *трехъ цвѣтовыхъ понятій* того времени: *ночь, утренняя заря и солнце*, производили на тогдашняго человѣка такое впечатлѣніе, которое мы едвали можемъ понять, или прочувствовать. *Дуализмъ чернаго и краснаго цвѣта весьма рѣзко выступаетъ, какъ первый и древнѣйшій періодъ всего цвѣтоваго ощущенія.* Но этимологически мы можемъ, и за этою дуалистическою эпохою, достигнуть еще древнѣйшей ступени, гдѣ даже понятіе *чернаго и краснаго сливаются въ неопредѣленное понятіе цвѣтнаго».*

и, значитъ,—не существуютъ и въ субъектѣ,—вообще-же граничатъ съ ничтожествомъ и небытіемъ. А таково, въ существѣ дѣла, и каждое изъ внѣшнихъ нашихъ ощущеній, и тепловое, и осязательное, и вкусовое, и обонятельное, и слуховое: каждому изъ нихъ въ объектѣ соотвѣтствуетъ неимовѣрное количество смѣшанныхъ атомныхъ движеній того, что называется эѳиромъ... Что же это значитъ? А именно то, что самому моментальному впечатлѣнію нашего чувства соотвѣтствуетъ въ объектѣ извѣстный, опредѣленный индивидъ, который, въ одну сторону, есть общность, распадающаяся на болѣе и болѣе мельчающія, до невообразимой малости, болѣе и болѣе приближающіяся къ 0, хотя и никогда не достигающія 0, дроби, а въ другую сторону, есть частица, истекающая изъ единства міровой жизни, пульсируемая этимъ единствомъ, въ своемъ неудержимо быстромъ теченіи, впередъ и впередъ и втекающая въ это единство,—индивидъ, въ которомъ мы никогда не уловимъ, независимаго отъ общей и частичной жизни, его содержанія, такъ-какъ его частности, лишь-только мы обнаружимъ покушеніе поймать ихъ, мгновенно убѣгутъ изъ нашихъ рукъ, отъ нашего зрѣнія, даже отъ нашей мысли, въ буквально безконечномъ количествѣ мельчайшихъ, до близости съ нулемъ, дробей, въ единство безбрежной дали безконечнаго; останется же въ немъ, въ этомъ индивидѣ, и для нашего сознанія, и для его собственнаго индивидуальнаго бытія и, наконецъ, для общаго космическаго бытія, его ἔιδος, отъ вѣка предопредѣленная форма его проявленія, которая, если и перейдетъ и измѣнится, то не иначе, какъ въ другую, отъ вѣка-же предопредѣленную, форму его развитія. Эта, отъ вѣка предопредѣленная форма развитія данной частности, какъ извѣстный объединенный ἔιδος, существовала, по крайней мѣрѣ, въ предопредѣленіи, отъ вѣка, прежде-чѣмъ воздѣйствовать на мое внѣшнее ощущеніе, и будетъ существовать, развиваясь предопредѣленнымъ образомъ, также до конца вѣка, и по прекращеніи моего моментальнаго ощущенія. Но этотъ ἔιδος есть также субъективное бытіе? Да. Однакожъ существенная разница между нимъ и впечатлѣніемъ, которое онъ произвелъ на мое внѣшнее чувство, заключается въ томъ, что впечатлѣніе живетъ только во мнѣ, въ моемъ внѣшнемъ ощущеніи, но никакъ не внѣ меня; произведшій же впечатлѣніе ἔιδος отъ вѣка жилъ и будетъ жить внѣ меня, въ объектѣ,—въ меня же, въ субъектъ, онъ вошелъ чрезъ моментальное впечатлѣніе, чрезъ міріады моментальныхъ впечатлѣній, которыя, однакожъ, какъ показалъ

анализъ, и отрывочны,—т. е. не имѣютъ въ себѣ единства,—и не полны,—т. е. заключаютъ въ содержаніи своемъ безпредѣльно меньше того, что содержится въ ἔιδος-ѣ, и вообще не адекватны и никогда не могутъ быть адекватны ему, какъ ограниченность не адекватна и никогда не можетъ быть адекватна безпредѣльности. Это объясняется, какъ и издавна объяснялось, старинным сравненіемъ: одна безпредѣльность простирается внѣ насъ, въ даль универса, другая же безпредѣльность погружается внутрь насъ, въ недосягаемую глубь нашего духа; а внѣшнія чувства,—это малыя тусклыя оконца, чрезъ которыя духъ нашъ глядитъ въ безбрежную внѣшнюю даль универса и затѣмъ абсолютнаго. Неизобразимо и недомыслимо быстрое мельканіе универса мимо этихъ окошекъ, возбуждая въ матеріи органовъ нашихъ внѣшнихъ чувствъ соотвѣтственное, столь-же неизмѣримо быстрое, движеніе, по учащенности и малости этихъ движеній, равняется, собственно для самой крайней внѣшне-чувственой перцепціи, почти небытію. Но эта внѣшне-чувственная перцепція будитъ внутри насъ сферы духовной дѣятельности, расходящіяся, соотвѣтственно внѣшнему безпредѣльному бытію, отъ самой крайней внѣшне-чувственной периферіи и погружающіяся въ безконечную глубь личнаго духа,—а, частнѣе,—будитъ идущія въ глубь личнаго духа сферы сознательной, разсудочной и разумной дѣятельности, такъ-что проявляющійся на этихъ сферахъ, отъ первой до послѣдней, согласно конституціи нашего интеллекта, ἔιδος, будучи бытіемъ духовнымъ субъективнымъ, въ тоже время, есть, для нашего духа, бытіе и внѣшне-объективное, бытіе гораздо болѣе объективно-реальное, чѣмъ всякое, наиконкретнѣйшнее, внѣшне-чувственное впечатлѣніе, которое существуетъ только въ субъектѣ и завѣдомо не существуетъ въ объектѣ,—бытіе, которое становится для насъ тѣмъ болѣе реальнымъ и необходимымъ, чѣмъ глубже и глубже отражается по нисходящимъ сферамъ конституціи нашего интеллекта, сферамъ, совпадающимъ съ основными категоріями разсудка и съ прирожденными идеями разума, и, наконецъ, является бытіемъ безусловно-реальнымъ и безусловно необходимымъ, когда сливается съ послѣднею, коренною въ нашемъ интеллектѣ, идеею бытія абсолютнаго.

4) Поэтому, хотя на обще-человѣческомъ языкѣ и принято называть внѣшнія чувства внѣшними,—хотя обще-человѣческому чувству и кажется, будто внѣшнія чувства свидѣтельствуютъ не-только о бытіи, но и о качествахъ внѣшнихъ объектовъ,—будто они именно,

внѣшнія чувства даютъ непререкаемое свидѣтельство о бытіи нетолько реальномъ, но и объективномъ,—будто они-то именно даютъ знаніе наиболѣе позитивное, настоящее теоретическое, непререкаемо свидѣтельствующее о томъ, какъ предметы существуютъ внѣ насъ и отдѣльно отъ насъ,—однакожъ и опытъ, основанный на весьма многочисленныхъ наблюденіяхъ, и анализъ скоро убѣждаютъ насъ, что все это чистая иллюзія. Опытъ и анализъ скоро и непререкаемо убѣждаютъ насъ, что внѣшнее чувство есть собственно внутреннее хотя и низшее, начальное, внутреннее чувство,—что внѣшне-чувственныя раздраженія происходятъ внутри чувствующаго субъекта,—что, по подлинному свидѣтельству внѣшняго чувства, бытіе объектовъ оказывается не внѣ, а внутри чувствующаго органа,—что конкретное раздраженіе того или другаго чувствующаго органа неспособно указать намъ ни одного качества объекта, — что качества объекта формируются внутри субъекта, по сравненію другъ съ другомъ внѣшне-чувственныхъ раздраженій, и формируются такъ, что, принадлежа собственно субъекту, какъ качества чувствующаго органа, завѣдомо не принадлежатъ чувствуемому объекту, — что внѣшнее чувство само по себѣ безсильно подтвердить намъ даже голое (внѣ всякихъ качествъ) бытіе объектовъ, а, наоборотъ, увѣряетъ насъ скорѣе и сильнѣе въ ихъ небытіи,—что внѣшнее чувство дѣлаетъ всѣ объекты не болѣе, какъ нашими внутренними дѣятельностями, явленіями, способностями и качествами, и потому, свидѣтельствуя только о нашихъ внутреннихъ состояніяхъ, хотя и снабжаетъ насъ знаніемъ наиболѣе непогрѣшимымъ и, въ этомъ смыслѣ, знаніемъ наиболѣе позитивнымъ, тѣмъ не менѣе, однакожъ, даетъ намъ только такъ-называемую практическую истину, которая свидѣтельствуетъ только о томъ, какъ данный объектъ существуетъ только въ субъектѣ, но не въ себѣ, не in re,—и, слѣдовательно, не сообщаетъ никакого, строго теоретическаго познанія о вещи, познанія, которое отвѣчало бы на внутреннѣйшій нашъ запросъ, какъ объектъ существуетъ въ себѣ, и даже существуютъ ли объекты въ себѣ, внѣ насъ. При этомъ нашъ интеллектъ очутился бы въ самозамкнутомъ безъисходномъ кругѣ, еслибы не помогало ему вытти на просторъ, въ безбрежный океанъ бытія, его внутреннее чувство. Правда, наполняемыя внѣшне-чувственными воспріятіями, схемы и этого послѣдняго, внутренняго чувства, оказываются въ-сущности явленіями, дѣйствіями, способностями, качествами субъекта. Тѣмъ не менѣе, од-

накожъ, съ внутреннѣйшими, болѣе общими и коренными, изъ этихъ схемъ связана, по конституціи нашего интеллекта, непререкаемая наша увѣренность, что имъ соотвѣтствуютъ непреложные законы внѣшняго бытія. Имѣя въ-виду все выше-изъясненное, можно сказать, что своими, практическою и теоретическою, сторонами, внѣшнее и внутреннее чувства обращены въ полярно-противоположныя стороны: такъ, внѣшнее чувство, наиболѣе практическою своею стороною смотритъ во внѣ, а наиболѣе теоретическою во-внутрь чувствующаго субъекта,—внутреннее же чувство, наоборотъ, своею болѣе теоретическою стороною, обращено ко внѣ, къ той крайней периферіи, которою оно соприкасается съ внутреннѣйшею периферіею дѣятельности внѣшняго чувства, а наиболѣе практическою своею стороною простирается въ самую сокровенную глубь человѣческаго духа. По этой градаціи расположенія единаго и цѣльнаго нашего чувства, можно, на-основаніи всего выше-изъясненнаго, расположить степени объективной реальности такимъ образомъ: дознано, что то наименѣе объективно реально, о чемъ свидѣтельствуетъ наиболѣе внѣшняя, наиболѣе практическая сфера внѣшняго чувства; то признается нѣсколько болѣе объективно-реальнымъ, о чемъ свидѣтельствуетъ внутреннѣйшая, болѣе теоретическая, сфера внѣшняго чувства; то признается еще болѣе существенно-реальнымъ, о чемъ свидѣтельствуетъ ближайшая къ внутреннѣйшей области внѣшняго чувства, болѣе теоретическая сторона нашего внутренняго чувства; и, наконецъ, то становится наиболѣе, а, наконецъ, и безусловно-реальнымъ бытіемъ, что чувствуется въ самой внутренней, наиболѣе практической части нашего внутренняго чувства, какъ необходимый, или даже безусловный, постулятъ. Иначе сказать, *наиболѣе сверхъ-чувственное и наиболѣе объективно-реально. И самая матерія, во всѣхъ сферахъ своего проявленія для нашего духа, начиная отъ самой внѣшней, которая кажется наиболѣе внѣшне-чувственною, и до самой сокровенной, которая погружается въ эѳиръ и граничитъ съ абсолютнымъ, оказывается бытіемъ сверхъ-чувственнымъ!*

Такова структура, такова конституція нашего интеллекта! Такой ходъ систематическаго развитія человѣческаго ума, въ общихъ схемахъ, универсаленъ и вѣковѣченъ. Чтобы придти къ согласному съ вышеизложеннымъ выводу только о кажущейся реальности внѣшне-чувственнаго и дѣйствительной существенности собственно сверхъ-чувственнаго бытія, для этого нѣтъ, какъ и не было, нужды человѣческому духу до-

знать столько, сколько дознано теперь, эмпирическихъ данныхъ, касательно отношенія нашего внѣшняго, равно-какъ и внутренняго чувства, къ безчисленнымъ градаціямъ, неисчислимыхъ въ каждый моментъ, движеній міробытія, бьющихъ изъ одного ключа и всегда непреложно вращающихся въ предѣлахъ, которые предопредѣлены безусловнымъ закономъ, начертаннымъ въ этомъ первоисточномъ единствѣ. Древніе греки, за сотни лѣтъ до нашей эры, а древніе индійцы за тысячелѣтія, не зная ни нашей химіи, ни физики, ни физіологіи, не зная также, дознанной въ наше время, скалы ни звуковыхъ, ни свѣтовыхъ, ни иныхъ атомныхъ пульсацій эѳира, тѣмъ не менѣе, однакожъ, довольно научно пришли къ выводу, что все внѣшне-чувственное есть только убѣгающая тѣнь истинно-сущаго, не говоря уже о древнихъ религіяхъ, начиная съ богооткровенной, Моисеевой, для которыхъ убѣгающая быстротечность всего видимаго и вѣчная неизмѣнность невидимаго, сверхъ-чувственнаго бытія всегда были основнымъ членомъ ихъ внутреннѣйшаго символа; хотя человѣческій умъ, наученный многократными опытами тяжкихъ заблужденій, и долженъ быть крайне остороженъ въ толкованіи этой основной аксіомы всякаго, какъ религіознаго, такъ и философскаго, міросозерцанія.

ГЛАВА LXXI.

Установливаемое нами основное понятіе объ ограниченныхъ ἔιδος-ахъ и отношеніи ихъ къ бытію абсолютному легко можетъ подвергнуться ошибочному толкованію,—и потому мы считаемъ долгомъ и беремъ смѣлость заявить, что точно соотвѣтствующаго нашему представленію понятія объ ἔιδος-ѣ мы не находимъ ни въ одной философской системѣ. Болѣе же подходящими, хотя далеко не вполнѣ, къ нашему воззрѣнію мы признаемъ: 1) монады *Лейбница*, 2) атомы *Ульрици*, и 3) ἔιδος-ы *Платона и Аристотеля*. Эту разницу чужихъ воззрѣній отъ нашего мы должны разъяснить, чтобы, по возможности, отстранить нареканія отъ своего собственнаго воззрѣнія.

I) Разъяснимъ это, сперва, относительно ограниченныхъ ἔιδος-овъ.

1) Монады *Лейбница* суть недѣлимыя метафизическія точки; а наши ἔιδος-ы суть индивиды, а не недѣлимыя точки. Жизнь монады состоитъ въ безпрерывномъ рядѣ представленій, болѣе или менѣе яс-

*

ныхъ и относящихся къ состояніямъ какъ ея самой, такъ и всѣхъ остальныхъ монадъ. Что же касается нашихъ ἔιδος-овъ, то намъ, конечно, желательно и связь системы міросозерцанія и міробытія требовала бы, чтобы каждому ἔιδος-у, до атома включительно, принадлежала извѣстная доля самовидѣнія или самочувствія; однакожъ, судя по фактической аналогіи, послѣднимъ, самымъ низшимъ ἔιδος-амъ можно, съ нѣкоторою смѣлостью, приписать развѣ только самомалѣйшую, самую микроскопическую долю не иного чего, какъ только притяжимости, проявляющейся въ химическомъ сродствѣ съ другими подобными ἔιδος-ами; усвоеніе же имъ хотя бы то малѣйшей доли сознанія или представленія было бы излишествомъ, которое слишкомъ мало оправдывается фактами. Каждая монада постоянно пробѣгаетъ различныя видоизмѣненія или состоянія, свойственныя ея сущности, переходя отъ одного представленія къ другому и даже усовершаясь. Относительно же ἔιδος-овъ можно сказать только, что всякій ἔιδος предопредѣленнымъ образомъ измѣняется; но мы не знаемъ всякій ли ἔιδος переходитъ отъ одного представленія къ другому, а еще менѣе намъ извѣстно то, всякій ли ἔιδος усовершается; фактически намъ извѣстно это только относительно человѣческаго духа. Монада есть дѣятельность, существенно исключающая изъ себя все другое, есть дѣятельность отталкивающая; а ἔιδος-у, на-оборотъ, принадлежитъ дѣятельность включающая, и включающая именно двусторонне, съ одной стороны, включающая всякій частный ἔιδος въ другой, видовой и родовой, а съ другой—, включающая многіе частнѣйшіе ἔιδος-ы въ данный индивидуальный ἔιδος. Монады не вліяютъ другъ на друга, напротивъ того, каждая слѣдуетъ только законамъ ея собственнаго существа и дѣйствуетъ только параллельно со всѣми другими, по закону такъ-называемой предуставленной гармоніи. Но ἔιδος-ы вліяютъ другъ на друга: въ общемъ коренномъ ἔιδος-ѣ всегда предлежатъ законы развитія заключающихся въ немъ ἔιδος-овъ частнѣйшихъ, и, обратно, подробности развитія частныхъ ἔιδος-овъ, въ данныхъ условіяхъ, даютъ направленіе общему теченію развитія ἔιδος-овъ видоваго и родоваго. По *Лейбницу*, душа есть самосознающая монада, а тѣло аггрегатъ однородныхъ съ душою, но менѣе ясно сознающихъ, монадъ; даже самъ Богъ есть монада тогоже однороднаго порядка, только монада всевидящая. Но, по нашему воззрѣнію, душа есть индивидуальная объединяющая сила, покоряющая своему вліянію множество низшихъ объединяющихъ силъ, про-

являющихся въ каждомъ органѣ и въ каждой клѣточкѣ живаго тѣлеснаго организма. А Богъ есть бытіе абсолютно несоизмѣримое съ какимъ бы то ни было ограниченнымъ εἶδος-омъ, бытіе въ своемъ родѣ единственное, всевышнее, безпредѣльно превосходящее всякую умопостигаемую мѣру сравненія. Вообще, монадологія *Лейбница* представляется намъ, въ нѣкоторыхъ основныхъ чертахъ, несообразною ни съ фактами реальнаго бытія, ни съ выработанными современною наукою гносеологическими данными.

2) Почти тоже должно сказать и объ атомахъ *Ульрици*. Атомы у него очень похожи на монады Лейбница, однакожъ только похожи, но не тожественны. Въ понятіе своего атома *Ульрици* ввелъ неразрѣшимое для насъ противорѣчіе. Въ первой части своего творенія, *Богъ и природа*, Ульрици, всѣми силами своей эрудиціи, доказываетъ необходимость существованія физико-химическихъ, абсолютно-непроницаемыхъ атомовъ, въ-смыслѣ Демокритовой атомистики; но, во второй части того-же творенія, онъ уже превращаетъ свои атомы въ живыя монады Лейбница, которыя могутъ развиваться и усовершаться, а въ сочиненіи своемъ: *Тѣло и душа*, даже человѣческую душу возводитъ въ званіе атома. Мы видѣли уже и въ подробностяхъ, какія противорѣчія включаетъ Ульрици въ свой атомъ [1]). У него, атомъ—не дѣлимое единство, а въ тоже время атомъ—и множество, такъ-какъ атомъ есть единство, которое связываетъ двѣ, или болѣе, силы. Атомъ—точка, простой центръ силъ, не болѣе; въ тоже время атомъ представляется и какъ шаръ, или какъ центръ, окруженный периферіею дѣйствій. Субстанцію атома составляетъ собственно объединяющая и удерживающая многія силы сила сопротивленія; однакожъ атомъ оказывается единствомъ, въ которомъ силою сопротивленія связаны многія и разныя силы; значитъ, въ субстанцію атома непреложно входитъ и сложность. Атомъ, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, можетъ пріобрѣтать, въ-добавокъ къ прежнимъ, и новыя силы; но, при обстоятельствахъ угнетающихъ, можетъ терять и тѣ, какими обладалъ, такъ-что враждебныя силы могутъ даже угрожать самому существованію атома. Наконецъ, атомы неорганическіе развиваются у Ульрици въ органическіе, далѣе въ психическіе, а эти послѣдніе могутъ усовершаться уже до безконечности. Вообще, у Ульрици, въ этомъ основномъ пунктѣ его системы, мы находимъ еще

[1]) Т. I, стр. 173—175.

меньше систематичной послѣдовательности и соотвѣтствія съ фактами, чѣмъ у Лейбница. Мы не усматриваемъ никакой логической возможности связать первоначальный физико-химическій, чисто Демокритовскій, абсолютно-непроницаемый и, слѣдовательно, неизмѣнный атомъ физики и химіи, какимъ Ульрици начинаетъ систему своего міросозерцанія, съ атомомъ-монадою Лейбница, превратившимся въ человѣческую душу, какимъ *Ульрици* оканчиваетъ.

3) Мы уже сказали и повторяемъ, что наши ἔιδος-ы всего ближе подходятъ къ ἔιδος-амъ величайшихъ мыслителей древности, *Платона и Аристотеля*. Повторяемъ, что мы не считаемъ себя въ-силахъ установить точный взглядъ на ихъ идеологію, въ которомъ величайшіе умы, на пространствѣ многихъ вѣковъ, не могли и не могутъ между собою согласиться и котораго не имѣлъ, кажется, и самъ Аристотель, такъ-какъ, думая совершенно отрицать систему Платоновыхъ идей, онъ самъ принялъ и повторилъ, въ своей философіи, Платоновы-же основоположенія. Тѣмъ не менѣе, съ этой идеологіи мы усиливались списывать свои ἔιδος-ы, и усиливались тѣмъ благонадежнѣе, что ей, въ ея возвышеннѣйшей сторонѣ, сочувствовали величайшіе мыслители христіанства, отцы и учители христіанской древности. Но мы и отвергаемъ изъ этой идеологіи все то, что отвергали отцы и учители христіанской древности, что противно самой основѣ христіанской символики, именно, *безусловную противоположность между матеріею* (ὕλη) *и идеею*. Это противоположеніе между матеріею и идеею,—разумомъ, Словомъ Божіимъ, прошло чрезъ всѣ важнѣйшіе виды древне-языческихъ міросозерцаній, чрезъ міросозерцанія индійское, египетское, персидское и, наконецъ, еллинское; оттуда, въ утрированномъ видѣ, перешло въ анти-христіанскій гностицизмъ,—и оттуда-же, въ очищенномъ и сглаженномъ видѣ, перешло даже въ римско-католическое схоластическое Богословіе, въ которомъ нельзя иногда не чувствовать духа, сказывающейся православному христіанскому чутью, древне-языческой Аристотелевской закваски, глубоко усвоенной, хотя и переработанной по-своему средне-вѣковою богословскою схоластикою,—а изъ схоластики, затѣмъ, перешло и въ философію, еще несовершенно отрѣшившуюся отъ схоластическихъ элементовъ, какова была философія Декарта. Сами *Платонъ* и *Аристотель*, особенно-же первый, повидимому, не сознавали того, что они вносятъ въ свою систему противорѣчіе, считая матерію реальнымъ абсолютнымъ отрицаніемъ всякой формы, всякаго качества,

всякаго образованія, всякой идеи, и, въ тоже время, признавая все видимое, все, внѣшними чувствами постигаемое, матеріальнымъ и противополагая его идеальному, сверх-чувственному, тогда-какъ и въ такъ-называемомъ видимомъ мірѣ мы не усматриваемъ, не постигаемъ, не улавливаемъ ничего, кромѣ ἔιδος-овъ, кромѣ формъ бытія, безъ грубо-чувственнаго, безъ абсолютнаго атомнаго содержанія. Осмѣливаемся полагать, что мы не отклоняемся отъ основъ Богооткровеннаго ученія, отъ ученія, впервые возвѣщеннаго священнымъ Бытописателемъ (Моисеемъ), затѣмъ провозглашеннаго св. Іоанномъ Богословомъ и, во всей широтѣ, разъясненнаго величайшими Богословами христіанства, каковы Аѳанасій и Василій Великіе, Григорій Богословъ и Іоаннъ Златоустъ, Іеронимъ и Августинъ,— полагая бытіе Существа Всевышняго, бытіе абсолютное, противополая Ему Его абсолютное отрицаніе,—ничто, и мысля, что абсолютный Божественный Разумъ, — Слово, своимъ творческимъ всемогуществомъ, соединяетъ съ этимъ ничто свою идею, отъ вѣка пребывавшую въ безконечномъ сознаніи Божества, и вызываетъ изъ небытія бытіе оформленное, бытіе ограниченное, бытіе, являющееся себѣ самому, являющееся не-только безконечному Божественному сознанію въ вѣчности, но и ограниченному сознанію во времени. Ὁ θεῖος Λόγος, какъ выражались древніе послѣдователи Платона, вызываетъ изъ голаго ничтожества τά λόγια, которыя корень свой (λογ...) имѣютъ въ Λογος-ѣ первоисточномъ, но являютъ въ себѣ не Λογος безпредѣльный, недѣлимый, неизмѣнный, неповторяющійся, а частныя λόγια, и λόγια хотя и тожественныя между собою въ своемъ корнѣ, въ своей элементарной сущности, однакожъ различныя по сущности индивидуальной (τὰλόγια), по безпредѣльно разнообразнымъ формамъ своего проявленія и развитія.

4) Не ставимъ ли мы, при этомъ, въ нашей системѣ и душу человѣческую въ одинъ разрядъ во всѣми ἔιδος-ами, начиная съ атомовъ, молекулъ и т. д., подобно *Лейбницу*, у котораго всякая монада есть душа, и подобно *Ульрици*, у котораго душа оказывается атомомъ? И да, и нѣтъ.—Мы усиливаемся списывать свою систему не съ собственной фантазіи, а съ реальнаго бытія, на-сколько его постигаетъ современная наука и на-сколько мы, съ своей стороны, успѣли понять современную науку. По нашему воззрѣнію, дѣйствительно, все однородно въ первоисточномъ корнѣ ограниченнаго бытія; все и всякое частное бытіе есть осуществленная Божественная идея. Но мы

уже объяснялись [1]), что между граничными понятіями и идеями, т. е. между абсолютнымъ бытіемъ и абсолютнымъ небытіемъ, между которыми движется безпредѣльная серія существованія ограниченнаго, между этими безпредѣльными предѣлами могутъ осуществляться всевозможныя, крайне несоизмѣримыя степени, то приближающейся къ абсолютному бытію высоты, то подходящей къ ничтожеству низости и малости существованія,—что здѣсь можетъ проявиться не-только мыслимое нами, такъ-называемое субстанціальное различіе, но и такое выше-субстанціальное различіе, о которомъ, по недостатку опытной опоры, мы безсильны составить себѣ какое бы то ни было представленіе. Такъ, напримѣръ, есть ли какая-либо соизмѣримость между атомомъ и величайшимъ изъ солнцевъ, особенно, когда ни о малости перваго, ни о громадности послѣдняго мы не можемъ составить себѣ точнаго представленія? Есть ли какая-либо соизмѣримость между безпредѣльностью разстояній между атомами, сравнительно съ ихъ малостію, и такою-же безпредѣльностью между звѣздами, сравнительно съ доступными нашему опытному постиженію мѣрами? Есть ли соизмѣримость между неорганическимъ атомомъ и человѣческимъ духомъ и какимъ-либо изъ высочайшихъ горнихъ духовъ, бытіе которыхъ оказывается необходимымъ даже по естественно-научной аналогіи? Дѣйствительно, сходство между атомомъ, солнцемъ, человѣческимъ духомъ и всякимъ изъ высшихъ разумныхъ духовъ мы находимъ въ томъ отношеніи, что и въ томъ, и въ другомъ, и третьемъ, и четвертомъ, мы не можемъ не усматривать одной, хотя и безмѣрно различной по качествамъ, живой силы, которая объединяетъ въ каждомъ изъ нихъ извѣстную сферу разныхъ безмѣрно-своеобразныхъ проявленій. Но пусть всѣ эти силы и тожественны въ элементарной своей сущности; пусть въ основѣ каждой изъ нихъ лежитъ единая въ себѣ Божественная идея,—тѣмъ не менѣе, въ индивидуальномъ развитіи, въ частно-реальномъ осуществленіи, между этими силами оказывается громадное, до безконечности, разстояніе, и существеннѣйшими гранями различія между ними оказываются, вопервыхъ, единство самосознанія и, во-вторыхъ, способность къ безпредѣльному индивидуальному не-только развитію, но и усовершерствованію.

Первое изъ этихъ преимуществъ, т. е. *единство самосознанія*, мы по опыту усматриваемъ исключительно только въ человѣческомъ духѣ.

---

[1]) Томъ II, стр. 41—43, 81—84.

Такъ, въ реальномъ бытіи нашей планеты мы находимъ слѣдующія грани живыхъ силъ: 1) такъ-называемую физико-космическую силу, усматриваемую въ эѳирѣ,—2) силу атомную, молекулярную,—3) силу механическую, — 4) силу химическую неорганическую, — 5) силу органическую-растительную, 6) силу органическую животную и, наконецъ 7) силу духовную, разумно-человѣческую. Абсолютную силу мы ставимъ внѣ всякой градаціи. Можно полагать, что всякая изъ указанныхъ ограниченныхъ силъ, въ данномъ индивидѣ, есть не-только мыслимое, но и реальное единство. Такъ, даже снопъ падающихъ чрезъ окошко солнечныхъ лучей не можетъ мыслиться иначе, какъ индивидуализированнымъ единствомъ живой силы; тѣмъ болѣе не могутъ не мыслиться такими-же обособленными единствами живой силы сила атомно-молекулярная, собирающая въ реальное единство разныя проявленія атома,—затѣмъ далѣе, обособленная механическая сила, сдерживающая въ единствѣ бытія эту кучу песку, собранная въ живое единство изъ совокупности земнаго притяженія, воздушнаго давленія и взаимнаго притяженія песчинокъ,—далѣе, обособленная сила химическая, выразившаяся въ томъ, или другомъ опредѣленномъ кристаллѣ, или органическая, проявляющаяся въ томъ, или другомъ опредѣленномъ деревѣ и т. д. Но неужели всѣ эти силы тожественны? Опытъ и вѣковѣчное убѣжденіе обще-человѣческаго смысла отвѣчаютъ, что нѣтъ, не тожественны. А если такъ, то гдѣ-же поставить границу раздѣленія? Обще-человѣческій смыслъ ставитъ двѣ такихъ границы,—одну между мертвымъ и живымъ органическимъ веществомъ, а другую между животными и человѣкомъ. Но современная наука первую границу разрушаетъ не безъ основанія, и обще-человѣческое сознаніе, въ самомъ дѣлѣ, оказывается безсильно указать предѣлъ, гдѣ оканчивается живое и начинается мертвое вещество, такъ-какъ источникъ жизненнаго и живаго оказывается въ кажущемся мертвомъ, источникъ жизненности органическаго—въ неорганическомъ, химическомъ, космическомъ веществѣ, или эѳирѣ. И въ результатѣ остается, что съ меньшимъ успѣхомъ, или, лучше сказать, безъ всякаго рѣшительнаго успѣха, современное критическое естествознаніе усиливается разрушить вторую и послѣднюю грань различія,—различія между животными и человѣкомъ, такъ-какъ обще-человѣческое сознаніе безсильно отказаться отъ убѣжденія въ очевидномъ для внутренняго нашего чувства фактѣ, что только человѣческій духъ проявляетъ въ себѣ рѣшительное обобщеніе всей длин-

ной серіи своихъ ощущеній, отъ момента перваго пробужденія сознанія, послѣ рожденія, и до момента исчезновенія сознанія предъ смертью, въ одинъ цѣльный стержень человѣческаго *я*, обнаруживая и рѣзкое выдѣленіе этого *я* не-только изъ всѣхъ воздѣйствій на него внѣ лежащаго міра, но и изъ частнѣйшихъ ощущеній, возбуждаемыхъ въ немъ состояніями системъ, органовъ и частицъ облекающаго его организма. Вотъ почему человѣческій духъ и оказывается наиболѣе сконцентрированнымъ въ мірѣ индивидуальнымъ единствомъ, чѣмъ существенно и отличается отъ всѣхъ прочихъ живыхъ силъ.

Но, въ такомъ случаѣ, не считаемъ ли мы и человѣческую душу, какъ болѣе другихъ силъ сконцентрированное единство, сложенною изъ совокупности силъ механической, химической, органической растительной, органической животной и, наконецъ, психической? Не отрицаемъ ли мы такъ-называемую простоту души? Сознаемся, что, по нашему мнѣнію, эта такъ-называемая простота души всякому углубляющемуся въ предметъ не можетъ не казаться понятіемъ слитнымъ и смутнымъ, вообще недостаточно, до сихъ поръ, разъ анализированнымъ и освѣщеннымъ; въ систему же членовъ христіанской вѣры эта простота души, по нашему мнѣнію, можетъ быть принята не иначе, какъ съ особо-тонкимъ толкованіемъ, съ особо точною дистинкціею. Несомнѣнно, что извѣстная, въ особомъ духовномъ смыслѣ понимаемая, сложность въ человѣческой душѣ не чужда ученію ни Божественнаго откровенія, ни толковниковъ его, какъ ветхозавѣтныхъ, такъ и новозавѣтныхъ. Такъ, извѣстно изъ свидѣтельства священнаго бытописанія, что Творецъ, создавъ тѣло человѣка, вдунулъ въ него *дыханіе жизней*. Въ новомъ Завѣтѣ не рѣдко живая плоть противополагается духу. Святый апостолъ Павелъ различаетъ человѣка плотскаго или душевнаго отъ духовнаго,—противопоставляетъ также *законъ, сущій во удѣхъ*, *закону ума*, и даже рѣшительно указываетъ троечастный составъ въ существѣ человѣка, именно, тѣло, душу и духъ. Это троечастное дѣленіе древніе толковники склонны были понимать больше въ-смыслѣ древнихъ греческихъ философовъ, видя въ νοῦς или πνευμα, высшую разумную часть единой въ себѣ человѣческой души, въ ψυχὴ — среднюю, пожелательную часть, а затѣмъ уже совокупность грубѣйшихъ тѣлесныхъ стремленій, которыя свое сѣдалище имѣютъ въ низшихъ органахъ тѣла, въ чревѣ и т. д.—А средне-вѣковые схоласты готовы были, если не для всѣхъ трехъ изъ указанныхъ частей, то для двухъ изъ нихъ, придумать и

особыя субстанціи, одну Божественную, а другую планетную, и составить изъ нихъ едину человѣческую душу, посредствомъ ихъ слитія. Мы не подвергаемъ здѣсь подробному обсужденію всѣхъ этихъ положеній. Но, вообще, провозглашая единство человѣческой души, и единство самое высшее изъ всѣхъ единствъ, какія только, по ближайшему нашему опыту, намъ извѣстны,—мы, тѣмъ не менѣе, смѣло помѣщаемъ человѣческую душу въ разрядъ εἶδος-овъ, изъ которыхъ каждый, будучи индивидуальнымъ единствомъ, въ тоже время, непреложно и самъ входитъ, какъ часть, въ составъ высшихъ видовыхъ и родовыхъ единицъ и заключаетъ подъ собою, какъ цѣлое, подчиненныя себѣ низшія части. Душа, по нашей системѣ, не атомъ, не молекула, не тѣло; ей принадлежитъ свое особенное, логически-реальное и восхожденіе вверхъ, подъ однородныя съ нею высшія понятія, и низхожденіе внизъ, къ проявленію въ одновидныхъ-же съ нею частностяхъ. Мы утверждаемъ, что человѣческая душа имѣетъ общій корень въ единомъ видовомъ источникѣ собственно-человѣческихъ душъ; а затѣмъ, какъ духъ, она имѣетъ дальнѣйшій общій корень въ единомъ, уже высшемъ, родовомъ источникѣ всѣхъ живыхъ духовъ, далѣе,—еще болѣе общій корень въ дальнѣйшемъ общемъ источникѣ всѣхъ полусознательныхъ и сознательныхъ душъ, еще далѣе, — въ общемъ источникѣ всѣхъ индивидуализированныхъ объединяющихъ міровыхъ силъ и т. д. Подобнымъ-же образомъ, и въ движеніи къ частностямъ, человѣческая душа распадается на части, именно подходящія къ своей духовной природѣ, распадается не на органы, не на клѣточки, не на молекулы или атомы, но на разныя стороны проявленія, при единствѣ единой связующей силы, на разныя способности и качества, наконецъ, на неисчислимое множество частныхъ обнаруженій душевной дѣятельности, которыя проносятся по душѣ, отъ момента перваго пробужденія сознанія и до смерти человѣка, и изъ которыхъ слагается цѣлость нашего *я*. Мы не отрицаемъ даже того, выясненнаго современною наукою факта, что въ организмѣ человѣческомъ нетолько всякій отдѣльный членъ, или всякая особая, система органовъ, но и каждая отдѣльная клѣточка живутъ, въ нѣкоторомъ смыслѣ, своею особенною, внутреннею, растительно-органическою, даже психическою чувствующею жизнію, и вносятъ каждый и каждая свою долю во внутреннюю психическую жизнь цѣлаго организма, въ сложеніе обще-органическаго *я*. Это безпорно не-только съ научной точки зрѣнія, но непротивно и Божественному откровенію. Такъ, изъ

Священнаго Писанія мы знаемъ, какъ уже замѣчено, что существуетъ особый законъ во удѣхъ человѣческаго организма, нерѣдко противовоюющій закону ума и плѣняющій наше *я* закономъ грѣховнымъ,—что плотяный человѣкъ вліяетъ на духовнаго,—что ослабленіе ветхаго человѣка служитъ къ укрѣпленію новаго, и, наоборотъ, упитываніе плоти всегда сопровождается растройствомъ духа,—откуда естественно заключать, что излишняя выработка въ организмѣ излишнихъ жировыхъ клѣточекъ, отъ разнообразныхъ пресыщеній, привноситъ въ составъ человѣческой души вредные ингредіенты, такъ-что, при крайней степени человѣческаго огрубѣнія, *Духъ* Божій перестаетъ *пребывати въ человѣцѣхъ, зане суть плоть* (Быт. 6, 3). Но, въ тоже время, и естественная наука не можетъ отвергнуть очевидный фактъ, что въ человѣческомъ организмѣ, какъ и во всякомъ другомъ, надъ частичными и системными органическими вліяніями господствуетъ единая внутренняя объединяющая сила, которая скрѣпляетъ ихъ въ единство жизнедѣятельности, ощущенія и сознанія. Слѣдовательно, необходимо мыслить грань, которая раздѣляетъ собственно эту коренную объединительную силу органическаго индивида отъ привходящихъ въ него частныхъ, болѣе или менѣе стороннихъ, или даже враждебныхъ этой силѣ, вліяній, хотя человѣческій умъ до сихъ поръ не указалъ, да, безъ сомнѣнія, и безсиленъ указать, гдѣ въ одномъ и томъ-же организмѣ оканчивается собственно эта коренная объединяющая его сила и гдѣ начинаются частныя и частнѣйшія силы, которыя участіемъ своимъ, подъ преобладающимъ вліяніемъ этой центральной силы, ткутъ безконечно-перепутанную, изъ безчисленнаго количества нитей, общую единичную жизнь всего индивида.

Второю и послѣднею степенью существеннаго различія между ограниченными реальными силами нужно поставить способность къ безконечному индивидуальному усовершенствованію. Всѣ ограниченныя силы сходны между собою и въ томъ, что всѣ онѣ, по предуставленному имъ закону, измѣняются и развиваются. Но какъ далеко? Безконечно ли онѣ развиваются, усовершенствуются ли въ своемъ проявленіи безъ конца? Развиваясь и усовершаясь, вѣчно ли сохраняютъ свою индивидуальность, индивидуальность сознанія? На эти вопросы реальные факты, относительно разныхъ реальностей, отвѣчаютъ весьма различно. Было бы праздною фантазіею считать всѣ атомы усовершающимися душами и всѣ души вѣчно неразрушимыми атомами.

Было бы праздною фантазіею предусматривать вѣчно-индивидуальное и безконечное развитіе даннаго солнечнаго луча, даже того или другаго атома, который оказывается только вращательнымъ, сконцентрированнымъ движеніемъ того-же эѳирнаго луча, двигавшагося сначала только поступательно-вибраціонно. Было бы праздною затѣею предугадывать вѣчное развитіе даже высшаго животнаго сознанія. Нѣтъ; опытъ тысячелѣтій отвѣчаетъ, что животныя, ни въ каждомъ отдѣльномъ экземплярѣ, ни въ родахъ, не развиваются далѣе извѣстной, отъ вѣка предуставленной и тысячелѣтіями хорошо намѣченной, грани. Но тѣже тысячелѣтія не намѣтили такой грани единственно только для развитія человѣческаго духа, ни каждаго въ частности, ни цѣльнаго обще-человѣческаго духа. Напротивъ того, на аналогіи предшествующихъ вѣковъ, крѣпко обосновалось убѣжденіе, что такая грань не предуставлена развитію и усовершенствованію духа человѣческаго и отъ вѣка. Для положительнаго рѣшенія этого вопроса въ нашемъ изслѣдованіи представлено, по нашему убѣжденію, совершенно достаточно данныхъ. Но, увы! Не сдвинутымъ, даже мало тронутымъ, лежитъ пока вѣковѣчный камень претыканія: положимъ, что не предвидится безусловно непереходимой грани для развитія обще-человѣческаго духа, въ настоящемъ порядкѣ земнаго его существованія,—однакожъ, для развитія личнаго духа каждаго человѣка, не оказывается ли такою безусловно-непереходимою гранью простой фактъ смерти?... [1])

II) Не ставимъ ли мы и абсолютное бытіе въ однородный рядъ съ прочими ограниченными εἶδος-ами? Конечно нѣтъ. Но искони вѣковъ признано, что чѣмъ больше умъ нашъ углубляется въ рѣшеніе вопроса объ отношеніи абсолютнаго къ ограниченному бытію, тѣмъ болѣе погружается въ область умственныхъ антиномій. Неразрѣшимую антиномію чувствовали здѣсь и Философы, начиная съ того изъ нихъ, который сказалъ, что чѣмъ болѣе углубляюсь въ этотъ предметъ, тѣмъ болѣе недоумѣваю, и богословствующіе мыслители всѣхъ временъ, начиная съ Діонисія Ареопагита, или даже съ апостола Павла, пророка Исаіи, псалмопѣвца Давида и выше. Не

[1]) Здѣсь достаточно убѣждаютъ въ непрекращаемости развитія человѣческаго духа въ вѣчности всѣ тѣ высшія стремленія человѣческаго духа, которыя составляютъ, такъ сказать, нравственные неопреодолимые инстинкты человѣческаго духа и которыя, какъ стремленія, вложенныя въ природу нашего духа, не могутъ быть безцѣльными и ошибочными, какъ и инстинкты физическіе. *Ред.*

иное что, какъ антиномію, нужно видѣть въ обще-принятыхъ богословско-философскихъ положеніяхъ, что Богъ присутствуетъ вездѣ и нигдѣ, весь во всемъ, весь и въ каждомъ пунктѣ бытія, но нигдѣ своимъ существомъ; нигдѣ своимъ существомъ, но вездѣ своимъ творческимъ разумомъ, своею зиждительною идеею, силою и благодатію, которые въ идеѣ абсолютнаго бытія неотдѣлимы отъ его существа, такъ-какъ абсолютное въ идеѣ неотдѣлимо отъ своихъ идей и дѣятельностей, такъ-что, и по слову Апостола Павла, *невидимая Его, отъ созданія міра твореніи помышляема, видима суть, и присносущная сила Его и Божество.* Эту антиномію, во избѣжаніе бѣдственнаго крушенія всей системы міросозерцанія, искони принято разрѣшать отрицаніемъ пантеистической имманенціи абсолютнаго бытія въ бытіи органиченномъ и допущеніемъ творческаго, промыслительнаго сопребыванія Творца съ своею тварію, по смыслу міросозерцанія теистическаго. По нашему воззрѣнію, абсолютное бытіе, конечно, есть ἔιδος, есть и понятіе для нашего разсудка, составляемое чрезъ отвлеченіе всего ограниченнаго отъ безконечнаго, и идея для цѣльнаго разумнаго нашего созерцанія, указывающая намъ впереди все еще безпредѣльность, послѣ всего того, что, въ каждый данный моментъ, наша мысль прошла, въ неустанномъ своемъ стремленіи, къ безконечному. Но абсолютное есть ἔιδος совершенно своеобразный, ἔιδος граничный,—оно есть, въ одно и тоже время, и индивидъ, высшій, безконечно высокій, безусловно уже простой, безконечно уже превосходящій простоту самыхъ высокихъ индивидовъ, будь это—даже духи небесные,—индивидъ, безусловно исключающій изъ себя всякую дѣлимость, всякую частичность, измѣняемость, умаленіе, увеличеніе и т. п.; а въ тоже время, есть и высшая всеконечная общность, вседержительно объемлющая всю совокупность видимаго и невидимаго, мыслимаго и недомыслимаго бытія,—ἔιδος, проявляющійся нашему ограниченному сознанію не-только абсолютно обособленною монадою, но и центромъ міробытія, изъ котораго просіяваютъ миріады идей, какъ лучей изъ солнца,—идей, которыя въ безпредѣльномъ сознаніи абсолютнаго совѣчны ему и неотдѣлимы отъ него, а для сознанія ограниченнаго проявляются во времени миріадами ограниченныхъ реальностей, обособленныхъ отъ абсолютнаго и измѣнчивыхъ. Дѣйствительно, отношеніе ограниченнаго бытія къ абсолютному мы можемъ, съ значительнымъ правдоподобіемъ, мыслить подъ образомъ отношенія къ центру, движущихся, по безпредѣль-

ной периферіи, радіусовъ. Абсолютное бытіе, само въ себѣ, есть неподвижный, недѣлимый, первоисточный центръ всякаго бытія, мыслимаго и реальнаго, духовнаго и матеріальнаго, изъ которыхъ каждое въ абсолютномъ есть бытіе только мыслимое, идеальное. Источая изъ себя міріады ограниченныхъ бытій, какъ радіусовъ или лучей, абсолютное не-только само въ себѣ остается неподвижнымъ единствомъ, но въ немъ, какъ въ своемъ первоисточникѣ, какъ въ точкѣ прикрѣпленія, и эти міріады ограниченностей оказываются тѣмъ-же единствомъ, такъ-что чѣмъ больше міріады радіусовъ сближаются отъ периферіи къ центру положительнаго абсолютнаго бытія, тѣмъ болѣе сливаются въ идеальное и реальное, неподвижное единство; напротивъ того, чѣмъ болѣе удаляются отъ центра къ отрицанію абсолютнаго бытія, къ полярной относительно центра, периферической противоположности абсолютнаго небытія, тѣмъ болѣе дробятся и обособляются, а въ тоже время и постепенно, по мѣрѣ удаленія отъ центра, пріобрѣтаютъ движеніе столь быстрое, что на отдаленнѣйшей отъ центра, отъ абсолютнаго бытія, периферіи грубѣйшей, матеріальнѣйшей чувственности, ограниченное бытіе оказывается, для углубляющагося чувства и смысла, только мельканіемъ, даже больше того, только исчезаніемъ, даже больше того, почти-что небытіемъ... При этомъ каждый, съ неуловимою для нашего чувства быстротою, мелькающій атомъ можно мыслить не инымъ чѣмъ, какъ состоявшимся, въ данномъ пунктѣ нашего наблюденія, окончаніемъ одного изъ радіусовъ, которые произошли изъ безпредѣльно далеко отстоящаго центра, абсолютнаго бытія, и мелькаютъ, исчезая для нашего чувства, на безпредѣльно также отстоящей отъ абсолютнаго центра, периферіи чувственной матеріальности. Такое умосозерцаніе подтверждается и реальными фактами, подлежащими и математическому вычисленію. Такъ, если мы предположимъ, что наше солнце бѣжитъ около своего солнца въ создвѣздіи Геркулеса, а то бѣжитъ около своего невѣдомаго солнца и т. д.,—если возьмемъ во вниманіе далѣе, что наша земля кружится около солнца, стихіи кружатся около земли, стихійныя частины около обособленныхъ земныхъ предметовъ, наконецъ, атомы около молекулъ,—то мы получимъ въ итогѣ такое произведеніе изъ умноженія одной быстроты на другую, другой на третью, третьей на четвертую и т. д., до неизслѣдимаго предѣла, получимъ такіе квадраты и кубы, и кубы кубовъ, быстроты, что эта недомыслимая, но тѣмъ не менѣе реальная скорость движенія сольется для насъ со скоростью безко-

нечнаго съ исчезаніемъ, съ небытіемъ... И окажется, въ извѣстномъ намъ реальномъ мірѣ, наиболѣе неподвижнымъ Stand-Punct-омъ міробытія именно человѣческій духъ, Stand-Punct міросозерцанія, съ своимъ, наиболѣе неподвижнымъ въ мірѣ, единствомъ сознанія. Абсолютно же неподвижнымъ оказывается только безконечное бытіе, которое и само не можетъ двигаться ни въ одну сторону, такъ-какъ двигаться ему некуда, и даже исключаетъ въ-отношеніи къ себѣ, движеніе всего ограниченнаго, такъ-какъ ограниченное, сколько бы оно ни подвинулось впередъ, или назадъ, вверхъ, или внизъ, во всякій моментъ такого движенія, будетъ находиться отъ безконечнаго на одинаково безконечномъ разстояніи: двигаться можетъ только ограниченное, и только относительно ограниченнаго.

По развитой нами теоріи, абсолютное безконечное бытіе, составляя элементарную сущность [1]) каждой ограниченной единицы, входитъ въ ея индивидуальную сущность не иначе, какъ самоограниченное абсолютнымъ небытіемъ и сформированное, чрезъ это самоограниченіе, въ извѣстный индивидуальный ἴδος,—такъ-что данная единица представляетъ въ себѣ не абсолютное бытіе и абсолютное небытіе, отдѣльно одно отъ другаго и отъ себя самой, но обособленное единое и цѣльное произведеніе изъ непостижимаго метафизическаго

[1]) Эту *элементарную* сущность, однакожъ, ни подъ какимъ видомъ, ни въ какомъ смыслѣ, не слѣдуетъ понимать какъ сущность матеріальную,—но слѣдуетъ разумѣть въ самомъ идеальномъ смыслѣ, извлекая логическое и метафизическое значеніе этой *элементарной* сущности ограниченнаго εἰδος-а изъ ея противоположенія именно *индивидуальной* сущности тогоже εἰδος-а. А этому противоположенію, по нашему убѣжденію, не строго точно соотвѣтствуетъ даже старинное противоположеніе сущности формѣ, такъ-какъ, по утвердившемуся мнѣнію, только сущность существенна въ данномъ существѣ, форма же будтобы не существенна. Нѣтъ, по нашему убѣжденію, данный εἰδος есть индивидуальная сущность, сама въ себѣ законченная, отдѣленная отъ прочихъ индивидовъ цѣлою безконечностью разнообразія въ индивидуальномъ проявленіи, а отъ противоположныхъ полюсовъ безконечнаго бытія (∞) и небытія (0), какъ ограниченное единство (1), отдѣленная также цѣлой безпредѣльностью разстоянія, такъ-что, еще по выраженію древнихъ, эта безпредѣльная бездна разстоянія между безконечнымъ и ограниченнымъ никогда, во вѣки, не можетъ быть засыпана,—сущность отъ вѣка предопредѣленная не-только въ обособленной отъ абсолютнаго цѣльности своего бытія, но и во всѣхъ частностяхъ проявленія, и, слѣдовательно, сущность необходимая; но только элементарными корнями своими, эта индивидуальная сущность, недомыслимымъ для насъ образомъ, проникаетъ въ общій источникъ бытія, въ бытіе абсолютное, непрестанно заимствуя оттуда соки своего обособленнаго существованія.

совокупленія, выражаемаго математическимъ умноженіемъ одного на другое, абсолютнаго бытія на абсолютное ничто. Это-то математически безспорное, но метафизически непостижимое произведеніе единицы изъ умноженія безконечнаго на ничто можно мыслить не иначе, какъ творческимъ актомъ; но нельзя мыслить его ни истеченіемъ изъ абсолютнаго, ни отдѣленіемъ отъ абсолютнаго, ни развитіемъ абсолютнаго, такъ-какъ въ томъ, и въ другомъ, и въ третьемъ изъ этихъ случаевъ мы были бы вынуждены внести въ понятіе абсолютнаго уничтожающія его черты истощанія, раздробленія, измѣненія, перехода изъ несовершеннаго состоянія въ совершеннѣйшее, изъ безсознательно-неразумнаго въ сознательно-разумное, изъ хаотически-нестройнаго въ морально-упорядоченное, изъ состоянія бѣдственной борьбы своихъ собственныхъ модусовъ, однихъ съ другими, въ состояніе всеобщей гармоніи, блага и счастія, въ цѣломъ и въ частяхъ. Модусы развитія этихъ пантеистическихъ крайностей достаточно ясно намѣчены исторіею развитія человѣческой мысли и всѣмъ хорошо извѣстны. Для устраненія ихъ въ развитой нами системѣ, надѣемся, достаточно представлено гносеологическихъ данныхъ. Тѣмъ не менѣе, чтобы, по возможности, исчерпать всѣ выработанныя современнымъ сознаніемъ данныя, которыя подтверждаютъ премірное, не имманентное въ ограниченномъ бытіи, бытіе абсолютнаго Существа, какъ единичнаго, всесовершеннаго, самосознательнаго, всевѣдущаго и всеблагаго Духа, намъ остается пройти еще поприще широкое и немалотрудное.

Такимъ образомъ, на поставленный, въ самомъ началѣ нашего изслѣдованія, вопросъ: *можно ли позитивнымъ философскимъ методомъ доказывать бытіе чего-либо сверхчувственнаго: Бога, безсмертной души* и т. п?—мы отвѣтили, и, надѣемся, основательно, что *можно*. Вмѣстѣ съ этимъ, мы надѣемся, доказали и то, что I) *самая матерія, во всѣхъ сферахъ своего проявленія, для нашего духа, начиная отъ самой внѣшней, которая кажется наибольше чувственною, и до самой сокровенной, которая погружается въ эѳиръ и граничитъ съ абсолютнымъ, оказывается бытіемъ сверхчувственнымъ.* Остается же разъяснить, что тѣмъ-же позитивнымъ философскимъ методомъ можно доказывать бытіе II) какъ *безсмертнаго человѣческаго духа,* такъ III) и *всесовершеннаго Духа Божественнаго.*

ОПЕЧАТКИ II ТОМА.

СТРАН.	СТРОКА	НАПЕЧАТАНО:	НУЖНО ЧИТАТЬ:
36	21	$\frac{}{1000000}$	$\frac{1}{1000000}$
44	7	математическій; нуль	математическій нуль
104	30	*нервоначально*	*первоначально*
105	29	не чѣмъ инымъ	ничѣмъ инымъ
109	6	риводитъ	приводитъ
114	8	1885 г.	1875 г.
—	16	назынасмаго	называемаго
115	4	къ ультра—эмпирическому позитивному	къ ультра—эмпирическому позитивизму
—	6	наименѣе областію эмпиризма	наиболѣе областію эмпиризма
—	7	объединщющей мысли	объединяющей мысли
—	33	Здѣсь и Дальтонистъ	Вѣдь и Дальтонизмъ
119	30	(1.000.000.000.000)	(1000000000)
125	10	безпремѣрно-далекимъ	безмѣрно далекимъ
127	33	предполагаемъ сдѣлаемъ	предполагаемъ сдѣлать
130	20	верхними частями листа.	верхними частями листа [1]).
132	7	движеніе протопласмы амёбообразныя сокращенія	движеніе протоплазмы, амёбообразныя сокращенія
137	2	въ послѣдствіе годы	въ послѣдніе годы
140	28	*переспѣть*	*перемѣть*
145	22	*Летце*	*Лотце*
—	23	*рипписать*	*приписать*
146	45	во вѣки недостигнутъ	во вѣки не достигнуть
148	37	противоположенныхъ	противоположныхъ
158	18	т. е. возможность	возможность
161	40	*г. Спенсеръ*	*Гербертъ Спенсеръ*
162	20	анцедентовъ	антецедентовъ
178	13	*Прейръ*	*Прейеръ*
179	11	Сдѣлаемъ	сдѣлаемъ
185	27	*идеею, безпредѣльнаго*	*идеею безпредѣльнаго*
—	30	современныхъ психоловъ	современныхъ психологовъ
186	1	Глава LLIX.	Глава LIX.
	40	такъ написалъ	какъ написалъ
197	29	нункцій	функцій
198	30	*стоялъ исходною точкой*	*сталъ исходною точкой*
—	39	нышленія	мышленія
199	27	εἶδος вмѣщаетъ родовой	родовой εἶδος вмѣщаетъ
209	30	явленіе вселенной	явленіе во вселенной
217	38	*Конта*	*Канта*
219	18	самоограничившее	самоограничившаго
—	31	не сознательнымъ	не сознаннымъ
222	31	къ другимъ центромъ	къ другимъ центрамъ

СТРАН.	СТРОКА	НАПЕЧАТАНО:	НУЖНО ЧИТАТЬ:
—	34	другимъ центромъ.	другимъ центрамъ
227	33	и сознаніе одностороннее	и сознаніе одностороннее
232	39	*свойства, присущее*	*свойства, присущаго*
—	40	новѣйшіе естествоиспытали	новѣйшіе естествоиспытатели
—	42	*способность ощущенія зи первоначальное*	*способность ощущенія за первоначальное*
233	34	*Сила этого ашушекія, кекечно,*	*Сила этого ощущенія, конечно,*
—	—	эти полежонія	эти положенія
236	30	о высшихъ животныхъ относительно	относительно высшихъ животныхъ
240	22	въ отношеніи	въ отношенія
241	9	*праваго съ послѣднимъ*	*перваго съ послѣднимъ*
243	38	нерасчленномъ чувствѣ	не расчлененномъ чувствѣ
249	16	подъ исключительно-умственнымъ	предъ исключительно — умственнымъ
251	20	едицицъ	единицъ
252	8	*обременныхъ*	*обремененныхъ*
253	10	абсолютной дѣлимости	абсолютной недѣлимости
—	25	въ русскомъ	русскомъ
	27	симодѣльныхъ штриховъ	самодѣльныхъ штриховъ
254	24	совмѣстностъ	совмѣстность
—	29	подлиннкъ съ переводнымъ	подлинникъ съ переводомъ
267	33—34	«Изъ того *Секки* [5]),—*что вѣсомая матерія одна только ощутима для нашихъ чувствъ*», — объясняется	*Изъ того, что вѣсомая матерія одна только ощутима для нашихъ чувствъ*», — объясняется *Секки,* [5])
273	22	представить инерцію	преодолѣть инерцію
280	32	что оно *никогда не замѣчается*	*никогда не замѣчается*
281	3	послѣдовательные точки	послѣдовательные толчки
282	15	показывается	оказывается
293	36	съ неподвижною преградою столкновеніе	съ неподвижною преградою, столкновеніе
295	38	умствуетъ *Секки,* — и наскакиваетъ	умствуетъ *Секки,* — «наскакиваетъ
297	33	правильности для которой здѣсь	правильности (для которой здѣсь
303	7	Очевидно, что такъ.	
321	35	вѣсомою	невѣсомою
—	38	невѣсомая	вѣсомая
		невѣсомою	вѣсомою.
327	6	въ изслѣдованія и ея	въ изслѣдованіи ея
—	8	*индаль*	*Тиндаль*
392	11	И не-только принимать	и не—принимать
333	31	*молекултярная*	*молекулярная*

UNIVERSITY OF ILLINOIS-URBANA
140 N58P C001
Pozitivnaia filosofiia i sverkhchuvst
3 0112 087812225